

Элеонора Росс

ОХОТА НА МАГОВ: ПУТЬ К ВОЗМЕЗДИЮ

Назад в минувшую пропасть

Охотничья власть — злобный дух, губящий жизнь острова Гроунстен. Династия развалилась под жестокой расправой, теперь единственное спасение — сдаться. Новый закон, гласящий о запрете магии, преклонил всех нечистей и разорвал их тела в ошметки.

Главная героиня — Афелиса Диамет вынуждена стать союзником зла, и призвана бороться против возрождения магического величества. Похвалы командира, звание великого война, пьедестал почета — и все эти достижения благодаря ее дару. Но вот, перед ней воздвигается преграда: звучит приказ об убийстве принца Ангарета — ее любовника. Как повернется судьба и разлучит ли их желание охотников окончательно завладеть тронем?

Часть первая. 1. Приказ на смерть

Давным-давно исчадия ада основали себе пристанище на далёком севере. Древний остров, лишенный живности и отчужденный от остального мира, прозвали Гроунстеном. Издавна чужеземцы лишь мечтали о существовании и процветании жизни за бесконечным горизонтом. Однако, как же они ошибались, и как велико было их опасение, когда корабли их достигали неизведанного клочка земли среди буйных волн. Океанское течение непредсказуемо и случайно.

На горячий побережий песок была выплеснута кровь, бурлящая тиранством и беспощадием, и вся пахучая мерзость скоро разнеслась по городам и ближним деревням. Испуганные стоны не успели вырваться из уст, как свет вдруг померк в глазах. Стало ясно, что нападение — смелый рывок на смерть. Все завертелось в беспощадной череде трагедий. Сказка замерла, удушенная злом. Теперь Гроунстен — огромное кладбище, хранившее останки погибших.

Пепел прекрасного витал в облаках, зачерняя и хмурия небосвод. Природные красоты горели, ныли, умоляли, а в их стенах, не шевелясь, доживали свой век старики, растворяющиеся в жгущем пламени. Крушение, будто болезнь, настигло каждое существо, особенно людей, вовсе не признанных за таковых. Сопrotивлялись не все колдуны: лишь те, кто жаждал посмертное награждение, чтобы потешить самолюбие своих потомков. А вопросы все накалялись: как же так вышло? За что же их мучают? Провинились ли? Ни за что — к моральным унижениям никто не преклон.

Но были на этом острове и свои немислимые причуды. Афелиса, сотканная из противоречий — *враг* мертвого Гроунстена и человек, одаренный величайшей силой, порожденной в этих землях. Как непредсказуемо и ужасно насмехается судьба! И как иногда удачно удается скрывать свои роли, не наткнувшись на ловушку! Кровавые революции и разрушения никого не оставили в стороне, вынудив девушку сражаться, биться до последней капли крови за свое благо. И сколько усилий стоило каждое действие, каждый удар! Что уж там, честь бесценна. А звание охотника с легкостью будто испаряется в клубе дыма, ощутимо и быстро.

Пробил поздний час, когда Афелиса переступила порог старого домишки. От сотрясения шагов на глазах понемногу осыпалась грязно-серая шпукатурка, а лунный свет настырно пытался пробиться в заколоченные окна. В комнате повисла тишина. Неугомонный свист ветра и шуршание мышей под полом изредка прерывали ее. Зброшенная хижина казалась давно мертвой, однако жизнь в ней затаилась, тихо и неспешно продолжаясь. Жесткая кровать, окутаная серыми, грязными тряпками, замявшаяся подушка, маленькое окошко с темными, рванными шторами, едва ли висевшие на поломанном карнизе, да столик со стулом в углу — таковым было все скудное убранство. Воск стекал по свече так же неспешно, как и тянулось время в безмятежные минуты.

Что могло привести молодую охотницу в этот беспросветный мрак? Нищета, потеря крова, смерть матери и любимой сестры? Печаль взвалилась на ее сильные плечи, но, как бы ни старалась, победить дух не смогла. Беда не принудила ее к скитанию по усопшим домам. Это было ее решение. Решение, принесущее народу спокойные ночи и дни.

Ее долг — истребить магию и прочую мелкую нечисть, в каких бы темных закоулках они не скрывались. Опасение взмыло вверх над честью, едва ли не перекрыв ей доступ к

кислороду, и, потрепанная судьбой девушка полезла в нищенские кошмары. Неужели только ради охотничьей задачи? На самом деле, совесть — ее мученица. Не в радость было убивать магов, внутри которых погасла звезда, стремившаяся к небу. Афелиса была частью *зла*, *развращения*, *обмана* — такову характеристику она вовсе не признавала. Сторонилась, и лишь плевала на навязчивые доводы охотников.

Мирное время вспоминалось ей тяжело. В памяти проглядывали яркие, людные улицы Гроунстена, которым судьба предпослала рушиться под пушками, и устрашающим, смертельным хором. Старенький, потрепанный дневник — единственное, что, без сомнений, навечно похоронило в себе давешнюю светлую жизнь.

Когда наступил ночной час, Афелиса, увлеченная чтением, села за записи.

«Командир даже не подозревает, и уж точно не догадывается о моей настоящей, скрытой силе. Он лишь подшучивает, попрекая меня во лжи. А я, как бесхребетная дурочка, только улыбаюсь и глотаю обиду, не смея ответить лишним словом. Ничего. Завтра я выйду на задание, и они увидят, на какие подвиги я способна. Только увидят и все их сомнения отпадут. Ангарет ждать не намерен. Он погибнет без меня, и я даже не узнаю! Утром все решится, и тогда я наконец покончу с этим. Покончу с этим немедленно, иначе дело будет тянуться к плохому концу.

Осталось лишь дожить до утра».

Не прошло и получаса, как перо снова понеслось по листку:

«Только что же это — моя ложь? Пока я охотница, и держу за своей спиной долг, то этот обман необходим. Необходим не для меня, а для будущего всего моего народа. Я принесу пользу колдунам, а носить на себе роль верной слуги — настоящее унижение. Но что не поделаешь, ради цели и будущего. Посмотрим, сколько еще мне нужно будет играть истребителем невинных тел».

Она сидела словно в забытьи, пустым взглядом уставившись во мрак. Мысли сплетались в паутину, утопая ее в мрачной досаде, вынуждая стучать кулаком по столу в очередном приступе гнева. Схватив листок, она, ничего не видя вокруг, надорвала его. Резко опомнившись, Афелиса судорожно вдохнула и выдохнула, успокаивая себя и натянутые нервы. Внутренний голос не заставил ждать, снова зазвучал в голове:

«Несомненно, так и будет. Мне лишь нужно прикончить их ненавистников, чтобы признали меня величайшим человеком на Земле. Завоевать доверие командира трудно, но, некоторым ведь удавалось, чем же я хуже? Нужно лишь подождать... совсем немного. Кажется, этот час уже наступил».

Город стремительно покрылся туманной пеленой. Афелиса ступала осторожно, заглядывая за каждый угол. Ее тело уже давно продрогло от наступивших морозов, а румянец не сходил с бледных щек. За крышами домов виднелся тусклый свет, исходящий от темного купола замка, вздымающегося к небесам. Окруженный глубоким рвом, недостижимый для врагов, замок гордо именовался базой охотников, хотя в далекие времена там заседало правительство Гроунстена. Варвары отличались непоколебимой жестокостью, призывая на помощь всю свою воинскую силу и отвагу, несомненно необходимую при свержении магов с престола. После бывших правителей казнили, а охотники заполучили значимые ценности и богатства. И не пропали чужеземцы, а напротив, раздобыли богатые хранилища! Всю историю сожгли, разорвали, надеясь на новое начало. Несомненно, их жизни.

Такой была версия истории захвата мертвого Гроунстена из уст покойной матери Афелисы, хотя фрагмент исторических хроник гласит о неизвестной связи магов и

ОХОТНИКОВ.

Тоскливая тишина разливалась по залу, пропитывая его смрадом мрачности и нелюдимости. Сквозь длинные, узкие окна в удушливом, зыбком тумане проглядывали кроны деревьев яблоневого сада. Протяжным эхом отстукивали каблуки Афелисы в непроглядной темноте купола. Все оставалось неизменным, первобытным и родным. Благо, замок не тронули, не разрушили, а то последнее бы достояние рухнуло и лишь фундамент бы проглядывал в заросшем поле. Приятное чувство покоя было лишь затишьем перед бурей. Кладбище погибших сердец и разбитого в дребезги счастья — вот, как именовала его Афелиса, и никакая это не база охотников.

Одиноким мужчиной размеренным шагом двинулся навстречу, сцепив руки за спиной. Угрюмое лицо его давно исказилось от чувства охотничьей власти. Он бы прослыл славным красавцем, но его чересчур отчужденная и наигранно-хладнокровная мимика спутала все карты.

Командир стиснул в крепком рукопожатии побледневшую ладонь охотницы.

— Туман навис над городом в ужасно неподходящее время, — заметил командир, отнимая ладонь.

— Прodelки магов? Очень похоже на их фокусы, — Афелиса степенно приблизилась к окну, вглядываясь вглубь тумана. — Они могут навлечь на Гроунстен кучу проблем: таких, что туман покажется цветочками.

— Я догадывался о подобном, но собирать отряд сейчас слишком рискованно.

Он задумчиво мерил коридор шагами, накручивая на пальцы волоски густой бороды, скрывавшей его широкую челюсть. В насупившемся лице отражались все замыслы. Все-таки, они постепенно утрачивали значимость, оттого и раздумья были напрасны.

— Отправьте охотников в разные районы. Неизвестно, где могут прятаться эти черти. Нужно исправить это как можно скорее.

— Ролиан сейчас на задании. Я и тебя послал бы на подкрепление, но у нас тут рыбка клюнула на наживу, — нагло усмехнулся командир. — Принц Ангарет оказался замешанным в темных делишках, пересекающих границы закона. Ты знаешь, что нужно делать. Уж тебе, моя воительница, нет равных.

— Принц Ангарет? — Афелиса удивленно вскинула брови. Ее взгляд на миг полыхнул возмущенным, праведным недовольством. — Быть не может. Он ведь даже не маг! Опомнитесь. Принц Ангарет всегда выступал противником магии, даже при взятии в плен. И вдруг вы утверждаете, что он — дьявол, сущее зло! Неужели мы и правда будем убивать невинных, ничем не порочных людей? Это уже тиранство. Безумное тиранство! Не забывайте наш мотив, а он не заключается в истреблении обычных людей.

Ее лицо преобразилось, исказилось гримасой гнева, тесно переплетенного с ненавистью. От страха кровь застыла, перестав течь по жилам, а мимолетный испуг во взгляде сменился ярким, искрящимся негодованием.

— От чего же ты так разозлилась? — усмехнулся командир, хотя взгляд его оставался как никогда серьезен. — Мне даже показалось, что ты испугалась моего заявления, — вдруг он укоризненно осадил ее. — Пора бы уже отбросить капризы и приняться за дело. Мы знаем, что Ангарет связан с магами и отрицать это глупо.

Афелиса покорно опустила голову, показывая, что признает себя слабее, хотя исподлобья гневно глядела на командира. Боль огненными жгутами окутывала ее сердце, вселяя в душу леденящий страх.

— Что мне будет за его голову? — тихо спросила она, все так же не поднимая взгляда.

— Золото или, в случае отказа, — смерть от гильотины и опозоренное на веки имя, а вместе с ним и весь род.

Минуты безмолвия тянулись бесконечно долго, наравне с сомнениями Афелисы. Наконец, она шумно выдохнула и излишне спокойным, ровным и сухим голосом провозгласила свой ответ:

— Я согласна и выполню данное мне поручение.

2. Принц Вальгард

На другой день Афелиса проснулась поздно. После тревожного сна бодрости не было и в помине.

Жгучая ненависть разливалась по ее венам, стекаясь болью в голове от одного лишь взгляда на свой домишко. Жалкий вид пыльных, отставших от стен обоев внушал отвращение к самому своему бытию.

Она все думала и думала, лежа в постели без движения, и страх потихоньку покрывал ее сознание, внушая, что вчерашняя встреча — всего лишь ночной кошмар. Вдруг это просто ужасный сон? Действительность перемешалась с фантазией, закручивая мысли и воспоминания в водоворот сумбура в голове. Уверенность в доводах требовали силы, чего ей и вовсе не хватало.

Так или иначе, она все же поднялась с кровати, копошась в воспоминаниях о беседе ее с командиром. Как он выглядел? Ругал или поощрял? Необузданное недовольство или гордость выражалось на его лице? Душа командира была в мимике.

Афелиса весь день провела вдалеке от жизни, пока не стусился вечерний сумрак.

Вечерняя заря тихо угасала. На западе к горизонту опускался огромный пурпурный занавес, открывающий вид на бездонную глубь неба и игривое сияние звезд, поселившихся в ней. Луна поджидала, когда яркие лучи дневного светила окончательно потухнут. Пушистым облаком окутал город теплый мрак, а зажженные в окнах домов огоньки только подчеркивали, что город все еще жив и невообразимо волшебен.

Афелиса закрыла деревянную дверь на засов и двинулась вдоль разрушенной улицы. Она знала, что, хотя дорога недолгая, неожиданности поджидают ее на каждом углу. Маги, уподобившись крысам, тихо попрятались в темноте, лишь изредка выходя на свет; зато их появления удивляли, и наводили опасность на прохожих.

Беспокойство об Ангарете и муки совести ледяными щупальцами охватывали ее сердце. Чудилось, что однажды она застанет бездыханный, прекрасный труп возлюбленного, непременно облив его слезами отчаянья и безутешной скорби. Подобные мысли Афелиса старалась выбрасывать из головы как можно скорее, повинувшись внутреннему голосу. А голос, с которым хотелось покончить раз и навсегда без устали повторял:

«Это непременно сбудется!»

Наконец, Афелиса подошла к высокому, но ветхому и давно заброшенному зданию. Попасть необходимо на самый верх, в уцелевший чердак.

Впереди — полуразрушенная лестница. Опасно, да только выбора нет. По каменным отступам, цепляясь пальцами за малейшие выступы, содрав кожу ладоней, Афелиса все же вскарабкалась на второй этаж.

Доски ломились под ногами, шероховатые стены осыпались прямо на глазах вместе с грязной, засохшей краской. И все же, она упорно держалась за единственную цель, принуждавшую ходить по развалинам.

Ее провинность перед принцем была необъятнее мира. Океан слез пролился зря, но долг обязывал следовать бесчеловечным правилам. Подошло время раскрыть душу, показать свои истинные чувства.

Последняя лестница, ведущая на чердак, оказалась винтовой. Чувство безопасности

затопило душу, пока охотница поднималась. А стоило ей постучаться в выросшую сразу после лестницы дверь, как плотно со скрипом отошло в сторону, а мужские руки крепко сжали девушку.

— Афелиса! Ангел мой ненаглядный! — с пламенным желанием принц обвил ее талию руками, вмиг вспомнив и признав родное тепло, ничуть не изменившееся с последней встречи.

Плотно прижимаясь, она слышала его ускоренное сердцебиение, а томные вздохи обжигали кожу теплотой. Светлые волосы рассыпались по ее плечам, а знакомый запах тут же укутал Афелису в одеяло крепкой тоски по ушедшему... Безумно хотелось умереть в его руках, никогда больше не отпуская. Предательский румянец выступил на взволнованном лице.

Встреча с любимым придала ей сил, даря возможность забыть все невзгоды и беды, зажить счастливо.

— Как я ждал тебя, моя дорогая! Я готов был умереть в одиночестве, но все верил, что ты придешь. Мои мечты сбылись! — глаза его сверкали долгожданным счастьем, которое возможно испытать лишь любя. — Что ж мы у порога стоим? Заходи скорее!

— Цела? — взволнованно шепнул Ангарет, взяв ее холодные руки. — Что же ты молчишь? Я не спал ночами, все думал о тебе: где ты, что с тобой... Даже обвинял тебя в измене, прошу, прости меня за это!

— Успокойся, Ангарет. Как видишь, я жива-здорова. В том, что меня так долго не было, следует винить командира.

Он прикрыл дверь, предложив Афелисе сесть. Глядя на его невинное, чистое ото лжи лицо, ей невообразимо хотелось укутать Ангарета в одеяло материнской, пламенной заботы. Жгучая жалость к его скудному быту и вечному одиночеству усугубляла положение, вызывая у нее сострадание к покинутому принцу.

— Я был готов сегодня говорить только о тебе: ты моя жизнь, Афелиса. Однако, воинский долг в тебе все никак не утихает? — поник парень, едва успев договорив, позволяя глубокой грусти отпечататься на лице.

— Не хочу врать, ведь это так. В последнее время обстоятельства резко ухудшились. Мы вынуждены отступать, хотя сейчас командир собирает отряды и вызывает подкрепление.

— Вот как... — он положил голову ей на плечо, руками обхватывая талию. — Я не слышу ничего из новостей. Откуда мне знать? Никто ко мне не приходит, лишь ты время от времени гостишь. Выходить на улицу опасно, на меня сейчас идет охота.

— Тебя не поймают. По крайней мере, пока. Ты всегда веришь мне, и в этом мое счастье.

Афелиса, словно теплый сентябрьский ветер, играла с его волосами, глядя при этом в пустоту.

— Ты надолго ко мне?

— До вечера, потом пойду на задание. Пожалуй, проведу тебя завтрашним утром, — голос ее задрожал, и взгляд, обезумев, налился страхом, словно она глядела в туманное будущее. — Как там твой брат?

— Живет в своем пригородном доме, вестей все нет.

— Вы ведь враждовали?

— Было дело. Все не могли власть поделить после смерти отца. В ссоре так и разошлись...

— Ты знаешь точный адрес?

Ангарет нахмурил брови, с подозрением глядя на Афелису.

— Зачем тебе?

— Чтобы обеспечить тебе безопасность. Разошлись вы на не слишком радостной ноте и кто знает, что может быть у него на уме.

Настал вечер, когда Афелиса попрощалась с Ангаретом. Тоска попеременно с грустью тяжким грузом осела на душе, стоило ей развести руки, выпуская парня из объятий.

Впереди охотницу поджидал риск и тяжкие хлопоты, вершившие судьбами возлюбленных. Наивность Ангарета сыграла ей на руку. Теперь ей известен дом новой жертвы. Сомнения подкашивали ноги и порой она подумывала свернуть на другой проспект, скрыться среди узких улиц и навеки затеряться в толпе, однако искренняя любовь упрямо вела ее по извилистой дороге. Старый дом стоял отчужденно от всех, словно излучая жажду мести.

Ангарет немало рассказывал о причудах брата или его ранних секретах, которые Афелиса с жадностью впитывала. Изношенное пальто скрывало под собой заряженное оружие, привычно торчащее из кармана; распущенные русые волосы скрывали мягкие черты лица, пряча уныние, отпечатавшееся на юном, взывающем о страхе лице бедной девушки.

Совесть не грызла ее душу в дни, когда она уничтожала магов, ведь долг и служба призывали Афелису к тому, чтобы убивать грешников без гримасы сожаления. Хотя у принца Вальгарда не было провинностей, жизнь его окончится ужасной смертью.

Афелиса застыла у порога и с замиранием сердца силилась расслышать звуки за дверью. Тишина в доме без единой живой души. Стущающийся мрак мягко плавал над крышей этого дома.

Стук. Вновь тишина, пробивающая до боли. Она постучала три раза, когда послышались рваные шаги. Рассудок помутился, словно жертва вершила над ней. Девушка не успела опомниться, придти в себя, когда хриплый голос за дверью спросил:

— Кто здесь?

— Принц Вальгард? Это вы? — она вздрогнула, ощущая, как холодок пробежал по телу. — Я с благими намерениями. Я охотница третьего отряда, прошу, ответьте, если желаете сохранить свою жизнь!

Ни слова не прозвучало в ответ. Афелиса уже отчаялась и подумывала об уходе, когда дверь со скрипом отворилась.

На пороге вырос высокий юноша в грязной рубашке. Суровое лицо было до того измучено тоской и непроглядным страхом, что уже даже во взгляде потухли искры жизни. Рыжие волосы спускались к плечам, а тело Вальгарда представляло собой скелет, туго обтянутый болезненно-бледной кожей.

— Заходи.

3. Призрак бродящей девочки

Внешность братьев настолько схожа, что Вальгарда можно было с лёгкостью спутать с Ангаретом.

Принц остановился у порога, смерив испытующим взглядом Афелису, — словно хищник, вонзающий точеные когти в жалкую добычу. Бледные губы растянулись в подобии улыбки. Несмотря на безразличие, окрасившее его больное лицо, девушке казалось, что она читала печать смерти, вглядываясь в тонкие черты.

Хмурое облако молчания сгущалось над ними, а атмосфера гнетущей тишины удручала. Афелиса посмотрела по сторонам, ловким взглядом выхватывая дверь, ведущую на задний двор.

— Так что, и вправду охотница? — вдруг поинтересовался принц.

Афелиса вздрогнула, наконец заметив, как Вальгард тихо подкрался к ней. Брови съехались к переносице, и она опасливо отступила назад.

— Охотница.

— И зачем же ты сюда пришла, охотница? Надеюсь, мы не знакомы

— А вы не помните нашу встречу? Вы стали забываться. Думаю, одиночество и домоседство не идут вам на пользу...

— Почем знать, — с протяжным вздохом плюхнулся в кресло юноша. — Моя жена уехала в Клаутон, дай бог, чтобы возвратилась. Поехала на похороны батюшки, да запозднилась... — Вальгард с надеждой поднял голову. — Жду ее, она — мое единственное спасение. Обещала привезти лекарства, но, кажется, я помру до ее возвращения...

Бросив сочувственный взгляд на принца, жившего верою в свою богиню, Афелиса ощутила, как опускались перед грехом руки, ведь, страшно признаться, разбитая честь и покинутость невинного юноши тронули ее до глубины души. Афелиса умела чувствовать и всякий раз окуналась в горечь, стоило нагряться несчастному случаю. Угрызения совести и муки боли настигали ее сознание со скоростью света, и, пожалуй, сейчас она была подобна разбитому стеклянному бокалу.

— Впервые слышу о вашей женитьбе.

— Прошло уже два года, но ощущается, как целая вечность. Не будем углубляться в тонкости супружеской страсти. Я буду даже рад, если мы закроем эту тему.

— Как скажете, — с показным равнодушием отозвалась девушка.

— Может, чаю? Невозможно встречать такую прекрасную девушку без должного гостеприимства. Уж простите за мое обращение на "ты". Право, так я ощущаю себя свободнее.

— Не откажусь. Ничего страшного, меня это не задевает.

Вальгард чинно прошествовал к небольшому столику, накрытому белой тканью. Набирая воды в чугунный чайник, он обернулся на Афелису, словно почувствовав ее напряженность и слабость. Когда принц наконец отвернулся, голова охотницы неожиданно закружилась, а сознание затуманилось. Рука метнулась в карман, ловко схватив оружие. Тело с каждым мигом все слабело, а руки немели. Страх уронить револьвер помутил рассудок, ведь это может накликать беду с последующей кошмарной карой. Едва чувствуя себя, из последних сил, она взвела курок и приставила его к светлomu затылку.

Сейчас или никогда.

Голоса вновь взяли над ней вверх, и в Афелисе вмиг родилась охотничья сила. Палец медленно опускался и... Выстрел! Сдавленный вскрик принца заставил ее опомниться и машинально пустить вторую пулю. Тело осело на пол, а кровь ручьем хлынула из головы. Охотница отступила, дав упасть, и вмиг нагнулась к его лицу. Принц Вальгард мертв. Лицо и лоб его были сморщены, искаженные ужасающей гримасой судороги.

Спрятав оружие в карман, она рядом с трупом села на корточки, стараясь не испачкаться вытекающей кровью. Затмений и вялости уже не было, но руки все еще дрожали. Все тело Афелисы продрогло страхом и, кажется, ей уже мерещились шаги за дверью! Паника охватила ее, она подбежала к двери, дергая сломанную ручку. Закрыто. Она резко обернулась, будто чувствуя взгляд Вальгарда на себе. Афелиса вспоминала, как была осторожна и внимательна, и даже смогла выволочить труп через заднюю дверь. Внезапно ей захотелось все бросить и уйти, но это было лишь на мгновение. Последний раз она посмотрела на кровавую лужу и заперла дверь. Тревожная мысль ударила ей в голову, и она усмехнулась. Вдруг принц все еще жив и сейчас же очнется? Афелиса взяла оружие и выстрелила в самое сердце. Сомнений не было, он уже мертв.

Девушка была до того тревожна, что не могла уснуть ночь напролет. Лишь изредка она выглядывала в окно, искала в ветвях деревьев страшные фигуры и вновь, как не в себе со страху, падала на кровать. Вставать ей не приходилось — она задернула занавеску и сломя голову билась в истерике. Наконец, после непроглядного мрака стало светло по-дневному. Тело и разум ее остолбенели после недавней судороги и забытья. Грубые голоса лесных охотников доносились на улице: они-то, впрочем, ее и разбудили. Все не выходил из головы

вчерашний день, и Афелисе казалось, что рассудок ее вмиг ослабел.

Это произошло вчера!

Тот день зародил начало ее грешного пути! Страшный озноб охватил Афелису. Она закуталась в одеяло и вслушивалась в тишину. Теперь никакие шумы не достигали ее покоев: дом погряз в мертвой тишине. С изумлением охотница оглядывалась вокруг, да все не доходила до нее мысль о совершенном убийстве. Желалось верить в кошмарный сон и вновь проснуться светлейшим человеком без единой оплошности! Вот только никакое божество не примет ее горьких искуплений. Однако твердое решение впилося в ее сознании. Ангарет опять останется один-одинешенек, ибо чувства плохого преграждали путь двум влюбленным.

С усохшими силами охотница пролежала в кровати весь день, а на вечер закрыла дверь на засов и двинулась по утопанной лесной дороге. Все потому, что центр связи охотников, бывший замок магических сил, имел краткую дорогу через дремучий лес. Некогда здесь промышляли охотники и лучше быть начеку, ведь ночь скрывает в своих объятьях очевидные вещи! Афелиса до костей была вооружена и, впрочем, что еще носит с собой одинокая девушка?

Замок был охвачен густым туманом. Лишь проглядывался блеск куполов вдалеке и тусклый свет ламп. Охранники в парадных мундирах склонили головы и почтительно поприветствовали охотницу.

Массивные двери замка отворились и навстречу Афелисе вышел командир, сиявший от счастья и гордости будто бы своей заслугой.

— Поздравляю! Я и не сомневался, что ты справишься с заданием. Не буду затягивать или вести пафосных речей и сразу же вручу плату за твои старания.

Афелиса поклонилась, выказывая уважение, и протянула вперед руку с обращенной кверху ладонью. Ее мягко коснулся небольшой кожаный мешочек, тихо звякнув содержимым.

Наградой оказалась кругленькая сумма, мгновенно погрузившая охотницу в размышления о предстоящих тратах.

Мужчина крепко пожал ей руку, а гордая, уверенная улыбка мелькнула на его губах, задержавшись лишь на миг.

— Продолжай в том же духе, Афелиса.

Стальным обручем грусть сдавила грудь, а отчаяние затопило сознание, пропитывая каждый его уголок всепоглощающим мраком. Охотница раскаивалась в преступлении, с великим стыдом держа вознаграждение в грязных от своего греха руках.

Покинув замок, она тихо кралась сквозь лес, вслушиваясь в шуршащие наверху ветви и хрустящие под ногами листья. Месяц взвился над головами ослепленных грешников, безмолвно тоскуя о былом времени. Огни ночного городка давно погасли, вокруг воцарилась сплошная темнота: такая, что лишь лунный свет провожал Афелису вдоль заросшей тропинки.

Порыв злости, порыв ненависти к людской глупости побуждал ее вспыльчивый нрав к действиям. Призывал уничтожить монеты, но девушка держалась, ведь знала, что стоит ей это сделать, как Ангарет останется чахнуть в полуразваленном домишке...

Афелиса желала как можно скорее покончить с угрызениями совести.

Мрак вокруг нагнетал, а девушка изредка осматривалась по сторонам, судорожно спеша домой.

От далекого воя собак она вздрогнула, помчавшись вдоль пугающих темных деревьев. Она бежала и уже видела очертания старого домика, когда ей почудился шорох в глубине леса.

Замедлившись и прерывисто дыша, Афелиса бездумно устремилась вперед. Вот только вместо ожидаемого врага на тропинку, подобно маленькому призраку, выскочила девчонка.

Холодок, вызванный пробежавшимися по всему телу мурашками, липкими щупальцами покрыл Афелису.

Она без раздумий бросилась бежать — скорее, от лесного призрака! Среди кромешной тишины, разрываемой тяжелым дыханием и топотом ног убегающей девушки, донесся тонкий, подобно мелодии ангела, голосок ребенка.

— Прошу, помогите!

Афелиса застыла на миг и, еле дыша, обернулась к маленькой девочке. Глядя прямо в душу светлыми, как белая пелена, глазами, девочка смело подходила все ближе, шаг за шагом, к объятой трепетом охотнице.

Украдкой рассматривая неожиданную путницу, Афелиса заметила пугающе-странную, на ее взгляд, вещь. Она была одета бедно, а порванное платье сидело на ее худеньком тельце свободно, не прикрывая болезненной бледности. Неумело подстриженные волосы спутались на плечах, а глазки глядели прямо в душу так печально и прискорбно, что жалость полыхнула в чувственном сердце Афелисы.

Они долго молчали. Охотница слышала возбужденный стук собственного сердца, вот только ни единая черта худого личика нищенки не дернулась.

— Прошу, помогите, — повторил ребенок тихим, усталым голосом, приподняв белесые

бровки.

— Что ты... здесь делаешь? — дрожь все же проскользнула в голос Афелисы. Она не сводила с девочки по-настоящему напуганного взгляда.

Вновь молчание, безжалостно терзающее нервы охотницы. И все же, голос совести настойчиво твердил, что, оставив одинокое дитя посреди лесной глуши, Афелиса будет бесконечно долго жалеть о собственном равнодушии. Поникнув, молча разглядывая землю, нищенка выглядела словно оживший мертвец семейного несчастья. Наконец, девчонка все же вскинула голову: уверенная, готовая бороться до конца:

— Я буду служить вам! Буду вашей рабыней! — нежный голосок на миг дрогнул, но девчонка взяла себя в руки. — Только не оставляйте меня! — вскрикнула она, пропитанная смертельным страхом.

Топот маленьких ножек, бегущих и спотыкающихся на ровном месте, горькие слезы на покрасневших щеках — весь ее взлохмаченный вид молил о спасении, взывал к жалости.

Ядовитая стрела горестных мук, пронзившая сердце, не давала охотнице вздохнуть полной грудью.

Девчонка смело протянула ей розовую, мелко подрагивающую от холода, ручонку. Афелиса, вмиг перестав раздумывать, спрятала ее маленькую ладошку в своих руках — жалость и непонимание действительности толкали ее на необдуманные поступки.

Лишь пара метров, длившиеся для охотницы подобно гнетущим минутам перед казнью, разделяли их с хижинкой.

Девчонка замешкалась у порога, словно что-то не пускало ее внутрь.

Афелиса ради спокойствия незнакомки рядом с ней отыгрывала роль жалостливой и наивной девушки.

Конечно, грубость или невежество даже не приходили ей в голову, но любопытство о прошлом и настоящем с особым усердием грызло рассудок.

Взглянув на нее сердитым, не терпящим непослушания взглядом, она так напугала незнакомку таким упреком, что та вмиг вошла в жилище охотницы.

Афелисе все не терпелось узнать, перед кем же она отворила дверь в дом. Но ребенок был настолько скромн и пуглив, что, казалось, единственное слово могло сорвать барьер ее самообладания, довести до слез и отчаяния.

Она с искренним любопытством разглядывала стены и их скудное убранство, а после, чуть погодя, вернула пустой взгляд на Афелису.

— Вы здесь живете?

— Да, я живу здесь, — девчонка в ответ лишь издевательски усмехнулась, потирая край своего серого платья.

Афелисе остались неясны ее эмоции, ее улыбка и вообще ее сущность — что это оказалось перед ней? Охотница вздрагивала каждый раз, стоило ей словить этот пугающий взгляд.

— Что? Что такое...?

Незнакомка засмеялась так, словно ситуация и вправду была забавной. Ее светлые глазки сомкнулись, а губы растянулись в улыбке.

— Я думала, что ты богатая! Хотела уже броситься к твоим ногам!

Сальные пряди волос, свисающие на лицо, скрывали все безумство ее лица.

Несколько минут она оставалась неподвижна, подобно мраморной статуе. Пугающая тишина вновь лишила Афелису спокойствия. Она поглядывала на девчонку, как на ненормальную, ожидая дальнейших действий.

«Она сошла с ума. Точно. Кажется, вот-вот накинется на меня. Нужно скорее выволочь ее из дома, пока я сама не оказалась на улице»

— Да ты едва богаче меня! — обвиняюще, потрясенно воскликнула незнакомка.

— С чего ты вообще решила, что я богата?

— Все красивые — богаты!

— Погоди... Я правда не понимаю. То есть, по-твоему, богатство человека зависит от его красоты?

— Конечно же. Мне что, тебя учить надо? — она уверенно взглянула на Афелису: кажется, в ее мыслях охотница выглядела маленьким дитем.

— Да кто ты, черт побери, такая?

— Я не скажу тебе! — закричала девочка, да так, что Афелисе вновь пробрала дрожь и стало не по себе.

— Тогда выметайся отсюда! — стоило ответить маленькой девчонке в тон, как ее личико покрылось пеленой страха. Самоотверженный, чуткий взгляд, искрящийся соблазном

пошались, вмиг засиял жалостливыми искрами несчастья. Брови незнакомки съехались к переносице, слезы горечи выступили на глазах.

Она развернулась и зашагала к двери медленной, размеренной, но неуверенной походкой. Афелиса удивилась, как, словно по мгновенному желанию, незнакомка переменилась в лице. Ребенок явно хранит не один секрет, да страх не пускает ее на милость.

И вот худенькая фигурка застыла на пороге. Нищенка обернулась и по бледным щекам рекой полились слезы, стекая за грязный воротник платяца. Лунный свет освещал личико покинутого дитя, губы ее дрогнули, а на языке застыло последнее, прощальное слово.

— А я как дурочка считала тебя доброй. Ты настоящий монстр, как все они! Вы — просто подлые мерзавцы!

Незнакомка переступила порог и пустилась прочь в лес. Темнота разливалась по всей округе и очертания дитя размылись во мраке. Афелиса даже не удивилась, что сон вновь покинул ее. Боязнь, что обезумевшая девчонка ворвется в дом, не оставляла ее ни на миг. Тревожность затопила девушку, от навалившихся бед ее потряхивало.

Однако, усталость переборола опасения, и она провалилась в сон ближе к полуночи.

Наутро Афелисе сделалось дурно. Сил не было совсем, но необходимость идти к Ангарету вынудила встать с кровати.

Солнце уже поднялось высоко в небеса, и где-то в глубинах леса запели жаворонки, сливаясь в мелодичный лесной хор.

Вооружившись, она вышла из дома. Легкий утренний ветер ласкал ее сонное лицо, а мягкая земля пружинила под ногами. Но повернувшись к разрушенной скамейке, Афелиса невольно стала свидетелем странной картины. Возглас без спросу сорвался с уст, девушка удивленно пялилась на вчерашнее странное существо.

На скамейке лежала девочка, поджав ноги, и положив ладони под ухо. Крыша укрывала ее в тени от солнца. Казалась она безобидным вампиренком, а бледнота кожи и синие синяки на ногах подчеркивали это, выглядели жутко и не давали насладиться всей прелестью дитя.

Кажется, она спала и уж точно крепким сном. Как же теперь быть? Не оставлять ведь бедного, обезумевшего ребёнка на улице, когда намечается разгар войны. Охотники — люди вольные, им дорого происхождение каждого человека в Гроунстене. Однако, если по воли судьбы окажется, что магия заключена в теле маленькой девочки — смерть будет ждать ее, притаившись у порога детского приюта.

Присмотревшись к спящему личику, Афелиса рискнула и потрепала плечо незнакомки.

— Эй, проснись!

Поворотив головой в стороны, потирая сонные глазки, она покачнулась, выпрямляя руки, и вдруг ударилась головой об спинку скамьи.

Болезненный стон вылетел сквозь зубы, и только после этого белесые глаза распахнулись.

— Ты всю ночь была здесь, под моим окном? Ты ведь убежала в лес... странная девчонка, — молчание сковывало, на губах словно отпечатался строжайший запрет к разговорам.

— Да... — наконец выдохнула девочка, дрожа от холода.

— И зачем? Ты же говорила, что я подлая, мерзавка, так еще и нищенка, — злорадная улыбка мелькнула на губах охотницы. — Надеюсь, ты найдешь людей, достойных беседы с тобой, — Афелиса, не спеша, отвернулась и уже сделала шаг в сторону, когда детский визг остановил ее.

— Подожди... подождите! Я... Я все исправлю, простите... — она разрыдалась. — Вы хотите знать, кто я такая и откуда? Тогда послушайте. Мне тяжело и больно говорить об этом, но, я уверена, вы сама колдунья и сможете понять меня!

— Чушь какая-то... — раздраженно проговорила Афелиса, тут же омрачившись. — Да ты, я смотрю, бредишь... как охотник может быть магом? Думай, кого пытаешься оскорбить.

4. Неожиданный гость

— Я... я уверена! — всхлипнула девочка. — Прошу, не оставляйте меня одну! Маменька моя умерла, а я и не видела, как она умирала... — она коротко глянула на Афелису и безропотно плюхнулась на поцарапанные колени, подняв облачко пыли. — Вы добрая, я чувствую это. Моя мама была такой же доброй и милой, поэтому я умоляю Вас не проходить мимо! Я могу стать Вам и дочерью, и близкой подругой, и рабыней, да даже просто распутной девчонкой...

— Зачем же так унижать себя? — осуждающе взглянула на нее Афелиса. — Вставай давай, — от удивления губы девчонки дрогнули, и Афелиса потянула ее вверх за тощую ручонку. — Я правда не могу оставить человека в беде, но мне ведь нужно знать... Кто ты такая? В наши времена опасно доверять первой встречной. Ты странная, ничего не хочешь говорить, ничего не спрашиваешь у меня и все равно умоляешь о помощи... Вдруг ты посланница магов? И шпионишь за мной?

— Нет! Нет! Нет же! — истерично взвизгнула незнакомка, вскакивая с колен и глядя на Афелису безумными, заплаканными глазами.

Поведение девочки настораживало Афелису — она то хохотала до боли в животе, согнувшись пополам и давясь собственной слюной, то плакала, вырывая себе волосы, и замолкала, словно погружаясь в глубокий транс.

— Обещаете, что никому не расскажете? — наконец успокоилась она. Когда-то звонкий и мелодичный голосок охрип и сорвался.

— Обещаю... — устало плюхнулась на лавочку охотница, чувствуя себя медведем после спячки.

— Она странная, но я расскажу Вам ее. Расскажу свою историю. Но только Вам, добра колдунья.

— Я сбежала из детского приюта только вчера, скрывшись в лесу. Так сильно бежала лишь потому, что боялась темноты. Я не раз падала в ямы и поранила себе все колени и руки, — незнакомка оголила части тела, демонстрируя кровавые раны. — Было больно, но я не останавливалась. Позже, уже вечером, я услышала голоса воспитателей, и тут-то мне стало по-настоящему страшно. Я спряталась в кустах, но упала в грязную лужу... Как оказалось, они еще не знали о моем побеге. Знаете, почему? Всем всегда было наплевать на меня! Они желали, чтобы я умерла! Да, умерла... Другим ребятам тоже жилось не сладко. Мне так жаль их! Я бы забрала их с собой. Но они такие неуклюжие и глупые, что нас бы поймали, не успея мы и за ворота выйти. Когда вокруг все стихло, я снова принялась бежать. Мне посчастливилось встретить вас! Вы — мой ангел!

— Почему же ты сбежала из приюта? — изогнула бровь охотница. — Где была твоя

мать?

— Меня забрали в приют насильно. Мама даже не знала... Быть может, она думала, что я погибла. С милостынею я шла за хлебом и солью, но по дороге меня забрали и отобрали все деньги. Как же я страдала, чтоб получить хоть одну копейку! И мама моя страдала! Без меховой куртки ходила на работу каждый день по морозу... Потом она слегла, совсем плохо стало, — в стеклянных глазах на миг сверкнулась горькая скорбь об утерянной матери. Девочка сжимала руки Афелисы, тихо проговаривая каждое слово. — Тогда я приносила деньги домой. Правда, хватало только на черствый хлеб. Но однажды мы накопили на лекарство. Матушка выпила его и ей стало лучше... Она больше не грустила так много. Хотела даже идти на работу, вот только ослабела через два дня.

Холодные ладони крепко сжали руки Афелисы, одаривая их подобием тепла. Она говорила, что так же держала ладони матери в своих ручонках, окутывая ее заботой и любовью.

— Но подожди, — остановила ее рассказ Афелиса. — У тебя ведь умерла мать. А потом забрали в приют... странное дело.

— Просто я часто гуляла, выпрашивала деньги, и, — всхлипнув, она жалостливо посмотрела на нее. — И, соседка заподозрила, что мою маму не видно нигде, а как узнала, что ее не стало, то отправила меня туда... в приют. Это ужасно!

Затаив дыхание, девушка слушала несвязные речи о былых, местами болезненных временах. Чуткое сердце трепетно отзывалось на страдания ребёнка, заглушив возгласы разума. Ей безумно хотелось приласкать девочку, познакомить со светлыми и дружественными эмоциями.

Наконец, она отпустила ладони Афелисы, шагнула назад и отвернулась к тропинке с видом покинутого дитя.

— Простите мою вчерашнюю грубость... Я тогда была не в себе... Но я не глупая! Слышите? — резво обернувшись, она ожидала ответа. — Запомните это и никогда не называйте меня глупой девчонкой!

— Тогда мне нужно узнать твое имя, — мягко улыбнулась Афелиса, стараясь не спровоцировать ребёнка на непредсказуемые искры эмоций.

— Розалинда... — буркнула девчонка спустя пару секунд угрюмой паузы.

— Прекрасное имя. Я — Афелиса. Будем знакомы, — встав со скамьи, охотница отодвинула засов двери. Розалинда кивнула, скользнув в хижину. Разочарование пропитывало Афелису от невозможности навестить Ангарета. Никому не известно, что на уме у этой девочки, а потому доверием здесь даже не пахло. Вдруг она соврала о своей личности? Что если Афелиса умудрилась нарваться на беду и ее дом окружен шпионами?

Афелиса все рассматривала Розалинду, стараясь не прозевать резких поворотов судьбы, однако странностей больше не было.

Выглядела она как обычная нищенка, не смыслящая в магических делах. Пару раз она все же подходила к Афелисе — боязливо, стеснительно спрашивая о времени. Только эти слова слетали из ее уст, сплетаясь в единый вопрос:

— Сколько сейчас времени?

Охотница признала это подозрительным, но все же молчала, предпочитая считать это обыкновенным детским задором. На последнюю ее шалость она ответила встречным вопросом.

— Зачем тебе знать, сколько сейчас времени? Неужели ты куда-то спешишь? Или выжидаешь время для чего-то?

— Не подумайте ничего такого, это моя привычка, — ответила Розалинда, водя карандашом по исписанной бумаге. — Уж извините, пожалуйста...

Пропуская причуды Розалинды мимо ушей, Афелиса опустила взгляд на ее истоптанные ботинки. На самом деле, от ботинок осталось одно лишь слово. Порванные в некоторых местах так, что стала видна болезненная кожа, истоптанная, отклеившаяся подошва и стертый розоватый край.

Иной раз охотница хотела вовсе не замечать ее; сидела девочка спокойно и тихо, частенько выглядывала в окна, до крови покусывая пальцы.

К обеду Афелиса собиралась сходить к местному колодцу. Встав с твердой кровати, она тут же скривилась от ноющей боли в спине. Девчонка сидела безмолвно, пока Афелиса ходила за ведрами, но стоило ей отворить скрипучую дверь, как Розалинда вскочила со стула и пустилась со всех ног вслед за ней.

— Куда Вы идете? Не бросайте меня! — заревела она, румяной щекой прижимаясь к ее груди. — Слышите? Не оставляйте меня одну! Вдруг они придут...?

Светлые глаза разбавил блеск отчаяния, и на миг в них промелькнуло воспоминание, словно бы тупым ножом резали юное сердце. Афелиса потрепала ее белые волосы и слабо улыбнулась.

— Я не бросаю тебя. Слушай, — она присела на колени, заглядывая в потемневшие глаза Розалинды. — Все будет хорошо, если я схожу к колодцу и приду через минуту?

— К какому колодцу? — голос ее стал невообразимо тих, когда девочка поднесла большой палец к губам.

— К городскому. А вот этого не нужно делать, — Афелиса убрала руку Розалинды подальше от ее лица. — Разве я не говорила, что бывает после этого?

— Говорили. Но я не хочу отпускать Вас. Можем мы пойти вместе?

— Розалинда, я надеюсь ты понимаешь, как опасно сейчас находиться в городе? Повсюду охотники, они могут посчитать тебя колдуньей и убить. А где спрячутся маги — уж тем более неизвестно...

— Тогда дайте мне работу! — Розалинда подняла голову, дерзко взирая на охотницу. — Я говорила, что сделаюсь Вам рабыней. Только вот дверь хорошенько закройте...

Афелиса в последний раз потрепала девчущку по голове, и указала ей на метлу. Без лишних слов, та схватилась за предмет обеими руками и, с ожиданием похвалы, принялась мести деревянные полы.

Охотница завязала волосы лентой, накинув на голову черный капюшон, и взяла два ведра. Когда дверь затворилась и послышался звук задвигающегося засова, Розалинда наградила ее печалью тоскующего взгляда.

Туман держался в городе дни напролет. Живых людей было не сыскать вдоль темного проспекта, но и трупы не покоились на сырой земле. Лишь изредка, краем глаза Афелиса замечала, как с высокой скалы охотничьих рядов скидывали тела магов. Кто-то попадал под горячую пулю, а кому-то умелые руки охотника подсыпали смертельного яду.

Множество колдунов пытали до последнего вздоха, а кого-то смерть поджидала у порога родного дома.

В глазах охотница замелькали воспоминания о встрече с Вальгардом и о его жалкли портрете. Навязчивые мысли теснили голову, доводя девушку до состояния, близкого к обмороку. Как же терпко оказалось желание скрыться в куче страдальческих трупов! В конце концов, Афелиса, безусловно, имеет право умереть, пусть даже так горестно и скоропостижно.

Но тем не менее она все еще кралась по серым улицам, рыща в тумане в поисках очертаний колодца.

По дороге домой, пересекая небольшой закоулок, Афелиса задумчиво смотрела на серую крышу дома. За ней ютился Ангарет, и желание проведать его едва не взяло верх над голосом рассудка. Она поставила два ведра на землю, да так, что пару капель выплеснулось, и уселась на каменные ступени. Давненько ей не приходилось терпеть тяжелые физические нагрузки, а ведь когда-то она таскала трупы самих командиров.

Афелиса оставалась горда такой честью, однако похвастаться ей было некому.

Взгляд девушки невольно падал на крышу старенького дома. Как же она скучала по Ангарету! Тоска выжигала изнутри другие чувства. Если бы совесть позволила ей подняться на самый верх, то она, непременно, тут же сделала бы это! Но внутренний голос подсказывал: «Стоит поторопиться и поскорей добраться до дома. Наверняка Розалинда места себе не находит в одиночестве».

Девочка оказалась настолько чудной и безумной, что, стоило охотнице переступить порог дома, как она бросилась ей под ноги. К слову, охотницу до чертиков смущал такой прием, а потому, не обратив на действие никакого внимания, она с деланным видом равнодушия прошла мимо.

В домишке, наконец, спустя столько лет, почувствовалась забота усердной руки. Молча, с улыбкой Розалинда протянула ручонку Афелисе. Однако с ее лица все не спадала удрученная тоска, а в легкой улыбке таилось что-то страдальческое, нежное. И, конечно, губы девчонки до сих пор были искусаны до крови.

— Я знала, что Вы придете, — фыркнула она, протягивая Афелисе ладошку. — Посмотрите, как стало красиво!

Розалинда повела ее по комнате, указывая на каждый прибранный угол.

— На тебя можно положиться, — с улыбкой похвалила Афелиса.

Она подошла к окну, когда заметила в лесной, беспросветной глуши странный отблеск. Тень неподвижно наблюдала за Афелисой, а заметив, что ее раскрыли, неожиданно сорвалась с места, скрываясь в кустах. Охотница насторожилась, вглядываясь в заросли, но после все-таки задернула шторы. Мурашки табуном промчались по коже.

— Забыла сказать, Розалинда, — прочистила горло охотница. Девочка села и развернулась вполборота, поглядывая на смятый рисунок. — Если тебе так страшно оставаться одной, то, может быть, мне стоит подыскать человека, с которым ты подружишься? Завтра меня целый день не будет дома, и ради твоей...

— С кем? — перебила Розалинда, сжимая розовенькие ладони в кулак. — Если это не плохой человек, то я бы с радостью...

— Отлично. Признаться, с утра хотела уладить этот вопрос. Однако, ты вела себя так... То есть, несколько странно. И, конечно, мне не хотелось подливать масла в огонь.

— А куда Вы пойдете? — она сползла со стула, медленно приближаясь к Афелисе. — Вы ведь не уйдете от меня, правда?

— Нет уйду. Перестань думать об этом, — Афелисе и вправду нечего было ответить. Она видела в девочке обделенное любовью дитя, скитающееся в поисках приюта у заботливых людей.

— Тогда, я всегда буду ждать Вас и охранять дом, — уголки ее губ дрогнули, приподнимаясь. — В приюте у нас был один мальчик — я боялась его. Он целыми днями ждал, когда его родители придут и верил, что они обязательно заберут его. Сначала он заинтересовал меня, мы подружились. Только он тяжело болел, — Розалинда на миг замолчала, прерывая рассказ, словно копаясь в воспоминаниях. — Его болезнь напоминала мне о маме. Можете представить, как одиноко и грустно мне тогда было? Правда, это оказалось мелочью в сравнении с жестоким отношением воспитателей к нам. Я кричала, но меня все равно били. Лучше бы сразу убивали...

— Розалинда... — сочувственно выдохнула Афелиса, нежно поглаживая ее тонкие плечики. — Ты всякого натерпелась, многое пережила... И все же смогла выбраться из того Ада. Как я и говорила — жить в наше время трудно, лишь на Западе более-менее спокойно. Будь моя воля — я бы уже давно была там и никогда не терпела такой боли.

— У Вас кто-то умер? — поинтересовалась девчушка, садясь на колени попечительницы.

— Ох, нет, и не думай о таком. Я своих родителей не ведала с самого рождения, а воспитывала меня женщина, приютившая из жалости. Да и прожили мы вместе недолго — как оказалось, на юге Гроунстена прижилась подруга моей матери. После того, как от меня отказались, меня отвезли к той женщине. Больно ребенку, еще не знающему о трудностях мира, расставаться с женщиной, принимаемой за мать. Однако все забывается...

— И Вы были счастливы?

— Можно сказать и так. Розалинда, дорогая, сколько тебе лет?

В смятении, Розалинда принялась загибать пальцы левой руки, подобно совсем маленькому дитя. Она ожидала, что охотница издаст смешок, способный вскоре довести ее до истерики. Однако не знала, что счет на пальцах казался Афелисе детской забавой, миг возвращающей во времена голодовки.

— Не смотрите на меня так, три... Нет, четыре... — бубнила Розалинда, сгорая от стыда, пока румянец заливал ее личико, делая его милым и льстивым. — Вот. Мне десять лет, — она гордо продемонстрировала все десять пальцев.

— Ты уже такая взрослая, но считать тебя так никто и не научил?

— Нет, но я бы очень хотела считать и читать. А еще, я всегда желала стать писательницей. Это ведь так интересно — самой сочинять истории!

— Очень, — хмыкнула охотница. Она улыбалась, хотя мысли вновь вернулись к раздумьям о появившемся незнакомце. Как долго тень скрывалась среди деревьев? Зачем так пристально глядела в окно хижины? Казалось, что рассудок ее ослабевал все сильнее, а душа сходила с ума. Охотница, как могла, успокаивала свою любопытность возможностью галлюцинаций и вольностью фантазии. В последнее время ее воображение насыщено массой пугающих идей.

До наступления темноты девушки не выходили из дома. Афелиса читала книгу, пережившую еще ее рождение, а Розалинда, юная мастерица, плела ободок из цветущих ромашек. Интересным являлось не само действие, а то, с какой причудой она творила. Лишний цветок она держала в зубах, а плела просто прелестно: то и дело примеряла незаконченную работу на свою белесую голову.

Характера девчонка была вспыльчивого, а потому, стоило только цветам распасться, как душа Розалинды сгорала в жутком нетерпении и гневе. Непонятно было — гневалась она на себя или на неудачу? Афелиса поглядывала мельком, дивясь причудам ребенка, временами успокаивая ее вспыльчивый нрав.

Вечер настал так же быстро, как и луна успела подняться над маленькой хижинкой. Охотница нарезала черствый хлеб, до сих пор пребывая в замешательстве от загадочного шпиона. Не воспрепятствует ли он их счастью? Оставалось только гадать. Но Афелиса полагалась только на свою интуицию и предчувствие.

Все-таки у магов эти факторы развиты намного лучше, нежели чем у обычных людей. Ей удавалось скрываться под маской верной охотницы, однако душа так и рвалась творить магию.

Созвездие Тельца повисло над головами магов. Детство Афелисы пролетело незаметно, разбавляясь множеством сказаний и старинных легенд. И до сих пор вера в них уживалась в ее сознании, порой борясь с истиной.

Этой ночью сон обещал быть крепким. Усталость клонила охотницу в постель, однако Розалинда просила сказку на ночь. Ночью ее капризное желание обладало наибольшей силой. Обыкновенное детское стремление — получить почву для фантазий. Временами охотнице и впрямь хотелось остаться одной, отдалиться от общества.

— Я думаю, что сейчас слишком поздний час для сказок. Учти, если ты будешь будить меня и требовать бредовых баек — останешься дома одна.

— Вам так сложно? Я не могу уснуть без сказки на ночь, — умоляющие глазки глядели прямо в душу.

— Только одну. Страшную сказку, после которой ты больше не уснешь.

— Не надо. Прошу, можно добрую сказку?

— Ложись в постель.

Розалинда послушно запрыгнула на кровать, натягивая одеяло до самых ушей.

— Ты готова услышать по-настоящему грустную историю? — Афелиса уселась на стул, оперившись рукой о деревянную спинку.

— Разве она не будет страшной? — поинтересовалась девчонка, выглядывая из-под одеяла.

— Она будет очень-очень печальной. Не буду тебя интриговать, просто закрывай глаза и слушай, — Афелиса выключила единственную лампочку, ранее освещающую все пространство скудной хижины.

— В одном царстве жили два брата — принцы, сыновья правящего короля. Их детство прошло рука об руку, мальчишки всюду поддерживали друг друга, любили и лелеяли. Имена, к сожалению, давно позабылись в моей памяти. Но уверяю, это не главное в истории. То, на что действительно стоит обратить внимание, — это их судьба. Жили они давным-давно, а потому то, что тогда было совершенно обыденным, в наше время пробирает до дрожи. А король — мужчина властный, не терпящий поражений и конфликтов, — всегда проучивал сыновей, стоило им сойтись в перепалке. Порой, их запальчивость доходила до драк. Что-то я отошла от рассказа... — призналась охотница с улыбкой, виновато почесывая затылок. — Однажды, король умер. Такое случается со всеми и происходит довольно часто. Братья остались одни — матери они не знали с самого рождения. Надумали принцы власть делить. По закону того времени, владения переходили по старшинству. Однако, вот незадача, юноши уродились близнецами. «Как быть, какая судьба постигнет королевство?» — шептались придворные и жители столицы. Важные лица предлагали мальчикам мирный подход к делу, без дуэлей, драк или войн, однако природная вспыльчивость, как и всегда, взяла верх. Борьба между прежде дружными братьями набирала обороты, и в один миг они сделались врагами. Злейшими врагами. Престол пустовал, народ возмущался... Нужно было что-то предпринимать. Что же это за королевство без короля? Решать вопрос взяли дуэлью. Много ран было на их погибших телах... Это я опять заглядываю в будущее. Кожа была сплошь покрыта шрамами, и один из них даже ослеп на глаз. Схватка оказалась несчастной для обоих. Тогда один из сыновей пошел на крайние меры — связался с судом, подкупив их на огромную сумму. Стоит заметить, королевство в то время пребывало в жутком денежном недостатке. Подкуп состоялся. Второй наследник так и не догадался об этом. Его казнили... Казнили на глазах у всего дворянства, всех крестьян, всех рабов. Зато, наконец, объявился наследник — наследник, достойный престола. Столица праздновала и забавлялась возможностью возлагать надежды на владыку, — Афелиса улыбнулась, хитро поглядывая на глазки Розалинды, переполненные блеском интереса. — Но и в его жизни случился неожиданный переворот. Среди придворных поползли слухи о подкупе, о фальши в борьбе. Король опровергал слухи, как мог, винил во всем судь. Через год все его деяния раскрылись, и второго наследника, только начинающего жить светлой жизнью, убили. Он был обвинен в покушении на жизнь принца. Печально, не правда ли? В дальнейшем на трон

уселся новый король, создавший впоследствии королевскую династию.

— И это конец? — спросила девочка, не скрывая обиды в голосе, спустя пару секунд молчания рассказчицы.

— Да, но вот, что странно... — Афелиса вновь умолкла, навлекая интригу.

— Что странно? У истории есть продолжение? — не выдержала Розалинда, выскакивая из-под одеяла, объятая волной любопытности.

— Нет. Странно — то, почему ты еще не спишь, дорогая.

— Могли рассказать что-нибудь еще скучнее, чтобы я мгновенно уснула... — легкий румянец пятнами выступил на ее бледном личике; изредка пробегала дрожь по ее побледневшим плечам, а взгляд тихо разгорался и гас в один миг. Подавленная обида осела у нее на душе. Однако, смирившись, она улеглась на кровать, всем тельцем прижимаясь к стене. Когда все вокруг стихло, затрепетав в ночные часы, Афелиса села у изголовья кровати, убирая светлую прядь с бледного, словно покойного лица.

Тихо поднималось восходящее солнце. Как и обещалось и, как помнит читатель, именно в этот день должен был объявиться друг Афелисы. Впрочем, Розалинда оставалась в неведении и нетерпении до самого вечера. Постоянно то выглядывала в окно, то высовывалась на улицу, оглядываясь по сторонам, надеясь увидеть приближающегося гостя. И вся она была как будто не в себе. Это происходило довольно часто, но то, что наблюдала Афелиса, оставляло неприятный осадок. Она говорила, что молодой человек придет к вечеру и вовсе не стоит беспокоиться.

— Вы так и не сказали, куда отправляетесь, — напомнила Розалинда, осуждающе покачивая головой.

— У меня есть одно важное дельце, которое следует уладить этой ночью. Я говорю это сейчас, ради твоего спокойствия. Прошу, не разочаровывай меня или гостя. Он человек добрый, но его глаз так и наострен на всякие странности и подобные им вещи.

Охотница и не думала упоминать личность и принадлежность этого человека. В каком-то смысле, он тоже оставался для нее загадкой. Ранее, во времена восстания магических тварей, этот юноша стал ей верным наставником, что, впрочем, и позволило охотнице отзываться о нем, как о верном и ответственном человеке. Когда-нибудь она обязательно поведаст маленькой девочке о своих охотничьих похождениях, но сейчас недоверие сковывало ее.

Часам к восьми в двери постучали. Дитя встрепенулось, не в силах налюбоваться своим отражением в зеркале. Она удержала Афелису за рукав плаща, вновь спрашивая, как она выглядит.

Казалось, волнение за себя и свою красоту разгоралось в ней куда сильнее, чем заинтересованность в незнакомом юноше.

Тем не менее, охотница отворила дверь, после чего на пороге показался парень, молодой с виду. Его губы расплылись в теплой улыбке на веснушчатом лице. Он пожал Афелисе руку, готовый приютить девушку в своих объятьях, когда неожиданно передумал. Бывший наставник теперь был одного роста с охотницей, худой как черт. Рыжие волосы оказались собраны на затылке, а легкая небрежность добавляла шарма и красоты всей его наружности. Он не отходил от Афелисы до самого ее ухода, попутно осматривая обитель. Пара слов пролетали между охотницей и бывшим наставником, когда она, наконец, покинула их. На время разговора двух сослуживцев Розалинда спряталась за спинкой кровати, сжимая в ладошках новенькое, подаренное парнем платье, и с восторгом разглядывала юношу.

Он продолжал ходить кругами, с кошачьей важностью оценивая обстановку. И вот, его взгляд упал на девочку, сжавшуюся в углу между шкафом и кроватью.

Ротик ее приоткрылся, а светлые глаза потупились в деревянный пол. Она все больше ютилась к стене, не смея поднять смущенного взгляда. Юноша насторожился, однако после улыбка вновь вернулась, освещая лицо, искрящееся добротой и искренностью.

— Привет, — кивнул парень. — Меня зовут Малрен. С твоего позволения, могу ли я узнать...

— Розалинда, — перебила девица, неловко поднимаясь на ноги.

— Прелестное имя для такой красивой девочки. Ты знаешь, кто я?

— Афелиса сказала мне, что вы близки... В смысле, близкие друзья, — неожиданно севшим от волнения голосом призналась Розалинда, заливаясь густым румянцем.

— Я рад, что она так близко ко мне расположена... Она чудесна.

А тем временем Афелиса замерла у двери, где прежде оставлял на ее шее страстные поцелуи возлюбленный. Все же совесть не могла воспрепятствовать ее любовным порывам. Словно птица, заключенная в клетке привязанности к Ангарету, она не знала о том, что свобода и поныне не была ее другом. С каждым томным вздохом, девичий стан поднимался, а со лба стекали капли пота, звонко шлепаясь на кожу плеч. Невольная улыбка сковывала губы.

Афелиса надеялась на долгожданную встречу, на слезы счастья, а не столь отчаянные... Голос мужчины доносился за стеной.

Басистый и низкий тон не принадлежал Ангарету. Охотница была уверена, что в жилище несостоявшегося жениха присутствовал и другой человек. Усталая и растрепанная, Афелиса стояла, согнувшись в напряженной позе. Незнакомец нагонял на нее страх и волнение. Ладонь сомкнулась в кулаке и, приблизившись к двери, охотница неуверенно постучала несколько раз. Тишина, грозившаяся довести ее до белого каления, вознеслась еще выше. На стук никто так и не отозвался.

— Не верю... Не могу поверить! — шепотом повторяла озадаченная девушка, всеми силами стремясь опровергнуть собственные доводы.

Для нее наступило страшное время. Будто туман упал перед ней и заключил в безвыходное и тяжелое уединение. Ноги стали ватными, а тело все продрогло в таинственном ожидании увидеть высокую фигуру командира. Она узнала этот голос сразу после секундной апатии, однако после не могла вспомнить, что творилось в ее голове в тот миг.

Дверь скрипнула, свет озарил мрачный коридор. На пороге вырос человек, до того пугающий, не терпящий слабости в ее сознании, что взгляд невольно отыскивал Ангарета. Он стоит у окна, но ни эмоций, ни чувств на лице было не прочесть. Разве что выглядел он поникшим. То ли от смертельной обиды, то ли от предательства. В сердце назревала новая кровавая рана.

Афелиса шагнула к Ангарету, когда командир задержал ее за плечо.

— Нам нужно о многом серьезно поговорить, — отрывисто рявкнул мужчина.

Они прошли вперед, и резким, грубым движением мужчина усадил Афелису в кресло.

— Подождите, я все никак не пойму... — воскликнула она, пораженная серьезным тоном командира.

— Ты все прекрасно понимаешь, — перебил мужчина, взглядом указывая на побелевшего от страха Ангарета.

Теперь принц и вправду напоминал своего брата. Такой же бледный и болезненно худой, однако в его глазах можно было прочесть хоть что-то. Афелисе никак не удавалось подобрать слов, мысли сплетались, а волнение пробирало ее изнутри так, что воздуха не хватало. Жуткое напряжение повисло в комнате.

Командир молчал, упрямо смотря на поникшую, словно видящую свое будущее девушку. Справедливость не восторжествует, пока убийца не сознается в своем преступлении.

— Я требую объяснений, или наш разговор продолжится в тюремной камере.

— Что вы хотите знать? — устало спросила Афелиса, робко поднимая голову.

— Я уже все знаю, а потому не желаю находиться с предательницей в одной комнате. Вставай! — приказал командир, жаждущий повиновения.

— Вы правы... И вам все известно, но...

— Вставай! Иначе вместо тебя у гильотины окажется принц, — громче прежнего рявкнул мужчина.

Афелиса послушно поднялась с кресла, и командир в один миг сцепил наручники на вытянутых кистях. Грубо толкая, угрожая казнью, он бросил на принца последний, недоброжелательный взгляд, вынашивая в сознании новые планы.

У порога Афелиса не выдержала и обернулась, глядя на Ангарета. Будто детские слезы тихо стекали по его щекам, когда он шагнул вперед в порыве задержать, спасти Афелису, хотя глубоко в сознании понимал, что лишь навредит. Ни слов прощаний, ни жестов — лишь абсолютная пустота таилась в душах возлюбленных.

Ныне сорванная маска давно приелась и была словно частью лица Афелисы. Вся охотничья слава пойдет ко дну, и тотчас судьба смилостивилась над ней, одаривая правом примкнуть к колдунам, но потери были слишком велики.

5. Тюремные дни

Старинные каменные стены хранили в себе дух преступников, тех, что поневоле, или по случайности переступили черту законности. Все здесь было слишком тесным, темным. Прямой коридор глядел насквозь, в душу, угнетая несчастную жертву суда.

Повсюду витал холодный, будоражащий ветер. В первые дни, когда было только смутное, неясное представление о невольниках за решетками, буянах и дураках, Афелиса лишь их и увидела напротив своей камеры — клетки. Ее отвели в особое отделение — «звено кровядумов», как обозвали те заключенные, что сидели в общих комнатках. Здесь храпели все дремучие — и атрандцы, обколенные своими двойными треугольниками на упитанных шеях, и беженцы — пойманные рабы, и стрельцы, сошедшие с пиров и лишённые ордена — лука. А сие оружие — сердце, честь и имя! Поникли головы обездоленных, повяли и ростки света в этой чёрствости. Отличие этих бедняг огромное, на лицо. Оттого Афелиса намотала на уз, что ссориться, рычать друг на друга — скверно, грязно и лишь звонкий смех со слюной в лоб прилетит: вот, кажется, чего добивались эти мужики-циркачи. Как доведет их до отчаяния скука, так в пляс, так в такт стука каблучков, бегом народ смешить! Странно, но все веселились. Еще как, а те, кто особенно хорош умом или соображением, разучивали тюремные песенки, да и стучали себе под нос деревянными ложками: " во-о-о-льные птицы летят, летят, блеста-а-а-ют...а ты, седой парнишка, сам под суд нарвался...». Манера протягивать «о» и «а» хранилась в каждой певчей пташке. Правда, вечера таковы редки были. А как намечаются, так тут же все мужики из других отделений пританцовывают и свистят троекратно, возвещая о своем веселье, словно о празднике. Преступниц Афелиса вовсе не замечала в такие дни: будто пропали девицы — раненные негодяйки.

В дни, когда вся тюрьма облачилась в тихий, старый гроб, каждый шорох ощущался подобно волне цунами в тихом море. Стук сердца, дыхание: ничто не могло ускользнуть от обостренного слуха. Таковы крайности, а середины нет.

Как увидела Афелиса свою клетку, так испариться в пепел захотелось, и вольно гнаться по ветру: камера скудная, мертвая. Деревянная кровать и стол со стулом, неизвестно для какой надобности. Чтобы преступник писал завещание родным, утирая слезы краем серого костюма? Возможно, однако Афелиса сильно в этом сомневалась. Все «соседские» лица застыли в вечном одиночестве и гнев.

Как воспоминания кошмара, в ее памяти возникали злые, здоровые мужики, готовые накинуться на нее, словно оголодавшие хищники лютой зимой на долгожданную добычу. Небритые и грязные головы, чья кожа изуродована сеткой шрамов, да дикий взгляд первобытного человека. Нашлись и другие: люди до того спокойные, что иной раз казалось будто все в них поблекло, даже намек на жизнь было не сыскать среди мертвых черт. Они сидели и спали в тени, бледные и худые, и от одного их вида слезы жалости наворачивались на глаза. Афелиса это презирала. И сама не понимала до конца, чем было вызвано недовольство в ее чутком сердце. Удивлялись иногда начальники, что какой-нибудь прилежный, покладистый тюремник жил несколько лет примерно, спокойно, со всеми на хорошем ладу вертелся, даже хвалили его за похвальное поведение, а сокамерники пусть и посмеивались, однако, авторитет грубо давал пощечины, принуждая заткнуться и не скалить озлобленно свои грязные зубы. И вдруг — точно черт испивал его соки и дергал за ниточки — рискнул на преступление, нахамил, ругань свою выплеснул в отравленный бранью воздух,

пытался выпросить у кого выпить, да тут же по рукам давали, что костяшки хрустели. Непочтительность в этих гневных глазах, гордый плевок на начальников, частые походы в среднее отделение — все точно друг у друга перенимали мерзкое одеяло. Может, похороненный заживо маленький, никчемный человек так силится сбросить крышку гроба, что все силы вымещаются лишь этим, а на рассудок, на сознание, что все усилия тщетны — не хватает. Убить — так убить, подраться — так подраться, бурлящее желание рискнуть, нарваться, попробовать хоть раз, душило глотку. К счастью, Афелиса сторонилась всех забав, но многие слухи и байки доходили и до ее ушей.

Она сама твердила, что светлыми чувствами нужно наслаждаться, беречь их словно зеницу ока в своей душе, а темные и мрачные — отбрасывать на предмет ненависти. Таким оставалось ее мышление, не измененное даже с началом войны. Находя осыпавшиеся камни под скрипучей, твердой кроватью, Афелиса, от безделья, выцарапывала на кирпичных стенах линии, и сколько шуму, ругани порой поднимали бездумные каракули!

— Опять она страдает, женщина! — выплеснул здоровяк, примыкая к своей решетке, — ты, давай, прекращай, а то начальников на тебя натравим, не отделаешься!

Из соседних камер разносился смех, колкие шутки. Поджав губы, она лишь сильнее сжала осколок в ладони, и однажды от жгучей злобы попала в живот негодяя, болящий со смеху. Согнувшись, он кряхтел, что-то невнятно твякая, а рожа то — еще злее становилась! Месть расплылась по всему телу, согревая и издавая внутреннее ликование: «Вот так-то ему! Пусть лучше заткнется, чем снова слышать этот ужасный смех. А ловко я, впрочем, попала. Что ж, случайности не случайны».

Нередко навевались гости из других отделений. Хоть и особо опасные преступники водились на этом этаже, но отчаянных отделяла лишь железная решётка. А то, непременно бы, хвастовство их довело до тьмы суровой! И не проснуться больше мелкие воры, крутя перед раздутыми ноздрями куски хлеба, добытые из честных рук. Хитрость преобладала: частенько они договаривались, и тот, что ворюга, приносил ему целую булку. Целую! Не надкусанную, не черствую, а ароматную и свежую, что окрепшим зубам непривычно было жевать мягкий хлеб. Такие чудеса в кошмарном мире. Связей Афелиса не вязала, но в один светлый, ясный денёк душа одного отцеубийцы сжалилась над одиночкой, и с видом деликатнейшим, он, в тайне от начальников, пронес ей пару ломтиков, порезанных черти как. Но значения это не играло. С огромным удовольствием Афелиса надкусывала, стараясь оставить настоящую еду надолго. Удовольствие разливалось в горле, и, наконец, попадало в ненасытный желудок.

К вечеру в камере совсем тускнело. В небольшом зарешеченном окошке у самого потолка виднелся алый закат, заливающий вечернее небо яркими красками. Настоящее счастье — потухать одной в спертых стенах.

Дни напролет душа ее тихо плакала, а надежда на свет, такой белый и чистый, резвилась и злобно насмехалась. Угрызения совести оставались верными спутниками на время скитания из угла в угол. Занятий так и не нашлось. Хоть помирай, позабыв про мир за каменной преградой. Грязь и вонь были повсюду, отчего охотница мечтала выпрыгнуть в окно. Неважно, на каком этаже находилась камера, желание смерти — единственное, что еще мог испытывать искалеченный человек.

К тому часу, когда Афелиса уже не могла знать точного времени, прибыл гнусный на вид тип. По нему легко было определить его нрав: гадкий, унылый и жалкий, как и его внешность.

Он грубо швырнул листок пожелтевшей бумаги прямо через решетку и велел написать письмо. Кому именно писать, он промолчал, лишь поплелся вдоль коридора. До чего же смешон и забывчив! Через пару секунд Афелиса заметила, как парень в нетерпении швырнул ей ручку, и вновь умчался в темноту. Легкая усмешка тронула ее губы, но после эмоции пропали с лица.

Листок был один, но и вдохновения оказалось не сыскать. Она даже не могла знать наверняка, кому же придет написанное ею письмо. Парень все отступал от вопроса, временами вскрикивая в порыве бешенства и злости.

Делать было нечего, когда ей взбрело в голову написать письмо близкому человеку.

«Я понимаю, что необычно читать мои письма и, возможно, извещать тебя об одном неблагоприятном, воистину несчастном происшествии — очень глупо с моей стороны. Наверняка ты волнуешься, может даже опечален тем, что я не посещаю тебя, хотя, черт знает, когда до тебя дойдет это письмо. Суд состоялся и ты прекрасно знаешь, где я. Ты понимаешь меня с полуслова, но я вынуждена писать именно так. Даже не надеюсь на ответ, я все равно сижу за этим мерзопакостным столом и черкаю строки из головы. Знай — все это не случайно, хотя многое останется для тебя непонятным. Например, мотив. Хотя чувства должны были вскрыться наружу. Тебе известно, гдея живу, чем занимаюсь и как проживаю эту жизнь. Поэтому прошу тебя: зайди ко мне домой, оповести маленькую гостью о моем вынужденном отъезде. Это важно для меня и, как бы сильно не хотелось, не пиши письмо в ответ. Если эти строки дойдут до тебя, то, к моему возвращению, хижина должна быть пуста. Приюти малютку на время, окажи мне услугу. Дальше я сама позабочусь о ней»

Выводя последние буквы, Афелиса задумывалась, расписать ли план дальнейших ее действий. Но, вспомнив о проверке писем из камер начальника, она окликнула худощавого паренька.

Он подошел мгновенно и грубо выхватил письмо, не скрывая возмущенного выражения. Так же быстро и умчался, оставив девушку в тоскливом одиночестве. Может, она была и рада избавиться от взора вымученных глаз, однако покинутость все же навевала печаль.

На ужин ей притащили миску похлебки и корочку чёрствого хлеба. Зубастые гиганты рвали затвердевший хлеб с неписанной злостью, словно держали в своих лапах не пищу, а истерзанного ненавистника. От одной этой мысли Афелисе сделалось противно.

Тарелка осталась нетронута до самого утра, ибо охотница оказалась непристрастна к подобной пище.

Дни пролетают, а человеку никак не удается уловить момент. Наконец, всех гадов и подонков этого адского замка вывели на воздух, тем не менее столь грязный, что Афелиса не находила, чем дышать. Все ей виделось пугающим. Среди громоздких мужчин виднелись и женщины, но с нравом излишне агрессивным, словно одичавшие овчарки, рычащие на незнакомцев. У одной из подобных дам на руках дремало дитя, маленькое и беззащитное, такое, что его хотелось защитить от самой матери. Охотница сидела на лавочке и осматривала каждую тень и угол, в которых можно было бы остаться незаметным. Вот только и охрана не спала, изредка поглядывала на нее, словно на сумасшедшую, хотя Афелиса вряд ли походила на нее. Лишь ей понятно, кто здесь конченный псих, а кто — ясный ангел и создание божественное.

Повисшие ветви деревьев заслоняли солнце, не позволяя лучам осветить девичью макушку. Легкий ветерок трепал спутанные волосы, временами то отпуская, то поднимая белые облака. К счастью, в городской тюрьме сидели обычные люди, без каких-либо

особенностей. Те же охотники, да не совсем мирные жители мирились с непростой жизнью грешника. Среди женщин нашлись и покинутые, оставленные бедняги, подобные невинным девам. Афелису не отпускала мысль, будто брошены они здесь лишь по желанию-повелению какого-то оборванца.

Хотя, это место не навевало на охотницу никакой атмосферы из книг. Наоборот, страшные клетки и посаженные в них дикие звери пробирали до дрожи. Никаких слов или жестов не проскальзывали между ними, да и тишина воцарялась даже над охраной. Все-таки, в глубине души она надеялась, что Ангарет или Розалинда навестят ее, не забудут о существовании одной охотницы.

Афелиса всегда верила в искренность и любовь Ангарета, но кто наверняка знает этих людей? Наружность одна, а душа оказывается совсем иной. Правда есть только внутри, но что тогда есть наружность? Маска лжи и блестящая упаковка. Ангарет хоть и не сверкает, подобно елочной игрушке, которой прощают ее пустоту, но в его глазах таился ценный мир. И охотнице всем сердцем хотелось верить, словно видеть подобную красоту дозволено лишь ей. Станные мысли странного существа, с этим ничего не поделаешь.

Целую неделю в ней кипели чувства: от крайнего возмущения до мертвого спокойствия, но на последующие дни океан эмоций стих. План побега все не покидал этапа разработки, да и вера в приход Ангарета не пропадала. Только после до нее дошло, что, наверняка, он так же сидит под стражей и пишет ей прощальное письмо. Слезы навернулись на глазах от подобной мысли. А вдруг с ним обходятся куда жестче, нежели с ней?

Хотелось бы Афелисе успокоить себя до состояния, близкого к мертвому, но тюрьма не то место, где моральное здоровье будет стабильным и крепким. Мертвое тело брата Ангарета всплывало в ее памяти каждую ночь, словно старалось подавить остатки ее светлых чувств.

Голова, залитая кровью, шаги за дверью — все казалось ей еще страшнее, чем в тот раз. Впрочем, в тот день забытье сваливало девушку с ног, а в мыслях творилась полная паутина иллюзий. Возможно, никаких шагов и странных звуков не было. Возможно это были просто навязчивые мысли и доводы.

В субботу следующей недели перед камерой объявился строжайший тип — полная противоположность прошлого парня. Он не смотрел в пол: орлиный взгляд вцепился в Афелису, будто разрывавший плоть. Горе до того вымучило ее, что румянность поблекла на лице, а серые глаза потухли, переполненные пустотой души. Она знала, что выглядит до того истощенно, что кости страшно выглядывали из разреза у плеч. Воротить голову от куска хлеба — самое плохое, что можно сотворить в этой продрогшей будке.

Грозным тоном он оповестил ее о посещении двух людей.

Маленькая Розалинда выглядывала из-за стены, с ужасом всматриваясь в явное выражение злости, которое было во всем ее лице — в особенности в грозных глазах. Девочка не шевелилась, лишь бледные губы подрагивали словно в лихорадке. Платице все также висело на ней, а волосы оказались собраны в пышную косу. Боязнь проронить хоть слово сковывала ее.

Малрен подталкивал девочку из-за спины, держал ее хрупкую ладошку своей. Строжайший тип оглядел их, подобно командиру, и пошел вдоль по коридору.

— Афелиса, — шепнула Розалинда, потупившись; на глаза навернулись слезы.

В один миг горькая капля покатилась по круглой щечке, падая и разбиваясь о холодный пол.

Малрен тут же обнял ребенка, утирая слезы зеленым клетчатым платком.

— Я не думал, что все обойдется так, — добавил парень, с жалким сочувствием поглядывая на Афелису. — Не знал и о твоём преступлении.

— И что теперь ты обо мне думаешь? Наверняка считаешь меня конченной оборванкой и психом.

Охотница ровно сидела в тени, на стуле, устремив взгляд в пол. Ей было стыдно до глубины души, ведь перед этими людьми она поклялась оставаться с честным рассудком.

— Ты, конечно, персона непредсказуемая и все вскрылось наружу. У меня лишь несколько вопросов к тебе, после которых ты сможешь побеседовать с Розалиндой, — он коротко глянул на девчонку, словно выпрашивая подтверждения.

Та в ответ безмолвно кивнула, прижимаясь к стене. Ноги ее дрожали, а ладони были сжаты в кулак.

— Когда все стало известно, скажи, ты ведь любишь Ангарета? Ответ очевиден, но хотелось бы услышать твое подтверждение. Времени у нас в обрез.

— Да, — сухо подтвердила Афелиса, — я люблю его.

— И ради любви убила невинного человека... В охотничьем кругу о тебе поползло множество слухов и, кажется, презрение острее уважения.

— Мне уже все равно. Я даже уйду из отряда.

— Уйдешь? Как.? — вскинул на нее удивленный взгляд Малрен.

— Уйду. И прошу тебя позаботиться о Розалинде. Лишь судьба знает, увидимся мы еще или нет.

— Ты хоть знаешь, на какой срок здесь засела? И как ты собралась выбираться?

— Надо ли тебе это знать? — усмехнулась она. — Не забивай голову ерундой. Куда ты пойдешь с Розалиндой?

— Моя крестная оказалась не против приютить малышку. Я отвезу ее послезавтра и уйду на службу.

— Вот как, — пожала плечами Афелиса. — А ты хочешь отправляться туда? — повернулась она к Розалинде.

Девочка словно не услышала вопроса, всем своим существом пребывая в раздумьях. Она лишь подняла голову и снова потупилась в пол.

— Она добрый человек, и в каком-то роде стала моей матерью.

— Ты уж позаботься о ней и навещай почаще, — подошла Афелиса к решетке. — Надеюсь, ты забудешь обо мне так же быстро, как мы успели встретиться.

Безнадежная улыбка мелькнула на ее лице. Афелиса глядела на ребенка пустым взглядом, не содержащим ни тепла, ни холода. Все прошло мгновенно, чувства не успели зародиться в ней. Хотя Розалинда оставалась славной девочкой, охотница не была уверена в своей ответственности.

Девочка же все не поднимала взгляда, от смущенности или от страха. Лишь нервно кусала губы, прижимаясь к Малрену все ближе.

— Ты уйдешь насовсем? — робко поинтересовалась она.

— Кажется, что так. Не буду ничего скрывать от тебя, может быть, я вообще никогда не уйду отсюда. Или дороги наши пересекутся, и мы вновь разойдемся, как в море корабли.

— Я буду писать тебе письма, — воспротивилась Розалинда.

Афелисе оказалось забавным слышать подобное от ребенка, не смыслящего в письме.

— Буду ждать, но мне хотелось бы, чтобы ты позабыла обо мне. Понимаешь, нам обоим

станет лучше от этого.

— Но ты мне так понравилась... Нет! Не хочу верить! — забилась она в истерике, светлые глазки сомкнулись, а зеленый платок помогал ей утирать слезы.

— Верить или нет — твой выбор. Но я буду счастлива, если мы встретимся когда-нибудь.

Казалось, время пролетело за долю секунды. Мужчина в сторожевом одеянии оповестил об истечении времени и настаивал на уходе. Малрен попрощался с ней, словно надеялся на скорую встречу, а Розалинда даже взглядом ее не наградила. Вот и след гостей простыл.

Афелиса чувствовала себя виноватой перед девочкой в первую очередь. Никакой закон и преданность службе не могли оказаться причиной ее сожалений и угрызений. Какова будет судьба этой малышки? Хотелось бы ей знать. Однако и свое будущее она не может угадать.

Дни текли подобно ручью — так быстро, что ей казалось, словно кончина уже недалеко. Афелиса проживала сутки — двумя, ничто не менялось в ее камере и в ней самой. Так же пусто и душно. Временами слышался рев за стеной или разгорающийся спор преступников.

И как любо было думать, что камера напротив — пуста.

Кажется, это само благословение — не видеть гнусную рожу, рассматривающую ее смертельным взглядом. Или злого типа, с которым жизнь сыграла в жестокую игру.

Душа полыхала от ненависти к ним.

6. Тайна ожившей живописи

Тем временем Розалинда поселилась в поместье Амеанов, в южном городке на берегу древнего моря.

Годы меняли не только окружение, но и саму девочку. Розалинда с горечью вспоминала о своей спутнице, сидя на лоджии высокого дома. Память о Афелисе рассыпалась с каждым днем, но она помнила всю грусть ее потускневшего лица, помнила последнее слово, услышанное перед самым уходом.

Все переменялось в ее жизни: из покинутого дитя, не видящего и шанса на спасение из нищенских кошмаров, она в один миг превратилась в знатную даму. Общество почитало ее, хотя слухи гудели у самых ушей. Уважение окружения она заполучила вовсе не из-за ума, привлекательности или других внешних качеств: в ней ценили удачную возможность попасть в плодовитую семью с денежным достатком.

Малрен воистину озаботился судьбой маленькой подруги, отчего благодарность и по сей день не утихает в ее душе. Театр и кино — вот, что взаправду полюбилось девочке как нельзя нежно и трепетно! Она не пропускала ни одной премьеры, иногда слушая прекрасное пение ухоженных красавцев, блестящих красотой на сценах большого театра. Мачеха поддерживала ее всеми силами, помогая достичь высот, которых она не могла и представить.

«Белая полоса требовала жертв, чтобы после обогатить мою сущность талантом,» — думала Розалинда, заканчивая сборник рассказов о колдовстве. Она покинула Гроунстен, и могла свободно предаваться фантазиям о родных краях. Дух колдовства не исчез, сохранился в ней, не утратив трепетного желания вырваться наружу.

Подруг у нее не оставалось, все разъехались в разные стороны без какого-либо следа. Иногда, в воскресные дни, в ее комнатку тихо прокрадывался Малрен, пугая Розалинду неожиданностью своего прихода. Она злилась и, хотя могла прогнать его подальше отсюда, сама предавалась смеху. Все-таки, озорством Розалинда оказалась не обделена.

Братья предвзято относились к новоиспеченной родственнице, однако ее это не волновало. Они оказались славными ребятами, хотя, когда злились об утерянном платке — спокойно могли разгромить весь дом, заодно доведя и без того нервную служанку до белого каления.

Писательская деятельность Розалинды длилась уже пять лет. Она обучилась письму и чтению, и все никак не унималась читать литературу с запада. Вдохновение находилось в каждом творении природы, иногда в творениях людей.

Однажды, девчонка с головой погрузилась в написание одного сценария, который впоследствии оказался невозможно нудным, как и поставленная по нему пьеса; после грандиозного провала, никто больше не замечал ее в стенах дома. Двери в покои Розалинды были всегда закрыты, а мертвая тишина временами разбавлялась веселой музыкой местного оркестра.

Да, настоящая ценительница искусства! Бледность ее лица скрывалась под смущенным румянцем, когда ей приходилось получать подарки от Малрена. Доброта и забота юноши приходились ей теплом души и самой настоящей поддержкой.

Представьте, каково это: зашуганной девочке очутиться в поместье?

Ужасно, но это придало ей сил на будущее.

В один из рабочих дней, когда принимать и приветствовать никого не хочется, в поместье развелись сплетни — похвала пожалованному гостю слышалась отовсюду. Розалинда, впрочем, не была заинтересована в лишних знакомствах; аппетита не теряла и, по обыкновению, в половине первого принимала участие в завтраке, схожем на обед, с мачехой и двумя братьями.

Прибыв в поместье, ее распорядок дня радикально переменялся, и теперь ей приходилось выпивать по чашке утреннего кофе в постели сразу после пробуждения. Ей настолько полюбились такие обычаи, что установились они раз и навсегда.

К обеденному времени из маленькой столовой раздавался звон вилок и ложек, а запах свежих оладий вынуждал ее лениво встрепенуться и сонливым взглядом посмотреть на жизнь богатой дамы.

В то утро все семейство собралось за столом в ожидании гостя, обещавшего явиться в половине первого. Двое мальчишек, на чьих румяных лицах все еще не проявилось и отблеска взросления, смеялись и гоготали подобно сумасшедшим. Розалинда недовольно поджимала губы, тайком оказавшись подле мачехи. Женщина и впрямь была в самом рассвете сил.

Казалось, бодрости в ее пышном теле оставалось куда больше, чем в ее чудаковатых сыновьях. Никогда не доходили до слуха девочки бранные слова или ругательства на неловкость маленькой горничной. Она все не умолкала о мужчине — знатном и грамотном, и, правда, Розалинда готова была поклясться, что женщина желает выйти за него замуж!

Хотя, харизме и обаянию души Дарьи подвластна любовь мужчины схожего нрава, а из ее слов можно вынести, что тот еще и заводила. Окрики больной души рвались в страхе перед чем-то новым; девочке пришлось слиться со стенами знатного убранства, со всем незнакомым и пугающим.

Естественно, в глубинах чувственной души все еще таился страх жестокости и корысти. Подобного не пожелать даже врагу. Есть ли хоть один человек столь идеальный, что ни одного плохого слова о нем не ходило? Розалинда не могла понять особенность гостя, даже когда он явился в гостиной.

Высокий и щуплый, мужчина смотрел на всех исподлобья; потертый свитер висел на нем хуже, чем на старинной вешалке, которую ломает любой, не прилагая особых усилий. Короткие белобрысые волосы оказались собраны в косу, а переносицу венчали круглые очки в серебряной оправе. Он был бы похож на какого-то нудного школьного учителя, если бы не улыбка, отражавшая всю его доброту и застенчивость.

С Дарьей он был милостив и обходился довольно приветливо, как и полагалось в кругу дворян. Близость и дружба между ними виднелась в обращении на «ты» и во взглядах несостоявшегося союза.

«Они стали бы хорошей парой, хотя я все равно считаю, что этот мужчина не достоин матушки. Станный и критичный тип людей, с которыми хочется разорвать все связи в первый же день знакомства. А учитывая, как он сильно схож с одним из ухажеров воспитательницы детского дома... Как же противно от таких воспоминаний,» — мелькнуло в голове Розалинды, пока она водила взглядом по помещению.

Однако, когда матушка вскинула на нее требовательный и зоркий взгляд, она без капли искренности поприветствовала Генри.

— Ты прямо похорошела, не узнать с того дня... — он запнулся от смущения и неправильности мысли, — дня нашей последней встречи. Правда, дорогая Дарья, с каждым днем ты становишься все лучше и лучше.

— Благодарю, Генри, — благосклонно приняла она комплимент, поклонившись, — за сладкую лесть.

— Нет, вовсе нет, — запротестовал мужчина. — Эти слова вполне искренны. Ты ведь знаешь меня и... Неужели не вспомнишь те письма, что я писал тебе?

— Я отлично их помню, но мы не будем больше разговаривать об этом.

— С твоего позволения...

— Если ты не знал, прибавление в семье у нас неспроста, — Дарья повела головой, указывая на Розалинду, не забыв сдобрить слова легкой улыбкой. — Бедная девочка оказалась в сложной ситуации, совсем без дома и семьи... Как я могла отказаться?

— Я восхищаюсь твоим умением сострадать. Сострадать самой чувственной душой... Ты восхитительна.

— Что там на границе? — перебила приемная матушка, усаживаясь за стол. — Говорят, дела в кругу охотников стихли.

— Говорят-то говорят, да неправда это все. Друг мой говорил на днях, что хотят они захватить весь остров, а не только побережье: мол, маги в лесах водятся.

— А друг кем приходится? — невзначай уточнила Дарья, разливая чай по чашкам.

— Местным, так сказать. Он не из тех колдунов; его хотели приобщить в охотничьи ряды, да только он отказался. Говорит, что ему ни к чему таким заниматься, а охотники заподозрили неладное. Всё угнетали его: мол, признавайся, иль смерть. А он-то хитер — сказал, что не хочет на засаду идти оттого, что в детстве ранил ногу и теперь хромой. Так и притворяется он хромым до сих пор.

— И что же, он под наблюдением теперь?

— Вроде как. Признаться, он мне мало что говорит, будто опасается. Поезжал бы он лучше из Гроунстена куда подальше. Охотники все разгромили... А архитектура! Какая же архитектура была! — не унимался он, точно ностальгия съела его с потрохами. — И люди славные жили... А они, дьяволы, поубивали всех, оставив остров гнить в адском пепле.

— А как дела в лагере? — умело перевела тему Дарья, замечая, как тяжело ему справиться с ненавистью.

— Да по-старому, — невольно вздохнул Генри. Он удобно подпер рукой подбородок и устремил на Розалинду немигающий взор. — Все живы.

— Как учеба Филгена? Ни слова о нем не слышала с прошлого года.

— Филген... Позорище, а не ребенок. Ничего не пишет. Я говорил с директрисой, она жаловалась, что пацан на уроки не ходит и поведение у него отвратительное... И ведь это мой сын....

Розалинда молча слушала разговор, но вскоре не выдержала — встала из-за стола и распрощалась с гостем. Клубок незадаанных вопросов вился и пух в ее голове, от чего становилось все стыднее и сквернее. Часа в четыре, когда Генри покинул дом, матушка постучалась к Розалинде в комнату. Дверь тихо скрипнула, и, не успев вымолвить и слова, она отступила на шаг, сложила руки на груди и устремила на дочь требовательный взгляд своих серых, словно затуманенных, глаз.

— Дорогая, мне есть, что сказать тебе, — закрыв дверь, она присела на кровать рядом с

Розалиндой. — Тот мужчина, что приходил к нам, является организатором лагеря. Было бы неплохо, если ты могла бы пообщаться с другими ребятами...

— Нет, я не поеду, — твердо отрезала девчонка, сжимая ладони в кулак. — Ты знаешь, как мне тяжело это дается...

— Знаю, но не всегда же ты будешь скрываться от общества за высокими дверьми комнаты, — она положила руку на кулак дочери, глядя на нее так ласково, что Розалинда невольно заключила ее ладонь в свою. — Если ты будешь скрываться и убегать, неприятности не исчезнут. Я хочу подарить тебе то, что ты не могла получить с годами и, как видишь, мне это удастся, так почему же ты...

— Я же сказала предельно ясно и четко, что не желаю нигде быть, кроме дома, и на этом все! — вскрикнула она, нахмутив брови.

— Как пожелаешь, — флегматично пожала плечами матушка. — Только после не тверди мне, что была не в себе и хотела бы поехать туда.

Дарья встала и поплелась к двери, будто растягивая момент, надеясь на мгновенное согласие Розалинды. Не дождавшись ответа, она нетерпеливо поджала губы и хлопнула дверью, не попрощавшись. Девчонка опустила голову к груди, будто раскаиваясь о своих оплошностях и признавая вину втайне от всех, но на самом деле она оставалась равнодушна к впечатлительному и временами вспылчивому нраву матушки, так что остатка скверных чувств не ощущалось и поныне.

В одну из таких ночей, когда все не унимаются ее воспоминания с острова, она уж было берется строчить письмо, воспламененная сладостным воодушевлением и легкой надеждой, но когда стержень доходит до строки с адресом, огоньки веры сгорают, оставляя лишь горький пепел. Хочется плакать, но бедная Розалинда не может ничего выжать из уставших глаз.

Лунный свет бьется в ее окно, но кругом темнота. Ни единого дома, проспекта и даже старой повозки во дворе не видно. Будто ничего нет, все растворилось в жутком мраке. И книги на полках не кажутся столь привлекательными, как в первый раз, когда братья пытались достать свой бумажный самолетик с верхней полки. Фонарь не угасал до полуночи, и, кажется, Розалинда могла бы и не спать всю ночь, да вот только кто-то может заметить свет в окне, а после об этом несомненно узнает матушка.

Жуть. Но чем же тогда маялась Розалинда во время утомительной бессонницы? Она верила, что все желания и намерения непременно исполнятся, если она будет их записывать в старенький дневник. Не успел он дойти до ее рук, как пара страниц оказались порваны, а погнутые края обложки выглядели отвратительно. Блокнот был пуст, только серые разводы оказывались на каждой странице, точно будто кто-то нарочно исписал все страницы, а затем стер в стремлении передать блокнот в качестве наследства или семейной религии. Глупо и странно, но от матушки девочка услышала не менее нелепую легенду.

Горничная, близкая подруга Розалинды, рассказала ей, что написанное на этих листах способно воссоздать желаемое наяву, что не могло не привлечь душу, живущую познаниями тонкостей этого мира. Однако, страх не оставлял ее, и выбор лежал ответственный. Спустя два года дневник оставался пуст, а после и вовсе завалился за шкапами.

И вот, наконец-то, он в ее руках, но непредвиденность маленького брата заставила ее отложить дела с желаниями, опустить испуганный взгляд на мальчика.

— Не пора ли тебе спать в такой поздний час? — спросила она.

— Никто ничего не сказал мне до сих пор, так что все в порядке, — отмахнулся он,

бесцеремонно вышагивая по комнате.

— Ты нахватаешься проблем и больше не будешь так нагло врывать в чужие комнаты. Думаешь, я не расскажу матушке? Интересно, как на этот раз она будет тебя наказывать..?

— Эй, перестань! — возмущённо всплеснул руками мальчик. — Я всего лишь хотел пожелать спокойной ночи... Да... Ты это, не засиживайся допоздна. Это тоже никто не любит.

— Не по нраву только тебе, и не командуй мне тут. Если на этом все, то можешь идти.

— Не все.

Розалинда развернулась в полуобороте, пристально глядя на брата.

— Чего тебе? — нервно выдохнула она, уводя взгляд в сторону.

— Дело такое... Впрочем, тебе это не сложно сделать для меня, — нерешительно мямлил Эдуард, будто в спешке перепрыгивая из одной ноги на другую. — Это срочно. Я надеюсь на тебя.

— Прошу, не тяни, или я не буду тебя слушать и выгоню отсюда.

Черные глаза Эдуарда глядели так ясно, что даже в темноте он не смог упрятать страх и поджимающее волнение. Он заикался, переминался и сводил взгляд в пол.

— Мне нужна книга, а она в библиотеке, — запнулся мальчик, поднимая на свет веснушчатое личико. — Я никак не могу ее достать, а ты такая высокая, что наверняка сможешь дотянуться до той полки.

— Подожди, разве горничная не закрывает библиотеку на ночь, если в ней никого нет?

— Она знала, что там буду я. И матушка знала, — ответил Эдуард, шаг за шагом подходя ближе к девочке.

— Как же она разрешила тебе? Или все это из-за школьных долгов?

— Да! Школьные долги! — восклицал братец, точно вспомнив. — Настоящее наказание...

Дрожь пробежала по девичьему телу, когда Эдуард заключил ее теплую ладонь в свою, медленно стекая по запястью, а после грубо стащил Розалинду со стула.

— Пойдем, — угрюмо приказал Эдуард.

— Ты останешься в долгу.

Прихрамывая, Розалинда вмиг помчалась вслед за братом. Подойдя к двери, мальчишка резко остановился, прикладывая ухо к двери, и преподнёс указательный палец к губам.

— Не создавай шума, — прошептал братец, дергая отвлеченную Розалинду за запястье. — Ты будешь отвечать.

— Эй! — возмутилась Розалинда. — Почему я должна отвечать за то, что посреди ночи ты насильно тащишь меня в библиотеку?

— Ты ведь старшая, — ухмыльнулся Эдуард и снова замолчал, отворив дверь.

Загадочная тишина таилась в ночном коридоре, а темнота вдали нагнетала мрак на душу. Лунный свет ложился на красный ковер, словно направляя детей к двери домашней библиотеки. Лишь их шаги прерывали бесконечную, прекрасную мелодию тишины. Эдуард всматривался в каждое окно, а после оглядывался назад и нагло ухмылялся непонимающему взгляду сестры.

— Темно, хоть глаз выколи, — тихо посмеялся Эдуард, а у девочки побежали мурашки по спине. — Ты будешь грустить, если мы с тобой будем редко видеться?

— С чего ты так решил? — гордо фыркнула она, смахивая прядь волос с лица. — И вспоминать не буду.

— Жаль, — горестно выдохнул он. — А я надеялся, что мы станем хорошей семьей. Хочу дружить с тобой, а ты такая упрямая и гордая, что сразу пропадает желание возиться с тобой.

— Угу, — промычала Розалинда, окидывая Эдуарда пытливым взглядом. — Если я тебе не интересна, то да будет так.

— Ты интересна мне, — Эдуард вмиг обернулся, хватая сестру за руки. — Только ты не хочешь нашей дружбы.

— Не отвлекайся, — прошептала она, тотчас отдернув руки. — Матушка в последнее время плохо спит, а мы проходим мимо ее комнаты.

Братец замолчал, укоризненно выдержал паузу и пошел дальше. С открытого окна повеяло холодным воздухом, пробирающим до мурашек в ясную ночь. Ни слова более не проронили брат и сестра, и Розалинде казалось, что обида ненароком проглядывала в его тусклых чертах. Он сжимал ее руку крепко, с большой силой, словно боялся упустить или проглядеть возможность ее ухода. Девчонка все думала о своем, а мысль о дневнике не оставляла ее беспокойство и опасение. Вдруг братья вздумали хитро развести наивную Розалинду и украсть поистине ценную вещицу? Нет, они до того малы, что способность столь мощных вещей представлялась им за гранью их детского разума. Наконец, Эдуард незаметно остановился и по привычке дернул сестру за запястье.

— Леди вперед, — посторонился братец, отходя от массивных дверей.

Высвободившись, Розалинда шагнула вглубь гнетущей тьмы. Вдалеке мелькал зажжённый огонек, оставляя круглые тени на потертом столе. Она приложила руку к стене, водя по ней, и тут же нащупала небольшой выключатель. Свет вмиг озарил тусклое хранилище, прокрадываясь в темнейшие углы старинных полок. Девчонка медленно подошла к длинному столу и, испуганная неожиданностью, развернулась на шум двери.

— Так, что ты говоришь... Тебе нужно? — вздрогнула Розалинда, случайно смахивая на пол исписанные бумаги.

— Найти лексический словарь... — Эдуард неловко потер затылок, а после с довольной гримасой уселся на кожаное кресло.

— То есть, мне самой нужно искать какую-то ненужную книжку среди книжного лабиринта?

— Ты преувеличиваешь, — отмахнулся он. — Здесь не так уж много книг и найти их просто.

— Тогда почему ты сам не можешь?

Розалинда ужасно разозлилась, ей вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого заносчивого лентяя. Злости и недовольству не находилось места в ее вспыльчивой душе: внешняя опасность устрашала куда больше, чем манило желание наругать и уйти к чертям.

— Мне еще столько дел нужно сделать этой ночью. А я знаю, что ты мне поможешь... Да хоть просто из сестринских чувств. Ты всегда помогаешь матушке! Да даже той дурацкой горничной, хотя нужды в этом нет!

— Я сама могу решить, кому оказывать помощь, — яростно взглянула она на брата, нервно перебирая пальцами.

— Конечно-конечно, — улыбнулся Эдуард, словно столь напряженная сцена и впрямь забавляла его. — Это все, о чем я тебя прошу. И все-таки, — выдохнув, он вмиг вскочил с кресла. — Я тоже попытаюсь вырыть этот словарь. Ты не одинока.

Он поплелся к проходу между двумя высотными полками, время от времени окликавая ее

по имени. Невероятно огромный и круглый зал сводами уходил ввысь темного купола. Картины в золотых рамках блестели подобно бриллиантам на королевской короне. Серые проходы, казалось, сужались с каждым шагом. Розалинда шагала вдоль стены, разглядывая буквенную нумерацию. Где-то вдалеке, в одном из узких коридоров, послышался шум падающих книг и возгласы возмущения Эдуарда.

— Что за черт?! — вскричал рассерженный мальчишка, — Ненавижу библиотеки! Так и знал, что ты лучше справишься одна.

Розалинда усмехнулась неудачам брата не на благо лживого лицемерия или бессердечности, а от желания мести и отплаты гнусных оскорблений и выходов этого мальчишки. Художественная литература тесно мостилась на полках, а иной раз книжный ряд совсем нарушался. Но увлеченная девица уводила взгляд на хорошенькие обложки более сладостно, чем занимала себя поиском ненужного словаря, что не успела заметить, как тайком сорвала ширму с запыленного зеркала. Грязь скрывала ее потрескавшееся отражение, когда перед девичьими глазами вмиг все поплыло, точно мгновенный жар обрушился на ее плечи. Она повела пальцами по зеркалу, стирая многолетнюю пыль, пока ее взору не открылась пугающая картина: вместо отражения и кучи старинных книг, она увидела высотный замок у обрыва; подобно сказочной картинке виделась ей толпа людей, чьи головы оказались надежно покрыты черными мантиями.

Глаза ее широко распахнулись, а холодный пот медленно побежал по лбу. Она шагнула назад, прижимаясь к пустой стене, как вдруг все вмиг ожило в зеркале: хмурые облака тихо плыли по мрачному небу попутно ветру, а толпа магов продолжила путь к замку, тайком перешептываясь между собой.

Вопреки страху и неожиданности, она взяла ширму в руки и тут же накрыла ожившую картину. Колени задрожали, а в голову лезли чудные мысли.

«Наверное, это все последствия моей болезни, — подумала Розалинда, приходя в себя, — и на самом деле у меня обыкновенные глюки. Так ведь у всех... Да? Это обычная картина, чуть напоминавшая по форме зеркало... Старое и грязное... Обыкновенная вещь».

— Эй, ты где там? — звонкий голос Эдуарда вытащил девчонку из капкана собственных мыслей.

— Здесь... А ты это... Ну, нашел там? — запнулась она, спеша поскорее убраться из этого места.

Розалинда стремительно пронеслась по книжным коридорам, пока не наткнулась на Эдуарда.

— Да вот, вроде, — задумался он. — Мне показалось, это то, что мне нужно.

— Не знаю уж, — Розалинда тяжело дышала, застыв в напряженной позе. — Мне что-то плохо стало, я пойду...

— Постой. Что случилось? Так расстроилась, что не смогла помочь мне? — его губы немедленно расплылись в усмешке.

— Нет. Я болею, — отрезала Розалинда. — Прощай.

— Поправляйся скорее.

У порога до Розалинды донеслись его пожелания, вот только ни к душе, ни к сердцу она их не принимала. Тело ослабло, а рассудок помутился, она припоминала тот мужской шепот, что доносился из глубин картины.

«Интересно, что произошло, когда я накрыла ее? Исчезла ли та картина..?»

Утром следующего дня девушке поистине нездоровилось. Иной раз двери отворялись, и

на пороге оказывалась горничная с деревянным подносом. Матушка вся всполошилась и взволновалась, нафантазировав, словно Розалинда впопыхах бьется в лихорадке и в скорейшем времени пропадет из глаз человеческих. Тревога и вправду изменила ее: каждый час Дарья не упускала возможность удостовериться в состоянии дочери, а если ей вдруг становилось хуже, то матушка проявляла в глазах девочки нежное, иной раз мучительное чувство любви и великого долга, день за днем проводя в тесных покоях дочери. Приезжий издалека врач, — уставший мужчина лет сорока, в чьих чертах проглядывала неумолимая тоска и изношенность от жизненных тягот, — так и не смог выявить заболевание Розалинды. Мучение продолжились еще несколько дней — спальных и ленивых.

Все указывало на легкий жар без серьезных последствий, но ей становилось все хуже, особенно в ночное время. Казалось бы, как обыкновенная простуда привела девочку к таким страданиям? Врач всерьез размышлял о проклятии или порче, только это было не по его части. А матушка, женщина суеверная, в дни мгновенного поправления повела Розалинду в церковь, не успела она свыкнуться с жизнью без боли.

Старания церкви оказались бесплодны, и врачи не взялись ставить диагноз, а в Дарье поселился невероятный страх за светлость ее души. Сколько напрасных слов, слез и эмоций! Все мимо! Розалинда верила, что будь рядом с ней ее давняя подруга — Афелиса, обладательница целомудрия и магии — никаких хлопот бы не было. Эта сильная, манящая энергетика так и вещала другим колдунам, способным прочувствовать ее, что мана Афелисы величественна. Иногда, когда ей становилось лучше и благие мысли ютились в голове, она писала ей письма: бессмысленные, но чувственные.

«Дорогая Афелиса.

Пусть я и не знаю, где ты, как твое здоровье или дела, но мне очень хотелось бы оповестить тебя об одной неприятной ситуации. Ты понимаешь меня, как никто другой, и ждать осуждений от тебя кажется максимально глупым.

Милая моя Афелиса, я нуждаюсь в твоей помощи. Мама уснуть не может ночами, все сидит у моей кровати, молитвы читает, а мне от них противно. Тебе ведь известно — я не верующая и никогда в Бога не верила, впрочем, как и в людей. Но меня чуть ли не каждый день по церквям водят, очищают душу от порчи. Смешно.

Что уж там вера... Врачи не могут определиться с диагнозом, все твердят, что это обыкновенная простуда... А я порой умираю от нее.

Надеюсь на твою помощь до последнего. Я думаю, что это пустяки. Если уж я тебе так дорога, то приму это, как нечто очевидное. Мне важно думать и размышлять о твоих успехах.

Может быть, ты меня совсем позабыла. Не знаю. Но у меня появилось неудержимое желание напомнить тебе о себе. Именно тебе. Ты мне нужна, клянусь, безумно нужна. И мне хотелось бы, чтобы была счастлива. Ты ведь счастлива?

Напиши мне это в своем ответе.

Любящая Розалинда А.»

Боль зудела в висках. Сжав письмо, и посмотрев на дрожавшие, резкие буквы, она от бессилия легла в кровать, зарывшись лицом в подушку.

— Лили... Милая... Как же долго я не видела тебя, — шептал поблизости тихий сладостный голос. — Так выросла, совсем взрослая стала... Мать свою помнишь? Ну же, посмотри на меня...

Тонкие пальцы рук схватили девчонку за плечо, спускаясь все ниже. Розалинда

вздрыгнула и сухие губы ее раскрылись, стоило взглянуть на женщину, — до боли знакомую и родную, — чье лицо окутала темнота. Дрожь пробрала тело, а из окна подул ветер, наполняя комнату треклятым морозом.

Подобно статуе, она не обладала своим телом, а зародыши мыслей развеялись, словно дым.

— Почему ты не идешь? Неужели не скучала по мне, Лили? — женский голос стих. Тень вдруг пошевелилась, поднося руку к окровавленному лицу. Горькие слезы стекали по бледным щекам, а свет непременно озарял потухшую душу надеждой.

— Мерзавка! Мерзавка! — едко закричала она, повторяя снова и снова, всхлипывая и пытаясь вытереть слезы рукавом рубашки. — Неблагодарная скотина! Грех мне на душу за то, что я родила тебя. Сгинь с моих глаз, животное!

— Почему, — с уст Розалинды сорвался вздох разочарования, а сердце ее разрывалось от горестной обиды, — ты зовешь меня так..? Лили? Кто это? — не выдержала потрясенная девочка спустя мгновения тишины.

Мать не сказала ни единого слова в ответ, кажется, замолчав навсегда. Розалинда не могла пошевелиться, что до жути пугало ее и без того хрупкий рассудок.

— Подожди... Я все исправлю, пожалуйста! — умоляла она, вскидывая на женщину потерянный взгляд.

— Ты? Ты никогда не исправишь то, что успела натворить. Ты была моей дочерью, но легко нашла мне замену. Да не будь тебя, я радовалась той жизни, какую могла бы обрести, не тратясь на тебя! Где же твои слова благодарности? Твое счастье, мать умерла в той квартире... И бог с ней. К черту! Знай, что это последняя наша встреча, а иначе мое проклятье будет сильно и вечно.

Мать медленно поднялась, точно некто дергал ее за невидимые нити, и затаенно шагнула к девочке, которую обуяла паника. Как бы ни было велико желание убежать, скрыться и забыть об этой роковой встрече, сила извне не намеревалась исчезать.

— Лили, чего ты так дрожишь? Неужели тебе холодно? — нервный смешок сорвался с уст матери. — Ты могла бы меня согреть... Хочу примерить тебя. Это же мой размер! Не бойся, больно не будет. Я сделаю все быстро. Все для моей любимой дочери. Я не желаю тебе зла, — она положила руки на тонкие плечи Розалинды, сжав их со всей силы. — Помни об этом. Ты такая теплая, а дрожишь, как кленовый лист. Но... Что это за царапины? Мне любо носить лишь качественные вещи, — ее испуганное лицо, искривленные в злобной усмешке губы отражали укол самолюбия и нечистую совесть убогой души. — Ничего страшного... У тебя еще есть шанс искупить свой грех и вину передо мной. Не молчи! — звонкая пощёчина эхом раздалась в стенах непроглядного помещения.

— Да кто ты после этого?! Ты не можешь так поступать... Мерзко, грязно, и...

— Лживо, — перебила женщина, приподнимая её голову за подбородок. — Но лжешь здесь только ты, моя дорогая.

— Отпусти, прошу, отпусти!

— Мне нравится слышать твои просьбы. Но, к твоему сожалению, выполнить их — мне не по силе. Не заставляй меня повторять. Это невозможно.

— Но...

— Ты здесь на-все-гда.

7. Магический рубин

«Он умер потому, что эта смерть была нашей необходимостью; жизнь медленно подводила его к этому случаю. Он должен будет слечь в могилу, когда единственный свет разом потухнет, а руины надежды окончательно рухнут, как бесплодная, пустая мечта. Наверняка ты проклинал меня в тот день. Скрывать мой грех было непростительно, подло и грязно. На это способна лишь нечистая совесть, подпитываемая едким желанием лицемерия. Душа моя давно кается и временами я не могу отыскать здравого смысла в этом поступке. Стоит сказать, что сумасшествие поглотило плоды благоразумия, и, черт, не припомнится мне и секунды того страшного дня.

Мне необходим твой голос, твоя близость и любовь ко мне... Нам не удалось разъяснить многие моменты тогда, о чем я сожалею и хочу написать сейчас. Житейский опыт на каторге дал мне силы на осознание тех безумных мотивов, на воспоминания о том несчастном человеке, что порой пугает до жути, всплывая в памяти. Мною двигало веление сердца — чистое и невинное стремление уберечь тебя. Убить его не составило труда, ведь, признаться, я была не в себе в тот вечер. Мое письмо, кажется, не столь бессмысленно, как я полагала ранее, когда в голове зародилась мысль об этом. Мне известно о твоём укрытии, известно, как ты в отчаянии бежал на юг — подальше от Гроунстена. Хвала небесам за этот воистину бесценный подарок. Ты жив, и это воодушевляет меня. Однако не стану более отходить от главной мысли.

Я вошла в его дом с неясным волнением и предчувствием гадкого конца. Страх сковывал мои движения, ведь, о ужас, я слышала шаги за стеной! Все еще полагалась на богатые плоды воображения. С того убийства прошло немало времени и все вокруг переменялось. Кроме стремлений охотников. Это точно всегда будет прежним.

Чтобы ты знал и это уняло твое волнение, — я сейчас вдали от Гроунстена. Мне удалось сбежать. Похвально, но не более. По пути встречались купцы, что продавали оружие так свободно, что затревожилась даже я. Пистолет, купленный за цену до смешного малую, и по сей день со мной. Кто знает, когда решат проявить себя враги. Пешком я прошла колоссальный путь, показавшийся вечной дорогой. Добрые люди проживали в сельских местностях, отчего мне повезло — вопреки безысходности. К сожалению, не смею сказать, куда в итоге привела меня дорога. Надеюсь, я дождусь ответа столь же быстро, сколь стремительно пролетела та давняя сцена.

Афелиса Д.»

Пару раз пробежавшись взглядом по строкам в едком желании найти то, что и поныне не должен знать Ангарет, она откинулась на стуле. Навязчивые мысли рассыпались по бумаге, словно песок, твердея печатью на ее совести. Истощенная переживаниями, — внешними и душевными страданиями, — Афелиса поселилась в ветхом городишке вдали от побережья.

Серое облако повисло над головами славных горожан, выжимая капли дождя, подобные горьким слезам. Прошлое вилось позади бродячей жизни и истязало совесть в клочья.

Стук в дверь прервал молчание, и Афелиса вернулась в непривычные хлопоты скитальчества. Почтальон забрал письмо скорейшим образом, и казалось, что тот парень

оставался единственным посторонним человеком в этой тесной квартире.

Резкий поворот в жизни случился в роковое время; промелькнет ужасом воспоминание о восстании магических существ.

Обыкновенные люди, подобные тем, что презирают и попрекают колдунов в демоническом происхождении, оставались холодны и скептичны к противостоянию. Беззаботные и неглубокие умы не знали о предстоящих планах магов, отчаянно прятавшихся от света в своих темных укрытиях, помышляя о сильнейшем ударе по охотничьему самолюбию. Афелиса, уязвленная и униженная в охотничьих кругах, более не хотела скрывать свою настоящую сущность от мира. Она заявила в общество тех магов, чья способность над превосходством охотников была столь же сильна, как и вина, следующая за Афелисой по пути в маленький городок.

Пусть верховные жрицы недоверчиво и косо смотрели на яростный порыв Афелисы влиться в их общество, но вскоре тепло приняли ее в объятия испытаний и всяческих моральных унижений. Магов в темнице было немного — большая часть даже не подавала голоса, стыдливо теснясь в укромном углу. Люди внешне мудрые, совершенно разного возраста. Один парнишка на радостях едва не сломал рубин, сжимая его в крепких руках, а старика, кажется, готового уже слечь в гроб, почитали, как бога.

После Афелиса узнала о ценности его силы и умений. Все здесь уживались скудно и тесно, подобно серым мышам, что боялись показать свой хвост. Зброшенная темница внушала смердящее чувство страха и ощущение места воистину мертвого и опустошенного. Никто не смел выходить за стены этого места или показываться в закопченных окнах, закрытых черной тканью.

Темница располагалась в отдалении от города и на устах горожан была местом недоступным. Всякий раз легенды о проклятии и порче того места нагоняли панику на приближающихся людей.

«Такая тоскливая аура. Думаю, это место пережило множество потерь,» — раздумывала Афелиса, спускаясь вниз по винтовой лестнице.

После недавнего разговора чувства внутри стерлись, а ожидание доверия верховных жриц стремительно возрастало.

На следующий день, едва начало светать, маги собрались на чердаке под черной крышей темницы.

— Хорошо, что сегодня без плохих новостей, — оглядела магов жрица. — Элид, я правильно говорю? Ничего не изменилось за утро?

— Конечно, никаких новостей не было. Охотники вдали от горизонта, все еще в Гроунстене, — поклонился низкорослый парнишка в легком смятении.

— Настанет момент, когда Гроунстен совсем развалится. И всему виной те глупые люди, коим хватило наглости вторгнуться на остров магов, — другая жрица уселась рядом с Афелисой. — Им не понравился рассвет магических сил, как и другим людям, скептически относящимся к колдовству. Надеюсь, после воскрешения сил рубина справедливость восстановится.

— Поймите, но почему вы не могли сделать это раньше? — прервала ее речь Афелиса, игнорируя возмущенные взгляды. — Или было недостаточно энергии? Право, я не понимаю и размышляю об этом с тех пор, как впервые услышала о рубине.

— Все потому, — вдруг отозвался дряхлый старик, медленно поднимаясь с помощью деревянной трости, — что нас было недостаточно. Нужны были маги, чья сила смогла бы

вернуть магическому рубину свою силу.

— И никто еще не обманывал нас, — подхватил Элид, останавливаясь напротив Афелисы. — Все мы обладаем общими способностями и бьюсь об заклад, что тебе приходилось немало узнавать о человеке, не познакомившись с ним.

— Все верно, — одобрительно кивнула жрица. — Маги из Гроунстена связываются с нами каждый день, что дает нам знание о помышлениях охотников.

— Когда рубин получит достаточную силу, все живое на острове умрет, — заключила вторая женщина, заправляя за ухо темную прядь волос. — Мы уверены, что твари промышляют не дальше его пределов. Старейшины в Гроунстене скоро присоединятся к нам, чтобы покончить с этим процессом.

— По крайней мере, нам будет важно их состояние, — пояснила девушка в темном одеянии. — Если окажутся нездоровыми, то и толку от них не будет.

— Да, я тоже думала об этом. Тебе лучше не высовываться из темницы, если не хочешь словить подозрения, — призвала жрица. — Нам не нужны проблемы от одного человека, — она наградила Афелису прожигающим взглядом, улавливая на застывших губах невысказанные слова.

Что-то схожее было в двух жрицах: их внешность и тон голоса были словно цельными. Афелисе не раз приходилось слушать нравоучения и справки о своей воле. Одна из них, весьма высокая и широкоплечая женщина, наказывала ту девушку, — по-видимому, приходившуюся ей дочерью, — еще не вкусившую тяготы взрослой жизни.

Первая их встреча состоялась при собрании, когда Афелиса с удивлением глядела на незнакомку, чья голова была покрыта черным платком и склонена к груди.

Хрупкое тело под пышным одеянием ни разу не шевельнулось, взгляд не косился на окружение; лишь под конец, когда разговор стих и бойкий жар юного сердца стерся в пепел, она слабо кивнула матери и тайком вышла из помещения. Шаги ее, стремительно спускающейся по лестнице, эхом донеслись до Афелисы, а после осторожно смолкли.

Станным оказалось то, что всем магам не было дозволено покидать темницу, — да даже проявлять признаки жизни! — а тут прямо перед ее глазами девушка, ранее не знакомая и весьма эксцентричная, сходит к выходу и мелькает в окне, уходя задним двором.

Чуждаковатость правил, установленных не для всех раздражала Афелису, чье желание свободы яростно разгоралось внутри.

Ей хотелось уяснить все тонкости их дозволенностей у жрицы, приходившийся матерью незнакомке. В одном разговоре она с возмущением упомянула об этом.

— Могу ли я узнать, раз уж Вы заговорили о строгих правилах, то почему не все из нас их соблюдают? — спросила Афелиса, поднимаясь со стула. — Или все здесь работает не так уж и честно?

— Не все соблюдают? — повторил Элид с непониманием. — Как же не все? Да ты шутишь, должно быть! Все мы здесь на равных!

— Но вчерашним днем я видела, как та девочка, что раннее тоже была здесь, но снова куда-то ушла, выходила на улицу. Как же все честно, Элид? Кажется, ты обманываешь себя.

— Ха-ха, так ты про Илекс! Ха-ха, а я-то думаю, кто, право, не послушается жрицам! Однако, наверное, старейшина все же главнее их будет, — засмеялся Элид, зашивая грязную рубашку, случайно уколов иглой палец. — Теперь кровь будет... совсем не отстирается, — досадно выдохнул юноша, с неким сожалением взирая на проступившую кровь. — Но, думаю, мне не привыкать!

— Ты не ответил на мой вопрос, — настаивала Афелиса.

— Ты про что? А, про проступки Илекс... могу только одно сказать: ей жуть как не повезло! Она доставляет нам еду и одежду, и бедной Илекс приходится быть служанкой, а жрице не возразишь. Все здесь делается по ее желанию.

— Тогда все ясно. Но мне всё равно не ясно, почему её всё ещё не подозревают? Илекс ведь всегда ходит в черной одежде, пугается каждого шороха, неразговорчива в конце-концов.

— Мне-то откуда знать? — Элид пожал плечами. — Если бы мы здесь были не одни, то жрица бы уяснила свои требования. Все, что я могу сказать, это то, что она сделалась мне будто бы настоящей матерью. Славная женщина!

— Мне многое неизвестно о вас... Все как-то вскользь, ничего не ясно. Может, ты расскажешь что-нибудь?

— Что ты желаешь слышать? Я могу очень много рассказать, но потом ты скажешь, что ненужно было такие глупости упоминать. Это мне постоянно Илекс говорит, но иногда даже смеется и шутит, хотя это редкость. Она моя единственная подруга, эта загадочность в ней привлекает меня. Ты наверняка думала, что она похожа на монашку, но нет, — воскликнул Элид, отложив рубашку в сторону. — Илекс не приписывает себя ни к какой вере, а ходит в платке только потому, что ей так любо смотреть на себя в зеркало. Чудно, не правда?

— А что же насчет жриц? Я замечала их схожесть: они точно сестры, но, однако, при этом они совершенно не похожи, — сказала Афелиса, осознавая глупость своего высказывания. — Надеюсь, ты поймешь, о чем я...

— Кажется, понимаю. И нет, они вовсе не сестры. Обычные колдуньи, как и ты, которые нашли друг друга ради благих целей. Я еще тогда был приемником Милады и до конца не знаю, как создавалось сборище магов.

— Я вот думаю, — Афелиса придвинулась поближе к парню, — Ты упоминал, что жрица Милада сделалась тебе настоящей матерью. Но до этого у тебя не было семьи?

— Не было. Но я и не жаловался, меня быстро приняла Милада и я спокойно жил да поживал. Только не надо о моей наискучнейшей жизни, глупость какая-то! Давай лучше о том, как ты вообще покинула Гроунстен. Там ведь каждого человека контролируют, все проверяют, думают, что и впрямь найдут предателя, смешные такие! Все еще не могут понять, что там только они твари, — усмехнувшись, Элид искоса посмотрел на Афелису. — А ты? Как тебе удалось выбраться живой? Признаться, я до того наслушался рассказов всяких от Илекс, что и слушать более не хочу об охотничьих вещах. Нудно и глупо. Сидеть в этих темных стенах не в удовольствие, но глубоко надеюсь, что мы когда-нибудь будем свободны.

— Я... — повторила Афелиса, точно припоминая. — Ну, это было не так уж и сложно. Еще тогда, годами раннее границы не охранялись, и любой желающий был вправе покинуть родные края. Сейчас все переменялось. Казнь угрожает каждому охотнику, навлекающему на себя подозрения и, кажется, всему виной мой поступок. Ты догадался, я и вправду скрывала ото всех свои способности и даже сблизилась с одной интересной девчонкой, с которой мы поныне в разлуке. И я не знаю, где она может быть, хотя всячески надеюсь, что не в пределах Гроунстена.

Взор ее вскинулся на наручные часы Элида. Золотой циферблат сверкал, переливаясь под лучами солнца, а стрелки неторопливо проворачивали обыденный путь.

— Неплохие часы, — заметила она, приглядываясь. — Точно натуральная кожа, сейчас такие нелегко достать.

— Мне повезло с ними, это наследство, — возгордился мальчик, торжественно демонстрируя ценную вещицу. — Я рад, что ты заметила.

— В детстве отец мой коллекционировал часы, и они по сей день нагоняют на меня тоскливую ностальгию, — вновь перешла на тихий тон девушка. — Думаю, наш разговор уже не имеет смысла, Элид. Тебе пора по делам.

— Дела? Каким еще делам? — с жаром вспыхнул он. — Никаких занятий нет! Я же говорю, полная скукота!

— Как скажешь, — улыбнулась Афелиса и взглянула на темную тень у порога. — Эй! — воскликнула она в удивлении, стоя как вкопанная.

Девочка в страхе скрылась за поворотом, поджимая руки к груди. Элид вмиг подскочил с холодного пола и выбежал из комнаты, попутно крича ее имя.

— Илекс! — эхом прогремело среди толстых стен, — Подожди же! Чего ты убегаешь? Афелиса сидела в углу, как бы в ожидании чего-то, впрочем, и сама не зная зачем. Ей и в голову не приходило уйти, видя суматоху среди вечной тишины. Казалось, вся вселенная разбила стеклянную ценность, и, позабыв обо всем, она в спокойствии смогла бы высиживать в сыром помещении три года сряду, где бы никто не повстречался ей, не считая крыс.

Иной раз сверху слышались отголоски тяжелого разговора. Элид громко восклицал, не осознавая, как легко нарывается на скандал со жрицами. После в неопределенное время начало смеркаться. Размеренные шаги послышались вдоль коридора, намереваясь встрепетать и высвободить Афелису из неважного состояния. У порога показалась Милада. Вид у нее был спокойный, хоть и бледность кожи придавала ей болезненности.

— Мы собираемся на чаепитие. Присоединишься к нам? — подошла она поближе.

Сконфузившись, Афелиса что-то пробормотала в предательском смущении и вмиг вскочила с пола. Поймав внимательный взгляд Милады, румянец выступил на ее тощих щеках, а взгляд свелся в пол. Посмотрев в темное окно безо всякой мысли, она вскинула взор исподлобья, точно пугаясь величия жрицы.

«Возможно, я и впрямь многое себе позволяю, находясь тут, — подумалось ей. — Здесь люди важные, и любая шутка позор... Впрочем, просто перестану вести себя, как дома».

— Перекусишь, поговорим. Не нужно так нелепо растрчивать силы, — разъяснила Милада после некоторого молчания. — А впрочем, как пожелаешь.

— Я хочу!.. Да. И пойду с вами.

Жрица в конце концов одобрительно кивнула и жестом словно приказала пройти по лестнице. Потоптавшись на месте, Афелиса отправилась вслед за женщиной.

Стены, словно стянутые крошечной темнотой и страхом, вытесняли все светлые чувства, отчего порой не хватало сил находиться в этом разрушенном омуте.

Афелисе, впрочем, приглянулось платье жрицы. Золотистые вставки сверкали по краям, облекая бедра и спускаясь ниже, к голени, а черный плащ, накинутый на широкие плечи, тихо вился следом. И лишь одна мысль не давала ей покоя, — она поистине жаждала ответа все эти года заточения. Казалось, что рассказ о магическом рубине был лишь легендой, потому что ей никак не объяснили действия его сил.

Элид, открытый и приветливый юноша, не раз рассказывал, что вскоре остров покроется волшебной, но едкой пеленой магии, стирающей всю живность, вплоть до мелких насекомых. Тогда чудесный Гроунстен станет огромным кладбищем грешников среди

древнего моря.

Однако, как же маги смогут стремительно покинуть остров, не оставив после своего ухода подозрений или тайного знака о поре охотничьим действиям? Многие факторы не уживались в ее голове, но девушка мечтала вскоре вникнуть в мотивы магов поглубже.

Комнатка, озарённая светом от трех ламп, находилась под крепким куполом. Виделось, что именно здесь уживался их быт и стесненная жизнь униженных судьбой людей. Деревянные сундуки, покрытые клетчатой тканью, вплотную были прижаты к стене. Мягкие подушки на каждой из таких кроватей выглядели изношенными и грязными. Подле них Афелиса заметила черные сумки с едой и стопки сложенных одежд. В одном углу, до которого доходил свет, все было также, однако куски ткани оказались разбросаны на полу, а из небольшого чемодана выглядывали изорванные в клочья платки.

Впервые ей в голову взбрела мысль об неухоженности Элида и интуиция на славу ее не подвела. Спустя минуту он уселся на пол подле сундука, оперевшись на него спиной, точно разглядывая свое необычное окружение. По соседству, совсем рядом, прибранный и порядочный уголок скромной девочки. Над головой, под самым куполом на стянутой веревке по обе стороны сушилось белье над самым центром комнаты. Единственное окно, занавешенное черной тряпкой, проглядывало в коридоре, и не успела Афелиса оглянуться, как дверь с шумом захлопнулась.

— Нам нечего и некого ждать, — провозгласил Элид, проходя мимо Афелисы. — Поэтому волноваться не стоит.

— Мне и вправду нужно кое о чем спросить вас, — неловко напомнила о себе она. — Не страшно ли вам ютиться у самой крыши, опасаясь, что кто-либо посторонний может зайти?

— В этом нет нужды: никому не интересна заброшенная темница, и все городские уже давно позабыли о ней. В первые мгновения мы сторожились и прислушивались к каждому шороху, но вскоре осознали, что это Богом забытое место.

— Но еще тогда неугомонные искатели приключений наживались на проблемы, пытаясь пробраться сюда, — хриплым голосом вспомнил старик, яростно возмущаясь. — Едва не узнали о том, что жизнь здесь все еще хранится, да быстро перепугались.

— Я тоже помню, — согласился Элид. — И знаете, мне безопасно находиться в месте, которого все боятся. Не странно ли? — он резво развернулся к Афелисе.

— Думаю, это сыграло вам в пользу.

— Именно, — подтвердил он, подавая ей чашку чая. — Держи.

— Благодарю.

Сказав это, Афелиса присоединилась к кругу разгорающегося диалога. Все без исключения, — даже тот дряхлый старик под старческим порывом, с воодушевлением припоминал восстание служивших поневоле, случившееся в период юношеского энтузиазма. Илекс спокойно наслаждалась угощением, перекидываясь с другом парой слов, одновременно получая наставления от матери. Чувства на ее маленьком лице стремительно переменялись от неловкого смущения до странного восторга и веселого настроения, стоило ей заговорить с Элидом. Одна Афелиса, кажется, так и не смогла пристроиться ни к одной компании, пока один из разговоров не коснулся ее личности и прошлого.

— Слушай, Афелиса, — окликнула ее вторая жрица. — Я, конечно, многое слышала о тебе, но, кажется, неправда это все. Говорили, что какая-то охотница нагло обманула охотничьего командира в служебной измене и подставила убийство. Подробности я не

знаю, но, вспоминается, звучало это именно так и в таком тоне.

— Было одно дельце, весьма неприятное и вспоминать его не хочется. Одно из таких, какое нужно забыть навсегда, иначе совесть будет карать меня снова и снова, — отмахнулась Афелиса, тайком изворачиваясь от темы. — А что насчет Вас? Элид, естественно, приводил мне справки, но хотелось бы услышать Вашу историю из самой создательницы.

— Я расскажу об этом позже. Сейчас, я настояю на том, чтобы ты рассказала мне обстановку Гроунстена в том прошлом. Магов в то время было побольше на острове, но, видимо, ты одна из тех, кто смог покинуть его вовремя. Мы ценим это. Скверно и положение охотников — они ошибочно полагают о своей скорой победе, видя, что маги больше не преграждают путь к захвату. Я могла бы говорить об этом вечно, Афелиса, но боюсь, что мимо наших ушей проскользнет кое-что важное, — легкая улыбка проявилась на ее смуглом лице и, обернувшись ко всем остальным, более она не беспокоила Афелису.

«Странное дело, — беспрестанно рассуждала девушка, отдалившись от толпы. — Все они разные по внешности, характеру и даже манере речи, но судьба свела их к единой цели. Не перестаю думать о их сплоченности и силе души в критическое время, наносящее им огромные раны. Право, у них, как и у меня, раскрыта магическая способность, но вот незадача, — они получают от меня немногую силу, а оттого рубин не сможет загореться в полной мере. Надеюсь на помощь других магов, иначе план потерпит крах, — мысли внезапно загорались и тут же потухали в холодном пепле. — Гроунстен и вправду вскоре станет обыкновенным земным кладбищем. Кто бы мог подумать, что острова больше никогда не коснется солнце»

Легкий ступор затмил ее рассудок, а усталость клонила в сон, отчего ей слышались знакомые отголоски. Оперевшись спиной об стену, она закрыла глаза и пока не уснула, когда Элид резко дернул ее плечо и прокричал прямо в ухо.

— Эй, может, тебе постелить что? — звонкий голос ударил по ушам, отчего она мгновенно отскочила подальше, осматриваясь по сторонам. — Афелиса.

— Что?.. Зачем так кричать? — в гневе прошипела она, стиснув зубы. — Я знаю, ты сделал это намеренно!

— Нет, и мне обидно, что ты делаешь такие выводы обо мне, — возразил Элид, подходя ближе. — Я желаю тебе добра и непременно удобства. Что же ты наговариваешь на меня? Можешь занять мою кровать, я не буду сегодня спать.

— Что же ты спать не будешь, а? — подозрительно фыркнула Афелиса, вглядываясь в его невинные черты. — Нет нужды беспокоиться обо мне.

— Ты же мой друг, — Элид опустился на колени перед испуганной Афелисой, кладя руку на плечо. — Этой ночью тебе необходимо отоспаться, чтобы насытиться силами перед трудным днем. Пойдем.

Они встали, и Элид под руку повел Афелису к кровати; однако вскоре, то ли от обыкновенного отвращения, то ли под порывом злости, девушка отняла ладонь. Подойдя к сундуку, Элид тут же поправил простынь и застегнуть молнию сумки, желая показать дружественную заботу; он и впрямь за несколько мгновений убрал беспорядок и уподобил угол чистой идилии Илекса.

— Если тебе понадобится что-то или станет неудобно, — зови меня.

С этими словами он отошел от Афелисы в стихший круг магов. Станные шепоты, тихие отголоски звучали в голове, и она хотела услышать иную мелочь, сказанную ими, однако до того упрямую, что доносились до ее ушей лишь опечаленные вздохи Элида.

Толпа вновь прониклась в буйство разговора, и только ближе к полуночи свет потух. Афелиса чувствовала легкий шорох близ нее и едва вздрогнула, не смея раскрыть глаза и рассмотреть источник шума. Но ей до того желалось узнать их тайну, что даже страх не смог восторжествовать над рассудком. Через несколько секунд шум стих, и послышался тоненький голосок Илекс.

— Скорее, — шепнула она, стоя у двери. — Все уже давно пошли.

Афелиса почувствовала тусклое свечение, ослепившие ее глаза. Илекс еще пару раз позвала Элида, отходя немного дальше, так что свет медленно убрался со спящего лица Афелисы. Где-то над головой послышался зов сов, а чуть ближе Афелиса ощутила легкое, словно случайное прикосновение. Застыв подобно мертвецу, она всеми силами воздерживалась от желания поглядеть на ладонь, оцепеневшую на ее коленях.

— Уже иду, — отозвался Элид, тут же убирая руку. — Ты взяла книгу?

Отдаляющиеся к двери шаги вскоре и вовсе стихли, превратившись в каменное эхо. Дверь со скрипом закрылась, и комнату поглотила мертвая тишина. Ни единого шороха не доносилось — лишь звук торопливых шагов тихо доживал свои последние секунды. Афелиса приоткрыла глаза и осторожно огляделась. Все было по прежнему, убранство оставалось на своих местах. Жуткая темнота резала глаза. Девушка медленно села, приходя в себя.

Ноги отяжелели, мгновенно став ватными, так что подняться не было сил. Частое страдание Афелисы настигло ее в самый неподходящий момент.

Встав с кровати, она медленно пошла вперед, к дверям, выставив ладони перед собой. Девушка успевала разглядеть местоположение многого, хотя иной раз все равно спотыкалась о знакомые вещи, расставленные словно в другом месте. Ведя рукой вдоль стены, в которой должен быть выход, Афелиса через пару мгновений нащупала ручку.

Дернув за прохладную металлическую часть, она приоткрыла дверь с ужасным скрипом, отчего ей показалось, что кто-то прямо сейчас возвращается.

Замерев у порога, девушка с минуту прислушивалась к каждому шороху, приходившему даже извне, но после с облегчением осознала галлюцинации страха.

Коридор освещал лунный свет, падающий из окна, и фонарь, стоящий на полу посреди прохода. Внезапно она задумалась о странности своих действий и сделала шаг назад. Что, если маги вздумали промышлять обряд, а ее не допустили из-за ужаснейшей неопытности?

Страшные мысли вогнали ее в ступор. Желание запретного тяготило ее куда сильнее, чем страх последствий.

«Если они и узнают, то только на утро, верно? — спрашивала она у себя. — Элид упомянул, что ночью он не будет спать, следовательно, он непременно отправился с ними. До утра я в безопасности».

Не двигаясь, она глянула на лестницу, пытаясь уловить голоса: ей хотелось разузнать издали ночное их собрание. Шагнув на ступень так случайно, она не смогла управиться с собой, следуя порыву любопытства. Сходя все ниже, без лишнего шума она оказалась на уцелевшем этаже. Коридор разветвлялся, и, пойдя в правую сторону, монотонный, будто бы опечаленный голос Малиды доносился до нее все громче.

«Они уже начали и не будут рады моему появлению, — Афелиса отчаянно пыталась избавиться от назойливо зудящих над ухом мыслей. — Раньше мои силы никогда не подводили меня, но, по истечении времени, совсем иссякли. В любом случае, раз уж я присоединилась к ним, они целиком и полностью должны были включить меня в их круг... может быть.».

Обряд, как казалось Афелисе, был в самом разгаре. Она прижалась к стене, откуда звучали речи жриц, ненароком заглядывая в щель приоткрытой двери. Адреналин и лёгкое предчувствие опасности кипятили кровь. Она пребывала в упоении от запретных желаний и была готова совершить немыслимые вещи на благо риска. Странная картина открылась ей: все маги стояли, сгруппировавшись у небольшого столика, и, не отрывая взгляда, словно ожившие мертвецы, слушали речи о возрождении сил магического рубина. Даже Элид, отличавшийся своей буйностью и веселостью, будто привороженный уставился на сверкавший в руках жрицы шар.

Отдалившись, за спинами других, точно отверженная, тихо стояла Илекс, держа в руках стопку старых рукописей.

— Все же, мы надеемся, что действие не потребует жертв, — заключила Милада, сложив руки за спину. — Рубин может потребовать что угодно — будь это объектом появления магических сил, — и мы никак не можем предсказать, вопреки нашим связям.

— В любом случае, — мужской бархатный голос зазвучал прямо из шара, — нам нужно держать жертву наготове. Желательно, приискать заранее: без обмана здесь не обойтись. Лишь истинный патриот будет готов отдать жизнь ради спасения родных краев...

— У нас уже есть один человек, — сказал Элид, высовываясь вперед, — не волнуйтесь.

— И вправду. Будем надеяться, что вы сохраните силы в безопасности.

— Как скажете. Что насчет вашего отъезда? — добавил Элид.

— Мы прибудем уже на этой неделе вместе с рубином. Нам на благо будет остаться без подозрений у местных жителей, ведь магов в Гроунстене больше, чем в ваших краях, пусть это и нигде не озвучивается.

— Вы должны добраться сюда со славными колдунами, лишь тогда мы сможем с радостью принять вас.

— Разумеется. Но, кажется, наше собрание пора завершать. Время поджигает, вы, должно быть, понимаете, какую важность оно для нас несет...

Обменявшись парой слов, к сожалению, не расслышанных Афелисой, шар вмиг погас, а маги начали расходиться. Ранее магический шар, переливающийся блестками, в котором промелькнуло мужское лицо, истратил свои силы и превратился в обыкновенную серую материю. Все маги отошли от стола, сходясь к стене близ Афелисы, перешептываясь между собой. Девушка ступила два шага назад, а сильная тревожность расщепляла ее рассудительность и силы. Это казалось преступным делом, за которым следует смерть. Она простояла с полторы минуты, сжимая ладони в кулак, пока не услышала возглас жрицы.

— Пора возвращаться, — громко напомнила она, и все ступили на выход.

Сигнал, поданный Миладой, Афелисе послужил последним шансом добраться до самого верха без приключений. На носках, тихо перебираясь, девушка спряталась за угол, прислушиваясь к их шагам. Винтовая лестница, ведущая к ночлегу, находилась на виду у самых проходов двух разветвлении. Время поджимало. Выдохнув так встревоженно, она проскользнула из-за угла на лестницу, а после мигом побежала, насытившись успокаивающей мыслью о том, что излишний ее шум не доносится до ушей магов. Они, кажется, все еще толпились в коридоре, но шаги их были способны заглушить шум Афелисы.

Взобравшись на самый верх, она остановилась у стены и снова прислушалась.

Разговоров более не было, а дверь ужасно скрипела.

Медленно, боясь произвести шум, Афелиса открыла ее, озираясь по сторонам. Тревога душила, а руки мелко тряслись. Открыв небольшую щель, в которую она могла бы пройти,

Афелиса тайком спряталась в кладовой.

Приоткрыв дверь, она наощупь проскользнула на сундук и с беспокойством легла. Разные чувства смешались внутри нее. Радость, страх, разочарование, и все виделось ей ужасным: мысли об услышанном никак не укладывались.

Звуки шагов приближались, а голоса все до единого смолкли. Девушка подумала, что они могли что-то заподозрить, и вмиг отвернулась к стене, приняв спящий вид. Затаив дыхание, ей оставалось только слушать и делать выводы о своем успехе остаться незамеченной. Дверь отворилась, и маги вошли в комнату. Убежище, словно угнетенное напряжением, оставило неприятный осадок.

Старик, которому едва удавалось передвигаться, что-то пробурчал и слег на сундук. Успокоенное, точно мертвое лицо его не подавало признаков жизни. Изредка он храпел и переворачивался с бока на бок. Илекс в смятении прибежала к своей кроватке, что-то обговорила с Миладой и без шума уснула через полчаса. Элид и жрицы, не спавшие еще час, сидели в тишине, пока женщина не решилась предложить выпить чай.

Ночь тянулась долго и медлительно в сознании Афелисы. Сон не шел, а страх лишь отгонял его. Поддерживая сонный вид, она тайком подслушивала разговор Милады и Элида, страшась пошевелиться.

— Но, постой, — Элид протянул к ней руку, останавливая. — Без жертвы совсем никак? Может, та информация была не достоверна и... в конце концов, нам удастся сохранить?..

— Элид, — обращалась она к мальчишке, — нам не дозволено совершать ошибки, иначе это грозит выйти нам боком. Мы будем следовать наставлениям высших сил и подчиняться. Мы не вправе управлять желанием старейшин.

— Ты же знаешь, какие они — высшие силы. Сплошной обман и эгоизм. Все колдуны знают, что им вдоволь хватает энергии возродить рубин, но никто не хочет восстанавливаться после церемонии. Что уж говорить, — разочарованно выдохнул Элид, — если даже дата церемонии не назначена до сих пор. О какой серьезности может идти речь? Слышишь?

— Не нужно глупостей, дорогой.

— Глупостей? Да я один здесь, кто не подчиняется этим высшим силам, потому что имею свое право!

Язвительный смех Милады поверг парня в шок.

— Ты? Имеешь право? Низшие колдуны не способны воспрепятствовать воли старейшин, усвоишь ли ты это?

— Все равно, Милада. Я буду стоять на своем.

— Довольно, — резко прервала она Элида, у которого явно в голове толпились невысказанные мысли, — мне неохотно слушать твою юношескую брехню. Ступай спать.

Сконфузившийся Элид, временами содрогавшийся до чертиков в порыве гнева, что-то шептал про себя, будто бы скороговоркой, но после стиснул зубы и уселся на кровать. Мелида ни слова не обронила, но Афелиса чувствовала напряженность ситуации и то, как мальчик тяжело вздыхал. Они семья, думалось ей, однако кто-то вонзил клинок между ними. Впрочем, что бы ей не приходило в голову, от каждой мысли клонило в сон, а глаза невольно смыкались. Хотелось уснуть только ради отвержения плохих мыслей.

Ранним утром, кажется, еще на восходе, как после сообщил ей Элид, хорошо выспавшаяся, она проснулась после долгого сна. Это сновидение промчалось перед ней так быстро, но в ее памяти все еще уживались мельчайшие ее детали. Лениво потянувшись,

девушка ненароком увидела мальчишку, повернутого к ней спиной. Он стоял у небольшого столика напротив входной двери и что-то творил. Она не могла четко разглядеть предмет в его руках, но могла предположить, что тот точит ножи. Афелиса лежала без действий, изображая сонный вид, ибо вставать сейчас ей представлялось некомфортно. Прошло минут пять и в стороне послышался шорох, а затем хриплый кашель. Илекс сразу же уселась на кровать, уставив глаза в пол. Заметив ее, Элид и не подал вида, хоть даже и чуть вздрогнул от неожиданности и засуетился. Он быстро, неловкими движениями спрятал ножи и с волнующей улыбкой посмотрел на нее.

Девочка все еще не могла прийти в себя. Весь вид ее вторил о погружении в мысли до того, что она некоторое время не замечала фигуру Элида перед ней. Однако, подняв голову, засмушалась и до жути стало неловко, что она закрыла румяное свое личико руками, неумолимо прося извинений.

— Прости, я что-то забылась. Ты знаешь, что со мной часто случается подобное, — девочка глядела на него невинно, но стеснительность ее вмиг спала спустя долю минуты. — Зачем так рано поднялся?

— Не спалось, — отрезал Элид.

— Правда? В последнее время бессонница прямо овладела тобой, — она улыбнулась.

— У меня есть свои причины. Не уверен, что выражусь правильно, говоря о бессоннице, — Элид уселся рядом с ней, поворачиваясь боком. — Это не всем нужно знать.

— А мне расскажешь? — шептала Илекс, оглядываясь по сторонам. Она приближалась к нему так близко, что кажется, носы их могли соприкоснуться.

— Тебе?.. Хм, — задумчиво произнес он, — могу, ведь доверие мое к тебе бесценно. Только потом: не думаю, что все будут долго спать.

— Хорошо, Элид, — Илекс кивнула и вскочила на ноги. — Если это ужасная, страшная новость, то мне хотелось бы услышать ее из твоих уст, — тихо сказала она, грустно и задумчиво склонив голову и не подозревая, каким сверкающим взглядом глядел на нее Элид, — но, кажется, я начинаю догадываться, что ты имеешь в виду.

Девочка вздрогнула и поглядела на Элида. А тот с особой внимательностью слушал ее.

— Я бы не прочь рассказать сейчас, только нам нужно отойти.

— Как скажешь, — ответила Илекс, — пойдём.

Они отворили дверь и мигом пробрались в коридор, далее спускаясь по лестнице. Илекс шла медленно, будто не отоспавшись. Наконец, Элид привел ее в помещение, раннее знакомое ему и Афелисе.

— Думаю, здесь слышно ничего не будет, — сказал Элид, — только пообещай, а лучше, поклянись, что больше никому не расскажешь об услышанном.

— Обещаю.

8. Ключ к избавлению от ночных бесов

Те проклятые слова отдавались эхом в ее голове. Девочка проснулась от кошмара, словно душившего ее, преграждавшего путь кислороду. Ворочаясь с бока на бок, Розалинда нехотя прокручивала в мыслях те до боли страшные события, а порожденное фантазией удушье все еще припекало чувствительную кожу.

Ярые солнечные лучи струились через шторы, озаряя сонное девичье личико. Садясь на кровати, она расслышала чей-то разговор, сверху, нарушавший идиллию тишины. Однако, непривычные чувства, дотоле не испытываемые, затмили обыкновенную картину.

Этим утром никто не стучался, выходя за пределы ее спокойствия, — мать и служанка, не навещавшие девицу до самого полудня, навяли на нее чувство чего-то странного и подозрительного. Беспокойство, пытающее Розалинду с самого сна, не отпускало, напрочь вытесняя из умиротворения, не давая свободы мысли.

Впрочем, тревожилась она долго и мучительно, а когда пришло время выходить, то и вовсе не повстречала никого.

Загуманенному рассудку казалось, что вокруг нет ни единой живой души. За стенами пусто и тихо, что ощущалось внутри по-особенному холодно и отстраненно. Мертво и сухо было угнетение, возвышенное над приемным залом, где прежде она повстречалась с гостем. Все же Розалинда не обращала столь внимания на все странности так чувственно, как во всем желании глаза ее бегали по каждому углу.

«Платье, забранное горничной, должно быть, сушится, — размышляла девица, спускаясь вниз по лестнице, — Все же, стоит проверить. Вдруг она в отъезде? А мне ни слова не сказали, к тому же мама...»

Мысль ее неожиданно прервалась. Лестница вела к холлу, но нежные ступни до того замерзли, что следовать по пути оставалось невозможным. Еще тогда она вспоминала, как вывозили все вещи из комнаты в иное помещение, называемое её новым местом для написания сценариев. Иначе шум, доносившийся с третьего этажа, нарушал ход ее мыслей, и не позволял вдоволь заниматься работой. Братья, что жили над ней, будто нарочно приносили столько проблем, может даже из-за всё ещё неутихающего чувства ревности. Хоть они и признали Розалинду, но оставались не против подшутить над девчонкой и увидеть яркие пятна возмущения на бледном лице. Оттого мать взяла идею со сменой помещения в свои руки. Только все равно девице удалось заскочить туда лишь пару дней назад, во время ремонта.

Теперь же она без сомнения знала куда идти.

Пижама, что сидела на ней так свободно, досталась ей от матери в качестве подарка. Легкая ткань облегла черты ее тела, и небольшой бюст, а черные кружева обрамляли белые плечи.

Свернув за угол, она остановилась, все же прислушиваясь, вертя головой в разные стороны. Матушка не желала видеть ее в растрепанном виде, впрочем, не упоминая то болезненное и пугающее ее состояние.

Розалинда тихо отворила дверь в конце коридора. Понять, что комнатка, тихая и до жути темная, и обжита лишь — кроватью, столом и шкафом. Белое деревянное полотно

напротив кровати оказалось чуть приоткрытым, и на вид выступал зеленый, переливающийся костюм.

Девушка шагнула прямо к нему, в легком трепете отворив резные дверцы. Разнообразием нарядов Розалинда не могла похвастаться, тем не менее отрекаясь от излишних походов в бутики, вопреки настоянию матери и братьев. Они интересовались модой, хоть и посмеивались над глупостью человечества приравнивать всех к единому стандарту. Но, все же, в глубине души, братья стыдились устаревших рубашек и восхищались эпохой минимализма.

Сняв с плечиков легкое платье, обрамленное по краям золотой лентой, девушка собрала волосы в косу и обула ботинки поверх носков. Покинув комнату, она все еще не переставала думать о сновидении, от которого холодок пробегал по всему телу. Хотелось верить в обыкновенный кошмар, какому не было дозволено переступить роковой порог сна.

Ужас и страх нагоняли эти стены холодными ночами, а странные шорохи слышались из-за каждого непроглядного, заботливо укрытого мраком, угла.

«Глупо будет так истратить желание, — думала Розалинда, покусывая губу, — Однако оставаться здесь мне еще долго, может быть, всю жизнь. Не хочу мириться с этими кошмарами. Каждую ночь эта женщина словно съедает все светлые чувства внутри меня. Это существо, должно быть, моя умершая мать! Как я могла уехать с Гроунстена, не поглядев на ее тело... Может быть, того кошмара и не было. Я могла бы позвать на помощь добрых людей, только... Воли не хватило. Нужно непременно рассказать матушке, надеюсь у нее есть найдется что-то, что непременно поможет».

Этим днем дома не было никого, кроме отчаявшейся девушки. Она бродила из угла в угол, копаясь в ящиках на кухне и создавая чудовищный беспорядок. Приступ яростного желания затмил опасение внезапного прихода служанок, и она без стеснения, чуть прибравшись, пробралась в комнату матери. Внутренний голос, лгавший так искусно, словно шептал ей, — то средство, к которому бедная девочка так стремится, без сомнений прячется в пределах покоев матушки. Однако, перерыв темную тумбу у окна, ей удалось отыскать лишь пару прозрачных бутылочек без применений. Силы ее иссякли, а рассудок словно помешался. Это, должно быть, порча? Проклятье скрытого ненавистника? Или мести покойной женщины, которую она так страшится называть матерью? Розалинда терялась в сомнениях, и мысль, озарившая ее, — что это не больше, чем случайность, — успокаивала волнение, помогая дышать легче.

Заметая все следы, девушка в тревожном спокойствии затворила дверь. День пролетел быстро, вот только для нее он казался очередной пыткой. Как ей стало известно после, — члены её семьи, любимые и преданные, уезжали погостить к крестной матери тех двух мальчишек, и посчитали, что Розалинду не стоило брать с собой, поверив в её безусловное доверие. Стоило им всем вместе ввалиться в приемный зал, как дом окутал шум вперемешку с беспредельным озорством.

Розалинда не силилась подойти к матери, прильнуть к ее нежным, любящим рукам, так искренне ласкавшим. Страх, вновь нагонявший злые мысли, сковывал вольность движений, и, поприветствовав родных, ей больше ничего не удалось сорвать со своих уст. А на вопрос ее времяпрепровождения в одиночку, она тихо и скромно ссылалась на рисование, но после стала отмалчиваться. Горничные прибыли на два часа раньше, готовя ужин, хотя Розалинда уверовала, что оставалась одна.

Собравшись в гостиной, как это иногда случается поздним вечером, матушка,

пристально глядевшая куда-то вдаль, даже не заметила, как Розалинда вошла и незаметно уселась подле нее. Казалось, стоит девушке сказать хоть слово, так она и того не услышит. Настолько матушка была погружена в свои мысли.

С минуту после этого, она, как бы в забывчивости, резко устремила взгляд на дочь, неловко улыбаясь, словно извиняясь за свое поведение.

— Не сильно скучала? — поинтересовалась она, придвигаясь ближе, — Мы выезжали рано, а одна из горничных отъехала в родные края по семейным обстоятельствам. Я все боялась, что ты испугаешься нашего исчезновения... Ты уж извини, дорогая.

Тепло улыбнувшись, мать заботливо потрепала ее по голове.

— Все в порядке, и ничего не случилось... страшного, — отмахнулась Розалинда, опуская взгляд на пол.

— Что ж, мои надежды оправдались. Я отойду на пару минут, милая, — поднявшись с дивана, она подправила подол платья.

Охваченная бурным нетерпением, Розалинда схватилась за ее запястье, пристально глядя в большие глаза матери. Не осознавая своих действий, губы её затряслись, а слово застыло на устах. Хватка смягчилась, и, уж было, испугавшись непонятливого выражения ее лица, Розалинда в смятении вскочила следом и отпустила ее руку.

— Это просто... — волнение теснило ее, она больше не могла поднять взгляд, — Хотела сказать тебе, да мысль вылетела из головы. Надеюсь, я не причинила тебе боль.

Не промолвив и слова, она ухмыльнулась, точно сдерживая смех, отошла на пару шагов назад.

— Расскажешь перед сном, — повседневно предупредила матушка, уходя из приемного зала.

«Перед сном, значит. Сегодня я точно испытаю силы того дневника, иначе покончу жизнь в ожидании прекрасного. Да, так должно было случиться. Хоть мне и стыдно, неловко и в глаза я ей не смогу более взглянуть, но теперь я хотя бы знаю, что мне вовсе отшибло мозги».

С этими нелегкими мыслями Розалинда пустилась вверх по лестнице, порой перепрыгивая через ступень. Озорство вперемешку с безумием настигло ее рассудок в едком желании позабыть собственную очередную глупость. Казалось, все черти города сбегаются к ней ради забавы. Она слышит, чувствует их прикосновения, но содрогается каждый раз, словно в первый.

Длинные черные тени не пугают ее своим появлением, пугает лишь их чрезмерная настойчивость. Молчат, точно ожидая от нее первого слова. Возмущалась Розалинда каждый раз, пустым взглядом всматриваясь в их очертания.

«Брат сказал, что это мои глюки, и, должно быть, он прав. Лечение не помогло, лишь ухудшило мое состояние. Как не хватает мне доброго, настоящего внимания Афелисы. Надеюсь она все еще в живых. Письма не пишет, совершенно отстранившись от меня. Когда-нибудь я найду ее, и узнаю причины».

Ночь не принесла ей ни сна, ни усталости. Хотелось утаиться от всего живого и наслаждаться плодами фантазий. Впрочем, она и сама не понимала, куда ее занесло. На визит служанки, ныне приближенной ей девушки, Розалинда лишь ругнулась и напомнила свое место в этом доме. Правда, вошедшая без стука, мать остудила в ней весь пыл, и, припоминая вечерние события, она забралась под одеяло, притворяясь спящей.

— Я слушаю тебя, — тихий, такой нежный голос, послышался совсем рядом, — Ты

хотела мне что-то сказать. Я вся во внимании.

Выдержав паузу и не дождавшись ответа, она выдвинула новое предположение.

— Ты снова плакала во сне? Снятся плохие сны?

— Я не виновата в этом... Я просто хочу покоя. Не идеального, хотя бы без этой женщины, мечтающей перерезать мою глотку, — страшное признание сорвалось с ее языка, не дожидаясь одобрения хозяйки.

— Тебе нужно отвлечься. Не вспоминай о плохом, и, если так сильно мучают кошмары, можешь ночью заходить ко мне.

Розалинда не ответила, а мать заботливо поцеловала ее в щеку.

— Спокойной ночи, дорогая.

Как только дверь тихо затворилась, Розалинда выскользнула из-под одеяла со смешенными чувствами. Хотелось рассказать абсолютно все, без утайки — открыться перед матерью, но стоило лишь заглянуть в будущее, как желание осыпалось пеплом.

Она крепко стиснула одеяло, закрывая глаза. Тело было расслабленно, хотя напряжение чувствовалось, отражаясь на дрожащих руках, непрерывных подъёмах. Подходя к двери, Розалинда прислушалась, но, слыша шум наверху, мигом бросалась к столу и включала лампу. Дневник, что она утаила ото всех, лежал глубоко в домашних вещах, и, по ее убеждениям, никто без спроса туда не сунется. Ежели горничная намерена забрать белье, то не сделает этого лишь от своего желания или работы. Кожаный, толстый переплет делали дневник похожим на большую книгу, так что распознать его оставалось непросто. Перетертый, едва разбираемый почерк придавал страницам поношенный, старый вид.

«Мне нужно отнестись к желанию серьезно, — рассуждала Розалинда, поглаживая переплет, — Оно должно быть обосновано. Я бы могла спросить совета, однако, мама не воспримет моё намерение как должное. Пусть и желания не ограничены, но хотелось бы, чтобы все они имели свой смысл».

Однако, каких бы усилий не прилагала Розалинда, в голове все крутилась мысль о ночных кошмарах. Все же, если страх не унимает ее, то это, что ни на есть, стремление искреннее. Кратко и мелко она написала о своем желании лишиться ужаснейших снов, и тут же перечитала желанную строку, в едком волнении, покусывая губы. Первый шаг ее был хоть и мал, но лишал ее кошмарных картин унылой фантазии. В спешке она быстро запрятала дневник обратно, ложась в кровать с облегчением, хоть и мало верилось в достоверность слов горничной.

Милана, бывшая ее подруга, к сожалению, скончавшаяся от болезни, проводила целые часы в библиотеке, рядом с малюткой, отлынивая от работы. Так уж пригляделась ей девица, что наставления хозяйки не делались огромнейшей преградой для их дружбы. Ведь их связь действительно была прекрасна в сверкающих глазках Розалинды, почитавшей её верной сестрой.

Весть о смерти нанесла ей глубочайшую рану в сердце, а необъяснимая обида выступала на ее бледном лице, когда она украдкой глядела на мать.

Привязанность была настоль крепка, что девушки казались неразлучными. И вдруг все мигом потухло.

Только что оправившаяся, девочка не могла отойти от поражения после тяжелой болезни, как кончина подруги ухудшила ее и без того не лучшее состояние. Розалинда настойно пыталась выпросить отпустить ее, повидать покойницу в последний раз, положить на могилу букет фиалок, после долгих отказов матери. Но, во благо здоровья, разрешение все

же было получено, и у нее наконец появилась такая возможность.

Нынешнее воспоминание не питало ее столь плачевной и острой болью, как это происходило в давние дни. Волнение и искрящееся чувство потери улеглось в глубинах души, и, кажется, было готово пробудиться в любой болезненной ситуации.

Уснуть ей удалось лишь к полуночи, мучаясь до того сказочной невозможностью своих надежд. Вскоре ей пришлось опровергнуть домыслы самых счастливых чувств.

Солнце светило куда ярче, будто купая ее в своем бесконечном тепле, испепеляя и стирая беспокойные мысли. Наступление весны задалось ей радостным началом утех внутренних демонов, питавшихся верой и светлыми побуждениями. Розалинда, словно маленькая, покинутая девочка, что впервые ощутила теплоту своих поступков, словно таяла от мысли, что многолетнему кошмару пришел конец. Силы, питавшие ее, вновь проснулись, и она вскочила с кровати в легком трепете. Подойдя к зеркалу, она смотрела в свои сияющие счастьем глаза, пока на тонких губах выступала неловкая улыбка.

На удивление пришлось семье, что в тот день она была весьма экспансивна. Даже появилось желание проведать двух хулиганов, и, утопая в охваченной ею забаве, составить роль в их причудливых играх. Ее подпитывала радость видеть их непонятливые, точно усомнившиеся в адекватности сестры лица, вскоре отражавшие чистейший восторг, извлекая похвалу. Иногда, правда не слишком часто, возникали странные мысли, словно все это дурной бред и не та Розалинда, настоящая утопленница в своих страхах радовала всех своей добротой. Мать же посчитала эту перемену в характере явлением странным и заблуждающим. На ее вопросы она отвечала развернуто, добавляя что-то от себя, и до безумия интересуясь делами матери.

Однако к обеду, за большим столом, Розалинда дала понять ей все сразу, резко и убедительно.

Намекнула украдкой о незабываемом начале нового времени, и в подробностях поведала всему семейству о планах на неутаившиеся будущее. Вот только все тарачили глаза и трепетали, в особенности матушка. Слышала она все ясно, но не могла сообразить. Уверяла себя: что должно быть, тому и быть. Она твердила неугомонно и без устали, отчего возражать и не соглашаться хоть в каком-нибудь слове дело пустое. Оставалось лишь быть слушательницей и говорить с ней спокойно, хоть и диалог возрастал в порыве ее воодушевленности.

Все внимание привлекло одно происшествие. Через час Розалинда захотела отправиться на рынок пешком, прогуливаясь по мостовой. Сказала она об этом непринужденно, давая шанс на выбор, иначе прогулка не принесла бы никакого наслаждения. Матушка, хоть и была поражена, все же предугадывала возникновение столь непривычного для девицы желания. Рынок, впрочем, который она хотела обойти, находился не так уж далеко, и уже к двум часам они вышли за ворота дома. Молчание томилось над ними какое-то время.

Розалинда заикалась о чувствах и событиях, но не договаривала. Это вызывало некую подозрительность, но матушка не сочла нужным завязывать спор в день, столь замечательный и грандиозный для дочери.

Тогда она почувствовала едкую потребность признаться во всем, но язык повернулся лишь на не случившийся сон.

— Помнишь, я говорила с тобой о моих беспокойных ночах? — заговорила Розалинда, под руку шагая с матерью по улице, переходящей в мостовую, — Сегодня я спала как младенец, удивительно, не правда ли? Утром я будто не узнала себя, в восторге и хочу, чтобы

этот день длился вечно.

— Это потому, что ты перестала навязывать нечистые мысли на свою светлую головушку, — улыбнулась она, с добротой в глазах глядя на дочь, — Все же не нужно было заниматься такими вещами.

— Это точно, но дело вовсе не в этом.

Розалинда отрицала, и тут же остановилась, вглядываясь в ясные черты матери, освещенные дневным солнцем. На улице народу вовсе не было, оттого речь её была открыта и искренна.

— В чем же тогда, дорогая?

— Не хотелось бы мне пугать тебя, но теперь это потеряло всю значимость.

— Сегодня ты ведешь себя непринуждённо, и я волновалась, но ты отвечала, что ты в наилучшем состоянии... Правда ли это?

— Несомненно, — кивнула Розалинда, ускоряя темп, — Я подтверждаю это.

— Мне нравится твоя искренность со мной.

— Ну что же, как дела у Хендерсонов?

Тут, пожалуй, стоит упомянуть о семействе, с которым они имели что ни на есть дружеские связи. Это люди высшего сорта, остававшиеся в большом достатке многие годы, когда несчастный случай обрушился на голову этой тихой, доброй семейки. Их прежние деньги, что давали им все средства жизни и связи, вмиг истратились, уходя на образование гордого сынка, пользовавшегося заботой и беспокойством родителей, употреблявшего все данные ему блага в дела своих увлечений. Впрочем, вина не обрушилась на него крахом после уезда за границу, где и порой о нем никто ничего не слышал. Родственники, предоставлявшие ему свое гостеприимство, говорили, что пьяница появлялся в доме только по будням, когда все выходные не было и духу этого юноши. С ним мало кто имел дело познакомиться, но, поговаривали, что в душе его, тонувшей к греховному дну, привилась страсть к азарту и те деньги, что ранее он получил на добрый путь, испарились в его зависимостях. Амери имел вид высокого, стройного и достойного юноши, разодетого в черное пальто, и, по обыкновению, шляпу, с которой он не расставался даже в помещении, ловя на себе замечания и сварливые взгляды гостей. Безразличие он питал во всем, хотя избегал ругательства родителей как сглаза. Письма не пишет, и не приезжал к родителям уже как год. Мать его, верная подруга семейства Амеанов, не раз приходила в этот шумный дом, чтобы излить растерзанную душу и жалостливо поведать вечно сострадавшей Дарье о пагубных последствиях его отъезда и неизвестность надоедливого, однако любимого сынка.

Розалинда интересовалась делами этой семьи безутешно, однако не хотелось бы ей встретиться с Америкой лично. Суждения и выговоры пугали ее, и представлялся ей вид совсем отбитого от нравственности человека. Кажется, все так и было.

В разговоре у мостовой она услышала от матери о том, как рада была отчаявшаяся женщина получить долгожданный ответ и прочитать в нем о возможностях приезда. Пусть он и уделил этому известию одну жалкую строку, написанную карандашом, и потертую, точно переписывал ее раз за разом, матери не было дело до этих крайностей. Воодушевление переполнило ее, стоило ей прочитать эти несколько слов, дающих ей сил на вечное ожидание. Дело состояло в том, что в бегах Америки прожил недолго, многого успев натерпеться без наставлений матери и отца.

Вскоре диалог об этом увяз, и так быстро, что Розалинда не успела поинтересоваться и выпытать больше информации.

Спустя пару минут они дошли до неприметного, словно дешевого рынка без богатств. Представления матери оказались иными, роскошнее, но Розалинда с улыбкой на лице рассказала ей о прелестях этого пусть и непримечательного, но богатого разнообразными товарами местечка.

Сперва они бродили вдоль тесных, обставленных домашней утварью коридоров, но оказались после в разделе одежды. Торговцы кричали со всех сторон, призывая горожан, и мать, отвергнув барахолку, присмотрелась к пышному платью. Вдруг приветливая женщина, видимо, иностранка, стала настойчиво рекомендовать покрой платья, возвышая все ценности. Пока она увлеклась, Розалинда мигом пробралась дальше, держа уход на своей совести, и наткнулась на едва заметного старичка в шляпе, восседающего на маленьком табурете. Голова его была опущена, а свет не просачивался сквозь плотные шторы, отделявшие старичка от всего действия. Девушка, пришедшая сюда абсолютно случайно, ушла бы вскоре, если бы не споткнулась о продолговатый носок его туфли, пристально смотря на каждый его шорох.

Взбудораженная, она поклонилась к нему с извинениями, и тут же отошла, видя, как торговец просыпается. Он встряхнулся, и, точно не помня себя, оглянулся по сторонам. Взгляда его не было видно, но, приговаривая что-то шепотом, он посмотрел на Розалинду и, как-то неловко улыбаясь, поздоровался.

— Что же ты, стоишь здесь? Небось меня разглядываешь? — хрипло засмеялся он, откашливаясь, — Мне-то, милая, недолго осталось. Или завлекли мои кулоны?

Розалинда в беспокойстве ступила шаг, и хотела было уйти, но наставления совести пылко удерживали ее на месте. Подле старичка, на деревянном и грязном столике, точно прожившем с ним всю жизнь, лежали всякие неприметные и бесполезные вещи. Только блеск камней завораживал взгляд, а красота ожерельев пленила волю заплатить старичку. Он пожал плечами, будто разминаясь, и пристально глядел на девушку, выпытывая ее внимание. Она поджала губы, и извинения вырвались из ее уст.

— Да что ты, обиды на тебя не держу, — он махнул рукой, вновь откашливаясь, — Сейчас времена трудные, нужно спасать себя. Тебе, милая, особенно нужно не терять жизнь в расцветающей поре. Есть у меня штука, спасет она тебя, — старик демонстративно протянул ей кулон с небольшим зеркальцем внутри, — В свою молодость она меня уберегла, а сейчас погибаю, и некуда девать. Возьми ты.

Открыв кулон, он снова показал зеркало, невнятно бурча себе под нос. Девушка в смятении огляделась, и, благо не задерживаться и не выслушивать выговора, тут же согласилась на его, как после оказалось, подарок. Розалинда было полезла в карман за купюрой, но ее тут же остановил старческий, едва слышный голос.

— Не приму денег, — воскликнул он громче обычного, — Не нужны они мне больше. Силы этого кулона бесценны, и не простил бы я себя, дураля, за то, что взял деньги. Оставляй себе, милая.

Без лишних слов, она взяла с его рук кулон, и, пряча в карман, вежливо улыбнулась. Думала она и, кажется, предчувствовала, что старик этот не обычный горожанин, впрочем, с доброй и большой душой, а колдун, ибо как ему удалось достать магический кулон из рук мага? Попрошавшись, она шагала назад с огромным предвкушением, вот только одна мысль мелькнула в голове, и, резко развернувшись, она спросила.

— Погодите, а для чего мне этот кулон? Какова его польза?

Но ответа не последовало. Она оглянулась на вид спящего старика, и уж подойдя к нему,

шепотом повторила свои слова. Вздрогнув, он посмотрел на нее, словно не узнавая, но все же сказал, пусть и не прямо и четко, но удалось выпытать хоть пару слов.

Заклинание ей сразу приелось в голову, но все же она хотела записать его, вернувшись домой, чтоб вещица не пропала даром. Все-таки, старичок выглядел покойником, мимо которого проходил каждый человек. Розалинда пожелала удачи и, развернувшись, с нетерпением поспешила к матери. Если она пробыла недолго, то та и заметить ничего не успела. Виделась Розалинде дикая ее заинтересованность в платье, так что никаких сомнений не оставалось.

Правда, наихудший исход событий сбылся. На углу, у самого выхода, она увидела беспокойно озирающуюся мать, и побежала напрямиком в ее объятья.

Всполохнувшаяся Дарья с волнением оглядела Розалинду, точно выискивая на ней следы похищения или угроз. Рассказав об ее трепете и потерянности, Дарья на миг обняла дочь и тут же взглянула на нее встревоженно и гневно. Розалинда уверила ее в свою абсолютную неприкосновенность, и насильно повела разбушевавшуюся мать на улицу.

Все-таки невзгоды и обиды мигом стихнули. Про кулон и старика девица так и не рассказала, зная, с каким презрением и предубеждением относится Дарья к подобным вещам, от которых болезненно кружится ее голова.

На необычайное удивление, и, пожалуй, этому способствовала магическая привязанность, но в память, оскверненную всякими нечистями, проник дряхлый и уставший старик. Доброта его ощущалась мгновенно, как теплота морщинистых рук. Как бы ни терпко было желание, но никто более не узнал об этом человеке. По пути домой, Дарья говорила много, быстро и временами столь неразборчиво, что Розалинде приходилось неловко выслушивать и просить повторить сказанное.

Сердясь на равнодушие и незаинтересованность дочери, она выглядела как помешанная. Иногда, на счастье, словно внутренняя сварливость и детская капризность пробуждалась из стертых глубин, не теряя свое ужаснейшее существование.

Забавно, но после брани и осуждений, ее щеки заливались румянцем, а взгляд метался из стороны в сторону в огромном смятении. Розалинде всегда казалось странным и необычным ход развязки, однако, ее силы были бесполезны, чтобы разузнать об ее душевном состоянии.

Как раз после этой прогулки, принесшей девице множества чувств и неожиданностей, в доме раздался стук в дверь. Пришедшие женщины только недавно вернулись домой, и в великом энтузиазме Дарья поприветствовала гостью. Ею оказалась миссис Хендерсон. Промокшая до нитки, уставшая, словно раб, она глядела на подругу растерянно, и молча умоляла впустить ее в дом. Одежда на ней легкая и совершенно мокрая, облегающая силуэт худого тела. Дарья спохватилась за служанкой, приказывая принести сухой одежды, не спрашивая о желании Авианы, — достопочтенной матери Амери. Она схватилась двумя руками за ее предплечья, спускаясь ниже, и тут же перехватила ее запястья. Потерянная, точно обезумевшая, Авиана прозябла от холода настолько, что не могла выговорить ни слова. Лишь мелкие обрывки, неразборчивые, и весьма пугающие вылетали из уст.

— Что же это? — волнуясь спрашивала Дарья, словно выпытывая, — До чего ты довела себя?

Снова молчание, с каждой секундой пугающее все сильнее. Как только пришла служанка, — а за ней еще одна, — она под руку повела бедную Авиану в уборную.

Знакомый дождь омывал поникшие в своей безудержной тоске дома, лился на глухую

землю, разбиваясь об нее...

Явление обыденное, однако сейчас, в сумерках, какое-то настораживающее. Пасмурный прохладный вечер навевал теплые воспоминания о тех мутных, но временах. Удары дождевых капель об окна дополняли волнительную тишину приятными, словно родными мечтами. Впрочем, не все жители этого дома были столь обеспокоены. Ни двое мальчишек, ни Розалинда понятия не имели о госте из приближенной семьи. Да и желания узнавать что-либо о мире за стеной не было.

К вечеру настроение Розалинды, как и счастье, спали, словно их никогда и не было. Это волновало, окутывало страхом приближающейся ночи.

Ночь несла за собой безумное беспокойство за пределами комнат и коридоров. Все превратилось в сплошной хаос. Воздух приближал дальние звуки и безутешное озорство матушки-природы. Дождь лил как из ведра, заставляя беспокоиться девицу до трясучки. Давненько с ней не случались такие явления, оттого непривычным ей казалась вся перемена.

Что же будет на утро?

Неужели новое начало ночных и дневных кошмаров, диких видений и бесконечной тревоги, сковывающей изнутри?

9. Побег

— Я всегда честен с тобой, Илекс. И буду говорить тебе только правду, ведь это всё не случайно произошло, — говорил Элид, потупив взгляд. — Все здесь — не есть пустое стечение обстоятельств. Сказать честно, я против намерений жриц. Вот не нравится мне это и все. И никто не заставит меня исполнять их волю.

В порыве взбушевавшейся злости он сжал ладони в кулак, садясь на подоконник, что прогрел луч света из шелохнувшейся занавески. Парень помолчал несколько секунд, украдкой, как бы пытаясь казаться незаметным, глядел на Илекс, ожидая ее слов. Он нуждался хоть в одном изречении, как никогда четком и прямом, отражавшим истинный приговор.

— Ты пойдешь со мной, — твердо заявил Элид, но минуту спустя смутился и деликатнейшим образом продолжил, — ...хотел бы я. Знаешь, мы пойдем не одни — по крайней мере, я так надеюсь.

— Куда пойдем? Как же? Да ты обезумел в этой темнице! Нас ни за что не отпустят, — в возмущении проговорила Илекс, то вскрикивая, то вдруг продолжая шепотом, осознавая, что кто-то может проснуться. — Точно сумасшедший!

— Ты расстраиваешь меня... а я то думал, что ты не разделяешь их чёрствых мыслей. Ты хоть знаешь, что они задумали?

— Я... честно говоря, только догадываюсь, — потупилась Илекс, ощущая грозный взгляд друга, — но лишь слышала, что они собираются приносить жертву.

— Вот. Это омерзительно! Неужели я один догадался, что жертва эта — один из нас? — он спрыгнул с подоконника и, прислушиваясь к шуму, тяжело выдохнул. — Я даже знаю — кто.

— Афелиса? — кратко проговорила девочка, прижимаясь к каменной стене. — Она недавно с нами и уже хотят изгнать.

— Неправда, все ложь. Наоборот они, впрочем, заманивают ее в ловушку. Она, конечно, хорошая подруга, но при мысли, что ее приняли так тепло с распростёртыми объятьями в круг магов, не дает мне покоя. Уж тем более, что Афелиса бывшая охотница, а может и сейчас она выслеживает нас, узнает о планах и докладывает все командирам.

— Она не могла, Элид, — настойчиво твердила Илекс, без капли смущения. — Эта девушка во многом сильна и способна стать колдуньей. Я говорю о величии, известности и могуществе. Возможно, в твоих словах есть только опасение, и, во всяком случае, мы не можем долго задерживаться здесь.

Илекс, шагая на носках, медленно подошла к двери и, прижавшись к стене всем телом, посмотрела на лестницу. Из ночлега не доносились голоса, что облегчало и пришлось им в огромную пользу. Элид замолчал так уныло, словно недопонятый ребенок, хотевший рассказать о своих детских пристрастиях, однако взрослые и другие ребята восприняли в нем лишь обыкновенную затею. Илекс не обращала внимание на его чрезвычайную отчужденность и молчаливость в таких ситуациях, и сама держалась холодно и непоколебимо. Взмахом руки она позвала его следовать за собой и мигом спряталась за стеной.

— Подожди, — остановила она парнишку, — что это были за ножи, и зачем они тебе нужны?

— Средство выживания.

Он взошел на лестницу и, более не оборачиваясь, без опаски зашел в маленькую комнатку. Илекс же до полудня никто не видел.

Все оставалось по-прежнему. Иногда, правда, не очень часто в последнее время, маги организовывали собрания, всячески отказываясь от приютившейся у них Афелисы. Но происходило это в ночное время, так что ей ничего объяснять не приходилось. Как-то раз Афелиса задала Миладе ненавязчивый вопрос о том, что слышит каждую ночь шум и скрип двери. На ужине жрице удалось в силу обстоятельств скрыться от расспроса и сделать вид, что пропустила ее говор мимо ушей. Но слышали другие присутствующие. Настроение у Афелисы было прескверное. Мертвые стены будто бы выжимали все оставшиеся силы, рассыпая ее на части. В общем, последние дни обошлись ей особенно худо. Все из неясного ей чувства или мысли остерегались ее компании и даже молча проходили мимо на зов помощи. Что уж говорить, если даже самая честная и светлая душа этого захудалого местечка оскорбила ее достоинство пред всеми так нелепо и прямо, что все живое, трепещущее внутри нее, сжалось в ничтожное страдание. Жрец, казалось бы, обладавший особенным пониманием людей, больше не стремился беседовать и проводить с ней вечера. В увядшей темнице не различались времена суток. Все оставалось монотонным и вечным в своем отсутствии перемен. Именно в тот последний день, когда ее хоть немного замечали, Милада, смотревшая на нее дружелюбным и снисходящим взглядом, вмиг похолодела, что не могло ни вызвать подозрений.

Говоря о письмах Розалинды, то Афелиса не получала их с момента своего бегства. Они сыпались на неверный адрес и могли бы стать объектом для чужого любопытства, но тот домик в Графвиле мигом снесли после ее ухода. Ей хотелось выйти на свободу, прижиться в толпе и навсегда отказаться от единственного пристанища, которое угробит ее жизнь во благо ее народу. Вот только казалось это невозможным. В то время поступало много угроз со стороны охотников, а маги могли лишь прятаться в укромных уголках мира, затевая великий переворот, что войдет в историю Гроунстена. Как стало известно, что они были отправлены и на Графвиль, рассчитывая на огромное скопление врагов своих в маленьком государстве. Переживания и непосредственное желание скорейшего решения высших сил ощущалось на лице двух жриц. Со жрецом они советовались об их следующем шаге, и даже прогремела мысль среди них об одиночном возрождении магического рубина. Элид услышал это совершенно случайным образом и тут же хотел воспротивиться их желаниям своим ненужным голосом. Получив лишь наставления и требование послушания, в нем загорелось скорейшее стремление доложить все дела жрецов Афелисе.

Случился этот разговор неожиданно и как-то невзначай. Элид долго рассуждал о том, стоит ли воспротивиться своей «матери» во благо одной беглянки. Но, все-таки, дружеские чувства и чрезмерная доброта, в чем он стыдится, не могли опуститься в поражении. Во время сильной болезни он вывел Афелису на самый первый этаж и хотел было остановиться, сознавая ту грань крайности, которую он переступил, однако, немедля завел ее в подземелье. Афелиса отталкивалась и с жаром требовала объяснений, но Элид крепко сжал ее руку и говорил, что расскажет обо всем на месте.

— Зачем это все? — в панике выкрикнула Афелиса, — Не пойду туда... Знаю я вас... чертей подземных.

Холодный пот выступил на ее побледневшем лице, а страх искрился в черных глазах. Угрожая и уж доходя до крика, Элид успокаивал ее каждый раз, как это было днями назад.

— Я, разумеется, все тебе разьясню, Афелиса, а теперь...

Он усадил ее на стул и медленно опустился на колени. Афелиса пристально вглядывалась в его черты, безумно часто дыша, словно длинные бесовские пальцы беспощадно извивались вокруг ее худой шеи. Где-то вдалеке слышалось, как течет вода из-под старых труб и как капли оглушительно разбивались об пол. В темных углах непрерывно копошились крысы, а пауки, не торопясь, спускались по тонкой паутинке вниз. Афелиса заметила лампу, тускло озаряющую убежище подземных крыс. Свет создавал особенно пугающие очертания чудовищ и скривленные темные фигуры, а мурашки спускались по спине тихо и так не скоро, что страх пронизывал до глубины души; возникло осязаемое желание вскоре увидеть нечто необычайно пугающее. Лицо Элида скрывалось в тени, но девушка чувствовала его скорое, нервное дыхание и видела, как сильно дрожали его тонкие губы. Слова крутились на языке, однако необъяснимое и неясное его сознанию сковывало Элида в клетке зловещего страха. Сквозь небольшую щель в двери просачивался свет ламп, что вызывало непоколебимое стремление рвануться к выходу. В один миг все стихло. Крысы не шумели в углах, отголоски извне исчезли, словно испарились в прозрачном тумане, даже дыхание его перестало быть столь порывистым.

— Успокойся, — прошептал Элид, протянул было свою руку к ее вздрогнувшему плечу, но миг замер, — не нужно смотреть меня, как на убийцу.

Ладонь его порывисто дрожала в едком желании опуститься на ее плечо. Сжав ту в кулак и тут же выпрямив, точно усомнившись, все же в смятении потрепал ее за плечо и мгновенно отвел руку в сторону.

— Что ты творишь, Элид? — спрашивала Афелиса, украдкой дотягиваясь до кинжала. — Неужели вы все же решили воплотить свои планы...?

— Слушай, — прошептал Элид, в спешке оглядываясь на дверь, — тебе немедленно нужно убираться отсюда, — Афелиса разомкнула губы, дабы вскоре возразить, но мальчишка напрямик продолжил, — неважно как... понимаешь? Главное, чтобы к часу ночи и духа твоего здесь не было, — скороговоркой твердил он, приближаясь все ближе, оперевшись двумя руками об спинку стула. — Исчезни. Просто напросто... Не волнуйся, я помогу тебе.

Афелиса глядела в его глаза, заполненные жутким волнением, и как только он непременно навис над ней, то слегка оттолкнула, после в отчаянии опершись локтями на колени. Мысли путались в безумном хаосе бедствий, а чувства захлестнули ее душу агонией мучений. Элид было снова прильнул к ней и медленно вытащил заточенный складной нож с кожаной ручкой, кладя его в девичьи ладони.

— Держи и мигом спрячь. У тебя есть мешок?

Она кивнула, заранее осознавая его прямое намерение отдать то, над чем Элид трудился в раннее утро, и отказа бы он не воспринял. Афелиса в одно мгновение спрятала нож в карман штанов и вскочила со стула в угасающем волнении. Именно равнодушие ее лица тронуло и показалось странным мальчишке, который ожидал нечто другое и более чувственное, что должна ощущать потерявшаяся среди крошечного хауса и предательства душа.

Афелиса, проговорив слова прощания, все время по обычаю своему упорно смотрела в землю, даже когда горячилась. Тут же она вдруг подняла голову.

— Мы встретимся когда-нибудь?

— Когда-нибудь непременно должны.

— Понятно. Спасибо тебе большое.

И вдруг дверь захлопнулась, а тощая фигурка беглянки исчезла. Теперь же волновали ее новые хлопоты, с самого того мгновения, как вышла она из подземелья и столкнулась в дверях с испугавшейся до дрожи Илекс, Афелиса тут же закричала ее молчать и кратко улыбнулась. Та покраснелась в жутком смущении. Контраст с ее недавним мрачным видом был чрезвычайный. Тельце девочки дрожало под черной мешковатой тканью, отчего Илекс казалась младше своих лет. Они вскоре быстро распрощались, и как только Афелиса скрылась за углом, та мигом побежала к своему другу.

Элид очутился в совершенном мраке и стал искать рукой спинку старого дивана и очертания отступов в стенах. Вдруг сверху отворилась дверь, и показался свет. Когда Илекс, полная недоумения и смущения, стояла на пороге, то разглядела его в углу у стула (на который усадил он Афелису), стоящего в исступлении.

— Ты все же рассказал обо всем? — Элид вмиг обернулся на знакомый тоненький голосок с порога.

— Да, — отвечал он, — запри дверь и походи. Лампа только перегорела, — остановил ее мальчишка, — возьми фонарь с коридора.

Илекс тайком прошмыгнула в коридор, а после забежала в подвал с лучиком света в руках. Медленно подойдя к столу, она поставила лампу и села напротив мальчишки, предугадывая его беспокойство. Эта неделя обошлась ему боком: истощенный и переживший адские муки, в глазах мелькало сомнение; та мельчайшая доля недоверия к своим суждениям, от какой внезапно хотелось верить в правоту старейшин и, покорно склонив голову, без сожалений отдаться в жертвы.

— И как это случилось? — спросила Илекс, горя от нетерпения. — Расскажи мне обо всем. Признаться, я тоже немало переживала все эти дни и хотела было сбежать... Конечно, не стоило мне говорить об этом. Но этого нельзя отрицать. Так неужели ты жаждешь сбежать с Афелисой?

— Я ничего не говорил о себе, — твердость тона его заставляла Илекс не столь интересоваться, сколь переминаясь с ноги на ногу и искать свое место, — только лишь о помощи.

— Тогда, если жертва пропадет, то они найдут новую.

— Найдут, — подтвердил Элид, сверкая прихлынувшим воодушевлением в глазах, — непременно найдут. Возможно, прямо сейчас и ищут.

— Запасной вариант всегда должен быть.

— Без этого никуда, — он уселся на стул.

Он не договорил и, как бы в отчаянии, облокотившись на стол, подпер обеими руками голову.

— Я, кстати, замечу, как странность, — перебила его Илекс, — что Милада совсем перестала мне извещать о чем-то и перестала быть чрезвычайно требовательной. Это радует. Я могу быть более свободной, хоть и странное же это дело...

— Со мной точно также. Кажется, у этих ребят грандиозные планы.

— Должно быть. Что же, долго нам лучше здесь не оставаться, — Илекс поднялась со стула и шепотом проговорила. — Пойдем же.

— Подожди. Так ты с нами?

— Я... знаешь...

— Не нужно сомневаться, — он резко схватил девчонку за руку. — Ты не знаешь, какая

жизнь тебя ожидает за этими стенами. Все переменится. Так неужели ты хочешь остаться здесь и поддаться им?

Говорил он скоро, торопливо, но в то же время самоуверенно, словно каждый миг был на счету. Мысли его собраны и спокойны, не глядя на поспешный вид отчаянного беглеца. Элид смотрел на нее так пристально, что Илекс нехотя отводила глаза свои, горящие возмущением и потерянностью. Ни слова не смогла она вымолвить. Мрачный вид рассеялся, и на щеках появился румянец. Высвободив свою руку, она полусшепотом, точно слезы подступали к глотке, вымолвила.

— Я не обещаю.

— Подумай же, — горячился Элид, наклоняясь к ней, — ты потеряешь здесь все! Абсолютно все! Не правильный ли ты сделаешь выбор, пойдя с нами? Мы мигом пристроимся и не будем воевать ни с кем, — замолчав, он, будто бы приискивая слова, чтобы верно все разъяснить, продолжил. — Ты дорога мне. А хочешь, мы убежим далеко-далеко, где нас, всех троих, никто не тронет? Это же замечательно. Я не оставлю тебя одну, как бы сильно не было мое желание...

Угнетение повисло над их головами. По лицу Илекс было видно, как невыносимо тяготит ее чувство долга и преданности, но, все же, подсознательно душа желала свободы. Не сказав ни единого слова, ни выразив жеста, она побежала к двери, прикрыв лицо руками. Элид тоскливо глядел на это поникшее в своем отчаянии существо, однако он ощущал всю истощенность своих сил. Элид вышел из подвала и, к счастью, не встретил никого на пути. Где-то вдалеке слышались шаги, а наверху — разгоревшийся спор. Очувтившись напротив входной двери, он было сделал шаг вперед, но тут же остановился. Воля его требовала отчаянного шага, пусть и неяркого, неприметного, но, всё-таки, рассудком управляли черти. Переборов свое стремление, мальчишка, точно будто злясь на себя и все окружение, громкими шагами поднимался вверх. Каждая вещь, смеющая воспрепятствовать, становилась объектом излияния ненависти и безумной злости. Хотелось разломать себе кости, будто бы наказать себя за ту волю, что так подводила. Все же, маги замечали его недуг, но никто не понимал, вплоть до Афелисы. Ей не желалось обсуждать личные дела на слуху и глазах жриц, пытающихся узнать всю подноготную окружающих их магов.

На этот раз, к её удивлению, Афелиса застала мальчишку в чрезвычайной перемене. Он, правда, с какой-то жадностью набросился на нее, стоило той выйти в коридор, и стал слушать каждое слово, но с таким растерянным видом, что, кажется, сначала он не понимал ее слов. Но только девушка упомянула о приближающемся закате, как он неожиданно вышел из себя.

— Как я не хочу это слышать. Лучше замолчи! — воскликнул он, чуть не в сумасшествии, — Не хочу слышать ничего подобного.

На удачу, Афелиса отошла достаточно далеко от убежища, и услышать их было сложно. Она впопыхах успокоила его, грозя провалившимся побегом.

— Снова об этом...

— Ты ведь сам предложил и предупреждал меня, и, думаю, пришло самое время затронуть эту тему. Время жутко поджимает.

— Это так, но дело в том, что Илекс не хочет уходить.

— Знаешь ли, — начала она почти грозно, сверкая взглядом, стоя у самого окна, — надобны ли тебе эти муки и эта создательница твоих разбитых надежд? Если бы ты был дорогим другом, то, право, не оставила бы она тебя. А тут... дело долга.

— Ты не можешь ничего говорить о ней плохо, — рванулся было Элид.

— Успокойся, прошу тебя. Но, напомню тебе, что ты обещал свою помощь, и я надеюсь на нее.

— Помню, — прошептал мальчишка, сдерживая возмущение. — Я отдам тебе веревку и одну книжку. Всего-лишь сборник заклинаний, тебе понадобится... — он ступил вперед, чуть не подбегая к двери; вдруг остановился и надгробным тоном промолвил. — Вечером, у входной двери. Буду ждать тебя именно там.

Весь этот день в Элиде чувствовалась растерянность, словно он метался из угла в угол, от мысли к другой в своем сознании. Жриц он почти не видел, только промелькнула перед ним Милада, но лишь на мгновение. Парнишка не стал ничего узнавать, но, была бы воля, то непременно разузнал обо всем в округе. Навостренные уши его стремились к сплетням, а глаза улавливали каждый жест. Элид, по правде говоря, восхищался своей проницательностью и наружностью, в чем, впрочем, и не сомневался. Разговор все не складывался и с Илекс. Отчаянно он пытался принять решение ее судьбы и направлял на верную дорогу, пусть и достичь ее необходимо было окольными путями. Девчонка лишь пожимала плечами и все отдалялась от друга.

Когда пробил восьмой час, шум постепенно стихал после затянутого разговора — кажется, велся спор, но, чем он был вызван, Элид, к сожалению своему, понять не смог. Ужасные мысли завлекали его и неожиданно пугали, заставляя вздрогнуть всем телом, вселяя своих бесов. Истинные исчадия ада разъедали надежду и веру, необходимые потерянному существу. Мотаясь в рассуждениях и поникнув в них целиком, парень отчужденно сидел на сундуке, перебирая кольца на персте. Пару раз, впрочем, как-то неправдоподобно, он уловил свое имя в толпе, и, казалось бы, этот крючок мог вывести его на свет, однако он все же рассудил, что ему послышалось. Огоньки пламени трескались и искрились, озаряя маленькую комнатку. Жрица сидела у костра и, кажется, согревала руки. Изредка она, вздрагивая от наступившего холода, укрывалась темным, затасканным пледом. После часа разговора здесь почти никто не оставался. Старичок просидел несколько минут в забытьи, испепеляя грозным взглядом стену, да так поникнув в себя, что разбудить его ото сна было невозможным. Впрочем, в стене, на которой застыл его взгляд, ничего не изменилось — лишь многолетняя пыль летала в воздухе, прилипая к кирпичам. Вскоре и он поднялся и, переминаясь из ноги на ногу, кряхтя, пошел к дверям. Жрец был маленького роста и сутулость делала его несчастнее и меньше. Так казалось Элиду и, временами, ему становилось жалко это — пусть и разлагавшееся, но сильное создание.

Жрица не промолвила ни слова. Потушив огонь водой из сосуда, она стояла уже на пороге и вдруг оглянулась, точно будто что-то забыв.

— Идешь с нами? — она обвела его повелительным и вопросительным взглядом, словно это было утверждение.

— Что вы, о чем просите? — внимательно всмотрелся в нее Элид, подняв голову.

— Много задумываешься, не к добру это, — приговаривала жрица, и шагнула шаг вперед. — О чем хоть думаешь? Коль это о рубине, то пожалуйста. Остальное — бессмыслица.

— Почему так, Элиза? — грубо и отрывисто спросил он, робко поднимаясь и ступая навстречу. — Нужно ли тебе контролировать мои мысли? Эти трюки проворачивай на других.

Глядя исподлобья враждующим и колким блеском в глазах, Элид ощущал тот горячий и

резкий порыв злости, что так согривал и подпитывал его наслаждением. Жрица стояла, будто статуя, и ни одна эмоция не отражалась в ее отчужденном лице. Сцена эта стала угнетать, стоило Элизе словить взаимное удовольствие, уколыв мальчишку в слабости его души.

— Промышляешь о чем-то, а, дорогой? — спрашивала она, язвительно смеясь. — Что же ты не расскажешь об этом своей воспитаннице? По глазам вижу, что врешь ты всем нам, нашему племени!

— В чем я лгу вам? Скажи ты мне хоть, где моя ложь? Или я сам не распознаю ее в своих словах? Смешные этикие. Эх вы, ну зачем же так? — стал укорять он Элизу, еле сдерживая смех.

— Возможно, это так.

— И что же тогда? Раз уж я не могу заявить всем, абсолютно всем, что я что-то скрываю, но если рассудить хорошенько, то ничего и не держу я в секрете, — злоба тихо стихала, перерастая в насмешки. — И все верно становится.

— Отчего тебе весело, дитя? — тон ее голоса стих, чувствовалось, что она больше не намеревалась вести спор.

— Да от вас, милая моя! Да, впрочем, к черту это все и все формальности.

Он, не оглядываясь, направился к двери умеренным шагом и, проходя через порог, будто и не замечал разъярённую Элизу. Все-таки, спустя несколько мгновений эта ситуация стерлась из памяти мальчишки, однако хорошо отпечаталась в раздумьях Элизы, вызывая гнев и возмущение. Та секунда, в которой он исчез без ответа, не оставляла ее в покое.

Может быть, он думал, что Элиза, оставшись совсем одна, будет колотить кулаками в стену, и уж конечно бы рад был подсмотреть, если б это было возможно. Однако Элид очень бы обманулся: жрица оставалась спокойна. Минуту она простояла на том же месте у двери, по-видимому, очень задумавшись. Женщина медленно прошла вдоль стены и уселась на колени там, где прежде горел огонь, и закрыла глаза, упершись руками в пол, будто от усталости. Но вскоре вялая, холодная улыбка выступила на ее губах. В этот миг она забылась совсем. Не давал покоя тот вопрос, на который так и не нашелся ответ. Согнув пальцы, будто вцепилась в мертвый бетон отросшими ногтями, сгорая от нетерпения.

Всеобщий интерес вызвало то, что по неведомым всем причинам, жрица не пришла на один из последних переговоров. Милада пусть и волновалась больше всех, и хотела было послать Элида разузнать о ее состоянии, но в тот миг в магическом шаре стали проявляться смутные человеческие тени. Помехи размывали изображение, а звуки то и дело прерывались. Маги из Гроунстена, как выяснилось, ютились у границы, теснились в старых захолустьях.

Афелиса не была в числе приглашенных и не намеревалась. Элид тоже не появлялся на их глазах, что вызвало подозрения и чрезвычайное волнение Илекса. Руки ее жутко тряслись, а голос все срывался, медленно пропадая. Взгляд метался из угла в угол, в надежде всматриваясь в щель двери. Предчувствие ей твердило, что друг, несомненно, прячется за стеной и от каприза или забавы не намеревается переступить порог, вслушиваясь в иное сказанное слово. Она стояла рядом у кресла, в каком сидел жрец и, ощущая непреодолимое желание, ступила на шаг ближе, пристально всматриваясь в темноту. Ночь опустилась на город неожиданно скоро. В коридоре в это время становилось особенно жутко и тесно. Стены словно сжимались и неспешно теснили, нагоняя страх. Даже трупный запах ощущался, хоть и темница была избавлена от мертвецов много лет назад. Разговор продолжался до полуночи, и вдруг все вокруг оживилось. Свет в шаре погас, а дверь тихо

скрипнула. Волна страха неожиданно нахлынула на Илекс, когда маги внезапно разом направили свой взгляд на дверь. Дрожащая, еще не отошедшая от недавнего исступления фигура Элизы выросла из-под земли. Ни единого шороха и звука не произвела она, пока стояла, словно застывшая, за стеной. Милада, как бы невзначай, распахнула руки и, приобняв жрицу за плечи, повела ее внутрь.

Приход Элизы позволил собранию продолжаться еще несколько минут. Впрочем, она так и не способна была рассказать об Элиде, но по дрожащим губам и невнятным звукам стало видно, как чрезвычайное волнение препятствовало ей высказаться. Эта неясная и смутная ночь тянулась и могла свести концы по одному лишь желанию Афелисы. Они встретились с Элидом на лестнице, и, в скорейшем времени, с набитой сумкой вещей тихо притворила дверь, дожидаясь мальчишки.

— Ты ведь ничего не забыла? — волнительно шептал он, всматриваясь в девушку. — У тебя есть только одна попытка. Если не удастся, то второго шанса не видать, — Элид замолчал и прислушался к звукам снизу. — Признаться, это пусть и давно было, но, все же, меня послали в это собрание привести тебя к ним. Не странно ли? А пускай и так! Все, нет времени для разговоров.

Афелиса кивнула, неслышно спускаясь по винтовой лестнице на самый первый этаж. В темнице был центральный проход, однако, в целях безопасности обоих, они прошмыгнули в коридор, ведущий к запасному выходу.

— Та дверь ужасно скрипит и сложно открывается, да еще и сборище рядом. Здесь я успел уже отпереть замок.

— Пойдем быстрее, слишком много болтаешь.

Элид потупился на миг, а после снова шагал за опередившей его Афелисой, придерживаясь рукой за стену.

— Ну, вот и все, — проговорила Афелиса, обернувшись, — мы добрались до выхода.

Из маленькой двери сквозило холодом. От иного шага низкий потолок дрожал и, казалось бы, мог развалиться в любое мгновение. Легкий трепет окутал сознание, предвкушая свободу в нескольких шагах от девушки. Затуманенный взор, словно прощальный на века, почувствовал на себе Элид, и губы его расплылись в облегченной улыбке. Тихий ветерок игрался с русыми ее волосами, а лунный свет, озаряющий путь в этот миг по особенному ярко, нежно ложился на девичьи отчаянные черты. Замолчав на полуслове, Афелиса приблизилась к парнишке и высказала истинную благодарность на ласку его самолюбия. Все же, время поджимало. Распрощавшись, она переступила через порог, затворяя дверь, как вдруг донеслось до них эхо скорых шагов. Нервное подрагивание атаковало Элида, и, обернувшись на лестницу, он заметил Илекс, будто бы примёрзшую к перилам. Лица ее не было видно, но чувствовалось необычайное волнение, стоило ей оказаться замеченной. Девочка медленно шагала по ступеням, спрыгивая с последних двух.

— Все же, она уже ушла, — кроткий голосок ее звучал с сожалением.

— Да, ушла. Мы бы тоже могли.

— Пойдем! Непременно пойдем! — острый блеск отражался в глазах, а говор стал похож на невнятную скороговорку. — Быстрее, я... я не могу больше терпеть!

Не дождавшись ответа, она резко схватила мальчишку за руку, выводя на свет. Чуть было не застыв, он споткнулся, но все-таки силой Илекс удалось выволочить его наружу. Она горела в колющем нетерпении, содрогаясь от боли; хотела о чем-то рассказать, однако, завидев вдалеке темную фигуру Афелисы, вдруг побежала вдоль бетонной ограды. Порыв

холодного ветра мазнул ее по лицу, растрепав темный платок, спускавшийся по тонкой шее. Светлые, словно белый снег, пряди волос обвивали потный лоб, закрывая слезящиеся глаза. Ночная прохлада и сырость пронизывали воздух, из-за деревьев и кустарников со стороны лесной опушки стали расползаться тени. Спотыкаясь об бульжники, Илекс вмиг вставала, догоняя беглянку.

— Афелиса! — кричала девчонка, чуть дыша.

Несколько метров разделяли их, а высокая темница становилась все неприметнее. Содрогнувшись от крика, Афелиса обернулась, и зрачки ее разом расширились, запечатлев невиданную картину. Уставшая, еле перебиравшая ноги Илекс, с гордой улыбкой подняла взгляд вверх, опершись руками о колени. Элид, все еще будто не понимавший её поведения, выступил вперед.

— Мы идем с тобой.

— Непременно идем, — провозгласила задыхавшаяся девчонка, неожиданно обернувшись в сторону убежища. — Скорее! Они идут.

И вправду, Афелисе показался некий блеск в окне и, тут же взяв Илекс под руку, они скрылись в лесной гуще. Только заостренный купол темницы переливался на свету, выглядывая из-под верхушек деревьев.

Внутри него разгорался настоящий хаос.

10. Власть огня

Завтрашний день — тот самый, в который должна была безвозвратно решиться судьба Авианы Хендерсон — был одним из знаменательнейших дней, тронувших до глубины души и потерянную в сомнениях Дарью Амеан. День неожиданностей, развязок и завязок пугающего начала новой истории и еще пушей путаницы. Как известно, в позднюю ночь на пороге дома появилась давняя знакомая матери Розалинды, содрогавшаяся от холода и имевшая весьма жалкий вид в те мгновения, когда глаза ее горели ярким пламенем сумасшествия. Дарья все же не спросила сразу о том горе, какое накрыло черной тканью Авиану, желая, чтобы приятельница сама обо всем ей поведала. Луна нескоро шла по ночному небу, озираясь по сторонам, словно насмехаясь над разбитыми надеждами и слепой верой маленькой женщины. После ванны ее без промедления уложили в постель. Дарья Амеан около часа не покидала гостевых покоев, лаская теплыми словами ранимое эго Авианы Хендерсон и заключая ее тело в нежные объятия. Служанки перешептывались, наострив уши, однако улавливали лишь невнятные отголоски фраз. Так прошло все время, и, как оказалось, из-за подгонявшего страха она не смогла выговорить ни слова о покинутом ею доме. Заикнувшись, впадала в безмолвную тоску, стыдливо прикрывая лицо руками. Горькие слезы стекали по скулам, спускаясь за воротник рубашки. Слышались только приглушенные всхлипы покрасневшей от смущения женщины, разлетающиеся по всем стенам. Дарья не могла подобрать слов, страдая от крайней безысходности. И мысль — пусть и сомнительная, однако, самая здравая, что могла ее осенить — мигом взвилась вверх над всеми чувствами и проказами души. Авиана поглядела на нее, вставшую с кресла, но взгляд ее скрывала темнота, и, дожидаясь слов, она опустила ноги на пол, будто бы готова была последовать за Амеан. Крепко сжав белое покрывало, женщина скрежетала зубами, прибывая в нервном припадке. Дарья тяжело вздохнула, выражая всю тяжесть беды подруги, и монотонно промолвила.

— Я оставлю тебя... на время.

— Как... как оставишь? — голос прерывался на полуслове. — Не пойми меня неправильно. Я страдаю не по своей вине, пусть так и говорит моя семья. Да какая же они мне родная кровь после этого, а, голубушка? Спаси меня от сына моего, душегубца, иль погибнуть мне скоро суждено...

Опустив голову, она вновь заплакала, только проговаривая молитвы и изредка обращаясь к своему «спасению». Несколько минут пролетели, как один миг. Не успела Дарья опомниться, как, придя в осознание происходящего, увидела у ног своих миссис Хендерсон. Слезами она заливала ее ступни и, не смея поднять взгляд, приговаривая: «Окаянная я, грех бес наложил мне на душу! Окаянная душа!»

— Что же ты молчишь, голубушка моя? Неужели не поможешь мне?.. Я исполню все прихоти, только скажи же ты мне хоть слово!

Крик сорвался с ее дрожащих губ. Из унижающей свое достоинство мольбы, внутреннее самолюбие ее, пусть прескверное и очерненное, в возмущении взвыло на свет. Поднявшись с колен, женщина схватила Дарью за руки, как во время встречи, и замолкла в ожидании ответа.

— В чем тебе помочь? — спросила Дарья, всматриваясь в заплаканные ее глаза.

— Приюти меня у себя на время... на несколько дней, не помешаю.

— Что же случилось у вас там? Амери заявился?

Авиана кивнула в глубоком прискорбии.

— Что же? Чего ты реवेशь, а, дурочка?

— Да как иначе, как не реветь? Тиранит сын, все силы из меня истребал, — шептала женщина в желании прильнуть к груди подруги. — Надеялась, что ты приласкаешь, успокоишь... Эх, ты... Родная душа!

Дернувшись, Авиана вырвалась из объятий, складывая руки у груди. Вид ее с каждым словом становился мрачнее. Горе потрепало ее, сверкавшую красотой и воспаляющуюся прекрасными чувствами, до горбатой старухи, мучившуюся от болезненной худобы. Пятна на щеках исчезли так же, как и всплеск горечи.

— Иди, если нужно...

— Знаешь, оставлять тебя на краю смерти непозволительно. Прошу, скажи, требовал ли он деньги? — спросила Дарья, наклонившись к ее лицу.

— Потребовал, так потребовал, но где их взять? Дом наш оклеветал, имя свое опозорил... На что он мне? — говорила Авиана, всхлипывая. — Еще не все известно, не известны его промыслы за границей! С отцом не общается, за святого его почитает, грешника-то! Да я сама не лучше, — возрев на лицо Дарьи, она вновь преклонила голову, растирая слезы по щекам, — хоть в петлю полезай. Хорошо, что дитячко-то единственное! Не представляю, что стало бы со мной, будь их несколько!

Всю ночь Дарья преклонялась над миссис Хендерсон, да все без толку. Женщина, настолько отчаявшаяся в своих силах, не смогла более возвыситься над чувствами. Вскоре, к утру, выплакав все несчастье, она сначала хотела вскользь упомянуть и замять тему, но все же под давлением чувств рассказала о подробностях трагедии.

Погостивши у родной сестры, Авиана застала у порога гостинной ненастного сына своего в облики настоящего бедняка. Старая кофта висела на худых плечах, подпоясанные штаны спадали в пол, а потёртые сапоги еле выглядывали из-под них. Не стриженный давно, не чёсанный; на лице его все же выступили чувства тоски и хандры, а глаза так и вторили о скуке. С раскрытыми руками он двинулся к матери, однако в ответ получил лишь резкий отказ. Авиана оттолкнула его и робко посторонилась, будто бы страшась перед диким зверем. Черты лица ее дрожали, проскальзывал ужас неожиданности, а губы застыли на полуслове. Амери вслед посторонился, а после вновь прильнул к ней со словами лести и удивления от неподобающего отношения матушки. Все же, игра в любовь стремительно быстро закружилась, как только сын начал отпускать слова, жалеющие свое внутреннее лицемерие. Говорил он нескоро, растягивая каждое слово, наполняя его нужным оттенком чувств. Вцепившись в ручки кресла, женщина пыталась уловить каждый жест, пусть и случайный, но она хотела разглядеть в нем значительные перемены. Сердце забилося, она трепетала в ожидании, словно пойманная птичка. Амери украдкой поглядывал на нее и иной раз замечал, как нервная дрожь пробивала тело матери. Она в предвкушении необычайного, поистине особенного слова, готова была разорвать в клочья собственного сына, чтобы не слышать наглой лжи. Монолог его мог иметь и продолжение, вот только наконец-то прозвучал колкий вопрос, заставший дрожать его в оцепенении. Деньги и упоминание о них сводили парня с ума. Было видно, насколько глубоко азарт способен погрузить грешников в бездонную яму сожаления и раскаяния. Замолчавши, он вдруг стремительно резко ступил в ее сторону. Ладони были сжаты в кулаки, а в глазах отражалась злоба и ненависть. Одним

движением он схватил Авиану за волосы и скинул на пол. Он кричал, бил кулаками в стену, будто бы позабыл о матери. Глазами рыскал повсюду, а как только заметил ее движение, то тут же замахнулся и ударил по раскрасневшейся щеке. Далее женщина не могла промолвить ни слова, забываясь в воспоминаниях. Она содрогалась от страха, как и тогда; лишь румянец воспламенился на щеках.

— Как долго это продолжалось? — Дарья вдруг тоже перешла на шепот.

Придвинувшись к Авиане, она провела ладонями вверх до локтей и чуть сжала их. Подруга, растерянно взглянув на нее, будто бы перестала дышать. Расстояние между ними казалось столь близким, что каждый вздох ощущался на ее щеке.

— Я не следила за временем, да и на что оно мне? — голос ее дрожал и прерывался. — Наоборот сделалось бы еще хуже, если бы я знала, как тянется время.

— Ты слишком устала.

Плавно руки скользили вниз и сжали холодные ладони. Знакомое чувство вмиг овладело Авианой. Она так поджала плечи, словно ей хотелось взлететь и стремительно провалиться сквозь землю, чтобы пропасть навсегда. Дарья кротко улыбнулась, не отводя пристального взгляда со смущенных ее глаз и, словно забывшись, трепетно, еле прикоснувшись, провела пальцами по ее запястью вверх, заботливо погладила плечо, а после приблизилась к самому уху. Застыв в ожидании, Хендерсон, восполненная теплом и приятными ощущениями, робко преподнесла руку к ее плечу.

— Не доводи себя до крайней черты. Прошу, не повторяй прошлых ошибок, — сказала Дарья, стараясь звучать ласково и беззаботно, — как было тогда.

Она отпустила Авиану и, вздохнув, расстроено прикусила губу. Через мгновение лицо ее приняло равнодушное выражение. Этот момент, памятный в сердце покинутой матери, опечатался надеждой на единственное спасение. На утро хозяйке показалось странно, что гостя ее не отзывается на приглашения к столу и беседе. Дарья сама явилась к ней и, постучавшись, настойчиво ждала у порога. Все-таки, дверь Авиана не открыла. Оставив подругу в покое, женщина более не смела тревожить ее.

Этот день породил начало многих странностей, дотронувшись и до Розалинды. Девчонка, поверившая в силы своих возможностей, желала узнать о делах на границе. На улицу ее не выпускали, и окружение было слишком сильно урезано. Хотя ей и не были известны настоящие причины, однако стремление познать их возрастало. С матерью она разговаривала нечасто, иной раз бывало, обменивались пожеланиями хорошего дня. Но каждый диалог заканчивался навешиванием новых запретов, без объяснений причин. С гостьей она пересеклась лишь раз, в коридоре, и то Авиана как-то не заметила ее. Весь день гостя тосковала в забытье.

На другой день поздним утром все собрались в гостиной. Незнакомцы вида деликатного и приличного нагоняли чувство собственной важности и огромнейшего значения. Один мужчина, высокий и довольной худой, посмотрел бы на Розалинду свысока, если бы обратил на нее внимание. Эта его особенность виднелась издали, а одет он был, пусть и не роскошно, зато, как с иголки. Тонкая бородка, чуть седая, будто бы делала его более возвышенным. А дамочка, так же столь стройна и на слуху благороднейшего характера, смиренно сидела в креслах, неловко подбоченившись. Были и лица молодые, вовсе не знатные, но имевшие крепкие связи. Как оказалось, сама хозяйка не имела чести знать и поклоняться этим дорогим гостям от всего сердца. Восседал рядом с ней юноша на трехногом табурете.

Сложив руки на груди, он со скучающим видом разглядывал круг гостей, однако колкость мгновенно протекала в его глазах, а губы расплывались в язвительной усмешке, стоило ему приглядеться к некоторым лицам. Всеми силами он удерживался за безразличие, но все же чувствовалась едкость иных фраз из его уст, пробивающих напыщенное самолюбие. Особенно наострил взгляд он на стоящую в проходе Авиану, ехидно сдерживая смех. Пару раз он обратился к рядом сидящей женщине, видимо со словами, которые она слышать не желала. Музыка сбивала иные звуки, а гулкий шум народа обострялся до предела, хоть и людей оставалось со временем не так много. Все гости прильнули к Дарье Амеан с трепетом и неким воодушевлением. Розалинда была удивлена, что мать ее пользуется спросом у юношей и сделалась желанной подругой многих знатных дам. Оставшись в углу и медленно вытесняясь народом, она незаметно очутилась рядом с тем парнем, будто бы играющим в гляделки с Авианой. Напротив него разместились на диване дети, выглядевшие необычно притихшими. В гостиной появился еще один человек, привлечший интерес Розалинды. Он тихо дремал, распластавшись в широком кресле возле самого камина. Одет незнакомец был причудливо и несколько странновато: в чудную шляпу с широкими полями, скрывавшую его лицо, и в черный потрепанный плащ. Никто не заметил появление девчонки, и лишь иногда она улавливала на себе случайные косые взгляды. Мать она уже давно потеряла из виду и была в твердом намерении покинуть созванную толпу. Вот только одно непредвиденное обстоятельство заставило ее присмотреться к тому юноше.

Как говорилось, он оставался в стороне, однако исподлобья метал насмешливые взгляды, а на лице его, пусть светлом и весьма привлекательном, отражалось отвращение к Авиане, так и не появившейся на публике. Интересный разговор донесся до Розалинды, между смазливой дамой и ним.

— У меня было такое, — внезапно сказал юноша, все ближе наклоняясь к ней. — Немного разозлился, впрочем, ты сама знаешь, какие нелетные дни в последнее время. Ладони мои вспотели и вмиг полыхнули огнем. Самым настоящим! Много я фокусов видал, но от себя не ожидал!

— Замолчи, — приказала женщина, сверля в него сердитым взглядом. — Знай, где ты находишься. Тебе, Амери, и фокусником себя называть не позволительно. Нынче это оскорбительно. Но и болтать об этом знамении не следует.

— Ха-ха, ну ты много чего скажешь! — посмеялся Амери, опершись на ручку кресла. — Да кому ты запрещаешь? Я, знаешь ли, человек свободный, но не глупый! Ну... м-м-м... Иногда глупость скажу, но не воспринимай всерьез. Все это шутка. Думаю я совершенно по-другому!

— Да кто ж поймет, что у тебя на уме, как не ты сам? — она кокетливо посмеялась, на щеках проступили милые ямочки. — Не ври уже, только народ смешишь. Всем уже давненько известно обо всем, правду ведают. А ты пытаешься их обманом вокруг пальца обвести. Знающих-то!

— Пусть и так, но кроме тебя, Азалия, никто еще не влез в мои дела, — как-то облегченно вздохнул Амери. — Пока имею связи, я остаюсь живым.

— Смотри, не упусти их, — Азалия снова хихикнула, обводя взглядом из-под длинных ресниц гостевой зал. — Все-то ты не перестаешь поглядывать на нее.

Жестом она указала на Авиану, попятившуюся назад в это время.

— А она чего не уходит?

— Дела у меня с ней.

— Успели мне уже нашептать об этих делах, да никто и не рассудит, — отмахнулась женщина, устремляя взгляд куда-то вдаль, мимо Амери. — Все-то они слышат. Помнишь, я говорила тебе, что намерена узнавать все первая и ни единого слуха не пушу? Неужто от меня что-то прячешь, а?

— Совершенно ничего, — отвечал Амери, махая головой. — Зачем же мне другим говорить? И информация эта взята невзначай, как можно полагать. Но, все же, никому не известны истоки поверхностных слухов.

Девчонка не смогла разобрать слова Азалии, как бы не старалась придвинуться ближе. Чувствовалось, что она будто бы подозревала чье-то вмешательство, и заговорила куда тише, без восклицаний. Строгие черты, принимавшие облик нежности и кокетства, сделались мрачными и серьезными. Взгляд потускнел и пристально уставился на него, нервно она взмахивала веером, словно ее бросило в неумолимый жар. Розалинда отдалилась от парочки, совсем пропадая в гулкой толпе. Слышала, как тикали часы на стене прямо над ее головой.

Луна, развалившись на полнеба, недоверчиво пускала мерцающие нити, стремившись опутать роскошный зал диковинной паутиной. Таинственный мрак опускался на стены, сверкавшие золотом, бросая на них сумрачные тени. Огромная люстра, озаряющая помещение тусклым светом, возвышалась над головами гостей, оставляя высокий потолок угасать в непроглядной тьме. Среди нескончаемого веселья и говора, впопыхах извивалась между незнакомыми фигурами Розалинда, держащая путь к входной двери. Спотыкаясь, получая замечания и недовольные взгляды, она, наконец, дернула массивную ручку, и дверь ужасно проскрипела. Обернувшись, девчонка заметила, как некоторые гости украдкой перешептывались и снова отворачивались, забывая обо всем. Она быстро прощмыгнула за дверь и оказалась в полной темноте.

Ни единый луч света не загорелся, мрак окутал своим одеялом и мир за окном. Розалинда, тихонько попятившись назад, вцепилась в холодную ручку двери, вглядываясь в темноту. Промелькнула мысль — впрочем, мысль дурная, но исключать которую было нельзя. А что, если незаметно перейти порог и остаться среди пиршества до самого завершения? В замешательстве она, потирая плечо, двинулась вперед, вытягивая руки. Воцарилось напряженное ожидание. Угнетали ее размышления, что непременно кто-то соприкоснется с ее ладонями и с жуткой силой потянет во мрак. Однако «паранормальщина», как называла такие мистические явления сама девчонка, не способна перейти грань своего мира.

«Неужели тогда маньяк? А может, маг какой-нибудь, охотник? Всех сейчас нужно опасаться, — думала она, и лишь отрывистое дыхание, вырывавшееся изо рта, ощущалось среди крошечной пустоты. — Должно быть... вот! Вот, здесь лестница! А ручка? Где она?»

Шагая из стороны в сторону, Розалинда шаркала ладонями по стене, тяжело дыша. Сердце неистово билось, полный ужас накрыл с головой. Все мерещились ей тени в окне, чудился лучик света, так желанно мерцающий, а шорох из-за углов нагонял слабую дрожь. Подняв ногу, она поднялась на ступень, судорожно вздыхая. Пот стекал по ладоням и лбу, а голову словно пронзило колом. Девочка в судороге потирала ладони, страдая от ужаснейшего холода. Тепло, рождающиеся на ее руках вдруг всколыхнулось, и неугасаемые огни заискрились в разные стороны. Ее достигло минувшее незнакомое чувство, а остекленевший взгляд безудержно уставился на застывшие в воздухе искры. Переливаясь разными цветами, они мигом разлетелись по всему коридору, ярко озаряя ступени. Восторг,

переменявшийся на испуг сковал и, застыв на месте, словно статуя, она находилась в иступлении, смотря на разгоравшийся огонь. Розалинду изумила мысль, что ни капли боли не прошло сквозь нее; и что поистине удивительное, так это сверкавшая лестница! Девочка медленно шла по свету, который направляла ей магия, и была твердо уверена, что побелела, как мел. Оборачиваясь, замечала, как пропадали огни, будто бы испаряясь. К великому счастью, ей удалось добраться до комнаты и проникнуться неопишуемым восторгом. Удивление все еще управляло рассудком, заставляя ее ликовать и, как малое дитя, бегать из угла в угол. Мигом зажгла свечку и, поставив ее на тумбочку, тут же упала на кровать. Немое изумление застыло на девичьем лице. Улыбка не спадала уже несколько мгновений, только глаза разгорались счастьем.

«Должно быть, свершилось,» — думала она, утопая в мечтах.

За дверью слышались отголоски званого вечера. Розалинде хотелось вновь испытать приятный треск огня на холодных ладонях. Вспомнился ей волшебный дневник, и тут же неодолимое желание потянуло ее к высокому шкафу. Девочка вскочила с кровати и ухватилась за край обложки. Потянув его к себе, ступила назад, и дневник вмиг оказался на полу. Пару страниц измялись и жутко хрустели, однако Розалинда с головой пребывала в раздумьях о прошлом.

«Интересно, если я пожелаю встречу с одним человеком, это исполнится?.. Должно быть, но не очень-то я уверена. Не думаю, что Афелиса так желает со мной встретиться, и, если это не контроль над судьбой, тогда что? Я заставлю ее и мой путь пересечься и не узнаю заранее, хорошие или плохие последствия поведет за собой моя запись, — Розалинда медленно перелистывала страницы, читая отрывки старых записей. — Я хочу на свободу, хочу увидеть природу и сходить в город... Точно. Раз уж мне совестно управлять желаниями Афелисы, так возьму верх над матерью».

Застыв, будто бы в ожидании наилучшей мысли, она тихо забралась под одеяло, перед этим дотянувшись до ручки из комода.

— Так, — прошептала Розалинда, устраиваясь на подушке. — Буду делать так, как хочу. На благо себе. Мне понадобились бы ее наставления — все же, не хочется исстрачивать дар зря.

Волнение привычно отступило; Розалинда окунулась в знакомую стихию, где каждое действие дарило ей радость сил, потраченных на благое дело. Сон вскоре сомкнул ее глаза.

Несмотря на то, что можно было всего ожидать, девочка была поражена. Точно ее существо предстало перед ней во всем своем безобразии совсем неожиданно. Тайны, неизвестные никому, тихо слегли в глубине души, упорно ожидая момента, когда пустота заполнится теплом и светом. Впрочем, помнит она, что ощущения были смутны. Словно кто-то ушиб, придавил, вытряс из нее жизнь и яркие эмоции. Черная тоска все чаще поглощала ее сердце, до безумства она боялась за себя. Предчувствие нескончаемых мук грызло совесть, и все хотелось позаботиться, облегчить последствия перед неперменным концом. В этом сомнений никаких не оставалось. Нельзя было угадать, какова она будет и как скоро явится.

Утро выдалось сонным. Розалинде непременно хотелось рассказать матери про вчерашние странные вещи. С силой она заставила себя подняться и опомниться. За обедом девочка все еще ощущала необыкновенную слабость, стараясь непременно утаить свою излишнюю чувствительность. Полагая, что выведать у братьев продолжение прошедшей ночи будет легко, и, не обдумывая, они мигом поведают о каждом слухе, какой уловили их настороженные уши, Розалинда дожидалась особой минуты для осуществления. Дарья

выглядела будто бы расцветшей. Она вошла к остальным с каким-то радостным лицом, сияя весельем и легкостью. Было видно, что вчерашнюю ночь мать провела счастливо и успела вдоволь насытиться новыми знакомствами.

— Что же вы так смиренно сидите? — провозгласила она на всю комнату. — Один выглядит больнее другого! Но сейчас все, все, все! Не время для хандры, такое время упускаете, сидя в своих берлогах. Такие собрания дают о себе знать, оставляя вдоволь хороших воспоминаний, — всплеснув руками, она продемонстрировала сверкавшее кольцо. — Вот! Чистое золотце! Где же сейчас такую диковинку отыскать можно? Ни здесь, ни на других землях — даже в Гроунстене пусто, — прервалась она, обращаясь к Розалинде, — и там запрещают. Ну, все, хватит! Уж меня повело не туда. Говорила же мне девчонка одна, черт ее имя знает, что много лишнего болтаю. Да вранье это все, поистине лишнего никогда не взболтаю. За глаза врут!

— Кто же тебе подарил это кольцо? — проговорила Розалинда сдержанным и прерывающимся голосом.

— Да кто-кто? Ты лучше бы помалкивала, задавать такие вопросы. Я, дорогая, сама то не знаю, — миг она залилась безудержным смехом, обходя каждого.

Глаза сверкали, и она гордо взглянула на свою дочь. В самом деле, Дарья была несколько смешна: торопясь, издавала порой невнятные звуки, а слова вылетали часто, без порядка. Ей все желалось говорить, говорить и поведать обо всем на свете. Но, рассказывая, она внезапно вскакивала, шагая из угла в угол, то вновь садилась, поднося к губам чашку чая.

— В том-то и дело, что не помню ни лица, ни чина, ни имени, — продолжала Дарья. — Только то, как вручил он мне этот подарок и скрылся из виду. До чего смешон и стеснителен; с таких личностей только и смеяться. А все потому, что совесть их гложет и мнение общественное. Вот, вот смех настоящий!

— Я погляжу, ты в том самом платье, — заметила Розалинда, присматриваясь к кружевам на декольте. — Не слишком ли празднично?

— Я могу устроить себе бесконечное пиршество! — восклицала Дарья. — Да и гости могут заявиться в любой момент — миссис Хендерсон-то ещё не оправилась как следует.

Спустя несколько минут в комнате появилась сама Авиана. Ничто не выдавало признаков тех страданий, зародившихся в ее душе. Поприветствовав всех, и в особенности отблагодарив Дарью, она скромно уселась вблизи девчонки.

— О чем я и говорила — у судьбы множество неожиданностей.

Розалинда не подавала голоса, лишь неподвижно сидела в углу, покусывая изредка нижнюю губу. Все вокруг помутнело, а голоса сливались воедино. Ее миг бросило в холод, а после ладони жутко вспотели. Припомнилось знакомое чувство, какое ощущала она ночью. Казалось, что еще мгновение, и снова вспыхнет огонь, разлетевшийся в разные стороны.

Длинные пальцы мрака окутали ее глаза. Удивленные лица женщин, обратившиеся на нее, стали последним, что она видела.

11-1. По дороге к городу

В туманной дымке бледных облаков скользила луна, отбрасывая тени на деревья. Далеко сверкали огни фонарей, раскинувшись длинной полосой у берега. Афелиса бросала в сторону колючие ветви, ведя за собой изнемогавшую Илекс; мальчишка, следовавший за ними, изредка кидал взгляд на протоптанную дорогу. Прихрамывая, Илекс прищёптывала невнятные слова, опустошенно глядя на Афелису. Чувствуя, как губы вмиг потрескались, и от каждого вдоха гортань обжигало расправленным воздухом, Афелиса стерла с лица капли пота: они тут же испарились под душным зноем. Радостный вскрик Элида иногда пугал и настораживал. Он тут же несся со всех ног в сторону света и, чуть погодя, понурился, разочарованно шагнул назад, разуверившись в своих надеждах. Слабый ветер колыхал листья, а где-то вдали доносилось шуршание травы. Не скоро они добрались до поляны, усеянной холмами и беспросветным туманом.

— Мы ведь не потеряемся? — тихим голосом говорила Илекс, прижимаясь к девушке хрупким тельцем. — Я читала о приключении одного путешественника, кажется, беглеца, который пропал без вести, — помолчав мгновение, она почувствовала мелкую дрожь. — Не хочется повторять его судьбу.

Афелиса нежно погладила чужое плечо и, кратко улыбнувшись, одарила девочку бесплодной надеждой. Досадно и грустно становилось Афелисе от заманчивой лжи, каковой приходилось окутывать глаза маленькой Илекс. Пребывая в неприметной тоске, она не проговорила более ни слова.

— Давайте передохнем здесь, — сказал Элид, скидывая с плеч рюкзак. — Здесь не должны водиться хищники, так что бояться нечего.

— Раз уж нечего бояться, то должен быть кто-то? — робко спросила Илекс, мнительно подходя к другу.

— Да перестань ты, — отмахнулся Элид, приближаясь к ней и пристально смотря в глаза. Бедная девочка не выдержала его взгляда, опустила глаза в землю, как виноватая, и легкая краска облила бледные щеки. Стыд бы угнетал куда сильнее, если бы темнота не скрывала жалкий и поношенный вид черт ее лица.

Копошась в рюкзаке, мальчишка вынул большой плед и расправил его на земле.

— Сейчас только второй час идет. Утро вмиг настанет.

Илекс со страхом металась взад и вперед, чувствуя в руках своих большую тайну, связывающую все ее существование... Как возможно? Никто не знал ответа. Все были увлечены скорейшим перекусом, что никакого дела не было на ее ощущения. Девочка присела рядом с Элидом и дрожащими руками схватила бутерброд, уплетая его в тени. Смущение ее было так велико, что долгое время она старалась прятаться во мраке, вовсе не понимая, что с ней делалось. Осторожно Илекс прислушивалась к разговору, и иной раз желанное слово вертелось на языке, да все боязливо становилось подать голос.

— И куда дальше? — раздался резкий и твердый голос Элида, которого Афелиса никак не ожидала, — Бежали сломя голову, да и вообще, что другие бы сделали на нашем месте?

— Я... я не знаю, — ответила Афелиса прерывающимся от волнения голосом. —

Решение есть, просто мы слишком далеко от него. Неподалеку есть городок, и в подобных ему водятся добрые люди... Мы можем найти там крышу над головой на время.

— Сейчас никто никому не верит. Даже если мы притворимся бедняками, то наведем на себя подозрения.

Среди глубокого молчания Илекс подняла взгляд на Афелису и встретила глаза, сверлящие ее. Девушка было, по-видимому, спокойна: но это спокойствие пугало Илекс больше, чем всякое волнение. Будто бы слыша лишь чужие слова, она оставалась на месте, словно вкопанная. Все силы напрягла девчонка в желании прочесть на лице Афелисы, что происходило сейчас в её душе.

— У меня, — начала Илекс, неловко переминаясь, — есть знакомая женщина в этом городе. Она живет недалеко от него и поможет нам.

— И кем она приходится тебе? — настороженно спросил Элид.

— Двоюродная сестра моей матери, — спокойно произнесла Илекс. — Сестра Милады.

— А вообще кто она? — повторился он, придвигаясь все ближе.

— Она... Да черт знает! Я о ней давно не слышала.

— Ты не уверена, — серьезно сказала Афелиса. — Нам нужно место без предателей. Если ты не знаешь, кто она, то и положиться на нее будет сложно.

— Вот именно.

— Но, понимаете, я помню ее доброй, — сказала Илекс, как-то странно смотря на Элида. — Если вы не верите мне, то предлагайте свои убежища. Я не хочу оставаться среди леса до самой смерти.

— Никто не хочет, — отвечал Элид, посмотрев на девчонку ясным взглядом. — Нужно за ночь разрешить все это.

Парнишка резко взмахнул кистью, и в его руке появился точеный кол. Переливаясь и блистая серебром, он был украшен ярко-красными камнями с острием на конце. Элид схватил его за золотистую цепочку, вмиг уставив прямо в землю.

Начертил острием круг, и тот вспыхнул пылающим кольцом. Пламя медленно расползлось по всей окружности, вновь разгораясь волшебным огнем: оранжевым, желтым и даже голубым цветом он, излучая тепло, озарил лица троих беглецов.

— Маги не увидят, — заключил Элид, снова взмахнул рукой, и серебряный кол вмиг испарился, — а согреться нужно.

— Сильная вещь, — удивилась Афелиса, разглядывая необыкновенный костер. — Этим можно и человека убить.

— Для этого у меня есть кое-что посильнее. Этот огонь не повредит кожу никакому магу, только обыкновенным людям. Посмотри.

Элид дотронулся пальцами, и языки огня, словно змеи, поползли вверх по руке. Илекс заворуженно глядела на волшебную игру мальчишки, чуть привстала и раскрыла губы в изумлении.

— Ты мне не показывал такого, — возмущенно проговорила девочка. — А мне тоже ничего не будет? Я могу попробовать?

Элид резко дернул ее за кисть. Ладонь Илекс запылала в страстной игре языков пламени. В глазах вспыхнула радость, будто бы огонь вселял ей светлые надежды; улыбка проскользнула на губах, но спустя мгновение Илекс впопыхах затрясла рукой, испуганная до жути тем, что пламя постепенно окутывало плечо. Свет разом стух.

— Не показывал, потому что знал, что побоишься, — с легкой насмешкой проговорил

Элид.

— Это было неожиданно, ничуть я не боялась, — возразила та, потирая ладони.

— Ну конечно.

Элид пожал плечами.

— Не стоит оставаться здесь надолго, — настойчиво напомнила Афелиса, разрушая минуты тишины. — Даже если здесь нет всяких тварей, то маги могут поймать наш след. Они могут опасаться того, что мы владеем информацией об их нахождении, и, не побоюсь сказать, что они способны уже начать действовать.

— Я... согласна, — растерявшись, прошептала Илекс. — Пойдемте.

Она говорила с трудом. Глухое сомнение отразилась на лице, а глаза наполнились предчувствием ужасного времени. Илекс робко поправляла платок, пряча светлые волосы за черную ткань. Хоть и пугливо, но со страстной надеждой девочка питала особую любовь к неожиданностям, строила воздушные замки, выкрашивала самое чудесное будущее без иных потерь и, возвращаясь, была будто бы в огне от своих фантазий. Одним словом, в эти минуты черствые мысли засели в ее голове, пожирая остатки воображений. Она готова была излить душу на глазах у всех из-за резких, неповоротливых событий, какие пролетели стремительно в темную даль. Не успев обдумать, по велению сердца она кинулась вон из рук матери навстречу неизвестности. Тысячу раз Илекс в тайне давала себе слово быть благоразумнее, и тысячу раз страх овладевал ею. От непрерывного волнения рассудок ее помутился, и казалось, что тот побег, обещания Афелисы были не иначе, как вздор.

Необъяснимую холодность она заметила и в Элиде. Вечная улыбка, которая уже прижилась на его лице, спала, и взгляд более не сверкал веселостью и верою. Сначала девочке показалось, что этому благородному, жертвенному сердцу тяжело было после внезапного решения. «Если бы я схватила его за руку, убежал бы он с нами? Наверно, Элид бы остался, будь я слишком трусливой. Он ведь бежал ради меня?» — задавалась Илекс вопросом, вспоминая клятву о дружбе. Но вскоре, заметив в нем досаду и заботу, проявляющуюся чрезвычайно неловко, она стала относиться к другу решительнее.

— Это правда все было? — спрашивала Илекс, дергая рукав Элида.

— Что «правда»?

— То, что мы сбежали.

— Несомненная правда, — сказал он нетерпеливо и засмеялся. — Сейчас не время полагаться на фантазию. Лучше глаза на всю действительность раскрыть. Да и вообще, нам нужно собираться и топтать в город.

Он поднялся, собирая тарелки и стаканы.

— Зачем в город? — спросила Илекс, вскакивая с пледа.

— А куда еще?

— Мы не уверены, что нас примут, — сказала она.

— Притворимся местными. Да и ты говорила, что у тебя знакомые в городе есть, не пропадем.

Обсуждения продолжались и в дороге. Пройдя поляну, они вновь очутились в непроглядной лесной гуще. Свет фонарей мерцал издалека, словно маяк для странников. Чувство страха все не покидало Афелису, заставляя задуматься и тревожно оборачиваться на протоптанную дорогу. Илекс и Элид между тем шли рука об руку, скоро, спеша, словно кто-то непременно тихо подкрадывается к ним. Пара слов невнятных и обрывистых доносились до девушки, и скользкая мысль мерцала в сознании, что ребята нарочно стали шептаться,

опасаясь за чужие уши в своих разговорах. Она все не теряла надежду встретить по пути хоть какой-нибудь домик, или тележку, но никого не было. Спустя час долгих, нескончаемых хождений вдоль высоких лиственных деревьев, вдруг пронизал их тонкий, мелкий дождь, обращая все в округе в свинцовую дымную массу. Далёкий свет потускнел, а глаза окутала легкая пелена тумана. Рассвет медленно наступал, но никто не знал точный час. Илекс туго повязала платок, укрывая плечи черным плащом. И вдруг из этой дымной, холодной мглы вырезались вдали размытые очертания домов и куполов, стремящихся ввысь. Элид, на удивление, не проболтал ни слова целый час и выглядел, как изможденный раб, несущий на своей спине тяжеловесный груз.

— Наконец-то дошли, — сказала Афелиса, оглядывая всех, — Но все еще не в безопасности...

— Афелиса! — вскричала Илекс, бросаясь к ней почти в бреду. — Неужто ты не видишь... в этом тумане. Посмотри, да это же наше спасение!

— Вижу, вижу, конечно, оно, должно быть, — в спешке заключила Афелиса, глядя на ее измокшие глаза. — Это слезы?

— Нет, не слезы, — шептала она, потирая кулаком сонные глаза. — Просто слезятся, давно я не была в такой изнурительной дороге.

— Да какое это спасение? — бежал за ними Элид, убирая с лица колючие ветви деревьев. — Тут только корку хлеба раздобыть настоящая проблема! И сомневаюсь я, что какая-то ведьма пустит нас в свою избушку.

— Не веришь мне, и сам ничего предложить не можешь, — в отчаянии оглядывалась девочка кругом. — Хоть бы проезжий какой-нибудь, да все никого!

— Мы попробуем, во всяком случае, понадеяться на твою тетушку, — ободряла ее Афелиса. — Видишь свет совсем близко? А какие-то несколько часов назад мы смотрели на маленькую, светлую точку. Не этому ли нужно радоваться?

— Это, конечно, все очень хорошо, — твердо заключил Элид, догоняя, — но вы, кажется, совсем не думаете о том, как нас могут принять.

— Никто и не собирается встречать нас у границ с гостинцами, — спокойно сказала девушка, не отводя взгляда от ближайших домов.

Илекс все останавливалась, будто ища нечто необычное и подозрительное, но вскоре летела за Афелисой, как птица. Один раз она даже упала в лужу, споткнувшись об кочку. Элид в испуге стоял подле поднимавшейся девчонки, склоняясь над ней и держа её ладонь в своих руках. Он ощущал странное чувство и видел ту, пред которой благоговел — уставшую, идущую по грязному полю в такой час, в такую погоду.

Спустя несколько минут странники уже стояли около каменной статуи с потертой надписью: «Добро пожаловать в Кансдон!»

11-2. Кансдон

Прохладные порывы ветра слабо колыхали листья увядших, поникших деревьев. Гнетущий мрак старинного городка обволок каждый лепесток, проросший между потрескавшимися плитками разбитых тротуаров. Здания возвышались к серым тучам, а дождь бил по разбитым окнам. Звук тот был схож с непрерывным, нервным стуком, а картина быта, развалин нагоняла ужас. Растения, тянувшие свои зеленые лепестки к небу, погибли, издыхая на грязных подоконниках. На улице не было ни души. Беспросветное одиночество, послужившее проклятьем этого места, нещадно убивало безобразных стариков и старушек, похожих на злых колдунов. Их морщинистые лица выглядывали из окон, глаза колко сужались и быстро моргали. Выкрикивая несвязные слова, они тянули кривые, до жути иссохшие пальцы наружу, будто бы выманивая у них копейки из карманов. Пройдя вглубь квартала, Афелиса возвела взгляд на примечательную вывеску, ярко мерцавшую издали. Желтым светом загорались огоньки названия местного трактира, за стеной слышались крики и безудержное веселье пьяниц. Илекс повернула головой, дернув Афелису за рукав.

— Веселятся же, черти поганые, — гневно пробормотал Элид, неслышно стуча ногой по двери, — Голодные, наверно, лучше не соваться.

— Прекрати, — сказал Илекс, подходя к нему. — Не нужно создавать шума.

— Да и что с того, коли создам? — тот презрительно отошел от каменной стены, ступая на дорогу. — Нас уже заметили старики, а они все быстро слухи пускают...

— Пойдемте.

Афелиса говорила спокойно, впрочем, кратко высказываясь. Равнодушно она глядела на дома, пожирающие тоску, на маленьких, неприметных щенков, скулящих в углу, изредка подбегавших со злобным рычанием. Девушка молча следовала за Илекс, словно гнусность этого места не оставила и следа чувств на ее блеклом лице. Элид отставал шагов на десять, с опаской озираясь по сторонам, и брезгливо воротил нос от неясной жидкости в огромных бутылках. Путь прокладывался вверх по холму, и, взобравшись по каменным отступам, они достигли более живой половины города. Из домов доносился детский плач, а из пыльных окон замечался силуэт тощей матери, держащей на своих костлявых руках нищенское отродье, не схожее с человеком. Противные возгласы, несвежий запах способны распылить каждого, кто не обитал в болотной среде. На крышах каркали вороны, собираясь в огромные стаи зловещих суеверий. Они шли нескоро, но опасность подстерегала каждого.

Вдруг Илекс остановилась у разваленного дома. Элид неловко шагнул на лестницу, вглядываясь в окна. Свеча тускло горела в окне, шторка вмиг всколыхнулась. Он в страхе отступил назад и, споткнувшись, зашатался на месте.

— Что же это?..

— Мы пришли, — твердо сказала Илекс, — Это дом моей тетушки.

— А она точно жива? Не придавило камнями?

— Она живее всех живых будет, — девочка без промедлений побежала по лестнице и тут же несильно постучалась в дверь.

— Уверена, что откроет? — спросил Элид, медленно шагая по ступеням.

— Еще как откроет.

— Не гневи ее только, — шептал, опустив руку на ее плечо. — Кто знает, что с ней могло случиться.

Илекс резко отдернула плечо, постучавшись еще раз. Штукатурка ссыпалась с неровных стен, где-то за углом испуганно промяукала кошка, поджав свой облезлый хвост. Раздался третий стук, громкий и требовательный, за дверью послышались кроткие, неспешные шаги и сиплый кашель. Спустя мгновение дверь со скрипом отворилась, и на пороге показалась низенькая старуха, уставившая стеклянный взгляд свой на неожиданных гостей. С минуту ни слова не произнесла она, лишь отчужденно отошла от крыльца, удивленно взирая на сконфузившуюся Илекс. Слова вертелись на языке, однако, удивление потрясло ее.

— Здравствуйте, тетушка Амура, — девочка приветливо улыбнулась, робко кланяясь.

— Кто просит? — осевшим голосом пролепетала старуха, застыв у порога. — Да неужто ты, племянница? Зрение совсем село; не ведаю, как жить, — прихрамывая, она оглядела Илекс, и слабая улыбка промелькнула на сухих губах. — Что же ты так? Откуда пришла?

— Я позже расскажу, — сказала Илекс.

— Позже так позже, только смотри, не умалчивай. А кого изволю видеть? — спросила старуха, вглядываясь в Афелису и Элида за спиной у девчонки. — Жалуйте ко мне... дорогие гости.

— Друзья мои... товарищи.

— Ну, не толпитесь у порога, проходите.

Они вступили в квартиру, полную тишины и одиночества. Большая, низкая комнатка, отделенная лишь одной перегородкой, сквозила холодом. Маленькая люстра, висевшая прямо над головами, колыхалась от каждого шага. Ободранные кресла, старый деревянный стол, накрытый белой скатертью, полка с пожелтевшими книгами — вся скудность и нищета быта проглядывались в этих вещах. Осторожно осмотревшись, Элид тихо поприветствовал хозяйку в дверях, проходя внутрь.

— Чаю желаете? — неожиданный голос послышался из-за спины, заставив Афелису вздрогнуть.

— Было бы неплохо, — сказала Илекс, присаживаясь на табуретку.

— И как вы оказались здесь? — спросила старуха, подойдя к маленькому столу.

— Запутанная история... Помнишь, я рассказывала об одном обществе, впрочем, секретном? И не говорила, что за люди там состоят.

— Было дело. Да я и тогда подозревала, что худо это все.

— Так оно и оказалось, — произнесла Афелиса. — Нас просто обманули.

— Обманули Афелису, но если бы я осталась, то меня бы никто не тронул. Так же, как и Элида. Возмездие бы понесло большие жертвы...

— Мать твоя ни на что теперь не смотрит. А ты молодец, что не осталась с ней, погубила бы тебя... черствая душа.

Долго она еще спрашивала племянницу и по обыкновению своему сетовала и охала с каждым ее ответом. Старуха выглядела потерявшейся, всякое известие потрясло ее. Иногда, она будто бы скорбела об утерянной своей сестре, и тоска эта убивала ее сердце и рассудок. Вскоре женщина вернулась, неся на деревянном подносе три дымящиеся чашки.

— Оставайтесь сколько угодно, — понизила голос, поправляя серый платок на плечах. — В тесноте, да не в обиде. Скоро совсем свихнусь в одиночестве, хоть душу дьяволу

продавай. Вы не стесняйтесь, — обратилась старуха к товарищам Илекс, отходя к стене. — Конфет может будете? Аль есть еще?.. Сейчас посмотрю, память совсем отшибло. Вот какие-то, недавно на базар ходила: сказали, что вкусные. Попробуйте.

Тетушка Амура копалась в шкафах, неловко вздыхая и смеясь над своею неуклюжестью. Вдруг в ее морщинистых руках оказался черный мешок, обвязанный красной лентой. Она с любопытством и, как будто чего-то стыдясь, оглядела гостей, нахмурилась и подошла к столу.

— Вы попробуйте, мало ли, понравится, — еле слышно пробурчала старуха. — Ах да, забыла сказать, — заговорила она внезапно громко, обрадовавшись, что вспомнила. — Я тебе хотела отдать кое-что, дорогая. А, впрочем, пройди со мной.

Илекс вмиг вскочила с табуретки и, молча взглянув на Афелису, как будто с упреком, скрылась за небольшой стенкой. Ни слова не доносилось до них, как бы любопытство не распирало. Лишь под конец, когда промелькнул подол черного платья, и вскоре на глазах показалась Илекс, словно воодушевленная и невероятно счастливая, послышались тихие перешептывания. Элид переглядывался с Афелисой, а губы его расплылись в колкой улыбке. Робко ступив шаг, он тут же застыл, словно статуя, издав скрипнув половицей. По возвращению, девица не проронила ни слова, только лишь вернулась к прежнему разговору.

Так Афелиса и мечтала, и горевала, а между тем время стремительно уходило. Наступила ночь. Маг в смятении подымалась с грязных кресел, ощущая непосильное желание вырваться поскорей из гнусного дома, хоть в гром, хоть на слякоть. По наступлению темноты комнатка будто бы становилась просторнее, а в уголке, где тихим пламенем разгоралась свеча, вырастали пугающие тени. Выйдя на крыльцо, девушка опёрлась руками о ручку проржавевшей лестницы. Прохладный ветер приятно бил в лицо, навеивая воспоминания о давешнем пути, длиною в одну холодную ночь. Вдалеке раздался резкий, громкий скрип отворяющейся двери. Напротив дома отчужденной старушки никто не показывался, словно дверь отворялась сама собой. Внезапно на каменном пороге явилось какое-то мрачное существо; чей-то упорный взгляд бегал по всему ее телу, точно будто прожигая душу. Холод вмиг пробежал по спине. Афелиса отшатнулась, держась за ручку двери, но, к величайшему ужасу, существо это вылезло на свет фонарей. Она разглядела маленькую девочку, смотревшую на нее с изумлением, доходившим до столбняка. Дитя тихо ступила три шага вперед, испепеляя ее недоверчивым, враждебным взглядом. Разомкнув кровавые губы, в желании высказать свое возмущение, тут же повертела головой, точно передумала. Свет озарял ее фигурку тускло, однако Афелиса смогла разглядеть ее ближе. Это была нищая девочка среднего роста, лет одиннадцати, до немощи тощая и бледная, словно мрамор. На лице ее проглядывалась болезнь и усталость. Правой рукой она держала куклу, обернутую в дырявый платок, прикрывавший и ее дрожащую грудь. Длинные, черные волосы клочками свешивались вниз. Они простояли в полной тишине минуту, вздрагивая от страха и неожиданности.

— Кто вы? — наконец спросила она сиплым и осевшим голосом, стоя прямо у перил.

— Кто я? — повторила Афелиса, не ожидая ее вопроса. С минуту она стояла в прежнем волнении и тут же вся задрожала, да так сильно, что показалось, будто бы с ней случился нервический припадок. Спустя мгновение, девчонка всеми усилиями пыталась скрыть перед Афелисой свое волнение. Вцепившись двумя руками в куклу, возвела мучительный взгляд вверх.

— Я тебя не видела, — отрывисто произнесла она, часто вздыхая. — Ты пришла забрать

моего брата. Д-да. Точно. Он все-таки написал письмо... Не подходи к моему дому.

— Подожди, я не намерена забирать кого-либо, — успокаивала ее маг, медленно сходя с лестницы. — Бедненькая... Ты кого-то ищешь?

— Никого не ищу, — прошептала она с усилием. — Я увидела тебя в окне, ты не местная. Ты что, ведьма? Да. Прямо здесь живет старая ведьма. Беги отсюда.

Девочка резко схватила ее за руку и уже было рванулась вперед, но Афелиса оставалась на месте. Она не стала отвечать на беспорядочные вопросы, лишь молча отвернулась, выпуская ее запястье. Девушка до того была поражена, что никак не смогла возразить и высказать хоть слово.

— Брат написал письмо. Хочет уехать. Как мне уговорить его взять меня с собой?..

— Как же так?.. Подожди. Тебе нужна помощь? Где твои родители?

Афелиса неспешно приблизилась к ней. Девочка вскрикнула в испуге, словно от того, что она посмела подойти к ней; вдруг оттолкнула мага своей костлявой рукой и бросилась к двери, из которой ранее вылезла. Более фигурка ее не показывалась. Девушка, точно в испуге, осмотрелась по сторонам и, развернувшись, ступила к крыльцу, но вдруг увидела, как по ступеням тихо шагал Элид.

— Что это за чудо? — спросил он, спрыгивая с последней. — Я вот проверить хотел, куда ты ушла, и застаю тебя с какой-то нищенкой. Илекс уже упрашивала, а самой сходить не судьба.

— Девочка просила помощи. Теперь уже ушла.

— Понятно, почему ушла, — твердо сказал Элид, показывая на дряхлый дом. — Меня увидела, так сразу побежала.

— Теперь ясно...

— Пойдем уже. А то, мало ли, кто здесь бродит.

— Ничего ведь не произошло?

— Совсем нет. Заставила ты конечно поволноваться Илекс.

— Тогда пойдем, — сказала Афелиса, в последний раз взглянув на маленький дом.

Трепет и дрожь все еще били по всему телу. Они немедля вернулись в дом старухи, точно будто опасаясь кого-то. Маг долго вспоминала маленькую девочку, одетую в грязное тряпье. Когда прозвучал протяжный скрип открывающиеся двери, Илекс вмиг обернулась и ступила навстречу, неловко протягивая руки. Лицо ее просияло светлой, радостной надеждою.

— Куда ты уходила? — робко спросила она, с беспокойством смотря на Афелису. — Я хотела сама броситься искать тебя... Элид остановил. Подумала уже, что все пропало. Право, так незаметно, вскользь.

— Я была недалеко, — заговорила она, — у самого крыльца.

— И зачем же? — спросила вдруг, как-то подозрительно и недоверчиво всматриваясь в подругу. — Неужто передумала?

— Совсем нет. Мне нужно было освежиться.

Она оглядела Илекс искоса: в последнее время она очень похудела, и лицо стало бледнее, изредка заливаясь румянцем и горькими слезами. Девочка как-то необыкновенно обрадовалась ее возвращению, хоть и скромность не позволяла ей излить душу сполна. Впрочем, Илекс влюбилась в образ, с которым непременно может разделить свои мысли, схватить за руку и признаться во всем сокровенном и трепещущем. В эту ночь она необыкновенно была порывиста и встревожена. Металась из угла в угол, иной раз

отчужденно глядела в низенькое окно, в каком проглядывал лишь грязный, мокрый тротуар проспекта. Бессонница приносила одни муки. Старуха уговаривала ее поспать, но девочка все избегала лишних расспросов, будто бы они приносили ей жуткое неудобство. Элид, уже как час, тихо ютился на диване, всхрапывая и сопя. Илекс все не могла свести глаз с Афелисы, которой, видимо, было так же тревожно.

— Что же вы, совсем не устали? — шептала старуха, подходя к племяннице. — Такой путь прошли, неподготовленные, да и еще с пустыми руками. Как такое возможно? На тебе лица нет, милая. Изморила тебя Милада, да пусть ей все беды и вернутся.

— Главное, что пришли живыми, — заговорила Афелиса, — В лесу тропинки не протоптаны, да и дождь пошел.

— Да и хорошо, что дождь пошел. Не то бы еще с грозой... Жуть сущая.

Афелиса сидела и слушала, не понимая, как бы поскорей заговорить с Илекс с глазу на глаз. Она кратко отвечала на какой-то вопрос старухи о положении дел за границей, о камне, способном спасти историю магов и их униженное существование, и о том, следует ли опасаться развязки событий. Но все же, должный ответ на последний вопрос не нашелся. Колдунья упорно отказывалась предвидеть будущее маленького островка, будто бы это было запрещено на уровне закона. Она говорила долго и много, спокойно, словно стрелки часов вмиг застыли. Речь была тиха, и одни слова никак нельзя было различить. Спустя четверть часа на лице Илекс виделась мучительная усталость, а взбудораженность мгновенно улетучилась. Вскоре женщина тоже, судя по всему, ощутила непоколебимое желание прильнуть лицом к подушке и заснуть крепким сном, и более не стала настаивать на разговоре. Девочка увела ее, сонную, потирающую глаза, за перегородку, и только на утро Афелиса увиделась с ней.

Тусклое солнце медленно возвышалось над темными проспектами. Казалось, что улиц Кансдона доселе не касались теплые, ласкающие лучики света, от того и водятся здесь угрюмые, хмурые люди. Илекс проснулась, когда все еще в домишке дремало. Она незаметно прошмыгнула на крыльцо, затворяя дверь. В ее ладонях, переливаясь на солнце, сверкал осколок рубина, до того хрупкий, что, казалось, одним сжатием его можно разломать на мелкие хрусталики. Опершись локтями о перила, девочка, восхищенная красотой и силой камня, перекачивала его на ладонях, точно играя. Вчерашним вечером, в то самое время, когда тетюшка Амура вручила ей сей рубин тайно, скрываясь ото всех, Илекс не подала ни виду, что в теперешний час стала обладательницей большой силы. Впрочем, пробыла на улице девочка не долго. Вскоре пришлось воротиться, когда услышала робкие шаги и увидела старуху за своей спиной. В руках она держала два ведра, а на голову надела платок.

— Проснулась уже, — сказала она, медленно спускаясь по лестнице. — А мне вот за водой сходить нужно. Все-таки, сидеть дома весь день к добру не приведет...

— Я пойду с тобой, — перебила Илекс, — мне нужно прогуляться.

— Как хочешь, но, все же, приятно идти в такой чудесной компании.

Жуткое угнетение царило в комнатке. Элид вскочил с кровати, и непоколебимое намерение разрешить все неясности вмиг овладело ним. Он принялся будить Афелису, получая в ответ недовольство и угрозы. Спустя несколько минут, поняв о серьезном настрое его, маг поднялась с дивана. Вскоре в дремлющем домишке намечался разговор, который решит судьбу странствующих магов.

12. Смертное пророчество

Листья хрустели под ногами, корявые ветви деревьев ломались с каждым шагом. Шорох берез, щебетание жаворонка, страшные детские всхлипы, медленное движение облаков в беспросветном мраке, лесная тропа, ведущая в темноту — все это казалось ей ужаснейшим сном, навевавшим лишь смутные ощущения. Крик воронов слышался глухо, после совсем умолк. Розалинда в пробивающей дрожи оборачивалась назад, несясь со всех ног в лесную глушь. Вдалеке мигал свет, испаряющийся все быстрее, оставляя лишь тусклые тени на стенах старого приюта. Сердце вмиг забилося, словно готовое в страхе выскочить наружу, ярко озаряя тропинку. Голоса приближались, доносясь из кустов; робкий шепот и порывистое дыхание ощущались на спине.

«Что же это?.. Конец? — навязчивые мысли переполняли голову. — Быть не может! Они снова, снова совсем близко! Как же? Невозможно!»

Споткнувшись о камень, Розалинда тут же поднялась, потирая разбитое колено. Кровь неспешно стекала вниз, бросая свою печать на протоптанной земле. Слезы невольно растекались по лицу, ставшему еще бледнее от волнения. Серая крыша здания давно скрывалась в сумраках ночи. Огоньки сгорали, но топот людей лишь усиливался. То же платье, те же горькие чувства, примкнувшие ко дну души на какое-то мгновение, снова вспыхнули в ярком порыве новых ощущений. Девчонка не могла здраво мыслить, страх взял волю над рассудком. Еще немного и, кажется, точно будет поле! Хрупкие ноги еле передвигались по твердой земле, голова закружилась, и Розалинда упала посреди леса без сознания. Помнится только приближавшаяся фигура, точно женская; она всплеснула руками и застыла на месте, но после бросилась прямо к ней. Это было единственное и последнее мгновение, уцелевшее в ее памяти...

Розалинда помнит себя потом уже в постели. Несколько раз она просыпалась и сквозь сон видела тревожное, заботливое лицо матери, как сказочное видение, словно в тумане иллюзий. Дарья перед ней была волнительная, грустная, иногда вскакивала с кровати в жутком трепете, а после вновь садилась, испуганно поглаживая пальчиками ее вспотевший лоб. Девочка со смущением вспоминает тот ласковый поцелуй на лице, оставленный в момент пробуждения. Мать подносила ей пить, оправляла ее на постели, перешептываясь с Авианой тихо, точно боясь разбудить дитя. Вдруг очнувшись утром, при свете осеннего солнца Розалинда вспоминала только тусклые обрывки сна. Увидев, что дочь очнулась, мать тут же встрепенулась и волнительно спросила:

— Совсем нездоровится тебе... Испугала же ты меня, бедненькая! Скажи, сильно ли плохо?

Розалинда, поворотив головой, потерла сонные глаза. Уставшим взглядом она посмотрела на мать и тихо прошептала:

— Я уснула?

— Да как же уснула? Недавно проснулась, вот утро еще на дворе. Сил нет, да где их взять?

Она снова села у изголовья кровати и еще несколько минут изливала свой ужас. Склонив свою измождённую голову на правую руку, улегшись на столе, приговаривала неясные слова. Глаз она не сводила с Розалинды и, не отходя ни на шаг, предлагала ей поесть. Помнится, загляделась на ее оправившееся лицо, полное не по-детски грустным выражением и яркой красоты: темные глаза, обрамленные длинными ресницами, русые волосы выбивались из-под косы, чуть подкрашенные губы дрожали.

— Как же я так заснула?

— Если бы заснула, то и переживать не о чем, — сказала мать. — Такое пиршество было! Пришла ты завтракать и в обморок упала. Авиана, вся испуганная, как кошка, тут же мне сказала. Да и сейчас, вон, у двери стоит, места себе не находит.

Маленькая, все еще дрожавшая женщина глядела из-за порога и, услышав свое имя, в смятении скрылась за стену.

— Что будет завтра? — вдруг спросила Розалинда, переводя взгляд с двери на подошедшую мать. — Неужели маги больше не будут терпеть?

— Не нужно сейчас думать об этом. Будь, что будет. Сколько пережила смертей, да все еще жива. И ты меня переживешь.

— Об этом нужно думать, — настойчиво проговорила девчонка, усевшись в кровати. — Только представь, сколько невинных жизней унесет война.

— Их всех истребить надо, чернокнижников. Только вред от них, — заявила Дарья нетерпеливо. — Раньше, испокон веков они теснились в Гроунстене, пожирали все плоды, а здоровые люди в наше-то время, все раньше сторонились колдунов, решили использовать землю на благо народу. Зря мы говорим об этом абсурде, эти черти и носа не высунут из своих подпольев.

— Но это же их земли. И вдруг хозяев резко прогоняют...

Говорила тихо, усталым взглядом всматриваясь в возмущенные черты материнского лица. Резкие движения и мгновенная злоба отзывались в теле ее. Было видно, как всеми силами старалась успокоить свое возмущение, но каждый раз, как из уст Розалинды вылетало слово о несправедливости противостояния охотников и магов, то озлоблению ее не было предела. Впрочем, разговор стремительно стихал. Девочке делалось лучше, и ни малейшего мятежа не последовало за этим. Твердая уверенность зародилась в ней, от чего в душе матери все ныло и переворачивалось в это мгновение, когда слышала слова дочери о восхищении магами. Помнит она, что тут же мелькнула мысль: «Уж если ей грозят заточением, жестким наказанием за малейшую выходку, то лучше всего сбежать в неизвестность! Сомнений быть не должно!»

Уже тогда по городу разлетались слухи о связи дома Амеанов с магией. Опровергая все, Дарья вступала в ссоры, рушащие ее репутацию. Но убитый вид женщины, дрожавшей перед всяким прохожим мимо ее дома, тронул Розалинду. В тот момент она словно устыдилась своего гнева и минуту сдерживала себя, искоса глядя на дочь. Тоска и тишина тянулись недолго. Внезапная потребность во что бы то ни стало высказаться яростным порывом, чёрствым проклятьем вспыхнула в ней.

— Как посмотришь... А про меня все слухи пускают, — тихим голосом начинала. — В чем здесь моя вина, а? Хоть ты мне объясни. Все кричат, ругают, что дочь у меня родом из Гроунстена... И некого винить. Кричат, что дом наш проклят, что скоро явятся охотники и прочуют след колдовства! Меня бесит, что меня, как дуру, как ведьму, все считают

способной иметь проклятье на душе. Это вздор! Тупость! Не желаю!

Она вскочила со стула и тут же стала бродить по залу.

— Не высовывайся из дома, даже виду своего не показывай! — повелительно провозгласила женщина. — А то нахватаемся больших проблем... Нужно самой выкинуть остатки колдовства предков.

— Помочь? — спросила Розалинда, робко шагая к ней навстречу.

— Лучше уж... А, впрочем, лишние руки пригодятся. Пойдем.

Тот день они провели в библиотеке. Дарья все рассказывала о темном прошлом своих родителей, и с какими тяготами им пришлось связать свою старческую жизнь. Дни их юности протекли мимолетно. В ее воспоминаниях всплыла нежная мелодия, и те вечера, какие порой ее отец посвящал игре на пианино своей возлюбленной. Руки, под которыми оживала божественная соната, неподвижно лежали на клавишах. Ее взгляд скользил по его ладоням, и вдруг вновь замечала, как они быстро скользили по клавишам. В мгновение бесконечной тоски, безмолвия и забвения, в коридоре послышался резкий звонок. Немедля, мать бросилась к двери и, отворив ее, столкнулась с мужчиной в черном одеянии. Маленькая Дарья увидела лишь его фигуру, казавшуюся статной и высокой вдаль. Непонятливый взгляд ее вскинулся на отца, покидавшего зал. Он выглядел растерянным, точно, будто чего-то опасаясь. Девочка поплелась за ним, но все же глубоко в мыслях наслаждалась ощущением безмятежности и покоя. Незнакомец явился не один. Рядом с ним, сложив руки за спину, стоял худенький мальчишка, опустив голову в землю. Одет он был в серую курточку, растрепанные штаны свисали вниз, а рыжие волосы были спутаны. Впрочем, он походил на беженца из захолустья. Рассказывая об этом дне, Дарья не могла не припомнить диалог, послуживший началу вечной скорби. Мать молча стояла у порога, ожидая первых слов от незнакомцев.

— Нам нужен Мерек Амеан, — вдруг заговорил мужчина. — Он живет в этом доме.

— Побойсь сказать, но вы пришли поздно. Повидаетесь с ним на том свете.

Женщина вцепилась в ручку двери и хотела уже затворить, но незнакомец настойчиво выступил вперед.

— Он умер? — хриплым, прерывающимся голосом спросил мужчина. — А Вы хозяйка?

— Слушайте, не могли бы Вы сказать, кем приходились ему? Если нет, то наш разговор более не имеет смысла.

— Скажите, где находится его захоронение, — сказал мальчишка, подняв свой пристальный взгляд на мать Дарьи.

— Господа, или вы уходите, или я зову стражников, чтобы они вас выволокли отсюда, — внезапно вмешался в разговор отец, отходя от трепещущей дочки.

— Уж извините за грубость. Если мы принесли вам неудобства, то в праве расплатиться предсказанием. Как говорил жрец Мерек: «Нет пути добру». Вы не сказали о его могиле, да и кто знает, что ваши слова истина. И, позвольте, я оговорился, это не есть предсказание, а прямое послание судьбы.

— Здесь вы помощи не найдете.

— Найдем. Ведь не уйдем, пока не узнаем о захоронении Мерека Амеана. А вы, как я погляжу, новые хозяева.

— Какое Вам есть дело до моего отца? — сказал отец Дарьи, не в силах удерживаться и почти с негодованием уставившись на него.

— Мы не желаем развязывать ссору. Жрец Мерек был важным человеком в нашей

жизни, и мы хотели бы повидаться с ним. Можете набрасываться на нас хоть с кулаками, но с места мы не сдвинемся, пока не узнаем то, что нам надо, — тот смотрел на него спокойным, испытывающим взглядом.

Однако, встреча не завершилась мирным концом. Во злобе отец побледневшей от страха Дарьи грубо оттолкнул мага, а тот резко схватил и чуть ли не свернул его руку. Малышка едва ли верила глазам своим. Он вздрогнул; кровь бросилась в голову отца и залила его щеки.

— Прокляну! — крикнул отец вдвое громче, освобождаясь от крепкой хватки незнакомца. — Я свое слово держу.

— Нам нестрашно твое проклятие, — говорил маг, и ни одна черта его лица не дрогнула, — Оно бессильно.

Он так же неожиданно высвободил его и отступил на шаг назад. Мальчишка точно вскочил с места, спрятавшись за широкой спиной мага, и тихо наблюдал за страданиями мужчины. Безумная ярость сверкнула в его глазах. Услышав вопль жены, ослабевший отец упал в ужасе от того, что делалось. Тело словно проткнуло иглами, а в голову ударил тяжкий камень унижения и жалости, своего бессилия.

— Он захоронен на холме у темного озера, — восклицала, рыдая, мать, склонившись над мужем и заключая его в объятия. — Уходите вон. Прочь! — кричала хриплым голосом.

Рыдания теснили ее грудь, как будто хотели разорвать болящее сердце изнутри. Она уже не стыдилась никого и в сильном порыве любви покрывала судорожными поцелуями его покрасневшие щеки и намокшие глаза. Незнакомец уж хотел сделать решающий удар, но посторонился, услышав ответ пылающей в тоске женщины.

— Спасибо за вашу снисходительность, — он замолчал и, поклонившись, подтолкнул мальчишку к дороге. — Только, — вдруг остановившись, замолчал маг, — муженьку Вашему жить недолго, недолго мучиться. Что же, прощайте.

Но мать уже не слышала его слов, она помогла подняться мужу и под руку повела его в дом. С того дня Дарью не покидали последние ужасающие слова незнакомца. Всем сердцем девочка не хотела видеть отца умирающим, совсем беспомощным, лежащим на кровати целые сутки. Душа болела от таких мыслей. Весь тот вечер и ночь родители провели вместе. Малышка лишь заметила тоскливый взгляд матери, до того полный уныния и грусти, что запомнился ей по сей день.

Спустя несколько недель, когда происшествие с незнакомцами стало забываться, неожиданно обострился конфликт в Гроунстене. Именно в то время охотники стремились взять вверх над колдунами и присвоить к своим владениям плодородные земли. Отец без промедлений отправляется за границу, оставляя испуганную возлюбленную вместе с дочерью одних. Года не было никаких известий. Лишь одно письмо дошло с фронта, но матери было достаточно и короткой весточки о том, что любовь живет не только в ее сердце. Все же, тот роковой вечер понес незабываемые воспоминания последней сонаты отца. Женщина хотела выучиться игре на пианино, чтобы так же искусно плыть пальцами по клавишам, создавая звуки, сливающиеся воедино.

Вопреки ее душевному успокоению, на почте она получила письмо. Тяжкие камни, так тянувшие ее к пучине нескончаемой тревоги, спали с души. Женщина почувствовала свободу, которой прежде не хватало. Наконец еще одна весточка от мужа, все надежды осуществились. Вот только, взяв в руки конверт и взглянув на отправителя, тут же ужаснулась. Ладони вспотели, а глаза быстро бродили по нескольким строкам. Она прочитала то, чего боялась весь год. Дарья, не выходящая из дома, в нетерпении ждала

исчезнувшую мать. Ни свет, ни заря, а матери и дух пропал. Вернулась она уже около полудня. Дарья была в каком-то забытьи и в оцепенении вздрагивала, прислушиваясь к малейшему шороху на крыльце. Вдруг услышала, что кто-то неспешно всходил по ступеням. Дверь нескоро отворилась, и малышка попятилась назад.

— Мамочка! Любимая мамочка! Наконец-то ты пришла, — она бросилась к ней. — Куда ты уходила, а? Куда?

— Отойди, — прошептав, мать оттолкнула от себя дочь и быстрым шагом направилась к лестнице. Дарья, чуть ли не рыдая, бросилась догонять.

Всхлипывая, она выпытывала хоть единое слово, тогда как обида жестоко ранила ее сердечко. Весь тот день девочка оставалась, словно убитая, растоптанная, и дрожала в жутком ознобе. Вспоминалось ей, как мать изредка подзывала ее, пыталась заговорить. Но малышку до того поразила обида, что была будто бы без памяти. Тоска довела ее до слез. Она кричала, а матушка и не знала, как поступить. Мрачно глядела на свою дочь, не двигаясь с места, лишь содрогаясь от холода. Слезы катились по впалым щекам, разбиваясь об пол. Впервые Дарья увидела не кокетливую и безмятежно счастливую матушку, а живые эмоции, пробирающие до глубины ее юную душу. Ночью женщина взяла ее в постель, и, четко помня каждый миг, Дарья обхватила ее шею и поцеловала в еще не высохшую от слез щеку. Наутро она проснулась поздно, матери в постели не было. Встретились они в зале и в истерике: Дарья стала просить прощения за вчерашние обиды. Тогда и состоялся разговор, в каком матери пришлось рассказать о письме.

Узнав о смерти отца, дочь точно померкла. Крохотное сердечко билось все чаще и изнывало в то мгновение. В ту минуту она, ребенок, понимала чувства матери, и обида тут же спала, что навсегда уязвило осознание, что она навеки потеряла любимого папочку. С тех пор дочь и мать пребывали в скорби, утешая себя лишь своим существованием. Когда Дарья миновал тринадцатый год, то и мать ее, вся больная, медленно умирала на кровати. Оставила она завещание о наследстве, а после тихо покинула этот мир. Девочка не могла больше находиться в родном доме. Ее приютила подруга усопшей матери, и тогда непроглядную горечь развеяла она. Авиана была ее ровесницей и лишь спустя несколько дней девочки сдружились. Она боялась заговорить с ней, и порой, подходя, слово вертелось на устах, но смелости заговорить не хватало. Уделенную комнатку покидала нехотя. Жуткое настроение разъедало все изнутри. Один раз Дарья по своей воле пошла навестить могилу родителей и просидела на лавочке напротив надгробий весь вечер. Много слов было сказано, много сожалений было признано, и тогда девочка возненавидела магов. Именно из-за вседозволенности, из-за того, что благодаря одному лишь спонтанному желанию, в их руках оказывается судьба человека.

Разговор их продолжался долго и постепенно; Дарья стала забываться в своих воспоминаниях. Розалинда слушала ее рассказ с большим вниманием, грустно улыбаясь и сочувствуя. Вдруг она с упреком поглядела на нее. Стало невыносимо тяжело.

— Но это же несчастный случай, и, может быть, вины магов вовсе нет? — спросила Розалинда, доставая книги с верхней полки.

— Мне тоже хотелось так верить, но, — сказала женщина твердым тоном, — это не единичный случай. И никак не спонтанный. Вспоминается мне одна комедия, такой же абсурд был. Но ничуть не смешная. Если бы ты знала, сколько всего хорошего она мне говорила. Я бы сама этого никогда не выдумала. Лучше жить на свои деньги, чем за чужой счет. Вот это правильно. Матушка моя была благоразумной, пусть и слишком плаксивой...

Розалинда молча улыбнулась. Не спеша, она спускалась по стремянке, держа в левой руке пару книг.

— А откуда могли появиться здесь магические вещи? — спросила она, спрыгивая со второй перекладки. — Неужели в вашем роду были маги?

— Да кто их знает, этот род... Я своих родственников не знаю, а предков и подавно. Может, и были какие-нибудь колдуны, приезжие, ведь поместье не родовое. Вещи бы свои забрали, или сожгли.

Внезапно Розалинде вспомнилась та картина, ожившая прямо на глазах. Она быстро метала взгляд в стороны, ища черную штору.

— Я пойду посмотрю еще кое-что в той стороне, — заговорила она спустя минуты молчания. — Не все же здесь должно быть.

Дарья кротко кивнула и снова взялась за ящики в столе.

Тем и закончился последний их разговор. По крайней мере, так казалось Розалинде, ожидавшей прежних перемен. Девочка нашла картину за ширмой, но вид ее становился все мрачнее. Хмурые тучи плыли по светлому небу, темницу пронизывала темнота; проникавший свет в окна коридоров затмил надвигающийся ураган. Вот только, среди людей в черных мантиях исчезли несколько магов. Розалинда не могла усомниться в своих воспоминаниях. Та картина, на которую впервые упал ее взгляд, отражалась яснее, ощущалось чувство свободы. Маги сходят с лестницы в нетерпении, точно в спешке, а что скрывалось за мантиями — неизвестно. Где-то вдалеке издавался шум грома, крик птиц и шорох листьев. Розалинда медленно вела пальцами по деталям картины, вновь впитавшую в себя жизнь. Действия стремительно менялись; вдруг превращаются в пыль прошлые сцены, будто забытые воспоминания, и трое магов уже бегут по чистому полю. В темнице загорелся свет. Впервые среди крошечной тьмы загорелся огонек в окне. Один из беглецов оборачивается и толкает в плечо другого мага. Они забрели в глубокую чащу, остановившись посреди тропы и будто бы переговариваясь. Как жаль, что Розалинда не могла услышать слова, голоса магов. На этом все краски стерлись. Картина почернела, только движение серых теней смутно отражались.

Внезапно тишину прервал резкий возглас Дарьи. Розалинда вмиг обернулась, судорожно дыша. Дрожащими руками она завесила картину и, поглядев на нее в последний раз, побежала вдоль книжных шкафов.

«Я уж подумала, что заметила, — думала Розалинда, пробираясь сквозь гору старых книг. — Непременно нужно забрать эту картину. Вдруг, там есть что-то важное; живее, чем простая сказка...»

Дарья отшатнулась от стола, вся перепуганная и трепещущая. Взгляд ее застыл на развернутой книге в кожаной обложке.

— Посмотри! — вновь крикнула она, бросаясь к дочери. — Исчадья ада! Вот оно что!

Она дергала ее за рукав блузки, все еще содрогаясь от неожиданного ужаса. Розалинда непонятливо посмотрела на мать, затем снова на открытые пустые страницы. Если уж ничего и нет, то надо ли пугаться. Впрочем, поведение матери было странным. Розалинда подошла ближе, вопреки упрекам Дарьи, быстро перелистывая страницы за страницей.

— Было. Точно говорю! — снова воскликнула Дарья, и по телу ее пустились мурашки.

— Что было?

— Демоны, ужасные черти. Мотали головой и шептали что-то непонятное. Я как увидела, чуть не померла от страха!

— А не показалось? — сказала Розалинда, присматриваясь к тонким листам. — Лучше убрать эту книгу в любом случае.

После достопамятного для девчонки дня, несколько суток сряду она пребывала в полном волнении за Дарью. «Чем грозит ей народ и почему она все не может избавиться от всякого хлама?» — спрашивала себя Розалинда, терзаясь в разных предположениях. В свете, после проведенного вечера в доме Амеанов, возматал настоящий бунт. Некоторые скверно поглядывали на Дарью на улице и, не поздоровавшись, едко пускали сплетни за спиной. Те же, кто выбрал держаться отчужденно и не погряз в словесном мусоре, все же оставались вежливы, видимо, понимая, что у Дарьи нет греха на душе. Впрочем, Авиана была ей роднее дочери. Поздними вечерами она робко, как виноватая, заходила в ее спальню и загоралась радостью, когда видела улыбку подруги. Женщина, воспламенённая любовью, пускалась в объятья, прижимаясь покрасневшими щеками к груди Дарьи. Иногда, еще ни слова не сказав подруге, она строго и серьезно просила Розалинду оставить их на час одних. Но часа им всегда не хватало. Девочка пришла к заключению, что возмущение толпы полнейший вздор и скотство, и что пока Амеаны живут не в Гроунстене, люди действительно могут наделать много неприятностей.

Раз Розалинде удалось остаться незаметной на улице. Выходила она по своему желанию, в сумерки. В тот вечер, придя домой, она увидела, как Дарья смущенно положила на стол книгу. Это была книга Розалинды, прочитанная матерью в ее отсутствие. В голосе ее отзывалось какое-то волнение. Затерянным взглядом она посмотрела на дочь, сжимая ее холодные ладони в свои.

— Наконец-то вернулась, — сказала она слабым голосом. — Зачем уходишь так поздно? Совсем хочешь довести меня? Я же не сумасшедшая и себя берегу...

— Я ушла ненадолго, — отвечала Розалинда, несколько удивленная.

— Да кому ты это говоришь? Только посмей мне соврать, слышишь? — вспыхнула мать, до боли сжимая пальцы дочери. — Я же все узнаю...

— Но я не вру, — ответила прерывающимся голосом.

— Вот и молодец, — женщина резко опустила взгляд, отпуская руки дочери. — Все переживаю... Не зря же мне кажется, что завтра что-то плохое будет.

— Оно может случиться, когда угодно.

— Но кому это угодно? Кому угодны мои страдания?

— Никому. Никто этого не хочет.

Все же, Розалинде вновь пришлось оставить ее одну. Дарья смотрела на дочь и ничего не отвечала. Та не хотела мучить ее расспросами. Это был характер слишком пылкий, неровный, время от времени силой подавляющий в себе порывы ярких чувств. Самолюбие не давало поступать ей не иначе, как даже во время горькой истерики отстраняться от утешений и заботы. Но стоит лишь ей заметить чье-то стремление себя приласкать, так сразу слезы вмиг высыхают на лице, а губы расплываются в гордой улыбке. Все время, как Розалинда ее знала, женщина, несмотря на то, что выражала любовь всего сердца словами, иной раз, поступками, почти наравне с Авианой — не взирая на то, что виделись они редко, и то, случайно пересекаясь в коридорах или в зале, чувствовалась ее потребность поговорить о прожитом и настоящем; изредка Дарья подзывала ее к себе, а после как-то сурово таилась от нее. Розалинда и не думала, что тот день в библиотеке мог когда-либо вновь повториться. Среди судорожных мук и всхлипываний, прерывающих ее рассказ, женщина бубнила невнятные слова, словно раскаивалась, но за что — непонятно. Припадки случались все

чаще. Служанки по несколько минут стояли у двери, прислушиваясь к каждому шороху за стеной хозяйской спальни. Через свои рассказы Дарья передавала все, что мучило ее, чем она настрадалась. Никогда Розалинда не забудет тех историй. Они отпечатались в девичьей памяти навечно.

Как-то раз, после обеда Авиана подозвала к себе Розалинду, желая разговора. Служанки приносили еду хозяйке в спальню, и, чуть не помирая со скуки, она поела обед, казавшийся ей не таким вкусным и сытным, как это было тогда. Розалинда тут же встала, и в сопровождении с Авианой они вышли в сад. Много высказываний ее ошеломили, и наконец Авиана рассказала о своих ночных посиделках с подругой. Показалось, что Розалинда вывела ее на эмоции неосторожным словом и чуть не оборвала их отношения.

Но об этой истории после...

13. Схватка со стрельцами

Только Илекс вышла, он поднялся и стал суетливо бродить по комнате, изредка отворяя дверь и в беспокойстве высматривая что-либо. Афелиса примкнула лицом к подушке, изворачиваясь от пробивающего луча света в окне, невнятно бормоча себе под нос. Вдруг Элид застыл напротив нее, и ясная мысль прозвучала в голове: «Сегодня же! Непременно сегодня!» Это были минуты странного и внезапного спокойствия после стольких испытаний. Движения его были ясны, в них ощущалось непоколебимое намерение. Он понимал, что еще слаб, но проблемы, нагнавшие на них стольких бедствий, немедля должны испепелиться. Мгновение Элид не мог подобрать и слова, все метался из стороны в сторону, словно не находил себе места. Внезапно среди мертвого молчания раздался его голос.

— Не время отлеживаться, — звучал он твердо, и все приближался. — Время около полудня. Илекс ушла со старухой, надеюсь, живой вернется.

Кажется, Афелису пробудила лишь новость о том, что Илекс гуляет посреди чёрствого Кансдона. Она лениво повернулась к нему лицом, а после, опершись локтем об диван, приподнялась и с какой-то угрюмостью и удрученностью посмотрела на Элида.

— Куда? Куда нам идти? У нас ничего нет, а у старухи мы оставаться не можем ни при каких обстоятельствах, — спохватился вдруг Элид, усаживаясь в кресла. — Да что это? Мне иной раз кажется, что со старухой этой точно что-то не так. Точно ведьма. Да еще какая, зловещая! Эй, ты меня слышишь? Хватит дремать!

— Откуда тебе знать, злая она или нет, — лениво проговорила Афелиса, медленно опускаясь на диван. — Это, конечно, все плохо... Или хорошо... Но вот, что я хочу услышать.

— Плохо. Просто ужасно. Как же ты сама не видишь? На ней буквально написано о том, что что-то не так. Илекс... Я боюсь за нее. Старуха помогает прежде всего ей, а мы так, будто бы напросились. Вот, чего я хочу. Прошу, выслушай меня, и не слова не говори сейчас.

Поднявшись на ноги, он вновь робко подошел к двери, прислушиваясь к шороху. Внезапный скрип, ужасный, режущий уши, вывел Афелису окончательно, вынуждая с негодованием вскочить из-под теплого одеяла и взглянуть в него.

— Ты слишком стал подозревать каждый предмет, что движется и дышит, — проговорила она угрюмо и вдумчиво. — Странно, не так ли? Ты бы в ноги ей кланялся, за то, что она по доброте своей дала ночлег и пищу. Где бы мы сейчас были, не будь ее?

— В безопасности, — воскликнул Элид, ступая шаг вперед ей навстречу. — Не зря же я тогда говорил, что с магами из темницы что-то неладное. Ты мне слепо поверила. А теперь же что? Моя интуиция никогда не обманет и не провернет никакой шутки, вопреки твоим ожиданиям.

— Если это было так, — резко ответила Афелиса, — нам нужно как можно скорее уходить отсюда. А иначе маги почуют наш след.

— Со стороны глупо следовать за нами, если только не за Илекс, — заторопился Элид, ободренный ужасной мыслью. — Она главная шишка. А если старуха связана с Миладой...

— В ее словах слышалось презрение. И связь их оборвалась давным-давно.

— Они сильные жрицы, повиновавшиеся верхушке. Но кто эта верхушка? Неужели есть маги, властнее и сильнее жрецов? Никто никогда не говорил об этих лицах, только

невдомек: Милада раз упомянула об особом поручении...

«Отыскать жертву,» — продолжила про себя Афелиса. Она посмотрела на него чуть ли не глумливо, насмешливо улыбнувшись. — Я бы должна об этом вообразить. Что ж, похвально. Тебе же лучше... Но все же не перешагнешь ты ту черту. Не перешагнешь.

— Да о чем ты? — сказал Элид в чрезвычайном удивлении, и тут же сам смутился.

— Не будь уверен, что тебе когда-либо откроются лица высших магов, — ответила она, скривив рот в колкой улыбке. Последовало угнетающее молчание. Что-то было напряженное в их разговоре, и всем это ясно чувствовалось.

— Тебя это забавляет. Ты одна из нас. Непременно, и никогда не была кем-то другой. То, что сейчас намечается, отразится в исторических хрониках Гроустена. И кто знает, может, этот островок и вовсе исчезнет. Уж не ожидал от тебя такого, — чуть не с содроганием проговорил Элид быстро, точно скороговоркой. Едкое нетерпение кончить разговор развязкой, объяснившей все без исключений, разгоралось внутри. Он нахмурил брови, точно задумавшись.

«А ведь без сомнений, они все боятся меня, — подумала Афелиса, уверенно подняв взгляд на Элида. Чем больше он молчал, тем больше робел, нагоняя на себя трепет. — Лучше оставаться в тени, пока ничего не прозналось».

— Твои ожидания — не мои проблемы. Ты слишком вспыльчив и не можешь возглавлять нас. Поэтому я беру это на себя.

— Ну да, да... Наверное, это так. Но я никогда не подвергну опасности нашу команду. Никогда. Встану только на защиту, — отвечал он рассеянно. — Честно, я еще не разгадал, почему ты тогда усмехнулась. Но я твердо уверен, что ты искренна в своих словах, не правда ли? — добавил он вдруг, странно усмехнувшись. — Если не так, то тебя ожидает судьба не лучше, чем тогда в темнице. Зна...

— Несомненная правда, — резко сказала Афелиса, оборвав Элида на полуслове.

Он еще раз пристально всмотрелся в ее глаза с жуткой недоверчивостью и презрением.

— В любом случае, сейчас я не хочу держать на тебя злобу, Афелиса.

В эту минуту дверь тихо отворилась, и в комнату, застенчиво оглядываясь по сторонам, вошла Илекс. Элид обратился на нее с удивлением и любопытством, и тут же, заметив ведро, полное воды, выхватил из ее рук и понес за перегородку. Афелиса слегка улынулась, поздравившись со старухой за ее спиной. Элид все еще был встревожен, когда Афелиса, напротив, будто бы ожидавшая скорого их возвращения, оставалась в том же спокойствии. Вчера она видела ее совсем другую: при такой обстановке, в такую минуту, в памяти всплыл совершенно иной образ. Теперь же Илекс совсем преобразилась. На ней было домашнее черное платье, блестки на ажурных рукавах сверкали, переливаясь на свету. Платок, которым прежде она подвязывала волосы, лежал на плечах. Увидев стоявших у порога товарищей, Илекс, как маленький ребенок, сделала движение назад. Афелиса немедля зашагала по комнате и уселась в одно из трех кресел.

— Выспались? — спросила старуха, слегка толкнув Илекс в плечо. — А мы ходили воду набирать. Иначе совсем от жажды помрем.

Элид вышел из перегородки и вид его до того был сбит и спутан, что уже четверть часа сидел, отдыхая, стараясь как-нибудь да собрать мысли в кучу. Илекс робко подошла к нему и села совсем рядом, наклоняясь к нему, что-то шепча. Он кивал каждому ее слову, а после удивленно взглянул в ее глаза, точно услышал что-то немыслимое.

— Как же! — выкрикнул он, привлекая внимание старухи и Афелисы.

Илекс дернула его за рукав, оглядываясь на Афелису. Сердце ее от чего-то забилось, а дыхание участилось.

— Мы и в правду потеряны... Ты прав, — вслух сказала Илекс, потупив взгляд в пол. — Охотники повсюду. Они доберутся до сюда и непременно поймают и нас.

— Не доберутся, — слышался старческий голос из-за угла. — В последнее время они сами не свои. Слышала, как соседки говорили, что маги нападают на их лагерь, разграбляют и убивают. Отпора не дают, точно выдохлись. Кажется, никто не ожидал, что колдуны восстанут и начнут мстить.

— Это невозможно, — проговорил Элид прерывистым голосом. — Нас слишком мало. А охотников черт знает сколько.

— Они слабее, — с особенным неудовольствием перебила Афелиса болтовню Элида.

— Охотники? — повторила Илекс, не расслышав.

— Пусть у них и большая вооруженная сила, много лагерей, уже всем известных, и командиров талантливых гора, но помните, что у магов есть сила величественнее.

— Тот рубин сильное оружие. Пусть и одно. Но оно затмит всех умелых охотников, и, наконец, вернет жизнь Гроунстену, — старуха поднялась со стула, кряхтя и приговаривая под нос невнятные фразы.

— Я хочу возвратиться домой, — сказала Илекс. — Не хочу оставаться в стороне и просто наблюдать. Нам нужно действовать.

— Действовать! — насмешливо повторил Элид. — И что ты предлагаешь?

— В том то и дело, что я понятия не имею, как поступать, — тихо сказала Илекс.

— Ах да! — с облегчением воскликнул Элид, взирая на Афелису. — У нас ведь есть невероятно талантливая капитанша, и с ней нам любые проблемы не страшны. И что мы думаем, если все уже решено. Так ведь, Афелиса?

Фраза была ужасно значительна. Пусть и издевка слышалась в его словах, попытка уколоть ее самолюбие, Афелиса, разумеется, вывернулась бы каким-нибудь трескучим словечком или чем-нибудь, что способно было его осечь тот час, но вдруг она заметила в нахмуренном лице Илекс обвиняющее выражение, несправедливый выговор. Сложив руки на груди, она смотрела на нее, безмолвно требуя объяснений. И тут же бес ее дернул. Афелиса взглянула на нее, и очень спокойно сказала:

— Я знаю одно местечко, куда мы можем пойти. Скитаться мы не будем. Хозяева приютят нас, я не сомневаюсь в этом.

— Знакома, что ли? — с недоверием спросил Элид.

— Знакома. Эти люди — наши товарищи.

— Уж будьте аккуратны с этими магами, — вдруг заговорила старушка. — Сейчас и среди них есть обманщики. Уж черт бы их побрал. Только знайте, что вы всегда можете обратиться ко мне. Я, конечно, не возражаю...

На утро следующего дня, им пришлось распрощаться со старухой. Она вела себя спокойно, даже отчужденно по отношению к Илекс. В дороге она много раз вспоминала подарок, заложивший в ее память особенные воспоминания. Путь оказался куда меньше, чем тот, который им пришлось преодолеть в Кансдон. Элид мало разговаривал с Афелисой. Впрочем, она стала замечать в нем подозрения, да и посматривал он на нее с колкостью, иной раз и вовсе не слушая указания. После мрака и удушливой атмосферы было вдвойне приятно очутиться на свежем воздухе, и душа насыщалась новым приливом удовольствия и свободы. Безграничная лазурь ясного неба над вершинами далеких гор, светил над снегами и

ледниками. Оттуда же раздавались невнятные мужские голоса, стрелы стремительно летели по воздуху, впиваясь в животную тушу. Очертания небольших домов у склона гор стали проясняться, будто бы туман медленно облачал их. Старые деревянные домики, которые уже давно поглощали разрастающиеся растения, имели вид покинутости, будто бы в них и вовсе никто не проживал. Толпа охотников пировала на улице. Едва переводя дух, глядела Илекс бессознательно и неподвижно на окрестные горы и холмы, на далекую реку, извиристо обтекавшую их, вьющуюся между небольшими холмами и сборищами охотников, на чуть видневшиеся леса на краю голубого неба, и необычайное затишье, прерывающиеся возгласами огромных мужчин.

Афелиса ступила вперед, вдруг заметив, как устремились опьяненные взгляды охотников на них. Они тут же выкрикивали непонятные восклицания, будто бы на другом языке, чесали затылок и, как дикие, толкались и чуть ли не развязали драку.

— Кто это? — спросила Илекс, с опаской ступая назад. — Мы точно пришли куда надо?

— Нет, я не знала, что нам придется столкнуться с этими дикарями, — Афелиса последовала за Илекс, оглядываясь по сторонам. — Там дикий лес, тут дикий народ. Если бы командиры увидели, чем занимаются эти горные охотники, то и жизни для них не хватило.

Несмотря на свою осторожность и предусмотрительность, все-таки она что-то упустила из виду: на опушке леса, едва ли Афелиса успела опомниться, как совсем рядом с Элидом в ствол дерева вонзилась короткая арбалетная стрела. Он не смог противостоять им, будучи захваченным и пораженным ужасающим страхом, что сковал движения. Среди охотников вновь послышались восклицания, и все разом подняли арбалеты, забавляясь и снова набивая свои животы свежей дичью. «Вернем Гроунстен, вернем Родину,» — доносилось из их скудных рядов. Дрожь охватила Илекс. Она бросала свой стеклянный, испуганный взгляд на Афелису, не поддаваясь порыву схватить ее за руку и скрыться за листвой деревьев. Страх пророчил ей что-то неладное. И как вдруг, не успев опомниться, девочка вскрикнула от удивления. Перед ней будто бы выросли из-под земли широкие плечи Афелисы. Все тело ее было напряжено до дрожи, а в ее руках появился прозрачный щит. Стрелы градом посыпались на нее, впиваясь в силовой щит, а после падая на ледяную землю. В круге охотников снова поднялся бунт. Некоторые отчаянно рвались через пропасть реки, ныряя в ее глубины, а кто-то взбирался по деревьям, целясь сверху. В ту минуту щит превратился в магический барьер, содрогавшийся от каждой отправленной стрелы.

— Сдавайтесь, чернокнижники! Не то смерть! Болезненная смерть во имя нашей славы, — сердито прогремел голос, усердно стараясь пробить силовой барьер, стоявший на пути атакам.

— Афелиса, прошу, держись! — кричала Илекс, подбегая к ней. — Мы не можем умереть сейчас от рук охотников.

Странно передернув плечами, Афелиса на миг обернулась, напрягая до изнеможения каждую частицу тела. Горячая кровь разливалась по венам, и, кажется, от напряжения, тело ее вскоре испепелится голубым пламенем. Крупные слезы стекали по щекам, губы подрагивали, руки, сжатые в кулаки, посинели. Ни стоны, ни болезненного возгласа не воскликнула она.

Внезапно она стала отступать вместе с магическим барьером. Пелена, охватившая их словно вакуум, белела и вздрагивала все чаще. Казалось, что один удар способен разорвать барьер, и Афелиса бы упала без сил. Элид боялся этого, и тут же, собравшись с силами, укрепил барьер шагая в сторону леса.

Илекс бежала за Элидом без памяти, спотыкаясь об камни и падая, пачкая платье и ладони.

— Они отступают! — крикнула она, прячась между стволами деревьев.

Стрельцы прятались в свои дома, бросая оружие на землю. Долго они что-то кричали и, позабыв, снова стали пиршествовать. Илекс долго наблюдала за тем, как мальчик в отрепьях снес все удары и пинки, которыми осыпал его рассерженный мужчина, пока тот не отдал ему ружье. Но прежде, чем он успел поднять оружие и взвести курок, за спиной Илекс раздался такой мучительный и пронзительный стон, на который способен лишь человек в предсмертном ужасе. Афелису будто бы проткнула тупая боль, силы ее иссякли, и зашатавшись, она упала в обмороке. Элид долю минуты держал барьер, защищаясь от выстрелившей пули.

Пули кончились. Ружье выскользнуло из судорожно сжатых пальцев мальчишки. В печали и в порыве злости, он растоптал его и, кажется, никто не вспомнил о потерянном ружье.

— Афелиса. Боже, Афелиса! — закричала Илекс, хватая ее за плечи. — Очнись, прошу, очнись. Сейчас не время.

— Уноси ее в лес, пока барьер не спал, — командно выкрикнул Элид, шагая в сторону деревьев.

Илекс, будто бы не слыша, через пару мгновений осознала слова Элида и, кротко кивнув, напряглась всеми силами, чтобы выволочить Афелису из-под глаз стрельцов. В тот момент магический барьер растворился в воздухе.

Почерневшая вода била волной в песчаный берег с жалобным стоном, дул сильный ветер. Низкие хмурые облака сползали непрерывной грядой со стороны Кансдона. Берег захватили белые чайки, и, стоило магам приблизиться, так сразу с жалобным стоном они расправляли крылья и уносились в туман. Месяц взошел на небо, скрываясь за пеленой беспросветного тумана и тайн. Уставшие, измученные схваткой беглецы еле как дошли до озера. Афелиса все так же была без чувств. Кругом не было ни души. Боже. Как теперь помнит Илекс то странное ощущение, которое вдруг овладело ей! Они ушли из своего бедного жилища... Но то ли она ожидала, о том ли она грезила, то ли воплощалось в ее невинной фантазии, когда размышляла о свободе и счастье?

Элид воплотил огонь, ярко освещавший берег среди сумерек. Заботливо Илекс положила голову своей подруги на колени, проводя тоненькими пальчиками по холодному лбу. Ветер бил в лицо, а щеки краснели от прохлады. Элид отчужденно бродил вдоль берега, бросая неясный взгляд на темную, почти черную воду. Интерес его вызвала одна легенда о водном монстре, живущем в глубинах этого озера. Еще в темнице ему под руку попала книга о легендах Блоквела, о всех нечистях, обитавших за каждым углом. Казалось, что подводный монстр заботил его куда больше, чем проблемы, свалившиеся на их плечи. Чувства его были возмущены чем-то, болезненно терзавшим совесть. Внутренний голос, душа его кричала о том, что их спасение непременно где-то на том берегу. Мертвая тишина стала до того неловкой, что они оба ощущали ярую потребность говорить.

— Обычно маги намного усидчивее простых людей, — заговорил Элид, медленно подходя к Илекс. — К тому же, Афелиса обладает большой силой. Вот уж не думал, что магический барьер повалит ее с ног...

— Она давно не использовала свои силы, — возмущенно сказала она, убирая с лица Афелисы пряди волос. — Нам нужно, чтобы она очнулась прямо сейчас. Погода явно ничего

хорошего не сулит. Я, кажется, могу использовать целебную магию. Вот только...

— Вот только что?

— Не уверена, что она сработает, — заключила Илекс слабым и дрожащим голосом, в котором зазвенело такое, что вонзилось прямо в ее душу, и сладко зануло в ней. — Милада учила меня, но недолго. Я скорее все испорчу. Испорчу, именно так и будет, — говорила она, скрывая, как только могла, свое смущение.

— Лучше попробуй. Иначе Афелиса долгое время пролежит без сознания. А ты знаешь, что может случиться за это время. Возможно, прямо сейчас на нас кто-то да нападет.

— Я все же попробую, — она опустила глаза. К щекам прилила кровь.

Илекс неспешно поднялась с песка, садясь на корточки подле Афелисы. Тяжело вздохнув, собираясь с силами, она вскинула на Элида последний взгляд, встречаясь с легкой, подбадривающей улыбкой.

В высокой синеве тянулись клочья белого рыхлого тумана. Вдалеке раздался крик чаек. В округе вновь воцарилась невозмутимая тишина, ни один лист на деревьях не колыхался. И только где-то вдали, на берегу озера в кустах стрекотали кузнечики, одержимые бессонницей. Сжав ладони в кулак, а после снова разжав, она положила горячую ладонь свою на лоб Афелисы. Напряжение расплзлось по ее телу. Сомкнув глаза, Илекс отдала всю себя на исцеление, изредка взглядывая на ее неподвижное тело. Вдруг мгновенный свет вспыхнул из-под ладони, точно огонь! Илекс резко отдернула руку, часто вздыхая, уставившись на Афелису каким-то безумным взглядом. Пару минут ничего не происходило. Ни черты не искривилось в порыве боли, ни звука не послышалось. Элид сел подле Илекс, заботливо положив руку на ее плечо.

— Может быть, получится в другой раз, — обреченно сказал он. — Но ты молодец, попробовала.

— Я же говорила, — сказала Илекс после минутного молчания. — Она обязательно очнется. Или мы не сдвинемся с места.

Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородок ее дрожал, и грудь все еще колыхалась. Илекс не говорила ничего. Она, кажется, ожидала слов от друга.

— Так оно и будет, — проговорил Элид с энтузиазмом. — Думаешь, кто-то из нас отойдет хоть на шаг? Ну, не смей меня.

Илекс промолчала. Взглядом, полным тоски, она смотрела на Афелису, ощущая глубокое чувство вины. Ей хотелось приласкать ее, проникнуться чувствами, в конце концов, рассказать обо всем, непременно обо всем на свете! Только вспоминалось ей, как Афелиса ее, бедную, долго гладила по голове — может быть, и вовсе позабыв, что ласкает свою маленькую преданную подругу. Слезы рвались из ее глаз, но она крепилась, сдерживалась. Упорствуя, Илекс не хотела высказывать все, что с ней происходит Элиду. Хоть он и был всегда за ней, поддерживая и разбавляя утомленные дни в темнице, но что-то сопротивлялось вопреки мыслям. В голову лезли ужасные сюжеты. Вдруг, Афелису уже не вернуть. А если она усугубила ситуацию и ничего больше не возратить?

В иные минуты, вероятно от горя, Илекс впадала в безмыслие. Как теперь помнит Элид, не сводивший с нее глаз, она что-то приговаривала: тихо, размеренно, будто бы слова выскакивали нарочно. Она качала головой, когда размышляла, прикусывая дрожащие губы. Щеки ее стали бледны.

Невозможно поверить, но на ее глазах все вмиг стало проясняться! Илекс видела, точно сон, как Афелиса медленно ворочала головой, вздыхая, и через силу открывала глаза. Тут она

приподняла голову, оперевшись локтями об землю, и взгляд ее уставился в никуда. Илекс до того была потрясена, что не могла и искоса посмотреть на Элида, чтобы узнать наяву это или обман! Грудь Афелисы медленно поднималась и опускалась, точно ей не хватало воздуха. Вдруг она посмотрела на Илекс так ласково и тихо, что сердце ее вмиг затрепетало яркими порывами чувств, крепко забилося и заныло. Ни слова она не могла выговорить, только вздохи и неясные звуки произносила девица.

— Я...смогла, — не веря, сказала она, бросаясь к Афелисе.

— А я что говорил. Главное — терпение и усидчивость. Эх ты!

Не слушая более никого, Илекс тут же оказалась в объятьях своего спасения. Прижавшись к ее груди, она дрожала от нетерпения, будто бы увидевшись после долгой разлуки. Маленькими ладонями она проводила по ее спине, ощущая запах и теплое дыхание.

— Я смогла...спасти тебя, — повторила Илекс, подняв голову и встретившись с уставшим взглядом. — Неужели это случилось. Не верю, не верю. Я не могла, так ведь?

— Ты могла, — заговорила Афелиса, забираясь пальцами в ее спутанные волосы. — Я оказалась настолько слаба, что даже и стыдно представить...

— Стыдно представить! — передразнил Элид, улыбаясь. — Я все представил, с малейшими деталями.

— Замолчи, — еле слышно проговорила Илекс, поворачиваясь лицом к нему. — Сейчас не лучшее время для шуток.

— А когда же лучшее? Всегда есть место шутке. Не правда ли, а, Афелиса?

Они промолчали. Илекс словно растворялась в ее тепле. Впрочем, отстранилась она нехотя. Дорога звала, и каждая минута была драгоценна, как слиток золота. Афелиса поднялась с земли, разминаясь, укладывая руки на талию. Ветер стал усиливаться, и холодные порывы его стремительно неслись по воздуху. Потушив огонь, Элид поднялся на большую глыбу, уставившись на другой берег.

— Нам нужно туда? — спросил он, обернувшись к Афелисе. — Ты вроде говорила, что именно там мы сможем укрыться.

— Да, — кивнула Афелиса. — Понадейтесь на меня и я приведу вас домой.

— Домой? — удивленным голосом проговорила Илекс, шагая по берегу. — Разве у нас есть дом?

— Он есть. Просто вы не знали о нем.

— Да ну? И что же, так очередная кучка магов, которая положит на нас глаз? — сказал Элид, насмехаясь. — Или ты решила основать свое пристанище? Вот только прескверно это. Лучше бы нам и вовсе уйти на неизведанные земли, вдаль от всей этой суматохи. Нам же лучше. Станем основателями и заживем преспокойно, не так ли?

Расставив руки в стороны, Элид перебирался по булыжникам у самого берега, шатаясь и, иной раз, чуть не падая в воду.

— Ты никогда ничего хорошего не говорил, — вдруг сказала Илекс, смотря на него. — Вот прямо сейчас упадешь и никто тебя спасти не будет.

— Ну да, да. Говоришь, не будет, а сама первая же нырнешь. Забавная ты!

Внезапно странные вибрации послышались из глубины озера. Элид тут же обернулся и колкая улыбка вмиг слезла с его лица. Глаза его уставились на нечто фантастическое: в одно мгновение вода стала подниматься, и огромный фиолетовый горб выступил на вид. Тело в ледяной воде немело, описывая неровные круги и поднимая волны. Кружило гигантское животное, наостря клыки, каковыми способен перекусить тушу человеческую. Подводное

чудовище свернулось в дугу, демонстрируя невиданную гибкость, и тут же хвост его скрылся за волнами. Тучи будто собрались воедино, закрывая солнце и чистое небо. Крик Илекса заставил Элида опомниться и одним движением сойти с булыжников. Не было сомнений, пора уносить ноги!

— Икраден! Икраден! — кричал Элид, словно помешанный. — Это же он. Я вижу его собственными глазами.

Страх виднелся в его глазах, а на губах — вернувшаяся улыбка. Фантазии о подводном монстре неожиданно оборачивались в действительность. Застыв на месте, он с необычайным удивлением пытался выловить глазами очертания, след, размывшийся в воде. Вдруг он почувствовал, как кто-то резко дернул его за руку. Обернувшись, Элид увидел Афелису и будто опомнился.

— Пойдем, скорее, — уговаривала она его, и ветер, будто бы уносивший слова, не давал ей быть услышанной. — Он загрызет тебя.

Спрыгнув с камней, он убежал с берега, все еще не отводя взгляд с озера. Илекс крепко схватила его за запястье и повела за собой. Он был сам не свой. Элид не мог устоять на месте ни минуты, но в то же время, вдруг останавливался, сосредоточив внимание лишь на монстре. Мысли его перескакивали одна через другую. Руки и ноги дрожали, не в силах бежать дальше.

Хвост снова показался из воды, создавая волны и всплески. Ужасный крик вырвался из груди Илекса. Взглянув на поднимающиеся ввысь чудовище, она вдруг страшно побледнела. Они отступили от берега, однако чувствовали себя до боли напуганные. Переведя дыхание, Афелиса глубоко задумалась: «Что же могло произойти, чтобы судьба бросала нам такие испытания? Да мы никогда не дойдем до пещеры...кажется». Холодная дрожь пробежала было по ее телу, но через минуту, подняв уставший взгляд на гору камней среди деревьев вдалеке, с души будто бы все слегло. С легкой, обреченной на спасение улыбкой она посмотрела на Элида и Илекса, отстававших от нее на несколько шагов.

— Ах нет, не упустил! — слабо выкрикнул Элид и стал как вкопанный. — Вряд ли еще кому-то покажется, вот же, чудовище.

— Пойдем уже, — сказала Илекс, протягивая руку. — И так нарвались на неприятности.

— Вот это неприятности? — в шутку снова воскликнул он, отмахиваясь. — Правда же, неприятности настоящие. Только, согласен, со стрельцами никто не захочет дело иметь... Они и никому не нужны, бедняги. Так что ты говоришь, Афелиса? Куда нас заманить собралась?

— Заманить? Твое право, отпускаю тебя, — Афелиса остановилась, дожидаясь их.

— Куда, а? Вот на что мне ответь.

— В убежище, оно недалеко.

— Там никого нет? — спросила Илекс, замирая напротив Афелисы. — Только мы одни будем?

— Как пойдет, — непринуждённо пожала она плечами. — Если кто и будет, не говорите лишних слов.

— Это о чем еще? О том, как мы сбежали, пробирались через лес, нарвались на стрельцов, после, конечно, Кансдона, Икраден... Тьфу ты, запутаешься только.

— Не говорите, что вы беженцы, — сказала Афелиса, идя по высохшей траве среди деревьев.

— А иначе?

— Вас прогонят.

— Тогда и тебя вместе с нами.

— Меня, может, и не прогонят. Смотрите!

Афелиса указала на каменную пещеру, спрятанную в листве деревьев.

— Нам сюда.

14. Девушка на выданье

— О многом мне нужно рассказать тебе, Розалинда, — пробормотала Авиана, испуганная непрерывной развязкой. — Ты знаешь, что мачеха твоя больна. Тяжело больна. Но страдания эти происходят из души, отзываясь в теле. Каждую ночь она просит меня оставаться и не покидать ее никогда, однако же, — она промолчала, и лишь спустя долю минуты встрепенулась и посмотрела на нее, — мне нужно срочно уезжать. Немедленно!

— Куда вам уезжать? — спросила Розалинда, спускаясь с крыльца. — Говорили же, что дома ваш сын.

— Уеду в Блоквел, не пропаду.

— Но как же, подождите, — Розалинда нахмурила брови и пристально посмотрела на Авиану. — Вам есть куда ехать?

— Моя сестра живет там, я тоже скоро буду...

— А как же дом здесь, в Улэртоне?

Она продолжала смотреть в упор на нее, говоря это, и вдруг беспредельное негодование опять взблеснулось в глазах ее.

— Да это глупость! — вскричала Розалинда, — От кого вы все убегаете? Неужели от сына? Да, все же вам не хватает смелости вышвырнуть его за порог и никогда не принимать!

— Он убьет... убьет меня здесь, — проговорила она медленно и слабо, с искривившимися в болезненную улыбку губами. — Вот, чего я боюсь. А если придет сюда, в ваш дом, то жертвой стану не только я. Понимаешь? Будут свидетели, так он их сразу зарежет... все ждал от меня письмо. Но теперь уж я знаю, для чего ему нужны мои деньги.

— Наследство, — тихо прошептала Розалинда, вспоминая. — У него ничего нет.

— Вот. Наконец-то ты меня поняла! Амери ждал, ждал мою смерть. Но деньги я ему ни за что не отдам.

«Неужели... неужели, — мелькало в ней. — Видимо, все и правда так. Амери обыкновенный скупой подонок. Однако, что же Авиана не может раз и навсегда покончить с ним? Не связываться... Хотя, переезд без малейшей новости тоже хороший шанс скрыться ото всех. Дарья не переживет этого... Она метается из крайности в крайность. Невозможно! — отталкивала она от себя эту мысль, чувствуя прилив бушующей злости и тревожности. — Даже если тому и быть, они ведь не смогут прожить друг без друга. С чего я вообще забочусь об этом?»

— Я помню! Помню все, как наяву, — остановившись на тропинке, она приложила руку ко лбу. — Слышишь? Мне не хорошо... Чувствую, наша прогулка продлится не долго. Я хотела выйти на свежий воздух, да все испортила...

— Не твоя вина. Мы можем поговорить в доме.

— Пойдем уже...

Как только они зашли в дом, Авиана вдруг упала в обморок. Служанки увели ее в комнату, выделенную для нее, и всячески отговаривали Розалинду войти. Дом захватила тишина и угнетающее спокойствие. Розалинда заперлась в спальне, обдумывая слова Авианы, пусть и не многие. И казалось даже, она настояла на том, что Авиана упустила некие подробности, чтобы не морочить себе голову. Впрочем, даже из чувства незащитности эта женщина не желала распространяться. Дарью она будто бы избегала, стыдясь и упорствуя на своих внутренних убеждениях. Все-таки дело запутанное и никак не

трогавшее Розалинду. Значит, все эти рассуждения напрасны.

Она стояла, долго стояла, и чем глубже уходила в мысли, тем чаще стучало сердце. Вдруг послышался сухой треск с окна — видимо, простая ветвь. Всякое глупое замечание разгоняло в ней интерес, но стоит лишь об этом задуматься, так сразу эта мысль, абсурдная и ничем не обусловленная, тащила ее в глубинку непроглядного, мрачного леса. И тут неожиданно вспоминается Розалинде дневник — лучик солнца среди хмурого неба! Без промедлений она кинулась к ящику и, убрав старые вещи, взяла его в дрожащие пальцы. Пыль тонким слоем укрыла поцарапанную обложку, Розалинда вытерла ее и открыла на пустой странице.

«Я все боялась написать самое заветное, самое значимое желание, — думала она. — Если напишу, то буду переживать, что получу обратный эффект. Много же трудностей у меня возникло из-за тебя... Афелиса. Жива ли она? Может, я зря переживаю. Если она умерла, то буду волноваться еще больше...»

— Да к черту, — вырвалось у нее из мыслей. — Я хочу защищать Гроунстен. Все же, я уже не маленькая девочка!

Положив голову на руку и оперевшись локтем об стол, она выводила произвольные линии, никак не смирившись с опасным желанием.

«Если я и уйду, то кто останется с мамой и Авианой? Они же умрут без меня в первый день. Уйду без оглашения, просто... ночью выскользну из окна, проберусь по крыше... Но, вдруг заметят? Да будь так, но эти шайки пьяниц и близко не осмелятся подойти к моей матери. Она не сможет, не сможет! Жизни ей не будет. Но не будет жизни и всем магам на планете! Авиана уедет, и она совсем одишенька останется с двумя мальчиками на руках. Никто и не вспомнит о ней. Однако же, если я расскажу о всех моих задумках, то почтет меня за сумасшедшую, закроет в комнате без окон. Оно мне не нужно».

Розалинда терялась в мыслях.

Обычно, Дарья по особым вечерам устраивала балы, созывая всех значимых и достопочтенных лиц. В этот раз она снова разговаривала об этом и уже велела разослать приглашения, хриплым голосом прикрикивая на распереживавшуюся служанку, не вставая с кровати.

— Скучно, я скоро помру здесь! — жаловалась она Розалинде. — Ты посмотри, как там Авиана, а то погляди, совсем с дубу рухнет.

— Авиана плохо себя чувствует.

— Оно и понятно. Все ревет, ревет, да и выревела свое счастье.

— Я хочу рассказать тебе нечто важное, это может встревожить, особенно тебя и твою чувствительность, — пробормотав, она побледнела в испуге и тревожности. — Вот только не нужно резких выкриков, опровержений. Ты, как и я, да и как все другие должны знать. Пусть эта новость и слишком волнует, и...

— Говори прямо к делу, — выкрикнула она со взглядом, горевшим от негодования. — Да чтоб тебя черт побрал! Суть!

Розалинда замерла в полнейшем испуге, играясь с кольцом на пальце.

— Ничего, сейчас прямо и скажу. Ты не примешь мои слова и скорее всего сочтешь за ложь, но сама попросила в конце-концов говорить правду! — проговорила она в полголоса, точно не вполне осознавая, что хочет сказать, и есть ли вообще здравые мысли на уме. — На Улэртон надвигается войско охотников. Сейчас. Они окружают дома и убивают невинных людей. За что? За что же? Они подозревают каждого встречного в колдовстве, и мы тоже

можем умереть от их рук, — прерывающимся голосом она пыталась выговориться, метая взгляд на что угодно, но только не на недовольное лицо Дарьи. — Понимаешь, в любое время эти уроды могут ворваться в наш дом и прикончить. Ни за что. Что уж говорить, если охотники тиранят невиноватых магов, просто за то, что они существуют. Позор! Не понимаю, как ты до сих пор поддерживаешь их, злорадных тварей, бездушных и никому не нужных олухов! Если все было так просто! Твоя Авиана уезжает далеко в Блоквелл из-за них. Но язык у нее не повернулся прямо сказать, обвинила только сына. Так скажи, ты по-прежнему ненавидишь магов и прославляешь охотников? Вот, что я хочу знать!

Розалинда молча подняла на нее свое бледное и грустное лицо, не сказав более ни слова. Сердце болезненно сжалось. Ощущение свободы и необыкновенной злости стянулись в тонкую нить. Но после ложного чувства вседозволенности, она от страха ничего не могла выговорить. Мрачным взглядом Розалинда вглядывалась в искривившиеся черты лица Дарьи, и кажется, пока она не обдумала всю подноготную ее слов, ожидать резкого порыва всяких ругательств и возмущений было ни к чему. В минуту молчания странное, неожиданное чувство едкой ненависти прошло по ее сердцу.

— Вот, девочка, понавыдумывала и свое творение огласить хочет, — она улыбнулась, но не посмеялась. — Фантазия хороша, только используй ее к месту.

— Все это правда! — выкрикнула Розалинда, ужасно оробев.

— Твоя правда.

— Я не слышала ответ...

— А какой ответ ты хочешь услышать? — спросила она насмешливо. — Я даже и не предположу... Не понимаю, к чему тебе это колдовство, если не колдунья? Вот комедия! Другим расскажешь, так они сразу либо со смеху упадут, либо сожгут.

— Скажи, ты бы приняла ребенка, оказавшегося магом? — Розалинда отступила назад. — Или сожгла бы?

— Ни к чему мне это отродье! Еще не хватало, чтобы маги разгромили мне дом, так еще и убили. Не выдумывай, Розалинда. Все это шуточки прескверные, несмешные и абсурдные! Лучше почитай один рассказ юморной... — Дарья задумалась, припоминая. — Тайнственный... хм, загадочный! Вот! Загадочный улов. Там и юмору научишься и меня порадуешь.

— Тебе наплевать на то, что твориться за стенами, пока ты жива, — твердо сказала она, проскрежетав зубами. — Не отрицай. Мы не про юмор всякий говорим и даже не забавляемся. Я хочу, чтобы ты наконец-то открыла глаза и осмотрелась вокруг. Даже Авиана бежит из Улэртона, а тебе все равно.

— Как бежит? — будто бы проснувшись, вдруг сказала Дарья, осознавая. — Бежит в Блоквелл?

— Да! В тот самый.

— Не пуцу! — начала она решительно, но с довольно сильной раздражительностью. — Побойтся она за границы высовываться. Я ее знаю. Знаю, как она может поступить. Не чтобы решиться на такое...! — не договорив, как часто это случается, Дарья продолжила с новым порывом. — Я поднимусь и вломлюсь в ее дверь. В дверь бесстыдницы. Все эти дни она рыдала мне в плечо, а теперь нагло уворачивается! Ну-у... поревет она у меня. А ты чего у порога стоишь, будто боишься? Ты садись, да не уходи. Я пойду схожу к ней, пусть только попробует не отпереть.

Розалинда молчала, наблюдала и слушала, гневно нахмурившись. Вскочив с места, она

дала пройти поднявшейся матери в коридор, все еще с недовольством смотря на ее развязную походку.

«Точно вихрь! Разнесет же она ей голову... — подумала она, но все-таки не села в кресло. — В самом деле она, что ли, хочет развлечь мое внимание глупой болтовней?»

Долго еще она удерживала взгляд на пустом коридоре. Мысли терзали, не давая покоя. Розалинда знала, как долго иногда продолжаются разговоры с Дарьей. Особенно во время ее буйства и возбужденности. Несколько минут девочка простояла в бездействии, не могла принять верное решение.

«Я знаю желание! Хочу, чтобы мать встала на сторону магов, тогда мне долго скрываться больше не придется. Если узнает, то вышвырнет за двор. Но, наверное, дневник будет не способен... Однако, есть кулон и тот дядька показывал, как им пользоваться. Как так позабылось? Не буду ждать мать. Она и забудет обо мне, когда придет».

Она пришла к себе в комнату, переждав несколько минут. Дарья непредсказуема и, по правде говоря, может припоминать несбывшееся наставление долго, обижаясь, но никогда не покажет свою грусть. Вот только незначительные вещи могла стереть из памяти в один миг, стоит лишь отвлечься. Розалинда шла тихо и медленно, точно боясь, что перед ней непременно откуда-то возникнет Дарья, не оставив ее без выговора. Все тайные вещи, запрятанные в один ящик, Розалинда прятала хорошо и всегда переставляла его из одной полки на другую. Вдруг служанка что-нибудь да и приметит! Если странная вещица засветится у одной из них на глазах, то непременно поползут слухи по языкам, и там уже дойдут до ушей матери. В ящике хранился дневник и кулон. Она в жутком нетерпении взяла его в руки, обдумывая и вспоминая слова старика.

«Нужно подумать о месте, которое я хочу видеть, — Розалинда села на стул, судорожно постукивая ногами об пол. — Или о человеке... Вроде бы. Если не получится, то вреда не будет. Так, сначала подумаю о Афелисе, и потру кулон... Странно, конечно. Может, и наврал старик. Точно, и заклинание. Не зря я читала книжки в библиотеке!

Розалинда прикрыла глаза, собирая в мыслях расплывчатый портрет Афелисы. Пусть и время стирает лица, но, заслышав ее имя, или по случайности увидев ее, она бы без сомнения узнала свою спасительницу! Губы ее дрожали, тихо проговаривая заклинание, а большой палец быстро потирал кулон. Тепло излучилось из него, но только на долю секунды. Она разомкнула глаза, без умолку проговаривая заклинание, не спуская взгляда с зеленого камня. Опять точно лучик проскочил между пальцем, вспыхнул и затмился. Нахмутив брови и осознав, как сильно перемешались все мысли в паутину, Розалинда тяжело вздохнула, откинувшись на мягкую спинку стула.

— Не получается... — досадно прошептала она, подняв над собой кулон. — Почему? Не хочу верить, что старик оказался лжецом.

Камень переливался в алом свете. На город опускалась луна, а солнце тихо уходило за горизонт, оставляя яркие краски на небе. Из улицы все реже доносились голоса, да и птицы больше не пели своих многовековых песен. Сегодняшний день был однозначно печальным, без просвета, как старость. В такое унылое настроение частенько не хватает дождя и серых облаков над головой, что бы уж совсем погрязть в отчаянии. Она так думала, и чем больше уходила из действительности, тем лучше делалось на душе. Ей представлялось, как разгорается кулон в разноцветном огне и вырисовывает в воздухе картины. И среди блеска и цветов, создается образ Афелисы — живой и здоровой Афелисы.

Не задумываясь, Розалинда продолжала тереть пальцем по гладкой поверхности кулона,

тихо шепча заклинание.

Вдруг, тысячи мелких огоньков разлетелись по стенам комнаты, кружась и собираясь во едино. Она тут же вскочила, оглядываясь вокруг, в восхищении раскрыв губы. Блестящие огни заносило в яркий и незабываемый вихрь. Спустя несколько мгновений шум спал, и перед глазами Розалинды создалась картина. Картина, вышедшая из ее фантазии! Вот только, в первые секунды в ней бушевала лишь темнота, изредка выглядывали серые полосы. Розалинда, поняв, что нужна мысль, стала думать об Афелисе, и каково было удивление увидеть вместо нее — темные деревья и протоптанную тропинку среди леса.

— Не этого я хотела, — вслух проговорила Розалинда, подходя ближе, — абсурд какой-то!

Порыв ветра тихо колыхал листья, трава покрывала темную, словно мертвую почву, а в небо устремились красные птицы, и крик их раздавался на всю опушку. Легкая дымка витала среди деревьев и кустов. Впрочем, ничего не происходило, и Розалинда хотела уже покончить с кулоном, но внезапно, вдали она заметила движение. Ветви отбрасывались в стороны, доносились невнятные восклицания, похоже, мужские, и на тропу выступил мальчик лет шестнадцати. Он был среднего роста, рыжеволосым, и одеяние его было будто бы война Атрандо. Подпоясанная кожаным ремнем рубашка, рукава обделаны знаменем атранцев — красные и голубые полосы на фоне великого погребенного дракона. Широкие серые штаны, грязные, потертые ботинки, а на плечо он накинул серую сумку. Эти детали, пусть и неприметные для остальных, оставались знаком и кратким рассказом о том, откуда воин родом и охотник ли. «Видимо, не охотник!» — подумала Розалинда, замечая и девочку помладше позади него. Растрепанные белокурые волосы обрамляли маленькое и утомленное личико. Черный платок, повязанный поверх ажурного платья, а из-за испачканного в грязи подола проглядывалась тоненькая ножка в чулке. Румянец выступил на ее щеках и дышала она неровно. Розалинде эта девочка приглянулась и душа ее отозвалась жалостью.

— Видишь, куда привела нас? — доносился из картины твердый, мужской голос. — Не хватало еще, чтобы нас оттуда не выпускали.

— Я доверяю ей, — прошептала девочка, шагая по тропинке. — Афелиса спасет нас и, наверное, великие божества послали ее к нам!

«Афелиса, — отозвалось в голосе Розалинды. — Неужели? Неужели я нашла на ее след! Но тогда где, где же она и кто эти люди? Хочу видеть только ее!

В жутком нетерпении она повела пальцем в сторону, в какую вела тропа, и картина быстро переменилась. Посреди груды камней и листвы деревьев, показалась высокая женщина, подзывавшая к себе тех людей. Нет, Розалинда не может поверить, что видит перед собой свою наивернейшую и лучшую подругу. В лице Афелисы ничего не переменилось: все тот же холодный, неприступный взгляд под черными бровями, длинные русые волосы, заплетенные в толстые косы, тонкие губы, покусанные и сжатые. Она вглядывалась в пещеру, и тут к ней уже медленно подошли путники.

— Вам стоит помолчать, — сказала Афелиса, обмеривая их решительным взглядом. — Если высшие маги попросят представиться, то не медлите с ответом.

— Вот уж брехня какая, — выговорил мальчик, разминаясь. — Пусть уж тоже помолчат.

— Не хочется, чтобы ты покинул нас, — из-за спины его показалась та девочка. — Не делай лишнего, лучше послушайся Афелису.

Она кивнула, и всех их поглотила пещерная темнота. Стуча кулаками по картине, Розалинда выкрикивала имя подруги и отдавалась надеждам, что кто-то да и услышит,

непременно обратя на это внимание Афелисы.

— Афелиса, эй! — под последним, сильным ударом огоньки вздрогнули, чуть было не разлетевшись. — Подожди же ты!

Внезапно раздался стук в дверь.

— Розалинда, открой, — кричал писклявый голосом младшего брата. — Тебе же говорили не закрываться больше. Открой сейчас же!

Мигом она вскочила с места и, вся покрасневшись, вся в страхе, бросилась в двери. Локоньки рассыпались в беспорядке, губы вспухли, как вишенки, а по щеке потекла слеза. Розалинда крепко прижалась спиной к двери, и взгляд ее суетливо бежал по комнате. Огоньки не пропадали, только разгорелись еще сильнее, блистательнее и лучистее. Сердце Розалинды билось так сильно, что слышался каждый удар.

— Я говорю, открывай, — раздавалось из-за коридора. — Я знаю, ты хочешь получить выговор! Да, да!

Бешеная дрожь пробежала по бледному телу. Головой она прильнула к двери, тяжело дыша и содрогаясь от каждого стука.

— Я... я сейчас! — выплеснула она из себя и тут же кинулась к кулону.

— Мама зовет. Хочет тебя видеть. Наверное, ты опять играешь со мной. Что ж, я буду стучаться, пока ты не вступишь, или я выломаю дверь.

— Да подожди же ты!

Пальцы суетливо бежали по кулону, Розалинда все закрывала крышку, и вновь открывала. Искры не исчезали! Беда, настоящая беда, и на кону ее худший исход жизни. Девчонка оборачивалась, смотря на ходящую ходуном дверь, вертя в руках кулон, выпавший из рук.

— Я переодеваюсь! Имей совесть подождать и не соваться, — кричала Розалинда трепетным голосом.

— Ну ладно, — стук прекратился. — И зачем ты переодеваешься днем? Это важно, вдруг ты... Да хоть из окна выпрыгнешь! И меня обвинят. Мне этого не нужно, поэтому отопри.

— Какой нетерпеливый... — шептала она через силу. — Черт! Никак не исчезают.

— Чего ты там бормочешь? Болтаешь с кем-то? — посмеялся он. — С принцем каким-нибудь подворотным? Сочувствую ему, ты его, наверное, силой привязала к себе! Лучше повешаться, чем с тобой романы устраивать!

«Просто выйду и быстренько закрою дверь, он не заметит... не должен,» — подумала Розалинда, медленно шагая к двери.

— Иду уже, — изнурено проговорила она, хватаясь за ручку двери.

— Давай иди, не помри только, пока ковылять будешь!

Розалинда быстро выскочила из двери, затворяя ее за своей спиной. Лицо ее смертно побледнело. Сердце безумно колотилось, а пальцы жадно вцепились в ручку двери.

— Переделась? — проговорил мальчишка во весь голос с самым решительным видом. — Никогда не пойму твоих причуд, да и вряд ли кто-нибудь поймет.

— Что ты хотел? — пытаюсь скрыть тревожность, прошептала Розалинда, задыхаясь от волнения.

— Просто хотел передать возмущение матери. Я сам недавно узнал о том, что у вас там произошло, и, не утерпев, поинтересовался. Тебя ждет серьезный разговор, Розалиндочка, — насмешливо восклицал он, сложив руки за спину. — Пойдем уже. Мне еще нужно после

взять у тебя кое-что... но об этом не сейчас.

— Что взять? — испугано спросила она, вся задрожав от какого-то нового, неведомого ощущения. — Не смей лезть в мою комнату, — продолжала Розалинда, покраснев от негодования. — Ты знаешь, что это тоже наказуемо.

— Ну да, ну да, — кивал он головой. — Ты меня снова не услышала. После разговора. Буквально на несколько слов. И мы пойдем к тебе!

Мальчишка потянул ее за руку, и вместе они пошли по коридору. Он много болтал, смотрел на нее с насмешкой и тут же интересовался ее буднями. Улыбка не слезала с пухлых губ, образуя ямочки на щеках.

— А ты чего такая взволнованная? — все спрашивал он, пристально вглядываясь в ее лицо, возмущившееся от злости еще сильнее. — Кислая. Всегда ты такая. А я, между прочем, когда тебя в первый раз увидел, подумал, что ты веселая, и поиграть с тобой можно. Разочаровываешь!

— Зачем тебе нужна я?

— Да хотя бы позабавиться. И правда, нафантазировал себе всякие чудеса и слепо верю в них. Ты только не подумай, я всегда такой. Мама говорит что я странный, но что правда, то правда!

— Мне не к чему твои разочарования.

— А жаль. Я, знаешь ли, давно не разговаривал с девочками. Мама тоже девочка, только взрослая, но все же, хотелось бы поразговаривать со сверстницами.

— Вот уж не думаю, что кто-то повадится на тебя, — раздраженно сказала Розалинда, идя быстрее.

— А ты не говори только о себе, — говорил мальчишка, прелукаво улыбнувшись и сверкнув на нее своими голубыми глазами.

Розалинда была вне себя. Она знала, почему ее раздражает от злости и волнения. Но, наконец-то, вскоре их маленькая прогулка кончилась, а то она бы не выдержала и бросилась бы быстрее к лестнице.

Она подошла к двери спальни матери, оглядываясь на брата. Мгновение спустя Розалинда отворила дверь и вновь встала у порога. Все это случилось так скоро, что она сама все еще не понимала, что сделала. Они с полминуты смотрели друг на друга молча. Розалинда все еще содрогалась от испуга, Дарья выглядела обезумевшей. Она, Дарья, — бледная, дрожащая от гнева, первая прервала молчание.

— Вот уж не думала, что ты уйдешь! — сказала она, как будто одумавшись.

— Я думала, что разговор продлится долго и, чтобы не терять времени... — проговорила Розалинда слабым от волнения голосом.

— Довольно! — грозно вскрикнула Дарья, стукнув кулаком об стол. — Какой раз ты возражаешь мне, не слушаешься? Не хватало еще, чтобы из дома хоть на шаг ступила. Бессовестная! У меня тоже есть дела, связанные с тобой, и ты не можешь отречься от этого.

— Какие дела...? — еле проговорила девчонка, теряя дар речи.

— А вот такие! — она приближалась к ней все ближе. — Помнишь того мужчину? Генри. У него есть сынок чуть старше тебя, статный и большое состояние имеет. Генри думает его отдать на выданье, и я уже решила тебя невесткой сделать. Уж больно надоедливая стала! Брак, в конце концов, образумит тебя, бесстыжую.

— Что? Что это значит...? Почему ты разговариваешь со мной в таком тоне? И после того, что ты...? Я не буду, не хочу.

Она еще раз шагнула к побледневшей, как полотно, Розалинде, но, увидев в глазах ее мелькающие огоньки страха и волнения, остановилась, как будто в раздумье.

— Я посочувствую, — наконец-то сказала она сухо, через силу подавляя бешеную злость, и остановилась на одном единственном решении. — Но все решено. Генри согласился, да и сыночек то его не против. Завтра мы их встретим, и ты поймешь, что уже любишь его.

Розалинда смотрела на нее — бледная, убитая отчаянием. Пристальный, колеблющийся взгляд ее уставился в эти поблеклые, угнетенные глаза, когда-то бывшие веселыми и никогда не скучавшими. Она готова была молить, простить все оскорбления и наказания, лишь бы Дарья остановилась.

— Я не люблю его, — поворотила она головой. — Хватит уже доводить меня до крайности... До смерти.

— Погибать тебе еще рано, а в браке, как раз таки, девичья твоя природа расцветёт, — сказала она, схватив девочку за руку. — Мальчик он послушный, не буйный. Будет славно, если он достанется тебе.

— Никогда! Слышишь? — кричала Розалинда, вырывая руку и отстраняясь. — Раньше ты совсем была другой. Что с тобой? Ты знаешь, знаешь! Но не хочешь говорить...

— Так ты еще и поблагодарить меня не намерена? — вспыхнула Дарья, краснея от злости. — Мать все на благо делает дочери, приемной дочери. Что бы с тобой было, если бы один доброжелательный человек не притащит тебя, еще маленькую послушную девочку в мой дом?

— Я бы ждала человека намного лучше!

— Да кому ты нужна, а?

— Нужна! Но я не скажу кому!

По мере того как она говорила, лицо ее все больше искажалось от злобы. Губы Дарьи скривились и дрожали, с трудом она произнесла последние слова. В коридоре становилось все темнее и темнее. Розалинда терзалась от стыда, терялась в догадках и страшилась ее с каждой минутой все сильнее. Не отвечая больше ни на какие расспросы, она вне себя от злости бросилась из порога комнаты вон, а очнулась уже на лестнице. Слышались шаги, но вскоре они стихли.

«Я найду способ избежать брака! — твердо заключила про себя Розалинда. — Останусь верной своей мечте!»

15. Далекий дом

— И что же мы найдем здесь, в этом сыром месте? — унывающим тоном пробурчал Элид, прикасаясь кончиками пальцев к каменным стенам. — Мы ни разу не отдохнули, как следует; разве не заслуживаем?

— Нет времени отдыхать, — сказала Афелиса, остановившись. — Тут небольшой склон, будьте аккуратны.

Илекс опасливо поджала губы, кидая взгляд на мрачную пещерную впадину. С каждым шагом с потолка осыпалась многовековая пыль, растекаясь по ее головушке, укрытой черным платком. Эхо пробило стены. Элид в последний раз оглянулся назад, где свет раннего утра казался единственным мгновеньем, когда он может попрощаться со всем прекрасным и невинным. Афелиса перешагивала из одного камня на другой, удерживая равновесие, слегка расставив руки. Вдруг выступающий камень оборвался, и, не успев перескочить на более низкую ступень, она тут же понеслась вниз, оставляя после себя мутное облако пыли и песка. Илекс вскрикнула, и в резком ее движении было желание броситься напрямик за ней, но внезапно она почувствовала, как друг сильно сжал ее тонкое запястье.

— С ней все в порядке, — шепнул он ей на ухо, спускаясь по каменным ступеням все ниже. — Склон крутой, но не большой. Эй, ты жива?

Было тихо, и лишь шаги и выкрик Элида раздались гулким эхом под каменными сводами; изредка из погрязших в темноте и сырости углов, слышалось шуршание и попискивание мышей.

— Спускайтесь быстрее, — кашляя, хриплым голосом выкрикнула девушка, поднимаясь на ноги.

— Все хорошо? — спросила Илекс, и тут же за руку ее дернул Элид, призывая не задерживаться на крутом склоне.

Ответа не последовало. Несколько секунд Афелиса простояла у каменных стен, смотря вверх и дожидаясь остальных, но после и след ее остыл. Неспешно ее обволок мрак, укутывая в удушающее одеяло ужаса и страха. Илекс спрыгнула с последнего камня, и взгляд ее в беспокойстве заметался по сторонам.

— Где Афелиса? — спросила она мальчишку, опуская свою руку. — Только что была здесь... Вот, прямо здесь.

Она подбежала к месту, где спустя мгновение не оказалось ее подруги.

— Неужели ушла?.. — дрожащий пальчик взметнулся в беспросветный мрак. — ...туда?

— Найдем мы ее, — облегченно потрепал ее по голове Элид. — Не делась она никуда. Вон, погляди, голубой огонь!

Неожиданно показались языки пламени, беспокойные и дрожащие. Тень жутко ложилась на лице Афелисы, что поначалу Илекс ее не узнала. Неприятное чувство, овладевшее ей, было так велико; те прошедшие минуты угнетающего молчания внезапно поразили Илекс, что она никак не могла скрыть легкой улыбки на губах, с облегчением выдохнувши. Она снисходительно подступила к Афелисе, и лицо ее в эту минуту выглядело тоскующим, а дрожащая улыбка стерлась, словно никогда и не было. Парнишка бормотал что-то ей вслед, но она уже не слышала ни его слов, ни протяжное эхо.

— Долго еще нам бродить? — недовольно вскрикнул Элид, поняв, что ни единого

ответа не получил. — Извини меня конечно, дорогая, но ты за всю дорогу не растолковала, с кем нам иметь дело.

— Высшие маги, — отрезала она, тут же проглатывая поступившие слова.

— Высшие?.. — отстраненно спросила Илекс, складывая ладони вместе. — Никогда не думала, что увижусь с верхушкой.

— Но погоди, — вдруг встал перед ней Элид, сверля подозрительным взглядом. — Никто не знает, где и кто они; некоторые вообще сомневаются, есть ли кто-либо могущественнее жрецов. Что за сказки? Даже и не подумаю, что такие маги с величайшей силой будут жить в пещере, от которой голова кругом идет. Не дикие же!

— Вовсе не в пещере, — тихо проговорила Афелиса и новым, ярким пламенем вспыхнул огонь на ладони. — Это всего лишь укрытие. Ты, несомненно, удивляешь своей предусмотрительностью, но все же... Это лишнее.

— Ага! — воскликнул мальчишка, словно бы под порывом гениальной мысли. — Так ты одна из них! А я все думал... Даже хотел следить за тобой. Выкладывай всю правду, я тебя раскусил.

— Понимаю, что тебе интересно и ты не терпишь задержки. И я подвергну тебя пыткам, если не расскажу всю подноготную...

— Почему ты нам раньше не рассказала? — Илекс тут же прильнула к ней, обхватывая руками ее талию.

— Было не время, да и сейчас...

— Если не расскажешь, то и шагу не ступим, да и идти то не куда. Встали и выясняем неведомые тайны Афелисы.

Она молчала, взглядом бегая по стенам, потолку, по маленькой Илекс, казавшейся в это время крохотным ангелочком, и все же потупилась в пол.

— Да вам некуда бежать... — насмешливо проговорила она, исподлобья смотря на мальчишку, ухмыляясь. — Даже если я не договорю, вы же кинетесь за мной... Сейчас и простой ветер может стать опасным для вас. Поступай благоразумно, Элид.

— Почему ты обращаешься только ко мне? А Илекс? — надменно он нахмурил брови, касаясь ее плеча и тут же развернув к не2. — Не говори, что ты хвостом пойдешь за этой лгуньей, не может быть! Или эта ведьма приворожила тебя, а?

— Я... я, — запинаясь Илекс, отступая шаг назад, — не могу выбирать. Она права, мы попросту погибнем... Афелиса спасала нас, жертвуя собой. Помнишь тех стрельцов, и как они безжалостно пускали стрелы? Там бы и была наша смерть, если бы не ее барьер.

— Значит, выбираешь ее, да? — осуждающим взглядом он смотрел на нее, склонившись. — Да ну тебя! Всегда были спиной к спине, а тут вдруг... неземной подарочек.

— Ты не понял!

— Перестаньте, — внезапно сказала Афелиса, прикладывая ладонь к каменной стене. — Мне не нужны ваши ссоры.

Ладонь медленно скользила по шершавой поверхности то вниз, то вверх. Она сурово нахмурила брови, и в глазах отражалось раздражение. Смотря на ясные, спокойные черты лица ее, нельзя было и представить, чтобы какая-нибудь мелкая тревога могла смутить не буйствующее сердце. Помыслить нельзя было, чтобы когда-нибудь девушка любила, но совершенно очевидно, что она была и есть любима. Какая-то искра промелькнула в этих серых глазах. Вот! Время все еще не стерло старые познания и умения.

Стена задрожала, куча камней и песка посыпались из потолка, которого, кажется,

вскоре и вовсе не станет. Из открывавшейся двери понесло пыль, сыростью и всей подземной гнилью. Мелкая щель появилась в камнях, все расширяясь, пока не возросла в настоящий проход. Афелиса вмиг оторвала руку, чуть содрогаясь.

— Нам сюда, — сказала она, проходя во внутрь.

Переминаясь из ноги на ногу, Илекс тут же бросилась за ней, а Элид лишь проводил ее обидчивым взглядом.

— Ты остаешься здесь? — с улыбкой спросила Афелиса. — Удачи тебе взобраться на склон, не переломав кости.

— Ты как маленький ребенок, — язвительно говорила Илекс. — Перестань играть в эти игры и просто иди с нами.

— Мне придется сейчас же закрыть проход. Через раз... два...

— Ладно! Иду с вами, — он перешагнул порог, и каменная стена за его спиной вновь с грохотом вернулась на место.

— Я никогда не настаивала, — пожала она плечами. — И этот поступок и вправду был глуп.

— Возможно, я и сгупил, — он сложил руки на груди, шагая вперед. — Как это говорила Илекс, а я верю каждому твоему слову, слышишь?

— Да, ты уже говорил об этом, — шептала девчонка, сконфузившись.

— Нам нужно пройти туннель. Нужно держаться вместе, есть некоторые развилки.

Афелиса шла впереди всех, озаря ледяные бетонные стены. Спускаясь по ступеням все ниже, она изредка оборачивалась назад, призывая детей не отставать. Низкие потолки и сжимающиеся стены нагоняли предчувствие, что вскоре их сплющит магическая сила, не оставив и мокрого места. Или внезапный огонь разгорится в нужной развилке и следом их существования послужит раскаленный пепел. Иногда Илекс робко подбегала к девушке, улыбаясь и будто бы стесняясь вновь взять ее холодную, худую ладонь в свою. Все еще худа и бледна была девочка, и улыбка как-то боязливо проглядывалась на ее грустном лице; Афелиса хмурила брови и досадно успокаивала эту беспорочную душеньку.

— Скоро будет развилка, осталось совсем недалеко, — вдруг прозвучал ее голос, пробивший молчаливый туннель.

— Надеюсь... — отвечала она робко, ибо всегда робела перед подругой. Всеми силами Илекс желала понравиться ей, а из того и исходил страх за иное свое слово или движение.

Девчонка не спускала с нее глаз — бывало, и вовсе уставится на нее, как зачарованная, или подолгу глядит на место, в котором ее уже нет. Тепло разливается в груди от таких воспоминаний. Может, и вправду здесь есть сильные магические нити, связывающие ее судьбу непременно с Афелисой. Тогда, впрочем, почему же аура Элида отчужденно отрекается от них? Ей до ужаса, до дрожи в коленках хотелось узнать всю нагую ее сущность. Пусть она и была волшебницей, но все удивлялась голубому огню на правой ладони девушки. Правда, страх осуждения возвращал ее к молчанию.

И так, в полнейшей тишине дошли они до развилки. Длинный, узкий, сырой коридор разветвлялся на две дороги, в каждой из которой ждала их темнота — пугающая неизвестность. Элид медленно подошел к Афелисе, смотря на нее что ни на есть серьезнейшим взглядом.

— Куда прикажете идти, госпожа? — и тут же губы его расплылись в неловкой улыбке. — Честно говоря, я устал дышать сыростью.

— Налеву.

— Уверена?

— Если бы во мне была хоть капля неуверенности, то меня бы уже давно распяли на кресте. Пойдемте.

Последовав за ней, Илекс с Элидом обговорили еще несколько слов об одной легенде.

— Думаю, опасно как-либо связываться с Ислюфордом. Старая мумия! Мумия нечисти — вот, что это, — говорила девочка, сжимая ладони в кулак. — Настоящее кровавое зло...

— А сколько людей перегрызло, если верить легенде. Никому столько не снилось. Даже если это существо и вправду обращается во все живое... Возможно, мы встречались с ним, просто не знали. И все равно, что Ислюфорд давно мертв. Много я книжек перечитал о нем, не по себе стало.

— Не хотелось бы оказаться в его погребениях, — сказала Илекс, и по телу побежали мурашки.

— А вдруг, — пожал он плечами, — нам предстоит столкнуться с подобной... нечистью? Вот комедия, а.

— Не говори об этом, — возмущенно пробурчала девочка, толкая его в плечо. — Мало ли, сбудется!

— Признаться, не знал, что ты такая суеверная... Весьма необычно.

— Не устали? — неожиданно вмешалась Афелиса, и огонь вмиг испарился в удушающем воздухе. — Здесь уже начинают светить лампы; несколько шагов, и мы уже дома.

— Пристанище высших магов — это наш дом, Афелиса? — спросила Илекс, подвязывая платок.

— Дом всех магов — даже тех, кто пользуется темной магией.

— Настоящие чернокнижники! — выкрикнул Элид, и слова его разлетелись эхом по всему тоннелю.

За поворотом показался тусклый свет, бросающий тени на дороге. Они шли вглубь тайного места, спускаясь по ступеням все ниже; и спустя долю мгновения, Афелиса остановилась перед широкой, деревянной дверью. Илекс и Элид столь глубоко увлеклись разговором, что не заметили, как наткнулись наконец на долгожданный вход. Золотые ручейки текли среди расписных гор, величественных темных замков, огражденных высотными ограждениями; тысячи колдунов и магов собрались воедино для провозглашения могущественных и избранных божествами магов, будучи на пьедестале почета и непомерного уважения. Элид медленно подходил к росписи, рассматривая мельчайшие детали. Жрецы в золотых одеяниях склонили головы, обступая святые возвышения и читая им свои прихоти и желания. Вмиг все поплыло, оживилось, словно бы сказка прямо сейчас утянет их в свой мир! Раскрыв губки от удивления, девочка пальчиком тронула руку подруги, непонятливо указывая на дверную роспись.

— Маги запечатлели на дверях в храм начало своей истории, — гордо сказала Афелиса, выступая вперед. — Вот только жаль, что наши прародители не могли больше пробыть с нами, еще не обученными и не смирившимися со своими способностями.

— Я читала, что во времена, когда впервые появились сведения о колдовстве, это считалось наказанием всевышних.

— И это правда, — тяжело выдохнула Афелиса, вцепившись в ручку. — Давно я не была здесь... Нечего ждать, пойдемте.

Яркий, ослепляющий свет вылился из-за двери. Они вошли в просторный зал,

увешенный разноцветными фресками и гравюрами (это будет навсегда памятная для всех минута); блестящие, озорные огни бесконечно резвились на маленьких серебристых чашах. В стенах раздавались шаги, нервное дыхание пробирало до дрожи. Помнит Афелиса, как язвительная тоска вмиг стихла, терзавшая до этого каким-то предчувствием. Хотелось растаять от воспоминаний и снова сполна очутиться в бурных ураганах непростой жизни. Было тихо — кругом, в соседних коридорах и комнатах тоже ни души. Девушка вела своих спутников вдоль белых колонн, заглядывая в иные комнатки, будто бы гадая, как гадают на неудачу. Илекс думала, что она ищет кого-то, но все боялась и голоса подать. Вдруг кто-то и появится из-за угла. Впрочем, так оно и случилось.

Переводя тяжелое дыхание, то ли от волнения, то ли от непрерывной ходьбы, девушка с надеждой оглянулась кругом, но все же нужных людей решительно не появлялось. Элид уже хотел о чем-то заговорить, но вдруг, из-за стены послышался скорый, стремительный топот. Илекс тревожно сжимала и разжимала потные ладони, покусывая губы. А вот Афелиса, по пришествию статных людей, улыбнулась и ступила вперед, навстречу.

Среди четырех людей в темных одеждах — стоит подчеркнуть каждое встречное нам лицо. Низенькая, изогнутая в три погибели старушка, впрочем, достаточно милостивая, первая подала свою иссохшую ручонку Афелисе, опираясь на трость, упрятала за уши выбившие из косы волосы девушки, заботливо потрепав по плечу. После она устремила на детей непонятливый взгляд, но спустя мгновение он отчего то прояснился.

— Дорогая, как ты ужасно выглядишь, — пропищала старушка. — Будто сто лет не видела тебя. Вся уставшая, истрепанная... Одежда поношенная, грязная. Да разве позволительно?

— Рад снова встретиться с тобой, — сказал мужчина, поклоняясь. — Услада для ушей слышать твой голос, однако, всегда хотелось нечто большего...

— Анариэль, всегда ждала нашей встречи, — Афелиса улыбнулась, и счастье засверкало в ее глазах.

Это был мужчина лет тридцати пяти, чуть выше девушки, и весьма важный, но все же перед ней снисходил и дрожал, как кленовый лист. Бледное, худое лицо его обрамляли черные, словно смоль, волосы до груди. В серых глазах сквозило холодом и непоколебимостью, однако, айсберг равнодушия растаивал без следа, стоило ему пойти навстречу Афелисе. Вопреки внутреннему страху, Илекс почувствовала на себе его сострадательский взгляд и получила легкий поклон, на который стыдно было не ответить.

— Эти люди, как я могу полагать, несчастные беженцы? — прислонился он к ее уху, указывая на них.

— Прошу познакомиться с Элидом и Илекс, — провозгласила Афелиса, подходя к спутникам. — Пусть они и не блещут талантами, но к обучению способны.

Девочка снова поклонилась, а после мгновенного ступора Элид, устыдившись, тоже склонил голову.

— Способны к обучению? — спросила вышедшая женщина, немного подумав, затем вновь монотонно проговорила. — Если дети достаточно умны, то и обучение пойдет гладко.

Заносчивый взгляд скользнул на Илекс, затем на Элида. Та острога и недовольство, от которых вздымаются волосы и в страхе невозможно вымолвить ни слова. К счастью, гордо поднятая головушка ее вскоре обратилась к Афелисе, и костлявая рука выглянула из широкого рукава, пожимая ее ладонь.

— Как я вижу, остальные не поспели? — вопросительно произнесла Афелиса,

напоследок оглядываясь. — Вот уж и подумать нельзя, что я единственная возвращусь так скоро.

— Вечность бы кончилась скорее, чем тебя дожидаться, — прохрипела старушка, снова мило улыбаясь. — О многом стоит переговорить нам, господа. Давненько не собирались мы, экий праздник! Но сначала нужно проводить наших гостей, ребятки совсем вымотались.

Илекс во всем внимании подняла голову, сжимая ладони и нервно дыша. Быть под прицелом стольких взглядов оказалось настоящим наказанием, что приходилось сжимать все чувства внутри, а так хотелось закричать от страха и броситься на шею Афелисе! Элид стоял на месте и, кажется, не двигался.

— Что застыли на месте? — обратилась к ним старушка, махая рукой. — Идите за мной.

Они робко шагали за ней, взглядом провожая Афелису. Тоска в груди заело ненавистное возбуждение, что нагнало боль пронзительнее и сильнее. Девушка выглядела истинной воительницей среди статно одетых магов, что и мысль не лезет о том, что она неотъемлемый член сего общества и почитаемая госпожа многих жрецов. Как только они скрылись за коридором, разговор снова разгорелся. Анариэль, столь скучавший долгие дни и ночи, твердо хотел поговорить наедине без лишних ушей. Лестные комплименты сыпались из его уст, вынуждая Афелису неловко улыбаться, а Леотар лишь изредка вмешиваться в разговор.

— Нужно обратить внимание магов на многие детали и, кажется, взять контроль в наши руки, — вдруг заговорила Леотар, переводя тему на нужный лад. — Такого больше не может повториться. Невозможно закрывать глаза на то, что наших важных лиц когда-нибудь прикончат во имя возмездия всех магов. Это ошибка, и я не намерена больше и слышать о таких происшествиях. Необходимы меры!

— Какие же меры? Это подвергнет нас опасности... — задумчиво проговорил Анариэль, сложив руки за спину.

— Такие моменты будут случаться. С этим ничего не поделать, — заключила Афелиса. — Пусть я и была жертвой, но удачно выкрутилась.

— Никто и не мог сомневаться, что однажды твоя предусмотрительность поставит тебя на кон.

— В любом случае, нам нельзя раскрываться. Кодекс запрещает...

— Что уж там кодекс, когда жрецы иной раз не слушают нас? — вздохнула Леотар, заправляя русую прядь волос за ухо. — Он не наказывает их. Даже поощряет. Мы могли поддерживать с тобой связь и отслеживать каждый твой шаг, что было сподручно. Магический рубин требует сильных, отчаянных жертв. Тех, что будут поминать как героев и величать великими. Понимаете? Если таковых не будет, то и не судьба нам увидеть белый свет.

— Госпожа Леотар, я, конечно, долго рассуждала над ним, и в те тюремные дни не могла спокойно спать. Неужели рубину необходимы смерти? Не достаточно ли будет нашей общей силы, чтобы пробудить магию в нем? — спросила Афелиса припоминая давние сцены и желая как можно скорее забыть о них.

— Это опасно, — ответила она, немного помолчав. — Впрочем, — пожала она плечами, нахмутив брови, — что же лучше: гибель нескольких магов или гибель всего нашего общества и исчезновение колдовства? Рубин попросту раскрошится, и обычные люди не узнают об этом.

— А надобно ли им знать? Они и так вдоволь узнали, что теперь считают нас выходцами из ада, — недовольно сказал Анариэль. — Людям не нужно знать то, что

выходит за рамки их разума, а иначе наступит хаос. А ты, Афелиса, ощутила это на себе. И стала настоящей воительницей, спустившейся с небес.

Он равнодушно поглядывал на фрески, но по мере разговора его с Афелисой выражение лица изменялось, и какое-то болезненное сострадание читалось в глазах и в легкой, иронической улыбке. Вскоре из-за спины послышался голос старушки; опершись рукой на трость, она неспешно переставляла ноги.

— Не заскучала, дорогая? А твои ребятки и места себе не находят.

— Вы как всегда добры, Хакан, — сказала Афелиса, подавая ей руку.

— Чего стоит! Мне главное знать, что такое случилось с тобой? Думала, что и в ближайшее время не объявишься, а тут, как подарочек с небес. Ты знаешь, что время здесь вечно, и нет ни дня, ни ночи... ни света, ни тьмы. Все равно.

— Знаю, не зря ведь здесь прошло мое детство. Мне в диковинку было впервые выйти на свет с тобой.

— И то верно, — кивнула она, принимая ее руку.

— Живы ли остальные? — спросила Афелиса, смотря на Анариэля.

— Они шлют мне письма, пусть и не слишком содержательные, но нужно быть благодарным и за это. Некоторые из них тоже наткнулись на магов, и больше никаких сигналов не последовало.

— Никто не станет действовать без нашего приказа, — проговорила Афелиса тут же. — Духу не хватит.

— Те, кто владеет темной магией вольны, но, — внезапно замолчала Леотар, делая паузу, — им незачем посягать на нас. Не хватало еще нам стычек и с ними...

— Где Элид и Илекс? — наклонилась к старушке Афелиса, заглядывая в лицо.

— Они совсем недалеко. Вот в том коридоре и зайдешь налево в комнатку.

Пальцем она указала на проход и, кивнув, Афелиса опустила ее руку и вышла вон из зала. От каменных стен сквозило холодом и сыростью, из-за чего дрожь бежала по телу и хотелось поскорей выбраться на волю. Стоя у порога, она робко заглянула вовнутрь, отчего сердце кольнуло в груди. Маленькая девочка, смиренно сидя на стуле, безумным взглядом уставилась в стену, а Элид, видимо, озабоченный мыслями, почувствовав чье-то присутствие, миг обернулся, лежа на диване, и в спешке вскочил.

Илекс лишь мельком взглянула на нее: она посмотрела на нее так, как будто прежде между ними ничего не случалось, то есть была удивительно угрюма и мрачна. По бледному лицу и вздрагивающим краям губ было видно, как малышка едва ли скрывает свое волнение. Рука ее дрожала, когда она брала чашку чая. Девушка ожидала непременно истерики, объятий и теплых слов, но на нее напало сомнение. Элид тоже чувствовал что-то недоброе, однако, все же потупился.

— Извини меня, — сказал он твердым, ни о чем не сожалеющим голосом. — Моя ошибка в том, что не верил твоим словам. Всей душой я благодарен тебе, и надеюсь, что это не последняя наша дорога. Мы ведь прошли этот путь вместе, не так ли?

Афелиса сначала с удивлением вслушивалась в его слова, но после осознала, что так понимает его. Среди глубокого молчания слышалось, как колотилось мальчишеское сердце. Пусть и в речи его ничего не трепетало и казалось вовсе неискренним, но все же слова эти были тяжелы. Вопреки гордости, Элид склонил голову, и в щеки его прилилась кровь.

— Да... ты прав, — вдруг проговорила Афелиса, и он тут же исподлобья посмотрел на нее. — Если это и судьба, то я счастлива, что смогла спастись благодаря тебе.

— Благодаря мне? — повторил Элид, казалось, вне себя от изумления и сильно ударяя на слово мне, не веря. — Как же благодаря мне? Илекс права, ты спасла нас. Ты!

— Твоя заслуга в том, что ты раскусил замыслы магов и решился пойти на помощь.

— Но Илекс тоже знала. Она была там всегда, не пропуская ни одного собрания; Так ведь, Илекс? Скажи. Скажи, правда ли это все?

Эти слова наконец пробудили ее ото сна, сказанные с такой мольбой, безысходностью, снисхождением, что она вмиг встрепелась и трепетно взглянула на него. Непонимание, боль и ужас отражались в этих темных глазах. Казалось, Элид и сам спохватился. Заметив безмолвную мольбу его, она лишь смутилась и только прижалась к спинке стула.

— Ты чего? — обратился он к ней, как-то странно смотря. — Будто язык проглотила... Небось вновь ничего сказать не можешь...

— Я... я могу, — сказала она очень тихо, словно ей не хватало воздуха.

— Так говори! — выкрикнул Элид.

— Не напрягай так ее, — Афелиса быстро подошла и положила руки на плечи, пристально всматриваясь в его глаза. — Я знаю, что ей было известно. Так прошу более не повышать на нее голоса.

— В любом случае, ты принимаешь мои извинения?

— А как же иначе? — Афелиса потрепала его по голове. — И это не последний наш путь. Рубин еще не восстановлен. У магов по всей земле есть только осколки, а вот до последнего мы еще не добрались...

— И где же последний? — тихо спросила из-за угла Илекс.

— Еще не известно. Если Анариэль в ближайшее время найдет, то скажет нам.

— Не о чем пока переживать. Посмотри на нее, — сказала Элид, указывая на девочку. — Совсем больной ребенок. Всего стыдится, да и вид у нее оставляет надеяться на лучшее. Хотя знает больше меня.

— Знаю, но совсем не использую...

Она подумала немного, и вдруг покраснела, как пламя. Сгореть со стыда, лишиться выдержки было ее несомненно первым движением при неудаче, в горечи и в падениях, когда ее случайно уличали за шалости. Почти во всех случаях она раскрывала свою чувствительность и предавалась слезам. Иной раз, когда Милада вновь сравнивала ее неспособность к арифметике с успехами Элида, вопреки дружбе и теплоте общения, она молчала и только так смотрела на него, как будто желала сжечь парнишку взглядом в пепел. Бедняжка всегда оставалась горда до крайности, хоть и прижалась, отдавая себя в жертву. Такая боль была сладка и подпитывала ее головушку мыслями пусть и печальными, но приятными. Элид не умолкал, чтобы рассеять досаду и показать, что вовсе и нет ее вины, но Илекс молчала, словно не слышала ни слова.

Афелиса посмотрела на дитя, уселась на диване подле стула и не спускала с нее глаз. Наконец, поддавшись соблазну, Илекс не удержалась и вопросительно взглянула на нее.

— Вскоре вы приживетесь здесь, тогда я уже не смогу подолгу быть рядом с вами, — с ноткой разочарования проговорила Афелиса.

— И куда ты уйдешь?

— Еще есть масса невыполненных задач. И если они не решатся, то кто знает, возможно, мы останемся здесь навсегда. Униженные и не имеющие права жить.

— Скорее уж мы помрем со скуки, чем дождемся возмездия, — отвечал Элид, не выдержав более своей возмущенности.

— Вам скучать некогда будет. Хакан позаботится о вас, а Леотар обучит тебя, Илекс, целительной магии. Если Анариэль согласится, то ты овладеешь боевыми силами, — она перевела взгляд на Элида и тут же посмотрела на порог, заметив там знакомую фигуру.

— И как же тебе не стыдно обвешивать мальчишку такими надеждами? — раздался вдруг басистый голос Анариэля, который уже несколько минут слышал их разговор и наблюдал за ними. — Твоя манера всегда останется при тебе. Пожалуй, не это ли прекрасно?

— О чем ты? — спросила Афелиса в изумлении.

— С годами у некоторых людей исчезает и все прекрасное, время стирает не только имена, но и свет души. А ты, как вижу, не поддаешься соблазнам временного течения, — переступив порог, он прошел к ней. — А насчет него... — тут же кинул он свой острый взгляд на Элида, не двигающегося с места, — с него можно что-то слепить.

— И все же, я не прогадала, — она вскочила с дивана, желая посмотреть ему прямо в глаза.

— Мы можем поговорить наедине? Я говорил, что хотелось бы многое обсудить с тобой, так не составишь ли мне..?

— Хорошую компанию? — улыбнувшись, она вопросительно изогнула бровь.

— Да, точно. Читаешь мысли, Афелиса, — в замешательстве проговорил Анариэль, но вскоре заговорил твердым и властным тоном.

— Я согласна, но дай мне немного времени. Как видишь, выгляжу я не лучше болотной ведьмы, — губы расплылись в усмешке и, пройдя к дверному проему, она обернулась, попрощавшись с Элидом и Илекс.

Спустя минуту они вновь остались одни. Анариэль молча последовал на выход, а в коридоре Афелисы и след простыл. Леотар увела ее в небольшую пустующую комнатку, в какой тускло горела свеча, озаряя лишь огромную кровать, на которой лежали несколько легких платьев; на столике в углу уместилось зеркало, в каком отразился растрепанный, неряшливый вид ее. Длинные русые волосы беспорядочно улеглись на плечах; от косы осталась лишь тонкая тряпка, запутанная среди включенных волос. Афелиса взглянула на оставленную одежду и выбор ее пал на черную блузку с пышными рукавами и серебряными пуговицами на запястьях. Поверх она накинула кожаный жилет коричневого цвета, затянув пояс из того же материала. Застегнув пуговицу темных штанов, она вновь подошла к зеркалу.

— Пусть и не роскошно, но надобно ли так наряжаться? — проговорила она вслух. — Если уж я воительница, то и одеваться подобающе нужно. А вот волосы... Не лучше ли состричь?

Она тут же схватилась за ножницы на столе и взвела к волосам. На пол неспешно посыпались пряди. В стенах комнаты то и дело раздавалось цоканье осртых ножниц. Наконец, спустя некоторое время, она в нетерпении взялась за расчёску, в которой только и оставались состриженные волосы. Впрочем, это лучше, чем ничего. Афелиса никогда не забивала голову бредом о том, как она выглядит. Всяко лучше удобство, чем красота.

Вдруг раздался стук в двери. Афелиса обернулась, бесшумно кладя расчёску на стол. Пospешив к двери, она отворила ее, и перед глазами вырос Анариэль.

— Надеюсь, я не помешал тебе, — виновато сказал он.

— Нет, я как раз закончила.

Улыбаясь, Афелиса вышла и затворила за собой дверь.

— Значит, решила на перемены? — внимательный взгляд скользил по ней. — Ты

прекрасна во всяком виде. Что же, пойдём.

— Пойдём.

Афелиса кивнула, и они пошли вдоль коридора, растворяясь во тьме.

16. Гадание

Вот уже день прошел после всей той нелепости, какую успела перенять на себя Розалинда. А сколько крику, шуму, скандалов, толков! Бессвязные, безочередные мысли порой заслоняли и испепеляли то, над чем нужно задуматься, иначе погибнет вся идея, вся ее суть! Какой беспорядок вертелся вокруг бедной девочки, загоняя ее в бешенный ураган накала чувств и сомнений. Все это недоразумение сплеталось в вязкую, сложную паутину глупости, однако виновных нет. Иногда казалось ей, что ум мешается и обыкновенная утомленность погружала ее в бездну раздумий и неожиданных решений. Вот только решения эти менялись с каждой попыткой остаться наедине со своими чертами.

Часовая стрелка медленно ступала по минутам, а иногда стремительно быстро вращалась по циферблату, подгоняя время к той самой наипротивнейшей и мерзкой встрече...

Утром в дверь настойчиво стучали. Сон вмиг улетучился и, кажется, что все надежды на что-то ясное и хорошее насмешливо надругались над ней. Спросонья, когда еще не приходит осознание и нужно быстрее опомниться, Розалинда, не подавая и звука, молча нежилась среди подушек, вновь проваливаясь в сон. Вдруг по стенам затрепал сильный и решительный стук. Глаза тут же распахнулись, и в волнении Розалинда вскочила из-под мягкого одеяла. Зрачки дрожали, рыская по комнате в испуге. Атласный халат на тумбе тут же бросился в глаза, и, схватив его, она мигом накинула его на плечи. Медленно, точно будто бы теряя сознание, девочка в трепете шагала к двери, нервно сжимая кружевной край белоснежной сорочки. «Это Дарья, это все Дарья! Она подослала ее ко мне... а убежать не выйдет, ветер сильный... — думала она, прислонившись боком к двери, — Если отворю, то конец. Все и так потеряно. Все к черту пойдет! Да и в окно бросаться... рано еще. Впрочем, была не была! Выкручусь!»

Только ее нежные пальцы прикоснулись к ручке, так сразу раздался оглушительный крик.

— Розалинда! — выкрикнула она громко и отчетливо, отчеканивая каждое слово, — Прошу, отворите дверь! Не мое требование, а желание хозяйки. Если сейчас же Вы не выйдете, придется принимать меры! Совсем скоро придет семейство Ивиал, назначена встреча!

Она тут же отпрыгнула от двери, щуря глаза от звукового удара по ушам. Словно не в себе, девочка резко дернула ручку под воздействием злости и едкого желания. Высокая женщина в черном скромном платье испепеляла ее недовольным взглядом. Настолько тонка, что можно без усилий перегнуть надвое. Этот высокомерный, гордый взгляд кошачьих глаз окончательно разогрел в Розалинде мучительный гнев. Именно мучительный, точно на пытке. Не поклонившись, она раскрыла свои тонкие, сухие губы и противный до боли голос отозвался в барабанных перепонках.

— Приношу свои извинения, но Вы своим упорством заставляете меня кричать, — проговаривала она четко, с большими паузами. — Никому это не угодно. Еще раз извиняюсь. Хозяйка приказала мне взять ответственность за Ваш внешний вид. Прошу, пройдемте.

Розалинда отошла от двери, понимая, что спор принесет лишние хлопоты. Легкой походкой служанка вошла в комнату и тут же отворила шкаф. Ненавистное послевкусие от криков и писклявого визга отзывалось ударами в голове, точно пульс. «А сколько

ругательств вертелось на языке! Горда эта служанка, как павлин, будто не осознает, что натворила,» — ругалась про себя Розалинда, не сделав и шаг с места.

Все это мелькнуло перед глазами в несколько секунд.

Женщина вытащила из шкафа кружевное, необъятное платье бежевого цвета. Положив его на не застланную постель, она оценивающим взглядом пробежалась по наряду, а после что-то вроде одобрения отразилось на смуглом лице. Вдруг вся она встрепенулась, вспоминая о времени.

— Потеряли уйму времени... но, обещаю, уложимся, — пригласительным жестом она указала на стул подле столика с зеркал. — Быстро наведу Вам красоту.

Фыркнув, Розалинда нехотя уселась на стул, с непреодолимой злобой уставившись в зеркало.

«Может, я вовсе не понравлюсь этому... Как его? Филгену. А меня никто и не спросит — понравился ли он мне или нет. Все равно власть в руках матери. Даже мое право голоса она спокойно может отобрать. Обычные русые волосы, карие глаза, так еще и веснушки на щеках. Неприметные с первого взгляда, но все же. Есть девочки намного краше меня, ну и слава всему поднебесью! Не нужно мне этого на плечах... Что же так сильно дергать? — служанка до того скоро водила расческой по волосам, что порой хотелось вскочить и покончить со всем разом. — Черт бы побрал ее!»

— Пожалуйста, наклоните голову... Да, вот так.

Все же, на благо разочарованию, эта женщина оказалась любительницей сунуть нос в дела личные и совсем ее не касавшиеся. Опасения потихоньку сбываются, и Розалинда готова поклясться, что если Филген хоть раз провинится или скажет сумасшествие какое-нибудь, то непременно она, вопреки всем последствиям и мнениям, уйдет тотчас же без каких-либо лишних слов. Волнительную тишину снова подорвал тонкий голос над головой.

— Хозяйка требует увидеть Вас в лучшем виде. Поэтому поручилась на меня. Можете не волноваться, Вы будете блистать и сразите гостей наповал. Я слышала, что среди них будет Ваш будущий жених. Как быстро растут дети...

— Он не мой жених, — раздражительно сказала Розалинда, уводя взгляд от зеркала.

— Вы это пока говорите... в порыве молодости. Как старше станете, так разу будете сожалеть о том, что отказывались выходить замуж за скромного юношу с большими деньгами, — делая ударение на больших деньгах, служанка взялась за шпильки. — Вам нужно быть благочестивой и честной девушкой. И, пожалуй, Ваша мать с этим согласна.

— Да ты говоришь то, что она тебе надоумила, — презрительно сказала она.

— Пусть и так. Но вот, у кого правильные и здравые мысли, — с восхищением проговорила женщина. — Берите пример с матери. Много мудреного усвоите...

— Если она так настойчиво хочет, чтобы я вышла замуж, так почему у нее нет обручального кольца на пальце? — раздражённо перебила Розалинда.

— Этого мне не дано знать. Вы, юная госпожа, не должны смотреть на других.

Тут то она и замолкла. Резко и грубо служанка вставляла шпильки в тугий хвост, напевая неразборчивую песню.

Спустя полчаса с лишним, Розалинда пребывала в полной красе. Блестки на платье играли на свету, а ожерелье на оголенной шее придавало шарм и роскошь. Последний безудержный взгляд служанки пришлось перенести ей, прежде чем выйти за пределы своего истоптанного спокойствия. Одобрительно кивнув, она бросилась к двери, отворяя и пропуская вперед юную госпожу. Пересекла порог Розалинда, как одурманенная. Девочка

старательно представляла, что теперь случится с ней и какой оборот примет дело вот уже спустя несколько мгновений.

В зале ее уже ожидала Дарья. Вся напудренная, разодетая и с безумно чинным видом. Глубокое декольте подчеркивало ее пышную грудь, серебряные серьги с алыми камнями свисали с ушей, на мощные плечи спускались кучерявые волосы. Точно видно, идет — всех честью удостаивает. Вопреки внутренним переживаниям и хлопотам, она выглядела, как женщина независимая и грозная. Впрочем, такова Дарья есть и сейчас. Приметив Розалинду со служанкой, она властно сложила руки, одетые в черные длинные перчатки, на груди, зорко бегая глазами по всей ее худенькой фигуре.

Тут Розалинда и заметила огненный, быстрый взгляд, готовый выжечь ее до тла. В лице Дарьи мелькнуло что-то особенное, что-то откровенное, что, впрочем, и ожидалось. Медленной, непринужденной походкой она подошла к оробевшей служанке.

— Благодарю за хорошую работу, — неискренне говорила она, вновь бросив на нее свой сильный взгляд. — Розалинда совсем скоро станет невестой. Грех не попросить человека с особенным вкусом стиля преобразить ее нахмуренное личико.

— Спасибо... Для меня честь, — служанка глубоко поклонилась и всю ее надменность будто рукой сняло.

— Можешь идти.

Легкая улыбка проявилась на этих противных губах, от которых остались лишь мутные и дотошные мысли. Вскоре они остались одни. Лучики солнца пробирались сквозь длинные, узкие окна, ослепляя и освещая Розалинду.

— Будь так добра. А я знаю, что девочка ты добрая, только будто перемкнуло тебя в последнее время, — шагнула она к ней с обворожительной улыбкой, схватила ее за обе руки и крепко сжала. — Эта встреча не похожа на другие! Намотай на ус, деточка. Прекрасная возможность завладеть хорошим будущим, — соблазнительно шептала она на ухо. Это едкое, дьявольское лицо умело меняться в одну секунду! В это мгновение у нее явилось такое детское, шаловливое выражение, и черные ресницы плутовски захлопали. Черт бы побрал ее!

Розалинда не сказала ни слова. Никакие мысли на ум не приходили, в голове лишь зарождалась жгучая ненависть.

— Правильно! Лучше молчи, — выпустив руки, она потрепала дочь по плечу. — Нечего тебе вообще голос свой подавать. Ты только отвечай на вопросы, как благовоспитанная и скромная девушка. А то опять выпустишь свои дикие корни! Знаю тебя.

— Да о чем ты? — ответила та в нетерпеливом состоянии духа.

— Как о чем? Думать надо. Если уж и вышла из трущоб, то роду своего не подавай. И личико свое попроще сделай, ты должна понравится Филгену и его отцу.

«С этой язвой лучше не спорить, — заключила Розалинда, — а то гляди, чего еще похуже сделает».

Вскоре минуты томительного ожидания иссякли. Спустившись с крыльца, она направились по дорожке в аллею, встали посредине тропинки и стали выжидать. Когда бы не глядела Розалинда на Дарью, так всегда в ее глазах отражался трепет от предстоящей встречи, а черты лица застывали в жутком нетерпении, стоит лишь услышать грохот проезжей тележки. А Розалинда напротив — все более и более омрачалась. Пальчики ее дрожали, а к щекам вдруг прилила кровь, как только она заметила резкое движение Дарьи. Лишь теплый осенний ветер согрел и ласкал ее лицо. У ворот остановилась карета, и тут же из нее показались две фигуры, нагонявшие на нее только унижение и смирение.

Отворились двери, и на тропинку ступили двое мужчин, один из них совсем юноша. Еще в пяти шагах расстояния он снял шляпу и глубоко поклонился. Его шляпа и поклон сначала едва затронули внимание Дарьи. Она гордо плыла прямо к ним, неприметно подгоняя Розалинду.

Генри пришел в черном костюме, седой и до того тощий, что едва ли можно было отличить его от начавшего разлагаться трупа. Нахмурив брови, но вмиг улыбнувшись при виде Дарьи, он, склонив голову, пожал пухлую ладонь, вызывая на губах ее кокетливую ухмылку.

— Много времени прошло с нашей последней встречи, да и сегодня, Вы, как видите, я не один явился.

Суровый взгляд его бросился на Филгена, неловко стоявшего позади. Услышав, что разговор зашел о нем, погруженный в раздумья, он встрепенулся и, кивнув, ступил вперед. Филген вежливо обратился к дамам, улыбаясь. Каждое его движение, слово было под прицелом Розалинды. Наружности он был неплохой, даже очень хорош собой. Под густыми ресницами серые глаза пристально вгляделись в нее, и, прикусывая щеку, он мнительно уводил взор, будто стыдясь, как только взгляды их случайно встречались.

— Пройдемте уж, — торжественно провозгласила Дарья. — Нечего на улице стоять.

В полном молчании они вновь ступали по ступенькам крыльца. После между Генри и Дарьей завязался разговор, который, однако, Розалинда посоветилась подслушать. Пришли они в просторную комнатку, где посреди стоял круглый стол со всякими вкусностями: чайник, из которого струился горячий пар, плетеные корзинки с конфетами в блестящих обертках, бисквиты и медовый торт. Потеснившись в стороне, Розалинда заметила быстрый, недовольный лисий взгляд Дарьи, от которого сразу же пробежали мурашки. Спустя мгновение лицо ее будто смягчилось.

— Вот уж и говорила я Вам, Генри Милд, — с улыбкой сказала она, — что не забуду! Для Вас же такой стол накрыла. А, Вы, юноша, чайку будете?

— Да, прошу... — очнулся он, странно посмотрев на нее. Страннее было то, что Розалинде, смущенной лишь обстоятельством встречи, приходилось не по силе выдерживать стойкий и пронизывающий взор Филгена.

— Несколько слов, а как приятны, — лестно заметил Генри Милд, делая глоток чая.

— А как по-другому то? — язвила Дарья, однако ехидничала она кокетливо, и дело обращалось в привычную шутку. — Если бы собирался большой народ, то и пиршество было не то без Вас. Что ни на есть, почетный гость.

— Да что же Вы так?.. Мне, старику то, такие лести не говорят, а Вы дама еще способная привлекать внимание...

— Я лести говорю? Не смешите, это уж никакая не комедия, — склонилась она над Филгеном, одной рукой придерживая крышку, а другой схватившись за ручку. Филген примкнул к спинке стула, уворачиваясь от спадавших волос Дарьи с плеч.

— Я рад, что у Вас нашлось время для встречи весьма деликатной и серьезной... — сомкнув ладони в кулак, говорил Генри, четко проговаривая каждый звук.

— Время для этого всегда найдется. Розалинда, честно говоря, не ожидала такого решения, и когда узнала, то трепетала и, видимо, чтобы свыкнуться с мыслью, нуждалась остаться наедине с собой. Вы знаете, что на некоторых девиц сейчас еле как фату нацепишь, и то, провальное все это... И, чтобы Розалинда не испортила честь свою, я приняла решение благоразумное! — гордо подняв подбородок, она искоса посмотрела на дочь.

— Это Вы верно подметили, — одобрительно кивнул он.

— Да и приняв согласие, нельзя упустить такую возможность, не правда ли, Розалинда?

Смолчав, она смиренно опустила взгляд, истязая нижнюю, покрасневшую губу. Сколько же подозрений ощущала она, сколько непонятливых глаз, хищно уставившихся на нее, выжимали все ее соки? Все же, ответа не последовало. Сконфузившись, девочка не могла подобрать и слова, удрученная двумя противоречиями в голове, отчего хотелось ей забыться и исчезнуть вопреки этим двум сторонам, прогонявшим ее. Дарья ужасно пристально смотрела в ее лицо, не трогаясь с места. Стесненный в своей воле юноша стыдился и, боясь устыдить и Розалинду, отвел взгляд.

— Совсем скромная она у меня, — захохотала Дарья. — Что же вы уши греете? Отвести вас, что ли, куда-нибудь? Да и познакомитесь поближе; небось, имен даже друг друга не знаете.

Генри лишь кивнул на ее слова, провожая взглядом своего сына. Как бы не тянуло желание остаться на месте, Розалинда поднялась, поправляя подол платья. Вопреки упрекам, она все же получала лишь отрицание. И куда же пропала та милосердная, неповедная женщина, принявшая когда-то бедную сиротку в свои нежные руки? И пепла не осталось от нее. Сварливая, гордая дама переняла все заботы и, видимо, желает побыстрее от них избавиться. Дорога привела Розалинду на задний двор, а за ней, не издавая и звука, шел след в след Филген. На веранде было ясно. Вдалеке распевались птицы, ломая сухие ветви; солнце так ярко светило, что приходилось прятаться в тени. Что девчонка и сделала, укрывшись на скамейке, до какой не досягали ослепляющие лучики. Если бы не было паршивости, сжимающей ее души, то и небо стало бы ярче и красочней, и птицы запели бы свои серенады громче!

Филген уселся напротив нее неподвижно, не издавая ни слова, ни звука и не глядя ей в глаза. Мысль мелькнула у нее в голове. «Имею ли я право упоминать о женитьбе? Скорее, вины его нет... и я ошибалась? — спросила у себя Розалинда вскинув на него резкий взгляд. — Да ну. Может, он такой же, как и его папаша... Хотя по наружности и не скажешь: тихий, но что-то есть. Особенность. Точно. Вдруг он не тот, за кого себя выдает. Тогда дело приобретает другие краски... и нет у него вовсе никакого большого наследства. Что уж про наследство, когда и так все уже в его кармане».

Идя в уединенное место, Розалинда вовсе не воспылала каким-то намерением и даже нарочно не хотела разговаривать с ним о любви, что частенько встречается в романах. К тому же, он очень застенчив и, кажется, мнителен. С первого взгляда она заметила, что произвела на него особое впечатление, но совесть не позволяет ему высказаться и излить, что накипело. Однако, подозрительно и странно теперь, только что он уселся и посмотрел на нее оловянным взглядом; неизвестно почему, ей захотелось рассказать обо всем, в частности о своих переживаниях.

— Как давно Вы живете здесь? — приятный, медовый голосок вдруг зазвучал в полнейшей тишине.

Розалинда удивилась неожиданному вопросу от такого стеснительного человека, как Филген. Спрятав руки за стол, она тихо проговорила:

— Несколько лет, — кротно и отрывисто.

— А я только недавно с отцом перекочевал в Улэртон... хм, да... — смущенно сказал Филген, но вопреки страху, продолжил. — Я, честно говоря, многое о Вас слышал.

— И от кого же?

— От отца. А он узнавал от Вашей матери. Хотя я и не знал о браке, но предполагал, что у отца что-то есть на уме...

— И Вы рады? — спросила Розалинда, бессильно оперевшись рукой о стол.

— Не могу сказать. Не люблю неожиданности.

Разговор шел о всякой ерунде. Она и прежде не подумывала заводить серьезные темы, даже упоминать. Вдруг Филгена что-то зацепит и разорвет насквозь какое-либо слово. В жизни никогда не встречала человека она более застенчивого и сомнительного. Ребята из приюта резвые, да и в обиду свою потоптанную честь не дадут; и все же, Розалинда имела небольшие связи с людьми. Застенчив до глупости, до пугливости, и, конечно, сам понимает это, потому что вовсе не глуп. Всегда в таких до жалости закрытых людях загорается искра и не понятно, каким огнем она вспыхнет. По случайности или по стечению обстоятельств, Розалинда заметила все его неудачные попытки положить конец безудержному напряжению и заставила бедняжку разговориться при первой встрече. Иногда его брошенные слова, румянец на щеках и неожиданные вопросы вызывали в ней чувство умиления: и вправду, с первого взгляда он тихий и милый.

После ненавязчивого диалога она пребывала в страннейшем состоянии духа: разумеется, еще до всей этой путаницы она успела задать себе всегдашний вопрос: «Зачем я так настаиваю на разговоре, ведь старалась избегать этого?»

— Извиняюсь, если заставил Вас стыдиться себя и сомневаться. Давно ни с кем не общался, в лагере друзей не было. А тут я наедине разговариваю с юной госпожой, надо же, — он слегка улыбнулся.

— Да еще и будущей невестой... — продолжила Розалинда, усмехаясь от сказанных слов.

— И представить не мог. Знаете, это для меня честь.

— Кстати, почему Вы поинтересовались, как долго я живу здесь?

— Отец много всякой путаницы говорил. Я не мог разобраться, да и подумал, что Вы не местная.

— Однако же... Нет, это была ложь, — Розалинда медленно поднялась со скамейки. — Наверное, они закончили и скоро Вам нужно будет уезжать.

— Да, точно, — следом встал Филген, неловко подходя к ней. — Это сложно и, к тому же, сказать потом не посилюсь, — глубоко вздохнув, он посмотрел прямо ей в глаза. — Спасибо за время, проведенное с Вами. Признаться, я и не думал, что Вы захотите поговорить со мной хоть немного.

— Рада, что была Вам приятна.

— Пойдемте? — спросил он, переступая порог.

Пусть прошло и немного времени, однако тянулось оно нудно и бесконечно. Лишь вечером Генри Милд настоял на отъезде с пожеланиями о скорейшей встрече. Теперь утекает одиннадцатый час ночи. Сегодня был день нелепый, безобразный и потрепавший нервы. Розалинда сидит в своей комнате и припоминает, переворачивая все события наизнанку. После отъезда, когда на дом вновь нависло угнетение и пугающие спокойствие, Дарья заняла у нее несколько часов ожидаемой беседы. Похвалы и красноречия только и вылетали из ее уст. Иногда она расхохочется, показывая все свои зубы, но после по обыкновению посмотрит нахально и молчаливо. По крайней мере, при своей дочери и сыновьях. Многого требует эта хитрая и подозрительная женщина, может быть, даже и не умна она вовсе. Насчет Генри Милда Розалинда не могла говорить однозначно; хоть она до

сих пор и сомневается в этой семейке, но принадлежность их к порядочному обществу заметна и остро ощущается. Вот только, все теперь зависит от их состояния. Сможет ли он показать много денег? Скупость и расчетливость Дарьи всегда падки на щедрости, скрываясь тенью под забавным личиком и блестящими глазами. Однако, какая выгода Генри? Отдалить поскорее от себя сынка и дожить старческие годы одному-одиошенькому? Удивительно и смешно самой Розалинде, какие интриги накаляются вокруг нее. «О, как мне все это противно! — разрывала она все мысли в клочья от злости и нежелания. — Я бы бросила все это и была бы рада! Но как я могу убежать? Куда мне? Никто не примет, да и кулон не работает... Шпионство, конечно, подлое дело, но если оно необходимо, то и выбора нет. Да и когда у меня был выбор?..»

Любопытен ей стал и этот мальчик, Филген. Интересно, сколько иногда чувств и переживаний может выразить взгляд стыдливого и целомудренного человека, когда этот человек ничего более не хочет, кроме как провалиться в землю без следа и духа, чем выразить все, что рвется наружу словом или поступком. Бабочка, пытающаяся выпутаться из паутины, отчаянно машет крыльями, надеясь, что вскоре окажется на свободе и станет ее частью, однако и мысли нет, что тем самым она лишь погружает себя в глубь сети на съедение хищника. Филген был подобием бабочки, рвущейся на свободу под порывом внутренних убеждений. Слепленный сладостным предвкушением, он ищет лучик света в маленькой щели среди беспросветного мрака.

Если бы была ее воля, то на улицу выходила бы она каждое утро и наверняка встречалась бы с ним. По его словам, парень частенько прогуливается вдоль набережных и парков. «Мечты ведь сбываются?» — спрашивала Розалинда безудержно в холодные ночи.

За обедом она опять была в возбужденном состоянии, так же, как и день тому назад. Хоть и Дарья села с ней за один стол, ей не хотелось заводить разговор. Однако, в этот раз она заговорила с Розалиндой внимательнее: все вопросы были прямыми и простыми, без лишних восклицаний и убеждений.

— И как вы провели время? Вчера не успела ничего расспросить, так что отвечай сейчас.

— Обыкновенно. Поговорили и разошлись.

— Да как так? Как это обыкновенно? — удивленно спросила Дарья, придвигаясь ближе. — Вы не какие-то друзья, вы — семейная пара. Не ожидала от тебя такого...

— Чего ты постоянно от меня ожидаешь? — не в силах сдержать злость крикнула Розалинда, вскочив со стула. — Ты не даешь мне ничего. Ни-че-го! Раньше ты была совсем другой, что же тебя так переменяло?

Тяжело вздыхая, она исподлобья смотрела на нее, отходя назад.

— Это не должно тебя касаться, — твердо проговорила Дарья, лишь повернувшись к ней. — Хватит вытворять всякие глупости. Если будешь слушать меня, то и заживешь прекрасно. Я тебе делаю добро.

— Какое этакое добро? Нет никакого добра, только муки! — заметила она вдруг с жаром.

— Я смотрю, ты совсем в последнее время все наглеешь и наглеешь, — громче сказала Дарья, уже оборотившись в пол-оборота. — У меня нет сил кричать и спорить. Пойди в комнату и больше не трогай меня.

— Тогда разреши мне выйти за ворота дома, — потребовала Розалинда, сложив руки за спину. — Тогда никаких больше слов не последует.

— Ишь, чего захотела! А если тебя прибьют, или вообще и духу твоего не будет? Что мне делать прикажешь, а?

— Я тебе так дорога? — саркастично пробурчала она и прижалась спиной к стене.

— А впрочем, давай, иди, — отмахнулась Дарья, более не сопротивляясь.

Не веря и не осознавая всю серьезность слов, Розалинда помедлила, но заметив, что она отчужденно отвела взгляд, доедая обед, быстро рванула к дверям, громко захлопнув их. «Вот же язва, — ругалась она про себя, пробегая по коридору. — Сегодня мне повезло... ее милость наконец спустилась с небес. А то совсем пропадет в облаках. Только вот, — вдруг застыла она на месте, оглядываясь, — нужно взять все необходимое и сегодня, возможно, и следа моего здесь не будет. Никогда».

Взбираясь по лестнице, она стремительно перешагивала ступени, не заботясь о шуме и грохоте. Как только допустила Розалинда эту мысль, опять, как и прежде, знакомое чувство оледенело ее душу. Ни жалость, ни противоречия не коснулись ее и не сбивали с толку. Наконец-то она лишится груза, всегда ограничивавшего ее волю и желания. Придя в спальню, девочка накинула небольшую сумку на плечо, запихнув туда кулон, дневник и две пачки денег, накопленных не самым благочестивым путем. Временами Дарья давала ей немного, а остальное она загребала себе из ящиков в ее покоях. Увлеченная мыслью, что эти спасут в черные дни, ей приходилось немало рисковать.

— Теперь-то точно пригодятся... — тихо прошептала девчонка, оглядываясь на двери. — Теперь уж меня ничто не остановит. Главное, что разрешение в моих в руках и сейчас. Так... так долго этого ждала...

Это была первая минута какого-то странного, внезапного покоя. Странное дело: не было ни чертового бреда, как давеча, ни панического волнения, приросшего корнями к ее душе. Движения точны, быстры и ясны, в них проглядывалось твердое, неизменное никем и ничем намерение. Она понимала, что тело ее еще слабо, но душевное напряжение и заряженный внутренний стимул придавали сил и уверенности. Впрочем, и надежд не было, что обморок или внезапная боль застанет на улице, ведь прогоняла она всякие грызущие мысли. Одев черное пальто и повязав платок вокруг тонкой шеи, взгляд ее упал на шкатулку, в которой лежали золотые монеты; подумала и все же высыпала их в карманы. «Времени нет. Сегодня же! Уйду отсюда,» — бормотала девчонка про себя. Затем тихо отворила дверь, робко выглянула и, спустившись по лестнице, заглянула в отворенный настежь зал. Дарья сидела к ней задом и, внезапно вскочив, она громко прокричала:

— Курлхид! Курлхид! Черт тебя побери, — ругалась она, звонко шагая по комнате. — Пес поганый... Амиллия! — воскликнула она, заметив стоящую у порога веранды служанку. — Ну-ка позови его! Пусть только не попробует явиться.

Кажется, скорых шагов Розалинды она не слыхала. Вот только, зачем ей вдруг понадобился садовник? Во всяком случае, девчонку это никак не волновало, и спустя пару мгновений она оказалась посреди большой развилки.

С жадностью вдохнула она пыльный, зараженный городом воздух. И мысли не было, куда стоит пойти, но знала Розалинда одно: с этим поскорей нужно покончить. «Если не сейчас, то никогда после не смогу избавиться от этого кошмара. Может, по дороге встретится тот старик с рынка, и я попрошу у него помощи. Хотелось бы... Как избавиться?» — об этом она не имела ни малейшего понятия и думать не хотела. Только ясное чувство твердило ей, что все переменялось; отчаяние, и мысль эта терзала ее, потому лишь и изгоняла она ее уверенно и без сожаления.

От проезжавшей тележки несло пылью, летевшей прямо в воспаленные глаза, отчего хотелось безудержно браниться и вытравить всю залежавшуюся злобу. Прохладный ветер игрался с подолом платья, бил по лицу.

Девочке и прежде приходилось часто проходить этим коротким переулком, ведущим к большой площади. Быстро перепрыгнув через лужи и подняв взгляд, она настигла густую группу людей, толпившуюся на площади. Обходя их стороной, Розалинда все же пыталась заглянуть в лица. Взрослые, чинные люди встали в круг перед поющей девицей.

Тоненький голосок певицы разливался по всей округе. Пробравшись в толпу, Розалинда мрачно и пристально слушала, и почему-то весь этот шум, гам, пение до соблазна занимали ее. Стоявшие позади дамы не обращали на нее никакого внимания и галдели про себя, сбиваясь кучками. Визги доносились со всех сторон и вдруг заиграла музыка. Танцоры бодро отплясывали, стуча каблуками в такт под веселую, забавляющую мелодию. Потеснившись среди группы женщин, она внимательно вглядывалась в лица: то были юноши в разноцветных одеяниях, с колпаками на голове. Нагримированные лица их улыбались, глаза сияли весельем. Вдруг грозная, высокая дама, прорывавшаяся сквозь толпу, закричала, призывая всех расступиться. Толкнув Розалинду в плечо, она прильнула к серым бортикам, махая платком. Отступив, девчонка мрачно всмотрелась в эти налитые горечью глаза: тонкие брови изогнулись, от слабости она оперлась об бортики и, заметив искоса множество недовольных, упрямых лиц, стыдливо отступила, воскликнув напоследок то, что смешалось с гулом толпы. Оглядевшись по сторонам и протиснувшись к углу, Розалинда засунула руки в карманы, нащупывая твердые, золотые монеты. Облегченно выдохнув, как давеча, невыносимая радость овладела ею на мгновение. «Все на месте! Не обокрали, — уголки губ искривились в непринужденную улыбку. — Если бы кто и посмел сунуть ручонки в карманы, то улик бы не было. Люди и глаз не поворотят... тогда и концы с концами схоронены».

Прошмыгнув на ближайшую улицу, совсем другие мысли лезли в голову. Теперь уж ей стало отвратительно, мерзко проходить мимо скамьи у двухэтажного дома, на какой встречалась она тогда с подругами и после ухода их сидела и раздумывала; ужасно, тоже будет тяжело встретить хоть одну их тех разодетых девиц по дороге. Стореть со стыда можно. К тому же Розалинда, одетая в простое платье, и не выглядела, как дочь богатенькой семьи. Она шла, смотря по сторонам рассеянно, ища глазами закусочную. Горло пересохло и оставалось лишь вдыхать пыльный, грязный воздух. По углам бетонных заборов, под деревьями и кустами прятались от глаза людского потасканные хлопотами нищие и пьяницы. Выше серых, не стриженных бород выглядывали два узеньких глаза, а ко рту то и дело бродяга подносил непонятную бутылку. Впрочем, шастала по таким скудным районам Розалинда недолго. Страх гнал ее, тело вздрагивало от малейшего крика поблизости.

«Покончить с этим надо. И зачем меня дорога сюда завела... — думала девчонка, медленно шагая по бортику. — Вон там! Люди, видимо, приличные. Ноги отсюда нужно уносить скорее...»

Взгляд упал на маленькие магазинчики вдоль тротуара. Подбежав к краю дороги, придерживая одной рукой сумку, она посмотрела по сторонам. Вдалеке из-под пыли и мусора проглядывала ехавшая карета, и лошадь стучала копытами по сырой земле, фыркая. Раздался резкий, режущий хлест, и она тут же заржала, несясь быстрее. Тяжело вздохнув, Розалинда вмиг бросилась на дорогу, уворачиваясь от пыли. Сердце стремительно застучало, дыхание участилось. Со страхом девочка поглядела на лошадь, бежавшую прямо на нее. В

воздухе показался хлыст, мужчина замахнулся и с грозным видом ударил по земле. Прوماхнулся! Последовали строгие крики и женские возгласы позади, однако, словно оглушенная, Розалинда слышала лишь пульсирующую боль в висках. Наконец, ступив на обочину, она спокойно выдохнула. Взгляд метнулся на только что проехавшую карету; нагоняемый ветер колыхал подол платья. Обернувшись, застала она удивленные лица молодых дам. Перешептываясь, они украдкой глядели на нее. И изумилась девчонка вдруг: как это целые полчаса бродила она в тоске и тревоге и не могла подумать, что в опасных местах! И потому только витала Розалинда в облаках, убивая время на безрассудное дело, как в полном бреду, как во сне! Именно мысли о сне пробудили и приземлили ее тельце на суровую землю, под прицелом осуждающих глаз.

— Вот уж, говорила я тебе, — с упреком говорила мимо проходящая женщина, — сколько сейчас самоубийц завелось. Да и слава всевышним, что спаслась девчонка.

— Это воля не ее была... — сказал старичок, идущий под руку с ней. — Защитная реакция... шгука такая.

— Представь себе! Что бы было?.. Помнишь, как один мужчина умер под копытами лошади? Страшная новость для родных.

Розалинда становилась, забывшаяся и рассеянная, и сил не было преодолеть этот чертовый омут, затягивающий ее в воронку неведомой силой. Пара к тому времени стерлась в бесконечной гурьбе мужчин. Решительно нужно было спешить! Уж было опомнившись и совладав со своим телом, девочка покачнулась и побрела по склону, где шум ярко обострялся с каждым шагом.

С иного угла доносились возгласы, молодые девицы блистали своими бедрами, переминаясь из ноги на ногу, кокетничая и подмигивая лисьими глазками мужчинам. Пальчики их нежно спускались по широкой груди, заигрывая; и теплым, ласковым голоском шептали сказочные фантазии на ухо иному прохожему. Под порывом ласк и удовольствия, девица хитро тянулась к карману, хватая монеты, и после этого личико ее оледенялось, накрашенные бровки хмурились и, оставив алый след поцелуя на потертой, грубой щеке, она, как синица, порхала в темноту, и лишь блески на блузочке ее блистали и угасали. Засмотревшись на одну из таких дам и увидев, как неспешно она стучала каблукками по бугристому бетону, в страхе растворилась в толпе. Наткнувшись внезапно на облезших, худощавых кошек, Розалинда вновь застыла. Заплаканные глазки тупо уставились на нее, во всяких читалось унижение. Болезненно мурлыкая, рыженькая кошка медленно подошла к ней, спускаясь с ржавой бочки на землю, игриво махая тонким, сырым хвостом. Замешкавшись, Розалинда непонятливо посмотрела на маленькое ничтожество и, ступив шаг вперед, услышала протяжное, сиплое мяуканье. Повсюду толпились люди, странные и порой пугающие. Она отступила в сторону, и неуверенно положила руку на ее головку, трепетно глядя за ушком. Сбившаяся шерсть врезалась в тонкие пальцы. Прикрыв глаза, кошка повела головой, и тут же перед девчонкой оказались еще трое таких же поношенных бедолаг.

— Что же вы, бедненькие, я сама хочу кушать... да негде, — тихо шептала она, лаская кошек.

Наконец, ей пришло в голову: «Не лучше ли и вправду найти какой-нибудь трактир, не отвлекаясь более ни на что?» Наткнется на захудалое, нищее местечко, в каком и людей будет меньше, и, во всяком случае, безопаснее, а главное — от здешних развратных мест подальше. Поднявшись на ноги, девочка шагала вдоль старушек, продававших всякое тряпье, нищей молодежи, выпрашивавшей деньги на кусок хлеба, и вдруг, совсем близко окликнул ее

старческий голос.

— Подойди сюда, да, ты! — махнула женщина рукой.

Розалинда потупилась, но все же скоро и твердо пошла, хоть и чувствовала, что вся изломана и дело не к добру, но сознание еще было при ней. Это была худая старушка, одетая в потертую, местами рваную одежду. Из-под болотной накидки выглядывал золотой кулон, на который то и дело натыкался взгляд. Сужавшимися глазами она вновь пробежалась по ней, и в руке ее оказался веер черных карт.

— Выбери одну, — приказала старушка, — а то несчастье тебе скоро будет!

— Простите... я не верю в гадание, — отмахнулась Розалинда, отступая шаг назад, но твердый, крикливый голос заставил ее оставаться на месте.

— Ишь ты! Не верит она. Я же вижу, что магичка ты, так еще и отмахиваешься, — насмешливо прохрипела она, переменяя позу в кресле.

— Да вы с ума сошли! Мне нужно идти. Чего кричите? Они услышат...

— Протяни свою ручонку и выбери карту, — настаивала старушка.

Делать было нечего. Если уж она не намерена оставить ее, так еще и порчу наведет. Тогда уж и все надежды схоронены. Пальцы дрожали, прикасаясь к картам, и, не выбирая, Розалинда резко выдернула одну из них.

— Батюшка пресвятой... — низким тоном промямлила старуха, поднявшись с кресла и наклонившись над картой, — вот уж кому не поздоровится.

Тревожный взгляд ее бросился на карту. Даму на ней в черном одеянии обрамляла золотая рамка, глаза ее не было. Однако, не это удивило и привело в волнение Розалинду. В самом низу, золотыми прописными буквами было выведено слово смерть. Ладони вмиг вспотели, и обреченный взгляд метнулся на гадалку. «Все она виновата,» — осуждающе кричал внутренний голос. Бросив карту на стол, девчонка вопросительно взглянула на гадалку.

— Ничего хорошего не ждет. Потеря близкого человека, иль своя смерть... это уж на произволе судьбы, дорогая.

— Как смерть? — трепетно прошептала она. — Я не принимаю это!

— Если рука твоя потянулась к этой карте, то это желание судьбы.

На солнце переливалось ненавистное слово, ей хотелось вернуться в прошлое и убраться от этой шаманки. Не проронив ни слова, с прискорбием, она вмиг пропала среди людей, нарываясь на новые проблемы.

17. Ислюфорд

— Ну, вот и славно дожили, — сказал ей Анариэль, улыбаясь.

— Я здесь всего лишь час, и вы не знаете, что со мной было все это время.

— Как же не знаю. Все знают, — насмешливо проронил он, отворяя тяжелые двери и пропуская девушку вперед. — И я знаю. Все это произошло так сумбурно и неожиданно, что мы чуть было не потеряли твой след. Но, на славу всему хорошему, ты добыла много секретов охотников и донесла нам.

— Это было моей миссией, Анариэль, — твердо проговорила Афелиса, проходя в светлый, просторный зал. — Я бы ни за что не сунулась туда просто так.

— Дорожишь своим долгом, это похвально! И мне действительно жаль, что ты так прожила какую-то частичку своей жизни, — начал он с беспокойством, — но теперь охотники не тронут тебя.

— Всю жизнь, Анариэль, — отвечала Афелиса, обернувшись на него, — всю жизнь и, кажется, так и кончу. В вечном бою и холоде...

— Нет, этак нельзя. Этак неверно и надобно ли тебе? Лучше уж я проживу до смерти в этих стенах. Как все надоело! Но ты не станешь одна рисковать ради нас. Слышишь, Афелиса?

Вдруг пальцы с неведомой силой сжали плечо, девичьи губы раскрылись от удивления. Жадный, властный взгляд уставился на нее, вселяя страх и изумление. Не проронив ни слова, она выдохнула и в мгновении ока вырвалась из его рук, отчужденно попятившись.

— Знаешь ли, я рискну, рискну! А иначе и силы мои были напрасны, все усилия! Если ты не готов к этому, то какого черты ты стоишь и ничего не делаешь? Не смеете и из норы своей вылезти. Я! Я привела вас к охотникам. Я показала дорогу. И, в конце концов, я и покончу с этим! — ровный голос, в каком изредка проявлялись лидерские, стойкие чувства, все же звучал хрипло, словно что-то сдерживало весь порыв упорства и нетерпения.

— Знаю, Афелиса, знаю, — вскричал он, не удерживая больше своего чувства. — И знаю больше, чем кто-либо. Да и если ты когда-нибудь станешь руководить нами, то я встану вместе с тобой!

— Не в этом дело, — вздрогнула она на мгновение, чуть не закричав, досадливо оглядываясь вокруг. — Ты не уловил мою мысль... довольно! Не желаю и говорить об этом. Я, конечно, знала, что разговор со всеми предстоит длинный, противоречивый, может быть, и рискованный. Это задает начало безумным, но великим идеям. Я уверена в этом так же, как и в своих силах. Ни ты, ни другие верховные маги не помешают мне осуществить то, что я хочу. Чувство свободы, — особым тоном проговорила она, — прекрасно.

Она взволнованно замолчала, окончив свои решительные возгласы. В тишину хотелось как-то через силу захохотать, и, поддавшись желанию, Афелиса более не сдерживала нервный смешок, потому что ощущала, что в нутре ее зашевелился ненавистный бес, дергающий за невидимые нитки, словно куклой. Анариэль смотрел долго, не отводя глаз, задумавшись. Густые брови его нахмурились, а взгляд вмиг потускнел. Что же мог поделывать измученный, утомленный мечтатель, кроме как повиноваться воле Афелисы и заснуть в замираниях от восторженных переживаний с такой томительно-сладкой болью в сердце? Да, ее не остановишь и не обманешь; невольно девушка и не поверит, какая истинная, горячая страсть волнует, искушает душу его, что в бесплодных, глупых грезах есть что-то

фантастическое и неосязаемое! Любовь сошла в грудь, смешиваясь с болью, становясь одним целым со всеми томительными ожиданиями услышать, увидеть и почувствовать ее... Неужели она так беспощадно оттолкнет его в бездонный обрыв? Что же, разговора об этих страстях и быть не могло, пока в глазах девичьих читается вольность и холодная стойкость характера.

— Я тут припоминаю... — тихо начал он, подходя ближе, — что ты и любовника успела завести. Правда, давненько это было; и письма он тебе посылал, будто в пустоту... скажи, вы все еще вместе?

— Ты про принца?

— Да. Ты многое сделала ради него.

— С Ангаретом я не могла поступить иначе. Он отпустил меня ради блага, если бы я осталась, то и смерть бы нагрянула...

— А... он мертв? — спросил Анариэль, сомневаясь в правильности вопроса.

— Я не знаю. Но хотелось бы, чтобы этот человек остался живым хотя бы до лучших времен, — сказала она, тоскливо прикусив губу. — Не будем об этом.

— Хорошо. Но я вижу, ты сильно доверяешь тем ребятам, которых привела сюда. Тем более, они члены магических группировок, то есть таки заинтересованы высшими магами. Долго им приживаться придется среди нас...

— Илекс честная девочка, а Элид дает слово и исполняет его. Ему бы не помешали твои наставления, а то совсем пользы никакой, да и сам он просит, — сказала Афелиса, прижимаясь к стене. — Им, как и мне, нужен отдых, потому и сомневаюсь, что смогу присоединиться к вам в ближайшее время, уж извиняйте.

— Да, конечно. Только еще один вопрос, — он подошел к ней, подняв решительный взгляд. — Могу ли я надеяться на наш разговор чуть позже? Долг долгом, но...

— Можешь надеяться, — улыбнулась Афелиса, шагнув вперед. — Если у других будут вопросы, то скажешь, где я.

Анариэль кивнул, и двери тут же закрылись. Зал опустел, только бурлящие чувства внутри мужчины все не утихали. Все же, предстояло ему приключение тяжелое и опасное. Немедля, он вышел из помещения, плотно затворив двери. Громкие шаги раздавались в стенах коридора, и вдруг голубые огоньки замигали на потолке, тускло освещая проход. В голове мелькал образ Афелисы, как она, не издав более ни звука, повернулась и быстро скрылась за дверьми, не удостоив даже и прощального взгляда поджидавшего объяснений на невысказанные вопросы Анариэля. Вернее сказать, он попросту не успел их высказать. Она спешила и, очевидно, ломилась с ног от усталости.

Но времени он не потерял. Войдя в помещение, в каком впервые оказались прибывшие маги, Анариэль случайно столкнулся со старухой. Сидя в креслах, она взглянула на него из-под оправы очков, хищно осматривая и рукой подзывая к себе.

— Ты, я смотрю, уже уходишь, — хрипло сказала она, откашливаясь, — а говорил-то, что завтра пойдешь.

— Планы поменялись. Извините, больше задерживаться не могу.

Он рванул на выход, но внезапный старческий выкрик остановил его.

— Стой! Вот на месте не сидится! Ты хоть осознаешь, что многое нужно преодолеть, чтобы добраться до погребений Ислюфорда? Атрандцы племя дикое... не пустят.

— Они уже давно закрылись в себе и не обращают внимание на иноземных.

— А тебе-то откуда знать? — заговорила она тихим голосом. — Ты пусть и великий

воин, но бойцы у них самые сильные.

— Я обещаю вам, что вернусь целым и невредимым. Сейчас уж третий час дня, а пока дойду, и вечерок настанет. Они ложатся спать рано, да и сторожи у них нетрезвые после праздников, какая же в этом сила?

— Уж я послежу за тобой. Нам необходим последний осколок.

Хакан посмотрела на него долго, пристально и зрачки ее задрожали. Анариэль попрощался и, стоя у выхода, молча поклонился.

Путь предстоял долгий, время утекало. Вскарабкавшись по каменному склону, он томно выдохнул, переставив ноги с одного выступа на другой. В пещере сквозило холодом, но, как только он вступил наружу, тело обдало теплым ветерком. Высоко в небе раздался крик птиц; пожелтевшие листья колыхались, падая на землю. Стало необыкновенно весело, и Анариэль только теперь почувствовал, как хороша природа. Как славно дышится, хочется побежать по этой тропинке, помчаться во весь дух навстречу опасным приключениям. Он пошел по тропинке, утопанной среди кудрявых деревьев. Вдалеке из-за листвы проглядывали крыши домов: мужчина насторожился. Подступая к поселению, скрывался за кустами и внимательно наблюдал за деревней. Людей не было. В окне не мелькнул ни один силуэт, будто бы все давным-давно вымерло, стерлось или дикие племена разогнали несчастных. Тихо ступая между деревьев, Анариэль опасливо поглядывал по сторонам, схватив ружье и держа наготове. Повсюду стояла тишина: лишь ветви трещали, обламываясь под ногами.

Вскоре деревня осталась позади. Маг подозрительно оглянулся на эти низенькие, хорошие домики, стоявшие в ряду, но покинутые своими хозяевами.

Только к вечернему часу он, как и полагалось, прибыл в Атрандо. В огне яростно кипели костры, густыми облаками поднимался пар и дым, странные запахи разносились по всей округе. Языки пламени пылали в пригороде, заселенном нищими, дикими людьми. Вот уж, до кого цивилизация еще не дошла! Все это совершалось в синеватом сумраке, поглощенном в дыме; он становился все гуще, а вой и детский плач — слышнее. Крыши проваливались, беглецы в спешке уносили ноги, крича неразборчивые возгласы. Ветер гонял огонь из одного дома на другой, и конца этому ужасу не было. Пепел вздымался вверх, растворяясь в ночном небе.

— Пожар, пожар! — раздался крик совсем близко, и толпы народа сбежались на пустырь, объятые первобытным ужасом и волнением. Позади них, прямо над головой у одного здорового, удалого мальчика хрустнула ветка: широкие языки яркого пламени окружили бедных, напуганных атрандцев. Анариэль отступил, увлеченный мыслью: «Сейчас бежать. Пока они в панике и ничего не могут поделать, лучше смотаться отсюда». Тут вдруг подступили мужчины величественные, высокие да здоровые, как видно, прославленные воины. В своих могучих руках они несли огромные тазы речной воды, и она брызгала, разлетаясь по горящим домам и деревьям. Гам стоял страшный: девушки поступили на помощь, некоторые и впрямь лезли через растворенные окна в свои дома, ради украшений и золотых монет; детки разбежались, кто куда: одни бросались к реке, другие — робко прятались за юбкой матери. Едкий дым постепенно удушал.

Анариэль, скрывшись в сумерках, побежал среди деревьев, и лишь крыши, съеденные огоньками пламени, мелькали вдали, как страшное бедствие. Цепь коричневых холмов раскинулась на горизонте, взбирались по ним гнущиеся ягодные кусты. Согнувшись в три погибели, оперся он руками об колени, исподлобья глядя на неровные бугры, груды камней, рассыпанные по холмам, и теплое чувство победы разлилось в душе. Вот уж и мысли не

было, что самый боевой народ мира спугнет и повергнет в ужас простой пожар!

Проходя по склонам, мыслями маг возвращался в тот миг; легко вдруг становилось от пережитого зрелища. Анариэлю многое в атрандцах было непонятно, там кипели кровопролитные войны, рождалась жизнь, вскоре становившаяся такой же холодной и жаждущей чужих потерь. До погребений Ислюфорда было рукой подать. Уже совсем близко виднелась пещера, заросшая травой и кустарниками с тех времен, когда легенды об Ислюфорде передавали из уст в уста, однако никто не переступал порог его покоя. Кровопийце, искусному обманщику удавалось провернуть удачные забавы, вертя на пальце судьбу невинных жителей недалекого городка. Ходило среди пожилых многоговоров, пугающих рассказов, что дошли они и до совсем маленьких детей. И тогда все стали плотно затворять ставни, очищать свою душу от греха и подолгу не покидать дома. Одни полагали, что Ислюфорда нет и никогда не было, что успокаивало и стирало суеверность. Но, как же так оказалось, что последний осколок запрятан именно в покоях настоящего монстра?

Еще в стародавние времена, магический рубин был символом могущества и единства всех магов. Даже чернокнижники примкнули к этой идее, несмотря на вольность и свое презрение высших магов. Тогда и люди поживали спокойно, войны случались лишь по политическим раздорам, да и помочь страннику каждый был готов, не глядя на способности. Гроунстен тогда был отчужденным ото всех островом, на каком были свои порядки, да и за границы маги не лезли; впрочем, и в других землях существовали колдуны, вот только проскользнул один скандал и разлетелся он по всем империям. Тема личная, но знатные люди, решившие, что честь их оскорбили и опозорили на века, вместо того, чтобы молчать, всунулись в дела императора, и тот вывел приказ о том, чтобы уничтожить всех чернокнижников в пределах империи. Конфликт стремительно перелетал из уст в уста и постепенно дошел и до других стран. Дело людей этих было до того глупое, до того наивность провела их до суеверности, что умереть они хотели больше, чем убивать других. Гадание и привороты (позже, как выяснилось, обращалась к ним и сама жаловавшаяся дама) вскоре были смертно наказуемы. Но о тайне ее подолгу не узнавали, пока случайно не засекали у нее гадальные карты и заклинания. Маги даже думали, что не маг она вовсе, и проклятья, гадания ее были напрасны, ибо предсказывали все наоборот. Созналась она и в этом, что карты предвещали ей долгую, яркую жизнь, а спустя два дня ее повесили. После этой смерти и в высшем обществе начинались споры подолгу, а самым распространенным мнением было: «А, впрочем, госпожа Линда соврала нам и разожгла мировой конфликт, оказавшись предательницей... Не значит ли это, что не стоит убивать неповинных магов?»

Быстро история всеми забылась. Ее затмили новые лже-слухи о смертоносной силе магов и о вещи, благодаря которой вся эта нечисть могущественна и непобедима. Неужели предатели завелись и в их круге? Если это было и так, то нужно совсем закрыться ото всех на острове и ставить магический барьер. Много кораблей плыло, врезаясь об эту преграду, бомбы летели каждый час, стреляли их пушек, все перепробовали, да не помогало ничего. Проходили года, и вот как пятый пошел, а барьер все стоит и стоит. Наконец показалось, что люди смирились, и кораблей их подолгу на горизонте не было. Высшие маги, конечно, не глупые, и вышли на связь с чернокнижниками. Спрашивали у них, мол, где это люди и почему больше не нападают на них? «Да сами не знаем, — отвечали они, — мы из норы своей не вылезаем. Кто-то, как заперся в лачужках своих, так и свет больше не видывал! Но отступили они, ненавистники, по своим домам. Готовы поклясться, что на землю вашу не ступят и вреда не причинят. А вы, лучше бы нас приютили где-нибудь. Друзья все-таки!

Припомните об этом и не забывайте!»

Поверили им маги и помчались на помощь, убирая барьер. Добровольцев нигде не было, потому и пришлось насильно заставлять колдунов плыть по морскому течению, пока не настигнут берега и не заберут с собой своих «друзей». И вот какая напасть вышла! Слепо доверившись, они вдруг получили сильный урон. Вновь показались воины, вскоре прозванные охотниками. И навсегда маги разорвали с чернокнижниками свои связи, от лжи избавились.

Историю о предательстве необходимо было рассказать, иначе Ислюфорд остался бы загадочным лицом для читателей.

С тех пор, как охотники разгромили Гроунстен, отбивая сопротивление магов, чернокнижники расселились у подножья гор, в густых лесах, куда путь был опасен и сложен. Узнав о магическом рубине, главари поселений желали завладеть им, восполнив свои силы и наконец овладеть островом. Все-таки Гроунстен они прозвали своим домом, и прогоняли магов, считая их за отступников. Охотники не доходили до них, что уж говорить, если и не знали они вовсе о чернокнижниках. Вся нечисть для людей едина. Однажды собрались они все вместе, и провозгласил главарь — хилый старик: «Отвозитесь хоть кто-нибудь, кто готов погибнуть за наш род, за наше умение и честь!» Гам разнесся по всей округе. Старухи недовольно тыкали в перешептывающихся девок палками, ругаясь и показывая кулаки. Главарь грозно оглядел свой народ, нагоняя стыд на молчавших удальцов. Вдруг все замолчали в робком ожидании: из толпы показался мальчик, поднявший руку. Лица его никто не видел, черная мантия скрывала наружность. Девушка поблизости вздрогнула, быстро дергая плечо рядом стоящей колдуньи, пальцем указывая на него: «Вот же, что творит! Ты посмотри на него — вызвался, храбрец!» — съязвила она и захохотала, опираясь на плечо подруги. Позади него доносился сдержанный смех, и все вновь переговаривались. Уставившись в землю, мальчик медленно протеснялся среди людей и, когда, наконец, подошел к самому возвышению, поднял затуманенный взгляд на главаря.

— Ты! — воскликнул старик, ударяя об пол тростью. — Нам нужны здоровые воины. Что ты, сухой-худой, сделать-то можешь?

Все вокруг разразились смехом. Казалось, что даже деревья, склоняя свои ветви, тихо хохочут: каждый цветочек осмеивает и стыдит юношу. Осуждающие лица смотрели на него с насмешкой, колко язвив. Обернувшись и объяв всех своим взором так хладнокровно и сдержанно, поджимал губы, что вызвало новую волну шума и крика.

— Довольно смеху, неумехи! Он достоин уважения только потому, что вызвался постоять за род наш! А вы-то, комедию раскрутили. Вон сильные маги стоят без делу, да и помрут так, от несчастья. А ты, — обратился он снова к мальчишке, — вставай сюда, быстрее.

Пригласительным жестом старик указал на возвышение. Уверенно шагнув, юноша, вопреки всем насмешкам и возгласам, гордо оглядел народ, пожимая сильную руку главаря.

— Покажи себя! Пусть народ знает своего победителя!

— Или неудачника! — выкрикнул кто-то из толпы.

И тут черная мантия спала на плечи. Белые глаза пялились в замерших людей, усмехаясь. Юноша показал свое лицо, исцарапанное и умытое в грязной крови. Большой щрам рассекал левую щеку, на губах затянулись кровавые порезы.

— Имя? — спросил главарь.

— Ислюфорд, — тихо проговорил он, но слово в этой замирающей тишине долетело до

каждого.

— Кто же его так растерзал?.. — доносился женский голос среди магов.

— Да не видно что ли, что за себя постоять не может? — пожал плечами мужчина, оглядывая его с головы до ног. — Его только магия спасет. Хотя мы, чернокнижники, не можем использовать магическую защиту... А может и повезет!

Вскоре вышли еще два парнишки. Высокие, мускулистые, Ислюфорда напротив — будто из пасти дикаря достали. Они гордо стояли перед народом, искоса смотря на низенького юношу. Крепко пожав руку главарю и разом поклонившись, воины громко и твердо провозгласили свои времена. Народ молчал, и вся природа не смела шелохнуться. По лицу Ислюфорда было не ясно, что он чувствовал. Мрачно он уставился на главаря, кивая головой его речи, и первым же рванулся с места, когда собрание подошло к концу. Никто так и не видел его. В деревне не появлялся, никого не знал, чести не имел: стерся с глаз чернокнижников. Поговаривали, что засекли Ислюфорда за встречей с главарем. Духом упавший, как представляли себе девушки, идущие мимо него, он от безысходности шел к хижине старика. Разговора не подслушали, испугались труженицы. Вот только совсем исчез он из деревни, и никто не видел, в какие земли держит путь, как снарядился, да и с речью не выступил. От старика-то толку нет что-то разъяснить — все молчит, нахмутив брови. Подолгу запрячется в своей коморке, будто выжидает чуда, да выйдет, ослепленный белым светом.

Ислюфорд скитался по местам непристойным, нищенским; и опьяненных жертв была куча, что и покидать такие округа не хотелось. Свидетелей подозрительных убийств не оставалось. Однако одна девочка, позже пропавшая без вести, видела огромное, мохнатое существо, пожирающее плоть молодой женщины. Кровь текла по острым клыкам, терзая куски свежего мяса в пасти. На лице жертвы застыл смертельный ужас. Девочка, взвизгнув от страха, поскорее побежала домой. Тяжело дыша, она вытягивала ладони вперед, защищаясь от летевшего в глаза песка.

И вот, она сильно застучала по двери, крича и плача. Малышка молилась, несчастно выкрикивая имя матери, оглядываясь назад все чаще и чаще. Коленки тряслись, голову словно раскололи на две части. Наконец-то, щеколда! Она забежала внутрь, бросаясь на колени подле матери. Слезы текли ручьем, скатываясь за беленький воротничок. Ручки дотянулись до ног матери и, обвив их, девочка прижималась к родному теплу, вздрагивая от ужаса. Вновь она сморщилась, зажмурилась; из глаз брызнули слезы, и заревела она горько, задыхаясь и стыдясь своих безутешных слез.

Глаза матери потемнели, рот приоткрылся, и с испугом она смотрела на доченьку свою, пораженную кошмаром.

— Ты что? Что с тобой? Лейся, не молчи! — выдавила она из себя, упав на колени.

— Там... та-ам... чудовище! — задергала она худыми плечами, бросаясь в ее объятья. — Оно...это ужасно! Давай убеж-жим... ты хотела... от папы.

— Куда нам бежать, деточка моя, а? Скажи. Скажи все, что видела!

— Оно... съело нашу соседку... беременную, — пролепетала девочка, всхлипывая, и снова перед глазами пронесся ее истерзанное, вывороченное тело наизнанку. — Там был ребеночек ее...

Животное это не мог никто поймать. Да и спустя несколько минут на месте преступления и следа его не было. Только шерсть оставалась, однако ничего хорошего не выходило. Настоящий хаос разносился по городкам, пожирающий жизни людей. В

человеческом облики своем Ислюфорд появлялся лишь изредка. С тех времен тайны убийств доподлинно не раскрыты, да и вскоре закрылось это мистическое дело. Однако, поблизости уединенных мест все еще находили только обглоданные кости, увязшие в луже грязной крови. Всех привело в ступор скорое известие о том, что в башне Гроунстена внезапно пропал последний осколок рубина. Маги поскорее покидали родные края, а жрецы брали с собой по осколку, надеясь воссоединить его и восполнить силу. Но чудное дело! Осколок оказался в лохматых руках чудовища. Перед людьми мелькали лишь факты, а не картинки, и, чтобы нарисовать ужаснейшую историю на бумаге, они завершили ее неожиданным и таинственным концом. Как говорится в исторических хрониках, Ислюфорд давно уже покоится в пещере, раненный охотниками. И вход этот замурован камнями, чтобы утаить дух монстра.

Осколок, по сказаниям, все еще лежит в его погребениях. И до сих пор не ясно народу, связаны ли убийства с магами. С чернокнижниками. Вдруг это их проделки, стремления отомстить охотникам? Но все же, Ислюфорд был самостоятельным существом.

Придя на место, Анариэль обнаружил нечто, противоречащее легенде: проход в пещеру был сломлен, на земле лежали мелкие камни, расколотые и расщепленные. Из пещеры веяло холодом и трупным смрадом. Он робко подходил к камням, и вдруг на руке его вспыхнуло красное пламя. Непроглядная темнота озарилась отблесками света. Идти дальше не хватало духа. Задерживая дыхание от резкого запаха гнили, в углу он заметил притаившееся животное, съёжившееся и до тошноты истерзанное. Сердце забилося от страха. Тело лишь начинало разлагаться, хотя Ислюфорд был заточен и убит много лет назад. Что же это? Анариэля очень удивляла и до дрожи беспокоила такая деталь. Но, вопреки всему страху и сомнениям, нужно немедленно отыскать осколок рубина! Подойдя к левому краю, он уловил мгновенное сияние. Огонек мелькнул так скоро, будто бы показывая на себя.

Мысли до того были запутаны, а ужас леденящим, что стало казаться ему, что шерсть монстра зашевелилась. Тихо ступая, Анариэль не сводил глаз с мертвеца и, схватив теплый осколок с земли, быстро рванул наружу. И вот перед глазами всплыло невероятное: чудовище вдруг просыпается, встает, оттряхивая грязь с черной шерсти, принюхивается и, оборотившись, мертвым взглядом вперяется в Анариэля. Эти белые, будто бы слепые глаза поедают силы, заставляют застыть на месте. Только на смерть можно, верно, надеяться! К счастью, все это было не больше, чем опасения в фантазии его. Переступив порог, он в бегу оглянулся и скрылся за холмами в то же мгновение. Адреналин гонялся по венам с неведомой скоростью, насыщая мужчину приятным и колким чувством. Пусть и мертв Ислюфорд, но хотелось сразиться, поиграть в рисковую игру и, наконец, вонзить меч в глотку зверя! Чуть было остановившись, он озарился мыслью: «Что же это я камнями не замуровал? Да ну, все равно мертв, так еще и не первый день. Прескверно, что не со мной ему пришло тягаться!»

Осколок был в его руках, переливаясь в лунном свете изумрудным цветом. Тоненькая драгоценная вещь уместилась во внутреннем кармане плаща, прямо у сердца. Идти назад было легче — подгонял сопутствующий ветер. Ничто больше не тревожило, никакие мысли не лезли в голову. Упоенный решимостью и победой, мужчина не видел ничего, кроме длинной изогнутой тропы.

Атрандо к тому времени сгорел до тла. Ни души не было. «Неужели попрятались? — подумал Анариэль, нагло ухмыльнувшись. — Не смогли молодчики справиться с огоньком...» Упавшие стены и крыши стерлись в летающий пепел. Лес укрыл неприятный

горелый запах, вонзающий в легкие резкий и удушающий кол. Изредка из травы стрекотали кузнечики, разбавляя ночную тишину. Анариэль был словно околдован и шел, не осознавая, что идет. В его душе пела нежная мелодия, которая снова и снова повторяла: «Дом, милый дом... дом, милый дом». Рыдала и ликовала: «Наскучило нам стеснение твое... Ну же, отпусти нас на волю скорей! О, милый дом...»

Только оказавшись в знакомых краях, испытывая такую муку, подпитываемую мыслью, что нужно спускаться в этот мрак и попрощаться с таинственной луной, лишили его прежних чувств. Тоскливо и одиноко Анариэль ощущал себя без природы, без шума ветра, без стрекотания кузнечиков, без всяких горных красот... все было утеряно. Спустившись со склона, нащупал ладонью нужный камень, и открылся ему проход в тоннель.

Здесь всегда было тихо, несмотря на то, что высшие маги собирались частенько в одной куче, но все равно в компании этой ощущалось одиночество. По возвращению его в большой зале никого не оставалось. Мужчина быстро помчался по коридору, надеясь встретиться с кем-то, в крайнем случае — постучаться к Афелисе. Неожиданно в дверном проеме он наткнулся на Элида, до жути спешившего и выглядевшего испуганным.

— Где госпожа Леотар? — без объяснений спросил Анариэль, чувствуя на себе сбившееся дыхание парня.

— Я... я не знаю, — ответил Элид, пытаясь говорить твердо.

— А Хакан? Кто-нибудь незнакомый тебе возвращался?

— Да не знаю я! Я вообще один среди всех, — раздражительно пробурчал он, вырываясь к проходу. — Дайте пройти. Неужели и пройти не дадите?

— Ради всевышних... — отступил Анариэль, любопытствуя, — ты чего так возбужден?

— Не стоит вам знать... — пошел мальчишка быстрым шагом, чуть не бежа.

Тут же дверь захлопнулась. Анариэль без раздумий последовал за ним, вот только, выйдя в зал, того уже не было. Делать нечего, да и, видимо, каждый уединился в своих покоях. Он, застопорившись на мгновение, насупился, размышляя идти или нет; все же медленно побрел к спальне Афелисы. За стеной ее комнаты раздавались громкие возгласы: слышен был лишь мальчишеский звонкий голос, и стоило ему замолчать на секунду, еле доносилось до мужчины и бормотание Афелисы. Дверь была приоткрыта: неслышно ступив, он поднял руку, сжав в кулак, наблюдая из щели за происходящим. Виделась рыжая матушка Элида, затем и он весь показался, стоявший подле девушки. Афелиса сидела на кровати неподвижно, будто спросонья; лениво положила она щеку на локоть, лежащий на высокой тумбе. Унылый взгляд смотрел в пол, но вдруг зрачки расширились, медленно глядя на неловко заскрипевшую дверь. Анариэль тут же постучал, стыдливо улыбаясь, и легко поклонился.

— Анариэль! — вдруг воскликнула она, внезапно вздрогнув и попятившись. — Вернулся ты...

— Я, надеюсь, не прервал ваш разговор? — вошел он окончательно, закрывая за спиной дверь.

— Прервал! — недовольно высказал Элид, складывая руки на груди. — Всю мысль разорвал, — внезапно содрогнулся, опомнившись, и почтительно улыбнулся. — Извините меня... хм, да... Получилось так случайно. Но я не виноват!

Афелиса все еще смотрела на него так пристально, словно не верила глазам своим. Быстро вострепнувшись, девушка слезла с кровати, вскочив на ноги. Лицо ее выглядело рассеянным и мутным, поджимала маг неловко губы, будто было что сказать, но от

неожиданного появления неуверенно пролепетала:

— Как ты? Вижу, что живой, — ухмыльнулась Афелиса, подходя ближе. — А ты быстро... Предполагала, что сутки будешь бродить.

— Неужели ты так не уверена во мне?

— Дело не в этом, — спокойно ответила она. — Путь к погребениям Ислюфорда заставит каждого не чувствовать земли под собой. Но, — оборвав, она вздернула уголки губ, — ты воин натренированный, умелый. И как с атрандцами? Разделал их?

— Их повергла своя же невнимательность. Кто-то, видимо, разжёл костер и забыл потушить.

— И что же, теперь все сгорело? — вмешался Элид, все еще чувствуя принижение.

— Все сгорело.

— Ну и хорошо, что я сбежал оттуда! А то бы совсем ничего хорошего не было. А люди горели...?

— Этого я не видел. Может и горели.

Спустя мгновение молчания, он сунул руку в карман и достал осколок. Тут же Афелиса поглядела на него с удивлением, хотя знала, что Анариэль не столкнется с неудачей. Рука его дрожала толи от волнения, толи от такого неотрывного девичьего взгляда.

— Расскажи мне все, — вдруг сказала она с облегчением, — мне нужно знать, правдиво ли все то, что говорили.

— Пещера не была замурована. Да и животное, видимо Ислюфорд, выглядело, будто утром убитое.

— Ислюфорд! — вскрикнул Элид, порываясь вперед. — Неужели тот самый? Точно, других же нет. Но это невозможно. Вы могли бы не вернуться... хоть и погиб он давно!

Имя чудовища особенно взбудрило его и, толкнув плечом Афелису, мальчик волнительно посмотрел на осколок, сбивчиво дыша. Отступив в сторону, маг прикусила щеку, сложив руки на груди.

— И этот рубин... то есть, осколок! Я помню, как такой монстр напал и на мою родину, сколько визгу было! Но мы отогнали его. Я, честно, интересовался этими историями и своими глазами видел это существо. Такое мохнатое, темное... ночью, хоть глаз выколи, не увидишь!

Он хотел продолжить, но каково было его изумление, когда вдруг встала между ними Афелиса и с гневом в глазах, в каких читался упрек и угроза, грозно выкрикнула:

— Не смей! Мы потеряем много времени. Сейчас нужно идти к Леотар и срочно сообщить ей о последнем элементе.

Легко кивнув Анариэлю и поспешив к двери, она лишь обернулась, раздраженно смотря на юношу.

— Нужно идти, — спокойным, привычным своим голосом проговорила девушка.

Ничего подобного этому Элид от нее не мог представить и сам вскочил с места, вдруг догадавшись, что случилось нечто серьезное и никакого дела до потех нет. Хоть в ней и чувствовался лидерский дух, однако монотонного своего голоса она не повышала. Страдальчески парнишка пошел к порогу, подгоняемый всеми, и дверь за ним резко захлопнулась. Маг быстро вышла из-под его спины, быстрым шагом идя по коридору. Анариэль, не взглянув в его сторону, вышел вслед за нею. С полминуты Элид и впрямь не знал, что делать. Его оставили одного, в рассеянной пустоте, даже не давая времени, чтобы объясниться. Хотя и понимал он четко, что нудные его восклицания погружают ее в скуку и

хочется поскорее остаться наедине со своими кошмарами.

— Да неужто оставили они меня, позабыли обо мне? — обидчиво думал он. — Теперь опять к Илекс идти. А впрочем... мне есть, что рассказать! Она удивится и, если повезет, так тихонько последуем за ними. Не можем же мы быть в неведении!

Все же, остался он один. Сначала было странно осознавать, потом неприятно, а после и ясно увидел Элид, что виноват. На этот раз, входя, он как-то странно осмотрелся: что-то особенно пронизательное и осторожное было в его взгляде, мальчишка хотел что-то угадать по ее физиономии. Только вот Илекс, потупив голову, сидела спиной к двери, теребя какую-то вещьцу в руках. Услышав, что дверь отворилась, она быстро спрятала шкатулку за платьем, и большие голубенькие глаза ее уставились на Элида. Мигом он уже успокоился, и самоуверенная улыбка сияла на губах: та самая наглая и насмешливая, которая была невыразимо гадка для Илекс. Нахмутив брови, девочка отвернулась, боясь пошевелиться.

Элид знал давно, что такими выходками очень мучил ее. Но все-таки, совладать с собой не мог, да и забавлялся Элид, когда видел обидчиво надутые щечки и мрачный взгляд, который отчужденно она отводила. Кажется, Илекс даже не удивилась его приходу.

— Сейчас, — сказал ей Элид, не поздоровавшись, и с той же самой ненавистной ухмылкой подошёл, — я видел одну интересную вещь. Но ты, как всегда, унылая мина, не послушаешь меня, хоть и дело занятное! Сидишь тут в четырех стенах, и не пойму, как ты не померла еще? Мне вот хочется поскорей на природу, свежим воздухом подышать, сходить на концерт... Помнишь, как мы видели однажды? Ну... танцоров там и певцов. Вот, как жить нужно!

Илекс промолчала, громко выдохнув. Это, кажется, выходило уже из границ, и главное — снова при Элиде! Он, как ураган, разрушающий покой и тишину, и не избавиться от него никак! Юноша хитро и гадко, резко потрепал ее за плечи, рассмеявшись, и вмиг отскочил в сторону. Илекс вновь отвернулась от этого глупца, скрипя зубами.

— Да я же вижу, что разозлилась. Чего ты скрываешь? Забудь уже о наставлениях Милады, поучениях о том, что ты непременно должна быть скромненькой и тихенькой. Все наоборот быть должно! Я тебе это как близкий друг говорю. Кстати, а я-то у тебя главный человек? — спросил он, весело показывая сам на себя пальце. — Я, я! И никто другой... или другая.

— Что тебе нужно? — медленно спросила девочка, не смотря на него. — Ты ведешь себя слишком развязно. Раньше такого не было.

— Потому что я наконец обрел свободу! — радостно вскричал он, падая звездочкой на кровать. — О! — раскрыл рот в удивлении, указывая на деревянную штуку. — Это у тебя что?

— То, о чем тебе не следует знать!

Илекс до того вся вспыхнула, что никогда ранее не видал парнишка такого стыда на лице девичьем. Всю ее передернуло. Схватила в руки музыкальную шкатулку, пряча ее за собой, и пихнула в открытый ящик.

— Ничего нет, — отрезала, вся покраснев.

— Что это за шкатулка? — пытался заглянуть тот в ящик, опираясь на локти. — Почему ты прячешь, а?

— Потому что тебе будет неинтересно. Вот сейчас ты хочешь увидеть, и я знаю, чем это кончится.

Она внезапно закрыла его, усевшись в полуобороте. Элид приблизился к подруге,

положив руку на плечо. Вдруг Илекс вздрогнула, и волна смеха вырвалась из ее губ. Закрыв глаза, девочка непрерывно закатывалась смехом, сжимаясь и вырываясь из щекочущих рук Элида. Личико ее на мгновение озарилось весельем, вопреки умоляющим просьбам остановиться, и, под приливом всех забав, она и не заметила, как попала в его крепкие объятия.

— Ну все! Все! Перестань, — кричала Илекс, отмахиваясь и поджимая голову к шее, но пальцы Элида все же проскальзывали к затылку, и, резко закрыв рот ладонью, она всеми силами сдерживала смех.

— Я перестану, если ты пообещаешь, что пойдешь со мной! — сказал он, и тут же пальцы его пробежали по плечам и ключицам.

— К-куда? — еле выдавила из себя Илекс, дрыгая ногами.

— А ты меня слушать не хотела. И теперь, кажется, умрешь от щекотки.

— Не надо! — испуганно выкрикнула она, отбившись от его хватки, и попятилась назад. — Не хочу умирать сейчас, — пусть и теперь избавилась от пытки, но все же на губах девичьих появлялась по-детски забавная улыбка. — Лучше скажи, что случилось?

— Ну... — протянул он, раздумывая. — Много чего. Когда я пошел к Афелисе... хотя нет. Сначала я застал этого Анариэля в коридоре, и подумал: «Зачем ему я понадобился? Наверно, просто не знает, где мы все расположились». Я уж было хотел оттолкнуть, но это же высший маг. К тому же, он обещал обучить меня всяким приемам в борьбе. Ну, никак не мог я показать свою злобу. И побежал к Афелисе. И минуты не прошло, как он же и появляется у двери!

— И что? — изогнула девочка брови.

— И то, что он был в погребении Ислюфорда! Я сам сначала не поверил, а потом, как увидел осколок магического рубина в его руках, так сразу. Теперь он с Афелисой пошел искать остальных. Я подозреваю, что будет то еще зрелище!

— А нам можно посмотреть?

— А почему нельзя? Пойдем уже. Ничего секретного там нет. Даже если бы и было, то они бы не разрешили мне идти за ними, да и предупредили бы.

— И как же он вернулся живым?.. — озадаченно спрашивала Илекс так тихо, что казалось, будто это были всего лишь мысли вслух.

Элид поднялся с кровати и пошел к двери за подругой. По коридору шли тихо, оглядываясь друг на друга. Илекс поднесла палец к губам и показала на магов в зале. Собрались абсолютно все, замолчав и слушая речь Анариэля. И Хакан, стоящая рядом с Леотар, вся напряглась, да и невозможно угадать, о чем тогда раздумывала старушка. Свет падал на очки, закрывая глаза. Она только кивала и, раскрыв было рот и откашлявшись, произнесла:

— Нужно созвать совет. Немедленно нужно, чтобы жрецы со всех земель с осколками собрались здесь; тогда начнется воссоединение.

— Сложное дело, — задумчиво проговорила Леотар. — Не так уж просто устроить, чтобы все добрались сюда невредимыми.

— Другого выхода нет, — заключила Афелиса, выходя вперед. — Все хотят мира над головой. Так почему бы не попробовать? Наверняка найдутся кроме нас те, кто преодолеют путь так же, как и мы. У них нет выбора!

— Это верно. Пусть ты, — указала она тростью на Анариэля, — свяжешься со всеми жрецами, у кого есть осколки.

— Слышишь? — прошептал девочке на ухо Элид. — Скоро мы будем на полной свободе.

— Но у моей матери есть осколок рубина... Так ли это, что они тоже явятся? — еле слышно пробубнила она, отступая в тень. — Не будь таким заметным, — Илекс дёрнула его за рукав, потянув к себе. Оступившись, юноша чуть было не упал, но, к счастью, она поймала и ухватила его за грудь обеими руками.

— Посмотри, — вздернула она вдруг голову, указывая на расписную дверь.

Все вдруг устремили взгляды на трех людей. Заперев двери, они разом поклонились, вскоре слившись с магами, пожимая друг другу руки. Последовали возгласы и приветствия. Две высоких женщины, чьи лица скрывали серые мантии с алыми вставками, переглянулись, и одна из них громко проговорила:

— Наконец-то мы все с вами!

Безумная дрожь пробежала по телу девочки. Раскрыв губки, она пристально смотрела, как женщина снимает капюшон, и — о, странное дело, — мысли путаются в голове, что становится невыносимо сложно разделять их от действительности и навязчивых доводов.

— Мама... — всхлипнула Илекс вдруг, бросая Элида, и убегая по коридору в комнату.

Он, прислонившись к стене, проводил ее непонятливым взглядом, но стоило повернуть голову, как все внимание высших магов вдруг обернулось к нему.

18. Вечерняя прогулка

Прошло немало времени с тех пор, как Розалинду затянуло в непроглядный людской омут. Чудаковатый мужчина сувал ей под нос леденец, соблазняя конфетами, от которых она лишь морщила нос и отрешенно убегала на большую дорогу. Карет и тележек здесь не было: только бесконечный поток нищих, обездоленных людей. Все шли мимо, пустым взглядом смотря вдаль, словно зачарованные. Женщины под руку вели своих босоногих малюток, ругая и резко дергая худенькие ручки, стоило любопытным глазкам заглядеться на бедного музыканта и пальчиком указать на гармошку. Повсюду стояла копоть пыли и грязи. Заиграла медленная, ласковая мелодия, а после послышался и голос, припевавший грустную балладу о любви. Розалинда замерла у самой стены, трепетно смотря на тощего инвалида, сидящего в темном углу, но музыка его разлеталась по всей округе. Красная шапка его спускалась на густые седые брови; старик будто бы утопал в большой рубахе, напевая себе под нос славную песню на непонятном языке.

«Иностранец, — подумала Розалинда, жадно вцепившись в ручку сумки, накинутой на плечо. — Наверное, бедняга попал сюда много лет назад... И какая у них всех разная, но схожая история...»

Поймав его взгляд, девочка вздрогнула, покраснелась и вмиг сунула руку в карман. Подойдя ближе, тотчас же остановилась, отыскала во всяких карманах две монетки и с жалостливым видом молча протянула свое благословение.

Музыка умолкла. Старик, раскрыв рот, удивленно уставился на нее, тыкая пальцем в грудь, будто не в силах выразить мысли свои. Розалинда наклонилась и, улыбнувшись, сунула в его сухие руки деньги, умоляюще приговаривая:

— Держи, несчастный, ради всевышних, возьми монетки золотые!

Сглотнув, тот сжал их в руках, все еще не осознавая, что в нищенском кошмаре его, наконец, воспламенился маленький, но до жути приятный огонек света. Спустя мгновение на смуглом лице расплылась улыбка — радость, какая подолгу не спускалась к нему, а теперь пришла внезапно, преподнося свои прелести и надежды на корку хлеба.

— Ох, дитятко! Не стоило мне, умирающему... Ну что ж ты творишь со стариком, а? — бормотал он, с упоением разглядывая золото. — Я ж такого давно не видел. У меня серебряные только, — дрожащими руками он достал три монеты, преподнося к ней. — Да и как на такое ужиться можно? Да и черт с ним, — хрипло воскликнул он, причесывая пальцами бороду.

— Вы красиво поете и играете, — сказала Розалинда. — Вы уличный музыкант.

— Эх, да какой музыкант? — вскричал он вдруг, махнув на девочку рукой, чтоб она и слова такого не выронила. — Душу свою музыкой исцеляю... жизнь — музыка! А ты здесь, молодая, не задерживайся. Тут всякие ходят... да такие, что убить могут! Беги скорее.

— Берегите себя и играйте чаще, — попрощалась Розалинда, уходя, и напоследок, ступив на большую дорогу, помахала улыбавшемуся старику; и растворилась она среди городской гнили, продолжая сверкать в старческих воспоминаниях, как маленький цветочек, до самой кончины.

На душе ее было смутно, а целого не было. Все как-то мелькало без связи и очереди, а хотелось ей не останавливаться и поскорее вырваться из удушающих лап пыльного чудовища, захватившем городок. Даже раздумья о трактире ушли на второй план. Все более

тревожило Розалинду свое положение, что вот уже и не дома она, сумочка с собой, разорвала она все свои догадки о скорейшем замужестве и гордо стоит на пороге нового, светлого и полюбившегося ей будущего. До сих пор все намерения были будто бы забавной шуткой, сладостной и греющей душу фантазией; только теперь все закружилось так внезапно, неприметно, и вот мечты ее перешли все границы возможного. Эта идея бодрила ее, как бы грязно и мутно не было от пережитого на душе ее, забавляла и порывала ко многим шалостям. Однако, начиналось со страху: Розалинда боялась давно, с давешних недель, что все разом развалится, не успев и построиться. Эти люди пугают, но среди них ощущается свобода и вольность. Встречались ей и до того разгневанные лица, что и взгляд вскинуть страшно.словно дикий зверь, скалящий зубы. Поднимаясь по холму, девочка мельком оглядывалась, беспокоясь за свои вещи. Сколько жадных рук топорило с каждого угла, хватая все, что попадется! За ней шла пухленькая женщина, устремил взгляд в землю, чтоб не споткнуться об камни и не нажиться на разбитое стекло. Розалинда прибавила шагу, обеими руками схватившись за сумку. До чего может сокрушить бедность даже чистые и благородные сердца! Женщина показала ей до того унылой, что в измученных чертах лица ее чувствовалось желание украсть, отобрать, сделать все на благо своего обездоленного существования.

Перешагивая через ступени, она, поднявшись по склону, оказалась в бедненьком квартале. Серые ветхие дома склонялись друг к другу, прогнившие доски на крышах проваливались на чердак, над головой висела перетянутая веревка с мокрым бельем, протянувшимся на всю улицу. Из домов вываливалась гурьба полунагих детишек, кричащих и бегущих друг от друга. Один, засмотревшись на Розалинду, удивленно хлопал ресницами, указывая братьям и сестрам своим на чужого человека. Приметив такое внимание, девочка тут же умчалась в сторону проезжей дороги, под порывом мысли, что в покое ее не оставят, не выманив упорством деньги.

Все же, трактирчик она нашла. Резвились там опьяненные мужики-рабочие, заигрывая с молодой официанткой, на чьих щеках порой вспыхивало негодование и злость. Как только приносила она еду на подносе, тут же чувствовала на плече своем сильную, широкую ладонь, и, любезно требуя прекратить распутство, отчужденно вырывалась и уходила под сопровождение смеха и выкриков.

— Так прямо и дала? — недоумевающе спросил один другого, харкая на пол.

— А что же не дать? Это ты, урод чертов, тебя все избегают. И помрешь ты с этой бабкой черномазой! — насмешливо выкрикнул мужчина, покуривая папироску.

— А ты язык не распускай свой! Гнида этакая...

— Только ты здесь такой олух безбабный, вишь ли, — обратился он к товарищу, показывая на тощего мужчину. — Еще и хвастается, что холостой! Да ты нормальных не видел. Знаю я, где молоденькие водятся...

Отвращение подступало к горлу, мучая и удушая. Смотря на эти пьяные, уродливые лица, хотелось лишь поскорей уйти, не попадая под прицел горящих взглядов. Они вновь засмеялись всей гурьбой, толкая друг друга в плечи. В первые секунды, как Розалинда замерла у порога трактира, опасливо спускаясь по скрипящим ступеням, она, обойдя их, упряталась, как можно дальше, садясь за круглый столик в темном углу. Поджав под себя ноги, девочка нервно покусывала губу, оглядываясь: желтый свет исходил от висящей лампы, отбросив тусклый светлый круг по центру. На потертых стенах отражались тени завсегдатаев — тех самых рабочих, устраивающих перепалки, однако все это делалось для

веселья. Помимо них, смиренно склонив голову, в кресле развалился дремлющий старик, и на вздымающейся груди его лежала раскрытая газета. Столик пустовал: видимо, он пришел, как и следовало многим лишившимся жилья беднякам, греться в таких захудалых местах. Содержатели, чаще всего разбогатевшие крестьяне, не выгоняли и даже не обращали никакого внимания, как и люди, забежавшие за выпивкой. Если харчевня не была приютом нищих, то странное, очень странное дело! Тогда, полагать нужно, что содержатели неблагосклонных нравов и кушанье подают за золотые монетки. Неприемлемо! Оттого и владельцы жалеют всех завсегдатаев и, когда разгорается буйство и нешуточная ссора, то за шкуру выбрасывают за дверь буйнов, попутно бросая им вслед кушанье недоеденное.

Все те восклицания и разговоры их были непонятны. Один мужик толкнул взбодрившегося товарища, мерзко улыбаясь и показывая на Розалинду, ехидно что-то шепча и бессознательно перебирая грязными, жирными пальцами. Потом снова и снова, и показалось ей, что на болтливых языках вертелось пошлое обсуждение ее вида. Стыдясь вздернуть взгляда, Розалинда оперлась щекой о ладонь, мотая ногами, и старалась избежать всех тех развратных откровенностей, сыплющихся бесконечным потоком из их обмазанных мясом губ. Наконец-то появилась девушка приятной наружности: низенькая, с покрасневшими щеками, большими голубыми глазами, в которых душа ее вторила об унынии и недовольстве.

— Чего желаете? — ласковым голосом спросила она, заправляя прядь волос за ухо.

Ее прекрасное, открытое и добродушно-наивное лицо с первого взгляда привлекло к ней девичье сердце. Пусть и в этих прогнивших стенах царил настоящий хаос, она казалась Розалинде единственным нетронутым существом всякого разврата и пьянства. Заикавшись, девочка кое-как внятно смогла объяснить свою просьбу, от того, видимо, что очаровательность официантки поразила и полюбилась ей. Спустя некоторое время, принеся на подносе паштет и чашку чая, та вдруг наклонилась, говоря на ухо:

— Вам лучше поскорей уходить отсюда, — взглядом она показала на постояльцев, — в такое время они буйствуют.

— Мне некуда уходить, — пожалала она плечами.

— Я думала, что Вы девушка из знатных семей, — улыбнувшись, она хихикнула. — Небось украли.

Розалинду поразила эта немыслимая фраза, и тут же спрашивала она себя: «Как официантка могла подумать о воровстве и сказать об этом так спокойно и непринужденно?» Как оказалось, воровство в таких кварталах дело обыденное, и порой прохожий, если уж и заметит, как жадно тянутся руки разбойника к кошельку или дамской сумочке, промолчит и безразлично пойдет своей дорогой. Она уж было обиделась, что кто-то обвинил ее, боявшуюся и содрогавшуюся что-то стащить.

— Нет! Я никогда ничего не крада, — сказала она, поджав губы.

— Извините, я ошиблась...

Девушка неловким взглядом посмотрела на нее, еще раз извинившись; услышав, как окликнули ее имя, тут же бросилась к барной стойке. Это был содержатель: толстый, лысый мужчина, особо жестикулирующий при разговоре. Официантка склонила голову, кивая, и, когда тот скрылся за дверью запасного выхода, встала к раковине, намывая грязную посуду до блеска. Долго Розалинда не могла здесь задерживаться. По ясному небу солнце, заходящее за крыши домов, разбрасывало яркие краски, брызгая на облака, облачая их в сине-розовую вату. Постепенно вечерело. Люди на улице упрятались в своих квартирках,

зажигая свечи в окнах; бродячие собаки выли и сливались в целые стаи, обнюхивая каждого мимо проходящего. Трактир наполнялся народом. Отвратительные запахи парили над головами, резкий звон ложек и вилок отдавался болью в висках. Спустя мгновение Розалинда, доедая кушанье, обернулась на звон колокольчика. Тут же ввалились внутрь две пьяные женщины, придерживающие друг друга за плечи, и след за ними последовали и смех и топот. Взгляд полных страха глаз встретился с настоящим безумием. Поскорей хлебнув чая напоследок, она робко поднялась, поглядев на официантку прощальным взором, и, прижимаясь к стене, пошла к двери. Затаив дыхание, девчонка, несколько раз передернувшись от испуга, силой тела своего отворила дверь, бросаясь на улицу.

— Господи! — вырвался ужасный вопль из груди ее. Бессильно она упала на скамейку вдоль трактира, но через мгновение быстро поднялась, подгоняемая мыслью, что пьяницы всей гурьбой тотчас же выйдут наружу. Подправив складки платья, Розалинда нервно сглотнула и отчаянным взглядом хотела уловить, высмотреть какую-нибудь последнюю надежду вдали.

«А ведь за мной, наверное, идут поиски... — думалось ей. — Интересно, как сильно Дарья переживает и заметила ли мою пропажу? Если и ищет кто меня, то нужно держаться на окраине. Больше я туда ни за что не вернусь... Нет».

А все-таки ночь была приветливее дня!

Вышла она из нищих кварталов поздно, когда пробил уже седьмой час. Дорога ее шла по набережной, на которой сейчас и не встретишь живой души. Хоть и испуганная неизвестностью своего будущего, девочка шла и распевала ту песенку, что исполнял старичок на рынке. Эти непонятные слова приелись и слились с душой воедино. Когда радость неожиданно накрывала, Розалинда не могла сдержать веселье и непременно бормотала что-то очень тихо, как бывает у тех одиночек, каким невозможно с кем-то разделить свою радость. Вечер вдохновлял и мучил. Внутри нудило чувство опасности вместе с ощущением свободы и возможностей.

Прислонившись к перилам и облокотившись на решетку, она не отводила взгляда от мутной воды. Как хочется стать ближе к ней! Наверное, когда-нибудь это точно случится. Розалинда не шевельнулась, затаив дыхание с сильно забившимся сердцем. Не послышалось ли? Точно, звук чьих-то шагов раздавался все ближе и ближе! Вдруг остановившись, как вкопанная, девчонка посмотрела назад и заметила дрогнувшую фигуру в темноте: сердце сжалось, хотелось глухо зарыдать, но звук застыл в глотке. Сделав вид, что она вовсе никого не заметила, развернулась вполоборота, идя неспешно вдоль перил. Человека настолько поглотила темнота, что выглядел посреди двух домов он, словно привидение. Но шаги стали быстрее... Сердце трепетало, как у пойманной птички. Розалинда искоса поглядывала в сторону, взглядом никого не уловила. Кому она так вдруг стала нужна? Она шла торопливо и робко, будто бы спешила домой, отмахиваясь от предложений господина под руку довести ее до ворот. Внезапно тело ее расколола сильная дрожь. Послышался знакомый голос, такой знакомый, что хотелось сейчас же броситься, словно стрела во мрак, и раствориться с этих глаз.

Да, это был он. Покачнувшись, он выдохнул, положив ладонь на ее плечо. Как и прежде, милое, дружелюбное лицо глядело на нее, не говоря ни слова, словно выжидая момента, когда, наконец, Розалинда придет в себя от удивления. На лоб лезли рыжие кудрявые волосы, и, опираясь рукой о перила, слегка поклонился, подавая руку. Он сорвался тогда с места, завидев на набережной невесту свою, и полетел со всех ног, догоняя. Та шла быстро,

как ветер, но Филген, в конце концов, настиг и, кажется, был настолько счастлив, что и словами не передать.

— Я думал, Вы совсем убежите, прям не догнать Вас! Извините, что я так неожиданно...

— Вы тоже здесь, — она пожала руку, — но хорошо, что не кто другой.

— Это, конечно, не мое дело, но что Вы делаете здесь в поздний час? — спросил он, наклоняясь и смотря прямо в глаза. — Вас матушка не отпускает, а тут еще и вечер. Может, я могу проводить?

— Мне разрешили сегодня, — ответила Розалинда, достаивая того взглядом.

— А, так вот что, — он запнулся и рассеянно посмотрел вниз, в воду, не смея и мысль высказать.

— Вы тоже гуляете, счастливо...

— Подождите! Сейчас опасно прогуливаться одной. Я бы хотел пойти с Вами, я все равно не хотел рано возвращаться домой. Дайте мне руку, если хотите... — сказал он, нетерпеливо ожидая ответа.

Розалинда молча подала свою руку, дрожавшую от волнения и испуга. Он мельком взглянул на нее, премиленькая брюнетка тоже посмотрела на него украдкой, слегка покраснела и потупилась. В черном омуте ее глазах отражался свет луны, на губах сверкала легкая улыбка. Они плелись вдоль перил, так легко и непринужденно, словно давние друзья, встретившиеся когда-то под сиянием звезд.

— Я так счастлив, что смог встретить Вас, — говорил он в восторге. — Мне нравится ночь, и прогулка в такое время прекрасна. Но это странно, что Вас отпустили с дома... Много клеветы сейчас ходит вокруг Вас.

— Знаю, но меня редко кто в глаза видел. Только слышали. И никто не замечал меня на улицах.

— Так значит, Вы здесь уже давно, да?

— Да, — коротко ответила Розалинда, и по коже ее вмиг прошлись мурашки.

— Не одиноко ли? Я знаю, какие здесь люди кругом ходят... Только увидят кого, так сразу, к сожалению, и нападают.

— О, это конечно! Без этого никак, — насмешливо проронила девчонка. — Но никуда не деться. Ни назад, ни вперед...

— Вы сбежали? — резко спросил Филген, чего она не могла и ожидать. — Вы дрожите. Неужели холодно? Волнуетесь. Но по какому поводу? Все это так сказочно звучит. Ваша мать сама не выходит из дома, а Вас отпустила... Странно. Да разве Вы способны врать?

— Я не вру! — выкрикнула она, испугавшись. — Не вру! Меня отпустили, и я... скоро, совсем скоро вернусь.

— Как это вернетесь? Я сомневаюсь... Но не нужно так пугаться и вздрагивать, — успокаивающе говорил парень, что удавалось ему на славу, и голос его пленил окунуться в сон. — Я же просто предположил, а Вы так неожиданно... Но я не подозреваю ничего. И лезть в личное не хочу, а хочу только помочь. Мы познакомились только недавно, и я бы не стал помогать, если бы Вы не были мне приятны.

— Это хорошо, что не подозреваете, — тихо сказала она с беспокойством.

— И не могу. Мы не много прошли, а Вы успели столько испытать. Извините, что упоминаю, если Вам это неудобно.

— Меня и вправду не выпускали. И я боялась уж совсем разучиться говорить. Она

строгая и непохожа на себя, будто бы... Мне трудно это описать. А Вы хорошо знаете город?

— Откуда же? — улыбнулся он. — Мы недавно только заехали, я же говорил.

— Точно. Просто я невнимательна. Вы тогда были неразговорчивы, но сейчас очень интересны.

— Знаете, это взаимно! Я до жути боюсь незнакомых людей, особенно девушек. Как бы неловко не звучало, но это правда — и слова сказать не смогу! Отцу рано или поздно нужно было женить меня, так что ничего не изменилось бы. Честно говоря, Вы симпатичны мне, но, право, мне так стыдно об этом говорить... — он отвел взгляд в сторону, и на щеках выступил румянец, но, к счастью, темнота скрывала это.

— Не стыдитесь уж. Все хорошо, и я даже рада. Вы хороши и дружелюбны. Я знала одного человека, который только и умел сорить комплиментами. Иногда это было слишком неуместно и странно. Вы не говорили мне, откуда приехали.

— Из Блоквела. Отцу немедленно нужно было покинуть эти земли из-за происходящей ситуации. Но родился он здесь, в Улэртоне. Мне нравится здесь. Хоть и бедняков много, но архитектура в городе поражает. Знаете что? — продолжал он, взяв девочку за руки. — В это время она особенно прекрасна, но если я одинок, то краски блекнут.

Сердце его было полно: хотелось заговорить, но не мог. Розалинда растерянно посмотрела на их руки, чувствуя, как тепло разливается по телу, будоража кровь. Они застыли на месте в полнейшей тишине. Ладони Филгена дрогнули, уж было хотев их расцепить. Розалинда улыбнулась, но взгляд ее оставался пресерьезный. Весь вечер посматривала она на спутника подозрительно: было в нем что-то завлекающее и дурманящее... Видно было, что Филген хотел заговорить о совсем другом, о чуждом при первых встречах, разъяснить недоумения, а после устыдиться сказанному.

— Что же это? — говорила она, пристально смотря в него, тогда как любопытство засверкало в ее глазах. — Что с Вами?

— Я бы мог... мы бы могли, — он остановился, нервно сглотнув, — видеться чаще? Да, это ведь всегда хорошо. И я вижу, не противен Вам. Подумайте об этом и не мучайте ответом. Я подожду, но только этим вечером! Запомните и не забывайте: не заставляйте свою мать переживать. И обязательно скажите, прямо сейчас, могу ли я надеяться?

— Надеяться на встречу? — странно повторила она, опуская глаза. Не осталось сил продолжать; на него глядя, что же стала бы она говорить?

— Да! Прошу, я подожду. Я хоть и нетерпеливый, но Вашего ответа подожду.

— Надежда никогда не помешает. Она спасает, — спокойным голосом говорила девочка, отнимая руку, и оперлась на перила.

— Что же Вы отворачиваетесь от меня? Я признаю, что мы знакомы день, но разве это не повод узнать друг друга получше?

Потом она вдруг стала так нежна и спокойна с ним, со всей внимательностью своей слушала, что Филген ей говорил. Но, когда он обратился с вопросом, Розалинда смолчала и отвернула голову. Тяготила ее мысль о том, что нужно поскорее уходить, иначе она вернется в место, в котором страшилась оставаться.

— Если у вас нет никаких дел, в чем я уверен, — продолжал он, — то давайте пройдемся по скверу?

— Скажите. Решение о женитьбе было только решением наших родителей? — печально смотрела она в его глаза. — Я Вам понравилась. Я никогда не нравилась первым встречным. Неужели Вы знали меня до тех пор, когда решения не было? Это все странно. Вы так

трепетны со мной... Честно говоря, я впервые сталкиваюсь с такими чувствами. Если бы и мать пренебрегала мной настолько, то попросту бы избавилась от меня. Любыми способами.

— Я много слышал о Вас, но... в глаза не видел. Слышал еще тогда, когда репутация ваша была не так плоха, — он запнулся, подбирая слова, — но и в то время она хворала.

— Вы можете не задерживаться. Я дойду до дома и покончу с прогулкой.

— Но как же? — в удивлении спросил он. — Везде опасность. Если с Вами что-то случится, то и я пострадаю. Уж не мучайте и меня!

— И как же Вы страдаете?

— Терять людей всегда больно, но еще больнее терять себя, понимаете? Вы чувственная душа и должны понять это!

— Проводите меня до сквера, — Розалинда подала ему руку. — Дальше я дойду сама.

— Хорошо, что Вы согласились, — с облегчением проговорил Филген. — Такое дело не может кончиться хорошим концом.

Томительное молчание обволокло набережную, улицы и тот недалекий сквер. Уличные фонари в этом давящем тумане, траурном покрывале, тускло светили во мраке, будто бы тоскливые глаза. Гробовую тишину вокруг поглощал тихий свист ветра. Все мрачнее и так тяжело становилось ближе и ближе, когда пошли они по тропинке, и Розалинде нужно было поскорее выбирать свой путь. Решение это никогда не давалось ей легко: всякий раз судорожно убегала от проблем, не замечывая за собой след. А беда эта следовала по пятам и никогда не отвязывалась. Сейчас, когда рядом с ней ее будущий жених, значительная проблема была в нем. Предаст ли? Расскажет ли Дарье о том, куда подевалась ее девочка? Пусть и дружелюбие сверкало в его глазах, но мысли Филгена могут быть черствыми. Он говорил по пути, но Розалинда, потупив голову, словно не слушала и, как казалось ему, лишь притворялась. Вдруг девочка резко отдернула руку и тихим голосом сказала:

— Вот мы и пришли. Прощайте, Филген.

— Мы ведь увидимся еще?

— Я надеюсь.

Уголки губ вздернулись и, отступив шаг назад, она, не в силах отвести взгляд, пристально вглядывалась в это тоскливое лицо. Как она вырвалась из его рук и порхнула навстречу неизвестности? Пройдя несколько шагов, Розалинда вдруг обернулась к нему, очутилась, как ветер, как вспышка, подле него и, прежде как он опомнился, одоленный теплом, она обхватила его шею обеими руками. Горячее, нетерпеливое дыхание его чувствовалось на затылке, сердце бешено стучало, и в одно мгновение, не сказав ни слова, она отступила, развернулась и плавно будто бы полетела по тропинке.

Филген стоял и глядел. Платье ее развивалось по ветру, оголяя бледные голени. Наконец и вовсе исчезла Розалинда из его глаз, оставив лишь воспоминания.

В памяти его она отпечаталась, как сладкий, манящий сон. Ночь эта была бесконечна. Всегда Филген будет помнить тот миг, когда она пылко прильнула к нему, вылечив и тут же покалечив его душу. Долгое время парень не мог сдвинуться с места: тоска держала, и он надеялся, что увидит в темноте ее очертания в последний раз! Какое же прощание! Если бы не эти близости, то и спокойнее было... Она оставила его так спешно, словно и минуты эти ничего не значили. Может, Розалинда и вовсе не дорожила этим вечером. Теперь она в дороге рискованной и опасной. Что же могло сподвигнуть девчонку на такое безрассудство? Филген все еще верил, что пошла она домой.

Наконец-то наступало утро. Он вернулся к себе домой, изнуренный будто бы тяжелой

работой. Отец так и не узнал о ночных прогулках, но, если бы то и случилось, то на ругань сил у Генри бы не хватило. За окном было пасмурно, дома — одиноко и темно. Только за завтраком они встретились, и, даже не поздоровавшись, Генри вдруг воспылил одной историей, случившейся накануне.

— А денек-то у нас начинается с сюрпризов, — говорил он, стуча пальцами по столешнице. — От дома Амеанов вести. Да еще какие... Несчастные.

Услышав про Амеанов, Филген насторожился, вникая в его слова.

— Мне это сама Дарья рассказала. А она женщина болтливая, все ей нужно каждому выболтать про трагедию. Пишет письмо мне... А пишет-то о самоубийстве садовника ее. Имени не вспомню. По-моему, Курлхид. Много раз она имя упоминала, но такое... Необычное, однако! Звала она его по делу одних цветов, позвала служанку, а тут бац! — Генри стукнул кулаком по столу, да так, что тот затрясся. — А он то уже и повесился. Вот неожиданности среди белого дня. Дарья вся перепугалась, стала выяснять у служанок, а они сами слова сказать не могут, молчат. Ибо не знают. Я сам был знаком с этим садовником. Вроде улыбался, да и мастер анекдотов был.

— Никаких новостей еще не было? — перебил его Филген, любопытствуя.

— Не было. Может, и смолчала она чего.

— Понятно, — выдохнул он, опираясь щекой о ладонь.

— А ты не в настроении сегодня, — сказал Генри, угрюмо на него посмотрев.

— Наверное, из-за погоды...

— А это вот не всегда оказывается верным.

— Как знать.

Филген поднялся и тут же рванулся к выходу. Двери захлопнулись под провожающим взглядом отца.

Дождь уныло стучал в его стекла: день был прескверный. В комнате так темно, что и в глазах мутилось. Голова Филгена болела и кружилась. Мальчишка лежал в кровати, положив ладонь под затылок, и думал: и об этом уж он узнал. Если Розалинда не вернется, то и планы, должно быть, поменяются. И правда, Дарья, избавляясь от гнева, выплеснула его на письмо, а затем и сама явилась. Неожиданность ее прихода наведала мысль, что ситуация и впрямь серьезна.

19. Напасть судьбы

Рассеянный, до боли смешной взгляд его пробежал по прибывшим магам, и как бы не хотелось верить, но перед ним гордо стояли знакомые жрецы! Выступив вперед, Милада в глубокой задумчивости не сводила с парнишки глаз, от неприязни сжала губы; ожидаемого удивления в ее чертах лица не последовало. Ничего не переменялось: тот же надменный дух, пускавший по телу его россыпь мурашек. Услышав бегущие шаги по коридору, она резко обернулась, и — какова неожиданность! — служители ее оказались в обществе высших магов! Афелиса отступила шаг назад, отчужденно укрывшись в стороне, за спинами Леотар и Анариэля. Глаза ее горели пламенной ненавистью, хоть и четко понимала она, что роль жертвы могла уложиться на каждого. Тотчас не желалось говорить с Миладой, но общий долг обязан сплотить даже вражеские души. Вторая жрица приветливо улыбалась, точно в темнице их ничего не всполохнулось. Старик не оставался без внимания, только и делал, что пожимал руки, и своим острым взглядом вперился в Миладу, заметив, как язвительно смотрела она на мальчика.

— А земля то и вправду круглая, — вдруг сказала она, обратив на себя застывшее внимание. — Вот, как оказывается все устроено. А прошло с тех пор немало времени.

— Это Вы о чем? — спросила Леотар, подходя к ней ближе.

— Случилось такое несчастье, — жалостливым голосом пролепетала женщина, взглянув в ее глаза, — дочь у меня пропала. Пропала бесследно. Вы ее, наверное, не знаете, но такого ангелочка небеса забрали! Я уж было отчаялась и подумала, что все потеряно, но этот юноша, — указала она на Элида, поверженного в шок, — хорошо с ней ладил и должен знать, где моя доченька.

Пусть и звучала она, как бедная мать, у которой отобрали любимого ребенка, но в глазах Элида эти чувства были не больше, чем игра. Такое притворство во всех ее сожалениях, любви и потери ужасает, распаляет поводы засомневаться и ненавидеть за всю ее сущность. Но, когда палец женский указал на него, то и концу злости не было. Оскорбление это не тронуло мальчишку, но добавляло масла в огонь. Милада была настоящим воплощением ничтожного эгоизма, и все частички тела Элида рвали его раскрыть, обвинить, опозорить ее! Азарт разливался по венам, напряжение отозвалось в мышцах. Вот уж если и спросят его о чем-то, то готов поклясться, что не выдержит накала и взвалит на себя всю тяжесть человеческого стыда и непонимания.

— Неужели ваша дочь сбежала без повода?

— Да не одна сбежала. С Элидом и Афелисой. Я и не сомневалась, что она тоже здесь и попросила вашей милости.

— И правда, — внезапно сказала Афелиса, встретившись с ней лицом к лицу. — Вот только будьте осторожны в своих выводах. Я не просила никакой милость и уж тем более не унижалась.

— Тогда как ты попала сюда? — с насмешкой в глазах проговорила женщина. — Никто из жрецов доселе не знал про пристанище высших. Не может так быть, чтобы тебе открылись все карты.

— Вы слишком невежественны, — вступился в разговор Анариэль. — Лучше знать, с кем вы разговариваете и подбирать выражения. Она одна из нас. Пусть и резки мои слова, но справедливы.

Он замолчал, знаменательно смотря на Афелису. Что он этим хотел сказать — непонятно, но на вопрос ее, уже позднее: «Что это значило?», Анариэль с хитрой улыбкой прошептал: «Они не до конца осознали, в какое общество попали. Нужно научить их манерам». Милада остолбенела: в глазах ее отражалось дикое ошеломление, и, вдруг вздрогнув, она стыдливо шагнула назад. Удивленное молчание. Никто не смел сдвинуться, словно мраморные статуи. Элид прочувствовал всю напряжённость, что и шелохнуться боялся. Какие восторженные лица! Милада повидала большущий крах. Вторая жрица неловко взглянула на нее, не подняв взгляда на Афелису. Все жрецы устыдились и, по обычаю, совестно склонили грешные свои головы.

— Как? — вскричала она с величайшим изумлением. — Но позвольте, — бросилась к Анариэлю, — я чту Вас и верю всем Вашим словам. Но это безумие! Уж простите меня, незнающую, не думала я, что предо мной все то время был высший маг! Как можно было догадаться?

Слова из уст ее вылетали отрывисто, между всхлипами, и так искренне, что невольно ощущается вся мука ее глупости. Склонившись перед ним, женщина лишь иногда поднимала свои бессовестные и мокрые глаза, еще и еще раз умоляя простить. Вдруг рука потянулась к его ладони, и уж хотела Милада горестно сжать, но Анариэль резко отдернул руку и ровным, безразличным тоном сказал:

— Вы поступаете еще глупее, извиняясь передо мной. В чем же проблема сделать это перед Афелисой, чуть ли не ставшей жертвой? Я не принимаю никаких извинений, потому что попросту их не заслуживаю.

— Что же Вы так? — выкрикнула жрица и тут же затихла. Взгляд ее метнулся к Афелисе, и сколько горьких слез застыло в глазах! Но в чертах лица девушки ничего сострадательного не вздрогнуло. В душе Милады царил полный хаос. Борьба звенела адская. Борьба между гордостью и честью. Чуть только хотела она ринуться к ней, слова в горле застревали. С особыми усилиями, заикаясь, она тихо пролепетала:

— Я буду рада, если Вы меня поймете. Это правда очень сложно и глупо, но... это было необходимо! Даже остальные высшие маги подтвердят мои слова, так ведь?

Она озиралась по кругу, с мольбой во взгляде подтвердить и тем самым заступиться за нее. Но молчание все так же не покидало их. Наконец, услышала жрица голос Леотар, такой сладостный и желанный ей в тот час:

— Речь о жертве была Вам не понятна совсем. Мы говорили, что объединяясь с остальными магами, можем создать большую силу и впитать ее в рубин.

— И о жертвах мы говорили, — сказал Анариэль, стоя под взглядом больших, удивленных глаз, — но эта тема давно забыта. Будет лучше сплотиться, как прежде сказала госпожа Леотар. Видимо, Вам донеслась информация устаревшая, и Вы чуть не подвергли пыткам члена высшего круга.

— Но это не моя вина! — выкрикивала она всю боль свою. — Не я виновата, что неправдивы были те слова... Мы общались, но, как же так?.. Вы сами утверждали, что ритуал потребует жертв! И я думала, что поступаю правильно. Вы уж извините! Я понимаю, что обычных извинений недостаточно, однако же...

Какая ужасная насмешка судьбы! Афелиса подолгу разглядывала это искаженное, испуганное лицо и всяко думала: волнуется жрица за честь свою или так искренне сожалеет о своей глупости и бестактности? Все могло быть. Но ведь и не знала она, что Милада чтит и высший круг, поклонялась и ночами напрягала зрение, впитывая в себя из страниц поверья

и писания высших магов до того, что строчки размывались в глазах, и, не помня себя, просыпалась женщина на утро с сильной болью в голове и усталостью. Хакан и старик ни звука не издали, лишь чинно наблюдали со стороны весь этот накал эмоций. Жрица, стоявшая подле Милады, покорно сложила руки, стыдясь за каждое высказанное ею слово.

— Я думаю, что нужно прекращать немедленно, — проговорила Афелиса серьезно. — Мы здесь собрались не для задушевных разговоров. Так что, прошу вас всех помнить повод. В этот день господин Анариэль добыл последний, седьмой осколок рубина. Будем ждать остальных магов и постепенно собирать осколки. Нам необходимо принять его.

Милада вдруг всколыхнулась, доставая из-за пазухи длинный осколок. Дрожащими руками она вручила его Афелисе, отчужденно отступая назад. Та посмотрела на Миладу долгим, пытливым взглядом, будто пронзить им хотела. Вскоре все расступились, и маги попрятались в коридорах. Первой доковыляла из зала Милада, сопровождаемая одной жрицей, что-то шепчущей ей, что, по-видимому, еще больше втягивало ее в бешенство. Как только Анариэль и Афелиса остались одни, мужчина дал ей свой осколок.

— Тебе можно доверять.

— Это ты уже успел проверить, — говорила она. — Какая странная сцена. Знаешь, меня удивляет та реакция, когда совсем не знаешь, что за твоей спиной стоит та, кого ты почитала больше жизни. Да и извиниться мне в лицо она не могла из-за того, что стыдно было за себя.

— Тоже так подумал, но все же, неужели тебя не впускали ни на какие собрания?

— Ни на какие. Ибо много тайного вы могли наговорить: вдруг я услышу и сбегу? И что будет? Да то и вышло! Опасения частенько случаются. Госпожа Фортуна не была к ней благосклонна.

— Афелиса! — вдруг раздалось в коридоре. Элид бежал к ней, будто бы пчелой ужаленный. — Это она, да? Я не верю... ты уж скажи. Да и не смешу я тебя. Хватит уже! Илекс убежала, как ее увидела... Ей страшно.

Этот быстрый, незначительный смешок ее над мальчишкой всегда приходился во время страстных объяснений. Наконец маг нахмурилась и строго посмотрела на него, словно была готова отчитывать.

— Я найду попозже. Нужно отнести осколки в безопасное место.

— Ты уж поспеши! — сказал Элид, и в мгновение ока тут же и следа его не было.

Он несся по коридору, шаги разбивались грохотом об стены. Ввалившись в комнату без стука, Элид торопливо огляделся, и какой переполох тогда царил в его голове! Ни на кровати, ни в креслах, ни на полу не было девчонки. Сердце сжалось и без перерыва вторило ему о чем-то рискованном. Он бился в судорожной панике, осматривая каждый уголок; вещи соскальзывали и валялись из рук, дышал он томно и надрывно. Все это было просто невероятно! Парень вдруг вскочил вне себя, чтобы идти тотчас искать Афелису и, во чтобы то не стало, разыскать пропавшую Илекс. Не могла ведь девочка провалиться в недра земли!

Внезапно что-то шелохнулось у двери. Элида вмиг ударила волна дрожи, и, обернувшись, увидел, как медленно открывалась дверца шкафа, а в щели проглядывалась пара больших, испуганных глаз. Худенькая ручка потянулась вновь закрыться, но Элид быстро схватился за ручку дверцы, резко раскрыл и увидел такое измученное, заплаканное личико, что удивлению не было конца. Девочка всхлипывала, жалостно смотря на него. Сидела она, поджав под себя ноги и сложив руки на вздымающейся груди. Настоящая катастрофа разразилась в ее глазах! Не говоря ни слова, Элид протянул к ней руку. Напрасно было что-то говорить, любое слово может вонзить в девичье сердце ядовитый кинжал.

Холодные пальцы робко прикоснулись к смуглой ладони, и, наконец, подавая руку, она поднялась на ноги и вылезла наружу.

— Она пришла за мной... — еле как проговорила Илекс, сглатывая горькие слезы. — Я не хочу уходить. Не хочу покидать вас. Она обязательно придет, не хочу с ней разговаривать!

— Ну, не хнычь! Я знаю, что Милада не доведет тебя до добра. Но ты уже здесь, с нами и опасность тебе не грозит. Под крылом Афелисы каждый может ужиться. Ты, главное, не отчаивайся и не сталкивайся с ней. Кто же тебя заберет отсюда?

— Я боюсь встретить ее лицом к лицу. Теперь вообще выходить отсюда не буду... чтобы никто из них не знал, где я. Милада просто убьет меня после всего этого!

— А ты зачем от меня пряталась? — энергично и грозно крикнул Элид, от чего она вся вспыхнула.

— Я-то не знала, что это ты! — обижено говорила Илекс. — Хоть бы слово сказал...

— Извините уж, моя госпожа!

Но вдруг в дверях раздался стук. Смотрят — Афелиса на пороге.

— Беспокоятся, видишь ли, едва сидят! — сказал Элид, указывая на Илекс.

— Они ушли? — с надеждой спросила девочка, шагая к ней.

— Нет. Но сейчас в зале никого нет. Они и не собираются уходить, как и мы. Ты волнуешься о ее приходе? — сострадательно произнесла Афелиса. — Сейчас мать твоя в положении серьезном и, я уверена, что появится она на глазах наших еще не скоро. Произошел забавный случай.

— Какой это случай? — хлопая ресницами, поинтересовалась Илекс, усевшись на край кровати.

— Милада повела себя непочтительно, за что и поплатилась. Элид видел и, наверное, тоже поражен.

— Вот уж не думал, что увижу ревущую Миладу! Такое зрелище! Жаль, конечно, что ты ушла. Так бы тоже посмотрела на свою мать. Хотя, ты бы все равно устыдилась и убежала. Конец тот же.

— Ты, кажется, уже получила последний осколок, — начала опять Илекс. — Скоро мы будем жить, как раньше. Уплывем вместе в Гроунстен. Да, Афелиса?

«Ну зачем я сказала «кажется»... Она подумает, что я сомневаюсь в ее силах,» — промелькнула мысль, как молния. — «И надобно ли мне так переживать? Лишние тяготы только и всего!» — снова сверкнуло в ней.

Девочка успокоилась, но вдруг ощутила мнительность свою от одного только взгляда в эти серые глаза, словно густой туман, от нескольких брошенных слов, от своих чувств; она разрослась до пугающих размеров. Страшно опасно: волнение накалялось, нервы раздражались. Что было весьма странно, ведь окружена она была привычными за столькие времена людьми, но все то все равно тревожило и дергало ее за тоненькие, чуть ли не надорвавшиеся ниточки. Элид не мог удержаться на месте: похаживал взад и вперед без всякой цели, кидаясь то к кровати, то к двери, то снова к маленькому столику, разглядывая книги и бумажки, как бы стараясь избежать неловкостей и втихомолку утопая во внимании их разговора. Внезапно какое-нибудь слово его зацепит, и потянет пристальный взгляд на Афелису, смотрит на нее в упор.

— Это правда, что высший круг магов един? — снова и снова без умолку спрашивала Илекс, и слезы на глазах ее давно высохли.

— Да, конечно. И предателей не было, как это случается среди чернокнижников. Но у

них это так, пустяково, а у нас целая история.

— Так необычно разговаривать с живой историей! — вдруг уголки губ ее приподнялись. — Мне только Элид на ночь о магии рассказывал. Но сама я ничего не умею, не годная. Хотя очень хочу! А еще хочу владеть мечом, как ты! Ты же воительница, и все тебе подвластно.

— Да, славная вещь — этот меч, — почти с насмешкой сказала Афелиса. — Элид предрасположен к бойням и хотел бы практиковаться. Не так ли?

Голос ее вывел Элида из раздумий. Парень резко обернулся; пустым, раскрытым взглядом уставился на них.

— Предрасположен, предрасположен, — повторял он, задумавшись о чем-то совсем ином. — Я не умру, если не научусь владеть мечом, — торжественно вскрикнул он под конец, останавливаясь в трех шагах от них. — И господин Анариэль обучит меня сему мастерству, — бросил он колкий взгляд на Илекс, чуть ли не хвастаясь.

Впрочем, время пролетало, и непонятно вовсе было, день или ночь над ними. Часов не было, и маги уж было совсем потерялись во времени: сутки шли по нескончаемой дороге. В покоях Анариэля висели часы, но вскоре работать они перестали. Прямо в этот день, когда в руках его появился завершающий осколок. Маги царствовали в тихом, подземном своем мире, и жизнь каждого тянулась медленно и уныло. В недавнее время ничего не происходило. Безмолвие поглотило всех, даже пришедших жрецов. Миладу, как и предполагалось, видно не было, и вестей никаких не слышалось. Элид почти не покидал комнату подруги своей, хоть и надоедал своей болтливостью; и выгоняла она его за порог чуть ли не из-под палки. Обидно, но таков нетронутый покой ее! И чем же она занималась все то время, одна одинешенька? Читала книги о лечебной магии, о травах, и помышляла, как в далекие свои детские годы, превратится в волшебницу с волшебной палочкой и по одному лишь взмаху сможет исцелять раненых и больных. Раз застав ее за таким чтением, Афелиса не стала более откладывать и тут же обратилась к Леотар с просьбой важнейшей: взять девочку под покровительство и обучить этот стремящийся к знаниям ум. Илекс, конечно, и не могла ожидать, хоть в глубине сознания держала мысль, что Афелиса сделает все возможное для ее благополучия и счастья. С тех самых пор девочка мучается бессонницей, думая об уроках, и с нетерпением порывается к Леотар.

Элид не остался в стороне: во время, когда Анариэль не особо упрям и ленив (а ленив он бывает лишь тогда, когда дело не несет личной выгоды), ему удастся выпросить урок, и — какое счастье! — в его руках оказалось оружие, такое желанное! Теперь правая рука его лежала на рукояти короткого меча, который все время находился в ножнах на кожаном поясе.

С первых дней в этом круге их преследовало уединение. Но Илекс вполне была рада, и видиться с Афелисой ей приходилось куда реже, чем тогда. Хотя и к несчастью это было. Маг была для нее самой преданной подругой. Не хотелось так расставаться, однако учеба требует! Сначала Леотар была приятно удивлена тем, как много хранится в этой маленькой головушке. «Девочка-то умна, — говорила она. — Но, если бы стеснения не было, то и гением все признали бы!» Уроки текли быстро. В эти минуты порхала Илекс во вдохновении. В таких внезапных порывах увлечения личико ее преображалось из робкого и тихого в наполненное энтузиазмом, одушевлением, и вместе с тем столько детского и наивного оставалось в ней — такая услада для чужих глаз! Прекрасная картина воодушевленного художника, отдавшего полжизни своей, чтобы перенести это мгновение

ребяческого полета фантазий на чистый холст.

Чувствительность ее цепляла и трогала до недоумения. Надменный и серьезный ко всем прихотям судьбы характер Леотар не понимал и изумлялся, насколько ранимой может быть чья-то душа. Она спрашивала о ее прошлом и становилась нежнее и сострадательнее.

Тихо и неприметно протекала жизнь всех магов. Но вскоре тут-то была замешана какая-то чужая сила...

Все чаще являлись жрецы из других земель, и, кажется, вот-вот восторжествует долгожданное воссоединение магического рубина; наконец, Гроунстен станет навеки не охотничьим островом, а магическим. Он таковым и был, но, охотники стреляли так внезапно, что никто не был готов обороняться. Афелиса не спала, была вся на острейших иглах, пронзающих ее до бурления чрезвычайного беспокойства в крови. Во время, когда все стихало, а за стенами не слышалось шагов и перешептываний, она старалась бесшумно усесться на скрипящей кровати, и раздумья поглощали ее целиком, прогоняя сон.

«Уже совсем скоро одержим победу. Но что-то мучает меня, будто цепляет и не дает уйти дальше... Что же это? Предчувствие? Не хочется надеяться на худшее. В кругу магов редко встречаются предатели, если не обманщики, но энергетика от них не будет. Это место впитало в себя все духи... Оно никогда не умрет».

И правда, у каждого была своя духовная особенность, не гаснущая, пусть и человек был слаб в колдовстве. Многие говорят, что у высших магов мощная, большая энергетика; конечно, мифы частенько цепляются на языки у разносчиков слухов. Так Афелиса не подверглась бы смерти в темнице и впечатление оставила бы незабываемое. Много неожиданностей было впечатало и в Анариэле: кто же знал, что он занимается исследованиями перевоплощений! Произошло это случайно, как и бывает, когда самые сокровенные тайны обличаются, что ни на есть, банально и глупо.

Он частенько приглашал ее к разговору, отказываться Афелиса не стала, хоть и могла. Не раз она замечала в его глазах какую-то тревогу, хотя причин не было. На собраниях он держал себя расчетливо и проявлял участие в решениях вопросов. И легко мужчине было перековывать внимание жрецов на других магов, тогда все и переменялось. Девушка твердо была уверена, что мнительность ему чужда. Однако во время последних собраний он обегал взглядом зал, будто бы приглядывался, все ли здесь собрались. Одна ситуация принудила ее последовать за ним.

Мало-помалу она догадалась, что если бы поговорила с ним хоть часа три, то ничего бы не узнала, потому что... Не о чем было спрашивать. Да, конечно! Афелиса никак не могла построить мысль — та каждый раз разрушалась, стоило магу окончательно решиться перейти к волнующему ее разговору. А что спрашивать? Как спрашивать? Привязанность Анариэля отвергла бы и бросилась прочь от таких расспросов. Девушке самой казалась странной своя подозрительность. Он был важнейшим лицом и уж точно не затевал никаких проказ против своего народа. Вопрос этот замаялся в скором времени. Но и опускаться до равнодушия она не хотела.

Однажды после собрания, когда Анариэль снова тихо ушел из зала, терпению ее пришел конец.

«Зачем он так часто уходит? Если задумал он что-то хорошее, то зачем скрывать ото всех? Пусть все увидят, пусть хвалят и гордятся! Дело его, но оно влияет на мое дело. А мой долг величественен. Если он и строит мне глазки, то это показывает лишь симпатию. Не нужно оставлять это все в секрете».

Как только устремился он по коридору, Афелиса выглянула из-за порога и, заметив, как скрылся он за своей дверью, тихо ступила вперед, бесшумно покинув зал. Звуков никаких не было: ни шагов, ни шороху, будто в портал провалился. Прислонившись к стене, маг ощутила лишь холод. Тянуть время было глупой затеей. Девушка хотела постучать и уже возвела кулак, но вдруг, одумавшись, тяжело выдохнула и опустила.

«Он услышит, и я ничего не узнаю. А я уверена, что что-то у него есть. Пусть и небольшой секрет, но зачем так копошиться? — думала она, положив ладонь на ручку. — Если открою без стука, то Анариэль сочтет за невежество. Хотя, к черту все это! Простит».

Резко отворив дверь, она оглянулась: его не было. Нахмурившись, Афелиса ступила в комнату, озираясь по сторонам, и тревожно ей становилось, прокручивая в голове воспоминание. Все собиралось по кускам: вот он идет сюда, и, спрятавшись за дверью, закрывает ее. Вдруг водоворот мыслей вернул ее в действительность. Волна мурашек защекотали Афелису, не давая полностью забыться. Мятое белье на кровати, куча порванных, старых бумаг на тумбе и на полу. Точно настоящий хаос пронесся вихрем. Сломанная дверца шкафа стояла у двери, застывший воск, стекавший со свечей, и внезапный скрип, будто током ее пробивший, донесся из-за стены. За еле стоявшим шкафом появилась темная щель. Уныние витало в комнате, отгоняя свет с коридора. Все погасло. Афелиса ступила шаг, разглядывая приоткрытую дверь. Зрачки ее расширились, страх засел в груди.

«Он там, — заключила она, подходя ближе. — Пропасть так бесследно невозможно! Но почему так темно?..»

Рука ее дернулась, и, застыв на месте, Афелиса коснулась двери, медленно, со скрипом отворила ее. Яркий свет ослеплял. Она посмотрела во внутрь из-за порога, однако желание войти, увидеть и узнать наконец о тайне Анариэля подгоняло ее. Девушка шагнула, пальцами прикоснувшись к стене. По углам был разбросан хлам, полки с книгами выстраивались в ряд, свечи горели на пустом столе. Посреди комнаты стояла перегородка: ни звука не доносилось. Перешагивая через непонятные мешки, она ступила к небольшому проходу; увидев мелькающий свет, внезапно вошла и, — ужас затмил ее глаза! — странный сон, небылица, выдумка, потому что быть того не могло.

Она замерла, схватившись одной рукой за тоненькую перегородку. Изумление отражалось на ее лице. Афелиса хотела что-то сказать, но, остановившись, лишь сильнее впиалась ногтями в дерево. Но уходить она не думала, только разъяснить, услышать достойное объяснение и уладить все подозрения. Однако, сомнения лишь увеличивались до чудовищных размеров. Вокруг нее книжные пирамиды, банки с травами и темно-фиолетовой жидкостью. На стенах — кинжалы и мечи, блестящие на свету. А среди всей этой путаницы Анариэль, растеряно впивавший в нее ужасающий свой взгляд. Сколько нелепицы, борьбы и чувств в этих глазах! Из дрожащих рук выскользнула наполненная колба, разбившись в дребезги. Вода из нее медленно стекала в щели, тут же поднялся густой пар. Он попятился назад и, посмотрев на нее злобным (как ей показалось) взглядом, приближался к Афелисе все ближе и ближе. Мужчина остановился в двух шагах, и четкое требование читалось в его лице.

«Вот уж не знала, что у него есть своя лаборатория. Видимо, увлекается он не только борьбой. Но из-за чего такие переживания?» — думала она, закусив губу.

— Своя лаборатория... — бросила она, лишь для того, чтобы заполнить тяготящее молчание. — Многого ты не договариваешь.

— Да, лаборатория, — ответил Анариэль, неловко улыбаясь. — Испугала ты меня

своей... неожиданностью. Не нужно было так резко появляться. Стука в дверь было бы достаточно.

Вдруг ярко вспыхнуло пламя на пальцах. Подойдя размеренным шагом к столу, он зажег свечи, и после обернулся к девушке, проговорив басистым, низким тоном:

— Да и тебе на удивление. Неужели думала, что я только и могу отбиваться и наносить атаку? — опершись рукой о стол, мужчина колко улыбнулся. — Это, конечно, хорошо — иметь такой талант, но, совершенствование — наше предназначение. Я был целеустремлен и надеялся на лучший исход. Вернее, знал, что он будет, — странно посмотрев, он выпрямился. — Впервые вижу тебя такой удивленной, даже... рассеянной, — Анариэль встряхнул рукой, и огонь превратился в серый дым. — Здесь трудно дышать. Нужно выйти.

— Чем ты здесь занимаешься? — настойчиво проговорила Афелиса, не двигаясь с места.

— А чем еще занимаются в лабораториях? Это не только место для опытов, но и хорошо оно для уединения. Много жрецов понабралось... Мне нужен отдых. В той комнате, — кивком он указал на проход, — до меня доносится всякий шум. Он мешает и раздражает. Но знаешь, я рад, что именно ты заглянула ко мне, — тихо произнес Анариэль, неспешно стягивая с пальцев черные перчатки.

— Я, пожалуй, выйду, — откашлявшись, выговорила она.

— Как хочешь! Но, правда, дым этот едок при частом вдыхании его.

— Если едок, то почему так часто проводишь здесь время?

— Барьер творит чудеса, — усмехнувшись, он бросил пару перчаток на стол и направился к выходу.

Теперь рассмотреть его можно было куда лучше при свете из коридора: мелкий шрам у правой брови, темные, впалые круги под завораживающими глазами и потрескавшиеся губы. Черные волосы его были распущены и развивались по широким плечам. На вопросы он отвечал будто бы шуточно: улыбался и отпускал шутки, что было никак не ожидаемо.

— Что это за опыты, Анариэль? Хочется поинтересоваться.

— Опыты? — с сомнением спросил он. — Я полагаю, что положиться на тебя можно. Да и сама ты человек верный своему слову... — усевшись в кресла, он взял какую-то книгу в руки, чтоб попросту занять себя, — и обещания свои держишь, — Анариэль особенным ударением подметил слово обещания и вдруг заглянул в девичьи глаза. — Они не обычны и весьма-весьма редки. Обычно колдуны занимаются отварами, зельями, приворотами, но я исследую нечто другое. Что, тебе и вправду так интересно? Я вижу нетерпение в твоих глазах. Ты раздражена. Что ж, не буду тянуть — у меня сердце сжимается от такого твоего состояния.

Афелиса села на край кровати, упираясь локтями в колени. Пристально, жадно смотрела она на Анариэля, словно выпытывала мысли его: искренние и правдивые. Как же обжигало ее изнутри чувство лжи! Но убеждение ее, обоснованное на долгих их связях, на эмоциях, и знание личности этой (пусть и не все глубины были открыты) твердо и уверенно поставило запятую, надеясь на раскрытие его замыслов. Суровый взгляд девушки пробил его до дрожи, и слова, желанные ей, так и лезли, и, вместе с этим, лезло ее довольство.

— Как я и сказал, — тихо пробормотал Анариэль, проводя большим пальцем по книжному блоку, — все не так легко. И когда все было легко? А впрочем, я опять забываюсь. Но тому есть объяснение, и оно тебя не устроит. К слову, ты слышала о мутациях, превращениях, и о обрядах, посвящённых этим мутациям? Я занимаюсь этим делом, и цель у

меня есть. Я хочу разгадать тайну и этот хаос среди нас.

— Неужели это связано с легендой об Ислюфорде? — прервала маг.

— К этому чуть позже. Хотя с этой истории и началась моя собственная. Ты думала, что только воином могу я быть. А нет! Каждый человек намного глубже, чем ты можешь себе представить! И дно это недостижимо для других. Даже для близких... и не очень людей. Я знаю, что мое предназначение — это борьба. И ничуть не сомневаюсь. Но неужели тебя никогда не манили тайные истории и подобное, а, Афелиса?

— Сейчас тайная история, которая меня по-настоящему манит, это ты, — холодно отозвалась та. И эмоции ее были правдивы. В лице читалось четкое желание узнать то, что нужно, и пустую болтовню она пропускала мимо ушей.

— Мне в радость это слышать, — та же легкая улыбка и колкий взгляд внезапно вспыхнули на его лице. — Но Ислюфорд это не какая-нибудь легенда, а правдивая история. Если честно, я шел в его пещеру не только за осколком, но и еще, чтобы убедиться, что он — живая история. И я не разочаровался. Еще задолго до этого я занимался опытами и все время, как тебя здесь не было, изучал анатомию и особенности слияний клеток. Сколько же страниц я впитал в себя! Даже и не знаю, как об этом следует думать... В общем, я не истощен, а полон знаний.

— Хорошо, что ты не довел себя до состояния мусора. Если тебя обидели эти слова, мне наплевать. Почему? — сделав паузу, она вздохнула. — Не хочется иметь речевые барьеры. Мы в дружеских отношениях и не хватало, что бы еще обижались на такое.

— Я не обидчивый человек, — усмехнувшись, маг внезапно захлопнул книгу. — И я вполне могу понять тебя.

«Не надо, чтобы раздражение дошло до крайней черты. Пора прекращать. Афелиса сильна в гневе...».

— Именно потому я и занимаюсь изучением. Хочется понять, как именно Ислюфорд, бывший человеком, мог стать животным, так еще и менять окрас. И из-за чего он мучил и сгрызал людей. И тело его выглядело, будто недавно убито. Если еще не спал он... Но это уже мои выдумки. Не воспринимай всерьез.

— Я воспринимаю всерьез многие твои слова. Ты говоришь уверенно и четко. Как иначе? Даже простые выдумки могут воплотиться в нашу жизнь. Достаточно лишь об этом подумать. Так основывается наше видение мира. К тому же... Теперь я знаю про твои увлечения.

— Это не увлечение, а исследование. Если я берусь за дело, то вкладываю в него все силы. На обычное увлечение так бы не затрачивался — уверен, что ты тоже. И я понимаю, что тебя смутило... Смутили ли тебя мои опоздания и то, что я так рано ухожу с собраний?

— Именно это, — быстро ответила Афелиса. — Раньше такого не было.

— А ты, я смотрю, за старое держишься, — заметил Анариэль и вдруг поднялся. — Нет, конечно, нет. Такое изменение только слепой не заметит, глухой не услышит. А я так понимаю, все уже разошлось?

— Нет, но собрание уже должно закончиться. И я хотела спросить, — задержав его на месте, она встала, — ты не замечал ничего странного? Может быть, в прибывших жрецах или в нашем кругу?

— И как же мне замечать: сама видишь, что пропадаю в лаборатории. А, собственно, тебя что-то волнует? — мужчина обернулся, и вид его уже был серьезен.

— В последнее время становится некомфортно, да и предчувствие у меня нехорошее.

Что-то должно случиться, уверена! Поверь мне на слово, энергетика магов сливается и некоторые могут остаться незамеченными. Даже обыкновенный человек не будет здесь замечен. А предателей сейчас много среди каждого.

— Нужно держаться вместе. Магов слишком много, и мы не сможем определить, кто именно наш враг. Да и оставлять это без внимания невозможно.

— Я расскажу об этом остальным. Хакан должна разбираться в этом деле... Помнишь про эту ее историю? Я раздумывала об этом, и она и мое предчувствие чертовски схожи!

— Это уж, как знаешь.

Афелиса вышла в коридор со смешанными чувствами. Сразу вспомнилась ей встреча с Хакан: ее разговоры, ее хриплый голос и щебетание. А история! Эх, это было сильно! Тогда еще они скитались по городкам, деревням, и чудом они сохраняли на себе непробиваемую маску обыкновенных бродяг. С самого детства Афелиса наделена великим титулом высшего мага. Да еще каким! Главенствующим и решающим все внешние и внутренние вопросы Гроунстена. Но какой крах, какое безумие растоптало все материнские надежды, оставив лишь горе от потерь и роковую смерть. Молодая девушка умерла с ребеночком на своих окровавленных руках. Судьба, однако, пощадила и смилостивилась над малышкой, ревущей без устали. Так и не знает никто, в каком облики явилась к ней смерть. Хакан говорила Афелисе, что с матерью ее она была на товарищеской ноте и верила только одной правде: отравление. Но кому оно было нужно? А ответ так и не раскрыт. В то время в Гроунстене жили не только маги, но и беженцы из других земель. Люди стекались сюда, опасаясь выстрелов и взрывов, но самое пугающее это — то, что любого могли проклясть магической нечистью, если засекут за необычным делом. Но что это — необычное дело? Никто не знал. Все избегали этот вопрос, как чертя. Леотар тоже знала многое о той девушке. Женщина принужденно, нехотя бросала несколько слов, и были они всем давно известны, но интерес Афелисы насколько взвыл вверх над всеми любезностями, что сами эмоции вынуждали Леотар клеветать и ударять на распутство ее матери. Этаким грех! В то время каждый шаг был на слуху. И она, совсем молоденькая, но с большим умом, попала под раздачу. Отца своего Афелиса не знала. Кто таков был, откуда — неизвестно. Леотар лишь насмехалась и говорила: «Один из отрядов ее сладеньких тряпочек». Самой было ей смешно и нелепо, но, как она уверяла Афелису, в этих словах отразилась вся правда. Такая, какая она есть. Тогда слава матери ее настолько была необъятна, что каждый состоявшийся жених ссылался в Гроунстен, вопреки тому, что она маг. Такие времена! А Хакан уверяла, что отец Афелисы был благороден и властен, и вовсе не «сладенькая тряпочка». Леотар еще тогда была восемнадцатилетней девочкой, и страсть, как завидовала ее умениям соблазнять и притягивать к своей юбке достойных мужчин. Лишь с годами понимала, что увлечение чем-то потусторонним, ненужным — это средство гниения ее духовного развития. Совершенству мешают беспорядочные связи и стремление угодить мужчинам, которые даже и взгляда на нее ни разу не бросили. Забыла она взросление свое, как страшный сон. Оттого и была та странная неприязнь. Воспитанием Афелисы усердно занималась Хакан. Любовью и заботой была окутана малышка, как под теплым одеялом. Так оно и было, и как благодарна она, спустя столько-то лет! Сейчас Хакан совсем старушка, а под свое крыло взяла ее молодой девицей. Свадебные традиции пролетели мимо: всю душу она отдала на благо зреющей, детской душеньке. Обещание свое держала под вечным щитом. И будто предчувствовала она ту трагедию; за несколько дней до смерти сказала ей: «Если что случится, доченьку я твою не брошу. Ты, Алекса, знаешь, как я к детям тянусь. Цветочки маленькие! Пусть и не будет у

нее отца и отцовского внимания, но преданная любовь точно будет. Моя и твоя». Судьба любит подкидывать неожиданные вердикты. Так уж вышло, что Хакан не могла никак родить. И посчитала это за проклятье своей тетушки. И любящий человек был, и желание, но... все разбилось. Росла Афелиса нескоро: игралась в раннем детстве, а уж как наступил ее шестой год, так сразу поникла в учебники. Ребёнком всегда оставалась она тихим, неприметным, еще и с речью не поставленной. Обряды, заклинания, магическая оборона и письмо — все отскакивало от зубов. В Гроунстене почитали ее ужасно сильной, даже боялись. Все сказывалось на ее роду, и траур объял всех магов по смерти Алексы. Афелиса получала задания, будучи подростком, стоящие ей жизни. Но самая знаменательная пора — начало охоты. Выследить магов было не легко: все, кто мог, заперлись в башне, бились от страха, пытались притвориться охотниками, да все напрасно. Именно скалящий свою пасть ужас приводил их на эшафот. Тогда все повелось к краху. Маги погибали, их пытали, но слово чести всегда держалось сильнее стойкости охотников. Подставленный нож к горлу не вынудил никого проболтаться о тех, кто был могущественнее, сильнее и величественнее. Решение Афелисы было твердым и углублялось корнями глубоко в сознание. Однако, почему она пускалась под меч, идя на гибель? Четкое знание своего родового долга укрепило неразрушимой крупницей в голове. Никто не разочаруется в ней, никто не осрамит род Диамет! Это толкало ее к бояням, хоть, как оказалось, их вовсе не было. Она явилась к командирам с намерением пополнить ряды охотников, и слова ее звучали до того убедительно, что сомнений никаких не возникло. Признаться, воевать стремились все: несчастье было, если физические отклонения приводили к верной смерти.

Почему же так? Неужели охотники не могли никак отличить обыкновенных людей от колдунов?

Не могли. Знаний и сил не было для такого зоркого глаза. Из всей толпы невозможно выявить магическую сущность. Потому все считали, что коли не охотник, так маг. Это сыграло Афелисе на руку, и без опасений ей открылись все пути охотников и их оружия. Скрываясь в своем домишке, девушка передавала эти новости высшему кругу, и потихоньку, под видом простых беженцев, они уплыли в Блоквел. Башня опустела. Ее заняли командиры и назначили местом встреч.

Предатели — часть каждого общества. Делают вид, что верны своему долгу и отдадут честь ради общего дела; впрочем, рано или поздно все их замыслы, как на ладони. Афелиса тоже предательница, однако в ней устоялось убеждение, что высшая цель оправдывает все средства ее достижения. У Хакан сохранилась еще одна история, один большой урок всем колдунам. Прибыв в Блоквел, всей своей гурьбой они скитались, да все места не могли себе найти. Чуть не попали на крючок, однако ловко увернулись. Постепенно жрецы расселялись по заброшенным домам, ну а высшие маги через леса и реки добрались до пещеры. Все были в сборе, вот только один человек, недавно присоединившийся, сделался им сущей бедой. Вся судьба их вертелась на его пальцах! Оказалось, что он весь путь докладывал охотникам. Писал письма, когда приходилось им останавливаться, да отправлял их. Всем магам пришлось прятаться в горах, в лесах, где угодно, либо не были они заметны. Стрела Анариэля впиалась в его кожу: яд растекался по венам, и неспешно, в криках и мучениях, предатель умер, а труп его так и остался гнить на холодной земле, пока охотники случайно не наткнулись на него. Придя на место, люди только проклинали глупца, плюнули и ушли обратно своей дорогой. Такова история, но с какими чувствами ее рассказывала Хакан!

Афелиса содрогнулась и, вскинув взгляд на Анариэля, проговорила с легким

смущением:

— Да. Собрание не закончилось! Слышишь?

— Это уж понятно. Ты, видимо, забылась, — он подозрительно посмотрел на нее, поспевая за Афелисой.

— Просто в связи с предчувствиями вспомнился рассказ Хакан. Ничего особенного, ты его прекрасно знаешь.

— Она хранительница всяких историй, и много чего рассказывала. Так какой же именно?

— Ты убил предателя. Но, однако, как тебе это удалось? — с интересом спросила маг, остановившись недалеко от зала. — Неужели он не заметил тебя? И с какого расстояния ты стрелял?

— Не рассказали? Хакан видела эту сцену, если ее не отвлекло что-то. Лук тогда у меня был с собой, и бежал из Гроунстена я вооруженным. Остальные обошлись без него, полагаясь на магические барьеры. Но... Ты ведь знаешь, в чем они несовершенны. Барьеры и щиты требуют силы, а мы тогда все уставшие были. Силы не только духовной, но и физической не хватало. У Леотар было оружие, и пару раз она им воспользовалась. А стрелял я из-под куста, а он, глупец, и не вздумал оборачиваться.

— Госпожа! Госпожа Афелиса Диамет, — вдруг раздался громкий голос Леотар. — Вот Вы! — скорым шагом она приблизилась к ней, выдыхая. — Со жрецами не связаться. Связь пропала, мы слышали голоса и крики по ту сторону шара, и, к несчастью, это охотники! Они воспользуются шаром и выследят нас!

Давешне твердый и тихий голос теперь дрожал и запинался. Леотар со страхом смотрела на них, говоря, что нет времени ждать и отступаться.

— Что ж Вы так распереживались, Леотар? — спросила Афелиса, опираясь о стену. — Не думала, что Вы будете сомневаться в нашей подготовке. Вот уж от кого не ожидала! Даже если кто-нибудь явится, мы дадим отпор.

Она сглотнула, волнительно озираясь по сторонам и, в конце концов, напыщенно повернула головой. Тогда-то в коридор вырвались следом все колдуны: шум и гам разнесся по стенам. Стало ясно, что услышанная новость до того тревожила и выводила из строя всех высших магов, что рациональность размылась в этой суматохе.

Внезапно обрушилась на них эта напасть.

20. Замок Тираф

«Наконец-то я на свободе! Хотя бы на немного, но это стоит того! Ночью не так страшно, как говорят... Или это потому, что страшилок я никогда не слышала? Почему знать?..»

Розалинда порхала вдоль тротуара. Фонари озарили ее блестящие, торжественные глаза, а какой приятный ручеек утешения разливался внутри нее! Согревающий и бурный. Звезды будто бы сверкали ярче, радуясь ее счастью; и вдруг девчонка заметила, как над ней заблестело созвездие. Все вокруг стало таким небрежным, светлым и отчужденным, что природа неспешно поглощала ее в свой тихий мирок. Она перепрыгивала через грязь, лужи, и неожиданно на носу ее разбилась капля воды. Подняв голову, уставилась на бисерный дождь и, поджав нижнюю губу, тут же забегала взглядом по темной улице: спальный район, ни одного прилавка поблизости! Кто же захочет ее приютить на ночь? Розалинда слонялась под навесами, заглядывая в завешенные окна, и холод постепенно обвивал ее своими холодными щупальцами. Вдруг она замерла на месте: шторка дернулась в окне, и тут же появился в щели большой, зеленый глаз. Попятившись назад, она прижала руки к груди. Хищный, будто бы неживой взгляд вперился в нее. Казалось, что вот-вот полетят осколки, и чудовище набросится на нее! Вспомнилось ей гадание старухи, и эти гадкие слова: «Ничего хорошего не ждет. Потеря близкого человека, иль своя смерть...». Своя смерть! Страх окатил девчонку, немой крик застрял в горле. «Нужно бежать... Бежать скорее!» Не отводя взгляда, перебежала через дорогу, и внезапно показалось то, чего она не могла ожидать! Шторы снова дернулись, на мгновение глаз исчез. Однако рано радовалась Розалинда. В ту же секунду к окну прижался огромный пушистый кот, скребущий когтями по стеклу. Лапы его расплылись на окне, и, мяукая, он порывался наружу. «Разбудит хозяина, еще подумает, что я виновата; и вообще, нечего мне в чужие окна заглядывать!» Схватившись за ручку сумки, она, нервно перебирая пальцами и стуча по коже, поспешила за поворот, подальше от этого небольшого домика.

Улицы были похожи друг на друга. Те же крыши, фонари, дома и одинокая луна, ищущая своих маленьких спутников. Ночь охватила весь город, и неизвестно, когда наступит утро. Может, и не будет его вовсе. Все возможно в фантазии Розалинды, опасющейся каждого шороха. Как тоскливо и неприятно прощаться с душевным лучиком, сияющим подобно звезде. Он угас, а за ним и вся природа.

«Когда-нибудь я пересеку границу, — мечтала она, лениво перебирая ногами. — И не важно, выйду ли замуж. Я уверена, что Афелиса помнит и любит меня! Эх, который раз мне приходится сбегать из какого-то места к настоящему дому. А если судьба давно свела меня с ней, даже когда я в приюте была? Не случайно ведь встретилась с ней в лесу! Или случайно?.. Случайности всегда неожиданны, а когда чего-то ждешь, то оно не наступает. Что за зло? — она пнула камень, играясь с ним по дороге. — Мне нужно было отдохнуть... А Дарья, моя мамочка?.. Что с ней сейчас? Нужно ли мне вернуться? Дальше — темнота страшно. Или подождать до утра? Наверняка не спит! Лучше дождусь утра; может, что-нибудь интересенькое найду».

Предположения оказались велики. Что необычного может произойти на тихой улице, где все давно уснуло? Монстры, чернокнижники, охотники или ангел с небес, смилостивившийся над ней? Демон, жаждущий зрелища и подкидывающий все больше и

больше мерзких подарков? Укрываться среди деревьев было прескверно: мыши тихо шуршали листвой, ветви ломились, гнезда высоко над головой тряслись, и вся грязь падала на землю. А тротуар все вел ее вдаль под ночным сводом.

— Господин Генри, — раздался вдруг сердитый голос Дарьи из большого коридора. — Не могу ничего терпеть! Хоть убейте. Девчонка моя сбежала, треклятая этакая. Ух, доконала меня! Все, отчалоюсь совсем.

Вбежала в холл она, словно укушенная бешеным зверем. Приподнимая двумя руками подол платья, Дарья ворвалась, как ветер, как ураган, что было ожидаемо. И какая буря эмоций вырывалась из ее уст! Если бы не нравственные устои, то вопила бы она крепким, благим матом, плюя на Генри и его сына. Он тут же подошел навстречу, и слов подобрать не мог в растерянности.

— Не вытерплю больше ничего. Ночь не спала, целую ночь из-за этих людей! — с особым акцентом проговаривала она с пеной у рта. — Я вам вкратце, как говорят, на скорую руку начеркала! А это я лицом к лицу говорю. Да что же, что же? Мир меня с ума сводит. Из дома вышла, боясь, а вдруг... вдруг! Уж, как не люблю я подонков, попадающих под горячую руку, ух, вот взяла и убила бы! — чуть ли не в истерике, она с жалостью выдавливала каждый звук. — Но Вы-то поймете меня. Душа родная! Я ее отпустила погулять, да как услышу к вечеру от сына Вашего, что нет ее, так все на взводе. Говорят, что весь день не видели, а мне то какое горе — мне, матери! Вы уж прощайте, прощайте меня за такую эмоциональность, просто, понимаете, — Дарья запнулась, цокнув языком. — Ну не могу я иначе. Разрывает меня. Вы бы сами испугались, да еще как. Хоть и знаю я, что Вы человек ума, а не чувств.

— Сядьте и успокойтесь, — сказал Генри, проводя ее к дивану. — Вам водички, иль чего-нибудь вкусенького принести?

— Вкусенькое не помешает, — воскликнула Дарья, аккуратно усаживаясь. — Я и работника потеряла. Служанки бояться, место ищут. Ну надобно мне вот это все? Беспредел! Вы не переживайте, брак будет. Далеко не уйдет, вернется. Я сама-то... сама...

Всхлипнув, она хотела продолжить, но резкое, грубое, как ей показалось, высказывание Генри поразило и заставило молчать.

— Чего Вы раскричались? Вернется Ваша Розалинда, вернется. Но крик и этот шум — лишний, — спокойно сказал он и вдруг закричал, повернувшись лицом к кухне. — Дрэйв! Десерту гостье!

Мужчина с седой бородой выглянул из-за порога, кивнув, тихо пробурчал: «Слушаюсь». Тут же послышался глухой шум, говор поваров: две женщины показались в дверях, перешептываясь и хихикая. Дарья не могла замолчать ни на мгновение: выкрики слетали из уст, не давая и слова вставить своему товарищу. Генри сел напротив в кресле, стуча пальцами по столешнице и оперев голову об ладонь, лениво слушая ее. Он понимал, что, не дав Дарье выплеснуть чувства, случится скандал, а то и еще драка. Один раз это было, и мужчина знал об той постыдной встрече. Что ж, ей удалось отстоять свое, а иначе бы разродился спор куда больше и хуже. Что-то побуждало и трепетало ее нервы, спокойно усидеть не удавалось. Перебирала ногами, подправляла прическу; громко, напыщенно вздыхала, заметив своим острым взглядом, что Генри лишь косвенно ее слушает. Щеки вспыхнули румянцем, и вот Дарья востепенулась, вскочила с дивана. Положив руки на пояс, женщина недовольно взгляделась в него, привлекая все его внимание:

— Вы понимаете?.. Понимаете, какая это потеря? — вновь с выделанным страданием вопила Дарья, изогнув брови. — Родственники садовника, этого то самоубийцы, винят меня! А я-то, я-то совсем не виновата! Докатилось до того, что деньги требуют. Вот народ наглый, а!

— А Вы объяснили действительные факты? — спросил Генри, подправляя очки. — Если люди умные, то поймут. А Вы свои соболезнования предьявите.

— Да предьявляла я, еще как. Все без толку! Это же как репутация моя упадет, что гости на балы приходить не будут... Мне они нужны, и общество нужно. Они-то, бестолочи, помолчат, я надеюсь. А хотя, черт с ними, господин Генри! — махнув рукой, она отошла к окну, досадливо смотря на заросшие клумбы, прорывающиеся цветки и ели, стоящие в ряд, что горизонта не видать. Каменная тропинка в саду обвивала пышные кустарники и поникшие деревья. В небе парила стая черных птиц, устремляясь стрелой все выше. — Не поверите, как я раздражена. И слов приличных не подобрать. А когда-то было все хорошо, в прошлом. А сейчас... — обернувшись, она вопросительно взирала на мужчину: собранного и интеллигентного Генри. — Сейчас ничего хорошего. Только плохое. Кому это угодно? Зачем судьба-матушка портит жизнь нам?

— Не вина судьбы, — заключил он, — а наша вина. Я в судьбу не верю, это удел гадалок. А они бывают похуже всяких колдунов. Это Вы, кстати, напрасно говорите. Сейчас время не страшное — можно сказать, спокойное. То есть, спокойное для нас — для всяких одаренных время смерти.

— Не смейте и говорить о них! — приказным тоном вскрикнула Дарья.

— Что же так взволновало Вас?

— Меня подозревали в этой нечистой силе. Но Вы сами знаете, что я чиста, как и моя совесть. Зачем мне лгать народу в лицо?

— А что же Вы, лжете за спиной? — подметил Генри, слегка улыбнувшись.

— Не смешите, а! И так без шуток Ваших жизнь не сладка.

— Юмор только украшает и успокаивает. Не относитесь в этому так критично.

Вскоре встрече их пришел неблагоприятный конец. Дарья до того разозлилась, будто страшный бес в нее вселился, что попрощалась с Генри гневно, как маленькая, наглая девочка. Обиды на вспыльчивый ее нрав он не держал и распрощался с женщиной дружелюбно, пожелав всех прелестей жизни, а иначе бы и связи с концами поникли. Генри чувствовал острую необходимость ее существования для своих дел. Терять такой сокровенный ключик было бы глупо и нелепо.

Подле лестницы, на втором этаже любопытное ухо гнелось — в коридоре за углом; Филген и не показываясь, мало ли бед на себя накликать? Прижавшись спиной к стене, он замер и дыхание затаил в минуты молчания; впрочем, задыхаться ему не приходилось. Дарья — женщина громкая, яркая, не оставит и щели для какого-то пустословного бреда. Никому слова не даст, не отдастся и сама. Страх подступал к горлу, когда она вдруг вставала и прохаживалась по залу. Филген бесшумно отходил, скрываясь за стеной. А так близко было! Зоркий глаз ее способен был разорвать все. Приятное покалывание пробежало по телу, будоража и намереваясь не ослабить бдительность. Однако Филген хорошо знал, что его так тянуло, и чем он так жаждал насытиться. Хотелось вкусить сладостную новость, лелеющую уши, но, вопреки всем желаниям, навстречу ему прилетело горькое послевкусие, от какого воротило и знобило. Розалинда так и не возвратилась — велика потеря! Беда сказывается и на задумках отца его, а он чистосердечно сочувствовал и тосковал.словно ветром унесло, и

не поймешь, куда забрела она, а может, уже попала в кровожадные когти дикарей. Эти мысли жалили и пробивали глубокую дыру к раздумьям.

«Розалинда вполне могла стать жертвой для магов... Обычно молодые люди попадают именно в их ловушку. А что, если это не так? Что за бредни? Девочка попросту захотела погулять; вернется. Ей некуда идти, все пути перекрыты».

Холодный ветер ласкал румяные щеки, пролезал под платье и щекотал ее замерзшее, побледневшее тельце. Позади — десятки пройденных камней, росточков, домов и переваленных мыслей, а главное — горе! Куда уж горевать теперь? Белая гора не терпит и не простит столько унижений, а лишь обнимает своими чудовищными просторами сильных и умелых людей. Если уж бедняк, раздавленный бедой, иль маленький человек, разгоревшийся высочайшей целью, сунется в замок Тираф, то настигнет он знаменательную, славную разрубленную головушку свою, избавленную от гниющих мыслей.

Завладев знаниями, выживать куда легче. Розалинда знала о династии Тираф, и как в годы начала столкновения их с чернокнижниками род их чуть не развалился, однако сильная стратегия и умные воины удержали честь на своих орденах. Теперь не подпускают близко иного прохожего, доверие их было раздроблено на мельчайшие куски. Впрочем, уж хитрым и проворным умом нужно обладать, чтобы проскользнуть в замок. Роль бедной, сбежавшей девушки сделалась Розалинде козырем, а способности к светлой магии стали решающим ударом. Поднимаясь по склону, она разогревала ладони: подносила ко рту, обволакивая их согревающим дыханием; наконец, завидев четверых стражников у ворот замка, побежала по камням, спотыкаясь. Стояли мужчины, словно статуи: в руках у каждого — ружье, лица насупившиеся, и никто ни вздрогнул, ни нахмурился, хотя пустые их взгляды были прикованы к ней. Тело — выкованное из метала; на доспехах разливался блик от утреннего солнца. Зубы стучали, ноги подгибались от холода, и жалостливыми глазками девочка взглянула на них, поклонившись.

— Царь добр к магам, и я прошу его благословения, — сказала она, потупившись.

— Кто такая? — отозвался стражник, больше всех нахмуренный и высокий. Глаза его искрились подозрением и опаской.

— Я такая же, как и вы. Прошу, смилуйтесь, иль совсем замерзну! — воскликнув, она подошла ближе.

— Что в сумке? — спросил тощий мужчина с рыжей бородой и жестом указал отдать ее.

Розалинда тут же сняла ее с плеча, отдавая тому в руки. Вынув кулон и деньги, он пошаркал пальцами на самом дне, встряхнув, и вручил ей обратно.

— Балуешься магическими вещами, значит? — посмеялся стражник, кидая взгляд на других. — Маленькая еще. Царь Грифан одобрит, а, горилла? — толкнув локтем здорового мужика, он кивком указал на Розалинду. — Гляди. Нищенка, наверное. Имя! — приказал он ей, лукаво сморщившись.

— Розалинда, — тихо пробормотала она, схватившись за сумку двумя руками.

— А? — воскликнул стражник, не расслышав, — С каких краев и имя? Царь в замок негодных не пускает.

— Розалинда, — повторив, она выстояла их насмешливые взгляды, — из Улэртона.

— Вот ты ж гляди, а! — с хохотом сказал здоровый стражник, потрепав плечо того рыжего мужчины. — А, небось, шпионка какая-нибудь! Ты уж лучше пойди и изведи Царя, он порешает, что делать с такой гостьей. Все равно толку нет речи разводиться с девчонкой

этой. Скажи, что оружия при себе нет. Да и выглядит она... — он обмерил ее пронзительным взглядом. — Хрупкой.

Поддакивая, стражник слушал и, получив мощный удар по спине, болезненно простонал под грозное восклицание:

— Все! Пошел!

Поежившись, он фыркнул, почесывая затылок. Гневно он посмотрел на другого, и в этих маленьких, востреньких глазах так и читалось: «Ведьмой будь проклят! Головорез чудацкий!» А каким писклявым, режущим голосом! Что прозвучало бы это шуточно, пресмешно и пресстыдно. Вздвогнув и чуть не упав на землю, он громко потопал к воротам, отворяя лишь одну дверцу, а как уж хотел войти, так передумал, и махнул рукой:

— Ты уж со мной пооди! Нечего здесь стоять тебе, — пропищал стражник, стараясь звучать громче и серьезнее. — Живее! Что застыла?

Закусив губу, Розалинда сдерживала смешок, проходя за ворота мимо забавного мужчины. Хмуро поглядев на нее, он воскликнул: «Быстрее иди!» и, наконец, затворил дверцу. Девчонка чуть было не засмеялась, неловко прикрывая губы ладонью. До того нелеп и смешон он был! Кидая свой колкий взгляд на широкую дорогу, ведущую к замку, Розалинда пробегала любопытными глазами по всем домишкам, и высоченное здание с заостренными куполами приманило ее, заблестев на солнце. Стрельчатые каменные арки, темные конусы стремились к облакам, темнотой сквозило из удлиненных витражных окон, а главное — кованые шпили на крыше! Тучи вновь скрыли лучики солнца: наступил мрак. Замок величественно возвышался в горах, уединенно и торжественно. Из-за спины ее подгонял стражник, и только слышны были фырканы и плевки. В стороне стояла конюшня, туда-сюда бродили такие же стражи: молчаливые и сдержанные. Почему же, однако, сопровождает ее глупый и невежественный мужчина? Впрочем, за воротами поставлены должны быть люди серьезные к своему долгу и суховатые. Все в доспехах, вооруженные и до того дикие своими взглядами, что все сомнения улетучивались. «А ведь у Царя Грифана могущественные и сильные воины... Отчего же я таких не вижу?» — озадачилась Розалинда, до того, что оступилась и чуть было не упала лицом в грязь. Вскоре за ней поплелся еще один стражник: росту высокого, тонок, да и разговорчив до усталости! Дорога шла не долгая, но наслушаться сплетен ей удалось, что после в мыслях крутились лишь чужие раздумья о царском указе. Неосторожность заводила этих трудяг в славный капкан.

Грифан был для нее личностью необузданной и мудрой. В книгах выступал он любителем людских страданий и предсмертных всхлипов, однако милосердие его отражалось к обездоленным колдунам — нищим и лишенным всякого достоинства. Ожидание предстоящей встречи всколыхнуло и нащупало внутри Розалинды слабую, чувствительную нить; вдруг тревога ощутилась в коленках. Вся она дрожала и ослабевала, словно пропитанные волнительным одиночеством стены сжимались с каждым вздохом, с каждым ударом сердца. Мрак тихо обнял ее, притаившись в этом уголке. Ни зажжённой свечи, ни люстр и вовсе не виднелось. На лестнице встретила одна молоденькая дама в коротком, точно спальном, платье, стеснительно прикрываясь и перебирая босыми ножками по ступенькам. Румяные щеки порозовели, и, лукаво подправив прядь распущенных волос, она, словно стрела, устремилась вниз и скрылась за поворотом. На служанку не похожа, да и не королевское лицо, что же за девушка? Любовница, утешительница или несчастная? Намокшие, покрасневшие глаза глядели в пустоту так прискорбно, утопая в боли, и пышная грудь ее колыхалась так часто, что невольно Розалинда проводила ее с

сочувствием и жалостью в душе.

Минуты ходьбы по замку длились вечность. Розалинда думала именно так, и когда, на счастье, стражник остановился у одной двери, кашлянул и робко постучал, то и мгновенная радость пропала бесследно. Ответа не последовало. Тогда мужчина напряженно выдохнул и отворил незапертую дверь.

— Вас требуют, — крикнул стражник хриплым голосом, заходя в порог.

— Кто явился так неожиданно? — послышался размеренный и грубый голос. Розалинда хотела посмотреть из-за его спины на Царя, но этот медленный бас тона, ласкающий слух, смутил ее, и девчонка попятилась назад.

— Да вот, чудо пришло! — с дружеской насмешкой сказал стражник, торжественно отступая в сторону. — Вот! Вашему благородию... Подарочек! Давно Вы гостей не принимали. А коли нет приглашения, то и полы пачкать запрещено.

Уставший взгляд вывалился на Розалинду чудовищным грузом. Какие тяжкие, помрачневшие глаза! Развалившись в бархатном кресле, Царь двумя пальцами придерживал сухое перо, прикасающееся к щеке. Зрачки ее вздрогнули, надутые стеснением и жутью. Спрятав руки за спину, Розалинда потупилась, и удушающим паром стыда обдало ее личико: мысль тут же мелькнула! Позабыла она о приличиях, и теперь уж стоит, как перед казнью, в глаза посмотреть страшится. А лицо Царя все неласковее становилось, все отпугивающее... Тело обдало мурашками, и, раскрыв губы, она хотела выговорить слово, да вдруг звука никакого нет! Испугу ее не было конца. «Что же это? Не могу говорить! Почему?» — озадачивалась она, бледнея от страха. Внезапно выскочил светлый лучик, но что же он может скрывать? Глядя в пол, Розалинда и не заметила, как Царь поднялся с кресел, размеренный шагом блуждая у стола.

— Дама что-то потеряла? — спросил Грифан, оперевшись рукой о столешницу.

— Н-нет... Ничего, — напрягаясь всем телом, выговорила она. — Мне нужна помощь, я ищу...

— Вы лжете, дамочка, — Грифан повернул головой к окну, кладя перо на книгу. — А такая с виду скромная, чистая, прям и подумать нельзя. Что-то вы все же потеряли?

— Извините, — виновато улыбнулась Розалинда, утопая в жарком стыде. — Я имела в виду человека.

Грифан, будто бы не расслышав, прошелся взглядом по стражнику, без конца глядящему свою тонкую рыжую бородку, и грозно приказал: «За дверь!» Зажмурившись, он вновь почесал затылок, мотая головой. «Как прикажете! А прикажете к ногам вашим склониться, я склонюсь, а прикажете убить, я...» Чудаковатый стражник хотел было продолжить, но мыслью оборвал Грифан: «Во все тебе-то нужно свой нос длинный сувать! Вышел вон, не смущай гостью». Часто закивав, он захлопнул дверь, что, кажется, пол под ногами пошатнулся. Спустя мгновение, как только Царь хотел задать вопрос, то из-за щели выглянула рыжая кучерявая голова с маленькими глазками:

— Не убивайте, Идол Вы мой, но, кажется, гости скоро подспеют... Погода не врет!

— Отставить! — рявкнул Царь. — На смерть нарываешься!

— Все... все... Что же Вы так, батюшка?.. Ухожу.

Наконец, стражник пропал. Над головой Розалинды повисла крепкая тишина. Ожидая слов Царя, она отшатнулась от двери, вставая то на носки, то на пятки.

— И кого ищете? Я, уважаемая, всех не пересчитаю, — сказал Грифан спокойным тоном.

— Я ищу мага, может быть, Вы ее знаете... — помявшись, она, спустя недолгую паузу, продолжила. — Много лет назад она была в тюрьме из-за предательства охотников.

— Как звать?

— Афелиса... Афелиса, а вот фамилии не вспомню. Я уверена, что она колдунья, хоть и претворялась охотницей. Я использовала кулон, — засунув ладонь в сумку, она за подвеску вытащила его, показывая. — Недавно это было. И не в тюрьме она была, с ней кто-то шел.

— Неужели Афелиса Диамет? Сомневаюсь, что Вы говорите именно о ней, — с подозрением он оглянул Розалинду. — И зачем она Вам?

— Я верна ей и хочу следовать за ней. Мне некуда идти...

— А имя-то Ваше каково?

— Розалинда, — сказала она, сцепившись руками.

— Необычное имечко. Что же, розы любите?

— Да, но... Я не об этом хотела с Вами поговорить, — Розалинда сглотнула, набирая воздуха в легкие. — Если Вы знаете Афелису Диамет, то можете сказать, где она? И больше я не потревожу Вас.

— Впрочем, о многом мне известно. Она связывалась со мной и с другими высшими магами. Я даже наблюдал за ней. Умеет ли дама хранить секреты? — Царь говорил с усмешкой, хищно глядя, словно затевал какую-то игру. Розалинда четко понимала, что нужно показать настойчивость и серьезность своих намерений, иначе забава эта никогда не перерастёт в настоящее понимание беды.

— Вы знаете, где она сейчас? — повторила свой вопрос Розалинда, не отступая.

— Сейчас госпожа Диамет вместе с другими господами, и вскоре в ее руках будет огромная власть. Власть над магами. Пока она еще не состоялась, но конец будет таков. А Ваше желание велико, — заметил Грифан, усевшись в кресло, и положил ногу на ногу. — Пройли границу, настоящее везение. Охотники не следят ни за чем, а такое-то время... На Вас поглядеть, так и подумаешь, что сбежавшая нищенка, но маг. Чувствую я, дамочка, Вашу бурлящую энергию.

— Почему... бурлящую? — неуверенно спросила Розалинда, чуть приблизившись. — Я не сильна и сомневаюсь, что смогу стать, как Афелиса.

— Что же, госпожа Диамет Ваш идол? — укоризненно бросил мужчина, взглянув на мгновение в окно.

— Она... Да! Не каждому удастся так хорошо скрыться, как она, — воодушевление послышалось в ее голосе, разрушая пугающие преграды. — Афелиса умна и очень проворна.

— У каждого великого человека есть пороки. Однако, — вдруг перевел он тему разговора, — время на разговоры у меня истекло. Сами понимаете. Вы можете остаться в замке на столько, на сколько захочется. Мне только в радость. В гостевую комнату Вас отведут.

Удивление посеяло в Розалинде жуткий осадок сомнений. Сразу вспомнились ей речи о Царе Грифане и его пытках. Впрочем, в радость! Какое же счастье находиться в одном замке со сбежавшей девочкой, когда известно лишь ее имя? И вправду, Розалинда на миг подумала, что Грифан разглядел в ней особую энергию, ведь взгляд его не спадал с нее, смущая и создавая неловкости. Но об особенностях она не утверждала. Единный раз засверкали вокруг нее в бальном танце огоньки и, спустя недолгое время, потухли. Или способности ее нераскрыты? Все может быть, но Царь не пустил бы и на час бестолкового гостя. Шли слухи, чреватые и будто неоправданные, что Грифан желает склонить головы высшего круга магов

и на веки привязать их железными цепями к своему царству. Но и с госпожой Диамет он был на дружеской ноте. Многое может скрывать каменное лицо, а какая чередка замыслов вертится в голове! И подумать страшно, только и утопать в грязи ожиданий. Тот же стражник встретил ее за дверью, следом за девчонкой вышел и Грифан. Ей пришлось потесниться в сторонке, боясь получить подозрения о подслушивании. Царь о чем-то забормотал, а страж лишь кивал головой и в конце его речи спокойно сказал: «Слушаюсь».

Большие потолки возвышались над их головами. Хрусталь в люстрах звонко бился под скорым топотом мужчины. Розалинде пришлось поспевать за ним; любопытство брало верх, и она оборачивалась назад, глядя на дверь царского кабинета.

— Быстрее! — приказывал стражник. — Это тебе, девчонка, пригодится. Коли дома у тебя нет, то придется убегать от неприятностей. А здесь опасаться нечего: у Величества губа не дура!

— Вы знаете, зачем меня оставили?

— Да откуда то? — вдруг остановился он, почесывая бороду. — Может, и вправду нужна ты ему. Я человек ума не высокого — не разберусь, а вот ты бы здорово пошутила, я бы только за компанию! И зачем тебе какие-то там высшие маги? — и издевкой спросил стражник. — Оставайся у нас и будет тебе счастье.

— Какое еще счастье?

— А вот! Остайся, деточка, и узнаешь. Что же это я такое? Что, секреты раскрывать буду? Не-е-ет, — протянул он. — Секреты это дело неприкосновенное. А как часто к ним коснуться пытаются! Вот гады-то этакие...

Многое еще тараторил страж без умолку. Рассказал все и обо всем: про то, как его товарища бросила невеста, как он сражался с охотниками и убил двоих, а какую гордость принесли эти смерти! Блестел он этой мыслью, этим долгом и хвастался своей храбростью, правда, величественно, как и должно быть, не получилось подать. Спальня, в какую привели Розалинду, была на первом этаже в левом, гостевом крыле. Простор, но такой мрак. Два узких, длинных окна были завешаны бирюзовыми, тяжелыми шторами; широкая кровать из темного дерева, с мягким, красным балдахином стояла на ажурных ножках у стены, у изножья поместился большой, того же цвета пуфик. Маленькая серебряная люстра над головой, обвешенная сверкающими бусами, круглое зеркало в золотой оправе напротив кровати, диваны, кресла и расписные столы с вазами — все богатое убранство спальни. Она долго еще оглядывалась вокруг себя, прохаживаясь из угла в угол. Какое удивление! Рядом с дверью стоял шкаф, наполненный книгами. Взяв одну, Розалинда прочла название в серебряной рамке: «Смерть без мук». Все рукописи были о магии, лишь несколько историй о приключениях. Еще не зная, на сколько она заперла себя в этом замке, девочка упрятала две книги в сумку. «Если меня никто не обучит, то обучусь сама». Хоть и широкая была комнатка, но темнота сдавливала стены и высокий потолок, что безумно хотелось пустить лучики солнца в этот алый сумбур. Она вздернула шторы, однако тучи настигли небо. Все в округе впало в тоску и мрак. На душе творился невысказанный хаос, все же, не доверяла она ни Царю, ни стражникам. Неужели лишь из-за милости он пустил ее во двор, выделив комнатку с разрешением оставаться, сколько душа пожелает? Нужно посещать Его Величество часто, иначе Розалинда так и не поймет его натуру.

В последнее время слухи о нем все угасали. Будто боялись лишнее слово бросить о Царе Грифане. Не нападали и охотники, лишь маги просили его благословения, однако удавалось только настойчивым. Очень хотелось Розалинде увидеть Царицу: высокую, стройную

девицу, какую страшится само милосердие. Придворные дамы щебетали о ней своими проказливыми языками много сплетней, скандалов и очередных убийств. Вплоть до ночных ее развлечений со служанками. Немыслимый восторг вызвала эта новость! Клеветали и осыпали оскорблениями правительницу, но та держалась холодно, и на дворе более не разведалась по ветру ее черная фата. Так и помнит девчонка ее портреты: тонкие черты лица, кожа цвета мрамора и большие, невинные глаза, в каких отражалась пустота. Русые волосы заплетены в тугой хвост, накрытый фатой. Такое одеяние обличало ее в неприметную даму, но оно же становилось ее изюминкой и все тут же узнавали, какая особа проходит мимо. Эти сплетни окончательно испортили ее статус. Царь все же верил своей жене и на разговоры про разврат закрывал уши. Жила она совсем в другом крыле, в другой спальне и вовсе в своем мирке. Кроме своих подруг-служанок никого не пускала. Оттого и зародились сплетни об особых связях низшего круга с самой Царицей. Виделись они редко, словно не родные. Грифан избегает расспросов о наследниках. Все эти выходки стали почвой для разбавления скучных часов придворных людей. В замке были и колдуны. Стояли они ниже всех, но на одной планке со стражниками. У Грифана есть советник — Ралдиэль. Пусть и силы Царя и всех придворных величественнее, но колдуны выступают, как пешки и стража. На хорошем ладу они были и собирались вместе не только для обсуждений вопросов народа. Это уж служанки знают точно.

В этих стенах Розалинда просидела до самого вечера: духу не хватило выйти. Только, какое чудо сверкнулось! Скука пожирала ее изнутри, и вдруг резкое желание, какого раньше никогда не было, одолело и заставило потянуться ее к сумке, вывалить на кровать все вещи: посыпались монеты, погнувшийся по краям дневник, книги и кулон. Сила в ней забурлила под нагревом предстоящего зрелища. Девчонка села на кровать, открыв футлярчик. Уж прикоснулась пальчиками к камню, так пронзила мысль: «Нужно запереться!» Хотя в замке это дело не секретное. Все вокруг — маги, но Розалинда до того стеснялась возможности промаха, что хотела раствориться в пепел и разлететься по небу, чтобы не ощущать взгляд насмехающихся глаз. Спустя мгновение затворила дверь изнутри, глубоко вдыхая.

«Теперь нужно успокоиться. А иначе ничего не выйдет, как в тот раз...»

Снова села на край кровати, закрыв глаза. Воображение обрисовало ей размытый образ своей спасительницы, голос, запах и ауру... Все это так неясно и мутно, что тянула душу эта неизвестность познать все глубины. Потирая большим пальцем камень, девочка напряглась, все внимание свое обращая на кулон. Ни одной лишней мысли: только Афелиса. Вспомнилось ей и первая попытка, удачная и пропавшая. Зло ее вымещалось на мальчишке, а сохранять это недоразумение в памяти не хотелось.

Промелькнула искра.

Ее палец все быстрее и быстрее скользил по камню, создавая обжигающее тепло. И свет озарил комнатушку: все вдруг стало таким ясным, ярким и таинственным. Распахнув глаза и хлопая ресницами, она взгляделась в хмурый танец огоньков. Серые, черные цвета разлетались, ударялись друг об друга, и наконец сплетались в бесконечную нить. Огоньки, подобно звездам, кружили над ней, нагоняя восторг и любование. Розалинда размяла пальцы, вскочив на пол. Вот только, звезды все не хотели слепляться. Вновь подумала она об Афелисе, о той сказке, о том лесе и приюте... И, — о, чудо! — язычки из искр переплетались, сверкая и заигрываясь; вдруг вспыхнула полная картинка. Но что же! Перед Розалиндой появилось большое, яркое помещение, напиханное людьми в мантиях с золочеными рукавами. Единственный голос прерывался, люди стояли бездвижно. «Зачем

они все собрались? Что и где это? А Афелиса?.. Она среди них?» — думала она, пробегая глазами по каждой склоненной голове. На возвышении стоял пожилой мужчина, говоря что-то торжественно и громко, размахивая руками. Слов не разобрать. Весь шум стекал воедино. Рядом с ним еще люди без мантий: и лица их смотрела свысока, будто бы на рабов своих, чопорно и важно. Вскоре мужчина стих: вместо него выступила другая фигура. Присмотревшись, Розалинда тут же узнала знакомое лицо: «Наконец-то! Я нашла ее! Хотя бы так... Но почему звук такой плохой? Прошу, сделайся нормальным, хотя бы сейчас!..» Будто по приказу стали слышны даже малейшие шорохи! Розалинда вздрогнула, напрягаясь.

— Долгая дорога осталась позади, — началась ее громкая речь, и эхо зазвучало в стенах. — Мы счастливы снова объединиться и захватить родные края. Вместе с сильным духом маги непобедимы! Пусть мы и находимся в разных землях, обездоленные, нищие, уродливые, но сила! Она загорается в нас все чаще и чаще! Нельзя действовать впустую. Каждый наш шаг, каждое движение влияет на судьбу всего Гроунстена. Предки наши, высшие маги, хранили веками этот остров не для тех кровожадных бандитов, а для нас, для нашего будущего. Наконец, в наших руках последний осколок рубина. Мы ждем остальных жрецов и тогда покончим с этой войной. За эти потери нужно отплатить всем. Всем, кто вставал против нас, — в зале послышался шум. Маги шептались и, поднимая руки, выкрикивали:

— Госпожа Диамет, Вы — наша луна и наше солнце, Вы — наше будущее! — кричали из толпы, толкаясь и не давая друг другу слова.

— Что же станет с чернокнижниками? — задал вопрос мужчина, прорываясь вперед. — И как мы переплывем море?

— Лодок и кораблей нет... — сказала девушка, прямо у сцены. — А как же это?

— Прошу тишины! — воскликнула Афелиса, шагая вперед, сцепляя руки за спиной. — Все это вопрос времени. Не забывайте нашу главную цель. Охотники покинут наши земли и мы поставим сильный магический барьер. Лишь маги смогут пробраться через него. Охотники и не заметят невидимой стены.

— Госпожа! — суетливо прокричал мальчишка, сняв капюшон. — Неужели все охотники умрут от такой силы? А как же чернокнижники?

«Чернокнижники и маги... Разные существа, — думала Розалинда, озадаченно наблюдая за картиной, — но очень похожи. Темная магия способно вывернуть кишки наружу по щелчку пальцев, только не многие так смогут. А Афелиса — госпожа? — спрашивала она сама себя. — Выглядит, как остальные маги на возвышении... Интересно!»

— Время стирает историю. Не забывайте, молодые люди, что они предатели. Раз они хотели встать на нашу сторону, но подло обманули. Пусть они и умрут, но заклинания сохранятся в книгах.

Сдержанность и спокойствие приросло к ней с корнями. Густые брови ее хмурились с каждым выкриком, и лишь властный, ровный тон голоса возвращал жрецов на место. Огоньки продержались долго, Розалинда услышала и вникла в многие вопросы, но только один привлек ее всю:

— Правда, что вы станете Королевой Гроунстена? — после этих слов зал забушевал. Бурные и нетерпеливые выкрики, восторг безудержным эхом ударялся об стены.

— Род обязывает. Я верна своему народу и вам. Мы все едины, — коротко отозвалась Афелиса и скрылась среди других магов.

Связь прервалась. Хотелось увидеть большее, но, к сожалению, огоньки рассеялись и

растворились в душном воздухе. Жаром обдало Розалинду, дышать стало труднее: будто какая-то сила сдавливала грудь, а в голову ударил тяжкий молот. Вот, чем пришлось отплатиться ей ради недолгой картинке, промелькнувшей перед глазами. Ей и вправду казалось это мгновением. Зал, маги, Афелиса — все это дало плод ее воображению. Неясно, почему она вдруг могла стать Королевой Гроунстена, и скорейшее возмездие — дело интригующее и пугающее. Страх происходил из понимания потерь, ведь победа не обойдется без убытков. Розалинда напоследок погладила камень, внутри которого бурлили новые огоньки, и затворила футлярчик. Всякое чудо поражало и ужасало. Теперь уж в ней окончательно укрепилось убеждение того, что нужно выведать у Царя то место, куда стекаются все жрецы. Медлить нельзя, однако спешить страшно и опасно. Пусть все идет своим чередом, и когда-нибудь Розалинда увидит, что может сделать один лучик солнца с человеческой душой.

День она провела над книгами. Отрывала листы и писала заметки для сценариев: «А ведь рукописи мои сожгли. Хорошо, что я всегда запасаясь копиями. Такая нынче гласность...» — проводя пером по лицу, она размышляла долго и глубоко. Все же рассказы о ведьмах уничтожены, поддельное имя ее стерто. Постепенно все несло ее сквозь облака мечтаний, и четко всплыла картинка: лестная и греющая душу. Сказки разлетелись по всему Гроунстену, достигнув столицы и маленьких деревень. Ночью, когда закат тихо потухает, дети тянут ручки к книжкам и просят своих родителей поласкать их слух и фантазию. И сколько миленьких, спокойных лиц улеглись лицом в подушку, уносясь все глубже в волшебные миры?.. Такие размышления согревали, и, порой, закрыв глаза, Розалинда до того блестящим представляла свой успех, что засыпала; или в дивные дни любовалась своими чертами в зеркале. Темнота мучила и пожирала все вокруг: глаза слеплялись, и вовсе мягкое, нежное одеяло сна накрыло ее, убаюкивало. Лениво встав со стула, девочка поплелась к кровати и, прижавшись ухом к подушке, обвила сумку двумя руками: «Будь, что будет... — последние мысли витали в голове. — Если нужно будет, разбудят...»

И сон поглотил ее целиком.

Стены впитали в себя многолетнюю тишину. Оно и понятно, ведь в замке Тираф сражений или дворцовых интриг не происходило. Лишь придворные утоляли свою жажду услышать и обласкать чужие уши сплетнями. Все понимали, что если дойдет до правителя или его жены, то многим придется положить голову под меч палача. Сколько шуму, и никакого толку не вынесли зрители иной такой казни. Дело страшное, и переплеталось оно вокруг Царицы; не ясно, почему так сластятся пускать бессмертные говоры о Ее Величестве. Как ни странно, но вышла замуж она случайно, и царской крови не была. Словно сошла со страниц любовного романа — простая фрейлина жены Грифана, и закрутились страсти и томления. Бывшая Царица скончалась, а ее подруга — близкая и верная — так резко избавила Грифана от душевных мучений, что вскоре и вовсе позабыл он о своей умершей ненаглядной.

Проснулась она поздно: на маятнике напольных часов стрелка указывала на восемь часов вечера. Спросонья подтягиваясь, Розалинда зевнула, перевернувшись на правый бок. Но вскоре, поняв сквозь сон, что время, должно быть, позднее, тут же распахнула слипавшиеся глаза, быстро моргая. Она оглянулась: все как прежде. Никто не приходил. «Должно быть, сегодня будет бессонная ночь, — подумала Розалинда, поднимаясь. — Интересно, кто-нибудь стучался? Дарья говорила, что если снится сон, то я спала крепко. Хотя...»

Мысль оборвалась. Взгляд ее, словно затуманенный, метнулся на дверь. Заперто. Значит, никто и не заходил. Неспешно подправив измятое покрывало, она обернулась, и — какая неожиданность! — отражение смотрело на нее уставшими, измученными глазами. Тот кошмар до сих пор не оставляет ее. Покойная мать следует за ней попятам, и, если избежится, то навлечет на себя темную силу проклятья. Однако, что же это за темная сила? Она не была колдуньей при жизни, тем более чернокнижницей. Тут же пролистывались в голове серно-белые листы, потертые и вовсе изуродованные. Многие воспоминания остались в детстве, но эта скверная ложь, ниспадающая с ее губ, которой покойная мать так метко и быстро металась, не исчезнет никогда.

Розалинда аккуратно расплетала сбившуюся косу, глядя через зеркало на остальное убранство комнатки. Взяв с тумбы деревянную расческу, она нежно гладила ею по прядям с макушки до кончиков. Волосы рассыпались по плечам. Девчонка собрала их в низкий, простенький хвост, заправляя пряди у висков за уши. Тотчас же постучались в дверь. Дернулась ручка, и раздался мужской голос:

— Вас требуют к ужину!

Она подскочила с места, не сводя с себя глаз. Покрутившись у зеркала, спешно подтянула черные чулки, платье, спадающее с груди, и, наконец, в нетерпении всмотрелась в уставший свой взгляд. Но вся сонливость вмиг исчезла, стоило лишь издать стуку в дверь. Словно полетев по спальне, остановилась у стены, сжимая ладонь в кулак. Выдохнув и сморщившись от неожиданного чихания, поступившему к глотке, Розалинда повернула замок и показалась на пороге. В коридоре стоял мужчина среднего роста, до жути светлый, словно ангел. Красное платье, с вырезом на правом бедре, обрамленным золотом и драконьей головой. Широкие черные штаны, заправленные в кожаные сапоги чуть ниже колена, с удлиненным носком. На левом плече — черный мех, а руки одеты в узорчатые перчатки. Одевание его было необычным, что Розалинда все свое внимание уделила этому. Белоснежная, нетронутая кожа, высокие скулы, хищные карие глаза, смотрящие на нее свысока. И сил не было промолвить хоть слово; благо, он объяснился:

— Царь отдал приказ пригласить к столу гостью, — сказал он, подавая руку, обьятую в черную ткань. — Извольте присоединиться?

— Да, — кивнула Розалинда, неуверенно кладя свою ладонь на его.

Обычай царства поражали. Конечно, она знала, что подать руку женщине не во всех землях это признак увлеченности и симпатии, напротив, в этих краях это было проявление высшего уважения и желанного приглашения. Порой мужчины и женщины брались под руки, и никто не смущался. Спускаясь по ступенькам, Розалинде удалось искоса оглядеть мужчину поближе: видимо, сам советник! Неужели она столь уважаемая персона? Глядя на него, девчонка стала ожидать чего-то необыкновенного. Изумляла ее и мысль о предстоящем ужине, да еще каком — с царской семьей! В глубине души она верила, что торжественностью своей скрасит Царица. Уж до боли любопытство било ее. Служанки распахнули двери им навстречу. Круглый зал, завешенный шторами, предстал перед ее глазами. С потолка свисала люстра, уставленная зажжёнными свечами, потому и казалось помещение не таким уж мрачным. Однако главную роскошь Розалинда не упустила из вида — стол изыска и удовольствия! Царь сидел далеко, властно и почетно. Советник галантно отодвинул стул, указывая Розалинде присесть. Манерность ее уходила далеко за границы. Она поклонилась мужчине и уселась на стул, почувствовав, как сильные руки толкают ее к столу. Лишь после осознав, какой промах был на ее имени, то смутилась и, как должно быть,

не начинала длинного разговора. «А Дарья говорила ведь, что прислуге не делают таких почестей, — стыдила она себя, копая до чувственных нитей. — Считается за принижение своего достоинства...» Стыд ее не померк и после ужина. На лице советника мелькнула легкая ухмылка. Не поворачиваясь, он, получив наставление Грифана покинуть зал, кивнул и затворил за собой двери. Розалинда боялась даже прикоснуться к столовым приборам. До того это смущение ее поразило, что породило страх. Как и подобно собравшемуся гостю, она ожидала призыва к кушанью, молча и всем видом показывая, что нисколько не нетерпелива. Царь все глядел на дверь. По этим взглядам Розалинда старалась догадаться, что кого-то или чего-то ждут: важнейшего родственника или не поспевшую закуску? Впрочем, не долго она держала в себе ношу томления. Царь развернулся в полуоборота и тихим тоном (что было неожиданно) начал:

— Пусть Ваше появление было неожиданным с одной стороны, но... Я хотел прихода таких людей, как Вы.

— И что это значит? — спросила Розалинда, положив руки на колени.

— Редко встретишь людей с таким большим запасом нерастраченной силы. Вы, видимо, совсем не занимались своим даром. Что, впрочем, зря. Многие теряете. Случаем, Ваши родственники не придворные люди? — сказал он, поглощенный интересом. — У знатных магов именно такая... Такая манящая сила. Помню времена, когда колдуны убивали дворян ради их крови. Хорошо, что Вы живете в это время, когда охотники не различают ценности колдунов.

— Маги охотились на своих же? — с сомнением поинтересовалась она, смотря то в пол, то в стены за Царем.

— Да, — отрезал Грифан. — Столько талантов погубили и оставили бесполезных. Оттого и так слабы мы стали.

Он хотел продолжить, вот только скрип дверей вынудил его замолчать и вскинуть удивленный взгляд. Розалинда тоже не могла наглядеться и подумала, что мечтания ее сбылись. Настоящее чудо! Из тени легким, изящных шагом, словно летя, вышла на свет Царица. Тонкие руки сложены на груди, потупленный, но такой высокомерный и колкий взгляд! Она уж было застыла на месте, оглядев зал, и глаза ее замерли на Розалинде.

Парад мурашек прошелся по коже. Она лишь похлопала ресницами, и четкая мысль устоялась в голове: ее ждет ужин серьезный, без доли наслаждения.

21. Корыстная ловушка

Дурное предчувствие впиталось во всех колдунов, играясь с волнением и мыслями. По залу разнеслись перешептывания: кто-то говорил громко, точно хотел быть услышанным, а кто-то едва ли издавал звуки. Нетерпение разогрело в их сердцах чудовищное пламя ужаса и суматохи. Вдали мальчишка протянул руку, махая ей в спертom воздухе.

— А как же охотники? — голос его дрожал в испуге. — Госпожа Леотар говорила, что с ними не связаться. Неужели они в таком сложном пути?

Восторженное облегчение магов сподвигло эти слова. Опасность поджидала в каждом человеке. Смерд жути и мрака томно вздыхал в этих стенах, ударяя в склоненные головы, сворачивая шею. Все на миг замолкло: весь их мирок застыл в бесшумном ожидании. Хакан, стоящая на возвышении, посмотрела на Афелису: отчуждение и укоризна кололи ее в душу. В смятении отводя взгляд, маг ступила шаг вперед, твердо и громко воскликнув:

— Незачем так волноваться, — обратилась она к мальчишке. — Охотники не найдут наше пристанище. Даже если среди нас есть предатели — сломить стены и дверь им не удастся. Мы нападём на них прежде, чем они успеют ступить в пещеру.

— Но как же напасть? — иступлено проговорила Леотар. — Щиты, заклятия, барьер? Да, они не смогут прорваться. Однако же...

— Прежде всего, защитим дверь. Мы не знаем, сколько их будет, и будут ли они вообще. Вы, Леотар, жертва эмоций. Паника лишь усугубляет наше положение, — спустя мгновение молчания, не дождавись ответа от нее, напуганной до жути, девушка с показным торжеством сказала. — А теперь, господа, — слуги всего нашего народа — собрание подходит к концу. Все мы боимся предательства, и, если оно есть в нашем кругу, помните, что в единстве сила.

Двери отворились, и черные колпаки гурьбой повалились в коридор. Вскоре зал совсем опустел. Спустившись по ступенькам, Афелиса побрела на выход; вдруг доселе взволнованный голос Леотар ударил в уши, что пришлось остановиться и выслушать все наболевшее и встревоженное в ее сердце. Женщина подбежала, запыхавшись, и стала перед нею в упор, глядя на нее с мольбой.

— Что же Вам? — без удивления спросила она Леотар, видя, что стоит госпожа внезапно выпрямившись, глядит во все глаза, а разговора не начинает.

— Да как же, солнце наше? — пробормотала она, тяжело вздыхая. — Грызет меня что-то внутри. Уж не к доброму делу. Давно не переживала я так сильно, прошу, услышьте меня, госпожа Диамет!

— Я уже все сказала. Вы излишне тревожны. Пока опасности никакой нет, — раздражительно отрезала Афелиса, с явным чувством надоедливости.

— А предатели? Какой вздор, быть не может! — вскрикнула та в недоумении. — Они, конечно, могут быть, и они и вправду часть общества, но Ваши речи заставляют только насторожиться...

— Я и призываю колдунов насторожиться. И будьте спокойны, Леотар.

Афелиса подняла на нее свое бледное, почти унылое лицо и не сказала больше ни слова. И странно показалась Анариэлю, тихо наблюдавшему за разговором, рядом с этим тихим и спокойным лицом нескрываемая, раздражительная язвительность ее. Если Леотар бы вновь крикнула что-либо вслед, то, он уверен, Диамет либо съязвила, оставив после слов своих

обидный осадок на душе, либо гордо, не оборачиваясь, двинулась к дверям. Коридор был полон людей, двери отворены настежь; и в комнатках, и в залах — все маги притаились и ждут, молчат! И непонятно: почему до сих пор сердца их так бешено стучали? Видимо, вести других жрецов и прерванная связь до того стеснила их, что и звука подать боятся. И вот перед носом Афелисы возникает знакомое лицо. Застыв у порога, она пошатнулась, отступив от неожиданного гостя. Гневный, нахмуренный взгляд ее вперился в госпожу Диамет, словно пробивавший насквозь — взгляд противника. «Милада, — отозвался в голове ее растрепанный образ. — Вот уж кто беду накличет». Высшие маги посмотрели на нее, никак не удивляясь. Будто все ожидали такой неожиданной подарочек, пришедший прямо из пристанища злобных существ. Впрочем, эта угрюмость на миг озарилась, это прибавило к ее грустному выражению лица сосредоточенной муки. Свет померк скоро, но мука и усталость остались. Милада, все приближавшаяся к отступающей Афелисе, будто изучала ее, вынимала наружу все ее замыслы, а алые губы расплылись в саркастичной насмешке:

— Рада видеть Вас, мой свет, — подняв голову, она еще пуще заулыбалась. — С радостью приму Ваше благословение, ведь, признаться, оно мне и нужно! А Ваша речь! Я так и чувствую наступление новой эпохи... Правление династии Диамет!

Поддельная радость воссияла на лице, бывшее давеча неприступным и холодным. Распахнув руки, женщина уж было хотела обнять ее, как родную, но Афелиса отмахнулась, подступив к возвышению.

— Что же Вы так? — спросила она, не получив ответа. — Неужели я Вам неприятна? Не думаю, что это так долго продлится. К слову, мне нужно искупить свои слепые грехи. Эти дни я много думала и, наконец, смирилась. Не хочется быть на плохом счету с будущей своей королевой. Не та-а-ак ли? — игриво протянула она.

Анариэль стоял и слушал с отвращением. Он пристально пригляделся к Афелисе: девушка становилась все озабоченнее и хмурилась; ей ясно представлялось, что дело мирно не кончится, и пустым взглядом следила за возраставшей ненавистью Милады, какую старалась та скрыть за прошением благословения. Хакан в зале уже не было. Леотар сидела в углу, и глубоко вздыхая, смотрела то на Анариэля, то на Миладу — лицо ей интересное. Ей, между прочим, были известны многие причины такой бурлящей злобы, по которым дамы так презрительно обошлись друг с другом. Здесь было и что-то свое: с самого прихода жрецов, внимание ее подозрительно пало на Миладу. «Сам черт шепчет, что что-то скверное в ней... — думала, напрягаясь с каждым ее словом. — С нее глаз нельзя спускать».

— Вы обижаете, — жалостливо пролепетала Милада. — Сами знаете, сколько бед за моей спиной. А Вы, как правительница наша, должны понимать, как тяжело живет Вашему народу. У меня сбежал ребенок, хотя знаю, что она здесь. Здесь моя милая доченька, — чуть ли не всхлипывая, она продолжала. — Будьте добры, в конце концов...

— Вы выглядели счастливой, когда вошли в зал, — наконец отозвалась Афелиса. — И зачем опять на жалость напрашиваетесь?

— Жалость? — с легкой улыбкой, будто не веря, воскликнула Милада. — Высшие маги с давних пор одаривали своих слуг благословением. Неужели Вы нарушите традиции? Этак неверно будет.

— А заслуживаете ли Вы его? — вдруг раздался голос Леотар.

— Остальные, даже провинившиеся маги получают... В чем я хуже? — проговорила жрица медленно и слабо, с искривившимися в болезненную улыбку губами. — В чем же? Это Вы, видно, лжете. А ложь — известный грех! — говорила, едва ли чувствуя, что

взвешивает должность слов. — Но я не в силах Вас обвинять, и ссориться с высшим кругом не намерена. Если Вы не благосклонны ко мне, — обратилась она к Афелисе, — то и не нужно.

Женщина все еще упорно смотрела на нее, проговаривая все медленно, вязко тянув слова, и внезапно снова беспредельная злоба блеснула в глазах. Губы ее дрожали, и хотев было что-то лукаво добавить напоследок, Милада лишь отвернулась, неспешно шагая к двери. Диамет обернулась, посмотрев на остальных с волнением: и, да, этого и ожидала она! Леотар уже вся дрожала, толи от холода, толи от бившей ее тревоги. В зале остались только они трое. Анариэль лишь искоса взглянул на Леотар, не одаривая ее особым вниманием.

— Я — дело-то необычное, — нахмурившись, громко вдруг проговорила Афелиса, подойдя к нему. Тот молча поднял на нее глаза. Дикая решимость и суровость выражались во взгляде.

— Проследить бы за ней. Чую, натворит нам проблем она — несчастная мамочка, — сухо и отрывисто прошептал он. Огарки уже давно погасли в искривленных подсвечниках, тускло освещая в этом зале будущую правительницу и воина. Странно сошедшая с возвышения Леотар, сложив руки за груди, окутала себя атласной накидкой и тоскливо прошептала:

— Скучаю по прежним временам. И, кажется, только Вы, Афелиса, способны поднять наш народ с колен. И я уверена, что Вы справитесь с такой большой ответственностью.

— По поводу Милады, — начала она. — Я присмотрю за ней. Если замечу странности, то сообщу и приступлю к делу.

— Какому это делу? — с усмешкой поинтересовался Анариэль. — Свяжешь и убьешь Миладу и ее союзников? Я сомневаюсь, что она одна. Не будем делать поспешных выводов. Время покажет и раскроет лица предателей. И вообще, — вдруг посмотрел он на Леотар, — с каких пор мы подозреваем, что они есть? Обыкновенное опасение. Не накручивайте себе бед, госпожа.

Время шло, и постепенно Элид с Илекс стали обживать. С каждым днем им все меньше и меньше приходилось удивляться обстановке, колдунам — все примелькалось к глазам. Вливались они в череду происшествий, больше не слонялись по коридорам, как потерянные. Любопытные взгляды их уже не останавливались так часто, не следили за людьми со странными гримасами с неприкрытой наглостью. По одиночке совсем не прогуливались: боязно было. Элид расхаживал по залам и пустым комнаткам, как дома, и уже до того привык, что не смущали больше обыденности жизни высших лиц. Никто не голодал — каждому доставалась своя похлебка. Пусть и пересоленный суп, мутная вода, но маги были людьми непривередливыми и небрезгливыми. Кто-то брел по бесконечным коридорам один, кто-то собирался целой гурьбой и вламывался в свою харчевню. Высшие лица давненько не вкушали сладости заморских фруктов, соков и пряностей. Да и позабыли уж о таких роскошах. В этом пристанище осознаешь предназначение кушанья. Все ели, чтоб не умереть раньше времени. Да и стыдились погибать: кто же позаботится о трупах? В комнатках витал спертый, теплый запах, и в этот сумбур вмешивается гниль. А какое чудо представало перед глазами в иное время! Лохань с чистой, прозрачной водой! Прислуга — заскучавшие добровольцы, едва ли не погибшие колдуны, самолюбие которых растоптано скукой и унынием — приносила ее в каждое помещение: уж как повезло, что соседей нет! Если фортуна улыбнется, то великое счастье для каждого мага искупаться первым, а не

прийти на грязную, мыльную воду. Элид с Илекс жили в отдельных спальнях. И только их комнатки можно было назвать спальнями, остальные — застеленные сшитыми одеялами из старых, грязных рубах потные помещения. О мягких подушках лишь мечтали. Свет зажигался в стенах коридора. Обычно, в одной комнате спало человек десять — так еще каких! Окровавленные рубахи и платица валялись повсюду: провинившихся пытали розгами, а покалеченные их спины тут же пачкали одежду. Порой плач доносится до покоев высших магов; стоны, крики — все сводило с ума чувственных и тревожных людей. Иногда слышится лишь хлест гибких розг, а жертва и звука не издает, точно мертва.

Что же нужно было сотворить, чтобы лечь под прут?

Детки, уж больно капризные и игривые, попадали под горячую руку чаще, чем провинившаяся прислуга. Оно и понятно, ведь дело это — прильнуть к чьим-то грязным ногам — добровольное, да и хорошо поощрялось. Иной раз, проходя мимо одной приоткрытой двери с куском черного хлеба в руке, Элида до того трясло, что казалось он сам получал острые удары, заставляющие кровь бурлить в венах, а разум помутиться. Воровство — не порок. Подземелье это было очагом зарождения безумства и жажды крови. Красть тайком чужую корку заплесневелого хлеба было детской шалостью, и родители маленьких проказников смирились, не придавая всем забавам большой беды.

Вот такое житие-бытие, и жаловаться никто не смел.

Однажды, выходя из двери спальни, Илекс тихо, на носочках шагала к покоям Элида. Крики маленького мальчишки били по ушам, стекаясь ноющею болью в висках. Едва ли задышался ребенок от мольбы прекратить, царапая отросшими ногтями деревянный стул. Точно клеймили малыша раскаленным железом, а как рыдания стихли, так показалось, что язык отрубили. Вскоре послышался мужской, злобный голос, а вслед за ним всхлипывания и насильное принуждение извиняться, чуть ли не кланяясь в пол. «И что же он такого натворил? — промелькнула мысль, отдаваясь холодком по коже. — Неужто украл что-нибудь? Или так сильно напакостил?» Задумавшись, Илекс и не заметила, как прошла мимо нужной закрытой двери. Оглянувшись и услышав, как кто-то быстро шел по коридору, затем и вовсе побежал за углом, она в трепещущем волнении задергала ручку, кулаком стуча в дверь, испугавшись кричать. Взгляд, рассеянно бегающий по двери, словно с диким ревом призывал Элида пустить ее и запереть. Слишком громкий шум. В бессилии Илекс всем телом прижалась к двери: зрачки ее наполнились ужасом, увидев промелькнувшую тень! Лицо ее побледнело до жути. На грудь словно упала тяжелая ноша: тяжело дышать. И вот, эта тень все увеличивалась, спешные шаги стихли, и спокойной, ровной походкой вышел из-за угла мальчишка. Ужас затмил ей глаза: фигура размывалась, тяжелый молот будто ударил в голову, и глазки ее медленно закрылись. Тельце ее скатилось вниз, и на миг почувствовала девчонка, как сильные руки прихватили и удержали ее. Воспоминание не сбилось обмороком из памяти.

Будто сквозь туманную дымку, размытым взглядом разглядела она потолок в грязных, серых пятнах. Быстро хлопая глазами, потеряла их кулаками, осматриваясь: пустая, темная комнатка, лишь с одним столом и стулом со сломанной спинкой. Она вдохнула холодный, резкий воздух, и нос вдруг пробило от спертости и духоты, обволакивая приятный чувством. Но едва стали прокручиваться мысли, пугающие и тяжелые шаги, тень, и руки — все под крылом темноты, то подумала она пресерьезно, отмахиваясь от паники. Голову до сих пор кружило, словно в водовороте, засасывая в бездонную яму мясорубок и ножей. Лежала она на не застеленной кровати, вся растрепанная: платье, спущенные перчатки, снятые ботинки.

Холод пробрал ее до самого сердца. Испуг достиг не только ее, но и, кажется, заполонил всю комнатку. Прохлада будто колола оголенные руки, Илекс хотела подняться, но внезапно в коленках отозвалась ноющая боль. Что же случилось? Она поморщилась, поежилась и аккуратно уселась на край кровати. Мысли насмешливо сгрызали весь факт действительности, вселяя в голову рогатых чертов

«Кому я была нужна? И что, если меня украли? Глупо, но все может быть, — думала Илекс, неловко просовывая ногу в ботинок. — Нужно бежать. А что... если это Элид? Я ведь к нему шла, и близко была, — озарилась она мыслью, сглотнув. — Да ну. Он бы тогда все наше пристанище поднял своим криком...»

Нагнувшись, со вздохом девочка просунула правую ногу, подтягивая ботинок двумя руками. Пальцы ловко переплетали шнурки, завязывая их в маленький бантик. Прикоснувшись к другой ноге, и уж было скоро обуваясь, услышала она шум в коридоре. Однако, звуки эти не так пугали, ведь кто сунется в чужую комнату? Разве что хозяин... Вдруг ручка вздернулась, и дверь отворилась. Илекс так и застыла, пристально вглядываясь в темный проем. Наступило глубокое молчание, как будто все живое в этих стенах затаило дух. Каждая ее частичка ожидала в неистощимой тоске. И, наконец, проглянула знакомая фигура.

— О, очнулась, красавица, — раздался звонкий голос входящего Элида. — А то думаю, на долго ты притихла, как те сурки: попрятали по норам и носа не высунут.

Затворив дверь, он подошел к склонившейся Илекс, подавая ей корочку хлеба. Все внутри смеркло. Выпрямившись, она потянулась, отводя согнутыми локтями в сторону, зажмурившись. И после, посмотрев на него в изумлении, все же взяла, откусывая кусочек.

— Я и не думал, что это место тебя так удручит. Но я, если честно, тоже не мало повидал и испытал. Вот, что может сделать поход за едой! — шутливо воскликнул Элид, садясь на стул напротив. — Дурное дело намечается. Ты знаешь, что люблю я походить по разным закоулкам. И на что набрел! Невероятная вещь! — говорил он с интригой, чавкая и пережевывая твердый хлеб. — Нешуточные вещички, это я так говорю, чтобы тебя не пугать.

— Скажи уже прямо, довольно бессмыслицу нести, — отгрызнулась Илекс, зашнуровывая ботинок.

— Обижаешь. А, вообще, мне не привыкать. Иду, значит, со столовой нашей, решил пройтись по другим коридорам, непривычным. Я ведь всегда с тобой одной дорогой хожу, хочется разнообразия. В кои-то веки! Гляжу вдруг, что у двух господ разговор интересный намечается. И кто я такой, чтобы мешать? Нет, лучше уж подождать, пока языки их не заплетутся. Не стал пугать. Одна женщина и мужчина, — он замолк, точно вспоминая, — тихо говорили, что слов некоторых не разобрать. Но мысль я уловил, пусть и скользкая она, но не упустил.

— И о чем говорили? — спросила Илекс, явно подозревая, что разговор окажется пустым, и он набрел на хорошенький подарочек для своей фантазии.

— О своих преступных делах. И они ведь не догадываются, что я засек их за преступлением! — гордился собой Элид. — Пусть и случайно это вышло. Но, как там говорили... Случайности не случайны, вот! — вспоминал он цитату, подбочинясь. — Намечается предательство. Так я и ходил рассказывать высшим лицам. Афелисы в покоях своих не было, все в зале собрались. Почти все. Сначала не поверили, ну, это уж не моя беда. Ты тоже не веришь, что могу я быть полезным. Это лишь твое мнение! А я им вот, как помог.

— Как же помог?

— Помог с расследованием. Как в тех книжках про убийства. Позабыл, как называются...

— Криминальные романы? — вопросительно сказала Илекс, догадываясь, что крутится у него на уме.

— Да, точно! — тотчас же пускался опять говорить он, будто вспомнив без ее подсказки.

И принялся парнишка объяснять, а Илекс слушать, примкнув к спинке кровати, несколько склонив на бок голову с нескрываемым, явным оттенком в лице. Казалось, что она смотрела на друга свысока. Оттого, наверное, что мыслит и смотрит на дело с серьезной точки зрения, а Элид — убаюкивает своими чувственными рассказами, восклицая и частенько вступая в нескончаемые монологи; лишь упрек и ругань заставляли его замолчать и одуматься. Конечно, чувствует он себя справедливо обиженным: все же хочется всплеснуть град своих переживаний и, наконец, жить с чистой, легкой душой. Когда уж наступало мгновение полной его отдачи себя эмоциям, что уводили совсем по другой тропе, Илекс рассержено попрекала Элида, и тому последовал свой славный конец. Впрочем, многое ей удалось выловить из сумбурной воды. Главная мысль, которую он так жаждал донести, да до того расчувствовался, что пустился в тщеславный пыл — новость его о предательстве дошла до высших магов. Пусть и болели колени, но, черт, душу рвало желание узнать, как дело идет. Пока пристыженный парнишка сидел на стуле, поникнув головой, она вскочила с кровати, порываясь к двери. Заметив, как тонкие ножки спешно ступают, он поднял взгляд и нахмурено спросил:

— Ты куда это? Уже к себе пойдешь? А ко мне тогда зачем явилась?

— Я хочу узнать, что происходит, — ответила Илекс, кладя ладонь на дверную ручку, открывая. — Не хочу быть в неведении.

— Чего выдумала! Я тогда с тобой пойду. Здесь делать нечего — если только умирать.

Поднявшись, он последовал вслед за девочкой. Блуждая по коридорам и натываясь на тупики, уводящие в другое крыло, они, все же пройдя душевные посиделки, плачь и спящих колдунов, а некоторые и вовсе невесть что творили, дошли до главного зала. По пути Элид разжигал потухавшие свечи голубым огнем, и коридор, подобный туннелю, озарялся приятным, мягким светом. По запястьям поползли мурашки. Наступали холода и земля замерзала. И вот оказались они в душном промозглом зале с высокими кирпичными сводами. Никого не было. А сколько шуму и криков издавалось из этих стен в давешнее время! Все будто вымерло и вскоре покроется корочкой твердого льда. Илекс остановилась у двери, дергая подступившего Элида за рукав, шепча: «И так понятно, что никого нет. Видно, ушли уже...» Хоть и тихонько шептала она, но слова эти раздавались по всему коридору: «Пойдем, нечего нам здесь делать. Если что-то случится, то все об этом узнают». Элид только пожал плечами, словно дело лишилось своей ценности, и молча, едва ли дыша, вернулись они обратно.

«Маги не оставят это без действий. Наверняка они ушли, чтобы разобраться. Сколько шуму наведет Элид! Но это и к лучшему... Если бы предательство было не уличено, то нас поразил бы полнейший разгром».

Уйму бед способно навести время. Сплетни и слухи поползли по всему пристанищу, избавляя от спокойного сна, как вдруг двенадцатый час звонко пробил на больших часах. Двери заперты. Все лишь тихо шептались, воплощая в воображении свои опасения. Получив

известие о разговоре Милады и неизвестного жреца, никто не был удивлен. Афелиса покосилась на Анариэля, будто спрашивая: сомневается ли он еще в том, что никакая опасность им не угрожает? Он, однако, несогласия не высказал — не затем только, чтобы угодить ей. Все же витали мутные сомнения, что Элид, под воздействием напряженной ситуации пририсовал к их беседе что-то свое, несуществующее, и неприязнь выплеснулась в том пересказе, который пусть и ожидаемый, но показался бредовым до чертиков.

Все же, дело не оставили. Ненароком мальчишка упомянул и о щедром вознаграждении, обещанном жрице. Вот уж и прояснились ее мольбы о благословении — сделка, все же, по маслу не пошла. Тут же выдвинулась Афелиса к указанному месту их встречи, радуясь в таком скором обнажении замыслов Милады, но — уж беда оказалась суровее, — и духу не было среди камней и продавленных кирпичей. Оглянувшись, она мельком пробежала взглядом по дверным щелям, но в них были только выглядывающие носки колдунов из-под сшитых воедино платьев. Длинные ресницы дрогнули. Тяжесть этих беспощадных дней оказалась чрезмерной. Сначала и страха она не знала: мчалась как сумасшедшая, чуть не сшибла девочку в коридоре, и весь путь ухмылялась, находя происшествие забавной игрой. Миновав харчевню и завернув за угол, Афелиса замерла: в глазах засверкала решимость и победа, ярко и сильно. Стук сапогов привлек и устрасил жрицу, и спешащая ее темная фигура остановилась, словно околдованная. Свет, исходящий от свечей, чуть прикасался к мелким царапинам на лице госпожи Диамет. Исчезла ухмылка: предательница навлекла на себя и на свою сделку роковую ошибку. Не золото будет висеть на ее шее, а сухая, жёсткая веревка скрасит ее бессовестное, покойное личико. Сколько же волнующих чувств Милада отражает на себе! Глаза живые, черные, напуганные не по-детски. Рванувшись вперед, под бушующей мыслью: «Бежать!» она оступилась, и столь болезненный, пробивающий сердце стон вырвался из лживого рта; зрачки задрожали в бешеном приступе тревоги, ноги не чувствовали под собой пола, и взыв вверх, Милада запрокинула голову в нервном подёргивании. Длинные щупальца обвили ослабевшее тело, давя на живот и грудь. Длинные, словно пальцы, они излучали мрак и предсмертную боль. Последняя мысль, последний признак жизни, вдруг сложилась сквозь крики и рыдания: «Щупальца!» Слово это пробило голову ее адским мучением. Она поникла, и волосы ее скрыли едва ли не погибшее лицо.

— И сколько таких же, как ты? — равнодушно спросила Афелиса, ослабив хватку щупалец.

Истерически отдышавшись, Милада метнула в нее заплаканным, истерзанным пытками взглядом; задыхаясь, выплескивала с пеной у рта:

— П-помилуйте... госпожа, — невнятно шептала она, всхлипывая. — Нас двое... двое...

Острые иглы вонзились в теплую плоть: из ран хлестнула кровь. Сила сжималась, вынуждая ее говорить.

— Он... рядом, — выжала из себя жрица, кашляя и закрывая глаза. — Не прииду-у-ут...

— Что же ему не прийти? Скажи, где предатель, и в лучшем случае ты отправишься под замок.

— Там, в той комнате... Направо... вторая! — взвизгнула Милада, словно сердце вырвали.

В последний раз она взглянула на лицо мученицы, бесчувственно и отчужденно, и лишь губы ее вздрогнули, чуть не расплавившись в холодной усмешке. Никогда не приходилось ей одаривать жертв столь безжалостными и душераздирающими пытками. Не довольствовалась, и не было ей в наслаждение смотреть в молящие, утопающие в муках глаза с лопнувшими

капиллярами; кажется, снова кровавые ручейки потекут по нижним векам, плавно стекая к истерзанным губам... Или, все же, картина удивительная. Впрочем, только долг побуждал ее к делам мерзким и дергающим нервы. Всех их, предателей, настигнет один конец — голод. Завернув за угол, она заглянула во вторую комнату в правой стене: два спящих человека. Запрокинув головы, словно застреленные, они лежали на покрывалах, примкнувши к сырým стенам: точно запах был им по нраву. Долго ждать не пришлось. Крики и громкая отдышка созвала всех в округе, когда все стихло, словно ничего и не было. Присев, Афелиса осматривала тело одного мужчины, худого, высохшего, подобно старику, но лицо молодое. Щеки впалые, волосы отстрижены, и спал паренек крепким, сладеньким сном, вовсе не воображая, что сновидение это стало его вратами в пустой, голодный ад, где существа перегрызают друг друга, лишь бы мясо в зубах гнило. Вдруг брови его нахмурились, а губы задрожали. Облегченно выдохнув и чуть не разбудив второго колдуна, она отошла, и страх, наконец, пробрал ее: наткнулась она вдруг на чужую грудь. Отмахнувшись, Афелиса попятилась назад, и обернувшись, — прокляла бы на смерть! — увидела подоспевшего Анариэля на пороге.

— Возьми их, — скомандовала она, не проронив и лишнего слова.

— Так быстро нашла предателей... — удивлялся Анариэль, шепча ей на ухо.

— Шишка за мной. Я пойду.

Афелиса вышла из комнаты так скоро, словно избегала его. Судьба жрицы — не сахар, и даже не соль. Холодная, мрачная комната вынуждала ее рвать на себе одежду, уродовать кожу и сходить с ума от голода. Темнота словно прожигала глаза, и внезапно, на мгновение, промелькнул голубой свет из дверной щели, и перед ней упали взлохмаченные ее дружки, крича и ругаясь на свои тупые лица.

— Ни слова! — вскрикнула Афелиса, придерживая дверь.

Милада несколько секунд смотрела на нее с бледным, искривленным от злости лицом: затем повернулась, избегая тех пустых глаз, унося в своем сердце столько злобной ненависти. Мужчины, толкая друг друга и чуть ли не набросившись, угрожая своими острыми ногтями, стихли и спрятались в тень, заметив всю строгость лица госпожи.

— Согласись ведь, — сказала Афелиса, облакачиваясь об порог спиной, — что лучше бы ты умерла в моей силе. А тут... дело еще мучительнее.

Кажется, жрица вовсе не ожидала такого конца. Слишком уж были велики надежды на себя, на власть свою и на обещанную победу. Не верила и теперь, находясь над пропастью смерти. Губы ее затряслись, и ринувшись на свет, она зажмурилась.

— Низкий человек! Дайте хоть дочь свою увидеть... Не опускайтесь до такой жестокости! — вскричала Милада, совершенно не верившая такому концу и совсем потерявшая нить к здравью.

— Это ты опустилась до дна, дорогая, — улыбнулась Афелиса, свысока смотря на жалость ее глаз. — Так злишься, что жалко становится. Вся ответственность на тебе, Милада. Предать наш народ — нарваться на смерть. И зачем тебе свою дочь принижать? Она только стыдиться будет такой матери. Не зря ведь сбежала девочка.

Слово застыло между губ. Милада лишь громко вздохнула, ненавистно уставившись на двух мужчин, право, будто они заволокли ее, чистую и невинную, в огромный капкан.

— Вы и сил так лишили! Эх Вы... Мы-то, мы-то сами пленники, — сказал один тихо и отдельно. — Пожалейте! Это мольба, а не приказ... — болезненное его лицо склонилось в пол. До жути странно тень улеглась на впалых, синих щеках, точно скелет, обтянутый

тоненькой кожей. — Убийца, — будто силы все выплеснул, душу отдал, чтоб выбросить это слово отчетливо и ясно.

— Какие же вы пленники? Пленники обмана? — не веря спросила Афелиса. — Да и кто, кто убийца? Неужели я? — с выделенной насмешкой сказала она.

— Вы убийца, Афелиса Диамет, — произнесла Милада внушительнее и раздельнее, с легкой улыбкой торжественной ненависти, вглядываясь помертвевшими глазами в смерть свою, словно ища в ней остатки святого. — Род Диамет прозвали святым. Они делали все на благо своим и щадили тех, кто оказался в лапах лжи. И Вы, госпожа Диамет — будущая правительница Гроунстена — отказываетесь от этих обычаев. И достойны ли Вы этого звания, этих почестей?! Вы прошли по головам невинных, чтобы дойти живой до цели... Разве это свято?

— Великие дела требуют жертв. Жаль, что вы этого не понимаете. Святые часто оказываются грешниками, и нарекают их таким званием из-за благого дела. Вы — моя помеха. И я избавляюсь от вас, — разглядеть жрицу нельзя было, но показалось, что вновь появилась на этом бледном, уставшем лице холодно-торжествующая улыбка. — А мы не такие уж и разные, — добавила Афелиса, злобно улыбаясь.

Дверь бы разлетелась на осколки, но какой гнев должен царствовать над всем телом! Афелиса захлопнула ее, закрыв на замок. Тихим, размеренным шагом поплелась по залам, возвращаясь в свои покои. По приходу сняла мантию и несколько минут простояла неподвижно. Обрывки мыслей, представления без связи и очереди толпились в голове — несчастные лица, увиденные ею в неопишемом торжестве, какое прогоняло милосердие и жалость. Как вихрь крутились и сменялись вещи, исчезая или приобретая гигантские размеры, что череп раскалывался. В бессилии уселась маг на диван, с протяжным стоном протягиваясь на нем. Какой же легкостью обвились мышцы! И закрыла девушка глаза: так и испепелилась ценность времени. А как нравились ей мигающие вещи: цеплялась за них, а они угасали, вот озорство.

Но вскоре раздались поспешные шаги, и два шепчущих голоса. Стук в дверь пробудил ее вновь возвратиться в действительность. После еще один, и не вытерпев, она поднялась, все же, друзей своих поприветствовала. С порога ворвались в комнатку два восторженных лица:

— Это правда? — нетерпеливо набросилась с вопросами Илекс. — Правда, что Элид нашел предателей, и ты с ними расправилась? Если так, то он и вправду многое сделал!

— А она еще сомневается, — сказал он с горькой усмешкой. — Подтверди уже ей мою заслугу.

— Я благодарна тебе, — обратилась Афелиса к мальчишке. — Мы избавились от лишних проблем, но не всех. Предатели под заточением и много еще настрадаются.

— Я это знал и должен был разгадать. Именно я. И судьба дала мне такой шанс. Если бы и оступился, то никто бы не поверил мне. Э! Да я ведь заранее все знал! — гордый взгляд вскинул он на Илекс, сложа руки на груди. — Но какие еще проблемы? Наверное, высшие маги сомневаются, что осколки невредимыми придут?

— Если и так, — заговорила Илекс, терпя эту тщеславную гримасу. — Если осколки разобьются, то их легко воссоединить. Мне госпожа Леотар так говорила.

— Я смотрю, о многом вы говорите, а? — с отвращением перебил Элид, перенимая внимание на себя. — Так в чем проблема? Я могу помочь.

— Ваша помощь будет лишней. Сейчас я не готова к долгому разговору. И, так понимаю, все, что вы хотели узнать — узнали. Если так, то уходите, нет — говорите быстрее.

— Мы все... — отозвалась Илекс, придерживаясь за дверную ручку. — Пошли, — резко шепнула она Элиду, и негодуя, он все же вышел под ее руку.

Маг стояла в задумчивости, и странная, бессмысленная улыбка бродила на ее губах. Мысли путались, однако нужно было что-то решать. Недоумение производилось в ней как-то случайно, под стечением нескольких фактов, смешиваясь в водоворот небылицы. Этакое раздумья и занимали большую часть времени. «Лучше уж запереться и спящей притвориться, — заключила Афелиса, закрывая дверь на затвор. — Если и случится какая-то беда, будут ломиться, как бешенные, не сдадутся. Беда... неожиданная. Откуда только берутся они?..» И вспоминалось ей свое выступление, возгласы, надежды на светлое будущее, и тут вдруг мрак почудился. Право, это тяжелое, мутное ощущение посторонних глаз тяготит и выбивает из строя. Все не могла понять: от чего исходит такая манящая сила, появляющаяся день ото дня? Неужели проклятье наложили? Завистники бесятся? Да какая уж зависть, если ее святой род почитают за чертовскую династию! А если это пленённые маги и следят они за нею, чтоб выведать все слабости и пороки?

— Лучше поставить защиту... — бормотала она, как бы про себя, улёгшись в креслах.

Те горящие болью глаза, крики, жалобные стоны и ругань — все отражалось в памяти. И правда, ведь они не настолько уж разные, чтобы совсем не понимать друг друга. На одной планете, с одной целью, вот только неумелость жрицы и товарищи подвели ее. «Пусть и погибнет с ними в один день... коль повезет, — думала Афелиса, представляя. — А я ведь могла покончить с делом так же быстро, но... черт, никто не помог и не везение спасло меня, — отмахивалась она от банальностей, произошедших из людских устоев. — Здесь лишь моя заслуга. Везения нет». Холод прошелся по спине. За стенами рождался шум. Гурьба колдунов пронеслась мимо, топая и хлопотая о своих заботах. Будто недоразумение, появившееся на мгновение и стеревшееся в ту же секунду.

Но скоро случилось происшествие, до того неожиданное в обыкновенном ходе вещей, что, конечно, на такую встречу ни Афелиса Диамет, ни остальные маги рассчитывать не могли.

22. Бедная Мэри

Царица влетела в зал, словно черный лебедь — изящно и надменно. За ее спиной медленно затворились двери. Сам Грифан едва ли не оцепенел от такого прихода: с женой своей виделся редко, да и некоторые черты ее позабыл. Опустив взгляд, молча прошла она к столу, точно ужин стал для нее утехой недобровольной. Напряжение щекотало нервы: пожившись, Розалинда глядела искоса то на Грифана, то на Царицу; все ждала того мгновения, когда кто-то возьмет разговор на свою инициативу, а иначе — мука адская, затаив дыхание, сидеть смиренно среди царских лиц. Но, вскоре, понемногу беседовали они, и девчонку искренне радовала такая развязка. Слушала, и шевелились ее длинные реснички, прыгали огни в глазах, пока она ни сделалась предметом обсуждения. И к удивлению, застала Розалинда их чрезвычайную перемену. С какой-то жадностью они набросились, вот точно была она вселенской значимостью. Звучали члены семейства собранно, спокойно — ничего не колыхало их безразличное состояние. И только заикания, румянцы на щеках, стыдливые глаза испортили ту картину приема гости у царской знати.

— Не подходящее время для поисков высших кругов... — задумалась Царица, опираясь подбородком о ладонь. — Маловероятно, что Вам удастся достичь их пристанища.

— Вы знаете, где оно? — настойчивости Розалинды не было конца. Упрямство бы ее протерло все нервы их до дыр, сожгло бы до тла, и если не удастся выпросить, то не пожалеет ничего.

— Да, конечно знаем, — ироничный ответ — дело стекается к насмешке. — Право, очень неправильный вопрос. Я лишь поддерживаю связи, но не слежу за каждым шагом.

Розалинда замолчала, почти готовая услышать смешок, сдержанное хихиканье. Царь встретил обвиняющий взгляд, но значения не придал. Оно и к лучшему, ведь, что бы предприняла Розалинда, будучи на крючке оскорблений и жутких угроз?

— Они скрываются ото всех. Чернокнижники им главные враги, а не охотники, — за все время женщина и не вскинула взгляд на еду. Точно играла с сомнением супруга в загадочные шахматы, подкрепляющие ее невидимое озорство. — Они готовы перегрызть друг друга за место под солнцем. Гроунстен стал их единственной ценностью — значительнее, чем честь.

— И долг, — добавил Грифан, запихивая маленький кусок десерта в рот.

— И благодарить не буду за бесполезную вставку, — повернулась к нему со змеиным проворством. — Ведь Гроунстен — это их долг.

— За что же долг? — спросила Розалинда, хотя нездоровая порывистость подгоняла ее вскочить и всей своей сущностью бежать вперед, вперед к цели. Что же это за издевательское существо? Оно прячется в ней и разлагается на мелкие крупички. Душа движет мыслями, а значит — подчиняет. Частички эти едины, но чудовищная преграда встала на пути, не давая ни воли, ни вздоху.

— Отдать долг своей чести, — отрывисто выдохнула Царица, не силясь продолжать.

— Ваше Величество, Вы говорите так, будто не причастны к магам. В чем же Ваш долг? — она не сводила глаз. — Обезопасить свой народ? Не попасть под прицел охотников? Или?..

— Я не вмешиваюсь во внешние дела Гроунстена. Если эти земли потерпят крушение, то лишь судьба знает, какое будущее дойдет до нас, — не глянув на ту, Царь вновь

заговорил. — Конечно, не хочется терять такую архитектуру, да и переселение займет не месяц.

— У Вас очень красивый замок, — проронила Розалинда, ради того, чтобы сгладить тишину. — Завидую Вам. У нас на острове лишь обломки были, а дворец и вовсе погряз в грязи.

— Ох, не стоит завидовать старику, — с улыбкой проговорил тот, хотя вовсе и не был стариком. Славный мужчина, на ком ни морщинки, ни седого волоса не было. — Берегите свою молодость — Вашу ценность. Я вовремя не сберег, в царские дела полез раньше времени.

Он произнес это без дедушкиной улыбки, какой обычно сопровождаются все этикие унижительные банальности. Серьезное выражение лица не оставляло сомнений в том, что воспринимать высказывание нужно буквально, пусть и многие слова являлись частью саркастической забавы. Царицу будто выплеснуло из течения беседы мощнейшим ударом политических волн. Больше не старалась она различить и впиться в разговор, будто сбившаяся из стаи птичка, да и глаза ее отражали смертную тоску: погасла та знатная вера в свою значимость. Маленькая ложечка в руке вдруг звонко задребезжала о блюдец: Царица поморщилась, и на мгновение показалось, что нехотя вздрогнули ее губы в извинении. Может, оно так и было. Вино игриво плескалось по стенкам бокала, объятые золотыми нитями, розами и мелкими звездами. Торжественный тост провозгласил Царь, будучи в объятых сладенького дурмана, высасывающего все соки под щитом чопорности и вдумчивости. Пальцы Розалинды обхватили бокал: и не поверить, что попробовала она яд для пьяниц, зомбирующий их мозги, и так уже в хлам рассыпающиеся. Губы коснулись края, и неспешно горький, приторный вкус очутился на языке, омывая и глотку. Жидкость словно застряла в дыхательных путях, внезапный кашель вырвался изо рта. Отвернувшись от стола, Розалинда откашлялась, сморщившись от гадкого вкуса.

— Это от непривычки, — заключил Царь, хлебая алкоголь, будто чистую воду. — Скоро до того привыкните, что и приторность исчезнет.

Молчание. Вино застряло в глотке, будто тяжелый шар. Девчонка лишь с сомнением взгляделась в алкоголь, нахмутив брови.

— Я, пожалуй, откажусь привыкать, — хриплый, прерывающийся голос. — Не такая уж это сладость.

— Несомненно, это лишь вкусовщина, — пробормотал мужчина, откидываясь на длинную спинку стула. — Многим пьяницам приходилась выпивка не по вкусу. И что же, дамочка? — лукавство промелькнуло в глазах. — Беды, горе, сущее зло подталкивает несчастную душу к этому?

— Вы бы не спивались, — внезапно раздался третий, потухший голос. — Много уж стали пить, Ваше Величество.

Фраза пренебрежительная, безразличная, в этом уж тон виновен. Насмешливый оттенок проскользнул на языке, бросаясь во всеуслышание. Стрелка метнулась на удачный сектор: взгляд Розалинды все же подцепил тонкости ее речи, черт и отношения к мужу. Какое ж это отношение? Корона самолюбия, обрамленная в камни сарказма и загадочности, украшала эту маленькую, но величественную голову. И только ответы сыпались не серьезные, не взаимные, а вовсе обыгранные шутками и пиршеством. Вскоре вновь заговорил мужчина о процессе воссоединения всех колдунов: он все еще тянулся и принимал худое направление для Розалинды. Девчонка молчала, вовсе не имея мыслей для ответа. Вдруг и речь Царя

коснулась ее:

— А Вы, дама бродящая, что ж и слова не вымолвите? — подхватил Грифан, раздраженный их молчанием. — Вот знал ведь, а надо наверняка действовать! Пригласил бы лиц интересных, но до скуки сдержанных. Тяжелое ранение так не губит человека, как стеснение. Это уж мой советник на себе испробовал.

Внезапно он весь выпрямился, словно гордый орел, расправивший свои крылья. Глаза его застыли на дверном проходе, улавливая тень своего ненаглядного советника. Однако, из приоткрывшихся щели сквозило лишь темнотой, а не светом чужих очей.

— Ушел! — вскрикнул он в недовольстве. — А столько бы историй поведал. Он ночью, как затянет свои рассказы, так будто сон снимет — ни в одном глазу его. А Вы, я смотрю, скучаете, — обратился он к Розалинде, развернувшись вполоборота. — Что ж, мучить Вас не намерен. И, как говорится, сколько душа пожелает, оставайтесь в замке. Сомневаюсь, что кто-то сможет Вас провести. Мне была бы честь, вот только стражник не доложил, где оставил Вас.

— Отдам Вам свою честь, — отозвалась царица, медленно поднимаясь с места. — Большая редкость видеть такие приятные и симпатичные лица.

И вот, смущенные глаза вновь повисли на ее фигуре. Когда изящная ладонь с длинными, черными ногтями коснулась ее ладони, то приятная волна мурашек пронзила бледную кожу. Розалинда впитывала в себя каждое ее слово, как увядший цветок, нуждающийся во влаге. Сквозь слепую тьму забрезжил сладостный свет. Маленькая, пухленькая девушка стояла над зажжённой свечей. Лицо ее обернулось, когда услышала служанка скрип двери, и, помявшись, поклонилась; беленький чепчик неловко скатился на маленький нос. Но Розалинда не хотела ничего слышать и видеть, ведь неизвестно, почему сама царица провожает ее до покоев! И тут она прохладными пальцами коснулась девичьего плеча. Та вздрогнула, но все же, какой упоительный испуг пролетел по груди, впиваясь в самое сердце! Теперь ее мечту освещал свет восковых свечей, и напрасно пыталась скрыть своих чувств. Блеск лестницы, низкие ступени. Все вдруг заиграло другими красками, и как же хороша эта палитра. Идти было недолго. Поднявшись на второй этаж и завернув влево, они остановились у темной двери. Внезапно высвободив руку, Царица посмотрела на девчонку долгим загадочным взглядом, будто искала сломанные шестеренки. После медленно произнесла:

— Большую силу не спрячешь, — задумчиво и сжато. Слова — карточки, и вытаскивала она только нужные. — Редко я встречаю таких людей, если вообще встречала, — снова молчание, долгое и томящее. — Впрочем, можете заходить на чай в мои покои, буду рада.

Все произошло настолько быстро и неуловимо, что, будучи уже в спальне, Розалинда и не понимала, какое великое забвение подчинило ее. Очнувшись от безмолвия, прижала руки к лицу: это не обман чувств, не сон. Не иллюзия, в конце концов. Наяву царская рука прикоснулась к ее ладони, наяву пригласила в свою часть замка, и наяву ее роль теперь — желанная гостья. Если бы это ощущение покоя не исчезало! От чудного голоса все ее тело задрожало, возжелало слиться воедино с этим непринужденным тоном и исчезнуть. Как теплая ладонь Афелисы, скользящая по ее волосам, мысли эти согревали сердце. «Это обыкновенное восхищение, — пролетела мысль сквозь облака тихого ликования. — Часто встречаются такие люди, вот только не все из них оказываются хорошими». Щека примкнула к подушке, обдало теплом. В ней словно зазвучали колокола, призывавшие к исканиям и копаниям прошлого. Утерянного, но оно и на радость. Как не хотелось, чтобы

эти звезды когда-нибудь растворились в пыль.

За окнами расцветало озеро шипов и алых лепестков. Выйти из замка она не решалась, волновала до чертов встреча с Царицей. Имени Розалинда не знала, никто его не упоминал, словно сторонился. Если предстанет возможность, то нужно взять ее в руки. Мигом пролетели два часа. Хоть и опасности никакой не было, но осторожность взяла вверх. Девочка спрятала сумку на самом дне ящика, закрыв сверху всем лишним мусором: бумагами, прожжёнными блокнотами. Да и смешно она выглядела на кону встречи: торопилась, действия воспроизводились быстро, без порядка и с какой-то стукотней. Ее тревога и боязнь опоздать, упустить такую возможность, подгоняла за дверь. Наконец отошла от зеркала, вовсе не красуясь и не наряжаясь, нет. Наоборот, все эти переживания возникали из-за ее должно не уложенных волос, отсутствия розовеньких румян на щеках и глазах.

Сгустки туч собирались воедино, хмурясь и гневаясь над замком. Каменная тропа. Ветер качает тоненькие стволы деревьев, сухие ветви ссыплются на землю. Покой в саду царил особенному: жива лишь природа, розы и пожелтевшая трава, а серые, расцарапанные кирпичи стен впитали в себя беспечность и томительную скуку. Посмотришь, и замок не блещет роскошью — первый взгляд всегда обманчив. Купола, окна, стены — все было будто из одного теста, да слеплено разное. Равнина усеяла старенькими домиками, и виднелись лишь их крыши с поломанной черепицей. Замок гордо стоял на возвышении, видом своим грозным внушая иноземцам подозрения: по их-то устам и перетекали сплетни. Беспокойное течение дней усыпляло, хотелось сполна насытиться всей безмятежностью. Звездная тьма над крышей, хвойный лес вдаль; огоньки свечей сверкали в легком сумраке. Адлера откинулась на спинку кресла. В тени виднелась высокая тень: служанка, покорно сложившая руки. Она сопровождала Розалинду и тут же резко скрылась. Точно в первый раз, гостя замерла в томительном ожидании. Царица сидела за столом на открытой веранде и, услышав тихий отклик прислуги, поднялась, жестом призывая ее подняться. Низенькие ступени, однако ноги будто ломались пополам, передвигаться тяжело. Заглянув в это нахмуренное, словно озлобленное лицо, Розалинда склонила голову, принижаясь и вызывая на губах Адлеры непринужденную усмешку. Она села на плетеный стул, поджав ноги. На веранду проник сумрак, нежно обволакивая в свой вечерний холод, отесняя ход времени. Острый взгляд наблюдала на себе девочка: тихо, испуганно и непреклонно.

— Я не ошибалась в своих предположениях, — медленный голос вовлек в разговор. — Вы все же пришли. Если бы знали, сколько гостей мне отказывали и их неожиданные причины, то, без сомнения, Вы бы посторонились нашей встречи. Пустую болтовню я распускать не буду. Только если Вам захочется, а так не буду раздражать.

— О чем вы хотите поговорить? — отозвалась она, откидываясь на спинку стула.

— Я знаю Вашу проблему. Привязанность — плохая подруга, но без нее никак. Я слышала лишь разговоры о госпоже Диамет, но самой не приходилось встречаться. Знаю, как сильно Вы хотите попасть в пристанище магов, вот только сейчас не время. В нем бурно решаются вопросы дальнейшего существования колдовского народа. Да и живет там не сладко, — она отвела взгляд на лесную даль. — Вы не сможете дойти. Одумайтесь.

— Мне бы знать, куда они стекаются, а уж потом говорить: дойду я или нет, — заключила Розалинда, опираясь ладонями о колени. — Может, они совсем близко. Я не хочу оставаться там, где мне не рады.

— А будет ли она Вам рада? — вдруг спросила Царица, прерывая. — Уверены, что госпожа все еще помнит о Вас и с нетерпением ждет? Как Вы оказались у нее? Афелиса Диамет служила охотникам и не подпускала никого к себе. Неужели Вы стали исключением?

— Не только я исключение. Но и принц. Она должна помнить меня, но...

— Но? — протянула Адлера.

— Да. Возможно я и впрямь потеряла некую значимость, ведь ее долг куда значительнее, — девочка поежилась, напрягаясь. — Мы расстались на хорошей ноте, так что не думаю, что она совсем меня позабыла.

— Как знаете, — равнодушно ответила Царица. — Поймите меня правильно. Я никак не хочу Вас отговаривать, только предостерегаю. Вас ждет только потеря. Маловероятно, что сможете достичь вершин.

И тут на тропинке возникла бесшумно чья-то фигура. Приглядевшись, Розалинда узнала знакомые черты — советник. Неизвестно, сколько он простоял под темным небосводом, сколько мыслей уловил, однако, кажется, что Адлера заметила его раньше и, как полагалось, рассуждение свое досказала. Она сразу поняла, что беседа их подвергается завершению. Самым подозрительным в его внешности были глаза: голубые, почти белые, зоркие.

Молчаливо приветствуя, мужчина сложил руки за спину, скользящим шагом устремился к колоннам веранды. Вежливая фраза застряла в горле. Взгляд его метался, встревоженно и рассеяно. Согнувшись в легком поклоне, исподлобья посмотрел на Царицу, четко зная, что Адлера осведомлена.

— Требуют, — лениво бросила она, опираясь подбородком о ладонь. Лицо ее помрачнело пуще тучи. Наблюдательность Царя раздражала и делалась все ненавистнее. Ощущение стеклянного, павшего с планки колкости взгляда раздалось по всему телу связанными нитями, все затягивающимися и верно внедряющимися в кожу. Видимо, все же не требуют, а просят. Просят ее чести, вот только кому?

— Царь Грифан велел сказать Вам, что гости уже прибыли, — громко сказал тот, отчужденно отходя от порога. — И просит, чтобы Вы оказали честь поприветствовать прибывших.

— Кто явился?

— Член семьи Хендерсон, — внезапно он замолчал, вспоминая. — Господин Амери Хендерсон.

— Можешь идти, — махнув рукой в сторону замка, она неспешно поднялась.

«Член семьи Хендерсон... — думала Розалинда, провожая взглядом советника, — фамилия не чужда. Да вот только... Сын Авианы! С ним еще кто-то? Она сейчас в доме Дарьи, не может быть, что она ехала с ним в одной повозке. Проще было бы выпрыгнуть в окно. Товарищ? Отец? Да только о нем ни слуху не духу. Надеюсь, я смогу хоть мельком увидеть этих гостей. Являться на кону ночи не есть хорошее воспитание...»

Так мучила она себя и поддразнивала этими вопросами, даже с каким-то наслаждением. Тяга узнать, увидеть и обомлеть стремилась ее вслед на Адлерой, молчаливо подавшей знак уходить. Впрочем, эти вопросы давно приелись в голове: много всякой грязи ссыпали в уши о господине Амери — настоящем тиране. Преуспела эта болтовня дойти и до ее представлений. Однако, она лишь принималась людьми, как почва для развлечений: погреть свое самолюбие и возвысится. Авиана частенько уводила ее к своей тоске, боли в груди и, как проверной подруге, нашептывала свои стремления уплыть бесследно по ту сторону света.

Но почему же такие почести оказываются злодею (как прозвала его Авиана)? Неужели царская семья чем-то связана с должником?

Она поспешно огляделась, искала что-то. Искала глазами пропавшую служанку, которую, видимо, тень поглотила.

Холл, обделанный мраком и тишиной. Знакомые стены: стражник сопровождал ее к царю по лестнице, разветвляющейся на два крыла; посреди — больше окно, заделанное тонкими железными прутьями снаружи. Пустые взгляды черных скульптурных ангелов вперились в трех людей. Кажется, что все дамы и господа на масляных картинах повернули свои головы навстречу гостям, насмешливо и со злобой. Вдалеке горела лампа, разливаясь слепящим белым светом. Лицо пришедшего мужчины, сподручника Амери, насупившееся; бросил он взгляд, склонив голову и сцепив за спиной запястья, отчужденно и будто был непричастным. А разговор имел характер тайный. Стыдясь своего имени, прозвучавшего эхом в стенах замка, он все метался, отвечал коротко, да и с натяжкой. Амери пожал сильную руку Царя, одаривая его многообещающей ухмылкой.

— Играешься с безумством, — серьезным тоном пробурчал Грифан. — Хоть бы черту не переступил.

— Да что Вы! — рассмеялся Амери, потирая двумя пальцами правый висок. — Хотите сказать, что я или он, — кивок в сторону товарища, — сумасшедшие? А Вы ошибаетесь, не та стратегия... Вы бы хоть, царская Ваша корона, поосторожнее были. Дамы на пороге.

Скрип двери. Свет лампы еле касался вошедших фигур. Однако, приметив развевающуюся на тихом ветерке, сквозящего из окна, черную фату, все замолчало. Застыл и маятник часов. Послышался у стены тихий кашель советника, предвещающий о возвращении Царицы. Колдун немногословен и иной раз подавал Царю знаки. Все поспешно обернулись: даже тот товарищ, метающийся по бесконечному кругу, замер в неловком молчании. Но тут показалась из-за спины ее девушка ростом ниже — Розалинда. Конечно, господин Хендерсон известий о гостях не получал, чем был неприятно удивлен и с подозрением искоса метнул взгляд на Грифана.

— Годы идут, а Вы все цветете, Ваше Благородие, — сморозил Амери. Именно сущую глупость сморозил. Саркастично, но не менее вежливо из-за желания насмеяться над шутками и сплетнями об Царице Адлере. Этакое озорство на него находило в моменты серьезные и не терпящие игр.

— Не зря ведь Вы — разочарование своей матери, — подметила женщина, лишь поддерживая его игру. — Госпожа Авиана Хендерсон мыслит здраво, если совсем уже не свихнулась от такой беды, — акцент ударил на беду: Адлера олицетворила его, как настоящий кошмар.

— Чего же Вы меня обвиняете? — драматически спросил он — актеришка захудалого театра. — Поймите меня, Ваше Благородие, — все язвил Амери. — Я несчастный сын, выросший у несчастной матери. Разве не подействует на несмышлёное, чистое дитя такое отношение? Да разве не обречен я с рождения на эту тяжбу?

— Да, — твердо сказала Адлера, — это все вранье. Вы ставите себя в этом невероятном трагическом, грустном рассказе в роли Вашей матери. И эти вопросы пусты. Не оправдывайте свои грехи, юный приверженец ада.

— Не будем более распространяться, — приказал Грифан, явно желая скорейшего уединения.

— С Вашей стороны было бы лучшим решением сообщить о госте, — упрекнул он

царя, сложа руки на груди.

— Тебя это не касается, — грозно произнес царь, прерывая его речь.

— Мы отклоняемся Вам и оставим на личный разговор, — шутливо сказала Царица, сжимая ладонь Розалинды в свою.

— Удовольствия господам, — наглая ухмылка играла на губах.

Тихо в сторонке сгорал со стыда товарищ его, и, казалось бы, скоро полетит пепел. Каждое слово, каждый жест и взгляд Амери до жути возмущал внутреннее его достоинство, что безумно хотелось слиться с картинами и безучастно наблюдать за всей суматохой. Они шли по лестнице, завернув в левое крыло. Воцарилось молчание. В нем все ныла тоска; а сейчас же и непостижимый страх при мысли, что Амери загнал себя на слишком высокую планку, упрекая и язвя Адлере, словно все эти пролетевшие сцены были и впрямь шутовскими. Мужчина остался за бортом сделки.

— Многие бы Вам позавидовали, — вновь заговорил Амери, и до чертиков хотелось его дружку захлопнуть ему пасть, чтоб случаем не оказаться под дулом стражеского оружия.

— И чему завидовать? Гостям, у которых ломка по наркотикам?

— Ну Вы загнули, Ваше Величество! Не распространяйтесь такими откровенностями, и лучше приступим к делу.

Все ему не устоится на месте, вслед за товарищем Амери бродил по холлу, едва ли не готовый растерзать всю свою плоть, желающую насытиться дозой.

Грифан подошел, взял его за плечо и резко повернул к себе:

— Деньги вперед, — скомандовал он. — Дела у Вас адские, не внешность, — голос его задрожал; хотелось отбросить руку, вырваться из этих дел.

— Вы ведь тем же занимаетесь. И Вы совершенно уверены, что мы — исчадья ада? — взгляд на мужчину. — Ну, давай, твое слово.

— Ложь! Все ложь! — словно крик души вырвался из него. — Лгун Вы бесчестный. Амери Хендерсон! Все врете!

Завопил вдруг он, будто возложил на себя обязанность взять власть над своим компаньоном. И каждый раз, когда удача вновь отворачивалась, то не приметно в уголке он разрывал себе душу, нервы лопались, кровь бурлила по венам, едва ли не выплёскиваясь наружу. Амери отпустил глаза, злобно и покорно. Не ответил. Только носом поворотил, но все же за собой таскал его кричащую, выжидающую тушу. Это тоже была забава некого рода: неприятная, ибо задевает его честь и обзывает лжецом.

— Поверьте мне... Поверьте хоть самую малость, — наигранно умолял Амери, ступая на лестницу. — Я не могу ждать больше. Честное слово, деньги отдам. Только дойти нужно.

В кабинете и шла торговля. Амери уж было начал цену снижать, но Грифан настоял на своем, не принимая никакие долги: либо сейчас плати, блудный ты сын, либо за шкурку выкину. Его вкрадчивая доброжелательность подточила таки гнев Царя. У двери стоял его товарищ, смиренно и будто моргнуть не смел, как приговоренный к расстрелу. «Вы это сбавьте на милость,» — говорил господин Хендерсон, хотя был человеком зажиточным, единственно по корысти он унижался, да и жертву из себя выделял: бедняга бы из кожи вылез, если бы не получил свой порошок. «Мне, как нуждающемуся... Что же Вы, Ваше Величество? Продажа, что ли, не такая, как в былые времена? — усмехаясь, добавил Амери. — Раньше Вам, что ни гость, то деньги. Небось, та барышня, — кивок на дверь, — что с царицей шла, тоже забавляется...» Все то он старался выведать хоть словечко лишнее о незнакомке, и впрямь казалось, что господину уж больно она приглянулась, аж сердце

колит!

— Все вы здесь нуждающиеся, ты не особенный, — отгрызнулся Грифан, крутя в руках купюры. — Ну-ка скажи, Хендерсон, давненько ты стал деньги делать?

— Как же давно? Как же делать?.. — он стал забываться, увидев белый порошок на столе. — А сами Вы употребляете? Нескромный вопрос.

— Мне и так жизнь сладка. А ты, — окликнул он товарища его. — Тебе тоже надо вечную молодость? Юнец, а с таким разгильдяем связался.

— Мне... Мне-то! А я сопроводить пришел, — отмахивался он, подойдя к Амери.

Выглядел он забавно: низенький, но худой и до жути смазливый. И не скажешь, какой год живет, из какой семьи вылез. Забавно, ибо Хендерсон и его путник будто из разных планет. Как же их так судьба свела? Подшутила. Болезненный вид Амери усугублялся с каждым его прибытием, и известно, какова цель. Теперь, как тараканы, кишат в мозгу его мысли о наркотиках и роскошных борделях, поедая всю здравость. Даже его «хвост» — путник не имел свою значимость, потому вовсе был вещцей для достижений соблазнов: не будь то выпивка, азарт, распутные девицы, связи на себе тащил огромные — вот, в чем его единственная прелесть.

— Поделитесь именем той девушки, — спросил он, откидываясь в креслах. — Все же, друзей иметь нужно, как-никак.

— Тебе тех не хватает? — снова стал попрекать его товарищ в очках. — Точно бесстыжий, постеснялся бы...

— Замолчи ты. Чего стеснятся-то?..

Спор бы продолжался до самого рассвета. Царь, отлучившись от них, разглядывал купюры, и все же, удостоверившись, толкнул в плечо его путника, показывая пакетик с наркотиками.

— А ты решился быть честным, — обратился он к Амери. — Держите и уходите.

Мужчина покраснел до ушей, когда Грифан вручил ему эту дрянь. Кусая губы, тот повернулся к Хендерсону и, бросив в него, словно разъедающую кожу гадость, получил плату ругательствами. Давненько Царь промышлял торговлю таких веществ. Зачем же правителю зомбировать свой народ? Наркоманы в своем деле более скрытны и не высовываются наружу, на свет белый, чтоб напугать прохожих, а тайком, в полнейшем одиночестве забавляются, будто на пиру небывалом. В царстве Грифана лягут под кнут пьяницы, принесшие беды, да и выпивка в нем не процветает. Когда непрошенных гостей проводил за ворота стражник, мужчина вышел на полукруглый, крохотный балкон. Опираясь локтями на тонкие черные перила, он, казалось бы, был поглощен сигарой. Пускал струйки дыма в сторону моря, понюхивал ее, и все становилось облегчением.

Была уже полночь. Огни города на соседнем полуострове отражались в черной воде. Вскоре раздался щелчок. Противный скрип резал слух, и из порога выглянул советник. Царь обернулся, махнув рукой, точно хотел сказать: «Докладывай». Знакома ему была вся сущность его непринужденности, и, ни разу не смутившись, остановился рядом с Грифаном:

— Царица и гостя разошлись по покоям, — монотонный голос, ничуть не подавляющийся под эмоциями. — Без происшествий.

Он спросил, ожидая, что наставник его поймет с полуслова. Так и случилось. Военская честь сплотила их воедино, вся та спешка и немногословие на поле привили им понимание жестов и недоконченных фраз. Царь взглянул на него равнодушно, подправив левой рукой воротник.

— Все, как и предполагалось, — он усмехнулся, склонив голову вниз. — Мы еще не погибли. Видишь корабли? — указал он сигарой на развевающиеся мачты. — Красные. Да ты еще погляди, умудрились себя обозначить.

— Красный флаг с золотыми мечами... На большее охотники способны не были, — советник стоял смиренно, утвердительно кивнув.

Особенно ярко горели и мерцали звезды над взбушевавшимся океаном. Высоко взлетал прибой, разбиваясь о каменные глыбы. Шум воды глушил, но внезапно послышались выстрелы, крики с кораблей. Волны качали судна, пути их расходились, чуть было не столкнувшись бортами. Намечался шторм. Тучи сгущались, вселенское небо исчезло, померкнув в сумасшествии. Грохотали камни, сильный ветер валил с ног: устоять было трудно.

— Смотрите! — крикнул советник, махнув рукой в сторону башни. — Свет! Их ждут, Царь.

Волосы сбивались на лице, песок с берега летел в глаза. Порывистые ветры уносили слова, и вот, по небу полетела черная скатерть, разрывавшаяся на куски. Глаза взволнованные, как синие волны. Царь отступил от перил, хрустнув пальцами. Сигара потухла. Звон стекла, топот ног, торопливые голоса перекликались у побережья. Показались развевающиеся юбки, окутавшие силуэт женщин. Каждый уносил в свои домишки то, что сможет. Грифан кивнул в сторону двери, грозно уставившись на советника.

— Заходи, а то ветром унесет, — произнёс, войдя в кабинет.

Большие хрустальные капли дождя били в окна: звук разносился по всему замку. Советник захлопнул за собой дверь, в комнату ввалился порыв холодного ветра. Молча, задумавшись, Грифан бродил вдоль стен, опустив взгляд. Казалось, что в голове его вскипает борьба противоречий, и вдруг, встрепенувшись, точно дрожью ударило, он опустился в кресла.

— Мала вероятность, что охотники доплывут, — ответил колдун на незаданный вопрос, но насупившиеся лицо выдавало все мысли и переживания. — Если и достигнут берега, — короткий взгляд в окно, облитое водой, — то потерпят большие потери. Их корабли разломаются под этим штормом, волны унесут тела глубоко на дно.

На мрачном лице Грифана мелькнула бледная улыбка. Не сказав ни слова и ухмыляясь сообразительности своего советника, он положил ногу на ногу. Черты его еще больше заострились в этом тусклом свете, стали более тяжелыми и резкими.

— Вы останетесь здесь до утра? — поинтересовался Ралдиэль, потирая сырой рукав.

— Не стоило бы... — отвлеченно пробормотал Царь. — Ты можешь уходить.

Впервые не веря, он сомнительно изогнув бровь, и как только получил серьезный взгляд, кивнул и направился к дверям. Вскоре покой растворился. Грифан оставался в своем мирке и частенько не желал выходить за пределы. В поздние вечера стекались к нему деньги, и, покончив с расплатой, Царь обыкновенно растворялся в беспечности. Подвергло крушению всему покою одно непредвиденное обстоятельство, в скорейшем времени оплетавшееся по языкам прислуги.

Весь замок спал. Заснул тревожным, глубоким сном, и хотелось выкарабкаться из глубин кошмара. Пробил четвертый час ночи, и по звону явился на пороге взволнованный стражник. Слово сердце колело изнутри адом, тепло разливалось по венам, приводя беднягу в испуг. И слова не мог вымолвить. Нестриженная челка лезла на глаза; взгляд рассеянно пробежался по правителю, спящему на диване. Брови хмурились, точно проснется

тотчас. Сглотнув страх, тут же тихо вымолвил:

— Величество Ваше величественное... — слова спутывались в жуткой суматохе. — Преступление настоящее случилось... Батюшка Вы наш. Уж не ругайтесь потом.

Прикоснуться не смел. Царь поник в сон, и разбудить тяжко. В коридоре послышался скорый шаг нескольких людей, и из дверного проема выглянули головы.

— Что, спит? — спросил один и вскоре получил резкий удар по голове. Развязался спор. Хрипло, негромко вскрикнул один из стражников, довольно высокий, и наклонился над маленьким гномом (как прозвали его в своих кругах), смешно ругаясь и тыкая пальцем в грудь.

— Да вот, спит, — вошел мужчина, в чьих глазах сверкала скорбь и волнение. — Там служанки есть. Не пропадут без нас.

Вдруг Грифан пошевелился, переворачиваясь на другой бок. Хмурые глаза остальных побудили его к борьбе с огнем, и, чуть повысив голос, он вскрикнул:

— Ваше Величество! Беда!

Дело и впрямь оказалось страшным: девушка, отвечавшая за чистоту комнат прислуги, войдя в последнюю дверь и окликнув свою подружку, ответа не услышала. Прильнув к двери, она тихо постучала: грудь тревожно вздымалась, упираясь в преграду. Боязно было врываться. В руках своих работающих и сухих держала плетеную корзинку. «Что ж не открывает-то? — думала она, схватившись за ручку. — То ли дело, что произошло нечто... страшное?» По спине бродил холодок. Выдохнув и обрекая себя на славную развязку, та ступила шаг в глухую темноту. В комнате растворился запах воска, мертвая тишина оглушала. Навязчивые доводы пугали, да так, что сердце замирало, и конечности ослабевали! Протяжные, молящие скрипы раздавались из каждого угла... Тень! Осевший страх спускался по глотке — тяжелый груз, притягивающий ее к полу. Тело бледнело, желтые синяки чудовищными пятнами расцветали на руках. Хотелось прожечь в себе дыру, чтоб уж не чувствовать тихий, сквозной ветерок, и выжечь глаза, ибо увиденное едва ли не выдавило в ней дикого крика. Дрожащие в судороге пальцы ущипнули за щеку, томное, горячее дыхание вывалилось изо рта.

Тело, откинувшееся на стуле, так несчастно возвело брови к небесам; немой, предсмертный крик застыл на бледных губах. На шее вздутые царапины, струйка бурлящей, темной крови скатилась по ладони, разбиваясь о пол. Личико, знакомое до боли, до тех мокрых поцелуев, посинело, словно мрамор; кровь вытекла из бедной Мэри. Это были не взволнованные, притягивающие черты, просящиеся о последнем прикосновении... интимном и сокровенном. Служанка вцепилась в корзинку двумя руками, и тонкая слеза вдруг стекла по щеке, растворяясь на языке мучительными воспоминаниями. «Не хватает еще упасть без чувств... Помощь... Где она, где девочки?» Горькая слюна наполнила рот. Тихонько побежала она к двери и, столкнувшись в коридоре со стражником, махнула рукой. В насупившемся лице и жалость не проглянула. Он стоял твердо, всматриваясь в мертвую Мэри.

— Самоубийство, — заключил, выстаивая взгляд мокрых девичьих глаз. — Ведьма наша Мэри. До добра такие дела не доведут.

— Почему же ведьма? — всхлипнула она, повесившись на его плече. — Почему сразу Вы обвиняете ее? Не знали, что с ней творили? Да откуда же знать Вам! Она не виновата, это не грех. Мэри — не грешная дева.

— А развлекалась, как черт, — выскользнуло из его губ, лопнув в ее душе стеснение.

— Не по своей воле она мучилась! Какое же это развлечение? Лучше остальных позовите и Царя.

Смерть павшей Мэри стала проясняться. Однако, какой же переполох возник, казалось бы, из-за обыкновенной служанки, а как бы не так! Связи ее разрастались во всех кругах, высших и низших. Славная девушка, ставшая символом распутности. О ее похождениях знала вся свита Царицы, и иной раз, проходя мимо, громко хохотали, отдаваясь слухам. Говоры о похотливой Мэри разнеслись из уст экономки — капризной и задорной женщины. Пухлое тело с заливными щеками, морщинки на лбу и вечная улыбка на губах. Хоть и не раз промышляла она во всяких заговорах, посиделках без дела, однако статус и должность проросли с корнями в сердце. Потому все и верили, слушали до боли в животах анекдоты и дивились поверьям. Царские лица запретны для бесед. Тем, кто бросит омерзительное словцо о Царице или Царе, затыкали рты и обсыпали ответными гадостями на чувственную душу. Все былые слухи — о служанках. Экономка призывала всех девок к скромности и преклонению пред правителем. Поговаривали, что тайная увлеченность ее движет такой ненавистью ко всем бесстыжим. Недавно и Мэри утонула в этих едких перешептываниях, беготне, что по случайности наложила на себя роль любовницы Грифана. Хлыст кнута, взмах, и кожа резко проехала по раскрасневшейся спине. Ад, пережитый Мэри, был полностью повержен. Однажды служанка до того нажаловалась Грифану, напустила столько слез, что едва ли в госпиталь беднягу не отправили. А госпиталь — чудный и заботливый дом — обозвали лабораторией. Все эти слова пускались на благо экономки. Не нужно ей портить царское мнение о ее содержании всего замка.

На утро уставшая, продрогшая от холода Мэри, всю душу излила родной служанке, но не предугадала, что скукой страдает каждая, и почесать язык новостями любят все. Тотчас все узнали о ее больной влюбленности, и дело дошло до экономки. Грозила кнутом, чуть ли не смертью, и она так испугалась, что покончила с жизнью неспешно, с томительным мучением.

Опросили приближенных, мотивы прояснились из тумана загадок. Бушующая ночь пролетела стремглав, и за обедом Розалинда тоже узнала о происшествии: «Неужели это та служанка, что шла вчера по лестнице в слезах? — промелькнуло воспоминание. — Выглядела она и вправду несчастной. Какие же страсти кишат в замке Тираф...»

На тумбе подле мертвого тела лежала записка:

«И никто больше не скажет, что я попаду в ад за все мои грехи. Ведь он на Земле, и я спокойно покидаю эти муки! Никто меня не вынуждал, никто и не смел разговаривать со мной. Н-И-К-Т-О. Повторяюсь: мое желание.

«.

В конце предсмертной записки была недоконченная подпись: чернила размазались по смятому, старому листку. Вот только, это не все, что откопали в комнатке. Мэри хорошо знала, что спальни прислуги убирает ее подружка, и оставила чувственное письмо под кучей грязного белья. Теперь уж оно таилось в самом сокровенном секрете, и никто не лез к ней с расспросами. Грубость в ее словах оправдана. Смертница вольна в высказываниях, но не в действиях.

О трагедии вскоре все позабыли, настало время обыкновенной рутины. Грустной тоски Ралдиэль не наблюдал на лице Царя — напротив, безразличие растворялось в табачном дыме. Адлера сторонилась, и, кажется, вполне было осознание смерти в своем замке. «Точно привычное дело, — заключила Розалинда, съёжившись на кровати. — И сколько же здесь

таких случайных убийств происходит? Неужели никто не боится? Советник выступает и как дворецкий, но за порядком не следит. Интересно...»

Промчался обед. За ним тихо появлялась чередой опьяневших гостей — личных покупателей Грифана. Безмятежность и течение дней в замке столь нудное, что она мигом вскочила с кровати: голова стала тяжела, зрачки напряжены. «Если повезет, то на улицу выпустят». Повернув ручку и, выйдя в коридор, Розалинда услышала отрывистый стон, а после резкий удар в стену. Оглядываясь, искала она глазами исток, и подходя к лестнице, заглянула за угол: мужчина в черной форме, с белоснежными перчатками, прижал к стене служанку. Вся раскрасневшаяся, вся в слезах, она бросилась ему на шею, шепча что-то невнятно и всхлипывая. Свет касался ее пухлого лица: мокрые щеки, губы вспухли, волосы расплелись в беспорядке. Дрожь ударила девчонку: она отступила, прячась вдали. Возлюбленные не потерпят такого вмешательства в столь чувственный момент. В жуткой истерике билась девушка, обхваченная его руками. Целовала возлюбленного, как обезумевшая, желавшая насытиться; целовала губы, щеки, шею, и вновь ложила голову на плечо. Лишь поморщившись, но не решаясь идти вперед, Розалинда прильнула к двери своей спальни. «Лучше войти. Иначе, если явятся, то подумают, что я смотрела. Хотя это и так, но... иногда нужно соврать. Не нравится мне смущать людей, кажется, не видевшихся после долгой, мутной разлуки». Взволнованное сердце часто забилося.

Но на лестнице раздался голос. Звали Нелли (служанку) к Царице.

— Нелли, а! Иди сюда, — мелодичный, ласковый голос.

Большие, встревоженные глаза Нелли жадно вгляделись в камердинера. Мужская ладонь коснулась ее плеча:

— Ну, значит, до вечера! Жди меня. Жди верно. Ступай вниз, — хлопок по плечу.

Шепот стих, послышался скорый шаг по ступеням. Дождавшись, когда служанки спустятся и скроются за углом, камердинер, подправив воротничок, со всей важностью постучался в кабинет Царя. Дверь отворилась, и, заглянув, он провозгласил:

— Нужна ли Вам помощь, иль без меня справитесь? — шепелявый голосок. — А Вы батюшка, — облокотившись боком об порог, спросил, подправив пальцами челку, — скоро ли стричься собираетесь? Иль съездить куда-нибудь? А как уж подбородок у Вас оброс...

— Про тебя не забыл, — сказал Грифан. — Оставь меня, когда надо будет, то и валяй.

— Что же Вы так... резко! — воскликнул он, подобрав нужное слово.

— На радостях ты сегодня, товарищ. Не бойсь, перехватил кого-нибудь. Выпил.

— Я уже, батюшка, давно не пью. Не могли бы Вы больше не упоминать о моей юношеской поре? Все случается... А вы? Вы, наверное, тоже много чего видели и творили.

На носочках Розалинда добралась до лестницы, шагнув на ступень. Но, внезапно, под ступней раздался скрип. Прервав разговор и откашлявшись, камердинер обернулся, переглянувшись с Грифаном.

— Давно не приходилось оказывать даме чести, — подправив галстук, он поклонился. — Гостья, извольте.

— Да. Пришедшая, — Грифан поднялся с кресла, подходя к двери. — Куда собираетесь?

— Прогуляться, — коротко ответила Розалинда, держась за перила.

— Что ж, дальше ворот ходить не советую, а иначе бед на себя навлечете.

Она кивнула, тихо прошептав «спасибо», но до их ушей это слово не долетело. «Даже если бы пришлось просить разрешения, то было этой сущей дикостью! Надеюсь, сегодня смогу прогуляться одна, без всякой прислуги и Царицы. Она приятна, но... Мне жизненно

необходимо побыть одной. Хотя бы на немного». Спустившись в холл и уже дернув ручку, весь вид каменной тропы затмила мужская грудь. Отскочив и нервно дыша, Розалинда увидела двоих мужчин. Беда в том, что один из них Амери, а за его спиной... Филген. Не видение ли это? До дрожи в коленках хотелось раствориться, уйти от их непонятливых взглядов, однако все давно утеряно.

Течение времени не перемотать.

23. В добрый путь

Тогда Афелиса понимала, что далеко не так сердит ее то обстоятельство, каким хочет его видеть; что противопоставление своей неприязни ко всей суматохе и пренебрежение уживаться не могут. Одна сторона грызет другую. Но ничуть не жалела, что отвергла инициативу Леотар, а говорила она почти правду. Только в виде размытом и перемусоленном. И вправду нападение на жрецов совершилось, однако средство связи им до того чуждо, что не обратили внимание на шар: лишь напугали колдунов, на большее действие помешала им их защита. История пустяковая, но высший круг насторожился.

Ибо теперь главная загадка пряталась в пересечении неуловимых нитей: для свершения возмездия нужно преодолеть нелегкий путь. Если пойдут все, то повысятся риски быть замеченными. Так, как же поступить благоразумно? От Афелисы ждали каких-то великих действий, невысказанных подвигов, открывающих путь в преисподнюю тайн магического рубина. Где же они спрячутся? Кто их запрятал? Она давала ясные указания на то, что должны совершить высшие маги. Несомненно, течение усердий преодолело тот огромный булыжник сокровенных рукописей, и в руках Анариэля появилась легенда «О силе, властвующей над всем миром». Лишь инструмент пополнил архивы, дальнейший путь застилал туман ошибочных догадок.

И рассказы Хакан не приблизили к разгадке: какие карты? Рецепты? Впрочем, ненужные истоки не трогали, не сжигали и не читали. У всех горело ожидание чуда — разгадка о семи силах рубина.

За целый день злость укрепила в ней боевой дух. Достав из хранилища карты и запершись в спальне, ломала глаза над изучением поселений и океана. Предсказания о настроении матушки-природы сводились к губительной черте. Штормы и дожди зачастили, а потому и опасность нагоняли бушующие волны. Ранняя осень стремительно летела к зиме. Тогда пелена льда покроет океан, и настанут яростные ветры. Дело задержек не терпело, закручивая в госпоже Диамет шквал раздражения. Успокоительные факторы сдула эта неистовая воронка.

При появлении Анариэля — частого гостя — она отложила справочники, потирая глаза. Искалась правда и в книжках, вот только строки расплывались перед глазами, и читала она будто пустой, рвущийся лист. Из приоткрытой двери ввалился табачный дым, удушающий и убивающий ее нервы. «Какую только гадость не пронесут, — думала маг, откашлявшись. — Им в наслаждение, а мне в муки».

— Что за приход в такую рань? — обернулась она, устало развалившись на стуле в смятой, давящей одежде. Верхние пуговицы рубашки застегнуты, подвешенный на тонкой нитке коготь показался на шеи.

— Чертежи каробля спроектированы, — доложил Анариэль.

— Готовы так готовы... — еле проговаривая слова, она оперла тяжелую голову об ладонь. — И где соорудить будете?

— У берега реки, вытекающей в океан.

— Вас не засекут?

Она отвернулась, прищурилась из-за дыма. Руки ее побрели по исписанным листам, собирая в кучи и разрывая немногие заметки. Легкие сковывал приторно-мерзкий запах, что безумно тянуло разорвать себя на части. Кашляя, она пальцем указала Анариэлю на дверь, и

в то же мгновение он захлопнул ее.

— Не должны. Побережье спрятано за горами, а они туда не суются. Разве что стрельцы, но они промышляют на севере. Совсем далеко от нас, — его взгляд блуждал по ней. — А ты продолжаешь усердствовать. Я понимаю твоё волнение, но чтобы так утомлять себя... Не лучше ли приступить к делу с восстановленными силами?

— Анариэль... — протянула она, утомительно взглянув на него. — Я не волнуюсь. И не трачу на это силы. Я лишь следую долгу, а ты знаешь, как велико его значение в моей жизни. Жизнь моя в защите своего народа.

— Ты отдаешь свои молодые годы на политические дела... Это похвально. Но все же, может, тебе принести что-нибудь? Тебя нигде не видно, смею спросить: ты вообще питаешься? Скоро совсем истощишься.

— Магическая сила выделяет энергию, — спустя мгновение, она добавила. — На какое-то время. Мне достаточно. Тебя тоже дела душат. Приятна твоя компания, но еще немного и я собьюсь с мысли.

Вновь развернувшись к нему спиной, пальцем маг повела по старинной карте, обсыпанной метками. Ноготь цеплял тоненькую бумагу, чуть сдирая. И вдруг согнувшийся палец ее остановился на самом краю карты. У красного креста.

— Отсюда, — тихо сказала, не отводя нахмуренного взгляда, — сюда.

Большой остров — Гроунстен. На карте этот клочек вырванной земли казался чудовищным, а голубое поле, простирающееся едва ли не по всему листу, — пугающим. И мелкая струйка, берущая свое начало у белых гор, еле видна — до того тесна и неглубока речонка. И эту очевидную вещь так жаждала она показать. Анариэль, сложивший руки за спину, насупился. Афелиса отвела взгляд от карты, но все еще держала на ней палец.

— Каждый ясно понимает, что постройка судна имеет только одну попытку. Пусть и роковую, — голос ее прерывался, зрачки дрожали. — Если мы потерпим крушение, этот подвиг никем не забудется. Но, — замолчав, девушка непринужденно побрела по комнатке. — Чернокнижники нас лишь высмеют. Гроунстен сейчас принадлежит им. Ошибочно полагают, что он охотников. Право, нужно ли им это? У них только командиры, следующие закону. Я бы даже сказала, что убивать они не хотят.

— Как это не хотят? — подозрение прозрело в его мысли. — Они ведь только и жаждут истребить нас.

— Охотники сами существа не вольные, их держит в плену приказ. А приказ — смертный приговор для таких узников. Я бывала в их обществе и много чего наслушалась. Конечно, отношение к магам у них... не самое высокое, но люди они мирные. Позлятся про себя, в своем-то кругу, и камень с души спадет.

— Неужели это выгодно только правительству? Тогда они преследуют только цель лживую. Даже если мы вернемся в Гроунстен, то столкнемся с чернокнижниками. А ты, госпожа, осведомлена их упорством и способностями. И все же, я не до конца понял, — услышав эти слова, Афелиса остановилась, закрыв дверь на затвор. Из щелей все еще несло адским дымом. — Какие же пытки ты использовала, чтобы укротить нашу предательницу — Миладу? Крик и мольба разнеслись по всем нашим стенам. В вышей степени, я могу предположить, что это благодаря боевым способностям, но она бы уже была мертва. К счастью. К ее счастью, ибо мучится так не пришлось бы.

— Ты чересчур любопытствуешь, — легкая ухмылка. — Не знал ли ты, что такой интерес губит?

— Я лишь прошу ответа. Не упорствуй, госпожа.

— Что же ты меня госпожой называть стал в последнее время? Неужели почувствовал мою возвышенность?

— Твоя роль в нашей судьбе велика. Но ты уходишь от темы, тем самым упорствуя.

Он поднял на нее свой задумчивый взгляд и вдруг заметил, как на мгновение маг вздрогнула. После Анариэль удивлялся, как хорошо удалось уловить эту секунду застывшего, молчаливого испуга. Афелиса, не издавая ни звука, так бесцеремонно и внимательно прожигала в нем дыру, что прежняя ухмылка спала. В углах комнаты темно; они были под светом угасавшего огня. С минуту все замолчало. Лишь в коридорах проносился чей-то шаг. Мужчина всю жизнь помнил это тянущееся, грязное течение времени. Горевший и пристальный взгляд девушки словно пронизывал в его сердце острый кол, проникал сознание и душу. В этих отчужденных глазах проскользнул какой-то мутный намек. Безобразное, пугающее, то, что Афелиса не силилась сказать. Запрет. Побледнела, как мертвец. Будто вся кровь внутри нее спала вниз, притягивая тело к полу.

— Понимаешь ли... — хриплым, точно надорвавшимся голосом прошептала она, смотря вниз. — Есть вещи неприкосновенные. До того нетерпящие всеуслышания, до того скрывающиеся и кусающие совесть, что человек сам не осознает существование этого. Не хочет его принимать. Так что не нужно лишний раз терзать меня, слышишь? Довольно, Анариэль.

— Почему же думаешь, что я тебе враг какой-то? Так было всегда? — стараясь скрыть свое отчаяние, промолвил он, неспешно и тихо. Напряженность, повисшая в спальне, не терпела резких скачков шума. — Скрываешься от меня, точно боишься. Но это же не так, верно? Ты просто страшишься быть раскрытой теперь всеми, не оправдать ожиданий... Черт, да ты мучаешься от этого.

— Я не мучаюсь, мне это удобно. Я не стану себя мучить, никогда, — коротко ответила Афелиса, точно прослушав его догадки.

— Ты действительно за врага меня считаешь.

— Почему же за врага? — спросила маг, опускаясь в кресло в углу. — У меня нет никаких оснований. Ты человек честный, отважный и привлекательный. Всеми чертами, по крайней мере, которые ты выставляешь в общество. Немудрено, что в каждом сидит черт. Знаешь, меня впечатлили последние слова Милады... — облокотившись о колени, она продолжила. — Меня почитают чем-то святым, величественным, а за моей спиной столько убийств и трагедий, сделанных моими же руками. Вспоминается мне бедняга Вальгард, — метнулся на него вопросительный взгляд. Афелиса ожидала увидеть кивок, а это значит, что Анариэлю он знаком. Но лишь изучающий взгляд, без доли чувств. — Брат принца Ангарета. Они близнецы, — пояснила Афелиса. — Чем же заслужил он такую смерть? Жил спокойно, ждал жену, а она, наверное, как приехала, так и впала в отчаяние.

— Не стоит об этом думать. Все умирают, и он умер. Наверное, не дождавшись жены или получив известие о том, что она погибла, то была бы горечь, мука. А так... быстро и бессознательно. Но Миладу ты чуть ли не до смерти замучила.

— Да она молила убить себя, — стянула воротник у горла.

— И ты поступила весьма... — подбирая слово, он замолчал. — По-тирански. Безжалостно. Нет, это ошибочно, — справедливо.

«Справедливо? В этом есть правда, — думала Афелиса, одобрительно улыбнувшись. — Хорошо, что Анариэль не почитает меня за угнетателя. Иначе бы сторонился или намеренно

лез»

Беседа не длилась долго. Дело медленно перетекло к судну. Анариэль доложил ей все, и совсем скоро все высшие лица стали извещать ее, как властелина — как солнце. Впрочем, вскоре в дверь постучались. Не получив ответа, в пороге появился малец, испачканный по пяты, будто в грязь окунули. Потирая нос, он попросил наставника. Обернувшись, Анариэль кивнул, и с улыбкой попрощался с госпожой Диамет.

— Не забывай о своем благе, — напоследок проронил он, скрывшись за дверью.

На следующий день девушка вернулась поздно. Забрав карту и пометки о легенде, Афелиса тут же показала их Хакан — женщине знающей и мудрой в этом деле. Критически изучая ее писанину, она отступила шаг назад, быстро захлопав глазами. Почему-то терзалась старушка от желания взять в руки карты, помусолить, обсмотреть каждый мелкий островок, а после нахмурить брови и равнодушно провозгласить.

— Чего же нам, взрослым людям, в сказки верить?

— Вы сами говорили, что фундамент всех легенд — правда. Лишь потом она обретает волшебный вид, — настояла Афелиса. Твердая уверенность в своей истине подпирала ее, и не смела оступиться. — И теперь, Хакан, утверждаете, что все вранье? — с возмущением проговорила она, наклоня голову в право и заглянув в ее маленькие глаза. — В этих картах, в этих листах, которые Вы нескончаемо крутите, мой, мой труд, — ударение ее сокрушалось именно на мой.

— До этой истинны сложно добраться, и, возможно, ее там вовсе нет.

— И что же, зря я все это делала? Зря искала? — злость сверкнула в глазах. — Вам стоило бы упомянуть об этом раньше, а не говорить загадками.

Хакан протянула руку на прощание. Знай Афелиса приемы, выкрутила бы ее и перебросила через себя. Долго еще перед глазами маячила темно-алая спина, удаляющая из зала. Негодование приковало ее к земле, не давая сделать ни шагу. В руке сжимала карту и записки; еще бы немного, и все листы рассыпались бы на частички. «Слабая, но триумфатор,» — подумала Диамет.

Вернувшись тотчас же, горя гневом неудачи, девушка обнаружила какую-то записку на тумбе. Афелиса развернула сложенный листок, и взгляд стремительно побежал по строкам: «Я заходил совсем недавно, но тебя уже не было. Когда вернешься и прочитаешь эту записку, попрошу прийти в лабораторию. Есть острый момент, за который можно зацепиться».

«Анариэль... Неужели он откапал что-то ценное? Хотя... — обвинительное заключение. — Хакан воспримет это, как нечто несерьезно. Уж и не предугадать, что может вселить ей веру. Если выбора нет, но нужно идти на крайние меры».

Вновь сложив письмо и сунув его в карман, вовсе не понимая зачем и в каких целях это пригодится, Афелиса твердым шагом вышла из спальни. Хоть и шла она уверенно, озираясь по сторонам, но ощущала, как ноги будто ломались, колени хрустели, точно тотчас подкосятся. Сохранение незначительных вещей могло стать предметом решающего слова. Таковы ее рассуждения. Конечно, не всегда приходилось предъявлять доказательства скромной, разорванной вещицей, но этот фактор оставлял в себе важность. Дверь была приотворена. Тонкий лучик огня сквозил сквозь щель, отпечатываясь на сером, грязном полу. Без стука маг заглянула в спальню: все как прежде. Занятость столь поджимала его время, что черт знает, когда воцарится в этой берлоге порядок. Прошмыгнув к порогу лаборатории, она дернула ручку и неспешно вошла. Тут же в нос ударил приятный,

сладостный запах цветков. По воздуху протекла розовая струйка дыма, растворяясь в серой массе над ее головой. Услышав скрип двери, Анариэль вышел из-за угла, подавая руку.

— Быстро же ты. Я и не мог ожидать, что так поспешишь, чтобы уделить мне время.

— Обстоятельства вынудили, — сказала она, кладя свою ладонь на его. — Ты действительно нашел зацепку?

— Это вовсе не зацепка. Я, как и ты, тоже трачу время на изучение древних фрагментов. И нашел нечто, что может помочь. Заклинание, — проговорил он быстро и тут же стал рыскать на деревянном столе. — Покидая Гроунстен, маги везли с собой все, что только можно. И, как видишь, я не отстал. Книга потрепанная, некоторые страницы выцвели, но строки заклинания сохранились.

Анариэль встряхнул обложку, и пыль помчалась на свету, сверкая и резвясь. Афелиса, вскинув сомнительный взгляд на сосредоточенное его лицо, едва ли поколебалась, смотря на старинную страницу. Она была вырвала небрежно, трещина вела свои ветви по краям. В согнутом верхнем краю мелькала расписная пометка: «Возрождение богов. Пророчество Мелисанды». Алая черта сковала имя. Чуть разогнув, Диамет слегка толкнула его в плечо.

— Мы что, собираемся воскрешать Мелисанду? — усмешка заиграла на ее губах. — Ты, товарищ, не в тот ручей понесся. Зачем нам нужна богиня обломков Фарфелии?

Во времена процветания эпохи темной магии, к востоку от Атрандо раскинулась до самого покойного моря империя Фарфелия — с ее великой жаждой завоеваний, стремительного технического совершенствования; страна, раздирающаяся междуособицами. Вскоре и правительство медленно слегло. Император, будучи жертвой несмышленности и малого познания лекарей в медицине, поразила неизвестной напастью. До сих пор заговор (как полагают историки) не поддается разрешению. Тогда и спустилась на милость жителей, словно богиня, — принцесса Мелисанда. Наследница законного престола и ярый предмет зависти своих младшеньких братьев. Правда, миру суждено было развалиться свыше. Помешанная на завещании отца и придавленная грудой обязанностей, она не вытерпела и разразила злополучные боины с младшим братом империи Фарфелии — Блоквелом. Неукрепленная власть маленького государства не стерпела урон титана и поникла вглубь развалин на долгие десятилетия. Жрецы, терпевшие развал империи, писали книги и свертки. В тех строках хранилась история династии семьи Мелисанды и заклинание воссоединения семи сил.

— Это всего лишь оглавление. Сборник рассказов из Фарфелии от рождения до смерти. В детстве я любил читать исторические справки и внимание не закидывал на непонятных стихотворных словах. Даже боялся пытаться в слух произносить.

— Боялся, что утянет нечто за ноги? — шутливо произнесла Афелиса, опираясь ладонью о стол. — Народ тогда был слишком уж суеверен. Дьяволы, черты, ангелы — фантазия юродивого!

— Безумцы часто были хороши умом. Мог ли арифметику придумать обычный человек?

— Мог лишь свихнуться и лечь в госпиталь.

— Однако же, вещь вышла гениальная!

— Настолько, что стала бесконечной.

— Ты обращаешь внимание не на то, на что нужно. Жрецы писали заклинания именно в исторических хрониках империи. Ведь магия — часть сущности каждого человека. В пророчестве написано, что эти слова возрождают магический рубин, — медленно и вдумчиво он принялся вводить большим пальцем по книжному блоку: листы вылетали, будто

крылья певчей птицы, сказывающей свою вечную легенду. — Нам ничего не остается, кроме как верить этим сказкам, пусть и звучит банально.

Афелиса стояла молча, приковав взгляд к разлетающимся листам. Медленно покачиваясь в воздухе, они падали на пол, словно на мягкую, перьевую подушку. Порывистость движений приводила мужчину к неловкости. Едва ли не стора в огне смущения, он искоса глядел на Диамет, отворяя преграды напускным чувствам. Тяжелые выдохи плыли по реке благовоний. Ясное понимание того, что облажаться нельзя, и это карается самонаказанием, толкало его поскорее найти легенду о возрождении и более не казаться мнимым. Но девушка не столько обращала на него внимание, сколько витала в облаках сонливости. Мысли о всей суматохе пронзали виски: вдруг все загудело, звуки слышались лишь через оглушительную пелену. Уставшие глаза, молящие поскорее сомкнуться, уставились в пол, пустынно и пугающе. Если бы Анариэля не было, то она бы уже упала без памяти. Но внезапно сквозь туман в голове просочился голос:

— Я нашел, кажется... — неуверенно и рассеянно. — Право, до твоего прихода я столько обсмотрел, а тут все пропало. Не правда ли, странно? — выдавленный смешок: насмешка над своею несобранностью. — В такие серьезные моменты всегда случается что-то непредвиденное. Вот, глянь.

Он вручил ей толстую книгу в потертом, кожаном переплете. Неясные символы, похожие на наскальные рисунки, внизу каждой строчки алыми красками написан перевод. Перевод сомнительный, и, изучая древние языки, Анариэль тотчас же подчеркнул, что колдуны того времени создавали подделывание. Нужно ли было жрецам портить заклинание своей писаниной? Тут уж пошли дела государства. Издавна магия противостояла чернокнижью, хоть и имели они, словно два брата, один исток — одно рождение. Могучее древо, корнями уходившее в зарождение двух противоположностей, разделяло светлую и темноту сторону — таковым изображали этот исток в колдовских писаниях. В более ранних книгах, появилась и серая масса — именно этим и питается вечно голодная манна мага. По стечению веков белые маги не стали появляться во всеуслышание, хоть и прозвали их силу божьими дарами.

— Об этом заклинании говорила Хакан. Это произошло из уст белых колдунов, — проговорила Афелиса, листая страницы. — Хоть она больше не практикуется, но сила никогда не гаснет. Нам не нужно заморачиваться с очевидным. Гораздо сложнее было бы пробуждать силы в человеке.

— Мы попросту пытали найти то, во что легче верить. День отплыва скоро будет назначен. Колдуны работают быстро, на удивление.

— У них нет выбора. Долг, возложенный на плечах, движет ими куда больше, чем какие-то монеты, — положив книгу на стол, она облегченно выдохнула, осознав скорый конец пути. — Это преддверие чуда так манит... Не правда ли?

— Это не чудо, и даже не стечение обстоятельств. Это труд. Рабский труд, — заключил Анариэль, выливая грязную воду из колбы в исток благовонья.

— Служим нашему будущему. И оно восполнит наше ожидание, — уверенно отчеканила Диамет.

— А ты прямо искришься уверенностью, — заметил он, обернувшись и приподняв уголки губ. — В таком состоянии ты выглядишь и вправду, как солнце. Не зря тебя так прозвали.

— По-другому мне не позволительно, Анариэль. Если я буду отчаиваться и слишком

много грустить, то неудач свалиться больше. Я не терплю их, — сказала маг, сложив руки на груди. — Если что-то нарушает мои планы, то все идет ко дну...

— Но ты и так хороша! Всего в тебе дороже то, что ты не знаешь или не хочешь принимать. Право, из стороны, из-за угла виднее. Видна вся твоя необыкновенность; я знаю, что публику ты недолюбливаешь, но ты — падшая звезда. Красоту любят все. Как же отворачиваться от этого? Только услада для глаз, — со смелым упоением вылетали слова — легкий вздох, поваливший все оковы. — И я верю, все верят, что твои усилия не напрасны. Да что же: может ли быть напрасным то, что имеет цель и труд? Бред — вот, что это! Ты наша правительница, наше солнце, а мы — насекомые, попрятавшиеся в земле.

Ликовавшее счастье обрисовало его глаза сиянием. Скороговоркой выплескивались слова: необдуманное, неизбранные, все из души, а значит — искренние. Да как же скупым оставаться на такие выражения? Непозволительно, и карается незабываемым кнутом совести. Иступленный, восторженный, мужчина не властвовал над собой — управляли чувства. Каждая частичка взывала, вдохновляла волей, и дрожь разнеслась гурьбой обезумевшего пламени. Все внутри сплеталось, пленилось, сладостно изнывая и горячась. И наконец, предстало время — время, некогда неподвластное разуму. Холод прошел по его спине, щекоча нервы. Сахарный запах становился едким, свеча стухала: нависший полумрак обдавал струйками таинственности, вскарабкавшись под одежду. Грудь его беспокойно вздымалась: с сердца снялись все цели. Голос торопился, запинаясь, точно проматывал время. Афелиса смотрела на него, как на иступленного — мученика жары. Сильная пощёчина врезалась в ее лицо, смахивая всю усталость. Пораженная, точно на гибель, она, не преграждая его свободу, затаила все мысли и чувства. Отдала себя изумлению. Прежде ей никто так не красноречил: все было по-иному. Благовоние точно пьянило, унося в безумный водород. Вскоре разразилось молчание.

Афелиса стояла молча, не подобрав и слова. Видя, как ей тяжело и как мучается она, Анариэль восторженно добавил:

— Но самое важное, это то, что ты достойный человек! Я скупой на такие комплименты, но когда душа требует, то отказываться нельзя. Непозволительно. Испытывая на себе, это легко понять.

— Так неожиданно... — в смущении прошептала Афелиса, потупившись. — Мне до сих пор непривычно слышать слова о том, что я — солнце. От тебя, товарищ мой, это особенно приятно.

Убрав прядь со лба и сомкнув губы, она внезапно подняла взгляд, так светло улыбаясь, что улыбка эта пронзила мрак.

— Я очень благодарна. Это немного неловко, сам понимаешь. Я не привыкла слышать такие слова.

— Люди тебя несколько недооценивают, — тяжелое молчание разрубило назревавшую мысль. — Что ты будешь делать, когда вернешься в Гроунстен? Я понимаю, что политические дела, но все же: ты слишком мало о себе рассказываешь.

И слова путного сплести не выходило. Вся собранность пала под предательской смущенностью. Вдруг в уши прилила кровь: девушка выпрямила прядь и протянула букву «а», пока в голове ее происходил процесс, настроенный на распределение мыслей, выскакивающих из своего ряда. Душа трепетала, и маленькие искорки радости заблестали, озаряя всю манну, все нутро. Вот, что может сотворить с человеком приятное, ласковое слово! Даже с самым нахмуренным, злым, жертвой обстоятельств, легко сгладить все

першавости отношений, обрадовав его сильным словом. Высказывание это поражало слабые стороны.

— Я не задумываюсь пока о личных занятиях. Мне и не до этого. Конечно, хотелось бы уединиться и подумать о своем счастье... — выдавила она из себя.

— Счастье тебе уже обеспечено. Ты — часть народа. Нам нельзя отделять себя от колдунов — все же, в сплоченности сила, как ты говоришь.

— Да. Мы уже многого добились, благодаря этому. Это долгий путь, но иначе никак бы не сложилось. Устаем... а что поделать? Все силы из меня вытрепали, — сказала Афелиса, ступив шаг к двери. — Вскоре встретимся. Мне нужно идти, Анариэль.

— Конечно, иди! — тут же встрепенулся он, скидывая с плеч темный плащ. — Обязательно сообщу тебе, когда мы будем готовы поднять якорь.

Афелиса улыбнулась и, кивнув, вышла из лаборатории.

Прежде народ выжидал чуда, спал да храпел, а теперь все заиграло мелодией предстоящего торжества. Конечно, не все вызвались добровольцами к постройке: выходили те, кто оставался мучениками голода и скуки. А как разнеслось по всему пристанищу, что работников кормят вдвойне, так еще и кашами, то вся толпа поплелась к подножью горы. Приходили и женщины: измученные, худые до ужаса, с маленьким живым комком на руках, и едва ли не в ноги кланялись главному инженеру за тяжкую работу. Смуглые, обросшие мужчины, словно выходцы из лап грозного хозяина, тащили дерево, умывались в холодной воде у побережья; некоторых так взбодрил свежий, осенний ветер, что вечером они оставались на берегу, очищая легкие от едкой грязи. Скорые холода подгоняли работяг выплескивать всю силу на кувалду. Зима не ждет, она настанет внезапно, обволакивая своим белоснежным подолом сухую траву. Каждый народ не остается без таланта, так случилось и с колдунами. На проектирование вызвался моряк, кораблестроитель — господин Яромил. Анариэль предлагал свои чертежи, но, вдруг увидев его план, над которым тот так усердно вытачивал карандаш, то тут же отдал дело знатоку. Иссохший мужчина средних лет ослабел, и будто все его силы неспешно перетекли в раздумья. Темноволосый, закутавшийся в мантии, он уставил свой длинный нос в расчеты. Высокого роста — едва ли выше Анариэля, — неряшливо одетый. Под нависающими черными бровями сияли соколиные глаза: большие, но сосредоточенные. Холод тогда гулял по коридорам ужасный. Казалось, что кости его брякали и дрожали.

Нередко приходилось ходить на побережье. В пещерный склон работяги вделывали камни, подобно ступеням. Расстояние было небольшим, так что даже Хакан могла не переломать хрустящие кости. Это настоящее спасение — не уставать теперь главным делом. Все еще успевали истекать потом. Маги оживились и вылезали из своих берлог. Все свое состояние, украденные монеты они сбрасывали в мешки; девицы завертывались в платки, боясь, что кто-то может внезапно отстричь волосы — особенную ценность. Дети бегали по коридорам, кричали, созывая всех своих родственников, радость разливалась по лицам.

Строили быстро: уже через пять дней ветер колыхал серые паруса, сшитые их старых одеял. Розовый, черный, желтый, зеленый — эти цветные квадраты возвышались на мачте. Шитье было возложено на женщин, едва ли не умирающих от голода. Усядутся в круг на побережных глыбах, да сказки заводят, и до того насмотрятся на своих мужей, что кольнут пальчик, и кровавый отпечаток останется на ткани. Работали с раннего рассвета и собирались в ряды по команде Яромилла на закате.

Намечался день отплыва. Небольшой корабль спустился на воду, скрываясь от большой,

рискованной бури. Впервые за долгое время Афелиса ощутила пригревающее, осеннее солнце. Собрание высших магов поднялось до рассвета: все стояли в терзающем ожидании. Все же, вера в успех не сразила всех. Нахмуренные, трепещущие души ожидали прихода господина Яромила. Еще показывая чертежи, он провозгласил: «Поплыву на корабле, ступлю на палубу первым! Ни разу еще мои судна не тонули, но если судьба решит послать мне бедствие, то приму! И спастись не буду. Это значит, так положено, а если положено, то и брыкаться не надо». Сердца всех бились в такт тихим волнам. Они выплескивались на берег, сглаживая песок и обмывая корабль. То утро, право, смело можно назвать светлым, божественным мгновением. Афелиса ходила вдоль каменных глыб, взирая на бескрайний океан, и волнение все никак не утихало, даже крики небесных чаек не заглушили тревожный стук: «Все давно решено. Я отправлюсь в первую дорогу. Такое волнение излишне... Но как же его подавить? — думала она, понутив голову и пнув мелкий камень. — Все же, Яромир не подведет нас. Надеюсь на это. Если буря? Погода позлорадствует». Внезапные капризы природы пугали ее до дрожи. Кажется, штаны уже неспешно набирали воды, приликая и облекая силуэт ног; в уши, нос, рот стекает соль, вливаясь в глотку... Ужасно! Вскипала кровь, подгорая на резком огне паники. Острые мурашки впились в кожу: Афелиса встрепенулась, испуганным взглядом всматриваясь в парусник. Тонкий туман брызг обволол мачту. Красное солнце поднималось ото сна. За спиной слышались разговоры, оживленные и волнующие. Вдруг на мокром песке возникла тень, послышались скорые шаги. Диамет обернулась на обращение Анариэля:

— Хорошее утро... — задумчиво пробубнил от, туго затягивая хвост. — Надеюсь, погода над нами сжалится.

— Я тоже надеюсь... — ответила Афелиса, прищуриваясь от солнца. — Ты видел Яромила? Затягивать не нужно с отплытием. Если повезет, то вечером будем в Гроунстене... Черт, — тяжело выдохнув, она почесала затылок. — Так... громко звучит. Не верю, что это мой последний день в этих землях.

— Ты так дрожишь, — заметил Анариэль. Девушка лишь повела плечами, разминаясь. — Не стоит так сильно себя накручивать. Это пустяк. Перед нами еще очень длинная дорога, и неизвестно, придет ли ей конец. А ты, дорогая, обязана вернуться на родину живой. А иначе... И думать об этом не надо! Ты отплываешь с господином Яромилом и со своими товарищами, ведь так?

Ветер сбивал короткие волоски из хвоста. Голос его дрожал, хоть Анариэль верил, что все пройдет по ровной волне. Все были насыщены волнением. Вдруг перед глазами их стремительно пролетело черное пятно: чайка взмылась вверх, размахивая крыльями, и закружилась у камней. Отскочив, Афелиса приложила ладонь к груди.

— Вот же!.. — пробурчала она, нахмурившись от громкого птичьего крика. — Хоть не в лицо, поганая!

— Афелиса... — все замерло. Прозвучал тихий голосок.

По Диамет точно побежали искорки. Вздогнув от таково разряда, она обернулась и увидела улыбающееся личико, залитое лучами пробуждающего солнца. Это была Илекс. Глаза ее светились прозрачным, неуловимым светом. Приставив ладонь к сместившимся бровям, она укрывалась от пронзающих лучей. Рукой она обхватила странный пятнистый мешок, набитый учебными книгами. Натаскала из библиотеки книжек! Перебирая ногами, девочка с теплой улыбкой сказала:

— Мы поплывем домой! — восторженная радость отзывалась в голосе. В упоении

Илекс стряхнула корни с ног. На месте не стоялось. — Я и Элид ведь с тобой поплывем, да?

— Со мной, — кивнула Афелиса, утихомиривая волнение в груди. — Не нужно из-за спины подходить! Сколько раз уже?..

Афелиса не договорила, но даже этот отрывок-пинок хорошо ударил Илекс. Отвлекла ее Леотар, непринужденно бродящая по песку: надменный, серьезный взгляд, точно панику сняло, стоило лишь вогнуть предательницу в клетку. Необыкновенным явлением глаза Диамет восприняли и ее прическу: ее вовсе не было. Распущенные волосы приверженицы кос колыхались на ветру, открывая взору высокий, выпуклый лоб. Руки, одетые в белые, кружевные перчатки, расположились на груди. «Экая мадонна — госпожа!» — отозвалось в голове у Афелисы. За ней, согнувшись в три погибели, плелся Элид, таскающий остальные книги из подземной библиотеки.

— Это не честно! — с возмущением воскликнул Элид, утирая грязной рукой лицо. — Почему у Илекс так мало? Я что, раб какой-то? Эти книжки и черту не нужны! Все, это последний груз.

Пыль на его щеке засверкала на солнце. Потирая затылок пальцами, он чуть выгнулся назад, расставив ноги, и протянул усталый стон. Илекс лишь отвела взгляд от него, недовольно фыркнув.

— Смеешься еще? — вдруг он поставил руки на бедра, разминая плечевые мышцы. — Ну смейся! Сама бы потаскала по склону, чуть не надорваться. Эх ты... Неженка.

— Я не смеялась, — сказала Илекс, точно дураку. — Я не виновата в том, что ты сглупил и не пошел вместе со мной. Я взяла только свои учебники, а тебя заставили потащить все.

— Но все равно, — отгрызнулся Элид, давая проход подоспевшим грузчикам. — Можно было посочувствовать. Мы все же не просто так друзья, Илекс.

— Сейчас грузятся и корабль будет полностью готов к отплыту, — отозвалась Леотар, медленно подходя к Афелисе. — С вами будет плыть ценитель своего дела. На палубу уже взошли матросы, будут сменяться. Чтобы грести, нужна силушка великая.

Трое мужчин, склонились над громадными мешками, исподлобья глядя друг на друга. «Поднимай!» крикнул один матрос, напрягая все свои мышцы. По команде все разом подняли, медленными шагами восходя по деревянному мостику, ведущему на палубу. Загремел груз, кричали голоса. Один матрос, стоявший на носу корабля, приложил тыльную сторону ладонь к губам, крича: «Господин Яромил! Господин Яромил!» Сквозь толпу прорвался старик: узкие глаза его хмурились, густые, не уложенные брови нахмурились. Берег кипел взбушевавшимся народом. Ясное дело, все хотели узреть первый отплыт корабля! Даже ребята как-то стихли. Лишь подступали к берегу, садились на корточки и мочили ладони, впиваясь пальцами во влажный песок: «Холодно!» — проронил мальчишка, усмехнувшись, и стал брызгать водой в девчонку. Благо, женщина ухватила сына за шкуру. «Не смей хаос разводить! — погрозила она пальцем. — Никто не простит!». И опечаленному ребенку, понутившему нос в песок, пришлось стоять под грозным надзором матери. Эту семейку Элид хорошо знал, даже успевал пакостить этим детям. Он лишь усмехнулся, и свистом привлек взгляд негодяя. Пальцем указав на корабль, Элид дал понять, что в плавание пуститься он — один из первых!

— Ваш путь удлинится. Обычно корабли приплывают к городу, но, как вы знаете, над ним охотники. Даже если пустить барьер, то долго он не продержится. Времени слишком мало. Поэтому вам придется плыть через маленький островок на северо-востоке, а уж потом

высаживаться за горами чернокнижников, — продолжала Леотар, отвлекшись на свист. — Я подробнее все обсудила с Яромилем. На борту вы успеете разговориться.

— Чернокнижники разве не смотрят в оба? — спросила Афелиса. — Будут риски, если они заметят наши разноцветные паруса.

— Они давно уже спрятались в лесу, сами высунуться не могут. Благо, что охотники не доходят до мертвого озера. Настоящая преграда. Так ведь, господин Яромил?

Прихрамывая, старик повел рукой к горам, кивая матросу. Увидев его жест, юноша спрыгнул с лестницы и скрылся в капитанской каюте. Причесывая пальцами сбившуюся бороду, он обернулся, удостоив магов поклоном. Яромил не услышал вопроса, и госпожа Леотар неловко переспросила:

— Чернокнижники ведь в лесах водятся?

— А что ж не в лесах-то? — ответно спросил он, снимая черную фуражку. — Все в лесах: боятся, как знать, волки дремучие. Домишки их пали у подножья, это точно! Они сами всех боятся, хоть и выставляют из себя великий народ! — он смеялся. Смеялся едва ли не до боли в животе. Что же такого забавного? Именно то, что бессильные и потерявшие свою значимость темные маги, обзывают себя великими! — Где же тут, в прятках, величие? Я пожалел о своих словах, когда сказал, что им бы лучше вступить в наш народ. Моя беда.

— Предатели возвращаются, — вдруг сказал Анариэль, выходя из-за спины Афелисы. — Но наше дело: пустить их или нет. Один раз наши предки допустили это, из-за милости, и что они получили в дружеский подарок? Только развал! Не более!

— Они испугаются нашего появления, я уверена в этом, — Диамет посмотрела на Анариэля, и потрепала его по плечу. — Что ж, наше дело больше не может терпеть. Не хочется наткнуться ночью на кого-нибудь... Увидимся?

Спросила она, словно плохое предчувствие вселяло ей неуверенность: «Всего лишь навязчивые мысли, — думала она. — Если бы намечалось действительно что-то плохое, то не только я бы учуяла».

— Я поплыву с вами, если тебе угодно, — ответил Анариэль, не понимая по началу, к чему прощание. — Конечно увидимся, но я хотел бы сопровождать вас. Путь долгий, скучный. Да и поговорить тебе не с кем. Конечно, если хочешь, но я уже настроился на отплыв.

— Сопровождать, — повторила Афелиса, опуская руку с его плеча. — Вот же неожиданно ты, Анариэль! В самую минуту! Ты только скрасишь нашу компанию. Не вижу преград...

— Тогда я рад, — он вздернул уголки губ. — Что же, капитан, на палубу.

— Не время. Пусть загрузят мешки, тогда и проходите, Ваше Сиятельство! — сказал Яромил, и после направился на палубу.

Афелиса удивлялась больше не известию о том, что Анариэль пересечет океан с ними, а тому, что ее не предупредили. Собrania всегда проводились после прихода всех лиц, однако в это знойное, бодрящее время — все пошло по-другому. Но ведь, если ее уже почитают за важнейшего человека, то почему же так сложилось? Диамет принимала все разговоры, как новости послов. Впрочем, это известие было не значимым для народных дел. Получив приказ и спустившись с палубы, колдун, непринужденно и чуть размахивая руками, подошел к Афелисе, низко кланяясь.

— Господин Яромил поручил дать Вам знать, что корабль готов к отплыву. Капитан требует взойти на борт сейчас же, — монотонно, будто заучил. — Просим Вашей милости.

Не поднимая глаз, он через мгновение скрылся за мачтами корабля. Шум поднялся, маги подступили к самому берегу, где ног их едва ли касались тихие волны. Женские платки и накидки вздымались на ветру; мужчины, те, что не вышли матросами, угрюмо сидели на глыбах, пережевывая за щекой твердый хлеб. Во все впитался дух торжественности, но в щелях толпы проглядывала и тоска — та тоска неудачи, вызванная завистью, ведь, кто знает, когда корабль вновь переплывет целый мир... Громко, необъятно, но грусть заставляет увеличиваться терзающие моменты! Все поплелись к кораблю. Леотар застыла на месте, отвлеченная от всей кучки колдунов. Да, сильное желание было у Афелисы — неудачное послание судьбы. Нигде не выглядывал синий горб Хакан. Синий, потому что эта накидка стала будто ее частью. А как хотелось видеть свою наставницу! Сколько времени пройдет, сколько раз парусник доберётся до этих гор? Никто и не мог предположить, гадать уж боялись. Но ее взгляд не улавливал ни синего горба, ни насупившегося лица. Вдруг, стоило девушке отвернуться и ступить на лестницу вслед за Илекс, то раздалось восклицание Анариэля:

— Я уж думал, что Вы совсем не будете провожать нас.

— Зря Вы так думали! — прохрипела Хакан. — Затерялась я в толпе, никак не выбраться. Все колдуны на берег вышли, на вас посмотреть.

— Госпожа, — проронила Афелиса про себя, быстро спускаясь назад. — Вот уж совсем перед отплытом не увиделись. Хорошо, что Вы пришли.

Она ждала ее сухие, сморщенные руки, грустно улыбаясь — прощальный жест. Хоть и бранила, хоть и была непостоянной деятельницей, но старушка все же оставалась точно родительницей Диамет. Замечая преграды, она пробивала их лбом и мстила, как нечто должное, обыкновенное — в этом ее непостоянность. Неустойчиво она стояла и на своей старческой планке: с легкостью замечала оплошности и выговаривала их с достойным, властвующим видом, а порой, становилась самой гневливостью, и брань не остановишь! Афелиса благодарна ей в своем воспитании, все же, она впитала в нее все жизненные соки, которые теперь расцветают в ней с каждым рассветом. Поговорили недолго. Для обоих это мгновение отпечаталось сильными чувствами: радостью, смешанной с взбушевавшейся тоской, тревогой и надеждой. И вот, услышав оклик Анариэля, девушка встрепенулась и, склонившись, почувствовала покровительский поцелуй на лбу.

— Пора вам в путь, — тихо проговорила Хакан, обнимая Афелису. — Пусть ты и правительница наша, но для меня ты — та тихая малютка.

— Это... мило, — прошептала она на ухо, прижимаясь к ее плечу. — Я хочу уйти, но без Вас мне всегда было тяжело.

Тепло Хакан убаюкивало, словно детская сказка: волшебная, манящая, но с быстрым концом. И не понятно: славный ли он или ужасный. В эти трепетные, по-особенному ценные секунды Афелиса хотела забыться и пропасть вместе с Хакан в закулисье. Ласкающий прибой обволакивал песок, все замолкло, не нарушая чудесное мгновение близости. Природа слилась воедино с душой, в такт живущей и чувствующей. Последний рассвет в Блоквеле... Сколько чудесных пакостей повлекли на нее эти земли! Однако, все прошлое, пережитое, облитое слезами теряет свою значимость, преклоняясь пред настоящим. Так должно быть всегда. «Ради всех божеств, не плачь, Афелиса. Ты не умираешь, — кричала она себе, но, эмоции заглушили разум. — И Хакан не умирает. Души вечны».

Но вновь голос Анариэля напастью сокрушился на их родственные души.

Вынудив себя оторваться от старушки, Афелиса натянула улыбку. Вдруг пробуждающий щипок отозвался болью на щеке: Хакан по-доброму ухмыльнулась, протягивая руку к палубе.

— Жаль, что Вы не отправитесь с нами, — пробубнила Диамет, потирая щеку. — Но дело не ждет, к сожалению.

— Так, не время слезы лить! — шутливо упрекнула ее Хакан.

— И правда не время. Будут еще мгновения для жизни. До свидания, тетушка Хакан.

Едва ли заставив себя отвернуться, Афелиса последовала за Анариэлем. Трехкратный пронзительный свист возвещает всех на палубе об отплытии. За штурвалом стоит Яромил, и красное солнце обжигает его глаза. Афелиса оперлась локтями о фальшборт: навстречу морскому ветру. Колдуны, размахивая платками, мантиями, кричали, и вскоре все голоса слились в славный: «В добрый путь!»

В добрый путь!

24. Хор вялых роз

Каждую ее частичку туго свело предвкушение чего-то резкого, чувственного, выплеснувшегося из самых недр подгорающего очага души Филгена. Бесконечно тянулись минуты, молчание нависало над их головами. Розалинда застыла, словно связанная, и едва ли осознав, что перед ней ее жених, лишь хлопала ресницами, впитывая в себя весь его испуг. Стыд выжимал из сердца кровь. Опустошенная, девочка продрогла и мнительно повела взглядом на Амери. Композицию прерывало его непонятливое, возмущенное лицо. Такое томительное молчание, кажется, поражало его. Он оглянулся на своего товарища: глаза такие же стеклянные, испуганные, как и у девчонки. «Видимо, знакомы голубки, — отозвалось в голове. — Стоят... и дышать боятся. Та невеста что ли?» В этот миг все ряды мыслей перемещивались, и среди этого сумбура нашлось мутное воспоминание. Филген вылил ему всю тягость, не задумываясь и вовсе не погружая его в истоки. Может, если бы знал Амери чуть больше, то без сомнений вывез на руках и ногах этого страдальца, и терпеть эту гнетущую тишину не пришлось бы. Исключительно ради себя. Из-за угла на такое напряженное бездействие смотреть забавно, почему же не насладиться?

— Снова здравствуйте, милая дама! — возвышенно воскликнул он, порвав пелену тревожного спокойствия. — Куда торопиться изволите? Вчера я не оказал должного почтения... Да сами видели, какая суматоха была. Если не видели, то и не надо. Значит, не дано! Ну, а если Вам так одиноко и грустно, то я могу предложить свою руку, — колкий взгляд и легкий поклон. — Личико у Вас слишком мрачное. Буду откровенен... Вам совсем не идет. Ужасно не идет, — небрежно обронил Амери. Знал Филген, что таковы почести в его речи обыденны, и плохого оттенка не несут, потому промолчал, тяжело выдохнув. — Так, что насчет моего предложения? Не хочется, чтобы Вы так печалились из-за пустяков.

Розалинда смолчала, склонившись под его взглядом. Амери подошел ближе, и сладостный аромат его рубашки разнёсся по гостевому залу. Задорный непосредственный и привлекательный запах — манящее сочетание. От того атмосфера становилась еще гнетущей.

— А Вы господин Амери Хендерсон? — все силы ее собрались воедино, чтобы мощным толчком выдавить пару слов.

— О, господин, господин! Так лестно, что аж трогательно! — в упоении затрепетал, хватая ее кисти. — Меня редко кто зовет так. А Вы! О да, Вы чудо! Я согрешу, если не приглашу Вас на ужин, а согрешаю я часто. Не я, конечно, а черт какой-то. Я заговорился... Но не моя вина, Вы вынуждаете.

Филген покосился на него, будто спрашивая, долго ли он будет продолжать весь этот театр. Мания к чрезмерному актерству кишела в нем, заряжая бодрящей силой. От этих напускных ласк, лести становилось приторно, точно съесть за раз банку меда. Жуткий стыд за товарища, неловкость встречи, неожиданность — все эти спектры эмоций сплелись в нить и сковались в круг. Эта бесконечная череда удручала. Теперь уж он жалел о своем согласии. Что-нибудь отвлечет Амери, так он чуть ли не песни заводит. Этак душа поет! Известно ему, что в знатном мире погибнет без знакомств. Хоть актеришка этот сомнительный, но привел же его в замок Тираф. Отказ был бы возвышенностью, самолюбием, а что хуже — непочтением царской короны. Мысли его заняты любопытным замечанием: «Значит, сбежала к царю... Но откуда такие связи? Как ее могли пустить без сопровождения?»

Неужели Розалинда тоже пришла за этим?..»

— Ну не молчите, дорогая. Вам, наверное, все наскучило, — без стеснения выговаривал Амери, сияющими глазами впиваясь в нее. — Не нужно так свою молодость проводить. Мне нужно к батюшке-царю сходить на минутку, а Вы у Царицы гостите, да?

«У Царицы? — все бывшие догадки оглушительно разбились о неожиданную преграду. — Что? — неловко усмехнувшись, он отвернулся. — Царь может еще принять гостей, а Царица — закрытая личность. Нужно поговорить с ней, чтобы узнать. Ну, и из-за желаний...»

— Да, я гость, — пробубнила Розалинда, пытаясь разглядеть Филгена за его бордовым плечом. — Возможно. Я хочу прогуляться...

Отвечала она сбивчиво и всю себя обращала на мывшегося Филгена. Впервые она увидела его при полном своем параде: бежевое, безрукавное платье, едва ли касавшееся пола. Большие коричневые стразы на груди и на объёмных рукавах-фонариках блузы. Золотые ленты стягивали у лодыжек черные шаровары. Блестящая, позолоченная накидка висела на худых плечах. Шикарное одеяние настоящего принца. «Точно из картины «кровоавого рыцаря» вылез!» — восхитилась Розалинда. В глазах ее отражались блески на светлых волосах. Впрочем, если намечался выезд из дома, то Филген выбирал — либо нарядиться и произвести впечатление, либо остаться. Амери — наслышанная фигура, вовсе не озадачивался. Пиджаки, да и только!

— Подумайте, подумайте, — говорил он, желая заткнуть все тихое пространство. — Не расстраивайте меня, иначе спать не смогу больше. А мне, почему-то, дамы часто отказывают, — соврал. И такая возмущенность пылала в глазах Филгена! Ведь все ложь: любовницы с каждого края. Он играл в одинокого, потерянного юношу, и распутные дамы велись на улов. Ведь они оказываются в лапах у жестоких, мерзких мужчин, а тут такая нежность! Кажется, на миг он сам усмехнулся, но превратил это в отчаянный смешок. «Вот же жлоб...» — ругался про себя Филген.

— Что мы на пороге стоим? — спросил он, не спуская с Розалинды глаз. — У меня время назначено. Но, право, я отвлекся с удовольствием.

— Я не могу сопроводить Вас, — отмахнулась она, вырывая запястья из его рук. — Иду в сад.

— Что же... Ну, как Вам угодно. Повезет, если я Вас встречу. Но, знаете, не надеюсь на удачу. Лучше уж найти Вас! — он опустил руки, обернувшись к Филгену. — Пойдем, Филя. Опаздывать не хорошо! Но у нас есть прекрасное оправдание, так что не погибнем.

— Ты пойдй сам, я не хочу, — вдруг заговорил он, ступая шаг вперед.

— Что не хочешь? — Амери разглядывал его, и внезапно яркая улыбка пронзила догадки. — Известно, почему не хочешь. Вот! С девчонкой свестись — вот, что желаешь! Ладно, не начинай хмуриться. Пойду.

Амери поднимался по лестнице, изредка оборачиваясь и покачиваясь на ступенях. Чтоб унять хаос, и чтобы не возиться, Филген оставил все и бросился было к Розалинде. Она взглянула на него наконец и была поражена. Это был не тот взгляд, не тот голос, словно другое лицо: по-детски испуганное и побледневшее. Не двигаясь с места, он робко посмотрел на нее, тая все любопытство. В это мгновение и подойти было чем-то недозволенным, неправильным. Тогда лестница уже опустела, и среди молчания раздалось громкое приветствие: «О, я не мешаю? Здравия, Царь!» и тотчас же дверь захлопнулась.

— Я не думала, что мы вскоре встретимся, — проговорила Розалинда, сложив руки за

спину. — Вы очень неожиданно, Филген.

— Никто не мог ожидать, — он сглотнул, тихо ответив. — Выйдем.

— Да... Конечно.

Отвернувшись и потянув ручку, парень отворил одну дверцу, пропуская Розалинду вперед. Тогда, в первые секунды, и рассмотреть нельзя было. Удивление затуманило все вокруг. Но сейчас Филген понимал, что в ней ничего не изменилось, может, и к лучшему. «Благо, что с Амери она не была знакома раньше. Для нее это опасный тип. Лишь насмешит и сам в упоении от этого будет... Не унижение разве? — думал, придерживая дверь. — Или он настолько уж пал в это дно, что это как наслаждение? Очень похоже». Девчонка обернулась, подправляя пальцами вылезшие пряди. Ступили по тропинке они в полнейшем ожидании. Чуда. Слова. Взгляда. Оба гнались за объяснениями. Кричащие мысли вопили: «Всем известно, что Царь Грифан — маг, и принимает себе подобных!». И в ответ возражали: «Ну, ну! А торговля Царя известна больше, чем его предназначение!» Беспредельный гам творился в голове. Оба будто бы висели на крючке над пропастью.

Сад с розами. Тот самый, что был виден из ее окна. Наконец удалось добраться на алуию поляну. Из щелей каменной тропы прорывалась на свет трава, которой суждено было обдаться холодными ветрами и безлико упасть на землю. Тонкие стволы деревьев качались вместе с большими гнездами. День медленно катился к темной завесе. Тот незабываемый вечер отозвался в памяти: набережная, шаги, прогулка, сквер и объятья. «Из чего же такая уверенность тогда возникла?» — задавалась вопросом девчонка, шаркая по камням. Она бежала не от него, а лишь от суливших ей бед. Наоборот хотелось говорить и говорить, пока горло, наконец, не пересохнет. Но ведь тогда Розалинда никогда не доберётся до пристанища магов. Равная ценность, и одна другую перевесить не может. Наверное, именно поэтому судьба вновь свела их... Тяжелый вопрос.

— Вы бежали, и это было очень рискованно. Хорошо, что дошли до замка, хоть и пришлось пересечь границу, — заговорил Филген, смотря под ноги. — В тот день произошла целая череда бед...

— Каких же?

— Моему отцу приходили письма, затем Дарья Амеан пришла к нам сама. Я никогда не видел на ее лице столько гнева. Наверное, потому, что знаком с ней недавно.

— Какая беда... — саркастично ответила Розалинда. — Я ее каждый день такой видела. И непонятно: злая или нет. Целый скандал устроит.

— И именно поэтому Вы бежали, — снизив тон, Филген оглянулся на дверь. Не идет, — чуть не оставив меня без связи? А я очень хотел с Вами увидеться еще. Кажется, это единственный случай, когда мечты сбываются, — слабая улыбка. — Давайте отойдем подальше.

— Почему?

— Не хочется, чтобы Амери прерывал меня. Так всегда. Я что скажу, так он тут же захлопнет, — пробурчал Филген, прибавив шаг.

— И почему Вы общаетесь с ним? Тогда это не дружба, — произнесла Розалинда, поспевая за ним.

Они завернули за угол, идя вдоль склона. Над закатом нависла легкая дымка. Все то лесное полотно казалось маленьким, незначительным — тем, что можно с легкостью раздавить. Наткнувшись на веранду, обрамленную вырезными колоннами, остановились.

— Наверное, мои цели покажутся Вам неправильными. Ведь это не дружба, и я уверен,

что Амери тоже так считает. Простое товарищество. Мне нужно вступать в знать, а без всяких балов и знакомств не обойтись. Отец заставляет, внушает мне, и я понял, что он прав. Удивительно, так ведь? Обычно подростки не принимают родительских наставлений, а я только чувствую себя виновным, когда думаю, что пропустил мимо ушей отцовское замечание.

У парнишки пробились непривычно уверенная, спокойная интонация, точно он нашел или создал оба события — настоящее и прошлое и каким-то неведомым способом обеспечил себе синхронность. Чувствовалось, что сие попадание не было чем-то красивым, а обыкновенным уютом. Должным, необходимым. Похоже, обстоятельства толкали обоих к новому излому, к новым законам отношений. Вся иллюзия чужих черствых мыслишек почти развеялась. Розалинда, как и Филген, понимала, что этот юноша надежный человек. Хотя бы для нее.

— Есть другие люди. Амери мне кажется... Опасным и подозрительным. Наверное, потому ему в свиданиях отказывают.

— Он солгал. Никто ему не отказывает, — проговорил Филген с недовольством, которое не ощущался в голосе. — Наоборот он знаменит. Но я не завидую, это пугает. В общем, Амери слишком странный. Лучше не связывайтесь с ним.

— Нет! — резко воскликнула Розалинда. — Я и не буду.

— Прекрасно, — он улыбнулся, потирая замерзшие руки. — Но Вы все еще не ответили на мой вопрос. Если он смущает, то я подожду. Почему Вы сбежали?

— Я не могла больше находиться в своем доме, да и казалось, что мне не рады. Это странно. Как только меня привезли, Дарья была счастлива, а теперь, будто укусили, — с выделанной грустью проговорила она. — Злитесь на меня, хотя причин нет. Ад какой-то земной.

— Я Вам сочувствую... — опустил виноватый взгляд. — Заставил вспоминать... не лучшие моменты. Но, Вы не знаете, как я волновался! — запнувшись, он быстро будто исправился. — Все волновались, Розалинда. Мне показалось, что и Дарья. Мой отец никак себя не повел. Он всегда принимает случившееся таким, какое оно есть, без чувств. Но я так не могу, многие так не могут. Иногда я не понимаю его, странный человек.

— Он не странный, а настрадавшийся. Мне Дарья много о нем рассказывала. И о войне и о ранении, и об измене... обо всем.

— Удивительно, что со мной он никогда не говорит о своем прошлом. Когда я спросил, кто моя мать, то он едва ли не разозлился и весь день пренебрежительно смотрел на меня. В чем же я провинился? Это нечестно, — голос его насытился чувством. — Видимо, и вправду их ссора связана со мной.

— О, не вините себя! — с мольбой сказала Розалинда. — Не стоит грустить из-за прошлого. Его уже нет. Только мучаете себя. А мне Вас жаль. Не нужно, оно бессмысленно... это воспоминание. Оставьте.

Она ясно видела его волнение, но большего сказать не могла. Вовсе не из-за нежелания, здесь есть обыкновенное незнание. Зайдешь чуть дальше — и тут стена, преграда. Свалится, разрушится, и такое страдание принесет! Грозил неосторожность. Успокоить. И как же? Вот и она не знала. Так чуждо, что непривычно, но заманчиво. А как известно, что всякая вещь, сколько-нибудь отличавшаяся от родного, выглядит привлекательно. И не понять, что за ширмой соблазна скрываются черти! Потому Розалинда стремилась помочь, но боялась, боялась до жути.

— Я к этому привык. И правда не стоит.

— И... Вы сегодня уедете? — ей нужно было немедленно отвести тему.

— Придется. Но я могу отправлять Вам письма и приезжать почаще. На сколько Вы собираетесь оставаться в замке?

— Я бы тоже Вам письмецо начеркал! — внезапный голос.

Они обернулись на порог. Розалинда чувствовала, что вскоре Амери появится где-нибудь за их спинами и посмотрит, здесь ли они бродят. Ожидаемо, но она все же всполохнулась. Стал бродить по тропинке, медленно, касаясь вырезных ангелов, размеренно и непринужденно. «Всегда все пересмотрит и перетрогает!» — думал Филген с раздражением.

— Ну, как прогулка? — говорит он, подходя все ближе. Розалинда едва ли не оступилась. Непременно он жаждал помешать своему товарищу из-за ревности внимания. Плевать ему было на него и на прогулку. — А погодка сегодня неплоха. Ветер не сшибает с ног. А Вы, вижу, уже продрогли, — обратился к Розалинда, деликатно остановившись на расстоянии трех шагов. — Дрожите вся. Неужели Филя — светский сын и хороший наследник — позволил даме мерзнуть?

Мерзкая, колкая улыбка. В глазах так и сверкнула озорная насмешка. Рвется, сдирает шкуру свою поношенную от жажды отобрать взгляды Розалинды, прельстив и приласкавшись, показаться галантным юношей. Она для него не больше, чем развлечение. И Филген прекрасно понимал эту ужасную вещь. «Не вспомнит и на следующий день. Да и она не останется с ним наедине. Бойтся. Ну и пусть. Так даже лучше».

— Вам все еще грустно. Вы это, верно, от него переняли, — метнул взгляд на Филгена. — Разве в наслаждение такое видеть? А, право, год какой Вам миновал? — отчеканил Амери с особым интересом.

— Такое не спрашивают в дни знакомства, — сказал Филген, покосившись на него. — Если только ты не в приличном месте и не благовоспитанный. Имей совесть спрашивать такое у благочестивой девушки.

— Настоящий принц! — вытворил он, не понимая, что сказать. — Оказывается, у тебя есть чувство юмора, Филя, — Амери валял дурака и, кажется, мог сотворить истинное шоу — усладу для глаз таких же сволочей. — Сарказм спасает, соглашусь! Но иногда тебе лучше промолчать, держа за зубами наставления папеньки. И кстати, ты был недоволен своим именем. А вернее то, как я называю тебя, а, Филя — дуралей! Черт! Да я тебе в отцы гожусь!

— Не годишься! Никак не годишься! — не упустил же Амери случая ткнуть в глаза, а то и вовсе приковать к факту, что ему двадцать семь, а Филгену только семнадцать. Какой же десятилетний отец? Лишь смеяться! На смех обиды не было, ведь он только и добивался веселых лиц. — Лучше умереть, чем жить с таким отцом.

— Я бы и за порог тебя не пустил, — усмешка. Он повел плечами, всматриваясь в Розалинду. — Это мы, милая, так дружбу разгораем. Никто не обидится, да и я себя уважаю, чтобы не оскорбиться. На такое дивиться нужно, — выбросил он с поучительной ноткой.

Филген говорил спокойно, и единственный раз чуть повысил тон, когда прятать гнев за пристальным взглядом не оставалось сил. Розалинда смотрела из-за угла, не как болельщик, а как обыкновенный наблюдатель. Эти характеры, эти натуры настолько разные, что сравнивать их — в яму провалиться. Противоречивые стороны не могли слиться на серой границе. Слова с пеной выплескивались изо рта Амери, прямота добивала его стремление одержать победу в ссоре. Но, впрочем, серьезных разногласий такой характер не имел.

Сторонился и с нудной миной отталкивал. Суетливо и настроение переменялось: чуть ли не подравшись, он, обычно, приходил к человеку с добрыми, дружескими намерениями. Все игра, а он — актер, желающий потешиться. Сильный, но неустойчивый нрав имел большие шансы развалиться, если бы Амери переступил театральную черту. В глазах Филгена он выходил лишь кукольной постановкой, иногда и безумцем. Столикая яркость и непостоянство проводили толстую черту — не пресекаемую границу сдержанности и стойкого терпения. Именно из-за этих качеств Филген мог переносить едва ли не лопнувшее давление. Такие выводы возникли у Розалинды. «Из этого костра дружбы, какая глупость, — вспоминала она высказывание Амери. — Ничего не выйдет. Ни хорошего, ни плохого. Ущерба не будет. Филгену тем более. Хотя, я не думаю, что сердце его настолько чувствительно».

— Тебе уж быть гордым! — со смехом выплеснул Амери. — Не идет. Нос задирать могут люди достойные, и то, из-за чувства своей значимости. Оставь свои манеры, а лучше в своем кармане держи. Ишь, какой сладкий мальчишка! Ты хоть галстуки умеешь завязывать?

— Умею, — отозвался Филген, уж не зная, как показать, что разговор должен оборваться.

— Ну вот, не строй из себя ребенка, Филя, — улыбка, готов поклясться, скоро разорвется. — Адресок мой возьмете? И Вы не ответили на вопрос: на сколько оставаться у Царя будете? Я частый гость и буду заходить к Вам. А, впрочем, — засунув руку во внутренний карман темного пиджака, он достал серую карточку, — визитка есть. Пользуйтесь, милая дама.

Он вручил ей картонку, на которой был написан адрес и маленькими буквами внизу: «Амери Хендерсон» с обрывистой подписью. Рассматривая и вовсе не понимая ее предназначение, Розалинда, подняв взгляд, спросила:

— Зачем Вам визитка?

— Для торговых дел. Вам сказать можно. Храню их для заинтересованных лиц.

«Но разве я — заинтересованное лицо? — его слова отпечатались эхом в голове. — Даже не просила, а уже такое-то лицо. Для него лучше никаким не быть. Да и выкину я это... Не думаю, что она мне когда-нибудь понадобится».

— Обманываешь себя. Никто не заинтересован, — сказал Филген, сложа руки на груди.

— Я слышу только ложь. Ирония, не правда ли? Я интересен тебе, и, возможно, когда-нибудь для этой девочки. Но, знаешь ли, — протянул он, задумавшись, — мне не пристрастно твое увлечение в знатных кругах. А ты все клеишься, клеишься... Будто тебе интересны вовсе не связи, а нечто другое. Может быть, я?

Ожидание очередной насмешки вмиг оборвалось. Что же это? Ядовитая, словно кокетливая искра в глазах. Невозможно. Это часть его шутки, хоть он и не распространяется о своих связях. Филген хотел верить в это всем своим существом. Не выстояв такого испытующего взгляда, он потупился, прикусывая щеку изнутри. Выдохнув, Амери фыркнул, понимая, что вещь выходит завлекательная:

— Это и впрямь похоже на то. А помнишь те вечера... Ты так настырно пытался пробраться ко мне, что едва ли не засмущал! Разве можно такой красотой блистать?

— Я хотел достучаться до тебя, чтобы ты отдал долг! — тут же вступился Филген.

— Скоро отдам, — его грубость осадил Филгена. Но вдруг тон его несколько смягчился. — Обсудим все твои пристрастия позже. Что ж, ждите от меня письма, — сказал он Розалинде. «Проклятый Амери. Еще развел здесь ссору, скот,» — думала она, вперяясь в

его волосы, сверкающие на солнце. Враждебности в его взгляде, кажется, поубавилось. — Мне нужно идти, завтра или послезавтра ждите меня. Надеюсь, я стану для вас хорошим другом.

Склонившись, и как истинный рыцарь, завел левую руку за спину, держа другой ее пальцы. Глядя на нее, он едва ли коснулся кончиков пальцев губами, и, выпрямившись, осадил ее поклоном. Тут же отдернув руку, Розалинда с возмущенным удивлением уставилась на его довольную лисью морду: «Хорошо, что дальше пальцев не зашел... Хотел показаться галантным». Тыльная сторона ладони была открыта для поцелуев лишь возлюбленным, если незнакомец отважится обесчестить себя перед дамой, то обречет ее на стыд, да отвращение. Не брякнув ни слова, он прошелся вдоль тропы, почтено остановившись перед Филгеном. И, к сожалению, лицо его не искривилось, и глаза не горели адским пламенем! Недоверие зашевелилось в нем: парнишка чувствовал, что сомнения обуревают Розалинду. Придется признать, и, что ж, признание это — меч в спину! Генри и вправду предупреждал его, и теперь, когда инициатива вновь была перехвачена, в Амери затвердевал грунт собственного уважения. Филген лишь ослабил сопротивление.

— А ты поедешь со мной. Составишь компанию до одной деревушки.

— Нет, поезжай сам. Не хочется ехать в какую-то глушь, не зная причины.

— Снова шутишь! Лучше тебе, Филя, не шутить так. Все ты прекрасно знаешь. И, я скажу, даже больше меня, — снова испытующий взгляд. — Известны тебе и подробности, и я знаю причину, почему ты не хочешь распространяться. К тому же, ты что, попросишь экипаж у Царя? Нехилую денежку отдашь! А со мной прокатишься, как старый, верный друг...

Филген уж было растерялся, вскинув глаза, но затем протестующе фыркнул:

— Я смогу заплатить. Иди уже, — он хотел добавить «и отстань уже от меня», но тогда это преградит путь всем замыслам. Передумав, он сдавленно вздохнул. — Увидимся в Улэртоне.

— Как знать... — бросил тот напоследок и задумчиво двинулся по тропе. Когда уж плащ его совсем скрылся за углом, Розалинда подбежала к Филгену, едва ли не умирая от испуга.

— Он меня пугает... Если он и впрямь отправит письмо, то не отвечу. Даже если уважение свое показал, но, думаю, что это слишком. А ты... — оступившись, она тут же исправилась. — А Вы почему не уезжаете? Его поцелуй... так противен мне. Извините, что все Вам рассказываю, просто все произошедшее — чудо. Ужасное чудо.

— Если Вам неприятно, то нужно отдернуть руку, Розалинда. Он пародировал светские манеры, и у него хорошо получилось. У меня бы никогда не хватило смелости поцеловать чьи-то пальцы, — и не воспринимайте его ложь всерьез. Любовницам Амери редко пишет, и не думаю, что Вам окажет особую честь.

Чуть не воспротивившись воле, Розалинда пожирала его глазами: сомнение растаяло в глубине взгляда, уступая место доверчивости. И так, не проронив ни слова, она выжидала ответа. Робкая гримаса неловкости, немота, проблеск верной искры. Вдруг потупившись, она сложила руки за спину, перекатываясь с носков на пятки.

— В моем доме скучно, и мне не с кем поговорить. Хоть я и страшусь общества, но иногда едва ли не умираешь от скуки. А Вы интересная и с Вами можно поговорить. Ведь так? — выждав секунды молчания и увидев легкий кивок, он продолжил. В уголках рта мимолетно проступила чистая, нетронутая сомнениями радость. — А порой и вовсе, как

разговорятся, что тошно становится. Боюсь, если честно, таких людей. К Америке я привык, и все эти подколы не воспринимаю за серьезное.

— Калечите себя, — заключила Розалинда. — Пытаете, убиваете... как угодно. Как больше подойдет. Но давайте не будем об этом. Я тоже Вам рада. Рада и тому, что кроме нас больше никого нет.

Разговор пролетал мимо яблонь, роз, и медленно заворачивал снова к веранде. У порога стояла служанка, склонившаяся над метлой. Удрученное ее лицо вскинулось на них, и со всем почтением, вымолвила:

— Извольте чаю испить.

«Царь не будет доволен моей оплошностью,» — прозвучало у нее в голове. Получив согласие, прислонила метлу к стене и пошла вовнутрь. Пара же села за стол, и прождали они несколько минут, пролетевших мимо, как стремление Розалинды разузнать об Филгене больше. Парня ставило в тупик парадоксальное стремление вытянуть любыми средствами информации о его досуге. Но каждый раз он высказывал желание открыться и делал это без сожаления. Она замечала на лице, как схлестнулось его настроение: счастливое, безмятежное. Вскоре явилась и служанка — избитая горечью женщина с подносом. Не сказав ни слова, она все тупилась, протирая стол какой-то серой тряпкой, а после поставила парящие чашки. Сахар собирался по стенкам, примыкая к самому дну. Печенья, булочки, посыпанные сахарной пудрой, кренделя — все красовалось в свете раннего заката. «Испить чаю» всегда значило в замке Тираф «наесться на славу». Будто попировать, оказать честь Царю.

— Правда, — вдруг поставила она чашку, едва ли успев примкнуть к ее краям, — не думала, что Вы так плохи в арифметике. Пару раз к нам приходила учительница и хвалила меня за способность к числам.

— Это не мое. Seriously, не люблю такое. И, давайте, если Вам будет угодно, перестанем ограничивать себя такой официальной. Я про обращение, — пояснил Филген, увидев, как брови ее слегка изогнулись. — Конечно, если желаете. Я никогда не настаиваю... Просто, понимаете, так я почувствую, что разговариваю с другом.

— А! Да! — с особой эксцентричностью ответила она. — Я не против.

— Что ж, тогда хорошо. Я благодарен... тебе. Уже солнце садится, скоро нужно ехать. Не поздоровится мне от опоздания.

— Куда ты спешишь? — с набитым печеньем ртом спросила Розалинда.

— Если я куда-то выезжаю, то отец ждет меня не позже восьми часов. Так заведено, но, если честно, я хотел бы остаться с тобой. Здесь уютно и спокойно. Полчаса занимает дорога, а мне еще нужно спросить про экипаж, — поднимаясь, он придержал рукой накидку. — Проводишь меня?

— Да, и я буду ждать письмо. Если не напишешь, то я напишу. А вообще, когда захочешь!

Розалинда встала: пальчики прошлись по подолу платья. Спустившись по низким ступеням, они пошли к двери. Вечер был ничуть не тоскливым, и не трудно вовсе было тянуть свое унылое существование. Напротив, эти пролетевшие мгновения отразились в ее сердце, как поощрение за храбрость. Чувство того, что все это заслужено, укрепило в ней уверенность. Больше не так неловко было держаться с Филгеном, да и он разговорился. Приятный юноша во всех составляющих человека: душа, разум и сердце. Право, какой это человек, будь у него противные мысли, или черствая, прогнившая душа? Что угодно. Но все

связано нитью. Одно без другого быть не может. Да и наружностью Филген был неплох, даже очень хорош: чуть выше Розалинды, худые, но широкие плечи, мягкие, каштановые волосы. Нарядами блистал, даже клятвы не нужны — и при смерти не погаснет.

Знакомые коридоры, лестница и темный второй этаж. Ступени поднимались и на третий, и так рвало ее любопытство сунуться посмотреть, что же скрывает за собой дремучая темнота старого замка! Шли они в тишине: кажется, что все уже выговорили, оставалось лишь переживать остатки чувств и пережевывать в памяти воспоминания. Стук в дверь. За ним еще один. Прислонившись к стене спиной, Розалинда всматривалась в Филгена, как в первый раз. Наконец дверь медленно отворилась и на пороге вырос сам Грифан.

— О, Вы еще не уехали, — тон его повысился. Неожиданность отпечаталась в голосе. — Тот чудак тоже с вами?

— Нет, — он помотал головой. — Амери Хендерсон уже давно уехал на своем экипаже. Ваше Величество.

— А что же Вы с ним не поехали? Одна ведь дорога лежит.

— Я хотел навеститься к Розалинде. Амери спешил.

— Ну, если таково твое дело, то плати.

Филген зашел в кабинет, не закрывая дверь. Разговора не последовало, и вскоре в руках Царя блистали купюры. Лицо Розалинды еле различалось в темноте. В свете лампы, падающем из открытой двери, она видела Филгена лучше. Когда уж они спускались по ступеням, то вдруг зажглись свечи. Служанки неслись по углам, освещая коридоры.

— Грифан сказал, что скоро все будет готово, — чуть ли не шепча, парень прислонился к входной двери и отворил ее. — Совсем темнеет. Ты куда не будешь выходить? — резкий взгляд на Розалинду.

— Нет. Куда же мне? Только здесь оставаться и ждать...

— Чего ждать? Конечно, вечность ты ведь не будешь в замке проводить. Куда собираешься идти?

В зрачках отражались краски заката. Ветер бил в глаза и развеивал волосы. Иногда, на выходе из поворота, Розалинда глядела печально и нетерпеливо на ряды потухавших деревьев. Настороженная тишина — покой, излучаемый землей и небом. Поля и леса простирались до самого пересечения темноты и торжественных красок, но — что дальше? Что дальше за этой чертой? Неужели конец, которого ей не достичь? И, черт, вопрос Филгена заставил ее вернуться к раздумьям о том, ждет ли ее кто. «Не скажу же я ему, что преследую мага. В любом случае, я не знаю, какова его позиция и есть ли она. Его отец, Генри, ненавидит эту нечисть, и значит передал свое отношение сыну. Нужно задать не прямой вопрос, или подождать, пока все уладится. Вот только, когда наступит этот миг?..» Разноцветные облака плыли, уходя к возвышавшейся луне. Одни розы безмолвно замерли, не колыхаясь и наостря свои манящие шипы. Розалинда смолчала, сотворив задумавшийся вид.

— Я хочу путешествовать, — твердо сказала она. — Хочу увидеть мир и все такое. Не хочется застревать на одном месте.

— Именно поэтому ты покинула свой дом.

— Да. Дарья не дает мне свободу, запирает в доме. И представляешь, для чего? Для моего блага. И где эти блага, когда моя душа стремится в противоположную сторону? Я понимала тогда, когда ее оскорбляли за подозрения к магии... А я оказалась истоком зла. Нет! Не подумай! — всполохнулась она, осознав сказанную мысль. — Я вовсе не зло. Ты,

наверно, прекрасно это понимаешь, раз сдружился со мной.

— Я слышал об этом скандале. Мне Амери дыру в голове пробурил об этом. Но тебя это не касается. В ее доме раньше было пристанище для магов-бродяг. Потому там много сохранилось магических вещей. И, знаешь, мне глубоко все равно, кто маг, а кто нет. Да хоть чернокнижник. Но я слышал, что их особенно остерегаются. Предполагаю, что из-за темных сил и обычаев.

Вдруг топот и ржание коня раздалось за углом. Выглянули два белых коня на привязи. Оборвав мысль, Филген пошел к черной, небольшой карете. Края крыши, обрамлённые золотом, двери, окна — все сияло, точно в сказке. Запряженные в упряжь две здоровые, сильные лошади переглядывались и размахивали пышными белоснежными хвостами. Из конюшни у каменного забора вышел кучер в черном одеянии и хлыстом в руках. Остановившись у дверцы кареты с деликатнейшим видом, он поклонился Филгену, глядя в окна замка. «Видимо, Царя ждет, — думала Розалинда, стоя за его спиной. — Без Егс Величества ни один выезд из замка». Всего Филгена окутала задумчивость, глубокая и тревожная. Чем сильнее кипел котелок чертиком, зарождая пагубные мысли, тем сильнее его уносило в помрачение. Благо, осторожное прикосновение Розалинды побудило проснуться и взволнованно взглянуть на девчонку. Тут же понурился, он пробубнил:

— Волнуюсь, ты ведь понимаешь, — взгляд искоса. — Переживаю о завтрашнем бале. Отец наверняка потащит меня с собой. А я не хочу. Мне нечего там делать.

— Бал? — удивленно спросила она, чуть наклоняясь и заглядывая в его глаза. — А ты говоришь ему? Это нечестно... Даже если так, стоит твердо настоять на своем.

— Не раз настаивал — все равно. Знаешь, а твоя идея не так уж не плоха. Если не наследство, я бы тоже бежал. Неудивительно, почему оно мне нужно. Совсем скоро появится Царь и нам придется распрощаться. Я надеюсь, на время. А какое, не знаю. Отец заставит танцевать с кем-то, разговаривать, знакомиться. Меня страшит такая открытость.

— И чем тебе грозят?

— Заточением, но этого никогда не случалось. Я притворялся, что болен, и это несомненно срабатывало.

— Если не случалось, почему так волнуешься? — Розалинда выпрямилась, легонько похлопав его по плечу. — Вот и Грифан, пойдём!

Обстоятельство преградило проработку ответа. И к лучшему, особенно для Филгена: такая ее чуткость к нему трогала, трогала сильно и будто ударяла. Удар не наносил боли, напротив — успокаивал и ласкал. Кучер — усатый и надменный мужчина — взобрался на облучок. Розалинда остановила Филгена неподалеку кареты, решаясь, наконец, на прощание. Блеснули ямочки на щеках, в глазах промелькнула воодушевленность. Сомкнув руки в кулак и приложив к груди, она неловко улыбалась, и улыбка эта, кажется, никак не сползала, способная затмить переживания, летящие вскачь в душе. Солнце потихоньку угасало, но лучики в ней только пробуждались. Помявшись, будто впервые, она неспешно проговорила:

— Спасибо за этот день. Правда. Хочу, чтобы прекрасное сегодня застыло, а завтра не наступало. Ночь очень тосклива.

— Я постараюсь навестить в скором времени. Не завтра, так послезавтра, — легко, но искренне улыбнувшись, он тяжело вздохнул. — Не одного меня нужно благодарить. Ты тоже молодец, и я до сих пор поражаюсь: как это тебе удалось пересечь границу?

— Она не охраняема. Ты не знал разве? Каждый может перейти, и никто ничего не скажет. Теперь уж нам точно пора. Иначе к восьми часам не доедешь, запоздаешь.

— Тогда пока, Розалинда!

Это восклицание, нежность в глазах и голосе запали в ее память. Трепетный стук сердца отдавался будоражащими волнами по венам. Не двигаясь с места, девчонка смотрела, как почтенно он обращается к Царю Грифану, и как быстро прошмыгнул в карету. Дверца закрылась; кучер вытянул руку с хлыстом к мордам лошадей, и, понимая угрозу, лошади затопали вперед. Лишь напыщенно фыркнули, да поскакали со склона. Ветер, гуляющий по скале, неся к ним навстречу, играясь с причесанной гривой. Опустело во дворе: розы стонут дивную песенку, поникнув вялыми лепестками. Трагедия заключалась в словах из театральной постановки. Все вокруг заныло в немом хоре. Розалинда вспоминала ту сцену, тех актеров, и казалось, что и она стала той самой сиротой Элией. Представлялся голос ночи — волшебность лунного света. Тоскливость пробрала каждую травинку — каждый росточек. Налетели бедные, хмурые тучи, и залились слезами, обшивая замок беспросветной угрюмостью. Розалинда оглянулась, а Царя уже и не было, будто вовсе не приходил. Чистая капля разбилась на небольшой горбинке носа, стекая к раскрывшимся губам. Зажмурившись, она потопала по тропе, все оглядываясь назад: но нет! Улетела по склону карета мечты! Не найдешь уже! Затерялась! Вскоре и она смирилась, волнительно вздыхая и заходя в гостевой зал.

И только спустя час дверь ее комнаты затворилась. Сытный ужин не поднял настроения, а лишь подкормил его. Стрелка часов медленно гуляла по циферблату: уже как восьмой час пробил. Спать рано, да заняться нечем. Только носом и ударять в подушку от безделья. «Филген, должно быть, уже дома, — думала она, вдыхая аромат постельного белья. — Назад кучеру ехать в дождь, так еще и час. Возможно, остановится где-нибудь. Все может случиться, хоть шторм или ураган какой-нибудь. Больше часа дорога не занимает, и почему я еще сомневаюсь?»

Вдруг дверь ее тихо проскрипела и отворилась. Розалинда вздрогнула, приподнимаясь с кровати. Испуганные глаза ее вгляделись в мужчину в черном костюме. Она его видела, и, кажется, сегодня: «Камердинер!» — раздалось в воспоминаниях. По его предложениям Царю, девчонка поняла окончательно, что он отвечает головой и монетами в карманах за внешний вид Грифана. Заглянув в спальню и поразившись этим глубоким, раскрытым взглядом, он посторонился и безобидно сказал:

— Извиняюсь! Просто понимаете, взбрело в голову, что Вы прогуливаетесь где-нибудь... Да хоть по замку. Ну, что Вы... Примите извинения вдвойне, втройне! Втройне, милочка.

— Что Вам нужно? — с сомнением спросила она, свешивая ноги с кровати. — Зачем пришли?

— А Вам письмо из города пришло. Приказали отдать.

Тут же она вскочила, заведя в его руках белый конверт. С рельефным, красным сургучом — грозный, рычащий медведь, а позади — три полосы. Оказав поклон, мужчина ушел, так быстро, что она не успела прочитать имя отправителя. Большая, порывистая подпись — та самая, что была на визитке Амери! И его имя в правом верхнем углу. «Кому: Розалинде Амеан... — прочла она. — Я ожидала от него что-то более необычное. Хоть имя не исковеркал».

Хоть и неприятный осадок остался, но все же, любопытно было разбирать его каракули. Громадное письмо, некоторые строки зачеркнуты и сверху переписаны. «Кажется, пьяным писал...» Если бы другие дела занимали ее, то, несомненно, Розалинда отложила бы письмо,

и вовсе позабыла о нем. Но теперь, когда все впитало в себя дух серости и хмурости, развеяться не помешало:

«Хах, необычно, согласитесь? А я все думал, думал, и, как говорится, вот, встречайте: придумал! Хотя я хотел с самого начала написать Вам... сомневался. Но, знаете, мне просто наскучила поездка, и по бугоркам, вприпрыжку, пишу Вам сие письмецо. Вот, как написал. Галантно, вкусно! Занимаю себя, да вокруг только деревья, поле и деревенька видна. Как сказал мой дружок-кучерок, это городок. Столица. Но в такой разрухе, что и не скажешь — будто постановка какая-то для театра. А кто знает, может и она! И не представляю, как потом буду отправлять Вам свои заметочки. Да... Я Вам и так наскучу. Если получите раньше того, как Филя уедет, то можете читать до отметины. Припрячьте как-нибудь, прикройте. Но, зная моральные его устои, то без сомнений, носик свой сувать не будет. И строчку эту вслух не читайте, дамочка! Заподозрит же, чертенок. Это я его ласково, на самом деле он совсем не прохвост. В шутку, несерьезно, как вам угодно. Наверное, вы все думаете о..., — зачеркнутая строка. Розалинда приглядывалась, но разобрать буквы все не смогла. Они поехали вниз, к самому краю. — Проклинаете меня, да? И я знаю, за что. Вы сейчас читаете (если, конечно, письмецо дошло до ваших ручек), что я такой разгильдяй, пьяница, наркоман и конченная мразь. Извиняюсь за такие выражения, но по-другому не могу. И да, обычно я не пишу черновики, так что получайте двойное извинение за ошибки и за все зачеркнутое. Мысли на бумагу, так сказать. Ну ладно, может и вправду шутки с концами. Не пойдете ли...»

Письмо оборвалось. Бумажка оказалось маленькой, сложенной, но в конверте лежала еще одна такая же, только чуть поменьше писаниной. «И зачем это все писать? — тут же вопрос подчеркнул все прочитанное жирной линией. — Тут нет ничего важного. Но, вот уж кажется, что здесь, — она взяла в руку второе письмо, — что-то есть, если при Филгене читать нельзя. А он осторожен, хотя его грехи известны всем».

«!!!А ТУТ ЛИШЬ ВАШИМ ГЛАЗКАМ ДАНО ПРОЧИТАТЬ!!!(та самая отметина).

Все же удивляюсь самому себе! Достаточно бредово, так ведь? Достаточно глупо. Да и наплевать. Я, впрочем, к Вашему сведению, уговорил кучера остановиться за денежку. Остановились у почты. Сейчас, на коленке, пишу Вам снова. Из-за желания. И изложу все свои мотивы. Буду краток. Завтра намечается бал в доме Ларцерин. Хочу Вас пригласить, но с разрешением Вашим. Признаться, Вы самая приятная дама из всех знакомых. Если согласитесь, то вот мой адрес, куда присылать весточку: ул. Строкнес, д. — 23, Милонхеновый район. В Улэртон, конечно. До завтра!! Поторапливайтесь, милая. Я Вам и время напишу.

Что ж, всем сердцем надеюсь на Ваш ответ, дорогая!

А. Хендерсон».

Бал! Неужели тот, о котором твердил Филген? И Амери приглашает ее туда? Немыслимо! Волнение сковало горло. Розалинда положила листки на тумбу и, рухнув на кровать, протерла уставшие глаза. «Если Генри заставит его идти, то они встретятся. И не стоит соглашаться. Я думаю. Но... Будет ведь интересно побывать на балу? Хоть меня и никто не знает. Познакомлюсь! Вдруг отыщу тех, кто мне поможет!»

Эта мысль быстро расплылась под другой, более глобальной: выбор двух сторон. До того Филген ей вперился в душу, что обида душит, если она не сопровождает его, однако же, с Амери — идея сомнительная.

Именно завтра свершится бал, и эта ночь обещает обдать ее жаром: мучительным и сильным.

25. Опасный свет

Тихие волны подгоняли корабль навстречу алому рассвету. Поднялся шум, возгласы, командования: два мальчика почтено кивнули своему наставнику и на веселый счет подняли огромный мешок. И сколько всяких разных мальчишеских макушек склонилось над грузом — не пересчитать! Лишь мантии моряков прошмыгивали среди них, летя к капитану. От штурвала Яромил не отходил, точно приковали пятки железными гвоздями к скрипящей доске. На длинный, смуглый нос спадала фуражка: брови хмурились, ноздри раздувались, в глазах блеснул раздражительный огонек. Левым кулаком он чесал виски, подправляя ее. Юбок на палубе блистало мало: сомнение яростно преграждало девушкам ступить на судно: «Уж как непрочен корабль!» Ветер колыхал их темные платки, бил по насупившимся лицам и холодно обволакивал слезящиеся глаза: тоска о юных своих моряках, обида и, наконец, день — перстень, вертящийся на пальце у госпожи Судьбы — все предвещало завес неожиданностей. Возгласы, затяжные песни доносились с бурлящего народом берега. Традиции приросли орденами к сердцам — непростительно и подло воспрепятствовать поучениям предков. Уж сказано боль песнями изгонять, так изгоняй! Облака смеялись, сияли над их платками, разделяясь на маленькие белоснежные пушинки. Солнце вело судно к островку, подбадривая и разливая на зажмурившиеся лица яркие лучики тепла. Когда лишь вершины гор виднелись из-за горизонта, шум медленно стихал, будто впадая в сон. Игривые волны разбивались о корпус, сверкая на поистине раскаленном шаре — редкостная жара в ветреные, холодные деньки. Одно оставалось неизменно: фальшборт и Афелиса, задумчиво опустившая голову к соленой воде. Вдруг расправились плечи, грудь вдохнула свежий воздух, очищая легкие от грязи, пальцы давили на затылок, разминая. Оглянувшись, она лишь ловила на себе большие глаза уставившихся колдунов, и, до того смущенные ответным взглядом, они поникли и отвернулись, неловко и приниженно. Кажется, все они побаивались ее. Впрочем, из-за предстоящей короны, и всем на палубе известно, как строг и невозмутим нрав правителей, взошедших на разрушенный трон. А если заподозрят что-то странное? Меч пронзит исказившееся от пытки лицо. «А вдруг мой род посчитают кланом предателей?» Петля впериться в побледневшую шею, и последний, тяжелый вздох выдавиться из сжатого горла. Все страхи воплотятся — вот, что укоренилось в их умах.

Петляя среди мачт, Элид, держащий в двух руках маленькие мешки, метался из угла в угол, да только и стучался лбами и посыпал бранью мальчишку, непонятливо хлопающего ресницами. И вот, большая спина преградила проход. Мужик, застывший перед товарищем, что-то пробубнил и обернулся на голос:

— Извините! — кричал Элид что есть мочи. — Но дайте пройти.

Без вопросов, мужик посторонился, толкнув плечом женщину. «Уж спасибо за такую почесть! — ругался Элид, фыркая и вздымая грудью. — Оказали великую честь! У меня дело важное, не требующее задержек. А вы тут еще... под ногами». Забавно, ведь ростом он не высок по сравнению с теми колдунами. Но глубоко все равно. До того, что дыра этого безразличия бездонна, впитавшая злость и раздражение. Вот, наконец, и Афелиса! Перебегая на другую сторону, он, запыхавшись, согнулся, оперев ладони об колени, изредка посматривая на нее.

— Ой, Афелиса-а-а, — протяжно простонал он. — Только плыть начали, а уже такой гам. Все суетятся, места не находят. Я тоже толкаюсь, — еле выговаривая, он глубоко

вздыхнул. — Короче, тебя приглашают к столу. Уже накрыли. Я тебя послали, как гончего. Сейчас прямо упаду и не встану! Все, идем.

Схватив ее за руку, он помчался к капитанской каюте. Афелиса едва ли поспевала за ним, обходя грузовой люк. Рыжие, кудрявые волосы, точно солнце, развивались на гуляющем ветру, светло-зеленые глаза пылливо пылали жаждой хоть какой-нибудь закуски. Как говорится, что упадет со стола, то и достанется. А упадут, наверное, только крошки! Поднявшись на возвышение, они тут же спустились по деревянной лестнице — в капитанскую каюту. Хозяина не было, Анариэль, руководивший распорядком груза, сказал, что Яромил позавтракает совсем один, когда штурвалом овладеет Бозольд — заместитесь капитана. Афелиса прежде пожимала его сильную, крепкую руку, которая, несомненно, не сравнится с высохшей, старческой ладонью господина Яромила.

Деревянная перегородка отделяла скудное спальное место: два сундука, накрытые простынями, столик с картами, какие-то записки и щепки, разбросанные по темным углам. Лишь зажжённый голубой огонек мерцал на другом столе, у стены, освещая бутылки воды и похлебки. Все утопало в полумраке: звон вилок, тихие разговоры, топот с палубы, хлопанье дверями. Элид и Илекс уселись на низкие, шатающиеся табуретки, потупив головы, и пережевывая за щекой хлеб. Благо, свежий.

— Где господин Бозольд? — спросила Афелиса, стоя у стола. — Не составит компанию? Честно, увидела его впервые совсем недавно. А тут раз, и второй капитан. Анариэль, — повела она головой в его сторону, — еще не весь груз спустили?

— Почти. Бочек с едой у нас нет, а так бы времени заняло немало, — отодвинув стул, он пролез на лавочку вдоль перегородки. — Только книги из библиотеки, да лабораторий. Состояние у нас небольшое. И надеюсь, что Бозольд правильно рассчитал время... Не помрем с голоду. Гроунстен не слишком далеко от Блоквела, но мы ведь будем еще и маленькие островки огибать. Повезет, если ночью или на рассвете приплывем к берегу.

Снова молчание. Лицо Илекс побледнело и понурилось. Кажется, все до того вымотались, что вскоре попадают на пол и замрут во сне, изможденно и тихо. Но, Афелисе некогда скучать, ибо половина ответственности лежала на ней. Предстояло поговорить с Яромилем и, наконец, обсудить дело, касательно магии. Кабестан вертеть — великую силу иметь! При отплыте мало кто вызвался поднимать якорь. Что уж говорить, если это для ослабевших, нежных тел — тяжесть. Хоть и парусник, но порывы ветра иногда не столь сильны, чтобы вовремя добраться до побережья Гроунстена. А сменяются колдуны не часто, и то, ловко отлынивают, притворяясь занятыми грузом. Только твердый, спокойный приказ мог заставить их руки дрожать по швам и поднять ленивые глаза в небо. Ни кусочек не лез в горло: Афелиса лишь хлебала воду, и вдруг громко стукнув бокалом об стол, сказала:

— Кажется, не все понимают серьезность дел. От работы и того, насколько она усердна, зависят наши жизни, а значит и будущее! Нужно назначить каждому работу. Ее, как целый всемирный океан, вплоть до благоустройства. Я имею ввиду и место отдыха. И, — серьезный, как никогда, взгляд ее пустился на Анариэля, — я так понимаю, боеприпасов у нас нет.

— Откуда же? — напряженно отвечал он, кладя вилку на стол. — Я вот, о чем думаю: лучше бы нам барьер создать, а то вдруг вражеские корабли нападут. А у всех кораблей охотников есть отличительный знак — парус.

— Да ну! — фыркнул Элид, вмешавшись. — Они могут подумать, что мы такие на базар какой-нибудь мчимся. Торговцы! И чем мы хуже них? Никто и не заподозрит... А если

и заподозрят, то мы барьер поставим. Его им и не видно, если, конечно, на палубе не будет магов, — он вдруг посмотрел на Афелису и заулыбался. — А вот так и бывает. Это я не из головы выдумал. И к чему нам боеприпасы? Они закончатся, а у нас магическая преграда, воздвигнутая всеми на корабле!

— Если даже встретят торговое судно — ограбят. Но это к слову. А, впрочем, про барьер мысль хорошая, но всеми объединиться не получится. Он постепенно будет подкрепляться энергией других колдунов, — сказала Афелиса, прижимаясь спиной к стене и вальяжно закинув ногу на ногу. — Неприятности нас не ожидают пока, и, надеюсь, не будут. Пусть приплетутся к другим.

— А я все не пойму, — задумчиво проговорил Элид, потирая щеку, — ты то волнуешься, то тебе будто все равно. О, не нужно так смотреть на меня! Что я сказал такого, чтобы, как на дурака, на меня глядеть? — обвиняющий тон. — А я, если не знали, — обращался он уже ко всем, вставая и опираясь ладонями об стол, — взбирался уже на такелаж! Мне позволили.

Хвастался Элид, вновь заулыбавшись:

— Анариэль видел, так что может доказать. А то начнете, что я вру. Особенно ты, Илекс. Чудеса, да? — он говорил правду гордым, кичливым голосом. Только вот умолчал, что, спускаясь обратно, поскользнулся, и бочка покатила над его ногами вдоль палубы, врезаясь в мачту. А как упал, так и стоны полились. Копчик болел, силы иссякли, ноги пригвоздились к доскам. «Вот, почему именно ни нога, ни рука, — ворчал себе он под нос. — Как бежал за Афелисой, думал, что сейчас на части развалюсь». Впрочем, боль никуда не утекла. Лишь усилилась и жалобно ныла, сидел он словно на иголках, острых и раскаленных. «Смеялись ведь еще... Уверен, если бы так сильно ударились, то задыхались бы не со смеху, а от боли и страха!» Вспоминал он и ребят на борту, тыкающих своими пальцами в его грудь.

Анариэль, заставший и момент его испепеления на огне жгучей боли, промолчал и вовсе не хотел лишать мальчишку мгновения славы. Пусть покрасуется, все мы в юности много кого из себя строили! И всем забавно, все веселились, даже, порой, восхищались. Уж жалость душила его и воспротивилась напоминать о неловкостях.

— Я слышала только грохот. Казалось, что весь корабль сотрясло, — сказала Илекс.

— Нууу... — заметался Элид в раздумьях. — Я тоже слышал. Страшно было. Наверное, все слышали, даже Афелиса. Просто толпа закрывала то, что случилось, — «и хорошо. Это очень хорошо,» — волнительно отозвалось в его мыслях. — Все замешкались, да и уняться не могут. Кстати, а у рабочих колдунов, когда завтрак будет или обед? А может, и ужин. Но силы они свои быстро истратят, проголодаются.

— Об этом я и хочу поговорить с Яромиллом, — Афелиса резко поднялась со стула. — Ничего не уяснено. Слишком мало известного. А по рекомендациям, он человек собранный и ответственный. Не позволит себе что-то упустить.

— Как знаешь.

Элид повел плечами, сложа руки на груди. Выйдя из-за стола, Диамет тотчас же нависла над ним:

— А тебе к чему?

— Девчонку нашел, — ответил за него Анариэль, усмехнувшись. — Зачем же еще мальчишке спрашивать о таком? Да ведь, Элид? К сожалению, фамилии твоей не имею чести знать.

— Да какая девчонка! — выплеснул он раздражительно и тут же пробурчал, осознав

свой поступок. — Мне не до них. Совсем не до них. И никакой девчонки вашей нет. Мне нужно к кое-кому наведаться... отомстить подлецу. Представляете, когда только взошел на борт, только вступил... а тут... — он набрал воздуха в легкие, и сразу же облегченно выдохнул. — Какой-то проныра подставил мне подножку, и я как покатился по грязному полу... Ужас! Не успел опомниться, как его уже нет. Я увидел его только мельком. Его улыбку, волосы, рост, и вспомнил про своего «друга» — Хистера. И какой же он мне теперь друг? Только и делает, что смеется и беспредел вытворяет. Разозлился и хотел было искать, то он, крыса подлая, за спинами других скрылся.

— И как ты хочешь отомстить? — придвинулась к нему Илекс, чуть ли не шепча. — Я помню, как ты однажды каким-то раствором намазал щеки мальчику, и, как проснувшись, он ходил с красным лицом. С раздражением на коже. До того чесался, что расцарапал себя, бедненький.

— А... это. Все это помню, конечно. А было... как его?.. — он насупился, почесывая затылок. — Деатрод! Вот, чем я ему лицо разукрасил. Всегда плохо запоминаю названия.

— Подожди... Деатрод? — с сомнение спросила Афелиса, будто прозвучало нечто поразительное. И, впрочем, это было правдой. — И где, боюсь спросить, ты его раздобыл? Неужели в лаборатории украл? Своровал! И что, разъело кожу у мальчишки?

— Еще как... — брови нахмурились в отвращении. В голове предстал образ словно сгоревшего, уродского лица, что рвота поступала в глотку. — Но это того стоило, — он оглянулся и застыл в предвкушении ругани. — Вы не видели, какой он хулиган и что творил с девушками. Просто мерзость! Я отомстил ему за всех, чтобы уж точно никого не трогал.

Афелиса не двигалась в немом удивлении. Это признание взбудоражило, и усталость во взгляде, как рукой сняло. Одна мысль до жути волновала, испепеляла ее: «Как и где он достал Деатрод?» Опасное зелье, на которое возлагался запрет среди всех жрецов, колдунов и высших лиц. Неужели Элид насколько хитрый и скользкий, что ни один очевидец вмиг не доложил о краже? Быть не может! Все храниться под надзором жрецов, не высывавшихся из лабораторий. Тогда что, подкупил? Одна мысль затмевала другую своим безумством. Стены каюты впитали в себя острое, несладкое ожидание... Однако, чего? Объяснений, раскаяний, а может, веселый нрав Элида вновь намерился пошалить и сознаться? Все, как статуи, переглядывались: ни эмоций, ни восклицаний, лишь полнейшая пустота, устрашающая виновника все ярче и сильнее. Ошеломление — вот, что во всю красу разлилось на лицах! Анариэль молча побрел к выходу, но после развернулся. Пустые глаза его вглядывались в Афелису, и чудовищное волнение затрепетало в нем, будто бабочка, запутавшаяся в паутине, отчаянно машет крыльями, но свобода вовсе не раскрывает объятий — все тщетно.

В один миг вся Диамет преобразилась: запылала злость, а какая — способная побудить ее переступить через негодование благоразумия и к чертам вырвать ему голову! Лоб нахмурился, дыхание стало порывистым, неровным: кажется, вот-вот, и вся гниль выплеснется из ее уст. Анариэль всполошился, замученный страшной тревогой, он ни слова, ни жеста не выразил, а стоял, как приговоренный, да и наблюдал, какой разгром наступит тотчас! И чего же он так боялся: неужели за Элида? На него, впрочем, было наплевать, а вот на Афелису и ее трещины в чести — страсть, как тянуло под глубины океана. Такой гнев и застывшее дыхание удивительны, если бы было одно случайное происшествие. Но Деатрод! Запрещен, и нарушение карается казнью. Почему же именно ему под руку попался этот маленький бутыл? Почему судьба не соблаговолила направить мстительные пальчики

совсем в другой угол? Как печалили и страшили мысли Элида! Теперь его имя, бывалое гордым и значимым в кругах своих товарищей, превратится в посмешище, полной позор, истинное уродство! «Только и плюй на такую честь опозоренную! — думал он, выжидая всем существом гневную тираду. — И зачем, зачем проговорился? Точно язык себе отрежу! Сегодня! После выговора! Как раз в кармане есть нож... не заточенный. Прошу у кого-нибудь... Скажу, что нужно вредную, гибкую веревку перерезать!»

— Где брал? Ответь мне, — удивление пронзило его. Только сдержанная злоба чувствовалась щекочущими нотками в ровном, спокойным голосе. — Ты это прекращай, Элид. Немедленно. Задержек не терплю.

Но звучал он серьезно, как никогда. Кажется, что впервые ее лицо до того окаменело, что все чувства стерлись. Элид лишь втянул голову в плечи, пожимая ими, и как дурак, спрашивал у самого себя.

— Взял... Да, где? — переспросил он, глядя искоса. — Это случайно получилось...

— Как это случайно, Элид? Случайность завела тебя в лабораторию, ты случайно увидел те бутылки и случайно взял, а затем случайно вылил бедняге на лицо? — дразнила его Афелиса, но вид у нее был поникший.

— Почти. Только немного не так. Я же говорю, что хотел отомстить. И сказал, что он натворил. Не прочитал, моя ошибка, и надеюсь, не роковая... Я сам не знаю, что меня тянуло. Вот правда! Честно слово свою даю!

— И ты знаешь, что происходит с такими негодьями, как ты? Повторюсь: твои действия порой необдуманны. Этого допускать нельзя. Из-за твоей мести, если кто-то узнает, слава обо мне пойдет не такая светлая. Никому, случаем, не рассказывал?

— Кому? — удивленно он раскрыл глаза. — Только вам рассказал, и обещаю хранить свое слово, что больше никто не узнает. Кстати, зачем вам нужен Деатрод, если он строго запрещен?

— Он не только калечит, но и лечит, — сказал Анариэль. — Его используют в медицине. Когда сшивают глубокие раны, но на швы наносят каплю Деатрода. Больно уж щипит, испробовал на себе, но зато спустя день-два будто и не дрался. Но у мальчишки шрама на лице не было, так что это преступление.

— Неправда, шрам был: маленький, у подбородка. Но Вы правы, неподобающе я поступил. Раскаиваюсь, — он вновь склонил голову. — Этого больше не повториться... Простите меня.

От своих слов будто стало тошно. Элид весь напрягся, отбрасывая банальности из своей головы: «Все равно никто не поймет эти мотивы моей мести так же, как и я». Вскоре в капитанскую каюту постучали: молодой человек в подпоясанной рубашке, с усталым, не выспавшимся лицом, покрытым щетиной, облокотился у порога, да и помалкивал. Ни звука не издавал до того, пока краем глаза Афелиса не увидела его и потрепала Анариэля по плечу. Приблизившись к нему, зашептала, едва ли носом не касаясь его уха. Обдало жгучим теплом. Чуть отстранившись, Анариэль кивнул, скорее заводя колдуна на палубу. Все же, коснулась: иллюзия намеренности распласталась на легкой улыбке, оберегая от мысли, что произошедшее — чистейшая случайность. Возможно и так, но огорчать и выводить себя из воодушевления жуть как не желалось, пусть хоть нож к шее наведут — радость, плюя на все предрассудки, будет тихо, неслышно ликовать в душе. Безлико и молча, как во время времена запрета гласности: таковы корни всех уроженцев Гроунстена — далекого, словно несуществующего больше острова, как только все чистое смеркло, улетело и вновь

возвращается в свое гнездо: родное и желанное сердцу.

Пробил десятый час утра: каюта опустела, вся жизнь потихоньку вылезла на палубу. Афелиса, встав под ясным небосводом, пустилась вверх по лестнице, и вот, штурвал! Огромное, деревянное колесо, вовсе не лакированное — острые щепки впивались в грубую кожу, заставляли поморщиться и проклинать вальяжный труд колдунов. И каковы искры разочарования в глазах! Какой раз все попытки поймать господина Яромила напрасны? Будто насмехались они, кричали в один голос: «Все напрасно!». Теперь уж и в ней происходило зарождение этого понятия.

Обернувшись на незваного гостя, Бозольд окинул ее внимательным, оценивающим взглядом. Большие, светлые глаза зажмурились, сквозь волоски пышных усов пропускались проснувшиеся лучики. И прежде среди толпы мелькал этот образ: человек лет сорока, чрезвычайно привлекательными чертами лица, выражение которых менялось по обстоятельствам. Изменялось с необыкновенной быстротой, переходя от самого светлого, до самого угрюмого и мрачного, точно какая-нибудь пружинка внутри него соскочит вдруг. Остановившись в нескольких шагах от него, девушка спросила:

— И где же капитан Яромил? Неужели еще не вставал за штурвал?

— Понимаете... — мялся он, сконфуженный и виновный. Давеча Бозольд, кажется, никогда не встречался с высшими кругами, а тут — настоящая честь! Грех облажаться, упасть в грязь лицом, испачкав и разорвав имя и честь. Длинные, изящные пальцы вцепились в колесо, точно тотчас исцарапают. Мрак лица озаряло солнце — звезда всего Млечного пути: ужаснейших бед, столкновений, и порождение прекрасного... Только вот, все красоты разбились. — Господин Яромил непременно окажет Вам честь. Признаться, я и сам не понимаю, где он... Да, извините. Извините, что не могу услужить!

— Неужели Вы не встречались с ним? — спросила Афелиса. Острая хмурость лица ее завилась стрелой в воздухе, впиваясь в его обезумевшее сердце. И правду, стучало, будто перед смертью: стремительно и болезненно.

— А как же? Видел, конечно, — совладав с силами, Бозольд глубоко дышал. — Капитан Яромил был у штурвала, когда корабль только отплывал, а сейчас, как знаете, уже одиннадцатый час. Попросил подменить, ведь на то я и вызвался, чтобы подменять. Большого к сожалению, не знаю.

— Поняла, — опечаленно вздохнула она, глядя через левое плечо за взмахом тряпок. — А Вы назначали каждому работу? Все-таки, бедствий нам не надо. За судном нужно следить, и делать это хорошо. Каждый на борту должен приносить пользу, а иначе следующих заплывов в океан корабль не вытерпит. Сами понимаете всю чудовищность трагедий...

— Я упоминал об этом, и господин Яромил выслушал меня, — не сводя глаз с горизонта, размеренно, не проглатывая звуки, говорил Бозольд. — Как же не понимать? Все понимают! Выслушал, так выслушал, но... Может, он и ушел, чтобы подумать о распоряжении труда. Я-то всего лишь заместитель. А Вы, Ваше Сиятельство, вправе вести беседы о таких делах с самим капитаном.

«Не знает, — думала Афелиса, не слушая больше его. — Не испарился же, не съели чудовища! Хотя, все может быть, но вокруг бы уже давно была суета. Кажется, что с временем все прояснится. В конце концов, они уже давно взялись за тряпки».

Колдуны, держа в обеих руках швабру, намывали полы, а кто-то проходил с тряпками по столам и тумбам, заглядывая за борт; так и читалось в этих лицах: «Лучше уж утонуть, чем здесь, в тесноте. И там в тесноте — в Гроунстене...» Но на своем земном клочке,

родном и до боли приятном. В других странах магов не было и вовсе: кто-то хорошо скрывался, кто-то поддавался издевкам, и, в конце концов, пал под ступню хозяина. Но родина их не эти вражеские земли, а далекий север. Не известно, почему именно в отрешенности от всех зародился очаг магии: предназначение. Никто не знал, и впрочем, не узнает никогда.

«Сейчас самое время подумать об истории и порассуждать. Все же, на меня надеются, истерзать себя готовы, а замены нет никакой. Нельзя становиться разочарованием. Не допущу таких слов: «Вы — позор!» Ложь какая-то! Хотя... Найти другого правителя очень легко. Пусть и из моего круга: Леотар, Анариэль, Хакан... Не думаю, что она дельный человек, но советчик. А советы ее неоднозначны. Леотар? — спросила маг у себя и слегка приподняла кончики губ. — Вот уж нет. Пусть и собранная, но порой настолько чувствительна, что, кажется, шквал всех дел задавит ее, и мокрого места не останется. Так что же? Анариэль? Он хорош... Слишком хорош. Ему бы идеально подошла роль командира. Определенно!»

Мысли срывались, спутывались, разрывались в клочья, однако выводы проскальзывали во всей суматохе. Что ж, Яромила не видать! Можно ли отдохнуть на корабле? Однозначно — да, если бы виски Афелисы так сильно не гудели, и волнение вдруг не резануло...

«Определенно для воинской части. А, право, я преуменьшаю. Анариэль хорош во всем. И правителем был бы славным. Но не в этой жизни. Этот раз уделен мне, именно мне».

Вновь побрела она к каюте, а там уже можно спуститься к комнатке отдыха. Только дверь скрипнула и вдруг захлопнулась; за перегородкой послышался топот, скорый и неожиданный. Афелиса прислонилась к двери, чуть выглядывая: Илекс! Девочка шагнула к порогу, подняв взгляд:

— О... Афелиса, — задумчиво и досадно. — Привет. Ты еще не ушла?

— Я уже вернулась, — сказала она, случайно пальцами смахнув пыль с двери. — А ты и не выходила, а как погляжу. Почему так?

— Не хочу, — отмахнулась Илекс, стоило ей подойти. — Не люблю такую беготню... Хочу поскорее высадиться и жить, как прежде. Мне так плохо иногда, и кажется, что в обморок упаду.

— Ты болеешь? — спросила Афелиса, и пальцы ее проšliсь по плечу девчонки. — Выглядишь нездорово. Может, лучше прогуляемся вдоль фальшборта? А то станет хуже.

— Мне станет лучше? — с сомнением она опустила голову, поднявшись на ступень. — Я думаю, что наоборот — еще пуще голова заболит... Я пробовала заснуть, а как? Как заснуть? Ни в одном глазу сна нет. А так хотелось, — в тяжелом, уставшем выдохе почувствовалось все разочарование. — Звучит, как сказка... Там, за дверьми — шум, гам, люди. Не нужно. Попытаюсь заснуть, избавлюсь от плохих мыслей.

— От каких таких?

— Я сама не знаю, откуда они взялись. Вот плывем, вот ты с Элидом повздорила, сама ушла и снова вернулась. Афелиса, ты говорила с Яромилом? Надеюсь, он утихомирит народ. Все сейчас, наверно, боятся и волнуются.

— Боятся? Волнуются? — насмешливо переспросила Афелиса, надменно сложив руки на груди. — Если бы! Все ликуют, трудятся, на переживания нет времени. Никто не хочет впитывать в себя грусть, отстраняются, но все же грустят. Улыбки на лицах натянутые. Верят, но ведь это главное. Правда ли? Вера не спасает, а лишь погребает. Нужно работать, трудиться, но до изнеможения себя не доводить. А иначе избегать работы будут, сил не останется.

— А ты что делаешь? Что хочешь сделать на корабле?

— Я хочу разобраться с распоряжением работы, и желательнее без потерь.

— Что значит «без потерь»? Ты же не говоришь о каком-нибудь происшествии?

— Именно, — и помолчав минуту, девушка стала поражена внезапной мыслью. — За поведением на корабле тоже нужно следить. Мне задерживаться не нужно. Тем более, нет никого, кто бы мог этим заняться.

— А как же Элид? — хихикнула Илекс, бросив свой лукавый взгляд. — Он — идеальный человек для надзора.

— А как же! Молодец, Илекс. Избавила меня от лишних проблем, — саркастично сказала она, прильнув боком к дверному проему. — Но он станет скорее главой всех бедокуров. А, как знаешь, на борту много мальчиков, с которыми он не прочь потешиться. Так что, глаз с него тоже сводить нельзя. Что он там говорил о мести? Надеюсь, Деатрода или Циуна у него нет в карманах. Все же стащить может...

— Нет! Он же раскаялся. К тому же, — Илекс замялась, подбирая слова, — это было искреннее извинение. Я по глазам его видела...

— Бесстыжим, — продолжила маг. — Ладно, долго здесь мне задерживаться нельзя. Еще целый день в пути, а может, и ночь. Такие мысли лучше отбросить. В сумерках видимость плохая. Не хватало еще... — вдруг повела взгляд на дверь: возгласы, шум, крики. Неожиданно бесстрастное, изможденное лицо. После посмотрела на Илекс. — А ты? Здесь останешься? Отклоняешь мое предложение?

— Придётся...

Сдавленный вздох. Не двинувшись с места, она проводила Афелису тоскливым взглядом, предчувствуя привкус скуки. Развлечениями корабль не набит. Такими, которые были бы ей приятны и уносили в свой омут. «Что, если бы Леотар поплыла со мной? — думала она, спускаясь в место отдыха. — Наверное, заставила бы учить заклинания, или теорию по травам. Пусть лучше так! Лучше учиться, чем без дела ходить и тратить день зря. А впрочем...»

Внезапно вспомнила она о книгах — о своих, учебных. Вздогнув в озарении, что не так уж пусто ее время, кинулась к сумке в капитанской каюте. Едва ли шагнув на ступень, Илекс услышала шаги: «Пришли!» — испуг отозвался в мыслях. Если это Анариэль или Элид, то чего бояться? Пусть они и разные сословия, но знали друг друга, как родные, как дальние родственники. Но ведь они ушли, и у каждого за спиной гора дел. Афелиса тоже не могла так скоро возвратиться. Громкий смех: «Это точно, капитан!» Значит, двое людей и один из них — Яромил. «Я пережду, — подумала Илекс, ступая назад. — Не хочется сейчас ни с кем видиться». Белый гамак качнулся, и чуть провалился под ней. Голоса приглушали волны и гнетущий сумрак, давящий на виски. Вокруг нее стояли деревянные сундуки, висели гамаки. Сон так и вторил ей, в глазах медленно темнело, комнатка расплывалась, словно утопая в соленой воде. В ушах жутко звенело — гам стих, точно все живое давно погибло. Резкий, звонкий толчок — и Илекс уже покоилась во сне: темном и пустом. На бледном, словно мертвом лице ни эмоции — лишь трупная тоска.

— Ну, давай, отбивайся! Что нос чешешь? — кричал юноша, толкая своего соседа в плечо. — Что, карты слабые? Да нет же — во дурак! Козырка есть, а жадничаешь. Это не по-братски, коли не делишься.

Смех разлетелся по кругу, из уст в уста. Грубый, заразительный вывалился холодной,

будоражающей водой на волнующегося мужика: с низкого лба стекал пот на красные, точно краской помазанные щеки. Маленькие, нелепые зрачки тряслись, едва ли не захлебываясь в слезах, глядели на потертые карты, помятые по краям: четверка бубен, шестерка и десятка пики. Заметив, как игрок заглядывает в его карты и ухмыляется, то он встрепенулся, сжимая картонки трубочкой, и спрятал в дрожащих руках.

— Я все равно все видел, смотреть в оба надо! Выкладывай свою козырку — десятку пики. Игра не закончилась, еще успеешь наверстать.

— Не тяни время! — вдруг вскрикнул товарищ напротив. — У нас перерыв не вечный. Скоро опять полы драить.

Вальяжно опираясь о стену, он запрокинул голову, да прищурившись, глядел, как мужик, сидящий на пороге у срыва, резко швырнул десятку пики. Пятерка бубен улетела под ноги Элиду, поражённая и отбитая, наконец.

— Ты конечно, Элид, задал ему жару. Разгорел огонек! — засмеялся его друг задыхающимся смехом. — Пятерка бубен! Пятерка! Слабая, но сильная. Что ж, — похлопав Элида по колену, он придвинулся вперед. — Теперь твоя очередь отбивать. А картишки-то все уходят...

Зоркие, прищуренные в агонии азарта глаза вновь уставились на беднягу. Теперь уж концы с концами сведены: судьба такая — одарить всех золотыми монетками! Поджав губы, затуманенным обидой взглядом он смотрел на карты, мял в пальцах, за что и получил внезапный удар по ладони:

— Не мни, дуралей! Они нынче дорогие, а из-за такого идиота карты терять — не хватало еще. Две золотых монеты отдал за них. И то, у бабки какой-то взял. Я знаю, что у тебя столько есть. И даже больше!

Прерывисто вздыхая, он положил на пол четверку бубен. Тот, что заглянул в его карты, лишь ухмыльнулся и, подбросив шестерку бубен, легонько хлопнул его по спине. Каким бы унижительным не казался этот жест, но потерять впустую половину своего состояния — ужасно и ни разу не получишь их обратно честным путем! «Давай же, добавляй. Я тоже знаю, что у тебя шестерка пики есть. Избавлюсь от карт и выиграю, — читалось в его наглых, жадных глазах. — И ты мне две монетки отдашь, а остальным — только одну!» И с укоризной скажет: «Как и договаривались!» В ход пошла и шестерка пики, побитая дамой той же масти.

— Бито, — опечаленно промямлил он, глядя на свою несчастную десятку пики. И как же обыграть их можно? Колода опустела, игра накалялась с каждым ходом. У всех оставалось по три — четыре карты, как и у Элида — четыре, а у товарища напротив — целый веер! Двумя пальцами он аккуратно вытягивал карты и прижимал их к самому краю. Подбирал по масти, да и козырки в правую сторону укладывал, готовясь градом упасть на тщеславных игроков. И все понимали, что вот он — настоящая гроза, а не тот наглец.

— Вот тебе, малец, две дамы! — сказал он Элиду.

Трефа и черва. Тотчас же Элид отбил двумя тузами той же масти: «Все равно у меня козырный король и козырная дама. Только вот, туза пики нет. Наверное у этого...» Он повел голову на парня с карточным веером, сгребая карты в кучу. В руках оставалось всего две картонки. Было ясно, что дураком его не обзовут, и сильный удар падет на трясущегося мужика. Все же, не богат он сильными картами, так еще и пал в дыру позора, ведь такое волнение вытекает из этого источника. Сковывающее напряжение витало в камбузе. Двери хлопали, не переставая, и постепенно к ним подплывал народ: кто-то облакачивался на

плечи товарища, нашептывая на ухо лучший ход, кто-то, хмурившись, чесался, обдумывая исход игры. Теперь никто не выкрикивал, все чувствовали, что на кону — четыре золотых монет. Оголодаешь, замерзнешь без этого в разгромленном Гроунстене! Отчаявшиеся подвергались азарту, ради своего невидимого блага, не допуская и мысли, что могут все разом спустить. Бросив козырную даму, Элид напрягся, глядя на загадочный веер. «Не обманываю себя. Так хотел козырный туз, но и это не плохо. Король остался. Хорошо было, если бы я первым вышел из игры. Две монеты б получил... А так одну всего лишь».

Рука его взмахнула в торжественном жесте — отбил! Отбил козырным тузом. Наглец тут же подскочил, да так распереживался, что дева бубен покатила по полу. Наблюдатели обомлели и выдохнули, вот он — победитель. Первый, кто получит желанные всеми до стука зубов две золотых монеты. Резко замахнувшись и ударив себя по колену, он обернулся на остальных за его спиной. Пожимая руки, мужик блистал вставленными серебряными зубами, восклицая:

— Не прогадал ведь! А ты еще, Элид, со мной спорить хотел, мол, ничего тебе не достанется, неудачник. А сейчас и посмотрим, кто настоящий неудачник! Теперь не будьте так уверены в своей победе.

— Тебе посоветую тоже, — сказал Элид. — Это случайность, у тебя была одна дама, вот ты и решил подкинуть.

— Пусть и так, пусть и случайность, но я не облажался, — потирая руки, он колко смотрел на парня с веером, отбившего королем бубен. «А ведь все хорошие карты растеряет. А хотя, это ничего не поменяет. Они быстро разлетятся по кругу, если, конечно, он не сгруппит и бросит сильную карту. Все же, этот то со своей десяткой пики». — И что ты отворачиваешься? Я все твои масти видел, да и сам вылетел из игры. Уже ничего не поменяется.

Напряжение вновь нарастало. Кусая ногти, парень рассеянно бегал по карте, изредка поднимал глаза, словно старался угадать: сильная ли карта у соперника, или наоборот — слабая. А если сможет отбить? То тогда останется лишь он и Элид, и конец игры станет очевидным. Все же, риск иногда подводит, но сегодня, в этот момент, когда каждая частичка мозга вторит бросит бедолаге козырного вольта — нельзя послушаться! Вздернув руку, да так, что чуть ли карты не вывалились, он аккуратно положил на пол вольта пики. Мужик задрожал и тут же, сглатывая слюну, неловко прошептал желанное: «Беру». Тогда все текло своим быстрым чередом, Элид и не заметил, как тотчас же вышел из игры, отбивая десятку пики королем. Каков ужас обреченного — остаться с картами, одному, и глядеть на противника помрачневшими глазами, вторившими о боли и мольбе сотворить из игры на монеты обычную, дружескую. Веер рассыпался. Согнувшись, он облокотился на пол, зарывшись руками в кучерявые волосы. Плечи, спина его порывисто поднимались и опускались, пальцы потянули волоски, и жгучая боль разлилась по голове, загудев в ушах. «Плачет? — Элид не верил своим мыслям, пытаюсь увидеть хоть изогнувшиеся брови, искаженные уголки губ. — Серьезно? Разрыдаться из-за игры?» И тут же ударила его плата. Никто бы не играл впустую, тем более он сам. Сердце выжимало занывшую жалость. Хотелось коснуться, подбодрить, может и помочь, но видя и слыша повеселевшую толпу и среди нее — юношу, потерявшего все свои материальные блага — больно, непозволительно! «Когда-нибудь. Когда все уйдут... Я отдам ему свою монету. Не принимать на глазах у всех — идея плохая». И вовсе не волновался Элид, что засмеют его, обзовут слишком уж милосердным (никто не понимал, почему этакая прекрасная черта вдруг стала

оскорбительной, и не хотели задумываться), нет: переживание уплывали к этому тихому, трепещущему источнику.

— Ну что? Давай сюда нашу награду, дурак, — дразнили его выбывшие. — Все, как и договаривались. Нечего было в игру лезть! Как говориться, не умеешь — не берись.

— Да... Сейчас, — кивнув и пересиливая себя, он медленно поднялся, потирая глаза. Лицо скрывали пышные темные волосы: «Вот бы узнать, что он чувствует. Не то чтобы я его так жалел, но... Тьфу, да опять я себя обманываю! Да, мне жалко! Когда я уже смирюсь с этим,» — карал себя Элид, тяжело выдохнув.

— Чего это? — вдруг вмешался он в их победный дух. — Напротив, нужно трудиться, чтобы научиться! «Не умеешь — не берись» — чертовски глупо! Вы бы помолчали, в конце концов, и не позорились такие гадости выплевывать! Он, как и вы, хотел просто монеты. Не повезло, бывает. Вы тоже не раз проигрывали.

— Защитник, — издевательски бросил наглец. — Эй, слышишь, Арзан, или как там тебя зовут? У тебя защитник появился, своей особенной персоной — Элид.

Толпа вновь загудела, поняв, что действие закончилось и пришла знакомая пора издевок и криков, расходилась кто куда: кому-то и впрямь было нечем заняться и грели уши, так еще и ладони на печи. Топот и возня быстро утихли. Мужик, тихо ликовавший о не утратившихся монетах, тяжело поднялся, размахивая руками по мантии. Вскоре в камбузе остались лишь их четверо, и никто не отводил взгляда с юноши, копавшегося в карманах, и только присвистывали, нагнетая и без того ужасную досаду.

— Арсент... — пролепетал он, вдруг нащупав монеты. — Вот, держите.

Все тут же повставали, выставляя ладони вперед. Пальцы Арсента будто окоченели, подрагивали, нехотя выпуская золото — единственное спасение, утратившееся так скоро, что еще не успело доплыть до дома. Остановившись на победителе, он помялся, думая: давать ему две монетки или нет. А лицо его уж давно искривилось от радости и горело желанием пустить фортуна по бесконечному кругу. «А давайте еще один разок!» — чуть ли не выплеснулось у него из-за рта, однако, добытое терять вот уж никак не хотелось. Хоть привяжите, и огонь к оголенному телу подносите — нет, не отдам! Все же, свое добро он получил и тут же приласкал в руках, только и воскликнув прощание, скрываясь за порогом. Когда отчаявшийся, пустой взгляд Арсента застыл на лице Элида, хотелось всплакнуть и уверенно оттолкнуть его ладони, уверенно говоря: «Не нужно мне это, ни к чему!» Не сказал, а напрасно, ведь, как только камбуз стих окончательным образом, что лишь был слышен скрип досок под ногами, воздух вдруг стал сперт. Парень молчал, искоса глядя на него, и будто желание спросить, разузнать, чего он еще не ушел, рвало его изнутри. Сжав монеты в кулаке, Элид уверенно поднял голову, и с выделанным безразличием сказал:

— Мне не нужны монеты. Я так, для удовольствия играл. Честно, и не знал даже, что вы все на монеты играете, — он соврал. Все игры, как по обычаю, в колдовском кругу проводятся вовсе не для развлечений. Каждый должен внести свою жертву, и если фортуна сжалиться, принять чужое благодеяние с широкой улыбкой. — Понимаешь, у меня и карманы пусты... Так что вот, держи, тебе нужнее.

Гнетущее молчание. Арсент даже на монеты взгляда не повел, он был прикован к лицу Элида. Смутившись, он нахмурился, и сразу же закивал головой, но не двинулся, чтобы забрать. Теперь Элид мог рассмотреть эти черты, побитые горечью: большие черные глаза, точно тянущие его в глубокий водоворот, тонкие, бледные губы, чуть приоткрытые в удивлении, до ужаса впалые щеки. Стоило Арсенту повернуться вполоборота, как на миг

непримечательность его сменилась на сладкую тайну. Тех мрачных глубин радужки не стало: мрак исчез. Светло-коричневый правый глаз озарил свет лампы, а левый оставался в неподпускавшей темноте. Необычайность навела в камбуз совсем другое настроение: все засверкало тяжелой, каменной грустью, рвущейся на свободу. Монеты звенели в руках Элида. Перебрасывая их, он хотел хоть чем-то себя занять, но отступить нельзя. «Если не отдам сейчас, то я трус! — беспокойство пробралось в голову. — Чего это я его боюсь? А ведь Илекс права, глупец я... Он не причинит обиды, да если и так, то... Смеяться только. Выглядит, как мой ровесник, наверно, недавно только шестнадцать исполнилось». Пареньку и вправду не дать больше восемнадцати. Было видно, с каким трудом он пожирает плоды своих бед, и в какую грязь влип лицом: а если она не отмоется, и имя его станет символом легкомыслия? Тогда ведь позор полностью заглотит мать и ее веру в будущее сына.

— Зачем ты мне отдаешь заслуженное? — непонимающе спросил он, накидывая на плечо сумку. — Я уже все потерял, ничего не вернуть. Не унижай меня...

— Нет! Вовсе нет! Я не хотел унижать тебя, — вздохнув полной грудью, Элид набрался сил для чувственного порыва. — Наоборот, я не заслужил этих монет. Я же сказал, что и не знал, что вы на них играете. Я стал частью игры, хотя у меня ничего с собой не было! Представляешь, какое бы тогда было мое удивление, если бы я проиграл? Я часто держу должок, но не всегда получается вовремя вернуть. Меня бы тогда покалечили! — он было хотел положить руку на его плечо и хорошенько встряхнуть, но в то же мгновение избавился от мысли. — А ты, я вижу, еще как нуждаешься в деньгах. У меня есть связи, не пропаду. А о тебе никто не слышал, да и вообще какая-то тень или темная лошадка, как там говорят... Не суть! Мне главное тебе это вернуть.

Элид вновь протянул двумя руками монеты, но тот отстранился, равнодушно повертев головой. Возмущенный его настойчивостью, Элид резко хватил плечо Арсента и насильно впихнул в разжавшиеся ладони золотые монеты.

— Понимаешь, я же не просто так отказываюсь, — пробурчал он, ища оправдания. — Если моя мать узнает, что я снова играл, так еще и получил деньги назад, то опозорит меня. Мне не нужно такого добра...

— А она здесь, на корабле? — вздохнул Элид, мысленно негодуя: «Как же трудно с тобой!» — И зачем ей позорить сына? Вы же семья и должны держаться вместе.

— Нет. Не отправилась со мной. Совсем захворала, и думает, что умрет на судне. Все же, морская болезнь не шутки, — серьезным тоном проговорил он и зашагал вокруг. — И все последние деньги отдала мне, мол, на новую жизнь, на обучение... А я их все и истратил. Но спасибо за помощь.

Натянутая улыбка засверкала на лице. Арсент обернулся, услышав многолюдный топот, и понимая, что время обеденное приближается, тяжело вздохнул и, спрятав руки в карманы, повел плечами.

— Я помочь хотел... Ну, ладно. Как знаешь, Арсент.

— А тебя как зовут? — обратился он не без блеклого интереса.

— Элид.

— Хорошо, я приму монеты, — видя его непоколеблемую тягу, Арсент оступился. — Раз ты так сильно настаиваешь.

Вскоре палуба вновь заполнилась колдунами. Мачты больше не были осаждены

огромными мешками — все постепенно скрывалось в грузовом люке. За пролетевший день судно, наконец, не кишило беспорядком, а уставший народ, работавший уж спустя рукава, валился с ног: кто на сундуках, кто на нижней палубе у камбуза, кто-то и вовсе вымотался, что улегся на палубе под наступившим мраком. С холодами пришел и резкий вечер: луна отгоняла солнце, сверкая на небосводе сквозь растворявшиеся облака, вдалеке мелькала единственная звезда — снисходительная и стыдливая. Переживания отступили прочь, поддаваясь сну. Та паника, непереносимое волнение на лицах теперь плескалось где-то в волнах, уносясь все дальше, в чужие края. Казалось бы, вода поглотила весь земной шар, и никогда к их взору не предстанут грозные горы, обедневшие леса, разваленный городок и маленькие деревеньки, подчиненные чернокожниками. «Кто знает, может, они тоже давно покинули остров и не думают возвращаться, — думала Афелиса, пожимая плечами от прохлады. — Было бы сказочно хорошо. Сказочно, от того и не верится».

Стоя на шканцах, она оплетала взглядом дремлющий народ, и спокойная улыбка проскользнула на губах. Впереди — несомненное начало новой эпохи. Не значит ли это безусловную победу? Вдруг они преодолели лишь путь к этой длинной, темной эпохе? Из размышлений ее вывел тихий шепот Бозольда. Склонившись, он натянул на голову фуражку и выдал речь, будто выученную заранее, для особого случая:

— Капитан Яромир приказал доложить Вам о возможном столкновении. Мы уже были вынуждены немного изменить маршрут, дабы не столкнуться нос к носу с охотничьими кораблями, — услышав особый акцент на слове охотничьими, Диамет продрогла. Снова сильная волна энергии разлилась от макушки до пят. — И мы надеемся, что они примут нас за торговцем. Все же, колдуны спят, и их не видно за фальшбортом.

— Охотники, значит, — она проскрежетала зубами. — А опасения все сбываются. Удлиненный путь займет больше времени, но все же, мы прибудем к восходу.

— Остается только надеяться. Капитан утверждает, что остались считанные часы и вот-вот появиться на горизонте Гроунстен. Что ж, я Вам откланяюсь. Если можете, то продержитесь до восхода без сна, пока ситуация с охотничьими суднами не раскроется.

Согнувшись в поклоне, он тут же поднялся на капитанский мостик. Тишина — волнующая и усыпляющая. С каждым мгновением на океан опускалась мрачная пелена, предвещающая о наступлении нечто грозного. Обернувшись, маг схватилась за деревянный борт, вглядываясь в северную бескрайность океана. Ничего. Одинокая и умиротворяющая пустота. Афелиса уж было выдохнула подскочившее волнение, как внезапно вдалеке загорелись огоньки. Совсем маленькие, они пробирались сквозь вечерний туман, навстречу судну.

— Столкновения не избежать... — вслух проронила она, бросаясь следом за Бозольдом. Поддавшись известию, корабль потонул в перешептываниях и неспешно отходил ото сна. Неизбежность просочилась в сердце каждого.

26. Время тишины

И что же, соглашаться? Конечно, встреча увлекательная, так еще и воодушевляющая — бал! Зал, на который выплеснули изыск, стразы, светские разговоры; знатные люди, и среди этого шума — Розалинда, потерявшаяся в неумолкающей толпе. Разве совместимы эти стороны, разве не враждуют?

«Терять мне нечего, — обессилено она рухнула на кресло. — Приглашение на такие встречи отклонять невежливо, так еще и от такого человека — Амери... — зажмурившись лишь от имени, так долго вертевшегося на языке этим днем, Розалинда потеряла виски. — Да он, наверное, и внимания на меня обращать не будет. Затеряется в толпе, уйдет к знакомым, и пропаду я... А если все же Филген придет? Как же досадно ему будет видеть меня, не предупредившую о своем приходе? И доверие все пропадет. А впрочем, напишу два письма». Все тверже и тверже укреплялась мысль, что этот человек, этот призрак, явившийся из-под земли, не явился бы вовсе, ничего не видел и ничего не знал — разве мучилась бы сейчас Розалинда, так беспокояно ожидая от себя мгновенных решений? Одно ясно — он ждет ответа. Заблагорассудил пожаловать, как снег на голову явился, так еще и ночью требует письма. Возмущенная наглостью, она хлопнула ящиком и достала два листа, но буквы все никак не склеивались. В этот раз Розалинда обошлась без черновика:

«Приму Ваше приглашение. Напишите время. Еще и узнайте, будет ли госпожа Амеан на балу. Прошу ответить мне, как только сможете, ибо не получив ответа, я и думать больше о бале не стану.

Р. Амеан».

Перечитывая, она уж хотела переписать, внеся хоть немного красноречия, но не было ни сил, ни времени. Так и уложила листок в конверт, а догадки еще даже днем, во время сильного волнения и подозрения, стали уживаться в голове вместе со всей чередой беспорядка. Подумывая о письме к Филгену, она почувствовала вдруг, что дрожит. Негодование закипело в ней при мысли, что страх перед обществом, перед Амери заставил ее дрожать. Всего ужаснее было встретиться с этим человеком опять: она невзлюбила его без меры; уж было дрожь унялась, Розалинда хотела разорвать письмо, однако в ту же минуту остановилась, дав себе слово как можно меньше вглядываться, молчать и лишь обзавестись знакомствами. «А может, он и вправду не настолько плох, — глаза ее рассеяно пробежали по первому письму. — Может, это общество накрутило о нем такие мерзкие слухи?»

«Проклинаете меня, да?»

«...разгильдяй, пьяница, наркоман и конченная мразь».

Эти строки витали в мыслях. Откинув голову на спинку, девчонка пыталась избавиться от взбушевавшегося потока головных чертей. Всей душой ей хотелось победить, растоптать тревожную свою натуру, но ведь она не врет. Возможно, правда где-то и есть. «Про меня ведь тоже говор пускали... не самый хороший. Не может же человек быть до того развязным, неопределенным. Хотя, тогда я и себя обманываю. Все же, рисковать иногда стоит». Раздумья о риске вынудили ее черкнуть, наконец, письмо Филгену:

«Не думала, что поздней ночью стану писать тебе письмо, но обстоятельства вынудили. Я пока сама не понимаю, как мне к ним относиться, поэтому хочу предупредить тебя. Амери пригласил на бал меня и больше ничего об этом не сказал. Знаю только, что он будет

проходить в доме Ларцерин. Если тебе что-то известно, то прошу известить и меня. Все же, балы ведь вечером проходят, да? Так что время еще есть, хоть какое-то. Только, прошу, не осуждай меня за согласие. Все бывает в первый раз, и это не исключение. Утром я постучусь к Царю и попрошу, чтобы кто-то доставил письмо.

Р. Амеан».

Оказалось, что на утром Грифан был один. При входе Розалинды, сжимавшей в руках два конверта, он тотчас же притворил дверь, в которую девчонка вошла, и они остались наедине. Царь встретил ее с видом приветливым и, кажется, даже радостным, но некоторые признаки выдавали в нем замешательство — он был сбил с толку, будто его застали на чем-то уединенном и скрытном. За окнами завывал ветер, сломанные ветви ломились в окна. Кабинет утопал в полумраке, от чего сонливость ее сказала и на лице.

— С чем пожаловали, госпожа? — сказал Грифан, пожимая ей руку.

— Нужно прямо сейчас отправить эти два письма по адресам. Если, конечно, это в силе. Это очень важно.

— И какая же важность побудила Вас так рано отправлять письма? — лукаво спросил царь. — Или уже собираетесь покидать нас? Подождите минутку...

Только когда Грифан подскочил к двери, она заметила, что в неё постучали. Розалинда несколько мгновений молча и пристально вглядывалась в советчика, ведь его рассказ об охотничьих судах и буйствах народа пронесся вдруг в ее памяти. Взволнованность отдавалась в его лице, и казалось, что больше приходится именно его заботы, а не развязного Царя. Хоть и пересекались они редко, и то, для совершенно важных дел, но состояние Грифана потерпело немалых изменений. Сжимая конверты, Розалинда была даже рада, когда их разговор приобрел личный характер, и оба вышли за дверь. «Хоть вздохну спокойно. Но, чувствую, времени это займет не мало. Что ж, в терпении сила». Впоследствии девчонке случилось как-то узнать причину такого раннего известия. Пусть и уловила она лишь отрывки, но в них содержалась вся суть, без сентиментальностей. Удивительна и вещь, что такие вещи обговаривались в коридоре, на слуху у всех. «Разговор меня не касается, но не проще ли выставить меня за дверь, и быстренько взять письма? А то, что ж это такое? Мне нужно к обеду получить ответ и после готовиться... Не выйду же на людях в таком наряде?»

К счастью, прождала всего лишь около получаса. Грифан искоса посмотрел на нее: горящий его взгляд готов был испепелить Розалинду. Вид Царя весь помрачнел, будто перед самым страшным известием. До чего нужно было довести постоянную, неизменную натуру, чтобы она едва ли сдерживала крик? Не закрывая двери, он уселся в кресло и в считанные секунды в руках уже вертел сигару. Короткий, притягивающий жест. Она положила письма и отступила: Грифан, поняв ее невысказанный намек, тихо проговорил: «Отправлю», и в воздух поднялся клуб легкого дыма.

«Не сон ли это? Честно, я и сам не знаю, что думать. Все же, Вы согласились, а значит врать не станете. Ну, я надеюсь! Конечно. Конечно, я не знаю, будет ли госпожа Амери. Это нужно у хозяина дома спрашивать, а я пока не в силах устроить в своем доме пир! Может быть, и устрою когда-нибудь лишь для Вас, зачем нам другие люди? К тому же Филя. Он поедет тоже. Я знаю, что Вы писали и ему весточку. И впервые (я сам удивился) он добровольно едет на бал. Понятно же, что ради Вас одной. А я еще тогда предполагал, что

романтик, чертов романтик! Ладно, что-то мы зачастую о нем болтать. Об этом нужно с его персоной, иначе обидится, все бывает! А Филя парень хороший, пусть и «деликатный» весь такой из себя. Вы лучше скажите, выпались? Не засиживались допоздна? Да... Только сейчас понимаю, что письмо получили поздно. Моя вина.

Потревожил Вас, а Вы бы, милочка, сладким сном спали... Совестно однако. В общем, начеркал — сам не пойму чего! А, Вы спрашивали о времени. Говорю же, забываюсь, когда дело касается Вас. Пусть это комплиментом будет!

В восемь вечера буду ждать Вас у замка, или найду, с Царем повидаюсь. Так что зря Вы торопились, и тем более переживали. У меня с ним... дела! Вот такие связи. Ладно, заканчивать нужно. Честно говоря, сегодня я тоже плохо спал. И черт пойми, из-за чего! Еще и дождь начался, по голове стучал...

Не забывайте!

Хочу поскорее увидеть Ваше очарование и послушать симфонию.

Ваш А. Хендерсон».

«Ваш Амери Хендерсон... мой?» — Розалинда мельком прочитала письмо, заикнувшись лишь на восьми часах. Времени по горло, но оно удушало. Блистать ночной звездой она не желала, тем более поступить так, значит привлечь ненужные взгляды. А чьи они, ненужные? Дарьи Амеан, Генри Милда? Этим двоим особенно ненавистно не хотелось видеть, да и вспоминать. Странное дело, до сих пор еще ни разу не приходило в голову: «Что подумал Филген, когда узнал?» И весточки от него не было, точно пропал.

На обед ее пригласили поздно, в три часа. В последнее время Царя и вправду беспокоили многие беды внешней политики. Нельзя было полностью отречься от мысли, что охотничьи корабли неспешно причаливают и к их берегам. Впрочем, не видеть нахмуренное, заросшее щетиной лицо и вовсе не хотелось, за место этого — безмятежная Царица, пережевывающая остатки сладкого десерта, покрытого пудрой, вполне сносно и спокойно. Розалинда сидела и слушала отрывистые ее речи. Ела она также из учтивости, накалывая на вилку кусок, и только чтоб не обидеть. Хотя, Царица не казалась вовсе той, что обижается по пустякам или отвратного настроение, напротив — ее это влекло поинтересоваться. Долго она вглядывалась в Розалинду и замечала, как все тревожнее и озабоченнее та становилась. Возраставшее раздражение настойчиво внушало, что бал мирно не кончится, а предчувствие вторило, что зря — ничего пустого не окажется! Письма, приходившие в замок, всегда проверялись в целях сберечь гостей от неприятных случаев, однако все же доставлялись получателям. Когда скука одолевала, и все ее фрейлины разбежались кто куда, спасало лишь одно занятие от тягостных раздумий — проверка. Осматривались конверты, и если отправитель не соизволил написать свое имя, то письмо летело в мусорку. Так что, от Царя, а тот узнал от Амери, что бал состоится. Заморачиваться не хотелось, и мучить гостью расспросами — подавно.

Молчание хранилось не долго. Из дверей выглядывали любопытные, хихикающие лица, точно во всем спокойствии был просвет для веселья. Настораживало оно и заставляло съёживаться каждый раз от протяжного скрипа.

— Вы сегодня что-то слишком хмуры, — тихо говорила женщина, разливая чай по чашкам. — Неужели известие плохое получили?

Усевшись, она приветливо улыбнулась. Сердце застыло и тут же екнуло: впервые на белом мраморе появился проблеск света! Глубоким взглядом Розалинда поглощала эти скулы, пустые глаза, высокий лоб, ровный, маленький нос, а тут вдруг чуть розоватые губы

расплылись в теплой улыбке! Разве случаются такие неожиданности так... непредвиденно? Внезапно осознав, что дозволила себе слишком много, девчонка потупилась, отхлебывая чай, и сразу поперхнулась. Отодвинувшись от стола, она откашлялась, прикрывая лицо руками, стыдясь своей выходки. Но между тем лицо Царицы еще ярче просияло: наконец лучик пробрался из прозрачной пелены!

— Извините, — прохрипела Розалинда. — Да, день очень странный.

— Не хочу всовываться в Ваши личные дела. Однако же, я слышала, что этим вечером Вы собираетесь на бал. Это беспокоит?

— Прозвучит глупо, но все же. Я сама не знаю, чего боюсь, — к чашке она больше не прикасалась. — Вроде бы и переживать не из-за чего, а все же что-то есть. Повторюсь: извините, пожалуйста, за такую глупость!

— Не думаю, что Ваши заботы так грешны, — сказала та с доброй улыбкой. — Вы засияете на балу. В этом я уверена несомненно.

— Мне этого и не хочется. Хочу остаться здесь и просто жить, дожидаться, когда ситуация в мире перестанет быть такой... яростной.

— Боюсь, что мы не доживем до этого момента, — она сдавленно усмехнулась. — Кажется, что ничего уже не встанет на свои места. Никогда. Как сильно бы не хотели этого мы или наши потомки. Мир раскололся, и нам осталось лишь наблюдать, куда приведет эта война трех народов.

— Почему трех? Я слышала про черных магов, и то, что они тоже воюют, но где? Их не видно, не слышно.

— Будьте уверены, что отпугнув охотников, мы столкнемся с новыми бедами. Чернокнижники — враги нашего народа, — тон ее стал серьезнее, — предатели. А разве нужно с такими поддерживать связь? Но, знаете, — Царица поставила чашку и глубоко вздохнула. — Предчувствую я, что права мы не разделим. Кто-то должен встать на колени. Рабство вновь возродиться в Гроунстене. Доиграются они, что упадут перед магами в мольбе.

— В учебниках по истории об этом не рассказывается. Почему? Я только читала исторические справки из библиотеки, но всему этому событию уделена одна строка. Запретно. Однако, историю своего государства должны знать все, и...

— И чаще всего и понятия не имеют, — продолжила царица. — Запутанная история, и, признаться, я сама запуталась в этих нитях. Но я вижу, что Вы девушка заинтересованная, и, может, когда-нибудь достигните политических вершин, обретете свое место на острове... Я заговорила. Сбилась с мысли. Да, действительно, — вспомнив о чем речь, она заговорила, — чернокнижники издавна были предметом для вымещения презрения. Как говорить, и как всем известно, чертям нечего делать на Земле. На нашей земле. Магов почитали, как целителей и сотворителей добра. Но вскоре появилась «серая середина». Под давлением внутренних войн, правители созывами своих подчиненных и заставляли вставать каждого за защиту своей земли. Раньше Гроунстен не был одним государством. Удивительно, не правда ли? Их было три, и названия я уж позабыла. И как тому полагается, конфликт разгорелся из-за территории, особенно хотел каждый правитель получить горную местность из-за метала.

— Но разве в те времена уже были государства? — перебила Розалинда. — Тогда народ и не знал, что они могут разделиться на отдельные племена и либо устраивать мир, либо перегрызать друг друга.

— Мы говорим о разных временных промежутках. Я имею в виду время после начала рабских бунтов, и тогда уже эти государства существовали. И магам разного предназначения запрещено было видеться, что уж говорить о личных встречах... Но всегда найдутся нарушители. Чернокнижники — те, кто смог расковаться, — бежали на другую свою Родину и быстро приживались.

— Я не пойму, — задумалась она, понутив голову. — У темных и светлых магов нет отличительных признаков. Как же тогда их различали?

— По знакам на руке. Это считалось приговором, и если человек много раз слушивался, то тело его было покрыто черными рисунками. У каждого была нестираемая отметина с детства на левой руке.

Наступило мгновенное молчание. Розалинда кивала, будто разговор мало волновал ее, но на самом деле в голове происходил сложный процесс размышления: «Многого я не знала, даже поверхностного. И сколько еще исторических тонкостей зарыто под землей?» На порог выступил советник, отворяя двери:

— Вынужден прервать вас, но дело не отложенное, — задержав взгляд на Розалинде, он продолжил. — Прибыли Ваши гости, госпожа. Прошу примите, господин Амери с господином Филгеном. Они ждут Вас в гостевом зале.

— Погодите, — Розалинда протянула руку, останавливая его. — Сколько времени?

— Только третий час дня, госпожа. Вам еще что-то нужно? — не без любезности спросил мужчина, расплываясь в легкой улыбке. Молчание вынудило его понимающе кивнуть и тут же помчаться в коридор. Черная фигура его скрылась.

Сглотнув, она посмотрела на Царицу. Видя и понимая, какова серьезность и важность встречи, она встала у стула, глядя алую бархатную ткань. «Чего так рано? — возмутилась Розалинда, пытаясь выглянуть из-за угла. — И где же этот гостевой зал?» Несмотря на то, что частенько прогуливалась она по замку, рассматривая картины и стеллажи, интересовалась каждым заманчивым углом, но, к сожалению, не знала и вовсе наименований комнат. Хорошо, что в покои не пришла и не застала страстные утехи придворных лиц. Немыслимую гримасу стыда обрело бы тогда ее лицо. Пару мгновений она не решалась уходить, ибо бросить обед с Царицей — не оскорбление ли разве? Однако, услышав желанное утешение — разрешение пойти — она лишь томно выдохнула, крепясь на разговор, не обещающий дать ответов на вымученные вопросы.

В коридоре витал легкий ветерок, бодрящий и заставляющий смахивать пряди волос за плечи. Впереди теплый, одинокий блеск свечи озарял подступившую фигуру, обдавая дымком таинственности. «Амери идет встречать, — сразу же подумалось ей. — Он хорошо знает об устройстве замка... Должно быть». Фигура приближалась, становилась больше, отбрасывая тени на стены, и вдруг совсем подбежала. Дыхание замерло, сердце застучало. Вот-вот она окажется в его объятьях, как вдруг фигура вздрогнула и рядом с ней оказался взволнованный Филген. Совсем рядом, он тяжело дышал, подавляя в себе безутешный порыв взять ее руки и расцеловать до боли, до его боли, до раны в сердце! Душа чуть из груди не вылетела, смотря на жалостное лицо, точно пережившее потерю. Розалинда ступила вперед, ощущая на лбу теплое, сбитое дыхание и тихим, ровным голосом проговорила:

— Почему вы так рано, Филген?

Большого выдавить из себя она не смогла. Хотелось утешить, обнять, приласкать его — мученика неизведанной трагедии. Но она видела, что сил выговориться вдоволь у него тоже не было.

— Амери решил пораньше поехать и взял меня с собой, — выговорил он, стараясь успокоить бешеный стук сердца. — Мы не потревожили?

— Нет, но я сильно удивилась, когда дошло известие о вашем приходе. Что случилось? Ты взволнован.

Она положила руку на его плечо, и тот лишь поднял взгляд. В одно мгновение Филген стал серьезнее, и будто внезапной паники не было. Все же, причины она не выведала и они вместе уж хотели идти, как вдруг Амери вошел в коридор довольно любезно, и с удвоенной солидностью раскланялся Розалинде. Тусклый свет не касался всех красот его одеяния: черный фрак, темно-алая рубашка, серебряные ожерелья блистали на открытой шее. На ушах показались темные серьги, лукавством веяло от него куда сильнее, чем ароматом парфюма.

— Здравствуйте, дорогая, — с распахнутыми руками встретил он ее. — Сегодня особенный день, а Вы еще не собраны! Честно, я предусмотрел этот момент и явился с ним раньше, — взглядом указал на Филгена, — чтобы помочь. Кто же еще Вам подскажет, как стоит одеться? Тем более, это Ваш первый раз, и Вы нуждаетесь в совете опытного...

— И только из-за этого Вы так рано приехали? — прервала его речь Розалинда. — Я могла бы одеться сама, и дело это личное.

— Конечно, нет! — впопыхах стал оправдываться Амери, взглядом требуя поддержку товарища. — Еще и ради Вашей компании. Вы не знаете, но на таких мероприятиях всегда так шумно, что уши глушит. Не поговорить совсем. Несомненно, можно отойти куда-нибудь, но у людей возникнут подозрения.

— А кого еще ты с собой таскать собираешься, — спросил Филген, пряча руки за спиной, — если какие-то там люди неправильно подумают?

— Тебя! — торжественно воскликнул он. — Но, честно говоря, только из-за товарищества. Если тебе не в обиду, то можешь не идти с нами и потанцевать со светскими красотками. Ну, не делайте такое лицо, Розалинда. Хотите, и с вами никто танцевать не будет? Ты только, Филя, меня за руку не води. Я тебя знаю, — с озорством добавил Амери, шагая по коридору. — Однако, что мы стоим? Сборы на балл дело... сложное! Особенно дамам. Так что, прошу.

Со всем почтением он протянул руку Розалинде, но та сделала вид, что не заметила и пошла впереди всех. Амери замер и лишь пожал плечами, как вдруг его руку опустил Филген и прошел к лестнице.

— Думал, сейчас возьмешь.

— Хорошо, что это не сбылось. Иначе бы я сам на себя похож не был.

— Да ладно тебе, — фыркнул Амери, поднимаясь следом за ними.

Прошли до комнаты в молчании. Эта музыка, желанная ушам, исцеляла и очищала душу от грязных, кусающихся чувств. Но присутствие парней настораживало. Особенно тревожил ее неважный вид Филгена: что же такое стряслось, что смогло вывести его из строя? Объяснений не находилось, а хотелось спросить об этом наедине, ибо при Амери он не выскажется. «Нужно ли их в спальню мою запускать? — засомневалась Розалинда, подходя к двери. — Мало ли, что могут натворить. Конечно, насчет Амери и сомневаться нельзя — натворит многое. Эх, ладно. Они всего лишь хотят помочь мне. Что же, отказываться, что ли?» Дернув ручку, она запустила гостей, а после и вошла сама.

В этот день солнце ломилось сквозь ветви ели, ударяясь в окна. Стены вдохнули в себя предзимнее тепло, которое долго еще будет навевать воспоминания прошедшего лета. Расхаживая по комнате, Амери то тупился, то взводил взгляд к окну, и речь его посыпалась,

будто притворная лесть:

— Как у Вас тут хорошо, Розалинда! — он обернулся, улыбаясь. — А мне кажется, что в пасмурные деньки здесь и покончить с собой не грех. До того хмуро все и мрачно. Но это лишь мои догадки, а все же, умирать не нужно. Нельзя терять таких людей... Да, впрочем, мне нравится. У Царя явно есть вкус, только он не использует его для себя. Сколько раз входил в его кабинет, а все мутно, блекло, темно! Это объясняет то, почему Грифан всегда, перед каждым моим приходом недовольный. А я-то уж думал, что дело во мне, представляете? Навыдумывал себе, сам и выхлебываю!

— Что это у Вас, Амери, за дела такие с царем, что он не в настроении каждый раз? — поинтересовалась Розалинда, затворяя дверь. — Вы так и не силитесь говорить.

— Личного характера... — вмешался Филген, дразня Амери его же избитой фразой. — Я правильно сказал? Обычно на такие вопросы ты отвечаешь именно так, но разве это имеет смысл?

— Ну, шутник! — с выделанной похвалой отчеканил он. — Подумай, разве я всерьез так отвечаю? Не знаешь ты меня, и не так уж часто я это говорю. А насчет дела: да, оно личное. Надеюсь, что у нас будет минутка, чтобы обсудить это. А теперь наш разговор зашел совсем не туда, не кажется ли вам? Розалинда, я так понимаю, здесь Ваша одежда, — подойдя к темному шкафу, он чуть приоткрыл дверцу. — Все же, мало времени, а Вы извините, что лезу, куда не надо.

Медленно отворяя дверцы, он и не заметил, как тут же подле него оказалась Розалинда, и на нахмуренном лице ее читалось недовольство. «Какое противоречие! — так и хотела выкликнуть она, но замялась. — Если не дозволено лезть, так зачем лезете?» Филген так и замер у двери, прильнув спиной к стене. Вмешиваться в сборы ему явно не хотелось. Утомленный собственными переодеваниями, он лишь изредка вставлял свое слово, чтобы уколоть Амери замечанием, или непременно «должно» высказаться.

— Что же это такое, Розалинда? Что же Вы так на себе бережете? Хоть садись прямо сейчас и поезжай к бутик!

Все же, наряжаться Розалинде не хотелось. Выпроводив их за дверь, она переделалась в длинное фиолетовое платье, украшенное камнями и золотыми цепями. Распустив волосы, она поглядела на себя в зеркало, полная чувством предстоящего торжества. Постепенно блески и золото уносили ее в танец забвения и бесконечного течения пестрой, яркой мелодии. «Это, конечно, хорошо, но я так и не узнала, будет ли Дарья на балу. Сомнительно, ведь ее репутация знатно пошатнулась и она не будет способна вынести сильный удар общественного мнения». Розалинда хотела без конца пребывать в воображении и оставаться в пределах комнаты, но любопытные глаза Амери проскользнули в щели двери, и с порывистым энтузиазмом он спросил:

— Вы закончили?

— Да... почти, — промямлила Розалинда, продевая заколку к волосы.

— А что же еще осталось? — Амери вошел, закрывая дверь прямо перед Филгеном. — Ох, извини. Случайность, — тут же обратился он к нему, негодовавшему и нахмуренному. — Точнее, привычка. Я не хотел. Так, что там с платьем? Я смотрю, настояли на своем выборе. Вам виднее будет. А у нас-то времени еще много? Вы только что обедали, да?

Она кивнула, подправив пышный подол платья. Оглянув себя напоследок, она двинулась к двери, и встала напротив Филгена, смотря на него требовательно и ожидающе.

— Так что? Твой отец говорил что-нибудь о Дарье Амеан? Она будет? — голос слегка

подрагивал, точно перед ужасной сценой. — Не хочется встречаться с ней. Если увидит меня, и узнает все... Схватит и потащит домой. Дальше я уже и не хочу представлять, что будет...

— Отец ничего не говорит мне. Я обрадую тебя хотя бы одной хорошей новостью. Я поеду без сопровождения отца. Ему становить плохо с каждым днем, да и Дарья больше не сообщает ничего, — уж было поджав губы, он хотел было закончить, но выдавил из себя успокоительное: — Обычно, как я знаю, Генри и твоя мачеха всегда идут на такие мероприятия в сопровождении друг друга. И всегда присылают письма, так что мала вероятность.

— Я надеюсь, — уныло сказала Розалинда, будто уже наперед знала о ее приходе.

— Не нужно себе такой чепухой портить настроение! Ну же, Розалинда, что-то Вы опять погрустнели, а я говорил, что не нужно такие речи замогильные разводить, — обвиняющий взгляд на Филгена. — Я уже успел сходить к Царю. Так сказать, поздороваться, руку пожать. Он человек дельный, хороший, не первый год его знаю.

Розалинда только головой повернула от него, дав понять, что ей этот совсем не интересно. И вправду, его связи со знатными и влиятельными людьми известны многим, и чего же очевидное говорить таким тайным тоном?

Гулким эхом отразились от стен наполняющегося зала шаги и разговоры народа. Поднимаясь по ступеням, дамы размахивали веерами, подавали руки мужчинам и, сверкая улыбками, направлялись к столикам, а кто-то сразу оставался посреди зала, ожидая мелодию. Большими богатствами блистали и столы, из углов уже разносилось бряканье бокалов, гости разливались радостью. Было ясно, что все пришли лишь забыться от всей внешней суматохи. Уставшие лица, негодовавшие, бранящиеся тут же сменялись праздностью. Теплый свет изумрудной люстры обволакивал их светящиеся глаза, озарял парочек, смущенных и уже выпивших. Розалинда мало знала о Ларцерин, только слухи одни и твердили, что господин — любитель пышных выездов, но часто натыкался на подножку нынешних происшествий. Все его любили, благородное сердце! А значит, и не грех сходить на бал, а какая музыка — симфонии Цергена! В музыке плавно текла его жизнь, то развеселая, легкая, что можно оставить бокалы и взять за руку партнершу, то унылая, тянущаяся и громкая, благо, играла не вся симфония. Дежавю накрыло девчонку: будто так уже было когда-то — ушедшей весной. В своем доме она была гостем, нежеланным и незамеченным, а здесь каждому рады, даже обслуга улыбалась и деликатно интересовалась:

— Вам еще принести, господин? — услышала она, как девушка подошла к высокому мужчине, хлебавшему вино, как воду.

— А давайте, несите!

Вдруг на зал сокрушился теплый, сумрачный свет. Мужчина, повернутый спиной, облаченный во фрак, сжимал в пальцах дирижёрскую палочку. Один взмах — и мелодия полилась из инструментов, растекаясь по всему залу. Точно по зову, все расступились, давая проходу парам, трепещущим и наслаждающимся в любовном экстазе. Сколько радости и беззаботности — нетронутый народ! Дирижерская палочка в руках правительства — вот, что по-настоящему пугает. Большие шляпы, ленты, взмах веера, все это кружилось в объятьях кавалеров. Будто в отдельном мирке, темном и неизведанном кипел танец теней в окнах, на стенах, на лицах завидующих людей. Но Розалинда доселе не была вспыльчива, она только молча, сложа руки за спину, наблюдала за светскими утехами. Прерывать волнующую

мелодию не желалось. Вот только, у уха раздался шепот.

— Нужно выйти, срочно, — зашептал Филген, беря ее за руку. — Кажется, твои опасения насчет Дарьи сбылись.

— Сбылись? — не веря его словам спросила Розалинда, уставившись на него, как на безумного. — Где, где она?

— В другом конце. Но чувствую, что скоро и сюда придет. Пойдем, Розалинда, не тяни.

Поддавшись его порыву и резкому всплеску волнения, побрела за юношей, не смея и оглядеться. Вдруг поймаёт ее взгляд, как на зло, как бывает. Благо, из зала можно было выходить на балконы, или в буфет, в каком и так столпились люди, особенно дети с купюрами и монетами. Вышли на балкон, просторный и тихий. Эхом доносилась музыка, стук каблучков и возгласы прохожих. Солнце уже садилось, сменяясь серебряным месяцем. Сплошные молочные тучи покрывали все небо. Ветер свистел и взвизгивал, гоняя их. Филген затворил двери и дернул ручку напоследок, чтоб уж удостовериться. Розалинда была обеспокоена, и тревога ее лезла из глаз. Этот бал, это ощущение, этот шепот, возвещающий об опасном — все ново, все волновало, все твердило, что вечер оборвался! Развязка приближалась медленно, поджидая, и как рванула, что сердце чуть не прихватило. Филген втайне смущался духом, хотя никто бы не подумал, глядя с какой сосредоточенностью и равнодушием он скрещивал руки на груди, а глаза водил на дверь. Молчанию не находилось места. Балкон утопал под мелодией заплаканной скрипки, под черно-белыми клавишами фортепьяно в мрачной дымке серых облаков. Известно, от чего тайный трепет Розалинды так оборвался! И что же, теперь они заточили себя в ловушку, в клетку?

— Ты точно ее видел? Не прогадал? — спросила она, уходя к перилам. — Я-то растерялась, ничего с собой поделывать не могла. А ты?..

— Что же я, Розалинда? — вдруг прошептал ей на ухо, подойдя со спины. Розалинда лишь опустила голову, покрываясь с головы до пят внезапной дрожью. Теплое дыхание ощутилось на шее. — Это случайно вышло. Но, честно, я рад такой случайности. Иногда они и вправду полезны...

— И куда она пошла? Хотя бы с кем была?

— Этого я не видел, к сожалению, — опечаленно вздохнул Филген, облокотившись об перила. — Я даже на минуту подумал, что она нас, по крайней мере меня, заметила. Но нет, я спутал ее с другой женщиной. Если даже и увидела меня, то не подойдет. Сомневаюсь, что Дарья Амеан видит сквозь толпу. А ты роста невысокого, так что...

— Давай не будет больше об этом. И так волнительно. Но спасибо, что успокоил.

Розалинда произнесла это с ровным, почти беззвучным голосом. Он сразу понял, что болтать об этом не стоит и смолчал. Так и простояли они мгновение в полнейшей тишине. Но время это тянулось, каждая минута была приятна, и вовсе не напряженной и не гнетущей! И не усомнилась бы она никогда, что с Филгеном и молчать приятно. Попросту знать, что он рядом и в любой момент, как верный пес, готов слушать и вникать в каждое слово. Разве не райское наслаждение? Разве заслуженное? А ведь, чем же, каким поступком? «Нет, это не заслуживают, — тут же опровергала она себя. — Это нужно просто принять. Как должное, с распростёртыми объятьями...» Желанное чувство, наконец, настигло ее: понимание того, что вскоре и пустые разговоры не будут странны, а, напротив, на вес чистейшего золота, как и это томящее молчание. Но внезапно и оно оборвалось:

— Как тебе музыка, эта симфония? — спросил Филген, глядя на девчонку. — Я знаком с биографией композитора и не раз присутствовал на оркестрах. В этот раз симфония

показалась мне какой-то... Ненастоящей? — с вопросом проговорил он, усомнившись в собственным словах. — Поддельными были именно чувства, история. Будто некоторые моменты переписали, и сделали это ужаснейшим образом. Понимаешь? Вроде бы и музыканты хорошие, но это слишком странное чувство.

— Я не знаю, — пожала она плечами. — Я не музыкант вовсе. Не смею судить.

— Понимаю, Розалинда. Я уже говорил, что бывал на выступлениях самого композитора, и под его дирижёрством все складывалось так, как должно быть. Впрочем, не будем об этом.

— А ты увлекаешься музыкой? — спросила, скорее не ради интереса, а чтоб заглушить волнение.

— Да. Когда-то я брал уроки фортепиано, но вскоре перегорел. Надеюсь, что когда-нибудь снова займусь. Знаешь, иногда появляются мысли, что не мое это дело. Есть множество занятий, а влечет именно к этому. Как же так? — с легкой улыбкой проговорил парень. — Очень странно. И не могу объяснить...

— Ты очень интересный, — без преувеличения сказала Розалинда. Искренние мысли, не испорченные. — Правда, ты многое умеешь. С тебя только и брать пример.

— Спасибо, Розалинда.

Больше он не смог сказать, да и слов не было. Если и были мысли, то с удовольствием Филген заполнил бы пустоту, не стал бы тратить столько времени на молчание. Но, кажется, Розалинда и не против была, наоборот, радовалась каждому мгновению: «Моей компании? — спрашивал он сам себя, надеясь найти ответ. — Или тишине?» Лучи заката ложились на ее поблеклое лицо. Потухшие искорки в глазах не бушевали, исчезли. Хлопая ресницами, глядела на соседние балконы, пустующие и ожидающие пар. Беззаботная тишина тянулась, и как же не хотелось обоим слышать ее конец! Но вскоре бесшумно ворвалось и третье лицо. Тот, кого и ожидать нельзя, но тот, кто больше и не способен удивить.

— Нашел вас! Ишь, попрятались! — запыхавшись, упрекал Амери. — Никто мне не сказал. Не разочаровывайте хоть Вы меня, Розалинда, — подойдя к ней, он жалостливо выдавливал из себя. — И не представляете, сколько я бродил то по залу, то по буфету, и лишь потом догадался, что Вы уединились!

— Не кричите... Не нужно.

— Да как же не кричать, Розалинда, милая? — взяв ее руки в свои, пролепетал он. — Представьте, как я волновался, что мысль закралась, что Вы сбежали. Уж хорошо, что этого не случилось. Честно, я очень рад и впредь будьте осторожны... Я же и тебя искал, Филген! А вот ты здесь, смотришь на меня, будто убьешь.

Он робко коснулся губами пальцев, и негодование спало с лица. Так и ликовало в его глазах: «Вы — мое успокоение!» Гордая и безутешная радость. Подправив волосы, он выпрямился и, оперевшись об перила, положил на пояс правую руку, пряча ее в карманах.

— Успел и господина Ларцерина встретить. Похорошел в отставке, что не узнать. Вы его видели?

— Нам было не до него, — ответила Розалинда, вновь повернувшись к закату. — Я даже и не знаю, что теперь делать. Филген увидел издали Дарью Амеан, вот почему мы так быстро бежали. А как иначе? Наверняка, у нее глаза зоркие и всех ими обметает.

— Хм, понимаю! А я ее и не встретил, все сбивает! И музыка, и танцы, и еда. Вино кстати, отменное. На балы только за этим и можно приходиться. Да так люди напиваются, так торжествуют, что ахиною несут! А каковы фразы пускают! — воскликнул Амери недовольно

и сердито. — Наткнулся на своего приятеля. Я с ним вместе учился, и то, он меня в плечо толкнул, а я и не узнал. Вот так люди меняются. Хотел разговориться, как его вдруг женщина утащила, видимо, жена. Я и подумал, ну, брат, уходи! Дорога скатертью! А насчет Вашей мачехи... Я слышал ее имя. Но не встречался. Наверное, это и к лучшему, ведь такое иногда сказать может, что ночь потом не спишь.

— Это что же такое? — промолвила Розалинда. — Что-то пугающее?

— Скорее юродивое, сон безумца!

Она ничего не ответила, лишь глаза улыбнулись и зажмурились от порыва ветра. Их донесение о мачехе очень расстроило. Теперь наверняка можно понять, что между ними было что-то невысказанное, что-то неладное, что сбивало с мысли. «Бал окончен. По крайней мере для меня. А они как думают? — посмотрела она на серьезное выражение лица Филгена, будто озадаченное, и на Амери, которому, видимо, вовсе безразличны были ее опасения. — Каждый о своем». Иногда девчонка до того гневалась на Дарью, что ее чуть не подмывало и вполне соблазняла мысль поколотить ее румяное, цветущее лицо. И когда все успело так перемениться? Давешние годы они были семьей. Любящими и ценящими друг друга людьми, но что же сподвигло расколоть их отношения? Теперь между ними пропасть, и шагнув хоть шаг вперед, земля под ногами начнет сыпаться.

— Знаете, — начал Амери, — а я ведь не могу задерживаться. То есть я хотел бы побыть еще в Вашей компании, но уже наобещал одному человеку личную встречу. Отпустите, милая, — он посматривал на нее со странным, лукавым выражением в глазах... «Вру я вам, — говорил он будто про себя. — От того и личность скрываю! Наскучила мне эта тишина!»

— И что же это за человек? — сомнительным тоном сказал Филген. — Я не ошибусь, если скажу, что твоя любовница? Или совсем не так? «Просто встречная незнакомка, очаровавшая меня...» — цитировал его слова. — Так ведь?

— Конечно, нет! Не думаю, что мужику можно прослыть за «очаровательную незнакомку». Опять вдохновляешь меня на глупые шутки. Тебе то, Филя, несомненно, можно прослыть моей музой! Та самая «незнакомка» обещал мне вернуть деньги. Оказался в бедственном положении, малый... Времени совсем нет. Я прощаюсь с вами... на пока.

Амери торопливо распрощался с Розалиндой, поклонившись. Филгену и руку не пожал, зная, что все равно вскоре увидятся. Он стиснул девичью руку, и, прошептав слова прощания, бросился к двери. Станным делом его уход показался Филгену. Как будто выгоняли... Взглянув на Розалинду, сердце забилося и сильно растрогалось в груди: печаль ощущалась в тех черных, отчужденных глазах. И не мог он понять, из-за чего. Право, из-за оборвавшегося бала? Но тому радоваться нужно, а не слезы лить. Расспросить сил не было. «Не хочу навязываться, — с горечью заявил себе он. — И так многое узнал. Но может это не так уж и плохо? Если поинтересуюсь лишний раз, то усугублю ее печаль. А как иначе? Я хочу помочь, а для помощи нужно знать причины...» Весь разговор между ними носил бы особый отпечаток. Только вот, хороший ли?

— Понимаешь ли, — промолвил он не громко, совсем рядом, — мы знаем о друг друге не много. Впрочем, нам известно лишь то, что можно сказать любому. Это сравнимо с именем. И мне хотелось бы узнать, доверяешь ли ты мне вполне, Розалинда?

Все вокруг вновь затихло. Его ожидание будто натягивало и разрывало струны, превращая прекрасную мелодию в всплеск неприятностей. Пристальный ее взгляд, точно солнечное пекло, прожег в нем дыру, через которую можно управлять нитями чувств и

разума. Воспользуется ли? Филген и понятия не имел. В счастливое и томительное мгновение все доселе важное теряет свою значимость. Одно слово способно осчастливить и воскресить из мертвых.

— Доверяю ли? — повторила Розалинда, отходя от перил. — Да. Доверяю. Как другу — хорошему и верному. Я и не сомневаюсь, что ты таковым и являешься. Но, знаешь ли, — прибавила она после долгожданного раскола в его душе. — Мне это тяжело дается. Кажется, что не мое. Понимаешь?

— Как это не твое? Это присуще каждому. Можно отвергать, или наоборот... Впрочем, слышишь? — отвлекая и себя, и ее от разговора, сказал он, и тут же пожалел. — Началась третья часть симфонии. Честно, мне она по душе больше всего. Не хочется терять такое время... Может, потанцуем?

Именно эти слова едва ли не сделались плодом для сожалений. Удивленные, не верящие глаза Розалинды вцепились в него, потупившегося на грани мук судьбы о невозвратных моментах. «Станцевать вальс, — было подумала она. — А ведь всерьез говорит... Не мог он пошутить так по-детски, издевательски». И аккуратно, точно к драгоценности она коснулась кончиками пальцев его ладони, и тихо, чтоб никто не услышал прошептала: «Да, давай». Филген еще долго мялся, борясь с нравственными устоями. «Если уж предложил, то имей смелость выполнить, — упрекал он сам себя, сжимая ее ладонь в своей. — Что же я, трус? — мысль эта полыхала ненавистью, разъедавшей мозг. — Или глупец? Но смириться с этим не могу. Розалинда, она ведь ждет. Не нужно так опускаться». Силы скапливались в груди, жгучей иглой уколов сердце. Прильнув к нему, Амеан схватила его руки и повела в центр балкона. Не смея и глаз поднять, юноша и не заметил, как мелодия закрутила их в тихий, сладкий вихрь. Голос неизвестный разлился в чудной симфонии, ласкающей уши и сердце. Закат медленно затухал: ветер стих. Природа вкушала золотые минуты их близости, юношеской и неловкой. Ели, покрытые сумраком, застыли, впивали в себя, будто соки, звуки вальса... Ласковые, милые ему глаза не прекращали улыбаться. На зарумянившихся щеках появились ямочки: смущение достигло пика и вновь прильнуло ко дну. Вечерний холодок гулял по оголенным девичьим плечам. Ладони жутко потели, точно прилипли друг в другу. Часто дыша, она улыбалась ему, что-то невнятно шепча, однако Филген спрашивать не стал. Еще и еще симфония уносила их в свою историю, в свой мир, что они и тел собственных не чувствовали, полностью отдаваясь сознанию происходящего.

— Музыка и вправду хороша, — проговорила она ему на ухо. И как сладостен и волшебен был этот голос! Встрепенувшись, Филген посмотрел ей в глаза, сильнее обнимая ее за талию. — Доселе я не знала ее ценности. Теперь, кажется, она появилась.

Не подобрав слов, Филген лишь кротко улыбнулся, вглядываясь в наступающий сумрак. Последние лучи больше не озаряли его воздушных, нежных волос, больше не сверкали и его глаза. Тишину прорезала трель флейты, заныла скрипка, и смычковые вступили низкими голосами, просачиваясь в легкие и буря дыру в сердце. Одинокие, несмелые, они то исчезали, то возникали вновь, страшась света, но последнее появление сделалось мощным ударом — возрождение костяного мира! Прорезались воспоминания о создании симфонии, и о смерти мира, пепельного и покинутого. Этот вальс, этот головокружительный круговорот длился вечность. Розалинда была уверена и знала, что тому суждено было закончиться, но и думать об этом не хотелось! Что же тогда делается с ними? Чувственные движения уходили в глубину души, и, затвердев, наконец придавливали засохшие корни чреватых ощущений. Верный друг не отпускал, напротив, прижимался и постукивал

каблуком в такт.

— Ценность была всегда, — вдруг сказал Филген, вспоминая ее слова. — Просто такой минуты не было, чтобы ее понять.

— И то верно.

— Кажется, скоро начнется четвертая часть. Ты не устала? — дрожащим голосом проговорил он, заметив, как на его плече покоиться ее сонное личико. Убрав волосы с глаз, он повторил, только тише, и стараясь не тревожить ее покой. — Мы можем уехать, если хочешь. Я отвезу тебя в замок, хочешь? Розалинда, слышишь?

— Да... — проямлила она, выпрямляясь. — Пойдем...

В это мгновение тишине пришел конец.

27. Возвращение

— Столкновение! Корабли! Охотники! — перепуганные голоса сливались в хор: все спящие лица взбушевались, но высовываться из фальшборта жутко боялись. Боялись до дрожи, до пули во лбу. Весть разнеслась по всему судну. Мало кто оставался спокоен, на каждого действовало влияние общественного переполоха. Анариэль, возглавлявший боевую готовность, приказал своим подручникам угрожать колдунам смертью и упрекать их в виновности. Ведь если поднимется шум, то и завес спадет. Все на лицо — корабль не торговый. Благо не встречаться носами, Афелиса настояла на другом пути, хоть он и предвещал немало времени. Когда на кону жизни и едва ли свершившееся дело, то нужно избегать риска и бед, ибо все надорвется и рухнет, не оставив и следа! А след — важный знак! Никто не ходил по борту. Примкнув к пальбе, колдуны перешептывались, играли, ругались, кто-то и заклинания читал, однако, слова эти никак не поощрялись. Все томились в ожидании указа, успокоения, и молились богам Фарфелии, лишь бы одарили они высших магов благословением и направили на путь истинный, верный — добрый! А они пусть и последуют по их следам, по испробованной почве, по гладкой дороге.

Афелиса так и простояла на шканцах, наблюдая за темной, едва ли подсвеченной фигурой Яромила. Не видно ни выражения лица, ни глаз под фуражкой — все таила тень. Тон его так и кричал: «Не трогайте меня никто! Спокойствия мне». Отвечал он сдержанно, обрывками, но с гневливым порывом. Бозольд стоял рядом, шепча ему что-то невнятное, то и дело поглядывая на Афелису, взмахивая руками.

— Как же так? Значит... К завтрашнему дню, да? — переспросил он, от чего чуть не получил плевков в лицо. — Извиняйте, товарищ. Я из любопытства! Господин Анариэль быстро покончил с гамом на борту. Я и не сомневался, что лучшая защита — нападение. Вы понимаете... К счастью, погода хорошая — что случилось бы, если шторм нагрянул? — замолчав, он, размышляя, бродил взад и вперед. — Госпожа... — с неизбежной надеждой Бозольд кинулся к ней, — а Вы как думаете? Обойдемся. Я вот думу думал... Не будет лучше на всякий случай поставить барьер? Ведь, правда, лучше предугадать, чем потом жалеть. Где господин Анариэль? Срочно его нужно!

Засуетившись, он спустился на борт. Тут же раздался хлопок двери. Афелиса искать никого не хотела, ибо боязно даже с места двигаться. Небо все прояснялось, звезды сверкали на небосводе, игриво резвясь — то исчезали, то вновь появлялись и блеском своим затмевали подружек. Вот только, к сожалению, свет этот спустился и на воду. Приближался он, и затягивающая мгла ожиданий пронеслась по судну. Спокоен был океан, точно последняя жизнь проплывала на нем перед тем, как он осушится. «А ведь идея с барьером мне и раньше приходила в голову, — думала Афелиса, не отводя взгляда от красных огоньков. — Да, он прозрачен, но какой иногда всплеск энергии бывает! Будет очень подозрительно, и не похоже на торговцев».

— Пойдемте... Пойдемте, ради всех, ради всех нас! — всхлипывал Бозольд, поднимаясь с Анариэлем по лестнице. — Вы ведь все знаете, и положение наше. Я недавно спросил у госпожи Диамет насчет барьера. Засомневались вместе. Может, Вы проблему решите. Капитан говорит, что не его забота. Но как же не его? Дело-то общее — наше дело!

— И что же сомневаетесь? — спросил раздраженно мужчина. — Ставьте. Я помогу.

Бозольд под руку повел его на шканцы, и вновь встретившись с Диамет, вся его паника

пошла по второму кругу. Анариэль, кажется, напротив, был чересчур спокоен, только слегка разгневан неслаженностью народа, и неспособности их действовать не по его слову. «Маршрут поменяли, подозрений нет. И из-за чего так копошиться? — думал он. — Яму себе роете». А Афелиса слушала и молчала, лишь изредка вставляя в речь разболтавшегося Бозольда замечания. Капитан заполнил тишину своими возгласами, любил это делать и, кажется, слушать вовсе не хотел. Нужно ли охотникам замирать посреди океана, чтоб стрелять в торговое судно? Глупости, да и смех! Потеря времени и патронов к хорошему не приведет, а маг знала, что до того скупы и мелочны их ряды, что смеющиеся слезы глотку душат. Капитан изъяснялся на разных языках, смешивал слова, что в конце концов выходила какая-то бессмыслица. Он с намерением употреблял простые обороты, чтоб подчеркнуть свою растерянность, плевался между слов странной пестротой речи, да и вообще — картина забавная. Даже бунт стих на корабле. «Право, волнуется за всех. Разве не благородно? — сдерживая смех, подумала девушка. — Умолк народ, а он такое дело на свои плечи воздвиг!»

— Ну ладно, уговорили! Милостивые вы мои! — в очередном приступе замешательства. — Все, впредь спокоен буду. Меня удивляют ваши лица. Но не считайте это в... — сбившись, он тяжело выдохнул, пряча взгляд свой в темноте. — В общем, не плохие это слова! Ни в коем случае! Просто, понимаете, этот корабль, как и наше путешествие, так важно для меня, что боюсь потерять частичку своего труда — своей жизни...

И голос его все умолчал, пока совсем не забылся в непроглядной пустоте позднего вечера. Все уже разошлись, и на шканцах остался один только Яромил, впечатавший в штурвал всю свою силу, хоть с виду этого и не скажешь. Как только высшие маги ушли, Бозольд помялся на месте, не понимая, куда ему следует идти. Постоял над гневной душой капитана, походил по палубе, и после скрылся среди лежащих колдунов. В капитанской каюте, как и тогда, просвета чистому воздуху не бывать. Илекс спала, Элид вообще затерялся.

— Я и не знаю, что думать, Афелиса, — возразил Анариэль. — Кажется, что все лежит на поверхности. Знаешь, а я ведь много думал о пытке Милады. Точнее, о том, как это происходило. Ты ведь была совсем в другой комнате, а она, словно мертвая, лежала в коридоре. Как тебе такое удалось? Неужели какой-то прием мне не понятный?

Мужчина еле сдерживался, чтобы не заявить все свои подозрения. И эти доводы были вполне оправданы. На губах так и резвилось это слово: «чернокнижница». Но сил не хватало, да и важно знать, сознается ли Диамет сама, или придется выпытывать каждое слово, чтоб после сплести логическую цепочку. «Да и разве можно ли мне так облажаться? Тем более, корабль кипит щелями и людьми. Кто угодно может подслушать. И если признанию суждено разлетится, то, думаю, светлой судьбе Афелисы не бывать».

— Ты все о ней, — холодно проговорила она. — Когда же эта тема закроется?..

— Нет, не о Миладе. И я предполагаю, что она уже умерла. Столько дней прошло без еды, света и воли. Интересно, останется ли она там со своими друзьями? — сказал он, как бы спрашивая самого себя. — Останется, как память, вместе со всем пристанищем.

— И как же ты прав! — облегченно вздохнула Афелиса, выговорив эту фразу с торжественностью в голосе. — Враг должен быть повержен. Я свою задачу выполнила: избавила нас от предателей. Если бы не прогадали, то кто знает... Прибыли бы охотники на место, или нет. Хотя временной промежуток был не огромен. Наша пещера среди деревьев, и уж больно я сомневаюсь, что у таких людей хватит проворности догадаться, что именно где-то там скрывались черти.

Диамет сама посмеялась от своих слов. Она села на лавочку, прильнув спиной к стене, и устремилась в потолок, точно видела необычное и чуждое. Отросшие концы русых волос едва ли касались плеч, шея, увешенная серебряными цепочками и тонкими рвущимися нитками, помятая серая рубашка, растрепанный воротник, затянутый кожаный ремень — во всем этот отражалась небрежность. Забота о одежках исчезла по зову времени и чередой событий. Анариэль смотрел на нее с жалостью, в уставшие серые глаза, погасшие, видимо, на рассвете.

— В любом случае... — тихо проговорила она, словно проваливаясь в сон. — Я не рада ее смерти. Она пошла на поводу у охотников, а они тыкали ее золотом. А ты понимаешь, какое бедственное положение у нас и в запасах? Приплывем домой, как странники, и от этого дома ничего в помине не останется. Но я надеюсь, что кое-что светлое там еще живет.

— И что же это, если не секрет? — откашлявшись от пыли, спросил маг, держа руку у сердца.

— А? Не расслышала. Что там за светлое, да? — на губах ее проступила улыбка. — Уверена, что ново это для тебя не будет. Тем более, я не раз рассказывала о своих похождениях по городу, о командирах, об охотниках... Пусть и не самые хорошие у меня тогда были мысли, однако же, любо вспоминать. Я, кстати, и друга успела найти. Но это уже другая история. Помог он мне, сильно помог.

— Друг-охотник? — подозрительный интерес отпечатался в слезящихся глазах. — И чем же он помог тебе?

— Я же говорю, история другая. Она не длинная, но событий много произошло, — взглянув краем глаза на него, она спросила. — Хочешь узнать? А я-то думала, что вы каждый шаг мой знать будете... Сомневаюсь даже. Леотар, да и Хакан много мне говорили о слежке. И удивляться не нужно моим знакомствам. Мне необходимо было влиться в их среду с чужой помощью. Кстати, а парень хорош был. Не отвернулся от меня, когда дело вскрылось. Но хорошо, что они еще не знали, что я маг. Отвез девчонку туда, где ей будут рады.

— Многое ты рассказывала и об этой девчонке. Ты знаешь, где и как она сейчас?

— Если бы, — пожала она плечами. — Мы попрощались в тюрьме и спустя все эти годы не видели друг друга. Наверное, ей тоже не сладко живется, хотя... Она нашла семью. И живет уж точно не в Гроунстене. Переживать не из-за чего.

Афелиса рассказала ему о их встрече. О том сумеречном лесу, о вспыльчивой Розалинде, о ее капризах, сменяющихся безмолвием. «Это возрастное, — добавила она, поясняя. — Пять лет прошло. Теперь она девушка, а не та беглянка. Повторяю, мне самой хотелось бы знать о ней теперешней, — заметив едва ли высказанное возражение, настойчиво повторила. — Конечно, откуда же мне знать? А может судьба сведет...» Затем разговор плавно перешел к Ангарету. Сердце разлилось терпкой кислотой, сжалось и стало сухим. Впрочем, распространяться об их отношениях она не стала. Анариэлю и так все известно. В тот момент они и наблюдали за ней, как бы неловко и непозволительно это было. Вскоре пришел и конец разговору. «Не дело сейчас о моей жизни говорить. Сколько времени прошло?..» А миновало всего лишь полчаса, все оставалось по-прежнему: смертная скука.

На палубе не было новых известий. Избежать напасти охотников было легко, и не достойно того Бозольдовского переполоха. Но зато — какое влияние! Колдуны стихли в страхе, боясь пошевелиться. Все думали: «Вот, наверняка, охотничьи корабли больше и из борта нас, лежащих заметят». И все мимо! Вот уже красные паруса показались, огоньки

фонарей стали ярче, а шуму никакого. Лишь колокола звенели, чтоб разбудить народ. Все чувствовали, как корабль плавно поворачивал вправо, и тьма не давала разглядеть лиц охотников. Как бы удивился Бозольд, узнав в тот момент, что судну все равно на их маленький кораблик, невооруженный и хрупкий. Но сомнение все еще терзало: «Если бы послушались господина Анариэля, то, конечно, заподозрили бы нас! Расстреляли, обокрали бы! От света барьера и ослепнуть можно».

— Вот как ловко-то! — восклицал Элид, трепетав от счастья. — Обманули дураков! Так им, варварам. А вот куда путь держат? Наверное, на своих же! Во-о-о, а мужик-то тот не так глуп, в отличие от этих. Это я, Афелиса, все знаю. У них и фонари стали тускнеть, будто опечалились. Затонули бы со своими командирами и несчастных бы не касались...

— А это ты зря, — сказала Афелиса. — Ты знаешь, сколько среди них пленников? И такое живье, пушечное мясо отправляют в опасности. Я тоже когда-то была среди них, так что мне известно, что на борту по большей части невольники с одним командиром.

— Ага, а потом эти добряки становятся тиранами. Ну уж нет, проходили через это. Пусть все погибнут, чтоб и их меньше стало. Лучше отомстить, чем проиграть. Ну, ты поняла, Афелиса, — возразил Элид, шаркая ногами по полу. — И так они постепенно исчезнут. Это и станет нашим возмездием.

— Мщение — дело твоей жизни, — заметила она, с легкой улыбкой. — Так ведь? Ты смотри, не доиграйся.

— Не доиграться до чего? Нет, вовсе не дело жизни. Просто я считаю это правильным, и как раз в меру. Посмотри, а их не так уж и много.

Три корабля уже уплывали вдаль: ветер надувал их алые паруса, стремящиеся в никуда. Может, именно по зову Милады они проложили путь к тем лесам, не понимая, что проплыли мимо своей главной цели — высших существ. Таковым прозвищем они нарекали магов и приближенных жрецов, страшась и выпустить это чёрствое, дьявольское слово из своих уст: «маги». Они унесли с собой и вечер. Анариэль вынул из кармана маленькие часы в серебряной оправе: минул девятый час. Туманная дымка постепенно слегала, впереди виднелись горные острова, дикие и нелюдимые. Бозольду было взбрела мысль остановиться, и мотивов его так никто и не услышал. Точно из-за тревоги он стал сходить с ума, это настораживало Яромила до того, что решил более не подпускать мужчину к штурвалу: «Пусть остынет, — говорил он, — а то с горяча и завернет не туда». Страшно быстро день уступил ночи. После встречи кораблей борт оживился, резко задремал и тут же пробудился. Простояв с Афелисой, Элид заметил своих приятелей и рванул к ним, только ветер сопротивлялся.

— Эй, ты! — кричал он, толкаясь и получая пинки. — Мерзкий... Да куда же вы все рветесь так? — ругался юноша во весь голос, гневно плюясь на грузчиков. — Дайте пройти, рабочая вы сила!

Он все же добрался до своего сборища товарищей, хотя мог бы и знатно отплатить за грубость на румянном личике. Кто-то сидел, поджав ноги под себя, кто-то курил, выпуская клубы дума, а один даже — Хансвен — орудовал тонкими ножницами, состригая все богатства их льва — серьезного парнишки, каков был не прочь примкнуть к горлышку бутылки и не расставаться с ней. Всех этих распутных, ленивых ребят крепко затянуло одно дело — вино. В кругу их смельчаки стругали свою честь. Привязывая себя к обществу недоучек, Элид потихоньку погружался с головой в их канитель и выполнял поручения, как верный солдатик. Встретили его весьма торжественно, а это значит — никак. Юноши

дремали, мечтая о приятных снах с девушками, ласкающих их фантазию, и лишь одни Хансвен и Лев — насупленные лица переговаривались, раскидываясь бранью, но, впрочем, получив хорошее замечание, сразу подбирали слова под себя.

— Ребят, вы что все, шутите надо мной? — ворвался он в их дремучую обитель злым, трепещущим волком, скалящим пасть. — Это несерьезно! Хотя бы ты, — указал Элид пальцем на читающего парнишку, — мог сказать. Я дружу с тобой, а значит, на хорошем счету. Пришел к вам с хорошими, дружескими намерениями, а вы... вы...

Захлебавшись в собственном негодовании и проступившим слезам, он обидчиво отвернулся, стараясь и виду не подавать. Засмеют слезы, засмеют обиду! Это всем известно. «И что же теперь, человеком не быть? — всхлипнув, спросил он сам себя. — Что же теперь, не быть и вовсе? Брехню несут какую-то! Захочу и заплачу, захочу и позлюсь, а если смеяться посмеют, то буду знать — они низкие, непонимающие существа». Но они лишь молча переглянулись, кивая на его опустившиеся плечи. Смешок проскользнул по каждому языку, один местный Лев не понимал, что твориться, и почему Элид — борзый и вспыльчивый малый — нос повесил.

— А что мы? — сказал его приятель, искоса щуря глаза, вылезая из-под книги. Его смуглая рожа сделалась Элиду еще противнее от этого вопроса.

— Что вы, да? — вдохнув полную грудь, он проговорил. — Вы не предупредили меня, по-крысиному поступили! По подлому, друзья дорогие, ни во что меня не ставите. Неужели вы не рады новым людям? Мы же вместе, а «вместе» не означает «предательство»! Почему меня никто не предупредил о том, что вы уже сходили и все выпили, так еще и на деньги сыграли. Я же говорил...

— Просто забыли о тебе, ну же, остынь, ты ведь горишь, — беспечно ответил тот, оставляя книгу. — Ты в какой дыре был? Не видел что ли, что происходило? Чуть не столкнулись с охотниками, а он тут еще... «м-м-м обо мне все забыли-и-и-и», — прошепелявил он, изображая Элида. Волна смеха захлестнула их кружок. А Элид лишь большими, удивленными глазами уставился на товарища своего, замолкая. — Ну, что? Успокоил я тебя? Не реви, дурак. Успеешь и ты еще напиться, попить, и как следует с...

— Ой, ой, сколько страсти! — предвидя его слова воскликнул Хансвен, вертя на пальцах ножницы. — Не могу прям. А вот про это и тебе следует замолкнуть. Ты же все выдержишь, и тоску свою... там всякую. В общем, понимай, как хочешь. Не моя наука — говорить!

— А что твоя наука? — съязвил юноша. Лежа, он выплевывал скорлупу от семечек, получая шлепки по рукам от соседа. «Чего плюешься? Все нащелкаться не может, бедолага,» — слушал он безразлично, пожимая плечами. Вдруг из пальцев соскользнула горсть, рассыпаясь по полу. — Гривы состригать? — договорив, он встал на четвереньки, и, ползая, собирал треснувшую скорлупу.

— А твои зубы портить? — отгрызнулся Хансвен. — А тебе, Элид, пора перестать слезы лить. Ты все же в серьезную компанию попал, мы тут не шутим. Вернее сказать, серьезно относимся к делу. И когда приплывем и совершим возмездие, то будем исследовать заброшенные дома и собирать все, что можно.

— Но не всякий мусор! — выкрикнул кто-то.

— Конечно не мусор. Только ценные вещи.

— И вы надеетесь, что среди обломков затеряется ценная вещица. Не смешите! Охотники уже давно все прочистили, все пустое, — сказал Элид, шагнув вперед. — И чем вы

там торговать будете? Чем-то опасным? Нельзя же, запрещается.

— И от кого мы это слышим, от того, кто без разрешения взял яд, так еще и жизнь мальчишке погубил. Какое геройство! Восхищаюсь, восхищаюсь, — саркастично проговорил Хансвен, расчесывая кудрявые волосы друга. — Кому на этот раз планируешь? Ты уж знай, что мимо взора высших это не проскользнет. Все узнают, и правительница наша.

— И казнят тебя! — с особым удовольствием отчеканил самый малый из всех. — Или нужно рассказать об этом всем? Мы ведь хорошие, мирные, не пойдём по тропинке зла, а, Хансвен?

— Вот уж это ты прекращай. И на нас падут подозрения, мол, откуда мы знаем, и что мы принимали участие... и все эти вопли. В любом случае, Элид, мы хотим отпраздновать это. То есть, там корабли не корабли, удачу не удачу... только своих не приглашай.

— А разве есть у меня свои? Ты хотя бы думай, что говоришь, — скрестив руки на груди, мальчишка все еще вымещал свою обиду. — Я приду. Но при условии, что никому вы ничего не расскажете.

Проболтали они до часу ночи, и когда все вновь успокоились, распределили роли и полезли в грузовой трюм. Впрочем, не все были чисты на совесть. Кто-то даже опасался и уговаривал своих приятелей не идти, посторониться и выждать, когда колдуны на нижней палубе совсем утихнут. Но кричали они в пустоту. Остальные отмахивались, зевали и вальяжно спускались по лестницам — известно, что дело обыденное. И не требовало усилий. Посапывающие грузчики, развалившись на полу, только глазами водили, и лишь некоторые, каким дорога похвала, поднимали головы и спрашивали: «Кто послал? Зачем полезли?» Но сон уматывал их, не давая услышать ответа. Держа фонарь, Элид на носках перешагивал через мешки, руки и ноги колдунов, да все палец к губам прикладывал, дергая за плечо разболтавшегося товарища. Никто и не услышал звон бутылок, тихие возгласы и затянувшиеся песни. В их кругу уже и позабыли о разногласиях, об угрозах: все сделались родными. Именно эта близость под шутливые песенки, истории побегов и романы проявила на их лицах краски. «Ты, Элид, прощай нас, — говорили они, и тут же примыкали к бутылке. — Ты сам понимаешь, какие обстоятельства давят на каждого. И вот... в этот раз мы с тобой пошли! И не надо тут наговаривать! И знаем все мы, что ты особое положение у высших магов имеешь». Эти слова выскальзывали с завистью. Но надобно этим пьяницам особое положение? Парнишка и мотива точного не мог найти. «Не орите вы так, балбесы! — приговаривал кто-то из угла. — Разбудите, они на вас и господина Анариэля натравят!» «Ну да, ну да, — отвечали ему. — За свою шкуру только боишься. А это, брат, не дело. Раз собрались, раз устроили себе такое пиршество, то вместе!» Тоску всеобщую подкрепляло и желание чего-нибудь закусить. А еду из камбуза таскать — грешно и страшно. Ибо лишат они нуждающихся... но чем же сами они не нуждающиеся? Хансвен было схватил Элида, и повел его за руку, и тот не сопротивлялся, лишь смеялся, блестя ямочками и румянами на щеках.

— Не смейся так, разгильдяй, — упрекал он его, еле сдерживая смех.

— И кто еще разгильдяй? Я что виноват, что у него такая жизнь... нелепая. И сам он нелеп! — Элид смело разбрасывался ругательствами, пинал мешки с крупой и, кажется, был счастлив, как никогда.

— Да ясно мне, из-за чего ты так радуешься. Известно, что пьян, напился уже. Сейчас е прикуску что-нибудь возьмем, да я тебя в холодную воду окуну. Умеешь же ты смешить...

Обещание он свое сдержал, да так крепко, что едва ли не утопил Элида. А самому-то в

радость — шутка презабавная, и пользы от нее уйма. Но достать удалось только хлеб. Остальные ящики были пусты, все мыши съели. Так и сидели они в грузовом трюме всю ночь, и никто не вспоминал о них. Когда вышли они на палубу, начинало светать. Стоял сильный холод, ветер бил в лицо, но по потному телу разлились приятные мурашки. Пока Элид ждал Хансвена, к нему подошли двое ребяташек, и спросили, не знает ли он, где ходит какой-то их друг. Юноша лишь повел плечами, отмахнулся, и сквозь зубы проскрежетал: «не знаю». А их так и взяла тоска! Точно любимую игрушку затеряли, в какую вшили монеты. Глаза слезились на ветру, его ужасно клонило в сон, но сквозь белую пелену он заметил не застёгнутый ремень и расстегнутую ширинку. Похлопав ресница, он уж было хотел хихикнуть, но благоразумие взмыло вверх, и, встрепенувшись, он приказным тоном сказал ему: «Ты бы застегнулся... невеже так ходить. А ну, быстро, пока еще кто-нибудь не увидел!» А ответ ему прилетел взгляд больших, взволнованных глаз, страшущихся посмотреть и притронуться. Пухлые щеки налились краской, словно сочное, дозревшее яблочко. Отпрыгнув назад, он потянулся к ширинке и в мгновении застегнулся, подправляя ремень. Друг его, едва ли держащий смех и легкий укор за рукой, похлопал его по плечу. «Спасибо...» — промямлил мальчишка, и под руку повел смеющегося друга вдоль фальшборта. «Умора то! Хоть бы не разорвался от смеха,» — думал Элид, нагло ухмыляясь.

— Чего ты улыбаешься, хитрец? — раздался голос позади.

Потирая виски, Элид развернулся, и улыбка вмиг исчезла. Расслабленные губы вздрогнули, хотели прошептать, но сжались. Хансвен сунул ему под нос раскрытый маленький мешочек, приговаривая тихим, сонным голосом: «Возьми, малец, покушать, да не подавись!». Снова началось! Элид повертел головой, зажмурился, и оттолкнул его.

— Зачем ты мне эту гадость суешь? Я думал, шутейки твои закончились. Еще на волосы мне это... — речь его прервала вдруг развеселая рожица Хансвена, а в голосе происходил быстрый процесс: «Угадал, Элид. И на кудри твои высыплю, нам же не жалко, мы же не голодаем, да... богатством пищевым кишим. Конечно!».

— Я вообще сейчас спать завалюсь, и не трогай меня, — тут же добавил Элид, отходя в сторону. — И все равно, что рассвет; все равно, что скоро прибудем...

— А ты это узнай, — проговорил он, щелкая орешками. — Ты же такая важная особа. У тебя связи, дружба, вся такое...

«Да ну тебя!» — отгрызнулся мысленно юноша, и рукой на прощание не помахал. Сейчас все предстало другим, в густой дымке: его разговор, обида, вино, разбитая бутылка... тряпки. Благо, никто не заметил, ибо потом возмещать бы велели. Шагая по борту, Элид разминал затылок, зевал в ладонь, смотря на женщин в платках. Да так засмотрелся, что споткнулся об выступающую доску, и чуть было не разбил себе голову об пол. Упав на бок, он досадно простонал, смахивая рыжие кудри со лба. Впрочем, ничего серьезного. «Я и похуже мог бы приземлиться, — думал он, и как только осознал всю шутку, усмехнулся, потирая руку. — Приземлиться... Хоть бы поскорее, а не приводиться... Нет, этого точно не надо».

В капитанской каюте он застал одного Анариэля. Сидя за столом, он держал в руке кружку, да искоса посматривал в толстую книгу. На стук он обернулся, кладя вовнутрь вырванные страницы, точно прятал, и взглянул на Элида:

— Утро доброе, товарищ.

— Да, доброе утро, — подтвердил он, и сел на стул, прижимая ладони к сиденью. — Что это ты такое читаешь? Не наскучило?

Вытянув шею, он вглядывался в мелкие строки, но прочитать так и не смог. Заметив его любопытство, Анариэль разложил листы, и перед ним открылась страница с заклинанием. «Стих что ли какой-то? — подумалось Элиду. — Да не похоже, а, заклинание! И кого заклинать, изволишь?» Он повертелся, точно не сиделось на месте, и, наконец, поднялся, нависая над его спиной.

— Все же, зря мы не плывем в Гроунстен. Ты помнишь об этом? — неоднозначный взгляд. Подбочинясь, Элид склонил голову влево, и лишь сощурился, но строки расплывались. Подойдя совсем близко, он склонился, оперевшись рукой об стол и задумчиво почесал за ухом. — В грузовом трюме лежат осколки магического рубина. Но, конечно, они бессильны без заклинания. Нужно дать ему новую жизнь...

— Я все не пойму. Это как рубин убьет всех охотников? А нас что? Мы не люди, что ли? Да мы человечнее их, тиранов...

— Магия не может покончиться сама с собой, — пояснил Анариэль. — Мы не умрем, а напротив, впитаем в себя одну из сил рубина. А что насчет трупов, — сразу же отвечал он на незадачный вопрос. В глазах Элида так и промелькнула была придирка, но нет, не успел, — они расплавятся. Не верится, правда? — короткий смешок. — Их тела просто не способны выдержать такой жесткий накал, и вся их плоть уйдет под землю. По крайней мере, мы надеемся.

— Кто это — мы? — озадаченно спросил его Элид. — Афелиса и ты, что ли? Тогда вам верить больше. Я, знаешь, не верю этим всем... подозрительным источникам. А где она сама, кстати? И когда мы уже прибудем в Гроунстен? А вообще, если по правде, это будет мой первый визит. Я не родился, не вырос на острове. И, наверное, к счастью. Иначе бы лежало где-нибудь мое тело, разлагалось...

— Она с капитаном. Обговаривают, где лучше будет причалить корабль. Я так понял по разговорам. А говорят то, что пара часов и мы дома, — Анариэль нахмурился, вновь взяв в руки страницу сплошного текста.

— А я в гости! — с долей радости сказал Элид, шагая по каюте. — Да, ты скажешь, что нет, вскоре Гроунстен станет и моим домом. Конечно, станет. Я приживаюсь быстро. Даже этот корабль мог бы быть моим родным местечком. Почти родным. Здесь хорошо, и не важно, что все вокруг — океан. Но иногда так и хочется утопиться.

— Почему это?

— Да так... люди странные, — отмахнулся он от вопроса, желая переменить тему.

Элид понимал и раздражался иногда от этого знания, что все притворство. Все ложь и напоказ. Сил не было больше терпеть те унижения, которыми колдуны так часто разбрасываются. Будто враги, жаждущие покончить со своими же. Как хотелось ему избавиться от той треклятой компании, и быть тем уродцем, перед чьим носом закроют дверь, да хоть плюнут в лицо — все лучше, чем терпеть! Он вступил туда из-за трусливого желания перескочить от забот на другой берег. Но откуда же знать, что там его встретят проблемы куда серьезнее? Придурковатым юродивцам — вот, кому рады. Честность и дружелюбие испепеляются на глазах, ведь там почитают эти качества, как обман. Мозги их впитали в себя скептицизм. «Даже вспоминать противно. Но забыть то, что они вытворяли, невозможно». Даже Элид поражался их смелости, и однажды захотел иметь такую же, но сразу же ударил себя по щеке, едва ли не прокляв. В конце концов, нужно ли так опускаться, стирая колени? Такого скопления вальяжных дураков юноша никогда не встречал, и надеется, что «никогда» это продлится до бесконечности. Теперь, когда он перегрыз всю их

землю, упал лицом в грязь, осушил глаза, руку ему подал Хансвен. Поначалу парнишка показался ему цветочком среди камней. «Ошибался я! — думал Элид. — Такой же, как и они. Никого не щадят. А он был бы хорошим, даже, может быть, и прилежным». И причина на лицо — выпивка. От притворного вкуса вина уже стало сводить, и хотелось выплюнуть и набрать полный рот воды, чтоб доселе не ощущать этих удушающих капель...

Анариэль и не ждал другого ответа. Смотря на его затылок, Элид вздохнул и залез на сундук, выводя носками невидимые узоры. Наверняка, если бы он рассказал свою небольшую историю, мужчина бы слушал, слушал здорово и умело. И головой бы не повел, застыл, внимая каждому слову. И вновь он уткнулся в книгу, бормоча что-то невнятное. Элид хотел было прислушаться, но лень воспротивилась. И здесь стояла скука. Точнее свешивалась с потолка и пугала, как мертвец. «А Илекс куда подевалась... Наверное, гуляет где-то, — он засмотрелся на смятую подушку на капитанской кровати. — Да нет. Она и прогулки в одиночку? Проще убиться, чем верить в такое. Спит, вот что. Пойти, что ли, к Афелисе? Всю ночь ее не видел. Если бы и случилось что-то, то Анариэль бы рассказал и шум поднялся хороший».

Спрыгнув с сундука, он напоследок заглянул в книжку: одна и та же страница. «Неужели нельзя заклинания читать, а не учить?» Но разинув рот, собираясь озвучить, он услышал скорые шаги на лестнице: из-за порога вышла Афелиса, ничуть не уставшая и цветущая верой. Скользнув каким-то нетерпеливым, хищным взглядом, она посмотрела на Анариэля, и усевшись на стул, оперлась локтями о спинку.

— А ты все еще читаешь... — протянула она, сгорбившись, прислонившись подбородком к ладоням. — Впрочем, недолго тебе осталось. Скоро высадимся.

«Вот, вот! — думал Элид, ступая к ней. — Я тоже самое говорил!»

— Скоро — понятие растяжимое. А ты узнавала у капитана? — вскинув на нее мимолётный взгляд, сказал Анариэль.

— Да. Вернее, он сам мне сообщил об этом. Уже начинается светать, не будем же мы вечность плавать в океане. И, честно говоря, шум подняли на пустом месте. Я могу предположить, что даже чернокнижники не будут обращать на нас внимание. Они бессильны, — твердо и сухо отвечала она. «По крайней мере, я надеюсь на это. Может быть, они тоже нехило подготовились». — Но перед тем, как рубин напитается энергией, мне нужно удостовериться, сходя в одно место.

— Какое это место? — вдруг неожиданно спросил Элид, стоя позади нее. Лукавое подозрение отзывалось в голосе.

— Ты не знаешь и не поймешь, — обернувшись в его сторону, сказала девушка. — Дело личное.

— А, вот как! Дело личное! Хоть бы оно не неприличным оказалось. Знаю я тебя, сохранились еще дружки твои... возможно. Но об этом нельзя молчать, Афелиса, — подняв подбородок, он смотрел на нее соколиным взглядом. — Так что выкладывай. Хотя бы для моего любопытства... Я уверен, что и Анариэль хочет узнать, так ведь?

Отложив книгу, он поник головой, и услышав свое имя, непонятливо взглянул на Элида, в чьих глазах так и горело жесткое требование: «Ну же, подтверди! Ты большой авторитет имеешь, и Афелиса прислушается к тебе. В конце концов, я вам враг, что ли? Наоборот, еще какой друг! Нигде не сыщите подобного!» Хоть и приближался конец путешествия, но оба сидели, как убитые, точно в бурю выброшенные на кроважанный берег. Анариэль все смотрел на нее, ожидая, видимо, какой-нибудь просвет, хоть насмешливый. Она будто и не

рада была возвращению, но в чужую голову не залезешь. «Наверное, неприятно возвращаться в родные края, когда они развалены и живого места не осталось. Тем более, она связана с Гроунстеном не только такими воспоминаниями... — думал он, вспоминая все девичьи рассказы. — Жаль, что я так мало знаю о ней. Всего лишь, что был у нее роман, маленькая подружка, друг-охотник, и... Все. Это действительно все. Может, и остался у нее тот роман, решила не распространяться». Горький осадок пестрил в душе. Отчасти он понимал, из-за чего это, но признавать боялся. Пока дело не вскроется, никаких откровений. И вдруг послышался легкий смешок. Афелиса выпрямилась, разминая плечи, и краем глаза посмотрела на Элида. Аура его пылала решительностью.

— Не переживай, неприличного у меня еще ничего не было, — сказала она, и губы ее дрогнули в легкой улыбке. — Но мне будет интересно послушать, что же в твоём понимании это означает.

— Всякие плохие, грязные дела, недостойные человека.

Спустя минуту он опустил голову и странно улыбнулся. Чуждая мысль пришла в голову: «Может, и слишком интимные; то, что не должен слышать неблизкий человек. Но я же не то имел в виду...» — подумалось ему вдруг. Но он продолжал молчать.

— Тогда, да. И в твоём понимании ничего не было. И как я могу такое совершить? Лучше не говори таких слов.

— А вдруг сможешь? — он ходил, скрестив руки, по каюте, задумчивый и будто грустный. Выражение его лица было всегда более веселое, чем серьезное и нахмуренное. Остановился на месте, и внезапно вспомнив об одном важном деле, бросился к лестнице, напоследок восклицая. — Я скоро вернусь! Не теряйте!

И убежал. Афелиса лишь головой повела в его сторону, но вопросом задаваться не хотела. Не верилось, что через несколько часов и она ступит на родную, покинутую землю. А ведь сколько еще раз Гроунстен разрушится, и вновь возродится?.. Страшная мысль! Голова кружилась от нехватки сна, но маг понимала, что заснуть сейчас — пропустить жизнь перед глазами, а может и больше. «Отосплюсь тогда, когда прибудем. Найдем ночлег, я доберусь до города и... Ладно, пока рано об этом думать. Нужно для начала узнать про обстоятельства, прежде чем планы строить». Время текло таинственно и осторожно. Точно кидало им предсказания, но они упрямо отмахивались от них. Согревающее волнение затаилось в груди. Сердце стучало, а дыхание спирало. И тон голоса повысился нарочно, чтоб скрыть возраставшую тревогу. Впереди — дорога неожиданностей. Совершенно другое время и место. Анариэль прекрасно замечал волнение девушки: аура подрагивала, выпуская сильные импульсы энергии. Заразительные и пожирающие. Но поделаться он ничего не мог, хотя сильно желал вломиться в ее завесу тайны.

— Эх, Анариэль... Ты ведь тоже родом не из Гроунстена? — вздохнув, она вновь оперлась щекой об ладони.

— Я не родился там. Но мать моя и отец мой — беженцы, — ответил мужчина. — Но я бы и не назвал своей родиной Блоквел. Все же, воспоминания не самые хорошие. Если остров мне станет люб, то уверен, что станет он и моей родиной.

— Тоже верно. У меня столько дел, но все же главное из них — добраться до комнаты Ангарета. В последний раз, когда я заходила к нему, по соседству была одна милостивая девушка. Но я сомневаюсь, что дом этот до сих пор заселен. А еще, не уверена я, что вообще смогу распознать улицу, ведь все они похожи, так еще и развалены. Память меня не подведет... — замолчав на несколько секунд, она издала короткий смешок. — Спустя пять

лет. Забавная история, да?

— Не забавная. Я не могу рассудить о том, к какой стороне она относится. Но по твоим рассказам ясно, что потеряла ты много. Я искренне тебе сочувствую... — неловкая пауза сбила мысль. — Жаль, что тогда с тобой я... И вообще мы не были рядом. Хакан, и прежде всего я, помогли бы.

— Только не нужно сейчас... Не хочется опять вспоминать, — протянула Афелиса, и опрокинулась на спинку стула, потирая глаза. — Все прошло, ничего не вечно. Тем более у нас слишком уж нудные мысли. Погода подпортила, хоть бы дождь не появился — та еще проблема на голову...

— Даже если и начнется, доплыть успеем, — успокоительно сказал Анариэль. — А тебе отдохнуть следует. И лица нет. Без внимания не останешься. Так лучше, ведь кто знает, сколько еще времени у нас займет ночлег. Может, и вообще не уснет никто. Капитан Яромил с Бозольдом тут же обратно отправятся.

— А что делать? Время не растянешь, к сожалению. Им тоже ступить на землю хочется, но... И объяснять не стоит. Все же, наверное, ты прав. Передохнуть не помешает. Я думала, что первое время все останутся на корабле. Ну и ладно, — поднявшись, проговорила она. — Я спущусь в место отдыха. Точно не забудешь обо мне? — улыбнувшись, она направилась к маленькому коридору. — Уж знай, да смотри.

— Конечно! Всегда помню о тебе... — громко ответил он, поднимаясь следом. — Даже, может быть, и раньше разбужу. И не думай о том, что кто-то может не вспомнить о тебе. Забываешь свою должность.

— Как такое забыть... Удачи, Анариэль.

Афелиса спешила ужасно, хотелось ей быстрее заснуть и тут же проснуться. Очутиться на мечтательной земле, и наконец войти в ворота замка, где происходило заседание правительства. «Довольно! — прозвучала торжественная и решительная мысль. — Хватит всех этих напускных страхов, прочь видения! Все это — обман. Внушительный и приживающийся. Мне еще дорога своя жизнь и жизни других. Не умерли мы еще со своими надеждами, переменилось теперь все, не узнать. И этот шаг... он всего лишь один. Мне стоит только уснуть, и окажусь опять там, в Гроунстене — месте, с которого все началось». Конечно, одна темная сторона сгрызала светлую веру. Не уж что это значит ранее невиданные беды, схватки, бои, кровь? Ведь враг еще не свержен, и это единственное, над чем сейчас стоит задуматься.

Она улеглась в гамаке, положила ладонь под затылок. Покачивание уносило ее вдаль, ото всех проблем, из корабля вон; туда, где расселились маги давным-давно. Необитаемый остров. Что бы предприняли люди, узнав в те века, что вся их фантазия процветает на каком-то единственном островке? «Не поверили бы, — думала она, закрывая глаза. — С чего бы им в сказки верить?..» И помниться потом, что именно эта мысль засела и была последней перед наступлением темноты.

Дальше все в тумане: сон, звуки, свист — все растворилось и стало лишь мутным видением. Насупившись, девушка потянулась, переворачиваясь из бока на бок. Афелисе хотелось скорее выбраться из этого кокона и взойти на палубу, но лень и усталость вжали все ее тело в гамак. Часов не было — не ясно, сколько она проспала, но спустя несколько минут, окончательно очнувшись, чувствовала прилив сил — дары благого сна. Медленно садясь, потерла лоб, вспоминая о событиях ранее: «Никто не будил, значит, еще рано. Или я заснула настолько крепко, что Анариэль не смог разбудить... Тогда придет чуть позже». И

вот послышался треск, зачем торопливые шаги по лестнице. Она обернулась на проход, заправляя волосы за ухо, и стала выжидать.

Никто не выходил. Тогда Афелиса поднялась, и заглянула в коридор: никого. Значит, не к ней шли. Она ступила на лестницу, вода кончиками пальцев по стене. Шум стих, точно все уснуло. В капитанской каюте никого не оказалось, лишь мальчишка прошмыгнул в камбуз, и темный плащ его скрылся. В той стороне раздавался шорох, шепот, и вскоре толпа народу заполонила лестницу. Голова каждого были опущена, словно шли они на расстрел. Заметив Диамет, кто-то почтено поклонился, а кто-то быстро пробежал к столу, не желая пересекаться взглядами. Как только опустела лестница, Афелиса скорым шагом поднялась на палубу. Ясное небо ослепило ее, крик пролетающих чаек оглушил, настолько все казалось непривычно. Женщины сидели, прижимаясь к мачтам, и болтали, посматривая на мимо проходящих с презрением и укором. За фальшбортом все еще была вода, значит, и вправду рановато она проснулась. Волны несчастно били борта, и вот на горизонте мелькнул остров. Ветер проникал под рубашку, щекотя и взбудораживая. Большая темная линия среди двух небес... Приглянувшись, Афелиса вцепилась в борт двумя руками. Нет! Не показалось! Виднелся песчаный берег, крыши домов темнели, заостренные и поломанные. Все скрывалось в непроглядной дымке, ни один корабль не причалил. Не значит ли, что остров пустует? «Как же! Охотники ведь не могли совсем заселить его, хотя, и этой мысли сторониться нельзя. Былые года прошли, — вдохнул чистого, океанского воздуха, размышляла Афелиса. — Теперь все ново, все чуждо. Кто знает, может мы прибудем как варвары, враги». Из раздумий вывело ее странное ощущение присутствия. Резко обернувшись, она увидела Анариэля. Стоя совсем близко, он ступил шаг назад и по-доброму улыбнулся.

— Мы почти прибыли, Афелиса. Осталось лишь подобраться на другую сторону, — тихо сказал он. — Я уж собирался идти будить тебя, ведь обещал...

— Сколько времени прошло?

— Всего лишь два часа. Сейчас восемь утра.

— Хорошо это я поспала... — ответила она, облакачиваясь на борт. — И вот он, Гроунстен. Скучала я по этому островку, ведь он часть каждого мага.

Тяжело вздохнув, девушка пыталась разглядеть хоть один не поломанный дом. Город словно затаился в темном, недоброжелательном шаре. Заброшенное кладбище — вот, чего достойны эти разрушения!

Но не отвергнет ли он своих хозяев?

Часть вторая. 1. Мщение убивает

Музыка стихла. Наступила пора безудержной потехи и вольности. Возгласы, топот, пение — все смешалось в круговорот безумного пиршества. До того, что стекало через край дозволенного и нарушало волшебную идиллию бала. Пальцы Розалинды прикоснулись к ручке двери и дернули: все, что, казалось, было за непробиваемой пеленой, вдруг стало затягивать в свой омут. Она оставила щель и принялась наблюдать: народ ворвался в широкий коридор, толпился, взвизгивал и негодовал — перевозданные традиции светского общества. Мужчины, идущие позади женщин, морщились от объёмных, необъятных кудрей и спотыкались об подол длинных платьев. Дом сиял, смеялся, распускал слухи и песни, а вот лица гостей — глумливые и искривившиеся от ропота — выглядели черным, грязным пятном среди ярких стен. Розалинда после балкона была, как одурманенная. Она старалась представить себе, как теперь выбираться из блестящего потока и какой оборот примут дела. Одно ясно — тенью не проберешься. Взяв Филгена под руку, тихо сказала:

— Нужно быть осторожными. Посмотри на лица людей, — говорила Розалинда насколько тихо, что ему пришлось прислушиваться к невнятным словам. Коридорный шум заглушал своими мощными волнами ее голос. — Все пьяны. Надеюсь, мы не встретим особо опасных личностей.

— Это какие — особо опасные? — спросил Филген, уловив лишь последнюю фразу. — Сумасшедшие? Наркоманы? Тогда у меня не очень хорошая новость. Одно такого мы точно знаем, без сомнений. Но вины нашей нет — никто не виноват.

— Тише! Нельзя такое на людях говорить! — предупредила она, резко дернув его за руку. Побрели они вдоль стены, проскальзывая между высоких фигур и статуй. — Если кто услышит? Я не волнуюсь за себя. За тебя переживаю...

— За меня? — повторил он в удивлении и тут же остутился. — Почему это за меня?

— А что непонятного? — обернулась она к нему на мгновение с видом раздраженным и сосредоточенным. — Конечно за тебя, Филген. Твое будущее в этих кругах. Вся жизнь среди этих людей... — «Поэтому я и не хочу ничего портить. Да и разве имею право? Раз отказалась, то и влезать не смею,» — хотела было она сказать, но опасение третьего лица не позволяло.

Все эти соображения ходили в ее голове в то время, когда они спускались по парадной лестнице, и пока наконец не дошли до главных дверей. Так и кричали эти темные, огромные дверцы о свободе, бодрящем воздухе и тишине. Настойчивый стук девичьих каблучков отголосками раздавался в пустующем зале. Ладони потели, но разнимать их не хотелось. Филген думал остановиться, спросить весьма глупую вещь (эту бессмыслицу он осознал лишь по истечению времени), но сомнения грызли: «Розалинда даже и не узнает потом, если не рассказать. Но если узнает, станет еще хуже. Лучше бы Амери забылся и не вспоминал о нас. Хотя бы, чтоб был в состоянии, когда все прошедшее кажется несбывшимся, — прикусывая нижнюю губу, размышлял он. — Потом же я отхвачу». Но после удержался на мысли, что переживания излишни. В конце концов, должен ли его волновать мужчина, погрязший в алкогольной дыре. Смешно, но и грешно! Эти раздумья недостойны никакого момента. Тем более, это первый раз их уединения и полной свободы от мира всего... Разве не красота? Два стражника и взгляда не бросили на них. Стояли, точно вкопанные, да и говорить не смели. Вечное клеймо — вот, что их держало! Толкнув дверцу, Розалинда вышла

на широкую каменную тропу. Позади нее вскоре оказался и Филген.

Сад пестрил красками: тусклыми и яркими. Лепестки неслышно качались в воздухе, ветер уносил поблеклый поток, кружил и разбивал оземь. Маленькие борта цветочных рядов сломались, точно природа обозлилась и нанесла сущий бунт — ураган. Деревья вдоль кирпичного забора поникли. Одинокие, раздетые догола, они чуть ли не примкнули к мертвой почве. Крик, еще один — сварливее и горячее — и сучья сламывались, неслись в пыльной воронке. Тропинки вились между кустарниками. Отворенные ворота так и взывали поскорее уйти, а если ошибиться в сущем пустяке — все потеряно! Темные волосы развивались на ветру, прилипали к мокрым губам. Розалинда провела пальцами по щекам, отбрасывая пряди за плечи и молча ступила скорым шагом к выходу. Из окон не доносилось ни звука. Странное дело, ведь до окончания еще оставалось два часа. Пустой проспект точно умер. По дороге не промчалась ни одна карета. Подняв взгляд, Филген увидел двух мраморных ангелов, играющих на трубах. Пышные, маленькие крылышки их отталкивали недоброжелателей. Пройдя по тротуару, кучеров они так и не нашли. На улице стояла страшная грязь, кирпич, известка — все это потрясало и расстраивало нервы. Чувство глубочайшего омерзения вдруг мелькнуло в чертах Розалинды. На другом конце дороге несло вонюю распивочных, и пьяные, попадавшиеся поминутно, в час их особой боевитости, шатались, прислонялись к стенам, своими гнусными плевками и необъяснимыми возгласами довершали унылую картину Улэртона. «Эй ты, сапожник непутевый! — заорал во все горло низенький мужичок, указывая рукой куда-то вдаль, в темноту уличных тупиков. — Ты деньги мои возвращай! Заперся он... позор на твою голову! — вдохнув полную грудь, он разом выплеснул. — Всем расскажу, как людей честных смеешь обманывать!» Филген вдруг остановился и стал рыскать глазами: вон там, кажется, извозчик!

— Пойдем скорее отсюда, — бормотал он в смущении. — Доверия эти господа не внушают. Посмотри, так еще и двумя руками за нас схватятся. Вид у них несерьезный...

Он было взял ее ладонь в свою, но Розалинда отмахнулась. Потупившись, Филген посторонился, пораженный таким внезапным отказом. Девчонка свернула за угол, и обернувшись, кивком указала на карету у другой стороны дороги:

— Интересно, а она не личная?

— Все может быть, — ответил парнишка. — Их не различишь. Остается только надеяться на удачу.

— Ух, как не люблю я эту удачу, — проговорила Розалинда, съёжившись от холода. — Лучше знать наверняка. Наверное, никого нет, потому что кучера приезжают к окончанию балла. А я думала, что у тебя собственный...

— Если бы. Но я ведь говорил, что я ехал с Амери. Пойдем.

С замиранием сердца и нервной дрожью подошла она с ним к премилому дому, выходящему одной стеной на улицу, а другою на площадь. Мелкие квартиры — вот, из чего состоял этот дом, набитый беженцами, портными и сапожниками. Хозяева раздобрились и впускали всякое живье, имеющее жалкий, потрепанный вид. Со двора выходили и девицы — кухарки, необыкновенно ладящие с ними, и служилые дворники. Выходящие и заходящие прошмыгивали из-за ворот, насквозь отворенных. Подойдя к кучеру — статному мужчине в черной фуражке и грязно-зеленом плаще, они откланялись, но он так и не заметил. Взгляда из-под фуражки не видать. Пышные бакенбарды его не колыхались на ветру. Мгновение спустя зазвенел колокол во дворе: все жители отвлеклись от работы и прошли в маленькую дверцу. Одни дворники орудовали метлами, кряхтя и выговаривая между собой шутейки,

впрочем, преглупые и несмешные. Розалинда уже и позабыла эти колокола, звенящие во время обеда и ужина. И теперь этот особенный звон что-то напомнил... От воспоминаний пробрало все тело: вечерние прогулки с подругами, посиделки на скамьях и те ворчания кухарок. Все переменялось, но одно оставалось неизменным — тоненький, мелодичный звон, ласкающий слух. Амеан так и вздрогнула, слишком уж ослабели нервы, и хотелось скорее укрыться под огромным одеялом, в тепле и заботе. Тем временем парнишка уже обращался к кучеру, доброжелательно улыбаясь и сверкая обаятельным взглядом. Главнейшее его достоинство — разбрасываться по-детски невинной улыбкой. Хоть и неожиданно, но стреляет метко! Кучер оглядывал его с видимым недоверием, подбочинясь и понимающе кивая.

— Поймите, милостивый, — говорил Филген, — я и моя сестра совсем не знаем, что делать. Произошла непредвиденная ситуация, а монет у нас немного. Впервые поехали на светское мероприятие, а кончилось тем, что товарищ мой уехал без нас! Разве простительно, да разве это твердит о дружбе? Погода ненастная, скоро дождь польет. Сжальтесь, прошу. Недалеко ведь границу пересечь. И какая же это граница? Неохраняемая она. А значит, Вам не трудно, и денег не потребует никто. Так что?

— А что же, хозяева не могут предоставить? — отвечал мужчина, едва ли не оступившись на бордюре. — Или берут слишком много?

В фразе этой ощущалась усмешка, хотя с виду и не наделить ее чем-то плохим. Немного спустя приотворилась дверь на крошечную щелочку: показались любопытные глазки из темноты. Розалинда наблюдала, как, между тем, на площадь стал стекаться народ: значит, что скоро добраться до замка совсем не получится. Она молчала и не думала даже вмешиваться в разговор.

— Хозяев трудно найти. И редко, когда они высовываются в люди, к гостям своим. Неужели боитесь Вы до сих пор штрафа, когда его нет?

— Эх, ладно, садитесь, — кучер махнул рукой. — Бедная Вы знать. Довезу, но единственный раз. А то знаю я Вас, каждого — во время не остановишься, так на шею сядете.

— Спасибо большое Вам, — Филген склонился в поклоне.

Закурив папиросу, он отворил дверь и пригласительным жестом указал вовнутрь кареты. Взобравшись, Розалинда уселась у окна и тут же отвела взгляд на гигантские скопления человеческих ульев. Растрепанная, в помятом платье, девчонка сдерживала себя ото сна. Море оглушающих звуков — крики, детский плач, пение на площади — все это действовало весьма сомнительно. В голове все еще витал тот танец, мелодия — пугающая и ласковая, стук сердца и тепло Филгена укутывали воспоминания в хорошую, добрую обертку. Дверца захлопнулась. Парень сел рядом с ней, и дорога помчала их по кочкам и бесконечным развилкам. Карета медленно тронулась, звон хлыста оземь ударил по вискам.

— Ловко ты заговорил кучера, — сказала Розалинда, прерывая лошадиный рокот. — Хорошо, что удалось... Я и не думала, что ты способен. Вспоминая нашу первую встречу, и то, как трудно было тебя разболтать, невольно задумываешься: действительно ли это тот Филген, что сидит сейчас рядом со мной? — хихикнув, вновь взглянула в окно. — Что это, если не какая-нибудь особенная способность?

— Я часто выдумываю истории, чтобы добиться своего, — равнодушно процедил он. Все же, надеяться на звуконепроницаемость стен было бы решением чересчур опасным. — Давай потом это обсудим. Ты устала, отдохни пока.

— Как отдыхать? Видишь, какие дороги неровные, ямы везде. Карету трясет. Только боль в голову ударит. Я лучше в замке, спокойнее, — положив ладони на колени, тихо сказала девчонка. Головой Розалинда прислонилась к мягкой спинке, поворачиваясь к Филгену. Внезапно стали загораться фонари. Белые круги раскинулись по дороге, освещая задумчивое ее лицо. Лучи нежно прикасались к коже, щекотали носик, падали на искушенные губы. — А ты?

— Что я? — содрогнувшись от очередной ямы, спросил мальчишка.

— Ты что делать будешь? Поедешь домой? У царя найдется кучер. Я подозреваю, что гости сейчас к нему будут приходить мощным потоком. Особенные гости. И я подозреваю, что стражники не пустят. Но это несерьезно... Не верь этим моим шуткам. Я сама в них не верю. Так, для забавы говорю, а то слишком серо все вокруг. А может и нет... — губы ее искривились в подобии мимолетной улыбки.

— Найдется. А что ты думаешь о том, почему я так пожалел монет? У меня ведь еще есть, — он стал искать в карманах. Раздался звон монет. Он вынул их и принялся считать.

Розалинда молча наблюдала, не смея перебивать. Длинные, утонченные пальцы Филгена подрагивали. Бледную кожу разукрасили розовые пятна на костяшках. Синие нити вен вились, напрягаясь, и вновь пропадали из виду. Она глядела на эти движение, его нахмурившееся лицо с каким-то счастьем. Так приятно было смотреть, а тем более осознавать, что он рядом, вот здесь, в паре сантиметров от нее, пресерьезный весь, и внезапно ямочки появились на щеках его.

— Я не ошибся, — с облегчением сказал он. — Хватает. Иногда думаю, что непременно что-то потеряю.

— Понимаю. Это волнующе. А у твоего отца не возникнет подозрений?

— И что ему подозревать? Он считает меня взрослым человеком и доверяет мне мою же безопасность. Да и я думаю, что отец отделяется так от меня. Иногда тошно становится. Бывает, заговорит о своей смерти, а я-то знаю, к чему он ведет. Вот точно хочет услышать, что не проживу без него. Хоть он и родственен мне по крови, но души наши не близки. Смешно, но сомневаюсь и в родстве крови. И ребенком я у него не желанным был, а как вырос, так сразу полез за мои границы, — с подавленным возмущением выговаривал Филген. — Хочет меня на чувства вывести, а я и так уже настрадался. В конце концов, не нужно столько сентиментальностей, как Амери говорил.

— А ты уже перенимаешь его фразы? — заметила Розалинда, и тут же добавила. — Отвернешься, так вы уже друзьями заделаетесь. А урок хорош будет. Это даже уж не кошка с мышью...

— Нет, у него несвязные выражения. Ни с его натурой, ни с привычками. Говорит, что без сентиментальностей жить легче, а сам-то актером сделался. Я сомневаюсь, что мы станем друзьями. Это же какое терпение нужно иметь! Я иногда сам раздражаюсь. Так нервы треплет и раздрает... Впрочем, он человек интересный, а именно тем, что может навлечь интригу, — перебирая пальцами, парень еле-еле складывал мысли в полноценную речь. — Поэтому я его и выбрал. И мать у него хорошенькая, подруга госпожи Дарьи. Вот мы и встретились раз, там все и случилось.

— Где, где случилось? — с любопытством подтянулась она к нему. — Интересно узнать.

— Давно это было, и не вспомню, у кого в гостях были. То ли у родственника, то ли у приезжего товарища моего отца. В общем, свела судьба. Я к нему потянулся для известных

тебе целей. Презабавная вышла история.

Он пристально посмотрел на девчонку и принял серьезный вид. Потом целую поездку не проговорили они ни слова... Поздним вечером стала она задумчива, а нынче к ночи еще задумчивее. Рассеянно слушала восхитительные речи Филгена о природе, а когда опускалась минутка тишины, неожиданно хохотала, что было очень некстати, спуская все это на вспомнившуюся шутку. Среди прекрасного пейзажа проглядывали черные пятна-недуги: поваленные деревья, сухая трава, хмурившиеся тучи. Парень уж подумал, что резкая смена погоды, должно быть, нехорошо подействовала на ее моральное состояние. В продолжении поездки Розалинда несколько раз нарочно старалась вмешаться в его монолог, срывая с мысли, и уверяла, что все как прежде, то есть — неизвестно. Довольно сухо она отвечала и на замечания: кивала головой, прикусывала щеку и, по обыкновению, долго отмалчивалась, пока назревшая мысль не взбредет. Лошади несли их через границу, сливающую две страны. И вот, серые вершины показались сквозь чернеющие облака. Значит, и до замка недалеко: совсем скоро Амеан вылезет из стягивающего ее платья и вдохнет полной грудью. «Хорошо было бы, — замечталась Розалинда, смотря на густевшую серость. — Хороший ли это день? Наверное, да, но это лишь доля. И почему же все чуждое, необычное дня меня — нехорошее? Неужели я настолько привыкла к такой скучной обыденности, что не представляю без нее жизнь?»

— Повезет, если прибудем раньше, чем начнется дождь, — прервал ее мысли Филген. — А то деньги сдерет, и наплевать: есть ли они у нас или нет. Скажет, чтоб заняли. Но нужно ли мне у царя монеты требовать? Я не опустился пока до таких унижений. Но Грифан сам бы не воспринял это, как непозволительное, но все равно, совесть на мне.

— Сжалится, — пробормотала она. — Другого не остается. Сам согласился. А знаешь, сколько мы уже в пути?

— Минут сорок, — округлил он, и, чтоб удостоверится лишний раз, полез в карман и достал золотые часы на подвеске. — Да, точно. Немного, знаешь ли. По сравнению с тем, как часто мне приходится выезжать, то сущие пустяки. Но, кажется, долго это не продлится, — с насмешливой улыбкой проронил Филген. — Отец начал подозревать меня.

— В том, что ты так часто выезжаешь? Ну, знаешь, необычно. И это понятно, то есть, его подозрения.

— Хоть бы они не довели до зла. А то и вовсе запретит из дома выходить, письма проверять будет. А как же нам тогда общаться? На всякий случай можно менять имя, например, на мужское. И отправлять конверты Амери. Но больно уж сомневаюсь, что он ответственен за такие дела.

— Глупость какая-то, — тут же сказала Розалинда. — Наши письма слишком красноречивы. И странно будет, если двое мужчин будут отправлять такую писанину друг другу. Это более, чем неодобрительно.

— Это всего лишь моя фантазия, Розалинда, — ответил Филген. В глазах его блеснул обворожительный огонек. Было понятно, что это всего на всего шутки: преглупые и никогда они не сбудутся. Но она все же подверглась сомнениям. Впрочем, смена имен — тот еще гвоздь, и наступят они на него сами. «Странная у тебя фантазия! — хотела Розалинда сказать, но воздержалась. — Точно сказочная, но с плохим концом!» Дорога оставалась недлинная. Только завернуть пару раз и замок на ладони, а там уже, как судьба вынесет.

По приезду кучер получил монеты, и как-то сморщился недовольно. Видимо, весь путь думал, что не нужно морочить себя знатью, бедняков — вот, кого катать надо! Они робки, и

слова лишнего сказать не смеют, а если духа нет, то и соврать иль возразить — все равно, что попасть под суд. Розалинда выпрыгнула из кареты, и ноги будто подкосились. «Это все от сидячей поездки. Ничего, дойду до комнаты, а там уже и ложиться надо. Только, когда еще это сбудется...» Выполнена только добрая половина.

— Ну, нечего делать!.. В другой раз мы повеселимся! — сказала она, засмеявшись, и удалилась следом за Филгеном. — Мне и так сполна хватило вальса. Замечательное время.

Она была вознаграждена чудесным, глубоким взглядом: «Непременно,» — подумал Филген.

Между тем луна уже оделась тучами, и над замком поднялся туман. Едва ли сквозь него виднелся свет фонарей в окнах: с берегов надвигались жуткие ветры, холодные волны разбивались об мелкие камни. С трудом они взобрались на гору, и вот видят: четыре стражника разговаривают, постукивают копьями, и вдруг один из них отступил, пошел низом направо. Ступени высокие, да и крутизна огромная. Приподняв подол платья, Розалинда глядела сквозь спутанные волосы за мужчиной, спускавшимся к бурлящим водам. Вскоре фигура его, маленькая, в шлеме, выступила у самых вод, грозивших схватить и унести его, утаить в паутине водорослей. Но ступал он уверенно, с расчетом: с камня на камень, избегая ям. Долго наблюдать за его движениями не удалось, вскоре дошли они до ворот. Как помнит она: ясный, холодный день и легкие упреки стражников; а тот забавный старичок, тут ли он еще? Не помер, не охрип ли в конце концов? Вот она — единственная забава среди назревающего шторма! И пусть ветер не утащит этот писклявый голосок, режущий уши! Пыль и песок летели в лицо: с трудом девчонка разглядела Филгена, подававшего ей руку. Ухватившись, она молилась, чтоб яростная гроза не прогремела над ними, чтоб не пронзила сплетенные ладони, а иначе — пропасть. На счастье, этого не случилось. И вот, взобрались, наконец, на гору; их встретили сомнительные взгляды стражников. По временам порывы ветра доносили их разговор:

— Вон, опять — здорово! — громко сказал мужчина. — И сколько таких Батюшка изволит пускать? Что-то давненько у нас жаренного мяса не было.

— Кто Его Величество знает, — пожал плечами стражник чуть ниже ростом, хихикнув. — А на вид и не скажешь, верно, кучер не хотел взбираться. А гора то крутая, а лошади то... слабенькие! Ну да ладно их! — махнул он рукой, мотая круг. — Скоро зайдем!

— У меня ужин сегодня! Что я — не человек, что ли? А ты смеешься, болван. Слюной своей собачьей не подавись! Я тебя!..

Подняв копье, мужик насупился и возвел его к спине товарища. Верно ведь — товарищ! Так, верно, проглядишь, и грызть кость одну будут. Но от удара его отвлек голос:

— Уважаемые! — кричал Филген, ведя под руку Розалинду. — Царя позовите, да и скажите, что не прохожие, а госпожа гостья вернулась.

Голос его дрожал, резвился в круговороте и едва ли не улетучивался вовсе в другую сторону. Плюнув, стражник чинно подбоченился, расправил грудь и сквозь зубы выговорил:

— Кто такие? Что за гостья?

— Госпожа Розалинда Амеан, — сказал Филген, подгоняемый недалекой бурей. — Да побыстрее, Царь знает нас, и не оставит ни за что.

— А! — воскликнул звонкий голос позади. — Та самая, что ль? Ну, проходите, Розалинда. Верно, любовника ухватила, — сдавленный смех. Тонкие губы расплылись в улыбке. — Знаю тебя, гостья уважаемая! — вновь процедил он, точно не верил. — Пропустит вас Батюшка. Заходите. На милость, конечно. Этак не говорите, что они рожи

хмурые строят! У меня дочь больная, пощадите!

И поплелся он, сгорбленный и подавленный собственной мыслью о больной дочери, отворять ворота. Стражник встал у входа, и когда они проходили, тихо прошептал на ухо Филгену, дергая его за рукав: «Посмейте только, на вашей совести мое состояние!» и слегка ударил по плечу. За стеной вновь послышались оживленные разговоры: «Пойде-е-ем!» — протянул громкий, низкий голос. Не успели они пройти, как мужчины попрятались под навес во дворе, и все глядели на них скользким, подозрительным взглядом. Холодные капли текли по векам и щекам. Опустив голову, девчонка увидела маленькие, точно бусины, точки на тропинке: «Скорее нужно идти, — подумала, следуя за Филгеном, не теряя его из виду. Тот будто бежал, не оборачивался. Лишь отворив дверь, оглянулся и скорее поздравил ее.

Месяц светил в окна, и лучи его угасали по полу зала. Вдруг на последней яркой полосе промелькнула тень. Филген осторожно выглянул в окно: стражник пробежал мимо и скрылся за поворотом. В каждом углу догорала свеча. Ни звука. Тяжелое дыхание сбивало тишину, разливаясь по всему замку. Ни служанок, ни камердинера, вечно бегущего по лестницам, не было. Одно желание — поскорее запереться — звучало и оглушало. Розалинда ступила на лестницу: за ней послышались догоняющие шаги. Спрашивать ничего не хотелось, но мрак разбавить — то еще удовольствие! Шагая по коридору, он поравнялся с ней и сказал, подстрекаемый сильной нуждой:

— Что же ты, уже расстаешься со мной, да?

— Нет, не расстаюсь, — был ответ.

— Значит, может быть, сходишь вместе со мною к Царю? Кабинет в нескольких шагах, — взглядом он указал на дверь. — А я так и не поблагодарил. Все не удавалось, неудобно. Но неожиданно, да, получилось? Пригласил Амери, а провела вечер со мной. Мне до боли приятно...

— Да что ты? — отрывисто проговорила она. Доброта проскальзывала в этих словах. — Я ожидала такой исход. Так и думала, что у него будут люди поважнее; он, наверное, и пришел из-за них. И не понимаю, к чему меня подхватил.

Она остановилась и посмотрела на ппарня: в глазах играла затяжная ночная песня, переливаясь из шквала ненастья к тихой, усыпляющей колыбельной. Веки ее дрожали, брови неподвижны. Губы раскрылись в немом: «Спасибо». Милая, божественная девушка! Он и не мог представить, что один удар, и свежий цветок склонит голову!.. Но ведь, разве не оскорбление? Разве не наделение ее сильной, терпеливой натуры чем-то жалким, истлевшим? И не знать никому, что сможет погубить ее по-настоящему. Между тем, Филген стоял неподвижно, любопытно смотря на Амеан, словно на опыт какой-то: краски переливаются в черных девичьих глазах, смешиваются и, вскипая, гаснут.

— Неужели ты обижаешься из-за этого? Из-за поступка Амери, — пояснил он.

— Нет, я же говорю: ничего другого не ожидала. Да и не хотела я с ним уединяться, тем более танцевать. Сомнительный тип. Иди пока, я здесь постою, подожду. Недолго только.

Он кивнул и направился к двери кабинета. Розалинда шагала по коридору и все мечтала о прогулке по виноградным аллеям, по скалам в жаркую летнюю погоду. В эту минуту Филген стучал, но ответа так и не последовало. Вздернуть ручку ему помешал осипший голос:

— Царь сейчас отдыхает, уважаемый, — обратился старик в строгом костюме к нему, выходя из правого крыла. — У Вас какая-то просьба?

Несмотря на старость, он был осанистым и ступал размеренной походкой. Линзы

круглых очков закрывали сощуренные глаза; морщины вросли в высохшее лицо. Розалинда глядела на него и не могла узнать: каково его место? Раннее и фигуры такой не видела в замке. На камердинера не похож, на советника уж тем более — неужели гость? Но тогда, почему Царь не сопровождает его?

— Да, — сказал Филген, — просьба. Отдыхает, значит? Мне какая-нибудь повозка, чтобы добраться до Улэртона. Царь совсем не может принять?

— К сожалению. — отвечал старик, приосанившись. — Никому не дозволено тревожить его покой. А Вам я скажу, уважаемый, что кучер не поедет ни за какие деньги в такую погоду. Лучше уж переждите, иначе ненастье настигнет Вас, — тут его тон понизился. — А Вы, собственно, по какому делу заехали? Извольте узнать...

— Я приезжал к гостю. Грифан знает меня. Если и так, то обделите меня комнатой.

— Конечно, проходите за мной.

Обернувшись, он пошел вдоль коридора. Розалинда не поняла совершенно взгляда Филгена: выражение прощания или скорой встречи, а может, и вовсе ничего. Обычное снисхождение, чтоб обиды не было. «Не морочь себе голову, — твердила она. — Все разъяснится утром. Не мудрено, что Грифан в коим-то веке выбрался из кабинета. И вторгаться — вверх наглости». С этими мыслями девчонка покинула коридор.

Яростные удары дождя едва ли не разбивали стекла. Чудовищный ветер срывал краску, черепицу, разрывая ее в суматохе природного круговорота. Свечи не горели в домах, убогие не ошивались по дворам, выпрашивая милостыню, жалобно сложив руки. Все живое дрожало, как перед смертью, пред приговором. Улэртон растирал колени, жмурясь и вздрагивая от раската молнии. Снова и снова взвизгивали дети, прижатые к груди матери. Те, кого не уносило бесконечными потоками пыли, бежали, заглывая комы грязи. Огонь потух, дым так и не настиг. Люди, что смогли уйти раньше, прятались в каретах, слезами умоляя всему безумству прекратиться, исчезнуть прочь. Кровь страшно текла по жилам, зрачки дрожали — все, все богатство испарилось! Мощная волна энергии до сих пор щекотала, заставляя сглатывать слезы. «Что всему виной? — ревели женщины, утирая платками свои румяные, измазанные лица. — Кто сотворил? Злодеи! Истребили чистых людей высокой чести! Зря! Ни за что!» Вдоль заборов неслись люди — жертвы паники; кто-то хромал, точно подстреленный. Мусор витал в воздухе, цеплялся за кресты, и раздирался на мелкие частички. Что за наказание, недостойное жизни мирных? Легко вообразить, с каким нетерпением каждый выживший ожидал конца этой мучительной сцены! Сильно бились их сердца, стесненные непонятным предчувствием. Вон, в заросшем саду проглянули вздымающиеся юбки на ветру: девушки продирались между кустарниками, поминутно зацепляясь ногами за хворост, удерживали дыхание и крики, скользя по поникшей траве. Все неслись будто не в себе, не смотря по сторонам, и, конечно, понятия не имели, куда прятаться. Да впустят ли их в дом? Позабыта уже дорога.

— Мы погибли! — молвила женщина, подняв взгляд к чернеющему небу. — Никто не спасет, никто не сохранит. Господи, Господи!

Она упала на колени: слезы рекой полились из ее голубых глаз. Ожидание о небесном хоре, что унесет их на нежных, мягких крыльях, и несомненно приласкает, разлетелись, словно неполученные письма по небу. И что же это за мечты? Только в кровоточащее сердце ранят! Сквозь слезы заметила она мужчину в плаще, да как застучала по окну кареты, что, в испуге, и рыженькая голова его оборотилась. Искра геройства разгорелась в ней, доселе

тлевшая в душе, и сама ли она едва ли верила, что свершает такое дело. Дверца отворилась. В карету ввалилась волна бешеного ветра.

— Что стоишь, глупец? — кричала она, рвала глотку. — Полезай! Полезай!

Амери ухватился за ее руку; она тянула его, что есть мочи, и когда тот ввалился вовнутрь, встряхнула за плечи. Заплаканные глаза ее жалобно уставились на него, точно он — любимый человек, чуть ли не погибший. Сильный удар. Металлическое ведро врезалось в закрытую дверь. Каждая жилка в ее теле напряглась.

— Что творится-то! Когда такой кошмар вообще был? — восклицала она, крепко обняв его.

И так оставались они долго. Капли осыпались с неба, пробивая крышу. Ее руки были холодны, как лед, а голова горела. И тут начались перешептывания, до того впечатлительные, что Амери совсем затерялся в чувствах.

— Скажи мне, Амери, — наконец прошептала она, — позабыл ты обо мне, да? Оставил меня с ребенком, так подло. Низко! А теперь, где этот ребенок, а? — злость в глазах потушили слезы. — Ты и не знаешь, не знает отец! Весело тебе меня мучить? Я тебя ненавидеть должна. Ничего кроме страданий не принес!.. Не зря мать твердила, что ты грязный человек. А я, дуручка, не послушала...

Молчание. Они сидели на полу, растрепанные, дрожащие, слова сказать не могли. Она расхлебывала презрение, утираясь широким воротничком, изредка выглядывая в окно. Людей не было. Неужели всех унесла буря? Амери и головой не поник, непонимающе смотря на свою перегоревшую любовь. Кричать и отрицать не хотелось, да и имело ли это смысл? В груди не щемило: никакой тоски об утерянном времени, никакого смущения. Лишь легкость, поддерживаемая грызущей ложью.

— Отмахивался все. Не нужен тебе никто! С собой лишь дорожишь, любимым, — она выдернула свою руку из его, и щеки ее запылали. — Не совестно? Сколько прошло?.. Четыре года? А ты сына своего не видел! Лишь бы побаловаться и бросить... Да какая тебе семья, ты сам еще человек не созревший.

— Мы это обсуждали, — сказал Амери. — Или все уняться не можешь?

— Да что обсуждали? Ты уехал, и говорить не хотел. Эх ты... Бесполезно с тобой разговаривать. Каждый раз будешь стоять на своем, самом верном! Себя бы не обманывал.

— Спасибо за то, что не дала мне умереть, — взгляд его светлел. — И что же, опять используешь эту уловку против меня? Как обычно это бывает: сделаешь услугу, так и еще потом сдерешь с меня куда больше. И как тебе верить, такой невинной и чистой? Клеветаешь на меня, а сама поди, по мужикам ходишь! Ха, не сомневаюсь! Это не пустое место — мои убеждения, еще как полное. И ни монетки ты не получишь, но взаимностью на обман я тебе ответить не могу, — поднявшись, он сел на сидение. — Только и можешь в ногах путаться. Что-то вроде предназначения... Да, несомненно! — голос его налился азартным удовольствием. Каждая нотка колола ее душу, нарочно, несерьезно, пока иглы не напитались ядом. — До сих пор, неблагородная, таскаешься по домам, постилаешься под каждого, кто купюру покажет.

— Нет! — возразила она неволью. — Ничего такого! Какие мне дома, матери? У меня трое сыновей...

— И каждого из них нагуляла. Не надоела эта беготня, или тебе в удовольствие? Я знаю, что ты творила, пока меня не было. И подцепила ты меня из-за состояния. Денежки всем нужны, конечно! Тем более нищенке! Любовников я твоих знаю, и списала их труд на меня,

якобы, спал с тобой, — продолжал он. Внутренняя улыбка медленно перетекала в настоящую: «И вправду, дамочке милой под шляпкой есть, что скрывать! Точнее, под юбкой». — И говорить больше я не хочу об этом. Смешно, да? На улице смерть бродит, а ты мне опять врать вздумала. Фларна, прекращай эту глупую шутку.

Она побледнела, руки опустились. В лице, в позе, в сжатых, сухих губах виднелось сладостное унижение. Теперь не позволит совесть подняться ей и быть наравне! И сил не хватит, чтобы вытолкнуть парня из кареты; напротив, саму ее унесет легкий порыв злости. Весело. Да и Амери уже прошел период жизни, когда, сломя голову, искал счастья; когда сердце билось чувственнее и сильнее, трепетав от необходимости любить страстно и сильно. Теперь только и быть обожаемым — жалкая привычка! Пройдет время, и она утечет. Фларна больна, ужасна больна, и своим хриплым, немим голосом пытается кричать об этом. «Ну, а мне-то какое дело? — думал Амери. — Пусть болеет. Верно, она от своих заразилась и разносит».

Ночи не было конца. Свистел ветер сквозь щели, издали разносились всхлипы и крики. Казалось иногда, что все бешенство стихало, пока карета вновь не двинулась, качаясь, грозясь перевернуться. Разговор на этом закончился, и Амери был глубоко благодарен ее униженной натуре за молчание. Иногда, вспоминается, разносила такой скандал, что места нетронутого не оставалось — все шло под руку. Фларна порывисто качала головой, плакала, и глаза эти блистали мрачным пламенем. Неосторожное движение, и накинется, язва, за глотку схватится. Из маленького окошка под утро показался старик. Дочь, видимо, выпрыгнула за ним из порога и вцепилась в рубашку. В бешенстве острые зубки ее впечатались в жесткую руку. Скандал принимал обороты. Амери придвинулся к окну, наблюдая за скорой расправой, но их растащили. Девушка вскрикнула и повалилась на леденеющий бетон. И помнит же он это мертвое, холодное и сырое, как земля, лицо! Впрочем, много сумасшедших сцен протекали мимо. И из-за чего? Что такое нашло на улэртонцев? «Видать, трагедия повлияла. А ведь минутой позже, и я бы сам сгорел...» — эти мысли совсем покой отгоняли. — «Их уезд спас меня... А Филген то и не надеялся, наверное. А хотя, откуда ему знать? Он что, пророк какой-то? За это я Розалиндочке моей благодарным быть должен».

Утро не наступало. Серость летала между молчавшими домами, не давая просвету солнцу. Часы выдались страшные, и каждый чувствовал, что случается нечто серьезно, то, что способно несчастно воткнуть нож в горло, снять кожу, и разделить ее на маленькие, летающие обрывки. Здесь не замешаны обычные горожане, как и темное правительство, а напротив, чудовищно потустороннее. «Демоны на нас нападают!» — твердили беженцы. «И как же они правы! — подумывал Амери. — Кто же еще способен натворить такой дичайший смерч? Только маги, их воля настала!» Привычный смех вызывала попытка отомстить. Он и не верил, что чернокнижники в силах после чудовищного падения. И отчего же? Потому, наверное, что никто об этом в светских кругах не говорил. Недостойная тема — значит, молчать о ней. А он, хоть и хотел наблюдать издали, но все же рвался познать, внести свое имя! Наплевательский народ свое добро никогда не спасет. Известно, что все они упадут на колени, да и прицепятся друг к дружке.

— Это уж я точно знаю... — губы его немо трепетали.

— Да мир с вами, Батюшка! А какое будущее, какое прошедшее? Все скоро сырым, мертвым станет, и не доглядим. Я бы не стал, Царь, надеется на слепую веру. Все ясно:

чернокнижники вдруг посчитали, что имеют право заявить о себе. И я уверен, что такое ненастье настигло наших краев только косвенно. Все отыгралось на Улэртоне, — советник говорил спокойно, но все же нотки волнения слышались в голосе. — Это перешло уже все границы. Их поведение неприемлемо и наносит удар источнику.

— Черная магия? — не веря спросил камердинер. — А вы поглядели бы, что у них в писаниях написано. А написано то, что не позволено никакому представителю идти вперед своего стада. А стадо у них тихое, еле передвигается. Этак, значит, зря мы на них наговариваем. Тут есть более сильное и способное...

— Просчитались Вы, — сказал Царь. — В тех же писаниях они заявляют, что вольны и следовать ничему не должны. Отсюда и вытекает их глупость. И напрасно Вы говорите, что дело коснулось нас косвенно, — обвиняющий взгляд. — Напротив, правительство Улэртона теперь будут винить нас. И все понятно. Сколько они лет терпели нас и сколько раз порывались напасть? Прежде всего, достанется по шам нам.

Камердинер стоял, оперевшись левой рукой об спинку дивана. Советник, сидящий напротив Грифана, вцепился сильной хваткой в край рубашки, и все сдерживался, чтоб не выплеснуть все мысли свои. Царь это хорошо видел и нарочно не давал ему высказаться, нервируя его до крайности: «Нам нужно молчать! И тогда только не привлечем лишних бед. Если вступим хоть немного на чужие дела, то нас посчитают виновниками,» — эти слова бесконечно крутились в голове. — И кто мы такие, чтоб знать, что писали десятки лет назад и давно забыто? Снова он эту тему поднимает!» Жадный взгляд кинулся на камердинера. Снова он заладил про запрет, но слушать более его было невозможно. Советник ждал своей минуты, ибо его суждения верны и приведут к благополучию. Позиция эта не взята из воздуха, а основана на многолетнем их умиротворении. Лучше не подавать о себе и признаков жизни, а то врагом обзовут. Царь становился угрюмее: еще немного и папироса бы пеплом полетела на пол. Советник все сидел перед ним в сильном волнении, создавая неприятные импульсы тревоги. Но борьба совести и самолюбия была продолжительна и губительна. Не вытерпев, мужчина вскочил и с жаром выплеснул свою тираду:

— Все бессмысленно! Как Вы не поймете? Сейчас у нас никакой политики, мы мертвы, и стоит только хвост показать, как и совсем конец. Если дано жить в стенах, так и живите, милостивый! Не понимаю Вас совсем. Погубить, верно, хотите нас? И вот, даже сейчас Вы ведете себя, как предатель. Поджимаете к неверным решениям, и ждете, пока они нас придавят. Царь, да разве я зла Вам желаю? — он повернулся к Грифану. — Только добра и мира. И я до сих пор благодарен, что Вы меня избрали. Очень признателен. Но посмотрите на наше положение: боевой готовности никакой. Нас снесут, и мы не заметим, — глубоко вздохнув, выдавил более тихо. — Почему меня слушать не хотите? Терпеть такое не позволю. И на что я Вам тогда? Чтоб время скоротать? Извините, но я и так натерпелся быть бесполезным.

— Я услышал тебя, — коротко ответил царь. — И услышал его, — папироской указал он на раскрасневшегося камердинера. — Да, ты прав. Мы не имеем никаких сведений о том, что творится за границами. Я и так держался позиции не влезать в дела, меня не касающиеся. И не касающиеся наших земель... Что происходило ночью? — отвечал он холодным тоном, требовательно смотря на советника.

— То, о чем было сказано. В ночь прибыла гостья со своим господином. Это все, что, по крайней мере, касалось нас.

— Кто доложил?

— Прибывший к Вам гость. Он отвел господина Филгена в гостевую комнату. Как мне известно, на втором этаже в левом крыле. Прибыли на карете, кучер остановился у горы, — отчитался советник. — Им сказали, что Вы отдыхаете. И тревожить Вас никто не стал.

— Позовите его в час обеда.

Мало-помалу стало рассветать. Нервы успокоились. Всего лишь четыре часа легкого сна, и тысячи пробуждений. Розалинда посмотрелась в зеркало: мучительная бессонница оставила следы тусклой бледности. Глаза, окруженные тенью, блистали неумолимо, жаждая примкнуть к кровати. Гудящий ветер бил по крыше яростно; в страшном ознобе она выглядывала в окно — ужасная картина. «Хорошо, что мы успели, — думала, зевая. — Так бы ни за что не добрались. И извозчик бы нас вышвырнул». Холодно и скучно! Ветер до сих пор свистит и колеблет ставни. Прошедшая ночь ярко и резко отлилась в памяти, к несчастью. Хотелось забыть. Стереть и никогда не вспоминать. Она помнит, что по возвращению на носках ходила по комнатке и не спала ни минуты. Даже не пыталась. И взяла в руки роман, лежащий у нее на тумбе. Читала сначала с усилием, хотела бросить, но после увлеклась замыслом. «Только началось что-то интересное, но оказалось, что волшебства нет. Нуднейшая книга из всех нуднейших!».

После завтрака, на котором, впрочем, Филген не появился, девчонка пошла к нему. Из-за стола вышла она бодрой и полной сил, хоть танцуй! Вспоминая комнату, она бродила по коридору, смотря на совершенно неотличимые двери: и в какой он? «Но ведь гостевые комнаты и на первом этаже. Может, когда я уходила, его отвели туда?» Положив руку на ручку, она посмотрела вниз: свечи не зажжены, шторы открыты, вот только, света никакого. Все скучно, все грязно, все уныло. Боль разлилась в голове от такой обыденности. И вот, раздался скрип. Служанка выходила из комнаты, с пустыми руками: личико блестит, улыбается, точно заменили ее. Розалинда задумалась на минуту, и потом сказала, приняв грустный вид:

— Не знаете, где комната господина Филгена?

Служанка встретила ее взгляд: в нем бегала просьба, твердая, и чуть ли не приказная. Пальцем она указала на комнату, из которой только что вышла, и обвела ее трепетно-подозрительным взглядом:

— Прошу, милая госпожа... — ответила она с вынужденной улыбкой, и стремительно быстро ступила по лестнице. Видимо, не терпелось рассказать о визите гостей и позволить себе пообсуждать зарождающийся роман.

Розалинда кивнула, и, стоя у двери, легонько постучала. И тут в дверной щели показались ее любопытные глазки. Филген сидел, повернутый спиной, чуть сгорбившись, и, услышав стук, нервно обернулся. Он посмотрел на нее пристально, качнул головой и впал в задумчивость, улыбаясь: ясно было, что у него есть, что сказать, но начать — настоящая беда.

— Доброе утро, — проговорила Розалинда, затворяя за собой дверь. — А ты... только проснулся?

Он сидел, скинув ноги с кровати. Сонливость бродила на этом лице: на правой, покрасневшей щеке пропечатались линии. Волосы лезли на глаза, воздушные и не расчесанные. «Вот, кому удалось поспать!» — завидовала она. Но, правда, вид у него был не бодрый, напротив, изнеженный и вяловатый. Уголки губ дрогнули, и, сжав плечи, он тихо сказал:

— Здравствуй, Розалинда. Да, от стука, — схватившись пальцами за покрывало, он потянулся. — Как-то... необычно. Я сначала рассердился, но потом стало неудобно. А ты, садись, если хочешь, — он слегка похлопал по кровати. — Ты беспокоилась?

Волнение сорвалось с губ. Подойдя, Розалинда неуверенно остановилась, оглядываясь: все, как и в ее спальне. Одно отличие — книг не было. В зеркале на стене она увидела свое отражение, и отвернула голову к парню. С замиранием сердца он взял ее ладони в свои и слегка притянул. Его непринужденная улыбка стала светом, и теперь тоска спала с души. Розалинда села на край кровати, заправляя прядь волос за ухо:

— Еще как. Ты сам слышал, что случилось. Или видел... Страшное время. Неужели когда-то бывали такие дожди и ветры?

— Может, и бывали. И мы застали такой редкий случай, удивительно. А ведь твоя сонливость спасла нас. Так бы точно не выбрались из дома. И, кто знает, возможно, нас бы и выгнали хозяева. Кто знает их, этих Ларцерин. Предчувствие странное. Все эти погодные перепадки — хотение природы, но, живя здесь, не встречал таких сильных ветров. А этот был чудовищным. Странно...

— Что странного-то? — Розалинда разжала ладони. — Все случается. Это еще тихий ветерок, по сравнению с тем, что может быть еще... В будущем.

— А ты откуда знаешь? — Филген нежно улыбнулся, лежа руки на колени.

— А что знать? Это каждому должно быть известно.

— Да. Но, знаешь, мне совсем не известна ты, — лицо его вмиг преобразилось. — Ты что-то скрываешь от меня, да? Все так просто невозможно.

Долго она разглядывала парнишку, застывшая в неловком ожидании. Он узнал что-то запретное? Но как? Никому Розалинда не рассказывала о таких подробностях своей личности, значит — наблюдения. Невольное сожаление к себе сгрызало плоть. Как вдруг едва заметная улыбка вновь пробежала по тонким его губам, и произвела она на девчонку неприятное ощущение. В голове родилось подозрение, что Филген не так востер, как кажется: все гораздо глубже.

— Почему ты молчишь, Розалинда? — услышала Амеан его голос, будто подавляемый чем-то.

— И что же ты знаешь?..

2. Черно Книжники — не враги

Расставшись с Анариэлем, Афелиса живо поспешила к капитану, чтоб узнать о точной остановке. Северная сторона острова все еще скрывалась за синей дымкой: острые вершины проткнули плывущие облака, чернели кроны деревьев, озеро спокойно, как и тогда, пять лет назад. Корабль просекал прибрежные волны, руины были покорены. Не летали громкие птицы, не доносился и бешеный лай собак из маленьких домиков у опушки леса. Все замерло, будто пронеслось нетронутым сквозь эти мучительные лета. Хотелось вдохнуть чистый аромат душистой хвои, ощутить землю под ногами и бежать, не думая ни о чем, навстречу окрестным горам: тяжелые, холодные тучи лежали на их вершинах. Лишь изредка умирающий ветер шумел на судне. В это мгновение и взгляд Яромила просветлел в легкой идиллии настораживающей тишины. Странно, но какая многословность встретила в его, по обычаю, заунывной, отрывистой речи! Значит, и на него подействовало отчуждение ото всех цивилизованных краев. Гроунстен славно постарел: ни признака молодой, трепещущей жизни — известно, пугающее явление. Охотники, завидев надвигающееся судно, притаились, выжидая момента. Если и так, то умалчивать об этом никак не стоит: все насущные вопросы пролетели между ними, внедряясь в мозги.

— Не думаю, что им понадобилось вдруг проникнуть к горам, — говорила Афелиса, скрестив руки на груди. — Даже если и в них есть что-то. Да и, поверьте, столько лет прошло. Они, должно быть, подумывают о постройке новой столицы, а значит — страны. Да, знаю, что дело это не одного года, даже не десяти лет, но что-то притихли они, и это настораживает.

Стоя у штурвала, она смотрела на деревья, подчиняющиеся бесконечным ветряным потокам, пытаюсь разглядеть какое-то движение, пусть и животного даже. Нужно было знать, что хоть какие-то существа есть на острове. Гладкий, песчаный берег ласкали волны, завлекающие корабль поскорее причалить, но опасно! Оступиться в такое мгновение — потерять единственный шанс. Вскоре на шканцы подскочил и Бозольд, взволнованный и предвкушающий сочные плоды от первого отплытия. Видимо, знал наперед, что не обманется. Бесшумно подступив к Афелисе, он, выпустив из себя все сдерживаемое ранее одушевление, проговорил:

— Вот знал-то я, знал, госпожа, что не выйдет ничего плохого! Поглядите, все замечательно. Наконец-то достигли мы Гроунстена, ничего теперь не страшит. Не этому ли радоваться нужно? Вы так серьезны, и кажется, что лица на вас нет. Это понятно, понятно... Все же, дела государства не ждут, ха-ха! — неловким тоном выронил он, получив ее осуждающий взгляд. — Но мы можем подождать подходящего момента для этих дел...

— Вы так уверены, что теперь бояться нечего? Необычное у вас видение.

— Но зачем же со страху дрожать? Нужно остерегаться бед, действовать с умом, да так, чтоб удара не получить. Вы же понимаете, как бывает. Все на корабле — порождение народа. Не успеем и моргнуть, а уже все станет, как прежде.

— Перед тем, как думать, господин Бозольд, чтобы вернуть все, — сказала Афелиса, — нужно поразмыслить о том, чтобы не прийти к пройденному концу. Этого я и опасуюсь, и не могу сказать точно, что нас ждет, даже если все надежды возлагаются на меня. Я знаю, что восстановление займет не один десяток лет. Поэтому не собираюсь бежать раньше времени, чтобы не допустить того разгрома еще раз.

— Несомненно, Вы правы, госпожа Диамет, — засуетился он, бродя у штурвала. — Уважаю, уважаю... Все верно. Но не думайте, что я могу судить, что есть верно, а что — нет. Я черпаю бессознательные источники. Я представляю, как будут рады другие высшие лица, — в пешке переменял он тему. — Мало кто ожидал, что корабль не затонет. Еще и боялись, ведь Вы с господином Анариэлем взошли первые, представители! Я удивлен вашей смелостью.

— Этот корабль — наша общая работа. И каждому должно быть известно, что создатель должен испробовать работу на себе, чтобы грех на душе не держать. Будь это отравление или что похуже, — подойдя к Яромилу, она спросила. — Вы знаете уже, где остановимся? Течение уже не бурное и скоро нас занесет.

— Здесь место не видимое... — в сомнении пробурчал капитан. — Горы скрывают. За ними — город. А оттуда и черти текут... Там, — указательный палец направил он на светлеющие крыши, — деревня. Можете скрыться к лесу, но мала вероятность, что туда никто не проникнет.

— Яромил, останавливайтесь здесь. Немедленно. Иначе потом будет далеко идти.

Без лишних вопросов он чуть кивнул, сворачивая к берегу. На палубе уже прозвучало торжественное: «Спустить якорь!», подхватываемое громкими голосами. Юноши толкались, едва ли не вываливаясь за борт. Оно и понятно, всем хотелось избавиться от страха глубин океана, и встряхнувшись, провозгласить победный возглас. Лишь одни старики, кажется, не вполне осознавали происходящее: сидели у мачт, да хрустящие колени под себя поджимали. Только весь экстаз быстро стих. Веселье, сдерживаемое и подавляемое, опустилось на дно: Анариэль скомандовал утихомирить народ, а иначе все их благополучие завертится на вершине риска. Никто не несся по палубе, людей будто волной укрыло. У двери капитанской каюты показалась Илекс, сонная и бледная: сон все же трудно поддавался. Завидев ее развивающееся черное платьишко, Элид махнул рукой и явился перед ней, точно по зову:

— Надеюсь, остров тебя выведет из такого... убогого вида, — говорил он через отдышку. — Правда, никогда не выходишь! Ты чего, плакала что ли? Довольно тебе! Слезы из-за ничего лить. Посмотри, ты все веселье пропустила. А может, оно и к лучшему, — тут он задумался. И вправду, лучше не лететь с завязанными глазами в объятья веселья, какое застал он. — Ну, ничего. Еще наверстаем, да? Тебе повезло, Илекс. Не надо мешки тащить. А меня этот... господи-и-н Анариэ-эль заставил, — голос его искажился до писклявого, жалкого визга. — Вот же, натирают колени перед ним...

— Я не плакала. Не высypалась, вот и все, — ответила Илекс, шурясь от солнца. — Ты и так таскал груз. Не привыкать.

— Не привыкать, — напыщенно повторил он, подбочинясь. — Я вообще не понимаю, чем они думают. Нам негде остановиться, негде оставить груз... А если нападут, то обворуют. А что у нас? Ни-че-го! Хотя я слышал, что Афелиса говорила про разведку. Настаивала, чтобы пойти одной. А он, этот господин, хотел с ней... В общем, отвял, наконец, от нее.

— Куда пойдет Афелиса? — в глазах ее замелькал интерес.

— А мне-то откуда знать?.. Сам хочу найти и спросить. На минуту подумал, что у нее там связи какие не какие остались. Ты понимаешь, она ведь рассказывала. Я очень рад, Илекс. Рад тому, что эти уроды затеряют меня в толпе, — шепнул он ей на ухо, указывая на сборище парней. — Те еще мрази, но с ними иногда весело, — странная улыбка.

Отойдя, Илекс подумала: «И что же, долго будет себе противоречить? Раз люди плохие,

то как в их компании может быть весело?» Частенько она замечала за другом такие огрехи, порой столь глупые, что хотелось замахнуться и сотрясти его не думающую голову. А вдруг и мысли здравые появятся? Не раз девочка говорила об этом, но ответ один: «Не придумывай, все хорошо!». А после добавит: «Только дурак не ошибается. А я похож на него?»

— Иногда, — сказала она, взглянув на юношей пристально, сжимая широкий воротничок. — Почему же не всегда? Не стоит тебе водиться с ними. Что подумают остальные? Нет, это не дело.

— Я выпиваю вместе с ними, — признался Элид, ничуть не смущаясь. — Именно это и хорошо. Они более красноречивы, да как начнут о своей, — он замолчал, подбирая должное слово, — ... увлекательной жизни, что умрешь со смеху. Но что-то заладили они с этим. Ладно... Меня любопытство рвет. Хочу узнать, куда это наша госпожа направилась...

На лице его изобразилась азартная усмешка. А за лбом так и кипело: «Если повезет, так попрощусь с ней!». Лишние руки никогда не помешают. Приобняв Илекс за плечи на прощание, он побежал по лестнице к штурвалу. Над головой закричали чайки: она дрогнула, и сморщившись, вновь ушла в каюту. «Обнял так, точно надолго расстаемся. От него и не таких странностей можно ожидать». Иногда это забавляло, а иногда вводило в ступор. Вбежал на шканцы парнишка довольным, и пружинки его были настроены на неминуемый успех. Кудри блестели на солнце, щеки залились здоровым румянцем, и главное — улыбка до ушей. Чинно подойдя к Афелисе, он легонько потрепал ее за плечо, и закричал на ухо:

— И куда это мы собираемся?

Афелиса вздрогнула и сильной хваткой сжала его за запястье. Мгновенный страх быстро сменился злобой, в глазах так и горело жуткое возмущение.

— Опять начинаешь? — проговорила она, опуская его руки. — Говорила же прекратить. И, черт ли, кто меня послушал!

— Ну ладно, ладно, — улыбаясь, сказал Элид. — Это был последний раз. Клянусь свернутой шеей. Думаю, если продолжу, то только такая смерть мне и уготована. И ты так и не ответила на вопрос: куда мы собираемся?

— Свернутой шеи недостаточно. Клянись именем и честью. Вы никуда не собираетесь.

Пальцы оставили после себя красные очертания. Высвободив его запястья, Афелиса смотрела на мальчика, и четкое требование читалось в ее глазах. «Ох, зря, зря я это сделал! — ругал себя он. — Она ведь не позволит мне пойти с ней, и ничего не расскажет!» Загремело сомнение: не видать ему ее тайных встреч! А Элид уверен, что слух связан с этим. Едва приметная тень неудовольствия пробежала по его лицу, и необходимость подчинила себе обиженную гордость. Как быть?.. Этим ли стоило жертвовать?

— Клянусь, клянусь, — прошептал он униженно. — Но как же? Я слышал, как ты говорила Анариэлю про то, что тебе нужно сходить куда-то. Не смог расслышать, куда. Мне правда интересно. А может, и я под руку пригожусь. Тебе известно, какой я хороший путник! Проходила со мной до пещеры, и никаких бед не случилось! А помнишь, я тебя в лес утащил на поле схватки? Илекс не смогла бы! Я спас. Ты тогда утомилась, и точно бы там и осталась лежать, — тяжело вздохнув, он вскинул на нее серьезный взгляд, но надежды в нем не проскальзывало. — Ну так что?

— Все-то ты услышишь. От тебя ли скрывать? Мы решили совсем не спускать груз. Мне нужно уладить вопрос касательно этого... Сходить и проведать деревушку у гор.

Заглянув за ее спину, Элид прищурился и всмотрелся в синееющие вершины: подножье скрывали леса. Он хмыкнул и, расправив плечи, резко обернулся. Толпа поднялась на ноги и

стала бродить, заглядывая за борт: корабль причалил. Прежняя радость тут же унялась, пришло осознание необходимости унылой и опасной — выживать, как одна стая, быть за спинами друг другу. Однако, в борьбе за пищу не перегрызут ли они друг другу глотки?

— Деревня! — закричал он, будто пробудившись ото сна. — Да тебя же там зарежут. А вдруг сил не хватит? Нет, одному точно нельзя идти. И зачем ступать на территорию врага так... внезапно? Вот соберемся мы, и...

— Элид, — тон ее похолодел. — Я знаю об опасностях. Да, ты прав насчет связей. В те времена я везде успевала завести знакомства: чернокнижники не исключение. Да, звучит дико, но есть в каждой скалистой стае и хорошие люди, — тут же пояснила Афелиса, заметив его удивленное выражение. — Странно, что ты этого не знаешь.

— И кто этот... чернокнижник?

— Бывало, что она лечила меня. А медицины тогда никакой не было, впрочем, так и осталось. Но время так закружилось и стерло почти всю память. В той деревушке меня должны знать.

— Погоди, значит, они помогали тебе? Помогали своему врагу? Если это шутка, то очень несмешная.

— Я рада, что забавой это не оказалось. Мы бы вряд ли узнали о положении Гроунстена, не будь я с ней знакома. И в деревне меня примут, представляя себе, что я все еще подчиненная командирам, — сказала она, улыбаясь. — Охотники истребляли лишь магов, но не чернокнижников. Уж не знаю, почему так сложилось. Надеюсь, Рэнделл все прояснит.

В этом разговоре Элид многое не понимал, но послушно кивал головой: «Если буду слишком настойчивым, то и не получу ничего. Лучше все узнавать отрывками, тогда и картинка сложится». Навредить чужим нервам он боялся до жути. Особенно, когда человек важный, или дело масштабное. Смешанные чувства произвели на него и эти скользкие, поверхностные слова о Рэнделл: можно ли доверится чернокнижнице? Разрыв между ними огромный, что, несомненно, целый народ провалится в ту дыру. Одно выброшенное словечко — и конец! Желанием он перегорел, и все думал: «Да ну этих чернокнижников. Пусть Афелиса сама разгребает. Конечно же, я могу что-то сказать, и больше меня не остановить! А если промахнусь, задену неприкосновенное». Тогда и понимание зародилось — доверие ее к Анариэлю гораздо шире, чтоб уяснить щели недосказанного. И черт знает, отчего он вдруг вспомнил о их побеге, и Икрадена, родные лица предателей, и лес, ограждённый бетонными стенами... Все, все. И путь их в Кансдон представился воображению слишком сказочным, и стрельцы, то спасение — все не забыто! И после всех этих откровений Афелиса не смеет ничего доверить ему. Обидно, но на правду обижаться смешно. Элид спустился со шканцев, пошел в капитанскую каюту. Бессознательно, будто что-то тянуло его идти именно туда. Зависть гложет, кровь кинулась в голову.

К девяти часам солнце едва ли не расколосось. Спертый воздух витал в каютах, на нижней палубе, в камбузе — везде, где проходил громкий народ. Еды совсем не осталось, каждый надеялся найти хоть какую-нибудь ягоду за бортом, в пышных кустах, и насмешливым тоном приговаривали, давясь черными ломтиками: «Хоть бы дожить до того момента. Приплыли, а выйти не дадут!» Возмущение росло, пока не достигло низких потолков. На подручников ссыпалась брань, все несдержанное зло, скалящее голодную пасть. Да разве знали они, как поступить? Они сделались верными передатчиками, пропуская все эти нити сквозь свою плоть. После очередной жалобы Анариэль отбросился

лишь двумя словами и поплелся, измученный надоедливый шепотом, в место отдыха — к Афелисе. У нее горел огонь. Дверь была не совсем закрыта. Мужчина мог бросить любопытный взгляд во внутренность каюты: маг сидела на краю гамака, напротив маленького зеркальца, поставленного на бочку, завела ладони на затылок, приглаживая волосы. Кончики уже вытянулись, неровные и уродливые, лезли на вспотевшие щеки. Черная ленточка вилась между пальцами, собрала небольшой пучок, и сжала его — едва ли приметный бантик. Вдруг в пальцах появилась еще одна лента, вот только дверной скрип вывел девушку из полнейшего уединения.

— Заходи, — прошептала она, поднимаясь. — Я скоро пойду. Уже немного осталось.

— Верное решение собираться здесь, в закрытой каюте, — ответил Анариэль, затворяя дверь. — Но, кажется, они скоро и ее проломают, голодное племя. Уверен, что их дерзость достигнет и нашу каюту.

— Страх силен перед другими чувствами. Не осият. Я вот стала сомневаться... Деревня у них, должно быть, не одна. Хотя бы две или три. Помню лишь, что домик Рэнделл у самого подножья, хоть бы его камнями не придавило, — Диамет перебросила через левое плечо кожаную сумку. — Не смотря на весь говор, крутящийся вокруг них, народ этот отзывчивый. И следует указу своего капитана. Уж некоторые меня должны помнить.

— Что в ней? — метнул он взглядом на сумку.

— Пистолет. Нельзя всегда полагаться на свои силы — нужна и опора. Но, признаться, он до сих пор навеивает не лучшие воспоминания. Хорошо, что в тюрьме отняли тот. Он бы и не выдержал, все хрупкое было, а нынче... — она замолчала, подойдя к нему. — Может, я выпрошу еще. Рэнделл поверит мне, а муж у нее, вроде как, в эдаких делах замешан.

— Если тебя не узнают, Афелиса. Вдруг туда уже проникли слухи о твоей лжи?

Губы ее дрогнули, раскрылись в несказанном слове, и расплылись в легкой улыбке. Это сделалось слишком ярким, напротив всему ее виду: мутный, рыскающий взор, как у хищного зверя, щеки покраснели. Хоть бы льда... И весь румянец исчезнет. Афелиса, видимо, старалась унять его волнение, и все прекрасно понимала, но говорить об этом — рискнуть потерять многое. Нельзя идти раньше времени — поплатишься и бед наживешь. Поэтому она молча наблюдала за его выражением, движениями, желая заглянуть в мысли.

— Будто одна я там такая! — с усмешкой бросила она. — Таких предателей много. Хоть топи, и дна не останется! Конечно, дошли. Весть о позоре всегда летит вместе с чайками, иногда и доносится до других земель. Тем более, на хорошем счету я была, и такое падение не может не отпечататься вечным стыдом на моем имени. Хотя для меня это не важно, совсем. Делала я это ради нас.

— Я понимаю, что все действия обдуманно, и прости, пусть всегда так остается. Если ты так спокойна, то будь по-твоему. Здесь все по-твоему делается, неужели будем разрушать эту цепочку?

Отойдя в сторону, он дал девушке проход. Каюты опустели: все колдуны мялись на палубе, да выглядывали мечтательно на прибрежные волны. Уход Афелисы заметили мальчишки, и, тыкая пальцами, ударяли друг друга по плечу, приговаривая на ухо: «Скоро и мы пойдем за госпожой!» После об этом узнал и весь парусник, тяжело выдохнув. В каждое сердце закрался страх: за будущее, за жизнь госпожи, за их одинокий корабль... Сколько волн еще будут ему покорны? Перед выходом Диамет наведальась к Бозольду, чтоб спустить лестницу, да удержать ее. И сколько же особой заинтересованности в этом лице — только и перенимай!

— Осторожны уж будьте, госпожа, иначе не переживем этого. Без Вас ничего не осилим! Будьте и нам преданны. Жаль, что наблюдать мы не в силах. Полностью доверяю, и капитан Яромил надеется на Вас!

— И правда жаль, — сказала она, спускаясь по трапу. — Но будьте спокойны, я и не думаю о смерти. Мне уже есть, что рассказать Рэнделле.

— И что же расскажете? — шагнув на ступень, проговорил Бозольд. — Историк выдумали? Нетерпение с ума сведет не только меня, но, уверен, и всех остальных на палубе.

Мужчина, неподвижный, стоял перед Диамет, нервно хрустя пальцами, и глаза его, обеспокоенные, выражали переживание. Все было тихо: отойдя от корабля, Афелиса оглянулась и на борту заметила знакомую фигуру. Анариэль. Мелких черт не разглядеть, но на лице обрисовалось вдруг... спокойствие? Ему ли сейчас быть спокойным... Рядом с ним оживленно размахивал руками Элид, переговариваясь с кем-то за спиной. Люди собрались у фальшборта, изнуренные и равнодушные. Сквозь хвою летел ветерок, расплетая пряди у лба. Задерживаться нельзя, время — та еще драгоценность! За тихую, мирную минутку колдун отдал бы весь дар свой, убив сразу две беды и застав наяву желанную свободу. Тропинки давно заросли: густая трава поглощала ноги по щиколотку. Обнявшиеся листовенницы будто срастались, млея под тусклым солнцем, рассыпая шишки. Афелиса пробиралась между кустами, раздвигая ветви, и не отводила взгляда с едва приметной земли.

«Значит, давненько здесь никто не шаркал. А по поверьям, животные здесь невиданные... Оттого и не идут. Может, чернокнижники бродят у окраин и точно знают, что никто не зайдет в лес? Но будут ли они так осторожны?» В нос ударил первобытный, нетронутый запах... Благовоние хвои — замечательное явление! От колючих ветвей остались мелкие царапины на рубашке, под ноги катились шишки, трава верно оберегала кочки. Вскоре просвет между кронами вывел ее на полянку. Тут же лучи солнца внедрились глубоко в кожу, нагревая румяные щеки. Смахнув ладонью выбившуюся прядь и подбочинясь, маг облегченно выдохнула. «Овраг, значит, — в сощуренные глаза бросилась пропасть. — А там уже, кажется, и подножье. Хоть бы не крутым оказался...»

Небольшой гремячий ручей протекал, прыгал между острыми камнями, с журчанием уходил вдаль, в густые камыши, и безмолвно сливался с озером. Оно-то и виделось нетронутым, и все так же чистым, без живности. Отдышавшись, она быстрыми шагами спустилась в овраг: все пусто и тихо. Земля, покрытая мхом, возвышалась напротив с округленными отступами. Афелиса перебралась через маленький ручеек и принялась взбираться по камням: вид близкой деревушки возвышался с противоположной стороны. Дома были темны, чуть поодаль подножья острый купол воздвигнут к небу, рябиновые кусты выстроились вдоль площади. Ни одного человека на улице. «Это мне хорошую роль сыграет. Судить по одному человеку весь народ я не смею, но мало ли, какие дураки бывают. Да и примечательного во мне ничего нет, жаль, что поселение небольшое: слилась бы с толпой, никто и взгляда не повел».

Дальше нужно идти по полю, скудному и голому. С того времени поменялась лишь площадь: возвышения не было. Взгляд ее зацепило девичье личико, безмолвно выглядывающее из щели. Глаза ее вскоре скрыл плащ, и дверь с грохотом захлопнулась, спустя мгновение шторы вздернулись: из маленьких окошек высунулись детские носы. Позади них — надменная фигура. Все внимание впиталось в эту картину. Афелиса подправила сумку, напоминая себе о пистолете. Но одно правило все же вертелось в уме — необходимо внушить самой себе роль бедной тюремщицы. Заточение знатно умотало ее, и

вот одно спасение — подруга Рэнделл! Показалось, что промелькнул в окне слабый свет. Останавливаться было опасно, иначе заподозрят ее. Подходя к крайним домам, она вслушивалась в каждый шорох: раскаленное сердце сильно забилося, как обездоленная птица в клетке, увидевшая кровавую пищу. Страх подскочил, удивление подбило его и, вырвавшись наружу, отозвалось дрожью. Окна низкие, точно с каждым шагом проваливались в землю, крыши осыпались. Перебравшись через доски, впившиеся в землю, она прошла между двумя стенами, подойдя к ветхому домику, что отличался своей живостью. Внутри слышались невнятные голоса. Одно понятно — женский, а второй только иногда звучал. Но продлилось это не долго, девушка разрушила разговор, набирающий обороты. Дверь выходила на овраг, и дом был отвернут от всех. У самого подножья лежали лишь одни вырубки, камни, да смех молодежи слышался. Теперь ошибаться Афелиса могла исключительно в том, что Рэнделл непременно дома. Не хотелось, чтобы на порог выскочил взбешенный муж (какие обычно и водятся в кругах чернокнижников) и твердой рукой толкнул дверь, выламывая. Еще стук, ничего. Кто-то шагнул, подбодряемый женщиной, и дверь скрипнула, отворяясь, затем захлопнулась. И вдруг, совсем распахнулась, и все замолкло снова. Диамет отступила, вглядываясь в мальчишку: совсем ребенок, лет одиннадцати, в коричневых штанах и серой жилетке. Ничего необычного, если не присмотреться к лицу: впалые щеки, растрепанные русые волосы и глаза потупленные: ни страха, ни радости, ничего в них не горит.

— Кто пожаловал? — прохрипел он, кашляя.

— Здесь живет госпожа Рэнделл? — тихо спросила Афелиса, искоса заглядывая в дом.

Мальчишка смолчал, возвел голову к сидящей на скамье женщине, и та ответила:

— А Вам чего надо?

«Значит, живет. Это уже неплохо,» — спокойно выдохнула Афелиса. Неподвижно женщина сидела, на лице была печать подозрения, искривившиеся в неприязни губы растянулись медленно в улыбку, дышащую упреком. Фонарь рядом с ней и догорающее пламя озаряли лишь эту нижнюю часть лица.

— Я была знакома с ней, — стала она рассказывать точно выученные слова. — Еще пять лет назад, и я верю, что она до сих пор меня помнит. Она ведь целительница. Тогда я часто навещала ее, и дружба зародилась. Прошу, дайте мне увидеться с ней...

— Правда? — сомнительно спросила она. — И какого имя Ваше?

— Афелиса, — запнулась она. — Афелиса Диамет.

— Она сейчас у деда, должна скоро прийти, — женщина ответила холодно, перебрасывая с руки на руку маленькую тряпку. — Проходите, да рассказывайте. Отойти, Илрен! Чего у порога замер?

Мальчишка резко обернулся и снова опустил голову. Маленькими шажками он остановился у скамейки, ладони его оперлись о стену, и после ребёнка опустил. Маг прошла в дом, уставленный всякой рухлядью: к стенам прижаты плиты, большая лавка напротив, застеленная красной тканью, столик с письмами, да и дверь по левую сторону. Единственное окошко было прикрыто короткими шторами. Пыль обрисовывала разводы, не пропуская и тусклого света. В фонаре поблескивали синие огоньки, переливаясь в красное пламя. Женщина указала на пошатывающийся стул напротив, а сама уселась подле Илрена, чей вид был подавлен и тосклив.

— Это Вы кем приходите? — облокотилась она на колени. — Неужели, из тех деревень пришли, а? Да там, как поговаривают, ничего не отпускают. Во, невольные пташки!

Ну и пусть они там, проклятые, зла себе наживают. А мы — мы вольные. Даже вот, Илрен у нас ходит по двору, да? — толкнула она его в локоть. Тот поднял голову, и кротко кивнул. — И никто не придерется, все его знают. Но молодые люди... Какое будущее они ожидают? Хотят переплыть через океан и родину себе другую заделать. Мы отговариваем его от такого добра, — вмиг рука ее оказалось на колене Илрена. — Ты нужен там, где родился.

— Я пришла с города, — отозвалась Афелиса, отводя взгляд от ее рабочей, сильной руки. — А это Ваш сын?

— И рада, что не мой! Сестренки моей — Рэнделл. Но говор пускать сейчас не будем об этом. А что у Вас там, как положение? Все так же обстреливают? Немудрено... У меня брат погиб. Давно еще, года три так назад. Спутали с магом, у охотников ни на кого глаз не наострён... — с тяжелый вздохом выдала она эти слова. — И об этом забудем. Илрену тоже неприятно вспоминать о его смерти.

— Положения никакого нет. Только разруха. Я соболезнаю Вам. Но, как хотите. Так давно не была в Ваших краях, что позабыла многое. И, не сомневаюсь, что что-то да и переменялось.

«Мне нужно знать, как можно больше, — заключила Афелиса, выражаясь показным сочувствующим тоном. — Да, именно... скучаю. Необходимо сказать, что жизнь была связана с их поселением. На всякий случай, меня спасет знание истории. В конце концов, все на виду было». Знание о становлении черных заклинаний — вещь хорошая, пусть и не все маги признают это. К тому же, ведь чернокнижье всегда являлось ее частью, и скрыть эту долю нужно несомненно умело, иначе все в пропасть покатится. Анариэль старался выпытать у нее хоть словечко, и подозрения его оказались правдивы. Милада подверглась убийственной силе, что ставит четкий крест в кодексе магов. Вся энергия была нацелена и истрачена на нее, оттого в чувства приходит нелегко. Так в дом бы ее не пустили, даже если бы пуля впиалась в тело: чутье чернокнижников хорошо развито, и энергию своих они ощущают так же трепетно и ярко, как и лезвие ножа, проведенное по голой коже.

— И правы будете, — взмахнула она, хлопая себя по колену. — Что у нас такого случиться может? Вождя не слышно, не видно, точно помер давным-давно. Посвящения не проводятся, и так, понаслышке узнала, что соседи детей своих дома посвящают. Это хорошо, что охотники не идут на нас. Мы-то ничего не знаем, что за лесом творится. Есть одна деревенька у озера, им-то все видать, но не подпускают. А Вы на сколько оставаться будете?

— Я не задержусь надолго. Мне нужно проведать город, узнать, есть ли там кто-то вообще, — ответила Афелиса. — Вы и этого не знаете?

— И этого не знаем, — вздохнула она, жалея себя за беспомощность. — Конечно, вождь везде все пронюхать успеет. Да разве Вы сами верите, что никто не ступает за границы деревень? Еще как, обычно по приказу. Но к нему сложно подойди, упрямый козел, не утащишь за рога.

Дальше заговорили про быт, о соседских дочерях и их упрямстве. Афелиса кивала, показывая, как сильно впитывает в себя рассказы, но пропускала мимо размышлений и все думала о Рэнделле. «Сколько времени прошло? — задавалась вопросом она каждые пять минут, глазами рыская по стенам. — Часов нет. Она сказала, что Рэнделла скоро вернется, но что такое скоро в их понимании?» Иногда возникала молчаливая минутка, и вновь женщина пускалась в разговоры, строя то жалкие, то развеселые мины, толкала мальчишку, упрекала его в молчании, а он все послушно кивал. Точно язык проглотил — Афелиса уже верила и в это. Мрак в доме сгустился, нависая огромной тучей: фонарь угасал. Скука

придавливала к земле и едва ли не впечатывала. Хотелось ей, чтоб время завертелось и поскорее бы увидела на пороге Рэнделл. «А ведь успела она измениться, наверное. Сестра ее все утекает от расспросов. Уж сомневаюсь, в нужный ли я дом пришла». Иногда мечты и вправду сбываются, достаточно верить в них и не придумывать что-либо невозможное. Она явилась, точно по неумолкающему зову. Поначалу Афелиса не могла разглядеть в ней прежнюю Рэнделл — с пухленьким добрым личиком, маленькую, с родинкой у правого глаза. Теперь же явилась женщина такого же роста, с родинкой у глаза, только глаза ее больше не сверкали, и завидев гостью, ни одного чувства не выразалось на лице. Светлорусые косы, черная мантия, и длинные сапоги чуть ниже колена. Стоя у порога, она учтиво поклонилась, точно не узнала ее совсем.

— А вот и она, — воскликнула ее сестра. — Ну проходи, хоть какое-то разнообразие в жизни появилось, да? Я твоего сынка накормила, все, как и надо. Я и не ожидала, что есть у тебя подруга, приезжая. Да что ты смотришь так, не рада что ли, сестра?

— Какая? — Рэнделл запнулась, неловко улыбаясь. — Неожиданность... конечно рада. А ты разве не умерла, Афелиса?

Подойдя к Афелисе, она взяла ее холодные руки в свои, чуть горячие. Глаза ее пробежали по ней, считывая каждую частичку, и на лице проступил испуг. Между тем ее сын подошел к двери и толкнул ее, но защелка сорвалась, и дверь со скрипом распахнулась. Женщина резко заперла, и с упреком глянула на пристыдившегося мальчишку: «Проку от убогого никакого, — проговорила она сквозь зубы. — Все скоро верх дном стоять будет. Иди, сядь в углу». Тяжелая рука опустилась на сжавшееся плечо. Тонкие пальцы Илрена прошлись вдоль стены, и сам он опустился на табуретку у маленькой тумбы. Грудь Рэнделлы по временам приподнималась, и длинная коса упала на плечо ее. Афелиса стояла перед ней, как погибшая, с волнительным выражением в глазах, подаваясь вперед.

— Почему это умерла? Мне непозволительно, — небрежно бросила она, однако вопрос ее напряг. — И кто это какой говор растрепал?

— Брат мой погибший, — молвила она прерывающимся голосом. — Тебя тогда не виднелось в городе, а у него знакомый охотник. Рассказал все от нечего делать. Да и я так, случайненько узнала. Он часто приходил домой, сюда, да все лепетал... И я тебя узнала, — прошептала она, и тут же будто в приступе сжала ее ладони сильнее. — И имя твое на слуху было. Афелиса... А фамилии никто не знал. Но, а разве были другие? Может, и были, только ты единственная, которая чуть ли не командиршей заделалась...

— Он не сказал тебе ничего про тюрьму? Послушай, это слишком странно.

— Да, никто ничегошеньки... Ну и пусть по кругу адскому пойдет, ты-то здесь, жива, — Рэнделл вновь чуть вздернула губы. — Из тебя, чую, Хелми все-все вытрепала. Не устала с дороги? Откуда, а, откуда явилась? Я-то сама пошла раствор бедняге давать, вроде, отпустило. У тебя никаких болячек нет? Ты не молчи, душенька, все излечим.

Обхватив ее за пояс, женщина повела Афелису к лавочке, усаживая, да сама опустилась на колени. Взяла согретые руки и постаралась смягчить голос, насытить его трепещущей заботой, омывая легкой тоской:

— Давай, все-все расскажи. Чего тебе скрывать от меня?

— Охотники любят возбуждать тему, и тут же подавлять ее под командованием. Так, видимо, случилось и со мной, — вздрогнул от нежности прикосновений, она продолжила. — Я отсидела срок, и, честно, виновата перед тобой. Адреса твоего я написать не смела, все просматривается. Оттого и писем не было. И смешное же дело вышло с этим сроком... Я

сделалась особо опасной преступницей, и таким положено лет двенадцать за покладистость.

— И почему же только пять лет, Афелиса? — прервала она, вдруг смутившись. — Продолжай.

— Тюрьму угробили. Кухарок не оставалось, правительство отделяло сторожей, и все они пошли за границу. Бедствие произошло, а на убийства больше внимания не обращали. Всех выпустили раньше срока, а кому-то еще полжизни нужно было сидеть в камерах.

— И отчего же Вас туда отправили, уважаемая? — донесся голос Хелми. Она стояла рядом с сидящим Илреном, гордо подбочинясь.

— Из-за убийства, — ничуть не смущаясь ответила Афелиса. — Убила не того человека. Еще предала командира, оттого и такой срок должен был быть.

Рэнделл уняла чрезмерное любопытство сестры. Она слушала ее, боясь лишнего слова сказать, все спрашивала безумолку, пока снова не вернулись вопросы про положение деревни. Ничего необычного — то, о чем и твердила Хелми: никакой опасности, народ постепенно становился разорванным, вовсе не сплоченным. Значит, напасти от них ожидать тщетно. Оружия у них не было, и всего лишь один остаток величественного — легенда об Ислюфорде. Сказочка для сна, пусть и приукрашенная. У Рэнделл оказались часы на подвеске, уже как обеденный час миновал. Она поднялась с колен, и взгляд ее все не утихал от волнений, руки дрожали, не хотя выпускать гостью за дверь. Но пришлось. Афелиса объяснила уход срочной разведкой. Хелми посоветовала ступать к деревеньке у реки, но Рэнделл тут же грубо ее заткнула: «Нечего делать у недоброжелателей! Не ожидала от тебя таких слов уж точно». Из окна Хелми увидела девчушку и задернула шторы, что те чуть не сорвались.

— Ну все, пора, — сказала Афелиса, крепко обнимая Рэнделл. — Я обязательно наведаюсь к вам еще, буду в гости приходить. Уж не забываете обо мне.

— Как забыть! — удивленно пролепетала она. Пальцы ее скользнули по лопаткам, сжимая ткань. — Не подумай, что мы забыть сможет, только рады будем. Ты осторожнее, сами ничего не знаем про тех сволочей. Если нужно что-нибудь будет, приходи, не нужно запускать! Я в следующий раз могу и подружек своих позвать, а они такие пироги пекут, да и падки на истории.

Как бы не хотелось, но воля была ее слаба. Примкнув головой к плечам Афелиса, она тихо всхлипнула, боясь, что снова разлучаются на пять или десятков лет. Хелми хлопнула сестру по плечу, уводя от Диамет. Распрощались на печальной ноте. На улице было гнусно. Солнце больше не показывалось, никого вокруг не было — одни собачьи следы, плевки, и вдруг детский хохот у скамьи. От тоскливости пробирала дрожь. Из-за одной жалости к оставленной Рэнделл сердце сжималось. Афелиса сильно сомневалась в ее лжи, ведь такая чистая, верная душа не способна врать близкому человеку. Предательства она не ожидала совсем. «Что ж, все догадки подтвердились. Мы, оказывается, хорошо знаем дух чернокнижников. Крысиное спокойствие и бездействие. Интересно, как долго они еще продержатся и посчитают ли охотники их врагами? Хоть и так, но мирные жители не достойны политических интриг. В город сейчас идти опасно. Солнце сегодня решило позабавиться, как следует». По пути девушка обдумывала выбор развилки: одна вела к лесу, а так корабль недалеко, другая — к озеру, но подготовки никакой не было. Свернуть в кусты оказалось нерискованным и предусмотренным шагом. Несомненно, некоторые локти искусали, выжидая ее выскочившую фигуру, и накручивали на воображение каждый шелест и движение листьев. Обратная дорога всегда скоротечнее, и мысли больше не спутывались.

Идти в столицу одной — крайне глупо, нужна опора. Поднимаясь по оврагу, она наступала на камни, придавливая, чтобы убедиться, что выдержат. Лес также быстро промелькнул перед глазами и скрылся за спиной. Теперь перед ней стоит на берегу судно: живое и небольшое. Трап так и остался. Афелиса в спешке поднялась по лестнице, шагая по фальшборту. У двери, ведущей в капитанскую каюту, сидели две зрелые женщины, разговаривающие с тремя молодыми людьми — но не лишь кивали, послушно выполняя указ. Завидев Афелису, они дернули за рукав, заставляя возвестить об этой важной вести всю палубу. За считанные мгновения слова эти перелетели через каждого, и толпиться у шканцев никто не стал. Дело ясное — обо всем известят скоро, и повод для нарастающих волнений слишком ничтожен. Говорили: «Благо, что госпожа вернулась. Невредимая!» Надежды подкреплялись, и народ сплотился на славу. На шканцах девушка встретила Элида, свисающего с борта в полудреме. Ухо-то остро, и каждый шаг зацепит. Искося он видел ее, стоящую у лестницы, лениво зевнул и потянулся, точно кот. Не до конца поняв, что Афелиса вернулась, он переминался, глядел вдаль, и когда трезвая мысль дошла, во все глаза уставился на нее. Медленно подойдя, улыбнулся. Эта улыбка была обыденна, надоесть не способна. Под действием сонливости, парнишка лишь глядел на нее, как очарованный.

— Где остальные? — наконец, спросила Афелиса, отступая от лестницы: «Право, толкнет по случайности». — Почему один, где капитаны?

Элид пожал плечами, перекатываясь с носка на пятки. Повертел головой, да погладил легкую щетину. «Ну не знаю я, зачем смотреть так? — так и хотел он воскликнуть. — Я же не разведчик, в конце концов!» Но на ум пришли мысли, куда более манящие. Вспомнились ему те рассказы про чернокнижников, и внимание зацепилось за них.

— Ну что, не содрали, видно, с тебя кожу. Это хорошо, но почему тебя так легко впустили? И в жертву не принесли, не разрубили? Странно... — он ходил по шканцам с задумчивой гримасой. — Но я же говорю, что оно и к лучшему! А связи-то твои... неплохи, однако!

— Ты вправду не знаешь, куда они ушли? — Афелиса все не верила. — Нужно обсудить о походе в город. Прогулка не до вечера. Это важно, откладывать нельзя.

— Ты же возьмешь меня, а, Афелиса? — он подошел к ней, положив локоть на нее плечо, наклоняя. — Обещаю, что буду слушаться всех твоих указаний. И если ты пойдешь с Анариэлем, а я знаю, что это случится, я и его послушаюсь. Если хотите, буду разведчиком! У охотников же есть признаки отличительные?

— Вообще-то, есть. Но мне нужно обсудить это. Я не до конца понимаю, как это произойдет. Подожди немного, мне срочно нужно...

— Да вон же он! — подавшись вперед, удержал Афелису, и пальцем указал на Анариэля. — Эй, сюда! — крикнул он, и свистнул. — Не хочется пока идти. Да вот, увидел тебя и меня, сейчас и этот вопрос уладим.

Он прижал руку к груди, показывая на себя. Лукаво улыбнувшись, мальчик сел на край, свешивая ноги. Свист и выкрик Элида разлетелся по всей палубе, ударяясь о борта. Спустя минуту из толпы показался Анариэль, несущийся к лестнице: плащ его колыхал ветер, черные волосы развивались, но спутанными не были. Элид невнятно промямлил что-то и пустился в песни, настроенный на серьезный разговор.

— Однако, долго ты. Почти больше двух часов, — Анариэль говорил быстро, торопясь поскорее уяснить ситуацию. — Я был уверен, что с ничем ты не вернешься. И как, рассказали, увиделись?

— Да. Все узнала. По крайней мере то, что Рэнделл смогла рассказать, — отвечала Афелиса. — А именно про то, что они ничего не знают. Бредово, не правда ли? Я и не ожидала такого поворота, уж как закрутил. Хотя, это вполне обосновано и случиться должно. Эти, как невольники, не выходят из-за границ деревни, их принуждают. Неудивительно совсем. С вождем я говорить не рискнула, да и не посоветовали. Никто его не видел долго, стражники не подпускают. Можно подумать, что мы ничего не узнали, но по крайней мере, чернокнижники не готовы пока враждовать с нами.

— Ага, не готовы, — сказал Элид, поднявшись. — Это они тебе так говорят, потому что заподозрили. Все врут. И твоя подружка, возможно, тоже верна своему народу, и пока ты ничего не видишь, доложит, что какая-то Афелиса Диамет расспрашивала о подготовке.

— Не отрицаю, все рано или поздно раскроются предателями. Я задавала ей вопросы издали, спрашивая, прежде всего о ее жизни. А правительство всегда влияет на состояние народа. Я вынесла из этого, повторюсь, то, что черные маги не страшны пока.

— Но отступать от мысли, что они полностью беззащитны, нельзя. Сейчас бы еще полагаться от предателей! Так в город мы пойдем, Афелиса? — с надеждой проговорил он. — Я никогда не был в Гроунстене. Хоть он сейчас и разрушен, но, все же, не исчез ведь!

— Много людей нам не нужно, — заключив руки за спиной, Афелиса отошла к фальшборту. — Ты можешь положиться на своих людей? — она обернулась, спрашивая Анариэля. — За порядком необходимо следить. Черт знает, что могут натворить.

— Да, я знаю одного хорошего человека. Он помогал мне, заменял и ходил по нижним палубам, следил за сохранностью грузов. После того, как уясним, я возложу на него такую ответственность. Было бы славно, если бы Элид остался и присматривал за своей компашкой, — Анариэль улыбнулся, переводя свои слова в неловкую шутку. Хватило лишь одного его прожигающего, но забавного взгляда. — Они ребята неподатливые.

— Но, надеюсь, мозги они еще не пропили. Скажешь, чтобы нижние палубы были под особым присмотром, — в спешке сказала маг, желая поскорее двинуться.

— А как же одежда? Охотники могут узнать нас, накинуть мантии. Или это наоборот нас отличит? Как они одеваются, и как нужно себя вести?

— Не нужно переодеваться, Элид. Внешне мы вполне сойдем за них, но вам бы ружье какой-нибудь в ножнах. Правдоподобность только поможет нам, незамеченными мы вряд ли останемся. Охотники не носят ни мантий, ни плащей. Это сковывает движение. Анариэль, предупреди своих подручников и через минут десять встречаемся у трапа.

Афелиса двинулась к лестнице, но Элид остановил ее, придерживая за локоть.

— А у меня есть пистолет! Только он в капитанской каюте, я быстро сбегая за ним. И стрелять умею, — гордая улыбка. — Меня жрица научила. Так что не просто так вы меня берете, не из-за моей нужды. Ну, ладно, успею еще им всем похвастаться, пойду за пистолетом, а после к трапу, вас ждать.

Элид спустился и поплелся среди мачт, внезапно остановившись у одной. На палубе, положив руки на живот, и, скорчившись от боли, сидел Арсент, точно поломанный. Кашляя, он что-то проговорил, но руку протянул. Все же, такая «дерзость» была непозволительной. Выглядел он покалечено: притянув ноги к себе и сплетя пальцы на коленях, Арсент откинул голову назад, ударяясь об мачту. Резкая боль поплелась по макушке к вискам, свища и бурля, как в котелке. Элид опустил на колено и придал взгляду все сочувствие, все участие и внимание, нетерпящее разузнать что же случилось. Арсенту чрезвычайно хотелось рассказать, только язык не поворачивался.

— И что это с тобой случилось такое? Страшное... Ну, рассказывай. Может, мне позвать кого-то, а? — наконец спросил Элид, придвигаясь к нему. Он всегда был мнителен в такое трепещущее время. И мнительность эта происходила из чистого истока. Благородная гордость не позволяла тому, что становилось выше всего в его глазах, опуститься и предаваться на посмеяние. Несомненно, в нем горела готовность помочь бедолаге, захвалить его, сгоряча преувеличивать в нем все доброе, что ввалится наружу в слабости. Это развитие было едва ли не из лучших качеств, какое почитала в нем Илекс, хоть и прилагал он к убеждению большое упорство.

Арсент покачал головой, отвечать не силился. Видно, что нуждался в человеке именно сейчас, и стоило Элиду сделать шаг назад, как он бы изумился и чуть ли не заплакал.

— Ты не молчи, а вдруг кровью уже истекаешь? И не смешно! Откуда мне знать: что-то с тобой случилось или ты посмеяться надо мной захотел?

Упрек полностью вывел Арсента из молчания, и парень поспешно ответил:

— Не нужно никого звать, останься здесь. Или ты спешишь? Если так, то не смею задерживать, — он говорил тихо, понурив голову. — Просто получил свое. Проигрался, — признание это уже считалось за обыденностью, и не сопровождалось удивлениями. — Понадеялся на себя, на свою удачу, думал, что верну деньги. Нет... не повезло.

— Вот ты, конечно, дурак! Таких только жалеть и надо, я же говорил, что игры твои к хорошему концу не приведут. Завязывай, да подправляйся. Я тебя вот такой мыслью отвлеку: я пойду в город! Получилось напроситься. Как вернусь, все тебе расскажу, первому. Если ты только пообещаешь не ввязываться в эту обманку.

— Многого просишь, — устало ответил Арсент, поднимая взгляд на него. — Я и без обещания могу прекратить.

— Тогда я буду присматривать за тобой, раз сам не можешь. Все, мне пора, нужно еще пистолет достать, на всякий случай.

И, не попрощавшись, он снова пронесся мимо колдунов, сидящих на грузе, не уместившемся в трюм. Афелиса уже дожидалась у трапа, и завидев Анариэля, а позади него и Элида, идущего умеренной, спокойной походкой (что было непривычно), кивнула им и спустилась с лестницы.

Дорога предстояла куда извилистее и коварнее, чем путь к поселениям черных магов. Совсем беспокойная и кричащая об опасности.

3. Дорога в неизвестность

— И что же ты знаешь, Филген? — Розалинда уняла дрожь в голосе.

«Все это невозможно. Он бы не стал производить такое волнение, не способен, или я ошибалась в нем? — Розалинда старалась успокоиться, но мысли посещали прескверные. — Неужели что-то заподозрил? Быть не может. В моей комнате он был всего-лишь раз, не один. Я не проявляла свои силы. Так что же?..» Девушка сидела неподвижно, сдерживая его пожирающий взгляд. Качнувшись, Филген положил ногу на ногу, и, облокотившись об колено, прижал щеку к ладони. Будто смутившись, он посмотрел в окно, кусая губы. Конечно, приискивал ответ, чтоб не ударить ее удивлением. Пытки — процесс тянувшийся, сливающийся с бесконечностью, человек замирает в пространстве. Только режущая боль и жертва, остальное стирается. Филген вздумал потянуть минуту и все еще витать во сне? Она едва ли не сорвалась на крик, как вдруг губы его сжались и вздрогнули.

— Я давно об этом знал. Представляешь: с тех пор, как ты сбежала. Помнишь нашу прогулку? Но тогда я только предполагал и пытался избавиться от этого... Все же, — он печально взглянул на Амеан, — я думал, ты не та, которую я подозревал и искал в ней то, за что можно зацепиться. Уж прости идиота за то, что раньше не сказал. Мне тяжело от этого, очень. А ты так рвешься узнать и, наверное, потом будешь жалеть...

— Говори, — сухо сказала Розалинда. «И к чему мне врать? Возможно, буду жалеть о том, что не избежала вопроса. А может, и все хорошо сложится,» — думала она, но предчувствие вторило о неизбежности плохого. Скрывать столь важное не стоило, все пойдет на его совесть.

— Этот замок. Я знаю Грифана, пусть и не близко. Амери любил разговаривать о нем, когда напивался. Но главное то, что он маг. И все его приближенные тоже маги. Он дает разрешение на гостевые комнаты бедным колдунам, а мне оставили из-за приличия. Сегодня я уезжаю, мне не позволят здесь задерживаться. А ты живешь уже долго, и все рады тебе, даже Царица. Какая редкость... — без особого воодушевления прошептал парень. — Необычно. Очень. И после всех этих приемов ты не навлекла на себя подозрений. Тогда, как, извини, ты попала в замок? На такое долгое время.

— Я думала, что Царь благосклонен ко всем нуждающимся, я... — Розалинда замолчала, встречая странную его улыбку.

— Да, ты, Розалинда, именно ты. И сколько скрывать это ты еще хотела? Всю жизнь? Жаль, что я так обломал, прости, если все испортил. Но мне нужно было это узнать, и желательно не поздно. Скажи, ты и вправду маг? Или я запутал себя, да и тебя?.. Но, послушай, я не отвернусь от тебя. Нет, мне просто хочется правды, и интересно, не подвела ли моя наблюдательность.

Несмотря на снисходительность и сладкие обещания, в нем чувствовалась сильное упорство. Покраснеть, сгореть со стыда — было первым, что приходит после каждого разоблачения, неудачи, досады, когда ее, маленькую девочку, уличали в шалости или в побеге. И единственное желание — вернуться в недалекое прошлое и вершить над своим будущим. В этот раз она смолчала, да посмотрела на него так, словно хотела сжечь его взглядом. Благо, что общество Дарьи сотворила в ней каменную преграду, сдерживающую истерики и крики. Филген же, глядел на нее так же ласково, улыбаясь, но за руку не взял. Осторожность эта корнями пролегла увечному чувству вины. Не вредя ей, он прежде всего

думает о своем состоянии. Пошатнется или нет, но под таким напряжением сомнений не оставалось — рухнет.

— Знай, что ты оказался прав, — тихо проговорила Розалинда, горестно вздыхая. — И наблюдательность твоя... хороша, слишком хороша. И мне не стоит объяснять ничего...

— Того, что я и так прекрасно знаю, — продолжил Филген. — Да, не стоит. Я и не удивлен; рад, что призналась. Ты ведь уже завтракала?

Розалинда уставилась на него удивленным, выскивающим взглядом. Точно искала причины такого резкого поворота в другую сторону, а Филген выглядел тотчас еще милее и радостней обычного, будто ничего не случилось — обыкновенное явление. Сначала девушка думала, что в нем действительно много странностей. Все это было верно, но она мучилась недоумением: отчего он так легко принял признание? Почувствовала она сомнение, и закралась мысль, что совсем не понимает его игру. Хотя вопрос звучал серьезно и требовательно поначалу. Вскоре тон его переменялся на нежный, что хотелось все-все рассказать, и невозмутимый вид ей давался крайне тяжело... Вернее, и не давался вовсе. Щеки запылали, голос был сдавленным. Теперь хотелось все уяснить окончательно. Розалинда поднялась с кровати и, слабо кивнув, вышла в коридор по просьбе. Пальцы снова оледенели, касаясь холодного дерева. Затворив дверь, она отошла подальше, и прислонилась к стене напротив. Сердце стучало безумно, кровь ударяла в голову. Она смутилась, как виноватая.

Только в чем вина?

Время текло быстро, подгоняемое мысленным процессом: «Значит, теперь ему известна причина моего побега. Вот это хорошо, видно ведь, как он пытался интересоваться. Известно многое, когда-то это должно было случиться. Но почему так совестно мне? Ни в нем не виновата, он сам спросил, а я будто стыжусь за свою сущность... Он же не оскорбил, не обозвал, а с душевной теплотой. Эх, я... Надеюсь, что в один день смогу совладать с собой и повергнуть эту гниль. Я попросту насмотрелась, как люди относятся к нам, когда еще жила вместе с Дарьей. Буду стоять на этом, так или иначе, вскоре я передумаю». Филген всегда был добрым и понимающим человеком, лишь в обществе он подавлял в себе какие-либо качества. Стеснение не позволяло. Оставалась одна проблема: его отец. Все выясняется, и даже такая маленькая тайна может вдруг всплыть. Тогда и Дарья узнает, вернет ее, а там дальше и дьявол не знает, что с ней случится.

Филген вышел в своей вчерашней рубашке, заправленной в широкие брюки, и той пестрой накидки не было, предающей торжественность и изыск к лицу. Цепочки на шее, кольца — все серебро тускнело. Розалинда последовала за ним, чуть улыбнувшись и сказала:

— Ты же получишь выговор от отца. Если все будет так серьезно, то он узнает, где ты был. А там уже дело дойдет и до Царя, а после и до меня. Царь ответит, что ты посещаешь не его, а меня. И вся правда раскроется. Не задерживайся так больше.

— Пока о таком рано будет. Он заболел и, как я помню, должен был вечером отправиться к своему доктору. А тут уж надеяться: сделалось ему лучше или он потом поехал домой. Тогда бы и не узнал ничего.

— Но ты можешь оправдаться погодными изменениями, — сказала Розалинда, останавливаясь у царского кабинета. — И в это вполне можно верить. Так что ему нечего будет сказать. Хоть и навещать ты теперь меня не часто будешь.

— Я постараюсь. Амери не расскажет о нас моему отцу. Мне нужно взять карету, подожди меня тут...

И снова осталась она одна. Розалинда постепенно стала осознавать, что ее влечению к нему нет пределов. Этой ночью она вытерпела столько страха, что не могла ничего с собой поделать. Черт бы побрал девушку за непринятие этакой своей свойственности. Чувства ее были растяжимы, и резкие, яркие взрывы не часто встречались. Просыпалась в ней и жалость, высасывающая все силы и способность здраво мыслить: одни зловещие вспышки нетерпеливости, из этого возникало желание признаться, рассказать все обо всем Филгену, но вместе с тем и время поджимало. Он — человек не равнодушный, и никакая обида ее не гложила. Теперь между ними не пробежали меньше пяти слов, напротив, целые рассуждения. Взяв в соображение, что нужно ловить лишь нужное мгновение, Розалинда отступила от чувственных желаний. Новые впечатления быстро вытесняли старые, и воспоминания о прожитых годах потеряли свое болезненное давление. Будущее пугало ее страшно, отдавалось сильными импульсами. Потому и жила Амеан в грустном прошлом, успокаивая свою нетерпеливую к выходкам судьбы натуру, ведь то, что осталось потухать за спиной, — уже не страшно.

Филген плотно затворил дверь. В этот раз разговор растянулся: и отчего же такая обыденная просьба заняла четверть часа? Розалинда раздражительно моталась по коридору, но спускаться и не думала. С Царицей видеться не хотелось, да и завтрака хватило, выдавшегося сухим на ее эмоциях. Иногда, занять себя мыслями — скверная идея. Они пожирают, бьют по телу, жужжат и кричат, что душевного равновесия не остается. А за дверью слышался невнятный шорох, тихие голоса: была ясно, что они одни. Нетерпение стремительно выводило девушку из строя, кулак потянулся к двери. А наудачу и стучать не пришлось — Филген вышел, и как показалось ей, в легком волнении. Явная эмоция проявлялась на лице: рассеянность. Его била мелкая дрожь, и про разговор ни слова не прозвучало.

— Пойдем. Пойдем в сад, — сказал он спутнице. — Скоро уже поеду, не хочется терять время. Его слишком мало, да и проблема назрела внезапно. Похоже, что наш разговор не был столь... несбыточным. Точнее то, о чем мы говорили.

И повел он Розалинду по лестнице, быстро спустились на первый этаж и вышли через главную дверь. Выдался прекрасный, ясный день. Летящая пыль щекотала нервы: ей все хотелось узнать, разрешить свою думу и, наконец, понадеяться на лучший исход. Потому что выглядел он, как ядом проколотый. Свернули по тропинке к огороженному обрыву и остановились в веранде. Молчание, намеренно поддерживаемое парнем, настораживало и давало время подготовиться к чему-то пугающему, необычному и неожиданному. Сели они друг напротив друга: Филген положил руки на стол, стуча пальцами по дереву, а Розалинда все требовательно смотрела на него, хмуря брови и наворачивая себе гадкое убеждение.

— Вернувшись домой, мне придётся разьяснить отцу, куда это я все езжу. И в поддержке могу надеяться на Амери. Я написал ему письмо в кабинете Царя с просьбой, вот, — из кармана достал он согнутый лист. — В конверт не успел положить, сильно торопился. Я так волнуюсь, и, признаться тебе, Розалинда, отец распознает о лжи по моему состоянию.

— И что же ты такое написал ему? Я поняла, что просьба, но важны правильные слова. Амери может неверно воспринять, и только бед наделает, — ответила Розалинда. В душе колыхнулась ноющая жалость к нему, ведь известно, что предстояло юноше выносить на себе: отцовское давление и риск. Именно такая опасность приводила в ступор. Неужели им придется потерять друг друга. Пусть на какое-то время, и судить об этом рано, но страхи

более вероятны, чем мечтания.

Он дал ей письмо, и прошептал на выдохе: «Посмотри». Розалинда развернула бумагу, и удивилась, какая холодность и сдержанность почувствовалась в этих строках:

«Мой отец узнал о наших поездках в замок Тираф, к сожалению. Пишу тебе из кабинета и прошу о помощи. Ты хоть и не часто общался с ним, но знаешь наверняка, какой прозорливый этот человек. Он вытреплет из меня все, а я могу рассказать лишь о тебе. Прошу, если такое случится, отвечай, что мы, прежде всего, дружны, и ничего не скрываем друг от друга. Скажи, что я сопровождал тебя по гостям, и Царь Грифан принял нас радушно. Не заикайся о Розалинде.

P.S. Это послужит платой за тот долг, в кафе у пригорода. Остальное, прошу милость, выплачивай, как полагается.

«.

— Хорошо ты это, воспользовался его долгами, — задумалась она, медленно складывая письмо. — Амери увидит в этом свою выгоду, что уменьшает шансы отказа. Теперь вам придется строить из себя друзей. Это стоит того.

— Точно стоит. Он много мне задолжал, благо, никто не лезет в мои дела. Это не беда — мы и так в это играем. Совершенно не сложно, хоть и противно иногда. Но справедливости ради: Амери и вправду чёрств. Не могу простить ему тех грехов... Слишком тяжелую ношу взял на себя.

Филген опять замолчал. Приняв письмо с конвертом, он сложил его надвое и засунул в карман штанов. Розалинда затихла, глубоко дыша, да потупила взгляд. Вся эта сцена напоминала прощальную картину. Струны нервов щекотало ожидание: было видно, как тоска привязывала юношу к этому замку, а главное — к ней. Если все выдастся куда проще, и все, о чем они горестно вздыхали — выдумка. Пусть так и случится! Розалинда заверила себя, что Амери не так уж плох, чтоб не выполнить просьбы. Необычная, не долг, а прямое требование, скрытое за любезной просьбой. И все думалось ей: «Хоть бы погода не помешала. Это что же случится, что происшествие повторится? Одна только трагедия, а это хуже, чем отцовское наказание. Это невыносимо».

— Царь мне сказал, что получил письмо от господина. Как услышал и понял, что дело коснулось меня, то перепугался, и, кажется, дышать не мог. Нравится же Грифану рвать остатки сдержанности. И говорил холодным, неприступным тоном, точно сам был не доволен, и намеревался прогнать. Пришло оно ему утром, на рассвете. Это странно, потому что отец мой просыпается не раньше девяти. Особенно, когда болел. Значит, думаю, несомненно серьезное. Само письмо он мне не показал, лишь на словах объяснил. А жаль... По его подчерку обычно видно, когда серьезен или зол, — Филген робко посмотрел на нее, выжидая ответа.

— И что же, мне не писать тебе совсем? — Розалинда снизила тон. Все сейчас казалось таким хрупким, услышанным, а хотелось сбежать, укрыться от ненастья, хоть в нищенские бараки.

— Пока что лучше не писать. Амери предостерегал меня и говорил, что ты можешь писать письма от его имени. Но доверять это ему не хочется, все вычитает.

— Но если у тебя будет что-то важное, пиши! Хоть и на его адрес и имя!

— Если не забудет переслать, — Филген улыбнулся. — Такое уже случалось. Поэтому и не доверяю. И мы уже говорили о странности таких писем.

Разговоры заставили время несколько ускориться. Постепенно те слова об его отце

стали забываться и терять свое значение. Нужно наслаждаться моментом, пока он не истек, иначе жалость сдавит сердце — вот, что поняла Розалинда. Между тем шутки, легкий смех забавляли и хлопали по щекам, заставляя проснуться. Падали они в смятение каждый раз, как приобреталось в воздухе сильное напряжение. Вскоре на тропинке появился кучер: и жеста не потребовалось, чтоб в один миг Филген поднялся и пошел за ним. Розалинда не помедлила тоже. Перед ними, как и тогда, блистала карета. Только вот, розы совсем опали и увяли: нежные лепестки их сжались, сомкнулись, а шипы заострились. Темные провинившиеся бутоны склонились так жалко и бесстрашно, что ласкал их один порывистый ветер. В этот раз Царь так и не вышел. Кучер объяснился, что дела не требуют задержки, и Грифан поручил отправиться без его благословения. Но Филгена это ничуть не оскорбило. Он ясно понимал, что вчерашней ночью явился в замок без предупреждений, так еще и комнату попросил, утрудил хозяина: разве достойно это царской милости? Розалинда сопровождала его до самой кареты и получила на прощание сорвавшийся поцелуй. Он поцеловал ее ладони, но быстро отпрянул, по зову кучера: «Все готово!» Филген бы чуть задержался, но будто дух рассердился. И попрощавшись, парень закрыл дверь. Карета двинулась. Казалось, еще резвее неслись лошади по склону, еще большее впивались летящие из-под копыт камни в сердце...

Старание и усердие ударились и разбивались об пол. Всякому один, тщетный конец. Дни, в которые и случалось испытывать Розалинде особое желание поскорее узнать и двинуться вперед, делались самыми спутанными. Прошел всего лишь день с отъезда. Ночью ее опять съедали кошмары. Вздрагивала и просыпалась от каких-то ужасных сновидений. Мучила Амеан собственная цель: узнать, что стало причиной стольких смертей. О пожаре и резком ливне говорили и придворные, выходявшие из комнат. И кто знает, откуда им известно. Сидят, точно прибитые мотыльки, в своих искусных хоромах, да пытаются вынюхивать пищу для обсуждений. Никто не мог предугадать, и все едва ли понимали, что случилось. А правду знали только очевидцы — либо мертвецы, либо те, кого так поразили страх, что до смерти и слова не выплюнут. Скоро она связалась с Амери — этот человек полезный, может приукрасить немного, но суть была ясна. В письме он изъяснялся, уходя от главного вопроса, отвлекался на бытовые изменения, и тут же вычеркивал их. Одно из таких писем отозвалось в Розалинде хорошей зацепкой:

«Ну и не знаю, дорогая! А что насчет пожара, то это вообще — пугающая вещь. Я сам чуть ли не погиб, представляете? На досуге налаживал свой график, и тут, кстати, появилось одно местечко. Это за городом, и я уверен, что все там в руинах. Уж погода постаралась, наделала шуму. Но что-то мне подсказывает, что это не явления при Вам нужно отвлекаться. Да, жаль. Да, грустно, но главное — мы живы! Давайте выйдем куда-нибудь, немного поскорбим, ведь хозяин умер, как мне известно. Хороший мужик был, при деньгах, и дочери у него красавицы, у тетушки гостят. Хоть красота не умирает! И Вы никогда не умрете... Что там говорят о бессмертии души? Мне хочется в это верить. Если будет угодно, то давайте завтра после обеда, в часа четыре, я заеду за Вами и мы отправимся в пригород. Ну, что Вы, наверное, лицо кривите, да? Не переживайте!

Много интересного расскажу! Знаю я о трагедии и, кажется, о зачинщиках.

Так что не теряйте возможность, милая!

P.S. Я решил вынести это именно для себя, так как это не столь важно. Филген попросил передать, что все у него хорошо, и за свое, конечно, отхватил, но не сильно. А я-то

думал... Шутит. Ну ладно, он не меньший шут, чем я! Это точно. Только он сдерживается, а внутри...

P.P.S. Перечитал его письмо, и вправду написал, пожалел его батька. Но его лихорадит, так что старику уж точно не до него. Эх, неважно. Остальное пустяки!

До скорого!

«.

Вот он — ясный портрет ее улыбающегося лица: в глазах блестело потрясение, щеки бледны, уголки губ поднялись в предвкушающем чувстве. До чего довела скука! Нужно было отвлечься и оберегать себя от мыслей. Думать страшно было, но хорошо, что дело с Филгеном разъяснилось — ему ничего не угрожало. Но что с письмами? Амери не упомянул об этом, и она верила, что Филген не мог не написать о такой вещи. Забыл. Хотя бы смилостивился написать о том, что жить стало чуть тяжелее.

Завтрашний день начался со спокойного пробуждения. Ни тревоги, ни нудного чувства, повисшего на душе — точно сняло письмо, настоящее успокоительное. Но что будет с ней? Что сделает она там, рядом с Америкой, совсем одна? И что такое представляет он из себя наедине? Может быть, новый день будет мучителен для нее? Десятки вопросов вставали перед нею, еще неясные, и теснили ей сердце. Действительность поначалу окружила ее игривой дымкой, закружила, да так, что голова ударилась о преграду. Тогда все ее застало врасплох. Позабыла Амеан и об ответе, обо всем... Предвкушала девушка начало новой будущности. Как потерянная, она спрыгнула с кровати, и, обхватив перо дрожащими пальцами, макнула его острие в чернильницу и быстро начеркала:

«Доброе утро, Америка. Я не смогла ответить вчера, но, думаю, Вы получите письмо вовремя. Я поеду с Вами и буду ждать. Не задерживайтесь. Сейчас всего лишь полвосьмого утра, и пусть только царская милость не подведет...

Р. Амеан».

Взгляд торопливо сошел с часовой стрелки. Наделав кляксу, она убрала перо и прерывисто вздохнула, закончив последнее предложение. Девушку волновало только то, что письмо он получит в неподходящее время. «Хотя зная его настойчивость и целеустремленность, — думала она, шагая к ванной, — Америка прискачет и без согласия. Просто будет держать мысль, что отказать ему невозможно».

Дверной замок щелкнул. Розалинда заперлась в ванной, и, повернув заржавевший кран, обрызгала свое лицо холодной водой. Щеки обдались прохладой, дышать стало легче. С ресниц капала вода, звонко разбиваясь об медь. Русая челка тоже намочила, сползая к глазам. С такими процедурами Розалинда справлялась быстро, ведь горячей воды уже не поступало. Придя в комнату, над одеянием она не заморачивалась. Выбрала черненькое платье с белоснежным бантиком на талии и атласными рукавами, сжимающими запястья, со сверкающей пуговкой. На ноги натянула темные чулки, и при наряде спустилась к завтраку.

Девушка задержалась в кабинете, и встретил он ее в приподнятом настроении: улыбался, и брови его то хмурились, то вскидывались при неловком замечании. И просьбе ее мужчина был не удивлен, не интересовался, как раньше, кому адресовано и зачем. Это-то ей и нравилось, и проживание в царской семье становилось более доверительным. Замок в этот день был очень оживленным: служанки спускались, то поднимались по лестницам, встречали по углам, шуршались между собой, да все намывали до белизны столы. Их начальница, главная служанка, и прежде не давала спуска, но теперь ее отношение ожесточилось. Гоняла бедных девушек, глаз с них не сводила и угрожала, шлепая по

огрубевшим рукам. Розалинда раз видела расправу одной служанки, и заключила, что человеком та приходилась бойким, раздраженным и встревоженным по мелочам. Так и погибали резвые умницы, столь нередкие в теперешнем времени, и выходили замуж, как верно полагается, за ничтожного «вредителя», как их тогда называли. Быть может, и смерть Мэри не была насколько очевидной. Следствие вело к истокам чужих веяний, совершенно отрицая ее желание пойти против общественных условий, против деспотизма, заявить о своей самостоятельности. Встреча с Царицей многое ей объяснила: наведывались господа из Блоквела — некто из магического сборища. Она говорила, что они знают причину, и, возможно, смогут предотвратить повторение таких погодных переворотов. И тут же закралось странное подозрение: «Если знают о причине, то и знакомы с зачинщиками. Они могут быть опасны, и наверняка сыграют злую шутку, подкупив Грифана на доверенности, — Розалинда уже сидела на своей кровати, придя после завтрака. — Хорошо, что Амери пригласил меня за полчаса до условного времени их приезда. А с другой стороны... Нет, ничего извлечь я не смогу. Они не подпустят меня к беседе, это очевидно. Значит, всяко лучше решение ехать с Амери». Девушка хотела повидать ту разруху, из-за которой так яростно и вскипел народ. Сквозь дождь и бешеный ветер ничего не было видно, а поинтересоваться хочется: узнать, что потерпели люди у берега, может, и найти останки их. На фоне разгоревшихся интриг и манипуляций, правительство Улэртона в упор не видели нужды обращаться к жалобам несчастных людей. Вместе с письмами жителям присылались и общественные газеты, имевшие яркие, броские заголовки: «ПОЧЕМУ ВОЙНА НА ТЕРРИТОРИИ УЛЭРТОНА ОСТАЕТСЯ ТАЙНОЙ ДЛЯ ГРАЖДАН?», «ЕСЛИ ЖИТЬ ЛИШЬ С ДУМОЙ О БУДУЩЕМ!» Царица отдала ей несколько вырванных страниц с явной просьбой ознакомиться и вынести свой вердикт.

Но зачем? Что изменит ее мнение? Или это всего лишь интерес?

В обед Розалинда все же пересилила лень и, мельком просмотрев статью, не придавала ей значения. Кажется, еще немного и мозг взорвется от тех вопросов для размышлений, впрочем, пустых и ненужных. Вещали слухи о смене власти, начале междоусобной войны, и соседних государствах. Затронули и Царя Грифана, как важную политическую шишку, держащую свой народ в нетерпении и неволе. Об этом Розалинда судить не могла, хоть и много предположений назрело. Что-то явно случилось. Провокация? Попытка подавить восстание магов? Все смешалось в сумбурную кучу, и невозможно разобрать, что есть древом и настолько глубоки его корни. Говорить о таких завышенных вещах она не смела, да и говорить-то не о чем. Мозг давно настроился на представление их встречи: может, Амери действительно есть, что сказать и показать. Не зря ведь зовет на окраину. Ожидание это было слишком велико. Но, так или иначе, время шло, и оставалось всего ничего до разгадки.

Последние часы выдалась сущей пыткой. Без дела и цели Амеан бродила по саду, срывала увядшие бутоны, сжимала и рвала их, превращая в мелкие крошки, пускавшиеся по прибрежному ветру. Оборачивалась на лес, искала дорожку, но кроны деревьев не подпускали взгляда. Писем, к ее сожалению, больше не приходило. Бродя по тропинке, не выложенной камнем, она наткнулась на интересную вещь — что-то блистало в кустах, замирало, и вновь загоралось. Сухие ветви уже обломались, листьев почти не осталось. Взглянув в окно и убедившись, что шторы задернуты, девушка чуть раздвинула острые ветви и увидела металлическую ручку, висевшую на двери: «Дверь к подвалу. Странно, что она на улице. Лучше не соваться туда. Мало ли мне бед Если кто-нибудь увидит и уличит меня в чрезмерном любопытстве?» Пререканий ей не нужно, и подозрений бы не хвататься.

Недостойной комедии не место в таких ситуациях, и видно, что дверь заржавела. Значит, ненужная и ничего за собой не содержит. Она допустила и мысль, что дверь так спрятали, чтоб перенести спуск в подвал внутри замка. Потому что, разве не нужно хранилище на такую территорию?

С тяжелым чувством дожидалась девушка Амери. Без сомнения, она очень заботилась в сердце своем о себе, о том, чтоб как-нибудь кончились разногласия Филгена с отцом. Тем не менее, главная забота ее была именно о нем: Амеан трепетала от юноши, боялась за безопасность, оскорблений ему, недомолвок с высоты Генри. Так все это представлялось Розалинде. От раздумий отвлек ее топот и скрежет по известке. По склону мчалась двойка лошадей, неся за собой молчавшего кучера и черную блестящую карету. Розалинда вздрогнула, шум слишком резко зазвучал в ушах. Пыль и мелкие камни соскальзывали с копыт и колес, сплетались в хмурое облако. И вот, спустя мгновение, он прибыл. Лошади остановились у протянувшейся по самому краю длинной клумбе, фыркая и махая хвостами. Замок двери щелкнул, и из нее вышел Амери. Тот был спокоен, как всегда, но этот покой проявлялся в непоколебимой улыбке, в коей проскальзывало лукавство. Не затворяя дверь, мужчина направился к ней и поклонился, прикладывая руку к груди.

— Встречались мы позавчера, а кажется, что целый год друг друга не видели! — начал он с энтузиазмом. — А знаете, Вы выглядите здоровой. Выспались, верно? Нет! Такое слово не подходит. Выглядите... Выспавшейся. Что на редкость. Так торопился к Вам, боялся на минуту позже прискакать, что поздороваться забыл. Здравствуйте. Здравствуйте, милая.

— Здравствуйте... — между слов проговорила Розалинда.

— Задерживаться не будем, а к чему? Если установили время, так значит следовать нужно. Но выходит, как надо, у меня редко. Извиняйте, за такое качество. Но для Вас я постараюсь! Что ж, пройдемте.

Розалинда взяла поданную руку и, смутившись раннее, что не могла сказать, спросила:

— Куда мы поедем? Вы писали, что на окраину, но зачем? Вы хотели что-то сказать, но могли погостить и выдать все, что хотели. Что за странные загадки, Амери? Лучше мне знать сейчас, так будет спокойнее.

— Что же Вы, не доверяете мне еще? — от этих слов он едва ли не усмехнулся. — Я все понимаю, и опасение Ваше. Очень хотел сделать встречу, вроде свидания, а не «погостить», как Вы сказали. Всему должно быть время, так дайте и мне его, вместе с шансом. Грифан не в настроении, чтоб принимать меня. По-плутовски что-то вытворяет. А я списывался с ним... Да не, это словцо слишком мягкое.

— Значит, знаете, что за гости придут? — громче спросила она, усаживаясь в карету. — Все на взводе, особенно служанки. Царица ограничилась тем, что они лица важные. Но разве это что-то дало мне? Может, Вы знаете?

— Ага, знаю, конечно, — с долей сарказма сказал мужчина, садясь подле нее, и захлопнув дверь. — Мне же все сообщают, сам Царь докладывает... Ну, чего Вы? Правда забавно! Чего личико обидчивым сделали? Я не вру и не смею. Если бы я что-то сказал, то выдумал бы. Мне Ваше письмо только час назад пришло, представляете? А Вы ведь извинялись, что раньше не написали. Вот, почта! Вы не стесняйтесь, будьте уверены, что я не кусаюсь.

Карета двинулась. Розалинда обеими руками держалась за сидение, когда спускались они по склону. Камни стучали под колесами, что дрожали и чуть ли не впадали в ямы. Лошади неслись, словно укушенные ядовитым насекомым или чертом. Кучер не щадя

размахивал хлестом, ударяя им по ржавшим их головам. Наконец, пролетели мимо одинокие деревья, промчалось и пыльное облако... Впереди прямая дорога в поле, без перекрестков и маленьких развилок. Карета больше не дрожала, и, точно тотчас развалится, медленно скатилась к подножью склона. Амери грязно ругал кучера, упираясь ладонью об потолок.

— Жмоты, настоящие обманщики! Все им на чай оставляй, отработали бы, как надо, на начальную сумму, чтоб потом нагнать! — недовольно скрипел он сквозь зубы. — Сидит, не слышит... Точно мешки везет. Уж я ему дам на чай... Жалобу напишу! Пречудесно! Да разве дозволено им? Они даже тех, должных денег, не достойны.

Розалинда промолчала, облегченно вздыхая. Поняла она, что гнев Амери неистовый, и обидиться из-за шутки какой, из-за проказа, он не мог: если и злится, то причина на лицо. Все выскажет и не постесняется нисколько, даже перед благородным лицом. А получить такой сильной отдачи не желалось. Амери, несмотря на ее молчание, продолжал осыпать кучера бранью, и если бы он был рядом, должно быть, затеялась драка. Кулаки его так и чесались отбить последствия наглого кучера на его лице.

— Нельзя так! А кто бы по-другому поступил? — задал он вопрос в пустоту. — Я все верно делаю... Нечего такому низкодушному скоту разводиться. А Вы чего молчите, милая? Вас все устраивает, да?

— Нет... Совсем нет, — сглотнув, сказала Розалинда. — Мне тоже не понравилось.

— Не понравилось! Чего Вы так скупы на выражения, а? Это и губит. Точно говорю. Ладно, он свое получил. По шам еще оплатит, я же говорил, что жалобу его хозяину откатаю. Мое слово крепкое. Исполню. А что Вы говорили на счет свидания?.. — перевел он на нее взгляд. — То все спланировано. Виды прекрасные, да и выпивка отменная. У меня там, неподалеку, на жизнь зарабатывает. Вот и с компанией познакомитесь! Только меня не забывают, между прочим, а то знаю... Как заведешь Вас, так и концы с концами.

— А кого Вы ещё приводили в свою компанию?

— Кто попадет. Я тогда одинок был, сколько мне было?.. Ну, двадцать второй год мне миновал. Я только вышел в свет, так сказать, и славно получилось! Скажу я Вам, дорогая, что изгоем я не прославился. А для этого тоже не хило нужно поработать. Меня брат тогда вывел, да умер. Не нужно, — тут же сказал он, видя ее намерение пособолезновать. — Зачем прошлое вспоминать? И обращались ко мне, как к тесту. Да, без шуток — тесто! Били, пока не слепили нужную фигурку. Приводил всяких девушек, и сам не понимал порой, где познакомились.

— Выпивали? — спросила она, догадываясь.

— Конечно, еще хлеще, чем сейчас. Я тогда с бутылкой крепкого вина был одним целым. Смешно звучит, да? — он откинулся на спинку сиденья и улыбнулся. — И черт лиц не помню, не говоря уже об именах. Но одно точно — глаз у меня был наострѐн на красавиц.

— И от чего Вы так выпивали? Что-то случилось серьезное, иль для удовольствия?

— Когда был повод, почему бы не по бокалу? Я любитель поискать повод, хоть самый мелкий. Созывал своих приятелей, да и скидывались. Все лучше, чем одному тратиться. Это и хорошо, а главное — выгодно. Если найти людей, которые больше по еде, а не по выпивке. Это я тоже умею, — он почесал затылок и закрыл глаза. — А Вы, видимо, не пьете, да? Ну, Розалинда, в Вашем-то возрасте это грех. Оттого я с пятнадцати лет нахлопотал на свою голову... Это запутанная история. Как-нибудь потом успею наболтаться. А Вы, милая, скучаете? Все-то я о спиртном говорю, не надоел, надеюсь? Заладил... — он цокнул, и снова

взглянул на девушку. — Ну все, обещал: Вам наше свидание понравится.

— Нет, я не пью. Мне это противно, — Розалинда примкнула к окну. — Один раз Царь дал попробовать мне шампанское. Не понравилось. Я и до этого случая пробовала: все горько и приторно. Однажды Дарья напоила меня, что голова кружилась и болела ужасно... Не мое это.

— Все-то Вам не нравится, милая дама! Как же Ваш вкус привередлив, — Амери усмехнулся. — Я Вам не советник, и никогда им никому быть не намеревался. Было у меня, так послали за тридевять земель! Могу только быть лучшим в том, чтобы потерять лучшие годы, юношеские, пропить все. Как я еще не поседел? А мне и не видно! Я и пугался сильно, наверное, причина... А Вы с непривычки, Розалинда. Что Вы так от меня резко отпрянули? Иль боитесь?

— Не боюсь. Я хочу поскорее узнать, что Вы приготовили.

— Прекрасную вещь, однако! Хотите пуститься в море на лодке? Поднимемся по оврагу, пересечем мост, и там, на опушке, беседка. Но, думаете, я стану Вас в глушь везти? Еще чего не хватало. Вы тогда совсем меня заботитесь, за спиной Фили прикрываться будете. Не по Вашей воле. Он, конечно, решит, как бывает...

— Он ничего не решал за меня, Амери. Давайте не будем о нем, — она очень хотела переменить тему, ибо сомневалась в правоте его слов. «Известно, что может приукрасить, чтоб посмеяться. Это ужасно! Теперь что, заставит меня переживать. По глазам видно, как он думает о хорошей лжи, в которую я могла бы поверить...»

— Не переживайте, Розалинда, — произнес мужчина, выпрямляясь. — Ничего плохого я не скажу, он мне и сам нравится. Хорошенький папенький сапожок без пары... Найдется, конечно, найдется. Скажу даже, что таких смазливых лиц очень любят женщины из светского общества. А оказываются они, эти женщины, бойкими и сильными, что готовы приласкать таких котят. Какой контраст! И никаких рыцарей не надо. Все в прошлом осталось, и, кажется, в то время их величие доходило лишь до двери выхода из бани. Ну, это уже, подробности, о которых я не знаю. Да и не хотелось бы мне такого удовольствия... Но Филиа не такой уж. Он непонятный: и не рыцарь, и не слабый. Нечто среднее.

Какое-то время удалось ехать в тишине. Все потому, что Розалинда смутилась, когда речь его зашла о светских женщинах, и совсем отвернулась к окну. За ним тянулась степь. Где-то среди этой пустой, холодной земли ложилась граница. И как же ее определяли? Хотелось поскорее вылезти и пройтись, обдаваясь прохладой и свежестью. Наконец-то поняв всю неловкость своих слов, Амери тоже замолчал и всю дорогу поглядывал на девушку, точно любовался, и ничуть не стеснялся. На горизонте показались крыши домов. Все же, Улэртон был не так уж убог, ведь вещали в газетах, что все несчастье повалило и разломало. Значит, правдивым слух оказался: приукрасить событие — залог хорошего управления.

Шаткие дома огораживали город, стоявший, будто не один век. Больше на поле не было никакой живности, жующей сочную траву за обе щеки: все попрятались в загонах. Одинок показывались деревья, обнаженные холодной порой; пышность кустов взлетела и унеслась северным ветром. Вся природа ударилась в сепию: в теплый, мгновенный промежуток, стоящий за морозными деньками. Ранние предрассудки об Улэртоне стерлись до дыр, сквозь которые просвечивается сознание того, что городок весьма небольшой, а точнее — ничтожно мал. Живя здесь не один год, Розалинда думала, что когда-то может пройтись еще по улочкам — настоящей паутинке с тысячей развилок и высокими заборами, но разруха

свое дело сделала, перевернув полностью понимание этих границ. Лучи солнца, внезапно выглянув из-за тучи, вновь спрятались под хмурое облако, и все потускнело в глазах. Или может, Амеан ясно представляла перспективы будущего Улэртона так неприветливо и грустно, и увидела этот клочек земли таким ровно через десять, а то и двадцать лет, и все огоньки в окнах погаснут. Настанет вечное одиночество, без каких-либо вероятностей на изменения. Грудь Розалинды медленно вздымалась и резко опускалась: порывистые вздохи разносились по карете. Амери смотрел на спутницу, четко понимая, почему она так погрустнела. Но нужно дать момент, нужно не вмешиваться и наблюдать, как загадочная натура раскрывается, нарочно бросая ключи в самую глубь сердца.

Он приехал к ней с полной уверенностью и предвкушением, едва ли дожидаясь свидания. И разве может Розалинда теперь кинуться в воспоминания и реветь? Она не предчувствовала того, что ощущала, и не предчувствовала, что этим можно и кончиться. Вскоре Амери опять засиял радостью, дожидаясь ответа. Но ответом было девичье молчание. Он ловко провернул удручающее время колкими шутками и смеялся, но хохот этот показался ей наигранным.

— А я же говорил. Вот и хмуры стали, и оттого мне так весело! Я рад смотреть на Вас такую, в этом прелесть. А что же Вы, вспоминали плохое что-то? Ну, забудьте и не объясняйте! Любо знать, что все наладилось. А то грусть ни к какому лицу не идет, а Ваша меланхоличность... Я удивлен.

— Чему удивлены? — спросила Амеан, сжимая ладони. — Воспоминание не плохое, а тоскливо мне так от этой разрухи. Посмотрите, и где теперь та былая красота? Разглядываешь, и слеза наворачивается...

— Я много слышал о Вас до нашего знакомства, — начал он чрез минуту очень серьезно. — По замкнутому кругу пошло. У Дарьи ведь два сына маленьких, а тут говорят, что и дочка появилась. И что за сумбур? Конечно, все разгадали, что Вы ей не родная. А там уже и мерзость вся полилась... Известно, как с такими детьми обращаются, точно со зверьками. Не скажу, повезло Вам с семьей или нет. А тогда-а-а... — заговорил он громко, чуть протягивая буквы. — Разгар шел, и малюток колдунов кидали под двери. Вот и понеслось. Не знаю, как сейчас. Не встречался. Может, из-за этого и Дарья стала холодна, хотя она тот еще огонек. В приютах только плуты и водились: говорили, что каждого ребенка от нечистого духа очищали.

— И как это происходило? Это очищение.

— Обманом — вот как! Никто не очищался, а воспитанники лишь деньги сдирали. Я слышал, что новорожденных, особенно с родинками на правом плече и предплечье, посвящали в обряд, — он все более и более горячился, во взгляде мелькнул шаловливый блеск. — Смешно, конечно! И разве это не похоже на колдовство? Поэтому незнающие люди всегда лезут в дело впереди своего дрянного умения, иногда его и нет. Как далеко позволит зайти наглость?

Розалинда улыбнулась, забавляясь мыслью: «Если такой «обряд» проводили и со мной, то все тщетно. Жаль, что люди не смыслят в невозможности...».

Выехали на большую дорогу. Карету больше не трясло, но в колеса летели мелкие камни, ударяясь с резким щелчком. Теперь они не мчались так быстро, что, оказавшись вдруг на улице при таком порыве ветра, их бы сдуло. Нет, кучер ехал с осторожностью, смотря по сторонам, и лошади стихли, послушно подчиняясь хлысту. Город внутри выглядел поношенным многими поколениями, и ни разу не восстанавливался будто: крыши домиков

слетели, черепица пылилась на тротуаре, во дворах, в каких селились люди, обыкновенно, со светским чином, доски придавили извозки, и сады превратились в маленькое пыльное поле. Глядеть на такое без грусти — не представлять, сколько жизней здесь ревилось: и несчастных, шутивших над своей глубоким отчаянием от неизбежности, и радостных от удушья тяжелых цепей. Видны стали и небесные просторы, впрочем, неопределенные: то хмурость, то ясность. По улицам мужчины и женщины шатались в никуда. Что же им оставалось делать? Возобновлять? И не напрасно ли? Если трагедия произошла, то от этого места все только отлучаться будут.

И никогда больше Улэртон не станет притягательным, драгоценным городом. Потихоньку все стало потухать, вживаться в землю, оставляя место новым вершинам. Время тянулось в ожидании, тоже странном: Розалинда хотела поскорее увидеть те виды, хваленные Амери, но вместе с тем как бы опасалась и задавалась вопросом: «Не загнал ли он меня в ловушку?»

Достичь другой окраины оказалось делом не простым: некоторые пути перекрыли, особо опасные, и пришлось останавливаться. Амери выходил из кареты, подходя к кучеру, и говорил, куда лучше будет свернуть, чтоб избежать столкновений. Но сворачивая каждый раз на «чистую» развилку, они натыкались на преграды. Пробил уже шестой час, как карета выехала из города и поехала обходным путем, вдоль крайних домов. Амери жутко раздражался, когда упертые лошади фыркали, размахивали гривой, и сгибались, уплетая пожелтевшую траву. «Много не съедят, выплюнут, — говорил кучер, слезая с козлов. — Вы, батюшка, не гневитесь так. Всяко лучше, что денег за время я не потребую, да?» Он гладил свою двойку резвых лошадей, пальцами проникая в белую гриву. «А там я не уверен, — задумчиво отвечал Амери, смотря на склон, синящий вдалеке. — Он не крутой, и камни там проложены. Но вот... дорога-то какая? Колеса не застрянут?» «И не думайте, они вывезут. Да и быстро мы проскочим, там уж как выйдет. Посмотрим, батюшка, на пути». Амери хотел было что-то добавить, но подумал, что спорить сейчас — свести всех в безвыходный тупик. Так оно едва ли не случилось. Розалинде хотелось вдохнуть прохладного воздуха, но не решалась показываться. Вдруг разговор зайдет о ней, и она не найдет, что сказать. Весьма глупо, как и все ее переживания. Сознание давило этим фактом, заставляя тревожиться куда сильнее и прочувствовать порывистую энергию, жалящее сердце. Хотя бы желание побыть в степи хоть на немного сбылось, к сожалению. Не такой исход она представляла.

Скоро дверца щелкнула, и мужчина вернулся вовнутрь. Прокашлявшись в кулак, он вздохнул, устраиваясь на сиденье, и с легким упреком посмотрел на нее:

— Сейчас отправимся, милая.

— Можно поинтересоваться? — спросила Розалинда, сидя в полуобороте.

— Конечно. Спрашивайте, что угодно. Даже интимные вопросы, хоть я это и не часто позволяю, но... Разве Вам можно отказать?

— Вы часто всех женщин так называете? Слишком... — она замолчала, приискивая нужное слово. Взгляд Амери застыл на окне, но после метнулся на нее, как стрела: «Как это "слишком"?» — читалось в этих прозорливых, темных глазах. — Впрочем, к ситуациям это не подходит. Я с Вами не так близка, чтоб употреблять такие обращения. Это очень странно. Прошу...

— А, Вы про это... — сказал Амери, улыбаясь. — А это Вас так волнует, Розалинда? Или это не очень приятно? Как знаете: только прикажите, и я исполню! Ваш покорный, —

он сделал паузу, выжидая ее ответа. — Ладно. Но не забудьте сказать, когда я могу называть Вас так. Право, нравится мне, и Вам очень подходит. Вы милы и обворожительны, и не могу я, поймите, не называть Вас так. Язык сам поворачивается... Вы не обижены?

— Нет. Просто необычно и настораживает. Спасибо, — сухо ответила Розалинда.

— Вот, карета уже двинулась. Скоро доскачем, и все увидите.

Много еще таких манящих фраз говорил он, щекотя ее терпение. Казалось порой, что Амери разыгрывает дешевую комедию, совершенно пустую и нестоящую. Но духа не хватало сказать, и Розалинда все молчала, пока не доехали они до холмистой местности. Впереди возвышался холм, и, благо, была выложена постепенно поднимающаяся дорога. Стук лошадиных копыт пронзал тишину. Карета двигалась неспешно, кучер дергал поводья еще за несколько шагов до резкого обрыва. Заборчики, вкопанные на крутых поворотах, проржавели и были так тонки, что ничего не изменится, если их не будет. Розалинда не могла посмотреть, где заканчивается вершина: виднелись лишь кроны деревьев, новые, деревянные заборы и песчаный обрыв. «Наверное, это место известно многим людям, только потому, — думала девушка, — что если упасть, то разобьешься наверняка. А смертников сейчас не мало. Даже как-то жаль становится». Вдруг лошади заржали, и карета остановилась. Амеан вздрогнула и поглядела на землю: окошко было маленькое, и разглядеть, что случилось, — невозможно. Но вскоре они вновь двинулись, уже завернув за последний поворот. Их немного, всего-лишь два, но четко ощущалось, как карета поворачивается и едва ли не стучается с металлическими столбами.

Выехали на небольшую площадь: по левую сторону — лес, а по правую он и вовсе обрывался. Остановились подле опушки и, соскочив с сидения, Амери подал ей руку. Двухчасовая езда опустошила девушку и вкапала яду в спину. Розалинда слегка прогнулась, сморщившись: бедра отяжелели, но вместе с тем пришла какая-то легкость. Отдав плату, Амери воодушевленно улыбнулся, и Розалинда видела в нем облегченное чувство: «Наконец-то!» Они направились по каменной, широкой тропинке, сквозь темный и диковатый лес. И что же примечательного? Один Амери знал, а может, и выдумал. Мысль про ловушку еще не улетучилась, а засела, как полная вероятность. Мужчина продолжал подкармливать ее воображение как будто преувеличенными фактами.

— Я хочу поинтересоваться, — начала она. До ужаса наскучило слушать о его мелких похождениях и о ее будущем удивлении. — Вы знаете что-то о том, что случилось позавчерашней ночью?

— Как не знать? — задал он ей встречный вопрос. — Конечно. Эта новость уже и по другим странам летает.

— И знаете ли Вы, что это могло быть?..

— Природное явление — это всем понятно, и все это понимают, как истину. Но с нашим-то климатом, возможно. Улэртон стоит не на берегу, так что штормы, приходящие с океана — глупость. Но люди в это верят, и меня это поразило, мягко говоря-то. А я же верю, что все эти ходы и та трагедия есть своего рода сделка.

— И кому это выгодно? Другим правителям, конкурентам?

— Уж точно не правителям. Им бы на своих землях уместиться, Вам известно, какая борьба идет в Блоквеле. Но теперь ее подавили, как счастье.

Амери не рассказ ей ничего, что было бы интересно и ново. Общепринятые выражения, и списание ситуации на «силы извне», хотя предполагал он другое и мыслил гораздо глубже. Вскоре пересекли они и лесную чащу, и вышли на небольшое возвышение. Солнце,

проглядывая из-за туч, заулыбалось и озарило полянку. Розалинда заметила гордые долины за деревьями, скаты и опасные обрывы, обьятые вечерней дымчатой пеленой. Амери взял ее за руку и повел дальше, по вьющейся тропинке.

Впереди возвышалась маленькая беседка. Крыльцо еле видать: все было втоптанно и испачкано. По деревянным стенам ползла иссохшая листва. Вдруг что-то шаркнуло за ней, и из-за вьющихся цветов появился незнакомый мужчина.

4. К старому началу

Остров встретил их в день после гибели Улэртона. Никто не знал и не думал, что там возможно такое потрясение: природное и человеческое. Буря кружилась лишь над ним, а все за пределами — солнечное и прохладное. Ветер оборачивал круг, точно что-то сдерживало его распределиться по другим городам. Вот, что странно: мелкие деревушки, города — все это осталось невредимым, и ни одна капля не спустилась на эти земли.

Впрочем, пошли они вдоль берега, чтоб обойти опушку леса и остановиться у озера. По пути Афелиса размышляла о рассказах Рэнделл, а именно о поселениях неподалеку. Чернокнижники, те, что отделены густым лесом и оврагом, не знали о их быте; о том, насколько опасными предстанут. Ведь они — разные, совершенно непохожие тем, что о себе не заявляют, и понаслышке о них и слова нельзя говорить, потому сказано в их кодексе: «Все, что тайное и отчужденное от ока, беду принесет». По-прежнему солнце палило, обволакивая лица жаром. Они не до конца понимали, с какой стороны зайти и как стоит явиться. Ведь окольный путь — лучшее решение, но неизведанное: как проявят себя охотники, и повсюду ли они столь остры? Их вела и удерживала слепая надежда, вера в которую неспешно ослаблялась. Элид поравнялся с ними и, заглядывая ей за плечо, спросил:

— А мы как пойдём? Нужно быстрее. Вы ещё говорили про замок, и туда зайдём? Это, наверное, будет самое простое... — голос его стих, а сам юноша поникнул в задумчивости.

— Ошибаешься, — ответила Афелиса. — По крайней мере, в то время замок был их точкой для сбора. Командиры приходили туда на переговоры. Не знаю, конечно, как сейчас. Возможно, охрана ожесточилась, или наоборот, охотники поняли, что ни одной нечисти в городе не осталось, и отправились на другие земли. Впрочем, будем осторожны.

— Если их уже нет, то зачем весь этот спектакль с рубином? — проговорил Элид насмешливо в непонимании. — Это бесполезно, и мы потратили время... в ничего, в пустую! Афелиса, или ты, как всегда, действуешь на всякий случай?

— Точно, — она кивнула. — Мы не получали никаких вестей, и не можем быть уверены в чем-то. Мы ничего не знаем. Это не пустая сценка, а то, как могут повернуться события. Сейчас нам нужно лишь осмотреть город.

— И ты забыла рассказать про свои личные дела... — напомнил Элид, и вдруг едва ли не споткнулся об камень. — Как всегда! Только отвернешься, как что-нибудь да случится!

Но ругаться не стал, настроение его не располагало к этому, а сознание представляло картинку разрухи и полного их торжественного величия, когда весь остров вновь возродится, и кости полностью войдут в почву. Но камень выбил его из мечтаний так подло и мерзко. Анариэль помалкивал, однако сполна вовлекся в разговор слушателем. Слышать ее слегка охрипший, нежный голос было занятием куда приятнее, чем без конца напрягать глотку.

— А что ты хотел ещё узнать? По-моему, знаешь уже достаточно.

— А нет! — возразил он. — К кому это ты наведаться собираешь, а? Если это опасно, и человек стал уже не таким, каким был? Несерьёзно! Докладывай теперь все и нам, мы одно целое. Мне интересно послушать, с кем же госпожа Диамет крутила романы... Тем более, мы будем ждать тебя, сколько угодно, и оставим вас наедине. А если не узнаем, то и не оставим. Палка в двух концах! Так что прошу милости...

— И с чего это ты так заинтересован? Обычное дело, никакой тайны. И, я боюсь, ты сильно промахнулся. Ангарета уже здесь быть не может. Никак, и даже сомнений нет, что я

ошиблась. Слишком сумбурная мысль. Увидишь, во что превратился город, и сам от нее отречешься. Я помню, как пришел командир в его комнату и отвел меня, а что случилось дальше, мне и не знать, — она отвела от парня взгляд и нахмурилась. — Я и не приемлю мысли, что он может быть мертв. Хотя вероятность большая.

— И откуда такая уверенность? — вдруг влез в разговор Анариэль. Афелиса посмотрела на него и грустно вздохнула.

— А ты, верно, и не знаешь, из-за чего мы расстались. А уверена я потому только, что смерти его искали. На меня возложили. Теперь понимаешь, почему наша общая судьба была невозможна? Сейчас мне стало легче говорить об этом, время смягчило боль, а тогда и заикнуться не желала. Командир хотел убить его, и, возможно, это сделал. Но хочется знать, в какой промежуток времени это могло произойти. Без сомнения, — говорила она с самой серьезной миной, — когда прошел суд, он был жив. Но письма отсылала только я. Так что вероятность снизилась.

— Подожди, — перебил Элид, который слушал ее в удивлении, раскрыв глаза и губы. — И по какому поводу? То есть, почему ему смерти желали, этому твоему... Ангарету? Ну, продолжай, продолжай. Мне интересно знать, чем это кончится.

— Мне бы тоже узнать, — ответила она шутливым тоном. — А о его смерти думали из-за желания власти. Он — принц, а значит и наследник. Это большая преграда, он может заявиться на престол, потому и убрали его, чтоб легче было. А в бараке жил из-за обстоятельств. Он с погибшим братом делил место на троне, о взаимоотношениях их я не знаю.

— А лет ему сколько тогда было?

— Двадцать четыре, на год старше меня. Это было пять лет назад. Сейчас ему бы исполнилось двадцать девять... Я даже и не знаю, как мне стоит говорить о нем. А то обращаюсь, как к умершему, а вдруг, вдруг, — ударила она вдвойне на это слово, — я ошибаюсь.

— Надеюсь! Мне очень жаль, Афелиса. Извини, что так интересовался, — воскликнул юноша, виновато опуская голову. — Впредь не стану упоминать. Но почему-то ты рассказываешь об этом без чувств. Время так сильно повлияло, погубило?

— Нет, оно, напротив, излечило. Сомневаюсь, что кто-то в городе остался жить. Раньше рядом с ним жили две хорошенькие женщины, уж не знаю, где они сейчас. Они бы помогли мне... А вот и озеро!

Сказала девушка рассеянно, указывая на заросший обрыв. На протяжении ближайших ста шагов спуск был слишком крутым, но склон оказался более проходимым. Элид вырвался вперед, и махнув в их сторону, двинулся по холму, оглядываясь на молчаливых магов. Они провожали его взглядом, пока не скрылись за изгибом спуска. Обогнув стволы деревьев, юноша остановился в каком-то исступлении: четыре хижины беззаботно нежились в хвойных зарослях. Кустарник там рос пышный, однако спрятаться в нем — идея сомнительная. Он оглянулся на Афелису и робкими шагами пошел навстречу. Видны лишь те обломки, что не внушали мысли о том, что кто-то живет там. И все ему казалось, что в листве, затаившись, лежит здоровяк на брюхе, да похрапывает. Вдруг раздался резкий и звенящий звук. Звон колокола. Элид вздрогнул и, отступив назад, прижал ко лбу ладонь и зажмурился: двери приотворились, и люди, покрытые черными платками, рядом шли к склону. Руки, скрещенные на грудях, опечаленный взгляд затворщиков, блестящие щеки, налившиеся потом — все это виделось за гранью разумного, и, казалось, в этой дикой среде

весь жизненный путь человечества рухнул, погрузился во тьму и не смеет явиться в отрезвевших мозгах. Впрочем, в Афелисе дрогнуло лишь любопытство и рассеянность. Маленькие девочки, идущие в конце всей этой черной линии, понурили молочные лица, не шептались, и следовали по стопам своих сестер. Анариэль задержал ее за руку: порывистое, сдавленное движение ударило ее облегченным разрядом. «Нужно идти,» — вот, что означал сей грубый, но предостерегающий жест. И пустились они, взволнованные плохими предчувствиями, по самому краю, где деревьев не было, а был лишь песочный овраг.

Чернокнижники исчезли из виду. Афелиса знала, что ожидания ее не оправдались, и спросить их о чем-то — сущая глупость. Подтвердилась только вера в отшельничество черных магов, но являлись ли они таковыми? Или это уже другой народ, а значит, другая вера и другие традиции? «Во всяком случае, стало понятно, почему Рэнделл ничего не знала о них, и вряд ли знали жители, кроме вождя». Элид спрыгнул с бугорка, и, точно ужаленный, налился румянцем, веснушки его засверкали на ясном солнце. Издалека чувствовался его порыв, еле сдерживаемый, и сердце чуть не вырвалось, оборвав все каналы.

— Это те? Ну, те самые? — голос его сбивался. Он смотрел на Афелису, точно на одну из них. — Скажи, пожалуйста. Они безобидные, это видно, это чувствуется. А как шагают! Будто воины! Только скорбящие о чем-то... Как это бывает об убитых там, покалеченных...

— Просто отлученные от мира. Я не слышала о них ничего. Видимо, настолько хорошо скрываются, что и подпуску к ним нет. Нам не стоило бы лезть к ним. Такие люди порой опасны, — маг внимательно посмотрела на него, поймав меткие взгляды, и улыбнулась про себя. — И чего ты так взволнован? Неужели не видел раньше таких народов? Они есть везде, просто мы их не замечаем.

— Да нет... Видел, видел! Я думал, что они там... совсем сумасшедшие. Слишком спокойные. Знаешь, по-моему, сумасшедших три вида: первые, это те, кто нападают на людей, дикари настоящие; вторые те, кто чересчур спокоен и безмолвен, от них чувствуется опасность, и не понять, что в головушке их что-то назревает; и третьи, это те, кто ведет себя приемлемо, но как вспыхнет в них что-то, то туши свет! И все они не знают, что юродивые! Отрицают что ли... — он потер висок, и сомнительно посмотрел в лесную гущу. — Они-то и кажутся людьми. Такими, какие были созданы первоначально. А вообще, я не смыслю в этой философии! Это только мое... мое наблюдение.

— Что значит: «кажутся людьми»? — спросил Анариэль. — Первоначально?

— То есть такими, какими были задуманы. Без всяких этих моральных принципов, вежливости и еще какого-то этикета... Придумали, чтобы себе не навредить, хищники. Так что все мы немного сумасшедшие, если одни одинешеньки! А они, те ребята, насильно из себя сделали стаю. Видно же, что не по желанию! А если по желанию, так радоваться должны. А не ходить, как полумертвые, да не видеть, что вокруг творится. Они же не заметили нас, да? А если и заметили, то ничего бы не сказали, я даже думаю, что не разбежались бы. У них оковы внутри, у таких бедолаг, из-за притеснений и принуждений. Иногда жаль их, невольников. Натерпят и сорвутся с цепи. Как помните, та передрыга рабов? Эх, ладно! — воскликнул Элид, понимая, что пускаться в монолог сейчас бессмысленно, ибо слушать никому его не в сладость. — И как мы озеро перейдем? По мосту? Это же он там, да? — ступив на булыжник, пригляделся, пытаясь дать мозгу пищу для размышлений: цел ли мост, или нет?

— Идти по мосту сейчас опасно, — заключил Анариэль. — Он деревянный, и потемнел весь. Взгляни на эти ручки — совсем тонкие, и нас двоих не удержит, — обратился он к

Афелисе. — Одна дорога остается — обходная. Как бы не хотелось, но все равно придется удлинить путь, чтоб в живых остаться.

— Да уж, — вздохнула она, подправляя сумку на плече. — Лучше так. По мосту и в те времена мало кто ходил, и эта часть острова оставалась будто неизведанной. И возможных разведчиков избегать нужно. Я выбираю поволноваться о каждой мелочи, чтоб потом знать, что все действие будет безупречно. Пойдемте.

Склон был усеян выступающими камнями и ветвями, за которые можно уцепиться. Песок и пыль летели в лицо отстающему Элиду, и жмурясь каждый раз, он морщился, когда нужно было напрягать одну ногу. Рана точно раздиралась, кровь хлынула в ботинок. Юноша знал, что на правой пятке у него мозоль, однако все равно решился идти: «Что же, какая-то мелочь, какая-то мозоль мне помешает? — думал он, после тщетной попытки найти тряпочку, чтоб замотать. — Такое дело, а я еще ныть буду... Нет, не пойдет так!» Спустившись, он откашлялся: маленькие бусинки катились по языку и впивались в него. Хоть песок вкуса не имел, но неприятный осадок застрял в горле.

— Подождите! — крикнул он и, убрав руку с груди, кинулся к магам.

В глубине лежало озеро, неподвижно сияя. Сосны стояли в вышине, смыкаясь рядами. Оно покоилось во впадине — по ту сторону вновь поднимался холм. Вода плескалась, подбадриваемая ветерком, нежилась в дневных лучах. От моста оставались лишь балки, да доски, давно сгнившие и изуродованные гвоздями. Птицы садились на них, и, кажется, от одного писка они тотчас же обломаются. Впереди просматривались вершины домов, одних каменных темниц. Приходилось проделывать целую дугу, чтоб достичь склона, и неизвестно, что прячется за ним. Надвигались облака, среди них, белых и невинных, грозилась молчаливая туча. Ивы свисали к озеру: листва их осыпалась и ютилась на воде, точно одинокие кувшинки. Чем дальше, тем загадочнее и мрачнее становился остров, будто та туча прижилась над разрушившимися домами, и едва ли сдерживала слезы, или необузданный гнев.

— А так-то ты, Афелиса, под особой опасностью, — проговорил Элид, сторонясь воды. — Тебя же кто-то да знает, или узнает. Мы, конечно, постараемся быть незаметными, но что-то подсказывает, что...

— Прوماхнемся с догадками, — продолжила Афелиса. Получив его кивок, она ответила. — Это спорно. Всех охотников переправляли в другие государства, а сюда приплывала новая партия. Чтоб встать на место погибших и не путаться в числах. Командиру важно знать, сколько человек в отряде.

— Я не понимаю, — буркнул Элид, сложив руки за спиной. — Почему маги недостаточно защитились? Мы существа более сильные и выносливые. Неужели так внезапно? Хоть и внезапно, но помнить о своих способностях нужно! Это раздражает... И вообще, почему правителем должен был стать обычный человек? Неправильно и глупо. Почему не маг какой-нибудь верховный? Это же наш остров. А людям, таким неприветливым, здесь делать нечего, испортили только все! Как говорить: и не вам, и не нам!

— Наш остров? — спросила Диамет, как бы не веря в его слова. — Маги никогда не были у власти. Возможно, я чего-то не знаю, но им не дозволялось. Низшие существа, черти. Только в своих обществах у нас есть иерархия.

— Но даже при этом, мы равны в своих правах. Колдуны, жрецы и высшие маги — это всего лишь показатель чина. Но у каждого только совершенно другие обязанности, а права,

как полагается, уравниены, — говорил Анариэль. — Исключение: никто не в праве переходить из своего круга. Колдун не может стать жрецом, высший маг не может стать колдуном... Хотя способности у ведьм не впечатлительны, но они вольны и вполне уживаются в обществе людей. Порой и рождаются в них, и не знают о себе ровно ничего. А гадалки лишь оскорбляют их, по их же поверьям.

— А что такого оскорбительного? — спросил Элид.

— Они не способны точно предсказать будущее. Если выпала карта смерти, к примеру, то это может, значит долгую жизнь. А они наврут, оттого никудышные из них предсказатели... Конечно, не всегда жизнь, возможно и что-то плохое, но верить в это не стоит. Тем более все они берут деньги, а ведьмы все даром делают.

В половине двенадцатого они добрались до ворот. Домики у окраины ограждались по воле хозяина. Теперь же это потрескавшиеся доски со щелями, маленькими, ни один зверек не пролезет. Прислушались — ни звука. Элид, потрепав Афелису за плечо, указал на тихий дом, от которого тянуло смолистым дымком. «Они там! — прошептал он, не отпуская ее руки. — Нужно обойти». В окошке светилась лампа: и вдруг в нем пронесся темный комочек и исчез за стеной. Голосов не слышалось, однако тени мелькали. Спрятавшись за бетонным забором, они поплелись вдоль деревьев, спустившись по скрипящей лестнице к самому крыльцу хижины. Афелиса схватилась обеими руками за сумку, и, нащупав ножны, держалась за них: страх подталкивал ее поскорее уйти, но и неожиданность ее пугала. Несомненно, она не отрицала, что в городе есть жизнь, только мысль эта мрачна и растеклась по голове, точно яд. С берега слышался чуть внятный лепет прибой, волны забушевали. Из города тянуло темнотой, и ни огонька больше, ни шевелений. «А точно ли это были охотники? — озадачивалась она, поспешными шагами петляя вдоль стволов. — Не беженцы, не нищие. Может, чернокнижники. Если так, то что тогда? Город... пуст». Внезапно Анариэль выступил вперед. Взглянув за его плечо, Афелиса выжидала его подозрения, но, на счастье, он лишь повернул головой и сказал тихо, будто боясь пробудить чудовищ:

— Там... в том доме. Или показалось? Ладно, пошли. Не время себя накручивать.

Движения его были порывисты и резки. Ступал он с поднятой головой, не боясь оступиться. Элид плелся позади, и поравнявшись с Афелисой, тоже держал пистолет наготове: «Надо, что ли, про указания спросить?.. Кто знает, может и мирные встретятся, — сполна ощупанный страхом, он едва ли язык мог повернуть. — Лучше держаться рядом. Да. Только рядом. Если надо, то с Афелисой полезу и на чердак. Нужно дождаться». Преодолев маленькую деревеньку, они остановились у края проселочной дороги. Острые камни выступали, будто иглы, требующие случайной крови. В щелях проникла пожелтевшая трава, обвивая тропу — пленника. Анариэль обернулся и командным тоном спросил:

— Точно помнишь?

— Да, — коротко ответила Афелиса, понимая, о чем идет речь. Сдавленному мрачностью обстоятельств не хватало воздуха: легкие трепетали, заглывая пыль и страшную духоту. — Помню. Будем держаться у стен, на дороги не выходить. Вот там окна заделаны досками и дома стоят.

Элид, будучи жертвой давления отвратительного колорита картины, поник головой, смотря на темную, отравленную землю, и едва ли поднимал ноги. Определения такого местные «красоты» не достойны: шаткие стены чуть ли не впечатались в каменную кладку дороги, в разбитых стенках виднелись следы от выстрелов и черные пятна. Иногда казалось

ей, что из какого-нибудь окна выглянет охотник с помазанной рожой и улыбнется во все зубы, чуя смерть.

— А нам долго идти? — спросил Элид тихо. — Как-то настораживает...

— Не совсем. Но покажется дорога долгой. Будем срезать. Придется переходить дороги, если хотим быстрее прийти.

— Ладно... — юноша огорченно вздохнул.

Много тупиков заставляло их и разразило злость, особенно в Афелисе: тоска сильно давила на нервы. Хотелось все бросить и умчаться — неважно, что кругом опасность и за каждым неверным шагом стояла смерть. Однако, как же они промахнулись! Ни души лишней не было. Гроунстен поник в серую, холодную разруху, исключая из себя что-то живое и дышащее. Все дома были похожи друг на друга: одни пошарпанные стены, одно разбитое стекло у крыльца, стертые надписи и адреса. Эти таблички у входных дверей стали ориентиром. Точно игра, в какой нужно напрячь все извилины и пробраться сквозь воспоминания. Дороги сделались широкими и неровными, песок накрывал вывески кабаков на земле, двери нараспашку, а из них — вечный холод. Облегченный вздох пробрался в их души: риск значительно спал, только бдительность покоя не давала. «Десятая или двенадцатая... — а дума верная все не отзывалась. — Точно не одиннадцатая. Все же двенадцатая, да!» Предстали перед ней конверты и адрес: точно двенадцатая улица! Элид, увидев ее осветлившееся лицо, встал у крыльца и посмотрел наверх, на самый чердак.

— Да, здесь, — проронила она и едва ли дернула ручку.

Щели, паутина и бетонные стены — все скрывалось в заботливой тени, оберегающей от опасного солнца. Из окон повеяло чернотой, каковой и ночью не сыскать. Афелису не волновало ни состояние лестниц, ни развалившегося пола, все перестало иметь значение при мысли, что, вот, наконец, она на прежнем месте, у прежнего крыльца, и ее там ждут, не гонят и встречают как родную, любимую. Все в прошлом, но ничего не забыто. Целые года протекли в подавлении чувств, в жутких пытках, терзающих нервы, в резком исчезновении его, Ангарета. «Я не забыла, никогда бы не забыла, — в груди забилося беспокойство. — Мне нужно что-то. Что-то такое, похожее на след. Предусмотрел ли ты это?» Дверь отворилась. Тихо, не торопясь, она поднималась по доскам, точно в лихорадке, не вполне осознавая необъятного ощущения вдруг прихлынувшей волной настоящей жизни. Доски эти, видимо, поставили после ее последнего прихода. Будто все то время внезапно замерло, проскочило назад так бесследно, и будущее казалось таким светлым и многообещающим под действием роковой идеи. Впрочем, сильных изменений лестничные пролеты не потерпели. На половине пути нагнал ее Элид. Он обернулся и остановился ступенькой выше.

— Ну, Афелиса, надеюсь не зря! — сказал он, торопясь, задыхающимся голосом. — А то так подниматься... Сейчас, наверно, все обвалится.

— Здание не деревянное, — сказал Анариэль, поднимаясь позади. — Не развалится, по крайней мере, сейчас.

— А городе-то никого нет. Или они прячутся? А те люди, не показалось же вместе? А не показалось, потому только, что и вы видели, — Элид шаркал пятками, неспешно переставляя ноги. — Я не могу сомневаться. А вот, кажется, и конец. Куда нам идти?

Он обернулся на Афелису, обогнавшую его. Это был последний, четвертый этаж, как насчитал Элид. Дальше, в углу, вилась спиральная лестница: металлическая, с тонкими ручками. Тусклый свет проходил со двора через маленькие окошечки. Диамет осторожно стала на ступень, подняла голову вверх: сплошная темнота. В той комнатухе было лишь

одно окно, в то время перепачканное и блеклое. «Не пробраться, да и жутко в темноту идти, — думала она, остановившись у прохода. — Огонь нужен». Тотчас же коридор поник в невообразимую синеву. По пальчикам бегали щекотящие огоньки, нежась в разжатой ладони.

Тот самый чердак, мрачневший прохладой и пустотой. Дверца совсем с петель съехала, ручка отвалилась. Потная ладонь ее прикоснулась к потемневшему дереву: нетерпение накалялось в схватке со страхом. Что же она хочет увидеть? Обрушившийся пол, старую мебель, выбившиеся подушки, но только не Ангарета. Мысль эта наливалась жгучей кровью сердце: «Он не мог прожить столько лет здесь. Это невозможно. Даже если он в другой стране, совсем вдали, это будет куда лучше». Прежде всего, для него. Утешение, несравнимое с душевной мукой отозвалось, пробудилось отголоском более сильным и режущим. Скрип пробил по ушам: дверь медленно отворилась под ее слабым толчком. Анариэль оказался подле Диамет, и, чуть ли не оступившись о порог, маг прошла вовнутрь. И правда ведь, все было как прежде, лишь пыль рисовалась на маленьком столике и кровати. Серое покрывало комком лежало у кровати, подушка, сбившаяся, прислонена к стене. В раздвинутых ящиках висела паутина. Элид стал ходить из угла в угол, скрестив руки и сжав губы, изредка спрашивая у девушки о Ангарете, но получал лишь краткие ответы, по каким и задуматься невозможно. Анариэль часто вглядывался в нее, на один миг, и тут же отводил глаза. Разговорам не было места. Афелиса отчаянно рыскалась по шкафам, ища хоть что-то. Несомненная зацепка в одной вещице — вот, в чем счастье! А как усердно она искала, однако, в конце концов, ничего не нашла. Все ящики пусты, только книги остались со стертými чернилами. Каждый вздох ее оставался тяжестью в стенах. Еще и еще, а спокойствия ни капли.

— Совсем ничего нет, — отозвался Элид, поднимаясь с колен. — Я тоже просмотрел все. Может, есть другое место, где сохранились вещи? Даже если он сбежал или еще чего, то не мог же все в руках потащить. Какой-нибудь чердачный чердак, или вроде того...

— Не должно, — в голосе ее слышалась грусть. — Я предполагала, что так и произойдет. Этого исключать нельзя было. Может и есть, мне-то откуда знать? Я приходила сюда, как гость.

— Почему ты не оставалась у него? Вы ведь парой были... — задумчиво спросил Элид, опираясь о ручку кресла. — Странно как-то. Жили бы вместе, видели бы друг друга каждый день.

— Обстоятельства не позволяли. Я тогда была в ряду охотников, а они и за своими хорошо смотрят. Заподозрили бы. Я бы навлекла на него беду, но и без этого отлично получилось. К сожалению... чердак пуст. А комнаты снизу совсем пустые. Не нужно время терять, пойдемте...

Она махнула рукой и пошла к двери. Остаться здесь хоть еще на мгновении — жесткая пытка, окончившаяся срывом. Тоска сдавливала сердце в груди: от потери, от истраченного времени, от невозможности. Элид, пожав плечами, нырнул в проход. Дверь не закрыли, никому и дела не было. Всех занимали мысли: «И куда теперь?». Особенно у сбившегося Элида. Он ясно понимал, что творится страшное, и прочувствовал, но хотелось поскорей на корабль и снять натиравшие ботинки. Мозоли каждый раз отдавались болью, и на лестнице она все увеличивалась, что силы иссекали. Огонь медленно потухал в ладони Афелисы. Известное дело, вся энергия сошла на грусть. Шла девушка еле-еле, понурила голову, и вдруг резкий шум вынудил ее поднять взгляд. Удивление, не описываемое в

картинах. Элид склонился и, потирая макушку, оскалился. Деревянная коробка пошатнулась и свалилась прямо на его носок. Вскрик, болезненный и протяжный. Звучные ругательства посыпались и осеклись. Он сел на пол, и, потирая носок ботинка, опрокинулся головой об стену.

— Опять! Все опять! Все не то! — вскричал он, измученный двойным ударом. — А говорили же... Говорили! Эх, я, что ли, виноват? Этой паршивости вообще здесь не было... не было. Появилась будто. В тень упряталась! Ну почему все не хорошо?.. Что там? — грубый вопрос. — Афелиса, посмотри! Осторожно только, а то по случайности, как бывает...

Она спохватилась, и в тот же миг уже сидела на корточках рядом с Элидом. В душу вселился страх, и каждый жест был ужасен, каждое слово, что было, несомненно, стеснительно для человека, полагавшегося на себя и себе доверявшего. Подле оказался и Анариэль, со всей серьезностью смотрящий на коробку. Поставив ее, он посмотрел во внутрь и перевернул: из нее полетели синие, желтые и совсем белые конверты. У их ног оказались... затерянные письма. Афелиса сомнительно глядела на парящие листки, не смея прикоснуться. И мысль ярко вспыхнула: «Нужно все унести. Там могут оказаться и его письма. Но тогда, с чего бы ему их писать, зная, что почта не действительна? А вдруг это просто конверты? Глупая шутка. Или их уничтожили...» Момент, когда в голове витают лишь бессвязные и забавные мысли, что усмехаешься после эмоционального накала, вспоминая, что так кипело внутри. Анариэль спешил ее ободрить и сунул под ноги конверты — одни из немногих, где чернила не подтекли. Она посмотрела кругом — на Анариэля, на конверты, на отброшенную коробку к входной двери, на Элида, которого занимали исключительно свои муки, и опять на письма, точно взгляд приковался к ним.

Едва касаясь, она провела пальцами по ним и, наконец, взяла в руки. Попадалось много писем от одной женщины, некой Далмон Друист, и адресаты были разные. Они не волновали Афелису, но, признаться, хотелось ей черпнуть больше и узнать, как проходили последние годы здесь, в Гроунстене.

— Вот, — вдруг вскрикнул Анариэль, подавая ей стопку бумаг. — Кажется, оно, — он пригляделся к конверту и прочитал. — От Ангарета Магнес... Афелисе Диамет. Разбирай.

Анариэль подал ей тяжелую стопку толстых конвертов. Руки ее задрожали под тяжестью, а взгляд метался в исступлении. «Наконец-то! — раздался внутренних возглас. — Не зря... Все не зря. И сколько же он терпел, сидя над написанием?..» Она развернула первый конверт и, будто не веря, разглядывала свое имя. Два скомканных листка вывалились из него. Афелиса хотела забрать все письма с собой, чтоб после, на корабле, уединиться и читать каждую строчку, вглядываться в подчерк, искать чувства, но ей не удалось совладать с желанием. Первое письмо небольшое, и писалось, видимо, по прошествии тех времен:

«9. 05.

Я не знаю совершенно, сколько осталось терпеть. Да, ты права, точно права! И мне известно, что твои соотрядцы плохие типы... Как таких земля носит? Но ты все терпишь, и не пойму, зачем так мучиться? Ночью я перечитывал твои письма, и как же больно читать, зная, что каждый день ты видишь этих людей! Надеюсь и верю, что это закончится так же быстро, как и началось... Наведывайся ко мне почаще, прошу. Волнуюсь, что времени не хватит. Прячусь здесь, на чердаке, как запуганный кот. Но мне это и лучше, все потому, что они ищут меня. Охотники. Если появлюсь, то набросятся толпой, и спасения нет. Не упрекай меня, прошу, такого. Однажды ты обвинила меня в излишней трусости, в робости... Неужели

ты вправду не понимаешь?

10. 05.

Все обдуманно. Забавно получилось, не закончил письмо, и хотел было отправить в твои руки, под твои очи. И что бы ты подумала, Афелиса? Точно, в чудачестве бы меня уколола, в ребячестве. Но что же мне поделаться с этой болью? Голова гудит. Ужасно, что мысли еле складываются. Надеюсь, милая, ты найдешь что-нибудь! Помню твое обещание и берегу его в памяти. Все о плохом пишу, а в этот день солнышко проглянуло! Погода умиротворяющая, лето наступает. А может, мне кажется. Сколько бы не намывал окно — все тщетно! Так хочется выйти наружу, вдохнуть воздуха... Так как я не долго здесь, то и не знал, что рядом со спиральной лестницей есть люк! Это я случайно, по обстоятельству так получилось... Удивительно, но замка не оказалось! Правда, и не знаю, как туда взобраться.

Снова выстрелы. Никакой ребенок не достоин этого жестокого мира. Одна слеза стоит куда дороже, чем все, что успели натворить люди. Мне страшно писать об этом, ведь на моих глазах ребеночка застрелили. Совсем крохотную девочку. Повезло тебе, милая моя! Не видела ничего! Хотя пора перестать обманывать себя, ты видела жертв более несчастных и пытки более скверные. До того времени, когда жизнь шла своим чередом, я старался видеть яркие краски. Полюбил детей и, в конце концов, котов, особенно лесных. У меня была сестренка, и, кажется, она сделала меня таким, какого сейчас презирают и стыдят. Я ясно понимаю, чего от меня хотел отец. Хотел видеть во мне грозного правителя. Но я избегаю такой ответственности лишь потому, что хорошо знаю: ничуть не справлюсь. А брат мой более хорош и бесстрашен. Именно Вальгард взял бы в свои руки весь Гроунстен. Злость берет от мысли, что отец мой мог так просчитаться, хоть сам и твердил нам, что любая ошибка страшна и стоит дорого. Теперь же ему все равно, ему спокойно там, в земле. Никогда не питал к этому человеку любви, и он отвечал взаимностью. Оправданий ему не найти: все потеряно!

Нынешнего Гроунстена больше нет! Его и в помине не будет.

Ты ведь знаешь, что с прошлого письма я отвечаю на твои вопросы в самом конце. Так вот, я сдержал обещание! Что насчет переселения... Ты хорошо знаешь меня, Афелиса. Может когда-нибудь мы и сбежим, но далеко не получиться. Разыщут.

Очень хорошо, что ты нашла компас! Теперь будет куда легче, особенно в лесах. Я рад за тебя, только впредь ориентируйся и по природным знакам. Но я ведь говорил, что бежать пока опасно. И вот, что думаю: нужно исследовать карту острова. Как зайдешь ко мне, то принеси ее!

Я часто стал думать, что многого требую от тебя, точно на шею сел. Иногда так стыдно... Но я понимаю, что это забота и очень, впрочем, нужная и приятная. Да, пожалуйста, принеси.

Вроде бы все. Что же, буду ждать ответа! А лучше приходи сама и все Расскажи. Мне в радость видеть и слышать тебя! Помни об этом каждый день.

А. М».

Афелиса прочитала лишь отрывки всего написанного. Буквы скакали, перепрыгивая через строчки. Она давилась бушующим волнением, и воспоминания нанесли тяжелый удар: в то время они действительно рвались к убеждению, что обмануть охотников несложно, главное — знание о их распорядке, к чему у нее была возможность. И, вот, все готово, но внезапно прогремел удар. Командир собирал войска и направлял их к озеру, переходя через мост. Среди тех людей, идущих из-под палки, оказалась и Афелиса. Намерение распалось,

всему виной — срочное дежурство на западной части острова. Пока Анариэль собирал остальные письма и просматривал их, вдруг чего упустил, а Элид несчастно поскуливал, она потянулась ко второму листку:

«21. 05

Я был так опечален новостью, что почта задерживается, что решил положить и это письмо в один конверт. У меня их маловато, а хотения писать тебе — много. Но, о, Господи, я был так счастлив! Счастлив, что ты наконец-то постучалась и я тебя увидел! Такую воинственную и уставшую, что мне до боли стало жаль. Ты аж заснула, и я уверен, что моя кровать оказалась мягче, чем та, в твоём домике. По твоим рассказам он такой ужасный, что желание жить пропадет. Всегда хотелось увидеть его. Но к сожалению...

Так печально, что наша мечта не сбудется. Мы желали искренне и ничего не получили. Зачем все так усложнять? Наверное, и погибнем здесь, и вместе не побудем. Нет, такого не случится! Не должно... Меня тяготит такая мысль. О том, что кто-то из нас умрет на этом поле битвы. И вдруг о смерти не узнаем? Это еще страшнее! Не переживай так, твоё волнение ударяет по мне. Вчера было так прекрасно, прекрасно тебя видеть и ощущать. А разговоры были грустными, затосковали мы. Но я все равно верю, что когда-нибудь прибудет мир, и мы его застанем. Правда, я до сих пор впечатлен и не могу отойти от чувства: оно единственное, что радует до безумия! Все еще вижу тебя, голодную и уставшую, и так хочется накормить и приласкать. Хорошо, что я выпросил у соседа немного молока. У них не далеко есть дача, и скот весь заперли. Теперь он совсем негоден стал, но я постарался и добыл для тебя хоть что-то. И пропал я так долго, лишь потому, что на крыше у меня сушился пододеяльник. Сперва я пришел за ним, а потом уже к соседу... Однако, ты уже в полудреме была и счет времени потеряла. Подоткнул тебя им, и ты уснула.

А вода к нам поступает чистая. На счастье. Так бы я точно не выжил. И на чердаке у меня есть кран, если ты не видела, Афелиса. Холодная правда, и теплое молоко никогда не помешает. Еще до моих рук добралась газета, очень странная. Там о Блоквеле и срочном переселении охотников. Будто бы там магов куда больше.

Что ж... Я всем сердцем надеюсь, что почта доставит письма. Буду писать тебе, когда случится что-то необычное. А иначе... скучно ведь, не так ли? Когда-нибудь ты увидишь всю мою писанину, даже если слишком поздно...

Целую!

А.М».

Этот листок не был выведен на чистовик. Много опечаток и поправок, зачеркивание — все это не сделало его «писанину» хуже. Афелиса любила, и даже просила его отправлять так, как есть, потому что те чувства, тот порыв мыслей, движения руки резкие или мягкие — они отражали его настроение, его натуру. Такую некрасноречивую на словах, но яркую в письме. Ангарет был человеком необщительным и порой заикался, когда рассказывал длинную историю. Все расписывал в листах, стыдясь своей речи. Не получал какие-либо упреки или усмешки: Афелиса и не делала жалеющий вид, не осмеивала. Разве разумный человек поступит так невежественно и нагло? Настоящее унижение — этакое поведение! Безразличие становится лучшим выбором. Элид склонил голову к плечу, и прислонился к девушке. Взгляд его бегал по письму, и, увидев это, она тут же убрала лист, раскрыла сумку и стала складывать вовнутрь всю стопку.

— Эй, — недовольно пробурчал он, — я не дочитал. Там маленько осталось.

— Не для тебя это писалось, — отрезала Афелиса, вдруг переменяя тон. Мелкая злоба

накипала в ней, а подавить не могла.

«Лучше делать все втайне ото всех. Нечего ему вмешиваться в мои дела, — промелькнуло в ней. — Мне будет о чем подумать этим вечером. Может, и ближайшие дни».

Вскрывать чужие конверты не стали. Один листок выпал из кучи, Элид его просмотрел, да помотал головой, говоря: «Все болезнь... Все скучно». Поднявшись с колен, они собрали все письма в коробку: от мысли, что кто-нибудь возьмет, такие же, как и они. Анариэль примкнул к двери, выглядывая из щели. По-прежнему пусто. Серая тишина стала особенно умиротворять, закачивая в колыбель безмятежности. Страшила и действительность, царящая на этой земле: никого нет. Разве этого ожидали она: та, кто видел весь ужас. Что же случилось с охотниками? Неужели Гроунстен уже завоеван, и он принадлежит им? Вся эта непрерывная тревога и душевная мука прошли с последствиями. Напоследок Диамет обернулась, посмотрела на разваленную лестничную клетку, точно в последний раз. К сожалению, глаза не могли уловить каждой детали. Какая-то необыкновенная тоска начала сказываться на ней от едких и жгучих эмоций. Девушка чувствовала что-то вечное, предчувствующее беспросветные годы мертвящей тоски, что-то холодное, совсем не согревающее душу, и, странно, но прохладой веяло от писем, от него самого, Ангарета. Ноги ее шли по дороге, а сама она давно витала в раздумьях, едва ли смотря вперед.

Солнце заходило за тучами, но вновь появлялось, такое яркое и лучезарное, что легче становилось. Дойдя до перекрестка, Афелиса опомнилась и сказала свернуть направо, чтоб срезать путь. Анариэль упорно пытался заговорить с ней, но все сводилось в кивки или кратчайшие ответы, за какие и уцепиться нельзя. А Элид, воодушевленный своим походом, шел чуть ли не в припрыжку, нагоняя их.

— А замок-то в этой стороне, да? — спросил он. — Что-то мне кажется, что охотники там и столпились. Ну не может так быть, чтоб никого не было. Если у них и были цели, они прогремели бы во всех газетах и, в конце концов, дошли до нас.

— Дошли до нас, — Анариэль неловко усмехнулся, особенно смотря ему в глаза. — Не один год мы жили в пещере, не имели никакой внешней связи, и после этого нам должны были газеты приносить? Конечно, мы ничего не знали. И чернокнижники, наверняка, тоже. Гроунстен вдали ото всей цивилизации, здесь нет своей политики. Возможно и будет, но очень нескоро. Так что цели у них быть могут, а может, уже сбылись.

Элид осознал всю глупость своих слов, но гордо промолчал. Замок возвышался у берега, так что необходимо было применить всю осторожность. Мало ли им хлопот и опасностей? Вдруг кто-то и пожалует. «А если и увидят, — думала Афелиса, сворачивая с улицы, — то нарвутся. Если им не поступает новость, что это из их же отряда, то те люди — враги».

— Даже если на острове никого нет, мы будем возрождать рубин?

— Конечно, — без промедлений ответила маг. — Нам нужно, прежде всего, избавиться от возможных людей и поставить защитный барьер на весь остров.

— На всякий случай? Да, понимаю. А вон и тот замок, — он возвел палец на купола. — Я ожидал, что что-то побольше будет. Там и правитель жил, или у него имелась резиденция? Как в таком замке уместиться?

Среди пошатанных домов, мусора и гнили, так же величественно стремились острые купола, не достигшие небес. Нетронутые каменные стены, черные отворенные ворота и окна — фрески высших все же блестели под тусклым солнцем. Замок стоял далеко от центра города, но и не совсем на окраине. Наружностью был тверд и грозен, обвитый сухими ветвями усопших деревьев. Афелиса ясно помнила, как слуги толпами шли во флигель, а как

наступал нужный час, выносили кушанье через двор и в мороз, и в жар. Хоть кухонька была и в замке, но ее вскоре переделали в комнату для слуг. Флигель этот, из кирпича, стоял на заднем дворе и дверью выходил в сад. Сучья хрустели под ногами, листва накрыла камни и отступы. Анариэль отворил ворота и пропустил во двор Афелису с Элидом. Он разглядывал замок, но восторга в его глазах не было.

— Да... Другие у меня были ожидания. Но хорошо, что это здание все еще стоит. А то бы никакого достояния от магов не осталось, — неохотно промямлил Элид, остановившись на месте. — И что нам там делать? Удостовериться, что охотников точно нет, да? Это и так понятно! Замок не внушает присутствия кого-либо. Даже пусть и таких-то злых духов. Они не здесь водятся...

— И откуда тебе знать, где они есть? — прервала Афелиса. — Видел, что ли?

— Нет! И не хочу никогда видеть. Не надо мне такого добра. Ладно, пойдете, — юноша двинулся по проложенной широкой дороге прямо к дверям. — Я все думаю, что зря мы посторонились и не ворвались в тот домик. Посмотрели бы, кто там бродил, а хотя, чем больше думаю, тем больше кажется, что все это было нечто вроде иллюзии. Я знаю, что чернокнижники занимались подобным и призывали злых духов, чтобы испугать жертв. А на деле они бессильны, всего лишь сгусток темной энергии, не умеющий даже передвигаться самостоятельно. А вот Рэнделл твоя, — он обернулся, смотря на Жиамет, — совсем доверия не внушает.

— Ты ее не видел ни разу, а уже столько выводов понаделал, — поравнялась с ним, поднимаясь по ступеням. — Не стоит. Даже если она и опасна, то из-за влияния извне.

— И нужна она тебе? — упрекающим тоном воскликнул Элид, хватаясь за ручку. — Я совсем не понимаю. Но будь твоя воля. Никто не возражает: ни Анариэль, ни я, ни Илекс, вообще никто. Я хочу уберечь тебя, и он тоже хочет, — кивком указал на Анариэля. — Прислушайся, пожалуйста, к нам.

— Как скажешь, — коротко ответила она, облокотившись о косяк. — Открывай.

Элид дернул ручку, но дверь не открылась. Еще и еще — все напрасно. Наконец, на четвертый раз, ручка проскрипела и одна из дверц отворилась. Его спина удалилась вглубь большого зала, облицованного темным камнем. Из проема окон лился свет. Элид остановился посередине, дожидаясь остальных. Шаги эхом раздались в арках. Малейший шум был большим потрясением. Дверь Анариэль не закрыл и остановился подле насупившегося Элида.

— Разделяться не стоит, — сказал мужчина тихо, обдумывая лучший ход. — Я не знаю устройство замка, есть ли здесь потайные коридоры. Если разбежимся в разные стороны, то, боюсь, опасения наши сбудутся.

— Будем смотреть в оба. В подвал спускаться не будем, это уж точно. И там наверняка замок. Всего четыре этажа. Даже если кто-то есть, мы услышим. Здесь, кажется, гостиная, — проговорила она, чуть ли не шептав, положив руку на широкий дверной проем.

Маг осмотрелась издалека, и вот, что кинулось взгляду немедленно: большой круглый стол, стоящий наперекос из-за сломанной ножки, резные стулья вдоль стен, раскрытые полки и разбитое стекло на ковре. Ничего примечательного — разгром, какой приносили когда-то местные варвары. Картины самые обыкновенные, с заливами и живописными горами. Элид, глянув через ее плечо, всхлипнул и бросился к другой двери, не поодаль: там был кабинет. Все эти комнатки совершенно похожие по прошествии времени и под шкодничеством. И вот, дошли до кухни. По полу стелилась обсыпанная известка, краска и

старые, почерневшие доски. Белая ткань укрывала длинный стол, колыхаясь на поднявшемся ветру. Анариэль каким-то наитием чувствовал, что в замке далеко не все обчищено, тем более, что из кухни и обеденной сквозило дурным запахом. Это настораживало и не позволяло необдуманных вольностей. Он разглядел нож, воткнутый острием в доску, и, вытащив, подивился: «И какой дурак оставит такое добро здесь. Новый, так еще и заточенный». Положив его на ладонь, чтоб получше разглядеть, Анариэль хотел было обернуться, но взгляд его зацепился за два проблеска в тени. Невыразительным стало его лицо; губы сжаты. Тяжелый, еле подвижный взгляд тянулся к углу. Что-то сместилось тогда в его душе, но лишь на мгновение — взор снова застыл. Долгое молчание пробивало нервы, щекотало их и истерзывало. Афелиса, махнув рукой, и поманив его идти дальше, позвала по имени, странно и подозрительно. Он оступился и, отводя нож за спину, посмотрел на нее, а затем кивнул на два женских трупа. Неуверенно и будто не веря, в глазах на миг потемнело. Краем глаза она замечала эти очертания, вовсе не зная, что это, от навязчивого мистицизма.

Афелиса отвела его в сторону, наскоро шепнув на ухо: «Идем». Потянула мужчину за рукав, не желая оборачиваться, но испуг подбадривал ее посмотреть еще раз: те тела уже разлагались. Лица, обтянутые сухой, потемневшей кожей, смотрели в потолок, глаз не рассмотреть. Пара проблесков седых волос, раскрытые рты, скрюченные руки — все, что уловила маг, и поскорее хотела избавиться от увиденного. Анариэль молчал. Осознав те сцены, которые могли твориться здесь, гримаса немомо удивления вмиг слегла.

— Я думала, что от тел избавились... — Афелиса подала голос только в коридоре, недалеко от лестницы. — И как такое упустили? Или убийство произошло недавно?

— Что случилось? — спросил он заинтересованно.

— Резня. Не один замок потерпел такое. Почти каждый дом. Охотники не только обстреливали, но и резали людей.

Анариэль раскрыл губы, чтобы добавить, но шум издали поверг его в больший ступор. Внезапно потолок задрожал под торопливыми, резкими шагами. Выкрики: «Быстрее!», заряд оружия — все это пролетело так быстро, что, не успев осознать до конца, Афелиса взгляделась на лестницу. Поддавшись сильной хватке Анариэля, кинулась назад, за угол. Элид отскочил от ступеней к порогу кухни, и понимая, что не успеет добежать, нырнул в комнату, забился в угол между шкафом и стеной. Надеясь на темноту, он закрыл рот руками, боясь издать малейший звук. Выстрел, еще один. Пули впились в стену. Афелиса, продрогнув, метнула взглядом на незапертую дверь и утащила его за собой. Здесь, в тесной, прозябшей комнатухе, они утопали в холодном поту. Теплое дыхание, щекочащее нервы, прекратилось, как только размеренные шаги приблизились. В помещении был проход в кладовую, и, затворив дверь, они были в шаге от настоящего ужаса, не сыскавшего нигде намеренно. Мрак капал ядом в глаза: Анариэль выглядывал из маленькой щели, придерживая дрожащую Афелису за плечи.

— Упустили чертей! — послышался громкий мужской голос. — Да ну, здесь они, в окна не могли убежать.

— Смелости бы не хватило, — добавил второй, вновь звон ружья. — Ладно, командир не узнает. Смена не долгая. Пойдемте. Бдительны будем. На втором этаже останемся, оттуда все слышно.

И ушли, кажется, нехотя. Тишина снова облачилась, снова все утихло, замерло в сильном трепете.

5. Тени власти

Вдруг Амери взял ее за руку и, опустив голову, пошел навстречу. Между тем мужчина поклонился, оказав честь господину и Розалинде, и, пройдя внутрь беседки, развел руки будто бы в глубоком сожалении. Как выяснилось позже, звали его Хилайном; в жестах прослеживалась четкая готовность к услуге, галантные поклоны, собранная речь и безупречная харизма — все это выдавало его существенную роль дворецкого. Служил своей должности верно, но не хозяевам. По уходу Авианы Хендерсон — нынешней хозяйки дома (и то, покончить с наследством и распределением семейных ценностей не могли, и, кажется, странное это дело покатится к обрыву и разобьется, что полетит одна пыль сожаления) — из его уст и вздоха печального не вырвалось, Хилайн принял побег хозяйки как действительность, которая когда-то непременно должна совершиться, и часом ранее или позднее — неважно. Теперь же на его крепких плечах и непоколебимых нервах восседал Амери, почитаемый наследником и уже ставший господином. Причина его прихода Розалинде не ясна; она смутно понимала, кто он таков и по какому делу. Поначалу разговор их плыл по верхним волнам, а темной воронки не ожидалось. Сложив руки, она стояла, поднимаясь на ступень у беседки: красоты местная разруха никакой не держала. Закралась мысль, вполне предвиденная: «Не уж-то обманул? Где же то, что он обещал? И этой разрушенной беседке мне нужно удивляться? Это уже за пределами наглости...» Серость витала в воздухе, проникала, словно щупальцами, в доски, запачкала их едкой копотью, и все повалилось: кое-где, на верхушке крыши, мелькала светло-розовая краска, и та стерта и суха. Всем существом вдавалась девушка в их разговор, подпитанная подавляемой злостью. Огорчение, смешанное с раздражением — непобедимый союз, застававший ее врасплох.

— Вы малость задержались, — проговорил дворецкий, мрачный, как туча. — Но позвольте выйти на честность: кучер всему виной. Если он так подводит, то стоило бы лишить его месячной платы и отослать. Таких «мастеров» бескрайнее море, хоть в сито народ пропускай, и они, острые камни, всплывут на виду.

— Нет, конечно, что же ты так на несостоявшегося батьку гоните! — с шутливым упреком сказал Амери. — Не в нем дело, а скот упрямый. Не лошади, а быки. Не стоит. Мы не могли бы приехать вовремя, это природное явление виновато, — особый акцент он сделал на природном явлении, намекая на свое мнение и принципы. — Но задерживаться не станем. Веди, коль не шутишь. Прошу, Розалинда.

Она была уверена, что не будь ее давешних требований, то обращение его звучало бы так: «Милая Розалинда». В этом деле Амери оказался серьезным и позволил своей невидимой тросточке оступиться. Впрочем, вещь эта примечательная — трость. По раздражению пинает, по счастью из рук валится, а по злости убивает. Частенько в ее фантазии витал его образ с этим предметом, и то, как прекрасно дополняла Амери трость, нагоняло нехилые мысли: «Идеальный дуэт. С ней и вид презентабельный, и не стыдно выйти в свет. Однозначно то, чего ему не хватает». Он протянул девушке ладонь, облаченную в черную перчатку, и прижав ее за локоток, шепнул на ухо: «Не отчаивайтесь так. Скоро, несомненно, скоро...» Мочку обдало теплом. Недоконченная фраза застыла в воздухе вопросом: «Что скоро? — думала она, чуть отстранившись. — Скоро я огорчусь еще больше? Видимо, то и следует». Дворецкий вырвался вперед, ведя их к подножью склона. Она рассматривала его и тогда, но теперь взглядов не стыдилась: мужчина этот лет

пятидесяти, одного с ней роста, но, несмотря на эту маленькую не состыковку с характером, вид он внушал сдержанного, приторно-чопорного человека. Полное тело во фраке, круглые очки, спадающие с носа, выбритая борода и седые, приглаженные волосы — собственно, вся его непримечательная наружность. Глаза тяжелые, метавшие безразличные, ничуть не любопытные взгляды. Тяжелы тем, что темны, а морщины делают эти две пуговики глубокими. Отойдя от пары в шагов десять, он оставил их за личным разговором. Амери, конечно, такое внимание к мелочам было любезно, а Розалинда, не понимая совершенно, куда направляется, и голову не подняла.

— Когда я смогу узнать, Амери? — спросила она настойчивее. — И, я так понимаю, мы только встретились у беседки. Хорошо, что это не оказалось местом, как Вы говорите, свидания.

Само слово это восторга не вызывало. Прежде всего, она поехала на встречу, заинтригованная обещаниями и манящими рассказами, а получила в конце лишь молчание, да дворецкого под боком, подозрительного дядьку. Хоть он всем видом своим и не показывал желания слоняться вокруг них, но беспокойство пробрало Амеан, и предчувствие какой-то внезапной остроты выскользнуло наружу.

— Не переживайте. Вскоре мы останемся наедине. Тогда я Вам все расскажу, все про все. Но не бегите раньше времени, доро... извините, Розалинда, — он неловко улыбнулся, и, остановившись, потянул ее налево. — Осторожно, здесь крутой спуск. Берегите себя, не стоит забываться. А Вы, к слову, пускались в море?

— Нет, еще не пыталась, — она оглянулась на склон и повела плечами: если б и упала, не сломала бы ноги. — Я бы предпочла другие способы покончить... Боюсь я этой глубины.

— Что же вы, Розалинда! — досадливо воскликнул он, заглядывая в ее личико. — Я не об этом. Но, кажется, и узнал многое. Вы еще молоды, и так красивы. За что же? — Амери замолчал, но, вздохнув, продолжил. — Я не понимаю, правда. Никогда не катались на корабле, на лодке? Вот, что я хотел узнать, но спасибо за такую откровенность. Я и не думал, что Вы доверите мне свои тайны... Довольно неприятные.

— На то они и тайны, — как бы не понимая его реакции, ответила она. — А так нет, никогда не плавала. Воды боюсь до ужаса. Надеюсь, Вы не используете этот мой страх против меня, да? Иначе я вынуждена отказаться.

— Так уж и быть, я понимаю ваш страх. И не думайте, что я способен на такое зло.

— А на что же Вы тогда способны? — Розалинда хихикнула, зажмурившись от лучей солнца. Эта фраза несерьезна, объясняет это и тон, и ее короткая ухмылка, но Амери тот еще комедиант: изобразил удивление, и, откашлявшись от сухости в горле, подправил воротник.

— Шутка скверная, — выплюнул он хрипким голосом. — Пусть я и не принц в Ваших глазах, но уж точно не злодей. Печально, что Вы так думаете...

— А как же иначе думать? Разъясните, и, может, я Вам поверю, — Розалинда все говорила с легкой издевкой, которую Амери сразу прочувствовал, но повел себя по ее правилам: роль жертвы — выигрышная позиция, заодно, он мог узнать о ее способности чувствовать, ярко или блекло. — Вы часто говорите о своем прошлом, а что насчет настоящего?

— Что же о нем рассказать можно? Оно не завершено, и лучше дождаться, когда плавно уйдет в прошлое, чтоб все по делу, и, как говорится, ясно. Конец неизвестен, потому я и не отвечаю на вопросы о будущих намерениях, судьбе, и всем таком сомнительном. Это вполне объяснимо. Или отвечаю незнанием. Тоже проверенная штука, — рассеянно утекла его последняя фраза.

Спустившись со склона, они завернули за холм. Дворецкий и не оглядывался, лишь скрепил руки за спиной и шел, чуть сторбившись. Слух его явно не подводил. Выходившее солнце бросало на его сухие ладони свет, то вновь пряталось за тучи, резвясь на небосклоне. Дорога, проложенная прибрежным песком, вилась вдоль холмов и пушистых деревьев, покачивающихся, точно в люльке, на ветру, пока, наконец, не привела к высоким воротам. Кирпичный забор уходил далеко, скрываясь за деревьями, деревянные ворота с закруглённой вершиной так и взывали вовнутрь. Домик стоял, будто недавно построенный, и наружность имел приятную: выложенный из коричневого кирпича, усеянный пожелтевшей листвой и опавшими ветвями, с широкими окнами, а шторы — вязанные! Беленькие, точно вылезшие из рук мастерицы, они укрывали нежные лепестки цветов на подоконнике. Запахом теплого кофе, домашнего печенья, старыми книгами — вот, чем веяло из этого чудного домика, словно пряничного убежища. Розалинда вглядывалась в окна, стараясь уловить какой-нибудь силуэт, но безуспешно. Достав ключи из кармана брюк, Хилайн провозился с замком, и, наконец, отворив ворота, со вздохом встал в стороне, пропуская госпожу и хозяина.

Туча навлеклась на пустынный двор, грозная и рычащая. Амери задержался у ворот, и, перекинувшись несколькими словами с дворецким, ступил вперед. Раздался хлопок — ворота захлопнулись. Розалинда оглянулась, как Хилайн вдруг пропал. Внимание на такой скорый уход она не обратила, ведь все, что занимало ее — дом. Кроткий шаг к двери, и еще один. Внезапно ткань платья стянулась, тело отозвалось мурашками на поясе: сильные пальцы искривились, будто бы впиваясь в нее. Она повертела головой, едва ли не взвизгивая истерически, обернулась и, о, какая картина! — на ее подрагивающем плече, словно посапывая, Амери улыбался; сквозь пелену непонимания, одолевающую ее мозг, тихо проговорил:

— Нам вон туда, — лениво кивнул он за угол, и, мотнув головой, вдохнул ее парфюм. — Лаванда. Я ведь не ошибся?

Привалившись на девушку, он вынудил ее шагать туда, ко входной двери. Розалинда дергалась порывисто, вздыхала так жалобно: глотку душили «случайные» прикосновения. Представила она совершенно ясно, что скрывается за столь страстными объятьями. Подкатил мгновенный испуг. Реснички ее хлопали, задерживая слезы, а ноги, подкашиваясь, шли по своей воле. На вопросы отвечать не хотелось, из горла лишь выскальзывали просьбы прекратить и отпустить непременно.

— Чего Вы так кричите, Розалинда? — непонимающе спросил он и прильнул ближе. Мерзкие ожоги, оставленные дыханием, искрились на коже, насытившись ядом. — Вот уж не узнаю Вас. Вот мы и пришли. Посидим в домике, поговорим... Знаете, я давно мечтал с Вами, наедине. Прекрасное мгновение, прекрасное место, не так ли?

Он отпустил ее, и тут же схватил за руку. Мокрые, темные глазки вгляделись в мужчину, утопая в страхе, а тело порывалось бежать. Только куда? Куда она, ослабевшая и потерявшая бдительность, унесется? Вдали от города, разрушенного, покинутого, чувствовалась лишь опасность, вред. Сопrotивления быстро утолялись рывками и задабриваниями. Миг пронесся бесследно. И вот она на крыльце, трясется, как кипятком ошпаренная, стоит, на грани истерики, и приступы припадка стекались в кулаки, надежные и крепкие. Давно она поникла в воспоминания: те самые, из приюта. Как ее, истерзанную собственными нестриженными ногтями, волокли на мороз; босые ножки касались белоснежного снега, а дальше — резкий хлопок. Тело пробивало ознобом, пятки горели, будто на иглах, грязная челка лезла на опухшие глазки, и темнота, поглощающая и не сокрушаемая. После ее,

выдохшуюся из сил, находили у флигеля; себя она помнила, словно сквозь сон, а ощущения действительные. Боль не выдуманная, настоящая, и покрывала ее в панике, какую контролировать не в силах. Только к четырнадцати годам ближайшее общество заставило ее сдерживаться, неважно как: сквозь слезы, режущую боль, кровь — все равно. Главное, что крик прекратился. Но внутренний визг усиливался и заострялся, и однажды так резанул по сердцу, что кричала девчонка в бешенстве, в дичайшем приступе после большой обиды, или ссоры с подругами.

— Проходите, — снова его заигрывающий голос. В руке сверкали ключи на подвеске. Дверь тихо скрипнула, порог озарился теплым светом. — Нечего на пороге без дела стоять. А Вам, собственно, чаю, может? Неважно выглядите. Это Вы, Розалинда, прекращайте, не сегодня!

— Что вы хотите?... — звучала она тихо, сбивчиво, давясь поступавшей слюной. — Что это было? И Вы позволяете себе такие мерзости? Теперь я, наконец, увидела, что терпели Ваши девушки! Какую низость! А я-то... я-то думала, что правда, — она всхлипнула, не в силах сдержать слезы, — правда Вы покажете что-то удивительное... а оказалось! Конечно, удивило, но на порог не ступлю! Выпустите меня!

— Распереживались так попусту, — сочувственно мужчина погладил ее по плечу. Розалинда отдернулась, резко вскочив на землю. — Ну, не суетитесь, милая. Это простое объятие, пусть и преисполненное некими чувствами. Навредить я Вам никак не хочу, и не думайте о таком! Смотрите на меня, будто на маньяка. А зря!

— Какими это некими чувствами? — вскрикнула она, едва ли не оступившись о бордюр. — Какие чувства? Я Вас не знаю толком! А Вы уже о чувствах каких-то заикаетесь! Перестаньте, сейчас же, не потерплю... Не буду ничего пить. Отвезите меня в замок. Я не хочу!..

— Успокойтесь и мы поговорим. Вы слишком возбуждены плохими эмоциями, и все воспримете искаженно. Я объяснюсь, обязательно.

Сцена представлялась таким образом: Розалинда, сконфуженная окончательно, мрачно поглядела на дверь, круто повернулась и стала лицом к цветам, да скамейке напротив. Со страшно нахмуренным лицом, девушка опустилась на нее, то и дело мяла край широкого воротника, отрешенно прижавшись к спинке. Щеки ее вспыхнули алым заревом, не впалые больше, поправившиеся, последняя слеза навернулась и ударилась об сжатую ладонь. Амери глаз не отрывал с жалкого зрелища: кто так прежде ревел перед ним? «А у этой-то где гордость? — спрашивал он себя, надменно сложив руки на груди. — Не созрела еще, а столько бед накрутила себе девчуля. И не подпускает». Он, как только осознал серьезность своего сделанного дельца, тотчас же уселся на скамейку и искоса поглядывал на Амеан в ожидании разрешения, чтоб изложить все как есть. Ясное понимание того рокового касания опечаталось в душе, впилося черными нитями, точно заштопало темную дыру. Всклипы и девичье вздохи... но все равно одиноко. Совесть не кольнула его, напротив, отказ воспринялся, как должное, и, видимо, готовился к нему, как к одной из развилок последствий.

— Вам плохо? — спросил он со всем участием. — Я помогу, только скажите. Меня пугает Ваше молчание.

Голос его звучал тихо, звон исчез, гонимый напряженными нервами. Розалинда взглянула на Амери ненароком и уловила печаль, смешанную с требованием, выразившимся в просьбе. «Хочет помочь? — промелькнуло к ней как молния. — Излечить от своих же

пороков? А ведь Филген говорил, что он непостоянный... Что, если прямо сейчас он разозлится и накинется? Как чудовище». Теперь уж Филген предстал перед ней сущим ангелочком, над головой которого кружит невидимый нимб, и белые, точно махровым снегом покрытые, крылья укрывают ее, совсем девочку, уносят за небосвод... Далеко ли? Вдруг дьявол проникнет, и что тогда? Вся зря? Развитию мысли помешал вновь тот же голос, покалывающий страхом.

— Мы не задержимся надолго. Кучер прибует к восьми часам. Но, честно, мне хотелось бы провести с Вами куда больше времени... Но я понимаю, как Вы страдаете сейчас, и, возможно, проклинаете меня. У меня не было недобрых намерений, и не могли бы Вы разъясниться?..

— Разъясниться? — пробурчала Розалинда. В потухшем взгляде мелькала обида, вся злость улеглась, но в любое мгновение готова вырваться ярким взрывом. — Держали бы Вы свои руки при себе. Это неуважительно и непозволительно! Вы укрепили мое мнение о Вас, поздравляю. Я бы хотела уехать раньше.

— Раньше никак не получится, Розалинда. Это объятье, непозволительное и черствое, вызвано чувствами. Светлыми! Никакого порока, никакого сладострастия. Уж поверьте мне! Отчего же не обнять хорошенького человека, ну, позвольте ж... — Амери замешкался. Она смотрела на него неотрывно, но так пусто, что ему становилась тесно, хотелось вернуть все в недалекое прошлое и успокоить свои порывы... Эх, если бы! — Помилуйте, знали бы Вы, как интересуете меня! Любопытно слушать и смотреть, и, я признаюсь, что Вы согласились на встречу и изволили сесть со мной в одну карету. Это правда многого стоит, — голос его кидался к волнам: то тихий шелест, то громкий, грозный вихрь. Розалинда была из тех, с кем хотелось церемониться, и чью натуру можно было обозревать со всех точек. Конечно, не всегда тон соблюдался, был на грани разоблачения. — Я Вами давно интересовался... давно! Чтоб Вы знали, милая моя Розалинда! Даже Филя тогда не знал о Вас и не хотел, напуган он был ужасно свадебкой предстоящей. Пусть Вы и знаете обо мне много плохих вещей, но часть из... даже половина — пустота. Да, именно, — кивнул своим словам, глядя на ее немое удивление. — И теперь не верите? Это очень печалит, а так хотелось примкнуть к Вам ближе, не только телом, но и душой. Вы прекрасны, и я посвятил бы Вам стихи, да никогда не писал. Может когда-нибудь... Когда-нибудь, как говорится. Верите ли в подвиг Имберда? В ту любовь... верите? Только одно слово, и я знаю, чем ответить, не медлите!

— В-верю, — ответила Розалинда, смущенная его болтливостью после затишья. — И зачем Вам все это?

— Ну вот! — радостно воскликнул Амери, придвигаясь к ней. — И, значит, в мои чувства верите. Что же это за действие такое, которое подвигом прозвали? Безграничная любовь к близкому, живому... Я не так выражаюсь, если еще раз так произойдет, то не ищите второго смысла, пожалуйста. А вот и Вы стали спокойны... хех, посветлели будто. И почему же в такие жертвы верите? Что же, значит, любили кого так же сильно, да?

— Да... Любила, — она помедлила, едва ли не сказав: «Люблю». Но привлечь лишние расспросы не хотелось. Розалинда знала, что прежде нужно было выдумать историю, и что ее многолетняя привязанность совсем осмеется, Афелиса подвергнется риску. «Если люблю, то хочу, чтоб она счастливой была. А если так не будет, то и я неспокойна буду. Но разве могу я узнать как она живет, и живет ли вообще?»

Легенда эта будто бы не имела истока. Безызвестно, откуда взялся Имберд со своим подвигом, и кем была та девушка — зачинщица его жертв, оставшаяся безымянной. Но

детали эти настолько мелочны, и народ поверил, что земля, на которой родился человек, какой бы рыхлой, бесплодной не была бы, не вживается в натуру человеческую, а значит, и никаких последствий не приносит. Следовало остановиться именно на внутренних качествах. А подвиг этот ставили в образец искренней любви, осторожной и правильной. Чем же заслужил Имберд такую память? Некоторые скептики твердили, что глупо мстить, и что вовсе не любовью горел он, а желанием: самым пошлым и осмеянным. Другие, что девушка из дворян сама вызвала война на такой грех, побудила предать войско ради себя: бесчестной, грязной любовницы. Розалинда же верила в ту искру, которая блестит иногда в середине пути, которую так сложно уловить и осознать — влюбленность... Прекрасна ли?

— Тогда я могу говорить откровенно, раз Вы так страстно любили. Говорю именно о чистом чувстве, а не о привязи. Но, кажется, и та любовь Имберда не погибла, а продолжала жить в ее сердце. Он же погиб на том поле... Ладно, опустим это. У Вас не должно быть упреков, Вам незачем злиться или ругаться. Все попусту будет. Я говорил, что интересовался Вами, да... И тогда я пытался раздобыть о Вас как можно больше знаний. Но нет, не подумайте! Следить я уж точно не собирался. Так, между делами. Вы известна в светских разговорах, и по сей день остаетесь. Разгорелся скандал, связанный с Дарьей. А я думал, она поступит умнее и станет молчать.

— С кем скандал? — с опаской спросила Розалинда: «Неужели по городу уже разнесла? Себя же погубит!» — Со мной, да?

— Во многом задевает Вас, — он кивнул, и, облокотившись о колени, примкнул подбородок к костяшкам. — Жалости выпрашивает. Уже и бедняжку того опросила, и меня, а Филя молчит, плечами пожимает, точно немой. Ничего не знает. Вот, как мы верны Вам, Розалинда, — он улыбнулся, и тут же поправился. — Ну-у-у, о нем ничего сказать не могу. Не залезу в его голову. Но зайчик-то ушки на остро держит, лапки поджал, да поскакал мне царапать... бумажки всякие. Отец на него вообще не смотрит. Как по Филеному велению, по Филеному хотению. Ух, сказки!

— И как она жалость выпрашивает?

— Как обычно, — ответил он, шаркая ногами по листве. — Кидается ко всем, кто только состояние имеет. Чтоб пожалеть. А кому она нужна? У меня всегда были сомнения насчет нее... И сынишки, они же пропадут с такой женщиной! Себя воспитать не может, на что их заделала? Разве подобающе? И Вас на свои плечи взяла. А сейчас ходит и выплескивает на всех слезы. Хотя... это работает. Все стали относиться к ней милосердно, ибо «у бедненькой опекунши дочка сбежала», как дальше жить? Вам в Улэртоне лучше вообще не появляться. А хотите, в Блоквел уедем? Вас держит что-то? Батка у меня пока не собирается помирать, так что, как далеко не гляди... А все равно наследство не увижу! Только скажите, и я порешаю все вопросы.

— Как это, прямо сейчас? Не сдурели ли?

Розалинда молча подняла почти грустное лицо и с оскалом ненависти ответила. И ничуть не странной показалось Амери вся та нескрываемая язвительность, медленно выступающая во взгляде. «Зачем зубки скалишь не заточенные? — усмехался он, глядя на высохшие слезы. — Потом же вновь заплачешь, и еще хуже...»

— Вы же знаете, что творится, — добавила она, отвернувшись. — И в какой Блоквел? Там опаснее. Лучше забыться куда-нибудь и заснуть вечным сном.

— Не вся земля там отравлена. А, знаете, куда не поезжай, где не оставайся, а повсюду война! Я не знаю, где спокойнее, наверно, в Гроунстене каком-нибудь.

— Как это в Гроунстене? — в недоумении спросила Розалинда, оставив воротник в покое. — Это же ядро всего, что сейчас творится. Как там может быть спокойнее? Не глупите. На острове должно быть опаснее всего, чем в других государствах.

— Все зло оттуда исчезло. Ну, так говорят, — Амери пожал плечами. Откинулся на спинку и, поддавшись лучам солнца, прикрыл глаза.

— И кто говорит? Неужели охотников больше нет? Если так, то в Гроунстен — самое то.

— Эх, да сам-то я не знаю! — выдавил он с раздражением, почесывая виски. — Голова уже болит от этих разборок. Давайте хоть сейчас отвлечемся. Могут возникнуть моменты, из-за которых Вы вновь погрустнете... Разве оно надо Вам, мне, всем?.. И вправду Вам чая может? — мужчина выпрямился, обхватив край скамейки двумя руками, и взгляделся в нее. — Это скрасит ранний вечер. Домик славный, а закат... Каков закат! — проговорил он с нотками восхищения и поднялся. — Дорожу каждым моментом, проведенным с Вами. И неприятно будет вспоминать, если...

— Хорошо, — прервала его Розалинда. Понятно, что говорить об этом ей не хотелось, как и тогда. — Идите. Я скоро приду, только позовите.

— Давайте вместе пройдем, м? — он склонил голову и с улыбкой подал руку. — Осмотритесь хоть. Поглядите, как свободные люди живут.

Амеан поднялась с его помощью, разгладила подол платья и кивнула, понимая, что спорить бессмысленно. Всякий вздор с таким человеком не вызовет в нем даже укора, что уж говорить об обиде. Все для него — шутка, выдавшийся момент, чтоб вдоволь посмеяться. И вскоре незаметно он приобрел власть и с ухмылкой будет, как полагается, править над ней. И для чего же такой стыд на девичью голову? Лучше промолчать и не поддаваться незаметным уловкам, выудившим ее, в конце концов, на крючок. Они вновь поднялись на крыльцо: Амери пропустил Розалинду и, закрыв дверь, двинулся к широкой арке.

Нервная дрожь, раздражавшаяся ранее, точно гром, перешла в какую-то болезненную: она ощущала даже озноб. С усилием Розалинда стала всматриваться во все встречающиеся предметы, рыскать глазами по тумбам, как бы в поиске развлечения, но все сводилось к задумчивости. Плохо удавалось рассмотреть быт редко посещаемого дома. Замок не брякнул — значит, безопасно. Опять же, поминутно вздрагивая, девушка пыталась осмотреться, что забывала, о чем думала и что происходит. Мысли бегали в замкнутом круге, нескладные и выбившиеся из ряда. Коридорчик пустовал. По левую сторону — вешалка, посередине — лестница на второй этаж, а направо — кухонька. Все виделось миниатюрным после замков и приемных комнат, что нагоняло уют, но понимая, при каком обстоятельстве и с каким человеком она здесь, словно заточенная — страх не давал разрядки. Или лучше бежать, пока он занят, пока не слышит? Или только к ней и прислушивается? Розалинда положила ладонь на дверную ручку, заглянув за арку: Амери, повернутый спиной, стоял у стола, и лишь локти его двигались, назад и вперед. «Может, искоса поглядывает, а я не вижу? — допустила она эту мысль. — Вроде что-то наливает. А если отравы, если я усну... а дальше что? Зачем ему усыплять меня? Опыты на мне делать, или что похуже?» «Что похуже» представлялось ей смутно. Она вспомнила о рассказах девчонки, о том, как ее били, пытали и заставляли... Об этом и подумать страшно. Ноги ее отяжелели, Розалинда почувствовала резкий порыв ко сну. Будто сбылось!

Снова шаги: тяжелые теперь, не уверенные. На минуту ей показалось, что в доме еще кто-то есть, запертый, голодный, и ходит кругами от безысходности. Но нет, это был Амери.

Он, держа в руках чистую тряпку, натирал чашки, и смотрел на нее без подозрения, точно не замечал ее, трясущуюся, как лист на ветре. Какая-то рассеянность и задумчивость стала понемногу овладевать ей: минутами Розалинда словно забывалась, прицеплялась к мелочам. Вот, у него прядка не так сидит, этак лучше ее переместить к затылку, а вот, ветка за окном дернулась: птичка бурила в ней дыру, точно дятел. И, кажется, чашка скоро лопнет от такого напряжения. Губы его сомкнулись критично, требующее. Сейчас, что-то произойдет непременно, предчувствие сулило ей, то ли трагедию, то ли спасение.

— Чего Вы застыли? — спросил он, расплавляясь в доброй улыбке. — Скоро все будет готово. Или Вы так осматриваетесь?

— Да, — кивнула она, но тотчас же прошипела про себя. — скоро. Извините.

Амери ничего не ответил и смылся с ее глаз так же быстро, как она смогла опомниться. Отвращение особенно поднималось и росло в ней с каждым шагом. Ни за что бы девушка не вернулась сюда, к хозяину дома, пусть бы это стоило поистине дорогого... Но ради кого? Ради Афелисы? И что ей даст это кушанье? Возвратит ее, как подарочек небесный? Во всяком случае, изменений не наклевывалось. Шагнула вперед: кухонька показалась, светлая от свечек на столе, скромная, но уютная. Только черт царил в ней, размахивая локтями. «Что это я и вправду, как дурочка? — осудила она себя, прислонившись к арке. — А вдруг его забавит мой страх? Как же его не чувствовать, когда я совсем близко? Вот, разливают кипяток. Чашки пусты, вроде бы. Значит, отравы пока не подложил. Нужно наблюдать, а не носом кивать». Подозрений его действия не вызывали, но страх никуда не уходил, а предусмотрительность все ослабевала.

— Вам сколько сахара? — он обернулся, держа в правой руке темную сахарницу. — Или, может, вообще без него? Как Вы скажете, так все и будет.

— Две ложки, пожалуйста, — ответила она, шагнул вперед. — А это Ваш дом, да? Не Вы же в Улэртоне живете, там места не хватает?

— Хватает, еще как! Почему же нет? А домик этот мне от матери достался; батька, кажется, и не знал про него. Странно как-то, да, понимаю...

— И как так получилось, что отец не знал?

— Забавно — вот, как получилось! Он не нежен был, не одаривал ее ванилью всякой. Она вот и сбегала от него сюда. Здесь раньше ее родители жили и отдали в наследство ей, единственной, — он поморщился от пара, разливая кипяток. — Как-то так. Я тоже часто ухожу сюда. И повезло, что он в таком отдалении от города. А если подумать о ситуации, то просто сказка!

— И Вы последовали его примеру? — сказала она с отвращением. — Ваш отец. Нашли же, под кого строиться. К чему все эти издевательства?

— Было пару раз, — сказал он с тяжелым вздохом, выдавая, что говорить об этом не стоит. Поставив чайник, Амери взял чашки, и аккуратно понес к столу. — Но эта женщина совсем из себя вышла. Вы не знаете, как она себя вела в доме. Ластится, все, нежится, а потом как даст пощёчину, что зубы чуть не выбьет.

— Отчего она так? Наверняка были причины.

— Причины! — воскликнул он с выделанной трагичностью. — Бедную запугали. Ага, еще чуть ли не убили. Но нет, Розалинда. Единственный мотив — хотение. Просто захотелось, отчего же не выместить на сына всю свою гниль? Потом ходит по домам, терзается. А я не железный, и человек по природе. Не выдержал. И раз ей задал, чтоб ночью не шаркалась на улице, и кто ее такую, растрепанную, точно призрак какой-нибудь, или

женщина, которой чести лишили, возьмет в охапку и по головке погладит? Посмеются только в лицо, узнают, ишь, разглядят, что та самая госпожа Хендерсон, позор ей на голову, — чашки со звоном стукнулись об край. Амери выругался тихо, про себя, поставил их, и обернулся к девушке, прислонившись к столу. — А я ей говорю, что, дескать, батя велел не высовываться и на меня не гнать. Что права не имеет. Один он только и заботится о моем блестящем будущем, — говорил с сомнением, так, шутя и не понимая искренности тех давних слов отца. — Блестящее... аж тошно. Какое мне будущее? Мне только в прошлом и жить! И понимаю, почему так происходит. Ох, если б бутылка с крепким винцом была рядом, то все Вам рассказал, все про все! И про отца, и про мое будущее, и про... Эх, что Вам, — он махнул рукой и зашагал к окну. — Не для того сюда приехали. Вы садитесь, не стесняйтесь. Как... как дома, вот!

Обжигающие клубы пара распространялись по скудной кухоньке, прижимаясь к потолку. Тучи нависли над домом, угрожающе пряча солнце: все померкло. В углу, у единственного широкого окна, стояли догоравшие свечи. Желтый свет парил лишь у стены, остальная часть поникла в странное уныние. Все было убрано, точно и вправду приезжали сюда раз в год, чтоб только совесть не грызла о том, что где-то чахнет домик, ненужный и вроде бы свой. Амери застыл у окна, спиной в ней: плечи вздымались, подрагивали, грудь колыхалась, будто сдерживала обозленную печаль за тоненькими прутьями. Теперь мелочи не волновали, и говорить не хотелось, силы иссякли. Она уселась на стул и взглянула в чашку: пар впился в щеки, покрасневшие и ставшие теплыми. Разжав припухшие губки, проронила:

— Рассказывайте, коли хотите.

Не хотелось говорить, напротив, лишь слушать, да кивать, показывая свое участие. Тоска заморит его сердце, разъест, и черт не знает, что тогда наступит: злобный порыв? Крики? Что угодно, только не хорошее. И случались ли прекрасные мгновения, когда улыбка лезла без удержки, когда смех вырывался, искренний, неподдельный, когда чувство опасности утекало, сменяясь на теплое ощущение в груди? Нет, и вряд ли наступит. Не тот человек для приятностей.

— Действительно ли Вам интересно будет, Розалиндочка? Мне-то так... не определюсь сам. То хочется что-то высказать, но сторонюсь, если вдруг, воспримут это неправильно, и случится что-то. Всякое бывает. Вам-то знакомо это чувство, я и не сомневаюсь. Но Вам все хочется выдать таким, какое оно есть. Верны ли Вы секретам? Меня часто обрезонивали, но, честно, ничего не понимал. Не мог сдерживаться. Знаете, какой противный я человек, а тут мне еще про добро, про честь что-то говорят. И здоровье примешивают. Ну и что с того, если от алкоголизма умру? От своего сладострастия. Значит, так было положено. От старости мне стыдно. Да и вот, вижу, как говорят: «Вон старик Хендерсон — пьяница погорелый, бодрячком, того поди, завтра на рассвете перемкнет». И перемкну. Сбудется все. Я, признаться, только это вижу, а промежуточный отрывок — нет, — он вздохнул, набравшись сил на тираду. — Ну, знаете, что-то подозреваю, что гулякой и останусь. У меня воля слабая. И невесты не найти. Хорошо будет, если родители оставят меня, и, как говорится, прямиком в одиночество. Мать-то ладно, она шибко не бьется, так, пищит иногда, но кто ее услышит. Сейчас вообще, безумная, убежала, дом свободен. Однажды закроюсь и не пущу ее! — Амери усмехнулся, взял чашку и обволок горло горячим чаем, чуть было не поперхнулся. — Хм, да! Тогда все хорошо, я счастлив. Живу, не смыслю ничего, и как-нибудь докачусь до тех последствий.

— И кто Вам такое говорит? — Розалинда склонила голову, остужая кипяток. — Родственники?

— Да кто попало! Кому языком почесать хочется. И какое им дело? Пусть эти старики спокойно помрут, и на новое поколение не бренчат. А разве среди них не было таких же, как я? Всегда такие были, неспособные. Я знаю, как буду жить, но когда-то же деньги кончатся. Когда-то статус мой рухнет, и девки перестанут ходить... И нужны ли они мне тогда будут? Мне бы тогда на корочку хлеба накопить, стащить у служанок, и те уйдут. У меня, кстати, экономка — женщина света! Вот так! И не хочется, чтоб она старела, но прихворала. Крылышки сломала.

— А что случилось? — задавала между тем Амеан вопросы, хлебнув из чашки.

— Что черт нашептал. Она еще подружка Авианы, что иногда злит. Всегда на ее стороне, и поощряет беднягу. Ну, давайте закончим. Экономка еще хотела на балл пойти, но я уговорил остаться. Печально было бы, если ее унесло куда-нибудь ветром, а она худющая, как собака дворовая. Растерзало бы ее... Мне самому повезло. Только жаль, что с Вами не ушел. Компания была бы получше, — вспомнил он в тот момент женщину, его спасшую, и мерзкие ее просьбы. «Какой мне ребенок? Я сам только что с пеленок выскочил! — думал мужчина, исключая страх ответственности. — Попросту я не семьянин. И наследство все быстро отберут. А есть такие демоны, что готовы глотку родителям перерезать за золото».

— Я с Филгеном еле карету нашли, еще бы немного и не спаслись бы. Везение, кажется, начинаю в него верить.

— Я и не сомневался никогда, что Филя строит глазки лучше любой женщины! Я бы повелся на него, не будь он мальчишкой. Пусть и скромный, но как выпросит, то все к его ногам. А время-то... уже шестой час. Немного нам осталось, я сказал дворецкому, чтоб кучер не задерживался. Не спешите же Вы?

— Нет, — мотнула она головой. — А куда мне?..

— Вы так всю свою молодость на одном месте просидите, — шутливым тоном выговорил Амери. — И что увидите? Я и не сомневаюсь, если однажды Вам в замке места не будет. У Царя знакомый в каждом углу, все к нему придут. Ну, оно сейчас и лучше! Именно сейчас. Пусть мы посидим, а потом поедем. Я, наверное, сразу в Блоквел отчалю. Как прояснится там ситуация. Дома все продам, денег наживу и уеду в свет. От Улэртона ничего не останется, я уверен и даже вижу наперед.

— Почему так уверены? Да, повсюду разруха, но всегда можно восстановить и построить краше и лучше. Пусть даже через много лет, но земля пустовать не будет.

— Да, да, конечно! Всем же так нужно выгребать мусор, очищать землю, чтоб потом что-то построить. Все состояние государства уходит на военную силу, а не на домишки. Эта земля зарастет деревьями, чем угодно, но цивилизации тут не будет. Уже светские люди едут за границу, хоть куда-нибудь, подальше от места трагедии. И наше время настанет...

Разговор этот продолжался еще два часа, и свелся в пошлейшие темы, от которых Розалинда нос воротила и отвечала брюзгливо. Все же, здешние красоты не воспламенили в ней небывалого восторга. Может, Амери хотел что-то да показать, только передумал, как бывает, в последнюю минуту. Ведь порывался же он, чуть ли за руку ее не дергал, вел куда-то... А ее опасение щекотит, предупреждая об опасности. Вскоре пришло время прекращать болтовню и выходить на крыльцо. На счастье, давешних выходов не повторилось, и Розалинде показалось, что он сдерживал себя, все стремился прикоснуться, как тогда, со всем жаром и страстью. Подбадривал ее, как старый друг, однако вспоминался ей тот

конфуз, что такие мысли тут же отпускало. Усевшись, наконец, в карету, девушка облегченно выдохнула и подумала: «Какой друг? Я даже не знаю, кто он мне. И не приятель, знакомый тогда? На встречу с которым я вряд ли соглашусь». Встретил их тот же кучер: мужчина с завитыми усами, хлюпающий носом, и смотрящий с вызовом. Дерзостью он был наполнен так же, как и желанием получить рекомендацию от Амери. Взобравшись на козлы, взмахнул кнутом и лошади, прежние упрямые быки, поскакали по склону. Позже, когда спуск миновали, Амери сказал, что дворецкий прибудет в домик и закроет его, он недалеко гуляет и труда не составит проверить ключ в замочной скважине.

Листья кружились в безумном круговороте: коричневые, совсем потухшие, зеленые и желтые — смертники, уносящиеся вдаль. Тучи разгоняли облака, громыхали и проливали слезы... Печаль свою об ушедших теплых деньках. Солнце перестало светить, гордое, оно закатилось за беспроглядными серыми сгустками. Вновь замерцало вдалеке. Карета покачнулась; из нее вышел Амери, расплатившись с кучером, махнул ему и направился по дороге, заметанной пылью и расплескавшимися лужами. Нужно спешить, непременно, иначе и он закружится в черном вальсе! Кудри его развевало, спутывало и превращало в копну. С ресниц стекались дождевые капли, разбиваясь о нос. До здания оставалось немного. Кругом все тихо, так тихо, что, кажется, скоро затворит предвестник чего-то ужасающего. Глубокое ущелье чернело направо: за ними рисовались темные вершины гор на помутневшем небосклоне. Сквозь серые массы мелькали звезды: далекие и неприступные. По обеим сторонам тропы выстроились тонкие нагие стволы, острые камни торчали, выглядывали кустарники, отпускающие свои кроны в странствование. Вдалеке громыхнула молния, тучи озарились мгновенным светом. На холме хмурилось облако, что казалось на засверкавшем небе грязным пятном.

Уж теперь он мог различить дом своего подручника, окруженный высокими кровлями пристроек, в окнах мелькали приветливые огоньки. Его легкие обволокло сырой, холодный запах: мужчина, поднимаясь по лестнице, прижал ладонь ко лбу, да глаза сощурил от летящей пыли. Ощупью он наткнулся на огромный булыжник, оперся на него бессильно, и вдруг разглядел светлую полосу. Из двери вышел хозяин, покуривавший тонкую папиросу. Он был лет сорока: смуглое, приплюснутое лицо, поседевшие усы и бодрый, несоответствующий взгляду всему ему старческому виду. Одет был в черный сюртук, а под ним галстук. Разглядеть всего одеяния не мог, ибо рисковал глазами. В ту же минуту подручник подбежал к нему, схватил чуть выше локтя и поволок к двери. Измотанный дорогой, Амери глядел на него с благоговением, искренней благодарностью и, кашляя от распространявшегося дыма из папиросы, шагал вслед. Вскоре и она потухла. Снова отступ, сильная хватка тянула вперед, попутно бушующему ветру.

— Ведь этакий народ! — кричал он, посмеиваясь. Морщины его поглубели, исказились. — Чего лезет на смерть? Вы нам нужны еще, не подумывайте сдыхать, как скот бродящий.

Ответа не последовало. Голос его охрипший, еле-еле срывавшийся на крик, понесся по воздушным волнам совсем напротив. Когда добрались до низенького дома, подручник толкнул его вовнутрь, словно собаку, и захлопнул дверь так, что ветхие стены затряслись. Едва ли опомнившись от того природного сумасшествия, Амери припал к стене, постучал по полу, избавляясь от прилипшей грязи на подошве, и, встряхнув мокрыми волосами, приложил ладони к лицу: всего его облило, как из ведра. Послышались возгласы, но он их не различал.

то шибко:

— А, вот он! Соизволил прийти, — мужчина похлопал Амери по плечу, стискивая его ослабевшую ладонь в рукопожатии. — А мы отклоняемся! Не стыдно ли прятаться, как школьник какой-то? Опомнись уже. Сегодня не уйдешь, здесь ночевать все будем.

— Он того и гляди, подцепил кого-то. Все кучера нанимает. Ну, потом расскажешь все ваши подробности... Сейчас дела до этого нет. Промок ведь, хоть раздевайся и весь сушишь, — сказал другой мужик и, приобняв за плечи, повел Амери к скамейке. — Запоздал ты, уже думали, что опять не придешь. Ну, дождались! Встречайте, ветреного нашего! Это его нам свыше послали, медом обмазанного.

В одно мгновение мужики окружили его с шумом и усмешками: смотрели друг на друга, побежденные решительным видом одного вошедшего, который воспроизвел фурор на все их сборище. Амери усадили на скамью, и он, бессильный, глядел исподлобья на зачинщика, да скрипел зубами, не выдавливая из себя ругательств. Вдруг толпа расхлынулась, как волны в море, кто-куда: некоторые припали к стене, и, угрюмые, как змеей отравленные, косились на других, пережевывая что-то за разбитой щекой, кто-то ласкался к командирам, обдирая с них приказы, и, верные, клялись в исполнении. Когда один из толпы подручников — Эстер (имени его в обиходе никто не использовал, полагавшись на чин, и, должно быть, думали, что так положено — обращаться со всем почтением) — увидел его, одинокого на скамье, расправил подол плаща и поклонился, как старому знакомому, но Амери, не заметив, дернул рубашку и отстегнул верхнюю пуговицу. Веки его синеватые прикрыты, но вдруг вздрогнули: подле него кто-то сел.

— Здравствуй, Хендерсон, — сказал Эстер отрывисто в кулак. — Давно не собирались, я вижу, изрядно тебя служба помотала, — насупившись, он продолжил, и тихо, точно в этом была тайна. — И как, скажи, оно?

— Уж ты молодец, — Амери поднял голову: яркий свет резал глаза. Сгорбившись, облокотился на колени. — Мудрено ты поступил. Но я благодарен. Что «оно»?

— Твоя служба. Я устроил тебя здесь, не забывай. Не принизили. А так... сомневаюсь, все же ты не из скудного гнезда вылез. Выкладывай, дружище. Все равно все вскроется и никому несдобровать.

— Кому достанется? Не-е-ет, это лишь самую малость возможно. Сколько лет уже держится наша организация? Не один десяток. И старики есть, и новые люди — их дети. Все верны. На колени пока не опускались пред «верховным» правительством. А я-то... я не часто заходил. Сегодня свободный день, нечего делать, а как узнал, что вы все сюда посплываете, то примчался. А ты, видно, тоже давно не встречался с ними, — взглядом он обвел утихшую толпу. — У нас много что случилось, и все идет в нужном русле. Новости распространяются, а правительство и не смотрит.

Издав нервный смешок, он запустил руку в мокрые свои кудри и встряхнул. Эстер, повернутый в полуобороте, смотрел на него неотрывно, искал в нем то, что потерпело изменений. Не нашел. «Такой же разгильдяй, но ответственный же, чертенок, — раздумывал тот, почесывая легкую щетину на подбородке. — Пока под его командованием журналистика, он руководит и народом изнутри. Почитать бы, что они начеркали...»

— А правда ли, что велено было тобой про войну печатать? — Эстер говорил с выделанным подозрением, ведь четкой информации об этом ему не последовало. — В Улэртоне. Откуда ты взял то, во что можно поверить? Людям нужна опора, а иначе все быстро прознается.

— Говоришь так, будто я все выдумал! Если бы и моя воля была, то ничего не устроил бы. Вспоминаю сейчас твою мать... такая же недоверчивая даже начальству. Все что-то выискивает, не верит. Яблоко от яблони не далеко падает, так ведь говорится? — он повел на него косой взгляд, а тот лишь отчаянно вздохнул. — Не думай, что война взялась из моей головы. Вовсе не из моей. Такое и вправду наклеывается, и каждый военный шаг расписан. Нужно припугнуть народ, чтоб не расслаблялся шибко. Видел, что творится? Знать в это время говорит просто, но с такой наигранной бравадой, что мерзко. Никому такое не к лицу.

— Тебе бы еще судить, что к какому лицу идет, — Эстер почесал затылок, и окликнул мальчишку, стоящего рядом. — Неси чего! Хоть иди и из лужи хлебай...

Он похлопал ресницами, поежился и кивнул, робко спрашивая: «Чего желаете?» Белесая голова его вновь опустилась, губы сжались, прикусываемые зубами изнутри. Тут же и понесся он среди мужиков, перепрыгивая через отступы с видимым энтузиазмом. Амери улыбнулся и дернул приятеля на плечо:

— Где такого мальчика раздобыл подопытного? Таков же он? Что-то не верится, что вы держите его ради стакана воды. Смотри, не заигрывайся! Ты, вообще, с чем прибыл? Что, с пустыми руками? А они-то у тебя и грязные... В земле небось ковырялся?

— Вроде того, — стыдливо ответил он, разминая кулак: и вправду, грязные. В ногти пробралась земля, черные пятна на огрубевших руках с трудом смывались. — Я подрабатывал. А с чем приехал? С новостью, и уже доложил командиру.

— Как ты птиц с грядок спугивал? — губы его расплылись в мерзкой насмешке. Эстер отвел взгляд, уловив край рубашки убегающего мальчика. — Да ну, что же сразу сердиться? Не пойму. С вами такими и поговорить нельзя, нежненькими. Я и не думал, что ты пахать у кого-то будешь по найму, и как? Много нарыл? Серьезно ли ты принял это? Я так подумал, что шутка оскорбительная получилась... Птиц же спугивают пугала, а я про тебя сказал. Ну, случайность! Позволяю и тебе всякие мерзости сказать, и обида исчезнет. Не помню я тебя таким чувствительным. Другим ты был, Эстер.

— Весть с Гроунстена, — твердо заявил он, не обращая внимания на шутки и его объяснения. — В данное время там патрулирует смена из тридцати человек. Все они добровольцы. Никого мы больше не принуждаем. Не хотелось бы снова на скандал нарваться... И вспоминать не хочется. Говорят, что заметили в городе людей, а после они зашли в замок. Может, обычные нищие, не сумевшие сбежать. По их словам, не успели заметить оружия. Быстро смотались. А я говорил тебе, — с выделанным упрекающим акцентом сказал Эстер, — что им подготовка нужна.

— А что, не подготавливают их? Мы не следим за каждым, и не может убедиться в совершенстве охотника. Их не одна сотня. Прошу повнимательнее к этому. Если людей немного, не целое стадо, то зачем гоняться? Сейчас бы разъяснить ситуацию в государстве, прежде чем во внешнюю политику с ноги врываться, — Амери и взглядом не повел. Весть его совершенно не удивила.

— Но подожди! Гроунстен угрожает нам. Все происходит из малого. Нужно спешить, и командир сегодня расскажет, как действовать дальше. Каждая минута дорога! Если упустим, то... — мысль он не докончил. Слов таких не нашлось, чем бы описать все те их провалы.

«Чертовщина — вот, что начнется,» — тут же подумалось Амери.

6. Потерянные письма прошлого

— Ушли? — совсем тихо спросил Анариэль, рукой упираясь об стену.

Он нащупал дверную ручку и уж было дернул ее, но Афелиса резко схватила его пальцы и завела за спину. Тишина. Взгляд ее все метался от неожиданности: один лишний шаг — смерть. Волосы прилипали к вискам, ресницы дрожали, а все из-за одного выстрела. Много ли она слышала их, чтоб так испугаться? А страх был не мгновенный и продолжался даже тогда, когда шаги утихли. Охотники поднялись на второй этаж. «Куда теперь? — мысли терзали. — Они услышат, все услышат. Куда бежать? Там окно, за ним решетка... В коридоре? Если ли там вообще окна? Был всего лишь один выстрел, и то в стену. Значит, Элид еще жив». Долго еще за потолком слышались голоса, шарканье, грохот: вся эта смесь звуков стала бесконечным ожиданием. В этот момент даже ей, не верующей в удачу, хотелось верить и искренне надеяться. Маг, обернувшись к мужчине, принялась пристально рассматривать, следя за каждым вдохом. Стены будто бы с каждым тяжелым вздохом сжимались, пока вскоре не придавят их, а тогда путей вообще не останется. Напряжение отдавалось в теле: внезапно снова шаги, переменившиеся на бег. Лестница наполнилась толпой.

— Велите уходить, — громкий юношеский голос.

Анариэль затворил дверь и схватил ручку. Раздался еле слышный хлопок.

— Здесь делать нечего, — зевнув, ответил другой, видимо, старший в группе. — Мы уже сообщили командиру, а там до кого дойдет — не ясно. Пропустили обед и могли бы еще похвалу получить, будь мы хоть немного поживее.

— Если это не маги. Вдруг охотники, и они подумали, что чернокнижники нападают? Всякое бывает.

Прыжок. Один из них заправил патроны: каждый звук эхом проходил по стенам. Сколько их было? Много ли теперь их в таких разделениях? Тогда, при выстреле, рассматривать не было ни времени, ни желания. Хотелось лишь защититься и наплевать, какова охотничья экипировка, как разделены эти люди и что ими управляло: осознанное желание или приказ. «Не маги... чернокнижники нападают, — в возмущении разбирала она обрывки фраз. — Они действительно не знают, что это совершенно разные люди».

— Ты видел вообще этих чернокнижников? — усмехнулся прежний звонкий голос. — Мне кажется, они вымерли. Или остались на страницах детских сказочек. Тех самых, которые ни разу не исправлялись. Жестокие, злые... все в этом духе. Они, как бабки сварливые. Вот, какие по характеру.

— Когда-то тебе эти бабы покажут, как смертельно орудовать метлой, — тихий смех. Шаги медленно удалялись ко входной двери. — И будешь тогда смеяться. А если приказали, то пойдете. И вправду, нечего тут...

— Погодите, — после этого скорого оклика наступила тишина: морозящая и щекотящая. — Может, подождем немного? Нам премию какую-то дадут, если их, магов, поймает. А то, как всегда бывает: засомневаемся, упустим и все... Вы знаете, что сейчас командиры обещают за их головы? За трех существ. Уедем, наконец, отсюда. Лучше уж в войска атрандцев податься, чем здесь.

Группа остановилась. Афелиса пыталась прислушаться к каждому звуку: стуку ботинок, вздохам, шарканьям, угадать, в каком они настроении и раздумывают ли... Такая длительная

тишина не обещала хорошего, сознание уже составило решение — останутся. Маги прижимались друг к другу, сбитое дыхание ощущалось на лице, невыносимая жара прожигала тело. Кожаный ремень, кажется, уже прилип и удушал, выпускал с нее нервные вздохи. Хотелось поскорее выйти и вдохнуть воздуха, коего ужасно не хватало здесь, в маленькой коморке. «Едва на ногах стоим. Если они задержатся на полчаса или больше, я не вытерплю». В щеки прилила кровь: никогда прежде не стояла она так близко с Анариэлем. А мужчина помалкивал, прикрывал глаза и, как Афелиса, внимал тишине. Наконец, послышался решающий голос:

— Если это и были охотники, то они далеко не должны уйти. Если не предпримут своих магических штук. Пойдемте, нельзя носом в землю клевать. Да и... Не все ли равно? Нас ведь не выслеживают. Командир не рядом, да и попробуй пойми, где он вообще есть. Упустили и упустили. Вы только сердитесь за упущенные деньги. Может, ожидания бы не оправдались, — не получив ответа, он сбивчиво сказал. — Пойдемте, отчаянные.

Дальше лишь тихие, робкие шаги. Анариэль запустил руку в карман плаща, пошарил и нащупал несколько патронов: четыре штуки. Во втором был кошелек, пустой теперь. Переждав минут пять, он приотворил дверцу, выглянул в коридор и на этот раз оставил ее совсем настезь.

«Кажется, наступило время, когда нужно и в удачу верить. Никто не приходил, все ждут вестей. А что же сказать? Что, если по приходу колдунов мы их и застанем?»

Вот ее каюта. Ничем и никем не тронутая. Пережитый кошмар виделся теперь сном или плодом воображения. Но, в конце концов, один из вариантов ожидания оправдался — Гроунстен еще кишит охотниками, и не только ими. Задача резко усложнилась, и не известно, когда хоть какие-то решения прояснятся, и их можно будет провозгласить в толпе. Теперь же лучше ограничиваться в высказываниях, чтоб не навлечь на народ преждевременный страх — такова была ее позиция. Это было не единственное, что волновало Диамет: всю дорогу думала о письмах, о том, насколько они содержательны и могут помочь.

После стольких лет ей наконец-то раскроется жизнь Ангарета, и то, какие последствия скрывали признание об убийстве. Ведь, должно быть, писал он о таком событии...

«31.05

Все же, мне кажется неверным то мое решение. В последнее время я все больше сомневаюсь в себе, в своих силах... Могу ли я хоть чему-нибудь противостоять? Бесперывно перечитываю твои ответы на свои письма и чувствую, что память моя хорошенько ухудшилась. Ясное дело, что тревога меня не спасает и никак не лечит. Ты где-то далеко, и вряд ли увижу тебя в ближайшем времени. Все же, наши мечты были слишком глупы и зря мы думали вообще о таком. К чему бы привел этот побег? Если бы жили мы не на острове, то вероятность была бы большей. Нам некуда было бы бежать, и теперь мне как-то спокойнее становится, потому что не совершили мы такую ошибку. Но чем больше раздумываю, тем больше внутреннее напряжение калечит. И вправду, отвлечься мне нужно, но что только не перепробовал: и убирался, и собирал сохранившийся сервис, читал, да все

не то — скучно. Про сервис ты не знаешь. Когда соседи съехали, то много чего оставили после себя, чему я был удивлен, мягко говоря. Без промедления стал рыскать по всяким углам, и вот, в коробке лежала посуда, завернутая в газету. Почему бы не воспользоваться? Но сомнения еще грызли: а вдруг они вернуться? Но если и так, то дверь бы не оставили открытой. На счастье, меня никто не заметил. Взял себе все, что можно. И если б ты увидела впервые мою комнату, то и не подумала, что это чердак! Я так доволен собой!

Пишу ночью, ибо скучно до ужаса. В двенадцатом часу я бы уже спал каких-то десять дней назад, но что-то не везет... Ходил сегодня проверить почту, и... Она оказалась пуста. Значит, работу возобновили, ожидай моих писем! Сегодня, как только узнал, что охотники патрулируют лишь окраину, сразу же натянул ботинки, плащ и пошел. Мне необходимо было выйти, хоть на грязный воздух. Далеко не уходил, боязно стало. Бродил без цели и наткнулся на женщину, торговавшую хлебом. Миленькой оказалась, и я хотел спросить ее, зачем продавать что-то в такое время, но помедлил, ведь ответ очевиден: кушать нечего. У меня в карманах две золотые монеты было, вот и купил. Она меня все же вывела на разговор. Слово в слово написать не ручаюсь, но главные моменты подчеркну:

— А Вы, собственно, ехать собираетесь? — спросила она. Я и не знал: куда, зачем, и ответить мне нечего. Считаю мое непонимание, она пояснила с улыбкой. — Маги собираются переправиться через лодки до Блоквелла. Раздают всем своим приглашения, конечно, в ограниченном количестве. А Вам, что, не дали?

— Нет... — отвечал я.

И вот, что удивительно: я ведь не маг и никогда им не был, а то приглашение мне все же дала. Я его сохранил и переписал. Оно небольшое, и больше не мог я понять, почему именно приглашение. Как оказалось, нужно было действительно посетить для начала того, кто это все задумал.

Вот, собственно, эта бумажка:

«Загородный перекресток, 10. Сбор для отплытия в Блоквелл. 2:00 1.06 — дата и время встречи».

Я глянул и, честно, не поверил этому бреду. Как маги могли допустить того, чтоб встречаться в охраняемом месте? Это ведь ловушка, и писал наверняка какой-нибудь охотник. С женщиной я поговорил, и она искренне верила, видимо, опечаленная настолько, что жить не хочет больше в Гроунстене.

— Я знаю этого человека, — уверяла она меня. — И знаю, что сделает он все ради нашего спасения. Вам повезло, что Вы оказались в числе возможным переселенцев. Дата эта сменялась много раз, и, наконец, он насчитал точное количество лодок.

— И сколько их? А охотники? Неужели Вы слепо надеетесь на спасение, загоня себя в их лапы? Это опасно, одумайтесь, пожалуйста...

— Слушайте, — говорила теперь она более твердо и убедительнее. — Эта война сделала нас недоверчивыми ко всему окружающему. Но главное — держаться вместе. Если этого делать не будем, то вскоре наш народ распадется на союзы... Вам не хватило чернокнижников?

Тогда уж я смутился, и не совсем помню, что ответил. Кажется, сказал, что рано или поздно так и случится. Маги образуют страны, будут сражаться, черт знает зачем, и убивать друг друга. Когда уже не один час прошел с той встречи, мне сделалось вдруг так подло от того, что я не нашел хорошего ответа. Теперь выдумал его и, возможно, продолжил бы разговор, если б не стеснительность и не мое не многословие... И понимаю теперь, почему

так мало людей было в моем окружении даже при дворце: разве со скучным человеком свяжешь что-то? Возможно, я драматизирую, и все на самом деле не так, и ты бы, конечно, стала отрицать мои доводы, Афелиса, но вся эта тяжесть ломает всякое желание общаться с кем-либо. Мне не страшно на чердаке, здесь я свой и никто не прогонит меня — отчего не счастье? Я расписал все в диалоге, чтоб не запутать тебя. И ты советовала, и настроение так передается... Мне нравится.

Разумеется, идти в тот переулок я не хочу. Мне достаточно проблем, и не сомневаюсь, отплыв будет не один. Еще успею. Интересно, встречу ли я ее завтра... Потому только, чтоб посмотреть, насколько доверяет она своему товарищу.

А на сегодня я уже весь исписался. Сна по-прежнему нет ни в одном глазу, и это письмо я тебе отправлять не тороплюсь. Почтальоны потребовали деньги за срочную доставку, а иначе — ждать тебе придется не меньше пяти дней. Завтра напишу, что же состоялось. Новость эта будет по всему городу и, надеюсь, далеко идти не придется. Соседи узнают.

Попытаю себя еще часок... Если все тщетным окажется, то сяду за эскизы.»

«01. 06.

Подняться с кровати не составило сил, хоть и поспал я часов пять. С каждым таким пробуждением порываюсь все изменить, не оставить ничего из прошлого, но не выходит. Вспоминая теперь и то, как мялся в сомнениях, что, может быть, и правду наговорила та женщина, и стоило узнать побольше о мужчине... Мы ведь могли уплыть и зажить чуть более спокойно. Пусть и бедно, но без крови. Я знаю, как ты устала и как иногда тебя тошнит от вида пронзенных тел, и искренне сочувствую! Сердечность эта не передается на бумаге: она не может покраснеть, смутиться, оступиться... Но как же я тогда скажу то, что хочется? Мне страшно видеть, что ты переживаешь. Люблю тебя, люблю тебя еще с раннего юношества, люблю на всю жизнь. Впрочем, я снова говорю не о том, о чем следовало, но мои чувства не менее важны! Все из-за того, что я взволнован до ужаса. Сейчас напишу о всех событиях очень кратко и поясню в конце то, что думаю.

Выходить из комнаты было лень и тревожно: с самого утра раздавались выстрелы и возгласы охотников. Риска я боюсь и не допущу его, даже если он необходим. Но я уверял себя, что отплыв — какая-то глупость, созданная лишь для того, чтобы успокоить людей. В часу девятом за окном стихло. Соседи мои те еще пташки, и песни поют уже с самого начала дня. Хоть печальные, или счастливые, но и это приходилось мне в увлечение. Когда-нибудь и с ними тебя познакомлю, с прекрасными людьми! И узнал у них все про все. Ты, конечно, спросишь: «Откуда?» Они узнают все сами, ходят по другим людям, более приближенным ко всему происходящему, и распространяют.

Лодки не отплыли — то, что ожидалось! У соседки сестра бежит из дома к дому — ведь удается же некоторым, они будто страха лишены. Она-то и видела все: как люди собрались (не много их было, что тоже можно угадать легко), как, выстроившись, стояли у двери того дома и ждали. Но ответа так и не получили. А создатель всего этого шума был человеком не бедным. Все, чтоб уплыть, у него действительно было. Вышел потом слуга и объявил, что дата переносится и хозяин велел кланяться. Почему же он сам не вышел в свет? Люди требовали его появления и объяснений — допросились. Уж не знаю и не могу писать, была ли правда в его словах, потому только, что в это время я спать ложился и не был на встрече. Но наговорил, что болен сильно, и нужно удостовериться в хорошем состоянии... Мне смешно от того, что я услышал. И доверять этому впредь не собираюсь. В общем, перенесли на пятое число. В то же время, как я помню. Что ж... Придется мне заставить себя уснуть

пораньше. Хочется посмотреть, и, если ты будешь свободна, то оправлюсь с тобой. А вдруг получится? Мне вправду смешно.

Это все, что я хотел бы написать за сегодня. Все еще надеюсь на работу почты и посылаю тебе с этим письмом много объятий и поцелуев!

Твой Ангарет.»

«04.06

Афелиса, пишу тебе секретно от командира, хоть знаю, что так не положено, но... Сейчас бы о правилах вспоминать? Письмо большое, ведь мне есть, что высказать. Все от нашей последней (с этим спорить не надо) встречи, до вечера этого дня. Не могу и представить, когда придет письмо. Карманы мои пусты, так что не по первому звончку примчит. Суд, должно быть, уже состоялся.

Даже сейчас с трудом верится в происходящее. Наконец, я собрал мысли в кучу и могу хоть как-нибудь рассудить. Теперь ясно понимаю и твои мотивы. Не ручаюсь за правильность, потому что и тогда я не знал, что у тебя на уме. Ты впервые так интересовалась моим братом, что это не могло показаться не подозрительным. А как узнал об убийстве... Будто говорить разучился. Особенно, когда узнал, что ты совершила это. Это зло, сущее, непомерное! Поначалу меня чуть не захлестнула волна возмущения, да что уж — верить не хотел! До сих пор на эмоциях. Думал: «Как можно погубить невинного человека, у которого вся жизнь впереди была?» Настоящая, счастливая жизнь. Он не жил ни в замке, ни в своем доме, а выживал, ждал невесту, может, и жену уже... Не знаю. Я искренне соболезную ей. Пусть и не на хорошей ноте разошлись, из-за пустяка, но разве заслужил он такого? Таким светлым ребеночком был, хотел уехать в Улэртон, к дальним родственникам... У самого меня слезы на глазах. Все же, не чужие мы, а родные братья. Жена его тоже умрет непременно, как узнает. До того скандала мы были дружны, и я верю, что подружались бы снова и все, все стало бы таким хорошим, каким никогда не было! Афелиса, я... Я не могу ни о чем другом писать, извини! Но и ты должна раскаяться! Ты ведь уже сделала это? Иначе мне совсем плохо станет, и не уйду я дальше... Поймают меня и растерзают на эшафоте! Я пишу с ошибками, грязно, неровно, но рука трясется, и не задумываюсь вовсе...

Столько чернил уже исписал, но они не вечны, а где я их найду в лесу? Да, мне удалось пробраться. После напишу как, сейчас не могу. Нужно отойти от чувств и обдумать все. Не знаю! Ничего не смыслю, и догадки мои неверны! Наперед вижу! Все, заканчиваю на этом, пока не забился в истерике какой-нибудь...

Увидимся нескоро.

Прощай, Афелиса.»

«06.06

Добрался до деревни. Местные узнали меня и приняли радушно. Наконец, могу расписать все не на коленке, а на столе, в совершенном одиночестве. Тогда, в лесу, я чувствовал что кто-то следит за мной, и так остро кольнуло это ощущение, что забился в страхе за кустами. Но, надо сказать, я писал не совсем в лесу, а в заброшенном доме.

Паника... Она унесла меня туда. Хоть где-то я стал ей благодарен.

Я не знаю, кто эти люди. Может и маги, но живут они на свободе и ничего не боятся. И к ним я не возгорался доверием, но беру то, что есть. Выделили мне комнату: чуть больше моей и обставлена хорошо. Я не силен в описаниях и хочу поскорее расписать все, что накопило от той ситуации.

Я ясно понял, что выйдя от меня, ты пошла к брату. И еще вопрос: как тебе удалось втереться в доверие? Из-за этого одного факта, что Вальгард не очень открытый человек, все убийство я поставил под сомнение. Может, тебя подставили? До последнего не хотелось верить... Не видел, сопротивлялась ли, когда тебя схватили, и была ли вина в твоих глазах, хотя очень бы хотелось перемотать время и посмотреть! Хорошо, что трупа его я не видел, однако мне грозили показать. С насмешкой, ради шутки. Боюсь представить, что сделали с телом: оно же не нужное. Наверняка выкинули куда-нибудь, кремировали, без захоронения. В это мне слабо верится — кто будет тратить время и силы на похороны?

Тебе интересно, куда меня отправили (если, конечно, все эти письма дойдут до тебя)? Я сам смутно понимал. Командир повел меня из дома, и даже тогда боязно было уворачиваться от хватки потому только, что не вполне понимал, что творится. Никакого оружия, ножа у меня с собой не было (о чем жалею до сих пор), и перед хорошим воином я посторонился прибегать к нападениям. Сыграла еще тревожность: тело сводило судорогами, в глазах темнело время от времени, а в груди полыхало от страха неизвестности. Афелиса... Не стоит винить меня. Я ведь все же сбежал, как ни крути... Теперь мое единственное занятие — писать тебе, зная, что ты не получишь всех этих писем. Не всерьез, конечно, а так, украдкой, пробегала мысль о том, чтоб сделать из этого дневник, адресованный тебе. Рано или поздно они домчатся до своего получателя.

Мне связали руки, но из-за того, что я дергался, веревка держалась не достаточно крепко. Закинули в карету (именно закинули, но никак не посадили...), а напротив — командир и еще кто-то. Смотреть в глаза я боялся, поэтому уставился в пол на всю дорогу, изредка в окно смотрел, запоминал местность, все-таки, страх сильно давил... Дышать становилось все тяжелее и тяжелее. Сложно писать об этом, ужасно сложно. Эти люди переговаривались пару раз с каким-то воодушевлением. Радовались, что погнались за двумя зайцами, и всех поймали.

Карета резко остановилась. Только на секунду, кажется, я и не знаю, что случилось. Ну никак уж не ожидал я, что вернулись обратно домой — в замок! По твоим рассказам я понимал, что командиры там обосновались, но места казни я представлял совсем иные. Всю дорогу думал об этом. Все там переменялось: показалось даже, что прислуги стало больше.

Они то мне и помогли.

Странно, что в подвал не загнали. Как помню, даже во времена, когда все мы жили там, он был загроможден чуть ли не до потолка. И вот, решил, что именно поэтому... Хотя черт их знает. Возможно, хотели меня казнить почти сразу же. Хоть прислуги прибавилось, но старая осталась, что сыграло мне на руку. Тогда они не были рабами, как сейчас: каждый получал свое жалование, а теперь их чуть ли не на цепи держат. Приближенный моего отца — Алез, прежде отвечавший за скот, должен был стать моим палачом. Брат мой, Вальгард, и я были с ним в хороших отношениях, и выполнял даже больше, чем с него требовалось: все на наше благо. Конечно, он не был готов: Алез не превратился в морального уродца, не стал потакать во всем командирам, сам он был на волоске от гибели. Но вид держал смиренный, поэтому ему и дали такую роль. Почему ж не сами командиры? Им, наверное, было это в честь. Однако, напротив, желалось посмотреть и попировать об окончательной смене власти. Как помню, в тот день он был угрюм. И со мной также себя вел, когда вел на эшафот. Буквально тащил меня, которого ноги уже не держат. А место это находилось за замком. Прямо примыкало к лесной опушке. Народу еще не собралось. В коридоре замка висели часы: пробил третий час. Четко помню эти стрелки, тиканье... Каждый звук запоминал. И

шаги будто научился различать: вот, размеренные, не торопящиеся, спокойные — командир идет, никак не мог спутать. Алез шел, пиная камни, часто как бы скользя, нервно, но торопливо — это тоже приелось в памяти. И как же повезло мне! Признал он меня! Вот, что значит верность! Разговорился и сказал между тем, что охотники соберутся в четвертом часу, и что отчета не давал никому. Говорит, мол, идти, куда глаза глядят, и не оборачиваться.

Забыл упомянуть, что перед выходом из замка, он заставил меня надеть плащ. И голову им покрыть. Я и не возражал нисколько — если так положено, то пусть. И самое ли время что-то было применять? Только смеху бы навлек. Только позже прояснились его мотивы. Он завел меня в заднюю часть флигеля: там то и была вся жизнь. Кухарки бегали, служанки, даже кучер промелькнул на миг — все были заняты своим и на палача никто не обратил внимание. Я был будто тенью.

Еще важно подчеркнуть, что забор там не высокий. Ты, Афелиса, вряд ли заходила в эту часть двора, и не видела... Впрочем, все там заросло кустарниками, и моего побега никто не должен был заметить. Алез сказал, что охотники ранним утром в городе, и что лучше бы мне по самому берегу идти. Зная это, я так и хотел поступить. Уж не представляю, что с ним случилось после и жив ли он... Конечно, не велика вероятность, что его уличили, но ведь Алез отвечает за мою смерть, и первые подозрения, несомненно, падут на него. Надеюсь, он тоже последует своему совету...

Не могу не рассказывать такое происшествие без подробностей. Все, что случилось отпечаталось так хорошо в памяти, что позабыть никогда не смогу. Что-то вроде переломного момента: до этого дни мои не различались, что на чердаке, что в замке. Понятно было, что ничего не изменится, но, признаться, до конца верил — ворвется в мою замкнутую жизнь что-то до того ожидаемое, что повергнет меня в испуг лишь от того, что оно сбылось. А теперь и не предугадать, что ожидает через какую-то минуту. Хозяева дома приютили меня из-за жалости, и мне хочется помочь. Конечно, не из-за чистейшего желания: то, что мне нужно — деньги. Все же постараюсь, и напишу об этом не здесь. Сейчас духу не хватает подойти.»

«07.06

Вчера меня так нагрузили работой, как никогда ранее! Все же невоготу для меня это стало. Так часто случается, когда чего-то желаешь очень сильно, но нет возможности. Наконец, и я это испытал. О хозяевах не буду долго писать, ибо потрачу на это оставшиеся силы. Овдовевшая женщина с двумя дочерьми. И впечатление такое, что они еще пуще меня отчуждены от мира всего, ибо часто уставал я от их лепета. Все мне о себе, а я... Мне нечего. Не нравится распространяться попусту, и то повелся только из-за неплохой платы. Если получится и та история с лодками окажется не больше, чем обыкновенный мечтательский сказ, то попытаю удачу. Именно в этом, чтоб не потонуть. А иначе другого пути нет — остров сделался клеткой, не хуже тюремной. Не мне судить, что лучше, а что нет, ведь не везде был. Тебе виднее, но это лишь мое убеждение. Наверное, сделанное на пустом месте, но пусть. Раз уж написал, то никак не стереть. Так что прошу не закатывать глаза при чтении.

Нет, что-то образ твой в этих письмах составил неправдоподобный и лживый. Я всего лишь предполагаю и не имею права сказать, что знаю тебя ровно, как и себя же! Мне очень хочется узнать из твоих уст об убийстве и взвесить все. А прежде не желаю думать об этом.

Закралась мысль о том, что приютили они меня из искреннего одиночества. В деревне

не был еще. Народ не знаю; может, они эту семейку намеренно сторонятся. Когда-нибудь случится прогуляться, меня все дочки ее тянут за двор. Хотя никаких странностей не замечал, о отце своем ничего не говорили, я и не спрашиваю. Все же, неудобств доставлять не нужно. Помимо платы, хозяйка и кормит меня. Добродушна и щедра уж больно, а мне в радость! Деньги я коплю на отплыв. Мне бы еще узнать, где ты есть, в какой тюрьме, чтоб приехать в страну. И жить легче станет...

День сегодняшний непонятен. В доме остался я да ее младшая дочь. Она посмирнее и не так уж охотлива на разговоры. Даже дала мне чернильницу, листы я уже в ящиках нашел. Оказывается, ушли к соседям. Спросил у нее, ведь мне-то себе работу давать? Пока мне нечего написать. Вертятся в голове одни и те же мысли, кричат без умолку. И все о вчерашнем... Теперь и прошлое пугает.

Ладно, я закончу на пока, а если что вдруг, то дополню.

P.S. Давненько, конечно, но ты спрашивала меня о книжках про древние цивилизации. Я нашел что-то подобное, но отправлять смысла не вижу. Все же, в тюрьме не пропустят? Да и дали мне ее, лишь бы я скукой не маялся. Она сказала, что сейчас людей неутомимо просвещают в историческом плане и таких экземпляров полно. Если судьба снисходительна, то мы обязательно найдем что-то!»

«11. 06.

Что ж, в кармане у меня уже 10 монет. Неплохо для нескольких дней, не правда ли? Но чувствую, что вскоре совесть заставит меня отплатить за такое добро, с каким они ко мне относятся. Прежде и не встречал таких чудесных людей, но я дурак полнейший, не смогу полностью раскрыться. Сегодня по обедни мы так разговорились, что я потихоньку стал приживаться. Это к лучшему, ибо мне нужно где-то прижиться, тем более в такое-то время, когда людей с чистой совестью поубивали. Ночами мне уже не так страшно, как было. Знаешь, Афелиса, все эти предрассудки и сказочки... От некоторых аж дрожь берет. Ну, не без беды! По утру на деревню наткнулись охотники и прошли мимо, вроде как. Наверное, приказу не давали и достоверность им нужна была. В Гроунстене ведь не одни маги водятся, исключая чернокнижников. К ним они безразличны. И почему так? Вправду не знаю. Хотя разногласий с ними полно, и у них есть все, чтоб однажды противостоять. Или охотники не верят в мощь этого народа и ради сохранности своих отрядов не вступают с ними во всякого рода войнушки. И сильно сомневаюсь, что командиры раздадут указания, только посоветовавшись перед этим.

Я много раз наблюдал за переговорами с высшим светом и с низшим. И однажды, как наследникам, отец рассказал самую малость о «темном» правительстве, какое руководит всеми государствами. И Гроунстен сыграл чуть ли не решающую роль в этих их играх. Поверхностно обо всем и, конечно, этого было мало. И мы сами потихоньку стали додумывать от того, что информации не хватало, и завели себя в тупик: не то выдумали, совершенную глупость. Оказалось все куда проще. Неутолимо мы просили отца углубиться, и что узнали..! Он тогда не трезв был, поэтому таким развязным оказался. Долгие годы состоял в их сборище, и, по слухам, именно он устроил такую гибель для своего государства! В такое даже сейчас совсем не верится... Ведь зачем? Какие цели он преследовал? Какой правитель будет губить свой народ? Однако, такой чувственности я никак не ожидал: впервые видел его раскаявшегося, и призывал нас никогда не вестись на угрозы и провокации разного рода. Однако на вопрос, как их избежать, он ответил, слово в слово, как сейчас помню: «Никак. Если имя твое и деяния твои известны, то этого никак не избежать.

Несмотря на все давешнее хорошее, сделанное тобой, кто-то все равно найдет тебя кислой ягодкой среди сладких». Всегда-то он обращался к нам на «ты». И после всего этого рассказа, сказал все на ошибку молодости. Вот, что еще помню: «На этом свете я как можно дольше намерен прожить того ради, чтобы вас от зла огородить». И мы так подвели его... Так совестно, особенно мне! Поминаю его, грешного, но люблю!

Вспомнил, наконец, о тех угрозах. Гроунстен тогда был несостоявшимся государством, никакого авторитета не имел, и все-то хотели присвоить себе клочок земли. Атрандо сильно давил на отца, посылал гонцов, а те несли условия, что, мол, «если станете нашей колонией, то вам на радость, жить легче будет. Если нет, беда вам, вы — могила». И слух придумали: якобы Улэртон хочет напасть, а «мы защитим вас». И все это развивалось, едва ли не перешло в действительность...

Но вот, что случилось: само правительство Атрандо не знало о том, что хочет присвоить себе остров. То есть наследники, о какой-то власти зарекаться нельзя. Тем мальчишкой, что должен был занять трон, управляли, точно марионеткой, приближенные, и им удалось припугнуть моего отца. Он-то и подтвердил желание присоединить Гроунстен к Атрандо, когда ему промыли мозг от «ненужного» и внушили, что государство добьется успехов в промышленном деле и ступит в мировой рынок после нашествий и резких убытков в продовольствие. Но мальчик пошел дальше и прямо заявил, что миру не быть, если остров станет самостоятельным. И поддавшись угрозам, отец все же сдался...

Я не думаю, что правильно поступаю, рассказывая тебе об этом. Возможно, ты знаешь понаслышке, ведь вопреки запретам, слуги распространили, но не заплатили за говор. А все же... История, после которой эта разруха случилась. Подступили и другие страны, но там уже интриги, в которые мне не хочется влезать. Когда-нибудь, может, я и напишу об этом, но неприятный осадок еще остался. Если вспомню, так испишу листов десять и не устану! Атрандо всегда был зачинщиком всяких бед, и видеть не хочется, что сейчас там происходит. Еще противнее осознавать, что мне приходится быть целиком в событиях, вникать и выявлять что-то из этого. Я отговаривал отца, мол, насилие не ответ на насилие, а он сделал попытку, но лишь погубил много жизней.

Надеюсь, когда-то наступит время, в какое все недомолвки можно решить языком, а не кровью. Но не сейчас уж точно! Правда, не могу писать о чем-то другом, нужно отвлечься, а никак не получается. Хочется только верить, что ты цела и все у тебя не так уж плохо. Всю ночь осознавал, что пишу в пустоту и так неверно, но по-другому не могу. Скоро разучусь говорить, лишь письма буду писать! Но мне в радость, хотя бы так...

Хоть и понимаю всю чудовищность ситуации, но скучаю. Нет ни отвращения, ни поддержки такого действия — ничего. Словно ничего не происходило. Жаль, очень жаль Вальгарда, но если случилось, значит, так и должно было быть. Интересно, какой исход у нас?»

«20. 08

Давно не писал ничего, наверное, из-за лени! Вот так и начну с жалоб, ибо устал ужасно. Времени все не было: пытался что-то черкать, но несвязно выходило — чушь какая-то. Пора бросить привычку не спать ночью и горбиться, потому что утром стыдно перечитывать. Так я отвлекаюсь. Ну, не буду пускать прелюдию, которую тоже не хочется исключать.

Мои ожидания сбылись — лодки действительно плывут в Блоквел. И я рискнул. Не узнаю себя, никак! Боже... Хочется убить себя прошлого, такого ребенка, ради того, чтоб не

ныл во мне и не презирал себя же. Ступил, когда страшно — слишком резко для меня. Я-то в людях не одобрял такого, а тут я... Сам... Никто не принуждал меня. Приплыл куда-то, где все неизвестно, все опасно. Настолько отчаялся, насколько долго таскать весь этот груз, что готов был на такой шаг. Доселе беспокоюсь по жалким мелочам, и с радостью отпустил бы прошлое, если бы оно не было так привязано ко мне. Так давит, что душит, похуже туго затянутого галстука. Уплыл я не один: скорее всего, это подбодрило и дало немного сил. Эти женщины тоже были в волнении о многом и решились, конечно, предложив и мне. Уговаривать не пришлось — я тут же согласился. Дом, как говорили они, хотели продать, но кому он нужен? Охотники сейчас стреляют по всему, не разбирая, кто есть кто. Я попытался их облагоразумить, и они прислушались. Вчера вечером семья уже собирала вещи, я помогал с радостью. Меня до сих пор удивляет их радушие, когда до этого я видел только людей с потрепанными нервами. Они, кажется, не лучше, но сдерживаются. Умеют прекрасно это делать.

Хозяйка была в восторге. Даже в воодушевлении, вслух говорила о новой жизни... и это так вдохновляло! Дочки ее поддержали, и, клянусь, впредь не видел такой гармонии! Чудесная семья, все в ней дружны и это вызывает лишь умиление. Мы прибыли на место встречи. Берег за лесом. Уж не знаю, как они тащили лодки и умудрились быть незамеченными. Такие детали порой вызывают сильные подозрения. У каждой был свой человек. В одну лодку вмещались пятнадцать людей, и не повезло тем, кому места не досталось. А такие отплыты не часто случаются, и черт знает, останутся ли они в живых до следующего... Впрочем, их было пять. Хозяина я не видел: он не выделялся из толпы. Наоборот, кажется, старался скрываться. Мы протолкнулись вперед, и поначалу я смутился той наглости, с какой сестры расталкивали людей. И понял потом, что так и нужно выживать — лишь с такой дерзостью, иначе проиграешь. Нас усадили вплотную: повсюду стоял шум. Некоторые ходили, успокаивали народ, чтоб гаму поменьше было. И вот, отплыли. Со мной рядом сестры, а по правую сторону мужчина: весь в цепях, и в платье черном... Говорил что-то, но я не отвечал.

Даже и не знал, сколько заняло плавание. Когда вышли на землю, наконец, то кто-то прокричал, что уже как восьмой час. Что-то я перескочил резко... Виноват, извини, пожалуйста. Мысли скачут, так много хочу рассказать... Так вот, конечно, все разговаривали: дети пищали, чуть ли не истерили (тогда по-настоящему страшно становилось), старики шептались, так еще на ухо мне тот что-то бормотал. Так неуютно было, но это стоило того, чтобы потом приплыть и облегченно выдохнуть. Заняло это все шесть часов. Это быстро, если учесть, что мы на лодках. Люди постоянно сменялись, кто хотел поскорее домчаться. Гроунстена уже давно не было видно, только фонари с голубым огнем освещали те хмурые лица. Видимо, одна мать с дочками были счастливы, а может, все так радуются. Не поверяют этим сооружениям, но прыгнули в них от отчаяния.

На удивление нас встретили. Каждый теперь выглядел уставшим: многие спали, уткнувшись носом в чужое плечо, кто-то пел, греб веслами из последних сил, и когда кто-то сказал, что все, берег, то все взбушевались. Два человека — проводники, видимо, тоже маги, подавали всем руки и помогали спускаться. Единственное, что я почувствовал, когда встал на ноги — так это отек. Сидеть столько часов без движения — пытка какая-то, но жаловаться на это неблагодарно. Такой шанс дали нам, хотя хозяева лодок могли сами уплыть совершенно не рискуя ничем... Прежде не встречал такого добродушия. Вскоре подошли еще несколько колдунов: распределившись на группы, мы пошли за своим

проводником. Тотчас людей казалось немного, после всех тех подготовок в Гроунстене. Дорога недолгая, и передвигались мы неспешно. Много было слабых, обездоленных и беременных, немногие спотыкались и с трудом поднимались вновь. Всех изморил голод и страх. Привели нас в деревню: не знаю, какие здесь люди и как далеко от ближайшего города. Каждой семье выделили по комнате в одном высоком доме. Шесть этажей. Вдалеке я еще видел такие здания: их немного. Меня поселили на второй этаж, и как же радуется, что здесь я один! Признаться, думал, что я, как одиночка, примкну к другим таким же, а они... Сомнительные люди. Именно те, кого встречал в лодке.

Потом распишу чуть подробнее, как обстоит устройство и как проходит жизнь. Теперь и у меня сил не осталось, завтрашний день будет сложным, и гадать не нужно.»

«16. 12.

Вынужден писать так редко. И эта писанина, надеюсь, не растянется на несколько листов: у нас с ними туго. Иной раз смысла не вижу, только время убиваю... Я тебя никогда не увижу, и письма эти не дойдут. Даже если ты получишь эту стопку, то выбросишь сразу, при мысли, что кто-то обращался в пустоту... В лучшем случае, совесть сгрызет, и, вообще, есть ли тебе дело до меня, там, в мертвом месте? Стоит о себе позаботиться и не калечить себя такими воспоминаниями. Нет, я не отговариваю и понимаю эти чувства (не ручаюсь, что они твои), мне самому тяжело от них. Я к тому, что, может, оставить это все и позабыть о записках? Нужды в этом нет, заставляет меня надежда. Если ты, Афелиса, придешь когда-нибудь в тот дом, где раньше я жил, то загляни в почтовый ящик: может, письма возвратили. Везде на конвертах написан старый адрес. Это не случайно, ведь не допустишь же ты мысли, что я где-то в Блоквеле.

По окончании всех этих бунтов я, думаю, уеду куда-нибудь в Улэртон. Там безопаснее и на людей так ожесточенно не нападают. Только совсем мне нужно стать другим человеком, вплоть до манеры речи. Охотники и там наверняка меня ловят. Не изменив ничего, уж очень опасно будет туда соваться. Через года напишу опять, но записка затеряется. Недавно разговаривал с соседями, впрочем, очень полезными. Это последнее письмо. Послезавтра мы сбегает и берем кучера. Все заработанные деньги вкладываю в поездку: именно для такого события я их и берег. Я бы приехал к тебе и помог, но знать бы, где ты, какой у тебя срок и какая ты стала... Не знаю, избегала бы разговора после убийства, или наоборот, пыталась бы все прояснить. Теперь мне стало легче и голова от дум не трещит.

Перед самым отъездом я обязательно напишу... Даже если опять подумаю, что это бесполезно! Заставлю себя.»

«23.04

Попытались, не удалось. Совершенно не знаем о том, что творится на границе. Пропустят ли нас? Ему пришла безумная идея притвориться охотниками, но на это я совсем не готов. Перевоплощаться в таких бездушных тварей — омерзительная вещь. Искали сегодня проводников, они, вроде как, и разведчики. Сказали, что пока все чисто и, если прибудем к границе в час, то поймеем удачу. Так и хотели сделать: вот, собрались, а карет-то свободных нет! В каждом доме один кучер и заплатить ему придется немало, чтоб перевез через Атрандо. Другого пути нет. Денег хватает, но вопрос возникает в другом: на что жить в Улэртоне? Кто даст в аренду хоть какую-нибудь квартирку беженцам? Или не догадаются... Если у владельцев будет необходимость, то любому отдадут. Меня ничего не держит здесь и как же повезло мне с попутчиком — хороший советник и благодетель! Жаль искренне, что люди не осознают, что в толпе магов встречаются добрые люди — настоящие ангелы! Не

избитые никем и ничем, нетронутые и всегда готовые помочь... Времени не было о нем рассказывать, да думаю, что не нужно вовсе. Такого же описания достаточно? Как дурак, и может, действительно таков...

Завтра уж точно выезжаем. Договорились с кучером, отдали ему полсуммы. Сказал, что часа два, и мы окажемся на границе, так что в одиннадцать ночи уже на колесах. Доверия он не внушает, и не хочется доверять такому свою жизнь, но рекомендации у него отменные. Кого только не катал, и все живыми приехали. Долго вынашивали эту мысль, да все не силились. Целые месяца мы были на вражеском поле и сдвинуться не смели, от страха. За такое можно презирать и осмеять, и я соглашусь. Чтоб лишиться всех этих терзаний, хотел что-то успокоительное поискать, и мне друг его предложил порошок какой-то со словами: «С этим точно забудешься и до эйфории недалеко!» Повелся, если б не знал, что это. На минуту даже захотелось, тогда и мысли всякие были, что в дороге плохо станет от тревоги, и только труп мой попадет в Улэртон. Лишь попробовать, но желание я оборвал. Все же ужасное это дело... Не позволю себе. И страшно, что таких «блаженников» очень много в здании. И трудно не понять, почему. От этого черта внутри так и не суждено мне избавиться. Спать не хочется совсем. Это все последствия... Схожу за водой. Не могу уснуть без стакана на ночь, честное слово.»

«17. 10

Зажилось нам на славу. Если б так было на самом деле, то не написал бы... Везде бы выскочил какой-то подвох. Уже столько времени мы в Улэртоне, а я так ничего и не объяснил. Всего слишком много, и если б ты была здесь, рядом со мной, то рассказывалось бы все гораздо легче. Так вот. Пришлось перечитывать прошлое письмо, не лишая себя дозы стыда. Доехали мы с остановками. После того, как проехали границу, пришлось искать другого кучера. Отдали тому обещанную половину, так он и поехал... Атрандо — сплошные лесные холмы. Теперь и я в этом уверен. Это ужасно, если идешь пешком, не видя вдалеке никакой цивилизации... Останавливались пару раз, пытались угадать, куда идти. И дошли до городка. И любопытная вещь: страна это, которая ранее считалось непризнанной, словно другой мир! Все там наоборот, не как у нас! Хотя бы в пример... Платья у них мужские востребованы и юбки. Это как форма для удобных тренировок. Бой у них кулачный, на мечях редко кто дерется. Уж не знаю, насколько это удобно, не пробовал. И то мы прошли лишь там, куда вела дорога к кучеру. Отыскали быстро. Некоторые ведь там на устаревший лад говорят, мы не сразу поняли, сколько он предложил. Он еще шепелявил ужасно, и речь неразборная оказалась. Так и сели, махнув на все. Жаль, что часов с собой не было... Впрочем, что дальше рассказывать? Так же скитались, места не могли себе найти. В Улэртоне, как только прибыли в столицу, разыскали местный притон, видимо, особо озабоченных пьяниц. Я бы тут же развернулся, услышав шум да грохот, но мой товарищ остановил меня, мол, сколько еще голодать можно, и что совсем сдурел я вдруг... Обидно, но ничего не поделаешь. Остались.

Нет времени расписывать все в подробностях, как я обычно делаю. Скоро нужно идти нам к одному человеку, предлагавшему неплохую работу... Он уже меня торопит ужасно.

Надеюсь, воздержу себя от того, чтоб так часто писать. Это глупо. Мне бы хоть строчечку от тебя, и легче бы стало...

Кажется, слишком много прошу.»

7. Длинная коса, острое лезвие

— Да что ты, Эстер, твою ж... — Амери замолчал на полуслове.

Высказаться ему помешал прибежавший мальчишка: испачканный, он рыскал бездумным взглядом по полу. Вплеснувшаяся вода отпечаталась на подпоясанной рубашке, мокрые рукава безобразно свешивались, пряча покрасневшие пальцы. Деревянный стакан дрожал, едва ли не падая на колени Эстера. Выхватив тот, он подал жест, и мальчишка, точно подавленный унижением, пошел вдоль стены, от скуки выводя ноготком узоры на дереве. Амери, дождавшийся его ухода, громко вздохнул и вновь облокотился о колени.

— Конечно, сегодня что-нибудь да скажет командир наш. Вон, смотри, уже речи читает. Заучил, что ли? — проговорил он с самым неприятным чувством, указав кивком на мужчину, окруженного кругом людей. — Все хочу высказать. У нас же есть запрет на слово... определенное. И кто не нарушал? Все же шепчутся, но границы дозволенного знают. Посмотри: да они же все преступники! Вот как, и слова этого не побоюсь.

— Преступники? — недоуменно проговорил Эстер. — Почему же?

— Потому что так полагается, и все это послушно принимают. Разве ангелы мы, раз такие дела устраиваем? Скажешь тоже... И что эти трое или сколько их там? — Амери посмотрел на него выжидающе, но тот лишь хлебал воду, и отвечать не спешил. — Они не угроза? Если отряд или какое-то нападение произошло, я бы поверил. А все-таки пришел ты вовремя. Кем здесь приходишься? Не зря же мысль прокрадывается, что в разведчики пошел. Так что, а?

Эстер молчал; половина лица скрылась за большим стаканом, кадык пытливо дрожал. Холодок пробежал по глотке, разливаясь струей в груди и спускаясь все ниже. Громкий стук: вода вновь всплеснулась и упала на доньшко. Открыв глаза, мужчина наконец поднял свой взор.

— Такая работа, — он встряхнул плечами и положил руки на колени. — Нам некуда больше податься. Что насчет меня... вроде того. Только не совсем разведчиком, а секретарем, еще должен доложить о том, как обстоят дела в свете. А ты с золотой ложкой во рту, тебе проще, Хендерсон. Куда ни примкнешь, так все тебе рады. Вот и командир. Знаешь ли, ждал он тебя. А уж с какой новостью — для меня секрет.

Возле левой кровати, сидевший ранее на стуле командир поднялся и, пробравшись через замешкавшиеся фигуры, пошел прямо к ним. Был он очень худ лицом: о болезненном состоянии свидетельствовали впалые щеки и темные круги под нижними веками, будто синяки. Единственное, что, пожалуй, поразило Амери, так это надменный, вместе с тем вопросительный взгляд. Ужасно скоро стали переменяться воспоминания в голове: «Натворил ли что-то я накануне? Отхвачу еще, и в собрании мне не участвовать. Главное — почтение и дружелюбие, не так ли?» Все это время он переводил свои серые глаза с одного говорившего на другого, и кивал в знак уважения. Концы жиденьких русых волос закрутились в разные стороны. Просто, но очень опрятно одетый, командир Саир пожал вошедшим по пути руки и, улыбнувшись краем губ, с каким-то удивлением взглянул на Амери.

— Значит, все же не покинули нас, господин Хендерсон? — сказал он с шутливой похвалой. Амери встал и, раскланявшись, пожал руку командира. — Давно не видел Вас. Некоторые даже забеспокоились. А от Хендерсона ни слуху, ни духу! Как же такое

позволяете себе, любезнейший? Помните хоть о нас когда-нибудь?

— Забудешь о вас, конечно! Всегда помнил. А приехать не мог из-за обстоятельств. Не знаете, что творится? Суматоха настоящая. Не сердитесь уж, помилосердствуйте. Много прибыло. Сегодня денек ужасный, хоть вешайся, но когда такое собрание!.. — прислонившись спиной к стене, мужчина волнительно улыбался, видимо, по привычке. — И господин Эстер прибыл, как по зову. Теперь все в силе и слажено будет... Все. Переломный момент, как никак.

— Хотелось бы, чтоб Ваши слова сбылись. И Вас приветствую, — кивнул он на поклон Эстера. Лица на нем совсем не стало: известно было Амери, что разговоров с начальством он побаивался. — Когда точно настанет переломный момент, так это тогда, когда Вы промышлять с наркотиками перестанете. И алкоголя бы убавить. От этого и все болячки Ваши.

— Когда это я болел в последний раз? Раз Вы меня больным видели после нашей прошлой встречи на утро. Могу себе позволить, так еще в такие дни! Так что там с моими новостями? — скорее перевел Амери тему, предчувствуя, что разговор приобретает личный характер. Особенно такой неприятный ему и остальным. «Мое это дело — пить или нет, — думал он, уставившись взглядом в пол. — Так легко каждому подойти и сказать: «Да просто брось!» или «Перестань и все наладится». И ничуть не знают, как на деле это невыносимо и чуть ли не невозможно».

— Все хорошо. Так, как мы думали. Газеты эти поступают в каждый жилой пункт. Народ в ожидании. Нужно подождать и все наши фантазии перейдут в действительность. Только вот помешали нам малость, — сказал командир, в упор смотря на Эстера. Тот чуть ли не побледнел. Амери сжал губы, сдерживая смехок. — От Вас новость поступила. Не принять во внимание мы не могли. Охотники упустили неизвестных из виду. Нужно приказать всем остальным окружить окраину и не впускать ни кого. Если кто и придет, то стрелять.

— А если свои? Мы же не убиваем их, только врагов, — спросил Амери. Эстер раздраженно вздохнул, стискивая ладонь в кулак. — Что-то не уточнили... А-то всех без разбора перестреляют! Бывало же? Бывало! А насчет тех не волнуйтесь. Беженцы какие-то. Пусть все охотники уплывают из острова, там делать нечего. Здесь бы с делами разобраться, а Вы в самые недры лезете. Я и Эстеру это говорил, и Вам сейчас. Прислушайтесь пожалуйста. И расскажите это на собрании, ради того, чтоб понять, кто хочет земель, а что делать с ними дальше — не знают. Тем более нельзя сейчас никак трогать чернокнижников. Знаем уже, на что способны.

— Ты прав, да. Но и так прекрасно понятно, что по своим никто стрелять не станет, — проговорил это Эстер решительно и со злобой, не желая скрыть своего намерения. — Не мучайте никого такими вопросами. Все ведь в сборе?

— Да. Те, кто получил приглашение. Сейчас самое время начинать. Время назначено, встретимся в зале, — взглянув на наручные часы, командир поднял очки к переносице. — Прошу пройти за мной.

В последний раз Амери уловил на себе взбешенный взгляд приятеля и, сдерживая смех, двинулся вслед за командиром. «Отчего такая злость? — задавался он вопросом. — Все ведь по существу сказал. А злится, уверен, из-за стыда. Чувственный Вы наш...» Но Эстер на эти речи только бледнел то от досады, то от раздражения, и ничего не ответил. Он было принял его жест, но отмахнулся, пройдя мимо Хендерсона с тянущимся мерзким осадком на душе.

Главное, в честности его Амери и не сомневался, и, должно быть, навсегда он теперь застрял в этом месте.

Ночь бушевала за окнами, точно рисовала страстные танцы, отдавала напряжение в людских сердцах, бившееся в такт каждому шумному порыву. Благо, к утру все стихло. Сад уж совсем превратился в сумбур ветвей, завявших лепестков и упавших деревянных бортиков. В этот день Розалинда не позволяла себе усомниться в том, что разговор ее с Царицей вновь состоится. Сердце стискивало и волновало много вещей, особенно — выезд за границу. Куда спрятаться? Осталась ли земля, не тронутая человеческими пороками? Ответ находился только один, очень неприятный. «Самообман никогда не приводил к хорошему концу. По крайней мере, сколько я себя помню, — думала она, стоя у каменных ворот. — Царица всегда найдет, что сказать, но будет ли это полезно? Что за предложение такое — прогулка в городе? Ее же все знают, а люди-то нехорошие могут наброситься. Не попусту, конечно. Те только, кто верит слухам. Лучше уж здесь, в саду...» Много думать не пришлось, на счастье. Вскоре двери хлопнули: женщина шла быстро и легко, чуть приподняв подбородок, встретив на лице Амеан стыдливое снисхождение. Теперь показалось вдруг, что кожа ее посмуглела, пусть и немного, но румянец блестел на щеках. Неужели самое время верить в разговоры? Розалинда тут же отпустила эту мысль, точно смутившись.

— Получили Вы новое известие? — нервно заговорила она, вцепившись пальцами в край широких рукавов. — Я говорю, что тот человек — настоящий знаток в своем деле. Ни одна гадалка и рядом не стояла.

— Какое это из?.. — запнувшись на полуслове и, как бы вспоминая те последние их разговоры, вдруг разомкнула губы в озарении и протянула. — А-а-а... о том колдуне, что ли? Знаете, сколько таких? Такие только и бывают, мне кажется. И что он может предсказать? Если кого-то вылечил, то это не больше, чем случайность. Надеюсь, Вы тоже это понимаете.

— Понимаю только из-за чего у Вас недоверчивость к таким вещам. Тот опыт неблагоприятно повлиял. Помните, Вы рассказывали про гадалку и то, что смерть она Вам обещала? Оно самое — эта ситуация, из-за которой Вы не доверяете.

— Пусть и так, — вздохнула девушка, идя вдоль поломанной изгороди. — Давайте опустим это. Не самое хорошее начало для разговора. Я хотела поговорить о том, что происходит в кругу высших магов. Я не могу задерживаться. Если это возможно, то прошу, скажите все без красок. Нужно знать все, как есть. Куда мне идти? Где они есть? Вдруг Вы ошибались совсем?

— Ошибаться мы не могли, — сказала та серьезно; предвкушающая дрожь мигом исчезла с губ. — Царь связан с ними. Я говорила ранее, что мы союзники и, если так случится, то они окажут нам помощь. Сейчас находится здесь — самоубийство. Посмотрите, что происходит с властью. Вспоминаю какие-то два года назад... Не верится, что такие чудеса пропали. Недавно я говорила с ним: связи нет. Наверное, позабыли о нас и давно не заряжали его, и если это так, поступок подлый. До этого разговор был об отплытии. Не знаю, настолько это сбыточная затея, но звучали они убедительно. Счастье будет, если уедете подальше. О, не то счастливо, а то, что Вам будет лучше, — поправила она тут же с легкой светской улыбкой. — Такие люди, как Вы, очень несчастны. Помните, что здесь, в замке Тираф, помощь найдете, Розалинда. Никто теперь Вас не преследует. Кризис сейчас... Хоть в другие миры сбегай.

— Кто? Кто звучал убедительно? Скажите! Не мучайте! Зачем загадками говорить? —

она хотела гораздо искуснее выразить мысль, но вышло слишком обнаженно, неуважительно. Многое сказывалось вчерашним раздражением, прикосновениями, потребностью наконец уйти навсегда в какое-то закулисье, но только с ней — с Афелисой! Лицо девичье как-то вдруг помрачнело, глазки заслезились, ресницы опустились. Заметив тотчас же это изменение, Царица сострадательно провела пальцами по плечу, сжала предплечье и чуть встряхнула, заставив ту поднять подбородок. — Извините... Я слишком резка сегодня, пожалуй. Мне жаль. Это все не то, — бормотала она, вдруг замерев: холодок пробежал по шее, — это, верно, вчерашнее. В общем, так что? Кто? Скажите!

— Госпожа Леотар. А Вы ее знаете? — спросила она со всей осторожностью. Показалось даже, что Розалинда в исступлении, задыхалась, бедная. — Вы так вымучены, надломлены. Что такое? Обидел кто-то?

— Не знаю такую. Волнительная ночь была. Но это ничего, ничего... — тихий, ласковый шепот.

Она высвободила подбородок и отвернулась. Побрела внезапно Розалинда, притопывая, будто в гневной пыли, отрываясь от Царицы на большое расстояние. Выглядела и впрямь болезненно: говорила иногда решительно, чуть ли не крича, и сразу же затихала, точно сердце надорвалось и скулило невыносимо. Женщина же догонять не стала: шла тихо, скрестив руки на груди в каком-то выжидании, что вот-вот и настроение ее переменится. Ветер резвился в пышном хвосте, колыхал фату и выставлял наружу коротенькие волоски. Бедра ее чуть качались, обтянутые черным платьем. Даже здесь, в такой ситуации появилась ее потребность погордиться, пусть и через силу. Никогда прежде не расспрашивала она у Розалинды о ее состоянии, все было на лицо. Но теперь, когда прогулка подвергается ужасному концу, вдруг проговорила из-за спины:

— Расскажите все, ради счастья Вашего. Не хорошо станет, если сдерживаться будете.

— Будто если я выскажусь, то счастливее стану, хоть на немного, — ответила девушка с усилием, после раздумий. — Ваша правда, мне действительно тошно от последних событий. Только никому, ладно? — чистая надежда засверкала в черных глазах. Розалинда обернулась, дожидаясь ответа. Но получила сдержанных кивок — предвестник какого-то неполного доверия и обещания. Но делать нечего, сейчас она и впрямь ощущала четкое желание выплеснуть всю грязь, пачкающую все невинное в душе, наружу и лишиться уж тех недостойных страданий. — Я очень, очень-очень верю, что Вы многословить не будете. Ни сейчас, ни потом... Никогда вообще! Знаете Хендерсона? Знаете, что я спрашиваю... враждуете. По глазам Вашим вижу. А известно что-нибудь о нем ужасное? Кроме как... наркотиков? — на вымученном вздохе прошептала она, смутившись. — Он мне давеча рассказывал все, о чем догадаться без труда можно. Из-за чего ненавидите так?

— Тут целая история, — Царица остановилась подле нее. — Сложная, и я расскажу только свое мнение. Выслушаете?

— Давайте же, давайте Вашу историю! Какая бы она там ни была! Я же говорю... — нетерпение стискивало, разгоралось и чуть ли не взрывалось внутри после этих слов. — Хватит тянуть. Говорите все, как есть. Это человек опасен! Да он... безумен. Нельзя с ним, ух, нельзя. А если женится? Невеста ведь пропадет.

— Я знаю, может быть, из-за чего он стал таким разгульным. Тут несколько обстоятельств. Этого ребенка... да, именно ребенок. Взрослым не назвать его, хоть и дела у него порой не детские... Но опустим это. Известен он мне еще в его раннем юношестве. Мальчик только молоко с губ вытер, в школу ходил. Отец часто приезжал к нам и его за

пазуху брал, хотя тот не желал. Очень хотел мальчишка поступить в институт, уж не знаю, на какую направленность, никогда не говорил, да экзамены не сдал. А это была единственная попытка. Все, жизнь загубили, так и говорил: «Я — никто, и никем никогда не стану», — резкое молчание. Женщина задумалась и тотчас же продолжила. — Еще одна вещь была. Тот же отец покинул семью после заявления, что тот ничего больше пробовать не хочет. Бездарностью себя возомнил. А кому такой наследник нужен? Всякое дите нужно в свете презентовать, чтоб было, чем гордиться. О другом ребенке не было речи. С того момента и пить стал, и гулять... Были слухи, что роман с девушкой из дворян плоды принес неожиданные. «Если не способен ни к чему, — говорил он, — то буду себя губить, как остальные такие же! Из-за ненависти, вдруг и полюблю себя. Не вам меня судить, свет! Пьяницы — самые добрые люди. Вам не понять «истину», только такие как я поймут, или бедные, но не вы... Ничего мне не надо».

— И что это за истина такая, что не всем дается?

— Он сбиваясь ее говорил, не трезв был. Еще о идее своей что-то твердил, но это все мимо ушей. Нечто на подобии: «Я хороший, а все плохие». Опять же, если б он услышал, то отрицал бы. Нет, не тот смысл... Но я только так поняла. Даже если захочется узнать больше, не поднимайте эту тему. Слишком она скользкая. Как начнет часами говорить, и еще не позволит своего слова вставить. Я узнала, что в Блоквеле много лет процветают приюты для магов. Только вот доплыть непросто, и слишком уж рискованно. Стоит ли оно того?

— Приюты... — проговорила Розалинда сквозь зубы. — Нет, не стоит... Однозначно. Я боюсь, что скоро совсем этого места не станет. Вспоминаю, как то здание, приют, обстреливали, и умереть хочется от воспоминаний. Нет, я только опасаясь... Вчера Амери предлагал поехать в Блоквел, но я и не восприняла это серьезно. Разве так можно? Каждое его слово — то ли шутка, то ли скрытый упрек. Если б согласилась, то рассмеялся бы он, и... еще чего похуже сделал. Я же сгорю со стыда! Стыдно его всерьез слушать, правда. Нехороший человек, бессовестный... Давно хочу ему сказать это, и все соглашаюсь на встречи, надеюсь, что что-то не в шутку будет! Не зря воспитанницы говорили, что я дурочка и глупее меня никого нет. Не отрицайте, — заметив ее движение вперед, Розалинда поспешно прибавила. — А может, мне внушили. Но если бы лишь это, то не гонялась бы я за Афелисой, наверняка, позабывшей, кто я такая. Она ведь не могла забыть? Не могла! Она — человек совести! Она — воин! Но так ее плохо знаю... Может, Вы..? Что-нибудь неочевидное? Мне так важно. Это даже не привязанность, а какая-то сила неразрывная, всепоглощающая. А любовь ли? Но какая? Она же разная бывает... Я так запуталась, что не выбраться из этой паутины уже никогда! И помощи совестно просить у Вас, чувствую долг на себе. Везде беду приношу. И Филгену, но, благо, все прояснилось.

— И что хотите знать о ней? — между слов раздался вопрос. — Что у нее на душе, конечно, никто разгадать не может. Недавно мне письмецо пришло из высшего круга. Может, найдете что-нибудь и зацепитесь за одно обстоятельство...

— Где письмо? — произнесла она резко, с каким-то надрывом искреннего восторга. — Покажите! Важно... очень важно прочитать. Но я невнимательна в этот час, ну и черт с ним. Что, не взяли? А вот, ну, доставайте...

Во всегдашней ее сумочке, которую Царица всегда брала с собой и, кажется, выйти без нее не могла, хранились и особо важные вещи, особенно письма. Зная наперед, что гостья наверняка поинтересуется, она с гордой ухмылкой расстегнула пуговицу и на ощупь стала

искать бумаги. Шарканье, стук металлических предметов подбадривали нетерпение Розалинды, едва ли не рвущее плоть. Наконец, в ладони показался лист без конверта. Сложенный, он чуть примялся по краям. Опасливо протянув руку и убедившись, что женщина разрешила, аккуратно, боясь поранить нежную кожу краями бумаги, взяла девушка желанное письмо. Пальцы задрожали, раскладывая листок, а на душе становилось все тяжелее. Таково было содержание:

«Переносу Вам важные новости по полученному разрешению. Сейчас половина нашего народа здесь, в пещере и выжидает добрых известий с корабля. Отплыв прошел удачно. Не знаю, как приплыли, письмо получить невозможно. Узнаем только по возвращению капитанов. Сейчас я, Леотар, и госпожа Хакан тоже в нетерпении. Понятно, что корабль сразу не приплывет. Нужно ждать, может, месяц и даже больше, пока ситуация не разъяснится. Диамет первая взошла на палубу, за ней и Анариэль.

Что насчет письма и его доставки: выслали мы одного человека в ближайшую деревню на разведку. Припасы кончаются, и смерти не миновать. На всякий случай вручили ему его, и, на удачу, все прошло так, как мы себе представляли. Уведомляем Вас и Вашего мужа о ближайших переменах и требуем не подчиняться улэртвовским властям. Причины Вам ясно известны. Подождите какое-то время и увидите свободу.

Это помешает в совершении возмездия.

Со всем уважением Г. Л.»

— А Диамет это же... — сорвалось с ее губ. Прочитав письмо, она вновь вникла в линии, старалась понять, что в них заключено, но безуспешно. Мысли путались, а слова о том, что произошел какой-то отплыт, повергли ее в огромную путаницу. — Все это... правда? Нет! Я не сомневаюсь в Вашей искренности, просто не верится. Она, моя Афелиса все же, уплыла, но куда? Куда? Я тоже немедленно, только скажите.

— Да, она, — короткий ответ. В ее руках снова оказался сложенный лист. — В Гроунстен. Понимаю Вас, это непросто.

— В какой Гроунстен? Вы что, совсем не понимаете? — воскликнула Розалинда в каком-то раздражении. В щеки хлынула кровь; лицо обдало жаром. — Там опасно. Невозможно туда доплыть. А если они уже?.. Нет, их не обстреляли охотники. Это мои фантазии. И что я, смыслю, что ли, в этих делах? Вы же лучше знаете, да? — в голосе ее звучало презрительное недоверие. — Все-то вы знаете всегда, все-то известно, а на деле... промах. Может, это письмо подстроено. Что, прямо взяли и отпустили какого-то колдуна, как пушечное мясо? И что там у них — «вместе мы сила»? Обман, никакая не сила! Потому что не вместе! И так отправлять личное письмо, просматриваемое в канторах каких-нибудь — дикое тупоумие! Они, эти высшие маги, себя прежде всего предают. И народ свой, заточенный в рабах. И чего скажете? Они и Афелису повергнут в опасность, и своих союзников. Не верю, не хочу... Оставьте эту дичь, и тоже не верьте. Пропадете.

— Подпись не подделать, к Вашему сведению. И людям будто заняться нечем, как проверять все письма. Раньше, может, это и было в силе из-за ожесточения в воспитании воинского духа, но вспышка прошла. Об этом и думать глупо, Розалинда. И еще: разве кто-то будет знать о их намерениях? Они — народ, прячущийся ото всех. Даже разведчиков не подпустят.

— Так говорите, будто каждого человека перед тем, как вступить в какую-то группу, спрашивают: «А Вы окажетесь предателем?» или «А не разведчик ли вы?» Оставим это. Главное, я узнала, что Афелиса жива, хоть и не вполне доверяю этому письму. Спасибо, что

показали, — вдруг тон ее смягчился. — И, получается, мне и теперь никак не попасть туда...

— Придется ждать неведомо сколько времени, Розалинда. Вероятно, столько же, сколько Вы были в бегах все это время. Не исключая встречи с госпожой Амеан. Не торопите мгновение, а живите сейчас. Этого достаточно, чтоб после дожждаться, наконец, момента, когда ситуация в мире наладится, — женщина хотела уже проститься, как вдруг заметила ее взбудораженный взгляд. — И Вы прекрасно понимаете, что ничего не изменить. Будущее останется будущим — темным и неизвестным.

— Вы же отдельное государство, но почему Леотар говорит не подчиняться Улэртону? Вы же не колония, в конце концов. Или влияние так велико? Почему, наконец, не можете взять власть в свои руки, а не подчиняться кому-то извне? — спросила Розалинда. — Что не так? Разве это правильно? Я думала, Вы свободны.

— Всякое правительство зависит от каких-то внешних обстоятельств. Будь то мировой рынок, к примеру, а политика объединяет всех, словно паутина. Все, что происходит в мире, разрастается и задевает все сферы, народы, устройства жизнедеятельности. Улэртон может надавить на нас, предстать угрозой или построить какую-то преграду, тогда вообще обеднеет страна. Как не понять? Вы слишком перегружены мыслями об отъезде, хотя сейчас точно не время. Отдохните, никто не гонит. Еще раз повторю: здесь Вам рады, Вы — особенная гостья.

Дойдя до фонтана, окруженного завядшим садом, Розалинда была вынуждена прервать прогулку из-за возникшего дела, какого она никак не могла ожидать. На минуту разговор их затих. Наступило неловкое мгновение, когда какие-либо слова излишни, ибо они углубят смутение и точно вопьются в кровоточащее сердце. «Какая это — особенная гостья? — думала она, только чтоб заполнить нарастающую пустоту внутри. — Полезная, что ли? Но для чего? Конечно, я не могу утверждать, что Царь и Царица — чистые люди, желающие мне лишь добра. Но всякий раз, как поднимается эта тема, они твердят, что рады видеть СПОСОБНУЮ девушку в своем замке. Честь для них... Увидели во мне какой-то потенциал? — мысль эта серьезная тут же перетекла в шуточную. — Мне бы самой знать, прежде чем другим людям будет известно. Но, если и нужна я им для чего-то была, не сидели бы они без действия. Все слишком запутанно». Порой Амеан сама не могла понять свое отношение и желание: ее лелеют, ей рады, одаривают всем, чем возможно. Точно, особенная. Но слово это всегда вызывало смех, и забавлялась Розалинда с самой себя. Всего-то на некоторое время раздумья забрали ее всю, и все другое пролетело так быстро, что не успела опомниться, как перед ними стояла служанка: вся румяная, уставшая, с покосившимся набок передником. Говорила что-то, глядя на нее чуть раздраженно и встревожено. Растрепанные волосы прилипли к потному лбу, веснушки покраснели, изо рта вырывались отрывистые вздохи. Розалинда пошатнулась назад: пустые, будто не понимающие, ее глаза впились в служанку.

— Госпожа! — начала она, сложив ладони вместе. — Госпожа... Велели сообщить, что к Вам прибыл гость. Царь велел, это срочно. Пожалуйста, пройдемте.

Она уже потянулась к ее руке, чтобы взять и увести, но Розалинда шагнула в сторону и спросила:

— Какой гость?

— Господин Филген с важнейшей новостью. Пойдемте, пожалуйста. Вас ждут!..

«Филген..? — эхом прозвучало его имя в голове. — Какая это — важная новость?»

Забыв обо всем, умчалась Амеан с запыхавшейся служанкой. «Не говорите, пожалуйста,

господину о том, что я задержалась, — пыхтя, умоляла та по дороге. — А-то разгневается, и... боги одни ведают, что будет». Она, оставив Розалинду в приемном зале, незаметно проскользнула в коридор и скрылась из глаз. Больше не слышны были томные всхлипы и отрывистый шепот, вместо этого — тишина, пробирающая насквозь. День был, впрочем, ясный, как и все прошедшие. Непригодные к делу мысли, как всегда во время скучного ожидания чего-то потрясающего, лезли в голову: что, например, подвигло всегда предусмотрительного Филгена вдруг явиться в замок, не предупредив нисколько? Наконец, девушке стало грустно от неизвестности, вскоре и тревожно. Где же его искать? Почему они не заметили карету, хоть и гуляли в саду? Наверно, приехала она именно тогда, когда проходили они, разговаривая, по заднему двору, у веранды. Хотела уже и к Царю идти, да побоялась чего-то, рассердилась за служанку на то, что соврала она, и на себя за то, что поверила. Но не прошло и десяти минут, как вдруг вблизи послышались шаги, а затем — скрип испортившихся петель. Резко обернувшись, Розалинда застыла и, прижимая ладони к груди, посмотрела на растрепанную светлую макушку, выглядывающую из темноты. Тотчас же юноша предстал полностью. Опушенный взгляд, сведенные в печали брови, слегка покрасневший кончик носа — все это насторожило, и двинувшись с места, она ясно поняла, что что-то стряслось. Тут случилась настоящая неожиданность. Вид его был не напомаженный, на ногах не лакированные ботинки, а самые обычные, в каких лишь родным показаться можно. Он пытался улыбнуться, но это движение предательски выдало все его настроение.

Коснувшись его плеча, она тихо поприветствовала Филгена и, неловко обняв, подняла подбородок. Личико ее тоже тут же погрузнело; весь зал застыл в каком-то неизвестном ожидании. Взбудораженная недавними событиями, Розалинда не до конца понимала и вряд ли могла разобрать все по существу. Не должна была понять всей той трагедии, заключенной в потемневших глазах. На приветствие он никак не ответил, и осознав внезапно это, странно обхватил ее за пояс и притянул к себе, проговаривая на ухо тихо-тихо, будто боясь кого-то разбудить: «Извини...» Нежный, заспанный голос обволок ее в ласку, никак не знакомую, но манящую. Филген опустил голову на ее плечо и вновь шепнул, чуть хрипя: «Я не должен. Это... случайно. Я объясню». Пальчики крепко стиснули рубашку у плеч: Розалинда, как и он, боялась дышать и ужасалась до дрожи, что вот-вот кто-то войдет и Филген, такой ласковый и унылый, отпрянет, как ужаленный, и никогда больше не раскрепостится. Этой тихой радости не суждено было продлиться долго. Пересиливая себя, юноша все же отпустил Амеан и, опустившись на кресло, задумчиво посмотрел на часы. Стрелка указывала на одиннадцать часов.

— Извини все же. Это от эмоций, — повторил он, прижимаясь к спинке. — Не мог иначе, даже сдержать себя не мог. Ты ведь не сердишься? В последнее время я...

— Н-нет! — воскликнула Розалинда, ступив на шаг ближе. — Не сержусь. А что случилось? Почему так неожиданно? Нет, я была рада, когда услышала, но ты неважно выглядишь.

— Ни сил, ни времени, чтобы написать... — сказал он лениво. — Чувствовал себя, как покалеченный. Я не знаю, как это описать, и вчера хуже было... В общем, — Филген провел ладонью по лбу, вскидывая волосы назад. — Отец у меня умер. Вчера ночью. Никому еще не говорил. И Амеан... То есть, Дарья не знает. Думал, сегодня придет, но хорошо, что нет. Не пришла. Сейчас осознаю, что глупо поступил. Но я объяснюсь, объяснюсь...

Розалинда вслушивалась в его непонятную иногда, будто одурманенную речь, и только

после дошел до нее смысл сказанного. «Умер. Нет его больше. Филген уйдет, и представлять не хочу, что произойдет. Слишком мало я знаю, точнее, сам факт». В груди потеплело: волнение разъедало легкие. Теперь неожиданность была оправдана. Смотря на него, потерянного и сбившегося, она ощутила порывистое желание так же обнять, но прежде выслушать, не прерывать и дать горю выпуститься наружу. Противный пот слеплял ладони. Вновь какая-то загадка застыла в воздухе. Розалинда опустила в кресло. Мышцы ее тут же напряглись: невыносимое желание размяться ощутилось тяжелым грузом.

— Да, тебе очень плохо, — заключила она без расспросов. — Рассказывай, конечно. Я выслушаю. Не стесняйся, Филген. И, как это произошло?..

— Я и сам не понимаю до конца. Все утро он не вставал с постели, днем даже на улицу выходил. А вечером... — сделав глубокий вздох, пробурчал: — Его не стало. Сегодня приходил доктор, но я сомневаюсь, что он и впрямь медик. Сказал, что «ничего не понимает». Позвонил родственникам... там, брату его. Приехал тотчас же. И отвез отца. Понимаешь, мне кажется, что не было этого всего. И прежде я думал, что здоровье у него не то, чтоб было, и вот-вот что-то случится. Знаешь, — губы его вздрогнули. Оторвав, наконец, взгляд с часов, он посмотрел на девушку и слабо улыбнулся. В этот раз получилось, и показалось ей, что не наигранно. — Я, как увидел отца, схватившегося за сердце, и застывшего в какой-то... странной позе, то так испугался... Вот же, снова представляю. Извини, Розалинда. Слишком тяжело говорить. Так вот, — сказал он уже более собрано, — думаю, что это был сердечный приступ.

— Были симптомы? — спросила она между слов.

— Да, были, — кивнул Филген и распластался в кресле. — Но он отрицал лечение. Я и не особо настаивал. Знаешь, какие слухи были, мол, только калечат там, в госпиталях всяких. И доктора никудышные. А вообще, мы же так... Общались из-за того, что отец и сын, но мне стало жалко. Так жалко, что я заплакал. И, боже, это невыносимо! — сорвался он на восклицание. — Невыносимо то, что я один, и эта мысль... Я застрелюсь, если еще раз подумаю так! Почему? Почему? — всхлипывая, шептал он. — Хотел, как лучше, я же все делал... Знаешь ли ты, как я пытался? А он непробиваем был. Как мама исчезла куда-то, то все. И сыном я перестал быть. Всякий раз я думал о других! Всегда об отце, о том, чтоб он не грустил. А теперь как... к-как тварь какая-то эгоистичная. Ненавижу таких, но не хочу себя ненавидеть. Лучше, как он, только намеренно... Все умирающие жить хотят, и отец хотел. А что с нами станет? — в глазах его блеснули слезы. — Что со мной? Все узнают и будут давить, душить... Да я сбегу! Заберу наследство, и...

Дыхания не хватило. Резко оборвав мысль, он потер кулаком глаза и отвернулся в смятении. «Стыдно, — внушал он себе, перебирая пальцами. — Стыдно разводить эту драму. Ни к чему. Розалинда не поймет, нет... Обвинит меня в чем-то. Может, в излишних чувствах, не знаю... Зря я приехал». Вскоре юноша стал упрекать себя, разрезать застывшую кровь на ранах, мучить, не силясь обернуться. Что же она подумала? Какое выражение ее лица? Он так хотел увидеть и удариться вновь о позорное дно, но жалость к себе — единственное, что держало его на привязи. И тут послышался тихий, отдельный голос: или показалось? Затем стук по полу. Не сдержавшись, он быстро похлопал ресницами и поглядел искоса: светлое, жалостливое лицо. Большие глаза выжидающе впились в него, будто вцепившись в жертву. Наивность взгляда, тоненькие, изогнутые в сожалении брови — все это виделось, как сквозь сон; поистине странное зрелище. Но впервые ли? Нет, такое случалось с ней часто. Филген видел в ней прелестный цветок: только созревший, нетронутый и нежный. Но одно

прикосновение к манящим лепесткам — и отравление. Так бы оно и было, не родись она человеком. Да и то, зверек какой-то.

— Почему тварь, почему эгоистичная? — робко спросила Розалинда и тут же зачем-то поспешила прибавить. — Ты не такой совсем. Не нужно так думать.

— Разве все это страдание не чистое волнение только за себя? Я часто думал об этом, просто говорить не решался. Ведь думаешь только о себе, а хотя... — он замолчал, понурил голову. — Есть ли смысл думать об ушедшем? Он умер и ничего не чувствует, никогда этого не станет. Я не потревожил тебя, Розалинда? Ты, похоже, была занята, а я так, без спросу... Мне очень неловко. Я извиняюсь.

— Нет. Разговор с Царицей все равно бы скоро кончился. И я искренне соболезнаю, — тихо, но твердо произнесла девушка. — Хотя и не знала его личность, но это, конечно, тяжело и больно: терять то, что было с тобой всю жизнь под боком. Грубое выражение, но так и есть.

— Нет! Ровно ничего, — выкрикнул будто в истерике. — Никогда не был рядом, я просто жалею. Слишком чувственен к смертям даже незнакомых. Никогда не понимал, как они переживают, а теперь сам испытал это... Ужасно. Говорить об этом не хочется.

Голос его вновь задрожал, слезы блеснули на ресницах. Увидев это, Розалинда пришла в волнение, выплескивающееся из-за краев: «Он честен, не соврет, — подумала она, — искренен. Может быть, Филген и вправду не любил отца! А только жалеет. Какой человек не испытывал подобного чувства?» И вдруг все непринужденное, темное сменилось на сущее непонимание происходящего. Вот, она сидела без действия, еле дышала, и тут вся припала на колени перед ним, поерзала. Нежно, страхась поранить нестриженными ногтями его ладонь, прижала ту к нарумянившейся щеке. Лишь вздохи, тихие всхлипы, стук маленьких каблучков слышались в комнате, проникая в самое нутро человеческое — сердце. Они бились в такт, точно пели одну протяжную, замогильную песню, ныли ее без умолку. Возбуждение сияло в темных, ласковых ее глазах. Алые, мокрые губы прильнули к кончикам пальцев, затем выше, достигая покрасневших костяшек. Филген чуть было не отдернул руку, но хватка ее была сильна.

— Филген, дай мне наконец свою руку, что ты ее отнимаешь? — промолвила Розалинда упавшим голосом. — Послушай: что ты будешь делать теперь? Мне больно видеть тебя таким... разбитым. Скажи, пожалуйста. Да, это худо, что ты так мучаешь себя. Прошу, мне нужно знать!

— Что с тобой? Поднимись немедленно, нельзя позволять себе такую низость, — парень потянулся к ее локтю, обхватил, но поднять на ноги не удалось: Амеан упрямо сидела на месте, непонятливо хлопала мокрыми ресницами и глядела нежно, точно была намерена сотворить что-то. — Розалинда, зачем же так? Это не стоит, совсем не стоит того, что ты делаешь! Поднимайся, прошу... — пробормотал он в жутком смущении: коленки дрожали, в глотке будто застрял камень, грудь тяжело вздымалась. Хотя он и знал, как лестно видеть перед собой свою подругу, целующую его с самым сокровенным чувством, но зачем же на колени?

— Да какая тут низость? Если б мы не были знакомы так давно, то да: я посчитала бы себя распутницей и совратительницей. Но в этом же нет ничего такого... плохого! Это чувства! Светлые, без пошлости. А тебе что, неприятно? — не выпуская его руки, она засмеялась, ужасно краснея, не стыдясь нисколько. — Или все хорошо? Смотри... только честно. Что, меня стесняешься?

— Нет, нисколько, — Филген совсем потерялся. Улыбнулся на ее смех, но та сделалась вдруг серьезной. — Прости, если что-то не так, просто... ужасно глупо. Ты не такая, а я себя не должно повел. Нет, мне очень приятно! И ты сделала меня чуточку счастливее, у меня никогда не было такого, — прошептал он торопливо, краснея еще больше. — Я не должен был убирать руку, оно само... рефлексивно. Ах, боже, ты простишь меня? Заставил тебя подумать о таком унижении — оно глупо, слишком глупо!

— Милый ты мой Филген... — она поднялась и прошептала на ухо. — Прощаю тебя, и ты меня обязан простить. Тебе нехорошо, а я с поцелуя лезу. Достояна ли? — в глазах ее проскочила игривая искра. — Или волнуешься, что кто-то подглядывает или подслушивает? Нет никого. И никто не смеет. Даже если и увидит кто-нибудь, то что с того? Отгони эти мысли, не нагружай себя. Ты удивительно хорош, прекрасен... И не такой беленький, как кажется. Это только со стороны так видно, а потом подумаешь, и у тебя грешки есть. Всегда так думаю: и днем, и ночью. Ты мне нравишься такой, и сейчас...

— Знаешь, Розалинда, — на выдохе сказал он. — Это до того неожиданно, что думаю, ты шутишь. Это же не так? Ты серьезна? Но смеешься. Я бы хотел нравиться тебе всегда. Не мучай меня, скажи только: серьезно или нет?

— Еще как серьезно! — выплеснула с новой волной смеха: слезки прыснули из глаз. — А то, что не веришь, оно и понятно. Хочу, чтобы все было серьезно, даже это! — она все еще стояла на коленях, стискивая его вспотевшую ладонь. Вдруг нагнулась, поглядела в упор и поцеловала его в самые губы. Поцелуй мгновенный, совсем невинный, но бесценный! Она, озорница, быстро отпрянула, и приложила одну руку ко лбу.

— Я ужасно счастлива! — вновь пролепетала Розалинда. — О, не смотри на меня так! Я осознаю... Ничего не говори. Обязательно уедем! Так, что делать будешь? Филген, ответь, пожалуйста.

Он только после услышал эти слова, как бы вспоминая. Смотрел на нее в забытьи, на ее раскрытые, дрожащие губы, на бегающий взгляд, и то мимолетное прикосновение особо сильно ощущалось, точно призрачное, неуловимое. Слотнув, юноша мотнул головой в сторону, заглядывая за ее плечо: дверь чуть приоткрыта. Никаких звуков не доносилось, или до того завлеклись они, что все постороннее стало незначимым? Ему до безумия хотелось верить в первое, внушить себе, что все это фантазия, а поцелуй — наяву. Проскользнув между колен, Розалинда опустила голову на его трепещущую грудь: покрасневшие губки ее растягивались с каждым стуком разрывавшегося сердца. Теперь вся скорбь, сожаление и унижение опустились в бездонную яму, придавленные самыми чувственными и спокойными мгновениями. Так легко и свободно... «Что это за успокоение такое? — задавался он вопросом, запуская пальцы в ее волосы. — И чем заслужил? Пролил слезы, и будто заставил. Даже стыдно теперь спрашивать. Пусть так и будет. Всегда».

— Вижу, как ты меня любишь, — сказал он счастливо. — Но к чему тогда тот побег? Зачем разводить такой скандал? Мы ведь могли и так...

— Не могли, — прервала его Розалинда. — Никак не могли. Дарья бы тогда вечно следила за мной, запирала меня, даже если бы мы стали супругами. А я хочу путешествовать, не хочу сидеть в четырех стенах. Хочу, наконец, найти ее. Вы — самые лучшие! Мне повезло, что я встретила таких людей, которым я нужна.

— Кого — ее?

— Афелису. А я тебе не говорила? — чуть приподнявшись, она задумалась и провела пальцем по щеке. — Нет, по-моему. Не могу собраться... Ну, хорошо будет, если ты ее

узнаешь! Я тоже хочу с ней опять познакомиться. За пять лет люди ведь сильно меняются?

— Должно быть, сильно, — мальчишка прижал ее за затылок и сглотнул в нараставшем смущении. — Но кто это? Твоя давняя подруга? И почему вы так разлучились?

Прежде она думала, что разговаривать о прошлой жизни будет в тягость, и неизвестно, удастся ли ей сдержать эмоции. Теперь же, рассказав все наскоро, но подробно, чувствовала себя освобожденной, точно многолетние оковы спали разом. Филген слушал ее, не прерывая, гладил по волосам, смотрел прямо, не стесняясь; понимая, насколько ей это важно. «Теперь я все высказала. Он все знает. Знает обо мне то, что скрывала. То, что я маг, о моих чувствах... Все знает, — думала она в воодушевлении. — Мы и впрямь близки. Хватит всяких стеснений, но, кажется, Филген от них сразу не избавится. К сожалению».

— Я так и думал, что это кто-то из общества магов, — сказал по окончании ее рассказа. — Так приятно слушать о такой преданной любви. Она действительно хороший человек. Но прежде я придерживался убеждения, что только влюбленный не видит недостатков. И ты вправду не знаешь, где она сейчас?

— Нет! Нисколько. Нет ни единой зацепки. Царица говорит, что сейчас опасно везде, лучше не выезжать, что лучше оставаться здесь, в замке. Особенным гостям всегда рады — вот как! Но я не по приглашению, а по воле судьбы особенной как-то стала. Нужно что-то делать. Наверняка она знает больше, просто не доверяет мне вполне. Тебе говорили что-то? Мне это, как никогда, важно. А вдруг наврали? — шептала она, оглядываясь каждый раз на дверь. — Сейчас все подделывают, и письма... Мне почему-то верится в это. Но все равно, как я теперь рада, что хоть слово о ней смогла вытрясти! — вскричала Розалинда, совсем изменившимся тоном, прогнав слезы, так что лишь мокрые следы остались на щеках. Тут-то и случилась перемена, которая застала Филгена в большом удивлении: вместо плакавшей девочки, захлёстанной чувствами, вдруг появилась владеющая собой и чему-то чрезвычайно обрадовавшаяся девушка. — Я говорю так, что скучаю, а сама, видно, обманываюсь. Столько лет... столько лет... Все в пустую. Знаешь, что со мной творилось? Жуть — вот что! Это хорошо стало, что свыше тебя мне послали, еще и как жениха. Точно убежим куда-нибудь. В заморские страны! Уедем, оставим все... Ну, а с поцелуями мы еще подождем. Мы слишком молоды, и оба этого не умеем. Ты до сих пор так взволнован! Так нельзя — нервы себе портить.

— Я не порчу ничего, — пробубнил Филген в умилении. — Но идея странная. Подождем все-таки. Царица не зря говорит остаться. Прислушайся к политическому лицу, они знают куда больше, чем обычный народ. И если я вправду себе нервы порчу, то мне в радость!

— Ну-ну! Это плохо, как дальше жить будешь?

— С расстроенными — счастье! Если оно так выглядит, я согласен жить так, — тихо смеялся он, встречая ее упрекающий взгляд. — Что, Розалинда? Ты свои тоже в порядке держи. Молода для таких дел. А что нам, только возраст мешает? Осталось годика два, может и три. И что-то поменяется? Будем такими же до лет тридцати. Если разлучимся, то встретимся через лет десять, и узнаем себя, вновь подружимся и полюбим. А если минует пятнадцать, то вряд ли... Не пойдем мы друг друга.

— Почему же разлучимся? Что может случиться? Филген, ты несносен... Понимаю это хорошо. Так скажи: почему? — спросила она, заметив чужую улыбку. — Еще и улыбаешься. Я целовала тебя, и еще захочу. Так что же мне? Буду сдерживаться, раз положено! И, наконец, хочу лишиться тех недоразумений. Пожалуйста, выпроси милость Царя и не

выезжай из замка. Вдруг еще что-нибудь случится? Боюсь я за тебя. И тогда боялась. Помнишь ту ночь? Конечно помнишь, а я особенно... Не спалось тогда. Хотела к тебе прийти, посмотреть: спишь, аль нет?

— И что тебя остановило?

— Подумала, что негоже врваться в спальню ночью. И остановилась. И прервала бы такой сон, ты был бы очень зол. И разговаривать не о чем, прогнал бы... Это было бы ужаснее даже бури. Вот, как я опасалась! Может, не спалось тебе или переживал страшный сон, и тут вдруг я явилась!

— Нет, я не спал. Заснул, кажется, во втором часу, и то — пролежал с закрытыми глазами невесть сколько. Я был бы не зол, а только рад! Вместе бы уснули. Так же спокойнее. И не знаю я, получится ли выпросить милость. Я у него на хорошем счету, но гостей долго потчевать им не охота. Но я постараюсь! — воскликнул он в радости. — Скажу, что горе большое переживаю, не могу находиться на месте смерти. Он человек большого сердца и поймет меня, надеюсь.

— Поймет, поймет! — выговорила девушка скороговоркой. — Еще как! И на долгое время ты здесь останешься. Будешь ко мне приходить, или я к тебе. А если к тебе буду навещаться, то брать с собой буду пончики. Они шикарны! После завтрака их подают, в пудре. И каждый раз наедине завтракать, а ужинать придется с ними, с царскими нашими. Эх, так хочу! Если не дозволит, то с тобой уеду куда-нибудь. Хоть к тебе домой. Скучно мне здесь, особенно тогда, когда после бала. Умереть можно. А хочешь?..

Договорить она не смогла. Донесся скрип: дверь растворилась настежь. Розалинда обернулась, увидела будто тень и отшатнулась в сторону, поднимаясь на ноги. Опять тишина. Но что это? Темное пятно двинулось, на свету в одно мгновение проглянул край белого фартука. «Служанка, — заключила она, сжимая в кулаке нарастающее раздражение. — Сейчас языком будет лепетать. Все узнают. Ну и пусть!» С этой мыслью Розалинда прошла большими шагами и выглянула из-за порога: вдалеке, в самом углу, смотрящем на лестницу, горел фонарь — он-то и осветил фартучек негодницы. Хмыкнув и захлопнув дверь, Амеан опустилась на кресло и, потирая кончик носа, проговорила:

— А все же не зря! Не зря ты переживал. Ну, служанка была. Это я увидела. У них одни такие фартучки. Это как отличительный знак, чтобы уличать в подслушивании или в чем-то другом. Знаешь, как у преступников в тюрьме: вот, они такие же. Ух, ненавижу... — под конец ее тон голоса совсем упал. — Таких бы высечь. Сейчас же прям. Вот скажу Царице, и пусть экономка их секет, бесстыдниц.

— Может, она мимо прошла, — сказал Филген в утешении, но видно, как взволновал его тот скрип. — Как бывает: идешь куда-то, и тут вдруг что-то интересное. Конечно, внимание обратишь. Ты говорила, что они дальше своих слухи не разносят, да?

— Ну, как повезет, — пожалала Розалинда плечами. — Тут, как глядеть: выпускать на свет не будешь, ничего и не скажут. Их бы в кучку собрать и держать всех вместе. Чтоб знать точно, что носы свои сувать не станут.

После, вспоминая все детали их встречи, девушка хорошо поняла, как же неправильны были ее убеждения и надежды на Царицу. Тотчас же Филген пошел к царю и вернулся слегка напуганным, как ей показалось. Вымолвил, что Грифан не в настроении, сердится на что-то, но разрешение дал. Причем не на один день. Прервал он своим визитом важный разговор с какими-то господами, но отступать поздно. Пришлось потеть и голову понурить, ибо встречать недовольные взгляды гостей — пожалуй, самое неприятнейшее, что произошло с

ним за этот день. Еще одно несчастье свалилось ей на голову: все-таки, слух разнесли. Да в таких красках, что сомнений не оставалось — все, женитьба!

И случилось это вечером того же дня...

8. СВЯЗЫВАЮЩИЙ КУЛОН

То письмо стало последним из всех, связанных прочной веревкой. Каждый листок отматывал день на час, усыплял солнце, пока не вобрался в темную каюту лунный свет. Лучи рассыпались по стенам, неспешно съезжали вниз, настигая текст, написанный отрывистым, неровным почерком. Весь стол теперь застелен бумажной скатертью: ни одного деревянного просвета. Афелиса вновь бегала глазами по листкам, стараясь не упустить ни единой черточки, пусть и самой маленькой, каких-то водяных разводов, карандашные, полустертые линии — ничего. Ничего, что могло бы дать куда больше; ничего, что содержало бы в себе то, что нельзя передать словами. Локти ее дергались, из пальцев сыпались небольшие вставочные листы, даты украдкой сменялись перед глазами. Изо дня в день, из месяца в месяц... Сколько же Ангарет упустил? Сколько не посилился написать? Ведь оно неправда, что все те почти два года прошли так просто, в конце концов, ей не верилось. «Нет, должно быть по-другому. Он намерено писал так, чтобы я, читавшая это, не волновалась так сильно, и чтобы не страшиться самому... Даже за тем его побегом, — думала она, ходя из угла в угол, по устоявшейся привычке: медленно, заставляя каждую доску изнывать под весом. — Да, палач мог отпустить, но как так никто из охотников не заметил? Охрана у них хорошая, как сейчас помню. Особенно во время патрулирования замка. Еще и пир подготовили, молодцы-то какие, только в оба не углядели. Что-то за этим определенно спрятано». Теперь же, раздумывая об этом в похолодевшей, ночной каюте, маг тут же бросилась снова к столу. Бумаги летели на пол, и вдруг грохот: огромное черное пятно распласталось на полу. Чернильница покатила к щели между полом и кроватью, но скрыться не успела: Афелиса вмиг дернулась и схватила ее. Нахмурившись, прошептала ругательства и с раздражительным видом стукнула сосуд об тумбу. «Шикарно... просто бесподобно...» — шипела она про себя. В руках оказалось письмо с датой отплытия. «И тут с подозрениями! Что же такое этот отплытие? И как ему досталось место? Обычно первых сажают женщин, особенно беременных, а тут и старики, и молодежь. Что-то мне, Ангарет, слабо верится в достоверность. Сам выдумал?» Тут-то и пришла мысль настолько сумасшедшая, что повлекла за собой развитие.

«Не могу исключать, отрицать или, наоборот, подтверждать. Но все его действия, заканчивающиеся неминуемым успехом — странные. Пугающе странные. Но в них верится, а вот в конец — никак нет. Даже если начать с дня, когда он сбежал, — нащупав листок с нужной датой, Афелиса вытянула его и встряхнула. — Вот. Во-первых: когда это особо важных «преступников» или шишек садили в какую-то незапертую комнатку с окнами? Таких только в клетку, если не в подвал. Тут-то он объяснений не нашел. И палач мне кажется чересчур жертвенным. Вся ответственность на нем и его, предполагаю, отрубленной голове. Что тоже сомнительно. Каждый на войне сам за себя, особенно рабы. Плевать они все хотели, что кого-то там хотят убить тотчас; даже в радость, что не они под топором. Посочувствуют, ну и черт с ним. Забудут, если бутылку спиртного выкопают хоть где-нибудь. Да, про лес помню. Только он не прям к ограде примкнут. Пройти нужно, ну... шагов десять. А это какая видимость! Что же он за такой у меня везунчик? А случай с работой и той женщиной — вообще комедия. Люди напуганные, голодные — собаки, кости друг друга грызут, пытаются хоть копейку раздобыть, а тут, видите ли — нашлась богиня-мать с двумя своими ангелочками. Хоть бы нимбы червивыми не оказались. Ладно, может

быть, из богатых, что даже комнатку беженцу дали. Ну что, они в нем принца не узнали? Отплыв более правдоподобен, конечно. Но вот то, как людей распределяли, — нет».

Опустившись на стул с тяжелым вздохом, Диамет хлебнула воды из кружки, повертела ее, опустевшую, на указательном пальце. Мысли лезли бесконечным потоком, пугающие и не опровергаемые.

— Куда же ты попал, Ангарет?.. — прошептала она в большом огорчении. — Погубил себя, верно.

«Пугает эта бессмыслица. После того, как меня увезли в тюрьму — многое изменилось? С чего бы? Мне нужно больше конкретики, иначе ни одному слову не поверю. Не исключено, что ему подсыпали какого-нибудь яду, и Ангарет сошел с ума. Выдумал все, как мне представляется. Ведь не может быть так... просто. Все, что он писал — его фантазия. Несбыточная. Настолько отчаялся, что стал фантазировать. Но и это странно: как тогда доставили письма? Где он брал столько бумаги? Мы ведь все письма взяли? Ничего больше не осталось?» Тотчас же все давешние размышления скатились под сомнения: разгадать то, что заложено в письмах, ей не по силам. Тяжело это потому только, что очень многое Афелиса опровергала, искала в этих словах подвох, и не находя совершенно ничего, никаких двусмыслиц, знаков, стала выдумывать, чтоб лишь утешить свои подозрения. Однозначно, витать в мыслях дальше становилось опасно. Благо, не прошло и получаса, как на пороге возник лучик света, затем и вышедшая тень — Анариэль. Он поставил фонарь на стол и, подойдя, обметал его каким-то упрекающим, подозрительным взглядом. «И здесь что-то не то, — все не унималась она, искоса поглядывая на него. — Вот. Ну как так? У них что, кучера на дороге валяются?» Снова листы, и так бесконечно по кругу. Откинувшись на спинку стула, маг посмотрела на порог, на потолок, вновь на стол, а затем и закрыла глаза: жутко болели, хотелось спать, но непозволительно.

— И долго ты собираешься так мучиться? — пренебрежительно и спокойно спросил Анариэль. — Это нехорошо. У нас полно времени для разбора, а у тебя так тем более. Оставь и иди отдыхать.

— Который час? — будто не слыша его, спросила между тем Афелиса, складывая руки на груди.

— Да вот, первый час минул. Я говорю, что все это зря. Ты теряешь бдительность, и наверняка пропускаешь многое. Пойдем. Скоро в каюту придет Яромил, и сомневаюсь, что он уснет под шелест бумаг. Сколько уже их смятых?.. — оперевшись рукой об спинку ее стула, мужчина взял один лист и повертел на свету. — Слишком тонкие. С ними бы лучше обходиться.

— Да... — лениво пробурчала она. Потянувшись, Диамет выгнулась, ударяя носком об ножку стола. — Пойду. Сам-то чего не идешь? Или своих сторожишь? Как бы они весь народ усыпили? Это, наверно, хорошо, раз все спят. Соберусь и я, пожалуй... Кстати, — вдруг она вся встрепенулась и, положив ладони на колени, пристально посмотрела на него. — Так что там? Никого нет? Огня не видно? А-то мало ли нам добра, — саркастичный тон. — Ну, ладно, это я не всерьез. После всего этого чтения голова кругом. Тебе взглянуть не советую. Потеряешься, — ладони ее поползли по столу, собирая в стопку разбросанные письма. — Тут все я ставлю под сомнение. Мне, конечно, хочется верить, но это невозможно.

— Поэтому лучше посмотреть на них трезвым взглядом завтра. Какие огни? — задал он вопрос и тут же ответил. — А-а... нет. И как же их можно увидеть? Столько лесов, озеро и такое расстояние. Пусть лучше так, чем все будет просматриваться. Нам так выгоднее.

— Да, конечно, господин Анариэль! Выгоднее, выгоднее... — вдруг послышался знакомый громкий голос. С порога выскочил Бозольд: встревоженный чем-то, он говорил повторами, ухмылялся и кивал своим же словам. — Как иначе? А как рады были! И Вам, прежде всего, госпожа! Всех на ноги поставили. Но чую, не к добру, не к добру... Охотники вас заметили. Они будут искать, будут! Что делать? Корабль никак назад. Нам некуда. Не лучше ли разузнать? Отправить кого-нибудь? Притвориться? Госпожа... Вы ведь знакомы многим. Так может?..

— Нет, — твердо сказала та. Резко поднявшись, да так, что стул скользнул по полу со скрипом, Афелиса взяла стопку, не запечатывая ничего в конверты. — Что мне там делать? У меня нет экипировки соответствующей. Ничего нет. Мы останемся в проигрыше. Думайте, Бозольд, прежде чем предлагать такое безумие.

— Ничего безумного! — с жаром подхватил он, разводя руками. — Это только спасет нас. Нужно всегда быть предусмотрительными, чем так все пускать на черти что! Прислушайтесь. Пусть их и немного, но беженцев они не трогают. Никогда не пойму: как они людей различают? Видел охотников только издалека, не смыслю в том, в чем они идут расстреливать. Но Вы, госпожа Диамет, были и видели все. У Вас знакомства. Если повторите, то теперь мы точно узнаем, как обстоят дела в это время, — тяжело дыша, Бозольд продолжил. — Я вот с капитаном обсуждал. Он сказал, что пусть с Вами поговорю, чем мешаться буду. Что с меня, в самом деле, нечего взять? Вот, теперь предлагаю свое... Прислушайтесь, или... я вправду не знаю, что делать.

Кончив тираду и, видимо, собираясь ее продолжать, мужчина бессильно опустился на лавку, обтер платком лоб и, встряхнув тот, обратно положил в карман штанов. Минуту Бозольд смотрел в никуда и не задумывался ни о чем: выжидал, точно приговора, ответа кого угодно. Афелиса остановилась в ступоре, явно не ожидая такого откровения. Рассуждать сейчас здраво не выходило, потому вновь села на стул и насторожено стала смотреть на Анариэля. «Все равно это глупо, — твердила она. — Меня узнают. Все они знают о моем вранье и сожгут на костре, как только увидят предательницу. Нужно тогда совсем в другого человека перевоплощаться». В ее помутневшем взгляде Бозольд становился безумцем, помешанным на странных идеях, вызывающих у него убивающую тревогу. А кому хорошо? Все должны страдать, раз уж есть причина. Даже он, ее спутник — Элид — превращался в чрезмерно непоседливую шарманку, а Илекс — что о ней говорить? Она-то одна и неизменна. Ибо не видать ее нигде, может, и переменялось в трепещущей душонке что-то.

— А Вы явно не понимаете, как обстоят дела, — ответил Анариэль. Язвительная и гневливая нотка прозвучала в этих словах. — Занимайтесь своим делом. А если они закончились, так что ко мне не подошли? Знаю я понаслышке, как Вы пытаетесь договориться. Но что-то договора я не слышал. Смотри-ка, да любуйся, неприступные. С такими людьми не двинемся. Идите протрезвитесь, Бозольд. Правды Вы не знаете.

— Какой такой правды? — что-то истерическое зазвенело в его голосе. В руках вновь появился платок — предмет для выброса злости. — Обычный народ всю правду-то и знает, как живет на свете! Не то, что... Ссориться с Вами не хочу. И не способен сейчас на это. Многого натерпелись, много переждали, а теперь... теперь ничего! Сидим здесь, как затворники, ни выглянуть, ни пройти! Когда уже свобода наступит? — его лицо тут же перекопилось: слова выплескивались со слюнями. — Ответьте, не медлите. Нельзя так народ испытывать.

— Мы не освещаем никого постороннего. Только сообщаем то, что будет наверняка, —

совершенно спокойно мужчина глядел на его скривившееся от злобы губы, на горящий взгляд, трясущееся, будто в судорогах, тело. — Мы подумаем над этим предложением. Не нужно так раздражаться. Завтра утром мы проведем собрание. В одиннадцатом часу. Прошу известить всех раньше.

— Известим-то, известим... Куда денемся? И что вы там говорить будете? Тему хоть дайте, чтоб люди заинтересовались.

— Да они, как услышат что-то подобное, — пролепетала Афелиса, — так из кожи вон лезут. Знают прекрасно, что будет. Это лишнее — сообщать тему.

— Как знаете, как знаете, — услышав ее голос, он стих и понурил голову. — Но уж помните, что люди требуют перемен!

С этими словам его словно ветром унесло. Афелиса внимательно смотрела на мужчину, точно первый раз этого человека видела. Было в нем что-то раздражительное, не выпавшееся. Очевидно, что пьян не был. Порядочный такой, он бы не позволил себе и полрюмки. На лице его изображалась, во время ухода, наглость, но при этом видимая трусость. Странное было зрелище. Тотчас же ей подумалось, что Бозольд — натерпевшийся человек, не готовый еще заявить о себе. В речах его и в интонации слышались робеющие, злые ноты, почти срывающиеся. Изредка она поглядывала на Анариэля — тот будто установил невидимую стену, через которую никак пробиться. Все крики стремительно летели, закручивались, набирали скорость и тут же разбивались о преграду. Маг хорошо знал, что Бозольд хотел его ударить, но до ужаса боялся ответного удара.

На том и закончилась ночь. Конец ее наступил на рассвете. Вчерашние события до сих пор хорошо уживались в памяти, ничего не проскочило мимо. Афелиса проснулась в гамаке, и как бы не хотелось понежиться в легких объятьях, совесть тянула ее на ноги — все же, дело торжественное и не требующее больше никаких откладываний. На тумбе лежали письма, а рядом веревка. Оглядевшись, она уселась и, подправив рубашку, затянула пояс покрепче. Ноги не пригвоздились к доскам, на счастье. Перед выходом наспех накинула на плечи накидку и, навалившись всем телом на дверь, отворила ту. Сверху доносился шум, но крика не было: всего лишь разговоры, песни, да топот. Дойдя до капитанской каюты, Диамет заглянула вовнутрь: пусто. Значит, все уже собрались на палубе. Точного теперешнего времени она не знала, всегда надеясь на свой организм: никогда не подводя, он пробуждался в нужное время. Но теперь тут-то можно засомневаться: какая-то неожиданность настораживала, пропускала гнилые нити сквозь доверие. На самом верху, у лестницы наткнулась на Илекс, прижатую к углу и наблюдавшую за всем действием. Состояние духа ее было подавленным еще больше, чем давеча. Ум, как и мысли, был разбросан, раскромсан на не клеящиеся ошметки. Что-то предвещало отчаяние, чего доселе не случалось с ней. Теперь Афелиса была тому свидетелем. Она повела в ее сторону глазками, кивнула в знак приветствия и стиснулась еще больше. Но интерес возбудило совершенно другое: люди толпами примкнули к шканцам с высоко поднятыми головами, затихли, чуть ли не все до единого. Лишь дети скулили да поплакивали, утирая покрасневшие носы. На шканцах же никого не было: у штурвала показалась рыжая макушка — Элид, скачущая из угла в угол. На ее вопрос о том, все ли в порядке, Илекс ответила: «Все хорошо. Тебя ждут, Афелиса». И опустила голову. На большой распрос времени не оставалось.

Илекс проводила ее погрустневшим взглядом, взмахнула платком и утерла им пот на переносице. Народ, завидев Диамет, встрепенулся, прижался плечом к плечу и застыл,

наконец, в стихшем ожидании. «Видимо, все только собрались, — думала она, встречая Яромилу. — Где же Анариэль? Даже Элид здесь, почему-то». Пожав крепкую руку, Афелиса обратилась к нему, сияющему и напомаженному:

— Что, похвастаться захотелось? Ты не переигрывай, не поверят.

— Да ладно тебе! — засмеялся Элид, приглаживая сюртук. — И перед кем мне хвастаться? Перед теми олухами? — кивок в сторону толпы. — Они уже и так локти сгрызли, на меня смотря.

— А сюртук-то ты у кого такой стащил? — Афелиса усмехнулась, похлопав его по плечу. — Вот, здесь уже грязь. Не совестно тебе в таком появляться на глазах у всех? — он и вправду выглядел забавно: лицо, измазанное темными пятнами, взлохмаченные волосы, улыбка до ушей. И вдруг мальчик такой появляется в сюртуке! — Ты бы причесался, только смеяться с тебя будут.

— Ну и пусть смеются, если им легче станет! — воскликнул Элид, хмурясь. — Смех лечит и продлевает жизнь, слышала? И ни у кого я не крал. Мне сам Арсент дал поносить на сегодня. Друг мой. Но что-то его не видно. Прячется, наверное. А грязь где? — он попытался заглянуть через плечо. — Ничего и нет. Это ты стерла, спасибо!

Он вновь улыбнулся и, пригладив свои кудри, отошел в сторону. Вскоре вошел и Анариэль. Тишина исчезла на палубе: народ взвизгивал и требовал. Девушки, обласканные прибрежным ветром, закутались в платки, переговаривались, а детки играли с сеткой и камнями: где только взяли? Мачты стали обступать, прислоняться к ним в выжидании, пускать удрученные вздохи... Солнце тогда уже обжигало всех, впивалось в кожу, оставляя жгучие порезы. Об борта разбивались тихие волны, образуя пену. Афелиса медленно и невозмутимо оглядела палубу: все до единого, кажется, собрались. Если и не всех видно, то спрятались остальные по углам, как Илекс. Тянуть время не было сил, тем более что Анариэль осведомил, что уже как пять минут назад пробил одиннадцатый час. Встав на середину шканцев, маг сложила руки за спину и, в ожидании всеслушанья, раздумывала о том, как бы начать мысль: «Нужно кратко и по делу. Это очевидно, но иногда случается так, что заносит совсем не туда. Тем более со мной». Речь она обдумывала еще ночью, перерывами между чтением, так что собраться на одном было невозможно.

— Вчера мы совершили первый поход в город. И, надо сказать, без двух сторон не обошлось, — толпа замолчала. Услышав ее громкий, собранный голос, они замерли, лишь дети шумно всхлипывали. — В Гроунстене сейчас тихо, хотя, как после выяснилось, охотники еще патрулируют загородные районы. Охотничьи смены еще в силе, к сожалению. Но, идя по городу, мы не накнулись на них, кроме как в замке. Ситуация на острове неоднозначна. Но не будет смысла ждать, ничего не изменится. Замок не пустовал, и информация о нас, неизвестных, донесется до командиров. Именно сегодня мы возродим силы магического рубина, чтоб нанести урон охотникам и огородить себя от внешнего мира. Так будет безопаснее. Рубин — единственное наследие, что оставили для нас предки. У нас прямая обязанность восстановить свое государство из пепла и отстоять честь. С давних времен нам завещали, что мы, как люди, которых подавляет и принижает общество, должны держаться вместе, или мы — могила. Если не последуем этому правилу, то предадим других магов, и чернокнижники никогда не были исключением. Предательство не изменяет родства. Они — наши братья и сестры, — ее речь прервал шум. Люди загалдели: очевидно, их вывело на спор заявление о единстве их с чернокнижниками — демонами, какие оклеветали их имя навеки. — Это неоспоримо! Вспомним, что и мы не ангелы совсем: они

— истинные, спустившиеся с небес — давно мертвы. А мы, маги, лишь серая масса, и как бы вы не сердились и не отрицали мое высказывание, но в каждом из нас есть, хоть и малая, частичка черной магии.

— Что станет с предателями? — выкрик из толпы. Бородатый мужчина вырвался к самым шканцам. — Сколько себя помню, они всегда оставались подлецами! Не сгубит их великая сила?

— Нет. Они сильнее нас. И возмездие понесет за собой последствия: наше здоровье ослабеет. Рубин требует большого заряда энергии, и если не удовлетворить — ничего не выйдет. Это временно, так что переживать не стоит. Чернокнижники, возможно, даже не заметят той волны, которая пройдет по острову.

— Нам потребуется каждый человек здесь на палубе, — вдруг заговорил Анариэль. — Если камень напитается большей силой, мы будем твердо уверены, что он погубит каждого охотника.

Народ снова забушевал: некоторые тянули руки, выкрикивали вопросы, но они тут же смешивались в гулком сумбуре, что ничего не возможно разобрать. Яромил, покуривая папиросу, оперся спиной о штурвал и наблюдал из угла; фуражка слезала на лоб, и подправляя ее указательным пальцем, он переговаривался с Элидом: тот гордо улыбался, поглаживая бока штанов, и изредка показывался на виду. Шагал он беспрерывно, свысока глядел на толпу, да ухмылялся, точно шутку вспоминал. Но одно обстоятельство заставило его вздрогнуть и оступиться. Из группы выступил мальчик, будто выгнанный остальными. По росту лет тринадцати, не больше — с болезненными, но сверкающими глазами. Он пытливо глядел на Элида, утирая ладони платком и, получив пинок от другого своего товарища, чуть ли не примкнул к шканцам. Тот же, немного постарше, лет пятнадцати — белокурый и в зеленой курточке, оперся на борт и залился безудержным смехом. Элид сразу же узнал своих забияк: они, помнится ему, и Арсента донимали, пугали до ужаса. «А это то, черненький, откуда вылез? — смотрел он на мальчишку так же внимательно, пока не заметил в его ладони маленький камень. — Послали его! Заставили! Ну, заставлю одуматься. Нечего со мной такое дело иметь!» Мальчик ждал его, не двигаясь с места. Тоненькие бровки изогнулись, и выражение лица переменилось на какое-то обидчивое. Шагнув к нему, на самый край, Элид сел на корточки и спросил:

— Ты чего лупишься? И ты это, камень выкинь, или при себе держи. Опасно тебе, такому маленькому.

Понаслышке он знал о нем лишь некоторые факты, и теперь Элиду удалось рассмотреть беднягу: был он из малорослых, еще не созревших и не вытянувшихся ребят; слабое, бледное тело, но такие озлобленные обидой глаза! Карманы его торчали в разные стороны. Показав вторую руку, до этого спрятанную за спиной, он поднял ее, готовый бросить: на ладони были маленькие царапины от острых камней. Элид отшатнулся, охнул и, не успев увернуться, получил в лоб небольшой осколок. Удар пришелся сильным и довольно метким: боль текла к вискам, гудя и будто горя на солнце. «Кто научил? — подумал он, приложив ладонь ко лбу. — Пять, чертенок, замахивается!»

— Эй! — выкрикнул он, чем привлек внимание белокурого мальчишки. — Ты прекращай!

Второй замах оказался неудачным: камень ударился об пол и покатился прямо к ногам Афелисы. «Ага! — ликовал Элид, но радость эта быстро прошла. — Сейчас она на меня подумает, ну да...» Едва ли не оступившись, она пнула его. Грозный взгляд впился в него

жестокой обидой. Раскрыв рот и чуть было не оправдавшись, он понял вдруг, что навлечет на себя еще больше проблем. Жгучая боль отзывалась на лбу. «Придется теперь извиняться. А если не получится, то все, я точно труп».

— Смотрите, — крикнул он предупредительно. — Сейчас я вам как...! Сейчас пырну вас. Вы попадаете у меня, шкоды!

Бедняга, покраснев от чего-то, понурил голову и поспешил слиться с толпой, увидев, как тотчас же со шканцев Элид спрыгнул на палубу и угрожающе потопал к нему. Рука потянулась к штанам: карманы оказались пусты, так еще и вывернуты. Оставалось лишь ему ждать того, как Элид набросится на него и побьет беспощадно, а глаза его точно кровью наливались, ноздри раздувались, и кулаки сжимались — точно поплатится! Мальчишка оглянулся по сторонам, ища помощи, но в спину ему полетели лишь камни, и ребячий смех: «Чего стоишь? — упрекали они его. — Ты знаешь, что будет сейчас!» Но он будто их не слушал; слезы брызнули из глаз, щеки налились кровью. Потирая кулаками глаза, виновник всего происшествия шагнул вперед, добровольно отдавая свою плоть на растерзание зверя — Элида. Он-то и взгляда не повел, потирая ушиб на лбу, и, примкнув чуть ли ни всем телом, точно вытянулся на носки и произнес угрожающе свысока: «Где камни нашел, негодник? Тебя те послали?» Не удовлетворившись ответом, он сомкнул губы и вдруг встряхнул младшего за плечи. Глазки его раскрылись, в них пылала мольба о пощаде и по-детски невинное: «Я не виноват! Меня подставили!» Так и поверил Элид! Но кулаками размахивать он не собирался, ибо не нужно ему выставлять себя негодяем при всех: важных и не очень. Тот отдал ему маленькие осколки, и перед тем как убежать, прошептал еле слышно извинения, сквозь град слез и пота. Элид проводил его с самодовольной усмешкой, подкидывая мелкие камни: «Так то! — ликовал он, вспоминая его, раскаивающегося. — Вот, как нужно все эти перестрелки решать. Но где они камни взяли?» Первая мысль, конечно — спустились с борта, но кто позволил? Пришлось ему стать доносчиком, и по дороге неведомо сколько раз поразмыслить о том, как же подло обвинять мальчишку, вынужденного бунтовать лишь под угрозами старших ребят. «А я на них доложу, — подумалось ему. — Господин Анариэль будет не в восторге. Тем более, что их имя ни раз мелькало в такого рода новостях...»

Речь, кажется, уже подходила к концу. На него смотрели лишь крайние девочки, хихикали — точно язвы, и все разнесут быстрее Элида. Скрывали раскрытые губки платком, металы колкие взгляды, звали маленьких мальчиков и указывали им на всяких, ровно стоящих. Тут то и ударила его мысль, будто молния: «Может, они приказали им? А те, глупенькие, только повеселиться хотят. Кому не скучно на корабле? Видят цель, не видят преград — это точно!» Кроме них никто не сверлил насмешливыми глазами: вся толпа протягивала руки к небу, прижимались друг к другу, и ни одного человека, на чьем лице было бы одобрение. Народу слабо верилось, что возмездие наступит сегодня, и никто абсолютно не знал, как стоит вести себя, что ожидать, ведь магический рубин — легенда, в чье свершение вынуждены они слепо надеяться. Но вот, показалось юноше шустрое движение впереди: маленькая фигурка прошмыгнула к капитанской каюте и следа не оставила. Спрятав камни в карман, на всякий случай, Элид осторожно подкрался к порогу и замер. Руку его вдруг схватили сильной хваткой и поволокли вниз. Темнота — она прятала человека, но по торчащему острому воротнику он, кажется, признал ее, хоть и не ждал никак. Зрачки расширились; снизу сквозь тоненькую щель проникал свет.

— Илекс! — выкрикнул он, пытаясь разжать ее ладонь со своего запястья. — Что

творишь? Убить меня хочешь? Я заслужил, да, но...

Та и взглядом не повела. Лишь до ужасной боли сдвинула его руку и повлекла вниз по ступеням. Тогда предел раздражения рухнул, и Элид едва ли держался, чтоб не выпустить весь жар наружу. Последним толчком к этому стала ступень: споткнувшись, он чуть было не полетел в поглощающую темноту, и свободной от всех мук ладонью оперся в ее спину. Пошатнувшись, Илекс все же удержала равновесие и, фыркнув, замерла на месте:

— Тише, — мягкий, дрожащий шепот.

— Чего тише? — кричал Элид, что есть мочи. — Зачем схватила так без предупреждения? Что, и на тебя донос нести? Рассказывай все, ведьма!

— Я покажу тебе кое-что. Только не кричи, прошу.

— Ты уже показала, как такая невинная можешь человека убить! Отпусти уже, я сам в силах на ногах стоять.

— Это не то... В общем, пойдем, — но, вопреки его словам, девчонка только встряхнула друга и неспешно повела по лестнице.

Он сдался: «Есть ли смысл бороться с ней? Все равно добьется своего, — думал Элид, скучая. Интрига, ею наведенная, не произвела в нем взрыв терпения. — Если и убьет, я отмахнусь. Или поугрожаю, как тому мальчишке. Но ведь Илекс не способна на такое. Зло и она — вещи несовместимые». Пройдя мимо капитанской каюты, они спустились на нижнюю палубу. Всю дорогу девочка молчала, боясь, что кто-то услышит или увидит их, и тогда он понял ясно, что серьезное дело ожидает, а может, и опасное. Маленькие хвостики ее — пушинки, забавно тряслись, и потихоньку, с каждым шагом, ленточки развязывались. По лицу же ничего не угадать — губы, как всегда, опущены, взгляд пуст, словно прочищен от эмоций многолетней тоской, шла она медленно. Вся сила ее перешла в сжимающую руку. Наконец-то дверь отворилась: место отдыха. Теперь эта каюта пустовала, и именно уединения так искала Илекс, рвущаяся что-то показать. Притянув к себе Элида, тихо затворила дверь за засов и отпустила вымученное запястье. Он издал лишь облегченный вздох, посмотрел на краснеющие опечатки ее пальцев и в бессилии опустил на гамак. На мгновение глаза закрылись: темнота и тишина умиротворяли, манили его в сладкий сон, создавали светлые картины, вот только, ужасно дело, — поспешный шорох и боль возвращали его назад и заставляли одуматься, ведь, в конце концов, не зря сюда его насильно уволокли. Илекс, повернутая спиной к нему, стояла на коленях, и запустив руки в какой-то мешок, стала в нем рыскать, да бровки хмурить. Вдруг раздался стук. Подняв голову, он взгляделся: в пальцах ее блестел серебряный кулон. Темно-синий камень и длинная цепочка показались на свету, исходящем из фонаря. «И это то, что она хотела показать? — подумал он с сомнением. — Пхвастаться какой-то безделушкой? Seriously, что ли? Она, конечно, та еще девчонка, но от нее такого не ожидал». Медлитель Элид не решался, тут же спросил:

— И что это? Кулон? — без доли энтузиазма он продолжил: — Да, очень красивый. Ты молодец, краса девица! Теперь то я пойду?

— Зачем? Оставайся. Я не зря тебя привела сюда, — поднявшись на ноги, сказала Илекс. — Или ты испугался обычного украшения? — колкая улыбка, не предвещающая ничего хорошего. Повертев на пальце цепочку, она уселась подле него. — Извини, что я тебя так... резко схватила. Но я должна была, ради этого. Не злись, прошу.

— По Вашему велению! — с наигранной интонацией воскликнул он, глядя на кулон. — И что, правда обычную безделушку покажешь? Я в таких вещах не смыслю, иди себе

подружку ищи.

— Нет, я пошутила. Я не глупая, чтобы звать тебя только ради этого. И нашла его случайно. Все это время видела, как ты скалился на мальчика, как его подбадривали, и это было... смешно. Немного, — тут же поправились она, не без улыбки. — Как раз таки девочка мимо пробежала. А у нее с кармана выпало это. Я, как увидела, хотела ей отдать, но она убежала уже далеко. Взяла себе, не помешает.

«Ну-ну. Хотела отдать. Такое-то богатство не каждый раз под ногами появляется. Все бы себе взяли, без раздумий, — Элид никак не верил ее признанию и критично скрестил руки на груди, выпрямив ноги. — На жалость не буду давить, а то еще меня обвинит в чем-нибудь. И обвинять ее глупо».

— И не обычный кулон этот, кажется, — еще раз повертев его на свету, она перестала. — Я его потеряла сильно, из-за волнения, и оно... заговорило. Не веришь мне, да? — спросила Илекс, увидев друга смеющимся. — Ну и пусть. Вот сейчас же проверим опять. Может, нам ответят другие маги. В тот раз шум какой-то был, и искорка на мгновение вспыхнула.

— Какие чудеса-а-а! Слушай, может, оно еще и колыбельную споеет? Мне спать хочется. Сама видела, что мне пришлось терпеть, — потирая покрасневший лоб, он постарался спрятать его за кудрями. — Кажется, что волосы быстрее отрастут, чем ушиб заживет. А кидал мальчишка... нехило. Но крайней мере, попал один раз. Второй — я ему не дался. И то, в первый раз я и не понимал, что он так смотрит на меня... Набедокурит себе проблем. Думаешь, не расскажу, да? — Илекс не ответила. Вздохнула тяжело, понимая, что новость о кулоне его совсем не занимает. — Еще как. Анариэль сам меня порой пугает. Я, конечно, не разбираюсь в этих всех романах, любви, женщинах, но думаю, что он то и нужен был Афелисе, если бы ее не главная позиция. А не тот... Ангарет. Хотя, чего мне знать? Только предполагаю... Ну так, споеет колыбельную? — прибавил он с усмешкой, раскачиваясь в гамаке, да так, что из рук Илекс чуть ли не выскользнул кулон.

— Будь немного серьезен хоть сейчас, — пробурчала Илекс, подавляя раздражение. — Когда ты еще такую штуку увидишь? Так попробуем? А если какой-нибудь колыбельщик попадется, так он тебе споеет с радостью, что не проснешься больше никогда.

— Ну давай, заводи. Или три, что угодно. А все же хочется послушать твои песенки, хоть шум. Все сгодится. Вот, здесь тихо, буду только сюда приходиться спать. Там никому покоя нет. Ты везучий человек: похлопаешь глазками, проронишь слезинку, и все к твоим ногам. Обучишь, соблазнительница этакая?

Илекс ничего не ответила. Он ожидал увидеть на ее лице злость или обиду, чего и добивался, понимая, что душа у нее чувственная и насмешек не терпит. Теперь же ничего, и это было к лучшему. «Тогда бы она прогнала меня. Вот, сидит, губки бантиком, бровки домиком. А что, вещица и вправду дорогая. Жаль, что здесь, на корабле, никто таких денег не имеет. И на Гроунстене тоже, наверняка». Но добавлять ничего не стал. Разлѣгшись, мальчишка слегка покачивался и глядел на то, как большой ее палец с остреньким ноготком быстро скользит по камню, а губы вздрагивают что-то шепча. Слова разобрать был не в силах. И не удивительным это казалось, вспоминая, как Милада — скончавшаяся мать Илекс — заставляла ее под розгами сутулиться часами над книгой, и вместо еды поглощать знания, хотя она как была пустышкой, так и оставалось ею после каждого такого действия. За ее невозмутимостью наблюдал с улыбкой, поражаясь, что что-то в этой головушке осталось — что-то, не выбившееся розгами. Изредка он понимал некоторые слова, только отрывочно, так

что смысл терялся. «Призывает, что ли, кого? И когда это закончится?» Будучи в темнице, их разделили друг от друга, как несовместных противоположностей. Их маленький отчужденный мирок мыслил, как все, приземленно, и то, что параллельные линии никогда не соприкоснутся, устоялось с самого их прихода. Но для Элида это было почти что безумием, ведь где-то далеко, в других вселенных, эти линии обязательно соприкоснутся и будут иметь общий конец. Впрочем, такие высказывания подвергались одному последствию — голодовкой. «Вот, как воспитывали нас. И бежал я, наверное, из-за этого одного. Чтобы насилия не терпеть. Никто бы такого не выдержал,» — сейчас он думал об этом, как об утерянном прошлом, а тогда — как о мечте, недостойной его. Из раздумий вывела яркая вспышка, едва ли достигшая его носа. Даже закрыв глаза, Элид чувствовал болезненное ощущение на веках, жгучее и покалывающее. Илекс что-то крикнула, кажется, от испуга и отбросила кулон в сторону, прикрыв свое лицо руками. Снова визг. Свет потух, в глазах потемнело. Встретил их резкий шум, терзающий уши. Илекс прищурилась, глянула — и ничего. Кулон лежал между ног Элида, лишь сверкал: в камне игриво переменялись света, грозящие вновь вырваться ослепляющим потоком. Потянувшись, она взяла его: к тому времени камень остудился и уже не горел, как щепка с костра. Кончики пальцев ее согревались, а глаза глядели недоумевающе: «И все? — мысль застыла в воздухе. — Это... конец? Но был же шум. Были, кажется, и голоса». Тут то и пробрала ее догадка, что ей попросту показалось — ничего не было на самом деле. Но Элид? Он тоже слышал и видел, что чуть ли не ослеп».

— Что-то не такого я ожидал... — прошептал юноша, думая, что вот-вот послышится голос. — И ничего нет. Может, нужно подождать? Там, еще что-нибудь сказать. Как ты делала, и что ты там шептала?

— Заклинание, — ответила Илекс, положив кулон на тумбу. Страх все же разъедал полное убеждение, что ничего больше не случится. — Оно для призыва, но тут резко подумала, что и оно сойдет. Ограничений нет и привлекает... я не совсем знаю, кого. Не упоминалось в книге. Но не злых духов.

— Ага, не злых. И придет сейчас какой-нибудь черт — добренький, конечно. А этому кулону, по-моему, энергии не хватает. Надо, что ли, напитать его. Я чуть без глаз не остался! Вот это подарочек, — проворчал Элид, потирая покрасневшее запястье. — Больше не приглашай на такое зрелище, пожалуйста, потому что смотреть невозможно, — он запнулся. Глаза его округлились, и губы раскрылись в каком-то восклицании. — Вон! Посмотри! Да не на меня смотри, на кулон! — дернул он подругу за плечо и развернул.

Он вновь засиял, но тусклее. Синие огоньки витали, кружились и вдруг стали распространяться, как чума, по всей каюте. Мелькали среди темной пелены и белые искры, точно снежинки, но мгновенно испарялись, разъеденные большими огнями, что становились черными. Элид вцепился в ее плечо, все еще потрясывая в искреннем удивлении, указывая ей, будто не видящей, на небо, разливавшееся над ними. «Сработало... — зашептал он Илекс на ухо. От шепота она поежилась, стиснула подол платья, и выжидающе молчала. — Оно, кажется, опять...» Новый яркий поток вырвался с камня, рассыпался в воздухе: выстроились темные спирали, круги и непонятные фигуры. Все это немислимое чудо вдруг прервалось; хриплые отрывистые фразы раздались из камня, прожигая их сердца до дыр. Илекс замерла, стиснутая его напряженными ладонями.

— Черт... опять, — девичий, раздраженный голос. — Я... когда...

Связь прерывалось. И вправду, кулон мог истратить всю энергию. За столько-то

десятков лет, каких он мог существовать. Послышался какой-то крик, затем звон.

— Не получилось! — отчетливая фраза.

Элид насторожился и, пододвинувшись ближе, громко сказал:

— Извините..? А Вы... кто? — язык сплетался и ничего путного выговорить не удалось.

Но это его ни малость не смутило.

Внезапно шум замер: даже отголоски, похожие на эхо, не слышались. Девичий голос исчез, точно никогда его и не было. Он тяжело вздохнул и повторил отдельно:

— Слы-ши-те?

Но из камня ответа не последовало. Треск и какой-то скрип — единственное, что они услышали. Илекс вздрогнула, хотела уж потянуться к камню, но передумала: а вдруг скажет что-нибудь? Если ей нужна помощь? Не будет хорошо отступать при первой же попытке. Опасливо она поглядела на Элида, но тот лишь пожал плечами. Не прошло и минуты, как он снова сказал эту фразу с извинением. Из той стороны послышалось томное, чем-то взволнованное:

— Слышу...

— А кто Вы, и как мы... связались?

Тут же он ощутил на себе грозный, немигающий взгляд Илекс: «Что такое? — хотел спросить Элид, но промолчал. — Что не понравилось?» Именно тот вопрос о связи она видела глупым и не стоящим ответа: хоть и не многое ей было известно о такой связи, но одна вещь впечаталась в память — если не думать об определенном человеке, отвлекаться на посторонние мысли, то камень свяжет мага с другой нитью, какая исходит от любого источника. Вот, кажется, наткнулись они на сбившуюся душу. «Ему и это неизвестно? — удивлялась Илекс, уже не шутя. — Разве они не популярны, эти кулоны? И устройство их простое...» Молчание разбил очередной треск.

— С кем Вы пытались связаться? — исправился он, замечая ее попытки тяжело дышать. — Мы Вас прервали?

— Что? Нет, господа, извините, — пролепетала девушка. — Я хотела посмотреть за кое-кем. Теперь... это... важно, — фраза оборвалась.

— Вы кто? — некстати спросил Элид, довольно кивнул Илекс. — И за кем Вы хотели посмотреть? Или хотя бы... откуда Вы?

— А сами кто? — раздался ответный вопрос. Голос стал серьезен, и не дрожал уж больше.

— Мы — маги. Вы, если судить о том, через что мы разговариваем, тоже. И откуда звоночек то? — Илекс дернула его за рукав, то тот отмахнулся. — Расскажите... пожалуйста.

— Из Улэртона. А Вы, боюсь спросить? Мы одни? — последний вопрос вырвался тревожно, шепотом.

— А мы вот, на днях, в Гроунстен прибыли! Ну, не совсем. Позади моя подруга, но она хорошая. Она то и сообщила мне о кулоне этом. В общем, запутанная история.

«Запутанная история! — воскликнула Илекс про себя. — Ну да, очень. Сколько еще успеет наврать? Нам бы поторопиться и не распускать разговоры о лишнем. Без вранья. Но разве Элид послушает? Придется тогда взять все в свои руки... Я смогу. Смогу сказать и ответить, если меня о чем-то спросят». Илекс пыталась собраться, задать вопрос между их словами, но замкнутая воля никак не отпускала. Завистью пылал ее взгляд, устремлённый на товарища, которому запросто удавалось наладить контакт, так еще пускать несносные, глупые шутейки. Теперь он улыбался, ликовал про себя и более не обращал на нее,

помрачневшую, и малейшего внимания.

— Что? Гроунстен?.. Не шутите? О таком стыдно шутить! Прекратите, скажите правду... Не может быть Гроунстен.

— А я и не шучу, — захохотал Элид. — Нет, правда. То есть, это все правда. Да, мы здесь. Только не в городе, а на корабле, в каюте.

— Если не шутите, то я и не знаю, что думать... А кто еще с вами, двумя, на корабле?

— Да много кто! — в голосе зазвучала пренебрежительная нотка, что Илекс, помедлив на одно мгновение, решила подняться и принялась ходить из угла в угол, для того, чтобы держать свою волю в руках. — На любой вкус и цвет. И высокие, и низкие, и глупые, и еще глупее... Не описать всех. Но ребята тут есть и подлецы. Только такие мне и попадаются. Весело у нас тут. А в Улэртоне что?

Илекс громко затопала, царапала ногтями руку от раздражения, вырывавшегося наружу. Элид и взгляда не повел, улыбался и шутил, совершенно не обращая внимания на конкретику ответа: разговор становился для него шуткой, от которой он чуть не отмахнулся, идя сюда, в каюту. Закручивал прядь на палец, тянул и, уже нежась в гамаке, ожидал ее голоса. «Они сейчас все время проболтают в пустую, — думала она, сжимая ладони в кулаки. — Мы ничего не узнаем, и немало нужно энергии для того, чтобы зарядить кулон. Нужно как-то перевести тему. Сейчас я точно... — но собраться так и не удавалось: страх душил плотку, что даже писка не вырывалось. — Вот, они замолчали. Кажется, связь уже становится плохой. Вот, я... иду». Однако возможность такого подвига тут же оборвалась. Голос вновь появился, взволнованный и резкий.

— Нет, нет! Я не про это совсем. Кто у вас там... Командует? Главный, может, главная... Вот, что мне нужно. Скажите, пожалуйста.

— А Вам зачем? — с подозрением нахмурился Элид, подпирая подбородок об костяшки. — И что Вы — маг? Почему мне стоит доверять Вам, а?

— Я искала этого человека. Афелиса, знаете такую? Она очень мне нужна, — дрожь слышалась в нотках. — Я так рада, что, наконец, смогла связаться... Мы знакомы. Она меня знает, пожалуйста, позовите ее!

— Афелиса? — спросил он, переглянувшись с Илекс. Та стояла и кивнула ему, но он так и не понял посыл, — А... Афелис много. Вам какую именно?

— Диамет, прошу, поспешите! Мы больше так не свяжемся. Я попробую, конечно, но навряд ли получится. Поэтому...ите! — связь прервалась, и вновь раздался ее умоляющий голос сквозь потоки шума. — Же... ну же!

— А, да! Сейчас! Илекс, чего стоишь, не моргаешь? Беги скорее! — с серьезным удивлением сказал он, смотря на нее обвинительно. — Быстрее, ну, Илекс! Человеку помочь нужна, а ты...

— А я? — прошептала она и тут же опустила голову. — Но Афелиса занята, я помешаю... Там люди, там страшно. Я не взберусь на шканцы, ни за что!

Только подняла она голову, как тут же увидела его обозленного, что обида подкатила к горлу и замерла, выжидая, что дальше случится: сам ли пойдет? Или ее заставит? Сердце сжималось от боли: прижав руки к груди, она отступила к стене и стала быстро моргать, что слезы постепенно размывали его напряженное, упрекающее лицо, камень, медленно гасящий, и последний вздох донесся из него, и тут же стихнул. Кажется, это конец. То и предвещало начало — что-то должно было случиться, что-то страшное. Илекс зажмурилась, стыдливо вытерла скатывающуюся слезу на щеке и всхлипнула, омывая себя позором: «Это

я... точно я. Если бы я догадалась, нет! Я знала, что нужно говорить кому-то, а не оставлять в секрете. Ненавижу... ненавижу... Я виновата. Элид не простит, а я себя тем более». Но тот лишь фыркнул и потряс кулон: ничего. Никакого шума, голоса, вздохов — сплошная тишина, уносящая Илекс все глубже в переживания. Шепча что-то про себя, Элид поднялся и искоса поглядел на подругу, сжавшуюся от страха.

— Ты чего реवेशь? Ну, не успели... Вот зарядим, и..! Все. Афелисе расскажем, как было, а ты не плачь. Мало ли тебе страданий, а тут еще такая мелочь... Хватит из-за всякой чепухи так переживать. Она, может быть, и претворялась магом, а на самом деле охотница. Так что это не достойно твоих слез...

— Не достойно! — выкрикнула она хриплым голосом. — Нет, ей нужна была помощь, нужна! А мы... а я... Я не могла. Нельзя скрывать такое, не позволено. И это не мелочь, ни что не мелочь, если она кому-то вредит. А ты всегда, всегда все ради себя! И разговаривал с ней несерьезно, а по тону понятно, что она чуть ли не захлебывается — так мы ее обрадовали, и тут же огорчили. Нам нужно срочно зарядить, — без промедлений бросилась она к кулону и, схватив его мокрыми пальцами, прижала к груди. — Я восполню его энергией... потом. Я попробую представить ее голос, хоть бы увидеть, но... Элид! Расскажи Афелисе, ради нее, ради меня. Девочка не может остаться без помощи, ну же...

Илекс примолкла. Уши и щеки ее поалели, а глаза глядели недоверчиво, вызывающе. Через минуту ее вдруг пробил озноб. Большое возбуждение накрыло ее, взбудоражило, что Элид все еще считал до ужаса странным: «И к чему так кричать? Я что, глупый, что не пойму сказанное спокойным тоном? Бес в нее вселился, видимо, и периодически не оставляет беднягу одну. Рассказать-то расскажу, но что будет, если прямо сейчас я уйду?» Румянец внезапно исчез: лицо стало бледно от неприятной мысли. Дело в том, что она всем существом требовала разрешения загадки, мучавшей ее с того мгновения, когда по ту сторону слышались тревожные вздохи. Элид, медленно подходя к двери, замер и обернулся:

— Я скажу только Афелисе. Но сейчас будет трудно, ибо ее, наверняка, окружили с вопросами. Но стоит подождать, я вытяну ее, и мы вместе скажем. Хорошо? — проговорил он с какой-то надеждой. — Вместе ведь лучше, тем более ты мне совсем не рассказала, что думаешь о ней, о нашей собеседнице. А вообще... Иди со мной. Знаю я, что можешь натворить с собой в одиночку. Все, идем, — приблизившись, юноша взял ее за руку, но Илекс вмиг выдернула ее из хватки. — Ты чего?

— Я не пойду. Без меня, пожалуйста, — буркнула она, отвернувшись. — Не хочу.

«Нет, я хочу, очень хочу, — думала она между тем. — Но не могу. А не могу из-за стеснения. Если она разозлится и тут выяснится, что я не донесла до нее вовремя? Возненавидит меня, а дальше... Нет, страшно представлять. Пусть как-нибудь без меня, мне так спокойнее. Все же, я бы спасла ту девочку. Вдруг она в плену и ищет свою знакомую — Афелису? — мысль эта пустила по спине мурашки. — Так, наверное, и есть...»

— Ну, не хочешь, как хочешь. Значит, скажи, почему так разозлилась? Я видел, как ты смотрела на меня, не спроста же, — он пожал плечами и краем глаза уловив мгновенный блеск на камне, но не решился говорить.

— Потому что мы могли узнать больше, не будь ваших бессмысленных разговоров. Где конкретика? Элид, тебе нельзя доверять такие дела.

— Нельзя? — сказал он с негодованием. — А что ты сама не заговорила? Даже не попробовала остановить меня! Но какие пустяки я мог сказать? Только спрашивал, и по

делу. А если ты о смехе, то это всего на всего дружелюбный тон, чтобы не спугнуть девочку. Сама-то... Дрожала, как лист на ветру, и все-то тебя устраивало, Илекс. Одумайся, пожалуйста. Кто прежде всего виноват?

С этими словами он вышел. Дверь с грохотом затворилась. Словно сквозь пелену девочка слышала, как разъярённо он ступал по лестнице, да так, что, кажется, доски прогибались под его пылкостью. «Кто прежде всего виноват? — эхом зазвенел вопрос Элида. — Сама-то... Дрожала, как лист на ветру. Да! Я виновата, и должна была остановить его. Но разве он не понимал, что делает только хуже? Неужели мне суждено всегда оставаться виноватой? Все из-за меня, хотя я ничего-то и не делаю... Само мое существование — и есть вина?» Она долго колебалась, чтоб не сорваться с места и не броситься вслед за ним, но мерзкое ей чувство останавливало — страх. Из-за раздраженных нервов голова закружилась, руки задрожали, нащупывая опору. Но неужели это правда? Неужели это юное создание сознательно втягивается в смрадную яму? Илекс с упорством остановилась на мысли о вине. Этот исход ей не нравился, но он был более привычным, чем всякий другой. Пристально присмотревшись к двери, уловила звук; прислушалась — показалось. Народ топтался на верхней палубе, и наверняка Элид сейчас отбивается за малейшее внимание Афелисы. «А что наговорит! — воскликнула она про себя. — Если скажет, что я заплакала, то Афелиса сорвет собрание и понесется ко мне на всех порах. Нужно ли это? Из-за меня? Нет, нет, нет, того не станет!» Сжимая в покрасневшей ладони камень, она опустилась на гамак. Болезненный стон — последнее, что издалось в стенах каюты.

Между тем собрание подходило к концу — это вывел Элид из того, что главным лицом публики стал Анариэль, раздававший команды. Метнув взгляд на штурвал, он увидел Яромила, теперь уже некурящего, и Афелису, на чьем лице играла странная улыбка. «Анариэлю я еще на тех проказников нажалуюсь, — заключил он, поднимаясь по ступеням к шканцам. — Им мало не покажется. Будут драить палубы, или еще чего похуже им устроят. А как узнают, откуда у них камни взялись, то совсем уж... Я бы посмотрел на эту расправу. Сразу все выплывет... Все их тайны. И все узнают, что они сходили на землю, а иначе, откуда у них камни?»

— Афелиса! — тут же выкрикнул он, подбегая к ней. — Афелиса... Там дело было такое непонятное. Впрочем, не сложное, просто необычное. Нигде такого не видывал. А ты-то должна знать... То есть, наверняка знаешь. Вот... — вздохнул Элид, навалившись боком на борт. — Илекс, она стояла там, — направил он указательный палец вниз. — У капитанской каюты была. Рассказывает, что девица какая-то пробежала и обронила кулон, не простой, а говорящий... Мы попробовали, и он вправду работает! Не сам камень говорит, а кто-то по ту сторону. В этот раз нам девичий голос ответил. Знаешь, я сначала как-то и не предал значения — это Илекс вся перепугалась, и теперь такая же, только еще хуже.

— И кто вам ответил? — улыбка вдруг спала. — Не охотница ли случаем?

— Да нет, вроде бы. Говорит, что очень хотела посмотреть за одним человеком... И знаешь, за кем? — с интрижкой проговорил Элид.

— Откуда мне знать? — пожала она плечами. — Это ты должен сказать, раз был свидетелем.

— И ни одной мысли? Кто бы это мог быть?.. Я очень был удивлен такому повороту.

— Элид, говори уже! — воскликнула она угрюмо. — Или это опять твои проказы?

— Какие проказы? На носу серьезное дело, и даже мне не до них. Сразу же... в прочем, ладно. Это была какая-то девочка, которая искала тебя. И назвала еще тебя по фамилии... Диамет. Афелису Диамет сюда подавайте. Мы, конечно, удивились, и говорила она восторженно. Сказала, что вы знакомы, и что она очень в тебе нуждается. Сейчас связь оборвалась, мы не успели сказать тебе, прости уж.

— Знает меня? — как бы не веря вполне, спросила Афелиса. — И имя назвала? — Элид кивнул. — Что же это... Вы, наверное, вышли на связь с той девочкой, какая была со мной на острове. Розалинда... Где она сейчас?

Отрывисто и сухо прошептала она что-то, но он не расслышал. Отвернувшись в сторону, она осмотрела шканцы, точно ища то, что ей не позволит сойти на палубу. В тот миг губы ее вновь расплылись в улыбке, теперь уже искренней. Поднялся опять, как вчера, ветер, и высокие сосны мрачно зашумели на опушке, когда она спустилась к толпе. Никто не зажимался, не лез; все стояли в напряжении, и детки, хлопая ресницами, озирались по сторонам, дергая взрослых за рукава. Великое недоумение тут же стихло: Афелиса и тогда предполагала, что надолго останется в памяти Розалинды, но пронесется ли это смутное, двойное воспоминание сквозь года? Однозначно, да. Тому были доказательства, которые хотела она всем сердцем услышать сама, а не понаслышке узнать. Элид, увидев это резкое движение, без промедлений кинулся вслед за девушкой, подправив сюртук. «Ух, произойдет что-то! — с нарастающим азартом уминал юноша сладкую мысль. — Она насытит кулон энергией и снова заговорит с той... Розалиндой. И Илекс увидит, что ничего криминального не натворила!» Коридор пролетел перед ним, как мгновение. Оказавшись в той же каюте, посмотрел на Афелису: она согнулась в три погибели над упавшей без памяти Илекс и, подхватив за плечи, потрясла ее. Глазки ее сомкнулись; бледные, бесцветные губы приоткрыты. Лежала она у стены, пораженная страхом, перенесшая еще один сильный удар по сердцу. Афелиса, будто иступленная, усадила ее и, водя ладонью по лицу, тихо шептала что-то невнятное, чтоб не спугнуть. Безобразно и жалко было смотреть на Илекс, медленно пробуждающуюся и чуть ли не бившуюся в дрожи. Туманный взгляд ее слепо глядел на Афелису; всхлипывая, Илекс ударила макушкой об стену и безудержно простонала. Элид до того был сбит и запутан, что несколько раз порывался то вперед, то назад. И, наконец, воскликнул в волнении:

— Я говорил, что до добра не доведет! Может, ей водички?

Диамет его будто не слышала, продолжала, сидя на коленях, трясти девочку, как куклу. И он скрепился изо всех сил, приготавливаясь к неведомой катастрофе. «А она должна случиться! — выдалось у него смелое утверждение. — Как проснется, так начнет бред всякий несуразный нести. С ней это в темнице ни раз случалось... И всех перепугает». Элид, еще входя сюда, этого зла боялся. Чувствовал, как губы пересохли, требуя какой-либо влаги, сердце колотится, точно тотчас же выпрыгнет. Уже на повторе маг кивнула, метнув на него упрекающий взгляд, и прижала к себе ее податливое тельце. Дверь хлопнула: Элид умчался. Грохот этот вывел Илекс уже окончательно и привел в чувства. Подле них, под гамаком, лежал кулон, и камень на нем уже давно потух, что выглядел, как поддельный. «Неужели она истратила все силы на это? — мигом пронеслась догадка. — Выглядит так изнеможенно, словно работала где-то».

— Илекс... — нежно прошептала девушка, робко притрагиваясь к ее щеке. — Плохо себя чувствуешь? Что случилось?

— Да... немного, — поежившись, выдохнула она. Теперь же глаза глядели в потолок,

видимо, стыдись ее вида.

— Сейчас Элид воды принесет. Не делай резких движений, — остановила маг ее руку, заметя, как та хотела подняться. — Нельзя. Только навредишь себе.

— Афелиса, я видела...

— Кого?

— Ее.

9. Опасное лекарство

И случилось это вечером того же дня...

Посреди двора стояла коляска, запряженная парой серых лошадей. Кучер, слезший с козел, остановился подле набежавшей толпы: кругом теснилось множества народу; впереди, у самой дверцы, — слуги. Все перешептывались, кричали, ахали: дело понятное, в замок Тираф пожаловала важная гостья. Кучер, мотавший головой и подправлявший всякий раз ремень, смотрел в недоумении на румяные лица девиц и повторял себе под нос:

— Экий грех совершают! Проходу не дают девки!

В толпе только и мелькали белые аккуратные воротнички, черные платица. И тут вдруг — злая экономка, с раскрасневшимися, как лепестки розы, щеками, растолкала весь люд своими мощными локтями, и, протеснившись к карете, приветливо улыбнулась гостье, разглаживая края своего платица, обтягивающего пышные ее формы. «Ты погляди-ка, а, Зорька, — говорила на ухо своей подружке служанка, — гляди, как напмадилась, будто свататься пришла. А куда ей?». Смех разливался из уст, переходя к другим, угрюмым девицам, и те сдержанно посмеивались, пуская злобные шутейки. «Но не мужчина, этак, значит, — заметила одна из них, указывая на силуэт женской прически в окошке, — что же, женщина-с. А может, с муженьком своим, а экономочка отобрать желает-с. Ух, ветер проказливый! — подправляя пучок, жаловалась служанка другой, высокой и худой, как дьяволице некормленной. — Все портит!». Та украдкой поглядела, как пальчики ее приглаживают растрепавшиеся волоски у висков и, не сдержавшись, пробурчала: «Будто замуж тебя кто-то позовет». Ответ таков: «Ну и не нужен мне мужик, коли разлюбит из-за прически!». Шум да гам стоял ужасный. Экономка, вдруг порозовевшая, пытливая, грозила ближайшим девушкам пальцем да что-то нераздельное шептала. Угроза эта сработала, и лишь отважные стояли с высоко поднятой головой, высматривая гостью за приоткрывшееся дверью.

Появление той женщины, какой вовсе никто не ожидал, навеяло великое удивление на всех, кроме экономки. Из кареты выступил сперва кончик черных туфель, затем подол пышного блестящего платья. Всеобщий шок понемногу сменялся скепсисом. Приняв руку экономки, впервые очищенную ото всякой грязи, женщина выскользнула из кареты. Служанки замерли, точно статуи, и лица их побледнели. На вид гостья уже на пороге сорокалетия, хоть и держала ровную осанку, двигалась плавно, словно кошечка, готовая цапнуть того, кто к ней не благосклонен. Глубокое декольте, обнажающее белую грудь, русые завитые волосы, темные тени блистали на лисьих веках, серебряное ожерелье на шее — эталон ведь, а не женщина! Эта мысль сорвала покров с давнего счастья: они знали, знали кто это. Отдернув руку с некой неприязнью, гостья прошла вперед, вдоль расступившихся служанок, а те, как подол платья исчезал, начинали восторженно переговариваться.

— Бесстыдство, — проскрипела зубами женщина и тут же сжала губы.

Какая чудовищная скверна. Экономка, еле поспевая, держалась чуть подальше, заглядывая ей в лицо.

— Госпожа, — восклицала она, сторонясь подола платья, — госпожа Амеан! Все удивлены вашим приездом. Царь желает видеть вас в своем кабинете. Позвольте мне отвести вас и оставить наедине с Его Величеством...

— Отведи, — пренебрежительно ответила госпожа, резко остановившись, — без шуму,

прошу. Ваше-то Величество, он один? Без неприятностей? У меня дело важное, и если кто-то сорвет, то бедствия ему сочтут это за смертный грех.

— Один, один! — сыпала экономка, словно бисером. — А хотите царицу увидеть? Она тоже ждала вас, а тут и вы... В общем, она тоже будет рада... Давайте, нет, сюда вот, Ваша честь... ох, — указывая на левый поворот, засуетилась она, чуть было не подхватив гостью под локоть, обьятый в синюю перчатку, — вам комнатка заготовлена, и поужинать можете, все к вашим услугам, все-все-все!

— А где у вас тот мужчина-то был, беленький? Это недоразумение какое-то! Прежде он всегда встречал всех гостей, вышвырнули его, поди? — в голосе Дарьи проскрипело раздражение.

«Эта пищалка меня до греха доведет! — думала она, помчавшись к дверям. — Все нервы расстроит раньше времени. Меня, потонувшую в скорби, расстроит! Совестно! Все тут бабоньки бесстыдные»

— Вы пошли бы лучше к своим девкам и урок бы им дали, проказы-то какие. Совестно вам! Да кто вы вообще? Кем приходитесь?

— Ох... приучила, скоро, скоро шелковыми станут. Не сердитесь, госпожа. Царю-батюшке не любо это... Он сейчас в приподнятом духе. А я экономка, к вашему сведению, — она была уже на краю, когда злость еле сдерживалась. — Девки-то еще приучатся, они так, от удивления. Люди, все-таки.

Впрочем, всю дорогу говорили мало, больше восклицали. Все в голове экономки тогда смешалось, отчего и вышла несуразица. Выкрикнула что-то Дарья Амеан, всплеснув руками, и затворила дверь перед самым ее покрасневшим носом. Но всех более горячились оставленные служанки: «Что теперь, прихватим, да, девоньки?», «Я все, все... Сбегу от тирании», «Да кто тебе позволит?» — кричали завистницы. Этот приезд положил начало всему маленькому разраставшемуся несчастью.

Зайдя в царский кабинет, госпожа игриво остановилась у порога, улыбаясь его виду: тот, рассеянный, согнулся, разгребая бумаги, и, поприветствовав, махнул на это дело. Одобрительный кивок. Рассевшись в кресле, Дарья положила ногу на ногу и, видя все его волнение, пытающее скрываться за равнодушием, промолвила с радостью:

— Сколько лет, сколько зим! Вы помните меня, я надеюсь. А на письмо то мое не сразу ответили, ух, интриган! Ну, я-то не просто поболтать пришла; конечно, и от этого не откажусь, но вы это... примите к сведению. А то по дороге вашу экономку спросила, мол, где твой советчик, ни-ка-ко-го ответа! — отдельно проговорила она, жестикулируя. — Вот не знает, а. У вас хочу спросить. Мне, если честно, он больше нравился, и молчал всю дорогу, а теперь!..

— Он вынужден был покинуть нас на время по семейным обстоятельствам. Симпатия — это единственное, ради чего вы спросили это? Не переживайте. К следующему вашему приезду и он появится, хотя... — Грифан замолчал, всматриваясь в ее напряженные черты лица, — приезжаете вы редко, очень редко. Может, советник мой и вовсе уйдет со своего поста.

— Ну, мужчины! А я-то говорю, что все хорошенькие с виду, а на самом деле у них свои черты в светленькой головушке. Вот, что меня отталкивает... О, Грифан, да я в печали... скорби, — резко перевела она тему, заметив, как быстро лишается его внимания. — Знаете ли вы, что мой друг умер? Знаете? Да откуда вам... Генри-то, Генрюшка погиб. Сердце его

загубило, а как долго спало! Это был человек ума! Я-то давай письма ему писать, а сыночек-то его прислал ответное. Вот, вот... с собой, — вынула она сложенный лист из кошелька и стала им размахивать, подчиняя себя воли чувствам. — Возьмите... А давайте я вам прочитаю. А то не поверите, знаю я ваш хитрый ум. Слушайте, батюшка, — всхлипнув, она развернула письмо и с подделанным огорчением начала:

— «Не могу не сообщить вам, как старой подруге отца, о его смерти, как бы... печально это не звучало». Печально! — перевела она взгляд на него. — Печально! Это слишком мягко сказано. Так... Где тут? — почесала Дарья висок и, водя пальцем, ткнула на первую строку. — «Извините меня, но поймите мою скорбь...» Так! Все, вот, слушайте опять. «Я послал за доктором, но тот не смог установить причину смерти. Я предполагаю, что это сердечный приступ. Знали ли вы об его проблемах с сердцем?» — голос затих; все это было произнесено чрезвычайной скороговоркой: чем дальше, тем быстрее захлестывали чувства, и кашель разом прервал ее красноречие.

— Извините, — вставил между тем царь, — вы слишком взволнованы. Отдохните лучше и потом продолжайте.

— Отдохнуть? — засмеялась Дарья, обмахиваясь кошельком. — Да когда мне, Господи? А, батюшка? Вы не представляете, что у меня творилось в доме, все это время! Садовник-то умер, и подумали родственники, что убийство кто-то подстроил. А у него прежде неоплаченные долги были в банке; даже не знаю, при чем тут я. Меня обвинили! — воскликнула она, томно вздыхая. — Да я бы никогда к такому старику вялому не прикоснулась, а как тело увидела, так все свело... Ох ты ж, Боже... Вот такие дела. У вас тут что-то жарковато, хоть и вечер. Или я так возбуждена, что на месте не сидится. Завтра похороны будут, а у меня ничего черного нет. Вот беда-а-а! — протянула Дарья, мотая головой.

— Так с каким делом вы прибыли? — строго смотрел на нее царь, совершенно не внимая болтовне.

— А известно вам, какое! Доченька у меня сбежала, а я и найти не могу ее. И вдруг узнаю от служанки, что где-то здесь она прячется. Дай-ка, думаю, и приеду, как раз вас навестить. Она, бессовестная, посмела мать огорчить. Вот, какие дети нынче неблагодарные, а вы дальше говорите, что хорошее поколение растет. Так что? Здесь она? Или мне наврала служанка?

— Я слышал о вашем несчастье, — ответил Грифан; сидел он неподвижно, все с тем же напряжением всматриваясь в лицо Дарьи Амеан, — и искренне сочувствую. Но, к сожалению, помочь я ничем не смогу.

Она смотрела на него как на помешанного, хотя никаких признаков сумасшествия он не выдавал. Это чувство выходило из личных принципов, и даже сейчас Дарья не готова полностью отречься от того, что ей донесли. И возражения она не приняла; напротив, с каждым своим новым словом становилась все раздражительнее, точно во вкус входила. Сердце стучало как оглашенное, накануне встречи с Розалиндой, отчасти из-за подлого чувства, что она плурует и просит едва ли не божьей милости у всех, кто встретится ей в земном лабиринте. Царь же, понимая ясно мотивы побега ее дочери, выдал наглуую ложь.

— И впрямь не знаете, Грифан? И что же вы слышали? Знаете хотя бы, куда чертовка могла деться? Она на меня позор навлекла! Не представляете, какие обо мне разговоры идут. А это хорошо, что вы не слышали, хорошо... Иначе бы, наверно, отвергли меня и никогда не выпускали в замок, — чопорность легла на ее черты. — И сыновья мои ума не приложат. Все

в печали. Ох, как вспомню, как ее сюда маленькой девочкой привезли, так сердце кровью наливается. Не зря же мне говорили, что всех нужно смалу воспитывать. Вот, не доглядела и следа не оставила. А я сегодня, перед тем как к вам ехать, спрашиваю у служанки, мол, ты-то откуда знаешь, ненаглядная? — чуть смолчав, набирая в легкие воздуха, Дарья продолжила:

— Сказала, значит, что ей-то подружка, оказывается, доложила. А она простодушна до нельзя. И видя, как я убиваюсь вечерами, решилась... и один любопытный факт уловила. Понаслышке правда, но преинтересный.

— Послушайте, — низкий, упрекающий голос, — при всем моем уважении к вам и вашей семье, я не могу одарить вас какой-то надеждой о том, что знаю, где она может быть. У меня нет достоверной информации. На этом и закончим. Удачных вам поисков.

— Да погодите вы! — востропнула тут же Дарья, покачнувшись, чтобы встать. — Еще минутку. Я-то вам самую ягодку не рассказала! Самый сок не выжала! В вашем замке случилось то, чего ждала я все это время. Кажется, что у господина Филгена роман закрутился с моей дочерью. Вот, как судьба поворачивается. Особенности связи, — энергично ударила она на «особенные». — Служанка как увидела, что они вместе чуть ли не плачут, то сбежала сразу. Эх, вот могла бы подождать и узнать, о чем разговор. Нет, испугалась...

— Я не одобряю подслушиваний, Дарья. И этот поступок повлечет за собой наказание. Знаете имя служанки? Если вам не известно, то экономка все равно прочует крысиную натуру.

— Откуда мне, батюшка? Ну и пусть, да, действие личное... Но какое! Мне-то, матери, важно знать. Могу я у вас остаться на ночь? Кучер, наверно, все, отбой. А пешком не пойду. И поужинали уже?

— Оставайтесь, — безразлично проронил он. — Вам заготовлена комната. Нет, приходите к девяти часам. Царица будем вам рада.

— Ну, как знаете, — ее губы тронула усмешка. — А утром мне на похороны ехать. Рано нам придется расстаться, и кто знает, встретимся ли когда-нибудь снова. А вы сегодня не в духе, — заметила она, уже поднявшись на ноги. — Случилось что, поди? Что вы, до сих пор с женой в обиде да в ссоре? Не пойму никак. Она женщина мудрая, и вы не хуже. А все как... не пойми кто.

— Это давно уже разрешилось. Не воспринимайте всерьез некоторые вещи. А то бывает у вас, что-то, что не нужно, чуть ли не трагедию устраиваете; а то, что действительно требует внимания, в шутку оборачиваете.

— А вы к чему клоните?

— К тому, что пора отпустить взрослого человека из своего гнезда. Ничего путного не вырастет, если будете вечно под материнским крылом ребеночка держать.

— Ну, это вы так думаете. Устала я за сегодня, нет сил больше спорить, Грифан.

Повисло молчание. Дарья против воли подняла взгляд, расправила пышный подол и гордо вышла, не оборачиваясь, с ясным пониманием, что досада разьет все наигранное самолюбие. Вот, кажется, уже свершилось — дверь захлопнулась. Подле лестницы встретила ее экономка и, махнув рукой, повела к покоям царицы. «Откуда ему, бездетному, знать о тонкостях воспитания, — думала госпожа, сжимая губы. — Розалинда не взрослый человек. Ей шестнадцатый год миновал, а в душе вся та же загнанная в капкан девочка». Дарья безудержно размышляла, как бы поставить ловушки похитрее, но организм требовал еды — мысли тяготились. На случай вранья царя, госпожа ясно решила, что ей предстанет повод узнать о всей ситуации из уст тайных сплетниц — служанок — и одержать, наконец, вверх

над слухами, чернящими ее честь.

А пока разгорались бесовские разгадки, за стенами шла обычная жизнь.

Ночь — предвестница всех смутных разгадок, настигнувших уже на рассвете, — привела двоих спутников к смертному дому, в котором выжался из дряхлого тела надменный дух. Кучер домчал их за полтора часа, потребовав четыре золотых монеты. Еще до этого отъезда из замка, Розалинда провела с царицей беседу, в ходе которой получила благословение и искреннее пожелание удачного пути. «Эта встреча не последняя. Всего-то прервало время одно большое обстоятельство», — говорила она Филгену, цепляясь за сиденье, как только карета покачивалась. Дорогу они срезали, чтобы скорее покинуть замок, в каком надолго засела одна язва. Новость о ее приезде подняла всю прислугу на ноги, отчасти от того, что по языкам она скользила шустро, и перескакивала даже через границу.

Ночь была темна, безлунна; по всей округе бликовал рассеянный белый свет. Фонари светились вдали, над другими крышами. Дом Филгена находился в районе таких же белых, высоких, почти что одинаковых, зданий, если бы не развешенное белье на балконах и не дымящиеся трубы. Сумрак сгущался, проникал в окна, обхватывая тихую колыбель беспечности в свои острые когти. Темнота разъедала глаза, сгрызала белки, да так беспощадно, что ни единого просвета не было видно. Дверной щелчок. Розалинда прошла вглубь, за ее спиной зажегся огонь. Она оглянулась: игривые звезды блистали в темных глазах, огонек захватил бездонную глубь и пустился в самое сердце, разжигая на лице слабую улыбку. В эту минуту, когда тишина резала уши, раздался сильный удар грома. Дождь крупным ливнем застучал в стекла, стекал по трубам. Розалинда вздрогнула, и дверь тут же захлопнулась. Филген, держа в руке подсвечник, аккуратно обхватил ее ладонь и повел направо по коридору. Точно злобный дух проник в когда-то жившее место: на миг даже послышался звон металла. Розалинда сжала пальцами ладонь Филгена и, обернувшись, встряхнула головой, оставляя скверные мысли на воле. «Всего лишь показалось, с кем ни случается? — успокоение это оказалось тщетным. — Если и умер здесь человек, то это не повод бояться каждого шума природного. Как глупо!». Узорчатые арки медленно утекали из виду, будто бесконечный туннель. Розалинде хотелось говорить без перерыва, а не внимать пугающей тишине, щекочущей нервы.

— Это было смелое решение... — проронила она и тут же замолчала.

Филген остановился: отголоски стука каблуков рассеялись. Посмотрел на спутницу, но разгадать этого взгляда она не смогла: «Что такое? Упрек? — мысль эта пронзила ее». Не удивительно, ведь в голосе ее звучало волнение, перетекающее в панику. Воск неспешно стекал со свечи, огонек спускался. Он бросал желтые круги на стены, пол и потолок, но не доходил до сужающегося конца, в который Розалинда вперилась взглядом.

— Это какое решение?

Она смолчала: губы подергивало.

— Решение покинуть замок, — произнесла наконец Розалинда, затем тихо добавила:

— Если бы нас заметили? Даже хотя бы из окна. Дарья Амеан — вот, кого я боюсь, похуже всех тех случившихся трагедий.

— Я думаю, что этот страх ни к чему. Она не посмеет ничего сделать преступного и в суд не пойдет. Даже если так случится, то ее примут за помешанную. Ведь ты в праве распоряжаться жизнью, как тебе того хочется, — выдохнув, Филген пошел прежней дорогой. — Так что постарайся не волноваться, — в этих словах чувствовалась улыбка, хоть

Розалинда и не видела ее, а только белесую макушку. — Она не узнает, где ты. Дом пуст. Теперь.

— Почему пуст? У вас же были слуги.

— Были когда-то. Ничто не вечно. Точнее... я просто отпустил их. А то звучало так, будто они умерли. Нет. Еще до этой смерти я думал над тем, как бы поскорее уехать отсюда. Подготовил все заранее. Ты ведь поедешь со мной? — спросил Филген, обернувшись.

— Но куда? В Блоквел?

— Да. Туда нам и место. Я продам этот дом и ничто больше не удержит нас.

Было уже очень поздно, когда они вошли в ближайшую спальню, а Розалинда все не спала и размышляла. Бесконечный поток мыслей — одно из явлений, перед которым человек бессилён. Легла она поздно, к трем часам. Филген, свернувшись на измятой постели, тихо посапывал, когда время перевалило за полночь.

Что-то неопределенное волновало Розалинду, то, что разгадать нельзя, потому что не мысли это были. Случались мгновения, когда тело насыщалось энергией: хотелось вырваться наружу, обдаться прохладой и, наконец, убить внутреннего чертя. Мучили эти неожиданные желания; например, ни с того ни сего хотелось отпереть дверь и побродить, как призрак, по коридорам. Если бы кто-то спросил Розалинду зачем, то она и сама бы не изложила причины, разве кроме как «захотелось». Невыносимым рывком встревали в ней воспоминания об обидчиках, котромы порывалась Розалинда вдруг пойти и отомстить. Неважно как, хоть убийством. Но понимая, что страх встретит ее у порога, бесшумно ныряла под одеяло. Свеча тихо угасала. Вскоре темнота накроет комнатку целиком. Порой в голову Розалинды вдалбливались и чрезвычайно недопустимые мысли. Рука, подчиняясь лишь сердцу, плавно подкрадывалась под одеяло к сопящему телу, касалась ледяной кожи кончиками пальцев, и — все. Здравый рассудок, на счастье, приходил вовремя. В трепетном ожидании Розалинда чего-то ждала, а рассудить что не могла. Несчастье ли? Только это и могло прийти к ней, настроенной на какое-то происшествие. Чудились и отголоски звуков: дождь не шадил и злосчастно барабанил по окнам, будто старался ворваться и залить Розалинду, дрожащую от захлестнувших эмоций. Вновь поднимаясь, она босиком ходила на носочках, да все поглядывала на Филген: спит ли? Просматривала полки, вытаскивала книги за корешок, любовалась и тотчас же ужасалась от иллюстраций. И все не то. Чего-то явно требовала душа, а сна ни в одном глазу не было. Напротив кровати тикали часы: вот уже маленькая стрелка стояла между «2» и «3». Страх поджимал, когда приходилось топтаться мимо зеркала: каких чертей держит этот портал? Предугадывала и соображала Розалинда, останавливаясь посреди комнаты, и ждала, все ждала — не постучится ли кто? Дух Генри? Он ведь витает здесь и разозлится, когда увидит запертую дверь. Розалинду обдавало жаром, и облегченные вздохи вырывались из уст: «Хорошо, что в гостевых комнатах есть замки. И почему мы здесь, а не наверху?». Таким темпом и появлялась новая гнилая пища для мозга.

В шуму Розалинда, наконец, улеглась. Быстро запрыгнула на кровать, та скрипнула. Оглянулась по сторонам, вниз, и, перевернувшись на живот (в то время предрассудки о приходе кошмаров мучали ее), сжала в объятьях подушку. «А тело-то увезли? — мысли тихо убивали Розалинду. — Да увезли... Филген не мог допустить, чтобы в его доме был труп». Вдруг захотелось поскорее заснуть, так как чувствовала она себя ужасно измученной. Впрочем, это удалось даже через такие мучения. И впрямь: заснула она крепко и последнее, что помнила — укрытые его плечи, утопающие в чужих темных объятьях, и рассыпанные волосы на подушке. Дальше картинка замерла и повисла в жуткой тьме.

Проснувшись Розалинда поздно: стрелка часов перешла через десять. С большим трудом она открыла глаза, потерла и потянулась, выпрямляя руки. Никого вокруг не было, даже Филгена. После Розалинда поняла, что тот укрыл ее, так как легла она без одеяла. «Ведь так, — засомневалась она на мгновение». Вопреки ее бессоннице, энергия вспыхнула, и, вскочив с кровати, Розалинда поспешно вылетела из спальни и, зайдя в ванную, склонилась над раковиной. Холодная вода полилась из крана, и, обрызгивая себя ею, Розалинда вздыхала, восполняясь необыкновенными силами. Отражение в зеркале гляделовозбужденно. Вчера с собой она взяла наспех сорочку, которая теперь прилипла к телу, отдавая неприятным чувством и духотой. Утренние сборы прошли быстро: скомкав сорочку, Розалинда запихнула ее в сумку, даже не подумав повесить сушиться. Не те мысли занимали ее, все думу думала о похоронах: «Это очень печально — видеть близкого мертвого человека, которого уже в землю опустили. Никогда не любила эти... обряды. Как-то по-ведьмински, а у них там что? Как они погребают своих? Жаль, что читала я лишь о травах, когда была в замке... Отыскала бы чего интересного». Сегодня перед сном, лежа на кровати, Розалинда и не думала об отъезде в Блоквел, совсем другое ее терзало — сущие мелочи. А что там, ветка, что ли, скрежет по стеклу? Наверху... кто-то есть, наверно, грызуны какие-нибудь? Вот, прямо над головой — тому подобное издевалось над ней, а на деле — показалось. «Как же люблю это слово! — восклицала она про себя, засматриваясь в широкое окно. — Такое нужное всем нам. Да, мы не умрем без него». Воспоминания о том, как кружилась и болела голова едва ли не перетекли в текущую реальность. Заправляя кровать, Розалинда думала о многом: «В таких районах всегда так тихо? Точно всех перерезали». По крайней мере, она совсем не мыслила, что проснется завтра и весь мир ей покажется таким смешным и мелочным, как и те страхи, висящие чудовищными силуэтами.

Утро вторило о хорошем, теплом деньке.

Лужи уже иссыхали, оставляли после себя большие мокрые следы. Кусты сирени медленно покачивались, точно протягивали тоскующую песню, а Розалинде и не расслышать. Вот стоит лишь выйти — и запоют они, унылые, хором еще громче и ярче. Небо прояснилось: проплывали рассеянные облака, птицы больше не размахивали крыльями. Каменная тропинка вела куда-то вдаль, где проглядывала темная стена, скрытая голыми ветвями деревьев. «Что это, — возник у нее вопрос, — флигель какой-нибудь? Но маловат...». Чуть было не отвернувшись, крем глаза заметила Розалинда, как одна из сухих ветвей упала на землю, а за кустами кто-то проскочил. Кто-то неуловимый, скрывающийся: на миг проглянула коричневая шляпа и тут же исчезла. «Вор? — тревожно подумала Розалинда, пригвожденная испугом. — Что ему тут делать? Или новый хозяин дома?». Надобно было идти и разобраться, но какой-то подвох удерживал ее попросту смотреть и отрывисто дышать. Что-то неясное, неизведанное — в этом случае тайна скрывала какую-то остроту, и, оступившись, она пронзит Розалинду без каких-либо шансов.

Прятки продолжались недолго. Нащупав ручку двери, ведущую на веранду, она не спешила открывать. Наконец, шляпа вынырнула из лиственных волн: что-то рассматривая в руке, мужчина, подбочась, натирал этой же ладонью усы. Предмет сверкнул на солнце. Драгоценность! Точно вор, теперь у Розалинды не было и сомнений. Одет он был в черную рубашку с пышными рукавами, и по пояс погряз в кустах. Улыбка засверкала не хуже драгоценности. «Нужно идти сейчас! Видно, что еще себе что-то присвоит. А где этот камень-то взял? В дом же не заходил?». Розалинда, не думая больше, выбежала за порог, да так, что чуть не оступилась и не ударилась лицом об деревянные полы. Хлопок двери

раздался по всему саду, так, по крайней мере, ей показалось. Тяжелый вздох — и вот стук сердца участился, взгляд пробежал по мужчине, застывшему без действий. Он опустил руку, отшатнулся и снял шляпу. Розалинда в мучительной нерешимости шагнула вперед, как бы порываясь что-то выдать, но воля не позволяла. Тот же молчал, глядя в землю и что-то обдумывая. Тишина оборвалась неожиданно и резко. Предполагаемый вор вынырнул из кустов, пошаркал носками об листву и со стыдливой улыбкой поднял голову.

— Здравия вам! — выкрикнул он, поглядывая на Розалинду. — А вы хозяйка нынешняя? Извините, что ворвался... — мужчина дергал правой ногой, воротил ступню, а ветвь все никак не отпускала. — Дело было. Понимаете, все, как съезжал, обронил брошь здесь. Уж больно дорога она мне: и сердцу, и в материальном плане. Супруга моя печальна останется, поймите, Ваша милость.

Наконец, вырвавшись из оков, мужчина по-доброму усмехнулся. Подойдя к крыльцу веранды, он облокотился о столб, явно рассчитывая на продолжительный разговор. Теперь Розалинда стояла в задумчивости, и приниженная, бессмысленная улыбка бродила на ее губах. «Так вот в чем дело! — промелькнуло восклицание в глазах». Сдержанный кивок. Он скосил на нее глаза, что держали в полуобороте, и оглядел пристально, не спеша; после мужчина медленно повернулся, вздернул руку и, то и дело поднимая ее к солнцу, рассматривал.

— Понятно, — промолвила Розалинда, — еще что-нибудь потеряли?

— Да нет, все потерянное нашел. Спасибо, что не прогнали, а то бы не добро мне было после этого. Ну, спасибо, как говорится, в карман не положишь, — повертел он в пальцах брошь, — услуга за услугу, и счастье настигнет мир. Хоть маленькое.

— Зачем же мне? Погодите, в чем моя заслуга? — отвечала Розалинда, подняв взгляд. — Не стоит. Пойдите уже к вашей супруге и отдайте брошь. Вы ведь только за этим сюда пришли?

— Честно? Не только, — проговорил отчетливо, концентрируясь лишь на разговоре. — Я, идя сюда, подумывал молодого господина увидеть. Узнать, так сказать, причину такого массового избавления от нас. Я то с кухарками редко виделся, особо не влезал в слухи.

— И кем вы приходились? — спросила Розалинда таким тоном, будто любопытствуя только из-за приличия. — Господин Филген сейчас не дома.

— Садовником местным, госпожа. А, погодите, дом еще не продали? Живут здесь еще нынешние хозяева? А вам, девушка, за добро добром отплачу, — с этими словами он порылся в кармане, сморщился, и что-то застучало в его руке. — А вот! Не зря же все же берег... для особого случая.

Мужчина повертел бутылку с каким-то фиолетовым веществом и, откупорив ее, приставил нос к краю отверстия.

— Пожалуй, единственное приятное лекарство! — воскликнул он и сунул бутылку ей в руки. — Возьмите. В хороших людях земля нуждается.

За стеклом переливалась точно окрашенная вода с розовыми пигментами. Омывая края, жидкость словно меняла цвет и резко перетекала в фиолетовые волны; о, чудеса — где еще ей такое видывать! Розалинда потрясла бутылку, легонько надавливая пальцем на пробку: заискрились огоньки, поверженные солнечными атаками. Сомнение укололо ее: вдруг обман? Обыкновенный розыгрыш? Хотя особую важность все равно не несет это зелье, если не знать об предназначении и о составе. Будучи в доме Амеан, Розалинда хитро утаскивала

книжки по земледелию, оставленные неизвестными предками в библиотеке и, забравшись под одеяло, рассматривала травы и читала то, каким именно цветом насыщается смесь из крыла летучей мыши и языка змеи. Тогда для нее это был непонятный детский лепет — все эта фантазия, ведь и вправду: что путного изобразишь из зверских частей тела? Даже дети не стали бы выискивать кого-то и подставлять животному нож под горло. «Будто и есть грязная вода после рисования акварелью, — думала Розалинда, не упуская из виду мужчину. — Спросить, что ли, для чего... А вдруг, наоборот, отравы? Ведьмы, вроде бы, берут подопытных зверьков и проверяют, правильно ли все вышло. А мне как проверить? Слепо доверится этому незнакомцу?»

— Осмелюсь спросить: и для чего это лекарство?

— Лечит любые раны, — тут же проговорил незнакомец, будто бы его послали сюда, чтобы отрекомендовать этот отвар. — Не верите, госпожа? А мою женушку капля этого... зелья излечила. Шрам у нее был на ножке, мы как промыли, так сразу капнули. Теперь и следа нет! И животных, и людей, и котов... Я-то для последних и создавал это. Пользуйтесь, и будет вам счастье. Да с собой носите, мало ли, что приключится. Совсем немного надо, но это смотря, насколько рана глубока...

— А состав какой? Сколько нужно ждать для заживления? Вы проверяли действенность на животных? — опрашивала его Розалинда, ступив в тень. — Есть ли исключения?

— Ох, да что вы! — засмеялся мужчина тихо и сдержанно, приглаживая усы. — Нет, живодерством не занимаюсь. Чем люди лучше животных? Для них оскорбление то, что люди приравнивают грешников к себе... Ну, это спорный момент. Проверял на себе, госпожа. Ссадина на лбу была, поглядите, — пальцем указал он на лоб, ближе к виску, — теперь ничего нет. Будто бы и не падал с лошади. Чудодейственно сие средство... А состав вам зачем знать? Практикуете? Есть исключение и, пожалуй, только одно — много не наносите на кожу. Может вызвать аллергию у обычного человека. Маги более чувствительны, нежели чем простой люд. Так что будьте осторожны. Одна капля — и всю родню перелечите. Для человека, все же, опасно будет. Особенно, если низкий болевой порог.

— Нет, не практикую, но много читала. Спасибо за такой подарок, — Розалинда улыбнулась, но мысль ее была совершенно противоположной: «Что это он о составе не говорит? Что-то запретное? Может, он какой-то посланник и разносит яд, чтоб после управлять людьми? И слишком оно идеально... Он, наверно, опытен в этом деле, раз может такие чудеса творить». — И сколько лет вы занимаетесь зельеварением?

— С юности, как молоко с губ оттер. Ну-с, госпожа, не могу задерживаться. Деток одних оставил, а они, смею предположить, уже перестрелку начали. Всего доброго! — низкий поклон; не ожидая ответа, мужчина рванул к забору и снова скрылся в кустах-воцарилась прежняя тишина, окликаемая ребячьим плачем из соседских окон.

— Всего... доброго, — проронила Розалинда в никуда.

Поспешные шаги вскоре исчезли, ветер бросил на лицо прядь волос. Спине похолодела, и сердце на мгновение замерло, а потом как застучало, точно по команде. Виски Розалинды были смочены потом, и дышать становилось тяжело. Хотела она уже уйти, но потом подумала, так, обрывками: «Куда это?... Проход там, что ли?». Спешить Розалинда не хотела. Простояла минуты три, сомкнула бутылку в ладони и, проложив взглядом путь, пустилась к кустам. Ветви сменялись и крутились как вихрь: царапали лицо, ударяли по векам, гнулись под подошвами. Легкий озноб еще не прошел, и это тоже хорошо ощущалось, ровно как сучьи удары. Ожидания оправдались: у самого плетня стоял флигель,

покосившийся на бок. Крыша его была свешана вниз, черепица рассыпалась, и окна заколочены старыми досками. Создавалось подозрение, что не вчера прислуга покинула дом, а много десятков лет назад. «Может, снести хотели? — задумалась Розалинда, разгребая острые ветви. — Да не успели...». Было здание небольшим, вокруг разбросаны сломанные доски, щебень да кирпич. Линия эта из гор песка, огороженной площади порвавшейся веревки, поодаль стояла погнувшаяся лопата, воткнутая в песок. Очевидно, Генри затеивал расширить здание, но зачем? Картина этой разрухи предстала перед Розалиндой несчастной и брошенной. «Не успел он осуществить свои задумки, — с этой мыслью она еле как отвела взгляд и полезла дальше». Страшная духота стояла на дворе. Деревья пропускали солнечные лучи, так что в теньке никак не укрыться. Вздохнув, Розалинда взяла бутылку в другую руку, а освободившуюся размяла.

Тогда, стоя на веранде, двор ей казался маленьким, но заросшим. Теперь же, зная о том, что хранят за собой те кусты, Розалинда ни капли не удивилась тому, как же ловко мужчина лет сорока пяти смог пролезть через плетень и умчатся целым. Изгородь захватывала еще и кусочек леса, так что меньшая часть территории попросту не использовалась. «Выгодно же Филгену будет продать такое богатство! — восклицала Розалинда, идя по примятой траве. — Точно найдется тот, кто захочет снести все обломки и обустроиться по-новому. Вот только... Правду ли Амери говорил? Что земля эта вымрет? Если и бесплодна будет? Но для чего это все? Даже если и подстроено... Кто главная жертва той трагедии?». Небо проблескивало слепое, ели величественно прямо стояли над ней. Тут же солнечная искра чуть ли не ослепила. Зажмурившись, она потупилась в землю и заморгала. Розалинда тяжело перевела дыхание, но, странно, слепота все еще продолжалась. Изредка вскакивали какие-то фигуры — не больше, чем виденье. Вот только одно черное пятно оставалось на месте, не вскочило и было как будто... в действительности?

— Сегодня по усам у тебя не потечет! — воскликнул Амери и с размаху опустил ладонь на плечо Эстера, громкий хлопок сопровождался поддерживающими криками. — Или что у тебя там? — он нагнулся и взгляделся в него, едва ли не соприкоснувшись носами. — Ну, по бакенбардам тогда! И вообще, зачастил ты пить, скоро, вон, поди, по улочкам слоняться будешь и милостыню просить. Тогда, дружище, мы тебя только здесь приютить можем. Конечно, коне-е-ечно, — восторженно протянул Амери, расправляя плечи, взгляд его вперился в сидящего напротив мужчину. — Слово хозяина — закон! Все мы здесь под твою дудку пляшем, мой господин. Метлиан, что, и вправду последняя была?

— Да куда вам! — насмешливое недогование пробралось сквозь разговоры, — Сегодня, чего, опять вас укрыть здесь двоих?

Лицо Метлиана налилось каким-то восторгом от еще одного дня, проведенного в этакой среде: оно было весьма молодо, гладкое, что, кажется, бритва не касалась этих нежных черт. Даже волосы всегда расчесаны и завиты, будто от парикмахера не уходит, придавали ему вовсе не глупый или небрежный вид, а солидность и ощущение чина, как посмотришь на такого человека. Иногда в юношеской физиономии мелькало что-нибудь будто неприятное, что жутко отталкивало. Амери часто приглядывался к нему, наблюдал из-за угла и вынес только из своей слезки, как говорил Эстер, что все в нем ровно, хорошо и красиво. А чувство какой-то неприятной черты лишь было доказательством того, что Хендерсон, прежде всего, выявлял в людях подвох, заставляющий сторониться, уйти, куда глаза глядят, но глядят-то только на него. С этим возможно смириться, но избавиться от внутренней

установки — навряд ли. В одежде же его преобладали светлые оттенки, что делало Метлиана белым пятном среди чертей и очень похожим на одного человека, но на какого — Амери долгое время не мог понять. «На Филю похож, — утвердилась однажды мысль, — оба краса парнишки, но слишком разные».

— Укрывай и сам залезай, — Амери улыбнулся и в ту же секунду опустился на стул возле Эстера. — Винишко-то ты давно, брат, не пил? Что, вкус детства вспомнил? А коньячок-то, — поднял он бокал, — домашний. Метлиан сам гонит. Не ожидал, не ожидал. Вы покалечите себя только, глупые.

— И кто это говорит? — спросил Эстер с неким достоинством. — Неужели тот, кто меня спаивал по молодости? Это тебе совестно так врать. Сам-то не отстаешь от нас. Каждый раз бокал подставляешь, как умалишенный. Вон, командир идет. Чего ты разлегся? Хочешь выскочить отсюда на второй день?

Он толкнул Амери в плечо, и тот, мигом опомнившись, зачем-то кивнул командиру. Метлиан хлопал глазами и поднялся: ладони их сомкнулись в рукопожатии. Эстер сразу понял, что он отвлек так командира от этого странного замечания. Не раз Амери подводил их, но выкручивался так, что позавидовать можно было. Облокотившись о стол, он встряхнул головой и отодвинул бокал.

— Эстер, — обратился к нему командир, — получил доклад?

— Доклад? — непонимающе протянул он, вдруг встревожившись. — Какой это? Писем, вроде, не приходило. Приношу извинения. Может быть, кто-то из мальчишек задержал или вы слишком поспешили.

— Сегодня он должен прийти, и я жду от тебя отчета.

Разжав руки, командир взглянул на Амери, сморщился от неприязни, а Метлиан пожал плечами, что, мол, тоже никаких известий не доходило. Что-то громыхнуло позади: сборище информаторов, а под ними — расплывавшаяся вода да осколки стенка. Один из них дернул своего товарища, какой крепко стискивал уцелевшую часть бутылки и что-то нервно зашептал. Зал наполнился напряженным ожиданием. Все в округе, даже служилые мальчишки прильнули друг к другу и обсуждали, что же сейчас будет. На командире лица не было: ни сердитого, ни счастливого — какая-то неопределенность. Удивление поразило всех, когда он безразлично прошел мимо и кивнул кухарке на осколки, та, старушка, принялась подметать да по ногам виновников бить веником. Тройку это дело не особо волновало, лишь Метлиан оборотился на звон и тут же отвернулся. Эстер задумался о письмах: «Нужно его-то позвать, — в голове всплыл образ мальчика, — спросить, что у них там». Слова командира заняли его, и обещало это только одного — неминуемую важность. Впервые он подошел и спросил о докладах и, как Эстеру показалось, был крайне встревожен. Все же один заядлый разгильдяй остался в этой компании: Амери не думал ни о чем и, изредка посапывая, глядел искоса на суматоху, что происходила вокруг, но интереса это не возбуждало.

— Ты его... это, — кивком указал Метлиан на Амери, — отведи куда-нибудь. Где вы спали этой ночью? А то, чувствую, командир не шутит. Потом опять этот пьяница жаловаться будет, что узнает все понаслышке и не может оценить ситуацию. Водой холодной, что-ли, умой...

— Где спали? Да здесь и разлеглись на лавочках. Давай лучше ты его. Пойду спрошу, что у них за дела там такие, командир сейчас на милости...

Метлиан согласился: не впервые он уносил своего приятеля отрезвиться. А Эстер же,

придержавшись за спинку стула, отодвинул стол и направился к коридору. На пороге его встретил мальчик постарше, лет пятнадцати, опрятный и хорошо одетый — сразу видно, что любимец у кухарок. Широкие плечи, родимое пятно на щеке и засаленные черные волосы — вот, какие особенности приметил Эстер. Видя издали решительный шаг, мальчик выпрямился и нахмурил густые свои брови.

— Письмо не приходило? — серьезно спросил Эстер.

— Приходило. А вам откуда?

Эстер поначалу не понял вопроса и издал тихое, но критичное: «Что?».

— Откуда писалось, — пояснил мальчик.

— Да черт пойми, откуда они писали, — он пренебрежительно махнул рукой и толкнул его в плечо. — Вперед.

Последнее слово звучала как угроза; он встрепенулся, закивал и быстро ушел с порога, поскорее протесняясь через толпу в какую-то дверь. Но среди шумных смеющихся забияк, Эстер вдруг столкнулся с каким-то задирой со шрамом за всю щеку и остановился. Суровый его взгляд смог пихнуть его в спину и заставить мальчишку вспомнить о том, для чего он здесь. Мальчишка отдалялся, а затем и вовсе исчез. Внимание приближенных привлекло заманчивое действие: мужчина, поддерживающий своего товарища, приободрял его и в нетерпении спрашивал о случившемся. Тот же, схватившись за живот, тянул рубашку, испачканную и измятую, точно в пасти потисканную.

— Это что же, как ты так кровью замочился? — нервно спрашивал мужчина, отдернув его руку от рубашки. — Посмотри, ведь не стыдно тебе. Докладывай! Позорник этакий, небось, напал на кого-нибудь. Люди смотрят на тебя, говори, пока честь твоя, пошатанная, еще стоит.

— Да, испачкался... немного, — проговорил тот в каком-то забвении, затем улыбнулся, будто вспоминая все произошедшее. — Что ты так? Бывает... Ты тоже, вон, не самый чистый. А все из-за такой-то ссоры. А у меня дело было... важное и соблазнительное до жути. Я... я весь в крови!

Вдруг он положил обе руки мужчине на плечи и с каким-то счастьем поглядел на него. Глаза его, чуть раскосые, сверкали утолнением давнего желания, только вот темная кровь делала из него не полусумасшедшего, а настоящего психа. Люди сторонились по углам, ведь какая сцена — убийство! Хоть и грешно, но занимательно. Кухарка охнула и быстро слилась с толпой мужчин в обсуждении: «Это он... кого? — шептала она, развязывая повязку на голове. — Это он... где? Надо, что ли, позвать кого, чтоб делом этим занялся...». «Этот театр нуждается лишь в зрителях, — отвечали ей. — Посмотрим, может, сознается». Никто не интересовался, кто же этот человек и по чьему приказу его сюда прислали. Он был худо одет: иной посовестился бы выходить в таких тряпках на глаза. Пусть и привыкшие к разному, но все же способные осмеять.

— Кого... убил? — теперь в голосе его проблескивала тревога. — Признавайся, здесь все... Если не сейчас, то хотя бы под дулом командирским все расскажешь. Сейчас мы тебя вывезем, и будешь все совершенно другим людям рассказывать.

— Кого убил? — непонимающе повторил он вопрос. — А! Ну... гобитилу замочил. Там меня послали за курицей, а я принял гобитилу за нее. Только потом рассмотрел, как тушу разделявал. А чего?

Умиравший его взгляд вряд ли понимал что-нибудь, произносились отрывистые, неясные звуки. Не понимал он и смеха, сразившего мужчину напротив: в его глазах он

выглядел оскорбляющим незнакомцем. А ведь что такого? И все в округе поймали эту волну. Из толпы послышалось задыхающееся: «Гобитила!». Между тем двери из комнат начали отворяться любопытными. Все плотнее и плотнее теснились гости. И должно было быть так: этот случай бы мимолетно потерял свою забаву, и все гости бы распрощались с ней, позабыли; но этот человек — мясник, как позже выяснилось, имел на своем счету ни одну такую же историю, и со временем они распространились на всех без исключения.

В ту минуту из сеней, сквозь пришедших дам, прорвался тот мальчишка, посланный раннее Эстером за письмом. Он вошел, еле переводя дух, и взглядом все бегал по залу; вот, наконец, поймал господина и, размахивая конвертом, томно проговорил, задыхаясь:

— Вот, Ваша милость! Отыскалось письмо. Извините за задержку. Служанки унесли его, не знаю куда... Сказали, что оставили на потом. Теперь передаю его в ваши руки, — не успел он и руки поднять, чтобы отдать, как Эстер жадно выхватил конверт, словно добычу. — Если нужно что-то будет, зовите. Командир в своем кабинете, зайдите к нему срочно. Просили передать...

Оставив мальчишку одного, Эстер отошел в сторону и, как потерянный, через неудачные попытки раскрыть конверт, разорвал его. Писанина оказалась большой, так что ему пришлось скрывать в углу и, напрягая глаза, вчитываться в строки да думать, что перенести командиру. Письмо было следующего содержания:

«Здравствуй, Эстер.

Данное послание адресовано сугубо тебе. Если побеспокоишься о донесении, то измени посыл. У командира я и так на плохом счету, и то, что ты скажешь повлияет на мою судьбу. Приукрась, смягчи слова, наряди хоть как, ведь главное — моя дальнейшая жизнь в вашем обществе. Ты должен это помнить. И не показывай ему ничего, только словами. Убеди хоть как, меня это не особо волнует, а точнее, это останется на твоей совести — твое обещание. Прежде будешь думать. Домашним тоже не рассказывай ничего. Только ПЕРЕКАЖЕННЫЕ факты. Что ж, я, пожалуй, подчеркну это, чтоб потом не было претензий.

Зелье распространено. Я послал несколько людей по всему городу и дал им адреса тех, кто нам нужен, несомненно, мертвыми. Изготавливали в специальных цехах и чуть ли жизнь не отдали работяги, особенно я, смотрящий за этим действием. Это ты и скажешь командиру. Приказ выполнен. Чтобы не было вопросов, потому что ты наверняка в недоумении, что вообще происходит: дело серьезное. В основном, смертники — это люди из богатых семей. Простые же съедут и так, как узнают о массовых смертях. Твоя компашка знает об этом. У Амери даже был список семей, именно ему я поручил заняться выявлением точных адресов. По всем вопросам к нему. Не волнуйся, ты из полей вылез, до твоих предков не дойдет.

Хочешь знать мотив?

Он прост, и корни его вытекают из нашего проекта. Командир хочет убедиться в своей теории о том, что кланы существуют и они не пережиток прошлого. Впрочем, и вся та история о подземном городе... Я понятия не имею, действует ли это на каких-то нечистей. Это не ко мне.

Помни, что командиру ты должен донести обо мне только хорошее.

Или кровью своей поплатишься.

Всего доброго!».

10. Возрождение

— Ее? — спросила Афелиса и легонько взяла ее за руку, — кого это?

Илекс смолчала, борясь с сонливостью. Обморок выжал из нее последние силы, до того, что мысли ударяли ее, бились между собой в безумной хватке, и изредка, среди всей этой чертовщины, звучал голос незнакомки, покинувший их так скоро, словно никогда его и не было. Она оборотилась на нее при вопросе, принялась вдруг ее рассматривать пристально и с каким-то особенным любопытством, будто бы давеча никогда не видела, или же не успела рассмотреть. Резкое движение вывело ее из забытья: Афелиса отшатнулась, отпуская ее из своих легких, непринужденных объятий и приставила к самым губам стакан с водой. Стекло прохлаждало, а холодная вода разлилась приятным чувством в горле. Илекс хлебала ее, и вода эта, кажется, появлялась на висках: пальцы липли к щекам, ткань обхватывала ее, душила, и прохлада эта быстро рассеивалась. «Еще! Еще, прошу... — лепетала она, чуть ли не плача, — жарко... я хочу на палубу. Афелиса, отведи...». Мертво-бледная кожа ее насытилась кровью сполна. Мокрые губы дрожали в очередной просьбе, она смотрела на нее, выжидая первого движения, и вдруг заметила фигуру позади — кто это? Пригляделась: прямо, как солдат, стоял Элид, и ни слова, ни движения не произвел. Глаза ее сквозь пелену рассмотрели воспаленный, тяжелый взгляд. Какая-то тайна... что-то было в нем, чего Илекс испугалась до жути. В тот то момент он, тронув Афелису за плечо, сказал:

— Я не знаю что с ней такое, — проговорил Элид это собранно, видимо, стараясь рассудить все трезво, — но она просит, просит, чтобы мы ее отнести на свежий воздух. Давай скорее... я отнесу ее, а ты пока там, ну, подумай, что ли, как ее лечить...

Без промедлений и разрешения Элид выскочил вперед, и хватил ее за предплечье. Афелиса совсем посторонилась, и слова не вымолвила: тревога в ее взгляде стихла. Было у нее одно предположение, но, однозначно, лучше бы удостовериться с врачом. «Элид не сможет рассказать мне по делу. Что такого стряслось? Понимаю только, что они с кем-то связались, но с кем? — этот вопрос волновал ее не хуже бедственного положения Илекс». Элид, оперевшись об стену, обхватил ее за пояс сзади, а второй рукой придерживал за спину. Она, в полудреме, что-то щебетала, но шла, хоть и медленными шажками. Последний взгляд его — какая-то непосредственность. Вероятно, он хотел призвать ее, или же наоборот подал знак не вмешиваться? Афелиса осталась в замешательстве. Дверь захлопнулась. На каюту упал сумрак, какой бывает в ночи, предвещавшие ливень. «Должны же быть здесь знающие люди. Леотар оказала бы нам большую помощь, не будь ее опасение. Они приходили из разных земель, жили, как обыкновенные люди. Кто-то обязан разбираться в медицине». Долго раздумывать не пришлось, да и мысли не склеивались. Афелиса бросилась на лестницу; их уже не было, а как взойшла на палубу, так увидела троих девушек, склонившихся над Илекс, и Элида в стороне, пожимающего плечами. Она уж хотела пройти мимо, чтоб найти врача, как вдруг он схватил ее за плечо и повернул к себе.

— Они говорят, — кивком указал Элид на девушек, чуть старше Илекс, — что это так дар в ней просыпается. Но без врача никак. Спрашивают, происходили ли какие-нибудь странности? Мне откуда здесь, я за водой бегал... а ты хоть что-то видела?

— Да. Говорила в бреду, что видела кого-то. И все. Может, это и правда. Сейчас нет времени обговаривать это. Я иду за врачом.

— Врача? — насмешливо проговорил он, складывая руки на груди, — поверь мне,

Афелиса. Я весь люд здешний изучил, и могу сказать, что все, что местные спасатели могут сделать — обвязать рану какой-то тряпкой. А у нее эта рана истекает внутри. Они не помогут.

— И что делать? Нужно попробовать... — тревожно спросила она, и хотела пойти, но Элид все не убирал руки, — хочешь сказать, что ей суждено было так мучиться?

— Она не чувствует сейчас ничего, — вдруг заговорила одна девушка, глядя Илекс, упавшую в беспамятство, по волосам, — ты успел ее притащить сюда. У меня было такое, и поначалу это больно, точно изнутри сердце режут, но пока она... во сне. Не будите ее, или предоставите ей муки непосильные. Хорошо, что без осложнений.

Она молча смотрела на Илекс, так внимательно и бесцеремонно, что казалось со стороны, будто ей все равно на умирающую. А вид у нее был именно таков: черты более не дрожали, а замерли в страхе, перекосившем ее вспотевшее личико. Брови изогнуты в мольбе, грудь отрывисто вздымалась. Из коридора сквозило тьмой. Солнце скрывало за облака, на счастье. Афелиса долго не могла свыкнуться с мыслью, что нужно ее оставить, и жар пройдет сам по себе. Все же казалось ей, что Илекс страдает, и терзает ее... она. Кто та пришедшая к ней во сне? — никто не разгадал. Элид тяжело вздохнул и отпустил ее. С минуту смотрели они друг на друга молча. Горевший и пристальный взгляд Афелисы будто усиливался с каждым мгновением, проникал в сознание, душу. Что-то странное произошло между их кругом. Девушки шумно вздыхали, утирали платками щеки Илекс нежно и трепетно, боясь разбудить. Вдруг Илекс вновь побледнела, как мертвец.

— Сегодня и вправду состоится возрождение сил рубина? — спросила одна из них, сидя подле порога на корточках.

— Да. Мы надеемся, что погода нам не помешает. — ответила Афелиса, избавляясь от мыслей, — на нее это никак не повлияет?

— Ну... рубину нечего из нее взять. Можно сказать, что магия в ней умерла, а если учесть, что она маг, то в ней просто помирает обычный человек. Прежняя девочка. Обычно, после этого люди изменяются характером и могут быть сдержанными, даже очень. Ей этот обряд не принесет никакого вреда. А вы, госпожа Диамет, разве не испытывали такое?

— Я... нет. Не помню. И у всех ли так?

— Кому как повезет. Вы, видимо, настолько сильны, что дар с вами был с самого рождения, — милая улыбка засияла на лице, — мы можем посидеть с ней во время возрождения. У нее может быть эмоциональный шок, а после этого, что уж грех таить, всякое бывает. А как ее зовут? Где ее родители? Или она уплыла без них?

— У нее больше нет родителей, — вступился Элид с серьезным видом, — а звать ее Илекс. Да ну, она застесняется вас. Но как она вела себя в каюте... хотя, делайте, что хотите. Скажите уже Диамет, что лекарей на палубе путевых нет. А то никак не может уняться человек...

— Почему же нет? — отозвалась молчавшая все это время девушка. Черные глазки ее поднялись, — бабушка у меня лечит. Я могу позвать ее.

— Ты чего, Изольда? — упрекающе склонилась над ней подруга, — хочешь ее совсем убить? Нельзя. Никаких лекарей не звать. Организм сам о себе позаботится.

Элид почесал затылок и развернулся. «Слишком утомился, — подумал он, — если ничего плохо не случится, то можно идти. О ней позаботятся, а что говорить об Афелисе...». Та стояла и что-то обдумывала, по крайней мере, ему так показалось. На самом же деле почва для размышлений пропала. Ей пришлось заставлять себя двинуться, и пойти...

но куда? Единственное, что сейчас взбрело в голову, так это проведать Анариэля и распорядиться окончательно о том часу, но тему это из-за чрезмерной назойливости она затрагивать не хотела. «У него свои дела, и у меня свои... были. Неужели нескончаемая занятость привела меня к тому, что я не могу позволить себя отдыха? Занятое дело». Идя по направлению к шканцам, она вдруг остановилась, и не сразу, после раздумий, развернулась и уже уверенно пошла к каютам. Волновало тотчас многое — и предстоящее возрождение рубина, проявление дара Илекс, поведение народа, и еще что хуже — не станет ли этот день роковым в их судьбе? Еще с того времени, как о том заговорили, витало множество слухов, что энергия может перенаправиться к пробудителям и убить их сильным потоком. Это она отрицала и осмеивала, говоря, что магия не может убить плоть, из какой она выбралась. Но все же, с наступлением этого часа, в голову приходило все плохое и ужаснейшее: «если это обыкновенная легенда? Предки не могли так обнадеживать своих детей. Они знали, что наступит день, когда человечество исчезнет. Не все, лишь малая часть. Рубин не может убить, может только оставить людей полумертвыми, но стоит отоспаться и силы придут, и дух посвежеет». Чтобы не думать больше и не подвергать себя внутреннему истязанию, Афелиса заснула в каюте, так как это было невыносимо.

Вечер медленно сменился ночью.

Тогда разожглись огни, прильнули друг к другу пламенные языки, и запел протяжным хором народ. Ясная ночь вторила о чем-то светлом, о снисхождении богов к своим детям, звезды светились ярче, будто бы запели вместе с обреченными на неизвестность. Шканцы загорелись: свечи, уставленные на бортах, рисовали треугольник. К мачтам с опущенными палубами прилипали дети. Укутанные в рваные простыни, они с печалью смотрели в небо, и губки их дрожали в такт песни. Непонятный язык, люди кругом, чьи головы покрыты были в плащи, свечи, и напряженность в воздухе, щекочащие тело — все это для детских невинных глазок казалось чудом — воплощением злобной сказки. Юноши затеснились у бортов, указывали пальцем на иных поящих, и посмеивались, толи забавности их, толи от отчаяния. Они — непонимающие умы, единственные, кто улыбался, хоть и с натяжкой, но не плача. Все шептались, и никто не смел что-то выкрикнуть. Такая прелюдия обряда была необходимой, и не все знали, что поют они, для кого и, главное — зачем. Песнь эта была скорбящая, и призывавшая живых духов восстать и покориться их власти, а они, соблазненные девичьим хором, приходили, и присутствие их ясно ощущалось на коже. Неразумные существа не вправе отказаться. «Сколько уже поют, а нет их... — настороженно говорила женщина, укутывая в платок своего ребенка, — удача уже нам не светит?». В то время ночь выдалась звездной — хороший знак. Колдуны ярые охотники на природные знаки, и всегда объясняли молодым, что это могло бы значить. Было среди этого шума, толкотни и сонное царство: совсем маленькие детки, оставленные родителями, посапывали в каютах. И Илекс, так и не очнувшаяся, была отнесена в капитанскую каюту. «Задавят ее, — говорил Элид, — не успеет очнуться, как умрет. А все-таки жаль, что она не увидит это событие, какое бы оно не вышло».

Не только палуба была взбудоражена, но и шканцы: Афелиса, откинув капюшон назад, читала про себя заклинание, стоя рядом со свечами, и ком страха застыл в горле. Даже и не верилось ей, что она — главное лицо этого действия, и если что-то случится, то вся вина посыпется на нее. Капитаны появлялись, лишь чтобы поинтересоваться и заглянуть на страницы, даже Яромил не казался таким озлобленным.

«Обряд должен пройти только хорошо. Одна оплошность, одна запинка, и все разрушится. Благо, текст этот мне дал Анариэль еще будучи в пещере». У нее было действительно серьезное волнение, из таких, каких она доселе не испытывала. К штурвалу взошел Элид в том же сюртуке, причесанный, и улыбающийся какому-то предстоящему чуду. Нынешнее сомнение больше не отзывалось в чертах; кажется, его единственного ничего не тревожило. Но кто знает может, ведь Элид ничего не говорит о себе? Подойдя к Афелисе, он подправил воротник рубашки и сказал:

— Он выполнил твое поручение. Анариэль сказал, что так и задумывал. Ну, я спорить не стал. А штука и вправду хорошая, то есть, чтобы на какую-то группу был один человек, который бы присматривал за всеми, — он задумался, смотря за борт, — сторожи что ли... ну как тебе? Учиться? Ты, наверное, скоро имя свое забудешь. Или до того переучишь, что не вспомнишь и слова.

Афелиса посмотрела на него отстраненно, и на лице у нее написано было: «не мешай». Элид не заметил этого выражение, что-то удерживало его взгляд вдаль. После долгого молчания он наклонился, оперся о борт; посмотрел на нее. Будто бы что-то наконец сместилось в его душе — понимание, что ранняя радость бывает слишком обманчива. Но лишь на мгновение — и взгляд снова застыл. Вспомнил он то, как Афелиса отдавала ему приказ, чтоб тот перенес его Анариэлю. Он тоже был насторожен, и разговаривать его так и не получилось. Теперь он один оставался без дела, и ребята сегодня все как на иголках — грустные и озабоченные. «К чему такой траур? — думал он, шагая по шканцам без дела, — наоборот, радоваться нужно и надеяться, что все пройдет отлично. А они тут же носы повесили, бедолаги...». Подготовка длилась долго. Принято было приступать именно в полночь, когда потусторонние силы восстанут и напитают рубин энергией. К двенадцати Элид заметил изменение — народ повеселел. Видимо, глотки устали. К тому времени Афелиса куда-то ушла, взяв с собой громадную книгу. Лица засверкали счастьем, и молодежь стала сдержанней, особенно те мальчишки. Он их не заметил в толпе, а значит, затихли. «Поняли, наконец, с кем имеют дело! Анариэль им, конечно, выдал тираду...». Женщины ходили с голубым огнем и поджигали затухавшие свечи: корабль поник в полумрак. Лились подбадривающие песни, старики неспешно выходили из своих каморок, показывали детям игру с огнем — именно в этот момент все казались до того дружны и отчуждены ото всех пороков, что без улыбки нельзя было посмотреть. Элид ощущал новый, небывалый раньше прилив чувств, вызванный какой-то заражающей волной энергии. Хотелось жить, когда велика вероятность смерти. За четверть часа до полуночи, он увидел, как толпа резко стала расходиться по сторонам: все до единого затихло. Ветер не завывал, волны не бились об борта. Умиротворение пришлось и на людей — затишье, какое требовало это мгновение. Из капитанской каюты полился темно-синий свет. Палуба наполнилась таинственным ожиданием, и кто-то, стоя не поодаль, указывали кивком на магов, дергали друг друга за мантии, призывая опустить головы и повиноваться высшим силам. «Начинается! — восклицали они в особом нетерпении, дрожа и припрыгивая, чтобы рассмотреть происходящее, — сейчас... сейчас прибудет новая жизнь».

Картина эта завораживала взор, и заставляла души трепетать в экстазе, как не бывало давеча. Впереди шли высшие маги с покрытыми головами — Анариэль, держа темп шага, нес семь больших осколков на алой бархатной подушке. Лица его не рассмотреть, эмоций не прочесть. Афелиса же, имея вид грозный и решительный, поднималась на шканцы с раскрытой книгой. Элид сумел увидеть: та же страница. Стих простирался дорожкой по

всему иссохшему листу. Волосы ее были заколоты на затылке, и свет падал на темные нижние веки. На мантии красовалась брошь у груди: красный камень в серебряной оправе. За ними — двое мужчин — подручников Анариэля следовали с подсвечниками: голубой огонек ложился кругами на пол. Переломный момент изменился все, ни оставив и следа. Перед лицом народа не билась в дрожи девушка, чья фамилия обязывала ее вступить на престол любой ценой, а уже гордая правительница, чьи намерения были так же тверды, как и дух. Перед выходом ее наполнила тройная боль — о прошлом, о настоящем, о будущем. Все неизвестно, и то, что прошло до конца не разгадано. Многие еще предстоит, и никак нельзя предугадать: навлечет ли это еще большие беды, или, напротив, излечит? И вот, взойдя на шканцы, видя внизу народ, прижавший ладони к сердцу, ей хотелось успокоить их, сказать, по-матерински, что все будет хорошо, что все не так страшно. Анариэль призывал ее собраться духом, и даже предложил прочитать заклинание самому, но Афелиса наотрез отказалась, и даже не дослушала, прибавив: «только мне поручено это дело. Я не должна подводить наш народ». Порог каюты обступили, все будто бы прилипли к мачтам и бортам, оставляя центр пустым. Этот обряд не нуждался в прелюдии и какой-то речи — все и так знали, зачем здесь собрались, и слушать многообещающую тираду было бы делом унижительным. Последние вздохи, тишина. Тишина бодрящая, не подпускавшая и мгновенный покой в душу. Ее грудь тяжело вздымалась, руки больше не тряслись, заклинание плыло из уст податливо и плавно, словно медленный ручей, стремительно набирающий бушующее течение. Каждый до единого старался воспроизвести внутри себя отголосок этих непонятных, старых слов, найти в себе нить, цепляющуюся за все остальные. Зрелище это было не столь торжественным, как представало в фантазии; с ноткой печали об ушедшем, об умерших за новые жизни, о долге, волнующий каждую ведьму, каждого колдуна. Заклинание это воспевало и об единстве, сплетающее всех магических существ в одну стаю. Афелиса знала это понаслышке, из других источников, и слепо верила, что это так. Брови ее все хмурились, голос делал акценты. Ни какая мысль не могла вытрясти из нее весь дух, какой настраивала она долгие годы.

Первые минуты две ничего, кроме чтения, не происходило. А после, вдруг почувствовав вибрацию на руках и появившиеся искорки, Анариэль склонился и положил подушку на пол, отходя дальше. Все плыло перед глазами: из осколков посыпались мелкие огоньки, поначалу бесцветные, блеклые. Минула середина заклинания, и рубин, еще несоборанный, налился кровавым цветом, разлил свет на всю палубу, и неведомая сила подняла их, заставив висеть в воздухе. Народ зашумел, ведь, дело понятное — слухи опроверглись! Осколки все краснели и краснели, заиграли внутри волны, закрутились водовороты, и вот: прогремел взрыв! Темная дымка распространилась по палубе, проникала в каюты, вместе с ней и слабость, нахлынувшая на легкие. Стало тяжело дышать. Голос Афелисы охрип, и уж страх проник в грудь: что, если она собьется? Осколки рухнут! Дымка выплескивала силы из магов, насыщаясь светло-голубым светом. «Сбылось! — ликовал Элид, тяжело вздыхая, — рубин забирает наши силы! А отчего же он не зеленый, как завещали?». Она мысль перестала волновать и испарилась в объятьях какого-то занавеса. С трудом различались огни на шканцах. Подручники стояли по углам, и все не отводили взгляда от камня: повисшие в воздухе осколки приближались, загорались все ярче, вокруг них появилась прозрачная оболочка, куда стекались все выжатое из душ. Лишь темные оттенки — все не увидеть! Диаметр настолько затянуло заклинание, что взглядом она не повела на творившееся напротив нее.

— Смотрите, смотрите, маменька! — кричала одна девочка, прижимаясь к женщине, — что с вами?

Она качалась, голова ее кружилась, а на глазах мелькали слезы: рубин выжал из нее все, не оставив ничего ребенку. Таких же отчаянных было много, только их Элид и наблюдал. И на него навлеклась какая-то скука, затем легких озноб. Ветер проникал под штанины, щекотал и не давал упасть в обморок. Все-то он и видел, как высшие маги стояли ровно, так же твердо, оно и ясно, что величество их магии — стойкая преграда для рубина. Жертвы валились с ног, оседали на пол, и вот, вдруг прогремели искры еще страшнее: камень восстановился. Пелена, ранее мелкая и прозрачная, разрасталась, захватывала в свои оковы приближенных магов, а затем — весь корабль. Потонуть в океанских течениях было бы куда спокойнее, чем в таком-то шаре, захватывающем остров. Атмосфера была жаркой, отзывавшаяся вибрациями в телах. Люди будто бы ожили, и глядели вдаль — куда, куда надвигался убийца. Мрак сгущался, и свечи поблекли. Девушки поспешили в каюты, разжигать огонь: на свой сил не хватало. Лица, искаженные каким-то забвением смотрели в никуда, дыхание сбилось, в ноздри словно проникал какой-то сгусток и отравлял легкие. «Так кажется, — думал Элид, озираясь по сторонам, — скоро, должно быть, прекратиться». Лишь немногие заметили, что заклинание закончилось. Афелиса отошла с книгой к штурвалу: в глазах ее блестело кровожадное пламя. И на удивление, язык ее ни разу не спутался, никакие раздумья не возникали, и рубин возродился... на славу погибающему народу. Они стояли безмолвно: каждый думал о своем. Грозная улыбка проскользнула на ее губах. Анариэль вглядывался, как скоро весь ее вид изменялся, и как наступало ее постепенно сладкое чувство: неопределенно, какое он не мог разгадать. Мщение так пленило? Удача? Представление разбросанных тел охотников по городу? Или же — простое чувство победителя? Спрашивать Анариэль не решался, да и не время было. А она же посчитала совсем напротив:

— С этого дня Гроунстен наш, Анариэль, — решительно сказала она, — простолюдие умрет. Нам ничего не помешает. Теперь династия вновь воцарится. Замечательно.

— Этот дым... — задумчиво проговорил он, — и вправду убьет их? Вопреки всем летописям и заверениям, я до последнего отказывался от этой мысли.

— Это не просто дым, — вырвался у нее упрек, — это магическое поле, поглощающее весь остров. Оно не коснется даже не пробудившихся магов. Сильный заряд повергнет людей и умертвит. И тел не останется. Эти охотники... просто на просто сгорят. Чувствуешь жар? И он нам ощутим. А теперь представь, какие градусы почувствуют люди? Абсолютно беззащитные, они и двинуться с места не смогут. Зато, — вздохнула она, прервавшись, — какие богатства останутся! Пусть и не одно пятилетие понадобится, но вместе мы сможем покорить и вершины белых гор. И чернокнижники послушаются нас.

— С чего такая уверенность? Они те еще, упертые...

— Потому что у них выбора не будет. Ты бы посмотрел, в каком захолустье они живут, и сам бы убедился. Они бессильнее охотников перед нами. Раньше у меня было много знакомых среди них, много с кем имела дело. И, знаешь... все эти слишком пассивны. Пожалуй, то предательство — последнее, на что они были способны. Оказать сопротивление они не смогут, их слишком мало. Можно сказать, умирающий народ. Зато присвоили себе все богатство, и не пользуются... такая у них власть. Их можно сравнить с ними, — она имела в виду магов, обмахивающихся платками, — но и эти люди скоро станут прежними. Переживать не о чем.

— Афелиса! — раздалось в стороне. На шканцы тяжело взбирался Элид, — ты молодец! А я что говорил? Все мои предсказания сбываются. Я лучше любой ведьмы! Между-то и прочем, я тебе, дорогая, большую поддержку оказал. Где моя награда, — он засмеялся и потер затылок, — народ должен знать своих героев! Я сначала подумал, что уже ничего не случится, расстроился, и... а потом как взорвалось! В общем, прекрасно вышло.

— Ничего никогда не происходит сразу.

— Ну и ладно, я ошибся. Что мне теперь, повеситься? А тела точно исчезнут?

— Точно, — ответила Афелиса, — сейчас уже исчезают. Пелена эта раствориться, когда охватит весь остров. Тогда, по его исчезновению, и поставим барьер. Тогда от этих людей ничего не потребуется. А ты, Элид, проведаль бы Илекс. Да и сам бы отдохнул. Я не отказалась бы, да вот дело такое.

— Ну нет уж, — возразил он, облакачиваясь об борт, — я лучше с вами. Такое момент ответственный, важный, и я его не застану. Да я ведь после этого себя ненавидеть буду! Нельзя мне, Афелиса. Я поучаствую в воссоздании барьера, и рад буду. А это пройдет, ты сама говорила. Только голова немного закружилась, на ногах пока держусь.

Афелиса не могла подыскать ответа. Бороться с этим настойчивым мальчишкой было зря, все равно будет настаивать на своем, и она была убеждена, что, даже подставив ему нож под горло, и зажать в крепкой хватке — он увернется. Элид что-то еще говорил, но внимание ее привлекло другое. Переведя взгляд на Анариэля, Афелиса заметила в нем какую-то измученность, ведь, понятное дело — к ним подбежал сам Бозольд. Один-то он метался из угла в угол, грыз локти, и покой отгонял. Он то и был вестником скучного момента, а на вопрос о времени нельзя было ответить. Две верхние пуговицы рубашки застегнуты, фуражки не было, волосы взлохмачены, и челюсть тряслась — это все выдавало в нем большую озабоченность. Элид метнул взглядом и нахмурился: какая-то ненависть разрасталась в нем к Бозольду. И что самое страшное — он не мог объяснить самому себе, из-за чего это произошло. Смел лишь предположить, что бозольдовская забота сыграла во всем этом хорошую роль, но и нельзя исключить его неуклюжий вид не от мира всего. «Людей лишь смешит! Сейчас снова нервы вытреплет своим лепетом,... ненавижу. Если бы кто знал, как сильно ненавижу,... а хотя не поймут они. Только я пойму. Будь они целиком и полностью мной, то, ух, как поняли бы! Я держу это в себе, а иначе мир бы взорваться от такого презрения» — вот, каково было его отношение. Афелиса же держалась спокойна, хоть иногда ей и приходилось невольно стыдиться его поступков. Этот стыд выжигал ей душу, отчего неприязнь возникала сугубо к его поступкам.

— Госпожа! — начал он, глядя на нее снизу вверх. На голову Бозольд был ниже нее, — солнце вы наше! Как все хорошо-то вышло! Если бы не вы...то не было нас уже в живых, чего скрывать. Все, как надо! Прямо как по древним письмам... не ввали они, наши предки. Только вот, что плохо... многие же отрицали существование зеленого рубина, — энергично ударил он на зеленого, — и все думали, что этот свет ослепил их. Ошибались мы, тут-то и легенда вышла! А из-за чего эта история вышла? Может, чернокнижники свои правки внесли? Господа, знаете ли вы?

— Незнающие они — эти чернокнижники! — выкрикнул Элид, выпрямляясь, — надурить нас хотели, вот и все! С ними в мир не сыграешь,... ерунду все эти книжки говорят. Я тоже удивился только на мгновение. Что я, дурак что ли? И вы таким не будьте, капитан Бозольд.

Он промолчал на ответ Элида, даже будто бы не слышал. Пристально вглядывался в

Афелису, и ждать лишь ее решающего слова.

— Раньше я тоже верила в это, — она усмехнулась; плечи ее вздрогнули, — да, и впрямь. Заговор существовал. Связана эта история с ними, и это уже не удивительно. Они хотели, чтобы мы, ища именно зеленый рубин, наполненный какой-то там особенной силой, в итоге запутались, пока они забрали бы настоящий. Вот так. И книжки эти были у них под рукой в то время, еще до предательства. Они имели такие же права, что и у нас. Удивляться нечему.

— Вот, именно так я и думал. Что, капитан Бозольд, теперь вам все понятно?

— Да, я так и думал, госпожа, — замялся он, приглаживая волосы у висков, — я так и думал, что что-то тут не так!

— А Вы, Бозольд, почему не в упадке? — с подозрением спросил Анариэль, — почему рубин не взял от Вас ничего? Должно быть так...

Бозольд замолчал и поник головой: вопрос явно его смутил и вывел из себя. Вдруг щеки его покраснели, взгляд стал воспаленным, и ладони сжались в кулаки. Оставив волосы в покое, он сглотнул, и вдохнул полной грудью. Краем глаза поймал насмешливое выражение лица Элид, и стиснул зубы.

— Позвольте спросить: что за молчание? — вид теперь у Афелисы был серьезный, — отвечайте. Или сейчас вы себя плохо почувствовали?

Эти голоса сдавливали его, не давали воли вздохнуть и, как полагается, ответить. Ведь, что сложного? Казалось бы, сейчас идет решение не только судьбы острова, то и его, капитана Бозольда. Все это время он пытался отрицать факт, что не способен сполна ощущать то, что происходит в окружении. Тотчас же, стоя перед уважаемыми магами, Бозольд рисковал самым ценным, что у него есть — честь. Повсюду смотрели на него полисьи, с колкостью, что совершенно лишило капитана духу. «Расскажет все! Если не мне, так при мне! — думал он так, потому только, что мысль эта его тешила, — все узнаем о его делах. Рано или поздно, но случиться это должно! Не мне же одному позориться, в конце концов».

— И впрямь, госпожа Диамет, плохо стало, — он схватился за грудь, — что ж Вы мне так душу выжигаете? Пожалейте, и тогда мне нехорошо было, но я стоял на ногах и терпел. И тревога никуда не пропадала. Так что зря, ох как зря Вы так смотрите на меня. И господин Анариэль не верит, так ведь? — поглядел он на него: Анариэль был сосредоточен на нем, как Афелиса, — ведь пожалеете потом, что в правду не поверили. Сердце у меня колит, пошевелиться боюсь.

— Да никто тебе не верит, — лениво пробормотал Элид, перейдя на «ты», — и извинятся не буду за обращение. Признайтесь, капитан, и может быть... я уговорю Афелису смягчить тебе наказание, — склонил он голову в ее сторону, слабо улыбаясь, — и вообще, хватит уже играть в магию. Тебе же это потом отплатиться. Вы не своих за борт выкидываете.

— А ты, мальчишка, оскорблять еще вздумал? — сказал Бозольд в попыхах, — какие у тебя подозрения? Зачем в разговор взрослый лезешь, уши греешь? Иди, работай... своих успокаивай, на палубе.

— Говоришь, что я неразумное существо, а на самом деле ты не лучше, Бозольд. Даже хуже. Что за манера «взрослых» людей недооценивать юность? Так ты показываешь, что ума в тебе во-о-т столько, — он согнул все пальцы кроме указательного и большого, и приблизил их, оставив миллиметр расстояния, — вот. А нет, я ошибся. Это, наверное, из-за

неопытности... все-таки не дорос я, чтобы об уме людей судить. Или дорос? Нет, мне еще восемнадцати нет. Вот как пробьет полночь в день моего совершеннолетия, так и восполнюсь умственными способностями, познаю жизнь, и займею право с тобой на равных общаться. Так себе представляешь? Ну, дурачье, вечно свою единственную клетку мозга до гениальности возвышаете. Сам хоть представляешь, что это позорно?

— Элид, — посмотрела на него Афелиса, призывая замолчать, — спор вы оставите наедине между собой. Если Бозольд, вам и вправду есть что скрывать, то в это я слабо верю.

— Почему слабо? Верь сильно! — воскликнул Элид.

— И хорошо, и правильно это, — в каком-то восторге проговорил Бозольд, — то есть то, что Вы не верите в то, что я могу что-то скрывать. Я в Вас, Афелиса Диамет, никогда не сомневался. И знал, что Вы на стороне правды. Ничего не скрываю. Хоть убейте, но прятать что-то мне нечего. Моего ничего нет.

— Вы и не должны, даже если бы что-то имели, — Анариэль подбоченился; в голосе его звучала хрипота, — но мы сейчас ни о материальном говорим. Чтоб не бродить вокруг да около, нужно было бы спросить: маг ли Вы? Но подумайте; рубин убивает простых людей. Они не выживут. А Бозольд стоит перед нами, чуть ли не прыгает. Так что подозрения и обвинения твои, Элид, пустые.

— Да и аура у людей не чиста. Но задуматься тут стоит. Даже рубин не пожалел нас. Может, мы найдем объяснение тому... — сказала это Афелиса крайне задумчиво; сразу ясно, что после всех обрядов она пойдет за разгадкой, иначе не успокоит свой пыл, — сейчас не повод задумываться об этом. Пелена эта уже охватила весь остров, и рассеивается. Чувствуете? Дышать становится легче. И посмотрите на небо. Звезды уже видны. Народу придется потерпеть еще, совсем немного.

Кивнув Анариэлю, она пошла, и его повела за собой следом. Снова центр шканцев: люди на палубе были обессилены, и те, в ком немного появлялись зачатки сил, смотрели полуоткрытыми глазами, и забавно улыбались. Это выражение показалось Элиду глупым и каким-то наивным. Он смотрел, как они уходят, и подумал: «ну и ну!». Магический барьер создать несложно, и не больших способностей требуется. Но дело касалось долговечности, и высокую плотность, чтоб невидимый шар охватил целый остров. Вспомнилось ему и нападение стрельцов, и то, как Афелиса отбивалась. Все нервы и силы вытрепала защита, и это понятно — прежде ей приходилось скрывать свои способности, и не использовать их. Постепенно вся энергия уходила на жизненные потребности, то есть, сливалась в пустую яму. Так что сомнений не было — барьер будет поставлен, да еще какой: прочный, навеки вечные. Как писали предки высших лиц: рубин вытягивает из магов все черствое, что скопилось в душе, и насыщает их светлой энергетикой. Однако, видимо, работает это лишь с высшими магами, с избранными. Если уж и так, то люди на палубе, после такого очищения, должны были сверкать, петь и танцевать, а не лежать у мачт полуживыми, голодными и холодными. У шгурвала он остался с Бозольдом. Тот метал взглядом, как обезумевший, доставал с кармана красную тряпку, вырванную откуда-то, и мял ее. На Элида даже не взглянул, и это стало поводом обвинить его в гордости. «Вишь, какой! — с недовольством думал он, — и ответить не может. А если не может, то должно быть, я прав. Еще тут у нас гордиться будет, голову высоко поднимать... я его выше по статусу. И видно же, что хочет какое-нибудь место в замке занять. Да ему только конюхом, и то наработать на это будет...». От мыслей его отвлек белый взрыв. Афелиса и Анариэль, сцепившись за руки, спрятались в белом тумане. Это явление не вызвало каких-то эмоций у народа, все спали,

либо были в бреду. Воздушная масса вскоре стала сгущаться, закручиваться в воронку, пока не схватилась и не стала твердой. Так же, как и рубин, оболочка эта пошла на остров, поглотила его, затем лес, а дальше — быстрее. Наблюдать за ним было еще трепетнее, хоть и опасности больше не предвещало. Теперь они защищены. Бозольд порывался из угла в угол, запрокидывал голову, чтоб разглядеть, как барьер возвышается и поедает территорию, а Элид лишь отвращено отворачивался, лишь бы только не видеть его вспотевшее лицо.

Еще одна перемена возникла в то время: рубин потух. Он упал на подушку, но не раскололся на части. «И... все? Только гадать, когда опять нужно его возродить. Лучше бы никогда, однозначно. И кто нам теперь страшен? Нужно будет еще Афелису расспросить. Вдруг завтра в город пойдем, и уже не одни, а все вместе. Скажу вот так. Только не по тем холмам, опасненько... лучше по берегу. И наплевать, что кто-то увидит! Вот едет охотничий корабль, и носом в что-то утыкается. И не понимают же они, что это, а как развернуться? Тут только погибать... но им это в урок будет. Пусть знают, что на чужие землю соваться нельзя». Свет от них исходил до того, пока оболочка не потеряла свой цвет. Будто бы испарилась. Дышать становилось все легче и легче: ночь рассеивала всю смешавшуюся пелену. После барьера Афелиса огляделась вокруг, и без промедлений спустилась вниз. Анариэль проводил ее взглядом и сел, вдохнув полной грудью, на лавку.

— Как все хорошо вышло! — восторгался Элид, сажаясь рядом с ним, — это так должно было быть. А я тут. Пока вы нашу землю защищали, думал, что завтра вот пойдем в город, и уже ничего не будем бояться. Не только ты, Афелиса, да я. А еще и Илекс, и вся толпа. А капитанов мы отправим обратно, чтоб остальных привезли. Сколько, думаешь, им так сгонять нужно?

— Еще одного раза будет достаточно. Но тогда им потесниться нужно. Завтра? — спросил Анариэль, на него обернувшись, — людям нужно выспаться. Если только к вечеру. А кораблю, тогда придется к трем часам мчаться назад.

— Я еще подумал... вот, мы поставили барьер, чтобы никто не пробрался, да? — получив его кивок, он продолжил, — тогда как придут остальные? Они же не смогут доплыть. И как так? Я вообще не понимаю, как это работает...

— Просто. Любой высший маг может снять его, только с трудом. Я обговорю это с Афелисой, но все же считаю, что мы не зря поставили его именно сейчас. Предчувствие подсказывает, что там, вдали, что-то серьезное происходит. Если найдешь каких-нибудь ведьм, то спросишь у них. Они этим гаданием занимаются. И что ты не понимаешь в работе?

— А вот что, — развернулся он к нему в полуобороте, — какого вам при этом процессе? То есть, что вы чувствуете? Я-то никогда не делал такого, и не мое это. Все-же, хочу научиться когда-нибудь. Но не сейчас. У нас дела есть поважнее, чем к гадалкам ходить. А, к ведьмам, извините, — тут же поправился он с ухмылкой, — и вообще-то нашел. Даже связался с одной. Она мне успех небывалый нагадала. Личный. А сначала подумал, что вот он, этот успех — то, что мы смогли возродить рубин. Но вспомнил про личное.

— Что чувствуем? Можно сравнить это с тем, что ты ощущал, когда рубин вытягивал из тебя силы. Только большой убыток мы не получаем от этого. Обыкновенный процесс, который должен знать маг в случае защиты. И странно, что в темнице вас этому не обучали. Что же вы там делали? А про успех... хм, это дело обманчивое. Ведьмы в основном беду только предсказывают. Ни время, ни лицо, с которым это случится, только факт.

— Да ничего особенного... — протянул он, — нас заставляли учиться, и никакой практики.

— И в какую сферу вас направляли?

— Я читал, так, чтобы галочку поставить. Не вчитывался серьезно, а вот Илекс — да, она взялась за это. Помню рисунки каких-то листов, цветов и отваров. У нас в темнице старик был, да и сейчас есть, не видел его на корабле. Он истории свои рассказывал, и не только. Говорил, как правильно нанизывать мясо на шампур, как варить, лишь он занимался нами. Хороший старик.

— А ты откуда там взялся? — Анариэль наклонился вперед, покачнувшись, чтобы встать, но остановился, — я понимаю, что Милада была матерью той девочки, а ты?

— А меня ветром занесло! — отшутился Элид, — а если серьезно, то почти так и было. Я еще тогда не созревшим был. И та жрица, которая с Миладой приходила — она меня занесла. Она-то мне и сказала, что забрала меня с улицы, потому что увидела во мне какой-то потенциал, я говорю примерно, потому что слово в слово не помню. И, честно, я вообще ничего из моей жизни не помню. Вот жил, да, а потом как память сшибло. И никто мне ничего не расскажет о том, где мои родители, и настоящее ли у меня имя. Элид — это они так меня прозвали, в честь кого-то. Может, и украли, не знаю. Милада заинтересовалась мной и стала опыты на мне ставить, как на кролике. Это я точно своими глазами видел. Знаешь, такое ощущение, будто я с того дня, как мне десять, что ли, лет было, жить начал. Вот родился, и на тебе — семья! Я не помню, как меня они забрали. Ничего не знаю. А потом, такие, как опыты прекратились, говорили, что, мол, я какой-то не такой и чем-то страдаю. Ну... страдал я только от ушиба. У меня до сих пор шрам остался. Вот, — он нагнулся, оголил штанину до колена, и указал пальцем на шрам на всю голень. Линия была тонкая и уже давно вжилась в кожу, — и, вот, что замечательно — не знаю, как получил! Родился, может, с ним. А вообще у меня много таких по всему телу. Знать бы еще, откуда. Может, встречу как-нибудь в Гроунстене с жрицей-то и спрошу. Но, — Элид опечалено вздохнул, — она мне никогда ничего не говорила. Только лишь, мол, что я слишком мал, вот вырастишь, и тебе все-все-все тайны своего мира откроются.

— Ты вырос: так открылись?

— А это уже интересный вопрос... — протянул он заигрывающее. Спрятав шрам, он с вызовом посмотрел на Анариэля, — открылось то, что я не родня им вовсе. И никому не родня, и никогда не был. Я, как только у них стал жить, то посчитал Илекс за сестру, а ей было... — он задумался, возвел взгляд к небу, и принялся считать: «так, мне десять было, теперь ей тринадцать лет, а мне шестнадцать. Три года... семь. Семь ей», — семь лет. Совсем маленькая. Мы сдружились, и теперь, по секрету, я ее все еще сестрой считаю. И недавно только разгадал почему: потому что близких у меня нет, и я стал иллюзии себе делать. Но я счастлив видеть ее рядом. Илекс не подруга мне, а сестра. Пусть и не кровная. Как это называют... явление... хм, родственная душа!

— Почему по секрету, — спросил Анариэль, увлеченный его рассказом, — почему не можешь сказать ей? Ты хоть знаешь ее отношение к тебе?

— Знаю, конечно, отчего же не знать? Хотя есть от чего, и я это отрицаю. Сейчас, после того как мы сбежали с Афелисой с темницы, она стала слишком, слишком замкнутой. Обижается и раздражается постоянно. Иногда меня в пещере не впускала к себе, а зато как страшно станет, так «Элид,пусти!». И я впускаю. Всегда. Несмотря на ее капризы, я ее все равно люблю. Пусть и не показываю этих чувств, и не по натуре мне их на чужие глаза выводить. На корабле мы реже разговариваем, ей здесь плохо. Раз, получается, зашел, и сказал, что скоро уже выйдем на сушу. Она не поверила. И, понимаешь, — он замолчал над

ним, посмотрел на него погрузневшим взглядом, — я боюсь, что она все больше будет меня стесняться. Раньше мы на одной тряпке спали, с одной чашки ели, чуть ли не нагих видели друг друга, а сейчас... а сейчас и говорить об этом не хочется.

— Ты бы не стал так удивляться, если бы знал из-за чего это.

— И из-за чего? — Элид поник головой, — во мне что-то не так? А-то связался... с не понять кем. Вот она, наверное, и думает, что я скоро таким же бездарем стану.

— Это возрастное, так сказать. Сейчас у нее сложный период, видишь, что с ней случилось? Это все последствия. Все эти боли... что тебе объяснять? Ты сам все видел.

— И что мне? Без действия сидеть?

— Почему же? Нет. Просто попытайся узнать о ее интересах, и поговори, в конце-концов, с ней серьезно.

Элид пожал плечами, но наставления Анариэля принял. Он редко кого выслушивал, и, может быть, не слушал бы и его, если бы не манера Элида увлеченно рассказывать, пусть и не четко, но он ничего плохого в этой неясности не видел. Другое дело — служба. Там на вопрос один ответ. И терпеть Анариэль не мог, когда к ответам приплетали чувства. Слова Элида лились рекой. Он говорил убежденно, горячо, искренне — о своем детстве, о своих травмах. Пусть и язык его заплетался, слова сбивались, прятались, но все же вышло душевно. Он как бы сыпал себя упреками, колол себя рассуждениями, но все это выдавалось в форме шутки. «Оратором я никогда не был, — думал он про себя, — и что это такое — оратор? Тот, кто орет? Или тот, кто красиво излагает мысли? Что бы то ни было, но я подхожу только к первому». Говорить о безвкусице, о какой-то ерунде — все это он не любил, даже когда бывало скучно. И частенько упрекал своих товарищей, мол, уши у него гниют уже. Разойтись Анариэлю с Элидом пришлось, как только на шканцы выскочила девочка: роста небольшого, худенькая, с желтовато-боллезненным лицом. Из одежды на ней были какие-то широкие штаны в пол, под ними высывались носки туфель, черная сорочка. Теребя тонкие черные косички, она подошла к Элиду и с жаром выплеснула:

— Тебя требуют!

— Кто? — спросил он, ощущая ее взгляд на себе.

— Афелиса Диамет! В капитанской каюте! Срочно!

И убежала. Он не успел даже черт ее рассмотреть, как она стыдливо сошла вниз. «Этс что за фифа? А если врет? Да ну, она меня, наверное, знает, раз на «ты» обращается. Посторонилась бы такого». За «фифу» он ее принял только потому, что на шее ее были большие бусы зеленого и желтого света. Было у них на корабле сборище девочек лет двенадцати, все равные, но характер один. Прежде Элид относился к ним с скепсисом, и проходил мимо их, шептавшихся мышек. Частенько они проказничали, хвастались брошью, подходили к другим девицам, и говорили: «если присоединишься к нам, у тебя будет точно такое же». И из невинных, добрых девочек они сотворяли сплетниц и высокомерных легкомысленниц. Однажды дошли они и до Элида, без причины, а он, ничего не понимая, стал огрызаться. Впрочем, история длинная, и он ее не хочет вспоминать. Поморщился, и, распрощавшись с Анариэлем, пошел к капитанской каюте.

Застала его такая картина: у стола, согнувшись, сидела Афелиса, и тихо всхлипывала у стены Илекс. «Очнулась! — воскликнул он, но внешне был все так же серьезен, — сейчас-то все расскажет!». Афелиса, видимо, еще слова не сказала. Смотрела на нее сочувствующе, притянув к себе колени. Обернувшись на топот, она махнула Элиду в свою сторону. В полумраке он глядел на Илекс: она, тут же потупив взгляд, потирала колени. Вид ее был не

лучше, но радость-то какая — очнулась!

— Тебе плохо сейчас? — робко спросила Афелиса, наклоняясь вперед, — можешь говорить?

Илекс поежилась от холода. Прижавшись к скамейке, она, наконец, подняла взгляд, и тяжело выдохнула. Элид сел на пол рядом с ней, пытаясь рассмотреть выражение ее лица: все также, только волосы нитями свисали на щеки и лоб.

— Нет, — помотала она головой, — могу. Афелиса, я знала... знала, что так будет.

— Как будет? Ты этого ожидала?

— Да, потому что это неизбежно. Я не удивлена, — помолчав на мгновение, она продолжила, — теперь мне не так плохо, но голова кружится. Пройдет. Меня больше напугал сон.

— Какой это сон? — влез Элид, порываясь вперед. Илекс отшатнулась в сторону, чуть ли упала, но успела опереться ладонью об пол, — мне Афелиса говорила, что ты кого-то там видела. Но расспросить она тебя не успела. Говори сейчас, и это важно, даже несмотря на то, какая бессмыслица там могла происходить, — подчеркнул он, — так что, вот, твое время. Пожалуйста.

— Да, видела. И припоминаю что-то, когда говорила об этом. Но это так мутно, и как думаю об этом, так голова кружится. Именно от этого момента. Она была... была, — Илекс подбирала слово; мысли все еще мешались, — такой знакомой, точно родной. Да, родной! Помню и ее белый воротничок, ее черные волосы, ее дом. Не знаю, чей это был. Но не мой, а значит, ее. Мы бегали, резвились, нам хорошо... а вот и ива там была пушистая и огромная. Эта девушка показалась мне привлекательной, но поначалу пугала меня. Не внешними чертами, а характером. Я не знаю, почему стала в бреду про нее говорить. Наверное, потому, что это был сильный сон. Никогда не забуду. А может быть... ну, конечно! Я сразу ее узнала из-за голоса. Элид, — обратилась она к нему, оборачиваясь, — ты же помнишь, как он звучал? Вот она говорила точно также!

— И что вы только... играли? — с сомнением спросил он, — и никаких других дел? Если так все запомнилось, то тебе нужно бы еще разговоры вспомнить. Надеюсь, они не были пустыми, и вы не потратили кучу времени?

— Элид... — обидчиво проронила она. Илекс знала, про какую кучу времени он говорит и к чему намекает, — нет. Но знаете, в такие беззаботные моменты хочется обо всем угодно говорить. Это был будто бы не сон. Все черты были четкими, объёмными, ну не может так в сновидении быть! Или мне показалось, и я опять искала какой-то подвох.

— Я не знаю точно, как проходит это становление. Не могу с уверенностью сказать и о том, что может ли что-то сниться или нет. Но как сказали те девушки, то ты просто была в обмороке. Странное дело... — Афелиса внимательно слушала ее, не отвлекаясь ни на что. Даже на появившийся шум на палубе, — не придумала ли ты это? Не отрицаю существование пророческих снов. Иногда и мне такие снились. Но в них всегда бывает намек, какая-то мысль... ты заметила что-то такое?

— Я не придумала! И не падала я в никакой обморок. Только боли не чувствовала, мне было хорошо. Много чего происходило, на самом то деле. Нет, Элид. Мы еще и пели, танцевали, она меня все звала куда-то, кажется, в город, а я сомневалась. Говорила, что мы обязательно встретимся где-нибудь, и, вот, наконец, как я решила идти с ней, сон прервался и я проснулась...

— Говорила она тебе что-нибудь перед этим? — спросила Афелиса.

— Нет... ничего, — сказала Илекс тревожно, — просто взяла меня за руку и вывела за ворота. Я мало помню-то, что эта девушка говорила. Не случайность это все... голос очень похож. Я не знаю, запуталась. Подумаю еще, и, может быть, разгадаю.

— Слушай, Илекс. Это все хорошо, или нет, но были сильные помехи. Связь прерывалась, и ее голос дрожал. Возможно, как-то исказился. Хотя... я в твоём сне не был, не могу судить. Ты, давай, обдумывай. И проснулась вовремя! — воскликнул Элид, выпрямляя ноги, — все уже произошло. И как — удачно! Не расстраивайся, что ничего не увидела. Ты бы посмотрела, как людей измотало, и я еле на ногах устоял. Конечно, странности есть... — тут он подумал о Бозольде, — но с этим мы разберемся. Если Афелиса не будет упрямой. Так что... проснулась ты уже совсем в другом мире!

— В другом? Что, уже и вправду произошло? — не веря, она перевела взгляд на Афелису, — Афелиса, все хорошо? Никто не пострадал?

Элид фыркнул, и оперелся спиной об стену. «Анариэль говорил, что сблизаться надо... ну да, ну да, — подумал он с пренебрежением, — как тут сблизись, когда она мне не хочет верить? Что я, способен только шутить? Афелиса не виновата, да и у меня к ней претензий нет. И дело не во мне. Дело в ней. Нужно как-нибудь уединиться для разговора». Эта идея давно уже хранилась где-то вдали, и все не могла всплыть на поверхность, чтобы осуществиться. Рассказ ее о сне Элида никак не удивил: «может, бредит до сих пор. Вид у нее болезненный, не выспавшийся. А хотя, по словам тех девушек, она должна прыгать от радости. Ну, от сил, черт с ним». Илекс заметила его угрюмость, как объясняла Афелисе, и, как показалось ему, причину поняла.

— Никто не пострадал — ложное заявление. Пострадал ни один человек. Их не пересчитать, и вряд ли мы когда-то узнаем точное число. Рубин уничтожил обыкновенный народ. Нам больше ничего не угрожает. Вспомните, сколько нам стоило это... действие. И мы могли бы отдать еще больше! Все, что потребуется. Хоть жизни. И устранили мы всех, теперь осталось дожидаться завтрашнего дня...

— А что завтра будет? — Илекс отпрянула от ножки скамейки и подвинулась к ней ближе, — стало быть, пойдём в город?

— Именно, — с улыбкой ответила она, — Гроунстен наш. Всегда был нашим и всегда будет. Сейчас уже за полночь. Нужно поспать, а то дорога предстоит длинная. Элид подтвердит мои слова.

— И что мы, прям пойдём и будем жить? Как... как долго мечтали об этом, и вот... — Илекс убрала волосы назад, и улыбнулась так пламенно, как никогда раньше на корабле, — это хорошо, что я самое ужасное проспала! Хорошо, что никого уже нет, кроме нас. Все мы будем дружны, и больше никаких войн. Звучит слишком сказочно!

— Да... звучит. А на самом деле мы пойдём через лес, холмы... ну, говорят, что берегом пойдём. Так безопаснее. Ты не знает, какие народы там водятся. Встречали мы таких, как сумасшедшие. Мне кажется, что они ни языка, ни науки не знают. Только веруют, а во что не понятно. Помнишь их, Афелиса. Ходят друг за другом, такие мирные и тихие. Наверное, внутри они звери, каких свет не видывал. Так что будет с кем нам налаживать отношения.

— Они в этом не нуждаются, — ответила Афелиса, — у них никакой внешней политики, и входят они в наше государство, соответственно — наш народ.

— Не верится мне. Но все равно нужно на них надавить, чтобы знали свое место. А те устроят...

— Им не позволит эта модель поведения. Сейчас об этом говорить не время. Илекс,

сейчас как себя чувствуешь? Говори честно.

— Лучше намного, но в сон клонит. Есть свободная каюта? — произнесла Илекс, склонив голову налево, — отосплюсь, и буду чувствовать себя как прежде.

— Элид, — Афелиса поднялась на ноги, — отведи ее. И пока не заснет, не уходи.

Он, услышав ее приказ, тут же кивнул, и вся его угрюмость спала. Как только Афелиса вышла в коридор, Элид встал, и подал ей руку. Настроение его поднялось из-за предстоящего шанса хоть немного поговорить с ней: «будто тогда времени не было. Может, действительно не было. Зачем себя обманывать? Я просто боялся, да, как трус. Презираю таких, не углядел, как сам таковым стал». Илекс пришлось придерживать за плечи; ноги подгибались, и уводили ее куда-то в сторону. Давешнее ее состояние не сильно отличалось, единственное, что бы, пожалуй, заметно более всего — ее улыбка; слабая, еле заметная, такая боязливая. Не понятно, почему так, почему она скрывает чувства, что вызвало уголки губ дрожать, а мышцам сопротивляться — все это было неизвестно. И спрашивать он не решался, мол, всему свой черед. Лестница была крутая, и шли они медленными шапками. Наверху послышался гам; народ на несколько минут поднялся на ноги, затем опять стих. Видимо, отбой приказали. Тишина усыпляла, и сладкая мысль уносила в фантазии: что будет с Гроунстеном? Неужели это конец? Но знали они точно — возмездие свершилось!

Было тихое осеннее утро. Из недавно проснувшегося леса веяло душистой хвоей, и весело распевали ранние птички. Сухие, голые ветви покачивались, словно в танце. Ни единого звука на корабле: некоторые, отошедшие ото сна, скрепя руки за спиной, слонялись вдоль борта, что-то обдумывая, другая половина спала крепким сном. Солнце уже высоко стояло в небе: пробил десятый час. Афелиса, еще сонная, вышла на палубу. Легкие обдало утренней свежестью, после которой становилось легко на душе, и прошлое казалось осевшим камнем в груди, тянущее вниз, в пропасть. Такие тихие, мирные минуты, хоть и не значительные, но передают сил и переосмысление. Идя в камбуз, она все раздумывала о минувшей ночи, о том, сколько много она унесла за собой дикого и болезненного. «Такое больше не повторится» — эта мысль пускала мурашки. Не только боль да страдания принесли те времена, но еще и проводили ее к тому, к чему вел ее разум — Гроунстен. «Теперь любая, даже самая мелкая оплошность неприемлема. Нужно рассчитать ходы, то, с чего следует начать. Проверить состояние домов, полностью обследовать замок. Надеюсь, рубин избавил остров и от трупов. Вскоре придут все и численность наша возобновиться». Бродила она в одиночестве не долго. Еще ночью, после пробуждения Илекс, она ходила уточнить по поводу грузов: все было собрано. Значит, люди готовы. Постепенно все вокруг стали просыпаться, терли глаза, и, радостные, поднимались из-под тряпок.

Через четверть часа из нижних палуб стали выгружать мешки. Несколько мужчин, взявшись за углы, таскали груз и сваливали за борт, где стояли принимавшие, и, под командованием Анариэля, брали из по двое, и вместе с ним пошли по берегу к Гроунстену. Заменял его подручник, и так сменялись они, пока весь груз был не сброшен с палубы. Афелиса, смотрящая все время за процессом, подошла к Яромилу, и стиснула его ладонь в крепком рукопожатии.

— Счастливого пути, капитан Яромил.

11. Шкатулка из ниоткуда

Вот только одно черное пятно оставалось на месте, не скакало и было как будто... в действительности?

Розалинда замерла: глаза слезились, в щеки прилила кровь. Искося она замечала маленькое черное пятно, неподвижно стоящее в кустах. Сердце забило сильнее, и облака стали плыть будто быстрее. «Что это? — не решалась она повернуться, — не человек, а подозрительная вещичка». Наконец, удалось. Прямо у плетня трава была примята, покошена, а посередине — деревянная шкатулка. Оглядевшись по сторонам, Розалинда поймала себя на мысли, что поступает крайне глупо, зная, что кроме нее здесь нет никого. Или еще кто-то прячется за кустами? Этой-то неожиданности она сторонилась. Пробравшись к плетню, она нагнулась и взяла в ладони находку: красовались на ней какие-то пыльные, обрубленные узоры, золотые уголки и замочная скважина. «Закрывается, — уже подумала Розалинда, и, ступив на упавшую траву, почувствовала под подошвой твердый предмет, — что это?». На земле лежал простой серебряный ключ. Подкралось тогда сомнение: «чужое, значит, трогать нельзя. Но с другой стороны... хозяин намерено припрятал это в таком укромном месте, так еще и ключ рядом оставил. Не случайно это все. Того, значит, не нужно это. Почему бы не открыть? — пальцы ее нервно сдавливали ключ, — а вдруг это проверка на честность? Если сейчас, как только я открою шкатулку, кто-то сзади выпрыгнет? Нет... не может быть. Даже тот мужчина посчитал меня за хозяйку. Не позволят себе». И плюя на все, Розалинда сунула ключ в замочную скважину и повернула по часовой стрелке. Щелчок. Крышка открылась. Она вздохнула, и, уйдя под дерево, в тенек, глянула во внутрь: сложенные маленькие бумажки, под ними какая-то записная книжка с исписанными страницами и... кольцо с инициалом. Повертев его в руках, она увидела: М.Э. «Имя хозяина. Стоит ли мне что-то читать? Или по приезду Филгена, лучше спросить у него?». Долго она металась из мысли в мысли, и, вопреки всему, развернула первый лист, давеча бывший на поверхности:

«Забери меня!

Сколько раз повторять? Пытают здесь, кожу с меня срывают! Как ты можешь быть так безразличен? Как трус, прячешь НАШЕГО сына от собственной матери. Еще и говорить не смеешь ему ничего... не знаешь и думаешь, что я виновата. Почему я? Мне известно все. Все, что ты хотел подстроить, и обещаю, прилетит тебе это все бумерангом. Наверное, и сына испытываешь?

Очередное письмо, на которое ты ответа не напишешь. Сколько таких у тебя накопилось? Как выйду из этого безумного места, так душу из тебя выцарапаю. И в суд пойду, ты это припомни, как будешь отлаживать ЭТО мое письмо. Сумасшествие. Не то я думала, когда выходила за тебя замуж. Уличил меня в бесопреклонстве, хоть ничего сам не понимаешь. И слышать меня не хотел!

Кто та женщина? Из богатых, да? А я тебе, черт, не нужна, как только приданное закончилось. Генри, не я демон, а ты!

Заточил меня в сумасшедший дом, так еще и Филгена на свой лад воспитываешь. Все, все тебе отплатится!»

Розалинда, сев на колени, положила письмо на траву и долго сидела неподвижно, устремив взгляд вниз. Даже к шорохам не прислушивалась — все внешнее отошло фоном. Письмо это, во многом непонятное, доказало ей яснее всего, что мать давно покинула

Филгена. Но разве по своей воле? Ее принудили из-за сатанизма. Она сидела, не шевелясь: кажется, что с каждой думой темные сомкнувшиеся волны над головой топили ее, а тело ее все немело. Как же тяжело было ей это разочарование! «Эта женщина обращалась к Генри и писала из сумасшедшего дома, — размышляла она, вглядываясь в подчерк, — отрывистый, и слова будто бы не сразу писались. Как же так? И не врет ли она? Или наоборот — он?». Но дальше она читать не стала. Неудобно ей сделалось, что о ней она узнает куда раньше Филгена — ее сына. «Нужно отдать ему это все. Больше ничего не смотреть, — твердо заключила она, и поднялась на ноги, — почему эта шкатулка здесь? Может, и эта женщина где-то неподалеку и решила оставить ее здесь? Но зачем?». «Она может быть здесь...» — эта фантазия заставила ее немедленно оглянуться и побежать назад. Колючие ветви царапали щеки, кисти, били по спине. Корни разрастались на тропинке, и, едва ли не оступившись, Розалинда крепко прижала к груди шкатулку, стиснула в ладони ключ и бутылку, и, прищурившись, неслась к недоделанной постройке. «Вот! — ликовала она, видя стоящую лопату, — значит, рядом уже дом. Не стоило мне выходить оттуда... или стоило?». Стояло ей это разгадок. Ранее никогда не волновала ее история семьи Эмер, и никогда не смела она спросить Филгена, куда это делась его мать. Из-за неприличия. Разве будет благовоспитанный человек интересоваться этим?

Миновав разрушенный корпус, она пустилась прямо. Поднявшийся ветер бил в лицо, а мозг вскипал из-за навязчивого ощущения: там кто-то есть! Прямо за ней! И эти отголоски шагов не ее. Как бы не хотела она верить, но это чувство, что кто-то стреляет в нее взглядом из-за кустов, не оставляло в покое. «Филген, должно быть, прибыл, — успокаивала она себя, — теперь одной не страшно. И что я придумываю? Не ребенок уже...». Выдохи тяжело вырывались из глотки. Вот, уже стены видны, окна, крыша... она спасена. Плетень уже давно скрылся за деревьями.

— Немного еще, — тяжело дыша, шептала Розалинда.

Наконец показалась ей прежняя тропа, ведущая к веранде. «Еще немного... и не так страшно было, — думала она с беспокойством, — а это все я себе придумала». Прибежав к крыльцу, она запрыгнула на него, и, остановившись, стала глубоко дышать. Мышцы ног горели, и, кажется, будут болеть. Не доводилось ей так быстро бежать, так еще такую дорогу. Теперь все как прежде, вот только в руках у нее шкатулка. «Если Филген отберет, и я не узнаю о ее судьбе? Не захочет рассказывать ничего, или для него это тоже будет неожиданно? Странно, что именно у плетня она лежала. Там, где именно пробежал тот мужчина».

— Не посланник ли? — проговорила она про себя, всматриваясь вдаль.

Ничего; оно, видать, и к лучшему. Розалинда, зайдя в спальню, опустилась на кровать в бессилии: ноги подрагивали, и дыхание все еще не восстановилось. В отражении напротив увидела она себя; сбившуюся, измотанную, точно пахала непрерывно под жарким солнцем, до того, что умылась в поту. «Вот, что значит собой не заниматься, — в огорчении подумала она, отлепляя блузу от груди, — совсем не размяться. Но это уж посмотреть, как я бежала быстро, снося ветви. Так еще и против ветра». У бедра положила она шкатулку, и, разжав мокрую ладонь, обтерла ключ подолом платья так, чтобы отпечатков пальцев не оставалось. «Неудобно как-то. Все же он это в руки возьмет». В тишине все мысли приходят в свой строй; вспомнила она о той ее встрече с неизвестными и задумалась сполна. «Не скажу, что мне было приятно разговаривать. Скорее тревожно. И они не виноваты, что связь такая плохая была — никто не виноват. Что я еще могла хотеть? То, что Афелиса сразу же

прискочет? Это... слишком ложно». Ее попытка обвенчалась не то успехом, не то провалом. Успокаивало то, что ей ответили, и линия попалась нужная, но, однако же, не бесполезной она оказалась? «Смогла связаться с нужным местом, но не с нужным человеком. Когда повезет уже наконец-то? Или, может, мне еще раз когда-нибудь удастся?». От этой мысли Розалинда избавилась: сейчас точно не время, и, скорее всего, их кулон истратил всю энергию, из-за этого и прерывалась связь. К шкатулке больше она не прикасалась и все размышляла, как бы преподнести ее Филгену. Поверит ли он, что в сад пробрался какой-то мужчина, и в то, что она во многом его подозревает? «Должен ведь. Не подумает, что я придумала. Шкатулка не была в доме и в саду, значит, он ее и не видел».

Долго ждать не пришлось. Через четверть часа раздались вдруг шаги в коридоре. Розалинда обернулась, и, стиснув ладони у груди, выжидающе глядела на дверь. «Как же все слышно. Плохие здесь стены, или как это называется... в прочем, все, сейчас зайдет». Сбылось. Дверь скрипнула, и, не медля, в порог втиснулся Филген. Открыл он ее не нараспашку и тут же затворил, войдя. Голова его была как-то стыдливо опущена: лоб прикрывали волосы, и губы были расслаблены. Но, посмотрев на нее, он слабо улыбнулся. «Все же что-то случилось. А может быть, простая тоска... — заключила она, поднимаясь к нему навстречу, — не огорчится ли он сейчас, и не сделаю ли я хуже?». Теперь этот вопрос приобрел тревожный оттенок и воздвигся перед ней, как самый важный. Приобняв Филгена за плечи, она провела рукой по его волосам у висков и убрала за ухо. Во взгляде его ощущалось недовольство, и, как по первому зову, Розалинда отпрянула от него, нервно кусая нижнюю губу.

— Ты ела? — спросил он тихо и озабоченно.

— Нет. А где же здесь? — Розалинда оглянулась, за что потом упрекнула себя: «Понятно же, что не в этой комнате. Где-нибудь в доме... и чего я осматриваюсь, точно не видела ничего?». Но Филген и внимания не обратил, кажется: по крайней мере, не усмехнулся.

— В столовой можно поискать что-то. Ты не ходила по дому? — произнес Филген настороженно, застегивая пуговицу рукава, — прости. Просто я думал, что ты осмотришься, должно быть. Я не только на похоронах был.

— А где еще?

— Ходил искать кучера. Медлить нельзя, ты же понимаешь? Чем раньше, тем лучше. Только вот сталось у Амери выпросить, наконец, чтобы мне долг отдал. А то дальше как знать, увидимся мы или нет. Завтра, наверное, придет. Я письмо писал, — отдернув рукав, он опустил его в кресла, — на сегодня все заняты. Я договорился с одним на завтра, утром часов в десять.

— В Блоквел значит... — проронила Розалинда, и, снова сев на край кровати, закрыла собой шкатулку от его взгляда, — там нам непросто будет ужиться. Надо же еще письмо царице прощальное написать. И как все прошло? Я думала, что похороны всегда долго длятся. А тут несколько часов, скорее всего. Во сколько ты ушел?

— В восемь утра. И ушел я только потому, что было неприятно находиться в большой компании. Половина людей мне не знакома, так еще какие-то дальние родственники всплыли. Никогда их не видел. Дарья там была и еще какая-то девушка, сестра, что ли, троюродная — вот их-то я признал. И предполагаю, что это затянется, и Амеан пригласит всех к себе. Уже при мне об этом говорили, — он поежился, точно что-то мешало удобно сидеть, — а я просто плечами пожимал, мол, не знаю, посмотрим. Все же бывал я у нее

раз... не понравилось. Мне лучше с тобой. Я только и делал, что ел. Ел и слушал, — поправился Филген, — и наслушался много. Узнал что-то об отце. Он у меня был скрытным, а я-то что? Я, как неродной был. Ну, и ладно. Небеса с ним. Пойдем что-нибудь поищем. Голодать тебе не надо.

Он, опершись об ручки кресел, поднялся, и, скинув пиджак на спинку, ждал ее. Розалинда протянула руку, но замерла: «сейчас... только сейчас, — пересиливала она себя, и, сжав ее в кулак, опустила».

— Филген, — начала Розалинда, смотря на его черный кружевной воротник рубашки, — тут дело есть такое. Объясню сейчас. Я сама до конца не понимаю, как так получилось. Выслушай, пожалуйста. Началось с того, что я вышла на веранду. Мне нужен был свежий воздух, к тому же ждать в этих четырех стенах утомительно. Пойми меня. И вот... не прошло и несколько минут, как я услышала шорох в кустах. Подумала, что птица там, неудивительно. А потом шляпа оказалась, и сам человек. Мужчина был. Это было... страшно, — она вздохнула, чувствуя, что язык начал путаться, — испугалась, подумала, что вор это был. Так и представился он мне, Филген! И объяснился, что садовником был. Я и поверила, и хочу сейчас у тебя спросить: правда это?

— Садовник? — не веря спросил Филген, и сел подле нее, — садовника у нас уже давно нет. Уехал за границу. И что дальше было?

— Уехал?.. ну, он сказал, что где-то в саду затерялась брошь его жены. Точнее, он хотел подарить ее ей. И в знак благодарности за то, что я не прогнала его, дал вот этот бутыль, — она достала спрятанный под юбкой бутыль, лежащий на кровати, — вот. Странно, да? Он мне доброжелательным показался, и отказаться я не могла. Хоть и чувствовала подвох. Сказал, что от любого излечит это зелье.

— Дай посмотрю, — сказал Филген нежным тоном, и взял из ее ладони бутыль, — прям уж от всего-то и лечит? Сомнительно... я никогда не разбирался в этих зельях и травах, да и не пытался никогда с ними познакомиться. Он рассказал тебе, как это работает?

— Рассказал. Говорил, что нужна совсем капля на рану, неважно какую. И она в один миг исчезает. Подробности не поведал, не знаю почему. Это-то тоже показалось мне подозрительным. Если садовника уже давно нет в наших краях, то... он наврал. И кто бы мог быть? У вас не было каких-то других садовников? Может, он-то и был. Но ворвался так без предупреждения. За хозяйку меня принял. Сказал, что опытен в этом деле и дарит этот бутыль мне только из-за благодарности и доброго сердца. Но про доброе сердце я бы поспорила...

И стала она рассказывать о том его побеге, о находке, и все сбивалась, исправлялась, что, в конце концов, ее слова показались ей недостаточно убедительными. Волнение подгибало ей планку, и, пошатнувшись, Розалинда уже не могла твердо устоять. Щеки ее вспыхнули румянцем, когда случайно она проговорила про то, что посмотрела первое письмо — во сего досадный, подлый поступок! После затишья полились речи и о бегу ее; о постройке, о лопате, о разрушенном корпусе, о старом флигеле. О всем-всем, что видела. И об ударах сухих ветвей, о боли в ногах: восклицала, а не говорила. Губы ее подрагивали, а глаза, пристыженные, бегали по Филгену, точно пытаюсь за что-то зацепиться и более не отвлекаться. Наматывала прядь на палец, тянула — все это в ней горело желание поскорее закончить и отвлечься. «Бежала... бежала, — попутно своей речи думала она, — чуть не упала. Моргала, черное пятно, трава, плетень, шкатулка». И стала рассказывать о находке. Вытащив ее из-за спины, она положила шкатулку на колени, пальцами глядя вырезанный

узор. Между тем Филген пристально разглядывал Розалинду. Даже бутылка с неизвестной жидкостью стал неважен, когда перед ним сидела она — сбившаяся, чуть ли не плачущая девочка. Сердце стремилось сострадать: хотело вникнуть в ее грудь, сплестись с ее страдающим, стыдливым сердцем, и разделить боль, ради ее хоть небольшого, но спокойствия. Она казалась именно девочкой, гораздо моложе своих лет, почти совсем ребенком, и иногда это забавно проявлялось в некоторых ее движениях. Карие глаза Розалинды были такие ясные, такие оживленные, что во всех чертах ее лица вызывалось робкое простодушие — болезненная сладость манила до жути, до испуга! Изредка он касался ее предплечья и гладил. Слушал и успокаивал, ни слова не говоря. А она вздрагивала, искоса глядела на Филгена, но не отпрыгивала в сторону. Приятная мелочь взяла вверх над испугом. Чего же она боялась? Неодобрения? Упреков? Ругательств за то, что подсмотрела записку? Разобраться в этой суматохе невозможно. И вот, наступил конец. Желанный момент, когда паника стихала, пусть и медленно, но это то, что она хотела. И добавила она, смущаясь:

— Надеюсь, никакой злости не будет...

— Почему ты так ее ждешь? — так же тихо, как и тогда спросил Филген, убирая с ее плеч упавшую прядь.

— Я поступила так... не смогла сдержать себя.

— Тебе было любопытно, и я это понимаю.

— И что насчет этой шкатулки? Ты видел ее когда-нибудь? И что думаешь о его побеге, и о том, кто же мог оставить ее у плетня?

— Слишком много вопросов, — Филген улыбнулся по-доброму, — не заморачивайся так. Наверное, какой-то паршивец, принесший тебе какую-то отраву. У меня сильное подозрение, что это не может быть лекарством. Тогда уж причиняющим вред, а то и еще похуже. Не бери больше это в руки. И не знаю, как появилась эта шкатулка. Раньше ее не видел. Да, может быть, что ее подкинули. А мать свою я очень давно не видел...

— А где ты ее видел? Очень давно, — спросила Розалинда, уткнувшись в его плечо, — в раннем детстве, да?

— Кажется так. Но я не могу с уверенностью сказать, что та женщина была моей матерью. Ходили даже слухи, что у меня брат есть, и что он до сих пор живет. Генри говорил, что предполагаемая моя мать была известна, поэтому, наверное, и взял в жены. Это все. Все, что я смог выпросить. На большее меня не хватило, да и Генри злился, когда я заводил тему об этом. Я ничего не чувствую, когда кто-то говорит об этом. Да, интересно, да, хочется узнать. Но не могу ей посочувствовать, пока не узнаю всю правду, — он гладил ее макушку, и шептал на ухо, — и что в ней такого помимо записки из сумасшедшего дома?

— Ну... я не хотела рассматривать все, — тут же оправдывалась Розалинда, смотря на него снизу-вверх, — но там еще есть кольцо с инициалом: М.Э. Это ее имя, я так понимаю, — поправив шкатулку на коленях, она откопала в бумагах серебряное кольцо, — вот. Видно, на заказ делалось, — зачем-то упомянула Розалинда, сама не понимая до конца причину: «простая наблюдательность, ни более, ни менее», — посмотри.

И отдала ему кольцо. Филген, медленно вертя его, рассматривал две буквы, сжимал его, и хмурил брови. «Что-то не так, — заключила она, смотря то на кольцо, то на Филгена, — что-то не нравится? Или напоминает?». Ей было непонятно. Хуже всего то, что на несколько минут он поник в раздумье, и ничего не пробормотал. Плечи ее напряглись. Розалинда прижалась к его груди, отчаянно вздыхая. Наконец у самой макушки раздался голос:

— Мне знакомы эти инициалы. Точнее, само кольцо. Оно сильно напоминает то, что носил при жизни отец. Одинаковое. Только с другими буквами. Со своим именем, как я помню. Свадебные? Мне всегда казалось странным, почему они живут вместе, но ругаются каждый день. Ужасно, — приблизив ближе к себе, он рассматривал детали, — но довольно симпатичное.

— И сколько тебе лет было тогда?

— Не помню точно. Наверное, лет шесть или семь. Эту-то сцену я помню почти во всех подробностях.

— Я бы не стала никогда припоминать такое.

— Не знаю, Розалинда. Мне стало все равно на ее судьбу и то, жива она или нет. Как бы это ужасно не звучало, но я не воспринимаю ее как мать. Если бы она умерла... да я бы не узнал даже. Не могу сказать, кто был виноват в той ссоре. Если ли бы мне кто сказал, — он отложил кольцо, и, приобняв правой рукой Розалинду, оперся левой об кровать, — но вещь любопытная, и сама история о том, как она появилась в саду.

— Не история, а загадка. И неужели ты не хочешь посмотреть хотя бы, какие письма она писала? — поинтересовалась она, раскладывая все записки в шкатулке, — это занимательно. И ты что-то можешь узнать интересное.

— Хочу конечно. Но такими вещами лучше заниматься одному. Я человек вспыльчивый, и многое может меня, так сказать, тронуть. Тебе бы еще не понять, Розалинда, — снова дружелюбный тон, — может, когда-нибудь и прочитаю. Возможно, не понимаю я и этого человека. Их двух не понимаю. Несправедливо, однако. Амери, значит, теплом и заботой все детство, и он вечными побоями так добро отплатил. Именно это я в нем ненавижу...

— Мы не можем знать, что творится в других семьях. Лишь можем предполагать. Авиана только жаловалась, но о прошлом не говорила. И, думаю, у них там все намного серьезнее, чем кажется.

— Во всяком случае от него мы не избавимся. Тоже туда едет.

Разговор о Блоквеле и жизнеустройстве шел долго. Кажется, переговорили обо всем: о доме, о столице, о маленьких поселениях, о будущем. Об общем будущем. Теперь без умолку говорил Филген, и Розалинда, внимая каждому слову, обдумывала его высказывания и строила догадки. «И вправду. Более или не менее безопасное место. Раз уж защищено ото всяких демонов, — думала она, — там-то и надо жить. В коим-то веке все население Земли съедется в этот Блоквел, и он разрастется. Нет, все не нужно. Только хорошим людям будут там рады». Упомянул Филген и о запрете охотничьих действий на той территории, однако, обыкновенные люди без труда могут ехать туда. Все говорил и говорил, а между тем улыбка проблескивала на губах: сразу видно, что смерть и похороны отца не привели его в ужаснейший траур, хотя речей более о своих родителей он не заводил. И шкатулка не впечатлила никак. «Все же это, зря я волновалась? Зря себе нервы расстраивала? Оно и к лучшему, что не злился, но как я так могла не угадать...». Очевидно, что ответами на некоторые вопросы он обладал, и попросту не хочет освещать ими Розалинду: и к чему? Прошлого уже не существует, и глупо было бы горевать о нем вне себя — так считал Филген. И прокралась к ней мысль, что записки он не читал потому только, что знал, что может быть там что-нибудь такое, что ее напугает или сильно поразит — но что? Розалинда слышала о пытках в сумасшедших домах, и книжка ей однажды под руку попала про это. Видела картинки, и, конечно, эти сцены не сладки, но не плюшками же там кормят, в конце-то концов.

День прошел быстро, и под вечер уже утомлял. В два часа они пошли разгрести бумаги на втором этаже — занятие не самое увлекательное, но, хотя бы, побродила она по комнатам. Выпрашивая разрешения, Розалинда заметила, как Филген усмехнулся: что такого? «Я поступила, как надо, — думала она, ходя кругом по кабинету, — зачем эти усмешки?». Взгляд ее цепляли портреты, и на одном она узнала Генри Эмер. На стене, напротив стола, висел портрет миловидной женщины: круглолицая, нарумяненная, и глаза голубые с тенью, точно полумрак. Тут же подумалось ей о матери Филгена, но мысль опроверглась: «Разве стал бы Генри вешать в своем кабинете ее портрет? Как Филген говорит, то они расстались в раздоре». Розалинда любопытна к необычным вещам, не остерегается, и здесь-то она заскучала: ничего примечательного. Он еще занимал себя, и внимание на Розалинду не обращал, отчего сделалось ей грустно. «Наверное, из-за погоды». Сидела она на стуле у окна и молча смотрела в то — и там ничего. Смертная скука напала на нее, и что самое страшное — это неизбежно. Вспоминала она сон минувший, да и там нет яркостей. «И что же я могу помнить? Только какой-то дом, лужайку, и одного человека. Девочка». Ей Розалинда вовсе не удивилась — мало ли незнакомцев врываются в сон? «Красивое вышло... сновидение. Не могла уснуть, и тут сразу так. Все же не все так однообразно, это я не в ту сторону смотрю». В конце концов, Розалинда помогла ему, хоть тот и отказывался. Дела в кабинете вскоре были окончены. Дальше — спальни, балконы, чердак. День с того момента стал течь быстро, что, не успели они оглянуться, как вечерний сумрак рвался в окна. Солнце закатилось в туман; на всю округу навлеклась мутная пелена, скрывающая загадки завтрашнего дня. А они, непременно, будут. К тому времени нетерпение нашло на нее: хотелось поскорее распрощаться с Улэртоном и унести след за скользящим по небосводу солнцем. Жизнь лежала уже не здесь, а там — свободная, вальсирующая, и до жути мечтательная с теплыми объятьями.

Теперь же забота их дошла до еды: ехать на голодный желудок опрометчиво и легкомысленно. Раскинувшись на диване в гостиной, она все размышляла: «есть ли здесь рынок неподалеку? И неужели никакой еды, кроме баранок, не осталось? Что же, слуги все себе забрали? В магазинчик что ли ближайший сходить. Теперь опасности нет. Можем спокойно погулять. Вот так и сделаем, осталось только спросить...». Была здесь и другая причина: прощание. Как-никак, но Улэртон — место, где она обрела радости, укрытые горем. А вспоминать всякую горечь в светлые, беззаботные дни, сладостно, и, как ни крути, утоляет душу именно минувшим — тем, чье время уже прошло. Филген сидел не поодаль: на кресле и, согнувшись, вчитывался в такой-то документ. В доме стояла прохлада. Она окружала их, подобно той, что приятно обволакивает, когда в жаркий день вдруг подул ветерок. Тишина долго не прерывалась: даже птицы затихли, не бились клювами в стекла и не порхали поблизости. Все поникло в тягучее раздумье, какое пожирает волю и дает последний шанс посмотреть на всю ситуацию из другого угла. Но надо ли? Воля ослабевает: сомнения усиливаются.

Немного погодя, Филген выпрямился и, положив ногу на ногу, поставил палец на страну и задумчиво пробормотал:

— Оказывается, у отца был земельный участок Бейделе... скрывал от меня это и в наследстве не прописал.

— Бейдел это что? — подняла она голову с ручки дивана и взглянула на него.

— Деревня неподалеку. С каждой такой бумагой я все больше понимаю, что правильно делал, что ему не доверял.

Розалинда немного помолчала, и, набрав воздух в легкие, выговорила:

— Есть здесь поблизости хотя бы булочная? А-то совсем оголодаем по дороге. Ты говоришь, что десять часов ехать до Атрандо только? Ну вот, и сейчас мы голодные. Может быть, сходим куда-нибудь?

— Есть. Чего бы не пойти? — с радостью он отложил бумаги на столик и поднялся с кресел, — да, именно столько. Так мне кучер сказал. Конечно, мы будем останавливаться и сменять лошадей на станциях. Так что еще стоит прибавить час или два. И, пожалуй, до Блоквела столько же ровно. Я подумал, что нам лучше бы остаться на ночь в Атрандо. После будет плохая видимость. А ты писала письмо?

— Письмо? — непонимающе спросила Розалинда, потирая глаза, — а... то письмо царице. Сейчас и напишу. Есть ли у тебя...?

Не успела она и договорить, как Филген метнулся к тумбе и проронил: «сейчас». Розалинда думала, как бы уместить всю свою благодарность на один лист, да так, чтобы это было не слишком красноречиво. «Простоту ведь в людях ценят?». И общались они на равных, точно статус был один на двоих. Спустя мгновение он пододвинул к ней столик, положив чернильницу, листок, и отошел, оставляя ее наедине. Такой покой несколько настораживал ее, заставлял полностью отдать внимание письму. Однако же, дойдет ли оно? — несомненно, вопрос времени. Розалинда села на колени, и, подперев щеку ладонью, макнула кончик пера в чернила. Сначала дело это ей представляло затяжным, скучным, и строки никак не лезли, кроме как общих — такие, какими можно отблагодарить каждую услугу. Вдохновение настигло ее с натяжкой, будто из жалости. И полились тогда слова на благодарный лад:

«Здравствуйте, моя подруга и сестра.

Премногом благодарна за внимание и заботу, которыми вы меня окружили. Тот день, когда я, бедная и продрогшая от холода, пришла в замок, и Вы тут же меня приняли, станет незабываемым моментом. В нашем случае, время не стирает имена — буду помнить Вас всегда. Такая милость... чем я ее заслужила? Все робела спросить. Да и Вы, по-моему, не могли найти ответа. Многословить не стану, и искренне скажу, что полюбила Вас, как родную душу. Теплое отношение, конечно, манило меня. Я не могла иначе.

К сожалению, все хорошее кончается, а плохое остается навеки. Уезжаю в Блоквел завтра и уведомила о том, что Дарья Амеан все еще меня разыскивает. Мое доверие к Вам, что все это от чистого сердца. И я уверена, что не рассекретите вы с царем ничего, касающегося меня и Филгена Эмер. Желательно и Амери Хендерсона не затрагивайте в разговорах: он тесно с нами связан.

На ответ я не надеюсь. Не получу его совсем. Как прибуду в Блоквел, напишу вам обязательно!

С превеликим уважением.

Р. А».

Далее слова все никак не складывались, или получались повторы до того банальные, что писать еще она не решилась. Неопределенность поражала ее, останавливала посреди строк и заставляла раздумывать. Розалинда ясно чувствовала, что с этой минуты начинается для нее новая будущность: неизвестная, и нельзя говорить, какова она окажется. Теперь она невольно стала слишком близкой участницей в отношениях и в жизни тех людей, которых доселе она не знала, слышала о них понаслышке и ни разу не интересовалась политическими делами. Кажется, вот тут-то и наступил момент, долгожданный и мечтательный — пути

исчезли! Раньше действительность в замке поражала ее врасплох, теперь, сидя над прощальным письмом, все ей показалось до того легким, до того навязчивым и неглубинным, что испугалась она своего страха. Ведь, как же не могла Розалинда догадаться, что все тайны, ее окружавшие, лежат на поверхности, и она, ослепленная страхом, попросту мотала головой? Корила она себя, ужасно ругала, и вынесла это упущение как урок: нельзя робеть перед неизвестным. «Но не могу я с собой ничего поделать, — заключила она болезненно, принимая конверт из рук Филгена, — я знаю, что не нужно так поступать. Знаю, что этим нагоняю на себя проблемы, и что в будущем мне это отплатится. Но как же избавиться от страха? Если бы кто обозвал меня, то я бы согласилась. Унизительная правда... но не могу отказаться от нее, как бы не хотелось».

Помнит она как в тумане, пришла к ней вдруг минута с новым, странным впечатлением: тоска будто бы разом отпала от сердца, разбилась, и вместо нее — что-то новое наполняло и душу, до того, что дышать становилось легче. Поначалу Розалинда сомневалась: радоваться или горевать? Но вскоре поняла: однозначно радоваться — вот такое ее заключение. И видела Розалинда перед собой только счастье: Филген улыбался, ветви плясали, облака складывались в добрые фигуры, и незнакомцы не были такими озлобленными, как всегда бывает. То ее существование оборвалось — нищета, крики, умершая мать, переезд, мачеха — все это исчезло. Но оставался лишь один человек в памяти — Афелиса. Ее она не могла и не хотела забывать. Даже на миг. Она всегда с Розалиндой и живет в ней такая, какой была пять лет назад: но успела ли Афелиса раскрыться? Или Розалинда воссоздала образ, в который верит и к которому так долго стремилась? Вспоминала она и свои вопросы, когда ехала в Улэртон: вдруг все это — галлюцинация? В девочке до того что-то пошатнулось, что она, от отчаяния, создала ради своего счастья спасительницу и так заигралась, что больше не может отвязаться от нее. Даже при переезде в Блоквел она не отпустит мечту и постарается последовать за ней маленькими шажками, как только сможет.

— Ты закончила, да? — спросил Филген, стоя напротив нее.

Розалинда кивнула и добавила:

— Теперь пойдём.

Накинув на себя черный плащ, Филген сунул бумажник в карман. Вот только выйти из дома помешала одна неожиданность. Розалинда отворила дверь, и, не успев поднять взгляда, услышала впереди оклик:

— Розалинда! — впопыхах неся по тропинке Амери, — как говорится, здравствуйте! Вижу, не опоздал, не опоздал. Это хорошо! Вот как знал, что здесь Вы будете, а! Не прогадал, — он остановился, оперся плечом об стену и продолжил, — а где этот? Одни здесь что ли Вы? — Амери глянул через ее плечо: в тени стоял Филген, нахмуренный и чем-то озлобленный, — ты чего стоишь в тени? Вылезай давай.

Розалинда отступила в сторону, пристально вглядываясь в Амери: бодрый и возбужденный, вопреки недосыпу, высказывающегося на его лице. Волосы взлохмачены, воротник рубашки перекосялся на левое плечо — видно было, что спешил он по важному делу, хоть Филген в это слабо верил. Он дал ей ключи, понимая, что из-за его давления не сможет закрыть замок. Розалинда их тут же схватила и сунула в замочную скважину, одновременно слушая Амери:

— И тебя рад видеть, кого обманывать? Эх, спешил я к вам на крыльях... просто на крыльях, — махнул он рукой, и тут же пожал ею ладонь Филгена, — ты погляди-ка, как вырядился! Вот посмотришь на тебя и нельзя не сказать, что у человека что-то важное

намечается. Или пытаешься Розалинде соответствовать? Ладно, что ты так раздражаешься. Я не просто так на чай зашел, хотя могу передумать, если хозяин будет не против. У меня, Филя, дело как ваше, можно сказать, оно у нас общее.

— Знаю, что ты тоже едешь, — пробормотал Филген нехотя, — и это все твое дело?

— Нет, дай договорить! — он обернулся на щелчок: Розалинда подступила к ним, сжимая ключ в ладони, — да, в общем-то. Но что ты судишь по поверхности? Все-то глубже... впрочем, тебе ли не знать. Мы-то, помнишь, когда в последний раз об отъезде разговаривали, то договаривались сложиться и поехать вместе. Я, надеюсь, это еще в силе? Ты-то сейчас при деньгах. Говоря об этом, я не могу не пособолезновать. Хороший дядька был. Многого переговорили. А на похороны не смог прийти. Не в духе я был, — они медленно пошли к воротам. Филген скривился, услышав его «не в духе я был», — уж не мог. Сам, как мертвец был. А иначе бы меня где-нибудь рядышком закопали. Бессилен проснулся. Я как очнулся, то за цветами пошел. Да знаешь, вот иду, иду, думаю, вспоминаю о человеке, и вылетело у меня из головы, что четное количество цветов нужно! Как дошло, то стал считать, а сколько это? — он засмеялся и так жестикулировал, — потратился я, конечно. В четвертом часу пошел, да и просидел так до шести. О вас еще вспомнил, думаю, что раз тебя ничего не держит, то тут же уедешь в Блоквел. Так и пришел.

— Выпивал с кем-то, — заключил он, пропуская их за ворота, — и... с кем?

— С друзьями. Прощались. Сам понимаешь... — Амери хлопнул по карманам. Нащупал кошелек, выдохнул и усмехнулся, — думаю: что-то легко в карманах. Проверил... не забыл. К слову, вы куда собирались? Не выезжать, надеюсь? Мне нужно по пути вещи из дома забрать. Все приготовлено! Чемоданы с собой не взял.

— Так ты еще не у себя дома? — пренебрежительно спросил Филген, — В булочную идем. И насчет поездки: завтра в десять часов. Я договорился с кучером. Я не против того, чтобы сложиться. Но о чем идет речь, если ты даже долг мне не отдал? Месяц уже он висит на тебе.

— Отдам, все отдам! Я от того не отдавал, что копил на поездку. Все будет, ты не торопи события раньше времени. А булочная это хорошо. Там завернуть пару раз влево, потом вправо и мой дом. У меня-то там два чемодана и одна сумка большая. Собрал все по первой необходимости, так сказать. И, наконец-то, уеду... и домик там есть. Так что, наверное, и соседями будем! А Вы как, Розалинда, — взглянул он на нее из-за его плеча, — как себя чувствуете? Событие-то какие на носу. Не в стрессе? Легко прощаться с детством? Да что говорить, и сам знаю, что тяжело. Ну, и бояться так сильно не стоит. Вы не одни едите.

— Все хорошо, — кивнула она и сунула ключи в ладонь Филгена, — очень тяжело, но дальше легче будет.

— Вот это верно сказано. Мне тоже не легко с Улэртоном прощаться, но что поделать? Такая жизнь. Вон там развилка. Вы, наверное, давайте пока в булочную, а я за чемоданами. Встретимся здесь.

Амери, получив кивок Филгена, перешел на другую сторону улицы и ушел за поворот. Розалинда ускорила шаг, и, остановившись в шагах десяти от Филгена, обернулась.

— Долго идти нам?

— Нет, нет... — точно опомнившись, поспешно ответил Филген.

Когда он нагнал ее, они шли уже размеренным шагом и изредка болтали. Над домами уже расстился блеклый месяц. Прогулка эта навлекла на них легкое чувство — свобода

тотчас ощущалась особенно остро. На лицах ни души больше, даже Амери отошел, и унес с собой нескончаемый разговор, пусть и на недолго, но минуты эти ценные, особенно рядом с Филгеном. Только в переулках раздавались низкие голоса продавцов, грохот из окон, и удивительно мелодичные крики. Дорога пролетела быстро: вот, они уже в булочной. Народу не было, да и полки некоторые пустовали, видимо, недолго осталось запаху свежей выпечки витать в окрестностях. Амери дожидались они недолго: спустя несколько минут послышался грохот колес, и камни летели в разные стороны, ударяясь от носки его туфель. Первое, что заметила в нем Розалинда — измученный вид. «Пришлось ему потрудиться. Все же, там крыльцо и возвышенность неподалеку». И пошли вместе. Мимо мчалась повозка, запряженная гнедыми лошадьми: они останавливались, играли и пританцовывали, отбивая копытами ритм. Кучер звонко щелкнул хлыстом, и повозка поехала прочь.

Подходя к дому, Амери, как бы невзначай, спросил:

— Уделишь мне комнатку? Я могу и в коридоре, но гостей разве принято так встречать?

— Да ты у своих товарищей только на полу и спишь, — Филген отворил ворота, держа в одной руке пакет с хлебом, — можешь на втором этаже устроиться. Там никого и ничего нет.

— А вообще, меня удивляет то, как ты будешь дом продавать. Разговаривал с человеком-то? О своих делах ничего не говоришь, будто там что-то секретное заключается. Выкладывай давай, а то ночь спать не буду, — Амери вошел во двор и резко обернулся, — и какова карета будет? Будет место для груза? Или ты нанял еще и повозку? Раскошелился же... ради своего блага. Ты смотри, я бы лучше еще повозку взял. А-то будем в карете, как придавленные, так что плохая это затея.

— Я сказал кучеру, что у нас будет еще и груз, — неуверенно произнес Филген.

— А он что?

— Понял все. Так и сказал.

Филген не сполна мог довериться заказному кучеру, все, как он предполагает, он из пренебрежения. Он более был уверен тому, что кучер не принял это во внимание, и, видя лишь возможность прибыли, согласился: оно и понятное дело — из города сейчас выезжать боятся, и им нечего есть от этого. По дворам они катались редко, ибо прибыль была нехорошая. Всегда он предсказывал, и был в этом вполне убежден, что ожидает всего самого наихудшего, а оно случается редко. Обычно все гораздо проще — почти хорошее, даже радостное, но есть моменты куда хуже, что с этой мелочью Филген справляется. Вечер пролетел так же быстро, как потух огонь свечей. Амери все же улегся в зале, а они в той же спальне. Все в эту ночь было наоборот: Розалинда не мучилась от страхов, и, поджав ноги, заснула, как младенец после кормления. Филген же повременил со сном: на ее глазах он и не думал распечатывать конверты, сторонился этой мысли и претворялся, что давно ушедшее, тем более, не понятное, не имеет места в его настоящем. И Розалинда поверила, потому только, что муки ему не желала и в глубине понимала, что бесследным пятном эта шкатулка не останется. «Разве ее не убили? — он повторно пробежал взглядом по строчке, — все это время почему-то надеялся на ее смерть. Не всегда же отсутствие человека значит гибель. Даты нет. Это может быть написано хоть пять, а то и десять лет назад. Но неужели эта шкатулка все это время была там?». Он посмотрел на нее и взял в руки: витавшая пыль ложилась на кривые узоры, крышка скрипела, края были потерты. Вспоминая все происходившее за этот год, Филген избавился от вывода, что вещь эта храниться в саду многие годы. Ее бы снесло ветром, в лучшем случае. Или украли бы, что тоже было не

редкостью. Мать он свою представлял ясно, смотря на портрет женщины в кабинете — художник ошибся. Она совсем другая и ничего общего не имела с тем ангелом в каморке Генри.

Пару раз Филген хотел подняться с кровати и побродить по дому или саду, чтобы самому узнать: много ли тайн зарыл Генри? «Если уж мы все обошли в доме, то, стало быть, все скелеты зарыты в саду. О таких вещах и думать страшно. Пусть будущие владельцы разгребают все. Мне и этого достаточно на сегодня и на всю жизнь. Их больше нет, значит, и волноваться об этом не следует». Через полчаса и он заснул, уколенный неприятными чувствами.

Сон их пронзило раннее солнце: окна были не зашторены, и лучи пробивались на слипшиеся веки. Наступило полное избавление. Сквозь тьму забрезжил сладостный свет. Розалинда долго дремала, дожидаясь желанного часа. Не хотелось ни вставать, ни пойти умываться — лишь желалось думать о поездке, о том, что случится через час. Она тонула в упоении от этих замыслов, ощущая близость новых дней, возможностей и сладостей. Вдруг по ее волосам скользнула рука; раздался сонный, ленивый голос, от которого Розалинда вздрогнула, и повернулась к нему — детю солнца, играющего в золоте.

— Доброе утро, Розалинда.

Она ответила поцелуем в лоб и прошептала: «прекрасное». Но интонация эта была тосклива и заботлива. Филген присел, и, тут же забывшись, уткнулся носом в подушку. Два карих глаза смотрели на него бесконечно нежно и встревоженно, что неловкость одолела его сильнее, чем этот взгляд. Ощущение безмятежности и покоя укачивали, впитывали в нее, что та ее мечта уже осуществилась, и что это утро — поистине чудесное создание свыше. После завеса звёздной ночи, тишины, свет этот ослеплял. Хотелось жить лишь ради этих пробуждений и чувствовать, что и природа просыпается, вянет, грозит холодами, но разве могло это быть преградой? Спокойствие вскоре рухнуло. Щелк двери. Шаг вперед, и из прохода высунулась макушка Амери, а сам он смотрел отчего-то в сторону. «Сейчас уже не претворишься, — подумала Розалинда и усмехнулась, — пришел разрушитель, что ж, посмотрим...». Она вновь прикрыла глаза: из двери послышался шорох, затем и робкие шаги. Амери подкрадывался, и это хорошо ощущалось. Даже старался не вздыхать громко. Розалинда медленно натянула на подбородок одеяло и замерла в ожидании: шум стих. Вместо него вопрос:

— Спите еще что ли? Или передумали ехать? Знайте, что уже без десяти восемь. Два часа осталось! — воскликнул он; Филген сморщился, поежившись, — Розалинда-то уже проснулась, а ты чего? Или с домом расстаться не можешь? Тогда мы поедем одни, а ты будешь думать, и решать, как поступить. А хлеб неплох, вкус у вас есть... да, давайте, подъём!

— Ты-то сам собрался? — Филген перевернулся на спину, — или только поднялся?

— Собрался уже. Осталось чемоданы перетащить. А ваши где? Вы пока наряжаетесь, я бы помог... я видел какой-то багаж в зале, но не решался. Может, от покойника.

— Они и есть. Еще десять минут, ты рано пришел... — потирая глаза, сказал Филген, — иди обратно.

— Смотри ты, а! — обратился он к Розалинде, — и не удивляйся, что я так на «ты» перешел. Нам бы давно пора. Да от этих твоих десять твоих минут осталось только семь. И что они тебе дадут? Уснешь еще, и точно без тебя поедем. А пока утро, я пойду повозку найму, — при этих словах Филген поднялся и устался на него, — только давай так: я

плачу за повозку, а ты за карету. Вот это поровну. Главное — удобство. А ты этого не понимаешь.

— Делай, что хочешь... — отмахнулся он, и сел на край кровати, — сейчас собираемся и идем.

— А кучер прибудет прямо к дому? — спросила Розалинда, — ты сказал адрес?

— Сказал. Обещал приехать за десять минут, чтобы справиться с багажом.

Она, потянувшись, распласталась на кровати и тут же выскользнула из-под одеяла. Платье ее висело на стуле: взяв его, Розалинда вышла из спальни, оставив их наедине. Упрямство не оставляло Амери: он кружил вокруг кровати, подходил к шкафу, отбрасывал книги, и, взмахнув руками, воскликнул:

— Вставай уже! В лучшем случае, мы тебя в повозку посадим. В худшем — оставим здесь. Что выбираешь, а?

— Я уже встал, — Филген поднялся, и, нагнувшись, принялся заправлять кровать, — не кричи, пожалуйста, не хватало еще, чтобы голова перед отъездом разболелась.

— Я взял аптечку! Так что не пропадешь, — он опустил на стул напротив кровати, — я всегда сплю в какие-то долгие поездки. Если кто-то есть со мной, то это более, чем безопасно. На меня не надейся, а лучше к Розалинде. Она будет не прочь, а еще если учесть, какие у вас отношения.

Амери проговорил это заигрывающее, точно в шутку. Положил ногу на ногу, и глядел на Филгена, что тому стало неловко. После он резко встал. Филген оглянулся, и удивила его быстрая и уверенная ходьба. Глаза его жадно вглядывались в сад за окном. И, подправив воротник, Амери будто вылетел из двери: Филген и слова не успел сказать. «Оно и к лучшему, — подумал он, расправляя одеяло, — наверное, одумался и побежал за повозкой. Это очень... хорошо. Задержек нам не надо. Справившись с кроватью, он, взяв расческу с тумбочки, распутывал волосы, дожидаясь Розалинды. Впрочем, они управились скоро и без проблем, что удивляло его. Ведь ни одна поездка не обходиться без них, так ведь? Он засомневался. Розалинда вышла из ванной, встречаясь с Амери: тот шел в зал, а после вышел из него с двумя чемоданами в руках. И так снова: грохот грозно скользил по всему дому. Спустя полчаса наведалься будущий владелец. Филген, встретив его при полном параде, получил последнюю половину платы. Мужчина прибыл с маленькой дочкой, что, вздернув маленький носик, наблюдала за всей сценой, как хозяйка, а отец — ее слуга. Розалинда несколько раз осматриваясь, боясь что-то забыть, и под конец, запихнула в сумку три повести, что пылились на шкафу.

Все было готово. Амери прибыл вовремя, когда уже весь груз стоял у порога. Выглядел он как никогда счастливым, и никакой тоски не высказывалось в чертах: но, ведь есть с кем прощаться! Все кончено. Теперь и для него наступил переломный момент. Все складывалось так гладко, что не верилось в такую удачу: кучер прибыл вовремя, следом и повозка подоспела. Извозчик отозвался, чтобы загрузить чемоданы. Садясь в карету, Розалинда облегченно вздохнула:

Вздох, отпускающий все невзгоды прошлого.

12. Спустя года

Время изменило многое: предполагающий ход, судьбу государства, обычаи жителей, и обойти эти перемены не могло и высшее общество. Остров не был клочком земли, где правили «золотые» люди, напротив: избранные маги оставались приземленными к народу, выходили на разговор, принимали жалобы и смилоствовали над родственниками погибших. Гроунстен никогда бы не понес тирании — она пришла лишь с дальних земель десять лет назад, оставила кровавые следы, и пустила прочь на восток. Там-то и разгорелось унижение магических существ, только, пожалуй, люди те не смыслят, что убивают своих же, и что «нечисти» в их краях не водилось, даже до их эры. С годами восстание пытались подавить, да только получали охотничьи командиры сильнейший ответный удар: цель их рухнула! Не подвластно оказалось им одно местечко, затерянное среди океанской среды — и вера их в освобождение Гроунстена провалилась в бездну с тем же успехом. Спустя два года люди стихли. Они стали до того безмолвны, что слились с природой, да боялись шептаться. Ошеломила их простейшая мысль, что ведь маги — точно не люди. Этим существам мир дал больше, чем им, простому народу. Такие разговоры дошли вплоть до поверий, что маги — дети небес, и, тронув их хоть раз, получишь жгучую язву, которая испепелит тело, а душу отправит в адский котел. Но оставалось фактом, и, видят Боги, очень пугающим фактом — что прежняя мысль о неравноправии должна укрепится в молодых умах, и этот устой будет вечен — маги неровня нам. Тут уж как кто глядит: некоторые придерживаются старых принципов, другие — поверили в божество их, и стыдливо склонили голову. Последнее даже стало наказуемым в Атрандо. Так что такие стали тихо поклоняться, не разглашать, и в народе быть совершенно себе противоречивым. В какой-то день они разом постигли зловещую истину — сила оружия магии. Она крылась на поверхности, и чуть было не ускользнула. Много ситуаций повлияло на расслойку общества: теперь люди из света порицались и носили прозвище — предатели. Что было неоспоримо, потому только, что распространился слух о Темной стороне правительства. Спустя три года они, как и все остальные рабочие, гнулись под косою и мылись в поту. К тем, кому удалось этого избежать, люди воротили нос и относились скептически.

Не раз происходили бунты, кровопролития, разруха городов, но все это было вне Гроунстена. Правительству удалось избежать конфликта с местными населенными, а тем было все равно, лишь бы их мировое дело не касалось. И вот, прошло уже пять лет со дня возрождения магического рубина. Народ до сих пор не знает, где он хранится теперь, но предполагали — в замке под семью замками. Люди жили в шатких домах и работали с рассвета до заката в лесах, горах и пещерах. Спустя полгода появлялись улицы с двухэтажными домами, хотя сильный морозный ветер прожигал лицо, никто не противился, и, даже больными, шли хоть в помощники. До ужаса хотелось тепла. Через щели дула метель, крыши ломались над снегом, и всякое бездомное живье стекалось в замок — он один стоял ровно и неподвижно. С другими государствами Гроунстен более не связывался, а единственным приближенным считался Блоквел, который посылал беженцев на кораблях обратно. Население постепенно разрасталось, и, странное дело — никаких разногласий в первые года не возникало. Каждый знал о пошатанной материальных ценностях, так что на бедность можно было и рассчитывать.

Заботы правительства так же не оставались без внимания. Слуги разносили о каждом

приговоре по всей столице, и молчать об этом было непринято. Все интриги, угрозы и ответственность хорошо отыгралась на моральном духе: правительницы жила как затворница, иной раз требовала подать кушанье в комнату, и все законы принимала на расстоянии от приближенных. Смерть Хакан обрушилась на нее такой неожиданностью, что несколько дней Афелиса не могла прийти в себя и мыслишь здраво — все-то ей чудилось, что старушка выглянет из шторы, откроет дверь, и, как в детстве, избавит ото всех мук. Такого не произошло, а что самое страшное — всего лишь показалось.

Неприятный осадок все еще оставался, что ничего нельзя было поделать — работа не убавлялась. Дни шли как один, и совсем не менялись. И вот, сегодня нужно было идти к одному из домиков у Большого озера. Спрятанные в листве, эти дряхлые строения с несколькими комнатками уже подкосились, и медленно рассыпались, точно песок. Меблировка была лишь их примитивных вещей, дверь не запиралась. Обстановка не пугала, напротив, умиротворяла. Никаких чемоданов они не брали, и не нужно это вовсе, потому что пришли они сюда не за отдыхом. Леотар нужно было проверить процесс построения моста, а Диамет плелась с ней, чтоб избавиться от навязчивых мыслей и забыть о городском шуме. Она мечтала посидеть в одиночестве среди этих стен, но Леотар, наворачивая круги у берега, критично смотрела на балки, стоявшие в воде, и подправляла очки, вздернув нос. В ночной глуше тихо стрекотали сверчки, прыгали лягушки где-то в кустах, и ветер доносил запах полевых ромашек.

Высокая ива укрывала ее от неба. Ветер почти не шевелил ее крону: жесткая, богатая, напоминала из далека огромный холм, в котором подрагивал голубой огонек. От озера веяло прохладой. Темный шатер раскинулся над ним. Снова послышалось пение лягушек. Леотар каждый раз вздрагивала и все отстранялась от берега, слыша их кваканье. Спустя минут десять она вернулась под иву. Смотря на распластавшуюся Афелису на тряпке, Леотар хмыкнула и осуждающим тоном сказала:

— Вам лучше беречь свое здоровье. Госпожа, поднимитесь. Сами знаете, как у нас с медициной плохо. А еще лучше — зайдите в дом. Время позднее, да и кто знает, какие безумцы ходят в округе.

— Конечно... — всплеснула она руками, — почему еще не зарезали? Вы проверили то, что надо?

— Да. Все выполнено к сроку. Думаю, месяц, другой, и мост будет стоять. Широкий, с бортами... но это, несомненно, вопрос времени и работоспособности. Ваше предложение все еще в силе, госпожа?

— Предложение? — Афелиса перевела на нее взгляд, вздернув бровь, — а... предложение. Приходите. Но, вот думаю, собрание по военному делу перенести на следующую неделю. Скажите остальным, есть не в тягу будет. На этом достаточно. А-то скоро совсем соображать не буду. Садитесь, — она пригладила место подле себя и качнулась в сторону, — и дома эти нужно снести и построить новые для приезжих. Впрочем, дорогая, разберемся потом...

— А я говорила, — Леотар улыбнулась, и, подправив юбку, села рядом, — говорила, что перетруждаться не стоит. Теперь Вы не способны на работу.

— Говорите так, будто я переломала себе кости, или еще чего. Меня сейчас нужен только покой. Вы сказали, что этой ночью я не в замке?

— Да, конечно.

Разговор их шел о воспитательных процессах. Приплывающие ребята и учителя

тяготились жизнью на острове. Было это для них что-то вроде исправительного поселения, куда угодили они по неприступности Гроунстена, следственно доверчивости. Молодежь ожидала, что нравы тут будут гораздо мягче, чем в любых других школах Блоквела, а оказалось наоборот. Частные занятия позволяли себе лишь те, кто работал в шахтах — у них то и была большая прибыль. Самое страшное то, что взрослые брали с собой детей, подвергая их строгой дисциплине, наказаниями и позору, если ребенок чудовищно провинился. Леотар была против и даже предложила лишить их прибыли, вот только дело все не доходило — перестройка застала все государственные дела под угрозой. Часто, конечно, случалось так, что родители оставляли своих детей необученными, и наставляли их на рабочий лад.

Прогулками Афелиса спасалась от замка с его гнетущей атмосферой. Все еще не уживалась в ней мысль, что в тех стенах шлось кровопролитие, свершение старой династии, смутный переворот, и все это — на благо врагам. Говорили они не долго; Леотар уже устало кивала головой. Доносы закончились. О другом они не могли разговаривать и держались друг от друга на расстоянии, чего не скажешь о ее юношеских годах в их логове — тогда все было верх дном. Но и жаловаться она не могла: понимание, что все теперь по-другому, вселяет слабую радость, ведь страшным дням еще не пришел конец. «Да и придет ли когда-то? — думала она, провожая Леотар к дому, — для меня, может, и да. Смерть все разрешит. А как же люди? Да и они умрут, только жизнь совсем не задалась. Я и так делаю все, что в моих силах. Работа идет полным ходом. Уже как год нет никаких нападений: отношения налажены с чернокнижниками. Но чего не хватает? Красивостей? И они будут, пусть хоть и на следующий век». Всякое беспокойство о мелочи пускало другие, еще более страшные замыслы. Предчувствие чего-то нехорошего не утихало ночью, а только разгоралось. Теперь у нее было все, что нужно было ей. Или тоскливость уже прижилась к сердцу? Ответа Афелиса не могла сочинить.

— Ты смотри, не вылезай так... зайцы они такие, шустрые. А ты как покажешь свою шляпу, так и умрут от страха на месте, — Элид толкнул его в плечо, уводя по тропе, — мы так долго добивались разрешения! Нельзя, чтобы оно прошло мимо нас. У тебя хоть пули есть? А-то пойдем, охотники за дичью.

За соснами мелькнуло солнце: огненный шар палил лоб и щеки, да так, что дышать было тяжело. Он не отпускал ладонь с плеча Арсента, насвистывая песню с церемонии. Они вышли из леса: перед ними лежало большое поле. Для охоты день выдался удачный: ни тучи на небе, птички чирикают, так еще и есть где спрятаться — кусты! Арсент витал в мыслях, и, кажется, Элида слушал лишь из-за приличия: а Элид, понимая это, резко дернул его за руку, переступая через изломанные ветви. «На природе живется легче, — думал он, подправляя ножны, — зря-то он отказывался, печальный такой... и из-за чего расстраиваться? Кому это обучение нужно? Не понимаю... ладно бы, если по делу, а так, чтобы тебя плеткой побили — нет. Не нужно. Унижение это, а не получение знаний». На горизонте виднелись синеватые верхушки деревьев, как уголки, устремленные вверх. Ветер подбадривал, нес их по течению: Элид улыбался тому, а Арсент понурил голову и шел, точно пленник за ним.

— Хватит уже. — выплеснул он раздраженно, обернувшись, — своими вздохами всех зайцев распугаешь.

— Да откуда ты знаешь, что они здесь есть? — лениво пробурчал он, — если их нет, то и застрелиться не грех.

— А ты думаешь, я ни с кем не общаюсь? Нет. У меня знакомые есть, что на всякую дичь охотятся. Один раз даже меня угостили. И Анариэль говорил, что здесь много всяких, так что нам должно сегодня повести.

— Повести так же, как и с рыбалкой? Ничего мы не получили. Помнишь, мы на шпагах дрались? Ты чуть мне глаз не выкалил. И все это — везенье, — саркастично сказал Арсент, перешагивая через яму, — и какой успех на этот раз? По случайности друг друга застрелим? Давай лучше просто погуляем, Элид. Это здесь, да?

Дошли они по середине поля, окруженного лесом. Арсент потел носком по траве, как бы играя, и, прижав ладонь ко лбу, посмотрел на небо: сквозь облака стая птиц летела к западу. Элид недовольно вздохнул, повел плечами, и, подбоченившись, выгнулся назад.

— Это не это поле. Нам ближе к берегу надо. Ну, не прям к нему. А там, где обычно приплывают всякие... ты понял меня, — он громко выдохнул, и, достав фляжку из сумки, потряс ее, — еще осталась. Мы это оставим напоследок. Как идти назад с добычей будем. Сейчас должен уже двенадцатый час идти. К вечеру успеем.

— И куда мы зайца денем? Ты жарить умеешь, — Арсент шагал вслед за ним, высоко поднимая ноги, — нам никто даром не пожарит, или потребуют кусок. Да еще какой... я-то думал, ты просто меня погулять вывел. А тут дело такое... убийственное.

— И что? Ты за свои двадцать лет хоть выбирался куда, на природу? Тебе уже за второй десяток перевалило. Из тебя бы уже душу вытрепали, если бы не я, тогда, в камбузе, не заступился за тебя. Так что, Арсент, прошу быть благодарным. Сейчас там река будет, нужно пробраться. Знаешь, что? — он резко остановился, и с вызовом посмотрел на него.

— Что?

— Я слышал, что там чернокнижники бродят, но ладно бы, если простые. Они уже, как вымерший вид. Но нет! Еще и ведьмы. Они опаснее, и, говорят, что заворачивают эти красы девицы путников, уводят, черт знает куда, и они исчезают. Вот как. Это я тебе говорю, чтобы скучно не было.

— Сам придумал? — насмешливо спросил Арсент.

— Нет. Я не сказочник. А может, это и не сказка. Всякая такая чертовщина иногда правдой оказывается. Я вспомнил, как тебя мать женить пыталась. Вот и здесь я тебе помог. Спас от невесты. Она-то точно ведьмой была, прислугу бы из тебя сделала, — он замолчал. Арсент вздохнул, и, стукнувшись лбом об его макушку, поднял взгляд. Элид остановился, — вот. Видишь, какой обрыв, и течение хорошее. Придется нам намочиться немного.

— А обхода нет? — выглянул он на речку из-за его плеча, — обойти, может?

— Нет здесь ничего. Даже если и найдем, то долго придется идти. Время нам дорого, так что давай. Я тебя даже за руку возьму, чтобы не полетел кубарем вниз, — Элид сжал его кисть, и по камням ступил по обрыву.

Безветренные горы острова мелькали вдали. Вокруг ручейка сияли сосновые кроны, медленно качаясь на ветру. Элид чувствовал себя прекрасно: дергал Арсента, смеялся, да нарочно делал так, чтобы они по голень оказались в воде. Арсент лишь что-то бормотал, и знал, как же безразлично Элиду его раздражение — острова бы не хватило для этого чувства. И, странно: быстро оно сменялось таким же весельем, точно бы ничего не было. Кто бы знал, что будет дальше: да это и неважно, когда в такую чудесную погоду хохочешь безудержно, и тепло тотчас же разливается в душе. Сладкое чувство... с Элидом лишь так и было. Лепет искрящейся воды на камнях, шорох листьев — природа не могла молчать. Они выбрались из обрыва, и, сжимая на себе края штанов, по очереди хлебали воду, точно

пленники в палящих тропиках. Элид примочил лоб речной водой и махнул рукой вперед.

— Через речку перебравшись, теперь все путем будет. Прямо, прямо. Там можно свернуть... — пальцем он указывал на лес, — ну и все. Мы придем. Ты стрелял когда-нибудь вообще? А-то взял тебя с собой. Там мастерство нужно, да не проморгать зайца.

— Нет. Да и откуда мне уметь? Я тебе только компанию составляю, и все...

Элид не ответил: внимание его привлекли голоса с берега. Не оборачиваясь, он подал Арсенту флягу, и вновь вслушался — гам разбавился. Теперь между разговорами проблескивали выкрики, звон и грохот. «Приехали из Блоквела? Почему так рано? Опять нарушают... — Элид уж было порывался к берегу: приплыв не мог не занимать его. Он вдруг заступил Арсенту путь к полю, немо и иступлено помотав головой — принял решение идти. Арсент подозревал, что среди листвы кто-то притаился: толи заяц, толи человек. Шорох напугал его: он застыл, окаменел от мгновенного испуга. Не успел Арсент и понять, в чем дело, как Элид настойчиво потянул его за собой, то и дело поднимаясь на носки, чтобы разглядеть парус. Острые верхушки деревьев закрывали собой все побережье. Арсент помялся, по все же послушно зашагал вслед — не хотелось ему отвлекать его от какой-то затеи, зная, чем это может обернуться. Голоса усиливались, когда они преодолевали лес и даже уходили куда-то в сторону. Ранее он не видел такой сосредоточенности на лице Элида: неужели так важно ему узнать, кто такие прибыли? Но зачем? До этого приплывало много кораблей, и ни один из них не волновал его так же трепетно, как этот. Обычная случайность поставила крест на охоте. Здесь Арсент выдохнул с облегчением.

— Тебе так любопытно? — прошептал он из-за спины, — и что теперь... погоня за зайцами отменяется?

Элид обмахнулся развернутым письмом. Треск: ветка сломалась под ногами. Арсент поспежал за ним, и, нагнав его, наконец, придержал за плечо.

— Скажи уже, Элид? Почему не хочешь говорить? Идем, и не знаю куда... разве правильно это? Если мы потеряемся? Далеко уже ушли... часа два точно ходим. Давай передохнем, ты мне все расскажешь, и мы пойдем.

— К кораблю идем, конечно, куда еще? А отдыхать пока нельзя. Они сейчас уйдут, и все. Спросишь, зачем я так хочу его увидеть, да? — он отдернул его руку и понесся прочь, — я не просто хочу поглядеть, а узнать, какие люди приплывают. Может, и не маги вовсе? Как тебе такой расклад? К тому же, людей познавать надо. Вот я — единственный, с кем ты говоришь. И почему бы не поприветствовать переселенцев?

Элид улыбнулся ему через плечо: Арсент хмыкнул, и молча продолжил идти. Развязывать спор не хотелось уж никак после ручья — совесть кусала каждый раз. Оставалось лишь идти, пинать камни и иссушаться от пекла земного. Воды в фляжке уже не было: никаких звуков из нее. Упала только одна капля, когда он, раскрыв губы, поднес ее к языку. «Невыносимо... — жаловался Арсент, отставая от него, — откуда у него силы, чтобы нестись, как пчелой укушенный в жару? Пугают такие люди...». Вскоре достигли они опушки, дальше — мелкий песок. Элид и не выглядывал, вопреки предосторожности, и, вынырнув из кустов, явился на глазах у всех. Из огромного корабля текли люди, неся на спинах багаж. Дети прошмыгивали под ногами, получая крики на свой счет: глазки их слезились, щеки румянились. Каждый был озабочен как бы не оступиться на лестнице, и не повалиться на впереди идущего. Так что косых взглядов Элид не получил. Арсент тянул его назад, но слишком поздно: Элид, отстранившись, поспешил к толпе, чуть ли не в припрыжку. «Зачем его это? — Арсент все не верил, что Элид выдал всю подноготную

своего мотива, — и так понятно, что маги. Или он кого-то встречает? Иначе его стремление объяснить невозможно». Этот вопрос поставил под сомнение всю их прогулку: если Элид с самого начала знал об прибытии корабля, а охота — обыкновенный предлог, чтобы Арсент уж точно пошел с ним. И никуда не сворачивали они: не искали развилки, не обошли ручей, хотя, если постараться, он верил, что тот наверняка найдется. Время не развеивало сомнений, наоборот, лишь прибавляло. Элид вертелся между людьми, наткнулся на ведущих магов, и поспешно кланялся. Даже один раз махнул ему рукой, но Арсент выходить не спешил. Да и странно это окажется: для чего же тут стоять? Он, затаившись в кусте, отрывисто дышал, укрываясь листьями. «А если кто сзади подступит? — при этой мысли он резко обернулся, — вдруг примут меня за какого-то... охотника?». Прежняя пустота. Теперь она пугала куда больше, нежели успокаивала. Испуг поднял его на колени; Арсент и не заметил, как со стороны берега на него смотрят два настороженных глаза. Вдруг встретив их, он нырнул в листву, прижался ладонями к земле; сердце отбивало бешеный ритм, макушку палило солнце. Он пристально вглядывался в траву, в камни, в муравья, ползущего по его кисти. Встряхнув ее, Арсент вновь выглянул: мужчина стоял все так же неподвижно, приставив к губам фляжку. Не было времени разглядывать, но, когда глаза его закрылись, а подбородок поднялся к небу, Арсент все же смог заметить в нем несколько деталей. Вопреки страшной духоте, толкотне, лесу и особенной летней вони, на нем было накинут какой-то черный плащ с вывернутым воротником, волосы беспорядочно уложены назад, росту он был высокого, как показалось Арсенту. Прищурившись, он разглядел щетину и бакенбарды на худом лице. Не прошло и пару минут, как мужчина вместе с чемоданом развернулся и побрел к толпе. «Неужели, доносить до меня будет? — в ужасе подумалось ему, — сразу туда... хотя все и идут вместе. Может, и вправду вылезти, чтобы подозрений на себя не накликать?». Все же не решился. Да и наступившее зрелище показалось ему интересным.

Элид, мотаясь по сторонам, изредка что-то болтал про себя, от привычки к монологам и в котором он признается, и в каком-то роде хвалился. Ветер колыхал белые паруса, птицы садились на мачты, свысока смотря на весь люд. Он тоже засмотрелся на них, из-за простого желания выиграть в гляделки: «что за детских лепет... — упрекал он себя, но все равно не сводил взгляда, — что на меня так повлияло? Это забавно. Да они непобедимы...». Игра оборвалась не по их хотению, а из-за резкого удара. Пришелся он ему в плечо, и, покачнувшись, Элид проскрипел зубами. Виновник остановился перед ним: он наклонился к нему, что-то пробормотал, но злость словно закрыла Элиду уши, и слышать ему ничего не хотелось.

— Я понимаю, жарко! — начал он, подняв голову, — но знаете, нужно и по сторонам смотреть! Господин, не забывайте, что Вы тут не один. Тут, как Вы, целое болото.

Мужчина ничего не ответил. Элид уловил слабый поклон и, оглядывая себя и не заметил, как из его фляжки на рубашку пролилась вода. Хорошо, что немного. Иначе бы он на себя грех навлек. Такая мелочь, о которой Элид и думать не хотел, да и некогда не было. Столкновение все еще чувствовалось. Разминая плечи, он фыркнул и хотел было уйти, но голос его задержал:

— Прошу извинить, — спокойно ответил он, — это случайность. Вы же понимаете, что замыслов никаких не было. Отвлекся.

— Да ладно вам, я погорячился, случается, — сказал это Элид только из-за приличия, — идите, пока толпа не ушла.

Еще один поклон. Незнакомец вернулся в ряд; всех уже стали распределять. Крик закончился визгом: последние звуки уже помнились мутно. Все вскоре затихло. Вот только несколько человек, громко говоривших, стали спускаться по лестнице, переваливаясь из стороны в сторону. Элид расслышал звонкие возгласы, и, развернувшись, пошел обратно — туда, где поджидал его Арсент. Берег постепенно опустошался, и, тотчас, они могли спокойно выдохнуть. Арсент, дрожащий не хуже листа на ветру, все шептал: «донесут, донесут!». Пальцы его крепко сжимали фляжку, а ноги подкашивались: Элид все не понимал, какой такой ужас на него нашел, и, резко выхватив фляжку из его рук, направился к берегу.

— Куда ты? — тихо проговорил Арсент: тот не услышал, — ты куда!

Выкрикнул он, но Элид так и не дал ответа. Отряхнув колени от травы, он бросился вслед за ним и вновь пытливно спросил:

— Ты воды хочешь набрать? Она грязная. Не нужно... придем в замок и попросим. Пойдем скорее!

— Ты чего такой нервный? Нам до замка еще.... И вообще, на охоту собрались. Так что прошу не воротить нос. Будто ты знаешь, откуда там вода берется и какая. Точно такая же, — ответил Элид, спеша к берегу.

— Постой же ты! Это соленая вода. А в замке только пресная. Нельзя соленую пить. Ты ходил на то поле? Давай лучше дело это отложим до лучших времен. Сегодня жарко, и все мы упустили с твоим кораблем. Пойдем уже — Арсент посмотрел на него в полуобороте, и шагнул вперед, — я тогда пойду. Дорогу знаю, так что справлюсь.

— Ладно, — со вздохом сказал Элид, — нам бы к обеду тогда успеть.

— Успеем!

Арсент, слегка обернувшись к нему при ответе, принялся его снова так пристально рассматривать, будто никогда прежде не видел. Взял его за руку, и пошли тем же путем — извилистым и коварным. Много ям встречались на тропинках, корней деревьев, что, заглядишь на небо, и не поймешь, как к ладоням прилипла земля. Спешили они ужасно: выйдя с леса, запыхались, что воздуха не хватало. Хотелось прижаться к чему-то холодному или съесть, чтобы не изжариться на солнце. Самое ужасное так это то, что вода закончилась, а впереди — холмы и листовенные лабиринты. Прокралась к Элиду мысль, что нужно этак искупаться по пути, чтоб не прийти к городу без сил, ведь в такую удушающую жару и еда не лезет в глотку — лишь вода. «Славно будет... надо как-нибудь Арсента уговорить. А хотя, если не захочет, то пусть идет. Что я еще, заставляя буду?». Ожидаемого ответа он не услышал — Арсент радостно кивнул и ускорил шаг; «так еще лучше! — с улыбкой проговорил про себя Элид, — значит, здраво мыслит. Какая еще еда? Надо к вечеру, когда солнце не будет так палить». Спускаясь с холма, где по слухам, жили чернокнижники, они быстро с с обрыва: озеро, пронзенное балками, медленно раскачивало волны. Облака плыли по поверхности, ослепленные яркими солнечными прорезями. «Как хорошо! Отказываться от такого было бы глупостью!». Элид, громко вздохнув, побежал к песку, крича ему:

— Быстрее, идем!

В чрезвычайно жаркое время, когда двигаться и совершать какую-то деятель совсем не хотелось, Анариэль вышел из конюшни и в полной решимости отправился во двор. Все утро велено ему было контролировать вырубкой лесов на востоке, напрягая связки и истощаясь от природного наказания — иначе это не назвать. День был словно присыпан пеплом: все

казалось бессмысленным, никчемным, точно буря отметила привычное и превратила в пошлость. Появлялось новое беспокойство, с которым он не мог справиться, даже советы Леотар не помогали — глубокое дыхание выдалось бесполезным. Перед зданием слабый ветер нагнал вдруг на него резкую тоску по снежным горам, морозу и леденящего утра. Сада в замке не было: ни чьи руки не доходили, чтобы посадить в пустующих клумбах цветы, переделать беседку и вымести с дальнего двора остатки деревьев. Благо лес вырубил, да сгнившие доски убрали с дороги. Анариэль уже повернул вовнутрь, как краем глаза уцепил Афелису, сидящую на скамье. Среди ошметков стройки, пыли, грязи, она, понуриив голову, что-то читала, согнув обложку. Лица ее не было видно: лишь вздымающуюся грудь, жадно хватавшую воздух, от какого перехватывало дыхание. С неожиданным облегчением Анариэль двинулся к ней, рассчитывая на беседу, какой давно сторонился, но какая еще сильнее тяготила его с каждым днем. Он все остерегался, наблюдая из далека: настроение ее иногда до того резко менялось, что и предугадать нельзя, что случится через какое-то мгновение.

— Здравствуй, Афелиса, — поздоровался он издалека, слегка кланяясь, — не лучшее ты место выбрала. Среди грязи, да пыли... что же у Вас? Никаких дел нет на ближайшее время?

Она взглянула на него, заправив прядь за ухо. Пододвинулась, и, указывая на место, предложила присесть. Тогда Анариэль смог рассмотреть то, что пряталось за волосами: взгляд ее был опечален, губы, бездвижные, дернулись лишь при немом предложении. Он понимал ясно, что ее волновало до сей поры: Хакан никак не покидала ее память, разрешила воспоминания о былом, точно ту счастливую, беззаботную половину жизни унесла с собой. Однажды, после рокового вечера, Афелиса рассказала обо всем, плача и всхлипывая, что не верить в искренность чувств было нельзя. То время повлекло еще одно несчастье — Диамет упрямо избегала разговоров, встреч, отказывалась от визитов, и неизвестно было, чем она увлекала себя взаперти. Скорбеть — это, пожалуй, единственное, чем терзает себя человек, оказавшийся на грани собственной смерти. И она чуть ли не пошатнулась. Об этом проговорила она вскользь, невинно улыбаясь, точно в шутку, чтобы не навести шуму. Иначе бы не оставили ее более наедине, зная, какой исход этому грозит.

— Доброго дня тебе, Анариэль, — сказала она это с добродушной улыбкой, — не так уж и не плох двор. Зря Вы его недооцениваете. По крайней мере, хорош тем, что никто не придет сюда. Значит, здесь полное уединение и прохлада. Иногда. И этому можно порадоваться. Не вижу ничего ужасного... В ближайшее время я хочу, в конце концов, дочитать сказание об Озапе, хоть и клонит в сон. Хочется взять за ум, пока он совсем не прокис бумажками.

Согнув край страницы, она отложила книгу и, прикрыв глаза, прильнула к спинке. Анариэль, точно по ее указанию, сел рядом, да все глядел неотрывно, ища изменения: «Не стоит говорить о личном. Знаю, чем это может кончиться». А кончалось обыкновенно полным ее отстранением от всего мира. Но дела государства всегда решались в срок, вопреки апатии, разъедавшей душу.

— Сказание об Озапе? — спросил он, заглядывая на перевернутую книгу, — ты ведь уже читала это. Или я забываюсь?

— Читала. Вот, перечитываю. Я же говорила, что давно хотела взяться за нее. Но... некоторые заботы меня лишают этого, — она потянулась, шаркая носками по плитам, — когда в первый раз прочитала, показалось, что не поняла все вполне. То есть мне ясен его поступок, предательство, то, как он племя уводил, но мысли не понять. Сказание

легендарное, и в нем наверняка что-то есть. Хочу отвлечься, зачитаться так, чтобы хотя бы пару минут не вспоминать о происходящем здесь. А считаю я так, что есть в нем что-то, потому, что предки не соврали нам! Рубин не возродился, он жил, и будет жить вечно. Сейчас он в состоянии сна, и энергии никакой нет. Не понимаю, откуда пошло то, что он мертв.

— От чернокнижников, — заключил Анариэль, — они придумали всякого, чтоб нас запутать. И не скучно читать такое? Не нравятся мне все писания. Даже когда учился, то терпеть их не мог. Прочитав такое, ни к чему другому и не притронешься.

— По-твоему так и есть. Но мне хочется знать о жизни Гроунстена. Вплоть до зарождения здесь жизни и до сегодняшнего дня. Мне нужно изучить стратегию правления и понять, что прошлая власть упустила из виду, что провалилась под охотничьим нашествием. Я не прощу себя, если допущу такого. Не прощу, — повторила она, вдруг выпрямляясь, — да и странно, что ты этого не знаешь. Я много рассказывала о своем желании. Да и сложилось так, что возрождение династии пришлось на мое имя. Честно, когда только вступала в их отряды десять лет назад, не думала, что оно обернется для нас успехом. Много же нервов я истратила... — помолчав с минуту, она продолжила, — и знаешь, это отличный урок был.

— И в чем он заключался?

— А в том, что нельзя устраивать что-то в личной жизни, пока у тебя стоит определенная цель. Все к черту покатиться. Если, конечно, цель эта не касается отношений. Связалась я на свою беду и жалею до сих пор. Это же ошибкой молодости называют? — при этом вопросе она улыбнулась, и во взгляде пробежала какая-то игривость.

— Ошибкой молодости?.. Афелиса, ты говоришь, будто бы век свой доживаешь. Молодость, это такое же растяжимое понятие, как и слово «сейчас». Недавно только тридцать второй год минул, а тут, думаешь, закончилась она? Вернее будет сказать «юношество».

— А чем юношество отличается от молодости? — скрестив руки на груди, она подо двинулась к нему.

— Тем, что позднее юношество большинству и удастся несколько... наполненным приключениями. Ну, тут уж вопрос характера. А молодым себя может ощущать и старик. Конечно, все не так просто. Это лишь то, как думаю я. Странно прозвучала эта твоя фраза. Все же, и хороших моментов хватило. Ты рассказывала о знакомствах, и их жизнеустройстве в своих кругах.

— Да. И тогда чувствовала себя такие предателем, что и повеситься было не грехом. И не знаю, живы ли те люди, которые все анекдотами нас кормили. Я до сих пор убеждена, что они были подавлены командирами, а те использовали шантаж, как ключ для убийств. Не будь их, и они бы не пошли по головам. Да и хорошие моменты как-то совсем размылись. И остыли. Я не скучаю теперь. Меня полностью отпустила.

— Ты хотела бы увидеться с теми людьми? — спросил Анариэль, неуверенно проговаривая.

— В нынешних обстоятельствах это ни на чтобы не повлияло. Даже не знаю, что я почувствовала бы. Тоску? Может быть. Если бы я с кем-то встретила те же пять лет назад, то удивилась бы ужасно. Если бы я встретила своих давних друзей, то ничего общего не осталось бы. Взять, к примеру, ту беженку. Она уже выросла, и ей наверняка уже за двадцать. С ребенком разговаривать легче, они откровеннее. Мне не хочется расстраиваться и надо вытерпеть. Что я и делала, сидя за решеткой. Сейчас... мне хочется поскорее закончить с

постройкой моста и прочитать сказание об Озапе.

Она схватилась за корешок книги, повертела и вдруг нахмурилась: значит, не так уж и безразличны они ей были. Ладони ее напряглись: вены выступили на руках. Подперев подбородок ладонью, Афелиса пристально вглядывалась в свои ботинки, хоть ничем примечательны они не были. Выветренные воспоминания кольнули, и, несмотря на то, сколько времени ушло на их избавление, память все же болезненно отозвалась. Тот период ее охотничьей жизни сделался темой для шуточного обсуждения, и язык никогда не доходил до самого сокровенного, что случалось с ней. Те люди — сокровище среди гулкой пустоты. Впрочем, Анариэлю она не все рассказала и, даже когда чувства брал власть над ней, не смела Афелиса выдать всех подробностей, которые считала за большим откровением. Никаких случайностей не было — все обдумано. Она нуждалась в том, чтобы высказаться, но всегда, по обычаю, сквернейшую часть оставляла на душе, кажется, разлагающейся от такого сору. Сейчас, сидя с Анариэлем на одной скамье, хотелось уйти: слезы предательски подступали наружу. Она часто моргала, слегка отворачиваясь, стараясь сделать так, чтобы он не застал ее за позором. «Нужно ли сейчас? Это глупость. А плачу я из-за того, что привыкла. Не стоит того... — успокаивала Афелиса себя, — а если заметил? Не осмеет же. Не позволит себе. Знаю это, потому что понятно по его чувствам». Не один раз она замечала в его речи заигрывание, точно кокетство, да и многие его поступки были оправданием симпатии, какой Анариэль загорелся. «Неужели он думает, что я никогда не замечала? Я все видела, просто... просто не могу решиться». Иной раз она думает, что сама нарочно растравляет себе рану, чувствуя в этом какую-то нужду — потребность отчаяния, страданий. Так часто это случалось с душой, много потерявшей. Никакого порядка не было в мыслях: память о прошедшем не угасала, а настоящее пугало. Не могла она открыто заговорить о чувствах, ибо мечтала сперва в них разобраться.

Наступило молчание. Анариэль не мог ничего придумать: обычное понимание того, что разговор о чем-то возвышенном сейчас настолько неуместен, если сама Афелиса не начнет его. Но и она ничего не говорила. «Так спокойнее, — думал Анариэль, — по крайней мере, я убедился, что пустых речей разводить не нужно».

— Вчера я с Леотар была у озера, — сказала она вдруг, посмотрев на него, — хорошее место. Тень есть. Рано или поздно даже те боковые проходы затопит. Мост необходим.

— И зачем вы пошли?

— Она по своим делам, а я за компанию. Мне нужно было избавиться от неудобства. Уж больно оно колется. Вот хочу завтра Рэнделл навестить. У нее ребенок недавно родился, как мне известно.

— А Рэнделл это...? — вспоминал Анариэль.

— Чернокнижница. Хочешь отправиться со мной?

— А примут ли хозяева незнакомца?

— Для них это будет честь, — ответила Афелиса, — не знаю уж, как у них к нам относятся.

— Но факт не изменить. Ты — глава государства. И в любом случае, они тебе подвластны. Раньше Гроунстен делился на несколько стран, но это в прошлом.

— Если рискнут? Все же упорство их не исчезло. Так должно было быть. Мне не хочется говорить сейчас об исторических моментах. Да и к тому же, стол уже должен был быть накрыт. Дойдем. Неизвестно, сколько мы уже здесь разговариваем без дела.

Афелиса резко встала, сжимая в одной руке книгу и пошла по плитам, вьёвшимся в

землю. Анариэль смотрел ей вслед и, с огорчением поднявшись, пошел к входной двери.

Она в бессилии упала на кровать, еле сдерживая себя, чтобы не сомкнуть глаза. Пролежала Афелиса с полчаса в таком страдании, раскачивалась, но встать не удавалось. Лень пленила ее, опускала лицом в подушку и сильно ударяла по сердцу: нестерпимая боль. Мучительное недоумение на нее нашло: рассматривая комнату, вспоминая, где в последний раз висела паутина, и нет ли там паука, где дыра была в обоях, где грызуны могли пробраться. С судорожным нетерпением взгляд ее остановился у двери. Картинка поплыла, смешивалась с другими предметами — тьма укрыла ее ледяными объятьями, пробирая ее до костей. Наслаждение подкатило в душу: наконец-то сон явился! Отыскала Афелиса головой подушку, плотнее закуталась одеялом, шумно вздохнула и провалилась в глубокий сон.

Очнулась она под вечер от ужаснейшего крика. Да ведь какой крик — неестественный! Таких звуков доселе Диамет не слышала — рев раздавался повсюду, в обоих ушах пронзительно звенели колокола, сущее зверство развернулось прямо перед глазами. Вообразить нельзя такого душераздирающего вопля, плача — кожу рвут! В страхе она приподнялась, схватилась за сердце и, тяжело вдыхая, вслушалась: ничего. Вопль становился все сильнее, все невыносимее, пока не стих. Безграничный ужас кольнул в грудь: при любом движении сердце отзывалось болью, точно кричало отголоском. Встретила ее умиротворяющая тишина: за окном на небе воздвигся тусклый месяц — спальня поникла в немую скорбь. В каждом углу скрежетала опасность, скаля острые клыки. Глаза, тень — точно! Подоткнув одеяло к подбородку, она сощурилась: напротив ее стоп стояла вешалка. «Показалось, — подумала она в облегчении, — что это было?». В памяти вспыхнул дурной сон, скрываемый беспросветным мраком. Комната, похожая на ее, с такими же серыми обоями, с паутиной на шкафах, и какие-то тряпки разбросаны на кровати. Крики, брань, слезы, кровь и довольная ухмылка мученика. Нет на нем лица, лишь эта дьявольская улыбка!

В себя она пришла, когда дверь скрипнула. Распахнув глаза, увидела Афелиса Леотар, отворившую дверь настежь. Вдруг яркий свет озарил комнату: она вошла с каким-то конвертом, настороженная и взволнованная. Поставив подсвечник на тумбу, Леотар села в кресло подле кровати и грозно поглядела на Афелису: та молчала, в удивлении слегка распахнув зубы, взирала на нее, словно на помешанную.

— Уж извините, что я без спроса зашла. Но, как говорится, дело требует вашего внимания.

— Какое... дело? — тревожно проговорила она.

— Перебирала недавно письма с просьбами, и, вот, какое попало. Лично к вашей персоне адресованное.

— Просьба ко мне? — зашептала Афелиса, приподнимаясь, — что? Какая?

— Не совсем просьба, надо признаться. Я бы соврала Вам, если бы не назвала это письмом. Иногда случается, что люди письма господам пишут. Такое я обычно убираю, ибо неприемлемо. Я немного вскрыла, чтобы удостовериться, что именно к Вам оно пришло. Личного характера... — проговорила она угрюмо, вертя конверт в руках, — и надо спросить: нужно ли оно Вам? Там всякое может быть внутри. Если прикажете, то я уйду. А-то совсем растерялась, Вы меня поймите, — она положила его в ее ладони, — с Вами все в порядке? Выглядите неважно. К тому же, ужин пропустили, по всему замку бегала искать Вас. Вот, знать нужно, что если на виду Вас нет, то в спальню сразу надо бежать.

Леотар продолжала смотреть в упор на нее, говоря это. Опять беспредельный ужас

блеснул в глазах Афелисы. Она мяла письмо, прочитала адрес отправителя, вновь взглянула на нее, думая, чтобы ответить: «распространять это не нужно. Это последствия кошмара. Мне нужно опомниться и затем прочитать. Сказать, что мне нужен сон? Сколько времени? — свеч не доставала лучами настенные часы, — не видно. Спрошу сейчас, если немного, то про сон скажу, если много, то скажу, что одну меня нужно оставить. Потребовать». Тут же и осознание чрезмерно долгого молчания пришло к ней: Леотар бездвижно сидела у изголовья, словно призрак или видение.

— Да, — закивала Афелиса, — благодарю. Какой час минул?

— Девятый, госпожа. Прошло уже четыре часа с того, как начала я Вас искать. Мне уйти следует?

— Да. Пожалуйста. И свечу оставьте. Ничего ведь не происходило?..

— А что могло произойти? Только я заволновалась. Думала, что Вы куда-то уехали, да предупредить забыли. А дело с просьбами решайте завтра. Его не нужно задерживать. Люди требуют ответа. Не стоит разочаровывать народ, — Леотар медленно поднялась, — если письмо будет Вам неприятно, то скажите, тогда все такие конверты рассматриваться не будут. Благо, отправитель написал в самом начале, что предназначено оно сугубо для Вас, — она замолчала, подходя к двери. Резко обернулась и робко спросила, — у Вас нет температуры? Воды, может, принести. Такое ваше состояние недоброе. Лучше сразу от него избавиться.

— Принесите воду, — тяжело вздохнула Афелиса, распечатывая конверт, — спасибо за внимание.

Дверь закрылась: от Леотар и след простыл. Диамет огляделась вокруг в последний раз, едва ли не порвав исписанный лист — все же страшна ей была та неожиданность. После такого ужаса не хотелось получать угрозы убийства или слезки. Тогда и весь сон пропадет, а тревожность усилится. Отворотившись к окну, она еще раз подумала: стоит ли читать сейчас? Интерес не оставлял ей выбора. «Кому это надо? Личное письмо. Хочет пожаловаться именно мне? Интересно. Но вдруг там что-то, что может навредить мне прямо сейчас? Ладно... все равно не усну. Может быть, только под утро, когда начнется рассвет». Долго она не решалась заглянуть внутрь: поднимала голову, восстанавливала дыхание и ждала, когда придет Леотар. Ее все не было. Объяснить это она была не в силах. Наконец, взгляд ее уцепился за первые строки:

«Это письмо личного характера, и любезно прошу доставить это именно к ее Величеству Афелисе Диамет. Буду очень признателен, и заранее благодарю».

Перевернув лист на другую сторону, она принялась читать:

«Странное мое решение отдавать письмо вместе с другими просьбами, но, прошу, не осуждай. Причины все же способствовали, чтобы я незамедлительно принялся писать это. Долго не мог решиться, и уже считал это за глупость — мою затею. Оно, должно быть, и есть. Ведь: кто мы друг другу спустя столько лет? Воспоминания, не больше. Надеюсь, и не меньше. Тут уж посудить, какая память осталась. Но, как говориться, лучше постыдиться, чем потом жалеть. Пожалуй, эта фраза меня и заставила написать черт знает что. Не ищи, пожалуйста, здесь общей мысли. Темы будут прыгать, так что однозначного ты здесь не найдешь. Как бы не хотелось, но, к сожалению, и мне не легко.

Давно я хотел приехать в Гроунстен. Особенно тогда, когда Улэртон полностью распался, и дом мой пропал. Власть образовалась сомнительная, да и междоусобие все портило напрочь. Когда известие понеслось, что остров вновь завладели маги, я стал ждать.

Ждать новости, когда ситуация полностью прояснится. Пойми меня, но опасно ехать в незнакомое место. И успел я убедиться в полном перевороте в первый день, сегодня. С группой других людей мы прошли по улицам, еще недостроенным. Привели нас в старое уцелевшее здание: я помню его. Не знал и тогда, что здесь было раньше, но сюда часто заходили прохожие. Сейчас здесь всех распределили по комнатам.

Сильно уж сомневаюсь, что те мои письма ты прочитала. Все же тот дом развалился, и не известно, с моими ли письмами. Их было много. Ну... и не уверен, что почта доставила их по адресу отправителя. Могли просто выкинуть или сжечь. Конечно, жалко, но вспоминая сейчас то, о чем я писал, ловлю себя на мысль, что тогда я был бесстыдником. Ужасно. Так что оно к лучшему. Надеюсь еще, что я получу ответ. Хочется узнать: признаешь ли ты меня еще, или я для тебя стал сном? Таким странным, неестественным. Многого могло произойти страшного — из-за этого я и волнуюсь больше всего. Никогда ты не рассказывала мне все подробности похода. Наверное, боялась моего испуга. Не стоит. Тем более сейчас. Может, и эти листы пролетят мимо тебя. Тогда я уж совсем отчаюсь. Буду очень благодарен, если ты напишешь ответ. Не требую, а просто желаю. Простое хотение.

Честно сказать, я ожидал, что с Гроунстеном случится нечто подобное. Либо в обратную сторону. Но все равно маги бы не позволили овладеть своей территорией. Ну, я так, из — за стороны наблюдал. Даже какое-то сожаление, что моя династия прервалась. Но очень... удивительно. И то это слишком слабое слово. Я мог ожидать кого угодно на троне, но не тебя. Думал-то, что ты просто преследуешь свои какие-то цели. Даже, сказать надо, что воспринимал тебя только как охотницу, которая пощадила меня тогда, бедного. И стыдно, но делать нечего. Свой поступок я объяснить могу, но зачем? Уверен, что тебе все понятно. И не могу подозревать в том, что здесь для тебя есть что-то странное. Да и ты, Афелиса, наверное, так изменилась, что не узнать. Время и меня не пощадило. Однако мое внешне изменение вышло из-за обстоятельств, и я должен был скрываться. Никто не был надежен. Даже мой друг, с которым я отправился в Улэртон.

Это уже другая история.

О ней не нужно.

В любом случае вспоминать такое неприятно».

На этом первый лист кончился. Афелиса, по случайности, обронила второй на пол и тут же подняла:

«В любом случае, я могу рассказать тебе об этом позже, когда предстанет шанс. А сейчас... это лишнее. И так не хватило мне одного листка, пришлось просить у соседа. Здесь с бумагой по-прежнему — очень бедно. Не хочется сейчас расписывать о том, как прошли мои десять лет в неведении. О половине я писал еще давно, тогда. Все же верю, что ты их забрала...

Не знаю, считать ли это за бестактность или неуважение, но по привычке обращаюсь к тебе на «ты». Посчитал я это ошибкой из-за твоего нынешнего статуса. Все же, я хоть и сын бывшего правителя, но никогда не вступал на престол. Можно сказать, что я обычный человек, а такое обращение... ты поймешь, Афелиса. И узнаешь меня. В те года ты получала много писем и должна была признать мой почерк и подпись. И кто тебе еще мог писать? Конечно, утверждать, что я единственный, не могу. Тоже надеюсь, что мое письмо не останется без твоего внимания.

Прошу, дай знать, что ты его получила. Хотя бы одно слово в ответ, да хоть бы точку. Или восклицательный знак. Я еще не обустроился и не знаю, когда поступают просьбы на

рассмотрение. Может быть, спустя неделю, месяц. В чем я сомневаюсь. Никогда не поздно вновь поговорить? Хоть бы и на дружеской ноте. Понимаю, что все давно ушло в прошлое, и не позволяю даже думать о большем. Хотя очень хочется, но это, я повторяю, вряд ли станет возможным.

Со всем уважением,
А. Г».

Афелиса читала отрывками: внимание ее скользило по строкам. Все-то казалось, что внизу будет что-то коварное, запрытанное. Не оказалось. А ее волнение сыграло на ней, и, в конце — концов, Афелисе пришлось перечитывать один абзац пару раз. Не могла она верить, вплоть до подписи, встречаемой в прежних письмах, что отправитель, не кто иной, как Ангарет. Пальцы ее дрожали, мяли лист, чуть ли не разрывали, и, при каждом таком действии, рассудок вторил ей — нельзя лишаться такой драгоценности. Все мысли о сне, о крике исчезли, и она точно была уверена, что сегодня не уснет. Пару раз Диамет поднималась, подходила к двери и, не слыша никаких шагов, вновь падала на кровать, обмахиваясь платком. Жар обнял тело, стекал по ногам и рукам: точно огромное одеяло, из какого никак не выбраться. Позже явилась и Леотар. Она так же тихо пробралась в приоткрытую щель, поставила стакан с водой на тумбу, и поглядела на нее, будто на умалишенную. Афелиса старалась не замечать ее и на вопрос о своем состоянии ответила: «все хорошо». И не соврала — все было искренне в этих двух словах. Вспоминала и о давних письмах и перечитывала с радостью строки, где писал он, что, наверняка, затеряны они и никогда не будут в ее руках. «Оказались! Это везенье, определенно. Или счастливая случайность. Ведь не намеренно же Элид стукнулся головой об ящик. Хотя, кто его знает. Главное — письма у меня в кабинете. Но, что же ему в ответ написать? Такое же чувственное письмо? Нет, это надо все переговорить лицом к лицу... не знаю еще, как с ним разговаривать и о чем. Даже по письму чувствуется что он... повзрослел? Раньше все было не так».

До двенадцати часов она отмахивалась от сна, и хотела даже спуститься в кабинет, за письмами. Но мотив ее был не тверд. Не знала Афелиса точно зачем, наверное, мгновенное счастье так сильно повлияло на нее, что хотелось совершить что-то неразумное, но приятное. Спустя час, подавив в себе некоторые эмоции, она так же быстро написала черновик и долго думала, что бы исправить. И вот, что вышло:

«Здравствуй, Ангарет.

Надо сказать, что новость до того неожиданная, что до сих пор, прочитав письмо, не могу собраться с мыслями. Много уж обвинений в твоих словах. Как могу я судить тебя? Всегда ты был таким и остался. И твои сомнения абсолютно напрасны: не могла я не признать тебя. Даже через двадцать или тридцать лет ты не стал бы для меня незнакомцем. Скорее, приятным воспоминанием. О письме мне твоим доложили, на счастье. И буду рада связаться с тобой, как тогда. Но это уже как время порешает.

И насчет твоего старого дома и писем: все доставлено. Это известие тебя подбодрит, надеюсь. Здесь мне понятны твои подозрения — да, рисковал ты многим. В первую очередь, потраченным временем. Никто бы не ликовал, будь их письма сожжены или уничтожены другим путем. Не знаю, что в твоём понятии «много». Ведь все они были перевязаны, и в сумме их оказалось десять. Я считала именно по датам, а то ты писал на одном листе иногда и два, а то и больше дня. Возможно, вторую половину уничтожили, заподозрив что-то подозрительное. Хотя, что ты мог писать в них? О запрещенном и речи не должно идти. Но

это неизбежно, уж стоит понять. Прочитала все, даже перечитывала. Спасибо, что оставлял все моменты на бумаге, но многое мне не понятно до сих пор. Наверное, из-за собственных убеждений, что в те времена отзывчивости не было среди чужих. Но это к слову: чем ты занимался в Улэртоне? Никаких причин не было. По крайней мере в письмах.

В ближайшее время я сильно занята. Больно об этом говорить, да и состояние мое хворает. Надеюсь, на следующей неделе все разрешится. Интересно будет узнать меж тем, как идут дела в Блоквеле. Никаких вестей, а я нуждаюсь в них. Если можешь что-нибудь сказать, то буду рада. Не постесняйся, Ангарет, и о себе написать того, что я не знала. То есть, того, о чем не писал ранее. А я уверена, что много слов у тебя на уме вертится. Так что можешь не тратить время на чистовик и писать все сразу. Как раньше. Это кажется... живым? Не могу подобрать точное слово. Так что знай, что у тебя есть человек, к которому ты можешь обратиться.

Да, все в прошлом. Не думаю, что это слишком плохо. У меня с тобой не происходило ничего плохого, и утверждать о том, что что-то при встрече возникнет не так, я не силюсь. Все может быть. Мы будем рады друг друга увидеть. И столько времени прошло, столько информации...

Дела. К сожалению.

Но дам знать, как получу ответ, что все наладилось.

А. Д».

Подчерк скакал, строки подкашивались, и много раз пришлось переписывать все эти слова, чтобы, наконец-то, получилось что-то целесообразное. Афелиса перечитывала, добавляла и, удовлетворившись окончательным попыткой, заставила себя заснуть. Никакой страх не волновал ее теперь, напротив, после пережитого ужаса насладиться чем-то сладким и желанным было то, в чем она и нуждалась. «Надеюсь, письмо к завтрашнему обеду доставят. Спущу его рано утром и, может быть, добьюсь ответа даже раньше. Эти его жалобы на мои упреки... убивают. Да, именно так».

Утро еще не наступило, как совершилось нечто до того неожиданное для всех, тревожное и непонятное, что много людей еще вспоминали о том тревожном дне, когда свершилось и темное возмездие...

13. Дом Дагель

День выдался прохладным. Ветер несся с востока, лаская нарумяненные щеки девиц. На вершине холма, покрытого длинной травой, виднелись крыши небольшой деревеньки. Деревянные заборы выходили к самому обрыву, наклоненные вперед: кажется, пройдет буря, и доски, потемневшие от старости, рухнут вниз. Душистой свежестью веяло из недавно проснувшихся долин: полевые ромашки неспешно кивали под порывами ветра, прятались в зарослях. Одна лишь тропинка к деревеньке была просыпана песком — по этой-то узкой дороге шли две мечтательницы в кисейных платьях. Шли они не торопясь, тихо разговаривая, да посмеиваясь иногда. В вышине зазвенели птицы: Розалинда оглянулась и указала своей подруге на летящую стаю. Прогулка выдалась хорошей, но палящее солнце не щадило никого — слепило, уматывало и высасывало все силы. Шагали они как бы нехотя, пересиливая себя, чтобы добраться до дома. Возникшую тишину заполняло стрекотанье кузнечиков — лишь они и жили, вольные и защищенные. Вдруг девушка заговорила и улыбнулась так, точно продолжала внимать в мечтанья, но более не подхватывая спутницу свою за локоть.

— Я-то все думаю, дорогая. Вот наговорили мы какого-то бреда сказочного, а теперь уняться не можем. Нам и здесь хорошо живется. Деревни никто не трогает. И, я уверена, за границей черти одни правят. Давай, все же, ты останешься здесь со мной? И Филгена уговори. Он славный у тебя, доселе мужчин таких не видела, — она хихикнула и замахала веером, — хорош парень. Ему тоже жизнь сельская нужна, чтобы дух, как говорится, выработать, да силушку наработать физическую. А тебе на свежем воздухе полезно будет. Особенно, когда родишь своего первенца.

— Ширан! — воскликнула Розалинда, отступая от нее на шаг в сторону, — такие шутки противны. Хватит уже. Я говорила, что мне рано, и что я не готова. Так что прошу прекратить. Уже злишь меня.

— Ну, что ты так сразу? — произнесла она, крепившись из-за всех сил, чтобы снова не выронить подобную фразу, — злость твоя тебе же во вред, Розалинда. А я только лучшего желаю. Сколько прошло с той поездки? Пять, шесть лет? Представь, сколько времени вы друг друга познавали! Не пора ли перейти к чему-то более серьезному? Укрепить ваш брак рождением ребенка. Эх, вот пожалеешь, а время не вернуть. Все-то тебе куда-то бежать надо. Одумайся уже и счастье свое не прозевай.

— Знаешь, это так звучит, будто тебе нужен этот ребенок, потому что не повезло тебе с этим, а не мне, — Розалинда прибавила шаг, — и какой брак? Говорила же, что обручаемся мы после того, как в Гроунстен переедем. Не нужно, Ширан. Так все хорошо было, и тебе нужно было эту малину испортить. Лучше продолжай говорить о своих щенках. Это слушать приятнее.

С ее лица тотчас исчезла вся радость: суровое выражение появилось на ней. Теперь шагала Розалинда шире и тяжелее, точно хотела поскорее уйти восвояси. А Ширан все посмеивалась, краснела, оттирала пот с щек рукавом и, приставив его к губам, нагнала ее и промолвила:

— Неприятно, так неприятно. А о щенках я уже все рассказала. Что, по второму кругу?

Ответа не последовало. Розалинда чувствовала, что все ее высказывания происходят из обычного желания поиграть, поцарапать, как кошка и, нервно хихикнув, уйти прочь. Так и

случалось — сильное разочарование нагоняло на нее эти выходки. Ведь нет же ей никакого дела? Недавно только, поразмыслив, она поняла, что Ширан ничего не хочет, кроме как подло подшутить и, по ее мнению, никаких поводов для обиды она никогда не создавала. «И не признает же, что делает их. По глазам вижу, что понимает. Ее забавляет моя злость. Разве по-дружески это? Да и зачем... так еще эта девица на хорошем счету у семьи Дагель. Этим по она похвастаться, несомненно, может. Все богатство госпожи использует, фаворитка». От этого последнего слова начинало завистно трясти, и признания тому чувству не было. Ширан, с самодовольствием окинув взглядом свою юбку, облегающую изящную фигурку, встряхнула воротник и пошла дальше. Заметив этот жест, Розалинда обернулась и у подножья холма выплеснула:

— Когда так одеваться стала? Господ соблазнять? Тебе, видимо, госпожи Дагель мало, раз на других уже засматриваешься. Это понятно, тебя хлебом не корми, только лясы точить с тобой на счастье. Думаешь, тетенька твоя всегда будет так великодушна к тебе? А ты когда под венец, сваха?

— Она женщина, вдова, — серьезно ответила Ширан, складывая руки на спине, — мне не интересна она больше, чем подруга. А если ты про то, что она меня балует, то это чисто из-за ее желания. Я тут ни при чем. А я и хочу замуж выйти, да достойного нет. Все-то вокруг... нет мне равного, да, — она усмехнулась со своих слов, — вот как приедет какой-нибудь городской, так я...

Ширан задумалась, растягивая это «я».

— Юбку задерешь, — твердо заключила Розалинда. Негодования и протестов не последовало, — оно и понятно. А ты застеснялась сказать, солнце ясное. Тебя так послушаешь, и вывод сделаешь, что на всей Земле тебе нет равных, и ты, ненаглядная, так и останешься одна. Как же худо-то... — наиграно покачала она головой.

Отправились они потихоньку по холму, пуская язвительные шутки. Лишь изредка Розалинда обижалась, сердилась, но, спустя какую-то минуту, глаза ее наливались теплом и смехом. Позади раздался топот и ржание лошадей — Ширан притянула ее к себе, в сторону, и взмахнула платком, приветствуя учителя. Подле них остановился молодой человек, в сюртуке нараспашку, да с серой шляпой на голове. Он заулыбался, да так, что ямочки выступили на щеках. Ширан приподняла подол юбки, и, пробравшись сквозь траву, подала ему руку, и нежно произнесла:

— А! Здравствуйте! Поймали мы вас наконец-то. Сколько так скакали, любезный?

— Доброго вам всего... — он наклонился и, прикоснувшись губами к ее пальцам, исподлобья взглянул на оставленную Розалинду, — и вам здравия! Мне не привыкать в такие широты пускаться. Утро чудесное выдалось. А я-то думал домой, к матушке заехать, да дай, думаю, навещу Вас. Госпожа мне еще денек дала.

— И что же Вы не едите? И зачем свернули? Поезжайте, а то поздно будет, — она опустила руку, — и радостный вы такой. Что, удачно на ярмарку съездили. Багаж оставили где-то?

— Сколько вопросов, — засмеялся мужчина, — тут сказали мне, можно и через вашу деревню поехать в город. Так еще и срезать. А по прямой ехать, тем более в такую погоду... умереть можно. Удар солнечный получить. А вы куда-то собрались? Или уже сходили?

— Гуляли. Идем в дом. Не зайдете к нам? — спросила она решительно, — там, может быть, госпожа Вас угостит всякими пряностями. Обежала сегодня что-то состряпать. Вы, я знаю, пока Атнишку читать учили, так уплетали вкусы всякие. Передохните. А то к

обеду солнце полностью выглянет, и, гляди, помрете Вы по дороге. Вы поезжайте, госпожа как услышит от слуги, что прибыли, так сразу оставит книжку свою. Зачиталась она, Вы тут только и поможете. А я с Розалиндой дойду уже... как раз к столу подоспеем.

— Розалинда, — кивнул учитель, и потянул за поводья. Лошадь зафыркала, — ну, будем знакомы. А фамилия ваша какова?

— Амеан, — опомнившись, неуверенно пролепетала она, — Розалинда Амеан. Да, очень приятно...

— Ладно, дамы. Поеду я. Удивлю хозяйку. Да Атнишка скучал, видать, да? Письма мне все своей неумелой ручонкой строчил.

— Как же неумелой? Если писал, то очень, значит, умелой. Ну, давайте! Вы там скажите, что я с гостьей скоро подоспею, а то себе только чашки положат!

И пустился он вверх по холму, сопровождаемый ее выкриками. Вскоре и белый хвост скрылся за забором: топот прекратился. Ширан выразительно опустила глаза, взяла Розалинду за руку, и побежала по тропе, обмахивая грудь и шею веером. Розалинда почувствовала, что учитель принесет с собой пир и радость: и фортепиано заиграет вечером, и аплодисменты польются, похвалы, и все, что так любо было его бывшей ученице — Ширан. Будучи уже месяц в кругу семьи Дагель, она уже несколько их не боялась: поначалу со всеми была она на короткой ноге, но после все волнующие ее предрассудки перестали существовать. Взобравшись и уже ступив за забор, окружающий все низкие, придавленные старостью, дома, девушки, громко вздыхая, завернули на левую каменную тропу и пришли к самым воротам каменного дома, величественно возвышавшегося на вершине холма. Ворота проскрипели и медленно открылись: Ширан уволокла ее в сад, прошмыгнув через небольшую щель. Дом этот чем-то напоминал замок Тираф: темные вершины, деревья, прижатые к стенам и зарешетчатые окна, точно в тюрьме. Свет в окнах не горел, но из-за задней двери послышался звон тарелок, скрежет половиц, да властный женский голос — уже кухарка промышляла. «Неожиданный гость, конечно. Так еще ничего не готово. А госпоже нужно все сделать идеально... получится ли? Учитель не привередливый, и долгое время жил здесь. Всякое повидал. И хозяйку знает, и нас всех...».

Ширан — племянница госпожи Дагель, много рассказывала о ней, даже говорила, что известна она состоянием и знатностью даже за границей, где родственники распространяли о ней добрые вести. И так, постепенно, отрекомендованная многими полезными людьми, стали к ней проездом заезжать чиновники, вплоть до царских советников. Среди них оказался и учитель — он тоже попал под ее влияние и, конечно, оплатил хорошую сумму обучением маленького Атнишки. Слыла она на устах высшего общества хитрой и чрезвычайно умной женщиной, что делало ей желанный статус. Время изменило ее, и, вместо худенькой, робкой девушки, гости встречали гордую даму с острыми чертами лица, пышногрудую и напомаженную (всегда-то она ожидала, что к дому подкатит карета, и выйдет из нее знатный мужчина, чей слух бы обласкал комплиментами госпоже). Жили они тут с рождения и умрут здесь, в маленькой деревеньке. Частенько Дагель выезжала в город, иногда и в столицу, но состояние ее все уменьшалось, да и наследство почти все было исчерпано. Розалинда старалась присутствовать на каждой их беседе и, вспоминала иногда, как горько Дагель вздохнула, подперла подбородок об костяшки, сказала: «Хорошо, что сын у меня родился. Видите вы, не хочу удачу больше на себе испытывать. Ему-то приданого не надо. А если бы дочь... да кто бы ее взял? Так бы и повисла на моей шее, в девицах бы прописалась на всю жизнь». После этого она странно улыбнулась, и взмахнула руками:

«довольно об этом! Это мне повезло, а нет, это так судьба сделала. Так буду ей благодарна».

Поднявшись на крыльцо, Ширан заглянула в щель двери и, дернув Розалинду за руку, прошептала:

— Видишь, как сияет краса! Рада, а я-то знаю, что она хочет его себе того...

— Поженить на себе? — сомнительно спросила она, прижимаясь к стене, — пойдем уже. Что это мы, как мыши шушукаемся?

— Да, да, поженить. Они все равно не слышат нас. Вон, посмотри, там и сестра ее сидит. Как спохватилась... а Атнишку не зовет. А он, наверно, гуляет где-то. Все, все, пойдем.

Дверь отворилась: ржавые петли скрипнули. Розалинда, оказавшись на пороге, стыдливо опустила взгляд, прислушиваясь к тишине — слышны лишь сбитые вздохи. Ширан, вся развеселая, вновь подправила воротничок, положила веер с платком на тумбе и понеслась к учителю и Дагель, прицыкивая каблучками. Маленькая женщина, сидящая в креслах, сняла накидку и, приподнявшись, обхватила племянницу тонкими руками. Была она лет сорока, смугловатая, несколько сутуловатая, с мудрым выражением лица и ловким блеском в голубых глазах. Сжатые губы ее распахнулись и с нежностью коснулись ее горячей щеки. Дагель молчала, критично сложив руки на груди и, поглядывая на мужчину, пыталась начать разговор, вот только внимания его заполучить не вышло: он подошел к Розалинде, мявшейся на пороге, извинился и, точно так же поцеловав ей руку, как и Ширан, отвел в самую середину комнаты.

— А Атнишка ваш где? Вы его позовите, а то я ненадолго, — сказал он, подправляя очки на переносице, — так растрогал меня мальчишка, что, признаться, ради него и свернул к вам. Отчасти. Понимаете, к матери ехал, да пережду у вас, а то парит солнце.

— Он сейчас занят, — ответила Дагель, — наказан за проступок.

— Что опять натворил?

— Мать хотел опозорить, вот, что сделал. И не получилось. Мой ребенок не должен купаться в лужах и выставлять себя как нелепость перед людьми. Неважно какими. Все равно завтра у вас занятие. Успеете еще повидаться, а это ему уроком будет, — госпожа опустила в кресла напротив сестры, — Вы садитесь и ты, Розалинда. Тебе сказать велел Филген, что он сейчас в отъезде с племянником моим. Вот диван есть, чего Вы робеете? — указала она учителю на него. Тот вмиг сел на край, — рассказывайте, как дорога, как город вообще. Совсем уже наполнился всякой знатью? Немудрено, коли так. Столица — то еще сборище всякого алчного живья. Ну, все-все, молчу. А-то слова вам не сказать.

— Это ты зря их в алчности обвинила! — воскликнула Аллен, — сестра, да кому ты врешь? Все здесь алчны, так что без этих... да и странно это из твоих уст слышать.

— Я был только в кругу семьи, — поспешил заговорить мужчина, видя, как Дагель хотела что-то проговорить, — не видел свет. А город? Что о нем говорить? Я в окраинах был. Там все мои родственники. Не вижу смысла кататься туда, где я бывал ни раз. А насчёт завтрашнего занятия — его продеться отложить, — он опустил взгляд, увидя, как госпожа вдруг вознегодовала, — дело в том, что дорога занимает три часа. Прибуду к вам в час, а Атнишку ко мне зовите в два. Так уж получилось, мои извинения...

— Нельзя! — она поднялась, подбочинясь, — и что Вы, не можете раньше или позже выехать? В два до трех у него урок фортепиано, а в четыре фехтование. Мой ребенок будет занят, жаль, конечно, что утром все отменяется. Ну, дело я ему найду. А-то опять куда-нибудь ускользнет. Жаль, жаль...

Госпожа горько вздохнула, да продолжала смотреть на него, пришибленного таким ее вниманием. Ему сделалось беспокойно оттого, что, повторись это еще хоть раз, то он совсем потеряет работу и придется нарабатывать доверие другой семьи: но нужны ли ему эти заботы? Досадно стало и за мальчика: сколько времени ему потребуется, чтобы привыкнуть к другому наставнику? Дождавшись тишины, он нервно усмехнулся и промолвил:

— Иначе никак и, я надеялся, что Вы поймете. Раньше или позже не могу. Пусть мальчик отдохнет. Каждый день у него огромный труд. Это отрицательно на него повлияет, так что позвольте Атнишке отдохнуть немножко.

— И так отдохнул, извините меня, но вчера вывел на нервы. И ты Аллен твердишь, что, мол, у моего Атнишки детства нет. Как бы не так. Все-то у него есть, это он, неблагодарный даже матери. И как мне его к жизни приучать? У самой-то детей нет, так еще учишь мать. Джоссон, знаете, давайте завтра в часов пять. Вечером хоть делом займется.

Он положил шляпу подле себя, продолжая молчать и сурово смотреть на нее, вслушиваясь в ее болтовню: «по-другому поступить нельзя. Атнишка уже отказывается учиться, все ему надоело. Если скажу ей об этом, то вся вина посыплется на меня. От настоящей виновницы». Госпожа на минуту перевела дух. Говорила она не уставая в продолжении разговора, то пуская бессмысленные фразочки, то многозначительные упреки, и все это смешалось в сплошную бессмыслицу. Покачиваясь и поднимаясь в креслах, Дагель размахивала руками, все быстрее и быстрее передвигая по залу свои тонкие ножки, смотря с высока на сидящих. Правой рукой она выделявала всякие жесты: пальцами водила по ладони, что-то приговаривая. Шепот этот не разобрать: громкий, но совсем не понятный. Под конец, как дыхания стало не хватать, Дагель подошла к двери и как будто прислушивалась: «Как там дела у моего Атнишки?». Розалинда заметила ту робость, с которой она изредка останавливалась подле двери, и заподозрила, что за ней и сидит ее сын. Помимо ее тирады, она все прошедшее время слышала рядом печальные вздохи — Аллен, вновь спрятав волосы в платок, горько глядела на сестру, досадуя о чем-то. Учитель Джоссон явно ожидал конца: тело его вдруг напряглось, взгляд нахмурился.

— Да что уж там она. Много о ней переговорили, и все впустую. Заканчивай, пожалуйста, — Аллен поежилась, и встала с кресел, — вы тут как хотите, но о ней слух пускать нельзя. Ведьма та проклятая. Наведет еще на тебя какую-нибудь порчу, и не поступит Атнишка в престиж. Или еще чего похуже. Совести у тебя нет, горевать надо...

Шла она прихрамывая, покачиваясь из бока на бок. Доселе, сидя, она иногда болезненно стонала и хотела пойти, вот только боль колола стопы. Дошла до порога комнаты напротив такой, к какой подходила Дагель, и обернулась, смотря на нее плачущим взглядом. Госпожа фыркнула, расправила подол и уселась рядом с Джоссоном, и тут же забыла на нее. «Когда же это кончится? — спрашивала себя Розалинда, и все не сводила глаз с входной двери, — туда это Филген с ее племянником умчался? И почему мне лично не сказал? Все в этом доме через Дагель делается. А имя-то ее каково?». Не прошло и пары минут, как из кухни вылезла кухарка — пухлая женщина, по чьему румяному, доброму лицу видна радость. Поверх черного платьца надеты на ней были коричневый фартучек, туго затянутый и белая шапочка на голове. Высунула она голову и, придерживаясь за порог, громко спросила:

— Куда дрова девать изволите?

— Какие дрова? — Дагель быстро обернулась к ней, сконфузившись.

— Да те, что у двора понакидал кто-то. Лежат без дела, хозяев нет.

— Да что хозяев ждать? Топите — и все дела, — ответила она, понуриив голову. Стало понятно Розалинде, что присутствие Джоссона заставляет ее постыдиться такой неразумной прислуги.

— Ага, — кивнула кухарка, — а есть сейчас будете? Когда-то на стол накрывать?

— Сейчас иди, — грубо выплеснула она. Кухарки после этого и след простыл, — господин Джоссон, останьтесь еще на обед и поедите. Дорога длинная, проголодаетесь. Я печенье состряпала. Ширан подтвердит, что вкусные и лучше, чем у какой-либо кухарки.

Она упрекающе посмотрела на племянницу. Та, кивнув, добавила:

— Несомненно, Дагель. Вам понравится, и еще попросите, и заезжать к нам почаще будете! А мы вас с распростертыми объятьями примем, уж знайте это, — Ширан улыбнулась и потрепала Розалинду по плечу, — и ты с Филгеном останешься. Вот, не понимаю, где вы такого человека найдете, который печет печенье не хуже тетушки? Я говорю, что ехать не стоит. Нигде Вы так сытно не пообедайте и в посылке ничего не передать. Я Филгену уже говорила, чтобы опомнился вовремя.

— А куда Вы, извольте, собрались? — спросил Джоссон.

— А куда сейчас обычно все уплывают? В Гроунстен! — ответила за нее Ширан, — делать людям нечего, а там уж тем более. Так в безделье и просидите до смерти. И что там такого? Даже у подруги моей тетка туда все вретса. А я уже, так, в шутку, конечно, но подозреваю в колдовстве. Какому человеку хочется, чтобы правителем был маг? Безумие какое-то — фантазия юродивого!

— В безделье они точно не просидят, как вы выразились. На острове, напротив, рабочая сила нужна. Но и учителя востребованы, я тоже думаю на время туда умчаться, пока люди безграмотны. Мне это выгодно, и не вижу ничего плохо. Что, госпожа Дагель? Вашего Атнишку я не покидаю. Но ему тоже нужен свободный полет, так сказать.

— Что вы говорите! — воскликнула она, — я не вправе запрещать Вам обучать поселение, хоть и магов. И понимаю, что делаете Вы это только из-за желания побольше получить. Если хотите, то можете еще часок к занятиям добавить, а я Вам сумму увеличу. Труд такого человек как вы нельзя недооценивать. Но и Вы меня понимаете. Я говорила с ним недавно, а он как расплакался на руках у меня, говорит, что, мол, без занятий с Вами не может. Вот так сильно он привязан к Вам. И все выучил, что Вы на неделю задавали, лиш бы Вас увидеть раньше. И Аллен видела, да так закудахтала, что теперь уши болят от ее крика. Ну, это ничего, там, кажется, кухарка уже все накрыла. Пройдемте в столовую.

Все полились друг за другом в широкую арку: комнатка была светлая, с бежевыми расписными стенами, белыми столбами, а по середине — большой стол со всякими плюшками. Ступив на мягкий ковер, Розалинда заметила среди остальных тарелок то самое печенье: скромненькое и рассыпное. Дагель вновь взяла вверх над всеми и, рассадив всех по местам, преподносила к каждому блюдец с вафлями, разливала малиновое варенье, и как только пришла кухарка с закипяченным чайником, выхватила из ее рук и любезно улыбаясь Джоссону налила чай ему первому. Ширан сидела напротив Розалинды и поглядывала на тетушку, шурясь, точно плохо видит. «Это лучше, чем тогда, — вспоминала Розалинда случай, когда чай разлили из-за неосторожности, — хотя бы обойдемся без ожогов и криков». С того дня госпожа и перестала доверять кухарке чайник, и за столом делала все сама, как примерная хозяйка в алом обтягивающем платье. Говорили о разном: о политических обстоятельствах, о судьбе какой-то несчастной сестры Дагель, даже затронули желания Ширан. Она, не уступая госпоже в завладении всеобщего внимания, принялась

рассказывать без перерыву, как набрела на незнакомца с светлыми кудрями да шрамом на носу, и как приглянулся он ей, что впитывала все его слова, как увядший цветок живительную влагу. Розалинда молчала; более вопросов к ней не было, только вот насторожил ее порыв господина Джоссона услуживать ей — подавать блюда с лакомствами, спрашивать о настроении, говорить о своем будущем — и все это выдавало лишь дружеские побуждения, и она верила в свою догадливость. В конце концов, знает же он, что Розалинда чуть ли не помолвлена? Известно ему, и даже был знаком с Филгеном, только ничего общего у них не нашлось. Обед затянулся: Дагель все не хотела отпускать гостя и старалась задерживать, но вот не получилось убедить его в последний раз — Джоссон решительно поднялся со стула и, поклонившись всем сидящим, сказал: «Премного благодарен за такой прием. Но, матушка ждет. Опаздывать нельзя. Будьте добры извинить». И быстро вышел в коридор, не оборачиваясь на прощания хозяйки. Тишина — такая, в какой сразу понятно, что что-то не так. Напряжение прошло по каждому сильным разрядом. Ален загоревала так, поспешно вышла из-за стола, хмыкнула и ушла, покачиваясь в зал. Ширан и значение её уходу не придавала: уплетала баранки, хлебала чай, издавая при этом противный звук, какой Розалинда не могла терпеть. «Ну завтра вернется, чтож теперь... вешаться? — прочавкала она, и тут же получила в отдачу негодующий взгляд Дагель, — чего? Все здесь родные. Учитель ушел, сейчас, наверное, скоро и те придут. Как бывает. И они родные». И не прогадала Ширан — они пришли.

С порога раздались голоса: выглянул высокий парень в белой рубаше да в черных штанах, из которых высовывались потертые носки. Поздоровался со всеми, поклонился и разлегся на освободившимся стуле, краем глаза смотря на заставшего Филгена у арки. Тот выглядел сбившимся, рассеянным и сам себе на уме (как говорила про него порой Дагель). Но что плохого? Пусть и себе на уме, зато никакого переполоха не наводит — за это-то его и любили, за скромность. Ширан встала и пододвинула ему стул, стоящий до того у стены. Юноша ухмыльнулся и крикнул кухарке, стоящей в дверном проеме кухни: «Чаю подавай!».

— Давай я тебе налью, — громко сказала Дагель, — нечего тебе еще рубашу новую портить.

— В тот раз случайность была. Зачем так ругаться-то? Что у вас тут, — он оглядывал стол, — уже все подъели без нас. Как давно сели?

— Час назад, да гостя недавно спровадили. Нужно было ему срочно ехать в соседнюю деревню. Берите Вы, что хотите, не стесняйтесь. Ну, как доехали? Погода в столице какая? А толкотня есть? — госпожа оперлась ладонью о спинку стула, скрещивая ноги, — а-то слышала, что дома новые строят. Все туда мчатся. Нет бы в другие города в стране заехать, все равно ничем не отличаются они друг от друга.

— Да все хорошо, никто не умирает. Толкотня? Да ну... на улицах тихо. А гость — это учитель? Столкнулись с ним в коридоре, поздоровались. Взволнованным вышел, случилось что?

— Как взволнованным? — спросила Ширан, — ничего не происходило того, из-за чего нужно переживать. Поговорили о всяком, да и уехал. Мать его ждет. Завтра пожалует снова. А ты, Филген, чем в городе занимался? Или просто за компанию был? Жара такая, а вы поскакали. Удивляюсь я, как вы живыми туда прибыли.

— Я... да. За компанию. Но и узнал о том, во сколько и когда отходит судно, — заговорил он, — и взял два пропуска на послезавтра в час. Правда, Ширан, не вижу смысла задерживаться. Нам у вас не место, и я благодарен за такой прием. Друг друга толком не

знали, но все равно приняли, родственники. Отец о вас только в письме своем прощальном упомянул.

— Прощальное письмо? — сомнительно спросила Розалинда, — не говорил ты об этом.

— Я думал, что ты увидишь его на тумбе. В общем написал, что в Блоквеле живет тетушка Дагель, и что она может оказать помощь. Я сомневался поначалу, но потом понял, как вы искренни, — он взглянул на нее и неловко улыбнулся, — не обижайтесь, пожалуйста, что покидаем вас. Так нужно, тем более мы скоро пообедем без работы, а здесь все занято. Давно хотели уже отправиться на остров, чтобы мирной жизнью зажить, а то и Блоквел куда-то ввязался. Будем вам писать.

Говорил он тихим тоном, точно сожалеющим, но Розалинда заметила, как между слов уголки губ его игриво приподнимались, и взгляд метался в ликовании. Ни единого шороха, шепота: все слушали его, затаившись, будто бы не им твердят. Дагель ничуть не смутилась, и в полном спокойствии наклонилась над ними, разливая чай: руки ее не дрожали, напротив, пальцы крепко сжали ручку, а ладонь едва ли прикасалась к доньшку. Стук будто оборвал спокойную неразрывную нить: Ширан вспыхнула, громко задышала и, постукивая каблучком, наблюдала за Розалиндой, ожидая ее твердого слова — Филгену она не сполна верила, хоть и слова его навлекли на нее раздражение и явное возмущение. Парень, пришедший вместе с ним, покачивался на стуле и вдруг ощутил легкий удар по затылку: Ширан дернула спинку вперед и усадила его смирно. Закончив говорить, Филген с вызовом поднял взгляд, даже горделиво: решение его было нешуточно. Некоторый покой повис в столовой. Внезапно Ширан откашлялась и, всплеснув руками, проговорила:

— Купил, значит, уже пропуск? Розалинда, ну как ты могла так оставить меня. Помнишь, обещала мне, что на свадьбе моей будешь? А сейчас когда увидимся! Только одна из нас имя на могилке повидает... а у меня даже портрета нет. Вот возьму все деньги, и закажу! Чтоб видела ты меня на нем, а хочешь, подарю его тебе? Никогда не увидимся, но никогда меня не забудешь, — в один миг она повисла на ее шее и будто бы запела, — тяжело-о-о... я говорила, что не надо вам. Вот сойду с ума однажды, брошу все и вам рвану. Замуж меня никто все равно не возьмет, а буду вам прислугой. И все равно, что я из знат... знатной семьи. А! Вот сразу и возьмешь меня с собой! Ты, — обратилась она к юноше, — сейчас же лошадей готовь. Быстро!

— Что позволяет! — охнула Дагель, — чего ты развела тут? Отпусти людей вольных. И куда ты краса такая поплывешь? Тебе только в прачки и наниматься, хоть в замок или дворец... что у них там? Или готовить для работающих, для людей, которые делом занимаются! Вот же ж, мать твоя пророчила. Не беги ты за лошадьми, — сказала она ему, — это у нее настроение такое, когда пореветь хочется. Все, Ширан, успокаивайся. Еще завтра денек есть, и послезавтра утро все ваше.

— Мать бы моя все поняла, все бы выяснила, спросила бы у меня. Я не передумаю! Совсем ты другой человек, нежели она. Правильно Аллен говорит, что ничего тебе доверять нельзя из секретов. Хоть и говорю я сейчас при всех, но... все равно! Что могу я с собой поделаться? — она сильнее сжала плечи Розалинды, — люблю я ее, люблю! До слез люблю! А ты меня в одиночестве хочешь оставить. Мама разрешит, она поймет... а я к тебе только в гости приехала. Ты знала, Розалинда, что свадьба — это только предлог, чтобы ты осталась, — она встряхнула ее и приблизилась, чуть ли не соприкоснувшись носами, — что неправда это все, что врала! Я тебя хотела оставить со мной. И служанкой тебе с радостью буду, и за хлебом ходить хоть куда.... Нет у меня никакого жениха. Я тебе потом все

расскажу... пойдём пожалуйста, давай уйдём.

Она медленно поднялась, как бессильная, приобнимая ее за спину и, выбравшись из-за стола, пошла так с ней к арке. Розалинда молчала все это время, глядела, ничего не понимая, да дивилась, с какой искренностью Ширан выплескивала, не слезно, не умоляюще: оно, значит, правду говорит. И признание во лжи прошло мимо нее, и тут же поняла она, что мотив прост — желание задержать ее, хоть привязать, натереть ей шею веревкой, главное, чтобы рядом. Того Ширан и добилась: натерла ей щеки красноречием, что те залились кровью. Дагель ничего не говорила и лишь замолчала надолго, пока слух ее не пронзила последняя фраза:

— И унижаться не буду перед вами, моё намерение твердо, и, обещаю, послезавтра ты не увидишь меня.

И скрылись за поворотом. Розалинда обещала, что Ширан побежит сейчас, схватил ее за запястье и умчит куда-нибудь, где их двоих не достанут. Случилось наоборот — она убрала руки с ее плеч и размеренным шагом шла к выходу, иногда оборачиваясь. Вид ее был рассеянный: плечи и пальцы дрожали и, казалось ей, рассудок был затуманен думами о том дне. Розалинда все хотела расспросить ее, что же хотела она ей рассказать, но не решалась: «совестно сейчас о таком... хотя Ширан сама сказала, что расскажет потом обо всем. Пусть все решит сама». Волнение поджидало их на каждом углу: то показалось, что кто-то сорвался с места, и уже бежит за ними, то шорох из крыльца. Иной раз, Ширан поднимала голову и прислушивалась к звукам со второго этажа — ничего. Когда затворяла она дверь, то Розалинда смогла рассмотреть всю печаль в тех серых глазах, льющуюся через край. Совесть, словно дикий зверь, раздирала сердце, наливала грудь тревожным теплом. «Что-то произойдет... — говорила она себе, — куда идет она?». Спустившись с крыльца, они пошли к беседке, запрятанной в глуше дубового леса, давно вымершего и засохшего. Место это пропахло грязью, до того, что разлитая кем-то вода стекала ручьем к корням деревьев, не исчезая. Узкая, едва протопленная дорожка вилась к дряхлой беседке. Жутко было смотреть и на унылых призраков, каковы высились над порослью темных кустов, пропитанных зловонием. Солнце уже давно встало, но не доходило до этой части сада. Все здесь поникло в вечную тленность, достигшей, кажется, с самого начала глубокую старость. Доски скрипнули под подошвами туфель. Розалинда провела рукой по лавочке, стряхивая мусор, и села, дожидаясь ее объяснений. Ширан отвернулась к окну, точно бы не желала ее появления — темная пушистая коса закрывала опущенные глаза, нос с причудливой горбинкой, и подрагивающие губы. Слово вертелось на языке, но храбрость не доставало — каждый порыв оканчивался скрываемым негодованием. Наконец, спустя нескольких мгновений, она неуверенно проронила:

— Жаль мне мать...

— Почему жаль? — спросила Розалинда, — я...

— Ты не шутишь? — прервала ее Ширан, не успела Розалинда и добавить, — понятно, почему жалко. Она одна останется, кто за ней присмотрит? Дагель? Она от меня, уверена, рада избавиться. Я это заметила недавно, что надоедать ей уж сильно стала, от компании моей хочет избавиться. А все же и ее понять можно. Иногда я слишком навязчива, и такие хорошие люди перестают общаться со мной. Но, не суть, как говорится. Просто из-за приличия она меня оставить хотела, ради сестры своей. Ведь знает, что та горевать будет. Ты мою мать не видела ни разу, но скажу, что она не лучше здоровьем, чем Аллен. Одна не справится, — она обернулась, глубоко вздохнула и, сев рядом с ней, зарылась пальцами в

волосы, — я, правда, не знаю, что делать. С одной стороны мать я знаю всю жизнь, она хорошо относилась ко мне, а с тобой знакома месяц, но знаю, что без тебя скучно станет. Я не соврала тогда, что люблю тебя! — воскликнула Ширан, вдруг подняв голову. Глаза ее медленно наливались слезами, — я бы не стала врать о таком! Что ты молчишь? Скажи, пожалуйста, что-нибудь...

Не дождавшись ответа спустя минуты, она стыдливо понурилась, да так растерла ладони, что те стали розовыми. Тишина будто бы била ее, рвала плоть, и никакой голос, даже Розалинды, не способен был спасти ее. Внезапно все поплыло перед глазами у Ширан. Качало ее в бурных темных волнах, чуть ли не поглотивших ее с головой, как вдруг:

— Я понимаю тебя, — осторожно проговорила Розалинда, — и понимаю, как тяжело кого-то терять. Но, если ты решила твердо отправиться за мной в Гроунстен, так почему бы не взять с собой мать? И, если учесть какие у вас отношения, то она должна согласиться. Дай ей время обдумать.

— Я же говорю, она чуть ли не умирает! Если на остров, то тогда после ее смерти. Нет, не умею я делать твердых решений. Может быть и правда, вы меня подождете? Тогда нужно съездить мне домой, поговорить с ней. Но я тогда время на дорогу и разговор потрачу, а как же ты? Любовь моя, а... потеряемся! В Блоквел редко письма доставляются. И я не узнаю адрес ваш. Или есть у вас уже домик какой-нибудь? А адрес знаешь? Это очень ценно для меня, — она села в полуоборота и припала головой к ее плечу, — вот как так возможно, а? Всего-то месяц, а уже как сестры, как возлюбленные. Даже лучше! Знаю я таких, и ты ни с кем не сравнишься. Скажи только про адрес, и я домчу. Меня тогда больше ничего держать не будет.

— Нет. Нет дома. Извини, — она погладила ее по щеке, нежно забираясь за воротник, — разве у тебя нет друзей здесь? Ты говорила, правда, давно, когда мы повздорили, что у тебя есть круг каких-то подруг. Где они сейчас? Знаешь, я думаю, что тебе и вправду лучше оставаться сейчас в Блоквеле. Мы-то сами не знаем, куда нам... но я слышала, что людей распределяют по домам.

— Их никогда не было. Я просто понадеялась, что они надежные люди, и слепо доверилась. Отплатилась за такую легкомысленность.

— Как? И что ты им доверила?

— Неприятная история. Не нужно сейчас вспоминать ее, и так плохо. Через часик поеду к матери. Не могу ждать.

Розалинда смотрела на нее, гладила за ухом и вдруг, положила ладонь на ее плечо и сжала. Ширан спокойно сидела, глядя вниз, на трескавшиеся доски, с нетерпением и досадой. Безмолвие это успокаивало. Не хватало больше сил, чтобы высказаться и, покончив с мечтательными возгласами, поняла, что человек может смолчать, не проявлять участия, хотя кто-то рядом страдает, и никакого бездушия в этом нет. Достаточно попросту почувствовать тепло ближнего, вдохнуть родной запах и верить, что в скором времени его не отберут. Хотя кто знает — может, и навсегда. Неприятные воспоминания хорошо вспоминать — особенно, когда знаешь, что все плохое прошло. И счастье хлынет об ушедшем и понимание того, что никогда подобное не повторится. Разговор все никак не клеился — Ширан начинала об одном, а Розалинда отвечала другим из-за того, что не знала, как подступить к вопросу. Знала она о ее резкой вспыльчивости и о том, что что-то ее терзает, но тревога рискованного страха удерживал ее, не давал ходу. Просидели они еще полчаса в обнимку, укутанные опасением и мелкой дрожью. Ширан не могла оставаться

здесь: все-то чувства ее кололи, особенно рядом с ней.

Розалинда вернулась домой в состоянии духа смутном и сама не могла разобраться, что, иной раз, приходилось переспрашивать у Аллен ее просьбу. «В облаках витает девчонка! О чем мечтает, не понять» — восклицала Дагель, сидя без дела в креслах. На самом-то деле, скукой она никогда не страдала — лепетала, косо поглядывала на домашних и иногда попрекала кухарку за недосоленный суп по утрам. К вечеру, по словам Аллен, у нее разболелась голова, и более она не показывалась. Ее Розалинда тоже вскоре перестала замечать; видно, ушла к госпоже. Когда она вернулась, то Джоссона уже не было. Ширан, услышав это известие, еще больше опечалилась, точно огромное несчастье разом на нее обрушилось. Тоска неопределенных предчувствий томила и Филгена. Он пытался как-то развлечься, чтобы отвлечься, но ничего путного не выходило. С Дагель держался он как-то отдаленно, посмеиваясь из-за угла, и живого человека в ней, трепещущей идеей, не находил. Даже несмотря на ее любезность — ее проявления ему казались странными.

Вещи уже были собраны. Розалинда, разлегшись на кровати, уткнулась носом в подушку и, болтая ногами, думала: «Ширан обещала вернуться через час. Что могло задержать? Или, может, свершилось чудо, и она решилась уехать с нами? Но что тогда станет с ее матерью?». Но напрасно ждала она того волнения в крови, которое так часто приходило к ней во время полнейшего одиночества. В душу просачивалось теплое, опасное чувство, навевало плохое предчувствие и становилось все горячее и горячее, пока не разговелось в тревожное пламя, леденящее конечности. Выходить за дверь не хотелось — хотелось лишь услышать, как дверь открывается, и в щель проглядывает стыдливая головушка Ширан. Ветер проник в открытое окно и пробежался по спине: пожившись, Розалинда перевернулась, закрыла глаза и едва ли не упала в сон, как вдруг тихий, бодрящий голос зазвучал в стороне и вскоре навис над ней. Вмиг оторвалась она от трепещущих раздумий, и теперь они тускло забелели позади. Удивленные, несколько испуганные карие глаза уставились на нее; Филген, сложив руки на спине, отодвинул ее колени и сел рядом. Вечерняя прохлада колыхала волосы, взгляд ее помутился. Такое же тягучее безмолвие опустилось на них. Бледный огонек фонаря виднелся в унылом сером тумане, охватывая и каменный забор. Капли дождя падали в зловещую тишину, и казалось ей, что сейчас весь свет потухнет, туман проберется внутрь и накроет ее лицо, неотрывно взиравшее в серую пустоту. Филген откашлялся и повернулся; улыбка заиграла на губах, так противоречащая серьезному взгляду.

— Ты представляешь себе? — спросил он, кладя руку на ее бедро.

— Что — представляешь?

— Заграницу. Там все по-другому, и, знаешь, я обычно опасаясь перемен, но сейчас так хочется их, — пальцы его сжали ткань платья, — что у вас произошло тогда? С Ширан. Я понял, что она тоже хочет уехать, но... разве ей позволят?

— Почему бы и нет? Она как раз и поехала к матери, чтоб рассказать все, — сказала Розалинда, сомнительно взглянув на его ладонь, — Филген?..

— И что, Розалинда? — понимая ее намек, он провел пальцами вниз, пока совсем не убрал руку, — я-то думал, что мы в достаточном доверии, и ты считаешь, что я могу понести вред. И откуда бы ты такое вынесла? Я не вытворял ничего, чтобы мог позволить себе Амери.

— Нет, просто отвлекло от мыслей, — она задержала паузу, и затем продолжила, — кстати, как у него дела идут? Давно о нем не слышала. Вы же еще общаетесь?

— Не так, как раньше. И я рад тому. Случилось это из-за того, что его статус мне

больше не понадобится, да и последнее письмо он писал мне, чтобы сказать, что скоро вернет долг. И здесь у него с деньгами не задалось.

— А если ли у него... кто-то?

— Разве у такого кто-то может быть? Только девушка, которая не прочь унижаться. Нет, никого. По крайней мере, он мне ничего не хочет говорить. Да и я заметил, что моей компании он не слишком хочет. Пьяницей заделался и курить стал. Но не может же быть, чтобы ни с того ни с сего такое случилось? Я не сомневаюсь, что и тебе бы не рассказал, — Филген вздохнул, и, поднявшись, направился к окну, — сквозняк такой задувает...

Он затворил окно. Розалинда села, подтянув подушку под голову.

— И еще, — вдруг сказал он, поворачиваясь к ней, — не страдаешь ли ты морской болезнью? Если, небось, не прогадал, то нам придется в каюте оставаться. Надеюсь, все пройдет хорошо, — Филген рухнул на кровать, что та затряслась, — не хочется лишних приключений. Нам и так достаточно. Главное часа за два выехать, чтобы вовремя домчать. Примерно час занимает дорога, а еще пробки... в один день, когда корабль отплывал, невозможно было проехать куда-либо. Все забито повозками и толпой, которые, кажется, не случайно лезут под колеса. Мне так показалось.

— Не знаю. Я плыла только в лодке один раз и уже не помню, что чувствовала. И я спала весь путь, так что утверждать не могу.

Разговоры о будущем, об острове и о переезде замялись. Ей не хотелось думать об этом сейчас — вообще ничего не поддавалось ей на размышления теперь. Голову будто бы промыл приход Филгена. В продолжении вечера, как медленно на город опускался закат, они смеялись, пусть и на всякой ерундой, но именно это могло развеселить и унести от поднимающееся луны, которой суждено вскоре далеко унести. Завтрашний день, безоговорочно, внушал сомнение, поддерживаемое нетерпением. Только скрип кровати и торопливые шаги за дверью пронзали смех. Эта ночь принесла с собой эмоции куда сильнее, и душа полностью обнажилась, принимая их с болезненным стоном, окриком, и что-то темное не могло не пробраться внутрь и не всполохнуть все спокойное и мирное, что лежало на дне. Вечер быстро истек. Потные, они, свесив ноги, лежали и, как малые дети, зачарованно глядели друг на друга, ища в веселых искорках свое отражение. Сердце билось так, будто она бежала на самом деле без перерыва. Платье душило, заставляло отдышаться через каждую минуту, а мышцы живота уже сводило. Робкие прикосновения дошли до края; дальше уже совесть грызла. Филген лежал и думал, когда же она и ее желание позволят ему приласкать себя. Розалинда, сама того не понимая, играла с ним, словно с игрушкой, а не с человеком: выводила производные линии на шее, груди, не придавая всему этому значения. «Речи об этом пока идти не может, — размышлял Филген, — не хочется делать что-то не то, да так, чтобы после этой ошибки она забоялась меня». Прижимаясь щекой к его груди, она что-то бормотала, но волновало его совершенно другое. Но и этой радости пришел конец: Розалинда, умытая потом, резко отстранилась и пошла в ванную.

Вдруг все окружение затмил белый свет: совершенно все поникло в выжидание, в утреню прохладу и радостно запело, прощаясь с месяцем. Сон пробудил воспоминания о первом поцелуе и то, что предшествовало тому. Филген, сидящий в креслах, залитый отчаянием, его испуганный взгляд, трепещущий ответ. Ее внезапное решение, трогательное до того, что, вспоминая, Розалинде становится несколько стыдно. Счастье размывало весь страх — он не оттолкнул! Поддался, пусть и неумело, но в той невинности было особенное

наслаждение. Сладостные грезы, такие, к каким желалось ей возвращаться каждую ночь, кончились утром. И, прожигая этот момент, навлекли подозрительное осмысление: поступок подлый. Этим утром она находила в нем невежество и вмешательство, даже свою неспособность сочувствовать от всего сердца. Да, было грустно, хотелось успокоить его, но представить смерть отца на себе Розалинда не могла, потому и выделанное сожаление показалось тошнотворным. Филгена рядом не было. Из-за стены напротив доносилось, как разбивается об кафель тонкая струйка воды. Повсюду стояла тишина, в какой и птицы замолчали. Единственная причина, из-за которой она хотела задержаться — Ширан. Что с ней? Все ли в порядке? Такие вопросы волновали ее все утро, пока не наступил одиннадцатый час. Пара белых лошадей уже топтались у ворот, кучер, покуривая сигару, гладил их по гривам. Все то время Розалинда спрашивала о своей подруге, и все в один голос отвечали: «откуда ж нам знать?». До последнего Дагель не верила, что их намерения окажутся серьезными: виделось ей все эти разговоры шутками, мечтательным лепетом, и простой фантазией. Но когда увидела она сумки и чемоданы, то и слова не промолвила — лишь сморщилась, хлебная кофе, да подходила к Розалинде с предложением: «может, налить вам что-нибудь в дорожку?». От сытного обеда не хотелось больше ничего — отказ давался ей тяжело. Аллен, еле доковылявшая до порога, держала кухарку за руку и обнимая уезжающих гостей, шептала на ухо каждому: «ну, со всем хорошим, поезжайте! Не забывайте про нас, добрых людей, да письма кидайте хоть раз в месяц. Ширан обрадуется». «Обрадуется, — эхом пронеслось в голове у Розалинды, — что же, посмотрим, насколько велика будет ее радость». В душе таилась скверна. Она стала торопливее прощаться со всеми, искоса глядя на кучера.

— Нам пора, — подошла она к Дагель и стиснула ее руку: сердце сильнее забилося в растроганной груди.

Госпожа сухо попрощалась и никакого сожаления не высказала — видно, что что-то тоже ее беспокоило. Может, пропажа Ширан? Что, если не к матери она ускакала, а на корабль? Сорвала где-нибудь пропуск, или давно уже припрятала его, да стала подходящего часа ожидать. Любая нелепость крутилась в голове, отчуждая ее от действительности: не успела и моргнуть, как Филген уже забрался в карету, а Розалинда затворила за собой ворота. Рука ее поднялась и замахала, стискивая голубой платок.

— До свидания!

Выкрикнула она и ушла прочь. Прощание это выдалось тяжело: грустная нотка не успокаивала, а только погружала в раздумья об очередном утерянном человеке. «Может, та гадалка прокляла меня? — вспомнила она о давнем дне, в каком наткнулась на рынок, — так и есть. Но почему с Афелисой расставание случилось раньше? Даже от матери меня избавила судьба. И от матчехи, от братьев, от сестры. Все, кто появляются в моей жизни, исчезают, — она посмотрела на Филгена, затворив двери, — а ты? Ты тоже... исчезнешь?». Слезы ее были вовсе не самолюбивые: тихо плакала она о том счастье, какое она бессознательно отстраняет от себя, но тут же отрицала и говорила: «разве я виновата в смертях? Я что, всех собственными руками зарезала? И все это мираж?».

Белая пелена затмила глаза. В стороне слышались возгласы, и карета медленно тронулась. Земля поплыла под колесами, деревья и тучи ползли по горизонту. «Все кончено. Больше не найдем друг друга». Розалинда верила, что они вправду потеряются, что связи их оборваны, и что нельзя ей больше ни с кем сблизиться. Даже к Филгену зародился страх.

И тут, как гром, взревело позади:

— Розалинда!

14. Элеон Алгрес

Народ резко ожил. Хозяева прятали свое состояние, даже жалкое, и, потрясённые ужасом, они бегали из двора во двор, выглядывали из-за углов и, как ожидалось, стали расследовать не благодатное дело. Чуть ли не весь город к утру говорил о событии, и множество людей потекло к потерянной матушке. Она не ожидала, что наступит кончина так внезапно: друзья его, знакомые, убеждались в бодрости господина Гаутира, в излишнем красноречии и были убеждены, что в здоровье его произошло заметное улучшение, пусть и жить оставалось не много. Низенькая женщина чувствовала сильнейшую боль в груди, точно ей вонзили кол, а не сыну, побледнела и прижала ладони к сердцу: больше говорить не оставалось сил. Страдающая опустила на колени, и все мигом метнулись к ней. Что-то вертелось на ее языке, какой-то вздох, но в глазах тотчас же потемнело, и мир скрылся за мрачным завесам. Тревожность охватила людей, как всепоглощающая болезнь, имеющая маленькое недро — так же скоро и распространились слухи. Толпа перестала молчать, и разговаривали об этом, как о первом убийстве: «кто сотворил такую не благодеть? Кто вмешался? Кто разрушил мир на острове?». Но более всех утвердилось мнение о добровольном лишении жизни. Впрочем, о господине Гаутире, как и о его матери, знали не многое: только после гибели, на ее исповеди, людям стало известно, что он коллекционер. Вернее сказать, ярый охотник. Но предмет интереса сына мать утаила, и это, на самом деле, скрасили ранние слухи и дали им шанс выбраться в массы — связь с преступной деятельностью или заграничным обществом. Предателя вскоре стали забывать, а женщину, шатавшуюся на краю между здравомыслием и безумием, оставили в покое. Но и это не совершилось полностью, если бы не ситуация, пришедшая в народ намного тревожнее...

Личность той жертвы не была знакома, так что дело быстро замяли. Афелиса, узнавшая про это утром на завтраке, приказала не вмешиваться в городские разговоры, чтобы не развести больше шуму. Она понимала, что любое опровержение — рывок на всеобщее отторжение. Леотар прониклась жалобами и, размахивая руками, охала и шагала по столовой, опасно выглядывая в окно. Анариэль совсем ничего не знал и такого ее поведения не понял — на удивление, душа его оставалась спокойна, нежели у остальных. Диамет тоже из-за всех сил старалась не поддаваться рассеянности; сегодняшняя ночь сильно повлияла на нервы.

— А что дальше, извините меня, будет? — начала Леотар тоном немного спокойнее, — массовое нападение какой-то группы? Мы не должны этого допустить, к тому же, ни в каких подозрительных делах жертва не была замечена, то есть, убийцы целятся на невинных людей. Это странно и заставляет задуматься: насколько мы обезопасены? Мы не можем утверждать, что это кровопролитие не дойдет до нас. Наоборот, предчувствую, убийца стремиться к нам. Но к чему тогда такие возгласы? Зачем убивать граждан? Я понимаю, случай частный, и такой шум нельзя создавать. Но прогремели вести, что малолетние дети пропали у матери. Что это такое?

— Этот частный случай, — промямлила Афелиса, проглотив кусочек десерта, — не то, чтобы странный, а неразумный. Мать хоть пыталась разобраться? Или она своего сына только после смерти увидела?

— Почему же неразумный? — она села на стул, облачиваясь об спинку, — какая разумность, когда сын умер? Тут только чувства.

— Может быть, это самоубийство. А женщина, не понимающая в этом, пошла по всему

городу разносить. А дети, — насадила она другой кусок на вилку, повертела, осматривая, — просто гулять убежали. И главное — никаких следов. Мы не можем говорить, что это было убийство.

— Да, — кивнул Анариэль, — с колом ситуация сложнее выходит. Вот если бы повесили, то там даже понимать нечего.

— В любом случае, Леотар, не разогревай обстановку раньше времени. Это может отплатиться нам. Да и разве способны люди оставаться всегда дружны? Обычный вздор, и кол в грудь. Так ведь о нем говорят? Не стоит более говорить об этом. Виновника сейчас найти — поймать немислимую удачу. Если он сам не заведет исповедь, не хуже матери жертвы.

— Как скажете, — вздохнула она, выпрямляя рукава, — разговоры разговорами, а мы задерживаемся. Успеем к обеду справиться с просьбами?

— А их так много, что можем не успеть?

— Чуть больше, чем обычно. Знаете, сейчас и жалуются. Да и вам письма пишут, как то самое. Я уже хотела отклонить от рассмотрения, но, извините уж, поинтересовалась. К тому же предупреждение отправитель написал. И ничего там не было подозрительного? — Леотар замолчала, и тут же поправилась, — то есть, что-то омерзительное, угрозы, оскорбления? Нет, не было? Это хорошо, это, значит, есть люди еще мыслящие.

Завтрак пришлось закончить: попрощавшись с Анариэлем, она пошла с Леотар в кабинет, и больше разговоров о нападениях не возникало. Афелиса иногда пристально глядела в ее затылок, на принужденность движений и вынесла, что впечатление ее приходит и уходит в одно и то же время, а дальше круговорот мыслей и тлеющий страх.

Так и прошла неделя, в которой людям стало присуще озираться по сторонам и видеть в привычном что-то пугающее. Происходило это от обыкновенного желания не отличиться от массы и, как говорилось в сказках, не упустить опасность, когда она крутится вокруг них. Дни проходили и оставляли за собой нескрываемый отпечаток в болезненном состоянии Афелисы. Речь ее стала мешаться, звуки будто заедать в горле, и страх, вызванный известиями, пустил в рассудок сомнения о встрече. Не показалось ли ей? — мысль эта не прошла бесследно. В нервных судорогах, в ночное время, она опустила на колени, глядела на подпись и две буквы «А. Г» и не могла поверить себе. «Пора перестать искать какие-то подвохи, — это утверждение устоялось в ней, но было бессильно, — если бы мне показалось, то тогда, чье бы письмо я держала? Настоящее... настоящий почерк. Не поддельный. Писала его рука. Думал он, и ждал меня. Пытался спасти, но не мог». Так она старалась хоть немного успокоить себя но, постепенно, когда приближался конец злосчастной недели, тревога все усиливалась и усиливалась.

В конце недели все письма доставлялись без вскрытия: Леотар долго не одобряла таков приказ, говорила, что, стало быть, нужно проверять их и избавляться от того, что может послужить угрозой к ее состоянию. Но решение Афелисы оставалось твердо — в последний день раздался стук. Служанка принесла письмо и тут же неуверенно вспорхнула. Афелиса, постояв у зеркала, холодно улыбнулась ей и, кивнув, отошла к тумбе. Она собралась с духом, села на кресло, стоящее у изголовья кровати, засветила свечу, и взгляд ее невольно наткнулся на первые попавшиеся строки: конверта не было. «Леотар все-таки вскрыла? Или Ангарет прислал не в конверте? Странно... — повертев в разные стороны, Афелиса не увидела адреса, — все-таки, забыла про мое наставление. Как долго я смогу так тепло к ней обращаться с таким вниманием? А то станет бояться меня, не хуже тех служанок». Теперь

мысли ее отброшены. Она видела буквы, почерк, то, как загибаются тонкие линии, но не читала. Тяжесть с сердца медленно опускалась; и, наконец, согнув под собой ноги, Афелиса принялась читать:

«Здравствуй!

Честно, я не в меньшем волнении. Хоть и письмо сразу твое не дошло, все-таки переживания мои остались. Да и кому сейчас спокойно? Сегодня особенно страшно. Кстати об этом; я не думаю, что лучшее место для встречи город, особенно замок. В них кишит полнейшая жуть и бессмыслица, поэтому я не хочу рисковать сломленной поездкой. Я думал, конечно, но мест здешних не знаю. Было бы всего лучше, чтобы ты приехала к пригороду (адрес далее), и мы вместе бы отправились. Правда, это так несбыточно. Даже лучше самого сладкого сна, вот как! Очень надеюсь, что дела тебя хоть на немного оставили. Но прошла уже целая неделя, и все изменилось. Честно, не хочется пускать все по второму кругу. Да и никто не желает. Все уже и так настрадались вполне, а тут кто-то и мечтает о таком, поверь мне! Эти дни прошли до того безлико, что я порой забывал, что нахожусь совершенно в новом Гроунстене. За двором мир, никто друг друга не обстреливает, хотя что-то подозрительное уже пробралось на остров. Убийства. Как вспоминаю о разорванных телах, так тут же хочется стереть память.

Все-таки хочется верить, что все намного проще. Не хочу и не могу знать, что это вновь повторится.

Пять лет.

Столько времени нужно, чтобы начать кровопролитие? Возможно, я преувеличиваю. Тебе знать лучше, а я, так, понаслышке узнаю обо всем. По-моему, я уже говорил об этом.

Мне стало радостнее благодаря тому, что везение обернулось. Ты прочитала все те письма, и... это так много для меня. Я уже сам не помню, какие слова использовал, какие знаки. Только кажется, что было слишком откровенно. Потому только, что письма могли не дойти, и кто-то мог прочесть. Может, так и произошло. Кто будет об этом докладывать?

Мне даже стыдно немного. Не могу перестать. Черновики тебе отправлять хотел. Знаю, знаю, что ты просила оставлять их в первоизданном варианте, но все же не могу удержаться. Всякая строчка мне не нравится. Надеюсь, от этого смогу когда-нибудь избавиться.

До скорой встречи.

А.Г».

Выше подписи шел адрес. Афелиса, как и тогда, шумно вздыхала; сожаление грызло ее от осознания, сколько времени прошло. Десять лет звучат не так много, пока не испытаешь их на себе. С этим она и убедилась, и возвращалась к давним рассуждениям: «интересно, какова теперь его манера общения? Тогда еще, помню, он иногда путал слова местами, да и в письме выходило все складно. Что теперь могло его поменять, кроме этих годов? Что такого произошло? Мне нужно знать. Узнать все, пусть и не сразу. Он выговориться, как всегда это делает. Нужно брать все в свои руки, иначе ничего не узнаю». Не столь важно ей было понимать, что с ним сотворили годы в бегстве, как его присутствие. Хотелось поговорить, пусть и не как возлюбленные, то как старые, хорошо забытые друзья. На большее Афелиса не рассчитывала, — их время прошло — пора страшной молодости ушла. Нерешительные шаги бы ничего не сделали, а лишь доказали, что каждый след выдался впустую. «Завтра, — повторяла она, поднявшись на ноги, — завтра... если плохо станет? Ангарет ждать не будет. Здоровье не должно подвести меня в тот день. Нет, лучше ложиться спать пораньше». Но сон не приходил. Ночи совсем не давали ей выдохнуть. Только теперь произошла перемена:

фигуры не двигались, исчезли. То ли из ее сознания, то в действительности. Но даже при свете свечи тени ложились естественно, не создавая то, над чем так любила позабавиться фантазия. И луна светила ярче, и птицы не пролетали мимо окна. Однозначно, природа дает ей насытиться силами, да вот глаза совсем не смыкались. Эта бессонница уносила ее вдаль, далеко за десяток лет, когда впервые она увидела Ангарета: серьезного человека хороших и одобрительных поступков. Дотошная порядочность — пожалуй, единственное, что не нравилось ей. Жизнь на чердаке перевернула его и избавила от привередливости. Хотя и она проскальзывала, но была полностью подавлена. «Не удивлюсь, если он остался таким же. Я уже не так раздражаюсь, когда вижу подобных людей. Кажется, наоборот, уважаю. Вся та рубина на корабле тоже заставила меня много пересмотреть». И стала она вспоминать грязь и вонь в камбузе, нестиранную одежду работников, небритые кудрявые бороды и чудовищную худобу. И вопрос назревал у нее: как возможно есть среди них? Из-за этого в камбузе никого и не было, кроме пьяниц, которые не прочь потратить последнее состояние за карточной игрой.

Ночь для нее закончилась в час. Рассвет встретил ее от пробуждения с теплыми, точно родными, объятьями, проходя через окно. Оно было открыто. Потерев глаза, Афелиса отложила письмо с тумбы в шкаф и, достав кожаный пояс оттуда, лениво потянулась. Встреча должна состояться в четыре часа. Тогда, как написано было в заметках, жар на улице спадет.

День томительно тянулся, как никогда ранее, когда хотелось удлинить иной часок, или сделать вечер бесконечным. Работа с просьбами и жалобами была окончена; на удивление, Афелиса так заскучала без дела, что взяла в руки Сказание об Озапе, да так и не осилилась прочесть. Ладони прилипали друг к другу, жар мочил лоб и щеки. Погода не радовала ни сегодня, ни вчера — и не собиралась в ближайшие месяцы. В замке Анариэль сегодня не появлялся, и никто не знал, куда унес его ветер. Весь день она глядела на часы, ожидая оговоренного времени. Рыскалась в кабинете, перебирала бумаги, прятала письма — занимала себя всем, чем только можно. Выходить на улицу было опасно: ясно видно, что солнце сожжет до костей. Леотар, как на зло, не порадовала ее своим присутствием и зашла лишь утром, чтобы доложить об окончании работы. «Отдых иногда уматывает похуже работы, — думала она, вертя в руках книгу, — да и Сказание об Озапе никак не читается. Кажется нудным, вот если бы сейчас у меня была какая-нибудь газетка из Атрандо, то увлеклась бы занимательным чтивом. Точнее, посмеялась бы. Чего не выдумают. Хотя, откуда мне знать? Так сказала бы Хакан, — Афелиса усмехнулась и бросила ее на стол, — многого бы она мне наговорила. И не представить, сколько интересностей. Упрекнула бы меня, затем по головке бы погладила. А это не хватает». И в мыслях находила она сплошную скуку или тоску. Афелиса с удовольствием бы подумала о чем-то другом, вот только натура ее требует слез — ей отказать сложно, почти невозможно. Так и прошел день в безделье, за какое она корила себя, особенно за то, что отдых принес ей лишь усталость и заспанное лицо. Было и стыдно, и тошно, и невообразимо сладко...сладко оттого, что вот уже час остался, и они повстречают друг друга спустя столько пережитых смертей.

Чувства мешались, поддавались разуму, внушающий, что прежней близости никогда не будет, и что все, что выдает надоедливая фантазия — обман, не хуже самовнушения. Это осознание не давало ложных надежд, только исцеляло добитую рану. «Оно и лучше, — думала Афелиса, — я не могу мечтать как маленькая девочка, плакать из-за обид, из-за ненависти к своему поступку. Не могу. Способна лишь наладить с ним отношения не выше

дружеских. Да, так будет разумно, так и нужно поступать, и этот мой шаг одобрила бы Хакан».

Выйдя за пятнадцать минут до четырех, она запрягла лошадь, поймала служанку, которая хотела ускользнуть, и сказала ей, чтобы осведомила Леотар о своем отъезде. На вопрос, к какому часу Диамет прибудет, и нужно ли накрывать ей ужин, она пожала плечами в ответ и тихо, про себя, выговорила:

— Ни чертям, ни богам неизвестно.

Усевшись на седле, она вытянула руку вперед, перед мордой, показывая хлыст. Лошадь махнула гривой, фыркнула и понеслась в отворенные ворота. По сторонам плыли деревья, убежали облака, а ветер ударял в лицо, что ей пришлось щуриться и сделать ход помедленнее. Темная длинная грива лезла в глаза, в стопы летели мелкие камни вместе с пылью и песком. Дышать становилось тяжело. Спустившись с холма, она затянула поводья. Неподалеку стояли маленькие, уходящие под землю дома — еще со времен охоты. Люди здесь бродили из старо прибывших, ворчали про себя да, услышав топот, гордо оглянулись. Афелиса не думала о дороге: наблюдала лишь таблички на стенах, и все вторила нужную улицу. Встречали ее по пути косыми взглядами: недоверчивыми, при этом как бы почтительными и молчаливыми. Тут странности никакой не было — часто она ездила без экипажа, стражников или Леотар. Так что удивление жителей медленно угасало. Никогда она не любила, когда за ней идет другой хвост, тем более при разговоре. Всегда это казалось еще более опасным, вопреки тому, что едет стражник. Все равно кто, главное — у него есть оружие, которые может пронзить ее, и Афелиса не успеет увернуться. Столица разрасталась, и было приятно знать, что лошадь не оступится на буграх или ямах, не споткнется на огромных булыжниках, а будет идти по выровненной дороге. «Пожалуй, я знаю, из-за чего не могу избавиться от него, — думала она, сворачивая, — как же раньше не приходило в голову? Потому, наверное, что другие заботы у меня были. Да и когда раньше? В какое время? Никогда бы это не было уместным. И первая встреча с Ангаретом была моей ошибкой. Вернее сказать, полезным опытом и хорошим ударом по голове. Не нужно было мне лезть, куда не положено. Если бы не я, то убийства его брата не случилось бы. И зря надеялась, что забуду это. Невозможно забыть». Гнало ее горькое отчаяние. Никогда-то она не хотела выстраивать из себя другого человека, и вдруг желание появилось, когда вернуть что-то к прежней жизни стало попросту смешным. Попытка покинуть, совладеть с прошлым тоже не увенчалась успехом. Ее держал этот человек — тот, из-за которого сыпались упреки на душу.

Долго она не пыталась понимать, обходила мысль, что нужно что-то познать, и неважно, будет ли это что-то плохое или ужасное. Теперь убежать нельзя: еще немного, и увидит она нужный дом и, в конце концов, плод своей глупости. Как стоит себя вести? Изменений-то в ней не было никаких, как ей казалось, если не учесть внешние качества. «Да и бессмысленно будет из себя кого-то выделывать. Если ему что-то не понравится, то его право. Хоть мои отстриженные кончики или тонкая кожа под глазами. Мне бы самой на него поглядеть для начала пару минут, потом собраться, осмыслить все и, спустя полчаса, можно начинать, — шутливо проговаривала Афелиса про себя, — нет. Все-таки, через полчаса я умру от нетерпения. И тут выбора нет».

Преодолев пару улиц, она так задумалась, что чуть было не упустила нужную. «Сколько же заняла дорога? И никого нет». Диамет подняла подбородок и заглянула во двор: покошенное крыльцо вело к двухэтажному дому, тропинка вилась, уходила под склады

мусора, к пустующей будке, которую заглотила плесень. К забору были прижаты свежие бревна, лопаты и гора песка. За ним проблескивало небольшое окошко; виднелись лишь тюль и красный цветок на подоконнике. Где-то впереди закрылась дверь. Афелиса настороженно опустила взгляд и, следя за звуком, поняла, что шаги движутся к ней. Не успела она и взглянуть, как крикнул ей мужик:

— Кого на казнь смертную ведете, госпожа? Здесь люд мирный, извольте...

— Вы кто? — спросила она, держась за поводья.

— Да я... — он махнул рукой в сторону дома, — житель местный. Закурить вышел.

— Здесь живет Ангарет Грейнс?

— А чего натворил? — мужчина вытащил из кармана сигару, и пальцы, сжавшие ее, застыли.

— Мне нужно с ним поговорить. Скажите, пожалуйста, что его ждут. Он поймет кто.

— Выполним.

Он пошел на крыльцо и затворил дверь за собой. Афелиса слезла с лошади и стала прогуливаться, мотаясь из стороны в сторону. Из двора несло запахом лип, слышался плеск воды и приглушенные голоса за окнами. Разобрать, что говорят, нельзя. Она слышала просто человеческие звуки, которые служили признаками, что в доме, помимо того мужика, еще кто-то есть. Тревога, на удивление, ее опустила. Спокойствие осело в душе — самое приятное чувство, после которой и назревает радость того, что какую-то минуту назад ее чуть ли не охватило ужасное переживание. Афелиса отвела взгляд от двери, потом опять услышала голоса и скрип лестницы; окна были открыты. Некоторое время она их не слышала. «Мне есть, что терять. Но это никак не дотронется до него. Нужно подождать и решить, как заговорить. Поздороваться — это понятно, но что дальше? Допустить банальность? Вроде: как живешь? Как дела? Как состояние? Да, наверное, лучше так и поступить. И есть ли здесь конюшня?». Но оглядеть двор еще раз ей помешал шорох, размеренные шаги, а после — протяжный скрип и стук. Афелиса вздрогнула, как от удара, и остановилась. Из щели показалась макушка, затем и вся фигура. Ангарет шел навстречу к ней, оцепеневшей с бледным лицом, бегающим туда-сюда зрачкам, губам, застывшим на полуслове, точно больше ничего не существовало. Ни прижатых к стеклам расплюснутых лиц, ни запаха липы, ни дыма из сигар, всего лишь одна Афелиса. Время, проведенное в разлуке, никуда не исчезло, оно оставалось, даже когда он подошел и, рассматривая, сдержанно улыбнулся. Руки чесались, желая прикоснуться и обнять, но все покончено. Именно на этой воссоединяющей ноте рухнул их прежний мир.

Афелиса не могла заговорить и не до конца верила, что он не простая картинка фантазии, а человек. Даже назревало ощущение, что они давно стоят друг на против друга, мнутя, сдерживая себя под напором общества, и весь шум достигает их издалека, пытающийся пробить дыру в невидимом барьере. Она сделала шаг вперед, не смотря вниз и знала, что держит ее страх. Боязнь утраты.

— Афелиса, — тихо проговорил он, улыбаясь, — какая же не случайность!

— Что?

Странно ей было видеть перед собой совершенно другого человека. Ангарет повзрослел, стал выше, строже и хранил в себе тяготы жизни, в какой не было места. Еще один шаг, и его ладони прикоснулись в ее спине, обвили в теплом объятье. Уткнулся в плечо и что-то проговорил; из крыльца послышался шепот. Он сжимал ее все сильнее и сильнее, наплевав на окружение и обращая внимание лишь на то, какой человек в руках. Афелиса приобняла

его за плечи, стараясь сдерживать тревожное дыхание. Этот миг, который, навряд ли сотрется из памяти обоих, должен принести им много даров, а главное — знание того, что ничего больше позади нет.

— Как что? — он посмотрел на нее, — ты здесь!

— Зачем ты приехал? — сказала она тихо, чтобы другие не услышали, — неужели..?

— Чтобы тебя увидеть. А зачем же еще? Я знаю, что мне не следовало, что опасно. И сейчас нам лучше уйти, я раскаиваюсь! Возьму лошадь и приду. Жди здесь и ничего не говори им, — он мотнул головой в сторону дома и отстранился.

Ангарет поспешно ушел. Она стояла, опустила голову, и сжала ладони в кулак. «Почему так невыносимо? — спросила Афелиса себя, подходя к лошади, — почему я не оттолкнула? Были люди, взгляды... и я не девочка из простой семьи, не скажу незнакомцам, что это мой брат. Разве поверят эти люди в такую дружбу? Должны, несомненно. Но от слухов не отделаться. Друзья ведь так могут приветствовать друг друга после долгой разлуки, и ничего страшного в этом нет. Перетерплю. Вот и он идет». Он открыл ворота и, подправив седло, сел на него. Воротник черной его рубашки раздувало ветром; на шее блеснула серебряная цепочка. Изучающий взгляд смутил Ангарета, и он, чуть обогнав, остановил лошадь и спросил:

— И куда ты надумала ехать?

«Куда? — пронеслось у нее в голове». Так увлекли ее мысли о встрече, что и времени не оставалось, чтобы подумать. Первое, что вспомнилось — озеро. Но в вечернее время туда стекается молодежь, хоть и заканчивается стройка. Значит, мимо. Хотелось чего-то уединенного, спокойного — там, где их ничто не отвлечет, и они смогут серьезно поговорить. Это Афелиса поставила превыше всего, ведь нежностей она опасалась, тем более при людях. «Берег? Корабли пойдут только на следующей неделе, как сказала мне Леотар. Что ж, доверюсь ей. Она же так хочет этого».

— На берегу в этот час никого не будет. Мы найдем, где устроиться. Ты совсем не знаком с местностями? — проговорила она, давась неловкостью.

— Совсем. Поезжай впереди. А я следом.

Так они и сделали. Ангарет в последний раз оглянулся назад — во дворе были уже незнакомые люди, и пару лиц, которые видел он по соседству. Все смотрели изумленно, не веря, или догадываясь, что с ним станет: «это он на смерть добровольную поскакал! — в ужасе шептала бабка, — вот вижу, что черт грех познает!», «ты зря это им уши паришь, — громко сказал мужик, откупоривая бутылку, — может, уличили его в чем-то? А хотя нет, обманываю. Видел, как встретила его госпожа?», «видели! — хором произнесли юноши». Это слово и унесло ветром до Ангарета. Их перешептывания не слишком волновали его, куда лучше — воительница впереди. Когда дом скрылся за пышными кронами, а дорога уже пошла песчаная, он откашлялся от пыли и сказал:

— Я, конечно, думал, что все изменится, особенно ты. Но именно таких перемен не ожидал. Это удивляет. Не могу сказать, как именно.

Афелиса хотела обернуться, но краем глаза заметила ямы. Пыль летела в лицо, ослепляла, камни скрипели под копытами. Она остановила лошадь, что та уже шла, фыркая. Ангарет скоро ее нагнал и придержал свою за поводья.

— Каких именно перемен? — посмотрела она на него жадно, — их слишком много. То личностных, то внешних. Что ты имел в виду?

— Честно, все. Я не могу до сих пор привыкнуть к миру здесь царящему. Интересно,

тогда, когда ты ходила ко мне, ты рассчитывала на престол? И как так получилось, что из охотницы ты сделалась повелительницей магов? Я не думаю, что это произошло случайно. Даже если ты не хотела, то и это не случайно вышло. И я знаю, что поднялся на борт из-за желания тебя повидать, — он потел затылок, укладывая волосы назад, — расскажи мне обо всем, пожалуйста. О том, что с тобой случилось. Вплоть с того, как мы увиделись и даже не распрощались на десять лет. Дорога длинная ведь?

— Да. Думаю, успею...

— А чего волноваться то успеешь или нет? Впереди еще целый вечер и целая ночь. Не знаю, что завтра случится. Сейчас я только и думаю узнать, что с тобой произошло. Не приукрашивай, пожалуйста. Если было что-то страшное — говори. Я и не сомневаюсь, что не все гладко вело к этому, — Ангарет оглянулся вокруг, — так никогда не бывает. Так что прошу быть со мной откровенной, как и тогда. Помнишь?

Афелиса кивнула. Тогда и началась их долгая, но увлекательная дорога. Ангарет слушал, кивал, вставлял вопросы и сочувственно смотрел на нее. Тогда все тепло мира пропало. Самое страшное — он не мог ее утешить прикосновениями, хоть порывался и желал этого, но не до конца в нем сложилось знание, что они — любовники. Вникая словам, видя, как дрожат ее губы, искривляясь в усмешку при каком-то злобном воспоминании, он чувствовал отчаяние, похлеще того, какое настигло его в годы скитания. О многом он был наслышан за границей: и о педантизме захватчицы, и о пытках, и об обвинении в преклонении перед дьяволом. Но почему-то никто не говори ее имени, даже фамилии, будто слухи пошли о несуществующем человеке, какого еще не обозвали. И это оказалось правдой. Этот образ стал призраком позади нее и с каждым высказыванием все рассеивался.

Когда речь зашла об их логове, Ангарет забрал инициативу:

— И как вы там все умещались? Так еще и комнаты были... пристанище, стало быть, древнее. Но в голове не укладывается. И какой порядок у вас был? Были ли люди, смотрящие за поведением других? Боюсь представить, что случилось, если бы их не было. Вы бы уже давно пали...

— Были, но они не шибко-то за порядком следили. А к жестким мерам мы не могли подступить, конечно, было одно исключение. Но предателям все всегда хватает.

— Догадываешься, что меня больше всего удивляет из твоих рассказов?

— Здесь все удивляет, — сказала она со смехом, прибавляя темп, — нет ничего скучного.

— Да. Но вот, что поразительно — как ты все это выдержала. Конечно, я тоже много чего повидал, когда жил в Улэртоне. И на казни одной был, и зрелище это не увлекательное. Я не могу с улыбкой смотреть, как кто-то страдает или умирает. Но тут уж в какой ситуации...

— Я не выдержала. Не представляешь, как мне теперь плохо от всего того кошмара. До сих пор сны сняться с такими картинками, что спать боюсь. И стала я такой же осмотрительной, как и ты. Особенно в те годы.

Острые верхушки деревьев прятали купола. Они захватили город, словно стражники, оберегая маленькую дорожку вовнутрь. Впереди уплывали хмурые тучи за Белые горы, очерняя небеса. Афелиса настороженно вглядывалась вдаль, надеясь, что дождь не обрушится над их головами. «Не сегодня. Сегодня нельзя, невозможно. Пусть он прольется там, а затем разделится на ясные облака». Дорога их медленно перетекла в известняк, заблуждаясь среди леса. Минув опушку, Афелиса выдвинулась вперед; никакого песка или

камня. Путь их точно стерли, и выглядело это странно. Несмотря на это, они продолжили двигаться по прямой, ориентируясь на небо, не закрытое ветвями. Раненное солнце мелкими шажками скатывалось к горизонту; вечер предвещает быть пасмурным. Лошади переставляли копыта уже тяжело, томно дыша и встряхивая гривой. Пришлось остановиться и слезть, пока они разжевывали траву.

— Здесь хорошо, — Афелиса огляделась, и приставила ладонь ко лбу, — во-о-н там уже должен быть берег. Только вот погоды я боюсь, Ангарет.

— Что с ней? — он приблизился к ней, и сжал ее ладонь, — тут тень из-за деревьев. А так, в поле, жарковато было.

— Тучи идут к горам. Надеюсь, нас обойдут.

— Конечно, обойдут! — с улыбкой сказал Филген, и вновь обнял ее, — ты не сочтешь за наглость?

— Какая же это наглость? Я тоже очень скучала, — Афелиса припала к его груди, и запустила руку в волосы, — тогда ты всегда ворчал, когда волосы чуть отрастали от желаемой длины. Теперь же они почти до плеч. Что это ты так?

— Время изменило. Не нужно об этом. Да и многое мешало. В любом случае, не хочу возвращаться к старому образу.

— Почему? Это связано с воспоминаниями?

— Отчасти да. И вправду, но тогда я себе мало нравился, опять же, не будем заводить разговор об этом, — он отстранился, смотря на лошадей, — кстати, о моем бегстве. Успел побывать на всем западе. Восток сейчас опасен, да и желания нет больше никуда выезжать. Так накатался, что длинные дороги стали настолько муторными, что голова болит. Мне бы здесь ужиться прежде всего.

— И как? Получается?

— Я ожидал кое-чего похуже, если честно. Думал, что заселят в один из домов, переживших не один десяток лет. Но нет, и хорошо. Наоборот, встретили новые здания, видел даже трехэтажные. Придет время, и Гроунстен окончательно избавиться от многовековой разрухи, я верю. И верю в твои силы. Я никогда не считал себя принцем, говорил уже тебе? — он резко поднял голову, и медленно зашагал по кругу, — не чувствую себя человеком, которого интересует что-то извне. Даже этот остров было бы непосильной задачей для меня. Нет во мне командного духа, лидерства. И я не сожалею, наоборот рад, что меня не тянет к подобному. Это спасает, пусть и немного, от гибели. Хоть и был я на волоске от смерти, и, кажется, там и умерло мое прошлое «я».

Он замолчал. Ангарет не знал, почему ожидал увидеть на ее лице удивление, наверное потому, что хочется ему пережить этот момент еще раз, рассказать более красочно, и выдать все желания, главное — изумить. Никакого стыда, вместо него — усмехающаяся улыбка над собственными словами. Афелиса смотрела на него, и ни одна черта не дернулась, точно картина, набросанная неумелой рукой нечеткими мазками. Молчание не затянулось. Он подошел к своей лошади, потрепал гриву и объяснился:

— Да-да. Звучит пафосно, не спорю. Но как иначе выразить чувства? Если только так, а по-другому — неискренне. Давай скорее домчим до берега. В лесу не очень удобно. Я привык подозревать.

Афелиса кивнула и в один миг залезла на седло. Лошади подняли головы и неспешно пошли по утоптанной дороге, высоко поднимая ноги. Тучи еще не набежали; проглядывало через листья ясное небо, без единого облака. «Хоть бы так и осталось. А Ангарет не о

многих вещах может говорить. Может, есть что скрывать? Или просто неприятно вспоминать?». Она отвечала на его вопросы четко, не скрывая, но взамен получала лишь мотание головой и «неважно». Сомневалась она не только в том, что разговор никто не услышал, но и в его доверии. Прошел не один год, и близости их больше не существует — это Афелиса понимала ясно, хоть и отрекалась долгое время. «Я не могу не затронуть эту тему...». Она выдохнула и быстро спросила:

— Ты женат?

Последовала смущающая тишина. Она замедлила ход и подождала Ангарета. Он, будто не расслышав, сказал неуверенно: «что?». После повтора ответил:

— Нет. Никогда не был женат. Мне не было и дела для этого. Тогда, в Улэртоне, я думал, как бы выжить, а не в каком доме невесту искать.

— А были какие-то недолгие увлечения?

— Были. Но я не относился к ним серьезно. Поэтому они и были увлечениями.

— И как долго ты собираешься оставаться здесь? — она не поспешила с вопросом. Засомневалась, но все же выговорила, — или останешься здесь жить?

— А что еще мне остается делать? Здесь можно найти работу, так еще и с неплохой зарплатой. Я ничего не теряю. Тем более, ты будешь рядом, хоть мы и не всегда будем видеться, да и сложно это будет...

— Что именно сложно?

— Быть незамеченными. Поползут разговоры, а разве мы хотим этого? Не отрицаю, что приехал только ради тебя, но и жить как-то нужно. Завтра попробую поговорить с соседом — шахтером. И, наверное, устроюсь. И, неудивительно, что паспорт стал для меня теперь ничем. Без него переезжать границу запрещается, а сейчас живу здесь, в стране, до какой не достанет ни одна война. Он даже у меня с собой есть, — Ангарет пошарил в карманах и вытащил документ в кожаной обложке, — впервые такую вещь увидел. Можешь посмотреть.

Он вытянулся и передал его ей. Афелиса, точно пораженная молнией, отошла от туч размышлений. Перелистывая страницы, она вглядывалась в каждую строчку; он похрустывал в ее руке, из-за чего появлялись опасения. Паспорт был еще действительным. Мысли стали собираться в кучу, и первое, что назрело: «как он получил его?». Прежде она слышала о том, что есть вещь, которая позволяет перейти границу, не рискуя остаться под ударом. «Обычная бумажка, а решает судьбу человека» — она повела плечами, и, придерживаясь одной рукой за седло, отдала ему документ.

— Он всегда при мне, — добавил Ангарет, пряча паспорт в карман, — никогда не знаешь, когда понадобится срочно выезжать. В одно время в Улэртоне следили за новоприбывшими и требовали подтверждение личности. Тогда мне очень повезло, что попался человек, разбирающийся в этом деле. Имя и месторождения у меня другое теперь, и с получением ощутил себя другой личностью.

— Там было напечатано «Элеон Алгрес». Это твое признанное имя?

— Да. И, странно, но чувствовал себя неуверенно, когда подписывал письма под своим настоящим. И никакой я не Ангарет Грейс сейчас, когда-то был, но он обезопасил себя.

Он поехал вперед: за кустами блестел на солнце песок, волны омывали ласками побережье. Легкий ветерок ощущался на лице — освежающий и бодрящий. Привязав лошадей за деревянные столбы, они пошли к самому берегу, опечатанный глубокими человеческими следами. Спустя час солнце, пронзенное превосходством луной, разлило кровь, и та поплыла по небосводу, разукрашивая облака. Афелиса не решалась спрашивать о

нынешних их отношениях, все казалось рано. Не раз она упрекнула себя за это и внушала, что это — первое, над чем стоит серьезно поговорить. Не хотелось портить тоской и озадаченным видом лицо, просиявшее на закате. Ангарет шутил, утыкаясь носом в колени, споласкивал руки в еле теплой воде, радовался возвращению. «Я встретила совсем другого человека, — вынесла она, — мне нужно привыкнуть и только тогда говорить о чувствах».

— Как мне обращаться к тебе? — вдруг спросила она, обрывая его смех.

— Обращаться? Ты имеешь в виду имена?

Она кивнула. Ангарет оперся ладонями об песок, выгнул спину, и лениво пробормотал:

— Как тебе угодно. Но думаю, что прежнее мое имя будет тебе роднее. Хотя и опасно, если кто-нибудь услышит? Тогда уже никак не отделаться. Я сам долго привыкал.

— Сейчас бы вина... — мечтательно проговорила Афелиса, опускаясь на локти, — и тогда легче станет выговориться.

— С каких пор ты стала пить? — Ангарет вздернул бровь, и хихикнул, — неужели тяготы такие повлияли? Я не знал о тебе все, и ты не говорила, пьешь ты или нет. В обществе охотников, мне всегда казалось, нельзя проносить алкоголь. Так что делаю ставки на период, когда вы были в пещере.

— И не угадал! На самом деле — нет, проносят, и еще как. Смотрящие часто мимо глаз пропускают, замученные. Да и сами были не прочь хлебнуть для успокоения. В кругу том все дружно делалось. Вздоры если и происходили, то только из-за неравенства в налитом алкоголе. И тогда я пила. Иногда забывала, для чего пошла туда, поэтому один раз позволила. Уроком послужило. Затем совсем немного, чтобы при здравом рассудке быть. А все-таки странно, что такое мнение сложилось, что все строго. Командиры не жаловали, но, как помню, им никто не докладывал. Но это какая обида должна быть, чтобы угробить целый отряд...

— Это интересно. Тем более мне. Я о них ничего не слышал, только знал, что они — убийцы. И вот вопрос, — Ангарет затаил, запрокинул голову и быстро спросил, — ты убивала магов? Это, должно быть, тяжело. И очень будет заманчиво послушать, как ты вообще заслужила доверие, чтобы тебе приказали убить самого меня?

— Сейчас мне стыдно об этом говорить, — Афелиса снизила тон, покачнувшись и, согнувшись, облокотилась об колени. Взгляд ее помрачнел, — но выбора мне никто не оставил, даже я себе. Нужно было добыть все, что может раскрыть уязвимости охотников. Позор бы на мою голову пал, если бы не было убийств. Да, они были. Маги умирали из-за меня. Так подло осознавать, что я пошла по головам ради какой-то цели. Да, она существенна, только если это не спасение душ. Все остальное не стоит гибели невинных. И душа была не одна, их десятки тысяч. Репутация моя быстро поднялась, потому что я умела войти к ним в доверие. Тебе сказать честно?

— Конечно говори.

— Я хотела убить себя из-за этого. Сомневалась, стоило ли это того, — она опустила голову, сжала в пальцах острую ветку и заводила ей по песку, создавая линии, — и были бы мной довольны. Тогда меня наставляли, даже толкали. Конечно, не всегда мне доверяли честным путем.

— А каким еще тогда? Не понимаю.

— Приходилось играть в разные роли. Иногда это удавалось сложно, так как много человек было в семье. На доверие нужно было работать долго и объясняться. И, пожалуй, единственная вещь, которая радуется в том, что я высший маг, это — способность завладеть

людьми. На корабле мы действовали также. Правда, много сил берет, но что поделать? Тогда маги встречали меня как родную и не ожидали выстрела. Что-то вроде затуманивание мозгов. Мерзко.

— Тогда у меня другой вопрос... — Ангарет слабо усмехнулся.

— Какой?

— Чтобы завладеть мной, ты тоже чары использовала?

В ответ она не проронила ни звука, лишь посмотрела прямо в глаза, точно внушая, чтобы тот извинился. Этот ход подействовал. Ангарет напрягся и, вместе со вздохом выпустил: «я не прав?».

— Да. Ты не прав, — в голосе слышалось раздражение, — это работает на протяжении нескольких минут. И ты до сих пор со мной рядом. Но сомневаюсь, что прежние чувства остались.

Афелиса соврала; не желалось ей прерывать такой долгожданный момент. Заклятие держит в плену человека не долго, но достаточно приложить чуть больше усилий, и душа его привяжется к обладателю. Частое использование не приводило ничего к хорошему — не заполучив объект вожделения, жертва пугает себя рисками самоубийства. Во вред себе, человек рвет свою плоть, лишь бы удовлетворить мага. Во многом подвергались этому явлению не только обычные люди, но и колдуны, только они могут выработать устойчивость духа, непреклонного к таким привязям. Во время ее службы, она опробовала на другом способность — вышло удачно. Последовали после этого сожаления, но Диамет была уверена, что магия вскоре пробудет в детской, томной груди, и снимет всю грязь. Случилось оно или нет — ей неизвестно.

— Прежние чувства, — он задумался, закусил губу, — ты говоришь о любви, да? Это сложно. Мы теперь совершенно другие люди, себя не помнящие. Нам нужно время, Афелиса, чтобы вновь стать такими близкими, как были тогда.

— Да. Тоже так думаю... — нехотя пробормотала она, — все же я не охотница, и ты не принц. Кажется, роли немного поменялись. Охотники никогда не были выше простых жителей.

— Что случилось? — он заглянул ей в лицо, — я что-то не так сказал? Что-то не то спросил? Тебя тронул вопрос про чары?

— Нет, — Афелиса мотнула головой, — нет, Ангарет. Я вовсе не обиделась.

— Но я и не упоминал про обиду... ладно.

Она метнула на него удручающий взгляд, и отчаянно скрыла лицо за локтями. Со злостью Афелиса сжимала ткань штанов, царапала и все не могла узнать себя. Рассеянность — то, что сделалось ей непонятным, но что преследовало многие годы. Перепад от страха к смехотворности и наоборот был настолько скорым, настолько, кажется, неуловимым, что перемешаясь, создали они и стыд. Слово застряло между губ, но троица эта не давала выговорить. «Какая обида? Да... и он заметил, что я сказала об этом. И ничего об обиде не шло, а я... задумалась. И впрямь предполагала, что он подумает, будто я обиделась». Испуг черным дымом поднимался с песка и поглощал ее. Неподвижно Афелиса сидела, ощущая, как шуршит его одежда, и, хотела уже сказать «извини», как на плечо ее опустилась ладонь. Край глаза подхватил добрую улыбку и эту невероятную близость.

— Извини.

До того тихо и быстро прошептала она, будто выдохнула, что Ангарет на полуслове прервал ее:

— Вот, я же говорил, что что-то стряслось. Боишься рассказать мне?

— Нет. Не боюсь, — вспомнила она, как на мгновение охватил ее страх, — с чего бы мне бояться тебя? Просто мелочь. Не стоит из-за нее беспокоиться, тем более обращать внимание. Теперь все в порядке.

Она откинула голову назад, на его плечо и посмотрела снизу вверх.

— Это не может быть мелочью, — внезапно голос его стал нежнее, с хрипотой, — ты так встревожилась. А разговор у нас был не самый веселый. Если считаешь, что мне не нужно знать, то будь по твоему. Все же беспокойно становиться, когда ты, Афелиса, в таком состоянии.

— Случайность была. Понимаешь, я не знаю, что у тебя на уме. Может, ты подумал, что на мне обида. Ничего подобного.

На его слова она так и не ответила. К тому времени вечер медленно подходил к концу. Ангарет, между слов напомнил, что, вопреки желаниям, закат не остановишь. Пробил девятый час. Афелиса, узнав, сколько часов прошло с момента их встречи, резко поднялась и устремилась к лошади. Все тело ее тревожилось, жаждало уединиться, и примкнуть к чему-то теплому, собственному, что принадлежит лишь ей. Ангарет оставил чувство смешанное: что-то вмешалось в человека из прошлого, разбило и раскромсало, но порой казалось, что давняя привязанность таилась в корочке подсознания, и неизвестно, принятая она или нет. Ангарет непонимающе посмотрел на нее, потом вновь на часы.

— К чему нам так торопиться?

Она, развернувшись, подбоченилась и, подняв подбородок, твердо сказала:

— Что-то происходит в городе. Предчувствие у меня такое, и я ему верна.

15. Последний отплыв

И тут, как гром, взревело позади:

— Розалинда!

Движение остановилось; сосновые колонны больше не плыли, облака рассеялись, солнце вломилось в окно. Шаги и топот все приближались, пока совсем не прекратились за спиной. В судорогах, она дергала ручку, чуть ли не вырвала и, прислонившись к двери боком, вылетела из кареты. Щеки ее порозовели, глаза налились потрясением — перед ней, держась за седло, стояла Ширан, прижимая пропуск к груди. «Смогла! — заликовала Розалинда, неуверенно подходя к ней, — зачем же так пугать?». В тайне смущаясь духом, хотя никто бы этого не подумал, Ширан с сосредоточенной решимостью поводила кругом глазами и скрестила руки за спину. Выглядела она непринужденно и, кажется, Розалинда более чувственная натура, нежели Ширан: но как бы силен не был ум, никогда не узнает он, что происходит в другом человеке. Не в состоянии она иногда была придаться ласкам при людях, обняться — но во всех остальных действиях ощущалась нескрываемая добрая воля. Отчего ожидала ее Розалинда с волнительным трепетом, почти что отчаянием? Она подошла к ней. Изумление промелькнуло в глазах. Брови Ширан были сдвинуты, взгляд строгий, точно готовый упрекать, губы расслаблены. «Что я сделала?» — Розалинда стала винить себя, но не могла найти связи с нынешним и недавно произошедшим.

— Ты разволновала всех ради пропуска, да? — осторожно, с какой-то оглядкой, произнесла она, — почему не предупредила? Столько шуму было.

— Оно того стоит. Если бы я сказала им, — взгляд ее обратился к домашним, — то не поехала бы. Дагель бы не подпустила кучера даже под предлогом, что я еду к матери. Так что не вижу ничего такого, чего сделала не так, — кончики губ натянулись вверх, — извини. Только у тебя прошу прощения. Но, объяснюсь позже. Сейчас нужно распрощаться.

Она спустилась с дороги и вошла в ворота. Сколько же чувств выветрилось с лица Дагель! Глаза ее, зоркие и язвительные, нахмурились, а как рука Ширан прикоснулась к ее ладони, то вмиг она гнусно отдернула. Аллен поцеловала ее, даря благословение, кухарка поклонилась, вот только желанного человека нигде не было — учителя Джоссона.

— Где он? — спросила Ширан госпожу, — еще не приехал?

— Думаешь, он стал бы тратить время на бывшую ученицу вместо больной матери? — с уколом сказала Дагель, — черт бы тебя побрал такую. Так бы на жалость надавила, и он бы с тобой умчался, с совратительницей.

Ширан вслед что-то буркнула и развернувшись, притопывая, пошла к карете. Розалинда, не до конца опомнившись, и не понимающая ее злость, направилась вслед за ней, смотря на госпожу: на губах ее тлела усмешка. Ширан не обращала на нее внимания и спешила поскорее скрыться. Как только села она в карету, напротив Филгена, силы ей изменили и, с болезненным стоном, рухнула на локти. «Какова? — думала Розалинда, войдя следом, закрывая дверцу, — нет, она замечательна... но что переменялось? Отчего ей больно? И помочь не смогу. Аптечки никакой нет. Но сила воли в ней все же есть, несомненно». Пораженная внезапной мыслью, она и не заметила, как раздался легкий стук.

Тишина напрягала каждого. Филген сидел молча, неловко поглядывая в окно, а Розалинда — в пол. Все никак не могли они решиться на то, что можно уцепиться — состояние Ширан подводило. В вдруг, точно по зову, она села прямо, обтерла лицо платком

и, хмыкнув, сказала:

— Поговорила с ней. Она не поняла сначала и стала ругаться, в общем, не прошло все гладко. Не знает она тебя и твердила, что здесь свое счастье найду. И я не пожалела, что уезжаю с вами. Эта женщина сумасшедшая. Я не хочу с ней жить. Жалость меня держала, — всхлипнув, Ширан продолжила, — мне часто хотелось прикончить либо ее, либо себя. С таким человеком невозможно жить. Воспользовалась слабостью, чтобы управлять ей мной. Говорила, мол, никто не присмотрит за мной на старости лет, и пропаду, так не выдам тебя замуж... и прочий старческий бред. По-другому не могу говорить. Понимаешь, Розалинда, — она подняла на нее утомленный, заплаканный взгляд, — не стоит винить меня. Ты ее не знаешь, поэтому нет права скатывать вину на меня. Да, иногда проявляется нежность, но, думаю, это были уловки, чтобы заставить меня чувствовать себя нужной. Любимой, в конце концов. Никогда не пожалею. И не узнаю о ее смерти, так будет лучше.

— Тебе плохо, но можешь рассказать встречу подробно? — снисходительно проговорила Розалинда, сложив руки на коленях, — сейчас я познакомлюсь с ней, если тебе не станет еще хуже.

— А что рассказывать-то? Я не сразу начала разговаривать об этом. Ужасно стала раздражать, что хочется... — она сильнее сжала кулаки, напрягла плечи, колени и бессильно опустила голову на спинку, — убить. Растерзать, чтобы больше не ныла. Я ненавижу это, ты и не представляешь, какая злость меня берет. Ты ее и не видела, потому что совесть у меня есть. Но рядом с этой провокаторшей хочется делать что угодно. К чему мне ее нытье? Вот, доченька, ходить не могу, ты мне помоги, обслужи меня, а я тебя после прокляну за то, что стакан с водой вовремя не подала, — голос ее стал писклявым, она пародировала, размахивая руками, — и какая жизнь рядом с ней? Не моя проблема, что она шаталась по улицам под алкоголем, и мужиков всяких приводила. Так и думаю, что один, наверное, не вытерпел и ударил ее. Но и до этого она была не лучшей матерью. С чего бы мне ей подчиняться, когда она каждый раз высылала меня в детстве к Дагель, не кормила, не поила и все требовала от сестры? Я еще не готова к таким унижениям! Счастья ей не желаю, а только раскаяния. Пусть подумает, почему же дочь от нее сбежала...

Закончив тираду, Ширан стала тяжело дышать, и с каждым вздохом слезы катились по щекам. Ресницы блестели на солнце, застревали в глазах, смахивали с себя горечь. Руки ее обхватили живот: она согнулась, стыдливо пряча лицо. Слышались только приглушенные, жалкие всхлипы и не прерываемое: «не виновата... не виновата». Вторила она это через силу, успокаивая и гладя себя. Розалинда тихо перебралась на ее сиденье. Робкое, слабое прикосновение. Поерзав, Ширан взглянула на нее и, взяв подол платья, обтерла опухшее лицо. «Она еще и вчера, видимо, плакала, — сочувственно заключила Розалинда, — как помочь? Что это такое — помощь? Я не знаю... просто обнять? Не могу же я сказать уверенно, что все будет хорошо».

— Ничего, — Ширан хотела сказать, как можно пренебрежительно, но беспокойство все же проскользнуло, — я не хотела. Не стоит. Да уж... сижу перед вами, реву, а вы смотрите на меня, понять ничего не можете. Извините, однако, одно я от этой женщины вынесла — не ныть. Только плюнула на это. Такое наказание...

— Ты не сделала ничего плохого, — Розалинда потрепала ее по плечу и улыбнулась, — ты все сказала?

— О чем ты?

— Тебя еще что-то волнует? Знаешь, я, когда была совсем девочкой, кричала от обиды.

Да так, что стены приюта чуть ли не валились. Помогало, правда, меня запирали потом и вели на экспертизу. Мол, демон в меня вселился. Но это ничего... не серьезно. Так что прошу, не калечь себя и расскажи обо всем, что ты хотела сделать с ней. И не сделала?

— Я... не знаю, — пронзительный, испуганный взгляд, — я не видела, не могла... Не верь во весь этот бред. Не надо. Я хотела, хотела, напугала ее, что, вот, если не заткнешься, так я помогу тебе. Но нет, я не сделала. Ее удивление само чуть не убило, я не вмешивалась. С ней припадок случился. Не помогла. Ей недолго осталось. Скоро избавлюсь от мучительницы. Лежала на диване, не двигалась и смеялась! Надо мной! Никогда такого не было, слышишь, слышишь меня? Кричала, как резанная, царапала себя... кровь была. Не помню, забываюсь... — Ширан отодвинулась от нее к самой стене, прижалась к ней коленями, — не хочу быть опасной для тебя. Она тянула руку, что-то говорила, как мне показалось, но... нет. Я не смогла.

— Как ты грозила ей? Ножом?

— Да. Я не могла сделать ничего другого! Это издевательство! Меня нельзя простить также, как и ее. Нет, виновата только она. Я не хотела... правда, не хотела, — она вновь заплакала: отчаянно и по-детски невинно, — она вынудила меня сделать это. Я не владела собой. И не говорила Дагель, что была у нее. Вдруг подумает, что я убийца. Тогда мне конец. Не хочу в тюрьму. Никуда не хочу. Она и не спрашивала, мне повезло. Но этот осадок того, что в руках моих было лезвие... ты не знаешь, но я презираю убийства. А сама чуть ли не убила. Или убила. Не знаю, но она выглядела вся такая побледневшая, как труп разукрашенный. Она не оставила мне ничего, и еду я с пустыми руками. Отыскала монеты. Они в кармане... их пять. Еще потом две нашла в копилке и ожерелье взяла. Однажды она сказала, что купила его за три золотых. Ничего, выживу. Это золото и есть мое утешение...

— Ширан, погоди, — звучала она напряженно, точно готовая что-то предьявить, — ты помнишь хотя бы тот момент, когда ее убила этим ножом?

— Нет! Я не убивала! Она сама! Правду говорю, она с ума сошла. Розалинда, не вини меня. Как я могла убить ее? Я даже руку не поднимала. Это глупости... ты что... подозреваешь меня?

Тон ее стал понижен. Все плотнее прижимаясь к окну, Ширан часто заморгала, избавляясь от слез и, получив отрицательный ответ, замолчала. Силы из нее все выдохлись. Тем временем карета их мчалась по полю. Изредка в колесах скрипели камни, песок, выводя ее из себя: тело ее было до того напряженно, что, казалось Розалинде, злость вскоре взорвет ее изнутри. Дорога до города их прошла в томящем безмолвии: Филген, не сказавший ни слова, с опаской искоса глядел на Ширан, как на сумасшедшую, Розалинда мечтательно вздыхала, смотря на то, как стремительно переменялся пейзаж. «Не такой я ожидала путь. Но, если она все же пришла, то, конечно, такие эмоции не будут лишними. Не самое лучшее начало...». Каждый витал в своих лабиринтах, и выглядели настолько отстраненными друг от друга, то незнающий человек сказал бы — незнакомцы, вынужденные запереться в одной клетке. Розалинда вытащила из сумки два пропуска, посмотрела на ее, слегка помятый, и слабо улыбнулась. «Хорошо, что только они нужны. Так бы мы и застряли здесь». Надежда, вселявшаяся в душу, оставалась лишь в этих бумажках.

Корабль, ярко освещенный, стоял поодаль от набережной. Отсвечивал беспечный свет из фонарей — такой непривычный для людей, чьи ночи тонули во мраке. Да уж, это не деревня! Через час он должен был выйти в океан. Прибыли они намного раньше; точное

время не рассчитали. На берегу выстроились острые ряды: дома в столице отличались высокими куполами, будто колами, и такими же узкими решетчатыми окошками. Судно это стояло гордо, как настоящий спаситель — и была в этом своя правда. Народ, испуганный угрозами о начале вторжения в Блоквел, вопреки всему, стояли целыми днями в очередях, и, конечно, нет обещания, что утомленные и измученные, они восполнят потраченное время какой-то бумажкой. Иной раз, по слухам, по невнимательности проверяющий проскальзывали за борт проныры без пропуска, но места так себе и не находили — спали прямо на полу палубы, в коридорах, в углах камбуза и были оштрафованы. Корабль готовили к отплыту: в трюмы загружали хлеб, овощи, мясо, ящики и мешки, точно у них не было веса. Толпа уже медленно охватывала побережье: кто-то слонялся по закусочным, носился в каком-то приступе с чемоданами, кричали и пели песни о прощании.

Спустившись с дрожек, Розалинда взяла Ширан за руку и указала пальцем на небо: среди темного одеяла сияла звезда. Прогулка по городу пришлась ей в пользу: она улыбалась и более не вспоминала про конфликт с матерью. Были и сомнительный момент — время отплыта перенесли на десять часов, но пропуска остались действительными. «Надо же, почти половину монет потратили на всякие развлечения», — говорил Филген, таская чемоданы. Остановились у скамьи на площади. Все устали бродить под палящим солнцем. Розалинда, рухнув на скамью, почесала затылок и недовольно выплеснула:

— Жара-то какая! Филген, сколько времени? Кажется, недолго ждать. А хотя, кто его знает? То есть, этот корабль и всех муравьев в нем. Посмотрите, сколько людей — да он же потонет! Точно, и придется нам на какой-нибудь дощечке плыть по океану, а там... в глубине...

— Что в глубине? Погибель? Только и она. Я плавать никогда не умел, — Филген сел рядом и потянулся, — корабль всегда отплывал таким переполненным, и никакой не тонул. Или ты так любишь драматизм? Именно мысль, что, когда мы окажемся за бортом, он рухнет?

— Нет, конечно! Как это любить можно? Если бы там были ненавистные мне люди, то хорошо. А почему ты это исключашь? Может, и правду мне гадалка напорочила, что смерть меня ждет. Только это пять лет назад было... но что это — ближайшее время? Всегда оно было для меня бесконечным, особенно взаперти. Ладно, ладно... — пробурчала она, видя его недовольный взгляд, — забудем. Но я рада буду очутиться на родине. Мне хочется побродить и посмотреть, какую работу они провели на кладбищах.

— Зачем тебе туда? — вдруг спросила Ширан, точно проснувшись, — кто-то умер?

— Да. Мать. Я хочу проверить, похоронили ли ее. Однако, сомневаюсь. Как-то раз я спрашивала у воспитательницы, куда ее денут, а она ответила — сожгут или выбросят в канаву, и так она медленно будет тлеть. Для меня это были слишком сильные слова. Благо, эти женщины-«матеря» больше не сняться мне. А то я так и слегла... было такое.

Ширан не ответила — только глазами повела куда-то в сторону, слыша, как за спиной раздавались шаги. Высокие, тонкие дома, ожившие после долгого дня, засверкали, точно мотыльки в ночь. Из магазинов несло запахом мяса, рыбой чесноком: все это ощущалось настолько ядовитым, что легко переплюнули те самые сны Розалинды. Вдалеке от корабля, на холме, выросал замок, и свет, как ручей, струился по широким ступеням. Блоквел стал еще одним неудачным пристанищем. Любая земля ей была непригодна, всюду что-то недоставало, и наконец, единственная надежда, жившая в ней всегда — Гроунстен. Пока вокруг не было большого шума, Розалинда положила руку на плечо Филген, заставив

обернуться.

— Что ты знаешь о Гроунстене?

Вопрос был неожиданный. Он непонимающе на нее посмотрел, не осознавая, какой ответ она хочет получить.

— Знаю, что в прошлом его хотели сделать колонией Улэртона. И Атрандо еще вмешался.

— Этого слишком мало. Точнее, ничего. Что вам говорили об острове?

— Разве не очевидно? То, что это земля чертей, и она проклята. Правда, думали о Гроунстене, как о сказке. Совсем вымышленной и нереальной. Так что много рассказов в то время ходило о них. Но они были уничтожены, насколько я помню.

— А я ведь тоже писала... Жаль, конечно, что их теперь нет.

Розалинда сказала это со слабой улыбкой, вспоминая, когда малейшая неудача приводила ее в иступление и в один миг, вопреки самым ярким фантазиям и надеждам, она рвала и метала все, что попадалось под руку, рвала и колотилась головой об стену. Это и была причина, почему бывшие воспитатели запирали ее в четырех серых стенах, порой без окон, а двери будто бы нет. В это время Розалинда все еще с трудом сдерживала злость, из-за нежелания создавать разруху, только вот произошла она внутри нее.

Ширан подняла голову, и критично осмотрела ее:

— Так ты писака? — сказала она с долей неприязни, прикусывая щеку изнутри.

— Когда-то была. И верное ты слово подобрала. Это не мое дело, а увлечение. Что мне оставалось делать взаперти? Только что-то и выдумывать. Сейчас уже нет. Но когда я жила в замке и в доме Дагель, то часто пачкала листы. Жалела очень, но... что еще оставалось? Это от скуки. Никогда не хотела, чтобы эти рукописи кто-то видел, кроме меня. Тогда нигде я не находила книг, которые удовлетворяли сполна мою фантазию — все было не то. Тогда сама стала писать и быть единственным читателем.

— Почему же ты не хочешь, чтобы никто не видел? — тон ее смягчился. Тотчас же было в ней интересующееся пренебрежение.

— А зачем? Я не рассчитываю на какие-то высоты. Это не нужно мне, когда я все еще существую. Мне нужно место, где можно жить. Тогда и вдохновение будет, и все плюшки, как говорится. Да, будет! — с выделанным упоением разливалась она торжественностью, — как в лучшей сказке прям. Это я несерьезно, конечно. Не вижу повода претендовать на уголок в искусстве. Что же ты так смотришь на меня, а? — обратилась она к Филгену, лукаво улыбаясь, — хотя продолжай. Так мне кажется, что ты весь этот бред воспринимаешь, как шутку неудавшуюся. А вообще, Ширан, вот ответ на вопрос: лень меня съедает.

Полчаса они провели в оживленном разговоре. Ораторствовала Ширан, всплескивая руками, Розалинда посмеивалась, оглядываясь по сторонам, а Филген хоть и не разговаривал, но внимательно слушал. Время потекло сильным ручьем — было уже без десяти десять. Он заставил их, поющих в смехе, подняться. Услышав о том, как долгожданный час подскочил, они тут же побежали к толпе. «Ну, как ребенок, как ребенок! — проговаривала Ширан, проскальзывая за ней сквозь людей. Из-за подкатившей волны радости, она и не замечала, как наступала на носки прохожих и, получая пинки и ругательства, хохотала еще сильнее. На палубу уже взбирались люди: у борта стояли двое мужчин, преграждающих вход. Розалинда заметила, как каждый дает им пропуски, а после заходят. Точно опомнившись ото сна, она полезла в карман — они на месте. «Не хватало еще

потерять их. А те люди, кажется, уже...». Неподалеку стояла женщина, согнувшаяся в плаче, и два ребенка, дергающих ее за юбку. Подхватив их на руки, она забегала взглядом по полу, тревожила рядом стоящих вопросами: «не видели пропуск под ногами?». И все в один ответ мотали головами.

— Смотри, — шепнула она Филгену. Тот наклонился к ней, — она, кажется, потеряла эту бумажку. Вот, кому не везет. А все же жаль. Видишь, у нее дети в один голос плачут...

Филген кивнул, и притянул ее к себе за плечи: перед ее глазами проскочили юноши. В припрыжку, они пролезали через прижимающиеся друг к другу телами, чем вызвали позади себя волну криков и проклятий. Вскоре откуда-то вылез и здоровый мужик. Пузырьки слюны пенились у уголков его рта. Он смотрел наверх, на лестницу, так истерично, точно те обворовали его. Махая кулаком, мужик плюнул на песок и, сжимая конверт, зашагал назад. «Издеваетесь! — прокричала где-то в толпе женщина, — чем насолила вам моя старуха-мать? Сумасброды!». Поднимался хаос. Люди давили друг друга, пытались исподтишка подкрасться к карманам и выхватить пропуск, громко вторили, обливались водой, и, до того лишились здравомыслия, что, ослепленные светом из трюмов, и носом не вели на бедных, придавленных детей, потерявших матерей. Глаза их были заплаканы, щеки красными, а рот, раскрытым, будто застыл в крике. Безрассудство происходило у самой лестницы, куда рвались самые проворные и наглые, не лишённые бесчувствия. Розалинда сильнее прижималась к Филгену, хотела слиться с ним воедино, так как без жалости смотреть на безумие не выходило. Сердце ее подскочило, когда Ширан не оказалась на виду. Он, заметив это ее движение, встряхнул за плечи и сжал сильнее, не выпуская из хватки.

— Ширан там, — пальцем указал Филген в сторону, — не волнуйся ты так. Знаешь, нам тоже бы не помешала наглость. А то не достанется нам никакого места. Вот так, — он взял ее за руку, — пойдём. Все же пропадем мы в этой толпе. Перед лицами проверяющих все становятся мирными.

Она больше не упускала ее из виду. Дернула за кисть и поволокла за собой без разбирательств. Ширан, увлеченная разговором с какой-то девушкой, до того поникла в шум и гам, что тоже перестала различать болезненные крики и плачь.

— Вынуждена, да... Обязательно встретимся. Ты своему тоже передай, такие милые! Ну все-все, пока- пока!.. Куда мы? — крикнула она Розалинде, попрощавшись с собеседницей, — эй, больно! Ответь! Не слышишь, что ли?

— На корабль, куда же еще? — буркнула она, оборотившись к ней на мгновение, — нужно поскорее пробраться, иначе до следующей недели ждать отплыва.

Ширан недовольно хмыкнула и, высоко поднимая ноги, прыгала через мусор. Подойдя к лестнице, Филген замер: народ более не порывался и ступал спокойно. Возгласы потухали: детей выводили из толпы стражники и, прорываясь в муравейник, брали их на руки и опрашивали всех. Медленно накатывало и спокойствие на душу: наконец-то помощь! Под ухом ворчали старухи, звонко смеялся и плакал на взрыв ребенок, но главное — ситуацию взяли под контроль.

— Я бы не стала лезть так скоро на лестницу, — сказала Ширан под самым ее ухом, — посмотри, под арест же возьмут? Что делать будем? Я не хочу нарываться на такое добро...

— А кажется, ты еще стражников не рассмотрела... — протянула она, — посмотри, какие молодцы. Приглядишься получше и представь, как они возьмут тебя за руки. А что будем делать? Ждать. Но корабль, вроде как, в одиннадцать отплывает. Час на то, чтобы разобраться с этими людьми.

— Эх, Розалинда... не плохой у меня юмор, по сравнению с твоим. Зачем мне эти стражники? Думаешь, что, небось, засмотрюсь на них и передумаю уплыть? Не-е-т, — Ширан взяла ее под руку, и прильнула к щеке, — или что, так хочешь, чтобы я вернулась?

— Почему ты так думаешь? — она искоса на нее посмотрела, облегченно вздыхая, — вон, посмотри, я уже на ступени.

Внезапно Розалинда отпрянула от ее лица. Ширан посмотрела на нее снизу-вверх и, взъерошив челку, слегка пихнула ее бедрами, занимая место.

— А от того, — начала она упрекающим тоном, — что уж больно часто ты меня сватать стала. Я же знаю, что о браке не мечтаешь, но эти твои шутки... странные. Да, раньше я выплевывала их не лучше, но нам обоим весело было. Так что прошу, прекращай, — не получив ее ответа, Ширан добавила: — надеюсь, нас заселят рядом. Нужно держаться вместе, а то вдруг комната общая перепадет. Честно, я не знаю об этом устройстве. Впервые границу пересекаю. Даже как-то волнительно! И прощание с Дагель не было таким трогательным, как этот момент. Хочу, чтобы он был самым ярким в жизни. Но, конечно, не без пугающего.

Розалинда выглядела, как сбитая из общей массы, стоя на лестнице, забитая, несчастная фигура ночи перед неумолимым утром. Филген все дергал ее и вот, дошли они до середины. Вокруг были одни поднятые головы и вот, кажется — каждая пара глаз смотрит на нее. Страшная жалость забила в груди. «А ведь говорил кто-то, — стала вспоминать она создателя фразы, — что не нужно считать себя единственным маленьким островком среди страшного океана. И сколько их таких, как я? И зря так думать, что кому-то есть дело до меня. Но не могу перестать». При каждом прикосновении чудилось ей, что грязные, скользкие пальцы уже забираются под платье, под воротник и отвернуться, пнуть — невозможно. Все смотрела она то вдаль — на еловые парки и ночные лавочки, то вниз — на людей, еще более несчастных. «Что, по сравнению с их бедой, моя? Пусть даже взять этих матерей: они бедны, наверное, и одиноки, сбегают от своего горя. Да и другие, вдруг у них есть цель поважнее? А мое желание — неразумный детский лепет?». Она старалась принять мысль, что вины ее здесь нет, и что и ее стремление стоит потерь, пережитых ею, но каждый раз эти попытки оказывались ничем. Мертвая боль исказила выражение лица: в глазах не оставались и тлевшие искорки смеха, радости. Все переменялось так скоро, и вот — они почти у самого верха.

— Что снова случилось? — прозвучал голос Филгена сверху, — мы почти уже на борту. Посмотри, людей уже не пускают стражники у самой лестницы. Мы последние. А сколько еще народу... не пересчитать. Мест нам точно хватит. Может, и целая каюта достанется для троих. Но это... несбыточно и смешно.

— От этого и грустно.

— Почему это?

— Просто я думаю от лица людей, не попавших на борт, — Розалинда облегченно вздохнула, и ступила дальше, — неважно. Вон уже проверяющие. Сейчас...

Она судорожно стала рыскать ладонью в кармане и, нащупав один пропуск, вынула его. «А второй...?». Вопрос этот был сильнее любого удара. Ничего не оставалось. Случилось неизбежное: один пропуск пропал. Розалинда огляделась по сторонам, как та женщина, но Филгену говорить не решалась. «Что... что будет?». Она сглотнула ком в горле, снова посмотрела на бумажку: из-под нее выглянул согнутый угол. Как оказалось, он прилип к обратной стороне, и это открытие — наиважнейшее и счастливейшее, какое случилось за

день. «Неужели я так волнуюсь? А Ширан? Она не потеряла его?».

Заметив ее изучающий взгляд, она подняла руку, показывая согнутый пропуск. Подозрение это миготом отлегло и постепенно рассеивалось, пока не пришла их очередь. Двое широких мужчины в форме, напоминающей охотничью, впустили на палубу впереди стоящих и, делая легкий поклон, обратились к Розалинде:

— Вы двое, да? — спросил один из них, водя пальцем то на нее, то на Филгена.

— Да... нет, вернее, — замялась она, — с нами еще эта девушка.

Ширан вмиг стала с ней на одну ступень, подтверждая кивком.

— Багаж сдали? Номер установили?

— Все есть, — ответил Филген, — примите наши пропуска.

Приняв ее билет, она крепко сжала их и протянула проверяющему. Пальцы ее подрагивали, боясь пустить их на ветер. Мужчина, рассматривая записанные на них номера, отступил в сторону и любезно проговорил, отдав билеты:

— Прошу пройти.

Они быстро проскочили за их спины. Розалинда, схватившись за сумку, приложила ладонь к теплой груди, радостно хватая ртом прибрежный воздух. Впереди стоял парень намного моложе и как бы подрабатывающий. За ним высилась высокая женщина, чей взгляд недоверчиво высовывался из края фуражки. Филген толкнул ее вперед, тихо проговаривая: «они проводят нас». Собравшись с духом, она остановилась перед ними, едва ли не порвав от счастья бумажки.

— Предоставьте ваши пропуска, — сказала она монотонно, точно выученную фразу, — вас трое, как я понимаю?

— Да.

— Следуйте за ним в каюту под номером 26. Если вашего багажа еще нет в каюте, дожидайтесь. Счастливого пути.

Парень встрепенулся под ее легким толчком. Палубу постепенно покидали люди — все они слонялись по узким, спертым коридорам. Нижние арки вели их все дальше, пока проводник резко не остановился, а Розалинда, замечтавшись, чуть ли не врезалась в его спину. Вставив в замочную скважину ключи, какими он без усталости игрался по пути, открыл дверь и торжественно-громко сказал:

— Вот ваша каюта! Хорошего вам времени.

И быстро вильнул вперед. Позади раздался такой же выученный возглас — приветствовал другой мальчишка: «Вот ваша каюта! Хорошего вам времени!». И тоже поспешно убежал, не дожидаясь ответа. Ширан зашла за порог, следуя за Филгеном и задумчиво пробормотала:

— И вправду нет еще чемоданов, — пожал плечами, она посмотрела на Филгена, — неизвестно, сколько еще придется ждать. Видимо, пока все не улягутся, никому ничего не светит, — Ширан, придерживаясь за дверной проем, высунула голову в коридор, — Розалинда! Что опять? Заходи быстрее!

На мгновение все завертелось вокруг Розалинды: люди, гам, топот — все это отзывалось в мозгу и точно сотрясало его. Невыносимо ей было терпеть. Билеты — единственная драгоценность и шанс на спасение, чуть ли не подвергший ее в отчаяние. Предчувствовав обморок, она тут же забежала вовнутрь, чтобы, при случае, не потерять их, положила на ближайший стол. Розалинда села, дрожь ее проходила, и жар выступал на всем теле. «Жарко... очень жарко. Никак не проветрить». В большом изумлении она слушала

испуганного Филгена, ухаживавшего за ней, и верилось ей с натяжкой, что трудности прошли мимоходом. Наклонность поверить заставляла ее, из-за доверия к этому человеку. Такая неожиданность поразила: «знала ли я тогда, что в какой-то день сяду на корабль и уеду в Гроунстен. И что же это? Конец? Я еще не повстречала самого желанного человека. Так что, нет, не может быть концом. Только началом чего-то нового». Обсмотрела каюту Розалинда не сразу. После того, как волнение утихло, и иллюзия темноты в глазах, она подняла голову: перед ней на скрипящей кровати сидела Ширан, снявшая ботинки. К левой стене примкнута другая кровать, чуть по просторнее, а она сама сидела на третьей. Изголовья прижаты друг к другу. И единственный деревянный столик у входа. Куда только оставалось вещи девать?

— Посмотрите на это белье! — жалобно воскликнула Ширан, — все в пятнах... все. Интересно, на корабле есть прачки? И, видимо, после отплытия белье они не стирают. Как спать на таком? Пол и то чище. Пожаловаться, что ли, в конце концов. А кому? Той тетке? Что-то я сомневаюсь, что у нас одних такой... подарок.

— Ты и впрямь никогда не была за границей, — Филген хихикнул, — а что ты думала? Все тебе тут на золотом блюдечке подавать будут? Питанию удивишься еще больше. Так что привыкай.

— Теперь я еще больше не понимаю вечных беглецов. Ну, ладно уж, — протянула она, и поднялась с кровати, — осталось только багаж ждать. Да и навряд ли мы обойдемся без приключений. Народу много, а мальчики эти ветряные такие, что... они вообще настоящие? Или кто-то создал новый вид не отказной прислуги? Пусть я и не была за границей, но у меня хотя бы с произношением все в порядке. Ты, кажется, никогда не изменишься.

— Ты о чем?

— Как вы приехали, и как мы встречали вас, то сразу заметила, что ты не из бедного десятка. Такой прям улэ-э-э-ртовец. Ох, не могу, — она остановилась прямо перед ним, и, слегка согнувшись, глянула на Розалинду, — а она не лучше. Кажется, у нее более выражена манера протягивать гласные. Да, Розалинда? Приедешь в Гроунстен, и все сразу скажут — иностранка. Так что родину ты поменяла.

— Я не меняла родину, — коротко ответила она.

— Почему же? Скажи же, что Гроунстен для тебя стал чуждым. Столько лет прошло...

— Я родилась там. И хочу туда вернуться. У меня много времени и дел. В конце концов, ты о них не знаешь сполна. А в Улэртон меня вынудили отправиться, когда я еще была ребенком, — Розалинда странного улыбнулась, потирая плечо, — даже хотели меня в океан сбросить. Крику во мне было немало.

— Он и остался в тебе. Один раз я застала тебя во злобе. Это, конечно, не надо видеть, — громко сказала Ширан со смехом, — хорошо, что никого дома не было. А пустяк-то вышел. Давай только сейчас не будем ссориться?

— Как же... — она даже голову не подняла.

Разговор быстро стих. Ширан прощупала ее болевую точку и, зная, к каким последствиям она приводит, замолчала. Все ждали багажа. Стук, гам и взвизги... стены настолько тонки, что по соседству слышался хохот, разудалый напев под гитару, кто-то отплясывал, отбивая такт каблуками. Разливался тонкий голос певца, сидящего прямо у изгороди. Розалинда слушала задумчиво и мрачно, обмахивая шею билетами. Духота стояла прежняя. Но с жадностью она вдыхала пыльный, горячий воздух, чувствуя тяжесть на груди. Голова закружилась; весь вес притек к затылку. Какая-то дикая энергия блистала в

воспаленных глаза Ширан. Напевала она песню за стеной, да в ритм все не попадала. Филген, повернувшись спиной к двери, задремал. Хотелось поскорее избавиться от скуки. «Нужно воротиться домой, непременно... сколько придется плыть? День, два? Надо уже кончить с этим, ибо не могу больше так жить». Розалинда внушала себе: ее ждут. Повторяла она с отчаянною, самоуверенной решимостью. Пусть и Афелиса не думает об этом каждую минуту, но в глубине подсознания надеется, что когда-нибудь увидит ту маленькую дикарку. Раньше ее волновал вопрос: когда закончатся странствия? Как закончатся? Теперь ответ медленно воплощался в жизнь, как глупый сон или бред. «Но, если она не узнает меня? — подумала она, и мысль эта болезненно перетекла в боль, — я изменилась. И Афелиса. Мы разные и тогда такими были. Я не могла стать для нее просто прохожей. Мы жили вместе, она заботилась обо мне и, кажется, полюбила. Разве будет кто-то с заботой относиться к нелюбимому человеку?». Розалинда всегда протягивала ей руку робко, иногда даже не подавала совсем, боясь ужасно, что она оттолкнет ее. Этого не происходило. Вопреки грозному, отрешенному виду, этот человек стал для нее спасением, а иначе... иначе что сделалось бы, Розалинда не думала. Случалось, что маленькая девочка дожидалась ее в глубокой скорби по матери, а встречала с немой досадой, иногда упорно молча или ругаясь, точно яд в нее попал. Поведение это она пронесла сквозь года — упрятала от других глаз и, когда было уединенное время, тоска разрывала ее, но рассудок вторил — нельзя. Розалинда слушалась. Беспрекословно, ведь знала, что все дело в ней. Сохранила она и мечту: ей хотелось, чтобы их руки никогда не разнимались. «Как ужасно я выглядела тогда? Больная, бледная, измученная, неухоженная... не многое изменилось. Не эгоистичен ли мой поступок? Я никогда не узнаю, хотела ли меня видеть Афелиса, а может, и вовсе позабыла как страшный сон... есть за что. Стыдно, стыдно, — она поднесла ладони к щекам, — очень стыдно! Но понимала ли я тогда? Глупый ребенок, сбежавший из приюта... может ли это создание думать адекватно? Сейчас же я не такая, да? — взгляд ее пробежал по Филгену и Ширан, — они не знают. Не видели меня. И хорошо. А то бы кинули меня в сумасшедший дом. Почему Афелиса не сделала это тогда? У меня была бы другая жизнь, я не стала бы привязываться, и, в конце концов, я стала бы здоровой. И сейчас больна. Это, наверное, мне от матери досталось. Отставила мне хорошее наследство». Вопрос об эгоистичности встал перед ней как одна из нерешенных сложностей.

Да и что это такое — муки прошлого? Лишь повод разгореть к себе ненависть! Она положила ждать и терпеть. К двенадцати часам Филген принял чемоданы, и мир за стеной стих. Обновленное, неожиданное будущее настигло только Афелису. А Розалинда жила одной ее жизнью, несмотря на то, сколько грез ударили в сердце, насколько невыносимым было это десятилетнее испытание — она прошла! Истощилась, но преодолела! Вспоминая о ней, Розалинда не могла примериться с мыслью, что ее окружают люди породнее, чем эта женщина. Ее любят, обожают, оберегают, но душа все же стремилась к чему-то недостижимому, ныла, и напоминала, что все это — не то, что ей нужно. Ей нужно прошлое — такое трагичное, бедное, но там они вместе. Понятие Розалинда не имела, за что ее посадили в тюрьму, но, была уверена, что не пустила бы ее в тот день, предвещавший им расставание. Жизнь принесла ей радости, забот, горя, подняла ее с колен, но что оставалось делать дальше? Существовать, как и прежде? Остров — клетка. Отыскать Афелису несложно, главное — отчаянно выпытывать. С этим трудностей не было.

Из размышлений вывел ее хриплый голос Ширан. Она сидела прямо перед ней, на корточках, и черт знает, сколько времени прошло. «Долго ли она так наблюдала за мной?».

Заметив ее резкое движение, она схватила ее за руку и положила назад.

— Чего ты так пугаешься? — прошептала она, — Филген твой спит!

— Сколько времени? — в волнении проговорила Розалинда, оглядываясь.

— Полпервого. Ты чего не спишь? Поднимайся, давай. Я тебе расстелю.

— Никто не стучался? — спросила она, едва ли выговаривая слова. Силы вновь покидали ее. Ширан пристально глядела на Розалинду, помогая подняться, — воды... воды, пожалуйста. Слишком жарко!

— Сейчас, сейчас! Будет тебе вода. А кто стучаться-то должен? Чемоданы уже как полчаса назад наши донесли. Вот, лежат. Постелю тебе, и все, можем укладываться.

Ширан подняла ее за руку и, удерживая на месте, поднесла к ее губам стакан с водой. Розалинда хотела спросить: «откуда?». Но не успела. Вода торопясь стекала по уголкам губам за шиворот, по шее. Пила она жадно, зажмурившись. Как только дно опустошилось, она, покачнувшись, отошла в сторону. Громкий стук стекла. Из-под ее кровати выглядывали вещи. Нагнувшись, Ширан взяла постельное белье, расправила и принялась заправлять простыню под матрас. «Кто-то стучался, — отзывалось в голове подозрение, — почему она не хочет мне говорить об этом? Ей-то точно не могло показаться». Пристальный взгляд ее уткнулся в ее локти: мягкие и загорелые. Как только все было готово, Ширан вновь подозвала ее и, посадив на край, села перед ней на колени.

— В каком чемодане твоя сорочка? Так спать не принято. Упаришься.

— Сорочка? — она хлопнула глазами, как бы не понимая, — а... сорочка. По-моему, в том.

Кивнула Розалинда на другой, что был под кроватью Филгена. Говорила она лениво, точно в полудреме.

— Точно?

— Да, — дождавшись, когда она отошла, Розалинда спросила, — а почему ты врешь? Кто-то стучался. Скажи... как есть, пожалуйста. Стучался в дверь. Я слышала. Точно слышала.

Она была очень обеспокойна и уверена, что знает правду, что не показалось, а произошло на самом деле. Глаза ее, блеклые, с полуопущенными веками, размазывали стены, стол и даже Ширан. Та что-то пробурчала нераздельное, но отвечать не стала.

— Скажи! — вскричала Розалинда, не разобрав ее слов, — сколько еще ты будешь меня обманывать? Почему постоянно делаешь из меня... невесть что! Ответь, Ширан! Не пугай меня! Зачем... зачем... я не понимаю! Я не буду спать, пока ты не скажешь, кто это был. Зачем... ты поступаешь со мной так плохо? — последняя фраза звучала тихо, неуверенно.

Слезы стояли в ее глазах. Сжав щеки в пальцах, она опустила голову, содрогаясь. Ботинки тут же полетели по полу, стукнувшись о стену напротив. Костяшки все белели и белели, всхлипы срывались в жалобные стоны. Ширан, бросив на плечо сорочку, кинулась к ней, жестко встряхнула и, злобно смотря в лицо, сказала, скрепя зубами.

— Не делай из себя дурочку... замолчи.

— Теперь ты меня и за дурочку считаешь? Да? Держишь в неведении, зная, что мне страшно. Я тону в нем. Не надо обманывать. Просто скажи: был кто? — Розалинда стала говорить тише, будто проглатывая крики, — я замолчу и засну. Если скажешь...

— Да поняла я уже, — раздраженно выплеснула она, — все в порядке. Никто не приходил. И кому ты еще нужна? Показалось тебе... это наверху топтались. Все, давай спать. Не хватало, чтобы ты тут истеку начала.

Ширан повалила ее на кровать и погладила по лбу. Розалинда смотрела на нее, не отводя глаз, так бессильно, точно и не было того приступа. Помогая ей одеться, она настороженно наблюдала за руками — мало ли что способны они сотворить? Да и при себе ли Розалинда? Заметив то, что она уже успокоилась, Ширан забралась на свою кровать. Когда свеча была потушена, наступила тишина, и мрак обнял их, прозвучал сдавленный вопрос.

— Дверь закрыта?

— Закрыта! Закрыта! — шептала Ширан, выискивая в темноте ее силуэт, — не беспокойся. Я рядом. Мы рядом.

— Заперта? — спросила она еще более волнительно, — точно заперта? Проверь, пожалуйста. Там щель.

— И что тебе эта щель? Оттуда свет идет. Не выдумывай, прошу. Не хочу наслушаться твоих бредней, а потом смотреть в страхе в потолок.

— А мы плывем... интересно, где? Блоквел уже далеко, дом близко. А нас разбудят, Ширан? — глаза ее все слезились. Обтирая одеялом лицо, она хмыкнула, и громко перевернулась на бок, точно подпрыгнула. Пружины заскрипели, — так лучше. Прости. Филген так крепко спит. Завидую ему.

— Потому что в голову не берет всякий бред! Уже сон там видит не первый. Или ты хочешь, чтобы я тебя по головке погладила? Как мамочка? И сказочку почитала?

«Было бы славно... — мечтательно подумала Розалинда, вспоминая, как Афелиса укладывала ее спать». Она слышала ее прерывистое дыхание, ощущала подкатившую злость, но все это, на странность, забавляло. Ширан добавила, уже не шепотом, но очень тихо:

— Тебе уже двадцать один год. Что за ребячество? Как тебя такую Филген полюбил... — она цокнула языком. Розалинда знала, что все ее слова не со зла, а шутка, чтобы избавиться от раздражения.

— Ты тоже, между прочим, полюбила. И как так вышло? Неужели я опять выгляжу жалко? И это вся причина. Тогда очень глупо было тебе бежать из дома.

— Ой, ой, какая прелесть то! Извини, конечно, но сейчас я хочу спать, а не изливать чувства. Все их вылила вчера. Так что на искренности не наприсишься.

— А я когда-то напрашивалась? Все ведь было искренне, да? Почему ты говоришь такие слова... никогда я не выпытывала, даже не хотела этого делать. И не до конца верила в сказанное тобой. Все это — странно, — голос ее был уже ровным, спокойным, — все было только твое желание. Я никогда бы... нет. Ты скажешь вот-вот, что тревожиться незачем. Что все это пустяк, и мне нужно успокоение. Но, если это меня волнует, значит, не такая уж это и мелочь. Помнишь, я потеряла кольцо? Ты, Ширан, не успокаивала меня, а заставляла чувствовать все никчемнее. Внушала, что мои переживания ничего не стоят. И вправду думала, что сможешь помочь?

— Я хотела, — она вдруг села, скидывая на пол одеяло, — но не знала, как. Мне тяжело это. Прошу тебя тоже меня понять. То кольцо — случайность. Ты не намерено его потеряла. Если бы и так, то волноваться следовало бы. Иногда так тебя не понимаю и ненавижу, но люблю. С этим я тоже ничего не могу поделать. Будь ко мне благосклоннее. И мне, между прочим, нужно твое понимание. Ты точно немного эгоистка. Все в добро себе.

— Не понимаю я тебя, — Розалинда перевернулась на другой бок.

Ширан промолчала и, подождав немного, чтобы убедиться, что она успокоилась, тоже легла. Сон, неожиданно, накатиł быстро. Много сил выжала из себя Розалинда, что, вопреки

страху, глаза ее слипались. Непроницательная темнота, а дальше, спустя пару поворотов стрелки — резкий свет. Ночь уходила в рассвет. Из коридора струился по доскам свет. Тишина, какой прежде не было, и о какой мечтать нельзя, убаюкивала. Розалинда хотела проснуться раньше всех, чтобы переодеться, а потом, если получится, опять задремать. Положив в чемодан сорочку, она застегнула его и, свесив ноги, смотрела на спящего Филгена. «Не могло так произойти, что он ничего не слышал из нашего разговора. Я его разбудила, наверное, и Филген не подавал виду, чтобы услышать больше обо мне. Хитро... надеюсь, ничего лишнего в моих словах не было. Думаю, как алкоголик. Я ничего не забыла и помню все до деталей. Интересно, народ уже просыпается? Если да, то можно выйти на палубу».

Старый, отсыревший пол протяжно скрипнул под ногами. На носках, она прокралась к двери и, заглядывая в щели, пыталась уловить хоть какое-нибудь движение или звук. Только он пришел со спины. Шорох, потом стук. Заглянув через плечо, она увидела Филгена — взлохмаченного и уставшего. Будто и не спал, а хотя лег первее всех. Он подошел к ней и тихо спросил:

— Куда ты идешь?

— Куда я иду? — растеряно повторила она, — хочу на палубу. Здесь нечем дышать. А ты?

— Я тоже, — сдавленно ответил Филген.

Он пошел к кровати и вытащил чемодан. Переодеваясь, осмотрел свой костюм тщательнее обыкновенного. Розалинда, будто пришибленная, стояла у двери, смотря на спящую Ширан. «Все это было вздором. Зачем наговорила столько на нее? Что тогда у меня в голове было? Обида?». Ответ так и остался недостижимым.

— Через полчаса уже прибудем. Нужно все собрать и будить ее, — кивком указал он на Ширан.

«Полчаса. Осталось недолго жить как прежде».

16. Темное нашествие

Ночь того же дня Афелиса провела в заботах; разгребла груды непроверенных листовок, которая все скатывалась и скатывалась под письменный стол, довела до ума строительный проект и тщетно пыталась хоть на минуту забыть о Ангарете. Пусть и отвратительно ей было это слово, но по-другому нельзя — мозг забился лишь воспоминаниями об обратном пути. Спровадив его до дома, оставалось гадать — что же случилось после. Последует ли письмо? Напишет ли слово, как встретили его? Ведь, не сделается все так просто — весть о их связях уже начинает разлетаться, как сильный ветер в бурю. Тогда ей было плевать на посторонние взгляды — видела только его, счастливого и обновленного будущем. «Легкомысленный поступок, — думала Афелиса, отстукивая ритм карандашом по столу, — но как иначе? Если бы я не подошла и не обняла его, то невеста знает, чтобы он подумал. Наверное, решил бы, что между нами все покончено окончательно. Я бы тоже такой мысли не избежала. Все же... не пустяк это. Это не простая встреча, после которой и не знаю даже, кто мы друг другу.»

Ждать Леотар долго не пришлось. Раздались три стука, на которые она лениво ответила: «Входи». В ее руках были старые, потрепанные газеты, на что Афелиса усмехнулась и тут же пододвинула стул. Жестом указала она на кресло у стола и демонстративно подняла подбородок. У Леотар была и папка: из нее достала она два листка машинописного текста. Все внимание Диамет привлекли три газетные вырезки, приколотые друг к другу скрепкой. Без лишних слов она отдала все это ей.

— Их надо прочесть прежде всего, — сказала Леотар, отчужденным взглядом вглядываясь в нее.

— А эти два листка? Опять письма?

— Да. Это не важно. Посмотрите, что пишут в газетах.

НЕСЧАСТНЫЙ БРАК ВСЕМУ ВИННОЙ

В понедельник, 24 июля, смотритель общественных мест для проживаний обнаружил в одной из съёмных комнат некую женщину, лежащую в ванной с перерезанным горлом. Помощь вызвала подруга покойной, нашедшая тело Лиф Бронас, беженки из Атрандо, 23 лет.

По словам подруги, женщина долгое время была под давлением мужа-тирана, жаловалась на боль в груди и, по слухам, была беременна третьим ребенком. До этого события, по воспоминаниям родственников, никто в семье не говорил про неблагополучие. В ответ на вопросы Астерал Эзол заявила: «Не так давно моя подруга жаловалась на угрозы убийства, пыталась донести свои муки всеуслышание, но я не могла ей помочь. Один раз мне удалось вытащить ее на улицу через окно, хотя это было рискованно — беременность усугубляла ее состояние. Лиф Бронас мучилась из-за несчастного брака, хотела выпкаться из настоящего кошмара и, однажды, мне показалось, что ей все-таки удалось побороть свое горе». На следующий день ее не стало.

Муж погибшей, предполагаемый убийца, немедленно был отыщен. Сообщается, что он предпринимал попытки побега из страны, во избежание уголовной наказуемости. Сейчас виновник находится под стражей и всячески отрицает грех. Как бы не оправдывался Оид Бронас, официальный вердикт об убийстве не изменить.

Другая вырезка:

ЮНОЕ ЛАКОМСТВО

В течение прошлой и этой недель стали известны вести о массовых исчезновениях

подростков, в особенности мальчиков. Была выдвинута версия о создавшихся притонах для тех, кому требует помочь и, как заверяют сыщики, после бесед с родителями пропавших, в большинстве случаев дети бегут из неблагополучных семей, не способных обеспечить их. Ведущий этого дела — Як Тарлес отметил, что ни одно из всех найденных полицией писем не показывает на свет истинные мотивы этой странной ситуации. Дело находится в активном следствии. Народ встревожен и требует как можно скорее обличить злоумышленника.

По словам родителей и опекунов, ничего в поведении пропавших детей не вызывало вопросов. У некоторых был замечен перепад настроения, частые головные боли и чрезвычайная тревожность. Отец пострадавшего — Неал Мосс поговорил с Яком Тарлесом и дал следующее утверждение: «Накануне мой ребенок часто избегал разговоров со мной. Это случилось так внезапно, что я едва ли мог понять, что случилось. Как Вы говорили, господин, что неожиданностей в поведении не замечалось, я отвечу — это непристойность. В безразличии виновны лишь те, под чьим крылом находились бедные дети. Мой мальчик исчез. Я проснулся до рассвета, чтобы отправиться на рыбалку, но его нигде не было. Стал бить тревогу. Обшарил все его ящики, чтобы найти хоть что-то, но, сами понимаете, я был сбит. В моих руках оказалось снотворное. Оно было не то, каким люди привыкли его видеть. Прежде я всегда ограждал сына от непонятных лекарств и никогда бы не подумал, что он упрячет их и ни слова не скажет мне».

Доктор Браес Маро, которой доверили изучить данный препарат, утвердила, что таблетки содержат в себе опасную смесь, приучающую организм к сильной зависимости. На вопрос, в каких ситуациях пациентам выписывают это снотворное, доктор Маро ответила, что принятие продукта противопоказано, и этот запрет должен быть воздвигнут на законодательном уровне, иначе дети так и продолжают бездумно пить отраву.

Як Тарлес не оставил без внимания и письма жертв. Содержание их было адресовано близким и, как показала экспертиза, все они — одинакового содержания. Слово в слово была написана каждая строка. Любовь и сожаление — все, о чем писали дети.

Позднее женщина, жительница поселка у Большого озера, дала знать следствию, что из соседнего дома часто много шума, в основном песни, напоминающие такие, какие поют в дань жертвы всевышним. Сосед был ей малознаком. Известно, что у него было пятеро маленьких детей, но никакого признака их нахождения в стенах дома не было замечено. Это поставило под сомнение сыщиков. Во избежание подозрений, Як Тарлес решил опросить мужчину, представившегося как Хамель Эбет, о том, как часто он слышал случаи исчезновения детей, и кто, по его мнению, может быть причастен. Долгое время Хамель Эбет оттягивал встречу и просил для чего-то подождать сыщика. Топот и всхлипы — то, что слышал он за дверью. Стало ясно, что выходить на связь с этим человеком опасно и, прежде всего, нужно было немедленно звать помощь в случае нападения.

В доме предполагаемого злоумышленника обнаружили детские вещи и рисунки. На вопрос о песнях в ночное время, он дал ответ, что ничего не было. Як Тарлес записал их разговор и предоставил нам, как то, за что следовало бы зацепиться.

Опрос Хамеля Эбета. Ведущий следствие — Як Тарлес.

— «Часто ли Вы общаетесь с соседями? Интересуются ли они Вами?»

— «Я прибыл недавно. Мне не до них».

— «Хорошо. Тогда откуда они знают о том, что у Вас было пять детей?»

— «Мне откуда знать? Я живу один».

— «Значит, Вы не отрицаете, что были отцом?»

— «Нет. Не пойму, в чем Вы меня подозреваете?»

— «Где сейчас эти дети?»

— «Не знаю. Вы на мой вопрос ответьте, ворвались, значит, и что-то требуете».

— «Откуда у вас детская одежда?»

— «Племянница приезжала. Оставила все».

— «Мне нужно будет обследовать Ваш дом, чтобы убедиться, что Вы чисты на совесть».

Никакого сопротивления не возникло. В доме обнаружилось много кукол, заколок, детских сомнительных портретов, содержащих непристойности и излишнюю откровенность.

Хамеля Эбета увели под стражу. Доктор Браес Маро дала знать, что на левом плече была непонятная надпись, как выяснилось, на древнем языке. Символика. В доме злоумышленника сохранилось свежее мясо в большом количестве — как показала экспертиза, не свинина, а человечина. Суд не сталкивался с подомным преступлением, но и решать долго не стала — прилюдная казнь.

Расследование все еще ведется. Целая команда людей пытается разобраться во всех уловках антропофагиста.

За этими и другими новостями следите в газете «Правда вслепую».

И последняя вырезка, давшая задуматься еще больше:

ТЕМНОЕ НАШЕСТВИЕ

В среду, 26 июля, были замечены сразу несколько вторжений в жилые комплексы. Лица неизвестных были скрыты за черными мантиями. Установлено пятеро человек. Произошел расстрел, в ходе которого было найдено двое погибших — мужчина и женщина, а также десять раненных. Полиция прибыла вовремя и в данный момент ведет расследования.

Еще не установлены личности убийц, но предполагают, что это — темные маги. Призываем вас оставаться дома, пока ситуация не прояснится.

Берегите себя.

Афелиса отбросила вырезки, и сложила руки на груди. Вид ее переменялся: стеклянный, нахмуренный взгляд пожирал Леотар. Можно подумать, что она — виновник всех происшествий. Но Диамет требовала больших объяснений и ее голоса. Понимая сию немую просьбу, Леотар собралась духом, и высказалась:

— Как видите, эти ситуации не случайны. Все эти пять лет мы жили в мире и согласии, но теперь... — она сглотнула и вновь продолжила, — теперь полная катастрофа. Ваших благодеяний оказалось недостаточно, чтобы обезопасить народ. Нужно действовать. Немедленно. Иначе до добра это не доведет. Эти письма, — Леотар сильнее сжала листы, — я их прочла. Не беспокойтесь, личного ничего нет. Одно из них, на которое прежде всего нужно обратить внимание — обращение того самого сыщика Яка Тарлеса. Просьба на встречу. Ему есть, что обсудить с Вами. Так что будет разумно согласиться и согласовать с ним... к тому же, госпожа, узнать обо всех минувших событиях из его уст. Второе — тоже от него. Только там уже подсчет жертв и наставления. Ознакомьтесь с этим самостоятельно.

— А ты как думаешь? — требовательно спросила Афелиса, — чернокнижники способны на такое? Или это другая какая-нибудь организация?

Вопрос был провокационным. Диамет хорошо знала, что Леотар придерживается стороны, обвиняющий во всех несчастьях черный плод — чернокнижников. Ей хотелось убедиться, что намерения ее тверды, и выслушать ее под возмущением, а чувство это пылкое и открывает многое о человеке.

— Способны! — воскликнула она, отрываясь от кресла, — как Вы не понимаете? Или, может, меня хотите испытать? На протяжении многих лет они создавали нам угрозу. А из-за чего? А, мошенники! Подлость и гадость! Мщения они хотят, да и пусть подавятся! Не нужны нам такие соседи, пусть убираются вон. Никой он нам теперь не братский народ. Враждующий! Сегодня прибудет этот господин. Вы должны согласиться на встречу. Сейчас рисковать никак нельзя. Один неверный шаг, и мы полетим в ту же пропасть, из какой выбрались. Даже охотники не были для нас настолько опасными. Они были вынуждены Теневым правительством. А оно-то и породило этих чертей. И не знаю, как их назвать по-другому. В общем, мы ждем Ваших решений. Я поговорю еще с Анариэлем. Пусть тоже прислушается к опасности...

— Несомненно, Леотар! — сказала она с торжественностью, вставая со стула, — зовите сюда этого сыщика. Только вот, бумага кончилась. Не могли бы принести? Нужно с уважением отнестись к такой особе.

— Принесу, принесу! Конечно, как отказать... подождите. Нужно поторопиться, а то разговор может затянуться. И обязательно! — энергично ударила Леотар на последнее слово, — обязательно спросите, нужны ли присутствующие, или нет. Я бы хотела послушать его, но тут... дело-то нелегкое.

— Да-да. Скорее несите бумагу.

Они замолчали. Леотар тут же в попыхах бросилась на выход, что-то бормоча себе под нос, по привычке. Афелиса повернулась к окну, разглядывая пыльный сад; через минуту взяла письмо от Яка Тарлеса и прочла. Оказалось оно коротким и высокопарным, что вызвало лишь усмешку. Недавние события не могли оставить ее в покое, как бы хорошо она не претворялась человеком, уверенным в своих доводах. На самом деле пугал больше не факт смертей и угроз, а то, что она допустила сделать что-то не так. Пусть и бессознательно, но Афелиса хотела оправдать ожидания, которые были возложены на нее. «Скоро это закончится, — заключила она, — чернокнижники... чего они хотят? Славы? На что? На их червивое имя? Или их мотивы намного глубже, а я сужу лишь о фактах всем известных? Может быть они знают обо мне гораздо больше, чем мой народ. И что будет, будь моя тайна раскрытой?». Вспоминались ей утешительные слова Хакан: «Кровь ничего не говорит о тебе. Говорят только поступки. Поступай так, как любо народу, и будет тебе благополучие». О безмолвности крови старушка твердила еще с раннего детства. Стало быть, нужно было сделать так, чтобы маленькая Афелиса не узнала о своей «печати», но Хакан никогда не скрывала и делала так, чтобы никакой обиды не было. И правильно поступила. Что бы думала о себе Афелиса, не зная, что это за отметина на теле? Если бы, кто-нибудь увидел? Тогда все бы ее будущее рухнуло. Даже Леотар — одна из ее воспитательниц, не знала об ее темной сущности.

Ждать ее долго не пришлось. Придя с огромной кипой бумаг, она положила стопку в шкаф и, достав один лист, отнесла на стол.

— Вот. Прошу, не откладываете. И про вопрос не забудьте, — засуетилась Леотар, вертясь возле стола, — делайте все, как обычно. И чтобы подчерк разборчивым, аккуратным был, и...

— Все будет, — успокоила ее Афелиса, — только, прошу, не маячьте у меня перед глазами. А то, небось, и кляксу сделаю, или ошибку в слове совершу.

— Даже и не думайте о таком! И вправду, сделаете... все, не мешаю. Через полчаса приду за письмом. А конверт у вас есть?

— Надо же, и конверта нет, — с наигранным удивлением проговорила она, садясь за стол, — будьте добры, принесите. Да, полчаса хватит. Думаю, управлюсь быстрее.

Так и произошло. Не прошло и пятнадцати минут, как ушла Леотар, а письмо было уже написано. Афелиса думала уже, что, стало быть, нужно позвать ее, но вдруг увидела она, как дверь тихонько открывается, и из щели выглядывает настороженное ее лицо. «Проходи» — и, по приказу, Леотар вошла. Конверт дрожал в ее пальцах; потом она еще долго вглядывалась в пару строк, проверяла, насколько разборчиво писала ее рука. Она медлила; даже, как будто, боялась запечатывать. «Такой судьбоносный момент. Неудивительно, что Леотар подвержена такой тревоге. Не всегда ей держаться уверенно и гордо — размышляла Афелиса, лениво смотря на нее, — когда ведь она тоже учила меня читать и писать. Раньше я чувствовала ее превосходство надо мной, но теперь все иначе. И это так... непривычно». Последний, удовлетворительный вздох. Письмо все же оказалось в конверте.

— Спасибо большое, госпожа! Так быстро... Честно, я думала, что Вы долго будете собираться с мыслями. Ну, ладно, я пойду, — она от счастья махнула письмом и, остановившись у порога, оторопела, — совсем забыла сказать. Вы уж извините. Я не только за этой драгоценностью пришла, но и объявить, что к Вам гость проситься. А впустить без Вашего ведома и разрешения не могу. Мужчина представился, как Элеон Алгрес. Вам знаком?

«Элеон Алгрес. Что-то знакомое, — Афелиса стала проворачивать в голове недавние события, — Ангарет? Его официальное имя? Да, оно! Но что он забыл здесь, когда по улицам смерть бродит?». Стала подкатывать злость. Леотар это заметила и уже хотела сделать шаг к порогу, как Диамет сдержанно сказала:

— Проводи его до моего кабинета. Нам не нужны посторонние.

— Как прикажете.

Раздражение это, как оказалось, было зачатком волнения. Ведь, что угодно могло случиться с ним! И Афелиса не будет знать. Сколько дорог он прошел и неужели не подверг себя опасности? «Нет. Нужно уже какой-то закон делать, чтобы никто не выходил сейчас на улицу. А то не доведет до добра... Ангарет, Ангарет, ну кто тебя просил?». Да, без него было тоскливо и одиноко, но гораздо важнее было осознавать то, что он не под риском. Если уж он дошел до замка, то, значит, без приключений. Ждала Афелиса, когда дверь откроется, как самого значимого момента. Сердце ее робело, а фантазия и представить не могла, о чем он так желает поговорить. «Нужна же ему какая-то причина, чтобы идти на другой конец города и не попасться варварам. А вот про них... нужно не только с Леотар поговорить, но и с Анариэлем». Не знает она, сколько прошло — пара минут, или целая вечность. На пороге стоял он, Элеон Алгрес. За ним мелькала Леотар и, видимо вспомнив наставление не вмешиваться, пошла по коридору. Осторожно затворив двери, он прошел вперед и с какой-то стыдливостью остановился подле нее. Невредимый и улыбающийся.

— Тебе слишком скучно стало, да? — начала Афелиса, вместо приветствия, — без происшествий дошел? И кто тебя вынудил? Или ты по своему желанию явился?

— По своему желанию, — подтвердил Ангарет, — все хорошо! Правда! Я шел окольными путями. Не хотелось брать дрожки. На них только внимание привлек бы. Тогда бы точно не доехал. Ну, Афелиса, ничего не произошло такого страшного... — нежно произнес он и полез обниматься, — я так скучал! Не мог терпеть! С таким кошмаром на улице, мы никогда не встретимся? — прижавшись к ее щеке, он спросил, заволновавшись, — я не отвлек тебя от дел? Просто та женщина... ты с ней работаешь, да? Выглядела немного

сердитой и возбужденной. И я подумал... — тяжелый вздох, — что не нужно было, наверное...

Афелиса слушала его, не решаясь обнять. Когда согревающее дыхание прошло по затылку, она вздрогнула и, все же, прижалась к нему. У нее промелькнула мысль: «Не сумасшедший ли?». Но тут же избавилась от нее: нет, нет, здесь только чистая тоска! Ангарет улыбался так, что, кажется, ничего и не случилось. Все трагедии совершались, будто все в его мире. И тут внезапно что-то мазнуло по щеке — он быстро поцеловал и отпрянул.

— Я не понимаю... вполне. Тебе самому-то не страшно? А от дела ты не отвлек. Мы только-только закончили. Правда, чувствую, мало у нас времени осталось. Сегодня слишком тревожный день, а тут ты, как ясное солнце. Раз не мог терпеть, то написал бы письмо, в конце концов! Почта еще работает. И я бы послала карету за тобой. Вы хоть запираетесь? Если нет, то стоило бы... а то, мало ли нам смертей? Предостаточно!

— Я, по-моему, стал понимать тебя еще больше, — говорил Ангарет, лукаво смотря на нее, — это было мое решение. И ты бы не стала виноватой, если бы со мной что-то приключилось. Так что на тебе ответственности не лежит никакой. Мания контроля у тебя только усугубляется. И знаю, что так заставило перемениться. Даже тогда ты мне шагу не давала, но я терпел. Все же ради меня. А о себе ты подумала?

— Когда же мне еще в раздумья о себе пускаться? Полно, Ангарет, не мучь меня, — страдальчески попросила она, — это можно обернуться... черт пойми чем! Даже думать не хочу! У нас и так мало времени и, так полагаю, последнее на сегодня. Свободна я только ночью.

— Вот ночью и приду, — отчаянно проговорил он, снова обняв ее крепко-крепко, — я буду тебя ждать. И что будет? Если не секрет. А то знаешь, отец в свои годы многое скрывал от нас двоих. И, собственно, ничего хорошего из этого не вышло. Так что давай, Афелиса, я тебя выслушаю.

— Ты читал газеты? — игнорируя его вопрос, она отшатнулась и с грустной улыбкой взглянула на него.

— Читал. Это ужасно, Афелиса. Как только прибыл сюда, так все вот это началось... но не вини меня. И ты не виновата. Виноваты те, кто устроил это, и никто другой. Надеюсь, вы справитесь с этим, пока конфликт с чернокнижниками не разгорелся.

— Ты тоже считаешь, что они — виновники? — она слегка оттолкнула его и посмотрела прямо в глаза.

— Конечно. А кто же еще? А ты... не думаешь так? Или просто проверяешь меня на то, к какой стороне я поддался? Не волнуйся! И, кстати, если захочешь, я могу остаться в замке, сколько угодно. Так нам вдвоем будем безопаснее, — Ангарет взял ее пальцы и поднес к губам, — я так скучал... знаешь, прошла вроде бы ночь, а ощущается, что несколько лет. Даже то наше расставание не казалось мне таким долгим. Поначалу. А тут и жизнь перед глазами пролетела. Ты изменилась, и я хорош. Я могу помочь тебе, если потребуется, и ты меня подпустишь к бумагам. А то вижу, бардак тут у тебя, — он обвел взглядом верхние и нижние полки за ее плечом, — помнится, отец не терпел и соринки на дальних полках! Такое чистоплюбие губит человека!

— Мне интересно то, что ты думаешь. Нет, не нужно. Ты сюда убираться пришел, или со мной поговорить? На это есть другие люди.

— Честно, не только поговорить...

Так и прошли эти до жалости неуловимые полчаса — в ласках и смехе, как и тогда на

берегу. Иногда из ниоткуда возникало мгновение резкой задумчивости, притупленности, что доходила до неловкости. Афелиса успела расспросить Ангарета о возвращении: как только она умчалась прочь, его встречали все жители и, заметив, как он спустился с седла, хлынули толпой. Он упорно молчал и оправдался необходимым делом. Так весь гам и замяли. Конечно, относиться к нему стали по-другому: с осторожностью и подозрением. Детвора, те, кто посмелее, стучались в дверь, и с ходу спрашивали: «А Вы что, господин Алгрес, из особенных?». Но черт знает, кого из «особенных» они имели в виду. Им, видно, бабки нашептали, и они бездумно полезли, чуть ли не на руки. «Чересчур много чести, — добавил он в конце, — я с таким и при своей династии не сталкивался». Все обошлось хорошо, но оставалось немного подождать. Сомнение о слухах не оставляло их в покое.

Эти золотые минуты прервала Леотар, а за ней — мужчина средних лет с пышными бакенбардами. Рассмотреть его черты Афелиса не могла, но поняла сразу — это Як Тарлес. Немая неожиданность повисла над ними. Ангарет понял, что нужно уходить и, глубоко поклонившись Диамет, кинулся прочь, проснувшись через вошедших. «Извините, господин», — последнее, что он произнес, едва ли не оступившись. Леотар переступила порог торжественно, с надменным видом.

— Прошу представить, господин Як Тарлес требует разговора с вами, — и немедленно вышла за дверь.

Как только свет коснулся его лица, Афелиса разглядела то, какое не тронула старость. Одет он был, как нынче одевались выходцы из светских семей, так что, неоспоримо, статус он имел большой. Разглядывая обстановку, Як Тарлес молчал, и вдруг его точно что-то ударило внутри, и он с поклоном отдал честь:

— Ваше Величество, Вы и не представляете, как дорога для меня эта беседа, — голос его звучал басисто, иногда и слишком тихо, — госпожа Леотар уже представила меня, да и я Вам не так уж и незнакомец. Признаться, и не думал, что дождусь ответа. Но так как дело не менее великой важности, чем ваша честь, то откладывать его — опрометчивый поступок, — он замолчал, точно пресекаясь. Потом поспешно подошел к креслу и продолжил, — могу ли я сесть, собственно? Все же нам есть, что обсудить. И займет это, я надеюсь, не полчаса, как обычно бывает.

— Конечно. Садитесь, — Афелиса без промедлений опустилась на стул и положила локти на край стола, пряча ладони, — да, ситуация нелегкая. Я бы желала поговорить с Вами. Но, прошу, во всех подробностях. Сегодня мне давали вырезки из газеты «Правда вслепую». Мне нужно знать все, что не пропустила редакция. Прошу, начинайте.

— Наша редакция пропускает все, но не в мельчайших деталях, прошу заметить. Я не думаю, что Вы будете в чем-то подозревать. И, так понимаю, Вам приносили свежий выпуск? — заметив ее кивок, он удовлетворенно проговорил, — тогда просто прекрасно. Так, как я понимаю, происходит некая задержка, поэтому могут попадаться старые номера. Вы читали только об убийствах?

— Да. А есть что-то другое?

— Сейчас хорошо промышляет мелкое воровство. Хорошо, что до большого не дошли. В основном это совсем дети из бедных семей, но это и не удивляет. Они, как правило, и попадают на улочку того же Хамеля Эбета. Вас заинтересовала эта новость? В давешнее время была распространена антропофагия. Сейчас, когда у нас у каждого есть крыша над головой и известных способ заработка, меня неприятно удивляет то, что некоторые до сих пор охотятся за людьми и видят в них мясо. Но это не настолько важно, сколько это безумие.

Вчерашние и этот день — пик этих варваров. И вы спросите, чем я подозреваю группировку чернокнижников? У всех у них есть символ на плече, который они даже в жаркую погоду скрывают. Что бишь я еще хотел заметить, — продолжал он, с усилием припоминая. Черты его дрожали: Як Тарлес сильно волновался, — да; пожалуйста. Конечно, у них уже как обычай надевать черные мантии. Но все еще не понятен мотив...

— Госпожа Леотар предположила, что это месть. Они хотят отвоевать нашу землю, — дождавшись, пока он полностью выскажется, Афелиса сказала, — да и большинство поддерживают эту теорию. Только вот, плохо верится, что единственная цель — месть.

— Почему же? Разве они на что-то другое способны? — встревожился он.

— Еще как способны. Природа дала им убивающую силу, а нам — исцеляющую. Большое и грозное всегда подавляет маленькое, и называет его агрессором. И всегда эти жертвы знают куда больше, чем нападающие. Так что давайте не будем обманывать себя. Чернокнижники не так просты.

— Может быть и так. Эти черти слишком протестные. Мы не уживемся с ними на одной земле. Либо мы, либо они. От грани до грани. Другого исхода я не вижу, — произнёс он уже более уверенно.

— Нельзя развязывать войну. Нужно, для начала, обезопасить город и мелкие поселения. Я займусь этим сегодня. А Вас попрошу следить также тщательно и быть верным работе. Но, надо сказать... — она запнулась, — и говорить я с ними не вижу толка. Долго время прежде правительство было сторонником пацифизма, и что из этого вышло? Мы получили не удар, а пулю в лоб. Ситуация обостряется и не уступит по количеству жертв схваткам с охотниками. Нужно понять и принять это. Не нужно бунтовать. Я посещала их деревни. В основном они действуют поодиночке, редко в команде.

— И тот случай с «темным нашествием» был исключением?

— Да. Им нужно было управиться не с одним человеком, а сразу с несколькими. Вы присутствовали на экспертизе тел? Нанесение ранений многое может сказать об убийце.

— Да. Зрелище... неприятное, но я был вынужден. Мне тоже было это любопытно. А уж такой человек, что мне нужно видеть все своими глазами, нежели довериться врачу, — говорил он отдельно, с видимым отвращением, — могу сказать, что раны, в отличие от символов, не одинаковые. И такое ощущение, что сделаны наверняка. Присутствовала доктор Браес Маро, с которой я сотрудничаю. На одном человеке она насчитала десять ударов ножом, а в другом обнаружила одну пулю в затылке. Тут уж зависит от того, кто совершал убийство.

— Когда прибыла полиция? Кто сообщил? Беженцы? — с заинтересованностью спрашивала Афелиса.

— Да. Жители, которые успели убежать. О самой этой истории я знаю поверхностно, так что попросил редакцию журнала не распространяться о том, что еще не доказано. Не менее интересна история о Лиф Бронас. Она оставила после себя не только умерший плод, но и много уловок.

— Лиф Бронас... это? — она помнила все вырезки, но некоторые имена — нет.

— Беженка из Атрандо. Статья о ней называется, как я помню, «Несчастный брак всему виной». Я был и на ее вскрытии. Врачи подтвердили вердикт, что это было убийство. Суд над ее мужем состоялся. Но, что странно — на ее теле не было замечено результата насильственных действий. А как говорили, что он часто унижал жену и доводил ее до частых обмороков.

— Сколько лет они пробыли в браке?

— Еще и год не минул. Так что и в этой истории нельзя не подозревать чернокнижников. Не понимаю, кто будет общаться с жертвой больше года, чтобы ее убить? Только безумец. Так что другого объяснения нет. Нужно немедленно защищать границы города и отсылать военных на патрулирование в деревни. Пока не поздно. Поздно наступит тогда, когда они доберутся до замка.

— Я думала об этом. В этот день все решится. Понятно, что все факторы указывают на вмешательство темных магов. Они решили нападать не целой гурьбой, а подстроить все убийства, не раскрываясь. Они никогда смело не заявят о себе, — сказала Афелиса, откидываясь на спинку стула, — все же они боятся. Боятся быть рассекреченными. Но неужели они считают нас настолько глупыми? Этот переворот был слишком внезапен, чтобы не заметить его.

— Видимо, это так, — пожал он плечами, — но я не изучал их народ. Если ситуация обострится, чего я не жду, то придется, — придерживаясь обоими ладонями за ручки, Як Тарлес медленно поднимался, — Вы меня выслушали и, надеюсь, что-то заключили из моих слов.

— Да. Не волнуйтесь, — с облегчением проговорила она, вставая следом, — теперь я убеждена окончательно, что это их проделки.

— А что ж Вы? Раньше сомневались? — как бы не веря услышанному, спросил он, оборачиваясь.

— Часто в такие дела вмешиваются сила извне. Организация. Не можем утверждать, хватит ли им золота подкупить их. Но мысль неплоха.

— Что же, что же... это спорно, — он улыбнулся, и, откланявшись, проговорил, — очень почтенно мне, простому сыщику разговаривать с Вами. Пожалуй, эта ситуация что-то хорошее и принесла.

Лукавство послышалось в его голове. Он смотрел на нее в упор, говоря это, будто хотел запомнить все ее черты в момент встречи и четко передать кому-нибудь. Афелиса отвела взгляд — эти жадные, пристальные глаза чуть ли не съедали душу. Еще раз поблагодарив за встречу, он вышел — из приоткрытой двери показалась спина Леотар. «Все-таки все это время наблюдала и слушала. Что он ответил на вопрос в письме? Неужели она не показала мне его? И зачем это ей?». Озадаченной была Афелиса, что впала вдруг в исступление: все те новости об убийствах, угрозах и нашествиях чернокнижников, не оставили ее в простом раздумье, понятно одно — нужно поскорее всех собирать и немедленно предпринять действия. «Иначе Гроунстен развалится. На мне. На моей совести, на моем имени... — в ужасе она опустилась на диван, — на моем имени. Нельзя этого допустить. Что же потом станет? Бунт? Другая волна смертей? Остров снова захватят?».

— Я не отдамся мукам.

Прошептала она про себя с болью и с ненавистью, осознавая, что не может подчиниться никаким внешним преградам, и приходила от этой мысли в еще большее раздражение. Ангарет так и не появился. Леотар, видимо, отвела его в приемную комнату и скоро пришла сама. Афелиса ожидала увидеть восторг на ее лице от того, что беседа состоялась. Но встретила, напротив, опечаленные глаза. Она подошла к окну и долго молчала; Диамет прерывать не стала. «Вдруг я чего-нибудь испорчу? Она думает и, наверное, об этих событиях». Избегать этого факта было недопустимо. Приходилось вновь рисковать сном и нервами.

— Он говорил все верно, — внезапно сказала Леотар унылым тоном, — Анариэль скоро придет. Должен. Тогда и начнем беседовать об этом. Ничего ведь, что я подслушивала? Мне было слишком интересно, и не вмешиваться я не могла. Хотелось все услышать. Понять все. Анариэлю тоже есть, что сказать. Мы не останемся в беде, — эту фразу произнесла она с непринужденной улыбкой, — верно ли я думаю, что вы боитесь распада? Боитесь того, что кто-то займет ваше место?

— Как же не опасаться? — Афелиса заметила слово, считая его более подходящим, — только и ждать беды. Это не странно. Это ожидаемо вполне. И правильно Як Тарлес сказал, что либо мы, либо они. С этим уж не поспоришь. Честно, я всеми силами отрицала это, хоть и знала, что так оно и будет. Не хочется мне войны между братскими народами.

— Братскими? — она обернулась, критично смотря на нее, — только по легенде. Не стоит на этом заикливаться. Кстати, что этот Элеон Алгрес? Он... человек? То есть, обычный?

— Да. Из простого народа, — ответила Афелиса, зная, что скрывать ничего не стоит. Иначе покажется дурочкой, — но он не опасен. Он мой хороший друг, так что не стоит его подозревать.

— Знаете, госпожа, — начала она более резким, серьезным тоном, — не нужно удивляться, если от отличных друзей в Вас влетела отличная подстава. Эти люди очень двуличны. Мы не должны были их впускать. Надеюсь, что подозревать его действительно не в чем, — заметив ее осуждающий взгляд, Леотар добавила, — я переживаю за Вас. Переживаю за будущее нашей земли. Не из-за какого-то слова умершей, как Вы думаете, а из-за собственного желания. Я, между прочим, тоже не лишняя человек в Вашей жизни. Если Вы помните, а то без этого трудно понять.

— Я все понимаю. Спасибо. Но он такая же жертва угроз, войны, как и маги. И он хорошо прижился здесь. Так что не нужно волнений.

Афелиса уверена, что Леотар бы продолжила настаивать, попыталась бы ее переубедить, но вскоре появился Анариэль, и эта тема стала настолько мелкой, что тут же затмилась. Выглядел он как всегда настороженным, но шел уверенно. Поприветствовав всех, он сел на диван подле Диамет.

— Вы хорошо знаете, что случилось? — спросила Леотар, опускаясь в то же кресло.

— Как не знать. Только глухой не узнает. Я уже дал распоряжение отправляться на окраину и патрулировать город. Теперь они и внутри.

— Этого мы и хотели, — сказала Афелиса, закидывая локоть на спинку дивана, — сейчас нужно установить час, когда немедленно будет нужно возвращаться по домам. Но, кажется, что для чернокнижников это не помеха. Они и днем атакуют. От них уже не так легко избавиться, как от охотников. Барьер они могут сломать, и кому известно, что они там готовят...

— Ты ведь не можешь уже пойти в деревню? — произнесла, Леотар поджала губы.

— Не могу. Все знают меня. Это опасно. Ехать туда — значит заявить о войне. Подобные действия я не могу допустить. Единственное, что можно сделать — подчинить их, как и было прежде. Сделать рабами. Только вот, хотелось бы четко иметь представление, как у них все изменилось за пять лет. Может, уже какой-то дворец стоит и город процветает. А их правитель представил себе границу. Они, видимо, думают, что маги намного слабее охотников и их, и решили голос подать. Но все равно поступок трусливый. Они должны сказать хоть что-то, а не делать все молчком.

— Они говорят действиями, а не словами, — резко и презрительно ответил Анариэль, — и нам долго мусолить эту тему не надо. А-то проговоримся, и невесть что произойдет, пока что-то решать будем.

— Да, Афелиса, — Леотар вздохнула, — раз уж город уже патрулируют, то нужно написать указ о том, чтобы они задерживали людей на улице после десяти. Не важно, кто бы это был. Пусть людям тоже будет уроком.

— Сейчас-то шибко никого нет. Возвращаясь в замок, чувствовал, что что-то нарушил. Ни души. Только собаки за заборами. Да и они как-то напуганы. Жду подписание указа и отдаю им приказ, — он поднялся и посмотрел на Афелису, — другого времени не будет. Только что велишь делать с чернокнижниками? Расстреливать?

— Пусть обращают внимание на внешний вид. Люди могут претвориться ими, чтобы обезопасить себя. Лучше сначала обездвигить и выпытать, как таков. Потом застреливать.

— Много времени пройдет в пустую. Через какое-то время они могут снять с себя обездвигивание и напасть. Нужно стрелять сразу. А пьяниц и наркоманов в смирительный дом. Всех, кто неважно выглядит. Их бы, убийц, тоже всех туда, чтобы допросить. Но разве проговорятся?

— Под дулом что-то и скажут. Все равно те, кто ими управляют не узнают, кто выговорился. Да и помойнику уже не важно будет, что и кто там на него говорит, — Афелиса быстро встала и села за стол, — подожди, Анариэль. Пойдешь с приказом. Стражников нужно поставить на верный лад. Не запугивай их сильно. Просто пригрози законом, если что-то не будет выполняться. А-то из-за тревоги себя или товарища застрелят. И пусть их проверяют, нездоровых — сразу в смирительный.

— Так всегда и было, Афелиса.

— Знаю я, как было, — она насмешливо кивнула, — пусть взятки не берут. Таких тоже нужно допрашивать и сажать за решетку. Порядка у нас нет, только войны и учат, как вести себя.

Ждать пришлось не долго: написав указ, она отпустила Анариэля, после него ушла и Леотар. Тишина, предвещавшая бурю. Прекрасный покой, и он был таким, только в конце его стояла смерть — холодная и угрожающая, как туманное утро. Насладиться ей сполна ей не удалось — ожидания теребили нервы: когда еще вернется Анариэль? Афелиса не хотела рисковать, но хотела знать, как проходит патрулирование и насколько бдительны люди. «Народ не может погибнуть из-за моего неверного решения. Я хорошо все обдумала — нападать нельзя. Нужно обезопаситься и ждать их голоса. Но вот вопрос: знают ли они, что я в каком-то роде чернокнижница? Возможно, они хотят уравнивать права и вступить в наше общество. Но с чего бы им тогда так вымещать злость на людей? Они могли кого-то послать — это еще никто не отменял. Или сам вождь бы явился, чего бояться? Если уж заявлять о себе, как заявлять...». Больше думать об этом не хотелось. Афелиса быстро вышла из кабинета, провернула ключ в скважине и пустилась по коридору. Ангарет должен быть в одной из гостевых комнат: но в какой именно? Их было пять. Некоторые из них заняты служанками, другие — пылятся. На первом этаже никого не оказалось. На втором она наткнулась на служанку, идущую в одну из гостевых комнат, заглянула, проходя мимо, а там, у окна, поникший в солнце, Ангарет. Дождавшись, когда служанка уйдет, она быстро прошмыгнула в комнату и затворила дверь.

Ангарет вздрогнул, чуть ли не подскочил, а уж потом обернулся на звук.

— Афелиса..? А ты уже свободна, да? Я думал, до ночи придется ждать, — проговорил

он взволнованно, проходя к ней, — ты уже закончила?

— Не совсем, — она села на край кровати, пальцами разминая шею, — еще много работы.

— Тогда почему ты здесь?

Она подняла взгляд: перед ней стоял он — опечаленный, но вместе с тем удивленный. Черный его сюртук лежал на кровати, вместе с каким-то кулоном.

— Потому что жду, когда мне доложат о результатах. Одной скучно. Очень, — ответила Афелиса.

— Тебя не потеряют? Может, подумают чего... давай я оденусь, и мы сходим во двор? — он уже схватился за сюртук, как она дернула его руку, — ты чего?

— Нельзя туда идти. Опасно. Не надо, пожалуйста. Мы только недавно встретились, а ты уже хочешь умереть? — в голосе ее послышалось мучение, — и не думай об этом. Даже замок, возможно, скоро станет для нас угрозой.

— Пока ведь не стал. И через ворота никто не выстрелит. Пойдем, Афелиса, ты уже перетрудилась и неважно выглядишь. Тебе нужен отдых. Еще ты переволновалась и не можешь думать ни о чем другом, — он опустил перед ней на колени и взял за руки, — пока есть время. Потом ты опять будешь занята и, боюсь, придешь только ночью.

— Я же говорю, Ангарет. Не хочу, чтобы ты... мы туда ходили. Там пыльно и грязно, никаких красот. Тем более жарко. Давай останемся, — она хотела было отдернуть ладони, но не успела — Ангарет целовал пальцы, медленно поднимаясь выше, — только не говори, что уйдешь сегодня. Я не усну и покончу с собой.

— Как покончишь? — он удивленно распахнул глаза и сжал ее ладони сильнее, да так, что кожа побледнела на месте пальцев, — ты еще и думаешь об этом? Конечно не уйду! Ты меня за глупого совсем держишь? Хорошая попытка удержать меня. Но очень жесткая. Не думай о таком.

— Ты чего это так? — с ее губ сорвался смешок, — это шутка. Безобидная. Не собираюсь я умирать, иначе жизнь государства будет в могиле. Это хорошо, что не уйдешь. Ты взял с собой вещи? Можешь оставаться, пока вся гибель не закончиться.

— Вот это выбор конечно... — он покачал головой и бросился к окну, вставая на колени, — у меня не только вещи есть. А еще это! — что-то зашуршало. Послышался звон стекла.

Афелиса обернулась на звук, но Ангарет вовремя припрятал нечто за спиной. Улыбаясь, он отступал все дальше, чтобы ничего не было видно, и, дойдя до Афелисы, отошел назад. Она напряглась, а он, увидя ее резкое движение, весело спросил:

— Догадываешься, что я мог взять для тебя?

— Судя по звуку — что-то стеклянное. Так что тебе нужно было осторожнее вытаскивать. Тогда я бы не могла ничего ответить.

У нее были догадки, но разрушать эту томящую, задорную минуту не хотелось. Ей хотелось повременить с ответом, чтобы подольше насладиться его родной улыбкой, сверкающими глазами — и все это пронеслось сквозь года, оставаясь неизменным. Ангарет кивнул, но еще не раскрыл загадку. «Алкоголь, — подумала Афелиса, — а если нет? Вдруг ему в голову взбредет, что я только об этом и думаю? Может, там что-то грандиознее, значимее...».

— Не знаю, — выдала она, — показывай уже, интриган.

— Так уж и быть... Вот!

Он резко вытащил из-за спины бутылку с красным вином и сел подле Афелисы. Ангарет улыбался более искренне, точно добыл клад, какой на земле единственный. Она сначала непонимающе взглянула на вино, затем на него. Не прошло и минуты, как бутылка оказалась в ее руках. В темном стекле еле просматривалась жидкость, бушующая по стенкам.

— Где твой восторг, Афелиса? Вчера бы говорила, что хочешь вина, я тебе его достал. Или хотения теперь нет? — произнес он тихо, приунывая.

— Нет, все в порядке! То есть... да, еще хочу. Спасибо. Ты осчастливил меня не только вином, но и своим присутствием. И страшно напугал. Что ж... выпьем за твой приход?

17. За бортом

— Что значит через полчаса? — Ширан резко поднялась, протирая глаза, — не шутка, а? Ты чего стоишь? Собирай давай! Мне еще себя в человеческий вид привести нужно.

Розалинда стояла напротив, изучающе ее разглядывая: выглядела она хорошо, только вот косы расплелись, но разве это было важно? Переделалась Ширан за несколько минут, смотрелась в маленькое зеркальце, убирала вылезшие нитки, пока подруга ее ползала по полу, кидая в чемоданы вещи. Становилось жарко; пришлось приоткрыть дверь. Оттуда уже слышался топот и скрежет. Заметив, как люди выходят из кают, Ширан спохватилась, чуть ли не драла волосы расчёской, крича на Розалинду:

— Вон, уже идут! Уже скоро выходить будем, а мы только вещи в чемодан укладываем! — в щеки ее прилила кровь, выдыхала она громко и волнительно, — что случится, если мы не успеем? Забудут о нас? Ох, Розалинда... да что ты складываешь, а? — вдруг Ширан выхватила из ее рук пододеяльник и, скомкав его, бросила в чемодан, — времени нет, а она складывает! Соседи наш, по-моему, еще не вышли... это хорошо. А Филген твой где? Ты его видела? Или он твоих ночных истерик испугался? А у тебя что с волосами? С такой копной вернешься домой? Иди сюда.

— Не начинай, пожалуйста... — измученно пробормотала она, — не нужно так торопиться. За нами зайдут, если мы опоздаем. Зато толпиться не будем. А Филген ушел на палубу. Ему нужно было...

Но договорить она не успела. Вдруг голова ее вздернулась назад: Ширан смотрела на нее злобно, не воспринимая отказа. Она качнула Розалинду, усадив на месте. Та молча опустила подбородок, чувствуя, как зубчики нещадно терзали кожу. И странной была эта картина: рядом с тихим, грустным лицом, нескрываемая, раздражительная ядовитость Ширан. Мучение длилось недолго — по крайней мере, как показалось Розалинде, когда подошел конец. Чемоданы еле закрывались; пришлось все вновь вытаскивать и складывать. Вскоре подошел и Филген. Он поднял глаза, вдумчиво посмотрел на них, улыбнулся и принялся помогать. Он был слишком спокоен, и это даже не сравнительно с тем, что с ним происходило давеча.

— Не беспокойтесь вы так, — серьезный и бледный он стоял перед Ширан в ожидании, — никто еще не выходит. Да и мы плывем. Остров уже виден, так что не нужно было разводиться лишнюю суматоху.

— Да мы поняли уже, поняли... — проговорила Розалинда угрюмо и вдумчиво, — она не хотела меня слушать. Нет, Ширан, не нужно скандалов, — она обратилась к ней, — это факт. И неоспоримый. Еще, кажись, ждать будем.

— Да если и будем, то это всяко лучше опоздания!

Розалинда стала было вставать. Внезапно сделалось ей душно, тяжело и как-то неловко за вчерашние ночные слезы. «Видела только она, — успокоение не действовало вполне, — но и спрашивать Филгена я не хочу. Что подумает? Если не говорит ничего, то и пусть, значит, не слышал. А то бы забеспокоился».

Нужно было выходить. Каюта оставалась пуста и темна — лишь восковая, потекшая свеча была признаком, что здесь кто-то был. Тихими, ослабевшим шагом Розалинда поднималась по лестнице, таская за собой один чемодан, второй был у Филгена. Не хотелось ни о чем думать, только обрывки мыслей ударялись друг о друга, раздувая насущную

проблему: так ли просто будет с жителями? Прокручивала она лица прохожих людей — радостные, предвкушающие жизнь свою, и завидно становилось; Розалинду озадачивали совсем другие вопросы, да так, что главного она не замечала. На палубе пахло табаком, так остро, что запах этот проникал в плоть. Миновали они лестницу, черную, засыпанную песком и грязью, а откуда-то доносился звон колоколов — предупреждение, что скоро необходимо всем выйти на свет. Между толпами вилась струйка женщин с подносами, на них — фрукты и закуски. За небольшую плату можно было перекусить, но Розалинда только поморщилась и увела взгляд. Опустошение внутри хотелось заполнить лишь эмоциями. Филген все же вынудил ее прожевать булку, сказав, что полегчает. И вправду — она слабо улыбнулась и как бы стыдилась отказа. Предметы сменялись, как вихрь. Люди проходили, как черные полотна — размазанные, точно художник вылил на них всю горечь и безжалостно растоптал. Иные ей даже нравились — пританцовывающие девицы в обтягивающих платьях, но они быстро угасали. Неопределенное чувство слабо давило внутри. Много таких разукрашенных и напмаженных ходило вокруг мачт — звездами они претворялись, но сиять не умели.

За бортом внизу шумели волны — даже ударяясь они выглядели спокойными, и все смирились и смирились... Ветер поднялся: паруса раздуло, и корабль помчался стремительно к острову, такому неприступному и жертвенному. Непривычно ей видеть его не черным, точно смерть, не завязшим, точно алые розы, а живым и трепещущим умиротворением — не рай ли среди волн?

За багажом они смотрели в оба — повсюду ходили варвары, в этом Розалинда была уверена. Она слышала поспешные шаги: Филген подошел к ней, и голос его вывел ее из транса.

— Как ты?

— В смысле? — Розалинда обернулась, встречая его взгляд.

— Должно быть, трепетно и приятно возвращаться домой.

— Приятно возвращать тогда, когда знаешь, что тебя там ждут. А я и не знаю, что меня там ждет. Одно ясно, что смерть.

— Возможно, — бесчувственно ответил Филген, — мы ведь не собираемся больше выезжать отсюда. Значит, и вправду умрем здесь.

— Я надеюсь. Это будет лучшая смерть. Помнишь, я рассказывала тебе о предсказании? — заметив его кивок, она продолжила, — это было хитро. Возможно, у нее все карты были со смертельным предсказанием. Ведь это событие настигает всех, рано или поздно — тут ошибиться нельзя, соответственно, нельзя и обвинить в шарлатанстве. А я, глупая, поверила. Тогда я много во что верила. Да и состояние мое... пошатнулось.

— Из-за чего? Я, конечно, могу предполагать, но...

— Из-за кошмаров и «докторов», — проговорила она это с неприязнью, — в то время я еле оправилась. Захворала. Матчеха и понять не могла, что организм мой переживает не болезнь, а становление. Я тоже боялась. Ужасно боялась. Иногда боль была такой резкой, что казалось, что умру. И не знала о том, что происходит... потом я вычитала из книги, что этот процесс переживает каждый маг. И успокоилась, значит, не одна я так страдала. Представляю теперь, — Розалинда улыбнулась, смотря на него как бы с издевкой, — что случилось бы, если она узнала. Наверное, отвела бы меня к особенным докторам.

— Особенности доктора?

— Ты не знаешь?

— Нет, не знаю, — он мотнул головой, смотря куда-то в сторону.

— Странно. Они были известны. Ходил слух, что эти люди... Мне даже противно их людьми называть! Шарлатаны! Обманщики! — с жаром выплеснула она и тут же стихла, когда женщина позади обернулась на ее крик, — в общем, эти существа, уж буду называть их так, лечили от колдовства. Представляешь себе? И я думаю, что она бы меня к такому бы и отправила...

— Ты знаешь их методы псевдолечения?

— Да, один. Он странный, правда. Люди почему-то считают, что мы боимся церкви. Но на самом деле для нас это простые разукрашенные изнутри здания, куда приходят успокоиться отчаянные. И никакого воздействия нет. Конечно, у нас тоже есть боги. Только они существуют на земле.

— Существуют... на земле? — спросил Филген, будто ослышался.

— А чего ты удивляешься? Существуют! И это не фантазия!

— И кто они — эти боги?

— Обычно людям не рассказывают об этом, — она обвела его подозревающим взглядом, — не принято говорить о божествах. Но, знаешь, говорят, что именно они взяли контроль над Гроунстеном и уничтожили всех охотников, живших на острове. Так что скрывать уже нечего. Это высшие маги. Это не равноценно высшему обществу. У нас нет иерархии. И никогда не было. Так что прошу не путать.

— А между прочим это странно! — воскликнула Ширан, появившаяся из-за ее спины, — везде она есть, а у вас нет. Вы точно не существа из пространства за облаками? Я всегда мечтала и представляла это. Но нельзя отрицать, что иерархии у вас нет. Есть ведь правительство — оно имеет большие способности, есть слуги, а может, и рабы.

— Я давно не была там. Так что не могу сказать однозначно.

Остров все приближался. Розалинда хотела протянуть руку и убедиться, что кончиками пальцев нащупает землю, впитавшую в себя кровь. Песчаный берег, за ним лес — темный и манящий. Там точно есть покой. В его глубинах найдется темненькое местечко, где будут лишь корни да муравьи. Туда она хотела, не в город, а в домик, отдаленный ото всех. Из тумана вылез большой купол, затем и замок. Холм поднял его, демонстрируя сие величие беженцам, но что за ним? Спокоен ли город?

Волны подгоняли корабль, плескались, и тоненькая, извилистая струйка света ложилась на них. Небо прояснилось — ни облака. Все предвещало о начале чего-то незабываемого и нового. Розалинда, брод вдоль борта, улыбалась, и впервые в жизни ей было наплевать, как развиваются ее волосы, видны ли ямочки, не смочены ли ее лоб и нос потом — ощущение свободы, прежде неуловимое, так и манило выбить решетку, и смело вспорхнуть. Но не сейчас. Не время — слишком рано. Ширан встретила с женщиной — та узнала ее издалека и помахала платком. Теперь ее совсем не было видать. И, что странно, Розалинде не было страшно за нее, точно навязчивая ответственность скинулась с души, разорвала узлы и полетела по ветряным порывам. Прошлое каждый раз отламывалось от нее, и все стремилось в настоящее. Совершенное раскрепощение настигало ее лишь тогда, когда она была зла — веселилась Розалинда тихо, в тени, как маленький заключенный среди больших столпов, услышав, что скоро встретит он освобождение. Понятия морали больше не существовали; они были нужны, особенно в такой период, но так беспечно отреклись от нее, что внушало это беспокойство. Филген был ее неожиданным проводником — поначалу опасным, но в конце таким безобидным, что нельзя было не смилостивиться и не взять его в путь. Ей было

хорошо с ним. Вскоре ей любо стало смотреть на стеснительную улыбку, на пристальный взгляд, неожиданно вздернутые уголки губ, когда накатывал смех — все это искусство, поддавшееся только ей.

Когда настала пора спускаться, Розалинда тоскливо оглянула палубу: «разве не это счастье? Поездка — настоящая радость потому, что конец известен, но что будет дальше?». С лестницы все спускались по очереди. Приходилось смотреть вниз, чтобы случайно не зацепиться за длинную юбку девушки впереди, но краем глаза она заметила, как поджидали их люди на берегу. Веселые лица улыбались, смеялись и тонули в знакомых руках. Спрыгнув с последней ступени, она дернула ручку чемодана и осмотрелась: все ждали своего человека, а кто дождался — без усталости ревели, сжимали друг друга, точно хотели воссоединиться во единое. Нет — и мечтать ей не нужно. «Эх, Афелиса, Афелиса... — подумала Розалинда, и, взяв Филгена под руку, взглядом искала Ширан. Та нашлась тут же, стоило о ней подумать. Вспотевшая, блестящая на солнце, словно драгоценность.

— И тут жарковато, — вздохнула Ширан, отдернув прилипшую к груди блузу, — теперь куда нам?

— Нас должны собрать сейчас и отвести в город. Нужно немного подождать. Не все сразу.

— Это они собирают народ? — подбочинясь, она кивнула в сторону.

Вдоль берега стали выстраиваться толпы. Под указаниями проводящих, люди едва ли не прижимались друг к другу. Медленно подходили мужчины, заключая ряды — оставались только два. Филген повлек за собой Розалинду и Ширан, разговорившихся. На берегу осталось немного народу: кто-то уходил со своими близкими, кто-то вставал в ряды, как на казнь. Добежав до оставшегося ряда, они выдохнули и не успели опомниться, как люди неспешным шагом пошли друг за другом. Отовсюду доносились резкие запахи — духов, пота, просроченной еды. Так и шли они молча, ведь, куда не оглянешься — везде заинтересованные уши. Ширан вдали, в соседнем ряду, увидела подругу, и черты ее расслабились. Щеки больше не растягивались в улыбке, взгляд стал серьезным и надменным, как тогда, во время ее срыва в доме Дагель.

Прошло часа два, и беженцы настигли окрестных деревень. Из окон, в каких тюли были не вздернуты, выглядывали расплющенные детские лица, и вмиг исчезали — родители прятали их за спинами, и сами, как бы невзначай глядели на них. Чувствовалась опасность потому только, что никого не было на проселочных дорогах — никаких повозок, рабочих, детей — все попрятались в хрупких деревянных коробках. Дорога скучна не была насколько, как представляла себе Розалинда: распевали унылые песни, хохотали, перешептывались, а те, кому скрывать нечего — общались во весь голос. Двое мужчин в концах помалкивали и выглядели как пленники, вынужденные вести пациентов их смиренного дома. Плач детей бил по ушам, маленькие колеса чемодана порой застревали в ямах.

— Город, смотрите! — закричал кто-то впереди, — как на ладони. Интересно, там всех пропускают?

Вопрос этот показался Розалинде смешным. Как печатали в газетах Блоквела, Гроунстен стал островом свободным и защищенным от всех напастей, но убедиться она в этом не могла — везде были подвохи, особенно во времена отрицания чего-то другого, отличающегося от общепринятого. «Ага. Всех, — ответила она про себя, — даже если ты обычный человек, то и тебя пропустят. Здесь слишком много энергии от каждого, так что определить не колдуна невозможно». Только вот, она знала и, возможно не единственного

чужака — Филгена. Ему следовало бы придумать историю и держаться рядом с ней, пока порядок города они не изучат.

— А люди здесь злые в деревнях, — пробубнила Ширан, — смотрят так насторожено. Но мы же не первые, кто прибыл сюда? К чему такое удивление? Или что, неизвестное — плохое и опасное?

— Может быть, — сказал Филген, поспевая за ними, — но давайте лучше не будем говорить об этом сейчас. Когда так много людей. Мало ли что случится...

— А что может случиться? Мы ведь в «защищенной» стране, — проговорила Розалинда с сарказмом, — что нам угрожает? Да и чего шептаться? Уже гам такой стоит, что всем все равно, кто о чем разговаривает. Вы лучше по сторонам смотрите и дивитесь, что раньше все это было кладбищем. Да и сейчас мы по трупам ходим. Чего уж скрывать?

Миновали деревню. В стороне скрипнули тяжелые ворота: из-за них вышел мужчина и, снимая фуражку, помахал проводящим. «Сюда!» — крикнул он и исчез в листве. Дорога открылась им в густой, светлый лес. Пахло здесь иначе — дышалось легче и чище. Розалинда облегченно выдохнула, не чувствуя больше летающую пыль и песок, забирающийся в ботинки. Из-за крон проглядывались высокие крыши, низкие здания. Вот она — свобода! Поначалу она кружит, а потом ощущаешь ее разумом. «Почему мы пошли именно через ворота? И запланировано ли это было?». Ряды их уже шли в поле — лучистое и стрекочущее на солнце, но резко повернули. «Так безопаснее? — решить она не решалась. Вдруг вопрос покажется странным, и она одна не догадывается до ответа? Шум постепенно стих. Розалинда предполагала, с чем это связано — люди почувствовали неизвестность и замолкли перед ожиданием? Или попросту все выболтали и постеснялись говорить о своем?

— Гроунстен похож на большую деревню, — заметила Ширан, выглядывая из-за спины мужчины, — правда, есть то, что его отличает от совсем деревушки, но если исключить эти детали...

— А что ты еще хотела? Увидеть здесь Блоквел? Города не строятся за десять, и даже порой за двадцать лет, — сказал Филген, оттирая на лбу испарину, — нужно радоваться тому, что правительство сумело поднять Гроунстен с колен. Пусть и хрупко стоит, но... ведь главное, что стоит?

Дома были возведены, и в них таились маленькие, робкие люди. Пройдя несколько улиц, они наткнулись только на угрюмого извозчика, шипевшего на них, как ядовитая змея. Дорога была широкая, но по асфальту громоздились коробки и всякие инструменты, а вот тропинки между домов — настолько узкие, что походили на выбившиеся нити из подола рубашки. Немного спустя послышался резкий, грохочущий звук: приотворилась дверь скудной лавки на крошечную щелочку: хозяйка рассматривала из щели пришедших с видимым недоверием. Нигде не было народу — прежних утренних плясок, возгласов, звона колоколов — все унесла война: тяжелая и леденящая последние теплые воспоминания. Из двери вышел молодой человек, остановился и вдруг судорожно схватился за шляпу. Не испуг, а другое чувство охватило его — что-то граничащее с ужасом. «Неужели эти счастливые люди нас боятся? — думала Розалинда, вспоминая статьи из газет, — разве не это рай на земле? Может, у них какая-то трагедия, вот они и трепещут?». Звучали лишь оханья, ругань из окон и дверной скрежет. Память возвращала ее к тому времени, когда убийства разгорались все страшнее и безнадежнее — тогда улицы кипели жизнью, трясущейся от выстрелов и пуль, кровь бурлила, крики вырывались, возгласы охотников, утренний туман, и все это корнями вело к одному — к хаосу. Свет погас навсегда.

Иногда в их углу возникали минуты томительного безмолвия, перетекавшего в часы. Мать переставала кричать и ходила все молча, тоскуя, и все чего-то добивалась в раздумьях. Лили все понимала — понимала ее тоску, ее грусть в глазах, внезапные усмешки и заспанное, худое лицо. Но как могла зародиться в этом жалком существе такая ожесточенность к вечно страдавшей женщине? Только теперь она осознавала страдальческую неизбежность, накрывшую их, как крышка гроба. Из пустоты она пару раз слышала нераздельное шептание, всхлипывания, а после — крики и ругань, ударявшее по сердцу Лили сильнее, чем кулак матери. Вопреки опасениям, с ней вновь это произошло. В эту ночь мать поднялась с сундука, ходила взад-вперед, что-то вторила себе, по обыкновению, затем поворачивалась и замирала: искры ненависти в глазах способны затмить самые яркие звезды. Болезненные сновидения мучили девочку — она не могла заснуть и краем глаза наблюдала за темной фигурой. «Кто-то придет! Придет! Придет! За ней наконец-то придут! Она ждет... и уйдет, — мысль вспыхнула в ликовании, — кто-то узнал про долги. Они заберут ее... а меня? Куда пойду я?». Лили радостно ворочалась в кровати, поджимала ноги да так была ослеплена мгновенным счастьем, что не заметила, как мать таинственно вглядывалась в нее, как будто желая прочесть все удовольствие на ее лице. Что последует после?

Лили выносила тяжелую муку, но она отдавала свое — душа ее медленно пролегалла под сильные визги матери, боль уничтожала и червила ее. Раз на нее уже накатывал истерический восторг, когда она плакала и смеялась, утирая щеки кровью из носа. Но это ничего не значило, главное — мать ушла! И вернется ли? Девочка рвала на себе последнее платье, синела от холода, делала все, чтобы отпустить чудовище наружу.

— Что с тобой? — закричала она, разом догадавшись о ее чувствах, — губительница! Последнее золото наше потеряла, теперь радуется! Позорище, а не дочь! Еще раз увижу — пойдешь за дверь.

Голос ее звучал угрожающе. Лили хотела возразить, но вовремя остановилась — настроение матери не предугадать. В комнатушку задувал холодный, осенний ветер, фонари давно погасли. Тусклый круг растекался по полу, затрагивая лишь ее растрепанные туфли. «Скоро... скоро свеча погаснет. И мама ляжет спать. Нужно спросить. Кого она ждет? Никогда не вставала, а тут вдруг...». Угроза надавила на нее. Однажды она сбылась, оттого не желалось больше подавать голос в напряженные минуты. Острие ее языка всегда прокалывало границу материнской сдержанности, и все вокруг поглощал яд.

Она вспоминала, как выгнанная за проступок долго стояла у порога в одном ситцевом платье. Как с умоляющим видом смотрела на мать, как коленки ее дрожали, и падала Лили от бессилия. В тот день ей обещали купить сапожки, но деньги были спущены в никуда — и почему только она обвиняет дочь в легкомыслии? На лестнице было темно, и Лили не могла видеть лица проходящих. Чудовище нависло над ней огромной тенью. Сердце ее сжимала ледяная рука. Дикий крик забарабанил по стенам: и вот, она уже долбиться кулаками в дверь, и отчаянно рвет себе глотку: «мама! Мама! Она придет! Придет! — снова бешенные стуки, — я укушу руку тебе, не подходить!». Мужчина отшатнулся: видимо, принял ее за помешанную. После он быстро ушел, испуганный куда сильнее нее.

«Она не отопрет на этот раз ни за что. Она переживает. Она ждет. Кого? Того, кто меня заберет?». Прежде не видела Лили ее в таком волнении: пусть и лицо ее было в темноте, но она представляла, как исхудалые щеки ее вспыхнули, глаза мокрые, губы дрожали, и вся она

вздрагивала, точно перед смертью.

— Кого ты ждешь, мама? — спросила она, хмыкнув.

Сил выдерживать в себе вопрос не было. Мать засуетилась; подошла к зеркалу, оглянула себя и громко, раздраженно выдохнула. Потом села на стул с шатающейся ножкой, и оставалось неподвижной: она опустила голову и оперлась руками о колени.

— Что тебе это даст, Лили? Неважно. Молчи и все.

— Та женщина придет? — не обращая внимание на ее указ, промолвила она, пряча под одеялом нос, — она опять попросит тебя выйти? Ты вернешься, мама? Куда ты уходила тогда? Почему ничего не говоришь мне?

— Я что, должна отчитываться перед тобой? — мать чуть ли не взревела. Остановили ее тонкие стены, — перед батюшкой твоим все говорила, все! Воли мне не давай, а теперь ты, контролерша. Прощу, молчи хотя бы сейчас. Тебе что говорили не орать, как резанная. Вот и закройся, пока не пришли плохие люди.

— Плохие люди — это кто? — прошептала Лили, размышляя с усердием, — это те петухи в форме, да?

Она не ответила; усмехнулась и продолжала сидеть так смиренно, пока в дверь не постучали. Оцепенение ее тут же слегло. Лили спряталась под одеяло, повернулась лицом к стене: «сейчас узнаю, кто к ней приходит! Притворюсь, будто уснула. И все! Мама больше не отделается от расспросов!». Дальше все происходило, как в кошмаре. Она отперла дверь — рассмотреть пришедшего Лили не могла; слишком темно. По голосу поняла, что мужчина. Не успела она и пошевелиться, как петли вновь скрипнули, точно заплакали. Их не было. Было пусто, и на тумбе около зеркала горела свеча. «Он принес? Значит, надолго останется... не будет меня трогать? А маму душить не будет? Если будет, то я встану и нападу на него! Да, так и будет!». Тут-то Лили представила, как отважно прыгает на его спину, хватая за волосы, дергает в разные стороны и кричит во весь голос ему на ухо — приходит полиция и бросает его в клетку!

Недолго пришлось ждать. Все пролетело мимо ушей, но уловимо было одно — ее фантазия сбылась. Шорох, затем и кроткий стон. Лили медленно обернулась, стараясь остаться незамеченной. Два черных силуэта, сливающихся воедино. На пол полетела ткань — пронесшись мимо света свечи, она заметила край серой накидки. Затем мужчина приподнялся, и, чуть отодвинувшись, взял ее за ноги и стиснул в огромных лапах. «Он унесет ее! — всхлипывая, подумала Лили, порываясь встать и спасти маму, — унесет в полицию! За то, что она украла! Снял, снял с нее, чтобы не запачкать кровью! Мама... пожалуйста, поднимись и подойди ко мне. Это все я! Я виновата... она больна, она не может защититься. Мне страшно. Очень. Я не могу...». Возглас застыл в горле, дышать становилось все труднее и труднее: следующее, что она помнит — широкую его грудь, примкнутую к ее истощавшемуся, холодному телу. Лили не смела издать звука, не могла вмешаться; все, что было в ее сердце, было потрясено и возмущено. Маленькие ладони закрыли глаза — смотреть на истерзание не было сил. Страх бил ее изнутри, мысли сжирали остатки храбрости: «что он делает? Что? Он бьет? Она стонет... ей больно! Она может задохнуться. Я буду виновата, буду...». Она закрывала уши, чтобы только не слышать ее вздохов: что происходит? — вопрос, заставляющий ее сжаться сильнее. Лили приоткрыла глаза: мужчина двигался, а мать, как убитая, неподвижно лежала, скуля и, кажется, постанывая. Он целовал ее жадно и властно, ударял, разнося шлепки по стенам, и все напротив невинного существа. Ужас стал ей смертельным врагом.

Что случилось утром ей смутно помнилось. Все шло, как прежде: мать, бессильная, уходила на работу, посылала за водой, вечером она возвращалась и становилась такой же беззащитной, и в ту пору казалась мельче Лили. Только вот непонимание преследовало ее и то, что произошло с матерью — спрашивать не решалась.

Она видела, что все, как раньше, он не убил ее, синяков не было, но как этот мужчина заставлял ее так болезненно стонать?

Ряд их проходил мимо старых, уцелевших домов — доски с балконов свешивались, грязные тряпки, прибитые гвоздями, обрывались, небольшие, съехавшие лестницы проникали под траву. Один из таких домов напомнил ей место, где они вдоволь настрадались, наплакались и выбрались, улетая в разные стороны — на волю и в могилу. Незаменимое ощущение — она свободна! И Розалинда уверена, что, при всей ее злобе при жизни, благодарит ее, спасительницу, за покой. «Я не погубила ее, нет, — она помотала головой, отводя взгляд от здания, — я помогла ей уединиться. Она устала от меня. Ей нужно поспать. Если бы не она, так я. Знаю, что мама бы убила меня, если бы не я...». Тут мысль прервалась. Люди свернули в сторону, и Филген взял ее за руку, уводя следом.

— Ты погрустнела. Что-то плохое вспомнила? — спросил он, заглядывая ей прямо в глаза.

Розалинда поначалу отрешено и как бы враждебно посмотрела на него, а затем лицо ее просияло радостью, и губы расплылись в улыбке.

— Нет! Нет! Очень хорошее, прекрасное!

Они вошли во двор: было четыре больших здания, и всех уводили толпами по лестницам. Железные ворота закрылись, снова загредел багаж со всех сторон. Спустя полчаса дошла очередь до них. Проводник повел их седом на пятый этаж. Ступени были низкие и узкие, пришлось попотеть, чтобы поднять чемоданы через столько препятствий. Лестница чем дальше, тем становилась темнее.

Он отворил закоптелую дверь и, впуская их внутрь, распрощался с пожеланиями. Все было разбросано в беспорядке; всякое тряпье, оставшейся от давних жителей, сигары, дырявые простыни. В единственной комнате был уцелевший диван и две кровати: матрасы чистые, как и подушки. Ширан спокойно выдохнула и прошла вдоль тряпок. Напротив двери, у окна, стоял сосновый стол, ничем не покрытый и не крашенный. По правую сторону — узкая кухонька и уборная. На краю прикроватной тумбы был железный подсвечник. Дверей внутри не было — только арки. За стеной послышался хохот и звон. «Кажется, с соседями опять не повезло, — Розалинда пнула остатки детского тряпья и оставила посреди комнаты чемодан, — надо бы убраться и поблагодарить за то, что нам выделили целую комнату, так еще со своей кухней и уборной.» Два пыльных, не зашторенных окна смотрели на них негостеприимно: улица за ними еле просматривалась.

— Давайте уберемся для начала, — сказала Розалинда, собирая ногой весь мусор в кучу, — только в руки не берите. Нужно посмотреть, есть ли здесь веник...

Как по приказу, из коридора вылез Филген, держа в руке сломленный веник. Ширан осматривала подушки, подносила к носу — осуждающая гримаса ее не искривилась, значит, все хорошо. Раньше, когда совсем рядом Розалинда жила с матерью, то воротила нос от уборки — не хотелось корячиться, да и не ее это дело вовсе. Сейчас, когда опасность миновала, и у них есть общий уголок — одно счастье наводить к этой коморке порядок и уют. «Было бы неплохо сходить куда-нибудь, да хотя бы тюли купить. А что там на кухне?»

Наверное, еще хуже...».

В комнате было душно; Розалинда отворила дверь, но с лестницы несло вонью. Из внутренних помещений стекали в коридор волны табачного дыма, она закашляла, и затворила дверь. Весь день заняла их уборка, не хватило времени сходить в лавку. По дороге она видела лишь несколько, и то закрытых, но успокоила себя мыслью, что жить они будут не в центре. Убрав тряпки и старую одежду, Ширан предложила что-нибудь посмотреть, и после постирать, но Розалинда отказалась. «Почему бы и нет? — спросила она, глядя на нее искоса, — у нас денег немного. Местных цен еще не изучили, еды нет, только диван да две кровати. Нужно обустроиваться и себя в порядок приводить. Я тут хорошенькую сорочку нашла...». Ширан уж было потянулась к серой сорочке, испачканной какими-то черными пятнами, но вмиг она взлетела и оказалась в чужих руках, а потом и вовсе не полу. Розалинда отряхнула руку и, нахмурившись, сказала: «ты не знаешь, кто ее носил. Может, какая-нибудь больная женщина. Да и разве не неприятно тебе будет чужое донашивать?». Спорить было бесполезно. Ширан быстро успокоилась и внимание уделила окнам. В шкафу нашлись обломок мыла и чистые тряпки с ведром.

— Это мыло... — Розалинда поморщилась, видя, как она смело растирает его по смоченной тряпке, — оно, кажется...

— Все хорошо! Мыло как мыло. Использованное пару раз, но это ничего. Я уже не впервый раз повторяю, что нам нужно все. Ты погляди на эти окна, — сказала она приободряющим тоном, — они в грязи. И на мебель... здесь все нужно с мылом тереть. Вот, держи.

Она протянула ей намыленную тряпку.

— Но мы уже закончили с этим. Зачем во второй раз? — спросил Филген.

Ширан ответила резко, властно; без тени раскаяния. Действовала она так из-за брезгливости и чистолюбия, которое уже стало надоедать Розалинде, Филген оставался непреклонен. К десяти часам все было вымыто: окна пропускали унылый свет фонарей, полы чистые и больше ни одной тряпки не валялось, кровати с диваном застелены новым — все были довольны, кроме Ширан. Ей хватило сил попытаться заставить их идти в лавку, ведь, по ее словам, негоже спать не с зашторенными окнами. «Да ты, по-моему, боишься, — сказала ей Розалинда, уже не сдерживая злобы, — знаю я тебя». Вопрос она пропустила мимо. И это означало одно — да. «Мне нужно выйти, или я сорвусь уже. Ширан иногда до того надоедливая, что жалеешь о том, что взял ее...». Заметив, как она идет к коридору, Филген остановил ее и спросил: куда ты? Розалинда обернулась на нее: села Ширан наискосок от нее. Смотрела не на Розалинду, а на скатерть. Покойный, безутешный взгляд. Один раз повернулась на мгновение, но затем снова отвернулась, будто ее тут не было; словно весь мир был заключен в этих стенах с поцарапанными обоями — только одиночество и не ушедший для нее беспорядок.

Шум, толкотня, хитрые прохвосты — все это скопилось в лестничной клетке. Вдохнуть было невозможно; от каждого прохожего чем-нибудь, да воняло. Перепрыгивая через ступени, она слышала, как поспекает за ней Филген. И ясно было — ответа он так и не получил. Филген сразу понял, что при Ширан она ничего не скажет. Обида их проходила так же резко и быстро, как и начиналась, по обыкновению. На первом этаже пахло табаком: прижавшись к стенам, рядами стояли курящие, похожие на пьяниц и, сжимая сигары между пальцами, хохотали без удержки. Мерзость — вот, что подумала она, миновав их сборище.

Свет еле как достигал двора: все поникло в сумрак, в бесконечную задумчивость, точно

ночи не было конца, и солнце ее никогда не затмит. Воздух здесь свежий: пушистые ели росли у самого забора. Морозный ветер дул в порозовевшие щеки: ощущение легкости после жары приятно разлилось по телу, точно Розалинда была освобожденным заключенным. Она села на скамейку, окруженную кустами, и носком ботинка забралась в землю. Филген поначалу не решался сесть рядом, но потом, кажется, рассмотрев, что Розалинда спокойна, оставил сомнения.

— Что ты будешь делать дальше? — проговорил он, в нее вглядываясь, — то есть... какие мысли о том, что будет завтра?

— Я пока не думала, — пробормотала Розалинда, наклоняясь к тонкой палке, — зато точно знаю, что нужно уснуть. Для начала. Понимаешь? — схватив ее, она осмотрела концы, и принялась выводить линии по земле, — хотя... есть. Нужно и вправду в лавки сходить и прогуляться по городу. Наверное, остальные тоже завтра пойдут. Купим газет, прежде всего, может и поговорим с кем-нибудь. Как оно всегда и происходит, когда переезжаешь. Правда, я никогда так не делала.

— Почему не делала?

— Не до этого было. Теперь без прогулок станет скучно. Это уж отрицать нельзя. Но главное, что я хочу, — она затаила дыхание, выпрямилась, — это сходить на кладбище. Не могу оставить ее в покое. Хоть ей и все равно, но мне беспокойно. Ты ничего не знаешь и не можешь рассудить, как лучше. Сейчас я полностью освободилась от всего. Никакой Дарьи больше нет.

— Ты хотела встретиться с..., — медленно говорил Филген, раздумывая, стоит ли сейчас напоминать, — с Афелисой. Ты знаешь, где она живет?

— Нет! Не знаю! — воскликнула она, откидывая в сторону палку и размывая ногами линии, — мне бы узнать, как здесь ужитья. Нужно работать! Мы не проживем на те деньги, которые есть у нас. Я завтра, как вернусь с кладбища, пойду куда-нибудь... да хоть прачкой! Уже все равно. Да и неизвестно, какая тут плата, а спрашивать у соседей как-то не хочется. Я пойду одна, — твердо заключила Розалинда, не сводя с него глаз, — ничего не случится. Мать не знает тебя, а меня знает. Я уверена. Хотя... у меня уже давно другое имя, другая личность.... Сложно.

Она вздохнула и вздрогнула, прижавшись грудью к коленям. Филген удивленно глядел на нее, прикоснулся к спине: Розалинда, не шевелясь, тяжело дышала, отвернувшись от него. Беззастенчивого, пронизательного и даже надменного взгляда не было — упоминание о главном ее деле знатно отыгралось в мыслях. Он чувствовал это, и все еще сомневался: порой Розалинда избегала ласк, как смертельной опасности, а иногда сама просилась, как кошка. Непредсказуемо это появлялось в совершенно разных ситуациях. Вдруг повернулась; опять эта невыносимая улыбка, блуждающая на ее губах — и не понять, чтобы она значила. Лукавство? Но разве это уместно?

— Другая личность? Имя? — как можно тише спросил Филген, убирая руку.

— Да. Именно. Я другой человек, и связанна с Лили только воспоминаниями. А она умерла. Умерла в тот же день, как и ее мать. Не предавала ее, хоть и была напугана. Поначалу мне было ее жаль. Но нужно ли жалеть покойников? Разлагавшиеся тела без души и разума? Понимая, что это бесполезно, стала жалеть живых. Но это оказалось плохой игрой.

Он смотрел с тем же недоумением, но теперь различал в ее глазах еще и страх: бедный ребенок, потерпевший смерть. Этот его взгляд, исполненный сомнениями, вывел ее на откровения. «Хуже уже не будет», — и после этого она выболтала то, как проходил ее год

отчаяния. Ничего не происходило во время ее рассказа — Филген, как и всегда, сидел и боялся пошевелиться. Слушал с сочувствием, приободрял, но все эти слова уже потеряли для нее ценность — зачем человеку выслушивать сожаления о том, что уже давно прошло? Потому ей захотелось узнать больше о нем. Буквально все, на что он был способен рассказать.

— А ты как проводил те годы?

— Я? Как я? — он всполохнулся и, прокашлявшись, сказал: — как и все остальные из светских семей. Отец не впускал меня даже во двор, и я интересовался всем, что я возьму в руки. Он чувствовал опасность. И я верил ему. Верил, что влияние магов на нас слишком велико и вскоре подействует, как наркотик. Да, это глупо, — он неловко улыбнулся, — но тогда об этом все говорили. Даже как-то стыдно говорить об этом...

Розалинде нечего было ответить — впрочем, она слышала об этом, и до сих пор думала, что Филген ей не вполне доверяет. По природе своей, он неразговорчив: неужели настолько уж у него жизнь скучна, что нечего сказать? Из стороны послышались шаги: ворота приоткрылись, и из них выскользнул мужчина и нетвердым шагом поплелся к зданию. Голова его была опущена, тело расслабленно. Он бы их и не заметил, если бы не случайный треск — под подошвой Розалинды сломалась ветвь. Незванный, робеющий незнакомец остановился, и обомлел при виде двух темных, наклоненных фигур у самых ворот. Пройдя мимо бордюра, он пошел по прямой, как бы невзначай глядя на них. Молчаливый и таинственный, мужчина не проглядывался на фоне дома, залитого уходящим закатом. Филген колебался и нутром ощущал предупреждение: уж не сторож ли? Вдруг они нарушили график? Запах ели, шум из окон, неяркий свет, ожидание. Настойчивое молчание.

Мужчина остановился, и, снимая шляпу, вдруг поклонился. Розалинда примкнула спиной к скамейке, напряглась: «кто это? Сосед? Дружелюбный, видимо...». Взгляд ее ухватил мелькнувший силуэт в окне. И еще одно она успела заметить — люди любопытствуют, не стесняясь. «Ширан? — подумала уж было Розалинда, но сразу избавилась от этой мысли, — наши окна в другой стороне...».

— Доброго вам вечера, молодые люди! — незнакомец подошел ближе, — а что это, не загоняют еще стадо?

Они сначала не поняли, о каком стаде он имеет в виду. Выглядел мужчина, как выходец из сумасшедшего дома, к которому никто не прислушивается, а ему и в радость. Он уж было махнул рукой, как Филген, чувствуя на себе всю неловкость, сказал ему:

— Здравствуйте. Нет. Мы и сами не знаем, до какого часу можно выходить во двор.

— Впрямь не знаете? — с хрипотой спросил он, проворачивая к руке шляпу, — а что, значит, ничего нет тут? — подойдя совсем уж близко, мужчина заговорил тише, — что, можно проходить и не волноваться? Странный порядок.

— А вы откуда? — Розалинда взглянула его в лицо, прищурилась.

— Да. И как-то заблуждал... ну, вы понимаете, — он пожал плечами, — все-то смех, да грех им скоро будет. В городе спокойно, тихо... вот, куда надо. И вправду говорили, рай здесь. Встретил там женщину, а она мне газетки дала, вот, — незнакомец перебирал их, нахмурившись, — старые уже, ну, и пусть. А мне-то зачем столько много? Возьмите, приезжие, а я потом, сейчас не дело это все разглядывать.

Он протянул им две газеты. Филген взял их и отблагодарил. мужчину Свет не достигал его лица вполне, потому и фигура эта стала для них загадочным утешением. Пусть и вышли газеты давно, но Розалинда хотела знать все о Гроунстене и найти хотя бы намек на то, где

бы могла быть Афелиса. Незнакомец, прихрамывая, пошел к входной двери. Розалинда потупилась и, как почудилось Филгену, в некоем замешательстве, явно не подозревая, до какой степени можно быть откровенным, поднялась со скамьи.

— Прочтем дома, — сказала она, угрюмо поднимая глаза, — я уже зацепилась за несколько статей.

Газеты и вправду были потрепанными и пожелтевшими. Ширан уже спала, когда они пришли, или притворялась, как думала Розалинда. Спрятав ладони под голову, она поджала ноги, и все казалось — тотчас же усмехнется или прищурится. Этого не произошло. Сядясь за стол, она отдала Филгену одну из газет и принялась читать: возведение моста, постройка новых улиц, снабжение водой, закрытие лавок и прочее — правда, все это не увлекло ее так сильно, как статья о принятии просьб.

Была она совсем небольшая, но и этих слов хватило, чтобы удостовериться, что все переменалось:

15 июля вступили в рассмотрение власти просьб горожан о совершенствовании жилищных условий и об улучшении работы стражей порядка. За три дня в замок поступили около ста писем, и все до единого, как сообщает правительство, были обдуманны лично ее Величеством Афелисой Диамет. На этап рассмотрения пришла лишь половина верно заполненных просьб. Вскоре ожидается подписание закона о:

— Запрете насильственных действий в учебных заведениях.

— Отмена срочных призывов всех лиц, независимо от пола, работы в шахтах. Так же в это входит в избавление от нежелательного труда — слуги вправе поддаться на более высокую должность.

— Каждый будет в праве на свободу любого творчества, преподавания.

— Запрете домашнего насилия. Преступление карается смертной казнью.

Это все, что стало известно спустя три дня. Как сообщается — многие просьбы несли одинаковый характер, что позволило Думе определить, в чем важнее всего нуждается государство.

За развитием внесения законов читайте в газете «Правда вслепую».

«Афелиса...Диамет, — не веря, проговорила про себя Розалинда, закрывая глаза, — она что, успела захватить трон? Но...как? Это не может быть возможным. Она ничего не говорила, она никому не была известна! Или, или нет. Я о ней плохо знаю. Безумие. Мне не показалось? А то все думаю о ней, наверное, уже иллюзия...». Но, даже пройдясь еще раз по строкам, взгляды в печать, Розалинда видела одно и то же — ее Величество Афелиса Диамет. Филген, перелистывая на другой лист, поднял взгляд и спросил:

— Ты что-то нашла? У меня только статьи про внешнюю политику...

— Я... да, кажется, — она медленно встала, и, в один миг рухнула на кровать, зарываясь носом в подушку. Ей хотелось кричать, — прочитай, прошу, прочитай. А то мне уже... ох, нет. Это я себя обманываю.

Говорила она жалобным, всхлипывающим тоном, точно ребенок с глубокой ссадиной. Лежала неподвижно; плечи ее вздрагивали, пятки упирались в кровать — все ее тело вторило о непосильном удивлении. И все же было в этом что-то неопределенное — радость ли это? Розалинда не могла утверждать, ведь не знала ни прошлую, ни нынешнюю Афелису. Теперь все это представало выдумкой большой фантазии и не больше. Если бы она была одна, то взревела, не сдерживая эмоций, или покатила бы по полу в приступе счастья.

Мысли о ней застали ее в распloch настолько, что Филгену удалось вдруг сесть рядом с ней незаметно. Сомнение было велико: может, так другая фамилия? А настоящая Афелиса, которую она ищет уже десяток лет — пропала, или еще того хуже — умерла? На свете много Афелис, но искала она свою единственную, какая и не знает, что на цепи держит еще маленькую, не повзрослевшую душу. «Но я и не могу говорить нет... ничего не могу! Не имею права и подтверждать, что-то думать. Ошибка! Одни ошибки! Просто обманываю себя. Всегда так было, почему бы этому не стать и сейчас? — слезы подкатили к глазам, — я боюсь? Но за что? Все, верю, допустим, что... она правительница. Тогда Афелиса точно не подпустит меня к себе!». Ее страх разрастался, нависал над ней огромной тенью, высасывая из нее все жизненные соки.

Филген дернул ее за плечи, но повернуть не получилось. Она будто приклеилась к подушке, издавая только всхлипы.

— Говори! Прошу, скажи, что произошло? Ты прочитала что-то страшное? Это касается Афелисы? Не мучай себя и меня. Сколько раз я говорил тебе... — он готов был тоже разрыдаться, видя, как она скрывается, претворяясь бездушным камнем.

— Прочитай, пожалуйста, и скажи, что ты думаешь, — еле разделяя звуки, проговорила Розалинда, поворачивая голову, — не страшно, вовсе нет. Но я боюсь. Понимаешь, здесь нужно радоваться...

Он потянулся, схватил газету со стола. Отдать должное внимание не получалось: отвлекали ее слезы, просьбы, и шум за стенами. Пройдясь по тексту, Филген улыбнулся, и, приподнимая Розалинду за плечи, прошептал:

— Все хорошо. Правда. Это не просто утешительные слова. Поверь мне, — он взял ее за подбородок и провел большим пальцем по щеке, — почему ты так расстроилась?

— Она, должно быть, в опасности. Я чувствую, что это не далось ей так легко, как мы думаем. Кроме переживаний я не ощущаю ничего. Все так пусто.

Розалинда прильнула к его груди, тяжело вздыхая. Напротив раздался звук: Ширан перевернулась на другой бок, но сопела так же сладко.

— Мы уже нашли ее. Мы обязательно добьемся своего, слышишь? — он поднял ее голову, заставляя посмотреть на себя, — вместе мы все сделаем.

— Да... вместе.

18. Завтра наступит конец

Афелисе казалось, что за собой она оставила только пыль да руины — все уже настолько поникло в глубину отчаяния, что, как ни старайся, ничего не поможет взобраться наверх. Единственное утешение, опьяняющее и заставляющее забыть — вино. Ангарет был рядом, не на другом конце света, не покалеченный, здоровый. Все это не составляет полное счастье; хоть она старалась на мгновение забыть о внешних бедах, тех, что ждут за стеной, но все равно, покой ее был нарушен. Бокалы осушались так же быстро, как и время: они не знают точно, сколько прошло, но в одну минуту ворвался к ним стук — служанка стояла у порога. Ей велели передать, что Афелису требуют. После этого шума разрастался настоящий гам.

Весь этот вечер был невыносимо скучным. Погода была холодной и ненастной, что вовсе не ожидалось посреди лета. Раньше она увлеченно смотрела на вещи перед собой; вникала в работу так, что окружение переставало существовать. Теперь все иначе — окружение существует, а прежней работы будто бы нет. Хотелось ей выйти на улицу, и думала, что непременно сгубит здоровье взаперти у своего гневливого, мерзкого внутреннего «я». К вечеру проглянул какой-то заблудший луч, любопытствуя ее делом. Были, несомненно, успокаивающие мысли: «подкрепление прибыло. Улицы под присмотром. Что ж, нужно сказать Леотар, чтобы приносила мне новые номера». Мечтала Афелиса о полном благополучии, совершенно не думая о своем. Помниться ей, желалось, чтобы каким-нибудь чудом совершенно забыть все, стереть из истории, все, что прожилося за последние годы; начать с новыми силами, в конце концов. Но чтобы получить их, нужен внутренний стимул, а не простое хотенье — жаль, что по щелчку пальцев ничего не выходило. «Интересно, как там в сумасшедших домах? В Гроунстене есть такой. Почему бы не поступить? Хотя бы для проверки? Может, и мозги прочистят от всякого мусора, помогут расположиться к новому, восстать, наконец, из мертвых».

Приходилось пересиливать себя: лень так и останется, а работа не сдвинется. Закончила она быстро и, не теряя ни минуты, пошла к Ангарету. Прежде чем уходить, она сказала ему не покидать комнату, чтобы не потеряться и не навлечь подозрений. Ничего опасного не случилось бы, но ей так спокойнее. Тем более, он послушался и пообещал дожждаться. Афелиса вскочила с места: ее тянуло к нему, от того скука настигала ее на каждом движении.

В комнату уже пробирались сумерки: становилась она узкой, стены сдавливались. Ангарет, зажигая свечу, закрыл за ней дверь. Повсюду стояла мистическая тишина, подпитываемая страхом. Да и он не сказал ни слова: стоял спиной к ней, поставил подсвечник с горящим огоньком, и зашторил окна.

— Так спокойнее.

— Ты не выходил никуда? — спросила Афелиса с беспокойством, — к тебе кто-то приходил?

— Приходила служанка с подносом. Сказала, что ей приказали подать мне ужин. Я сразу понял, что это от тебя. От кого же еще? Твои... — он замялся, подбирая слово, — помощники... не руководят ничем в замке?

— Нет. Да, ты голодный. У тебя есть деньги?

— Три золотых. Мне хватает в неделю. Да и хочу устроиться в издании. Хоть там буду

полезным. Не говори, пожалуйста, что не стоит. Я хочу, и буду работать, — он повернулся и продолжил серьезным тоном, — я не могу постоянно сидеть в замке, как в клетке. Даже рядом с тобой не могу быть. Ты работаешь целые дни. Мне нужно занять себя. Ты и не представляешь, насколько мучительно ходить здесь из угла в угол. Я не боюсь, нет... но, честно, ты меня запугиваешь.

— Запугиваю? Ангарет, не говори чушь. Я говорю тебе только правду. Кто, как не я, тебе расскажет, что сейчас происходит поблизости? И я делаю это, чтобы ты не пострадал.

— Я и так не страдаю. И давно уже не маленький ребенок, даже не юноша. Понимаешь, Афелиса? Если захочу, то вполне могу выйти в сад. В конце концов, я видел, как в нем вечером убивались. Может, пойдём? Какая здесь опасность? Я возьму подсвечник, и все... ты мне своими способами обезопасить меня делаешь только хуже. Уж извини, но сдерживать это не могут.

— Понимаю. Я все понимаю.

Афелиса уступила во многом, но настояла на одном — не брать свечу. Ее огонь был намного ярче и не представлял опасности. Если подует сильный ветер, он не потухнет, лишь исказится, но будет гореть. Они вышли на тропинку, которая длинными отступами вела к скамье на заднем дворе. Сад и вправду расчистили от мусора; Леотар отдала приказ, плюя на ее слова о том, что время не для этого. Пыли больше не было, ворота виднелись, маленькие кусты — из-за груды хлама разглядеть это было невозможно. Ангарет удивился голубому огню — непонимание вызывало то, как кожа ее еще не сгорела, нежели окрас. Он был далек от этого, как и любой человек, которого пугают незнакомые мелочи. Ночь стояла звездная: на темном полотне сверкали тысячи блесков — мелкие, но такие необъятные и огромные, что расстояние съедает их пугающие размеры.

— Как мы будем жить дальше? — Ангарет сел на скамью, опустив взгляд в землю, — что, если это никогда не пройдет? Я уже думаю, что Гроунстен — единственное место, где война бесконечна и не имеет никакой цели. Темные маги, да? Разве им это нужно? Они терпели и, видимо, приняли вас за слабых. Да, вы потерпели большие убытки, но от этого стали только сильнее. Особенно ты, Афелиса.

— Я? Мне не знать. Я не вижу себя со стороны, даже порой не слышу. Уж тебе виднее. А как жить дальше, — она, играясь с огнем, пожала плечами, — как и раньше. Но мы на своем месте — это главное. Ты всегда можешь поселиться в замке. Хоть сейчас забирай вещи, и поезжай сюда. Здесь если не все, но я тебе рада. Считай, что все остальное — пустота.

— Мне и не нужно чужое одобрение. Я хотел уже ехать к тебе. На остров и прибыл за тобой. Думаю о вопросе. Он слишком неправильный. Нельзя гадать.

— Ты тоже в это не веришь?

— Тоже? — он поднял голову, посмотрел на нее, — разве маги не увлекаются подобным? Извини, если не так думаю. Но всю жизнь считал именно так. Это ведь из одного разряда. Так ведь?

— Нет, Ангарет. Вовсе нет, — Афелиса усмехнулась, — этим занимались раньше чернокнижники. Но не мы. Они вершили будущим, так сказать, и то, от скуки. А обычные маги больше занимаются исцелением душ.

— И ты исцеляешь?

— Я — нет. Никогда не делала подобного. От того, наверное, что я недостаточно чиста, — она задумалась и вдруг протянула, — понимаешь... ночью так и хочется

откровения. Да и ты этого не знал. И надеюсь на тебя и твою верность.

— Не чиста? — он вновь повторил ее фразу, придвинулся ближе, — но почему? Разве ты не маг, Афелиса?

— Я маг. Но не тот, за кого меня принято считать. Если бы я была чистокровной чернокнижницей, то одни боги ведают, чтобы случилось со мной. История запутана. Женщина, которая воспитывала меня — Леотар, говорила, что мать моя была распутницей. Об этом и не хочется говорить, потому что я не знаю. Не могу верить, если не увижу собственными глазами. Эта моя грязь, — она запнулась, и после кивнула самой себе, — остается ничем по сравнению с целебной магией. Но тебе-то все равно. Для тебя должны быть все равны, если не смыслишь в деле.

— Совсем тебя не знаю, — он сложил руки в замок и, наклонившись к ней, заглянул в лицо, — интересно, что ты еще скрываешь? Я уверен, что есть еще что-то, просто это что-то становится ничем под сомнениями. Да, это дело меня не должно касаться. Ты такая, какая есть. Мне это безразлично. Я не разбираюсь в том, что вы знаете с самого раннего детства, даже не могу допустить мысли, что это может существовать. В чем-то охотники были правы...

Проговорил он задумчиво. Афелиса напряглась, пристально смотря на него.

— Вы и вправду не люди, — помолчав немного, он добавил, — вы нечто больше. Я не верю в богов. И никакого «но» здесь не будет. Думаю, что вы нечто среднее, как посланники. Конечно, вас будут исключать из-за совершенства. Обыкновенная зависть, с ней ничего не поделаешь. По крайней мере, в сказках вам бы досталась такая роль.

— Хочется жить в доброй сказке, особенно, если в ней есть вино, — улыбнувшись, она заговорила прежним, равнодушным тоном, — а у тебя его уже нет?

— Нет. Все выпили. Оно было некрепкое. Немного голова болела, но вскоре прошла.

— Я бы могла попросить кого-нибудь, чтобы принесли нам бутылку... но, к сожалению, ключ не у меня.

— А у кого же?

— У Леотар. Считай, она вроде экономки.

— Ты так доверяешь ей. Это и понятно, все-таки, она была вместо матери.

— У меня никто не был вместо нее, — твердо сказала Афелиса, — только воспитательницы. Они-то и любили меня, в них я не могла сомневаться. Тем более в обществе тех, кто хотел свергнуть меня с престола. По тем слухам, что я тебе говорила, я — простая ошибка, возможно, и человек, а не высший маг. Потому ко мне так относились. Многие и по сей день не могут принять мысль, что я должна быть правительницей.

— Но как? Ты спасла их, ты возродила целое государства. Как они могут оставаться неблагодарными?

— Потому что не все бывает так хорошо.

Ночь выдалась легкой — точно пушистое, черное облако, уносящее их в рассвет. Ненавязчивые разговоры питали радостью, им желалось растянуть этот момент, чтобы только не видеть приходящее солнце. Своим жаром и пылкостью, оно внушало, что все это не вечно, и приземляла обратно, на холодный, серый грунт, где их подхватывали не уходящие заботы. Ангарет настоял остаться в своей спальне: Афелиса возражать не стала и понимала, что связь их подорвана, и неизвестно, сколько времени уйдет на восстановление. Каждый из них старался избегать разговора об этом, как чумы. И невесть из-за чего — ясно было, что тепло давно развеялось в дыму, близость отдалилась, и разговоры, в которых они

допускали душевные признания, пропали. Все, что происходило в это время — самообман, и не более того. Они пытались успокоить самих себя, и так отчаянно рвались друг к другу, что не видели больше ничего, кроме отражения прошлого. Все переменялось, и ничего не вернуть. К этому Афелиса старалась привыкать, и не хотела совершать прежней ошибки: «никаких чувств, когда есть цель выше!» — говорила она себе.

Дружеские их посиделки только создавали тоску о прошлом. Но она не позволяла себе погружаться в фантазию, и настаивала на материальном. Леотар каждый день давала ей газеты, и они беседовали. Разногласия набирали обороты и кружились на краю срыва. Афелиса заставляла себя быть спокойной — так она совладала ситуацией и могла понимать ее вспыльчивость. Анариэль редко являлся в кабинет, одна забота о войсках дергала его нервы. Преодолевать большое расстояние он не хотел, поэтому отправлял письма с результатами. Границы столицы оставались нетронутыми, и нападений не было. По крайней мере, о них не доносили и не писали в статьях. Сыщик Як Тарлес приходил пару раз, чтобы сказать, что все пришло в прежнее русло. Общественное мнение оставалось непреклонным — чувство мести вынудило чернокнижников убивать. Вскоре Афелиса тоже поддержала эту теорию, вопреки тому, что искала скрытый мотив в их действиях.

Теневое правительство промышляло на западе, и не волновало Гроунстен; они обратили силы на восточные границы и уже готовили нашествие. Остров стал для них пустой землей — черти ее проели. Афелисе было безразлично, что бушевало в дальних странах. Еще бы, ведь, наконец-то наладилось умиротворение внутри Гроунстена. Рынок велся только с Блоквелом, или через него.

Афелиса воплотила все свои задумки, прислушиваясь к словам умершей Хакан. Она — единственная, кто ее наставлял на верный путь всю жизнь, и было бы подло поступать, не отблагодарив старушку. Диамет верила, что, пока помнит ее — Хакан жива. Но стоит ли полагаться лишь на свою память? Были Леотар и Анариэль, но они не были так привязаны к ней, оттого и чувства их не крепки. «Нужно рассказать кому-нибудь о ней, — думала порой Афелиса, — чтобы память не угасала. Хакан не может исчезнуть, как простой человек. Она — великое благословение, что далось свыше. Ей нужен покой, но Хакан не хотела, чтобы я забывала о ней. Да и правильно ли это будет? Умру я, умрет и она. Позже не станет тех, кто помнил и чтит меня — тогда точно конец. Кому рассказать? Кому это нужно? Ангарет забудет о ней, да и не нужно ему это вовсе...». Речь о ней она оставляла при себе. Отчасти, Афелиса соврала Ангарету; никто не был ей матерью, ведь никто не умел совмещать в себе несколько ролей. Тогда пришла мысль о том, чтобы сохранить воспоминания о ней на бумаге. «Рукописи не горят, ведь так?» — да так всполошила ее эта идея, что проложило начало написания ее биографических сведений. Если бы она не была настолько значимой фигурой для общества, то Афелиса не стала бы и думать об этом.

Это были их и давние беседы, и речь о Хакан ведется непрерывно, будто она сама излагала о своей жизни в повести, обращаясь ко всем ближним и покоившимся наставникам. Пусть и запечатлена там только в ее юные годы, по которым плакала она тогда, перед смертью, но Афелиса знала, что они — самое ценное и дорогое, что было у нее. Тогда сложилось все прекрасное в ее мире. В ее особенном, тихом уголке, где качала и ласкала она на руках маленькую Афелису, еще молодая и расцветшая. Диамет была для нее отдушиной — ангелом, по частичкам забиравшем ее одиночество. Рукопись подправлялась: иногда Афелиса вспоминала то, что долго было случиться между строк. Никто не вмешивался, потому только, что не знали: сохранение ее молодых лет на бумаге стало вечерним

занятием. Ангарет не понимал, да и вряд ли мог посочувствовать вполне: ни один человек не может знать точно, что происходит в сердце другого. Сочувствие — лишь этическая норма, и не каждый ближний способен проникнуться в трагедию любимого человека, если она его не затрагивала. Кто-то обязан быть сильным, и не поддаваться тревогам, исходящим из душевного состояния любимого, но никак не от его беды. Тогда это переживание и разрастается в личную проблему, и сильный сшибается с ног.

Ангарет был рядом — она ощущала его тепло, его присутствие, и этого было достаточно для легкого успокоения. Всякие важные вещи, которые обдумываются долгое время, заставляют человека напрягаться и натягивать нервы, частенько разрешаются, как бы невзначай. Случайности — то, в чем нуждается каждый. Афелиса убедилась в этом и, заглядывая в прошлое через плечо, лишь усмехнулась страху. Он остался позади и больше не волновал.

Все свершалось плавно. Иногда течение времени заносило ее в ураган, захлестывая другими заботами.

— Ты знаешь, что случилось с остальными твоими знакомыми? — спросила Розалинда, как только вышли они на улицу, — и пишете ли вы письма друг другу?

— Нет, да и не хочется. Прошое хочется забыть, и, желательно, оставить там и хорошее. Знаю, кого ты имеешь в виду. Амери ведь, да? Недавно он отправил мне письмо и, как показалось, прощальное. Уж не знаю, что он может сотворить с собой. Да и читал я на ходу. Времени не хватало. И думаю, писать ли ответ... — спустя недолгое молчание, он продолжил, — все эти его любовные интриги и долги окончательно сделали из него черти что. Впрочем, прочитай, если интересуешься. Ничего личного, так сказать, нет.

Он потянулся к карману и вынул из него распечатанный конверт. Розалинда остановилась и, вертя его в руке, сказала с улыбкой:

— Ты его носишь с собой. Неужели так уж и не значимо для тебя, раз уж совсем позабыл?

— Я говорю, мне было не до этого. Да и настроение было не для того, чтобы его черканья разбирать.

Наступило чистое молчание. Она кивнула и, расправив лист, принялась читать. Чернила в некоторых местах были размазаны, линии то тонкие, то толстые. Иногда перечеркнутые, так что Розалинда полностью убедилась, кто писал:

«Все эти чувствительные подробности тебя не касаются, да. Если уж написал ответ, то, значит, помнишь еще обо мне. Как знаешь, как знаешь, Филя...

Он объявил мне дуэль. Приставил я дуло ко лбу, и он как начал кричать, точно я резал его. Ну, тут-то вру тебе, вру. На самом деле, я его как-то невзначай оскорбил (и сам не понимаю, как), и он обиделся на правду. Что ж поделать, я не унижал его, просто он мерзко выглядит. Неженки они такие. Да что интересно, мы статуса разного. Он — из какой-то тайги вылез, а я — из благородного семейства. Я уж было хотел Он меня вынудил. А ты понимаешь, что не хорошее это дело. И не зря отговаривал. Но ты, дорогой мой Филя, не был внутри обстоятельств.

Причин... ты спросишь, из-за чего? А я и не понял! Мне самому-то не ясно, что уж там тебе говорить. Из-за этого «оскорбления», черт его дери, я не хотел показаться каким-нибудь мальчишкой. Дело известное — я не стал избегать. Раз уж постреляться хочет, ну и пусть. Ему же в могилу. А я не хотел убивать, честное слово. Так, из-за страха...

Только тебе и признаюсь. А зачем это? И почему? А затем и потому, что чувствую, что другом стал! Смейся, смейся, уже представляю, как ты корчишься, читая это. Вот такая смешная правда, а мне не до шуток. Больше не упрекнешь меня в долгу! Все отдал! Карманы мои пусты! Сердце у тебя велико, ты поймешь меня. Я долго был лгуном. Конечно, не воспринимал всерьез твои намерения, но ты тогда ведь совсем ребенком был! Сейчас тебе двадцать, двадцать один? Пора юности! Поумнел, стал солиднее. А я, кажется, с возрастом только глупею, от того, что тебя не послушал.

Считай, что это что-то вроде душевного излияния. Уж слишком приторно звучит, да и мне не подходит, но... так я завершаю нашу с тобой историю. И начинаю новую! Думал, так отвяжешься от меня, переплыв океан? Ну, посмотрим, посмотрим. Время покажет. А что о нем — его у нас много. Я был бы и не прочь с Розалиндой увидится. Уже как год не встречаюсь с вами. Дела, дела... от них точно не сбежать.

Пить я не бросил. Стараюсь, но дается с трудом. Конечно, делаю это только для своего блага, а не ради окружающих! Не хочется пропить жизнь, сидя в кабаках да в борделях — вход для меня туда тоже закрыт. Я слишком развязал себя, что, не успею и моргнуть, как в больничной койке окажусь и помнить себя не буду. Впрочем, были у меня и дамы сердца... и дамы на ночь. Я и тогда, когда был юношей, понимал, что долгие отношения с человеком мне не нужны. И не для этого я создан. И в любви никогда не признавался; был любимым, но не любим. Самое тягостное чувство — знать то, что по тебе плачет чья-то невинная душа, и выжимать из себя сочувствие. Тогда и происходит осознание сотворения настоящей беды. У меня случилось такое в этом году. Бедную девчущку растоптал, да и подло из-за этого внутри. Именно от этого действия, а не от того, что она оставалась с разбитыми мечтами.

Вот такая вот история. Никому я ее не форсил, разве что тебе. Ну, это так. Дружеские сплетни.

Тугодум стучится головой о стену, что бросит! И уже начал! Ты, наверное, Филенька, думаешь, что я не трезвый пишу. И ошибешься. Со мной попросту случился прилив радости, что захотелось писать тебе.

Кому же еще? Ты лишь один у меня такой — упрямый, как баран, язвительный, как змея, вспыльчивый порой, как ребенок, у которого отобрали конфету, такой недоступный и «аристократ», что хочется придушить. Убить, или пулю в лоб пустить. Но это так, это проходит быстро. Зато какой же ты обаятельный и обожательный, как полевой цветок! Мне самому мерзко перечитывать все эти сравнения (но если так написал, не обдумывая, значит, так надо!), но ты меня поймешь. Ты постоянно понимаешь меня. А как же, мы с тобой друзья. Возможно, ты отрицаешь этого, потому что преследовал свои цели, но мне как-то все равно. Плевать, что ты использовал меня так мерзко, я тоже эти дела проворачивал. Мы спасали друг друга, столько времени провели, столько наговорили...

...Лишнего.

Я недостаточно извинился, признаю. Но, что же ты такое, чтобы на глупости обижаться? Хочу, чтобы ты отпустил все обиды и написал непременно ответ! А там уж, как получится.

Тогда я буду знать, что мой учитель еще не отрекся от меня. Филя, ты действительно образумил меня, и я не могу остаться не благодарным.

И ее образумишь.

А. Х».

Читать пришлось долго: многое ускользало из глаз, особенно то, что было написано на

крае. «Для чего это? — думала Розалинда, переминаясь с ноги на ноги, — неужели Амери настолько переполнен мыслями, что не успевают все обдумать и писать?». Письмо показалось ей трогательным, особенно те строки, что он говорит о их дружбе. Филген еще не читал, а может и уловил пару бессвязных фраз, поэтому не придавал значения, считая за бред пьяницы. Но что он скажет теперь? Совершенно другой человек, переменявший взгляды на многие вещи? «Мне не нужно было читать это. Он доверяет мне, но тут то, что нужно знать только ему. Можно сказать, признание. Что же сказать Филгену? Чтобы он не откладывал его надолго? Или заставить писать ответ?». Вопросы крутились, перемалывались, что Розалинда потеряла связь с действительностью. Услышав оклик, она потупилась, делая вид, что раздумывает и повернулась к нему:

— Тебе необходимо это прочитать.

Ярко ударила она на необходимо.

— Может быть, потом. Сейчас куда важное дело. Даже Ширан оставила нас. Мы не можем его упустить. Пошли уже, Розалинда.

Было видно, что Филген отчаянно скачет от темы. Пугало его не само письмо, а то, что оно от Амери. Никаких ссор не возникло, и такое поведение Розалинде показалось странным. Хоть он и казался ей потерянным человеком, но она не сдвинулась с места, и настойчиво на него посмотрела:

— Обещай, что ответишь ему. Непременно тогда, когда мы вернемся. И будь искренним, ничего не скрывай.

Сложенное письмо Розалинда запихнула в карман сумки. Все же тотчас доверие пошатнулось: Филген мог сотворить с этим листом все, что угодно, из-за злости или каприза, не прочитав и строчки. На ее просьбу он ничего не сказал. Взял под руку и повел за двор.

Тот день и вправду был особенным: они принесли за собой карнавал. Люди лихорадочно толпились в узких улицах, тянули шеи, пытаясь рассмотреть то, что происходило на площади. Всех гнал с коробок теплый летний ветер, несущий за собой аромат вафель, посыпанных сладкой пудрой, пряников — все это разносилось на подносах. Такие шествия до сих пор оставались многим в диковинку: некоторые, угрюмо впившись взглядом в пряности, облизывались, но все равно стояли на месте, не в силах противиться упрямости. То был народ робких — большая часть всего Гроунстена. То и огорчало и напоминало о пережитках прошлых темных годов. Пусть в это время ничто не угрожало им так сильно им, как будущее, но иные все еще допускали мысль, что на солнце нагрянут тучи. Вдоль домов развешено белье, спутавшееся в воздухе с разноцветными лентами. Из-за всех сторон пели песни: голоса сливались воедино, даже стражники улыбались, стоя рядами у входа домов. Муравейник этот стекал к самому ядру города. Замок обступили, прыгали, пытаясь выглянуть из забора то, что происходит в саду. В каждом проходящем чувствовалось волнение, плачущая радость, скорбь о том, что их ближние не дожили до того дня, когда огненный шар засияет над их городами и прогремят слова свободы. Любо было всматриваться в черты мучеников: на их лицах все еще чернело отчаяние, отрицание надежды и немой возглас: «неправда!».

Все они терпели самообман, наложенный тяжелым воспоминанием. Люди сотканы из горечей, страданий, и это мгновение, которое к завтрашнему дню многие забудут, было маленьким проблеском светлого будущего. В небе кружили визитки, ткань, голубой огонь доставал до самых крыш. Дети были все еще не способны на развлечение — они видели в

каждой искре подвох, и представляли, как спустя минуту пламя вспыхнет в настоящий пожар. Пытались сотворить его на своих ладонях: напрягали пальцы, прерывисто дышали, старались отдать силы ладоням — ничего не выходило. Никто не плакал, потому что знали, что запретно. Во времена нападений всплыло известное всем правило: молчание прогонит смерть. Так и было. Чернокнижники вламывались в дома, из которых кричали и плакали дети, а те, кто молчал — принял великое благословение свыше. Никто и не знает, когда пропадут запреты, когда их признают за людей. Все это вилось в мечтах и во снах, и особо романтичные верили, что он наступает сейчас — мир наступает, а они, ослепленные прошлыми бедами, не открывают глаза!

Розалинда заглядывалась на сладкие прилавки, хоть и не была любительницей шоколада. Все сооружения выглядели волшебно, точно выскользнули из умелых рук феи и держат в себе заклинание счастья. За вымытыми витринами рождалось кулинарное искусство: смешивались ингредиенты, заваривались, настаивались, приправлялись специями. Смотреть на это удавалось только с восхищением — откуда среди серой массы берутся такие умельцы? Филген, видя, как она застыла на тротуаре, спросил:

— Хочешь что-нибудь взять? Только нужно есть быстро, а то потечет.

— Нет. Я просто смотрю. Только не говори, что мне жалко денег. Нет. Не очень люблю шоколад, но то, как те девушки его делают — красота! — воскликнула она, уступая дорогу проходящим людям, — там дальше, наверное, есть что-то еще удивительнее! Не понимаю, почему Ширан оставила нас и пошла в совершенно в другую сторону? Неужели это не прекрасно? Находиться здесь — такое успокоение после пережитого стресса.

— Мне кажется, она пошла другой дорогой. У нее появились друзья, и ей ценнее провести время с ними, чем метаться в толпе.

— Да, друзья. Никому она не говорит про них, но, правда, что тут такого?

— Может, из-за страха обидеть тебя.

— Странно, что она все еще думает, что я осталась такой... девочкой не от мира сего. Это меня научило никому не говорить о своем прошлом. И сегодня такой день, когда с ним нужно распрощаться!

Преодолевая улицы, Розалинда крепко сжала руку Филгена, озираясь по сторонам. Замок уже виднелся, только яркие лучи слепили, размывая черные выси. Пришлось срезать — дальше и просвету не было, а ей хотелось видеть Афелису и, наконец, исполнить то, за чем она сюда и прибыла. Волнение подкашивало ноги: Розалинда не знала, какого это видеть спустя долгое расставание близкого человека. Если Афелиса сильно изменилась, и она не узнает в ней прежних черт? Если ей не удастся к ней пробраться? Ведь, рядом наверняка будут стражники. Кто пропустит к правительнице обычную девчущку? Только если по повелению ее Величества, но Розалинда сомневалась, что она узнает ее. «Я и вправду стала другой. Я повзрослела. Отстригла волосы, да и слегка пополнела. Тем более не выгляжу, как беглянка из сумасшедшего дома. Или выгляжу? Филген не ответит честно. Нужно всегда такие вещи у незнакомцев спрашивать. Ну, раз не смотрят, то не сумасшедшая. Значит, никаких надежд уже нет. Только мечта».

Точного времени никто не знал. Говорили, что, наконец-то, провозгласят планы на этот год, и народ взглянет на высших магов, так долго скрывавшихся. Филген с трудом понимал, кто это такие и до сих пор воспринимал их, как богов.

— Я правда не понимаю, Розалинда. Они спасли вас, дали надежду, исполнили ее — почему бы и не быть им божествами? Они действительно, вы их видите. И я впервые увижу.

Все же, не случайно они становятся именно высшими...

— Конечно не случайно! Я, правда, тоже не знаю подробностей. Да и откуда? Я не читала никаких древних книг. Простые сочинения, и то не успела дочитать. Хотя сумела припрятать одну книжечку...

— Рассказы о магии, да?

Розалинда умолчала. Она все еще помнила о страницах, исполняющих желания. Было бы глупо, если бы она не воспользовалась ею, но, к сожалению, желания она исполняет те, что влияют лишь на человека, загадавшего. «Так бы я давно уже вернула к себе Афелису и заставила бы ее жить со мной. Фантазия странная, но в моих тогдашних мыслях происходили именно такие сцены. Да и что это я мелочусь? Избавилась бы от войны! Или повернула бы время вспять и лишила бы Афелису ее мотивов. Здорово, только никто, кроме меня, не поймет...». Филген потребовал бы ответа, но в стороне загремела музыка: юноши отплясывали в такт барабанам, стучали каблуками, и взглядом кокетничали со зрительницами. Розалинде напомнило это о ее побеге, только тогда обстоятельства были не такими радостными.

Все искрились счастьем: куда не посмотришь, люди занимались своим делом. Трудно и представить, что эти умельцы вытворяли заперти, и сколько времени утекло мимо них. Народ вставал в круги, а посередине пустого места — танцовщицы с пышными веерами.

— Посмотри, что творится на улице! Ты никогда не видела такого! Чего боишься? — Элид обернулся к Илекс с недовольным взглядом, — хватит уже глаза себе напрягать. На природу, на воздух свежий тебе нужно. Сегодня день такой, а она даже из окна посмотреть не хочет! Сейчас мы пойдем вместе, пока ничего не началось.

— Пойду, пойду... — тон у нее был вымученный, — только не кричи, прошу.

Илекс едва ли успела вернуться в спальню — уставшая и довольная, как у окна ее стояла вытянувшаяся тень — Элид, подарив ей улыбку, подхватил на руки и закружил, хохоча. После этого она избегала его глаз, рассеянно катая смятую бумагу по столу. В мыслях ее гулял вязкий дым. Запереться — единственный способ избавиться от бед. Так думала Илекс, и лишь изредка пускала его к себе. Никто и не знал, что с ней происходило — он полагал, что ее переживания не ушли с того момента, как кошмары к ней стали являться постоянным гостем. Заботы, ласка, улыбки — все проходило мимо. Илекс, несмотря на радость, бурлящую за стенами, оставалась такой же унылой, скорбевшей о прошлом, девочкой. «Неужели она все еще смерть переживает? Ну умерла мать, умерла... бывает. Тем более, какая же она мать после всего? Только злодейка, никак иначе, — думал Элид, молча прохаживаясь вдоль комнаты, — как клоун перед ней. Зато следуя рекомендациям Анариэля. Значит, не пропаду. Она уже, вот, впускает меня. Да и улыбалась, пусть и немного, но все же...».

— Ты не знаешь, сколько там вкусовостей! Я уже побывал у Афелисы. Ее там готовят, наряжают. Ты тоже придется и платочек свой не забудь. Ты раньше любила его. Что случилось?

— В нем стало жарко. Да и надевала я его, чтобы волосы не мешали во время работы. Но на люди мне не любо без него выходить, — с усилием в голосе проговорила она, — скажи мне, Элид...

Илекс не продолжила. Он насторожился, безмолвно ликуя, что она хотела чем-то поинтересоваться у него — именно у него! Пусть и вопросы могли быть разные, но разве это

имело значение, когда Илекс проявила внимание?

— Что? Что, Илекс? Не томи!

— Где твой друг? — сухо спросила она, даже не посмотрев.

— А ты об Арсенте? Помню, как представлял его тебе... а зачем тебе он? Или ты с ним подружиться хочешь? Он парень хороший, пусть иногда и занудливый, как и ты, — сказал он шутливо, — я могу найти его и позвать. Недалеко живет, совсем близко. Надо дорогу перейти, и вот его дом. Отсюда, правда, не видно. В другой стороне, — Элид снова взглянул в окно, — зато забор видать, через который мы пролезали. Да и он бы не прочь с тобой поговорить. Только робеть будет.

— Да нет же! — воскликнула Илекс, поднимаясь со стула, — не нужен он мне!

— Тогда зачем? Илекс, я правда не понимаю... — проговорил Элид в испуге, с непониманием вглядываясь в ее покрасневшее лицо.

Впервые он мог видеть, спустя столько времени, как черты ее искривляются в эмоциях. Она стояла, как и всегда, сжав ладони в кулак, точно готова напасть, и через сильную злобу в глазах пробивались робкие, жертвенные слезы. Элид не рассмотрел этого: из-за его движения штора всполохнулась и создала тень. Илекс дико и неподвижно смотрела на него, как бы не узнавая. А он уж точно призвал словами другую Илекс — приниженную, стыдящуюся, смиренно выжидающую нужного мгновения, чтобы выплеснуть из себя все раздражение. Бесконечное страдание лепетало в ней.

— Напротив! — крикнула она, размеренным шагом подходя к нему, — не нужен мне он! Это он виноват, он появился и... все испортил! Но ты тоже не невинный. Думаешь, я проста, как заключенная, сижу здесь? Просто потому что захотелось? Нет. Этого никогда не было! Да, я вытворяю глупые вещи, и, наверное, из-за этого ты перестал проводить время со мной. Но ты мог сказать, что не так. И я бы... — Илекс всхлипнула, потерла кулаком щеку и вновь начала, — я бы исправилась. Скажи прямо сейчас, сейчас нас никто не слышит. И этот твой Арсент. Он не в замке. Мы одни. И на самом деле я рада тому, что ты пришел. Нет, нет... ты не поймешь меня. Я не должна была... теперь ты убедишься, что ума мне не отбавлять. Но не могу совладать с собой! Элид, почему так?..

Тон ее все опускался, звуки размазывались, перемешивались со всхлипами. Она остановилась, стыдливо опустила голову и так затихла, что и дыхание ее было едва ли слышно. Элид же не понимал, что следовало делать — успокоить? Но что случится, если возникнет ошибка? Разве она простит его? Не знал он так же ее чувств — ей обидно, она сердится, или ревнует? Последнее предположение было невозможным: он убедит себя в этом. Но, все же, где его провинность? Да, виноват, что не ходил к ней так часто, был увлечен походами с Арсентом, но она могла всегда пойти с нами вместе и не лить слезы в одиночестве. «Сложно... — подумалось ему, — и что делать? Расспросить? Нужно помириться. Сегодня не тот день, когда нужно распускать обиды».

— Почему ты считаешь это чем-то глупым? — ласково спросил он, не двигаясь с места.

— Потому что хорошие друзья так не поступают. А я, как какая-то хозяйка... или собственница. Впрочем, забудь, забудь, — сложив руки на груди, она отвернулась, — я не вправе запрещать тебе что-то. Не обращай внимание на мои капризы. Они не стоят ничего...

— Ну уж нет. На твои капризы я не могу не обращать внимание.

— Тогда не приходи сюда больше, — с обидой пробормотала Илекс, — не волнуйся. Я посмотрю, что там происходит.

— А вообще, это как-то неправильно! Я пришел за тобой, чтобы сходить на карнавал, а

ты тут что-то строишь. Говоришь, что я времени тебе не уделяю тогда, когда хочу взять с собой! Что это такое, Илекс? Хватит обижаться. Ты можешь ходить с нами, хоть всегда. И никогда я не забывал о тебе... это все твои выдумки.

Она что-то буркнула и, растирая слезы по щекам, не спешила оборачиваться. Элид стоял бессильным — ни одной мысли не было, как извиниться, ведь он не вполне понимал ее обиду. «Зачем ревновать друзей? Я много с кем общаюсь, и они тоже. Все в порядке. Это опять напридумала проблем. Наверное, скучно стало». Тут-то ему вспомнились слова Анариэля — нужно оставить Илекс наедине, когда станет ей плохо. То и хотел сделать; прошел к двери, и, дернув ручку, осторожно сказал:

— Побудь одна. Позлись, покричи на меня, если не можешь при мне. Я буду рядом, и ты можешь прийти, когда хочешь.

В ту минуту он как-то вдруг стал беспокоен, неожиданная мысль пронзила его: если что-то случится? «Нет! — кричал рассудок, — она не способна. Она не может. Но она в праве...». Дверь затворилась. Последнее, что показалось из щели — ее горькое раздражение, с таким отчаянием во взгляде. И руки ее опустились. Напряжение, видимо, отлегло. Странный тот был день. Снаружи — пляски, веселье, хохот, а внутри замка — многовековое уныние, будто заброшенного дома. Свет еле проникал сквозь задернутые шторы. Поспешно Элид пошел к лестнице, но у самих ступеней остановился. Вдруг Илекс будет искать его? Встревоженно он стал прислушиваться — ничего. Не найдя ни одного шороха, Элид брел из угла в угол, глядя на ее дверь. Из нее ни одного звука. «Неужели Илекс так упрямится? Или не стоило мне было уходить? Может, ей стало только хуже? Если я ей понадоблюсь, то придет ко мне в спальню. Там ее, что ли, подождать? Но это совсем в другом крыле. Я не услышу ее». Но возвращаться, идти в свою комнату не хотелось.

Он стоял в задумчивости, заглядывая то на лестницу, то в окно. «Интересно, все уже там?». Из толпы не выглядывал никто, о ком он подумал. Минутная стрелка медленно двигалась — уже минуло пятнадцать минут, а ее все нет. «И вправду, может, посмотреть, чем она занята? Да, нужно, нужно...». Это слово «нужно» он вторил себе весь коридор, пока не заметил приоткрытую щель. Проглянула ее ладонь, затем щека. Заметив, что Элид идет к ней, Илекс вздрогнула, хотела закрыть дверь, но остановилась — распахнула ее и вылетела, будто испуганная.

В один миг она схватила его, повела вперед, отшагнула и с необычной жалостью обхватила спину. Мучительный жар исходил от нее: Элид тяжело вздохнул и едва ли смог отстраниться. Илекс глядела на него внимательно, не спеша; потом медленно взяла за руку и повела к лестнице.

— Все-таки, недолго ты продержалась, да? — сказал он с усмешкой, избавляясь от тревоги, — даже полчаса не прошло, как ты уже обниматься лезешь. Эх, Илекс, Илекс...

— Молчи, пожалуйста. Я успела все обдумать. Прошу, не напоминай больше! — вскричала она, но тут же снизила тон, — я успела все обдумать. Да, нечего было обижаться. К тому же, нельзя пропускать такое событие.

— Все же признаешь, что я был прав? — лукаво спросил он.

— Да. В этот раз да, — улыбнувшись, Илекс шагнула по ступеням.

К площади прибыл оркестр: флейты, трубы и барабан — идет за ними, наигрывая марш. Вокруг колон бегают ребяташки, подпирая с земли ленты. Они мотали их вокруг шеи, ног и резвились, толкаясь с черными фигурами. Они смыкали ряды — словно тучи на ясном небе.

Они, хоть и не верили в происходящее вполне, были участниками карнавала: так же обсматривали витрины, нарядных юношей, и ожидали выхода высших магов. Все и собралось в тесной площади, ради них — ради спасения и освобождения. Никаких часов не было — и не поймешь, сколько времени прошло. Кажется, больше часа, и народ лишь набирался весельем, выпивал, и нигде не кричали, не дрались — по крайней мере, Розалинда не заставляла этого.

Пробираясь через толпу, они настигли ворот замка. Конечно, без ругательств не обошлось — тогда ее представления переменились. Темные кирпичи, расцветший сад, пыльная дорога, ограждённая стражниками. Они сверлили оценивающим злобным взглядом, как люди, опасющиеся за территорию. Осторожным жестом подзывает тех, кто оставил после себя на дороге фантики, разорванные ленты. Дети, на удивление, ни разу не противившись, даже из-за каприза, подбираюь весь мусор и стыдливо отворачиваются. Родители придерживали их за плечи, подпрыгивали, чтобы застать момент, когда ворота отворяться. Все ожидали, томились, потели, у всех была одна цель, сближавшая их. Шепот стихал с каждой минутой; промелькнуло ощущение скорого начала. Каждый робел, и это чувствовалось — ауры дрожали, ослабевали, и, неподготовленному бы стеснило душу от стольких вибраций. Розалинда держалась, вопреки здоровью.

Все то время укрепило ее, но давало поводы пошатнуться. Филген ничего не ощущал и тоже пребывал в волнительном предвкушении. Никакие слова не лезли, и он даже удивлялся, как люди вокруг могли что-то обсуждать. «Все говорят о каком-то корабле, — раздумывала Розалинда, поправляя прядь, — неужели то, что случилось там, похоже на то, что будет сейчас? Или гораздо масштабнее? Хотелось бы мне присутствовать на возрождении рубина, но я бы, наверное, все силы тогда потеряла. Уж много бы из меня он высосал».

Дыхание передернуло, когда раздались шаги — двое мужчин в фуражках и черных мундирах отворили ворота, встали по сторонам. В то мгновение всякий шум затих: дети, точно приговоренные к смерти, вытянулись, смотрели на стражников, восхищенно и вдохновлено. Розалинда, всполошившись, вытянула голову, и с замиранием сердца прислушалась: идут! «Афелиса... я сейчас увижу ее. Спустя столько лет! Но узнает ли она меня? Нет, нет... она не посмотрит на толпу. Я буду задавлена другими. Но обязательно заставлю обстоятельства повернуться на мой лад! — она захлебнулась этой мыслью, и больше не могла избавиться от нее.»

— Вот, вот, идут... — прошептала женщина вблизи, прикрываясь какой-то тряпкой.

Розалинда обернулась на нее, но пожалела. Отвлекшись на мгновение, она пропустила, как в глазах народ заискрилось непосильное удивление — точно божество увидели. Розалинда сама не помнила себя в этот момент: что чувствовала? О чем думала? Что, наконец, увидела впервые? Все смешалось в неурядицу, однако, это и не важно было, когда там, совсем недалеко, не за тысячами земель, родная и величественная — Афелиса. Зачарованный взгляд ее скользил лишь по ней, остальное стерлось, и, сцена эта вызвала лишь унижение, и ничего более сильного него не было. Розалинда побледнела, теребя волосы, глаза ее сверкали, и сердце стучало так быстро, что проговорить ни слова не смогла. Да и надо ли? Ею нужно только любоваться и лить слезы по упущенному времени. Сколько сражений отпечаталось на ее лице? Розалинда могла лишь догадываться — Афелиса шла настолько близко и медленно, что она смогла рассмотреть тонкие шрамы на подбородке, и вот-вот они будут съедены кожей, скулы, щеки — безжалостные удары уже стирались, но, вопреки тому, смотреть на них становилось все больней. Волосы — раньше они были

скручены в взлохмаченный хвост, теперь, точно срубленные, покоились на плечах. Все те изменения, что потерпела давешняя Афелиса, сделали из нее совершенно другого человека.

Розалинда поежилась от прямого, холодного взгляда. Нет, она вовсе не озиралась и была словно не рада карнавалу. «Неужели... неужели ничего не осталось? Я... — тяжелый выдох, — нет, нет, нет! Черт с ним, и со всеми! Я должна попытаться, когда нагрянет момент! Или же... да я умру! Когда еще, если не сейчас? Мы будем счастливы, счастливы вместе...». Но нужна ли была ей компания давней знакомой? Тем более беженки из приюта? Это оскорбление, унижение! Именно так считала Розалинда, тоскливо взглядываясь в ее текшую по полу мантию.

Музыка еще звучала, размывала голоса. Когда прошли мимо остальные высшие маги — Анариэль и Леотар, гомон стал только сильнее:

— Тот самый, да? Да, эта мантия! С брошью! — прошептал кто-то волнительно.

— Не ошибаетесь ли? Кажется, не она. Та была более темнее.

— Она, она! Ты не взглядывалась, а спала! Я на ногах стоял. Говорю же, ее Величество надела ту же мантию, что была на ней в день возрождения!

«Возрождение?.. — пронеслось в ней на секунду». Далеко не это было главным — а то, что перед ней прошло ее счастье. Пусть и леденящее и угрюмое, но принесшее страдание — ведь каждая радость доставляет за собой муку.

Карнавал, впрочем, тоже пролетел мимо, не успела она и моргнуть. Филген все пытался увести ее куда-то, манил каким-то действием, а она упрямылась — все следовала за Афелисой, но робела. Беда ее была велика всего этого праздника — как же заговорить? Обнять? Равнодушно приветствовать?

Кто-то разъярённый визжит, как недорезанная свинья. Люди медленно, с расстановкой обступают мужчину — два человека, схватив его за руки, увели в толпу. Он бранит в досаде, бранится. Позже раздался грохот — сумасшедший пнул дверь, да так, что петли задрожали. «Нужно действовать сейчас. Непременно. Вот уже люди собираются, уходят. А я еще не поговорила с Афелисой... если упущу, то себя не прощу». Розалинде пришлось оставить Филгена и пробегать через охлажденный пыл незнакомца. От возвышения неспешно отходили люди, некоторые — подходили с просьбами, кланялись, сопровождаемые стражниками. Теперь вопрос был другой, более приближенный — как же обратиться? И как вывести Афелису на личный разговор? Слушателей не хотелось, тем более, таких высокопочтенных лиц. Оставалось лишь идти напрямую и предаться чувствам во все обозрение — другого не было.

Она дрожит, но горячо на нее накатывает гордость за свою спасительницу. Вставая в скудный ряд, Розалинда обсмотрела людей — выходцы из деревень. Они-то и собрались все здесь ради приема. Впрочем, разговаривали и с Анариэлем и Леотар. У Афелисы народу меньше, оно и понятно — все же, Розалинда наслушалась об ее жестокости и опасности жителей. Каждый видел в ней героя, но с большими промахами: и все они цеплялись за мелочи, до того не очевидные, что, кажется, подозрение вывело их окунуться в словесное болото. «Я не могу верить. Не хочу верить. Афелиса осталась такой же... я чувствую это, — стыдливый ее взгляд опустил, когда впереди нее оставалась лишь одна компания, — сейчас я поговорю с ней. Возможно, все дойдет до того, что выпрошу личный прием. Но, кажется, мои запросы слишком далеки от действительности».

Толпа эта — целое семейство. Жители так и подходили к возвышению, и только один интересовался. Для них это волнительный момент, несомненно, может, даже больше, чем

для Розалинды. Но сравнивать она не могла, как и смотреть на них. И вот, они, люди, откланялись. Молниеносное мгновение, когда и подумать не успеваешь, а все обдуманное ускользает из мыслей, и ни одного звука из горла не лезет — подлое, но незабываемое. Афелиса так и стояла, сложив руки за спину; уголки губ ее вздрагивали, брови хмурились. Взглянула она куда-то в сторону с видом уставшим и утомленным до крайности. Да так, что поначалу не заметила Розалинду, будто вкопанную в землю. Это был замечательный случай решимости: у пропасти было тогда все, все... она делает шаг, такой невесомый, отбрасываемый все муки прошлого, и, совершенно отличимая от той, что стояла, не дыша, и ждала чудного мгновения, сложила ладони вместе и согнулась в глубоком поклоне.

Не существовало ничего, кроме них. Никаких взглядов, криков, все это — навязчивые ужасы. А что, если бы Розалинда упала тогда духом, если бы не посмела решиться?.. То лишилась бы стольких лет, потраченных в пустую. Так не должно было быть. Она не могла видеть ее лицо в тот момент, да и не хотелось. Имя вертелось на языке и, наконец, сорвалось:

— Афелиса...

Надежда сбылась, следовательно — смысла больше нет.

Завтра всему придет конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net